UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324716 0

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакціею и съ біографическимъ очеркомъ
П. В. Быкова и съ приложеніемъ портрета
К. М. Станюковича.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1907.

PG
3470
S75
1906
t.7

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

1877 г.

Макаръ Ивановичъ.

I.

— Перешли Дунай?..

Вотъ единственный вопросъ, который не сходилъ съ устъ нетерпѣливаго обывателя добраго города Петербурга, едва прошла недѣля-другая съ тѣхъ поръ, какъ — выражаясь языкомъ передовыхъ статей — «роковое слово было произнесено».

— Господа, не торопитесь! Ахъ, не торопитесь, пожалуйста, господа! Такъ скоро никакъ невозможно даже и на войнѣ. «Постепенное, но неуклонное шествіе впередъ» даетъ одинаково хорошіе результаты какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Не торопитесь... Дайте срокъ. Не только перейдемъ Дунай и перешагнемъ Балканы, но и вторично послѣ Святослава прибьемъ щитъ къ вратамъ Царьграда (нынче «Константинополь» слѣдуетъ упразднить, а называть его Царьградомъ) на зло гордому Альбіону и коварной Австріи.

Такъ, или почти такъ, только нѣсколько длиннѣе и болѣе крупнымъ шрифтомъ, усовѣщевали, съ любезностью цивилизованнаго городового, нетерпѣливую публику наши «руководители» ежедневной печати, наскоро повторяя въ то же время географію Балканскаго полуострова и Малой Азіи и снаряжая на всѣ театры войны самыхъ опытныхъ, самыхъ испытанныхъ, самыхъ спеціальныхъ корреспондентовъ.

Но публика все-таки торопилась какъ можно скорѣе прочитать нѣчто въ родѣ памятнаго суворовскаго бюллетеня Екатеринѣ II:

... Слава Богу, слава вамъ,
Туртукай взятъ, и я тамъ!—

и стала усиленно покупать карты театровъ военныхъ дѣйствій, при чемъ не пренебрегала и повтореніемъ географіи при помощи сыновей-гимназистовъ. Отцы и матери стали разспрашивать дѣтей о Румыніи, прочли кратко-изложенные курсы тактики, обороны

крѣпостей и переправъ черезъ большія рѣки, которые стали печатать у себя газеты, «наиболѣе удовлетворяющія потребностямъ публики». Въ самомъ дѣлѣ, нельзя такъ торопиться! Русскій солдатъ хоть и ходитъ довольно-таки ходко, особливо если подрядчикъ поставитъ доброкачественную подметку, тѣмъ не менѣе, и при самой доброкачественной подметкѣ, дойти до Дуная вовсе не то, что съѣздить въ Павловскъ.

— А румынскія желѣзныя дороги!—все-таки не усовѣщевались болѣе нетерпѣливые.—Развѣ и тамъ ихъ строилъ Поляковъ!?

— Поляковъ не Поляковъ, а, кажется, такой же гусь—Струсбергъ, но не въ томъ дѣло. Вѣдь Румынія тоже «дистанція огромнаго размѣра», а войска надо перевести не мало.

— Ну, повременимъ!

Одно время съ театра войны не было нѣсколько дней извѣстій, и одновременно съ этимъ въ городѣ стали ходить самые разнообразные слухи. Разсказывали какія-то баснословныя исторіи. Само собою разумѣется, слухи тотчасъ же прекратились, какъ только была получена телеграмма о безостановочномъ и безпрепятственномъ движеніи нашихъ войскъ къ тому самому Дунаю, который до войны многимъ былъ развѣ знакомъ по вальсу Страуса. Однако нѣкоторые органы возмутились и вознегодовали, что публика смѣла повторять такіе «нелѣпые» слухи. «Какъ, молъ, вамъ не стыдно. Кажется, взрослые люди и вдругъ, встрѣчаясь другъ съ другомъ у Пассажа, передаете одинъ другому чортъ знаетъ какой вздоръ!»

Я не знаю, устыдилась ли публика, или нѣтъ, передъ такой головомойкой, или стерпѣла, какъ терпитъ многое; знаю только, что она съ успѣхомъ могла бы отвѣтить своимъ «руководителямъ» слѣдующей рѣчью въ формѣ эпистолы:

«Милый и откровенный человѣкъ!

«Напрасно ты бранишь меня, добрую публику, не оставляющую тебя своей милостью относительно розничной продажи. На то я и публика, да еще «всероссійская» публика, чтобы повторять услышанные отъ «вѣрнаго человѣка» слухи, да еще самые нелѣпые. Хоть я, какъ утверждаешь ты, откровенный человѣкъ, нынѣ и дозрѣла до того даже, что червонныхъ валетовъ сужу при открытыхъ дверяхъ, маленькихъ воришекъ посылаю, по справедливости, куда слѣдуетъ да и большимъ, которые поотважнѣе и попадаются, спуску не даю; хотя я, въ случаѣ растраты или, вѣрнѣе, «помощи самому себѣ», обращаюсь къ самому опытному присяжному прелюбодѣю, который бы умѣлъ во-время евангеліе развернуть и во-время изъ «Madame l'Archiduc» передъ присяжными спѣть; розничную продажу повременныхъ изданій поощряю и, слава Богу, знаю, что такое текущій счетъ, дебетъ и кредитъ, тѣмъ не менѣе—ужъ не обезсудьте! — все-таки очень хорошо помню то доброе старое

время, когда иногда самые «нелѣпые» слухи опережали самыя «достовѣрныя извѣстія» и оказывались болѣе близкими къ тому отвлеченному понятію, которое принято называть истиной. Чѣмъ же виновата я, что хотя съ того времени, когда я, еще ребенкомъ, съ чувствомъ декламировала «Воеводу Пальмерстона», и когда одинъ казакъ отдувался, бывало, къ общей радости, за всѣхъ,—и прошло двадцать четыре года, тѣмъ не менѣе, несмотря на комплименты, которые ты и подобные тебѣ начали расточать мнѣ, доброй публикѣ, я все-таки сохранила увѣренность въ необходимости соблюденія «тайнъ» не только во всѣхъ вѣдомствахъ, гдѣ существуютъ тайные совѣтники, но даже и въ такихъ учрежденіяхъ и банкахъ, гдѣ тайныхъ совѣтниковъ нѣтъ, а есть развѣ тайные грабители. Суди самъ, милый человѣкъ. Стиховъ по случаю переправы черезъ Дунай ты въ воскресномъ нумерѣ не напечаталъ, телеграммы отъ достовѣрнаго корреспондента съ театра войны не далъ, а на самомъ на этомъ театрѣ у меня есть отцы, сыновья и братья, о которыхъ я, публика, жажду имѣть вѣсточку. А вѣсточки нѣтъ. Извѣстно, я, публика, да еще русская, привыкла къ сомнѣнію. Вся моя исторія—древняя, средняя, а пожалуй, и новая, несмотря на увѣреніе профессора Соловьева,—какъ бы настойчиво держитъ меня въ томъ двусмысленномъ положеніи, когда человѣкъ не знаетъ, пожурятъ ли его или, наоборотъ, дадутъ Станислава 3-й степени, или, по крайности, орденъ Такова, а не то концессію на постройку повсемѣстно домовъ для умалишенныхъ. И вотъ я, съ такой исторической мнительностью, публика, выхожу на улицу прогуляться. Подхожу къ Знаменью и слышу, что говорятъ, будто «Дунай загорѣлся». «Вздоръ!»—думаю и продолжаю идти себѣ дальше. Однако червь сомнѣнія — самый историческій червякъ, который древнѣе Юрьева дня — все-таки гложетъ мою душу. «А все-таки,—думаю я:—надо у Пассажа узнать; вѣрно, что-нибудь да есть». А у Пассажа ужъ не только «Дунай загорѣлся», но уже въ пламени погибла и пѣхота, и артиллерія, и кавалерія съ обозомъ и принадлежностями... На Сѣнной и того еще больше. Одинъ совралъ, другой подхватилъ, а всѣ повторили. Кажется, ясно. Но «исторія» затемняетъ эту ясность, и я, признаться, хоть и чувствую, что Дунай загорѣться никакъ не можетъ, все-таки повторяю: «загорѣлся, да и шабашъ» до тѣхъ поръ, пока не пришло извѣстіе, что ничего подобнаго и быть не могло. И я, добродушная публика, какъ скоро повѣрила, такъ же скоро и разувѣрилась, прочитавъ телеграмму, и даже хлопнула себя по лбу. «Телятина, молъ, какъ это я безъ офиціальнаго извѣщенія не сообразила?» Но вѣдь противъ исторіи и ты даже, милый руководитель, не пойдешь, а я все-таки три дня испытывала непріятныя минуты. А ты бы, руководитель, вмѣсто того, чтобы сердиться на меня, телеграфировалъ бы своимъ самымъ

спеціальнымъ корреспондентамъ, чтобы они откровенно сообщили тебѣ самыя вѣрныя свѣдѣнія. Натурально, отказу ни тебѣ ни имъ не было бы. Они бы пришли куда слѣдуетъ и рапортовали бы: «Такъ, молъ, и такъ. Публика безпокоится, хочетъ имѣть свѣдѣнія, позвольте получить».—«Сдѣлайте одолженіе, получите». Ты бы, откровенный человѣкъ, все это напечаталъ, а я бы «нелѣпыхъ» слуховъ не повторяла. Тебѣ была бы честь, а мнѣ спокойствіе. Вотъ что, милый человѣкъ. Надѣюсь, что за мою откровенность ты не будешь сердиться на меня. А затѣмъ—до свиданія».

Въ послѣдніе дни слухи о переходѣ Дуная повторялись усердно не только газетными разносчиками (съ благою цѣлью получить гривенникъ), но и телеграммами агентовъ гг. Краевскаго и Трубникова. Они не только «перешли Дунай», но даже чуть ли не въ теченіе двухъ дней слышали «усиленную канонаду» на Дунаѣ. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ слухи не подтвердились и офиціальнаго сообщенія никакого нѣтъ, такъ что публика снова стала спрашивать:

— А что, перешли Дунай?..

II.

На-дняхъ захожу я къ одному старому знакомому. Предварительно надо сказать о немъ пару словъ. Въ послѣднее время онъ что-то совсѣмъ перемѣнился. Былъ онъ прежде человѣкъ тихій, занимался - себѣ помаленьку политикой внѣшней и внутренней,—послѣдней, конечно, съ осторожностью человѣка, тридцать пять лѣтъ служащаго въ министерствѣ и обремененнаго семействомъ,—почитывалъ «Голосъ» (много, говоритъ, свѣдѣній сообщаетъ) и особенно любилъ читать дипломатическія ноты. «Главное что,—говаривалъ онъ:—нравится мнѣ: читаешь-читаешь эти закругленные, ласковые такіе періоды и ровно ничего не понимаешь: хотятъ ли тебя по уху съѣздить или, напротивъ, заключить съ тобою самый священный союзъ». Все шло хорошо до той поры, пока не сбило его съ пути воинственное направленіе. Съ тѣхъ поръ полѣзъ Макаръ Ивановичъ на стѣну и сталъ такимъ политикомъ, что жена его, указывая на пятерыхъ дѣтей, настоятельно совѣтовала ему не упускать изъ виду этого насущнаго «внутренняго» вопроса и держать ухо востро.

— Все это вздоръ теперь!—возразилъ онъ на это.—Теперь на «внутренніе вопросы» начихать... Теперь... урра!..

— Тише... тише... что ты!.. Манечка спитъ...

— Ну что-жъ! Повѣрь, душа моя, нынче Манечка ближе къ истинѣ, чѣмъ всѣ эти господа, толкующіе о какихъ-то внутреннихъ вопросахъ. Теперь время Манечекъ, этихъ младенцевъ, чистыхъ духомъ. Они все чувствуютъ своимъ сердцемъ. Умъ теперь по-боку!

Совсѣмъ бѣдняга въ послѣднее время зарвался въ политику. А, кажется, какой тихій человѣкъ былъ! Любилъ, бывало, почитывать «Вѣстникъ Европы» и доискиваться причинъ паденія римской имперіи, а теперь «что, говоритъ, мнѣ римская имперія, когда мы сами имперія! Довольно, говоритъ, напускать на себя дурь, позорить себя и бичевать своими «валстами», Овсянниковыми да недоимками и считать себя какими-то неучами, прихвостнями Европы... Мы сами внесемъ свѣтъ въ Европу... Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!»

Передъ этимъ, надо откровенно сознаться, онъ очень долго читалъ размышленія г. Достоевскаго, и потому на него напалъ какой-то зудъ просвѣтленія и какой-то мистическій туманъ, среди котораго русскій человѣкъ преображался въ какого-то идеально-добраго, простоватаго парня, который стоялъ на Итальянскомъ бульварѣ въ Парижѣ и оттуда кричалъ Европѣ:—«Европа! Я принесъ тебѣ смиреніе, любовь и прощеніе. Понимаешь?—смиреніе, прощенье и любовь. Въ этихъ трехъ словахъ вся суть, способная замѣнить *вашу* науку. Любите другъ друга, ибо всѣ мы братья».

Жена Макара Ивановича даже испугалась и какъ-то сказала мнѣ:

— Сталъ манкировать службой. Недавно чуть не самому господину директору департамента сталъ совѣтовать смиреніе, любовь и прощеніе. Тотъ на первый разъ, по случаю сербской войны, простилъ и даже одобрилъ, но потомъ, когда прошелъ слухъ объ отмѣнѣ славянскаго сочувствія, и когда «Голосъ» возсталъ на генерала Черняева, за эту проповѣдь ему сдѣлали замѣчаніе и посовѣтовали ходить аккуратнѣе на службу. Вѣдь такъ, Боже храни, Макаръ Ивановичъ и мѣсто потеряетъ?

— Богъ милостивъ!—утѣшалъ я.

— А славяне и восточный вопросъ просто съ языка не сходятъ. Прежде, бывало, о славянахъ онъ и не думалъ, врядъ ли и зналъ, сколько ихъ-то всѣхъ, этихъ славянъ, и о восточномъ вопросѣ тоже что-то отъ него не слыхать было, какъ вдругъ сталъ онъ сперва этакъ индѣйскимъ пѣтухомъ газеты читать, потомъ во снѣ бредить, а наконецъ и наяву.

— Не онъ одинъ... Всѣмъ жаль стало.

— И мнѣ жалко, какъ же не жалко, кто объ этомъ говоритъ! и дай имъ Боже избавиться съ нашей помощью отъ турокъ, это я, даромъ что женщина и ни въ одномъ благотворительномъ обществѣ не участвую, очень хорошо понимаю; но бѣда въ томъ, что сталъ онъ славянъ сортировать. Сербамъ, говоритъ, надо перемѣнить князя. Черногорцы—молодцы, ихъ поощрить придется: Боснію и Герцеговину за храбрость отдать... Болгаре, говоритъ, при помощи нашей, составятъ отдѣльный департаментъ, но только подъ надзоромъ нашей полиціи. Потомъ опять новую сортировку начнетъ дѣ-

лать. Сербіи не надо мѣнять князя; князь какъ князь, хотя войны и боится, но скупщину распустилъ, слѣдовательно конституцію понимаетъ хорошо... И этакъ цѣлый день. Вѣдь чего добраго за этакую сортировку еще угодитъ не то въ сумасшедшій, не то въ смирительный.

— Никуда не угодитъ... Все это пройдетъ. Не безпокойтесь только и посовѣтуйте ему, кромѣ газетъ, что-нибудь освѣжающее читать.

— Совѣтовала.

— И что̀ же?

— Дурой назвалъ.

Вотъ что̀ сдѣлали съ моимъ впечатлительнымъ пріятелемъ послѣднія событія.

Пришелъ я къ нему въ кабинетъ. Смотрю: возится что-то у большого стола, а на столѣ лежатъ большія ландкарты.

— Ты что̀ это дѣлаешь, Макаръ Ивановичъ?

— Развѣ не видишь: войска двигаю. Вотъ эти булавочки—турки, эти—румыны, а эти — наши. Дорого только продаютъ эти булавки.

— Двигай, братъ, двигай. Двигать гораздо безопаснѣе, чѣмъ самому двигаться.

— Да я бы и самъ готовъ въ дѣйствующую хоть сейчасъ, но только семейство и, вдобавокъ, согласись, что̀ я такое? Такъ себѣ—чиновникъ, силенки мало, привыкъ ѣздить на извозчикахъ, къ тому же геморой. И безъ насъ солдатиковъ довольно. Постоятъ за насъ, не бойся.

— Слава Богу, чего намъ-то бояться:.

— Однако садись да разсказывай: двухчасовыя, лиловыя телеграммы читалъ?

— Читалъ. Ничего особеннаго.

— Дунай перешли?

— Нѣтъ еще.

— Да и нельзя такъ скоро. Широкъ этотъ, бестія, Дунай. Персія войну объявила Ордѣ?

Въ послѣднее время Макаръ Ивановичъ, по примѣру московскаго профессора Иловайскаго, далъ себѣ зарокъ: не произносить слова «Порта», а замѣнить его «Ордой», и такъ какъ во всѣхъ послѣднихъ письмахъ, печатаемыхъ въ «Русскомъ Мірѣ», авторъ ихъ, профессоръ Иловайскій, иначе и не говоритъ, какъ «Орда», «Орда» и «Орда», и ни за что иначе, то и Макаръ Ивановичъ дѣлаетъ то же самое.

— Нѣтъ еще!

— Ну, значитъ, завтра объявитъ!

И сказалъ онъ это такимъ рѣшительнымъ тономъ, какимъ, надо

полагать, говаривалъ Наполеонъ I съ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Когда человѣкъ говоритъ о чемъ-нибудь такъ рѣшительно и съ такимъ апломбомъ, то волей-неволей начинаешь подозрѣвать, что онъ и въ самомъ дѣлѣ до тонкости знаетъ то дѣло, которое такъ фамильярно третируетъ. А потому я не безъ любопытства спросилъ его мнѣнія насчетъ настоящаго положенія дѣлъ.

— Ахъ, и не говори. Макъ-Магонъ всѣ мои мысли разстроилъ своимъ послѣднимъ пассажемъ. Все молчалъ - молчалъ, покуривалъ cargoral и побаивался маршальши, какъ вдругъ захотѣлъ Наполеономъ III объявиться и объявить порядокъ въ опасности, а по сему случаю палаты отпустилъ по домамъ. Конечно, все это римскій папа, сердитый на Бисмарка, да разные проходимцы, въ родѣ Фурту и Брольи, подстроили маршала. Самъ маршалъ, какъ извѣстно, къ политикѣ, исторіи и географіи такъ же непричастенъ, какъ и къ правиламъ правописанія; однако-жъ, при нынѣшнемъ вооруженіи и быстромъ передвиженіи войскъ, даже и Макъ-Магонъ можетъ сдѣлать немало кутерьмы, такъ что и не сообразишь, что впереди будетъ. Читалъ, какъ скоро желѣзный князь почувствовалъ облегченіе? Едва Макъ-Магонъ призвалъ Брольи, какъ Бисмаркъ маршъ въ Берлинъ для дипломатическаго «урегулированія» въ pendant къ тому «урегулированію», которое сочинилъ генералъ Мольтке. Вотъ теперь и соображай нейтралитеты.

— А какъ по-твоему, англичане станутъ воевать или нѣтъ?

— Эти торгаши... Эти всемірные купцы!? Пусть сунутся! Индія у нихъ тогда фукнетъ.

— Ну?

— Вѣрно тебѣ говорю. Недаромъ одинъ литераторъ на развѣдки въ Индію ходилъ и претерпѣлъ столько злосчастій. Слава Богу, хивинскій походъ сдѣлали, сдѣлаемъ и индійскій. Австрія, эта коварная женщина, тоже у меня подъ сомнѣніемъ. Эти «разстроенные нервы» у Андраши меня сильно безпокоятъ. Того и гляди, отъ локализаціи останется одно пріятное воспоминаніе. Да, братъ, нынче политикой трудно заниматься! Я просто удивляюсь, какъ носятъ ноги въ такія тревожныя времена составителей передовыхъ статей. Тяжело!

Макаръ Ивановичъ заходилъ по комнатѣ, наморщивъ лобъ и принявъ рѣшительное выраженіе.

— А насчетъ Балканскаго полуострова знаешь, какъ намъ надо быть?

— Нѣтъ, не знаю, — робко отвѣтилъ я. — Полагаю, впрочемъ, что виды правительства...

— Ну, такъ я тебѣ скажу,—прервалъ онъ меня:—какую комбинацію я придумалъ. Слушай!

И Макаръ Ивановичъ развернулъ передо мной большую тетрадь съ подробнымъ «планомъ будущаго устройства судьбы нашихъ меньшихъ братьевъ» и сталъ читать. Я не стану утомлять читателя подробной передачей этого плана; я передамъ его только въ краткомъ извлеченіи. Предварительно замѣчу одно: видно было, что «планъ устройства» былъ облюбованъ Макаромъ Ивановичемъ во всѣхъ подробностяхъ и, по тщательной разработкѣ ихъ, равно какъ и по источникамъ, которыми онъ пользовался, далеко оставлялъ за собою «планы», предложенные нашими газетами, хотя въ существѣ съ ними и не расходился.

Слушая чтеніе обширной «докладной записки», я просто былъ пораженъ той административной предусмотрительностью, которую столь блистательно обнаружилъ Макаръ Ивановичъ, несмотря на сравнительно небольшой постъ, занимаемый имъ въ своемъ отечествѣ. Не говоря уже о политическомъ раздѣлѣ, совершенномъ имъ надъ картой г. Зуева, впрочемъ, довольно плохой, и о назначеніяхъ лицъ на высшія должности (при чемъ оклады этихъ лицъ, вмѣстѣ со столовыми, суммами «на первое обзаведеніе» и негласнымъ фондомъ «для особаго назначенія», не были, конечно, упущены), онъ одинаково предусмотрительно распорядился и насчетъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, предсѣдателей палатъ, полицеймейстеровъ, исправниковъ и становыхъ. Просвѣщеніе, судъ, школа, полиція, финансы, почта, телеграфы, пошлины и сборы, желѣзныя дороги, пароходство, медицина, благотворительность, театры и другія увеселительныя заведенія—все было подробно регламентировано. Количество классическихъ гимназій и прогимназій, равно и количество часовъ на занятія латинскимъ и греческимъ языками (послѣднимъ—на случай «греческихъ притязаній») точно обозначено. «Классиковъ намъ будетъ спеціально поставлять Чехія», замѣтилъ авторъ, когда я выразилъ опасеніе за недостатокъ ихъ, вслѣдствіе громаднаго требованія ихъ въ наши учебныя заведенія. Корпусъ квартальныхъ, околоточныхъ и городовыхъ (часть ихъ будетъ назначена изъ нашихъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ) исчисленъ вмѣстѣ съ кандидатами на должности представителей негласной полиціи. «Нравы и обычаи» опредѣлены были съ подробностью поистинѣ замѣчательной, равнымъ образомъ не упущены были и правила о паспортахъ и предусмотрѣно количество увеселительныхъ заведеній. Короче, это было цѣлое уложеніе (уложеніе о наказаніяхъ составляло отдѣльный томъ, значительно бо́льшихъ размѣровъ только-что прочитаннаго), систематически изложенное.

Я былъ очарованъ. Трудъ, по совѣсти говоря, грандіозный.

— Ну что?—спросилъ меня Макаръ Ивановичъ, окончивъ чтеніе.—Могутъ ли теперь говорить «прямолинейные либералы», что мы не заботимся о славянахъ и не знаемъ ихъ?

— Не могутъ!..

— То-то, братъ. Ну, теперь не хочешь ли пробѣжать уложеніе о наказаніяхъ?

— Зачѣмъ же... Судя по первой части твоего труда, я вполнѣ увѣренъ, что и вторая разработана съ такою же добросовѣстностью, какъ и первая... Вотъ только я позволю себѣ задать одинъ вопросъ... Опредѣляя нравы и обычаи, а равно пошлины и сборы, ты, натурально, сообразовался съ желаніемъ населенія?

— Нѣтъ, не сообразовался, — какъ-то особенно рѣзко отвѣчалъ онъ:—а ввелъ нравы и обычаи, сборы и пошлины, согласуясь съ здравымъ русскимъ смысломъ. Твой вопросъ, какъ я вижу, просто теоретическій. Нынче, братъ, время теорій и книжекъ прошло, а наступило блаженное время здраваго смысла. Не надо намъ теорій... Здравый смыслъ и больше ничего! — почти воскликнулъ Макаръ Ивановичъ, начиная раздражаться. — И какія-такія могутъ быть желанія у бѣдныхъ нашихъ братьевъ, находящихся столько вѣковъ (сколько—Макаръ Ивановичъ не сказалъ) подъ игомъ?.. У нихъ нѣтъ ни желаній, ни нравовъ, ни обычаевъ, ни суда, ни школъ, ни театровъ, ни таможни... все это имъ надо дать.

— Но Сербія, напримѣръ... У нея все это есть... Быть-можетъ, она найдетъ, что количество становыхъ, тобою опредѣленное, не соотвѣтствуетъ числу жителей, и вслѣдствіе этого, пожалуй, возникнутъ недоразумѣнія между скупщиной и княземъ?

— И это предусмотрѣно... Во-первыхъ, гдѣ это видано, чтобы младшій братъ «находилъ». Онъ станетъ «находить», такъ вѣдь и мы «найдемъ». Онъ можетъ просить. А если попроситъ и представитъ о сокращеніи становыхъ... что-жъ? мы сократимъ, если дѣйствительно сокращеніе штатовъ будетъ необходимо... Не задашь ли ты еще вопросовъ? — вдругъ, уже совсѣмъ раздражаясь, спросилъ Макаръ Ивановичъ.—Быть-можетъ, ты и существованіе скупщины считаешь несоотвѣтственнымъ съ моимъ уложеніемъ, а?..

Но я не задавалъ болѣе вопросовъ. Я видѣлъ, что пріятель мой не на шутку начинаетъ сердиться, и постарался свести разговоръ на открытіе Демидова сада. Но маневръ не удался.

— Какой теперь Демидовъ садъ?.. Какъ тебѣ не стыдно о Демидовомъ садѣ говорить!—набросился онъ.

Тогда я, все-таки желая отвлечь его отъ «восточнаго вопроса», позволилъ себѣ спросить его мнѣніе насчетъ разстройства дѣлъ на югѣ, о которомъ въ послѣднее время кратко сообщили газеты.

— Да ты смѣешься надо мной, что ли, что съ внутренними вопросами пристаешь? Эти «вопросы» (еще слѣдуетъ ли называть «вопросами»-то какія-нибудь тамъ разсужденія о мѣрахъ къ пресѣченію неурожаевъ) теперь дураковъ интересуютъ... Тамъ вотъ на Дунаѣ два броненосца взорвано, а онъ о какомъ-то «разстрой-

ствѣ дѣлъ»! Разстройство дѣлъ—частное явленіе, и слѣдовательно чортъ съ нимъ, съ этимъ «разстройствомъ». Ну, что за бѣда, если и дѣйствительно тамъ гдѣ-нибудь обыватели и потерпятъ (я вотъ самъ теперь англійскаго портера далъ зарокъ не пить и тоже терплю), когда вотъ «проклятые торгаши» то-и-дѣло замышляютъ «интригу». Особенно этотъ подлецъ Биконсфильдъ.

— Да ты полегче. Вѣдь что бы тамъ ни было, а все-таки министръ дружественной державы...

— Хороша «дружественная»!

— А по моему скромному мнѣнію, теперь-то и время обращать вниманіе общества именно на «внутренніе вопросы».

Но Макаръ Ивановичъ такъ рѣзко оборвалъ мою рѣчь и такъ ехидно спросилъ меня: «прописанъ ли мой паспортъ», что я въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ смущеніе и совершенно забылъ отвѣтить, что паспортъ мой прописанъ.

Спасибо, насъ позвали завтракать; во время завтрака Макаръ Ивановичъ только ворчалъ, но все-таки довольно тихо. Однако, послѣ бутылки вина, онъ вдругъ неожиданно брякнулъ:

— А на будущее лѣто мы, братъ. въ Царьградъ на дачу поѣдемъ. И дѣтей съ собой возьмемъ!

— Съ дипломатическимъ порученіемъ?

— Нѣтъ, безъ порученія, а такъ, по своей волѣ поѣдемъ. Къ тому времени Царьградъ долженъ быть нашимъ градоначальствомъ, по примѣру одесскаго, керченскаго и таганрогскаго.

Я просто вытаращилъ отъ изумленія глаза.

— Чего ты глаза таращишь? Я самъ прежде таращилъ, но теперь всѣ сомнѣнія у меня насчетъ Царьграда разсѣялись. Было время, когда я даже открещивался отъ него, и когда Ѳедя, мой первенецъ, еще въ прошломъ году, бывало, звалъ брата своего ѣхать въ Константинополь на палочкѣ верхомъ, я даже разъ пошлепалъ его за это — боялся, братъ, осложненій! — но теперь для меня все стало ясно, и, съ Божьей помощью, Царьградъ долженъ быть нашъ.

Мы переглянулись съ супругой Макара Ивановича, и я замѣтилъ, что бѣдная женщина грустно покачала головой, но зато всѣ три птенца моего пріятеля слушали внимательно рѣчь своего папеньки.

— Да, намъ необходимъ этотъ городъ!—продолжалъ между тѣмъ Макаръ Ивановичъ, глядя въ какомъ-то блаженномъ восторгѣ впередъ, словно бы чувствуя періодъ наступленія чревовѣщательства. При этомъ онъ выговаривалъ слова нараспѣвъ и правой рукой отбивалъ по столу тактъ. — Если бы мы были только русскіе — еще туда-сюда. Но мы не русскіе только, мы — самая сильная отрасль славянскаго племени. Для русскихъ достаточно Москвы и

Кіева, не считая Петербурга, для русскихъ и славянъ этого недостаточно. Москва—представительница великорусскаго племени, какъ Кіевъ—малорусскаго, какъ Варшава—польскаго, какъ Прага—чешскаго, какъ Бѣлградъ—сербскаго; но для всѣхъ славянъ нуженъ другой городъ, который бы отвѣчалъ ихъ утренней, новой цивилизаціи, который былъ бы центромъ міровой торговли, который служилъ бы мѣстомъ общенія и обмѣна между Востокомъ и Западомъ, который сдѣлался бы святынею, цѣлью общихъ стремленій, общаго уваженія и былъ бы защищенъ отъ всякихъ внѣшнихъ напастей. Такимъ городомъ можетъ быть только Константинополь и никакой другой. Только онъ можетъ соперничать съ столицами Европы, только тамъ можетъ пустить роскошные цвѣты славянская цивилизація.

Макаръ Ивановичъ замолкъ, но казалось, будто въ столовой еще раздавался этотъ вѣщій голосъ и слышались слова: «утренняя» цивилизація... роскошные цвѣты... общеніе и обмѣнъ.

— Да, я вѣрю, вѣрю, вѣрю и вѣрю!.. — восторженно сказалъ онъ и очнулся.

— Послушай, оратъ, я вѣдь гдѣ-то читалъ твои послѣднія слова... Чуть ли не въ фельетонѣ гдѣ-то... да, именно... И какъ будто совершенно тѣ же слова.

— Что-жъ... Быть-можетъ: не спорю. Развѣ можно что-нибудь возразить противъ нихъ?

— Положимъ, Макаръ Ивановичъ, — робко возразилъ я: — Константинополь взятъ, твой планъ устройства примѣненъ... что же дальше-то?

— Какъ что? Во-первыхъ, общая радость вмѣстѣ съ одой на взятіе Царьграда; во-вторыхъ, учрежденіе градоначальства и открытіе новыхъ вакансій; въ-третьихъ, постройка постояннаго моста черезъ Черное море; въ-четвертыхъ, постройка желѣзныхъ дорогъ (при 5% гарантіи, конечно) съ выдачей концессій на оныя гг. Полякову, Губонину, Дервизу и инымъ; въ-пятыхъ, отъѣздъ гг. Лохвицкаго и Плевако въ виду могущихъ возникнуть на Балканскомъ полуостровѣ процессовъ; въ-шестыхъ, производительные классы получатъ возможность болѣе легкаго обмѣна сырыхъ продуктовъ...

— Однако при чемъ тутъ производительные классы?

— При своемъ интересѣ. Они попрежнему будутъ производить, а мы потреблять... Обмѣнъ же мыслей, у кого есть деньги на проѣздъ, въ Константинополѣ. Тамъ же и общеніе. Напримѣръ, положимъ, кто-нибудь, живя въ Прагѣ, выдумаетъ новый способъ защиты «коммерческой тайны» — сейчасъ и пишетъ, положимъ, другому въ Москвѣ: «Тогда-то и тогда-то, любезный коллега, маршъ въ Константинополь». Условятся насчетъ свиданія и скоро по желѣзнымъ дорогамъ и по постоянному мосту черезъ

Черное море пріѣдутъ въ Константинополь, гдѣ и помѣняются мыслями. Смотришь, тогда и въ Прагѣ, и въ Москвѣ, и въ Бѣлградѣ, и въ Варшавѣ цѣна за защиту будетъ одинаково возвышенная, при чемъ и разницы на потерѣ курса не будетъ. «Утренняя» цивилизація дастъ такіе роскошные цвѣты, что мы съ тобою будемъ курить сигары рублей въ 50 сотня, турецкія шали подешевѣютъ, а арабскіе жеребцы будутъ возить не только старыхъ адвокатовъ, но даже и начинающихъ, которые еще содрогаются отъ удовольствія при видѣ лика Екатерины на радужной бумажкѣ. А тѣмъ временемъ производители будутъ производить, а мы потреблять, и такъ какъ мы будемъ потреблять всего больше, то и недоимокъ будетъ больше... виноватъ, т. е. меньше... Понимаешь теперь?..

Я хотѣлъ-было сдѣлать маленькое возраженіе, но жена Макара Ивановича усиленно замигала мнѣ, и я замолчалъ.

«Бѣдный Макаръ!—думалъ я.—Жилъ-себѣ тихо, скромно, любилъ даже въ недавнее время книжки старыхъ журналовъ просматривать и все болѣе о внутреннихъ вопросахъ, какъ вдругъ теперь написалъ уложеніе, собирается дешево купить арабскаго жеребца и жить на дачѣ въ Константинополѣ!»

Я сталъ-было прощаться.

— Ты куда?

— Да такъ, по Невскому пройти. Кстати посмотрѣть, какъ публика.

— Пойдемъ вмѣстѣ. Мнѣ тоже идти надо. Хочу къ одному человѣчку зайти. Газету издавать собираемся.

— Газету?.. Ты?.. Часъ отъ часу не легче.

— Да, я, въ компаніи съ однимъ человѣчкомъ. Теперь газетамъ самое время. Одна розничная продажа можетъ дать больше, чѣмъ черногорское княжество.

— Какъ будетъ называться ваша газета?

— Еще не придумали названія. Есть, впрочемъ, одно и краткое, но не знаю еще. Какъ тебѣ нравится, напримѣръ, такое названіе: «Отмыкай штыкъ». По-моему, недурно, особенно принимая въ соображеніе, что по нынѣшнему времени газета будетъ преслѣдовать военныя цѣли.

— И редакторъ есть?

— Есть уже. Отставной штабсъ-капитанъ. Теперь онъ будетъ на своемъ мѣстѣ...

III.

Мы вышли. Невскій былъ оживленъ: былъ третій часъ. Мы шли себѣ потихоньку и только отмахивались отъ разносчиковъ, которые, словно мухи, лѣзли съ газетами и телеграммами, при чемъ выкри-

кивали: «Переходъ черезъ Дунай! Самыя свѣжія извѣстія!» Макаръ Ивановичъ хотѣлъ-было взять телеграмму, но, пробѣжавъ быстро содержаніе и не увидавъ въ ней никакого «перехода», возвратилъ ее обратно разносчику.

— А гривенникъ?

— А городовой!?—ехидно возразилъ мой спутникъ.

— Помилуйте, господинъ, зачѣмъ же вы читали депешу?

— А ты зачѣмъ добрыхъ людей смущаешь ложными извѣстіями, а?.. За это вѣдь и къ мировому можно.

— Эхъ, господинъ, господинъ! — промолвилъ вслѣдъ, съ прибавленіемъ нѣкотораго прилагательнаго, газетный разносчикъ, снова принимаясь выкрикивать: «Переходъ черезъ Дунай!»

Когда мы подходили къ книжному магазину Черкесова, то насъ чуть не столкнулъ выскочившій оттуда, сломя голову, молодой человѣкъ съ книгами подъ мышкой. Не извинившись даже, онъ побѣжалъ впередъ рысью, точно времени у него даже и на Невскомъ не хватаетъ.

— Иванъ Ивановичъ! Иванъ Ивановичъ!—крикнулъ ему вслѣдъ мой пріятель.

Молодой человѣкъ круто повернулся и такъ же рысью пробѣжалъ къ намъ навстрѣчу. Очевидно, онъ спѣшилъ... Онъ былъ весь въ поту, глаза разбѣгались, точно онъ потерялъ что-нибудь

— Куда это вы такъ спѣшите, словно угорѣлый?

— Угоришь! Сегодня съ поѣздомъ ѣду на Дунай. Неожиданное приглашеніе... — говорилъ онъ, выпаливая залпомъ фразы. — Еще чемоданъ купить... Карту тоже... Вотъ руководство географіи купилъ. Сами знаете, нынче... еще и соврать не дадутъ настоящимъ маперомъ, а ужъ обругаютъ... Вотъ не знаю, гдѣ кинжалъ подешевле купить... Быть-можетъ, отъ Ивана Ивановича одно воспоминаніе останется... Не то на колъ, не то взорвутъ... И стиховъ не будетъ... Кстати, не помните, въ которомъ году болгарскій царевичъ Боянъ, сынъ царя Симеона, жилъ?

— Не помню.

— Жаль. Гдѣ тутъ справиться... Г. Миллера теперь не застанешь... Ну, все равно... Притоки Дуная въ вагонѣ... будетъ время... тамъ и географію подзубрю между разговорами.

— Да вы зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Корреспондентомъ... На курьерскомъ... боюсь опоздать... Письмо изъ вагона, письмо изъ трактира, письмо со станціи, письмо изъ Москвы, изо всѣхъ городовъ... Ну, будьте здоровы... Вотъ чемоданъ въ Гостиномъ... дешевле...

И онъ, сломя голову, пустился въ Гостиный дворъ.

— Да,—умилился по этому случаю Макаръ Ивановичъ.—Нынче, братъ, не то, что прежде было. Прежде жди реляцій, терзайся,

пока не узнаѐшь, что съ нашей стороны два казака убито, а нынче каждая газета шлетъ корреспондентовъ. Ишь вѣдь юркій какой,—говорилъ Макаръ Ивановичъ, слѣдя, какъ молодой человѣкъ пробирался въ прискочку между каретъ.—Какъ ему не пробраться къ Абдулъ-Кериму и не узнать диспозиціи! Непремѣнно проберется и узнаѐтъ. Одно только жаль: географію плохо знаютъ и подчасъ врутъ хуже мериновъ.

Корреспондентъ уже скрылся изъ нашихъ глазъ, и мы продолжали нашъ путь. Макаръ Ивановичъ началъ-было объяснять, почему нынче корреспондентовъ посылаютъ, а прежде газеты не посылали, и почему «внутренніе» корреспонденты не такъ важны, какъ внѣшніе, какъ его остановилъ надтреснутый, мрачный голосъ, произнесшій: «Здравствуйте, Макаръ Ивановичъ».

Передъ нами былъ старикъ въ формѣ отставного офицера. Костюмъ, плохо выбритое лицо и осанка свидѣтельствовали, что бывшій передъ нами субъектъ еще не получилъ мѣста, а существуетъ на половинной пенсіи.

— А, капитанъ! Откуда?

— Да вотъ, былъ въ редакціи.

— Стихи носили?

— Стихотворенія, и самыя патріотическія... На взрывъ броненосцевъ, на взятіе Ардагана, на лорда Биконсфильда, на Андраши... и, что̀ всего удивительнѣе, — не приняли! Бывало, въ 1853 году я нашивалъ стихи къ Ѳаддею Венедиктовичу и Николаю Ивановичу; тѣ всегда принимали и печатали, хоть гонорара и не платили. Помните: «Вотъ въ воинственномъ азартѣ» какого шума надѣлало, а теперь — странное дѣло — отказываютъ, хотя и гонораръ нынче платятъ недурной. Я и спрашиваю господина редактора: «Что̀ за причина, господинъ редакторъ? Или стихосложеніе неправильно? Или, говорю, мысль недостаточно сильно выражена? Такъ вы укажите, говорю, я поправлю и стихосложеніе и мысль».—«Нѣтъ,— отвѣчаетъ редакторъ: — и стихосложеніе недурно, и мысли самыя вѣрныя, но стиховъ не требуется, такъ какъ эти самыя мысли мы въ передовыхъ статьяхъ излагаемъ и почти-что стихами ихъ пишемъ, но только платимъ за нихъ по пятачку. Да и публика,— прибавилъ онъ: — больше прозѣ вѣритъ, чѣмъ стихамъ. Вотъ мы въ прозѣ и пишемъ: мерзавцы англичане, алтынники, торгаши, а турокъ и турецкихъ министровъ такъ костимъ, что страсть, несмотря на то, что они министры и могутъ давать предостереженія; ну, публика на стѣну и лѣзетъ. Стихамъ вѣры нѣтъ. Въ 1853 году было много стиховъ, а что̀ изъ этого вышло?»

Такъ говорилъ капитанъ, мрачно поглядывая на насъ.

— А вы въ другую редакцію снесите.

— Развѣ въ другую... Удивительно... Удивительно!—шепталъ онъ, раскланиваясь и крѣпче сжимая свертокъ съ стихами.

— Ну, вотъ здѣсь мой редакторъ живетъ. Сегодня у насъ совѣщаніе. Не хочешь ли?—проговорилъ мой спутникъ, заворачивая въ Казанскую улицу.

— Нѣтъ, благодарю.

Макаръ Ивановичъ пошелъ къ редактору, а я поворотилъ назадъ.

IV.

Странное, ей-Богу, созданіе русскій читатель. Всему-то онъ вѣритъ и на все надѣется! Сегодня ему говорятъ, что «интересы Россіи» требуютъ похода на Гималаи и вслѣдствіе того появится «заря новой жизни», и онъ, вслѣдъ за первымъ оголтѣлымъ публицистомъ, оретъ, что только «слово скажи»—и мы будемъ на самыхъ Гималаяхъ, и ждетъ при этомъ «зари», точно она и въ самомъ дѣлѣ уже напечатана на столбцахъ «Правительственнаго Вѣстника». Завтра какой-нибудь родной или побочный сынъ «о духѣ» Ѳаддея Венедиктовича Булгарина стыдитъ читателя за то, что читатель вдругъ рискуетъ усомниться, что русскій человѣкъ, хотя и хорошій человѣкъ, но все-таки однимъ ногтемъ никакъ не придавитъ всю Европу, хотя, въ случаѣ приказанія по сему предмету, и противъ Европы пойдетъ,—смотришь, читатель какъ будто и устыдится за то, что усомнился, будто Ѳаддей давно умеръ, а не воплотился въ разныхъ публицистахъ и фельетонистахъ, продолжающихъ пѣсню о «русскомъ ногтѣ». «Неужели наконецъ Европа забыла, что наша сила лежитъ не въ одной арміи, не въ вооруженіи ея, не въ блестящемъ состояніи финансовъ, а въ томъ характерѣ всего народа, который далъ намъ возможность два раза со славою бороться, почти голыми руками, съ коалиціями почти всей Европы?..» восклицаетъ—и, главное, не безъ паѳоса—новѣйшій Ѳаддей Булгаринъ.

Читатель какъ будто умиленъ. Въ самомъ дѣлѣ, если съ «голыми руками» противъ всей Европы шли, то что̀ будетъ, если мы пойдемъ съ руками, въ которыхъ бердановское ружье, дающее 12 выстрѣловъ въ минуту?..

Само собою, что при этомъ умиленный «голыми руками» читатель совершенно позабываетъ, что послѣ «голыхъ рукъ» являлись оголенными и другія части тѣла, а «двугривенные», о которыхъ съ такимъ презрѣніемъ говорятъ нѣкоторые наши публицисты, исчезали изъ обращенія среди тѣхъ классовъ общества, для которыхъ «двугривенный» дѣйствительно—«валюта», а не монета на извозчика для переѣзда изъ редакціи въ Демидовъ садъ. Позабывъ все это, огорошенный читатель, вслѣдъ за оголтѣлыми фельетонистами, повторяетъ: «ляжемъ костьми, мертвые бо сраму не имутъ», еще не зная навѣрное, имѣется ли въ виду «лечь костьми», или это только легкомысленное предложеніе фельетониста, еще не узнавшаго дѣйствительныхъ намѣреній на этотъ счетъ.

Казалось бы, исторія русскаго народа должна была бы убѣдить нашихъ шовинистовъ, что русскій народъ—замѣтьте: народъ, а не тотъ сбродъ, откуда являются публицисты, проповѣдующіе самый сомнительный патріотизмъ — и безъ всякихъ возгласовъ сумѣетъ, когда надо, «лечь костьми». На его костяхъ написана исторія, на его костяхъ создалось государство, и на его костяхъ мы получили возможность «прорубить въ Европу окно» и заниматься не только науками и искусствами, но и растратой общественныхъ суммъ, и культивировкой французскихъ кокотокъ. Люди, дѣйствительно видѣвшіе и знающіе русскій народъ, очень хорошо понимаютъ, что не его учить, какъ «ложиться костьми», и не его наставлять недостойными устами... Онъ и безъ этихъ непрошенныхъ совѣтниковъ, жадно охраняющихъ свои «кости» насчетъ чужихъ,—молча дѣлаетъ свое дѣло и безъ фразъ, безъ лицемѣрныхъ криковъ выноситъ бремя испытаній... Къ чему-жъ еще эти подогрѣванія? Кому нужны они? Кого убѣдятъ они? Народъ, если-бъ и узналъ о нихъ, горько усмѣхнется, а тѣ, на кого они мѣтятъ, врядъ ли и снизойдутъ до прочтенія разныхъ «патріотическихъ» совѣтовъ. «Что̀ имъ Гекуба и что̀ Гекубѣ они?»

По всѣмъ видимостямъ, русскому читателю приличнѣе всего было бы съ терпѣніемъ, не разъ и не два испытаннымъ, ждать у себя на дачѣ, въ тѣни березъ, событій и офиціальныхъ извѣстій,—ждать съ тою увѣренностью, которою переполнена до края бо̀льшая часть нашихъ газетъ, отнюдь не предрѣшая намѣреній ближайшаго начальства, изъ опасенія, по меньшей мѣрѣ, очутиться въ положеніи того черезчуръ самонадѣяннаго школяра, который, распѣвая на всѣ лады «тра-та-та, тра-та-та», на глазахъ у наставника, вдругъ совершенно неожиданно (неожиданность эта объясняется совершенно естественно тѣмъ восторженнымъ состояніемъ чириканья, въ которомъ находится школьникъ) получаетъ весьма недвусмысленный кукишъ и не менѣе категорическое привѣтствіе въ лаконической формѣ: «брысь!»

Конечно, слишкомъ частое повтореніе этого педагогическаго пріема со временемъ ослабляетъ силу его впечатлѣнія, и школяръ принимаетъ это привѣтствіе, какъ нѣчто должное, въ родѣ: «bonjour, maman» или «bonjour, papa», и хотя на время умолкаетъ и какъ будто даже хмуритъ брови, но по прошествіи извѣстнаго промежутка снова начинаетъ чирикать, до будущаго кукиша.

Увы! Такова природа человѣческая! Даже самый искушенный читатель непрочь попытаться проникнуть въ глубь той таинственно-стыдливой науки, которая называется «внѣшней политикой», и если ему въ волнахъ дипломатіи не видно даже и кончика ея, то, натурально, онъ норовитъ схватить эту политику «за хвостъ», частью основываясь на собственныхъ мечтаніяхъ, частью на осно-

ваніи сообщеній «вѣрнаго человѣка», при чемъ все-таки находится въ нерѣшительности относительно того, какъ поступить съ Константинополемъ.

— Я, батюшка, имѣю самыя вѣрныя свѣдѣнія на этотъ счетъ!— говоритъ одинъ «читатель» другому.—Ѣхалъ я вчера въ дилижансѣ, а рядомъ со мною сидѣлъ камердинеръ графа NN. Онъ по секрету сказывалъ, что слышалъ, будто Константинополь рѣшено не брать. Богъ съ нимъ! Лучше ни намъ ни вамъ...

— Гм... Это пожалуй, что и вѣрно. Камердинеры, шельмы, лучше всѣхъ должны знать тайны внѣшней политики.

— Однимъ словомъ, «вѣрный человѣкъ»... Ему что̀ за надобность врать!—утѣшаетъ себя «читатель».

— Но однако же журналисты говорятъ, что Константинополь слѣдуетъ взять и никому его не давать.

У «читателей» снова сомнѣнія.

«Положимъ,—думаютъ они:—камердинеръ и «вѣрный человѣкъ», но, быть-можетъ, подавая сапоги, онъ и ослышался насчетъ Константинополя. Съ другой стороны, какъ же согласить непреклонныя намѣренія насчетъ Константинополя журналистовъ? Они — люди проницательные, люди ученые и стоятъ, такъ сказать, у самаго порога министерства иностранныхъ дѣлъ. Положимъ далѣе, что намѣренія эти раздѣляются нами, и мы охотно готовы скупить по дешевой цѣнѣ дома въ Константинополѣ; но кто поручится намъ за это и, главное, гдѣ, въ какомъ собраніи вольно-экономическаго общества или общества содѣйствія торговлѣ и промышленности, можемъ мы узнать о томъ, апробованы ли эти намѣренія или нѣтъ, и, въ противномъ случаѣ, какъ бы не очутиться намъ въ положеніи бахвалящихся дураковъ съ кукишомъ въ карманѣ?»

Положеніе, какъ видите, не особенно пріятное. Спасибо еще, что нашему любопытству по части внѣшней политики нѣсколько помогаютъ тѣ самые «презрѣнные торгаши» и «алтынники», противу которыхъ питаетъ самые коварные замыслы г. Иловайскій. Благодаря англійскому парламенту, мы имѣемъ возможность узнать многое изъ того, что̀ иначе или осталось бы намъ неизвѣстнымъ, или извѣстнымъ въ туманной формѣ слуховъ, изъ третьихъ рукъ «вѣрнаго человѣка»...

Гораздо плодотворнѣе оказываются занятія «внутренней политикой», особливо если эта «политика», какъ нынѣ во Франціи, подкрѣпляется достаточнымъ количествомъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи. По этому случаю невольно припоминается опредѣленіе какъ внѣшней, такъ и внутренней политики, сдѣланное какъ-то однимъ изъ знакомыхъ мнѣ исправниковъ, человѣкомъ направленія дѣйствительно самаго откровеннаго и дѣйствій «рѣшительныхъ». Мой знакомый исправникъ принадлежалъ къ рѣдкому въ настоящее

время типу. Онъ не походилъ на дѣтей «новѣйшей формаціи», которые одной рукой берутъ за шиворотъ, а другой посылаютъ поцѣлуй одобренія рѣчамъ Гамбетты. Напротивъ. Помня присягу и будучи по существу весьма честнымъ человѣкомъ, онъ во всю свою жизнь только и занимался, что и правой и лѣвой рукой производилъ жесты, изображающіе хватаніе за шиворотъ, за которые и получалъ сравнительно небольшое содержаніе, едва хватавшее на прокормленіе многочисленной семьи. Онъ былъ откровененъ и плодовитъ и, благодаря этимъ способностямъ, въ своей жизни не могъ получить ни одного подряда, ни сколько-нибудь значительнаго повышенія, которое позволило бы ему аплодировать обѣими руками рѣчамъ Гамбетты. Плодовитость мѣшала ему тратиться на поѣздки въ Петербургъ, а откровенность препятствовала излагать свои желанія съ тѣмъ оттѣнкомъ «обмана приличія» (бываютъ же визиты приличія), подъ покровомъ котораго можно самымъ откровеннымъ образомъ ратовать за охраненіе семьи и собственности, производя на свѣтъ незаконныхъ дѣтей и переводя чужую собственность на свое имя.

Быстрота «десяти лѣтъ реформъ» исключила изъ списковъ почтеннаго старика и забросила его на половинную пенсію въ одинъ изъ отдаленныхъ уголковъ Петербургской стороны съ восемью человѣками дѣтей. И странное дѣло! У этого старика повырастали все славные подростки, не только никогда не упрекавшіе старика за его «старые жесты», но, напротивъ, уважающіе его и лелѣющіе, по возможности, его печальную старость. Съ тѣхъ поръ старикъ не бреется и даже рѣдко моется, въ видахъ экономіи, и все свободное время посвящаетъ размышленіямъ о происхожденіи души, полагая, что это занятіе самое подходящее въ его положеніи.

Не такъ давно я посѣтилъ старика. Старикъ любилъ поболтать о политикѣ. Говорилъ, впрочемъ, болѣе я, а старикъ только слушалъ, какъ-то странно по временамъ усмѣхался и дѣлалъ по привычкѣ жесты устрашенія, впрочемъ, безъ всякихъ злыхъ намѣреній.

Когда я сталъ развивать ему значеніе внѣшней и внутренней политикъ съ государственной точки зрѣнія, при чемъ не жалѣлъ всѣхъ тѣхъ словъ о «правдѣ въ политикѣ», о «благѣ народовъ», о «постепенности въ реформахъ», о «сохраненіи порядка» и о «святости семейныхъ началъ», которыя обыкновенно повторяются всѣми государственными людьми, начиная съ тайнаго совѣтника и кончая молодымъ становымъ, дебютирующимъ въ знаніи государственной мудрости передъ молодой помѣщичьей барышней,—старикъ не выдержалъ и разсердился.

— Посмотрю я на васъ, такъ и впрямь вы какіе-то прелюбодѣи, готовые за двугривенный продать чорту душу и потомъ, надувши самого чорта, благо онъ не совершилъ нотаріальнаго акта,

заложить ее снова. Вѣдь Богъ знаетъ чего вы ни нагородили, чтобы отуманить меня, старика! И «благо народовъ» съ одной стороны, и «мѣсто въ тридцать двѣ тысячи» съ другой, «французская содержанка» съ третьей, и «сохраненіе семьи» съ четвертой... Это все ваши газеты туманъ напускаютъ, вмѣсто того, чтобы на чистоту говорить хоть о томъ, за что мѣстъ не даютъ. По-моему, по-стариковскому, вся эта ваша внѣшняя и внутренняя политика, по поводу которой вы распускаете столько чернилъ въ газетахъ и лжете хуже корреспондентовъ, при откровенности, самая простая вещь. Внѣшняя—это дипломатическая игра въ «кто кого проведетъ», а затѣмъ сборъ контрибуціи, при помощи арміи и флота, съ побѣжденнаго народа. Что же касается внутренней, то задача ея—безнедоимочный сборъ и охраненіе порядка при помощи строгихъ мѣръ. Вотъ и вся недолга. Обстоятельства заставили меня довольно коротко познакомиться съ внутренней политикой, и я, памятуя присягу, никогда не разсуждалъ, а только охранялъ и взыскивалъ. Такъ-таки всю свою жизнь охранялъ и взыскивалъ. Охранялъ, по порученію, порядокъ и взыскивалъ платежи, при чемъ никогда не разсуждалъ, потому что въ интересахъ семьи трепеталъ всякаго разсужденія болѣе, чѣмъ непосредственнаго начальства. Начни я тогда разсуждать съ той послѣдовательностью, съ какою я разсуждаю за досугомъ теперь, то, пожалуй, закружилась бы голова, и я сталъ бы взыскивать платежи не съ плательщиковъ, а съ самого себя... Тогда рука моя отучилась бы дѣлать жесты «взысканія», и семья пошла бы по міру. Помню я разъ случай. Хоть я и дѣлалъ турецкую кампанію 1828 года и слѣдовательно имѣлъ случай закалить нервы, но и меня разъ взяло сомнѣніе, когда я однажды услышалъ такое покорное: «хоть зарѣжь, а не могу», что мурашки по кожѣ забѣгали. Признаюсь, и я поколебался. Но я хватилъ три рюмки крѣпкаго полыннаго настоя и сдѣлалъ привычный жестъ..

Старикъ нѣсколько помолчалъ и будто что-то припоминалъ. Прошло съ пять минутъ, и онъ продолжалъ:

— Съ тѣхъ поръ я никогда болѣе не думалъ, а только исполнялъ по совѣсти и по закону свои служебныя обязанности. Книгъ не читалъ, газетъ не видалъ и мундира не снималъ до той поры, пока меня не попросили оставить службу. «Слишкомъ ужъ откровенный старикъ, — выразился про меня молодой начальникъ изъ либераловъ. — Теперь время такое, что надо и взыскивать все сполна, но въ то же время и откровенности большой не выказывать». Какъ огорошили меня, пріѣхалъ я сюда, въ самый «центръ умственнаго движенія»—дѣтей учить надо было,—и сталъ думать, такъ какъ находился въ чистой отставкѣ и взыскать ни съ кого ничего не могу. Напротивъ: нынче еще съ меня у мирового взыскиваютъ. Я по крайности дѣйствовалъ на чистоту... а теперь что?

Недалеко за примѣромъ ходить: хотя бы мой племянникъ! Какъ надѣнетъ пиджакъ—сейчасъ разныя Арапіи выдумываетъ и только моихъ дочерей смущаетъ—мальчики, не будь дураки, только посмѣиваются!—а сниметъ пиджакъ, надѣнетъ мундиръ да станетъ въ судѣ передъ своимъ аналойчикомъ, такъ, точно локомотивъ, ходъ впередъ дастъ, сейчасъ же грянетъ противъ безпорядковъ или распнется въ защиту уворованнаго дерьма такъ яростно, точно у него у самого это дерьмо украли, и возопіетъ о мѣстахъ не столь отдаленныхъ съ такимъ азартомъ, точно въ этихъ мѣстахъ только и мѣста его кліенту. Вернется домой, скинетъ мундиръ и надѣнетъ пиджакъ, смотришь—опять или о бѣлой Арапіи ведетъ разговоръ, или къ Альфонсинѣ собирается. И безъ всякаго стыда! Тьфу! какіе изъ васъ повыходили безстыдники!—закончилъ старикъ.

Не знаю, какъ по-вашему, а по-моему онъ, потратившій большую часть своей жизни на честное исполненіе своихъ обязанностей, какъ онъ ихъ понималъ, и не успѣвшій, за недосугомъ, выучить тѣ прекрасныя жалкія слова, которыми съ одинаковой невоздержностью щеголяютъ какъ французскіе министры, такъ и русскіе становые,—несравненно невиннѣе своего племянника, одной рукой нѣжно предлагающаго вамъ съѣздить въ Нижнеудинскъ, а другою—заманчиво рисующаго (впредь до достиженія 30-лѣтняго возраста и полученія тридцатитысячнаго гонорара) безмятежность и сладость житія въ бѣлой Арапіи...

Современная жизнь рѣже и рѣже представляетъ намъ типы такой простодушно-честной откровенности.

— Удивляюсь, чего Макъ-Магонъ повторяетъ еще «жалкія» слова!—горячился отставной исправникъ.—Во-первыхъ, онъ и самъ-то хорошо не понимаетъ, а во-вторыхъ, только затягиваетъ исторію. Возьми два батальона съ Кассаньякомъ во главѣ и объяви новую конституцію взамѣнъ старой, вотъ и вся недолга! Кто недоволенъ, того «честью» въ Кайену. Тьера и Гамбетту, какъ людей извѣстныхъ, можно отправить за границу, и затѣмъ на свободѣ производи какіе хочешь жесты! Даже и «честный солдатъ» на старости лѣтъ вздумалъ, по примѣру молокососовъ, «разводить бобы», точно на артиллерію не надѣется. При помощи артиллеріи, да еще скорострѣльной, можно совершенно свободно заниматься внутренней политикой, а то еще какіе-то «принципы»! Э-эхъ, батюшка, какое нынче время наступило, что даже «честный солдатъ» и тотъ о «принципахъ» пишетъ посланіе въ сенатъ!..—заключилъ на прощаніе добродушный старикъ.

V.

Однажды въ прихожей раздался рѣзкій звонокъ. Такъ звонятъ почтальоны и кредиторы. Но на этотъ разъ такъ сильно позвонилъ мой пріятель Макаръ Ивановичъ, уже знакомый читателю.

Давно ли я съ нимъ видѣлся, а между тѣмъ какая въ немъ произошла перемѣна! Онъ похудѣлъ, постарѣлъ и не имѣлъ уже гордаго вида человѣка, разсчитывающаго взять Константинополь.

— Что̀, братъ, съ тобой? Здоровъ?

— Здоровъ-то я здоровъ.

— Кажется, военныя дѣла хороши?

— И военныя дѣла хороши.

— Такъ что-жъ это ты ходишь, точно въ воду опущенный?..

— Заботы, братецъ. Помнишь, я тебѣ говорилъ насчетъ газеты?

— Ну?

— Ну, и издаемъ!—какъ-то кисло промолвилъ пріятель.

— То-то, я думаю, ты теперь радъ? Всѣ свои мысли, которыя, помнишь, высказывалъ, сейчасъ же на бумагу?

— То-то и не совсѣмъ оно такъ. Высказывать мысли и печатать ихъ—маленькая разница. Тамъ тебя слушаютъ жена съ дѣтьми, а тутъ ты находишься въ зависимости даже отъ газетнаго разносчика. Иной разъ такъ прямо бы и передовую напечаталъ: «У воротъ Царьграда», анъ, смотришь, еще видовъ настоящихъ нѣтъ, и ты попридерживай перо, а то публика скажетъ: «скоръ, братъ!..» Заботы очень и очень много!

Вообще замѣтно было, что прежняя отвага Макара Ивановича куда-то исчезла.

Однако-жъ, когда рѣчь зашла о подпискѣ и о розничной продажѣ, онъ нѣсколько оживился. Надежды у него были большія по случаю военнаго времени.

— Однако ты, братъ, еще и не видалъ нашей газеты. Непремѣнно вышлю, за хлопотами забылъ; а вотъ пока, если желаешь, просмотри вотъ хоть сегодняшній нумеръ. Каковъ?—не безъ гордости промолвилъ Макаръ Ивановичъ.—Три передовыя статьи! Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ, а главное вниманіе обращено на корреспонденціи. Просмотри-ка.

Я взялъ нумеръ. Газета на видъ чистенькая. Называлась она не «Отмыкай штыкъ», какъ онъ предполагалъ, а «Ласточка».

Въ началѣ, какъ водится, шла передовая статья (нумеръ первый; всѣхъ ихъ было три) подъ рубрикою:

«С.-Петербургъ, 12 іюня 1877 г.».

«Не съ чего, такъ съ бубенъ».

(Поговорка игроковъ).

«Политическій горизонтъ проясняется. До сихъ поръ мы были крайне смущены неизвѣстностью относительно дипломатическихъ переговоровъ, но нынѣ, благодаря самымъ точнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ нами изъ источника, назвать который мы, по понятной скромности, не рѣшаемся, мы съ полной увѣренностью можемъ

оглянуться вокругъ и сказать, что теченіе событій не оставляетъ желать лучшаго и нейтралитеты Англіи и Австріи, надо думать, вполнѣ обезпечены.

«Не принадлежа къ числу тѣхъ скороспѣлыхъ политиковъ, которые на самыхъ шаткихъ основаніяхъ строятъ невѣрные выводы и вводятъ такимъ образомъ въ заблужденіе своихъ читателей (наша газета всего этого избѣгаетъ и при этомъ дешевле другихъ), мы въ своихъ политическихъ обозрѣніяхъ стараемся уяснить читателямъ событія на основаніи строго провѣренныхъ данныхъ, для чего не жалѣемъ ни нравственныхъ ни матеріальныхъ затратъ.

«Извиняясь передъ читателемъ за это невольное отступленіе, продолжаемъ:

«Безбожные торгаши», готовые, какъ доподлинно извѣстно, ровно за одинъ фунтъ и десять шиллинговъ продать дьяволу душу, тогда какъ русскій человѣкъ не только дьяволу, но даже самому богатому концессіонеру своей души не продастъ ни за какія суммы,—«безбожные торгаши», говоримъ мы, не смѣютъ явно выступить защитниками «поганыхъ» и, какъ намъ извѣстно, благодаря дипломатическимъ соглашеніямъ, будутъ взирать на наши побѣды, хотя и со «скрежетомъ зубовнымъ», но, во всякомъ случаѣ, флота не пошлютъ.

«Изъ того же источника мы достовѣрно узнали, что относительно Константинополя еще ничего не рѣшено, и потому пока всѣ толки о немъ надо считать преждевременными.

«Относительно Австріи спеціальный нашъ корреспондентъ сообщаетъ довольно утѣшительныя извѣстія. Австрія будетъ спокойно, хотя и облизываясь, смотрѣть на событія, не лишая себя, впрочемъ, удовольствія конфисковать чешскія газеты до той поры, пока ни одна изъ нихъ выходить не будетъ.

«Сербія, съ такою славою боровшаяся въ прошломъ году съ вѣковѣчнымъ врагомъ, твердо будетъ соблюдать нейтралитетъ. Совѣтуя, съ своей стороны, этому княжеству благоразуміе, мы заканчиваемъ статью твердой увѣренностью, что великія событія не заставятъ себя долго ждать».

— Ну, что?

— Ничего себѣ. Скажи мнѣ только, пожалуйста, какіе это такіе источники, о которыхъ вы «по понятной скромности» умалчиваете?

— Да никакихъ!

— Какъ никакихъ?

— Очень просто. Какіе у насъ могутъ быть источники, кромѣ иностранныхъ газетъ, допущенныхъ къ обращенію? Это я прежде, когда еще самъ этимъ дѣломъ не занимался, легкомысленно «источникамъ» вѣрилъ, а теперь вижу, что иностранныя газеты—наши

единственные источники. Но вѣдь надо же успокоить читателя насчетъ достовѣрности. Ну, теперь читай другую. Каково заглавіе?

«*Хаосъ въ политикѣ*».

«Ничего въ волнахъ не видно».

— Это, братъ, я заглавіе придумалъ.

— А писалъ кто?

— Да все одинъ и тотъ же авторъ. Онъ ихъ по три въ день качаетъ.

Я прочиталъ слѣдующее:

«Сейчасъ мы получили весьма важныя извѣстія. Эти извѣстія подтверждаются къ тому же однимъ извѣстнымъ нашимъ дипломатомъ, который вчера, садясь въ вагонъ Царскосельской желѣзной дороги, весело потиралъ руки и, неожиданно чихнувъ, произнесъ въ присутствіи редактора нашей газеты и многочисленной публики: «A la bonheur!». Австрія мобилизуетъ два корпуса. Англійское правительство намѣрено требовать кредитовъ для защиты своихъ интересовъ на Востокѣ. Персія стягиваетъ войска къ границѣ. Князь Бисмаркъ вдругъ прекратилъ купанье въ Киссингенѣ (см. телеграмму собственнаго корреспондента) и телеграммой спросилъ фельдмаршала Мольтке о здоровьѣ. Макъ-Магонъ, повидимому, окончательно остановился на рѣшеніи, въ случаѣ смерти, весьма близкой, папы Пія IX, баллотироваться въ папы. Къ послѣднему извѣстію, сообщаемому однимъ изъ корреспондентовъ газеты «Новая Пчелка», слѣдуетъ, конечно, отнестись съ нѣкоторой осторожностью, но общій ходъ событій не исключаетъ большой вѣроятности подобнаго слуха. Если ко всѣмъ этимъ признакамъ прибавить «тревожную» бесѣду П. Д. Боборыкина съ митрополитомъ сербскимъ Михаиломъ и разговоръ съ редакторомъ «Neue Freie Presse», то нельзя не сказать, что готовится нѣчто такое грандіозное и вмѣстѣ съ тѣмъ непонятное, чего не только умъ человѣческій, но даже прозорливость А. А. Краевскаго обнять не можетъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, противъ кого Австрія мобилизуетъ войска? Зачѣмъ англійскому правительству деньги? Что̀ значитъ его коварная политика? Зачѣмъ шахъ персидскій стягиваетъ войска, князь Бисмаркъ перестаетъ лѣчиться, и Макъ-Магонъ разсчитываетъ баллотироваться въ папы?..

«Не предрѣшая вопросовъ, впредь до появленія офиціальныхъ разъясненій, мы можемъ сказать только, что политическій горизонтъ омрачился и положеніе дѣлъ крайне усложнено. Вполнѣ довѣряя мудрости политическихъ руководителей, мы завтра попытаемся нѣсколько подробнѣй опредѣлить задачи Россіи при этой новой комбинаціи».

— Знаешь ли что̀... Ты не сердись, а какъ будто эта статья противорѣчитъ первой.

— Такъ что-жъ?

— Все-таки...

— Это, братъ, вздоръ! Что же дѣлать, если сами событія противорѣчатъ? Бѣдняга составитель передовыхъ уже не разъ вздыхаетъ и говоритъ, что нынче время дипломатическихъ противорѣчій... Тяжеленько ему! Ты посмотри-ка, что онъ въ дневникѣ своемъ написалъ.

Макаръ Ивановичъ подалъ мнѣ дневникъ, въ которомъ, между прочимъ, было написано:

«Невольный вздохъ публициста».

«Какъ охотно бы я промѣнялъ положеніе русскаго публициста на положеніе англійскаго портного!

«Недавно на митингѣ портныхъ два лорда (цѣлыхъ два!) объясняли портнымъ свои «политическіе виды».

«Какую передовую написалъ бы я, если-бъ былъ въ шкурѣ англійскаго портного!»

Вслѣдъ за этими строками шла надпись, сдѣланная посторонней рукой:

«Роптать не годится. Зачѣмъ малодушно роптать? Кто судьбой недоволенъ и не обладаетъ терпѣніемъ, тотъ званія своего недостоинъ и внушаетъ понятное подозрѣніе...»

— Ну, теперь третью и послѣднюю передовую! Мы на этотъ счетъ отличаемся отъ другихъ газетъ: даемъ небольшія, но зато бойкія передовыя статейки.

Нечего было дѣлать. Я началъ третью. Она называлась:

«Вѣрить ли?»

«Вѣрить ли?

«Сію секунду получено весьма сенсаціонное извѣстіе: Альбіонъ униженно протягиваетъ руку дружбы сѣверному колоссу и предлагаетъ въ компаніи «предоставить Турцію своей участи».

«Давно бы пора!

«Суэзскій каналъ Англія купитъ.

«Пускай покупаетъ!

«Персію тоже купитъ.

«На здоровье!

«Султану Англія будетъ давать полный пенсіонъ.

«Вѣрить ли?

«Прочь свары! Прочь взаимныя подозрѣнія! Мы всегда были убѣждены, что Англія въ концѣ концовъ — нація просвѣщенныхъ мореплавателей, что англичане великій народъ, не «презрѣнные торгаши», а дальновидные, практическіе, гуманные сыны отечества...

«Гипъ, гипъ, ура!

«Кто смѣетъ упоминать о Турціи? Турціи теперь не существуетъ!

«Новая эра начинается съ этой секунды. 13 іюня 1877 года въ 2 часа 36 минутъ пополуночи будетъ записано на страницахъ всемірной исторіи. Въ благоговѣйномъ безмолвіи мы кладемъ перо до слѣдующаго нумера».

— Какова? Малъ золотникъ да дорогъ!

— Да откуда это ты о новой эрѣ узналъ?

— По секрету, братъ, по́ секрету и, главное, совершенно случайно. Объ этомъ, впрочемъ, разсказывать теперь не буду. Все будетъ объяснено въ свое время... А ты смотри-ка дальше. Телеграммы интересны. Мы во всѣхъ городахъ своихъ телеграфистовъ... виноватъ, то-есть своихъ корреспондентовъ имѣемъ. Но, главное, обрати вниманіе на сегодняшнія корреспонденціи. Это, братецъ, чудо что̀ такое!

И Макаръ Ивановичъ даже причмокнулъ пальцы.

— Будешь читать—пальчики оближешь. Все «спеціальные». Не жалѣлъ никакихъ, ни нравственныхъ ни матеріальныхъ затратъ; я вѣдь, братъ, для организаціи корреспондентовъ (а ихъ у меня 25 человѣкъ) имѣніе недавно въ Поземельномъ кредитѣ заложилъ...

Я приступилъ.

Первая корреспонденція называлась:

«*Среди министровъ*».

(Спеціальная корреспонденція «Ласточки»).

«Согласно данному мнѣ редакціей «Ласточки» порученію повидаться со всѣми европейскими министрами, въ рукахъ которыхъ находятся нити какъ внѣшней, такъ и внутренней политики, я, разумѣется, первымъ дѣломъ направился въ Киссингенъ, чтобы имѣть возможность поговорить, что̀ называется, «по душѣ» съ первымъ политикомъ нашего времени. Вы догадываетесь, конечно, что я говорю о князѣ Бисмаркѣ.

«Не стану отвлекать вниманія читателя описаніемъ невиднаго городка. Замѣчу только, что тотчасъ по пріѣздѣ я озаботился наведеніемъ справокъ о томъ, когда можно имѣть аудіенцію у князя. Первыя попытки мои были неудачны. Нѣмцы, къ которымъ я обращался, категорически заявили мнѣ, что аудіенція невозможна, что князь исключительно лѣчится и никого не принимаетъ, при чемъ указали мнѣ на напечатанное въ Киссингенскомъ указателѣ заявленіе, въ которомъ «знаменитый паціентъ» выражаетъ, во-первыхъ, желаніе, «чтобы не приходили смотрѣть, какъ онъ садится въ ванну, и, во-вторыхъ, чтобы ему не кланялись при встрѣчѣ, потому что если станутъ кланяться (а нѣмцы на это большіе охотники!), то онъ будетъ поставленъ въ такое положеніе: или не отвѣчать на поклоны и слѣдовательно оказаться невѣжливымъ, или же безпрестанно снимать шляпу и простужать голову, уничтожая такимъ образомъ все цѣлебное дѣйствіе водъ».

«Какъ ни любопытно было бы посмотрѣть способъ погруженія знаменитаго человѣка въ ванну (я, впрочемъ, имѣлъ честь въ 1871 году видѣть въ ваннѣ Гамбетту и Виктора Гюго), тѣмъ не менѣе это представляло нѣкоторыя затрудненія. Правда, по словамъ оберъ-кельнера, я бы могъ за полталера или за талеръ посмотрѣть въ замочную скважину (хотя и на это охотниковъ такъ много, что раздаются билеты), какъ погружается въ ванну знаменитый человѣкъ; но такой способъ, позволительный развѣ начинающему писателю, едва ли приличенъ для писателя, имѣющаго за собой пятнадцатилѣтнюю дѣятельность и знакомаго почти со всѣми знаменитостями Европы.

«Несмотря на неутѣшительное начало, я, какъ уроженецъ Ярославля, не упалъ духомъ. Вамъ, конечно, извѣстно, что ярославцы всегда славились предпріимчивостью и остротою ума. Это даже извѣстно почтенному Джону-Стюарту Миллю, у котораго я въ 1869 году завтракалъ. За завтракомъ, весьма, впрочемъ, умѣреннымъ (кофе, сандвичи, яичница съ ветчиной, matten shop, сыръ и рюмка портвейна), я былъ даже польщенъ лестными замѣчаніями англійскаго мыслителя насчетъ достоинствъ ярославцевъ.

«При помощи рекомендательныхъ писемъ, обязательно данныхъ мнѣ петербургскими друзьями къ главному смотрителю водъ и къ пользующему князя доктору Шпернгазе (съ которымъ мы еще въ 1859 году водили въ Вѣнѣ дружбу), я, на другой же день по пріѣздѣ, имѣлъ честь получить отъ князя карточку, на оборотѣ которой крупнымъ, четкимъ почеркомъ были написаны слѣдующія строки по-нѣмецки:

«Въ ваннѣ. Отъ 10 до 11.

«Бисмаркъ».

«Какъ видите, я убилъ, такъ-сказать, сразу двухъ зайцевъ: во-первыхъ, получилъ безъ особыхъ затрудненій аудіенцію и, вдобавокъ, могъ наблюдать великаго человѣка au naturel, что врядъ ли выпадаетъ на долю многимъ корреспондентамъ.

«Признаюсь, я былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи относительно выбора костюма для предстоящаго визита. Фракъ и бѣлый галстукъ, вполнѣ естественные въ гостиной или кабинетѣ, казались мнѣ нѣсколько странными въ ванной комнатѣ, въ присутствіи хозяина, неодѣтаго вовсе. Я вспомнилъ по этому поводу, что когда я дѣлалъ визитъ Гамбеттѣ (онъ тоже принялъ меня въ ваннѣ и все время болталъ безъ умолку), то былъ въ обыкновенномъ костюмѣ «de fantaisie», но съ Гамбеттой мы были все-таки старинные пріятели, а съ «желѣзнымъ княземъ» мнѣ приходилось еще знакомиться... Чтобы не подать ни малѣйшаго повода къ какому бы то ни было нареканію, я въ концѣ концовъ остановился на фракѣ и бѣломъ галстукѣ.

«Сегодня, ровно въ три четверти десятаго, я отправился въ заведеніе ваннъ. По дорогѣ пожалъ руку Ауэрбаху, перекинулся парой словъ съ Шпильгагеномъ (замѣчательно «покладистая» натура, хотя съ нѣкоторой филистерской «повадкой»), обѣщая свидѣться съ ними послѣ посѣщенія князя. Ровно въ десять часовъ я постучалъ въ двери комнаты № 18, у порога которой стоялъ кельнеръ и толпилась масса нѣмцевъ, ожидающихъ по билетамъ очереди взглянуть въ щелку. Громкій, отрывистый горловой голосъ окликнулъ меня: «Wer da?» и, когда я сказалъ фамилію, произнесъ обычное: «Komm in», и я, сопровождаемый почтительными восклицаніями ожидающей публики, вошелъ въ комнату.

«Въ небольшой, довольно просто убранной комнаткѣ, у правой стѣны стояла ванна, обыкновенная цинковая ванна, на подобіе тѣхъ, которыя я видѣлъ въ Карлсбадѣ и Маріенбадѣ.

«Изъ ванны выставлялась извѣстная типическая ширококостная голова съ необыкновенно развитымъ, почти голымъ черепомъ. Особенно отличались скуловыя кости, обличавшія характерность и интеллигентный устой. Большіе серьезные глаза, цвѣта сѣронѣмецкаго сукна, глядѣли ровно и вдумчиво на кранъ, изъ котораго текла холодная вода. Сѣдые усы, торчащіе небольшими щеточками, тихо подымались и опускались отъ ровнаго, спокойнаго дыханія. Общее впечатлѣніе чего-то мощнаго, нѣмецки-законченнаго...

«Я кашлянулъ и поклонился.

«— Очень радъ, очень радъ! Руки не подаю—мокрая!—улыбнулся желѣзный князь. — Садитесь. Давно желалъ съ вами познакомиться. Слышалъ о васъ. Ну, что̀, у васъ въ Россіи хорошо нѣмцамъ?

«— Превосходно, ваша свѣтлость.

«— Я въ этомъ былъ увѣренъ. Ѣдете на Дунай?

«— Имѣю намѣреніе, но, собственно говоря, спеціальная моя цѣль: разсѣять предубѣжденія Европы относительно Россіи... Но передъ этимъ я, конечно, считалъ святымъ своимъ долгомъ услышать мнѣніе вашей свѣтлости насчетъ современнаго состоянія Европы.

«Желѣзный князь крякнулъ и улыбнулся.

«— Мое мнѣніе? — переспросилъ онъ и снова улыбнулся.—По-моему, все хорошо, что̀ хорошо кончится. При хорошемъ вооруженіи жить можно. Только не слѣдуетъ никогда увлекаться. Вотъ есть у васъ Herr Souworin... Спѣшитъ очень въ Константинополь. Сколько ему лѣтъ?

«— Около сорока.

«— Скажите! Вотъ никогда не думалъ! Ну, однако простите: сейчасъ придутъ еще корреспонденты,—ласково замѣтилъ князь и прибавилъ.—Если увидите папу, передайте мое почтеніе.

«Великій человѣкъ» кивнулъ головой, и свиданіе наше кончилось.

«Завтра ѣду въ Парижъ. Повидаюсь съ Макъ-Магономъ. Я съ нимъ познакомился, когда еще онъ дивизіоннымъ генераломъ былъ и не мечталъ о президентствѣ. До слѣдующаго письма».

Затѣмъ я прочиталъ корреспонденцію другого корреспондента:

«*По дорогѣ къ событіямъ*».

(Спеціальная корреспонденція «Ласточки»).

«*Одесса, 1 іюня.* Ѣхалъ сломя голову. Если остался живъ, то благодаря Провидѣнію. Представьте себѣ, два раза нашъ поѣздъ терпѣлъ крушеніе: триста раненыхъ, пятьдесятъ убитыхъ. Изъ всѣхъ пассажировъ уцѣлѣлъ я одинъ и на локомотивѣ (машиниста разорвало на три части) прибылъ въ Одессу. Но едва успѣлъ я выйти на станцію, какъ вдругъ на меня наскочила собака, величиною съ тигра, и чуть-было не изорвала въ клочки. По счастью, спасся, бросившись въ двери. Въ Одессѣ странныя собаки, не похожія ни на петербургскихъ ни на кавказскихъ: головы громадныя, туловища среднія, ноги маленькія, а хвостовъ нѣтъ вовсе. Говорятъ, что ихъ несоразмѣрность зависитъ отъ климата, а хвосты откусываютъ имъ крысы.

«На другой день послѣ моего пріѣзда приходилъ турецкій флотъ. Кораблей до ста; по крайней мѣрѣ, я насчиталъ простымъ глазомъ до ста кораблей. Корабли громаднѣйшіе и все броненосные. Они постояли этакъ часа два и ушли.

«Что̀ сказать объ Одессѣ? Городъ торговый, много грековъ, много пыли и мало зелени, а женщины!..

«Завтра ѣду далѣе.

«*Яссы, 5 іюня.* Наконецъ я въ Румыніи! Чудесная страна эта Румынія! Природа великолѣпная, погода — чудо что̀ такое! Представьте себѣ: ѣдете вы по желѣзной дорогѣ среди лѣсовъ пальмъ, березы и банановъ. На высокихъ кронахъ арековой пальмы довѣрчиво щебечетъ крошка колибри—малюсенькая пестренькая птаха!— и третъ свой клювъ о стволъ рябины бѣлоснѣжный съ оранжевымъ ожерельемъ какаду. Большіе мандрилы и граціозныя мартышки скачутъ съ дерева на дерево и передъ глазами выдѣлываютъ такія же уморительныя штуки, какъ въ Зоологическомъ саду Роста. Въ отдаленіи слышится ревъ бенгальскаго тигра. Ночь. Луна мягко, ласково такъ глядитъ съ небеснаго свода и какъ бы шепчетъ слова любви и нѣги, а между тѣмъ съ Дуная глухіе раскаты выстрѣловъ доносятся. Поѣздъ быстро мчится. Въ вагонѣ жарко, душно

«На одной изъ промежуточныхъ станцій напротивъ меня сѣлъ пожилой румынъ, толстый, сѣдой, съ внушительнымъ и интеллигентнымъ видомъ. Я тотчасъ же вступилъ съ нимъ въ разговоръ,

полагая, что около меня сидитъ г. Братіано (въ этотъ день именно ждали его проѣзда); говорили мы на румынскомъ языкѣ. Румынскій языкъ удивительно похожъ на испанскій, а такъ какъ по-испански я говорю не хуже г. Скальковскаго, то никакого затрудненія въ бесѣдѣ не было.

«Послѣ первыхъ же словъ я не сомнѣвался, что имѣю честь бесѣдовать съ г. Братіано, и поспѣшилъ спросить:

«— Не съ господиномъ ли Братіано имѣю я честь говорить?

«— Онъ самый! А вы?

«— Корреспондентъ русской газеты «Ласточка».

«Мы пожали другъ другу руки.

«— Ну, какъ вамъ понравилась страна?..

«— Превосходная... Вотъ только берутъ за все дорого.

«Братіано улыбнулся.

«— Вы народъ богатый... Это ничего!

«Затѣмъ разговоръ перешелъ на политику. Конечно, говорили о только-что объявленной независимости.

«— Небось, вы довольны теперь?

«— Весьма. Я давно собирался устроить независимость, но все какъ-то не удавалось...

«— Австрійцы?—подмигнулъ я.

«— Они самые...

«И мы оба засмѣялись.

«Хотя румыны, особенно бояре, заносчивы, но г. Братіано оказался весьма порядочнымъ человѣкомъ. Онъ болталъ безъ умолку всю дорогу, разсказывалъ о надеждахъ въ будущемъ и вообще держалъ себя совершенно sans façon. Его интимность дошла даже до того, что онъ не безъ любопытства разспрашивалъ о нашихъ кафе-шантанахъ.

«Можете представить себѣ мое удивленіе, когда, по пріѣздѣ въ Яссы, г. Братіано вдругъ обратился ко мнѣ:

«— Кстати, сеньоро русски, дайте мнѣ пять франковъ... Въ Бухарестѣ заходите въ министерство... отдамъ.

«Я далъ десять.

«Въ это время подошелъ почтенный мой другъ, корреспондентъ «Чижика». Я, натурально, ему обрадовался и собирался познакомить его съ Братіано... Но когда я заявилъ объ этомъ, указывая на моего спутника, который уже нанималъ коляску, то мой другъ замѣтилъ не безъ горечи:

«— Какой это Братіано! Я самъ-было его за Братіано принялъ и съ его словъ о положеніи Румыніи написалъ цѣлую корреспонденцію въ «Чижикъ». Это кельнеръ ясской гостиницы, а не Братіано...

«Что станешь дѣлать?.. Въ такое горячее время, которое мы переживаемъ, легко кельнера принять за министра и наоборотъ!

«*Яссы, 6 іюня.* Яссы—городокъ чистыи, хорошенькій, вымощенный. Домики маленькіе такіе, на швейцарскій ладъ, тонутъ въ зелени олеандровъ, магнолій, черемухи, акацій, сирени и геліотроповъ. Душистый ароматъ цвѣтовъ раздражаетъ нервы, особенно когда надъ городомъ спустится многозвѣздная, южная, страстная ночь. Подъ горой, струясь между скалъ прихотливой серебристой лентой, протекаетъ Двина, и по берегамъ ласково шепчутся, подъ обаяніемъ ночи, крокодилъ, тюлень и иволга... Улицы кишатъ женщинами, и все женщинами высшаго общества. Румынскія женщины очаровательны. Такихъ красавицъ я на своемъ вѣку не видалъ ни въ Африкѣ, ни въ Америкѣ, ни на Волгѣ, ни на Дону. Онѣ стройны, граціозны, съ ласкающими взоръ полными формами, съ томнымъ, страстно-жгучимъ взглядомъ черныхъ, какъ коринка, глазъ. Одѣваются онѣ роскошно въ цвѣтныя платья и темныя кружевныя испанскія мантильи, а на ножкахъ у нихъ такія крошечныя туфли, что румынскую туфлю совершенно свободно можно умѣстить въ наперстокъ. Какъ говорятъ всесвѣдущіе люди, нравственность румынскихъ дамъ крайне сомнительна... Конечно, главную роль тутъ играетъ климатъ. И правда, едва только мы съ другомъ вышли изъ гостиницы, какъ на всѣхъ улицахъ увидали коляски и кареты, въ которыхъ румыны и румынки, не стѣсняясь публикой, цѣловались съ самой безумной страстью.

«Ночь наступила. Поцѣлуи все дѣлались жарче и жарче. Соловьи заливались сильнѣй и сильнѣй. Мы шли по главной улицѣ и разсчитывали-было поужинать, какъ вдругъ около насъ остановилась роскошная коляска, и изъ нея выскочила такая красавица, что я вздрогнулъ отъ восхищенія.

«— Monsieur!—обратилась она ко мнѣ на изящнѣйшемъ французскомъ языкѣ.—Я за вами съ утра слѣжу... Хотите знать, какъ можетъ любить дочь румынскаго министра? Слѣдуйте за мной...

«Что̀ было дѣлать? Зная, что, въ качествѣ корреспондента, я, быть-можетъ, при посредствѣ дочери министра, узна̀ю дизлокацію турецкой арміи и сообщу объ этомъ читателямъ «Ласточки», я отправился..

«Завтра уѣзжаю на мѣсто событіи. До слѣдующаго письма».

— Ну, какова газета? — спросилъ меня мой пріятель, когда я кончилъ.

— Недурна... Совершенно во вкусѣ самыхъ распространенныхъ... Только одного я не могу сообразить, отчего это ты, Макаръ Ивановичъ, въ своей газетѣ какъ будто еще не знаешь: обратить ли Константинополь въ градоначальство или повременить?

— Ты займись-ка самъ газетой, тогда поймешь!.. Пока мы только проводимъ идею о свободѣ проливовъ для судоходства, а тамъ время покажетъ, какъ подписка... Пойдетъ хорошо — и до Царьграда доберемся!..

„Вчерашніе дни“.

I.

Ты помнишь ли?

Забыть «вчерашніе дни» невозможно. Такіе дни не забываются тотчасъ даже блудными дѣтьми блуднаго времени. Если, по всей вѣроятности, «нераскаянные валеты» и поспѣшатъ забыть ихъ и снова, какъ ни въ чемъ не бывало, станутъ славословить «незыблемость основъ», восхвалять неприкосновенность «общественнаго ящика» и принимать мѣры къ своевременному поступленію платежей и къ распространенію классическихъ понятій, то будущій историкъ нашего политическаго и умственнаго развитія отведетъ «нашимъ днямъ» надлежащее мѣсто, въ которомъ — увы! — и наша пресса займетъ одинъ изъ почетныхъ угловъ.

Самые непритязательные, самые добродушные Ѳедоты-читатели, которые въ г. Суворинѣ усмотрѣли либерала радикальнаго, въ г. Краевскомъ—либерала умѣреннаго, а въ г. Катковѣ—либерала подозрительнаго, и которые если и жаловались на дороговизну припасовъ и на нѣкоторую отважность городовыхъ—хотя и не отрицали circonstances atténuantes этой отважности, то жаловались самымъ почтительнымъ образомъ («желательно, чтобы городовые показывали меньше отваги...», «хотѣлось бы думать, что, благодаря просвѣщенному взгляду начальства, наши блюстители перестанутъ лазить въ ухо» и т. п.)—даже и эти добродушные Ѳедоты стали въ послѣднее время прозрѣвать, что добродушію ихъ нанесено пораженіе

Ѳедоты ждали, ждали до самаго «вчерашняго дня», что отношеніе нашей прессы—этой «шестой державы»—къ «событіямъ» и «фактамъ» будетъ хотя нѣсколько отличаться (на большее даже и добродушные Ѳедоты не разсчитывали!) и по мысли, и по тону, и по языку отъ мыслей, тона и языка «Сѣверной Пчелы» 1853 года, но вмѣсто того даже Ѳедоты наконецъ сообразили, что хотя и въ болѣе приличной формѣ, но въ существѣ отношеніе большей части прессы то же самое. Самоувѣренное невѣжество, нарядившись въ праздничныя одежды, било въ носъ на каждомъ шагу. Разжиганіе «инстинктовъ» (даже безъ всякаго намека объ этомъ со стороны частнаго пристава) производилось такими же пріемами, которыми дивилъ современниковъ Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, но съ тою

только разницей, что прежніе «выразители» общественнаго мнѣнія употребляли гораздо менѣе «жалкихъ словъ». Въ устахъ Булгарина «шапка» была просто «шапкой», хотя и чудодѣйственной. Взывая къ русской длани и къ русской «шапкѣ», онъ не прикрывался тѣми, нынче вошедшими въ моду, «народными интересами», «народными желаніями» и даже—о, ужасъ!—«народной волей», какъ то дѣлаютъ совершенно свободно, безъ опасенія даже за розничную продажу, наши «выразители общественнаго мнѣнія» и представители «шестой державы».

Конечно, издателю «Новаго Времени» много повредило открытіе сербскаго королевства и нѣкоторое легкомысліе. Если бы почтенный фельетонистъ не открывалъ впредь до разрѣшенія начальства «сербскаго королевства», и если бы, какъ совершенно справедливо выразился о немъ внутренній обозрѣватель журнала «Дѣло», онъ не сталъ издавать газеты, которая «отвѣчаетъ запросу на общественное легкомысліе и плодитъ общественную и личную самоувѣренность», то почтенный фельетонистъ не пользовался бы, правда, такой популярностью, какою пользуется теперь, но зато и не уготовалъ бы тѣхъ едва ли лестныхъ для его памяти нѣсколькихъ строчекъ въ будущей исторіи «развитія легкомыслія въ журналистикѣ», которыя несомнѣнно будутъ ему посвящены.

Въ роли фельетониста онъ не потерялъ бы, по крайней мѣрѣ, во мнѣніи добродушныхъ Ѳедотовъ, но въ роли «руководителя» едва ли не каждый изъ двадцати двухъ тысячъ Ѳедотовъ «Новаго Времени» не пошлетъ ему заочнаго привѣтствія за обманутыя ожиданія провести будущее лѣто на дачѣ въ губернскомъ городѣ Константинополѣ.

Когда, послѣ открытія «сербскаго королевства», мы вдругъ открыли, что страна наша производитъ не однихъ только Держимордъ, но что у насъ есть и свои Гарибальди, часть, и едва ли не бо̀льшая, нашей прессы оказалась «носительницей славянской идеи». Случилось это какъ-то внезапно, ни для кого неожиданно. Какъ созрѣла эта идея? Какимъ образомъ «носительница скандала», «свѣжихъ извѣстій» и «постепенныхъ реформъ» стала «носительницей идеи», точно по мановенію волшебной палочки,—про то никто рѣщительно не зналъ, но, надо признаться, эффектъ былъ поразителенъ.

Очевидно, и Ѳедотъ, который не любитъ соображать, если дѣло не касается пяти тысячъ содержанія, кромѣ подъемныхъ и суточныхъ, тоже ошалѣлъ и самъ вдругъ объявилъ себя носителемъ идеи, тѣмъ болѣе, что и городовой за это не хваталъ за шиворотъ, и носился съ этой идеей нѣсколько мѣсяцевъ. Носился онъ съ ней по Невскому проспекту, по вагонамъ желѣзныхъ дорогъ, обѣдалъ въ честь «идеи», выпивалъ въ честь «идеи» и иногда

въ честь той же «идеи» прикарманивалъ собранные рубли. Затѣмъ вдругъ «идея», выражаясь языкомъ биржи, стала «слабѣть», и тотъ же Ѳедотъ сталъ поносить брата серба за то, что братъ сербъ любитъ «кучу», за то, что у брата серба «куча» не чета нашей навозной кучѣ, а недоимки не запущены. «Сербъ—трусъ!»—восклицалъ теперь Ѳедотъ. «Сербъ турку не считаетъ чуркой! Сербъ неблагодарная тварь!» — вопили и Ѳедоты газетные и Ѳедоты изъ публики. Оказалось, что какъ скоро явилось «сочувствіе», такъ же скоро оно и сократилось, и добродушные Ѳедоты снова вернулись къ прерваннымъ-было обычнымъ занятіямъ писанія исходящихъ и нумеровки входящихъ, развлекаясь время отъ времени сплетнями и всякой гадостью, всплывшей какъ масло на водѣ нашего сочувствія.

Событія однако шли.

Пресса, самая откровенная наша пресса, стала говорить еще откровеннѣе и дошла наконецъ до той откровенности, до которой не всегда даже доходитъ безстыдная распутница. Она стала говорить не только отъ себя, но даже не постыдилась говорить отъ имени якобы русскаго народа. «Русскій народъ» объявлялся носителемъ новаго слова. «Русскій народъ» приглашался нести «лепту на алтарь отечества». «Русскій народъ» призывался въ Константинополь. Этимъ «русскимъ народомъ», какъ клоуны въ циркѣ, играли газетные плясуны, то бія себя въ грудь, то обличая «коварнаго торгаша», то проливая слезы умиленія отъ выносливости «русскаго народа». Не было публициста, фельетониста, корреспондента, который бы не осквернилъ своихъ устъ, употребляя всуе имя народа, того самаго народа, который и безъ всякихъ призывовъ всегда выносилъ на своихъ плечахъ всякую «идею», не только свою, но и чужую, и который всегда одинъ и несетъ «лепту на алтарь отечества».

«Къ чорту внутренніе вопросы! Не время имъ теперь!»—уже вполнѣ откровенно воскликнули эти блудницы печатнаго слова, и вслѣдъ затѣмъ, вмѣсто мыслей и словъ, одно неумолкаемое «ура» наполнило собою всѣ гранки и столбцы. «Ура» въ передовой, «ура» въ научной хроникѣ, «ура» въ фельетонѣ, «ура» въ корреспонденціяхъ вперемежку съ описаніемъ румынскихъ дамъ,—повсюду «ура», одно «ура» и ничего болѣе. Ни сколько-нибудь ясной программы, ни краснорѣчиваго молчанія, ни сколько-нибудь солиднаго знакомства съ фактами, событіями и странами, ни даже желанія проникнуть въ виды «высшей политики»—ничего. Одно «ура» и дѣлу конецъ, точно несомнѣнный патріотизмъ русскаго народа имѣетъ что-нибудь общаго съ этимъ ржаніемъ веселыхъ жеребчиковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, будущему историку придется вывести печальныя заключенія о томъ времени, когда игривый фельетонистъ при-

мируетъ чуть ли не на первомъ планѣ въ качествѣ «руководителя» одной изъ распространенныхъ газетъ и изобрѣтателя писанія «на бѣгу» при помощи искренности, невѣжества и легкомыслія, когда г. Краевскій, и тотъ даже обвиняетъ «Новое Время» въ чрезмѣрномъ усердіи, и когда россійскій Менцель—г. Катковъ, и тотъ въ настоящіе дни кажется не тѣмъ Катковымъ, который проповѣдывалъ крестовые походы, а болѣе разсудительнымъ джентльменомъ. Прочитывая, какъ одинъ «руководитель» поноситъ другого, коря то въ недостаткѣ патріотизма, то въ шантажѣ, онъ сперва придетъ въ недоумѣніе, пока не найдетъ разгадки въ искреннемъ легкомысліи, съ одной стороны, и въ розничной продажѣ, съ другой, и тогда только, быть-можетъ, найдетъ возможность написать изслѣдованіе о «патріотизмѣ въ соотвѣтствіи съ розничной продажей и легкомысліемъ».

Но зато каждый наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшитъ приподнести читателямъ извѣстіе съ пыла, сплетню пикантную и самую свѣжую, а корреспондентовъ (не одного, не двухъ) самыхъ надежныхъ, которые если и врутъ, то врутъ не преднамѣренно, а отъ избытка чувствъ и глупости. Само собою разумѣется, что въ этой бѣшеной скачкѣ за новостями нѣтъ времени для обсужденія вопросовъ (и какіе теперь вопросы? Все разрѣшено, начиная отъ вопроса объ устройствѣ Болгаріи до вопроса о розничной продажѣ). Если они и обсуждаются приличія ради, то обсуждаются на-лету поверхностно, не обманывая даже читателя надеждой, что о «подробностяхъ поговоримъ въ будущемъ нумерѣ». Точно человѣкъ съ Невскаго пришелъ къ Доминику, выпилъ рюмку водки и маршъ далѣе. Такая же скорость замѣчается и въ публицистахъ. Въ каждой строкѣ такъ и проглядываетъ довольное розничной продажей лицо издателя: «Какова, молъ, свѣжесть извѣстія! Какова краткость! Какова новость!»

Ѳедотъ-читатель прочитываетъ большой листъ, и въ головѣ у него остается какой-то сумбуръ всезнайства, какая-то пустота отъ количества самаго скороспѣлаго матеріала. Сегодня: «Англія—коварная женщина». Завтра: «Однако не вполнѣ коварная». Послѣзавтра: «Австрія—хитрая дама». На четвертый день: «Австрія—добрая сосѣдка». И такъ безъ конца, безъ стыда, безъ совѣсти. Публицистъ забылъ, что̀ говорилъ не только вчера, но даже то, что̀ онъ говорилъ сегодня утромъ, и тотъ же г. Незнакомецъ, который нѣсколько времени тому назадъ, ликуя, звалъ насъ въ Константинополь на дачу, сегодня плачетъ и говоритъ печатно, что онъ «мокрая курица» (см. 545 № «Нов. Вр.»), какъ бы извиняясь и объясняя читателю, что отъ курицы, да еще мокрой, кромѣ «мокраго мѣста» нечего и ждать. Три телеграммы «собственныя», одна «краденая» изъ иностранныхъ газетъ, одна перекупленная у г. Трубникова, одна «пожарная» или «желѣзнодорожная» (извѣстно,

что пожары и столкновенія у насъ почти ежедневные), двѣ корреспонденціи: одна о Шестаковѣ и Дубасовѣ, другая о румынскихъ женщинахъ, пять кражъ, два убійства, три взлома, двѣ сплетни и фельетонъ, гдѣ и наука, и литература, и экономическіе вопросы трактуются съ быстротой и апломбомъ лихача съ Невскаго,—вотъ та ежедневная масса самыхъ свѣжихъ извѣстій, которую Ѳедотъ-читатель глотаетъ не безъ аппетита.

— А у насъ въ «Новомъ Времени» о пропажѣ денегъ во Взаимномъ кредитѣ раньше сообщили!—бахвалится Ѳедотъ «Новаго Времени» передъ Ѳедотомъ «Голоса».

— А у насъ собственная корреспонденція съ театра военныхъ дѣйствій была, а у васъ нѣтъ!

— А у насъ первыми сообщили про скандалъ въ «Демидронѣ».

— А у насъ зато біографія Скрыдлова напечатана.

— А у насъ...

И такъ наперерывъ. Какъ видите, даже и читатель заразился конкуренціей издателей и гордится тѣмъ, что онъ раньше узналъ, когда такая-то кокотка совершила свой первый грѣх

Забыты идеалы, намѣченные когда-то лучшими людьми русской печати, которые держали высоко знамя публицистовъ. Вмѣсто тѣхъ людей—примируютъ нынѣшніе. Тѣ лицемѣры, тѣ невѣжды, которые въ тѣ времена не осмѣлились бы поднять голоса изъ боязни, что ихъ лицедѣйство будетъ обнаружено съ такой полемической красотой, послѣ которой уже трудно подняться,—теперь почуяли, что настало ихъ время. Направленій нѣтъ—есть газетныя лавчонки. Тонъ общества понизился, какъ понизился тонъ прессы. Пресса стала служить интересамъ «лавочниковъ», стала прихвостнемъ толпы, не той толпы, которая составляетъ большинство, а той, которая составляетъ общество, выбрасывающее въ окружные суды болѣе неосторожныхъ расточителей.

Болѣе трезвые голоса толстыхъ журналовъ и одной-другой газеты, въ которыхъ еще, по счастію, сохранились традиціи, завѣщанныя лучшими людьми шестидесятыхъ годовъ, раздаются нынѣ уныло, словно похоронный колоколъ среди веселаго трезвона безшабашной прессы. Да и читатель уже не тотъ, который былъ прежде. Читатель словно сквозь землю провалился. Гдѣ онъ? Отчего онъ скептически относится къ словамъ, которыя когда-то приводили его въ восторженный трепетъ? Гдѣ та связь, которая связывала читателя съ излюбленнымъ журналомъ? Увы! прежней связи уже нѣтъ.

Одни читатели не довольствуются «жалкими словами»,—они ихъ такъ много слышали; другіе—робко жмутся по захолустьямъ и, печально глядя на всеобщій канканъ, въ которомъ принимаетъ участіе и «подававшій надежды» молодой человѣкъ и вчерашній радикалъ, а нынѣшній поставщикъ провіанта, какъ-то тоскливо

умываютъ руки, брезгливо сторонясь, и тихо шепчутъ, пожимая плечами: «Доколѣ, о, Господи!»

А вообще ничего не читаютъ.

— Я, батюшка, только газету читаю. Тамъ все есть, по всѣмъ отраслямъ... Едва времени-то и на газету хватаетъ... Работы—страсть!

Такъ говорилъ молодой человѣкъ, подававшій надежды, а нынѣ ухитрившійся нахватывать изъ разныхъ мѣстъ тысячъ до двадцати.

«Господи! Неужели это онъ!—пронеслось у меня въ головѣ:—онъ, который, бывало, такъ хорошо...»

Впрочемъ, къ чему вспоминать! Это дѣйствительно былъ онъ.

Я поднялъ на него глаза. Онъ смотрѣлъ бойкимъ, яснымъ, вызывающимъ взглядомъ, но мнѣ показалось (ужъ не старая ли пріязнь это?), будто этой отвагой взгляда онъ хотѣлъ заглушить кончикъ стыдливости, который еще сохранился въ его сердцѣ.

— А какъ же насчетъ питанія мысли?.. Помните, лѣтъ десять тому назадъ...

— Какъ же, какъ же! Хорошее время было!—проговорилъ онъ и опустилъ взглядъ свой.—Молодость!..

Наступила пауза, неловкая пауза.

— Да, десять лѣтъ не видались. Вы здѣсь?—спросилъ онъ.

— Здѣсь.

— И хорошо устроились?

— Да. Работаю.

— Пишете?..

— Да,—какъ-то робко отвѣтилъ, я точно виноватый.

— Пожалуйста, навѣстите! Очень радъ встрѣчѣ, очень радъ,—проговорилъ онъ, какъ-то кисло улыбаясь и подавая мнѣ на прощаніе карточку.

Это еще изъ «стыдливыхъ». А есть и такіе, что̀ хохочутъ добрымъ, раскатистымъ смѣхомъ и съ передышкой говорятъ:

— А вы еще вопросы рѣшаете? ха-ха-ха... Онъ вопросы рѣшаетъ! (Снова раскатистый добродушный смѣхъ). А я, мой другъ, давно бросилъ эти глупости... Дав-нымъ-давно! Читаю «Новое Время»—талантливый человѣкъ Суворинъ, нельзя ему отказать въ этомъ!—ну, и никакихъ вопросовъ не рѣшаю... ха-ха-ха, кромѣ вопросовъ собственнаго благополучія... Да и нечего читать-то, по совѣсти... Вотъ только «Анна Каренина» развѣ... А обѣдать ко мнѣ приходите... Я васъ угощу. Правда, «вопросовъ» не будетъ, но накормлю по-человѣчески.

Опять смѣхъ, добрая, ясная улыбка и маленькая одышка.

Какіе тутъ вопросы!

Хотя читатель болѣе или менѣе гарантированъ отъ раздраженія мысли, тѣмъ не менѣе нѣтъ-нѣтъ, смотришь, и на Ѳедота нападаетъ уныніе, и онъ бродитъ по Демидову саду въ нѣкоторой меланхоліи.

— Что̀, братъ?—встрѣчаетъ его пріятель.

— Да ничего. Вотъ въ «Демидку» зашелъ. Тоска!

— Тоска не тоска, а надо коротать время... Телеграммы читалъ?

— Читалъ...

— Д-д-да...

А фельетонистъ, посѣщающій «Демидронъ» для наблюденій за настроеніемъ публики (такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ), подслушалъ разговоръ Ѳедота и на слѣдующее воскресенье уже строчитъ:

«Странное наше общество, весьма странное. Вмѣсто того, чтобъ радоваться и пѣть, не стѣсняясь, «Исаія ликуй!», оно мурлыкаетъ про себя какую-то тоскливую пѣсенку. Что̀ это такое? Гдѣ это видано? Въ то время, какъ на Дунаѣ рѣшается роковой вопросъ и изъявленіе радости болѣе чѣмъ когда-либо необходимо, наше общество позволяетъ себѣ малодушіе поистинѣ неизвинительное. Что это: отсутствіе патріотизма или дряблость?»

На утро Ѳедотъ читаетъ и сперва какъ будто чувствуетъ себя виноватымъ, но затѣмъ, когда чуть ли не каждый день Ѳедота донимаютъ укорами въ «меланхоліи», Ѳедотъ отправляется въ Демидовъ садъ и подходитъ къ фельетонисту.

— За что, г. фельетонистъ?

— Не ропщите!

— Боже сохрани, чтобы я, Ѳедотъ, да роптать! Слава Богу, мы русскіе люди. Рус-скіе! Я, съ своей стороны, могу даже аттестатъ показать.

— Аттестатъ аттестатомъ, но не малодушничайте.

— Да помилуйте, гдѣ же вы усмотрѣли малодушіе? Я со всѣмъ моимъ удовольствіемъ читаю... вашу газету, вашъ подписчикъ.

— А зачѣмъ вы на-дняхъ на этомъ самомъ мѣстѣ о тоскѣ говорили?

— Да какъ же, иной разъ—нечего передъ вами скрытничать—и стоскуешь. Письма пишешь - пишешь, но оттуда ни привѣта ни отвѣта. Чѣмъ же я-то виноватъ, что я человѣкъ нервный и всякіе рѣзкіе переходы на меня дѣйствуютъ? Самъ Незнакомецъ и тотъ даже въ послѣднее время въ меланхолію было-впалъ и затосковалъ въ Вѣнѣ. Что же касается ропота—что̀ вы! Во-первыхъ, слава Богу, городового я почитаю никакъ не менѣе васъ, г. фельетонистъ, а во-вторыхъ, что̀ толку! Ну, пожалуй, иной разъ втихомолку и поплачешь, такъ неужто это проступокъ, за который вы сейчасъ и грозить?.. Эхъ, г. фельетонистъ, никакъ я не думалъ, чтобы настали когда-нибудь такія времена, чтобы представители «шестой державы», такіе «шустрые парни», какъ вы, по своей охотѣ сыскнымъ дѣломъ занимались и даже меня, добродушнаго Ѳедота, готовы на цугундеръ. А еще либералами назывались!

— Во-первыхъ, бываютъ обстоятельства, когда каждый литера-

торъ-патріотъ обязанъ исполнять извѣстныя обязанности, которыя вы называете, по легкомыслію, сыскнымъ дѣломъ, а во-вторыхъ, мы и сами не знаемъ, кто мы такіе—либералы или просто-напросто откровенные люди. Прежде, когда молоды были, чирикали-себѣ въ кустахъ, ну, а теперь до того ли! Нынче восхищайся или помалчивай.

— Однако, какъ посмотрю..

— Смотрите не смотрите, а по совѣсти говоря, я и самъ не знаю, почему я нынче завопилъ, а вопить надо. Вопимъ, не зная даже, сходятся ли наши мысли съ мыслями и намѣреніями... Одна розничная еще служитъ нѣкоторымъ барометромъ. Вотъ вамъ откровенная исповѣдь, благо вы подписчикъ.

— Какіе же вы..

Но Ѳедотъ стыдится окончить свою фразу.

— Да такіе же, какъ и вы. По Сенькѣ и шапка! Вы насъ читаете, вы насъ поощряете, вы нами довольны, мы вами довольны, чего-жъ больше?.. Вы отъ насъ не требуете здравыхъ идей, не отворачиваетесь отъ товара, какой мы вамъ предлагаемъ, а товаръ мы предлагаемъ, не щадя трудовъ и издержекъ, свѣжій, самый послѣдній. Мы вамъ обѣщаемъ «обновленіе посредствомъ войны», самое свѣжее «обновленіе», при которомъ будетъ и развитіе промышленности, и развитіе торговли, и поощреніе искусствъ. Что же касается недоимокъ, то такъ какъ вы ихъ не платите, то мы этого вопроса и не касаемся. Взамѣнъ нашего товара, вы даете подписку. Развѣ все это не натурально? Вѣдь если-бъ я заговорилъ о какомъ-нибудь обновленіи, при которомъ предложилъ и вамъ нести лепту на алтарь отечества, то, пожалуй, вы, Ѳедотъ, въ свою очередь, такъ завопили бы: «городовой, грабятъ», что мнѣ бы оставалось въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики замолчать.

Ѳедотъ до нѣкоторой степени пораженъ аргументаціей г. фельетониста и хотя смутно чувствуетъ, что такому фельетонисту въ ротъ пальца не клади и не особенно довѣряй, но по свойственному ему добродушію продолжаетъ бесѣду и даже не безъ жалости спрашиваетъ:

— А обновленіе будетъ? Не надуете, какъ съ Константинополемъ?

— Разумѣется, будетъ.

— И квартиры станутъ дешевле?

— Вдвое!

— А какъ насчетъ увеличенія окладовъ, слышно что-нибудь?

— И оклады увеличатъ хорошимъ чиновникамъ, и припасы подешевѣютъ, и городовые станутъ еще любезнѣе... все будетъ!

Ѳедотъ ужъ и уши развѣсилъ. Вообразивъ себѣ, что собесѣдникъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ самыя вѣрныя свѣдѣнія и въ качествѣ

представителя шестой державы можетъ даже оказать нѣкоторую «протекцію», у Ѳедота мгновенно пробѣгаетъ въ головѣ «идея», и онъ спѣшитъ попробовать:

— Мы, конечно, публика... иногда, вы сами поднимаете... Но только...

— Да вы, Ѳедотъ, прямо, безъ подходовъ, говорите.

— Я, можно сказать, самый благонадежный, вотъ аттестатъ даже есть. Не можете ли оказать давленіе... Я бы непрочь телѣги ставить, превосходныя телѣги, самыя патріотическія...

Фельетонистъ взглянулъ на Ѳедота и просто даже ошалѣлъ. Куда дѣвался добродушный Ѳедотъ? Гдѣ его робко-добродушный взглядъ? Передъ фельетонистомъ забѣгали такіе плутоватые глаза, которымъ бы впору сидѣть на лицѣ самаго опытнаго поставщика «патріотическихъ» предметовъ.

— Однако-жъ и вы, Ѳедотъ...

— А что̀ же?..

— Да ничего. А еще Ѳедотъ!

Дѣло однако не состоялось. Тѣмъ не менѣе Ѳедотъ, вернувшись домой, не преминулъ сообщить о своей бесѣдѣ въ Демидронѣ своей супругѣ. Оба порадовались, что и припасы подешевѣютъ, и квартиры тоже, и что оклады увеличатся.

— Пожалуй, и кухаркѣ придется тогда рубликъ прибавить,—замѣтила супруга.

— Кухаркѣ? Ну, это еще посмотримъ. По-смо-тримъ!

II.

Оставь надежду навсегда!

Русскій человѣкъ до того не избалованъ дѣйствительностью, что склоненъ, какъ извѣстно, восхищаться при всякомъ обстоятельствѣ и надѣяться даже по поводу луннаго затменія. Добродушный Ѳедотъ, принявшій слова фельетониста за «самый достовѣрный источникъ», уже восхищенъ. Хотя неудача съ «патріотическими» телѣгами и отравляетъ нѣсколько его восхищеніе, тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно надѣется на удешевленіе предметовъ потребленія, на двойной окладъ и на желанное обиліе золота и серебра.

Но не одни Ѳедоты изъ публики надѣются. Искренніе литературные Ѳедоты тоже ждутъ реабилитаціи,—конечно, въ нѣсколько исправленномъ видѣ, — при чемъ разсчитываютъ, судя по сочиненіямъ, будто бы означенная реабилитація снизойдетъ на насъ въ видѣ чуда, какъ манна съ неба, при чемъ будто бы, пораженные такимъ чудеснымъ явленіемъ, всѣ поставщики и подрядчики, всѣ адвокаты и иныхъ званій расхитители вдругъ, во мгновеніе ока, устыдятся и даже покраснѣютъ и откажутся по вольной волѣ отъ

своихъ барышей въ пользу классическаго образованія. Мало того: они облекутся въ дырявыя одежды, посыплютъ главы пепломъ отъ дутыхъ акцій, примутъ мѣры къ изысканію способовъ противъ неурожаевъ и пожаровъ, отрекутся отъ театра Буффъ и дѣвицы Альфонсины и станутъ пѣть по улицамъ: «горе намъ, горе фарисеямъ и книжникамъ!»

Нельзя отказать, конечно, въ благонамѣренной сентиментальности такому полету фантазіи. Въ самомъ дѣлѣ, весьма трогательное зрѣлище могла бы представить подобная безконечная процессія кающихся грѣшниковъ in corpore, но, къ сожалѣнію, при самомъ искреннемъ желаніи, трудно найти и въ исторіи, и въ лѣтописи уголовныхъ процессовъ, замѣняющей для насъ новѣйшую исторію, какія-нибудь данныя къ осуществленію такой фантастической процессіи. Какъ бы для иллюстраціи «тщеты надежды», сейчасъ же припоминаются тѣ знаменитыя растраты-монстры, подлоги, легальныя и нелегальныя расхищенія подъ видомъ концессій, учредительствъ, банковъ и иныхъ проявленій той самой ци-ви-ли-за-ціи, изъ-за которой такъ горячился ограниченный Потугинъ и которая неожиданно явилась въ предѣлы россійскаго государства вмѣстѣ съ желѣзными дорогами, французскими кокотками, адвокатами, повальнымъ стремленіемъ прикарманить всякую движимость и недвижимость и съ пониженіемъ тона русской журналистики. Это похвальное стремленіе явилось какъ бы вдругъ и — что̀ не лишено значенія — именно вслѣдъ за періодомъ «восхищенія», когда надежды на «обновленіе» заставляли трепетать юныя сердца, когда болѣе чувствительные люди, не предвидя еще, что выкупныя скоро будутъ растрачены, проливали слезы умиленія надъ добродѣтельнымъ становымъ Надимовымъ (помнитъ ли кто его теперь?) и выставляли героями повѣстей акцизныхъ чиновниковъ. Прелестная француженка легкаго поведенія—концессія еще не появлялась въ нашихъ гостиныхъ и канцеляріяхъ. Маркъ Волоховъ еще не поступалъ кассиромъ въ общество взаимнаго одолженія. Рудинъ-младшій еще не получалъ приглашенія на мѣсто директора правленія. Хлестаковъ-сынъ еще не издавалъ газеты, и Расплюевъ-младшій не занимался репортерствомъ, короче — выкупныя еще не были проѣдены и пропиты.

Безпечно ликовали мы тогда, и въ стихахъ и въ прозѣ, хотя болѣе дальновидные и заручались мѣстами въ Привислинскомъ краѣ и изучали судебные уставы, въ мудромъ предвидѣніи, какъ бы, при отсутствіи оброковъ, грозящая нашествіемъ цивилизація не застала врасплохъ и не заставила бы кончить дни живота своего посредствомъ «пистолета» (тогда ни общества «червонныхъ валетовъ» ни общества «червонныхъ тузовъ» еще не существовало). Тѣмъ самымъ временемъ, когда мы ликовали, въ глуши южныхъ и

юго-западныхъ губерній, дальновидные, хотя еще тогда и пархатые, Шмули, Шлемки и чумазые рядчики Васьки и Ѳедьки вынюхивали, чѣмъ пахнетъ, втайнѣ приготовлялись къ большой битвѣ и жадно устремляли глаза на Францію, откуда должна была прилетѣть француженка и осчастливить насъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, гарантированныхъ пятью процентами; а докторъ правъ Лохвицкій, обозрѣвъ всѣ конституціи, уже любовно собиралъ статистическія свѣдѣнія о количествѣ подлоговъ, растратъ и иныхъ мошенничествъ, чтобы, поступивъ въ присяжные повѣренные, знать, гдѣ повадно и гдѣ не повадно. Не зная, что собираются такія точныя статистическія свѣдѣнія, многіе беллетристы и драматурги изгнали-было «акцизныхъ» изъ героевъ своихъ произведеній и произвели въ «герои» адвокатовъ. Но—увы!—съ перваго же представленія крупнаго мошенничества на сценѣ окружнаго суда адвокаты-«герои» потерпѣли фіаско и на сценѣ Александринскаго театра, и съ той поры драматургъ Викторъ Александровъ, не зная, откуда взять «героевъ», счелъ за лучшее кроить свои пьесы по иностраннымъ источникамъ. Что же касается «адвокатовъ», то самое имя ихъ стало ругательнымъ не только на сценахъ, но даже и въ дѣйствительной жизни, особенно по захолустьямъ, въ которыхъ судебные уставы представляются священной книгой, состоящей на исключительномъ попеченіи юридическихъ «волхвовъ». Когда открытъ былъ судъ, то съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени не прекращался уже тотъ рядъ подлоговъ, мошенничествъ и растратъ, который представилъ блестящую плеяду представителей всевозможныхъ культурныхъ слоевъ. Ни одинъ изъ этихъ слоевъ не избѣжалъ соблазна; каждый изъ нихъ выкинулъ изъ среды своей болѣе пылкихъ и неосторожныхъ на скамью окружнаго суда.

Давно жданная дѣвица легкаго поведенія—концессія—пріѣхала къ тому времени съ курьерскимъ поѣздомъ прямо изъ Парижа. Съ пріѣздомъ ея дѣла, какъ говорится на биржѣ, пошли «ходко», и съ той поры Израиль сталъ называться не только Израилемъ, но даже Израилевичемъ, и прежній невзрачный еврей, который считалъ за честь, если начальникъ инженерной дистанціи за малую взятку смазывалъ его по лицу слегка, а не всей ладонью, теперь окружилъ себя такою блестящей свитой, что такому блеску свиты, въ которой одинаково блистали имена, знанія и таланты, могъ бы позавидовать, по выраженію странницы Островскаго, не только султанъ Махмудъ персидскій, но и султанъ Махмудъ турецкій.

Было болѣе чѣмъ очевидно, что выкупныя свидѣтельства были съѣдены и имѣнія заложены во взаимномъ поземельномъ кредитѣ, такъ какъ тотъ самый сынокъ знаменитаго Оболдуй-Тараканова, который, еще малолѣткомъ, вмѣстѣ съ батюшкой травливалъ, бывало, по праздникамъ собаками «жидовью породу», нынѣ не только

не гнушался «породой», но даже, за приличное званію своему вознагражденіе, ежедневно въ 7 часовъ утра и въ 7 часовъ вечера подводилъ любимую собачонку къ своему «новому господину» съ пожеланіями добраго утра и добраго вечера, а сынокъ того самаго дѣятеля, который, состоя «масономъ» и боясь жидовскаго запаха такъ же точно, какъ боялся «вольной» книги, предлагалъ когда-то обратить съ помощью гарнизонныхъ солдатъ всѣхъ евреевъ въ православіе или выселить въ землю Ханаанскую, — сынокъ не только не гнушался сообществомъ «жида» и чесночнымъ запахомъ, но даже разъ, подъ веселую минуту, предлагалъ совершить надъ собой обрѣзаніе за вознагражденіе, состоящее изъ десяти тысячъ наличныхъ и десяти тысячъ въ акціяхъ по номинальной цѣнѣ.

Съ пріѣздомъ въ наши предѣлы этой легковѣсной дѣвицы и съ развитіемъ всюду различныхъ предпріятій въ видѣ банковъ, пароходствъ и т. п., ци-ви-ли-зація пошла ходчѣе, и кафе-шантаны завелись не только въ столицахъ, но почти во всѣхъ губернскихъ городахъ имперіи. Что же касается адвокатовъ, то не только въ каждомъ губернскомъ, но даже и въ каждомъ уѣздномъ и заштатномъ городкѣ завелось не по одному, а даже по два и по три Лохвицкихъ, не считая Утиныхъ, Плевакъ и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта самая «цивилизація» стала сердито хмуриться на взятку, на нашу вѣрную, добрую, старую «взятку», и безъ церемоніи выгнала ее изъ кабинетовъ, будуаровъ, канцелярій и коридоровъ, такъ что бѣдная старуха съ тѣхъ поръ стала влачить свое существованіе по захолустьямъ, и ей остался вѣренъ только увлекающійся Надимовъ, получившій съ тѣхъ поръ повышеніе и сдѣлавшійся полицеймейстеромъ, расторопнымъ, бойкимъ, распорядительнымъ, до сихъ поръ увѣряющимъ, что не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто.

Вмѣсто нашей національной «старухи», «цивилизація» стала протежировать иностранцевъ и иностранокъ: разные «промессы», «комиссіи», «паи» въ предпріятіяхъ и т. д., вслѣдствіе чего выраженіе «взялъ взятку» потеряло на Руси всякое значеніе, какъ по мизерности суммы, такъ и по неприличію формы, и замѣнилось выраженіями: «онъ заработалъ на такомъ-то дѣлѣ», «онъ взялъ за комиссію», «онъ выговорилъ себѣ промессу», при чемъ выраженія эти получили самое облагороженное значеніе рѣшительно на всѣхъ языкахъ культурнаго общества. Само собою, что цивилизація, принеся съ собой грандіозныя предпріятія, принесла съ собой и «грандіозныя промессы», такъ что сокрушавшійся-было прежде о проданномъ съ публичныхъ торговъ имѣніи культурный человѣкъ сокрушаться пересталъ и нашелъ, что «имѣнія нынче даютъ гораздо менѣе дохода», чѣмъ служба при цивилизаціи, и сталъ служить при этой самой «цивилизаціи».

Словно бы огорченные, что было время, когда, сокрушаясь и не зная, на что рѣшиться съ остатками выкупныхъ, они-было впали въ отчаяніе, культурные люди бросились на эту самую цивилизацію и, вцѣпившись въ нее зубами, стали теребить ее, точно голодная стая волковъ, настигшая добычу и съ волчьимъ инстинктомъ почуявшая, что добыча отъ нихъ не уйдетъ...

Мы стали входить совсѣмъ во вкусъ и окончательно забыли не только десять заповѣдей, но и «Уложеніе о наказаніяхъ», зная, что объ этомъ послѣднемъ должны помнить господа присяжные повѣренные,—и странное зрѣлище представилось нашимъ глазамъ. Окружные суды стали лѣтописью расхищеній, подлоговъ и растратъ со стороны болѣе пылкихъ людей. Менѣе пылкіе, но болѣе солидные пріобрѣтали легально, на законномъ основаніи, при посредствѣ промессъ, комиссій, концессій, подрядовъ и т. п. Мы стали пріобрѣтать и съ намѣреніемъ и безъ намѣренія, и по совѣсти и безъ совѣсти, и отъ недостатка и отъ избытка, и съ благотворительной цѣлью и вовсе безъ цѣли, такъ-себѣ, этъ нечего дѣлать. Движимость плохо лежитъ—давай движимость. Недвижимость—давай недвижимость... Овесъ, сѣно, подметка, пушка, сухарь, мука, вагоны, рельсы, пароходы, корабли, акціи, облигаціи, серебро и мѣдь, настоящія и фальшивыя ассигнаціи—все шло на руку. Не осталось ни одного нетронутаго мѣста. Казалось, трудно было найти въ этой бѣшеной погонѣ за наживой грудного младенца, который не протягивалъ бы своей маленькой «культурной» ручонки къ четыремъ мѣстамъ разомъ: и къ мѣсту кассира въ банкѣ, и къ мѣсту бухгалтера въ «Обществѣ ассенизаціи», и къ мѣсту учредителя компаніи «Удешевленія француженокъ», и къ званію директора-распорядителя «Общества нечистотъ». Все перемѣшалось въ этой вааловой свистопляскѣ. Сынъ Рудина сталъ расписываться въ полученіи жалованья въ тринадцати правленіяхъ, сынъ Лаврецкаго сталъ предсѣдателемъ пароходнаго общества. Маркъ Волоховъ поступилъ въ кассиры и, вмѣсто того, чтобы воровать чужія яблоки, построилъ себѣ домъ въ Кирочной и яблоки покупаетъ въ Милютиныхъ лавкахъ. Кречинскій, выпутавшись изъ непріятной исторіи, сталъ членомъ благотворительнаго общества и устраиваетъ съ тѣхъ поръ обѣды и концерты въ пользу славянъ, въ память побѣдъ, въ память неудачъ, въ пользу раненыхъ и въ пользу здоровыхъ, въ честь героевъ живыхъ и падшихъ, находя, что эта дѣятельность выгоднѣе, а, главное, безопаснѣе, чѣмъ передергиваніе картъ. Александръ Ивановичъ Хлестаковъ (сынъ Ивана Александровича) издаетъ газету и вретъ не меньше знаменитаго своего папеньки. Расплюевъ-младшій—одинъ изъ лучшихъ репортеровъ и бѣгаетъ изо дня въ день, высунувши языкъ, за приличную комиссію. Даже Базаровъ, и тотъ чуть-было не взялъ подрядъ на медика-

менты для арміи. Райскій, этотъ художникъ Райскій, тоже не избѣжалъ общей участи. Нарисовавъ двѣ плохія картины и написавъ двѣ неважныя повѣсти изъ великосвѣтской жизни, онъ, во избѣжаніе жить жизнью «некультурнаго человѣка», принужденъ былъ открыть на Невскомъ мѣняльную лавку, занявъ для того денегъ у прежняго своего соперника, а нынѣ друга, Марка Волохова. Одинъ Кирсановъ, съ глупости, не могъ получить мѣста на семъ пиршествѣ и, проѣвъ свои помѣстья, поступилъ въ клубъ «червонныхъ валетовъ», въ числѣ коихъ и былъ судимъ недавно въ московскомъ окружномъ судѣ.

«Ци-ви-ли-за-ція», какъ поняли ее всѣ, снимавшіе съ нея пѣнку, стала дѣлать такіе грандіозные успѣхи, что судебная власть потребовала увеличенія штатовъ по прокурорскому надзору и по персоналу судебныхъ слѣдователей. Процессъ громоздился за процессомъ, и не было, казалось, такого предмета, на которомъ лежало священное «табу» въ глазахъ окончательно разсвирѣпѣвшихъ цивилизаторовъ земли русской. «Пучеглазые» паровозы разносили ее по всѣмъ закоулкамъ, врѣзывались въ лѣса, врѣзывались въ болота, въ степи и въ долины и вносили за собой поклоненіе рублю и силѣ «кулака». Мужикъ сперва было-обрадовался, но когда увидѣлъ, какъ разсчитываются съ нимъ за «постройку» и за очистку отъ снѣжныхъ заносовъ, да когда сообразилъ, какъ легально добираются до его куръ, щетины, всякаго дерьма «кулаки» и «маклаки», испугался и сталъ внимательно озираться, сидя въ вагонѣ третьяго класса и придерживая рукой пазуху, гдѣ сиротливо лежатъ нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ...

Но и этого еще было мало. У мужика, какая ни на есть, а есть земля. И на эту «земельку» было-протянулись цѣпкія руки и позарились глаза. Проектъ «обезземеленія» и «устройства батраковъ» былъ уже написанъ, но тутъ «дѣльцы» потерпѣли фіаско и плюнули, заявляя, что не понимаютъ ихъ «европейско-культурныхъ началъ».

Дѣло дошло до того, что стало просто страшно, просто-таки страшно, что вдругъ все съ подряда отдадутъ—и тебя самого и семейство.

А жизнь становилась дороже и дороже. Кто брезгалъ «пирогомъ», забился въ скорлупу, но вѣдь и тамъ нужно пить и ѣсть. Хорошо одинокому, а если жена и дѣти? И больше ежились эти «брезгливые», ежились эти «интеллигентные неплательщики», строча ненужныя отношенія и составляя нелѣпыя таблицы, и умывали, какъ Пилаты, руки, робко взглядывая въ лица болѣе рѣшительныхъ и твердыхъ сверстниковъ, которые не пожелали только быть въ станѣ безвредныхъ...

Но много ли такихъ избранныхъ?..

Настоящія событія застали насъ среди самаго разгара этой оргіи...

Тотчасъ же впередъ выступили «индѣйскіе пѣтухи» нашей прессы, тогда еще не обратившіеся въ «мокрыхъ курицъ», заняли свои возвышенныя позиціи и, какъ прилично «индѣйскимъ пѣтухамъ», стали горланить во всю мочь одинъ и тотъ же мотивъ, изрѣдка варьируя его пѣсней о реабилитаціи...

Но, какъ бы въ насмѣшку, наша лѣтопись и во время событій не утратила своего уголовнаго характера, который имѣла, когда событій не было.

Стòитъ только читать газеты, чтобы видѣть, что «идея» сцапать все, чтò только можно, не покинула культурнаго человѣка и въ настоящія минуты, а, напротивъ, эта «идея» какъ будто получила еще большее разнообразіе конкретныхъ формъ. Всевозможные подряды съ «патріотической» цѣлью, гнилые сухари, «патріотическіе» подметки и фуфайки, телѣги, волы и ослы внесли большое оживленіе въ умы. Открывающаяся перспектива плѣнила не только спеціалистовъ наживы, но и спеціалистовъ науки.

По словамъ одной изъ корреспонденцій «Голоса» изъ Одессы, «все, чтò изъ еврейскаго населенія не могло примазаться къ продовольствію арміи и поставкамъ, нашло сбытъ своимъ силамъ на вновь строящейся Бендеро-Галацкой дорогѣ. Горячка наживы заразила даже людей науки (примѣры, впрочемъ, уже бывали). Нѣкоторые профессора одесскаго университета употребляютъ вакаціонное время, вмѣсто умственнаго отдыха, тоже на дѣло поставокъ и продовольствій. Такъ, одинъ изъ мѣстныхъ ученыхъ взялся заправлять конторою доставки подводъ въ Кишиневѣ за 450 рублей въ мѣсяцъ. Поэтому нѣтъ ничего предосудительнаго, что чины полиціи бросились въ интендантство, какъ служители государства, а евреи, какъ граждане».

На чей счетъ продѣлывается вся эта операція—про то едва ли даже и профессоръ, употребившій вакаціонное время на дѣла поставокъ, отвѣтитъ безъ краски на лицѣ (особенно если дѣлаетъ первый шагъ).

— Да,—скажетъ почтенный профессоръ:—послѣ этой войны я дѣйствительно обновился. Тысячъ десять заработалъ—оно, смотришь, совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ.

— Немалое я въ ту пору обновленіе получилъ на самыхъ этихъ волахъ. Волъ—добрая тварь. Онъ меня — спасибо ему, голубчику —вѣкъ Богу за себя заставилъ молить! Дѣла были, нечего таиться!—промолвитъ «чинъ полиціи», бросившійся на подряды.

— Ддда... недурное время!—задумчиво процѣдитъ новый подрядный «баронъ», сидя наединѣ съ собственной своею совѣстью.

И, конечно, ни «баронъ», ни г. профессоръ, ни «чинъ полиціи» тутъ не при чемъ. Много ли въ настоящее время такихъ «героевъ», которые бы отказались отъ такого блестящаго «заработка»? Весь

этотъ аппетитъ, который культурный человѣкъ чувствуетъ—«знаменіе времени», и не остановить его ничѣмъ на свѣтѣ, пока... пока еще останется хоть тѣнь надежды на среду, «производящую спекулянтовъ». Они самымъ спокойнымъ образомъ могутъ пѣть:

«Страха не страшусь!»

и жертвовать въ пользу «больныхъ и раненыхъ» нѣкоторыя суммы для пріобрѣтенія званія самыхъ настоящихъ «патріотовъ».

Когда читаешь трогательное описаніе корреспондента «Daily News», какъ русскіе солдаты, «эти благородные люди, высыпали хлѣбъ изъ своихъ мѣшковъ на колѣни болгарскихъ женщинъ и дѣтей, хотя сами оставались безъ пищи и даже не знали, когда имъ снова придется ѣсть, какъ они шарили по карманамъ, вытаскивая послѣдніе мѣдные гроши, и отдавали ихъ исхудалымъ дѣтямъ бѣдныхъ бѣглецовъ, сопровождая свою милостыню шуткой, чтобы скрыть слезу»,—невольно является сравненіе, какъ бы для того, чтобы заставить задуматься самаго недальновиднаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, эти «голодные» русскіе солдаты отдаютъ послѣднее въ то время, какъ сытые «рыцари золотого тельца» готовы отнять послѣднее!

III.

Меланхолія и „меланхоликъ".

«Меланхолія» повисла въ воздухѣ. Она сказывается на улицахъ, въ театрахъ, въ гостиныхъ и кабинетахъ. Она пробралась даже къ тѣмъ людямъ, которые болѣе другихъ обезпечены отъ меланхоліи и привыкли глядѣть впередъ безъ «страха и боязни», въ полной увѣренности, что начальство сумѣетъ разсѣять всякую меланхолію.

Несмотря на то, что нѣкоторые журналисты добровольно наблюдаютъ за бодростью духа, нѣтъ-нѣтъ и прорвется наружу чувство какого-то неопредѣленнаго томленія. Добиться истинныхъ причинъ такой малодушной перемѣны довольно затруднительно, такъ какъ ничто не указываетъ, чтобы эта меланхолія основывалась на глубокомъ размышленіи, а не на порывѣ чувствъ, и чтобы она не смѣнилась снова ликованіемъ и полнымъ забвеніемъ съ тою же поспѣшностью, съ какою наши журнальные «индѣйскіе пѣтухи» превратились въ «мокрыхъ курицъ».

Одинъ изъ болѣе яркихъ представителей этой заносчивой птицы, г. Незнакомецъ, съ искренностью и откровенностью заявилъ о своемъ превращеніи, при чемъ въ тоскѣ заявлялъ желаніе даже «рвать на себѣ волосы». Это превращеніе, конечно, поучительно, но кто поручится, что тотъ же г. Незнакомецъ не обратится снова въ «индѣйскаго пѣтуха» и попрежнему не станетъ славословить «свою кучу»?

Такое явленіе не будетъ сюрпризомъ. Ко всякимъ сюрпризамъ

и неожиданностямъ мы привыкли, тѣмъ болѣе, что никто болѣе индѣйскаго пѣтуха не способенъ обращаться въ «мокрую курицу», чуть только «пѣтухъ» получитъ щелчокъ по носу. Согласитесь, что надѣяться на такую малодушную птицу рѣшительно невозможно...

У меня есть одинъ знакомый молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, замѣчательный тѣмъ, что никогда никакая меланхолія не машетъ надъ нимъ своими мрачными крыльями. Когда-то, давно еще, онъ «воображалъ», но, благодаря тому, что за воображеніемъ послѣдовала реальность, онъ пересталъ «воображать» и сталъ аккуратно и добросовѣстно ходить на службу, такъ что съ теченіемъ времени въ каждой исходящей и входящей бумагѣ умѣлъ усматривать нѣчто «цѣльное и законченное». Если онъ не обратился въ Акакія Акакіевича, то благодаря тому, что у его маменьки есть два дома на Гороховой, и онъ ея единственный наслѣдникъ. По этой же самой причинѣ онъ не совершилъ ни одного подлога и ни одной злонамѣренной подчистки, хотя предложенія на этотъ счетъ получалъ не разъ, и ни разу не былъ судимъ присяжными засѣдателями...

Маменька у него—замѣчательная женщина. Она любитъ сына безъ памяти, цѣлые дни взыскиваетъ деньги съ жильцовъ, расторопна, какъ частный приставъ, энергична, какъ брантъ-майоръ, и понимаетъ духъ времени, какъ г. Краевскій. Ей подъ пятьдесятъ лѣтъ, но на видъ ей никто этихъ лѣтъ не дастъ, такъ она крѣпка, бодра и предпріимчива. Какъ она пріобрѣла два дома на Гороховой, про то никто не знаетъ, кромѣ ея самой, но дома̀ нигдѣ не заложены и приноситъ хорошій доходъ, а это главное...

Она сама нѣстуетъ своего сына, смотритъ ему въ глаза, требуя взамѣнъ того, чтобы онъ имѣлъ взоръ ласковый и открытый, чтобы кушалъ съ аппетитомъ, чтобы никакихъ мыслей не имѣлъ и никакой меланхоліи не разводилъ.

— Сегодня меланхолія, завтра меланхолія... смотришь, ты и на службу станешь опаздывать, а тамъ—да храни тебя Богъ!—мысли свои заведешь, а заведешь ты, глупенькій, мысли, тогда...

Прасковья Петровна обыкновенно не досказывала, но изъ безнадежнаго взмаха руки ясно было видно, что тогда будетъ нехорошо... «Къ чему же я ему два дома на Гороховой пріобрѣтала!» какъ будто скрывалась недосказанная мысль.

И Вася мало-по-малу отъ всякихъ мыслей отвыкалъ, книжекъ почти никакихъ не читалъ и тѣшилъ маменьку... Одно, впрочемъ, сокрушало ее: не умѣлъ онъ пріобрѣтать и не выказывалъ способностей своей маменьки. «Не всѣмъ же Богъ ума далъ!»—утѣшала себя мать и подыскивала ему жену, которая была бы недурна, полна и глупа настолько, чтобы не догадалась перевести на свое имя два дома на Гороховой и не убѣжала съ любовникомъ за границу.

Я иногда посѣщалъ Прасковью Петровну и всегда изумлялся ея твердому образу мысли, не знающей никакихъ уклоненій въ сторону. Она часто угощала меня и не разъ, бывало, въ шутку замѣчала:

— А невѣсту для Васи не подыскали?

— Подходящей нѣтъ, Прасковья Петровна.

— Нѣтъ—подождемъ. А этихъ мнѣ не надо. Либо домъ слизнетъ, либо Васю въ женскій университетъ совратитъ. Видала я на своемъ вѣку немало. Васѣ нужна женщина приглуповатая...

Въ послѣднее время однако Прасковья Петровна нѣтъ-нѣтъ да и пожалуется на сына.

— Ѣсть меньше началъ, въ Демидронъ рѣже ходитъ, сталъ меланхолію разводить и заводить мысли. Когда это началось, этого я, за хлопотами, не услѣдила, но что мысли завелись, это я очень хорошо вижу. Правда, и прежде съ нимъ случалось, по разъ-два, не болѣе. Разъ на Большой Мѣщанской—еще тогда ее въ Казанскую не окрестили—по ошибкѣ такъ отколотили Васю, что онъ еле домой дотащился и вскорѣ впалъ въ меланхолію. Но вѣдь съ кѣмъ «ошибки» не бываетъ; не бываетъ ошибки только у тѣхъ, кто ничего не дѣлаетъ. Другой разъ, тоже по ошибкѣ, Васю на съѣзжую отвезли. Ну, снова было-затосковалъ. Но что̀ сдѣлаешь: ошибка! Тѣмъ болѣе, что передъ нимъ оба раза извинились: Вася не только простилъ, но даже по рюмкѣ водки оба раза поднесъ и никакой злобы не чувствовалъ, хотя шея у него и долго болѣла. Ходилъ-себѣ въ Буффъ и возвращался такой довольный, ѣлъ съ такимъ аппетитомъ, что я и сама, бывало, для компаніи съ нимъ ужинала, а теперь...

Прасковья Петровна сумрачно взглянула въ двери и примолвила:

— Да вотъ пойдемте, сами увидите.

Прасковья Петровна тихо, аккуратно подошла къ двери и отворила ее внезапно съ ловкостью опытнаго сыщика. Мы вошли. Вася сидѣлъ передъ столомъ, а на столѣ передъ нимъ лежала географическая карта. Очевидно, онъ струсилъ, потому что при нашемъ входѣ онъ отодвинулъ отъ себя карту, будто эта карта такъ-себѣ, безъ всякой нужды лежитъ, и постарался улыбнуться привѣтливо и ясно, какъ будто никакими мыслями не занимался.

— Ты что̀ дѣлаешь?—строго спросила Прасковья Петровна.

— Я, маменька, ничего не дѣлалъ. Такъ вотъ сидѣлъ и пальцами перебиралъ справа налѣво и слѣва направо.

— Вася, Вася! Ты вѣдь меня, голубчикъ, не проведешь. Карта здѣсь зачѣмъ?

— Карта? А Богъ ее знаетъ, на что мнѣ карта! Генералъ я, что ли?

— А отчего ты варенья не спросишь?

— Не хочется что-то, маменька!

Прасковья Петровна покачала головой въ мою сторону и замѣтила:

— Видите!

Потомъ, обратившись къ струсившему сыну, сказала серьезнымъ тономъ:

— Охъ, Василій, лучше не разсуждай и никакихъ мыслей не имѣй. По совѣсти, добромъ прошу тебя, не разсуждай. Станешь ты разсуждать, глядя на тебя и Матрена-кухарка станетъ разсуждать, а тамъ... вѣдь тебѣ же, дураку, хуже будетъ..

— Но помилуйте, маменька, вѣдь и я наконецъ человѣкъ... Тоже мысли лѣзутъ... никто ихъ не проситъ, а онѣ такъ и лѣзутъ... Кому отъ этого убытокъ?

— Во-первыхъ, мысли у тебя глупыя—ты, вижу я, опять сталъ «воображать», забылъ, видно, какъ тебя на Большой Мѣщанской... Во-вторыхъ, кто это тебѣ открытый листъ такой выдалъ? Не намъ съ тобою этимъ заниматься... Для этого господа начальники есть, это ихъ дѣло разсуждать, за это имъ и жалованье платятъ. Они пусть и разсуждаютъ, а ты прислушивайся и жди... жди и прислушивайся! Какъ они скажутъ, такъ и ты скажи. Скажутъ они: «съ нами Богъ!»—и ты повтори: «съ нами Богъ!»; скажутъ они: «дуракъ!»—и ты повтори: «дуракъ!»... А лѣзетъ къ тебѣ мысль, ты гони ее отъ себя, гони, сходи въ Демидовъ, поговори тамъ съ какой-нибудь дамой—на это я не сержусь—поужинай, помолись Богу да и ложись спать. Такъ-то лучше, Вася, право, лучше... Умру—два дома на Гороховой тебѣ же достанутся, а съ двумя домами безъ всякихъ мыслей прожить можно, слава Богу...

— Я сегодня, маменька, въ вокзалѣ былъ, и если-бъ вы видѣли... этихъ раненыхъ

— Я и безъ того вижу... А ты зачѣмъ ходилъ туда? Ты не ходи, никуда не ходи. Лучше сиди дома и газетъ не читай. Право, запретила бы я газетамъ писать о военныхъ дѣйствіяхъ... Убитые, раненые... только глупую меланхолію разводятъ... Точно въ самомъ дѣлѣ война бываетъ безъ убитыхъ... Брось-ка ты свою карту—ишь генералъ какой выискался!—да пошли бы вы съ Откровеннымъ Писателемъ на бильярдѣ сыграть. Все-жъ развлеченье...

Мы вышли съ Васильемъ Иванычемъ, но пошли не на бильярдѣ играть, а отправились къ общему нашему знакомому на Петербургскую сторону, къ отставному генералу. Я вполнѣ былъ увѣренъ, что почтенный ветеранъ разсѣетъ нашу меланхолію.

IV.

«Утѣшитель».

«Утѣшитель», къ которому мы шли, былъ почтенный, старый-престарый отставной генералъ, сѣдой какъ лунь, добродушный и прелюбезный. Онъ знаетъ массу военныхъ анекдотовъ, много раз-

личныхъ эпизодовъ и отлично помнитъ, когда Иванъ Ивановичъ произведенъ въ полковники, когда Петръ Петровичъ получилъ Анну на шею, когда Степанъ Степановичъ отличился при взятіи крѣпости Ахты и т. п., и нерѣдко дѣлится такими «послужными списками» съ читателями «Русской Старины» и «Русскаго Архива». Онъ на своемъ вѣку дрался и на Кавказѣ, дѣлалъ польскую кампанію, ходилъ на венгровъ, былъ въ Севастополѣ, а теперь, на закатѣ лѣтъ, вспоминаетъ на половинной пенсіи славу русскаго оружія. Онъ любитъ безъ памяти единственную свою дочь и жалѣетъ, что ее никакъ нельзя отдать въ солдаты, но зато старикъ гордится, что дочь его знаетъ военную исторію и можетъ раскритиковать любой планъ не хуже полковника генеральнаго штаба. Русскаго солдата онъ любитъ и говоритъ, что никто такъ не умѣетъ безпрекословно умирать, какъ нашъ солдатъ. Онъ обожаетъ штыкъ, скептически относится къ хитрымъ планамъ, проливаетъ слезы умиленія при воспоминаніи о «дѣдушкѣ Суворовѣ» и сердито говоритъ о штабныхъ и интендантскихъ чиновникахъ. Послѣднихъ онъ просто ненавидитъ и говоритъ про нихъ не иначе, какъ про «интендантскихъ крысъ». Онъ самъ бы пошелъ на войну, если бы не деревянная нога. Эта «деревяжка» сердитъ браваго старика, но—дѣлать нечего—съ деревянной ногой далеко не уѣдешь, и онъ ведетъ кампанію у себя въ маленькой квартирѣ, на Петербургской сторонѣ. Дочь изображаетъ изъ себя его начальника штаба. Мой генералъ никогда не унываетъ, хотя бы его войска и были въ меньшемъ числѣ противъ непріятеля, и, когда дочь совѣтуетъ ему разставлять булавки съ флагами съ большею осторожностью, онъ сердится и называетъ ее «нѣмкой».

Когда я спрашивалъ его превосходительство, какъ дѣла, старикъ обыкновенно отвѣчалъ:

— Дѣла хорошія... дѣла прекрасныя. Развѣ съ нашимъ солдатомъ могутъ быть скверныя дѣла?.. Вотъ посмотри-ка на карту... Лиза, принеси флаги... Вотъ видишь ли... Балканскій хребетъ... Молодецкій переходъ... Первая армія бьетъ лѣвый флангъ, вторая—правый, а тѣмъ временемъ вотъ эта третья армія...

— Папенька, да гдѣ же вторая армія?.. Вторая занята осадой крѣпостей. .

— А еще боевая дѣвочка!—укорительно замѣчаетъ генералъ.—По-нѣмецки, видно, разсчитываешь... осадами заниматься. Мы оставили только наблюдательные отряды, а сами—маршъ!

Признаюсь, я мало понималъ въ этихъ движеніяхъ булавокъ съ флагами по картѣ Балканскаго полуострова, но увѣренность, съ которой старикъ двигалъ корпуса и разбивалъ направо и налѣво, невольно сообщалась и мнѣ, такъ что подъ конецъ и я повторялъ за нимъ въ патріотическомъ одушевленіи:

— Первая армія бьетъ лѣвый флангъ... вторая—правый и т. д., такъ что черезъ двадцать, много тридцать минутъ обыкновенно кампанія была окончена, и генералъ приказывалъ подать закусить.

Когда я выражалъ старику сокрушеніе относительно неимѣнія извѣстій, старикъ замѣчалъ:

— Нѣтъ, значитъ, и не надо. На что тебѣ извѣстія?

— Все-таки... интересно.

— Подожди, братецъ. Начальство и извѣстія тебѣ пришлетъ, когда нужно будетъ. Извѣстій нѣтъ, значитъ, все слава Богу.

Когда послѣ зевинскаго дѣла я посѣтилъ старика, онъ весело говорилъ:

— А ты носъ зачѣмъ повѣсилъ?.. Отступили—это заманить... Помнишь, какъ Суворовъ заманивалъ... Сегодня неудача—завтра удача!

— Однако убитыхъ порядочно-таки...

— А ты какъ думалъ!?

На завтра генералъ снова утѣшалъ меня:

— Что-жъ неудача? Подождемъ: сегодня неудача—завтра удача!

Прошло нѣсколько времени; прихожу къ старику, а онъ все-таки бодрится:

— И это ничего. Онъ, шельма, окопался хорошо, и штыкъ, голубчикъ, не смогъ, а унывать нечего, братъ. Сегодня неудача—завтра удача!

— Изъ строя выбыло-таки довольно...

— А ты какъ думалъ?—добродушно замѣчалъ старикъ.

Прихожу къ нему не такъ давно снова за разъясненіями, а онъ снова свое:

— Ну, что-жъ! Сегодня неудача—завтра удача! Такъ-то, молодой человѣкъ!

— Но однако болгаръ турки рѣжутъ.

— А ты какъ думалъ!?—добродушно подмигивалъ глазами старикъ.—На войнѣ, братецъ, безъ этого нельзя!

И всегда въ этакомъ родѣ, при чемъ свои замѣчанія онъ подкрѣплялъ обыкновенно ссылками на военную исторію, на стойкость русскаго солдата и на собственныя воспоминанія.

— Тоже и съ нами это было, когда я служилъ въ Кабардинскомъ полку. Командовалъ имъ тогда Иванъ Захаровичъ, славный боевой товарищъ. Мы пошли съ батальономъ, а черкесовъ тьма за завалами, а заваловъ-то этихъ было четыре ряда. Ну, что дѣлать, не идти же назадъ; пустили молодцовъ въ штыки. Первый завалъ взяли, второй взяли, ну, а третій—видимъ, народу ужъ осталось нашего вовсе мало... отступили. Зато на завтра, какъ пришло еще два батальона, задали мы имъ перцу. Такъ-то... Сегодня неудача—завтра удача!

Старикъ всегда сердился, если я по поводу его разсказовъ робко возражалъ, что его утѣшительное «все къ лучшему» не всегда проливаетъ бальзамъ утѣшенія, особенно при чтеніи о количествѣ выбывшихъ изъ строя.

— А ты какъ думалъ? На войнѣ шутятъ, что ли!?—горячился старикъ.—Война, братецъ, не шутка. Ну, сегодня неудача—завтра удача. Слава Богу, русскій солдатъ грудью возьметъ, если надо. Или насъ, русскихъ, мало?

И хотя аргументація, какъ видитъ читатель, бывала обыкновенно та же самая, но я выходилъ отъ генерала всегда успокоенный, что въ концѣ концовъ, если надо, солдатъ грудью возьметъ-таки.

Приходимъ къ нему и, послѣ первыхъ привѣтствій, разумѣется, спрашиваемъ о дѣлахъ...

— Одно скверно,—сказалъ нашъ хозяинъ:—дамы наши ведутъ себя гадко.

— Дамы?.

— Читали, что о нихъ г. Зиссерманъ въ «Новомъ Времени» пишетъ... Какъ онъ ихъ всѣмъ властямъ отдаетъ на растерзаніе за то, что дамы туркамъ и конфеты возятъ и папиросы набиваютъ, а одна даже шампанское съ туркой въ саду дула...

Я было-заступился за дамъ и старался замолвить за нихъ словечко, поясняя, что дама, да еще «мѣстная аристократка», съ туркой шампанское пьетъ ради забавы... Сегодня она, забавы ради, занимается филантропіей, завтра глазѣетъ на Николини, послѣзавтра съ туркой шампанское пьетъ и смотритъ, съ поволокой ли у турки глаза, затѣмъ раненымъ солдатамъ бисерныя колечки возитъ, послѣ, смотришь, о безнравственности сокрушается—женскіе, молъ, курсы виноваты... Что и дѣлать, какъ не блажить, дамѣ, да еще мѣстной аристократкѣ...

Но, несмотря на доводы, хозяинъ не унимался. Онъ вышелъ въ кабинетъ, принесъ оттуда листъ бумаги и прочиталъ громко и внятно:

Мѣры противъ «мѣстныхъ аристократокъ».

Затѣмъ слѣдовали пункты:

Пунктъ 1. За унылый видъ, какъ-то: мрачный взоръ и сомнѣвающееся молчаніе, тюремное заключеніе отъ недѣли до мѣсяца.

2. За таковыя же рѣчи—тюремное заключеніе отъ мѣсяца до трехъ.

3. За угощеніе турокъ припасами—отъ трехъ до шести.

4. За угощеніе ихъ припасами въ публичномъ мѣстѣ—отъ шести до одного года.

Далѣе слѣдовали еще шесть пунктовъ въ томъ же родѣ, въ которыхъ предусмотрѣны были еще болѣе тяжкіе проступки.

Когда чтеніе было окончено, то онъ спросилъ:

— Какъ вамъ это нравится, господа?..

Мы таки-струсили и ничего не отвѣтили.

— По моему мнѣнію, это единственное средство—единственное и рѣшительное, и я намѣренъ его предложить черезъ одинъ изъ органовъ нашей прессы.

Вотъ до чего довели «мѣстныя аристократки» въ сущности добраго человѣка!

Нечего и говорить, что мы простились съ генераломъ въ самомъ бодромъ настроеніи.

V.

Встрѣчи.

Мы шли по Большой Дворянской улицѣ, весело разговаривая, какъ недалеко отъ Тучкова моста замѣтили впереди себя кучу народа. «Вѣрно, кого-нибудь раздавили, а не то драка!»—подумали мы вслухъ и прибавили шагу. Однако ни крови ни драки не было, а было вотъ что: посреди улицы стояло человѣкъ восемь уличныхъ музыкантовъ-чеховъ; они находились въ блокадѣ, такъ какъ вокругъ стояла толпа... Высокій, плотный господинъ въ фуражкѣ съ кокардой, сильно жестикулируя руками, громко кричалъ на нихъ сиплымъ басомъ. Припухлое лицо его было багрово отъ пьянства, а заплывшіе жиромъ глазки плутовато бѣгали какъ-то наискось...

— Играй... Игрррай... Я тебѣ гавар-р-р-р-ю, каналья-нѣмецъ.

Чехи были въ недоумѣніи.

— Валяй маршъ Шестаковъ-Дубасовъ... Урра!

Многіе изъ публики поддержали требованіе.

— Платить вы будете?

— Платить!?. Ха-ха-ха!.. Платить... Тутъ чувство, а онъ платить... А этого хочешь?

И фуражка съ кокардой показала при общемъ смѣхѣ такой большой волосатый кулакъ, что музыканты тотчасъ же заиграли маршъ.

«Капитанъ» дирижировалъ самъ. Онъ отбивалъ руками тактъ и весело смѣялся. Многіе изъ публики тоже. Скандалъ былъ полный.

Когда музыканты кончили маршъ, тогда онъ скомандовалъ:

— Теперь валяй Скрыдловъ-польку!

Музыканты только пожимали плечами въ недоумѣніи и черезъ переводчика объяснили, что такой еще не сочинено.

— Врешь... Не можетъ быть... Скрыдловъ-полька должна быть...

Музыканты стали играть какую-то польку.

Капитанъ снова дирижировалъ.

По окончаніи польки музыканты были отпущены. Публика стала расходиться. Капитанъ громко хохоталъ самымъ торжествующимъ смѣхомъ.

Мы продолжали свой путь, какъ вдругъ надъ самыми нашими ушами раздался знакомый сиплый басъ и понесло водкой:

— Ваши фамиліи, милостивые государи!

Мы остановились. Передъ нами былъ «онъ».

— Ваши фамиліи, чтобы знать, почему вы смѣялись надъ патріотическимъ проявленіемъ чувства... Почему?—допрашивалъ онъ.

— Оставьте насъ въ покоѣ...

— Не могу, хотя бы и желалъ... Нынче такое время... Чувства каждаго русскаго... Я пятнадцать лѣтъ служилъ по провіантской части... изъ-за патріотизма собственно потерпѣлъ... Но я не могу... Объясните, почему вы смѣялись...

Признаться, мы начинали трусить. Онъ говорилъ нарочно громко, очевидно, разсчитывая на скандалъ.

— Мы... помилуйте... Мы не смѣялись...

— Неправда... Когда играли Скрыдловъ-польку, вы оба улыбались... Позвольте спросить, въ какомъ смыслѣ?.

Мы было-хотѣли продолжать путь, но онъ заступилъ дорогу и продолжалъ:

— Не угодно ли въ участокъ? Тамъ все это разберутъ... разберутъ! Изволили бывать въ участкѣ? Я довольно часто бывалъ и знаю, что тамъ разберутъ... Не угодно ли?

И онъ даже сдѣлалъ движеніе локтемъ, какъ бы приглашая насъ подъ-ручку. Очевидно, смущеніе наше не скрылось отъ него.

— Оставьте насъ...

— Я понимаю... вамъ не желательно туда. По-ни-маю-съ! Быть-можетъ, что-нибудь чрезвычайное можетъ открыться... «A bas городовой!», что ли... Но въ такомъ случаѣ сумма въ пять рублей— и я прощу, а не то... вы слышали, каковъ у меня баритонъ... вы слышали... Я такъ крикну: «городовой!», что онъ меня издалека услышитъ... Eh bien?..

Любопытные стали-было собираться, но «онъ», со свойственной ему величественностью, мановеніемъ своего непомѣрнаго кулака отогналъ ихъ на приличное разстояніе и тихо прибавилъ:

— Вы видѣли настроеніе? Скорѣй же, а не то я крикну, что вы турки, и тогда... понимаете, что можетъ произойти тогда?— прошепталъ онъ, жадно устремляя пьяный взглядъ на наши карманы.

Увы! Мы поняли, очень хорошо поняли, какую злую шутку готовили намъ, но въ то же время жаль было пяти рублей. Мы переглянулись и, какъ бы сговорившись, отстранили пьяницу—онъ еле держался на ногахъ—и пустились бѣжать.

Громкій веселый хохотъ раздался вдогонку, и вслѣдъ затѣмъ знакомый голосъ проревѣлъ:

— У-у-у... у-люлю, у-люлю! Я васъ все-таки отпечатаю... въ газетахъ... ха-ха-ха...

Казалось, вся улица загоготала.

А мы бѣжали, словно бы воры, и, только добѣжавъ до первой будки у Тучкова моста, перевели духъ и стали собираться съ мыслями.

Оглянувшись и не замѣтивъ за собой никакой погони, мы пошли тише. Мой спутникъ былъ блѣденъ, испуганно озирался и предлагалъ взять извозчика.

— Со мной уже разъ было... въ Большой Мѣщанской... по ошибкѣ.

Я сталъ его успокаивать и замѣтилъ, что на Тучковомъ мосту людно.

— На Большой Мѣщанской улицѣ еще люднѣе было. Однако-жъ...

— Но онъ просто, мошенникъ, хотѣлъ воспользоваться случаемъ. Если бы не пьянствовалъ, то, вѣрно, взялъ бы подрядъ на фуфайки, а не эксплоатировалъ бы настоящія событія такимъ образомъ. Повѣрьте, Василій Ивановичъ, что мы теперь внѣ всякой опасности.

Мало-по-малу мы совсѣмъ ободрились, и мысль объ угрожавшей намъ опасности оставила насъ. Мы прошли Тучковъ мостъ, повернули въ первую линію и хотѣли-было нанимать извозчика, какъ меня окликнулъ знакомый голосъ.

Я обернулся. Господи!.. Это былъ Макаръ Ивановичъ, знакомый уже моему читателю, но кто бы его могъ узнать!

Онъ осунулся и постарѣлъ, точно за это время съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе. Глаза мутно глядѣли съ какимъ-то болѣзненнымъ выраженіемъ. Губа отвисла. Онъ былъ какой-то растерянный.

— Макаръ Ивановичъ, неужто это ты? Что съ тобой?

— Я, я. Развѣ такъ ужъ постарѣлъ?—какъ-то болѣзненно улыбнулся Макаръ Ивановичъ.—«Окропиши мя иссопомъ и паче снѣга убѣлюся». Вотъ посмотри.

Онъ снялъ шляпу.

— Что съ тобой? Боленъ былъ?

— Вырвалъ. Надо всегда зло съ корнемъ... «По велицей милости твоей...» вырвалъ.

— А семейство, служба?

— Семейство... ничего, слава Богу, а служба... вѣдь я не служу.

— Не служишь?..

— Не служу!—печально прошепталъ Макаръ Ивановичъ.

— Да, я и забылъ. Газета какъ твоя идетъ?

Макаръ Ивановичъ при словѣ «газета» отскочилъ отъ меня, словно ужаленный, и издали пытливо вглядывался въ меня.

— Ты не смѣешься?—наконецъ проговорилъ онъ.

— Христосъ съ тобой. Чему смѣяться?

— Она—газета-то—и довела меня до настоящаго положенія. Нѣтъ, ты лучше не говори мнѣ никогда о газетѣ. При видѣ этого поганаго чернаго листа меня просто трясетъ, какъ въ лихорадкѣ. Черезъ газету я все потерялъ: имѣнье было—нѣтъ его, у жены кое-какія деньжонки—нѣтъ ихъ, здоровье было—нѣтъ его, волосы были—нѣтъ ихъ!

Онъ проговорилъ эти слова съ такимъ озлобленіемъ, глаза его при этомъ такъ злобно сверкали, что вчужѣ человѣка жаль было.

— Ты лучше не спрашивай, послѣ когда-нибудь все разскажу. Теперь только скажу одно: если бы мнѣ предложили на выборъ: издавать газету или повѣситься, я бы безъ малѣйшаго затрудненія избралъ послѣднее. Ты самъ знаешь, я былъ человѣкъ добродушный, а теперь...

Онъ помолчалъ и продолжалъ уже на ходу:

— Нѣтъ у меня газеты, и слава Богу. Да и къ чему намъ газеты?

— Что?

— Къ чему, говорю, намъ газеты? Лишнее...

— А восточный вопросъ? Помнишь, какъ ты интересовался имъ и хотѣлъ, какъ говорилъ, поставить его прочно?

— Вѣдь я ду-ракъ былъ. Вотъ какой дуракъ. О, Господи! Вѣдь оказывается, что имъ-то, братьямъ-болгарамъ, лучше жить, чѣмъ намъ съ тобою. У нихъ вотъ подати за три года впередъ взимаютъ. А объ этомъ я тогда не справился. Думалъ: всѣ говорятъ, стану и я говорить,—и вышло, что всѣ врали, и я вралъ. Довольно. Я хотѣлъ быть откровеннымъ, но... нѣтъ, нѣтъ, не могу больше.

Я искоса взглянулъ на Макара. Гдѣ прежняя отвага? Гдѣ бодрость духа? Гдѣ вѣра? Ничего не осталось отъ всего этого.

— Какіе мы, братъ, дураки. Бить насъ надо.

— Помилуй, за что?

— За все, а главное—за невѣріе. Намъ не газеты нужны, а палка и молитва, молитва и палка. Зазнались мы очень.

Я сталъ пугаться. Не то Макаръ Ивановичъ начитался «Дневника писателя», не то, въ самомъ дѣлѣ, издательство привело его къ тихому помѣшательству.

— Молись, братъ, и проси кого-нибудь, чтобы тебя палкой били. Въ этомъ одно спасеніе.

Мы сѣли въ конку и рѣшили ѣхать втроемъ къ Палкину. Дорогой Макаръ Ивановичъ велъ себя чрезвычайно странно. То говорилъ, что русскіе — первый народъ въ мірѣ, то говорилъ, что палка—одно наше спасеніе.

VI.

«Откровенный патріотъ».

Тѣмъ не менѣе мы заказали себѣ хорошій обѣдъ и спросили себѣ вина. Макаръ Ивановичъ мрачно пилъ, вздыхалъ и шепталъ: «помилуй мя, Боже». А рядомъ съ нами сидѣла компанія, два статскихъ и одинъ интендантскій чиновникъ. Они говорили довольно громко, и разговоръ былъ больше какой-то подрядный. Рѣчь шла о холстѣ, о ряднѣ, о подмсткахъ. Подъ конецъ обѣда наши сосѣди окончательно не стѣснялись. Особенно отличался въ этомъ отношеніи небольшого роста, черненькій, довольно гнуснаго вида брюнетъ. Онъ какъ-то съ особеннымъ засосомъ толковалъ о чувствахъ о русскомъ «солдатикѣ», и допрашивалъ чиновника, по чемъ предполагается сдать кожевенный товаръ. Чиновникъ сказывалъ цифру, называя вѣроятнаго счастливца, и надо было видѣть, что̀ дѣлалось съ брюнетомъ!

— Совѣсти въ нихъ нѣтъ, нѣтъ. И Бога нѣтъ... Все забыли!— шипѣлъ онъ.

— Гдѣ совѣсть, гдѣ Богъ? — одобрялъ чиновникъ. — Нѣтъ ея. Нашъ солдатикъ какой сухарь ѣстъ, а?.. Просто слезы прошибаютъ, когда читаешь. Тоже русскіе люди. Развѣ мы не русскіе?

Собесѣдники соглашались. Блондинъ, молчаливо душившій шампанское, презрительно взглядывалъ на брюнета, а брюнетъ терзался.

— Такъ, вы говорите, и рядно?

— И рядно... Бога нѣтъ... А вы попытайтесь.

— Человѣкъ, бутылку шампанскаго. Гдѣ у нихъ честь?

— Какая честь,—лепеталъ чиновникъ.—Честь!.. Ѳедоръ Ивановичъ еще не рѣшилъ. Побывайте-ка у него.

— Вы думаете?

Разговоръ вертѣлся на этой темѣ, но подъ конецъ всѣ до того подпили, что только и слышались фразы: «Бѣдный солдатикъ! Онъ кровь проливаетъ. Гдѣ у нихъ честь? Сцапаетъ этотъ вашъ Ѳедоръ Ивановичъ, сцапаетъ. Я ли не вѣрный человѣкъ? Мнѣ бы хоть рядно!»

Гнусно было сидѣть подлѣ. Макаръ Ивановичъ молчалъ и слушалъ, но вдругъ поднялся, подошелъ къ сосѣдней компаніи и спросилъ:

— Господа, вы мо̀литесь?

— А вы получили что-нибудь?—лепеталъ брюнетъ.

— Мо̀литесь, господа?

Мы пробовали успокоить Макара Ивановича, но—увы!

— Какъ не молиться. Нынче время молитвы.

— Черномазый, не сквернословь. Вспомни Бога! — какимъ-то пророческимъ голосомъ, совершенно серьезно проповѣдывалъ Макаръ Ивановичъ.

Мы ожидали «исторіи». Брюнетъ нагло прищурилъ глаза и вскочилъ изъ-за стола съ вызывающимъ видомъ, но блондинъ замѣтилъ спокойнымъ, но внушительнымъ тономъ:

— Оставь. Садись. Этотъ господинъ правъ. Мы свиньи и... и ничего болѣе. Ваше здоровье!..

— Однако...

— Однако молчи и помни.

Кончилось тѣмъ, что мы присоединились къ компаніи. Стали пить вмѣстѣ. Блондинъ вступилъ съ Макаромъ Ивановичемъ въ споръ насчетъ толкованія Апокалипсиса. Чиновникъ въ то же время разсказывалъ «меланхолику» о службѣ на Кавказѣ, а брюнетъ признавался мнѣ въ дружбѣ и пилъ.

Онъ разсказалъ мнѣ пьянымъ лепетомъ нѣчто въ родѣ исповѣди Въ чемъ онъ вралъ, гдѣ говорилъ правду, гдѣ рисовался, гдѣ лгалъ на себя, Богъ его знаетъ. Вотъ что онъ говорилъ:

«Я буду откровененъ. Что ни говорите, а для насъ, цивилизованныхъ людей, время теперь хорошее. Что до меня касается, то теперь или никогда. Недаромъ говорятъ: кто въ сорокъ лѣтъ не богатъ, тотъ... Мнѣ сорокъ лѣтъ. Кому Георгій, кому деньги. По мнѣ, лучше деньги. Какъ вы думаете?

«Я метался. Гдѣ я не былъ? Сынъ прокутившихся людей. Пестрая картина: привилегированный корпусъ, гвардія, отставка, гражданская служба, игорный домъ, рулетка, биржевой заяцъ, репортеръ, подрядчикъ. Такъ двадцать лѣтъ. Была семья — нѣтъ семьи. Ни Георгія ни денегъ. Ѣду туда на-дняхъ, туда, гдѣ проливается кровь и льются деньги. Обѣщали.

«Мнѣ все равно: овесъ, фуфайки, сѣно или подметки. Я ни въ чемъ не смыслю, но къ чему тутъ смыслить? Главное—взять. Не такъ ли? Ваше здоровье!..

«Да, главное—взять. Тяжелыя времена. Россія лицомъ къ лицу съ Европой; вопросъ серьезный—луна или крестъ! Телѣги тоже недурны. Мой пріятель одинъ на нихъ заработалъ. Вы читали, какіе тамъ безпорядки? Pauvres soldats!..

«Нашего брата бранятъ. Но кто бранитъ? Или такіе же, какъ мы, или дураки. Первые отъ зависти, вторые—по глупости. Съ первыми можно въ долю, вторыхъ... Пишутъ тамъ... А, впрочемъ, пусть. Пишите, пишите, а мы все-таки знаемъ, гдѣ раки зимуютъ, вѣрный самый адресъ знаемъ, а вы себѣ-пишите по пяти копеекъ за строчку.

«Какъ это глупо!

«Я, сознаюсь, чувствую волчій аппетитъ. Очень хочется что-нибудь «сдѣлать». Зачѣмъ грабить? Нѣтъ. Мнѣ нуженъ только подрядъ. Очень хочется, такъ хочется, что я лишился сна и ставлю свѣчки. Смѣшно? Иду по Невскому, гляжу вокругъ и думаю: этого

купить можно, этого не стоитъ. Это взять съ подряда можно, это нельзя. Просто галлюцинаціи.

«Но сколько конкурентовъ!!

«Если бы всѣмъ намъ выстроить громадный домъ, въ родѣ дома Бенардаки... нѣтъ, домъ, хотя бы и домъ Вяземскаго... мало,—городъ... и города мало... Насъ много, много... Если-бъ выстроить грандіозное зданіе, величиной... знаете ли... даже и пьяное воображеніе не обниметъ величины... Такъ насъ много.

«Туда... На Дунай, въ бѣдную Болгарію. А вы?.. Вы мнѣ понравились... Хотите въ долю?.. Вы умѣете подчищать талоны, а?.. скажите по совѣсти?..»

. . . . . .

Что дальше было, разсказывать ли?

Мы еще долго сидѣли... Брюнетъ и чиновникъ горько плакали и называли себя мерзавцами. Макаръ Ивановичъ рыдалъ и пророчествовалъ, что скоро Богъ накажетъ новые Содомъ и Гоморру...

А затѣмъ принялся отплясывать канканъ вмѣстѣ съ молчаливымъ блондиномъ.

Паденіе Плевны и дѣло Гартунга.

I.

Боже ты мой! Какихъ только безстыдствъ ни вытерпѣла въ послѣдніе дни печатная бумага, и какихъ только образчиковъ риторства ни выкидывали передъ читателемъ въ послѣднее время!

Событіе, безъ сомнѣнія, весьма важное и пріятное—я говорю о паденіи Плевны и капитуляціи арміи Османа-паши — послужило заманчивымъ поводомъ разразиться тѣмъ якобы патріотическимъ восторгомъ, который, начинаясь обычнымъ: «итакъ, свершилось», оканчиваясь не менѣе банальнымъ: «итакъ, впередъ, въ Царьградъ!» — отличается не столько обиліемъ искренняго чувства и мысли, сколько обиліемъ восклицательныхъ знаковъ и краткихъ періодовъ.

Но странное дѣло! Этотъ публицистическій «восторгъ» словно выдохся отъ слишкомъ частаго и не всегда умѣстнаго употребленія при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и всѣ эти трогательныя изліянія вмѣстѣ съ грознымъ кличемъ «въ Константинополь!» имѣли видъ подогрѣтаго кушанья.

Прочитывая за послѣднее время всѣ эти «итакъ, свершилось», или «наконецъ Плевна пала!», напрасно искали бы вы свѣжести чувства, оригинальности, искренности. Ничего этого не было! Всѣ точно сговорились и подарили насъ однообразно составленными статьями съ одними и тѣми же началомъ, серединой и концомъ.

Въ началѣ, конечно: «итакъ», въ серединѣ притягиваніе за шиворотъ изъѣзженнаго многотерпѣливаго «русскаго народа», восхваленіе его доблести и терпѣнія, а въ концѣ, конечно, «ура» и столько восклицательныхъ знаковъ, сколько допускаетъ типографское приличіе. Ни достойной скромности, ни сознанія неумѣстности слишкомъ большой расточительности междометій и восклицательныхъ знаковъ.

Только немногія изъ нашихъ газетъ и—надо отдать справедливость и недругу!—въ томъ числѣ «Московскія Вѣдомости» сумѣли отнестись надлежащимъ образомъ къ этому, несомнѣнно важному и пріятному для насъ событію. Московскій органъ выразилъ приблизительно слѣдующее: поболѣе скромности! Событіе, конечно, весьма важное, но не надо забывать, что Плевна есть искупленіе многихъ жертвъ. Будемъ надѣяться, что мы убережемся отъ новой Плевны и не станемъ обольщать себя легкостью дѣла. Пріятно, конечно, освободиться отъ препятствія, передъ которымъ пало столько человѣческихъ жизней, но отъ скромнаго сознанія до звона во всѣ колокола такъ же далеко, какъ отъ истиннаго патріотизма до напускного.

Безспорно, извѣстіе о взятіи Плевны, распространившееся по городу въ тотъ же день, хотя офиціальныя телеграммы еще не были обнародованы, должно было вызвать чувство радости, что однимъ препятствіемъ къ миру меньше. Этимъ, конечно, и объясняется несомнѣнное чувство удовольствія, сказавшееся среди петербургскаго рабочаго люда и выразившееся въ сочувственныхъ демонстраціяхъ, которыя на этотъ разъ не возбудили никакого недоразумѣнія среди городовыхъ и околоточныхъ. И, разумѣется, въ этихъ проявленіяхъ не было и тѣни того шовинизма, которымъ щеголяли на другой день такъ-называемые представители общественнаго мнѣнія. Рабочій людъ инстинктивно понялъ значеніе Плевны, понялъ, что она тормозила дѣло цѣлые шесть мѣсяцевъ,—отсюда чувство довольства и увѣренности, что дѣло ближе къ миру.

Не успѣла еще заняться заря слѣдующаго дня, не успѣли еще мы старую печальную «Плевну» переварить въ новую радостную «Плевну», не успѣли еще сосчитать количества жертвъ войны, какъ въ нѣкоторыхъ печатныхъ листахъ ужъ «засіялъ Востокъ», гдѣ русская армія «зажгла наше солнце» (красивую метафору оставляю на отвѣтственности публициста), и мы, россіяне, призывались «властвовать на Востокѣ».

О, Господи, какъ скоро забыли эти «властители» то время, когда раздавалось горькое стенаніе съ припѣвомъ о «мокрой курицѣ»... Еще Плевна не успѣла, такъ сказать, обсохнуть на губахъ, а передъ читателемъ, на горячихъ парахъ, рисовалась такая занимательная, чортъ возьми, картина:

«Русскія пушки охраняютъ входъ въ Черное море. Царьградъ сдѣлался свободнымъ пріютомъ разныхъ племенъ, и русскій человѣкъ чувствуетъ себя тамъ какъ дома (то-есть такъ же привольно). Заливъ Золотого Рога наполненъ русскими кораблями, которые принесли туда произведенія нашего юга. Вотъ мечети, съ стройными минаретами, и рядомъ съ ними надъ роскошными садами возвышается крестъ св. Софіи. То, что отнято у христіанскаго Бога, чѣмъ началъ свое торжество турокъ въ Царьградѣ, торжество Магомета надъ Христомъ, то возвращено Христу. Много другихъ христіанскихъ храмовъ гордо возвышаютъ свои куполы, осѣненные крестами. Черное море блещетъ русскими флагами, и всѣ порты для насъ открыты (а развѣ до войны были заперты?). Идетъ гигантская работа сооруженія желѣзныхъ дорогъ и въ городахъ Черноморья мирная кипучая дѣятельность. Смѣло и отважно смотритъ русскій человѣкъ и говоритъ: все это — мое дѣло, все это куплено тяжелымъ трудомъ, дорогою цѣной, но зато и результаты великіе».

«Доживемъ ли мы до этого?»—все-таки сомнѣвается авторъ этой картины и, не предрѣшая вопроса о томъ, «будетъ ли Плевна преддверіемъ къ Царьграду», все-таки зоветъ: впередъ, впередъ!— чѣмъ и оканчиваетъ благополучно передовую статью.

Картина, какъ видитъ читатель, заманчивая. Публицистъ знаетъ очень хорошо, чѣмъ тронуть добродѣтельнаго подписчика, знакомаго съ «капиталистическимъ производствомъ», если не въ теоріи, то, конечно, на практикѣ. И «корабли», и «гигантская работа сооруженія желѣзныхъ дорогъ», и «мирная кипучая дѣятельность»— все это такъ щекочетъ слухъ пріятными, знакомыми мотивами и сулитъ столько «гешефтовъ», конечно, самаго законно-невиннаго свойства, одно воспоминаніе о которыхъ должно радовать сердце, точь-въ-точь какъ тѣ медоточивыя рѣчи о развитіи промышленности и торговли, которыми восхищаютъ иностранныхъ лавочниковъ опытные отвѣтственные министры Запада и которыми утѣшаютъ самихъ себя отечественные и совершенно безотвѣтственные (по крайней мѣрѣ передъ здравымъ смысломъ) наши дѣятели «общества содѣйствія промышленности и торговлѣ», на самомъ дѣлѣ содѣйствующіе развитію болтливости въ отечествѣ.

Но для полноты заманчивой картины недостаетъ еще кое-чего, умышленно или неумышленно пропущеннаго ея авторомъ. Читатель, конечно, догадывается, что въ царьградской «пасторальной симфоніи» недостаетъ «мирныхъ поселянъ», которые, «чувствуя себя въ Царьградѣ какъ дома», выгружаютъ и нагружаютъ подъ знакомые звуки: «охъ, дубинушка, ухнемъ» изъ «русскихъ кораблей» «произведенія юга» и затѣмъ, по окончаніи работъ, надѣваютъ черные фуртуки, перчатки и цилиндры (если только славянофилы не вы-

шлютъ ихъ за это изъ города) и отправляются на лекціи, въ то самое время, какъ жены ихъ, надѣвъ шляпки «Анго», идутъ въ театръ Буффъ. Лунная ночь опускается надъ этимъ пріютомъ промышленности и торговли. Сладкая тишина ночи, смѣнившая гигантскую работу сооруженія желѣзныхъ дорогъ (при 5% гарантіи), нарушается только бодрствованіемъ городового, который, какъ добрый ангелъ, охраняетъ безмятежный сонъ царьградскихъ жителей и, въ поэтическомъ настроеніи, вполголоса напѣваетъ изъ Гейне:

Море жемчугъ свой имѣетъ,
Небо—звѣздочки свои,
У меня же въ сердцѣ, въ сердцѣ,
Въ сердцѣ есть своя любовь.

Городовой умолкъ и въ задумчивости склонился надъ заливомъ Золотого Рога. И вспомнилъ онъ, что у него нѣтъ здѣсь ни папеньки ни маменьки,—они остались въ Лештуковомъ переулкѣ,—и тихія слезы закапали изъ-подъ козырька его кепи прямо въ зеркальную поверхность Золотого Рога. Невдалекѣ зазвучала веселая пѣсня. То поютъ «поселяне», возвращающіеся съ засѣданія «общества содѣйствія промышленности и торговлѣ». Городовой поднялъ голову и прислушивается не съ какой-либо коварной задней мыслью, а просто изъ склонности къ эстетическимъ наслажденіямъ. Вотъ ближе, ближе, и до него долетаютъ веселыя слова пѣсни:

Что за чудная столица—
Развеселый Цареградъ...

— Доброй ночи, почтенные граждане! — любезно привѣтствуетъ ночной стражъ.

— И вамъ также, почтенный фараонъ (при чемъ слово «фараонъ» произносится въ ласкательномъ смыслѣ, а не въ томъ, въ какомъ произносятъ петербургскіе извозчики, когда ихъ гоняютъ отъ тротуаровъ и отъ театровъ)!

— Каково было засѣданіе?

— Прекрасное. Разсматривался вопросъ о томъ, какъ лучше пить чай: съ сахаромъ или безъ сахара.

— И что же?

— Мнѣнія раздѣлились: одни находили, что съ сахаромъ, другіе находили, что при извѣстной силѣ воли можно и безъ сахара, однако рѣшили узнать мнѣніе сахарозаводчиковъ и послѣ того ходатайствовать передъ правительствомъ объ изданіи соотвѣтствующихъ правилъ...

— Гмъ! Интересно!..

— Очень даже... Однако спокойной ночи, любезный фараонъ!

— Спокойной ночи, любезные граждане. Да хранитъ васъ Господь Богъ и Николай Чудотворецъ!

Они ушли, и снова зазвучало въ воздухѣ:

Что за чудная столица—
Развеселый Цареградъ!

А городовой ласково, нѣжно, подъ вліяніемъ воспоминаній о папенькѣ съ маменькой, глядѣлъ имъ вслѣдъ.

Тихими, незамѣтными шагами подъѣхалъ на арабскомъ конѣ частный приставъ и нѣжно спросилъ:

— Сержантъ! Вы бодрствуете?

— Бодрствую, г. частный приставъ!

— Происшествій и бунтовъ никакихъ?

— Ни малѣйшихъ, г. частный приставъ!

— Какая чудная ночь, сержантъ!

— Очаровательная, г. частный приставъ!

— Вы помните, какъ говоритъ поэтъ:

Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго Востока!
Какъ сладко льются ихъ часы
Для обожателей пророка!

— Очень хорошо-съ помню, г. частный приставъ, и могу сказать, что не для однихъ обожателей пророка сладко льются ихъ часы!..—не безъ игривости замѣчаетъ городовой.

— Вы думаете, сержантъ?—смѣется г. частный приставъ.

— Думаю, г. частный приставъ... Я, сказать по правдѣ, самъ знаю—

Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ...

Нынче, по случаю сліянія, я это даже очень хорошо узналъ, г. частный приставъ...

— Ну, будьте здоровы, сержантъ, и помните, что высшая добродѣтель есть исполненіе долга.

— Счастливо оставаться, г. частный приставъ.

Арабскій конь унесъ частнаго пристава—и снова тишина.

Съ такимъ вполнѣ натуральнымъ добавленіемъ къ «кораблямъ», «стройнымъ минаретамъ» и «мирной кипучей дѣятельности», мнѣ кажется, картина, набросанная русскимъ публицистомъ, будетъ гораздо полнѣе и, главное, правдивѣе...

II.

— Однако что же, въ самомъ дѣлѣ, мы будемъ дѣлать съ Константинополемъ?

Такой вопросъ былъ заданъ на-дняхъ однимъ милымъ молодымъ человѣкомъ, который, казалось бы, долженъ былъ раньше рѣшенія вопроса о томъ, что онъ будетъ дѣлать съ Константинополемъ, задаться не менѣе важнымъ (по крайней мѣрѣ для него

лично) вопросомъ о томъ, что онъ будетъ дѣлать съ собой, такъ какъ прогулка по Невскому, посѣщеніе театровъ и клубовъ, забѣганіе на «полчаса» въ департаментъ и займы, не только внутренніе, но и внѣшніе, могли въ концѣ концовъ привести этого молодого человѣка въ необходимость стянуть первую попавшуюся подъ-руку кассу и покинуть Старый Свѣтъ для Новаго.

Но удивительная черта въ русскомъ человѣкѣ вообще, а въ бывшемъ воспитанникѣ моднаго училища въ особенности! Этотъ самый близкій и естественный вопросъ именно и не интересовалъ его нисколько, и онъ даже всегда обижался, когда слышалъ отъ пріятелей хотя отдаленные объ этомъ намеки.

— Что-жъ мы съ Константинополемъ будемъ дѣлать?—снова задалъ онъ вопросъ, очевидно, занятый судьбой этого города гораздо болѣе, чѣмъ своей собственной, и уже третировавшій этотъ вопросъ съ нѣкоторой фамильярностью, водворившейся снова во всемъ существѣ этого добраго малаго вслѣдъ за прочтеніемъ плевнинской телеграммы.

— А вы еще не рѣшили?

— Не рѣшилъ! Только въ этомъ проклятомъ городѣ и затрудненіе, а то остальныя условія мира ясны, какъ Божій день: Арменія, проливы, контрибуція, флотъ, гирла, независимыя государства подъ нашей властью, съ иностранными принцами во главѣ,—на эти мѣста охотниковъ найдется много,—весело засмѣялся онъ:—и занятіе болгарскаго четырехугольника впредь до усмотрѣнія... Но что сдѣлать съ Константинополемъ, вотъ въ чемъ вопросъ?

Но кто ему могъ дать отвѣтъ? Онъ ушелъ отъ меня подъ бременемъ неразрѣшеннаго сомнѣнія, и, разумѣется, не одинъ мирный петербургскій житель былъ въ тотъ день приведенъ въ смущеніе такимъ назойливымъ вопросомъ молодого человѣка.

Проекты мира уже готовы. Каждая изъ газетъ, начиная съ самой большой и кончая самой маленькой, уже предложила по своему проекту, такъ что министерству иностранныхъ дѣлъ не остается никакого труда: стоитъ только выбрать одинъ изъ нихъ— и дѣло въ шляпѣ. Но куда дѣлось «безкорыстіе» и высокая «освободительная» цѣль? Одинъ только князь А. И. Васильчиковъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» рекомендовалъ при заключеніи мира ограничиться контрибуціей турецкаго броненоснаго флота; остальные всѣ уже не довольствуются «освобожденіемъ» и «независимой Болгаріей» съ иностраннымъ принцемъ. Одни хотятъ непремѣнно поставить пушки у входа въ Босфоръ и захватить всю Арменію съ Эрзерумомъ; другіе, менѣе требовательные, предъявляютъ минимумъ: часть Арменіи съ Карсомъ, Ардаганомъ и Батумомъ.

А относительно «братьевъ славянъ», которыхъ такъ желаютъ устроить наши «братья публицисты», я боюсь, чтобы освобожден-

ные не воскликнули впослѣдствіи, какъ и предрекалъ еще въ шестидесятыхъ годахъ одинъ извѣстный русскій писатель, что «друзья одолѣли!» Вы освободили угнетенныхъ—превосходно, но дайте же имъ самимъ устроиться; не навязывайте имъ вашихъ услугъ, иногда очень дорогихъ: они сами устроятся, и, конечно, устройство это будетъ имъ стоить гораздо дешевле, чѣмъ исполненіе тѣхъ проектовъ благополучія, которые предлагаются «братьями публицистами».

Все это такія азбучныя истины, которыя, казалось бы, и стыдно повторять, но, къ прискорбію, именно эти азбучныя истины и исключены нынѣ изъ употребленія, вслѣдъ за упраздненіемъ «внутреннихъ вопросовъ».

Недавно одинъ добродушный и крайне почтенный господинъ настаивалъ въ одномъ домѣ на Карсѣ, Эрзерумѣ, Ардаганѣ и Батумѣ.

— Ваше превосходительство, зачѣмъ они намъ?—скромно замѣтилъ ему молодой статистикъ, скромный, какъ красная дѣвица, и благонамѣренный, какъ бо́льшая часть статистиковъ.

— Какъ зачѣмъ?.. Оплотъ!

— Но и турки новый «оплотъ» могутъ возвести...

— Наконецъ рынки.

— Въ Туркестанѣ тоже рынки, но наша мануфактура все-таки вытѣснена «всесвѣтной торговкой»...

Но добродушный господинъ какъ зарядилъ: «оплотъ», «рынки», «торговый флотъ», то такъ и повторялъ эти слова на всѣ лады. Онъ даже разсердился на статистика, который позволилъ себѣ усомниться и въ развитіи торговаго флота, такъ какъ нѣтъ для того надлежащихъ элементовъ, и въ важности «оплота», и въ значеніи «рынковъ», по крайней мѣрѣ теперь, когда на «внутреннемъ рынкѣ» такъ «слабо», такъ «слабо», что на сѣверѣ ѣдятъ мякину за недостаткомъ настоящаго хлѣба, южане волками воютъ, продавая хитрому ростовскому греку хлѣбъ изъ нужды почти-что за безцѣнокъ, и вообще...

— Знаемъ мы эти «вообще»!—перебилъ почтенный господинъ.— Вы, господа, вообще... По-вашему, такъ и заключить «пустой» миръ?..

Въ разговорѣ приняли участіе и другіе присутствовавшіе, и скоро снова зазвучали тѣ «жалкія слова», которыми ежедневно большими порціями снабжаютъ своихъ читателей газеты.

— Нѣтъ, господа!—вдругъ воскликнулъ съ необыкновеннымъ паѳосомъ тотъ молодой человѣкъ, который заботится о судьбѣ Константинополя болѣе, чѣмъ о своей собственной, и который появляется рѣшительно вездѣ, гдѣ можно разсчитывать на даровую закуску.— Нѣтъ, господа... Только въ нечистыхъ рукахъ проходимца въ родѣ Наполеона слава можетъ служить оружіемъ для низменныхъ цѣлей... У насъ слава обязываетъ... Мы...

Но тутъ, по счастію, позвали ужинать, и мы забыли о славѣ, забыли даже о Плевнѣ и стали разсказывать такія хорошія сплетни про нашихъ общихъ знакомыхъ, что разговоръ скоро принялъ самое вѣрное и единственно возможное у насъ направленіе.

Расходясь, мы порѣшили, что настоящихъ условій мира надо ждать отъ начальства, и направились по домамъ. Одинъ только «молодой человѣкъ», садясь на извозчика, воскликнулъ, какъ Репетиловъ:

— Вези куда-нибудь!

III.

Это было въ одномъ изъ провинціальныхъ окружныхъ судовъ.

Господинъ товарищъ прокурора обвинялъ не безъ огонька. Съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ, которое, мнѣ кажется, слѣдовало бы называть, въ отличіе отъ административнаго рвенія, «рвеніемъ прокурорскаго надзора», старался онъ вывернуть передъ глазами присяжныхъ засѣдателей изнанку человѣческой души, попавшей въ его руки, и выполоскать ее наидобросовѣстнѣйшимъ образомъ во всѣхъ водахъ обвинительнаго краснорѣчія, не жалѣя при этомъ, разумѣется, чернильнаго орѣшка вмѣсто синьки и призывая на помощь географію, исторію, философію, логику и психологію, насколько означенные предметы знакомы были ему изъ газетныхъ фельетоновъ.

Эту благодарную операцію показыванія «изнанки» ретивый обвинитель производилъ съ особеннымъ шикомъ, напоминающимъ шикъ ловкаго гостинодворскаго приказчика, показывающаго покупательницѣ «лицо» какого-нибудь атласа, фая или глясе. Развернувъ и бросивъ ловкимъ движеніемъ матерію на прилавокъ передъ глазами дамы, уже очарованной его нескончаемой болтовней, опытный сердцевѣдъ-приказчикъ нѣсколько секундъ выдерживаетъ паузу и вслѣдъ затѣмъ начинаетъ стрѣлять тѣми похвальными аттестатами матеріи, которые дѣйствуютъ въ родѣ шрапнелей на женское сердце.

Однажды я долго любовался, не прерывая рѣчи увлекавшагося приказчика, когда онъ, то встряхивая, то гладя любовно рукой, то бросая, будто съ ожесточеніемъ, ни въ чемъ неповинный рипсъ, игралъ передо мной свою обычную роль. Когда онъ кончилъ, нѣсколько изумленный неподачей съ моей стороны репликъ, я спросилъ его:

— Къ чему вы все это продѣлываете?

Онъ засмѣялся и отвѣтилъ:

— Для видимости.

Мнѣ кажется, если спросить у многихъ изъ господъ прокуроровъ и ихъ товарищей: къ чему они иной разъ прибѣгаютъ къ пріемамъ названныхъ джентльменовъ, то они, въ порывѣ откро-

вности, вѣроятно, отвѣтили бы точно такъ, какъ отвѣтилъ молодой приказчикъ.

Каждый изъ господъ представителей обвинительной власти, конечно, очень хорошо знаетъ, что сидѣнье на скамьѣ подсудимыхъ само по себѣ уже представляетъ весьма драматическій «моментъ», а если при этомъ еще въ перспективѣ виднѣются отдаленныя мѣста Сибири, или не столь отдаленныя тундры Архангельской губерніи, или наконецъ арестантскія роты, то едва ли сознаніе такой перспективы не усиливаетъ драматичности момента и не дѣлаетъ обвиняемаго въ глазахъ обыкновеннаго смертнаго уже достаточно несчастнымъ, чтобы, кромѣ выясненія фактовъ, относящихся къ дѣлу, еще выворачивать изнанку его души и заниматься біографическими подробностями начиная съ зачатія подсудимаго и до той поры, пока онъ не попалъ къ судебному слѣдователю, отъ слѣдователя въ тюрьму, а изъ тюрьмы въ окружный судъ.

Все это въ большинствѣ случаевъ господа обвинители понимаютъ, пока не преступаютъ порога зданія суда. Но, разъ они преступили порогъ, надѣли мундиръ и усѣлись за пюпитръ, на нихъ вдругъ нисходитъ то рвеніе, которое слѣдовало бы назвать прокурорскимъ, и тотъ шикъ, о которомъ я упоминалъ выше. Словно бы кто укусилъ его сзади, начинаетъ добродушный въ домашнемъ обиходѣ молодой человѣкъ сперва потихоньку подводить подвохи, затѣмъ, поощряя себя собственнымъ краснорѣчіемъ, входитъ въ область психологіи и своими бѣлыми съ розовыми ноготками пальцами начинаетъ копаться въ самыхъ внутренностяхъ подсудимаго, молодцовато потряхивая ими передъ присяжными засѣдателями, и наконецъ уже мечетъ громы и молніи, то возвышая, то понижая голосъ, то дѣлая паузы, то изображая порокъ зловѣщимъ шопотомъ, до той поры, пока не придетъ пора опуститься на кресло, проговоривъ свое знаменитое: «я кончилъ», и онъ не вспомнитъ, что пора обѣдать и что вечеромъ недурно сыграть въ вистъ.

Господинъ товарищъ прокурора былъ очень молодъ и талантливъ. Онъ говорилъ горячо. Сидѣвшія въ залѣ молоденькія дамы подзадоривали его горячность, и онъ однимъ духомъ сочинилъ про подсудимаго романъ, драму и трагедію.

Подсудимый едва ли и заслуживалъ такого упражненія. Это былъ весьма обыкновенный подсудимый, одинъ изъ тѣхъ, которые часто являются въ залахъ окружнаго суда и надъ которыми болѣе опытные прокуроры изощряются гораздо менѣе, такъ какъ на такихъ дѣлахъ публики бываетъ мало, такія дѣла не считаются достойными «общественнаго интереса» и слѣдовательно не представляютъ, такъ сказать, порога, черезъ который можно шагнуть навстрѣчу радостей служебной карьеры. На черной скамьѣ сидѣлъ

самый обыкновенный мѣщанинъ, обвинявшійся въ кражѣ со взломомъ. Онъ глядѣлъ исподлобья и ежился, когда понималъ, что потряхивали его внутренностями. Но такъ какъ бо̀льшая часть романа, драмы и трагедіи для него оставалась не вполнѣ понятна, то онъ ежился рѣдко, благородныхъ жестовъ не дѣлалъ, а сумрачно поглядывалъ, прозрѣвая впереди, сквозь полусвѣтъ мрачной залы, еще болѣе мрачный полусвѣтъ тюремнаго за̀мка.

Защитникъ, очевидно, не приготовившійся, сказалъ нѣсколько «прочувствованныхъ словъ», вспомнилъ, неизвѣстно зачѣмъ, Марка Аврелія и Тита милосерднаго, разсказалъ анекдотъ изъ жизни Вашингтона, потрясъ нѣсколько разъ стуломъ и, встряхнувъ раза два кудрявой головой, тоже произнесъ: «я кончилъ», но такимъ тономъ, какъ будто объяснялъ, что за защиту онъ никакого гонорара не получилъ, а потому и кончилъ такъ рано.

Подсудимый заявилъ, что онъ не виноватъ. Онъ объяснялъ это безсвязно, перепутывая обстоятельства дѣла съ нѣсколькими обрывками фразъ насчетъ дѣтей, и вскорѣ сѣлъ на скамью. Впечатлѣніе отъ заключительннаго слова получилось для подсудимаго неблагопріятное. Ждали чего-нибудь болѣе «трагическаго», а то вдругъ всталъ, сказалъ: «видитъ Богъ, не повиненъ!» и сѣлъ.

Вердиктъ присяжныхъ былъ обвинительный. Обвиненный какъ-то странно замоталъ головой и ушелъ, сопровождаемый жандармами. Молодой представитель обвиненія былъ «героемъ дня». Его всѣ поздравляли съ блестящей рѣчью, молодыя дамы пожимали ему руки. Защитникъ завидовалъ. Было отъ чего радоваться!

Всѣ разошлись по домамъ и сѣли обѣдать, спокойные духомъ. Ни у кого не зародилось сомнѣнія, никто не вспомнилъ о «семьѣ и дѣтяхъ» обвиненнаго; дѣло было слишкомъ обыкновенное: человѣкъ укралъ и получилъ возмездіе; общественная совѣсть была удовлетворена вполнѣ, и объ обыкновенномъ ворѣ забыли въ тотъ же день.

Прошло три мѣсяца. Совершенно случайно открылось, что мѣщанинъ обвиненъ былъ по ошибкѣ, вслѣдствіе совпаденія обстоятельствъ. Настоящій виноватый, попавшійся на другомъ дѣлѣ, разсказалъ чистосердечно, какъ онъ тогда совершилъ воровство и какъ, заслышавъ шаги, скрылся, бросивъ поличное случайно проходившему мимо человѣку.

Невинно-осужденнаго, разумѣется, вернули. Объ этомъ дѣлѣ во всѣхъ газетахъ было напечатано строчекъ пятнадцать. Въ замѣткахъ выражалось соболѣзнованіе объ ошибкѣ; безъ ошибокъ, конечно, и невозможно. Обвиненію нравоученій не читали. Ни о «позорѣ имени», ни о «разбитой жизни», ни о «семьѣ и дѣтяхъ» никто не проронилъ ни слова, точно у подобнаго человѣка ни имени, ни разбитой жизни, ни семьи и дѣтей и быть не можетъ. Общество, читающее газеты, прочло эти десять-пятнадцать строчекъ и такъ же

скоро забыло ихъ, какъ и рядомъ напечатанное извѣстіе о дракѣ въ общественномъ клубѣ...

Въ прошломъ мѣсяцѣ, въ зданіи московскаго окружнаго суда, раздался пистолетный выстрѣлъ. Застрѣлился несчастный генералъ Гартунгъ, обвиненный присяжными засѣдателями, и оставилъ записку, въ которой заявлялъ о своей невиновности. Пистолетный выстрѣлъ произвелъ общее смущеніе. Смутился судъ, смутился господинъ товарищъ прокурора; одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей упалъ въ обморокъ; смутилась вся Москва. Заговорили газеты. Въ выстрѣлѣ увидѣли доказательство судебной ошибки, и бѣдному Гартунгу послѣ смерти устроили даже нѣчто въ родѣ оваціи. Общество, часто равнодушное къ драмамъ, которыя перѣдко излагаются въ нѣсколькихъ строчкахъ дневника происшествій, вдругъ возмутилось. Нѣкоторыя газеты прочли нравоученіе прокурорскому надзору, совѣтуя ему поменьше копаться въ душѣ подсудимыхъ.

Я не стану повторять читателю подробностей Занфтлебенскаго дѣла. Читатели знаютъ эти подробности изъ газетъ. Замѣчу только, что на судѣ совершенно выяснилось, что Гартунгъ увезъ къ себѣ на домъ такіе документы и книги, какіе увозить, конечно, не имѣлъ права. Виноватъ ли онъ? По закону, разумѣется, да, и присяжные вполнѣ законно обвинили его, но, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія, не имѣющей ничего общаго съ закономъ, онъ, разумѣется, не виноватъ и, быть-можетъ, былъ совершенно искрененъ въ своей посмертной запискѣ.

Онъ, въ силу воспитанія, привычекъ, барской распущенности, сдѣлалъ тò, чтò дѣлаютъ и дѣлали другіе люди одного съ нимъ общества... Онъ, быть-можетъ, считалъ себя въ правѣ, въ качествѣ душеприказчика, взять къ себѣ домой документы послѣ смерти Занфтлебена, и когда потомъ наслѣдники стали требовать ихъ, онъ, пожалуй, и непрочь былъ вступить съ ними въ соглашеніе, но уже было поздно. Изъ судебнаго слѣдствія выяснилось, что застрѣлившійся былъ человѣкъ, привыкшій хорошо жить и не имѣющій для того средствъ. Онъ былъ въ долгахъ. Въ омутѣ жизни онъ даже не разбиралъ подъ конецъ знакомствъ и былъ окруженъ людьми сомнительной репутаціи. Все это одна изъ тысячи исторій, разыгрывающихся передъ нами со времени освобожденія крестьянъ, которыя врядъ ли не придется видѣть и нашимъ дѣтямъ. Привычка жить широко осталась, а жить не на что. Канва широкая, по которой жизнь выводитъ разнообразные узоры.

«Любезный другъ, — писалъ, между прочимъ, къ Гартунгу его пріятель (тоже привлеченный къ суду, но оправданный) въ одномъ изъ писемъ, прочитанныхъ на судебномъ слѣдствіи:—ты окружаешь себя Гришками Отрепьевыми, всѣми возможными мерзавцами въ Москвѣ, добрыхъ же людей не слушаешь».

Уже изъ этихъ нѣсколькихъ строчекъ письма, въ которомъ самымъ позорнымъ эпитетомъ для опредѣленія дурныхъ людей является названіе «Гришки Отрепьева», видно, съ какой средой, съ какимъ уровнемъ развитія мы имѣемъ дѣло.

Но развѣ могъ прокуроръ стать на такую точку зрѣнія и, вмѣсто того, чтобы обвинять, анализировать? Если бы гг. прокуроры становились на эту точку зрѣнія, то тогда едва ли бы не всѣ подсудимые выходили изъ залы суда свободными. Если въ данномъ случаѣ привычка, воспитаніе и т. д. заслуживали анализа, то въ сколькихъ случаяхъ нищета и невѣжество заслуживаютъ еще болѣе тщательнаго анализа? И что бы сказали про такой анализъ люди «точекъ», готовые по поводу дѣла Гартунга бросить самые рѣшительные знаки препинанія подъ ноги судебнымъ учрежденіямъ?

Печать наша, имѣющая чрезвычайную способность не замѣчать слона и видѣть муху, прочла правоученіе обвиненію обвиняя его въ большой страстности. Слова нѣтъ, г. товарищъ прокурора не уберегся и въ данномъ случаѣ и даже похвасталъ «нѣкоторой побѣдой правосудія въ самомъ появленіи генерала Гартунга и его спутниковъ на судѣ». Хвастовство, какъ видите, самое наивное, хотя и не лишенное значенія въ устахъ обвинительной власти, считающей нужнымъ этимъ хвастать. Затѣмъ онъ, разумѣется, высказалъ рвеніе и не забылъ психологіи—однимъ словомъ, провелъ обвиненіе по всѣмъ правиламъ искусства. Но вѣдь подобные пріемы практикуются не въ первый разъ, практиковались не на одномъ разбираемомъ дѣлѣ и не однимъ товарищемъ прокурора, обвинявшимъ Гартунга, а многими, обвиняющими по большей части самыхъ безхитростныхъ, простыхъ воровъ.

Отчего же вдругъ такая нетерпимость теперь и терпимость прежде?

«Московскія Вѣдомости», посвятившія этому дѣлу трогательную передовую статью, съ похвальною откровенностью объясняютъ мотивы своихъ нареканій на обвинительную власть и вообще на судъ. Я не понимаю, какъ г. Катковъ, человѣкъ безспорно умный, такъ проговорился. Люди его взглядовъ рѣдко такъ проговариваются. Они непрочь проводить въ жизнь свои взгляды, но на словахъ любятъ первыми повторять: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ!»

Вотъ что, между прочимъ, напечатано въ названной передовой статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей», дѣлающей строгое внушеніе прокурорскому надзору:

«Обвиненіе должно поступать несравненно осторожнѣе и осмотрительнѣе, когда рѣчь идетъ о привлеченіи къ суду человѣка, пользующагося извѣстностью и занимающаго видное положеніе въ обществѣ, чѣмъ при возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ лицъ темныхъ, коимъ терять нечего».

Приведенныя строки довольно вразумительны и откровенны. Онѣ

высказаны въ смыслѣ, не допускающемъ сомнѣній, и высказаны газетой, имѣющей опредѣленное направленіе и значительный кругъ читателей и единомышленниковъ. Съ этой стороны это заявленіе имѣетъ большое значеніе и можетъ пролить свѣтъ на многія явленія нашей общественной жизни. Равенства передъ судомъ, имѣющагося въ виду законодателемъ, эти люди откровенно не хотятъ. Съ одной стороны—«осмотрительность», съ другой—«сдѣлай одолженіе, дѣлай съ людьми темными что̀ хочешь, имъ терять нечего». Привилегированное положеніе и сволочь!

По крайней мѣрѣ совсѣмъ откровенная теорія. Очевидно, ея придерживается не одинъ г. Катковъ. За его спиной стоитъ немало лицъ, исповѣдующихъ и старающихся проводить то же самое, но не имѣющихъ храбрости заявить объ этомъ съ той цинической отвагой, съ которой заявляетъ названная газета.

Равенства передъ судомъ богатаго и бѣднаго, знатнаго и незнатнаго, начертаннаго въ Наказѣ судамъ, слѣдовательно, не надо. Слова пусть останутся словами, а на дѣлѣ слѣдуетъ допускать самое тщательное различіе. Такъ проповѣдуетъ вліятельный органъ, приходящій чуть ли не ежедневно въ ужасъ отъ турецкаго безправія, и это же самое безправіе предлагаетъ возвести въ догму, точно партія «Московскихъ Вѣдомостей», въ самомъ дѣлѣ, задыхается подъ тяжестью этого равенства передъ судомъ, противъ котораго она такъ ратуетъ.

Знаете ли что̀? Отъ такой откровенности дѣлается страшно. А что̀ если бы единомышленники Каткова не только могли писать, но и предписывать такія правила? Вѣдь тогда бы и Турція была обѣтованной землей!..

1878 г.

Берлинскій трактатъ. — Добровольный флотъ.—Экскурсія въ провинцію.

I.

Дипломаты оставили наконецъ гостепріимный Берлинъ съ его парадными завтраками, обѣдами и дипломатическими parties de plaisir и возвратились въ свои отечества за полученіемъ лавровыхъ вѣнковъ отъ тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которымъ не возбраняется подносить вѣнки, особенно лавровые, своимъ министрамъ.

Необыкновенно торжественна, какъ сообщаютъ газеты, была встрѣча лорда Биконсфильда. Его встрѣчали и чествовали, словно коронованную особу. Улицы Лондона были запружены народомъ, желавшимъ поглазѣть на премьера, привезшаго съ собой берлинскій трактатъ вмѣсто санъ-стефанскаго, съ островомъ Кипромъ и англо-турецкой конвенціей въ придачу. Въ палатѣ лордовъ, гдѣ первый министръ давалъ отчетъ о своихъ берлинскихъ похожденіяхъ и гдѣ, между прочимъ, не безъ ехидной скромности объяснилъ, что Россіи и Англіи довольно мѣста въ Азіи, чтобы не ссориться («тѣмъ болѣе, что Кипръ подъ бокомъ»), каждая его фраза покрывалась аплодисментами, эхо которыхъ донеслось и до насъ.

Берлинскій трактатъ принесъ намъ миръ. Но отчего же «вѣрный россъ» культурнаго общества имѣетъ видъ человѣка, проглотившаго аршинъ или получившаго непріятность? Отчего черезъ передовыя статьи различныхъ органовъ ежедневной печати проходитъ минорная нота, и многія изъ нихъ представляютъ только варіаціи, болѣе или менѣе чувствительныя, старинной пѣсенки: «Чѣмъ тебя я огорчила»?

Или снова для близорукаго соотечественника приключился «неожиданный репримандъ»?..

Приходится вспоминать недавнюю исторію.

Когда была объявлена война, одинъ изъ добродушнѣйшихъ «вѣр-

ныхъ россовъ», пріятель мой, Макаръ Ивановичъ (котораго я уже имѣлъ честь представить читателю въ одномъ изъ моихъ разсказовъ) первымъ дѣломъ крикнулъ «ура», пропилъ по этому случаю пять рублей съ полтиной у Палкина, пожертвовавъ послѣ обѣда рубль серебромъ въ пользу Краснаго Креста. Предлагая тосты, онъ говорилъ, что если мы и собрались на войну вдругъ, то потому, что нашему національному характеру претятъ долгіе сборы. «Пусть нѣмецъ готовится цѣлыя десятилѣтія, а мы... разъ, два, три — и обработано дѣло!» Затѣмъ сталъ ждать взятія Константинополя, въ ожиданіи написалъ преподробнѣйшій проектъ объ управленіи Болгаріей, которую до того времени онъ зналъ такъ же хорошо, какъ мы съ вами, читатель, знаемъ земли кафровъ. Съ апломбомъ и легкомысліемъ воистину изумительными — особенно если принять въ соображеніе сорокалѣтній возрастъ, двадцатилѣтнюю административную службу, большую лысину и Станислава на шеѣ — онъ раздѣлилъ Болгарію на губерніи и уѣзды, при чемъ границы проводилъ болѣе по вдохновенію (это онъ называлъ «дѣйствовать по-русски») и въ своемъ проектѣ руководствовался, разумѣется, штатами нашего управленія, съ нѣкоторыми увеличеніями суточныхъ, порціонныхъ, прогонныхъ и подъемныхъ, въ той увѣренности, что эти увеличенія не отяготятъ бюджета братьевъ-славянъ, которые за избавленіе отъ турецкаго ига рады будутъ всякимъ штатамъ и бюджетамъ...

— Предлагаемое мною управленіе,—говорилъ въ ту пору Макаръ Ивановичъ:—самое пригодное для славянъ. Оно, съ одной стороны, отеческое, а съ другой — представитъ лучшую гарантію Европѣ въ будущемъ спокойствіи славянъ, такъ какъ подъ руководствомъ избранныхъ и либеральныхъ исправниковъ за спокойствіе поручиться можно.

Сколько мнѣ извѣстно, Макаръ Ивановичъ носился съ этимъ проектомъ, но какова его судьба — я не знаю. Знаю только, что Макаръ Ивановичъ усиленно хлопоталъ, чтобы будущимъ городовымъ въ Болгаріи дали точно такую же форму, какъ и у нашихъ.

— Эта мѣра,—говорилъ онъ:—будетъ самымъ лучшимъ средствомъ сліянія. Увидитъ братушка въ прекрасной Болгаріи подчаска въ русской формѣ и сейчасъ же вспомнитъ о Россіи. И тамъ, молъ, такіе же. При этомъ онъ воскликнетъ «слава!» и зальется слезами, вспомнивъ, кому обязанъ онъ свободой, кому онъ обязанъ исправниками и подчасками.

Послѣ сочиненія этого проекта Макаръ Ивановичъ вдругъ запрыгалъ и возликовалъ, словно разыгравшаяся корова, до того это ликованіе было не подъ стать моему сорокалѣтнему пріятелю. Ни съ того ни съ сего онъ вдругъ «возмнилъ» и сталъ къ Европѣ относиться съ такимъ sans-façon, что департаментскіе сторожа только дивились.

— Ты, братъ, думаешь, что мы Европы боимся. Она у насъ будетъ вотъ гдѣ!

Это «гдѣ» обыкновенно заключалось или въ кулакѣ, или въ брючномъ карманѣ.

— А всѣ эти Биконсфильды и Андраши... Да знаешь ли что, братецъ, стоитъ только кликнуть кличъ: ребятушки! нуко-сь... Такъ ли я говорю?

Глядя на воодушевленное лицо Макара Ивановича, воодушевлялся и сторожъ и отвѣчалъ:

— Точно такъ-съ!

— Нужно—всѣ пойдемъ. Сперва ты, потомъ я.

— Точно такъ-съ!

— Такъ-то, братецъ...

И Макаръ Ивановичъ отходилъ, напѣвая: «Англіи не страшусь, Австріи не боюсь, лягу за святую Русь!»

Впрочемъ, онъ очень хорошо зналъ, что «ложиться» придется не ему, а «доброму солдатику», но когда пѣлъ, то думалъ, что и онъ не прочь «лечь», особенно если за это дано будетъ приличное содержаніе его вдовѣ и дѣтямъ.

Мало-по-малу—скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается—сталъ Макаръ Ивановичъ входить въ азартъ. Со словъ однихъ публицистовъ, онъ говорилъ, что безъ внутреннихъ вопросовъ можно жить, а безъ проливовъ и Константинополя никакъ нельзя, что война—дѣло священное, и что кто смѣетъ усомниться въ возможности достиженія великихъ результатовъ, тотъ либо дуракъ, либо измѣнникъ; со словъ другихъ, онъ размазывалъ о томъ, что мы—первый народъ по скромности и смиренію, и что наша миссія—такая миссія, объяснить которую общепонятно мудрено, но которую надо понять сердцемъ и вѣрить, «вѣрить и смириться!»; а со словъ третьихъ, что деньги у насъ найдутся, надо только кликнуть кличъ и произвести нѣкоторыя реформы. Такимъ образомъ налицо оказывалось все, что нужно: и «миссія», и «первый народъ», и «доблесть», и «деньги». Остальное, что потребуется, должно было, по мнѣнію Макара Ивановича, явиться подъ вліяніемъ чудодѣйственнаго патріотическаго обновленія, благодаря которому русская бумажка превратится въ золотую курицу. («Только кликните кличъ. У русскаго народа денежки найдутся, а денегъ не будетъ—имущество отдастъ!»), Грегеръ, Горвицъ и Коганъ превратятся въ Кузьму и Даміана безсребренниковъ, банкиръ Варшавскій—въ многострадальнаго патріотическаго Лазаря, интендантскій Іуда—въ кающагося самаритянина, концессіонерный Картушъ—въ «сына отечества», всѣ кассиры и директора—въ Мининыхъ, а военные люди—въ Пожарскихъ.

Картинка рисовалась чувствительная. Оставалось кричать «ура»

и плакать отъ умиленія, глядя, какъ шли солдаты по направленію къ Дунаю. И Макаръ Ивановичъ только и дѣлалъ, что кричалъ «ура» и плакалъ (особенно если у Палкина выпивалъ по случаю военнаго времени болѣе, чѣмъ слѣдовало, пива), плакалъ и кричалъ «ура», поторапливая нашихъ къ Царьграду.

Тѣмъ временемъ г. Варшавскій уже заключилъ свой извѣстный контрактъ, адвокатъ Серебряный получилъ извѣстный гонораръ, товарищество продовольствія уже начало ставить такіе доброкачественные продукты, что нѣкоторые наши генералы, какъ ходила молва, во избѣжаніе переписки и въ виду военнаго времени, прописывали собственное неудовольствіе на спинахъ злополучныхъ агентовъ; одесскій городской голова Новосельскій устраивалъ маркитантскую часть въ помощь г. Львову, оставившему изданіе иностранныхъ романовъ въ пользу продажи сардинъ и бутербродовъ, а интендантскіе чиновники то и дѣло высылали женамъ и родичамъ толстенькіе мѣшочки съ червонцами и писали письма слѣдующаго, примѣрно, содержанія:

«Дорогая Машенька!

«Дѣла, по милости Божіей, идутъ весьма хорошо. Богъ сподобилъ получить транспортъ. Если такъ будетъ впередъ, то можешь быть увѣрена, что дѣти наши будутъ милосердіемъ Господнимъ взысканы. Время теперь, сама понимаешь, горячее, а потому особенно распространяться не стану. Скажу только, что наши солдатики оправдали ожиданія истинно-русскихъ людей: они храбры, какъ львы, а скромны, какъ младенцы. Недавно, по непредвидѣнному случаю (на войнѣ вѣдь возможны всякія случайности!), пришлось дать имъ не вполнѣ доброкачественные сухари, попорченные частью гнильцой, а частью и съ червячками (это Василія Николаевича продѣлка; онъ, Машенька, совсѣмъ заворовался и въ усъ не дуетъ, даже удивительно, до чего онъ отваженъ!), такъ что бы ты думала? Солдатики съѣли все дочиста и съ червяками, да еще говорятъ: и за то спасибо, все-жъ сухарикъ, а молоденькіе рекрута даже похваливали, приговаривая, что дома имъ приходилось и не такое дерьмо ѣсть. Да, родная моя, съ нашимъ солдатомъ можно хоть въ огонь и въ воду, все вынесетъ и всѣмъ будетъ доволенъ».

Макаръ Ивановичъ негодовалъ, что «смѣютъ обижать русскаго солдатика», и такъ сталъ ругать «жидовъ», что за «жида» становилось страшно. По его мнѣнію, все дѣло въ «жидахъ». Жиды, молъ, внесли нравственную заразу среди интендантскихъ чиновниковъ, являясь зміями-искусителями. Онъ даже, по обыкновенію, собирался подать, куда слѣдуетъ, прошеніе объ изгнаніи всѣхъ евреевъ изъ предѣловъ Болгаріи и написалъ по этому случаю проектъ, но когда онъ отвозилъ его на предварительный просмотръ къ одному вліятельному «человѣчку», то въ кабинетѣ у него нашелъ

столько евреевъ, что понялъ о тщетѣ своего проекта. Впрочемъ, и русскіе охулки на руку не клали, и въ этомъ онъ удостовѣрился отъ одного изъ уполномоченныхъ г. Варшавскаго.

— У насъ служатъ,—говорилъ уполномоченный:—все русскіе и все хорошіе русскіе. Есть два генерала, статскіе, конечно, есть три статскихъ совѣтника, а желающихъ надворныхъ столько, что мы даже отказываемъ и ниже статскаго совѣтника на службу не принимаемъ!

Тогда онъ сталъ говорить, что пора земству заявить о своемъ существованіи и придти на помощь правительству. Пока трактовался вопросъ о томъ: прилично или неприлично земству заниматься подрядными дѣлами (я говорю, конечно, о трактованіи въ газетахъ; трактовался ли этотъ вопросъ въ иныхъ мѣстахъ—про то я не знаю), и столько ли будутъ поворовывать, сколько при настоящей системѣ, изъ обѣихъ столицъ и изъ всѣхъ городовъ россійской имперіи на помощь правительству поспѣшили добровольцы по продовольственной части. Бухарестъ въ то время кишѣлъ этими «добровольцами», среди которыхъ можно было видѣть всѣхъ представителей культурнаго общества, начиная съ адвоката и кончая отставнымъ полицейскимъ чиновникомъ, которые, на перебой другъ передъ другомъ, заручившись рекомендательными письмами, сертификатами (а болѣе дальновидные—даже и хорошенькими кузинами), предлагали кто телѣги, кто сардинки, кто овесъ, кто сухари, кто сѣно, кто фуфайки.

Въ Бухарестѣ собрался въ то время цвѣтъ культуртрегеровъ-патріотовъ. Всякій желалъ принять посильное участіе въ войнѣ за освобожденіе братьевъ-славянъ и поставить что-нибудь по цѣнѣ самой патріотической; были даже и профессора университета, не говоря уже о профессорахъ бѣлой и черной магіи, были свободные художники, артисты, отставные военные, графы, князья, члены муниципалитета, чистокровные русскіе, русскіе нѣмцы, евреи, греки, армяне.

На улицахъ то и дѣло раздавались восклицанія:

— А вы какими судьбами?

— Хочу вамъ, храброму воинству, помочь!—отвѣчаетъ пріѣзжій «доброволецъ».—А то васъ жиды обижаютъ!

— Ахъ, ужъ и не говорите!—восклицаетъ адъютантъ.—Они насъ совсѣмъ зарѣзали.

— То-то! А мы, русскіе, свой братъ и Христа, кажется, не продавали!—весело смѣется пріѣзжій, приглашая адъютанта распить бутылочку.

Однимъ словомъ, патріотическое возбужденіе было въ полномъ ходу. Каждый, знавшій, гдѣ зимуютъ раки, спѣшилъ воспользоваться минутой «всеобщаго пробужденія» и на хвостѣ кильки унести изъ государственнаго казначейства приличный кушъ.

Встрѣчаю я въ тѣ времена одного скромненькаго чиновника.

Всегда онъ глядѣлъ такимъ пришибленнымъ, точно у него за шиворотомъ сидѣлъ городовой, былъ постоянно задумчивъ и скорбенъ видомъ, страдая, какъ онъ выражался, отъ «невниманія начальства»,—и вдругъ вижу я того же самаго маленькаго чинодрала въ состояніи именинника: голова приподнята, глаза сверкаютъ, словно у копчика, видъ игривый, поступь рѣшительная.

— Двѣсти тысячъ, что ли, выиграли?—воскликнулъ я.

— Куда намъ! Для насъ такихъ билетовъ не заготовлено!

— Но отчего вы вдругъ такъ игривы стали?

— Очень просто: бросилъ департаментъ и ѣду въ Болгарію.

— Вы? Въ Болгарію?.. Это зачѣмъ?

— Дѣлишки поправить. Братъ писалъ, что тамъ за бутылку пива по́ три франка платятъ, и совѣтовалъ мнѣ ѣхать туда и поступить въ маркитанты. Вотъ я и ѣду. Вы поймите: по три франка бутылка пива!..

Когда онъ говорилъ: «по три франка», то, казалось, всѣ внутренности у маленькаго чинодрала прыгали отъ волненія.

— Скатертью дорога! — говорю я и дивлюсь чудесамъ «обновленія».

Наступилъ іюль, объявилась Плевна, и съ тѣхъ поръ эта самая Плевна повисла въ воздухѣ и стояла надъ головами, словно грозовая тяжелая туча. Объявилась она, какъ извѣстно, неожиданно. По случаю отправленія гвардіи и гренадеръ на театръ войны, число «добровольцевъ» еще болѣе увеличилось. Все, что̀ имѣло возможность ринуться, ринулось туда, гдѣ требовалось много провіанта и гдѣ лилось много крови. То и дѣло на улицахъ можно было слышать діалоги:

— И вы туда?

— Туда!

Объясненій не требовалось. Всякій хорошо понималъ, «куда» и «зачѣмъ».

И только лѣнивый или очень ужъ заинтересованный обработкой «кассы» или ближняго своего въ предѣлахъ отечества не чувствовалъ охватившаго въ то время зуда «Drang nach Osten».

Въ то самое время, какъ телеграммы извѣщали насъ о ходѣ военныхъ дѣйствій на театрѣ войны, до́ма дѣла шли обычнымъ порядкомъ и военныя дѣйствія противъ кассъ не прекращались ни на минуту, какъ бы свидѣтельствуя, что Россія и внѣ сферы военныхъ дѣйствій представляетъ собою поле непрерывной войны противъ государственнаго казначейства и противъ кассъ всевозможныхъ общественныхъ учрежденій. То во взаимномъ кредитѣ растрата въ милліонъ, то въ управѣ, то въ окружномъ судѣ, то въ такомъ-то банкѣ, то въ другомъ. Это по части растратъ. Что же касается прочихъ явленій нашей общественной жизни, то и они текли своимъ чередомъ, и въ стереотипной рубрикѣ *Намъ пишутъ* можно было

прочесть очень хорошо извѣстныя свѣдѣнія о томъ, что, съ одной стороны, граждане такого-то города проникнуты самымъ патріотическимъ одушевленіемъ, съ другой—что безработица, пожары и другія бѣды заставляютъ опасаться за исправное поступленіе платежей, съ третьей—что, вслѣдствіе похвальнаго усердія «просвѣщеннаго начальства», сборы въ пользу Краснаго Креста не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Плевна смутила Макара Ивановича. Онъ пришелъ ко мнѣ и, какъ теперь помню, былъ въ такомъ состояніи, точно его выкупали въ холодной ваннѣ. Онъ, что̀ называется, раскисъ и сталъ говорить, что въ насъ смиренія мало, и что мы мало боимся начальства. Очевидно, бѣдняга совсѣмъ осовѣлъ и не зналъ, какъ объяснить себѣ нашу прискорбную неудачу. Въ тѣ поры онъ о Константинополѣ ни полслова, а, напротивъ, напиралъ на безкорыстіе и удивлялся, отчего московскія дамы не шлютъ такъ долго обѣщаннаго ими ковра князю Бисмарку. Тоже сталъ онъ поругивать «братушекъ» и «братьевъ-сербовъ», однимъ словомъ, поджалъ хвостъ и пожаловалъ бывшему «Мухтаркѣ» титулъ «Мухтара Ивановича».

— Ахъ, Макаръ, Макаръ!.. И тебѣ не стыдно такъ хвостъ поджимать? Вѣдь ты же хвасталъ, что если бы тебѣ дали сто тысячъ солдатъ, то ты давно бы былъ у воротъ Константинополя.

Макаръ на время исчезъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и снова Макаръ появился. Снова заходилъ гоголемъ, какъ будто бы только-что сдавшаяся Плевна не оставила никакихъ поучительныхъ воспоминаній, помимо воспоминаній о немногихъ десяткахъ тысячъ солдатъ, сложившихъ тамъ свои кости. Опять онъ вспомнилъ о Царьградѣ, снова фыркалъ на Европу и снова сталъ выражаться, особенно въ первое время послѣ сдачи Плевны, междометіями или отрывочными фразами:

— Заря на Востокѣ... Крестъ вмѣсто луны... Городовой вмѣсто каваса... Градоначальникъ вмѣсто паши... Обновленіе... Желѣзныя дороги... Европа, выходи!..

Такое состояніе продолжалось непрерывно по мѣрѣ побѣдоноснаго шествія нашихъ войскъ. Макаръ то дѣлилъ Турцію, то выселялъ султана въ Азію, трунилъ надъ Биконсфильдомъ, трунилъ надъ Андраши, хвасталъ, что повѣсятъ все товарищество продовольствія, а Варшавскаго отдадутъ подъ судъ, хвалился, что теперь настанетъ новая «эра», что «славный россъ» покажетъ свою мочь, и, ворвавшись наконецъ ко мнѣ въ кабинетъ, воскликнулъ:

— Поздравляю съ миромъ. Жаль, Константинополя не прихватили, но онъ отъ насъ не уйдетъ!.. Вотъ, братъ, что̀ значитъ ясная программа и твердая рѣшимость!

Съ тѣхъ поръ прошло немало мѣсяцевъ, а мира настоящаго не было. Наконецъ Берлинскій трактатъ принесъ его.

Но отчего же Макаръ опять разводитъ руками, имѣетъ видъ совсѣмъ сконфуженный и втихомолку говоритъ, что «все это ужасно»?

— Макаръ, Макаръ! Чего ты осовѣлъ?

— Коварная Англія... Двуличная Австрія... Всѣ противъ насъ.

— А развѣ ты этого прежде не зналъ?.. Вѣдь тебѣ говорили?

Но Макаръ молчалъ.

— Ахъ, Макаръ, Макаръ!.. Скоро ли для тебя не будутъ сюрпризами вещи, которыя не должны бы быть сюрпризами? Когда ты оглянешься у себя подъ носомъ, вмѣсто того, чтобы писать проекты объ исправникахъ въ Болгаріи?.. Когда наконецъ поймешь ты, что у тебя, когда ты мололъ разный вздоръ, не было ни ясной программы, ни сознательной цѣли, ни средствъ?.. И зато какъ же тебя, дурака, объегорило твое собственное невѣжество, твое собственное самомнѣніе! И стоишь ты теперь, Макаръ, разинувъ ротъ, словно бы дуракъ какой, на глазахъ у Европы и жалуешься теперь на нее, вмѣсто того, чтобы смекнуть, виновата ли только одна Европа. А главное, все для тебя, легкомысленнаго Макара, реприманды! Ты словно бы и живешь въ промежуткахъ отъ одного реприманда до другого. Ты хотѣлъ освобождать другихъ, забывая, что себя самого ты не можешь освободить... и отъ холопства и отъ повальнаго воровства. Ты хвасталъ—помнишь ли?—что безъ внутреннихъ вопросовъ жить можно, а безъ Константинополя нельзя, ты вмѣстѣ съ другими кричалъ, что вопросы эти придутъ сами собой послѣ. И вотъ этотъ самый «внутренній вопросъ», надъ которымъ ты, Макаръ, глумился по легкомыслію, а другіе сознательно, въ свою очередь, злобно надсмѣялся надъ тобою. То подъ видомъ товарищества продовольствія, то подъ видомъ одиссеи погонцевъ, то подъ видомъ эксплоатаціи самой наглой, то въ образѣ Юханцева, то подъ покровомъ общественныхъ растратъ, то въ видѣ неурожаевъ, пожаровъ и наводненій, онъ словно бы говоритъ тебѣ, что и побѣды не бываютъ побѣдами, если ты оставляешь этотъ самый «вопросъ» безъ призора...

— Полно вздоръ говорить. Тутъ не безъ Бисмарка!..—проговорилъ въ какой-то меланхоліи Макаръ.

Оставалось и мнѣ, въ свою очередь, развести руками и распроститься съ неисправимымъ Макаромъ.

Казалось бы, что послѣ всего этого, если не мой пріятель Макаръ, то, по крайней мѣрѣ, наши Макары печати сконфуженные, Макары печати оплеванные, должны были бы хоть на время поджать хвосты и хотя изъ приличія помалчивать и смекать, отчего они оказались оплеванными, и виновата ли въ томъ Европа, или наша собственная безпомощность, обусловленная многими причинами, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, играетъ не малую роль и подхалюзничество нѣкоторой части ежедневной прессы.

Вспоминая, напримѣръ, какъ «Московскія Вѣдомости», требуя одной «правды» для Европы и другой—для Россіи, рекомендуя одну мѣрку суда для богатыхъ и знатныхъ и другую—для «сволочи» (припомните статьи этой газеты по поводу процесса Гартунга), въ то же время поощряли ту же «сволочь», выдавая ее за истинный гласъ общественнаго мнѣнія,—нельзя не придти къ печальному выводу о томъ, что подобные «руководители общественнаго мнѣнія» играли въ пережитую нами годину весьма гнусную роль и должны были бы, казалось, хоть теперь понять, что двухъ правдъ на свѣтѣ быть не можетъ, и что одна «правда» находится въ полной зависимости отъ другой. Я не стану касаться другихъ органовъ нашей прессы: о нихъ столько говорилось, что всѣмъ надоѣло. Будущій историкъ русскаго общественнаго самосознанія не забудетъ и покажетъ, какую роль они играли во время войны и насколько они заслуживаютъ признательности потомства!

И что же? Послѣ всего этого не успѣла замолкнуть въ ихъ передовыхъ статьяхъ минорная нота, какъ рядомъ съ этимъ они уже рекомендуютъ «пути въ Индію». Изыскивать «пути» въ то самое время, когда подъ носомъ нѣтъ удобныхъ путей для класса болѣе всего нуждающагося въ такихъ путяхъ, въ то время, когда неурожай въ Казанской губерніи и ожидающіеся неурожаи на югѣ должны, казалось бы, наконецъ обратить на себя вниманіе.

И послѣ этого они еще разводятъ руками и говорятъ, что Биконсфильдъ, Андраши и Бисмаркъ всему виною!

Довольно однако о нихъ. Я поневолѣ долженъ былъ вспомнить недавно пережитую нами исторію по поводу того минорнаго тона, которымъ щеголяютъ нѣкоторые Макары нашей печати въ послѣднее время. Вмѣсто того, чтобы оглянуться подъ носомъ, они опять принимаются за пути въ Индію, точно забывая, что и въ Индіи надо продовольствовать, и что тѣ же Грегеры, Горвицы, Варшавскіе и Поляковы, тѣ же интендантскіе чиновники и тѣ же условія будутъ сопровождать нашего солдата въ Индію, какъ сопровождали и къ Константинополю.

II.

Когда я читаю въ газетахъ о различныхъ добровольныхъ пожертвованіяхъ, мнѣ всегда почему-то рисуется такая картинка.

Начальникъ, озабоченный, чтобы и его районъ не отсталъ отъ прочихъ, собираетъ своихъ подчиненныхъ и, объясняя патріотическое значеніе пожертвованій, предлагаетъ имъ съ своей стороны принять посильное участіе и предложить желающимъ.

— Но, пожалуйста, чтобы это было добровольно... Безъ понужденій!..

— Слушаемъ, ваше пр-во!..

Подчиненные раскланиваются, и, очевидно, каждый изъ нихъ разсчитываетъ отличиться и доказать, что уѣздъ, ввѣренный попеченію каждаго изъ нихъ, не ударитъ лицомъ въ грязь. Исправники, въ свою очередь, даютъ предписаніе становымъ и хотя упоминаютъ о «добровольномъ» пожертвованіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ въ своихъ предписаніяхъ слѣдующую приписку: «Къ этому считаю не лишнимъ присовокупить, что его пр-во вполнѣ убѣжденъ, что ваше благородіе употребите всѣ усилія къ тому, чтобы дѣло это получило надлежащую огласку по волостямъ, и разсчитываетъ, что, благодаря вашему просвѣщенному разъясненію на мѣстѣ, наши крестьяне охотно примутъ участіе въ столь важномъ и патріотическомъ дѣлѣ» *).

Получивъ такую бумажку, становой, усердіе котораго внѣ всякихъ сомнѣній, обуреваемый стремленіемъ не отстать, въ свою очередь, отъ другихъ, отправляется дѣлать надлежащую огласку и разъясненія.

Старшина и волостной писарь получаютъ соотвѣтствующія наставленія, и черезъ нѣсколько времени сборщики обходятъ избы съ листами, собирая «добровольную подать».

— Я только-что послѣднія деньги внесъ!..—говоритъ селянинъ, видя передъ собой какой-то листъ и не спрашивая даже, на какой предметъ съ него требуютъ деньги.

— Да ты спроси, на какое дѣло-то...

— Очень ужъ... того... Сами знаете...

— Да ты, Степанъ, турка, что ли?.. Понимаешь, флотъ добровольный... Теперечa корабли противъ турка... И сколько твоей совѣсти будетъ, чтобы какъ слѣдоваетъ... Ну, гривну-то отдай...

— Не больно у насъ гривны-то водятся...

Въ концѣ концовъ Степанъ вынимаетъ пятишникъ, на листѣ ставятъ крестъ, и ему объясняютъ, что это добровольное приношеніе, по случаю военнаго времени.

Степанъ только крякаетъ.

Затѣмъ составляется приговоръ, и въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ свое время появляется этотъ приговоръ съ припиской отъ редакціи «объ одушевленіи и готовности, съ которыми...» и т. д.

Изъ одного уѣзда Полтавской губерніи мнѣ пишутъ, что не въ мѣру ретивый становой собралъ съ одного шинкаря три раза добровольную подать въ такомъ родѣ: первый разъ на добровольный флотъ, второй—на добровольную пѣхоту, а въ третій—на добровольную кавалерію.

Сталъ шинкарь бояться станового пуще огня небеснаго. И когда

---

*) Выписываю буквально изъ копіи присланнаго ко мнѣ предписанія одного исправника о сборѣ пожертвованій на добровольный флотъ.

становой хотѣлъ въ четвертый разъ получить пожертвованіе, чуть ли не на добровольную артиллерію, то шинкарь наотрѣзъ отказалъ и пошелъ жаловаться къ исправнику.

Исправникъ выслушалъ внимательно жалобу, обѣщалъ свое содѣйствіе и такъ обласкалъ шинкаря, что онъ въ четвертый разъ пожертвовалъ—на этотъ разъ въ пользу «Краснаго Креста».

Земства наши, какъ извѣстно, дѣлаютъ значительныя пожертвованія изъ земскихъ суммъ, хотя по смыслу закона они на это не имѣютъ никакого права, и если находятся земцы, указывающіе, что у земства есть свои нужды, болѣе существенныя, то въ такихъ прямо выпаливаютъ обвиненіями въ недостаткѣ патріотизма. Такъ, напримѣръ, гласный кромскаго уѣзднаго собранія г. Головатый потратилъ немало ораторскаго таланта на доказательства, что стыдно и не патріотично скупиться на такое дѣло, какъ добровольный флотъ...

И бѣда въ провинціи не пожертвовать! Если промолчитъ какой-нибудь гласный въ родѣ г. Головатаго, то найдутся корреспонденты, которые сообщатъ, что вотъ, молъ, всѣ жертвуютъ, а такой-то, человѣкъ состоятельный, не жертвуетъ. И найдутся, въ свою очередь, газеты, которыя не только пропечатаютъ такую корреспонденцію, но еще въ передовой статьѣ сдѣлаютъ соотвѣтствующее назиданіе.

На-дняхъ ѣду я въ конкѣ въ Лѣсной институтъ. Разговорился съ кондукоромъ.

— Сколько вы получаете жалованья?

— Двадцать рублей. Уже давно слѣдовало бы прибавить и прибавили бы, да помѣшалъ добровольный флотъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Правленіе, говорятъ, пожертвовало десять тысячъ. Теперь и выгадываютъ экономію на нашемъ братѣ... А вѣдь мы сами жертвовали!..

Передавая эту бесѣду, я, разумѣется, не удостовѣряю, что правленіе конно-желѣзныхъ дорогъ именно такъ и поступило, какъ говоритъ кондукторъ, но изъ этой бесѣды тѣмъ не менѣе характерно рисуется взглядъ кондуктора на манеру пожертвованій — взглядъ, едва ли не правильный въ общемъ.

По большей части всѣ эти взносы, которыми щеголяютъ разныя правленія, конечно, лягутъ на какого-нибудь «брата», и, конечно, меньшаго, а не старшаго... Чтобы собрать десяти членамъ правленія какихъ-нибудь десять тысячъ, имъ все-таки надо дать по тысячѣ, что для нашихъ Мининыхъ не желательно; но можно и капиталъ пріобрѣсти, и сохранить невинность патріотовъ инымъ путемъ, очень нетруднымъ: стоитъ только не прибавлять жалованья какому-нибудь «брату», получающему гроши, и дѣло въ шляпѣ. «Братъ» молчитъ, а вся честь лежитъ на «братьяхъ директорахъ».

III.

Совокупность взаимныхъ отношеній, являющаяся какъ результатъ даннаго строя, и вытекающія изъ него, такъ-называемыя «мелкія явленія» общественной жизни, которыми полны корреспонденціи, печатныя и непечатныя, о которыхъ слышишь и которыя видишь на каждомъ шагу, несмотря на свою «мелочь», тѣмъ не менѣе преслѣдуютъ и давятъ васъ, и это давленіе, конечно, еще болѣе ощутительно въ провинціи, чѣмъ въ столицѣ, такъ какъ тамъ оно проявляется въ формѣ несравненно болѣе откровенной. Если въ столицѣ городовой деликатно шепнетъ вамъ: «господинъ, уйдите», то гдѣ-нибудь въ Ельцѣ онъ непремѣнно скажетъ: «проваливай къ чертямъ». Если вы придете въ столичное присутственное мѣсто и будете ждать пришествія Христова до полученія справки, то вы все-таки услышите болѣе или менѣе вѣжливое «потрудитесь подождать», но въ маленькомъ городкѣ, если вы попадете къ чиновнику въ дурную минуту, то вы рискуете получить такой комплиментъ, который долго останется въ вашей памяти. И такъ, конечно, во всемъ.

Я убѣжденъ, напримѣръ, что каждый нашъ столичный приставъ, если-бъ даже и не зналъ, кто такой былъ Франклинъ, то, во всякомъ случаѣ, получивъ предписаніе объ его разысканіи, первымъ дѣломъ произвелъ бы надлежащія справки, въ какомъ онъ чинѣ, для уясненія себѣ вопроса, слѣдуетъ ли его по отысканіи «пригласить», или просто-напросто «взять». Но добродушный нарымскій засѣдатель, очевидно, не настолько понимаетъ тонкости, чтобы входить во всѣ такія подробности. Да и наконецъ у кого собирать справки въ Нарымѣ? Получилъ онъ предписаніе о разысканіи, и ему, конечно, нѣтъ дѣла, Франклина ли разыскиваютъ, или Петра Егорова. «Если разыскиваютъ, то, значитъ, дурной человѣкъ этотъ Франклинъ, потому что зачѣмъ же будутъ хорошаго человѣка разыскивать: хорошій человѣкъ самъ явится къ начальству, если бы и согрѣшилъ».

Такъ, вѣроятно, думалъ г. нарымскій засѣдатель, когда прочитывалъ полученное предписаніе томскаго исправника, вызванное въ свое время сообщеніемъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, озабоченнаго открытіемъ слѣдовъ Франклиновой экспедиціи. И вотъ усердный исполнитель пишетъ слѣдующее «самострожайшее», разумѣется, предписаніе нарымской инородческой управѣ: «Вслѣдствіе полученнаго предписанія отъ г. томскаго окружнаго исправника объ учиненіи самотщательнаго розыска безъ вѣсти пропавшаго капитана англійской службы Франклина, самострожайше предписываю нарымской инородческой управѣ о учиненіи надлежащаго разысканія, а буде таковой капитанъ Франклинъ окажется

въ предѣлахъ, принадлежащихъ вѣдѣнію оной управы, то, немедленно взявъ его, доставить подъ строжайшимъ карауломъ въ мою квартиру для дальнѣйшаго отправленія по принадлежности».

Слава еще Богу, что ученые иностранные путешественники рѣдко заглядываютъ въ наши глухія мѣста, а если и заглядываютъ, то не иначе, какъ запасшись открытыми предписаніями и удостовѣреніями высшихъ властей, а то сколько бы могло возникнуть дипломатическихъ затрудненій (и безъ того ихъ довольно!) единственно изъ-за усердія младшихъ агентовъ, полагающихъ, что при учиненіи надлежащаго разысканія безъ «строжайшаго караула» никакъ невозможно.

Я, разумѣется, и не думаю лично винить почтеннаго нарымскаго засѣдателя, хотя бы онъ предписалъ учинять розыски и доставлять подъ строжайшимъ карауломъ для отправленія «по принадлежности» не только Франклиновъ, но даже Дарвиновъ. Избави меня Богъ! Я очень хорошо понимаю, какъ велико было бы изумленіе того же нарымскаго засѣдателя, если бы, вмѣсто благодарности за «строжайшій караулъ», приставленный къ иностранному ученому, онъ вдругъ получилъ бы строжайшій выговоръ и самъ, въ свою очередь, пожалуй, былъ бы по принадлежности доставленъ подъ строжайшимъ карауломъ...

— За что же?—воскликнулъ бы онъ.—Кажется, я старался!..

И онъ былъ бы тысячу разъ правъ.

За неимѣніемъ настоящихъ Франклиновъ въ нашихъ провинціальныхъ захолустьяхъ, роль Франклиновъ поневолѣ приходится иногда разыгрывать мѣстнымъ обывателямъ, ну, а изъ-за нихъ, какъ извѣстно, дипломатической переписки затѣвать не приходится.

Не безполезно бываетъ иногда прокатиться по нашимъ провинціальнымъ палестинамъ и воочію убѣдиться, что на провинціалахъ близкое сосѣдство съ какимъ-нибудь двойникомъ добродушнаго нарымскаго засѣдателя отзывается несравненно ощутительнѣе. Да и вообще всякое мѣропріятіе, исходящее изъ столицъ и попадающее въ какой-нибудь глухой уголокъ, совершаетъ на своемъ пути такія метаморфозы и является наконецъ въ «деревню» въ такой формѣ, что остается развести руками.

Я очень хорошо помню, какъ во время сербской войны собирали пожертвованія, и въ какой категорической формѣ являлись эти сборы въ одномъ уѣздномъ захолустьѣ юга. Обыватели платили въ полной увѣренности, что на это есть манифестъ, а, какъ извѣстно, никакого такого манифеста не было.

— По манифесту платимъ!—говорилъ мнѣ въ тѣ поры одинъ мѣщанинъ.—Вышелъ манифестъ, значитъ, и нечего разсуждать!

И зато же боится простой человѣкъ захолустья всякихъ мѣропріятій, хотя бы направленныхъ, казалось бы, къ его же пользѣ.

Когда объявили жителямъ одного городка о необходимости «санитарныхъ мѣръ»—они взвыли.

— Знаемъ мы эти санитарныя мѣры... Это, значитъ, опять плати!

— Что̀ вы, глупые. Для вашей же пользы. Взгляните, что̀ у васъ за грязь кругомъ!..

— Это точно, что грязно.

— Ну, чистота—это и есть санитарныя мѣры... Понимаете?—объяснялъ въ думѣ городской голова.

— Ладно... Заговаривай зубы... Мы знаемъ, во что вгоните вы «санитарную»...

Однако, благодаря «просвѣщенной энергіи» городского головы и мѣстной власти, стали требовать «санитарныхъ мѣръ», и въ концѣ концовъ обыватели оказались-таки правы. Изъ-за расчистки грязи, въ которой по горло сидятъ наши городки, изъ-за вывоза изъ дворовъ навоза было столько прижимки, что обыватели рѣшили просить ихъ избавить отъ этого, обѣщаясь взамѣнъ того блюстителямъ платить своего рода «добровольную подать». Такъ санитарная реформа въ городскомъ провинціальномъ захолустьѣ и осталась лишь на бумагѣ да въ карманахъ членовъ городской управы, наблюдавшихъ за санитарными порядками.

И отъ кого только нѣтъ этой прижимки! Стòитъ проѣхаться по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, чтобы собрать цѣлые томы воя и жалобъ на желѣзнодорожное начальство. Желѣзнодорожные агенты являются въ этихъ разсказахъ какой-то правильно организованной шайкой, наглѣйшимъ образомъ нарушающей интересы отправителей, получателей и пассажировъ. Въ газетахъ появляется лишь одна сотая доля этихъ беззаконій, которыя своими боками терпятъ мѣстные жители, и недаромъ, особенно на югѣ, обыватели, упоминая о желѣзной дорогѣ, неизмѣнно прибавляютъ эпитетъ: либо—разбойники, либо—мошенники. Желѣзнодорожные порядки—одно изъ наболѣвшихъ мѣстъ въ провинціи, и отъ нихъ приходится солоно рѣшительно всѣмъ.

Особенно отличаются въ этомъ отношеніи дороги г. Полякова; впрочемъ, и другія не лучше. Безъ взятокъ нельзя ни отправить ни получить товара, а не хочешь платить—жди, пока сгніетъ товаръ. И, разумѣется, остается платить.

— Но отчего же не жалуются?—спросилъ я словоохотливаго разсказчика, мѣстнаго старожила, ѣхавшаго со мною въ вагонѣ по Курско-Харьковско-Азовской дорогѣ.

— Кому?

— Въ управленіе или инспектору.

— Да этими жалобами завалены и управленіе и инспекторъ, но управленіе чаще всего покрываетъ своихъ же, такъ какъ по

большей части у него и у самого пушокъ на рыльцѣ есть, или же карастъ мелкихъ воришекъ для удовольствія большихъ. Что же касается инспектора, то, предположивъ даже въ немъ самаго безкорыстнаго человѣка, не получающаго никакого добавочнаго содержанія отъ желѣзнодорожнаго общества въ видѣ приплаты къ содержанію, получаемому имъ отъ правительства, вы должны сообразить и припомнить, что правленія, засѣдающія въ Петербургѣ, всегда пользуются связями и могутъ спровадить неугомоннаго инспектора на другую дорогу... У нихъ, батюшка, на желѣзныхъ дорогахъ и хозяйство ведется хищническое. Какъ хищнически строили ее, точно такъ хищнически и эксплоатируютъ ее. Воровство повальное. Воруютъ, то-есть не воруютъ (это слово давно выведено изъ диксіонера), а наживаютъ насчетъ того же самаго хозяина, у котораго служатъ, занимаясь, напримѣръ, подрядами. Здѣсь большая часть начальниковъ дистанцій занимаются у себя на участкахъ подрядами.

— Казалось бы, что начальнику дистанціи, обязанному контролировать свой участокъ, и неприлично быть въ одно и то же время и контролеромъ и подрядчикомъ,—замѣтилъ я въ видѣ реплики.

Но на мою реплику въ вагонѣ раздался веселый хохотъ.

— У насъ они народъ современный, говорятъ напрямки: стану я, молъ, въ зубы ему смотрѣть. *Онъ* (то-есть хозяинъ) загребъ, такъ дай и мнѣ случай! Эта «тенденція» проходитъ черезъ весь многочисленный сонмъ желѣзнодорожныхъ агентовъ, начиная отъ старшихъ и кончая младшими. Всякій смотритъ на эту самую «желѣзную дорогу», какъ на какую-то мерзавку, которую во что бы то ни стало надо обчистить, и, конечно, обчищаютъ, при чемъ болѣе всѣхъ достается публикѣ, такъ какъ не всѣ желѣзнодорожныя службы имѣютъ непосредственное отношеніе къ ремонту, къ дровамъ, углю, смазочному матеріалу, къ заготовкѣ матеріаловъ и т. п., а цѣлая служба движенія, то-есть начальники станцій, кассиры, ихъ помощники, кондукторы, имѣютъ дѣло съ живымъ матеріаломъ—съ публикой, съ которой они, по примѣру товарищей, обращаются съ не большею деликатностью, чѣмъ съ дровами.

— Но какъ же однако, чего же смотритъ самъ хозяинъ... Вѣдь и ему невыгодно...

— Да гдѣ вы людей найдете? У насъ все служатъ болѣе ташкентцы. Ѣхалъ въ Ташкентъ—не доѣхалъ и пошелъ на желѣзную дорогу, а то прокутившіеся маменькины сынки, у которыхъ связи есть; впрочемъ, эти больше при управленіяхъ служатъ, слоны слоняютъ; видитъ ташкентецъ вокругъ себя какую-то безпардонную отвагу—тотъ пользуется, другой не зѣваетъ, третій охулки на руку не кладетъ—и самъ туда же, зачѣмъ выскочкой быть... Иной, по-

жалуй, и крѣпится, а тамъ и маршъ за всѣми... Таковы агенты по большей части, я знаю ихъ немало, не на одной только здѣшней дорогѣ...

— А что же смотритъ управленіе?

— Управленіе?.. Да вы прежде спросите, какое это управленіе!.. Нерѣдко во главѣ управленія выгодно имѣть не энергичнаго, настоящаго дѣятеля, а просто какого-нибудь ловкаго человѣка, съ приличными манерами, умѣющаго ловко заговаривать зубы почетному пассажиру или занять его именно въ такой моментъ, когда поѣздъ идетъ по скверному пути или по неисправному мосту, однимъ словомъ, ему нуженъ, что называется, ловкій парень, умѣющій день-денской встрѣчать, сопровождать и провожать почетнаго пассажира—мало ли его тутъ проѣзжаетъ!—и продать, какъ у васъ въ Гостиномъ дворѣ разносчики, гнилой апельсинъ за свѣжій... Почетный посѣтитель, натурально, обольщенъ... видитъ около вѣчно-заботливаго вьюна, ну, и хозяину репутація... Вотъ какой управляющій нуженъ такому хозяину... И, разумѣется, для хозяйственной части у него отдѣльный начальникъ,—до хозяйственной части управляющій и не касается, главное его дѣло—принять и проводить,—отъ котораго, натурально, и качества требуются другія. Юркости этой не надо, а, напротивъ, на такія мѣста опытные хозяева выбираютъ плутовъ, чтобы не шибко давали другимъ плутовать. А насчетъ хозяйской выгоды, слышали вы отвѣтъ одного милліонера, когда его спросили, сколько онъ получаетъ чистаго дохода?

— Нѣтъ, не слыхалъ!

— Когда его спросили, онъ ничего не отвѣтилъ, а только далъ отвѣдать окружавшимъ его лицамъ блюдечко съ мороженымъ, которое онъ держалъ въ рукахъ, и когда блюдечко обошло всѣхъ и возвратилось къ милліонеру (въ немъ оставалась еще порядочная доля мороженаго, такъ какъ зазорно было отвѣдывать помногу!), то онъ, указывая на остатокъ, сказалъ: вотъ мой чистый доходъ!.. Понимаете мораль?.. Такъ и желѣзнодорожный хозяинъ могъ бы отвѣтить... Да и сами разсудите: при общей обманной системѣ развѣ можно разсчитывать, что служащіе будутъ добродѣтельные агнцы, точно они сами не знаютъ продѣлокъ хозяина... Недаромъ есть поговорка: каковъ попъ, таковъ и приходъ... Попадаются, конечно, и честные люди, какъ не быть, но, я думаю, самъ хозяинъ смотритъ на нихъ либо какъ на отчаянныхъ болвановъ, либо какъ на отчаянныхъ мошенниковъ, не желающихъ мараться по мелочи... У такого хозяина и управляющему самостоятельному быть-то нельзя...

— Какъ такъ?

— Очень просто. Казалось бы, задача хорошаго управляющаго

состоитъ въ томъ, чтобы грузы не застаивались, чтобы отправитель не былъ обиженъ, чтобы паровозы были въ исправности, чтобы вагоновъ было достаточно, чтобы заносы были расчищены и т. д. Положимъ, онъ хочетъ всего этого и бомбардируетъ правленіе письмами и депешами: дайте, молъ, исправные паровозы, дайте вагоновъ, вышлите денегъ на расчистку, и самъ съ наличными средствами лѣзетъ изъ кожи вонъ, чтобы дѣло шло, по возможности, хорошо; такъ вѣдь такому человѣку сперва намекнутъ, чтобы не горячился, а не уймется—дадутъ тысячъ пять въ зубы и попросятъ уйти... «Болванъ!—скажетъ правленіе:—не понялъ, что намъ же на руку, если будутъ жаловаться, что грузы стоятъ, что паровозовъ мало...»

— Это почему?

— А тутъ своя музыка желѣзнодорожная, такъ какъ въ то самое время желѣзнодорожникъ занятъ какой-либо новой комбинаціей, и ему нужны деньги,—а гдѣ ему поживиться, какъ не около государственнаго казначейства,—и онъ хлопочетъ о субсидіи у правительства на обновленіе подвижного состава, и слѣдовательно жалобы ему еще на руку... Денежки получены, а подвижной составъ все тотъ же... Нѣтъ, батюшка, что и продолжать... Это такая помойная яма, что, начни о ней говорить, недѣлю будешь говорить—не кончишь... Разбойники!—энергично закончилъ свою рѣчь степнякъ-помѣщикъ.—Право, разбойники... А мы-то, дураки, надѣялись, думали: радость... Одно распутство въ край внесли.

— Гдѣ кончить!—ввернулъ одинъ изъ пассажировъ, сидѣвшій все время молча.—Вы, можно сказать, еще одну присказку сдѣлали, а мнѣ всѣ ихъ беззаконія довольно извѣстны, потому своимъ собственнымъ «партуфелемъ» отвѣчаемъ!—проговорилъ онъ и хлопнулъ по боковому карману своего потертаго пальто.—Мы-съ торговцы, товару много по этой дорогѣ отправляемъ и, можно сказать, такого дневного разбоя въ вятскихъ лѣсахъ не запомнимъ, не то что на чугункѣ-съ. Эти мошенники вагона не дадутъ безъ пяти рублей; у нихъ ужъ на многихъ станціяхъ и такца такая: пять рублевъ и ни копейки меньше, и то еще приди поклонись начальнику, да и помощника не обезсудь, и артельщика помажь по карману. И то бы ничего, нашъ братъ къ смазкѣ привыкъ, на нее не сердимся—отчего-жъ бѣдному человѣку не дать за труды!—а то бѣда, что взять-то онъ возьметъ, а за товаромъ надлежаще не досмотритъ, и тебѣ одинъ убытокъ... Я вотъ за сгноенную на десять тысячъ рублей рыбу о сю пору никакого разсчета получить не могу, а тому годъ прошелъ... Опять ѣду въ нижнее управленіе попытаться... да такъ, по спопутности... Надежды мало на этихъ христопродавцевъ...

— И плутъ же, батюшка, этотъ самый коммерсантъ!—шепчетъ

мнѣ тихонько мой сосѣдъ-степнякъ.—Вы спросите, какъ и онъ, въ свою очередь, желѣзную дорогу надуваетъ вмѣстѣ со станціонными начальниками: отправитъ грузъ, положимъ, въ тысячу пудовъ, а заплатитъ за пятьсотъ...

— А кассиры у нихъ тоже недурны!—вступается въ бесѣду третій пассажиръ, какой-то чиновникъ изъ Курска.—Удивительно забывчивый народъ... Недавно ѣхалъ я изъ Харькова въ Курскъ, такъ кассиръ ихній человѣкамъ пяти ошибался сдачи дать... все не додастъ... Совсѣмъ разсѣянные люди...

— Да у нихъ и по дешевой платѣ можно проѣхать, по уменьшенному тарифу-съ...—говоритъ четвертый, юркій персонажъ, очевидно, еврейскаго происхожденія.—Они, эти служащіе, удивительно какъ ловко обставили это дѣло... У нихъ эта билетная часть очень, можно сказать, правильно организована... Нуженъ вамъ, положимъ, билетъ, и вы, какъ человѣкъ экономный, хотите проѣхать подешевле...

Кто-то смѣется. Разсказчикъ нѣсколько заминается.

— Продолжайте... Не стѣсняйтесь!—ободряетъ его степнякъ-помѣщикъ.—Мы поучимся, какъ ѣздить экономнѣе...

— Я, конечно, такъ, къ примѣру... Конечно, люди богатые на это не пойдутъ, а вѣдь пассажиръ всякій бываетъ... Вотъ про такого пассажира я и говорю... Онъ беретъ билетъ и платитъ за него половину; билетъ этотъ штемпелемъ не пробиваютъ, и ужъ оберъ-кондукторъ щипцами его не трогаетъ, потому что и онъ членъ этой организаціи... Такъ съ такимъ билетомъ вы и проѣзжаете до мѣста, а билетъ снова возвращается на полку къ кассиру...

— А контролеръ?..

— Какой контролеръ?.. Если придирчивый, ну, нечего дѣлать, оберъ-кондукторъ прорѣжетъ билетъ, и билетъ пропадетъ... Нельзя же, во всякой операціи убытокъ случается!—улыбаясь, заканчиваетъ разсказчикъ.

— Такъ вотъ какъ можно экономически проѣхать!? Ха-ха-ха,—закатывается степнякъ.

— Удивительно,—хихикаетъ чиновникъ, прибавляя:—и не открыли?

— Говорятъ, не разъ открывали, но опять новая компанія на акціяхъ образовывалась...

— А безпорядокъ-то какой!—опять говоритъ чиновникъ изъ Курска.—Хоть бы нашъ вагонъ: двери не запираются, шторы вотъ на окнѣ нѣтъ, кондуктора ночью не дозовешься—всѣ спятъ какъ убитые, свѣчи всю ночь не горятъ, замѣтишь—на дерзость наткнешься...

— Но вѣдь ѣздятъ же начальники?

— Да вѣдь они въ своихъ вагонахъ. У нихъ все, конечно, въ

исправности. Они и не заглянутъ въ эти вагоны. Для нихъ пассажиры—тьфу!.. А когда начальство ѣдетъ, то особые поѣзда—ѣдешь словно по пуховой перинѣ...

Однимъ словомъ, какъ только въ вагонѣ начиналась бесѣда о желѣзной дорогѣ, то повторялась сцена изъ «Лукреціи Борджіа». Всякій начиналъ ругать желѣзнодорожные порядки, и всякій находилъ поводъ выпалить какое-нибудь обвиненіе.

До Харькова оставалась одна станція. Отъ Дергачей поѣздъ, запоздавшій по какому-то случаю, пошелъ скорѣй. Нѣсколько пассажировъ-офицеровъ, отправляющихся въ армію, сильно безпокоились, какъ бы имъ не опоздать въ Харьковѣ на поѣздъ. Поѣздъ пошелъ тише.

— Это что̀ значитъ?—недоумѣвая, спрашиваютъ торопившіеся офицеры.—Тутъ, кажется, станціи нѣтъ!

— Станціи нѣтъ, это правда, но тутъ устроена платформа для генерала Хлѣбникова.

— Для какого генерала Хлѣбникова?

— А есть у насъ такой желѣзнодорожный генералъ. Онъ служитъ здѣсь же на дорогѣ!—объяснялъ всезнающій степнякъ-помѣщикъ.—И такъ какъ у генерала подъ Харьковомъ своя дача, то для него и платформа устроена, чтобы генералу было удобно... Земство не разъ хлопотало о полустанкахъ, указывало мѣста, гдѣ необходимо поставить платформы, такъ на ихъ ходатайства плюютъ, а когда генералу Хлѣбникову нужна платформа... сдѣлайте одолженіе, съ большимъ удовольствіемъ,—не унимался степнякъ.

Поѣздъ остановился. Прошла минута, другая, третья, прошло пять минутъ.

— Кого-жъ мы ждемъ?—спрашиваютъ нетерпѣливо офицеры у кондуктора.

— Генерала Хлѣбникова!

— Вотъ видите ли!—злобно продолжаетъ степнякъ.—Обыкновенно семеро одного не ждутъ, а тутъ цѣлый поѣздъ дожидается одного генерала Хлѣбникова.

Офицеры нетерпѣливо поглядываютъ въ окна, не идетъ ли генералъ Хлѣбниковъ. Пассажиры начинаютъ роптать.

— Это чортъ знаетъ что̀ такое!

— Это наконецъ безобразіе!!..

— Э, господа... Да вы, какъ я посмотрю, новички, а мы, провинціалы, народъ на этотъ счетъ обтерпѣвшійся. Мы иногда не только изъ-за генерала Хлѣбникова, но изъ-за статскихъ желѣзнодорожныхъ совѣтницъ ждемъ по получасу, и то ничего... Еще благодаримъ, если только полчаса.

— Надо составить протоколъ!

— Составьте, составьте, господа!—подсмѣивается степнякъ.—

Видно, вамъ время есть, а если есть, то, конечно, все же будетъ развлеченіе. Только едва ли будетъ толкъ. Хотите, сдѣлаемъ опытъ и спросимъ оберъ-кондуктора,—онъ человѣкъ опытный и желѣзнодорожную музыку знаетъ,—почему стоитъ поѣздъ?.. Г. оберъ-кондукторъ,—крикнулъ степнякъ стоявшему невдалекѣ оберъ-кондуктору.—Позвольте васъ побезпокоить на минуточку.

Красивый, завитой, молодой оберъ-кондукторъ съ массивной золотой цѣпочкой, съ кольцами на рукѣ, франтоватый, съ наглымъ взглядомъ большихъ голубыхъ глазъ, подошелъ нехотя къ окну.

— Не соблаговолите ли отвѣтить: почему такая продолжительная остановка?

— Поврежденіе въ паровозѣ!—отвѣчалъ оберъ-кондукторъ.

— Премного вамъ благодаренъ. По всей вѣроятности, неважное?

— Да. Скоро все будетъ готово!

— Вотъ видите!—обратился къ намъ съ торжествующимъ лицомъ степнякъ.—Я вамъ говорилъ, что причина законная, и поврежденіе паровоза продолжится какъ разъ до того времени, какъ явится генералъ Хлѣбниковъ. Угодно ли вамъ, господа, будетъ теперь составлять протоколъ!?.. Мы, мѣстные жители, ужъ пробовали и ожглись на этихъ протоколахъ!

Наконецъ появился и самъ генералъ Хлѣбниковъ, плотный, средняго роста, гладкій, выхоленный инженеръ. Онъ шелъ, поторапливаясь, со свитой своихъ знакомыхъ, сѣлъ въ прицѣпленный для него вагонъ, и поѣздъ тотчасъ же двинулся въ Харьковъ.

Когда пассажиры выходили изъ вагоновъ, то слышны были проклятія желѣзной дорогѣ. Желѣзнодорожное начальство тутъ же прогуливалось по платформѣ и не обращало ни малѣйшаго вниманія на эти проклятія.

Мы съ степнякомъ усѣлись обѣдать. Онъ ѣхалъ на Полтаву, а я дальше, на Лозовую. Къ ближайшему поѣзду мы опоздали, пришлось дожидаться слѣдующаго.

— А обратили вы вниманіе, какіе на Харьковской дорогѣ изящные оберъ-кондукторы?

— Какъ же.

— Вы бы посмотрѣли, какъ они въ дорогѣ за дамами ухаживаютъ. Придетъ иной, сядетъ въ вагонъ да и начнетъ... Бывали случаи, эти господа просто вели себя какъ баши-бузуки, и дамы избѣгаютъ ѣздить въ вагонахъ, гдѣ мало народа... Того и гляди, что нарвешься на оскорбленіе!

IV.

Въ тотъ же вечеръ я отправился далѣе. Вагонъ, въ который меня втолкнула судьба, былъ порядочно-таки набитъ пассажирами. Пришлось занимать мѣсто чуть ли не съ бою.

— Вы, господинъ, не безпокойтесь! Это все недальній пассажиръ!—успокоивалъ меня артельщикъ.

Я осмотрѣлся. Публика была самая разнокалиберная. Были старинные типы, напоминающіе неуклюжаго Собакевича, разухабистаго Ноздрева, пугливую Коробочку и даму пріятную во всѣхъ отношеніяхъ, но преимущественно преобладалъ современный типъ молодого, франтоватаго землевладѣльца-земца, заложившаго свое имѣніе въ одномъ изъ земельныхъ банковъ и путешествовавшаго по Европѣ, адвоката, дѣльца, чиновника и типъ прощалыги.

Первое время, конечно, пассажиры размѣщались по своимъ мѣстамъ, примащивали подушки, крякали, сердились вполголоса на тѣсноту и искоса поглядывали на счастливцевъ, занявшихъ лучшія мѣста. Барыни ахали, охали, испуганно озирались, сосчитывая, всѣ ли коробки, кулечки и саквояжи на своихъ мѣстахъ, и неизвѣстно для чего выпаливали довольно громко французскими фразами самой подозрительной грамотности. Наконецъ все примостилось, успокоилось, и скоро въ вагонѣ начались оживленные разговоры, оказались неожиданныя встрѣчи между знакомыми, завязались новыя знакомства, объявлялись близкія сосѣдства и т. п.

Замѣчу кстати о слѣдующемъ характерномъ обстоятельствѣ.

Какъ только-что вы оставили Николаевскую желѣзную дорогу и пересѣли въ вагонъ одной изъ замосковныхъ желѣзныхъ дорогъ, васъ непремѣнно поразитъ, во-первыхъ, другой видъ публики, а во-вторыхъ, ея сообщительность. На Николаевской дорогѣ (я говорю про публику перваго и второго классовъ) пассажиры больше молчатъ, другъ съ другомъ не заговариваютъ, какъ-то топорщатся и только искоса и недовольно поглядываютъ другъ на друга, словно каждый изъ нихъ боится, что сосѣдъ либо попроситъ взаймы, либо обвинитъ въ неблагонадежности и доложитъ объ этомъ щеголеватому жандарму, хорошо вычищенная, блестящая каска котораго сіяетъ, словно спасительный маякъ для путешественниковъ, на каждой станціи. Если вы обратитесь къ сосѣду съ какимъ-нибудь вопросомъ, онъ отвѣтитъ вамъ нехотя, вѣжливо-сухо, такъ что у васъ пропадаетъ охота заговаривать, поправитъ свои воротнички, упрется въ нихъ своей гладко-выбритой щекой или бородой и уставитъ глаза въ сторону, точно ему, пассажиру, не до такихъ пустяковъ, какъ вагонная бесѣда. И костюмы пассажировъ Николаевской дороги другіе, все свѣжіе, цвѣтной матеріи пиджаки, особыя какія-то шляпы и шапочки, а багажъ самый крошечный: чемоданчикъ, пледъ съ маленькой подушкой; мягкихъ, объемистыхъ подушекъ не видать, о кулечкахъ съ закусками нѣтъ и помину. Если встрѣтятся знакомые, они заговорятъ тихо, съ той петербургской манерой бесѣдовать «о выѣденномъ яйцѣ» съ особымъ апломбомъ, которую вы можете ежедневно наблюдать въ общественныхъ мѣстахъ.

За Москвой—другое дѣло. И публика тамъ разнообразнѣе (нѣтъ шаблоннаго, пріѣвшагося петербургскаго типа), и костюмы самые разнокалиберные, и подушки непомѣрныя, и кулечки съ икрой и балыкомъ, и громкія бесѣды, и назойливое приставанье, и разспросы: кто вы такой, куда, зачѣмъ и надолго ли ѣдете, и есть ли у васъ жена, и сколько дѣтей, и какъ ихъ зовутъ. Знакомства, очевидно, дѣлаются тутъ быстрѣе и сейчасъ же происходитъ сближеніе на темѣ брани желѣзной дорогѣ, по которой вы ѣдете.

Въ нашемъ вагонѣ какой-то Собакевичъ уже успѣлъ раза два кого-то придавить и извиниться, барыни уже успѣли выспросить другъ у друга, зачѣмъ онѣ были въ Харьковѣ, а два помѣщика и Коробочка, сидѣвшіе противъ меня, передавали другъ другу свои жалобы на ожиданіе неурожая, на суслика, на жучка. Особенно обижалъ, по ихъ словамъ, жучокъ, впрочемъ, и сусликъ спуску не давалъ.

— А вы что же съ жучкомъ дѣлаете?—спрашивалъ Коробочку сосѣдъ-помѣщикъ.

— А что дѣлаемъ? Сгоняемъ мальчишекъ да и ловимъ его, шельмеца. Потомъ собираемъ въ бочки да и шлемъ въ управу.

— Это зачѣмъ же въ управу?—спрашиваетъ другой.

— Управа просила. Обѣщала ученую комиссію снарядить въ походъ на жучка.

— Да, донимаетъ онъ насъ... И ничего съ нимъ не подѣлаешь... Хоть бы нѣмецъ какую-нибудь штуку противъ жучка выдумалъ! А мы сами не справимся... Шутка ли, жучка мальчикамъ ловить... Чего это стоитъ, да и сколько на это нужно времени...

Разговоръ все вертѣлся на жучкѣ, на сусликѣ, на неурожаѣ, на плохихъ доходахъ да на разныхъ банкахъ, въ которыхъ были заложены имѣнія разговаривающихъ помѣщиковъ... Въ этихъ бесѣдахъ звучала нотка такой безпомощности, такого невѣжества, что, слушая эти разговоры, невольно думалось:

«Бѣдный помѣщикъ! Обижаетъ тебя не только хищникъ-кулакъ, но и сусликъ, и жучокъ, и банки, и бездорожье, и безденежье... И ты, точно ребенокъ, только и дѣла дѣлаешь, что ноешь да плачешься и возлагаешь надежды, что нѣмецъ выдумаетъ какую-нибудь каверзу противъ жучка... И поѣдаетъ тебя жучокъ, а бочки все стоятъ въ управѣ, и скоро ли пріѣдетъ ученая комиссія противъ жучка—про то извѣстно одному Богу!.. Мудрено ли послѣ этого, что тебя, какъ ты теперь говоришь, со словъ московской газеты, обидѣлъ лордъ Биконсфильдъ».

— А вы далеко ѣдете?—вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ мой сосѣдъ по скамейкѣ, молодой человѣкъ, читавшій до того газету.

— Въ Крымъ...

— Я собственно спросилъ васъ, чтобы узнать, какъ насчетъ скамейки, можно ли ночью спать, или нельзя...

Слово за слово—мы разговорились. Сосѣдъ мой оказался архитекторомъ одного изъ южныхъ городовъ, веселый, разговорчивый, остроумный собесѣдникъ, близко знавшій, какъ оказалось, желѣзнодорожные порядки и, такъ сказать, желѣзнодорожныя продѣлки de la haute école. Онъ былъ архитекторомъ при постройкѣ нѣсколькихъ дорогъ и сообщилъ мнѣ немало интересныхъ подробностей.

«Вы спрашивали, — между прочимъ, разсказывалъ мой сосѣдъ:—какъ принимаются дороги... Я былъ на одной такой пріемкѣ и могу вамъ набросать легкій эскизъ... Дорога, какъ и бо̀льшая часть, строилась на фу-фу... Вы понимаете: по шестидесяти тысячъ съ версты, исключите разныя промессы и комиссіи и тому подобное, примите въ соображеніе понятное желаніе положить себѣ болѣе въ карманъ и скорѣе сфабриковать дорогу, и вы поймете то чувство, которое волновало строителя, когда пріѣхала комиссія, назначенная для пріема. Низкіе поклоны, блестящій ужинъ и ночлегъ въ приготовленномъ поѣздѣ... Инженеры пріѣхали ночью и хотѣли приступить къ осмотру рано утромъ. Это все были люди солидные, пожившіе на своемъ вѣку, знавшіе себѣ цѣну, инженеры стараго типа... Вы, вѣроятно, замѣтили разницу между старымъ и новымъ типомъ? Первый больше чинилъ шоссе или строилъ мосты и шелъ къ увѣнчанію зданія постепенно, а новый типъ, съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, норовитъ увѣнчать зданіе смаху урываніемъ большихъ кушей съ концессіонеровъ... Многіе скоро наживались, но зато скоро и прогорали, а старые все себѣ помаленьку увѣнчиваютъ зданіе... Впрочемъ, это къ дѣлу не относится... Когда инженеры пошли спать, строитель долго не спалъ и все ходилъ на открытомъ воздухѣ... Я сказалъ бы, что онъ пѣлъ романсъ: «Душно, душно на постели, сонъ бѣжитъ отъ глазъ моихъ»... Дальше, кажется, «видѣнья одолѣли» и прочее въ этомъ родѣ, если бы можно разобрать то мурлыканье подъ носъ, которое время отъ времени доносилось съ платформы. Впрочемъ, вѣрнѣе, что онъ повторялъ цифры, а быть-можетъ, и романсъ пѣлъ,—чортъ наконецъ его знаетъ...

«Гдѣ *онъ* былъ въ эту первую ночь—я не знаю. Какой-то шутникъ разсказывалъ, что *его* видѣли летающимъ на помелѣ, но нынче вѣдь этому никто не повѣритъ... Раннимъ утромъ поѣхали (и я былъ тамъ). Нечего и говорить, что подушки въ такъ-называемомъ министерскомъ вагонѣ были прекрасныя, не то что̀ вотъ эти, а рессоры такія, что толчки отдавались лишь легкимъ и даже пріятнымъ щекотаніемъ въ желудкѣ. Утро было прелестное... Солнце... благоуханіе... Впрочемъ, все это описано было въ петербургскихъ газетахъ гораздо лучше, чѣмъ могъ бы разсказать вашъ покорнѣйшій слуга, такъ какъ съ нами ѣхалъ одинъ фельетонистъ, правда, неизвѣстный публикѣ, но очень извѣстный строителю. Чай, ко̀фе, шоко̀ладъ, что̀ угодно... По этой части строитель былъ

большой знатокъ человѣческаго сердца, и потому шефъ-французъ, артистъ своего дѣла, ѣхалъ съ превосходнѣйшимъ буфетомъ вмѣстѣ съ нами принимать дорогу... Угощеніе, говорятъ, считая приписки въ счетѣ французскаго шефа, стоило болѣе двухъ тысячъ рублей. Инженеры выпили кто чего хотѣлъ, закурили гаванны... («сотня пятьдесятъ рублей!»—объяснилъ бывшій вмѣстѣ съ нами alter ego строителя, инженеръ) и, стоя на задней платформѣ, задумчиво смотрѣли на полотно. «Остановить поѣздъ!» Остановили. Инженеры солидно спустились, солидно прикинули ватерпасомъ, кто-то взялъ на руку песокъ и зачѣмъ-то понюхалъ,—я думаю, для того, чтобы строитель понялъ, чѣмъ дѣло пахнетъ!—и такъ же солидно вошли на платформу. Старшій махнулъ рукой, другіе махнули руками, начальникъ движенія ринулся всѣмъ существомъ, и поѣздъ пошелъ. Они молчатъ. На дорогѣ первый мостъ. «Остановить поѣздъ!» Остановили. Опять экскурсія къ мосту, подробный осмотръ, легкое совѣщаніе, какая-то кислая гримаса на лицѣ у старѣйшаго инженера и обратное шествіе. Строитель заглядываетъ въ лица (онъ ли не изучилъ человѣческихъ лицъ!), но лица инженеровъ вдругъ каменѣютъ, и даже легкая закуска, которою шефъ-французъ хотѣлъ только приготовить желудки къ дальнѣйшимъ чудесамъ, не сдѣлала обозрѣвателей дороги болѣе сообщительными.

«Строитель начиналъ самъ хмуриться. Онъ, какъ послѣ самъ говорилъ, не любитъ молчаливыхъ людей. «Чортъ знаетъ что у молчаливаго на умѣ!—объяснялъ онъ свою боязнь.—И молчаливые всегда безпощадны во всемъ, такъ что если мѣрить на деньги,—а строитель нашъ даже собственныхъ дѣтей мѣрилъ на деньги,—молчаливаго человѣка съ разговорчивымъ, то если послѣдній стоитъ десять тысячъ, то первый непремѣнно тридцать...»

«Такъ ѣхали мы до пяти часовъ съ остановками. Такъ же молча осматривали ревизоры-инженеры станціи, будки, подозрительно взглядывали на нѣкоторые мосты и приказывали по нимъ ѣхать какъ можно тише. Я не описываю вамъ обѣда, скажу только, что обѣдъ тронулъ даже молчаливыхъ инженеровъ... На немъ подавалась все, что можетъ придумать фантазія француза и торговатость концессіонера... Недоставало дамъ,—явились къ обѣду и дамы, и прехорошенькія, и преостроумныя дамы. Мужья этихъ дамъ, петербургскіе знакомые строителя, одолжили своихъ женъ на время обѣда (какъ велика была «комиссія»—я до сихъ поръ не знаю!). Ну, разумѣется, появленіе ихъ было внезапное... Онѣ ѣхали изъ имѣнія въ городъ, встрѣтили вдругъ («такой сюрпризъ!») строителя... Строитель проситъ инженеровъ позволить довезти ихъ до города, и милыя созданія украшаютъ обѣденную трапезу... Послѣ я узналъ, что дамы были спрятаны на станціи и ни изъ какого имѣнія не ѣхали, но тогда сюрпризъ былъ очень правдоподобный.

«Послѣ обѣда инженеры пошли отдохнуть, и мы поѣхали шибче, такъ что толчки еще пріятнѣе щекотали подъ ложечкой... Тѣмъ временемъ мы промахнули мимо двухъ неготовыхъ станцій, видѣли, какъ передъ нашимъ проходомъ только-что окончили укладку рельсовъ и подсыпку балласта, и наконецъ пріѣхали на большую станцію города Х. Оставалось еще осматривать двѣ трети дороги.

«Инженеры проснулись. «Ужъ пріѣхали!»—замѣтилъ, весело улыбаясь, младшій изъ обозрѣвателей. — «Когда будетъ угодно дальше?»—спрашиваетъ строитель. — «Ахъ, я не знаю... Нашъ старикъ заболѣлъ».—«Что вы?.. Можно его видѣть?»—«Ахъ, нѣтъ, не безпокойте его»... Строитель нахмурился, словно грозовая туча...

«Черезъ нѣсколько времени инженеры послали за коляской. Старикъ сѣлъ и уѣхалъ въ гостиницу. Еще за обѣдомъ онъ такъ хорошо кушалъ и вдругъ... «Что съ нимъ?» спрашиваютъ всѣ, и всѣ вдругъ нахмурились...

«Заболѣлъ и кончено, а что съ нимъ—про это никто не знаетъ! Если вы припомните, что каждый день открытаго движенія дороги даетъ хорошій доходъ, то поймете, что болѣзнь должна была очень опечалить концессіонера. Вѣдь болѣзнь могла продолжиться день, два, наконецъ недѣлю... Онъ поѣхалъ узнать самъ... Не принимаютъ... Заснули...

«Такъ прошла вторая ночь. Я не видалъ въ эту ночь строителя. Опять обращаюсь къ легендѣ: легенда говоритъ, что онъ молился и цѣлую ночь раскладывалъ новенькія облигаціи на пачки.

«Утро снова наступило прелестное, но на лицѣ строителя оно не отразилось радостной улыбкой. Онъ что-то долго совѣщался съ своимъ alter ego и снова поѣхалъ. Прошелъ часъ, другой. На всякій случай поѣздъ былъ наготовѣ, и—о, радость!—строитель и заболѣвшій «старикъ» пріѣхали вмѣстѣ. Старикъ поправился и даже былъ привѣтливъ, но зато строитель имѣлъ видъ общипанной курицы.

«Съ этого момента мы живо промахнули дорогу до конца, ѣли, пили, смѣялись, осматривали все и весело улыбались, и когда достигли конца дороги, то отсюда полетѣла телеграмма, что все слава Богу, дорога прекрасная, и открыть движеніе можно.

«Возвращеніе было сплошнымъ тріумфомъ. Старики весело смѣялись, вспоминали графа Клейнмихеля, вспоминали разныя прорвы и промоины по шоссе и добродушно говорили, что теперь мѣсто молодымъ.

«Такъ открывали мы дорогу!»—заключилъ разсказчикъ.

— Однако и спать пора!—замѣтилъ онъ.—Слышите, о жучкахъ уже кончили и захрапѣли.

Мы улеглись и скоро заснули. До моихъ ушей доносился храпъ и чьи-то бесѣды о какой-то Сонечкѣ въ Лебедяни, которая можетъ предсказать «все, рѣшительно все»—настойчиво увѣряла чей-то женскій голосъ.

1879 г.

Миръ.

I.

Мы спустили съ плечъ тяжелый годъ. Онъ надолго останется въ памяти, какъ годъ военной славы и какъ годъ большого народнаго напряженія, слѣдствія котораго отзовутся, конечно, на нашемъ экономическомъ развитіи. Слава не дается даромъ. Она «жертвъ искупительныхъ проситъ». Она бьетъ часто по карману и долго напоминаетъ о себѣ.

Миръ, вѣроятно, скоро будетъ заключенъ. Хорошъ ли онъ будетъ, дуренъ ли, удовлетворитъ ли онъ мечты о русскихъ полкахъ, проходящихъ съ развернутыми знаменами по улицамъ Константинополя, разочаруетъ ли онъ относительно панславистской идеи—объ этомъ еще можно вести платоническія бесѣды въ тиши кабинета, въ томъ или другомъ направленіи. Но, во всякомъ случаѣ, каждый, даже мечтавшій о Контантинополѣ, какъ о русскомъ губернскомъ городѣ, а о Болгаріи, какъ о славянскомъ царствѣ съ нѣмецкимъ принцемъ и русскими становыми, при воспоминаніи о войнѣ, исключившей уже изъ списка живыхъ и здоровыхъ людей болѣе ста тысячъ человѣкъ, конечно, долженъ порадоваться миру, который прекратитъ гибель новыхъ молодыхъ силъ, столь нужныхъ родинѣ, и до нѣкоторой степени облегчитъ государственную тяготу. Каждый, понимающій, кто несетъ эту тяготу, если только онъ не потерялъ человѣческаго подобія и не взираетъ на міръ Божій съ точки зрѣнія неисправимаго честолюбца или съ точки зрѣнія интендантскаго чиновника, конечно, радостно встрѣтитъ миръ и искренно пожелаетъ, чтобы онъ надолго не нарушалъ покоя нашего отечества.

Мы съ вами, читатель, еще долго послѣ войны можемъ беззаботно болтать о теоріи политическаго равновѣсія, о ковахъ лорда Биконсфильда, о разныхъ дипломатическихъ ловушкахъ, но нельзя же забывать, что милліоны нашихъ соотечественниковъ не понимаютъ прелести этой болтовни, но зато лучше насъ съ вами чувствуютъ,

что лишній казенный рубль на непредвидѣнные расходы лишаетъ лишняго фунта хлѣба въ день.

Трудно сколько-нибудь точно опредѣлить у насъ общественное настроеніе до того времени, какъ была объявлена война. Если судить объ этомъ настроеніи по нѣкоторымъ газетамъ, то выходило, будто бы всѣ только и ждали войны, какъ манны небесной. По словамъ, напримѣръ, г. Немировича-Данченко, мужики такъ и рвались и горѣли желаніемъ положить себя на алтарь отечества и сокрушить турку. Въ свое время нашъ плодовитый литераторъ былъ изобличенъ во враньѣ, и, разумѣется, его слова не заслуживали ни малѣйшей вѣры. Желало ли большинство общества, т. е. дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, войны, или не желало, этотъ вопросъ, мнѣ кажется, лучше оставить открытымъ, такъ какъ рѣшеніе его, во всякомъ случаѣ, невозможно. Что же касается до мужиковъ, то по свидѣтельству писателей, заслуживающихъ довѣрія, во многихъ губерніяхъ, даже и во время самой войны, не знали о войнѣ, а если и знали, то о ней никогда не говорили.

Такъ или иначе, но подъ конецъ война была объявлена. Общественное настроеніе тогда выразилось опредѣленнѣе. Фактъ совершился. Къ нему отнеслись, какъ къ неизбѣжному факту, съ тѣмъ отношеніемъ, съ какимъ въ большинствѣ случаевъ относятся казовые представители нашихъ общественныхъ слоевъ. Города, конечно, выказали несравненно большее одушевленіе.

Не мѣшаетъ вспомнить при этомъ о роли, добровольно принятой на себя большинствомъ нашихъ газетъ. Нельзя, конечно, забыть—и будущій историкъ нашего развитія не забудетъ тѣхъ подстрекательствъ общественнаго мнѣнія, которыя были въ такомъ ходу со времени сербской войны. Возбужденіе патріотическаго чувства, понимаемаго съ исключительной точки зрѣнія и направленнаго преимущественно на фантазію и мягкое сердце читателей, шло усиленно и уже не прекращалось вплоть до Плевны, когда неудачи вызвали у нашихъ шовинистовъ горькія признанія и сомнѣнія. Нѣкоторые изъ нашихъ органовъ одно время словно потеряли даже способность говорить убѣдительными и сколько-нибудь доказательными періодами, а стали испускать одни междометія, съ Константинополемъ въ придачу. Вдругъ открыты были особенные «русскіе» интересы. Западъ объявлялся отжившимъ и никуда негоднымъ. Русскому народу приписывалось «исконное стремленіе къ освобожденію своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ». Чувствительныя слова полились, какъ вода изъ трубы. «Торжество креста», «гибель луны», «Царьградъ», «проливы», «миссія на Востокѣ», «освобожденіе отъ ига»—все это печаталось ежедневно, вмѣстѣ съ совѣтомъ забыть о внутреннихъ вопросахъ и помнить только о внѣшнихъ. Дѣло дошло наконецъ до того, что всѣ признаки из-

ступленнаго ликованія были налицо. Читателей звали торжествовать и жертвовать, жертвовать и торжествовать. Читатель, разумѣется, предпочелъ вмѣстѣ съ совѣтчиками заниматься предпочтительно послѣднимъ дѣломъ, какъ менѣе убыточнымъ и болѣе пріятнымъ, тѣмъ болѣе, что и безъ него было кому проливать кровь и нести бремя войны...

Эти клики изступленія не остались, конечно, безъ вліянія на многихъ. Патріотическое чувство—одно изъ самыхъ легко возбуждающихся чувствъ, и Спенсеръ очень хорошо объясняетъ причины этого quasi-патріотическаго возбужденія общества въ данные періоды. Многіе радовались, какъ оглашенные, радовались искренно, хотя и не сознательно, такъ какъ едва ли многіе изъ насъ имѣли вполнѣ ясное представленіе о цѣли войны. Мы знали кое-что о болгарахъ, знали болѣе съ чувствительной стороны, знали, что ихъ бьютъ, истязаютъ, что жить имъ подъ турецкимъ игомъ тяжело. Статьи, описывающія эти ужасы, насъ взволновали, заставляя трепетать наше сердце и молчать разсудокъ, напоминающій намъ кое-что о своемъ, болѣе близкомъ. Мы воодушевились освободительной цѣлью и покупали съ азартомъ газеты, въ которыхъ глотали междометія, телеграммы и корреспонденціи самыхъ вѣрныхъ, самыхъ спеціальныхъ корреспондентовъ. Всѣ попытки взглянуть на вопросъ трезво и обсудить его, сколько возможно, не на основаніи фантазіи, а на основаніи науки, попытки, дѣлаемыя нѣкоторыми органами ежедневной прессы и преимущественно журналами, были встрѣчаемы, конечно, большинствомъ газетъ съ гоготаніемъ и обвиненіемъ въ туркофильствѣ. Газетныя кликуши вдругъ прозрѣли, что наступило время шабаша, и стали читать патріотическія нравоученія журналамъ. Понятно, что полемика была невозможна, какъ невозможна полемика съ горлодеромъ, кричащимъ только: «Ура, ура... Душа кипитъ въ восторгѣ!» и который на всѣ ваши замѣчанія выпаливаетъ вамъ снова тѣмъ же самымъ кликомъ въ упоръ. Она была еще тѣмъ болѣе затруднительна, что съ одной стороны можно было говорить что угодно, а съ другой стороны можно было отвѣчать съ большой осторожностью и оглядкой. Газеты возликовали и объявили, что отнынѣ онѣ руководятъ общественнымъ мнѣніемъ и что оно у нихъ въ карманѣ вмѣстѣ съ подписными деньгами. Журналы, молъ, утратили свое значеніе и потеряли вліяніе. До нѣкоторой степени газеты были правы, и это было тѣмъ прискорбнѣе, чѣмъ наглѣе и легкомысленнѣе становились наши руководители газетной прессы и чѣмъ съ бо̀льшимъ аппетитомъ накидывался читатель на проглатываніе патріотическаго легкомыслія.

Какъ только войска наши перешли Дунай, вопросъ о братьяхъ-болгарахъ какъ-то самъ собой улетучился, и мы, разумѣется, стали слѣдить за нашими войсками. Конечно, въ передовыхъ статьяхъ

нѣтъ-нѣтъ да и появятся на сцену «вѣковые страдальцы», но появлялись они по той же рутинѣ, по которой употребляются извѣстныя излюбленныя слова; сколько-нибудь дѣльнаго очерка, описывающаго бытъ болгаръ, газеты, защитницы «вѣковыхъ страдальцевъ», не дали. Дали ихъ опять тѣ же толстые журналы, которые выказывали меньше чувствительности, но зато больше желанія познакомить читателя основательно съ тою народностью, во имя освобожденія которой началась война.

Вопросъ о безкорыстной цѣли войны, которой до войны такъ кичились газеты, отвѣчая подозрительному Альбіону, вслѣдъ за первыми нашими успѣхами, сталъ, конечно, на второмъ планѣ. Освободительная цѣль сама по себѣ, а о себѣ тоже не мѣшаетъ позаботиться и прихватить, что можно. Мы каждый день читали-читали все это и въ самомъ дѣлѣ начинали думать, что безъ Константинополя намъ жить невозможно, и вмѣстѣ съ войсками торопились въ этотъ городъ, но неожиданно наткнулись на Плевну и на нѣкоторое, довольно продолжительное однако время остановились въ размышленіи около этого города.

Въ это время было не до «вѣковыхъ страдальцевъ», тѣмъ болѣе, что къ этому времени мы, благодаря основательнымъ англичанамъ, узнали, что, несмотря на вѣковыя страданія и на «позорное ярмо», нашъ бѣдный «братушка» живетъ вовсе не такъ скверно, какъ докладывалъ г. Немировичъ-Данченко, и что у этого «братушки» бываетъ спрятанъ въ кубышкѣ даже маленькій запасный капиталецъ. Признаться, это открытіе—именно открытіе, мы въ эту войну сдѣлали немало открытій! — заставило насъ вытаращить глаза отъ изумленія. Когда затѣмъ мы извѣстились, что турецкое правительство нашло возможность взыскать впередъ за три года подати, подати сравнительно, правда, незначительныя, то мы совсѣмъ были удивлены и стояли передъ Плевной нѣсколько сконфуженные.

На очередь явились проекты мира. Всѣ дѣлили медвѣжью шкуру, не забывая, конечно, себя. Мы отмежевывали себѣ города, крѣпости, области, точно и безъ того Россія не велика пространствомъ и имѣетъ мало городовъ, крѣпостей, областей съ соотвѣтствующимъ начальствомъ, получающимъ болѣе или менѣе приличное содержаніе. Братьевъ мы освобождали, но и о себѣ позаботились. По мѣрѣ побѣдоноснаго шествія нашихъ войскъ, мы подымали голову все выше и выше, передовыя статьи дѣлались все грознѣе и грознѣе, и мы уже считали, что отнынѣ «все кончено»,—какъ вдругъ насъ извѣстили о перемиріи и о предварительныхъ условіяхъ мира.

Да, будущій историкъ едва ли отнесется съ уваженіемъ къ той роли, которую разыграла наша ежедневная пресса въ прошломъ году. За весьма небольшими исключеніями, она потворствовала самымъ темнымъ инстинктамъ, играла передъ читателемъ роль горо-

ховаго шута, зарядившаго одну и ту же пѣснь о Константинополѣ, не выяснила, поскольку позволяли условія, послѣдствій войны. Распинаясь за идеальныхъ «братушекъ», она забыла знаменательныя слова лучшихъ нашихъ писателей, еще лѣтъ двадцать тому назадъ предостерегавшихъ общество отъ увлеченія славянскими идеями и доказывавшихъ, что въ основѣ этихъ идей лежитъ не искреннее желаніе помочь «братушкамъ», а фантазерская мечта о собственномъ могуществѣ и величіи, понимаемомъ не въ смыслѣ народнаго блага, а въ смыслѣ національнаго самолюбія. Газеты явились не выразителями стремленій лучшихъ людей общества, а прихвостнемъ той неустойчивой толпы, которая сегодня кричитъ вмѣстѣ съ газетой «ура», а завтра плюнетъ въ эту же самую газету, которая сегодня восторгается кокоткой, завтра плачетъ надъ бѣдствіями славянъ, а послѣзавтра рукоплещетъ такому поступку, который даже и у политическихъ враговъ можетъ вызвать ненависть, но не табунное гоготаніе. Забывая, что газета тогда только можетъ назваться газетой, а не листкомъ легкаго поведенія, когда она имѣетъ опредѣленные, насколько возможна такая опредѣленность, идеалы, и тогда только связь читателей съ газетой дѣйствительно прочна, когда идеалы эти отвѣчаютъ идеаламъ читателя, — газеты наши гордятся именно отсутствіемъ направленія и, помня только о сегодняшнемъ днѣ и радуясь превосходной розничной продажѣ, упускаютъ изъ виду, что не все же будетъ продолжаться эта безшабашная масленица, и что придетъ наконецъ время, когда съ презрѣніемъ отвернутся отъ шарманки-газеты и имя шарманщика не станетъ именемъ, передъ которымъ люди остановятся съ уваженіемъ.

Въ этомъ отношеніи успѣхъ «Новаго Времени» составляетъ знаменательное явленіе.

Я никогда не соглашался и не соглашусь, пока мнѣ не докажутъ фактами, съ мнѣніемъ тѣхъ людей, которые называютъ г. Суворина отступникомъ, человѣкомъ, который отступилъ отъ своихъ убѣжденій и намѣренно принялся эксплоатировать патріотическія чувства ради успѣха своей газеты.

Я никогда ни на минуту не вѣрилъ этимъ обвиненіямъ и всегда считалъ и считаю г. Суворина неспособнымъ на тѣ мерзости, въ которыхъ стараются обвинить его враги. Можно сожалѣть, что мы дожили до того, что приходится третировать г. Суворина въ качествѣ крупнаго общественнаго дѣятеля, дающаго тонъ въ распространенной газетѣ; но объяснять несомнѣнный успѣхъ его газеты сознательной эксплоатаціей патріотизма, по моему мнѣнію, и недобросовѣстно, и глупо, и мало-убѣдительно.

Во-первыхъ, г. Суворинъ никогда не отступалъ отъ своихъ убѣжденій, потому что прочныхъ, опредѣленныхъ убѣжденій онъ никогда не имѣлъ. Онъ былъ талантливымъ фельетонистомъ, часто, очень

часто онъ довольно мѣтко касался явленій нашей общественной жизни, но точно такъ же часто онъ касался ихъ и неумѣло, осмѣивая то, что̀ смѣху не подлежало, восхищаясь тѣмъ, что̀ восхищенія не заслуживало. Это литераторъ, очевидно, увлекающійся. Съѣздилъ онъ въ Берлинъ—и для него явился свѣтъ въ Берлинѣ, о чемъ онъ и повѣдалъ когда-то въ «Вѣстникѣ Европы». Попадался ему подъ-руку фактъ интересный, онъ его вышучивалъ, не разбирая, къ какому порядку фактовъ принадлежитъ имъ вышучиваемый фактъ. Когда-то онъ смѣялся надъ женщинами, желавшими учиться, когда-то онъ ругалъ студентовъ и выдумалъ траги-комическую исторію о покушеніи на неприкосновенность его тѣлесъ, когда-то онъ нашумѣлъ своимъ, не совсѣмъ деликатнымъ, письмомъ къ покойной Лядовой... Все у него выливалось изъ-подъ пера, какъ Богъ на душу положитъ. Читатели любили его, какъ хорошаго фельетониста, но, разумѣется, никогда и не прозрѣвали въ немъ будущаго соперника Каткова по лаврамъ. Да онъ и самъ, конечно, на это не разсчитывалъ, хорошо понимая, что отъ руководителя газеты требуется не одна бойкость пера, но и опредѣленныя идеи. Но судьба, вмѣстѣ съ безлюдьемъ, рѣшила иначе. Она улыбнулась г. Суворину, и онъ очутился съ газетой въ рукахъ. Какъ только онъ сталъ лицомъ къ лицу передъ серьезной задачей—онъ тотчасъ же и выдалъ себя, что̀ называется, съ руками и ногами. Въ первомъ же нумерѣ своей газеты онъ объявилъ объ «откровенномъ» направленіи. Это profession de foi было смѣшно и показывало, что у бывшаго фельетониста нѣтъ за душой никакого опредѣленнаго направленія, а есть только безцеремонность и бойкость. Газета велась бойко, фельетонно, ловко. Публика съ засосомъ прочитывала романы, фельетоны съ прозрачными именами изъ среды полусвѣта, и «Новому Времени» предстояла участь сдѣлаться самой легкой и веселой газетой среди большихъ газетъ, безъ направленія, но зато съ ея забавными и пикантными фельетонами, чѣмъ-то въ родѣ русскаго «Фигаро»,—какъ вдругъ сербская война увлекла г. Суворина на защиту славянъ и привела его на степень обладателя одной изъ самыхъ распространенныхъ газетъ.

Я думаю, самъ г. Суворинъ, вспоминая всѣ эти перипетіи, смѣется отъ души своему успѣху. Почему именно въ то время г. Суворинъ увлекся славянами, о которыхъ онъ, какъ самъ сознавался, зналъ очень мало, это рѣшительно все равно; но что онъ увлекся искренно, какъ искренно онъ потомъ призналъ Сербію королевствомъ въ своей газетѣ, въ этомъ я, съ своей стороны, не сомнѣваюсь. Искренность тоже подкупила читателей. Газета стала пользоваться успѣхомъ. Какъ прежде фельетонистъ Суворинъ искренно ругалъ Черняева, такъ искренно тотъ же Суворинъ принялъ его подъ свою защиту и провозгласилъ вторымъ Вашингтономъ... Позже

о Черняевѣ «Новое Время» забыло и стало проповѣдывать необходимость войны. И въ этой искренности я не сомнѣваюсь, какъ не сомнѣваюсь въ искренности заявленія его о томъ, что внутренніе вопросы надо бросить, и что война обновитъ насъ совершенно. Онъ это объявилъ съ тою же легкостью сердца, съ которой онъ, бывало, обличалъ инженера Голубева, и, конечно, искренно думалъ, что война принесетъ за собою обновленіе, что внутренніе вопросы надоѣли. Именно они надоѣли для него, какъ для переметной натуры, способной перебѣгать съ вопроса на вопросъ, не интересуясь вопросами глубоко, такъ какъ такой интересъ пріобрѣтается опредѣленными взглядами.

Съ этой стороны и надо смотрѣть на дѣятельность г. Суворина. Искренность, невѣжество и легкомысліе—вотъ основа всѣхъ его бесѣдъ о Константинополѣ, о путешествіи въ Болгарію, о ненужности внутреннихъ вопросовъ, о легкомысліи молодежи и т. д., и т. д., и т. д. Сравнивать г. Суворина съ Катковымъ—много чести. Сравнивать съ Булгаринымъ несправедливо. Г. Суворинъ не Катковъ и не Булгаринъ. Онъ просто талантливый, искренній фельетонистъ, желающій по-своему добра родинѣ, не имѣющій твердыхъ убѣжденій, вдругъ очутившійся съ газетой въ рукахъ и вообразившій, что громогласное «ура» освобожденія славянъ и проливы обновятъ Россію... Онъ искренно кричитъ ежедневно «ура», отстаиваетъ проливы, отвергаетъ вопросы — внутренніе вопросы, сегодня плачетъ, завтра смѣется, послѣзавтра торжествуетъ,—словомъ, въ своей литературной дѣятельности онъ поступаетъ, какъ нервная, сентиментальная женщина, живущая чувствами и нервами по преимуществу и не умѣющая, по выраженію профессора Мапасеина*), «владѣть своимъ вниманіемъ». Художественная натура, главнымъ образомъ, способная быстро отдаваться тѣмъ или другимъ впечатлѣніямъ, г. Суворинъ бросается отъ одного впечатлѣнія къ другому, относясь по впечатлѣніямъ къ тому или другому явленію, вслѣдствіе чего въ его газетѣ противорѣчія являются на каждомъ шагу и направленія въ строгомъ смыслѣ рѣшительно никакого или, вѣрнѣе, столько направленій, сколько №№ газеты въ году... Трудно поручиться, что скажетъ г. Суворинъ завтра. Онъ легко можетъ высказаться такъ, какъ даже постоянный его читатель не ожидаетъ, и я такъ же мало удивлюсь, если черезъ годъ газета Суворина отвернется отъ идеализаціи славянскаго вопроса, какъ мало удивлюсь, если газета Суворина станетъ проповѣдывать теорію смиренія и благополучія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ будетъ вполнѣ искрененъ и будетъ изливаться въ томъ или другомъ направленіи съ чистосердечіемъ человѣка, свободнаго отъ твердыхъ убѣжденій, но, конечно, безъ задней цѣли.

*) «О значеніи психическихъ вліяній». Очень интересная книга. Изданіе Пантелѣева.

Такіе дѣятели, разумѣется, крайне вредны и тѣмъ вреднѣе, чѣмъ они искреннѣе. Шишковъ, напримѣръ, очень искренно хотѣлъ воспретить иностранное просвѣщеніе, но отъ этой искренности не легче. Оставаясь въ качествѣ фельетониста, въ рукахъ хорошаго редактора, такіе люди, какъ г. Суворинъ, могутъ быть полезны, но предоставленные самимъ себѣ, да еще упоенные успѣхомъ, они подъ конецъ начинаютъ воображать себя въ самомъ дѣлѣ руководителями и окончательно убѣждаются, что знанія, убѣжденія и строгость направленія съ успѣхомъ могутъ замѣняться бо̀льшей или меньшей впечатлительностью. Тогда они становятся навязчивы и носятся съ какой-нибудь мыслишкой, точно съ писанной торбой.

Остается жалѣть, что такіе руководители могутъ играть роль, слѣдуетъ употреблять всѣ возможныя мѣры, чтобы разоблачать передъ обществомъ деморализующій элементъ, который вносятъ въ литературу газеты безъ направленія, но объяснять простое легкомысліе отступничествомъ или измѣной знамени—это значитъ не понимать, съ какимъ противникомъ имѣешь дѣло...

Явленіе гг. Сувориныхъ въ качествѣ замѣтныхъ дѣятелей, конечно, весьма прискорбный фактъ (надѣюсь, что читатель пойметъ мои слова не въ обидномъ лично для г. Суворина смыслѣ). Я не разъ пробовалъ въ моихъ картинкахъ объяснять этотъ фактъ, а потому повторяться не буду. Замѣчу только, что при настоящихъ условіяхъ въ этомъ фактѣ особеннаго ничего нѣтъ, тѣмъ болѣе, что въ обществѣ въ послѣднее время усилился спросъ на легкомысленное чтеніе, чѣмъ и объясняется торжественное увѣреніе газетъ, что общественное мнѣніе у нихъ въ рукахъ, и что журналы допѣваютъ лебединую пѣснь. Съ другой стороны, печать обставлена такими условіями, что изданіе газетъ въ строгомъ направленіи является не всегда возможнымъ и коммерческій элементъ все болѣе и болѣе начинаетъ играть чуть ли не главную роль въ разсчетахъ издателей-редакторовъ. Что же касается до «братьевъ-писателей», то они—какъ уже было кѣмъ-то замѣчено — устраивая судьбу другихъ, отличаются поразительнымъ неумѣніемъ устроить свою собственную и не дѣлаютъ ни малѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи, и къ самой мысли объ обезпеченіи интересовъ своей корпораціи относятся скептически. Результаты извѣстны. Литературный трудъ, при извѣстной независимости мнѣній, дѣлается часто крайне тяжелымъ трудомъ или, при извѣстной податливости, дѣлаетъ изъ литератора человѣка вольнаго поведенія.

II.

Миръ будетъ заключенъ, и снова общество станетъ лицомъ къ лицу передъ внутренними вопросами, игнорировать которые невозможно. Газетамъ нельзя уже будетъ тянуть канитель объ интри-

гахъ того или другого дипломата, убаюкивая себя и читателей платоническимъ припѣвомъ объ обновленіи, о которомъ, кстати сказать, наши газеты очень часто повторяли въ началѣ войны, но въ концѣ вдругъ замолчали, точно этотъ припѣвъ сталъ какимъ-то запретнымъ плодомъ. Вопросовъ много, уясненіе ихъ необходимо. Уясненіе этихъ вопросовъ, конечно, тогда только можетъ имѣть настоящую цѣну, когда обсужденіе ихъ будетъ, во-первыхъ, разносторонне, а во-вторыхъ, если общество пойметъ, что безъ уясненія и рѣшенія ихъ въ благопріятномъ смыслѣ никакой дѣйствительный прогрессъ невозможенъ. Въ противномъ случаѣ мы очутимся въ довольно комичномъ положеніи побѣдоносныхъ освободителей, вводящихъ прочные порядки въ славянскихъ земляхъ и забывающихъ, что дома у насъ работы не мало.

Крымская война открыла намъ глаза, и вслѣдъ за нею общество какъ бы встрепенулось. На что же откроетъ намъ глаза наша послѣдняя удачная война? Явится ли результатомъ ея одинъ или два процесса о продовольственныхъ безпорядкахъ? Разоблаченіе Грегеровъ, Варшавскихъ, Когановъ и тому подобныхъ господъ? Но вѣдь такихъ процессовъ уже мы насмотрѣлись, и такіе процессы нимало не устрашаютъ. Несмотря на войну, мы только и читали, рядомъ съ извѣстіями о ликованіи по поводу Плевны, шипкинскаго пораженія и другихъ побѣдъ, извѣстія, пожалуй, еще болѣе частыя, чѣмъ побѣды, о разграбленіи кассъ, о бѣгствѣ кассировъ, о кражахъ, мошенничествахъ и т. п. Слѣдовательно, какъ бы ни преслѣдовались неосторожно ворующія лица, какъ бы ни трогательны были рѣчи прокуроровъ, нравы отъ этого не измѣнятся и болячка нашего времени—страсть къ быстрой наживѣ, конечно, не исчезнетъ, пока не устранятся причины, допускающія подобную возможность. А что нерѣдко условія облегчаютъ и даже поощряютъ развитіе воровскихъ и самодурныхъ качествъ, въ этомъ, кажется, трудно и сомнѣваться, при отсутствіи возможности слѣдить за лицами, стоящими у кассъ нашего отечества.

Обыкновенно добродушные оптимисты, объясняющіе воровскіе принципы «болѣзнью вѣка», въ доказательство того, что условія, ограничивающія эти принципы, ничего не значатъ, съ большимъ торжествомъ указываютъ на Америку и при этомъ торжественно повторяютъ:

— Вотъ, посмотрите! Вотъ вамъ и хваленая Америка! А въ то же время тамъ чиновники всѣ поголовно воруютъ. Военный министръ воруетъ. Морской, тотъ даже цѣлый флотъ на бумагѣ держалъ... Ужъ противъ этого зла ничего не подѣлаешь!

И оптимистъ думаетъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ убѣдителенъ. Разсказывая объ Америкѣ, онъ въ то же время забываетъ, что тамъ знаютъ о злоупотребленіяхъ, обсуждаютъ ихъ, не стѣсняясь поло-

женіемъ, и добиваются, такъ или иначе, суда надъ такимъ лицомъ, будь оно даже министромъ. Хотя лихорадочная жажда наживы сама по себѣ и способствуетъ развитію воровскихъ принциповъ, но изъ этого, разумѣется, вовсе не слѣдуетъ, чтобы эти принципы не могли находиться въ извѣстныхъ границахъ, препятствующихъ всеобщему запусканію въ общественную кассу — эту, по мнѣнію однихъ, дойную корову и, по мнѣнію другихъ, прекрасную незнакомку безъ роду, безъ племени, безъ имени и постояннаго мѣста жительства, знакомую больше деревнѣ, чѣмъ городу.

Это пристрастіе наше, вмѣстѣ съ постояннымъ стремленіемъ обойти законъ, если только въ нашемъ распоряженіи есть такая возможность, дѣлаетъ всѣ наши дѣйствія и отношенія какими-то шаткими, неувѣренными, основанными на случайностяхъ. Если вы честный человѣкъ и служите гдѣ-нибудь, гдѣ начальникъ вашъ честный человѣкъ, еще туда-сюда, но чуть эта счастливая гармонія нарушается, нарушается и всякая логика отношеній, мѣсто которой занимаетъ роковая случайность.

Стоитъ вамъ прослѣдить въ теченіе одного дня рядъ всѣхъ этихъ случайностей хоть на самомъ себѣ, и вы убѣдитесь, что жизнь ваша вполнѣ зависитъ отъ случайностей, предвидѣть даже которыя нѣтъ никакой физической возможности. И это сказывается ежедневно на мелочахъ, но вѣдь рядъ мелочей и составляетъ самую жизнь. Подвиги, какъ и герои, рѣдки.

Предполагаю, что вы человѣкъ смирный, скромный, служащій, благомысленный, исповѣдующій самыя умѣренно-либеральныя тенденціи и къ капиталу относящійся съ неменьшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ своему непосредственному начальству. Вы встали, напились чаю, побесѣдовали съ супругой о дороговизнѣ и, на естественный вопросъ жены о вашемъ жалованьи, сейчасъ же и обнаруживаете, какую значительную роль играетъ случайность въ вашей жизни. Жена спрашиваетъ: «почему не даютъ вамъ штатнаго жалованья?» а вы отвѣчаете, что это зависитъ отъ Николая Ивановича, что Николай Ивановичъ обѣщалъ, что онъ къ вамъ относится хорошо и, вѣрно, раньше далъ бы вамъ это штатное жалованье, если бы не опредѣлили, по протекціи Ивана Ивановича, молодого сына графа N, которому Николай Ивановичъ и принужденъ былъ дать штатное жалованье. Вы говорите объ этомъ и сами точно сознаёте, что иначе и невозможно, и что если на вашей дорогѣ снова очутится какой-нибудь молодой сынъ барона Z, то вы снова останетесь съ одной надеждой, но безъ штатнаго жалованья.

— Но вѣдь ты имѣешь право по закону на штатное жалованье?

— Имѣю.

— Такъ отчего же тебѣ не даютъ?

— Я ужъ тебѣ говорилъ, душенька. Николай Ивановичъ принужденъ былъ...

Идетъ повтореніе о томъ, какъ Николай Ивановичъ, вслѣдствіе протекціи Ивана Ивановича, принужденъ былъ и т. д.

— Такъ когда же тебѣ дадутъ штатное жалованье?

— Не знаю.

— Такъ кто же знаетъ?

— Да никто не знаетъ!

— Ты просилъ?

— Просилъ. Сказали: надо повременить, другіе, дескать, болѣе ждали.

— Такъ ты жалуйся. Вѣдь ты по закону правъ и служишь хорошо?—не унимается легкомысленная женщина.

— Жаловаться?

Вы, разумѣется, смѣтесь, прощаетесь съ женой и говорите, что вамъ надо до службы еще зайти въ почтамтъ отправить денежное письмо.

Вы выходите на улицу и сразу натыкаетесь на слѣдующую, самую обыкновенную по воскресеньямъ и понедѣльникамъ, сцену: городовой такъ неловко усовѣщеваетъ пьянаго мастерового, что у того течетъ по лицу кровь. Городовой волочитъ его, словно убитую лѣсную дичь, и кличетъ извозчика. Вы взираете на этотъ спектакль, и такъ какъ вы до нѣкоторой степени заражены альтруизмомъ, то, само собою разумѣется, этотъ спектакль смущаетъ васъ настолько, что вы подходите къ городовому и очень тихо говорите, что не мѣшало бы полегче обращаться съ пьянымъ человѣкомъ. Городовой, разумѣется, недоволенъ вашимъ вмѣшательствомъ. Происходятъ обыкновенныя въ этомъ случаѣ пререканія, и вы отправляетесь въ участокъ.

Въ скверной комнатѣ, отдающей какимъ-то особеннымъ полицейскимъ запахомъ, сидитъ помощникъ пристава и, на заявленіе ваше о происшедшемъ, сразу становится, конечно, во враждебное къ вамъ отношеніе, и когда городовой докладываетъ, что вы «произвели ему оскорбленіе», то составляется протоколъ, и вы съ крайне непріятнымъ чувствомъ уходите изъ-подъ насмѣшливаго взгляда помощника пристава—взгляда, словно говорившаго: «что взялъ?»—съ надеждой впереди на разбирательство у мирового судьи. Вы сознаёте себя совершенно правымъ, тѣмъ не менѣе случайность, сдѣлавшая васъ вдругъ обвиняемымъ въ оскорбленіи полицейскаго при исполненіи имъ своихъ обязанностей, отравляетъ ваше состояніе духа. «А вдругъ да меня еще мировой обвинитъ?.. Съѣздъ однако еще есть!»—размышляете вы и въ концѣ концовъ обвиняете себя, что впутались въ исторію. «Мало ли такихъ исторій бываетъ. Нужно было!» Вы обвиняете себя въ томъ, что захотѣли облегчить положеніе пьянаго

человѣка, обращеннаго, при нѣкоторой неловкости городового, въ лѣсную дичь, и даете себѣ слово впредь никогда и ни во что не вмѣшиваться, хотя бы при васъ дѣлали гораздо болѣе возмутительныя вещи.

Недовольный приходите вы въ почтамтъ и смирненько дожидаетесь своей очереди. Публики много. Чиновникъ, принимающій письма, въ это время бесѣдуетъ съ другимъ чиновникомъ, искоса взглядывая на ожидающую его публику. Чиновнику тоже надоѣло все принимать письма и писать квитанціи. Вы дожидаетесь уже добрыхъ десять минутъ и философствуете на тему о почтовыхъ порядкахъ. Отчего, думаете вы, не занимаются писаніемъ квитанцій два человѣка, дѣло пошло бы скорѣе. Вы вспоминаете, что вы гдѣ-то читали о почтовой части въ Англіи, и очень жалѣете, что у насъ она плохо устроена, такъ какъ вамъ надоѣло ждать. Однако еще впереди васъ три человѣка, и сейчасъ будетъ ваша очередь. Въ это время съ шумомъ входитъ осанистый господинъ въ формѣ и, словно бы извиняясь передъ всѣми, что онъ попалъ въ почтамтъ лично вмѣсто того, чтобы послать курьера или, по крайней мѣрѣ, лакея, обращается прямо и громко къ чиновнику съ вопросомъ: «гдѣ тутъ отправляютъ деньги?» Чиновникъ бросаетъ въ сторону письмо вашего сосѣда, артельщика, почтительно уступающаго мѣсто осанистому господину, и обязательно, съ необыкновенно привѣтливой улыбкой, вдругъ смѣнившей мрачно-равнодушное выраженіе, бывшее до этого, принимаетъ письмо осанистаго господина, самъ передаетъ его для опредѣленія вѣса, самъ обязательно исправляетъ на конвертѣ пропущенную формальность о мѣстѣ жительства отправителя и сбываетъ съ рукъ осанистаго господина. А вы и за вами еще нѣсколько человѣкъ ждете и, въ ожиданіи, опять-таки философствуете: кто бы это былъ? Наконецъ ваши томленія кончены. Вы подходите къ чиновнику, который снова сдѣлался угрюмъ и мраченъ, точно вы на него производите ужасное впечатлѣніе. Вы протягиваете руку съ конвертомъ, но въ это время чиновникъ отвернулся и что-то отвѣчаетъ другому чиновнику. Ваша рука остается на вѣсу, и вы снова ее убираете, дожидаясь, когда чиновникъ повернется. Вы очень хорошо слышите, что разговоръ идетъ не служебный, и снова философствуете и оборачиваетесь посмотрѣть: много ли за вами публики.

— Давайте! Мнѣ некогда дожидаться!—вдругъ раздается недовольный голосъ чиновника.

Вы подаете письмо, которое у васъ вырываютъ, словно имѣютъ дѣло не съ конвертомъ, а съ какимъ-то вѣчнымъ мучителемъ, осматриваютъ его внимательно, подозрительно, нѣсколько секундъ, въ теченіе которыхъ вы съ трепетомъ думаете: а что если *онъ* найдетъ какую-нибудь неправильность и не приметъ письма, заста-

вивъ васъ что-нибудь исправить, и вамъ придется снова стать на концѣ хвоста? Вамъ дѣлается просто жутко, и въ это время вы смотрите на *него,* какъ на человѣка, въ рукахъ котораго ваша судьба, который можетъ сказать: «хочу—казню, хочу—милую!» Физіономія ваша, что ли, не нравится чиновнику, написано ли на ней въ это время мало смиренія, или просто чиновникъ не въ духѣ, но только онъ вдругъ говоритъ: «Такъ писать нельзя. Я ничего не разберу!» и протягиваетъ вамъ письмо. Вы смущены и говорите: «Кажется, я старался разборчиво писать. Позвольте, я вамъ прочту: Екатерининскій каналъ». Чиновникъ снова вырываетъ у васъ письмо, ворчитъ о томъ, что онъ думалъ объ Екатерингофскомъ каналѣ, и, обезоруженный вашимъ смущеніемъ, выдаетъ наконецъ вамъ квитанцію. Вы стремглавъ убѣгаете изъ почтамта и только на улицѣ задаете себѣ вопросъ: «гдѣ я былъ? въ пыткѣ на медленномъ огнѣ или въ почтамтѣ?» Оказывается, что вы были въ почтамтѣ.

Но развѣ черезъ пять минутъ вамъ не приходитъ на мысль, что и чиновникъ, случайно устроившій вамъ изъ отправленія письма пытку на медленномъ огнѣ, тоже человѣкъ, имѣющій за собой много шансовъ на снисхожденіе. Вы припоминаете, что въ вашемъ собственномъ департаментѣ чуть было не уволили отъ службы чиновника именно за соблюденіе законной очереди, и когда поклонникъ очереди заикнулся-было о томъ, что онъ дѣйствовалъ по закону, то ему на это отвѣтили, что «бываютъ случаи, когда вы должны принимать въ соображеніе не только законъ, но и обстоятельства».

Такъ размышляете вы, въ концѣ концовъ сдѣлавшись изъ прокурора защитникомъ почтамтскаго чиновника, заставившаго васъ понять, что такое значитъ «четверть часа» Рабле, садитесь въ конку и осматриваетесь. Напротивъ васъ сидитъ мужикъ въ полушубкѣ, около него дѣвочка, одѣтая въ городское платье. Входитъ кондукторъ собирать деньги и, увидавъ мужика, говоритъ:

— Здѣсь тебѣ нельзя сидѣть. Ступай наверхъ!

— Отчего, почтенный, нельзя? У меня пятачокъ не хуже.

— Говорятъ, нельзя... не велѣно.

— Я, слава Богу, въ своемъ видѣ. Вотъ и дочка около. Зачѣмъ я пойду наверхъ, а дочку здѣсь оставлю?—продолжаетъ онъ отшучиваться, но вы видите очень хорошо смущеніе на лицѣ человѣка въ мужицкомъ платьѣ.

Публика протестуетъ противъ кондуктора. Кондукторъ машетъ рукой, оставляетъ полушубокъ въ покоѣ и оправдывается:

— У насъ тоже есть распоряженія, чтобы въ середину только чистую публику пускать, а ихняго брата наверхъ.

У васъ невольно является мысль о томъ, какъ въ нѣкоторыхъ штатахъ Америки существуетъ различіе между бѣлыми людьми и

цвѣтными, и вы думаете, что, вѣроятно, члены правленія конно-желѣзныхъ дорогъ состоятъ изъ янки, а не изъ русскихъ. Но сосѣдъ вашъ замѣчаетъ, что вы ошибаетесь, и первымъ дѣломъ называетъ г. Губонина, начавшаго свою карьеру плотникомъ и до сихъ поръ щеголяющаго въ русскомъ платьѣ, несмотря на чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Вы пожимаете плечами, приходите въ недоумѣніе, вспоминаете о формулѣ равенства передъ судомъ и неравенствѣ въ конкѣ, соображаете о впечатлѣніи, которое должна была произвести бывшая передъ вашими глазами сцена на маленькую дѣвочку, быть-можетъ, учащуюся въ гимназіи, и напрасно утѣшаете себя, что это все мелочи. Какія мелочи! Изъ такихъ мелочей состоитъ наша жизнь и благодаря имъ дѣлается удобной или неудобной.

Вы входите въ знакомую вамъ комнату хозяйственнаго отдѣленія департамента, пожимаете руки сослуживцамъ и, какъ всякій хорошій чиновникъ, бездѣльничаете въ теченіе часа или двухъ, развлекая себя куреніемъ папиросъ и бесѣдами съ товарищами. Во время этого бездѣлья вамъ, разумѣется, не приходитъ на умъ мысль о томъ, какая масса чиновниковъ-дармоѣдовъ разсѣяна по лицу земли русской и какъ, въ сущности, мало работы производится ими, и съ какимъ удобствомъ и эта работа могла бы быть сокращена. Вы видите, какъ всѣ слоняются съ мѣста на мѣсто, какъ одинъ ищетъ дѣло за № 1.522 въ теченіе двухъ часовъ, другой ждетъ этого дѣла и потому ничего не дѣлаетъ, третій рисуетъ, отъ нечего дѣлать, сперва черточки, потомъ кубики, затѣмъ сочиняетъ росчерки своей фамиліи, адски скучая, что рѣшительно нечего дѣлать; четвертый составилъ двѣ бумажонки, требующія четверть часа времени, и, спокойный духомъ, что онъ сегодня поработалъ, отдаетъ эти бумажки переписать, и «смотрите, хорошенько». Все это знакомыя, родныя картины. Если сосчитать количество чиновниковъ и количество часовъ дѣйствительно произведенной ими полезной (въ механическомъ смыслѣ) работы, то получился бы такой результатъ, отъ котораго разсчетливый нѣмецъ упалъ бы въ обморокъ. Всѣ эти мысли не приходятъ, конечно, вамъ въ голову, тѣмъ болѣе, что у васъ въ головѣ мысль о штатномъ жалованьѣ, и вы, конечно, не сравниваете положенія этихъ слоняющихся изъ угла въ уголъ безчисленныхъ чиновниковъ съ положеніемъ бывшихъ дворовыхъ, которые, бывало, вѣчно были заняты ничегонедѣланіемъ и въ то же время всегда были наготовѣ что-нибудь да дѣлать, и такимъ образомъ практиковались въ самой лучшей школѣ дармоѣдства и лѣни.

Наконецъ вамъ становится неловко. Вы подробно поговорили о штатномъ жалованьѣ съ сосѣдомъ и узнали, что надо было бы познакомиться съ Ѳедоромъ Петровичемъ, а у него встрѣтиться съ

его невѣсткой, которая имѣетъ вліяніе на Николая Ивановича. Вы узнаёте совершенно случайно біографію Надежды Васильевны (невѣстки), которая вдругъ оказывается главнѣйшимъ богомъ въ вашей судьбѣ, т. е. въ судьбѣ штатнаго жалованья. Отъ нея, такимъ образомъ, отъ этой Надежды Васильевны, которую вы никогда не видали и о которой ничего не слыхали, зависитъ участь вашего семейства, и вы собираетесь съ ней познакомиться.

Вы взяли дѣло № 2.122, составили докладъ по дѣлу объ уплатѣ подрядчику такому-то причитающейся ему суммы и отдали его переписать. Опять вамъ захотѣлось покурить и узнать кое-что еще о Надеждѣ Васильевнѣ. Покурили, узнали,—глядите, уже четвертый часъ, и на всѣхъ чиновничьихъ лицахъ засвѣтилась радостная улыбка, словно бы говорящая: «уже четвертый часъ!» Вы требуете дѣло № 3.244, развертываете,—какъ въ хозяйственное отдѣленіе входитъ проситель и направляется къ вамъ. Вы знаете этого «просителя». Онъ часто навѣщаетъ хозяйственное отдѣленіе и со многими изъ вашихъ товарищей такъ друженъ и такъ часто вызываетъ ихъ въ коридоръ, что они, ваши товарищи, даже перестали краснѣть.

— Я къ вамъ съ просьбой. Нельзя ли узнать, въ какомъ положеніи мое дѣло?—съ самой почтительной улыбкой обращается къ вамъ «проситель».

Какъ только проситель заговорилъ, лицо ваше вдругъ сдѣлалось серьезно.

— Какое дѣло?—спрашиваете вы, очень хорошо зная, о какомъ дѣлѣ васъ спрашиваютъ.

— Дѣло о колесахъ для вагоновъ... Мнѣ причитается...

— А знаю... знаю... Оно у начальника отдѣленія.

— Докладъ, значитъ, составленъ?

Васъ раздражаетъ и этотъ льстивый тонъ, и эта масленая физіономія, и наконецъ знакомство просителя съ вашими порядками. Вы вдругъ начинаете чувствовать къ нему ненависть, совершенно забывая, что вы тутъ сидите не для того, чтобы дѣлать оцѣнку людскихъ физіономій, а для того, чтобы составлять доклады и «со временемъ» получить штатное жалованье.

— Нѣтъ! Не составленъ,—говорите вы рѣзко.

— Такъ зачѣмъ же дѣло у начальника отдѣленія?—пугается проситель.

— А я почемъ знаю!

— Но, быть-можетъ...

— Извините меня... Я больше ничего не могу вамъ сказать. И наконецъ четыре часа. Тоже и для насъ есть отдыхъ!

Продолжать ли описаніе вашего дня... Разсказывать ли, какъ вы въ театрѣ, по знакомству съ кассиромъ, получили билетъ, не-

смотря на объявленіе, что всѣ билеты проданы, какъ, возвращаясь изъ театра, вы остались въ трактирѣ до 3 часовъ, несмотря на строжайшее распоряженіе о закрытіи трактира въ 2 часа, какъ затѣмъ вы вернулись домой и заснули, и во снѣ все-таки чувствовали себя неувѣреннымъ, что васъ вдругъ куда-нибудь не потребуютъ и не объявятъ, что вы недостойны быть въ столицѣ, а потому не угодно ли вамъ... проснуться...

Конечно, это сонъ, но вѣдь и характеръ сновъ часто бываетъ характернымъ отраженіемъ дѣйствительности...

Разсказывать ли, какъ вы поѣхали по желѣзной дорогѣ въ третьемъ классѣ, какъ вы за рубль устроили себѣ удобное спанье, тогда какъ остальная сѣрая публика напрасно взывала о тѣснотѣ и сидѣла другъ на другѣ. Разсказывать ли, какъ въ другомъ вагонѣ васъ попросили очистить мѣсто для другого, болѣе важнаго лица... Вы испытали тысячу затрудненій, неудобствъ, придирокъ, ничѣмъ не мотивированнаго произвола и возвратились, проклиная путешествіе.

Но если этотъ произволъ не минуетъ васъ, чиновника, то каковъ онъ для болѣе мелкаго люда. Если всѣ эти «мелочи» отравляютъ вамъ жизнь, то каковы онѣ для человѣка безъ кокарды и безъ лишняго рубля въ карманѣ?..

Всѣ эти исторіи мы видимъ и слышимъ на каждомъ шагу и... подчасъ обвиняемъ совершенно легкомысленно разныя лица и въ концѣ концовъ выходимъ изъ дому и боимся всякой случайности, такъ какъ знаемъ и чувствуемъ, что она одна играетъ главнѣйшую роль въ нашей жизни...

Примѣровъ можно было бы набрать тысячи, но я не стану утомлять читателя.

III.

Объ условіяхъ мира офиціальныхъ извѣстій еще нѣтъ. Телеграммы, по обыкновенію, не удовлетворяютъ любопытства, такъ какъ сегодня говорятъ одно, а завтра совершенно другое. То увѣряютъ, что перемиріе подписано, то извѣщаютъ о дальнѣйшемъ движеніи нашихъ войскъ. Туманъ густой завѣсой скрываетъ отъ взоровъ любопытной публики не только самыя условія, но и самое перемиріе, и, вмѣстѣ съ извѣстіями изъ Лондона, окончательно сбиваетъ съ толку. По обыкновенію, когда мы ничего не знаемъ и не можемъ знать, пока «Правительственный Вѣстникъ» не сообщитъ намъ того, что̀ мы можемъ знать, по обыкновенію, говорю я, мы дѣлаемъ видъ, что кое-что знаемъ, и прибѣгаемъ къ «вѣрному человѣку», имѣвшему случай видѣть другого «настоящаго» вѣрнаго человѣка, который, въ свою очередь, слышалъ отъ самаго уже «настоящаго вѣрнѣйшаго человѣка» самыя подлинныя условія мира.

Стòитъ вамъ выйти на Большую Морскую, или на Невскій проспектъ, чтобы услышать безчисленное количество мирныхъ договоровъ, не похожихъ одинъ на другой, и вернуться домой въ самомъ затруднительномъ положеніи относительно выбора изъ этого богатства и разнообразія договоровъ.

Разумѣется, во всѣхъ этихъ договорахъ мы прежде всего должны устроить Болгарію. Съ принцемъ ли будетъ Болгарія, безъ принца ли, съ господаремъ или съ губернаторомъ, но, пока еще найдешь принца и сговоришься съ нимъ относительно гонорара, а устроить бѣдную Болгарію надо. Сама она, безъ насъ, никогда не устроится.

Такъ, или почти такъ, говорятъ рѣшительно всѣ договоры, о которыхъ вы только-что слышали на Большой Морской или на Невскомъ проспектѣ. Ту же мысль высказываетъ и профессоръ Соловьевъ и многія газеты, и наконецъ отъ той же мысли приходитъ въ восторгъ и одинъ изъ моихъ знакомыхъ «обрусителей», который, послѣ опыта въ Сѣверо-Западномъ краѣ съ чужой кассой, оставленъ былъ въ подозрѣніи, щелкалъ зубами, какъ голодный волкъ, искалъ мѣста по хозяйственной части, а въ ожиданіи перебивался кое-какъ, сочинялъ патріотическіе стихи и писалъ докладныя записки и прошенія въ стилѣ знаменитаго капитана Копейкина.

Послѣ Плевны мой обруситель повеселѣлъ, и веселость его возрастала по мѣрѣ побѣдоноснаго шествія нашихъ войскъ. Наконецъ, недавно, онъ даже купилъ карту Болгаріи, чемоданъ, заказалъ новую пару платья и ждетъ офиціальнаго извѣщенія о мирѣ, чтобы броситься на желѣзную дорогу и стремглавъ летѣть куда угодно для водворенія цивилизаціи какой угодно.

По мнѣнію его, случай «новаго опыта» скоро долженъ представиться. Мой «капитанъ» (хотя онъ никогда не былъ въ военной службѣ, но имѣетъ видъ капитана и любитъ, когда его зовутъ капитаномъ) теперь сталъ неузнаваемъ. Надежда на суточныя, прогонныя и подъемныя придала его глазамъ какое-то торжествующее выраженіе. Онъ прекратилъ неумѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ и сталъ пить умѣренно, выбрился, помылся, почистился, держитъ формулярный списокъ и чемоданъ всегда наготовѣ, говоритъ, что «восторгъ кипитъ въ его груди», и разсказываетъ, какъ онъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ успѣлъ бы водворить все, что нужно, если-бъ не подлыя интриги и непріятности по службѣ. Этихъ «непріятностей» въ теченіе пятидесятилѣтней жизни капитана было столько, что онъ и самъ иногда сбивается, разсказывая о нихъ, такъ что, во избѣжаніе недоразумѣній, онъ всѣ свои непріятности раздѣлилъ по отдѣламъ. Такимъ образомъ у него есть непріятности «кавказскія», «амурскія», «виленскія» и «ташкентскія». Отъ всѣхъ этихъ непріятностей у капитана выцвѣло лицо, посѣдѣли волосы,

но аппетитъ, конечно, не пропалъ, и такъ какъ ни одно частное учрежденіе не повѣрило ему своей кассы, то аппетитъ капитана не удовлетворился и онъ былъ скученъ въ началѣ войны, такъ какъ интендантское вѣдомство не нашло для него свободнаго мѣста за наплывомъ желающихъ и болѣе проворныхъ капитановъ.

Но теперь надежда внѣдрилась въ его широкую грудь, и капитанъ сердится на лорда Биконсфильда, который, по его мнѣнію, мѣшаетъ миру, такъ, какъ можетъ сердиться человѣкъ, у котораго изъ-подъ руки отнимаютъ кусокъ.

— Но на что однако вы, капитанъ, надѣетесь?..

— Какъ на что?.. На миръ!

— Но развѣ вы уже заручились какимъ-нибудь мѣстомъ?

— Еще не заручился, но надѣюсь. Надо же устроить этихъ безтолковыхъ братушекъ, а? Слѣдовательно русскіе, настоящіе русскіе люди нужны будутъ на мѣста городничихъ, становыхъ, исправниковъ, почтмейстеровъ, мало ли должностей? А гдѣ взять опытныхъ людей, какъ вы думаете? А я уже готовъ куда угодно!.. Слава Богу, на своемъ вѣку послужилъ и знаю, какъ вводить цивилизацію. Мы вводили ее немало на своемъ вѣку. Насъ, такихъ капитановъ, свободныхъ отъ занятій, теперь множество; всѣ мы купили чемоданы и ждемъ объявленія въ газетахъ, что нужны опытные капитаны... *Тамъ* вѣдь содержаніе будетъ хорошее, и будутъ платить его эти самые подлецы «братушки»... Не бойтесь, мы ихъ скоро сдѣлаемъ людьми!..

Такъ мечталъ вслухъ капитанъ, питая какую-то увѣренность, что именно онъ долженъ будетъ ѣхать туда и устраивать «братушекъ». Признаться, меня это изумляло. Я зналъ, что формуляръ его былъ испещренъ «непріятностями», и осторожно выразилъ ему, что онъ надѣется слишкомъ преждевременно.

Но онъ въ отвѣтъ только захохоталъ и потомъ замѣтилъ:

— Во-первыхъ, я — русскій человѣкъ, а во-вторыхъ, гдѣ же найти опытныхъ людей? Гдѣ?.. гдѣ они?..

— Найдутся люди!..—возразилъ я.

— Посмотримъ, откуда вы ихъ найдете... Посмотримъ!.. Нѣтъ, батюшка, ужъ если надо вводить порядки, такъ ужъ, кромѣ насъ, обратиться не къ кому, вѣрьте мнѣ на слово... Недаромъ же мнѣ повѣрили сто цѣлковыхъ на покупку бѣлья и новаго платья!

Капитанъ ушелъ отъ меня, вполнѣ увѣренный, что мѣсто станового у него въ рукахъ, несмотря на мое желаніе поколебать въ немъ эту увѣренность. На чемъ она основана, почему онъ думаетъ, что непремѣнно въ Болгаріи потребуются опытные русскіе люди, подите, столкуйтесь съ нимъ. Онъ вѣритъ, что такъ непремѣнно будетъ, и дѣлу конецъ.

На-дняхъ иду я по улицѣ и встрѣчаю обрусителя совершенно

другого сорта, нисколько не похожаго на капитана. Капитанъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется однимъ аппетитомъ и «честью», а молодой человѣкъ, которому я пожималъ руку, всегда дѣйствовалъ по искреннему убѣжденію и имѣетъ совсѣмъ маленькія руки, такъ что «честью» дѣйствовать совсѣмъ не умѣетъ.

— Поздравьте меня, поздравьте!—весело сказалъ онъ.—По всей вѣроятности, я скоро поѣду въ Болгарію!

— Зачѣмъ? Подрядъ получили?

— За кого вы меня принимаете? Жидъ я, что ли?—обидѣлся онъ.

— Но вѣдь не одни евреи. Г. Новосельскій, напримѣръ, чистокровный русскій человѣкъ, маркитантъ Львовъ тоже изъ русскихъ чистой воды...

— Во всякомъ случаѣ, я подрядовъ не беру... Я поѣду, чтобы содѣйствовать успокоенію этихъ бѣдныхъ страдальцевъ. Ихъ надо устроить наконецъ по-человѣчески, ввести управленіе, учредить... однимъ словомъ, сами они безъ твердой руки не могутъ...

— Велико ли жалованье-то?

— Да! — задумчиво отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Жалованье очень хорошее, но не въ томъ дѣло. Жалованье—второй вопросъ, а, главное, меня страшитъ, что съ бѣдными страдальцами на первое время будетъ много хлопотъ.

— Какія же хлопоты?—успокаивалъ я его.

— Надо пріучить ихъ къ новой жизни, къ гражданственности. Надо...

Такъ какъ все то, что̀ могъ сказать молодой человѣкъ, я уже не разъ читалъ въ газетахъ, то я и поспѣшилъ прервать его вопросомъ:

— Жалованье «вѣковые страдальцы» будутъ вамъ платить?

— А то кто же?

— Такъ, такъ. Только какъ бы они того... Вѣдь они, какъ слышно, народъ умѣренный и не любятъ особенно раскошеливаться. А впрочемъ, скатертью вамъ дорога!—проговорилъ я, пожимая руку.

Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ навстрѣчу бѣжитъ ко мнѣ знакомый учитель латинскаго языка.

— Поздравьте... ѣду.

— Куда?

— Въ Болгарію. Тамъ открывается классическая гимназія.

— Хорошее жалованье?

— Отличное.

— А кто платить будетъ?

— Странный вопросъ? Разумѣется, болгаре...

Я продолжалъ путь, размышляя, какъ это ни одинъ русскій литераторъ не догадался еще подать прошеніе объ изданіи въ Болгаріи русской газеты съ обязательной подпиской, какъ, слышу, сзади

меня окликаютъ. Оборачиваюсь и вижу знакомаго литератора. Онъ былъ веселъ, какъ человѣкъ, никогда не получавшій предостереженій, и счастливъ, какъ издатель послѣ хорошей подписки.

— Поздравьте... ѣду.

— Въ Болгарію?—уже подсказалъ я.

— А вамъ кто сказалъ?—вдругъ встрепенулся литераторъ.

— Никто не говорилъ... Такъ, по вдохновенію сказалъ.

— Въ Болгарію. Заведу тамъ газету на русскомъ и болгарскомъ языкахъ... Потребность въ такой газетѣ настоятельная... Я буду знакомить «братушекъ» съ нашей цивилизаціей, а русскихъ читателей съ мѣстными нравами... однимъ словомъ... Не хотите ли писать петербургскія письма?

— Да на какія же средства вы заведете газету?

— А обязательная подписка... Обязательная!.. Vous comprenez?

Я понялъ очень хорошо и долго не могъ произнести ни слова, глядя на веселое и открытое лицо литератора-обрусителя.

Я вернулся домой, избѣгая встрѣчъ. Мнѣ все казалось, что, кого я ни встрѣчу, всѣ огорошатъ меня неизбѣжнымъ: «поздравь меня, я ѣду», и изо всѣхъ устъ я слышу или крупную цифру жалованья, или о какой-нибудь обязательной подпискѣ...

Счастливые братья болгаре. Какое множество искреннихъ друзей вдругъ объявилось у нихъ!

Дѣло Юханцева.

I.

Отправимся въ окружный судъ слушать знаменитое юханцевское дѣло или, что̀ будетъ вѣрнѣе, дѣло о посрамленіи администраціи взаимнаго поземельнаго кредита.

Здѣсь мы будемъ въ самомъ культурномъ обществѣ. Нервы наши не пострадаютъ при видѣ подтековъ и рубцовъ и при слушаніи длиннѣйшихъ объясненій о способахъ порки. Напротивъ, здѣсь все будетъ прилично, благовоспитанно и солидно. На скамьѣ подсудимыхъ мы увидимъ бывшаго кассира поземельнаго кредита, еще годъ тому назадъ блестящаго «молодого человѣка», пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ «божіихъ младенцевъ» и кредитомъ изъ кассы общества, который онъ открывалъ самому себѣ въ теченіе семи лѣтъ, подъ-носомъ у «образцовой» администраціи, въ неограниченномъ размѣрѣ, и если ограничилъ размѣръ этотъ только двумя милліонами, то единственно благодаря обстоятельствамъ, отъ администраціи банка независящимъ. Въ качествѣ свидѣтелей, но скорѣе похожихъ на подсудимыхъ, передъ нами пройдетъ рядъ опытныхъ, «уважаемыхъ» администраторовъ поземельнаго кредита, рядъ «божіихъ младенцевъ» и служащихъ, начиная съ управляющаго дѣлами

общества и кончая маленькимъ контролеромъ, который все могъ объяснить, но только не могъ объяснить одного—что̀ такое контроль... Затѣмъ въ качествѣ обыкновенныхъ свидѣтелей передъ нами промелькнетъ немало дѣльцовъ банкирскихъ конторъ и биржи, жрецовъ двойной бухгалтеріи, два артельщика и цыганка. Послѣдніе трое — единственные, не принадлежащіе къ культурному слою. Остальные—все или «уважаемые», или «опытные», или наконецъ просто «дѣльные» и «солидные» люди, начиная съ сенатора Салькова и кончая помощникомъ бухгалтера Шитиковымъ, который съ удивительнымъ апломбомъ и отвагой доказывалъ на судѣ, какой онъ прелестный бухгалтеръ, и объяснялъ, что бухгалтерія есть вещь, а прочее все—гиль, хотя бухгалтерія поземельнаго кредита и проглядѣла (впрочемъ, на бухгалтерскомъ основаніи) два милліона.

Мы въ храмѣ «правды и милости», куда, впрочемъ, да избавитъ насъ съ вами Господь Богъ попасть въ качествѣ подсудимаго. Послѣ очистительной дезинфекціи, которую съ особеннымъ усердіемъ произведутъ въ вашей душѣ, въ вашихъ помышленіяхъ, вольныхъ и невольныхъ, послѣ экскурсіи за вашими пороками или добродѣтелями въ боковыя линіи вашихъ родственниковъ, которую сдѣлаютъ обвиненіе и защита (одна—съ цѣлью доказать, что вы первый негодяй въ подлунной, другая—что вы самый добродѣтельный человѣкъ), въ вашемъ сердцѣ еще надолго останется запахъ прокурорской карболовой кислоты или персидскаго порошка защиты и ощущеніе чужихъ пальцевъ, съ юридической любезностью залѣзшихъ въ самую глубь вашего существа и копающихся тамъ, словно у себя въ жилетномъ карманѣ. Долго еще вы будете обходить этотъ храмъ, хотя бы и вышли оттуда чисты, какъ голубь, и непорочны, какъ Лохвицкій, недавно обрѣтшій невинность въ сенатѣ, гдѣ доказалъ, какъ дважды два—четыре, что понятіе о честности—вещь относительная: одна—для обыкновенныхъ людей, а другая—для адвокатовъ.

Поднимаемся по широкой лѣстницѣ во второй этажъ. Въ коридорѣ уже дожидается публика, жаждущая попасть въ залу засѣданій. Но еще рано—еще только десять часовъ, а засѣданіе назначено въ одиннадцать, — и публика разгуливаетъ по коридору, а городовые охраняютъ заповѣдные барьеры, закрывающіе входъ въ мѣста, отведенныя для публики.

Конечно, идутъ разговоры о Юханцевѣ. Въ глазахъ большинства онъ сегодня такой же злодѣй, какъ въ глазахъ того же большинства вчера онъ былъ неглупый и дѣльный человѣкъ, умѣющій жить, благонадежный джентльменъ, могущій со временемъ быть столпомъ какого-нибудь учрежденія...

— Будетъ ли онъ показывать всю правду? — слышатся любопытные голоса.

— Разскажетъ ли онъ пикантныя подробности о томъ, какъ кутилъ въ «Ташкентѣ» и «Самаркандѣ»?

— Объявитъ ли онъ, куда дѣвались два милліона?

— Ну, не совсѣмъ же онъ дуракъ! — замѣчаетъ какой-то господинъ.

— А что?

— А то, что не станетъ онъ входить въ подробности.

— Ахъ, это такъ интересно!—говоритъ молодая дама.

— Интересно-то интересно, да только намъ съ вами, а не ему.

— Да ему не все ли равно?

— Разумѣется, нѣтъ. Насъ-то, публику, онъ потѣшитъ, а послѣ, пожалуй, эта потѣха на немъ и отзовется. Вѣроятно, онъ будетъ больше помалчивать. Скромность никогда не мѣшаетъ. Пожалуй, она и въ мѣстахъ отдаленныхъ пригодится.

Въ числѣ чающихъ процесса дамы были въ замѣтномъ большинствѣ. Я замѣтилъ, что дамы вообще очень любятъ ходить въ судъ и слушать процессы, да при этомъ онѣ умѣютъ пробраться въ залу засѣданія даже и тогда, когда всѣ мѣста полны, никого безъ билета не пускаютъ и нашъ братъ никакъ туда не попадетъ, если только незнакомъ съ судебнымъ приставомъ или не принадлежитъ къ числу почетныхъ посѣтителей. А дама на этотъ счетъ удивительно юрка и сообразительна... Проберется она несмотря на давку и, пожираемая любопытствомъ (особенно если процессъ почему-либо обѣщаетъ быть пикантнымъ и о немъ толкуютъ въ газетахъ), она готова сдѣлать глазки даже городовому, такъ что тотъ плюнетъ и пропуститъ, тронетъ сердце судебнаго пристава, пуская въ ходъ и мольбу, и убѣжденія, и какое-нибудь важное имя изъ судейскаго міра. Смотришь, она ужъ и прошмыгнула въ двери, вошла въ мѣста для публики, пріютилась гдѣ-нибудь на хорошемъ мѣстѣ и торжествуетъ, что такъ умѣючи миновала всѣ подводные камни и мели...

Толпа хлынула къ барьерамъ... На дѣло Юханцева впускали не по билетамъ, и потому многіе, какъ говорятъ, забрались въ судъ съ ранняго утра... Начался впускъ... Судебные пристава просили публику не торопиться, а городовые упрашивали «полегче»... Дверцы наконецъ захлопнулись, и многіе остались за барьеромъ. Больше мѣстъ не было...

— Г. приставъ, ради Бога!—слышится женскій голосокъ.

— Не могу.

— Мнѣ необходимо, вы понимаете, необходимо!

— Ей-Богу, не могу... Больше мѣстъ нѣтъ.

— Но вы однако пропустили только-что одну даму въ черной шляпкѣ... Ей однако нашлось мѣсто...

— Она раньше пришла.

— Послушайте, г. приставъ, умоляю васъ... ну, только одну меня пропустите... Ну, много ли я займу мѣста?

Въ тонѣ звучитъ мольба; на молодомъ свѣжемъ лицѣ такая просящая улыбка, въ манерахъ столько кокетства и вкрадчивости, что приставъ продолжаетъ переговоры и, чувствую я, сейчасъ сдастся.

Барыня угадала это тотчасъ же и быстро заговорила:

— Я не стала бы васъ безпокоить ради одного любопытства... Ей-Богу, нѣтъ... Вы поймите, что мнѣ можно сдѣлать исключеніе...

— Но почему же?

— Я родственница Юханцева!

Въ публикѣ веселый смѣхъ. Сама барыня улыбается своей выдумкѣ. Улыбается и приставъ.

— Ну, подождите... Я посмотрю, есть ли мѣста.

— Смотрите же...

Черезъ пять минутъ она уже прошла, эта «родственница» Юханцева.

Благодаря билетамъ на право входа въ залу засѣданія, обязательно присланнымъ во всѣ редакціи предсѣдателемъ окружнаго суда А. Ѳ. Кони, мы безпрепятственно проходимъ черезъ барьеръ, идемъ въ залу и пробираемся въ мѣста, отведенныя для представителей печати. Въ этихъ мѣстахъ мы будемъ видѣть все отлично.

Сзади публика весело хохочетъ въ ожиданіи начала судебнаго представленія... Всѣ свободныя мѣста вездѣ заняты... Мѣста для почетныхъ посѣтителей понемногу наполняются... Стенографы уже сидятъ за столиками. Защитники въ залѣ... Скоро одиннадцать часовъ...

Наконецъ отворилась дверь изъ комнаты для подсудимыхъ, и между двумя жандармами съ саблями наголо быстро вошелъ подсудимый, поднялся на возвышеніе, гдѣ устроена скамья для подсудимыхъ, прошелъ въ конецъ и скромно сѣлъ, не поднимая головы.

Всѣ глаза устремились на Юханцева. Дамы наставили бинокли и лорнеты, точно въ театрѣ, когда появляется знаменитый теноръ или баритонъ.

Лицо ординарное: нѣсколько одутловатое, окаймленное небольшой бородой,—словомъ, ничего такого, отъ чего дама могла бы придти въ восторгъ. Плотная фигура была одѣта въ потертый, но безукоризненно-сшитый пиджакъ, изъ бокового кармана котораго выглядывалъ кончикъ носового платка. Подсудимый сидѣлъ, опустивъ голову.

Пришелъ судъ. Послѣ повѣрки свидѣтелей и выбора присяжныхъ засѣдателей, началось чтеніе длиннаго обвинительнаго акта. Послѣ окончанія чтенія, на вопросъ предсѣдателя, признаётъ ли подсудимый себя виновнымъ въ присвоеніи суммъ около двухъ милліоновъ и подлогахъ, подсудимый отвѣтилъ тихимъ голосомъ, что признаётъ

себя виновнымъ въ растратѣ, но въ подлогахъ виновнымъ не признаётъ, и затѣмъ вошелъ въ нѣкоторыя подробности относительно того, какъ онъ бралъ изъ кассы деньги.

Онъ началъ съ жалобы на свою жену и несчастія свои объяснялъ семейной жизнью. Къ чему онъ припуталъ сюда женщину, съ которой давно разошелся, было совсѣмъ непонятно. Если онъ думалъ тронуть этимъ присяжныхъ, то онъ ошибся, такъ какъ эта часть показанія производила крайне скверное впечатлѣніе, и никто ему не повѣрилъ. Помимо этого эпизода, остальныя его показанія, въ которыхъ дѣло шло о растратѣ, казались искренними и правдивыми, и, слушая его, вы словно слышали одного изъ тѣхъ легкомысленныхъ червонныхъ валетовъ нашего времени, безхарактерныхъ, тщеславныхъ, готовыхъ ради того, чтобы пустить пыль въ глаза, на всякую пакость, которые нерѣдко являются на скамьѣ подсудимыхъ. Онъ воровалъ и бросалъ деньги, снова тащилъ изъ кассы и снова просаживалъ ихъ, на что-то надѣясь и ни о чемъ не думая. Онъ видѣлъ, что ему довѣряютъ, что члены правленія никогда не провѣряли кассы настоящимъ образомъ, и спокойно-себѣ бралъ изъ государственнаго банка деньги за счетъ общества, закладывалъ бумаги, а въ правленіи все продолжали его считать прекраснымъ кассиромъ... Нерѣдко, когда управляющій уѣзжалъ на дачу, онъ получалъ чеки съ бланкомъ управляющаго, самъ проставлялъ суммы, часть бралъ на свои потребности, а другую на расходы общества, и бухгалтеріи давалъ свѣдѣнія о суммахъ, конечно, неправильныя; а когда члены правленія провѣряли бухгалтерскія записи съ корешками чековъ, то кассиръ самъ читалъ цифры на корешкахъ, а члены правленія только клали на счетахъ. Разумѣется, онъ говорилъ имъ подложныя цифры. Въ этомъ и была повѣрка.

— Былъ какой-нибудь контроль относительно чековъ? — спрашиваетъ предсѣдатель.

— Никакого не было. Когда управляющій возвращался съ дачи, я лично докладывалъ ему, что взялъ такую-то сумму изъ государственнаго банка.

— Управляющій не записывалъ числа чековъ и суммы, на какую они вамъ даны, — словомъ, не устанавливалось ли какого-нибудь контроля?

— Никакихъ правилъ и никакого контроля не было.

Начался опросъ свидѣтелей, и тутъ-то передъ зрителями прошелъ рядъ высоко-комическихъ сценъ. Оказалось, что въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита никакихъ правилъ, никакого контроля не было, хотя изъ года въ годъ и составлялись отчеты, вотировались благодарности правленію, велись отлично написанныя бухгалтерскія книги, и ревизіонныя комиссіи ежегодно свидѣтельствовали, что онѣ «имѣли случай убѣдиться, что дѣйствительное со-

стояніе кассы, количество находящихся въ ней наличныхъ суммъ, цѣнностей и процентныхъ бумагъ совпадаетъ съ данными бухгалтерскихъ книгъ, и что между итогами книгъ и результатами баланса существуетъ полная тожественность. Независимо отъ этого, разсмотрѣвъ внимательно главную книгу общества и свѣряя отдѣльныя ея статьи съ цифрами прочихъ вспомогательныхъ книгъ и документовъ, комиссія пришла къ заключенію, что книги общества ведутся въ отличномъ порядкѣ и принятая правленіемъ система веденія ихъ заслуживаетъ полнаго одобренія, такъ какъ даетъ возможность въ самое непродолжительное время получать желаемыя справки».

Передъ судомъ маленькій господинъ. Это контролеръ (теперь кассиръ) г. Мерцъ. Вотъ образчикъ діалога между защитникомъ и г. Мерцомъ, когда его допрашивали о его обязанностяхъ, какъ контролера.

— Такимъ образомъ контроля за кассою вы не имѣли, повѣрки вѣдомостей по документамъ о состояніи кассы — всего этого не было?

— Не было.

— Такъ что, позвольте васъ спросить, что же такое у васъ называлось контролемъ?

Молчаніе.

— Когда производилась ревизія, въ то время уже были слухи, что Юханцевъ живетъ очень широко?—между прочимъ, спрашивалъ защитникъ.

— Да.

— Какимъ же образомъ ревизоры не замѣтили ни печати съ птицею, ни печати «для пакетовъ»?

— Не могу сказать. Я ничего не знаю.

Оказалось, какъ читатель увидитъ, что въ этомъ обществѣ никто ничего не зналъ изъ того, что бы слѣдовало знать.

Мѣсто маленькаго контролера занимаетъ высокій, солидный управляющій дѣлами общества, Н. Э. Герстфельдъ. Онъ даетъ показанія искреннія и подробныя. Онъ не сваливаетъ вину на членовъ правленія, хотя бы и могъ это сдѣлать. Вы видите передъ собой администратора, зорко слѣдившаго за всѣмъ, но проглядѣвшаго главное. Вы видите лично честнаго и добросовѣстнаго человѣка, но простодушіе и довѣрчивость котораго на судѣ выяснились съ поразительной рельефностью, словно бы говоря зрителямъ, какое грандіозное простодушіе было въ главѣ учрежденія. Вотъ что я писалъ о немъ въ прошломъ году, когда появилось въ газетахъ извѣстіе о растратѣ:

«Управляющій дѣлами общества взаимнаго поземельнаго кредита, Николай Эдуардовичъ Герстфельдъ, безспорно, безукоризненно-чест-

ный человѣкъ, добросовѣстный, усидчивый работникъ, искренній радѣтель на пользу общества взаимнаго поземельнаго кредита, дѣлами котораго онъ управляетъ со времени его основанія. Сперва преображенскій офицеръ, потомъ членъ Новгородской земской управы и наконецъ руководитель обширнаго дѣла, которому онъ искренно преданъ, Н. Э. Герстфельдъ, какъ оказывается, едва ли обладалъ всѣми качествами, необходимыми для веденія такого громаднаго дѣла, и лично мнѣ искренно жаль, что такой добросовѣстный человѣкъ въ настоящее время несетъ тяжелую нравственную пытку отчасти за свое незнаніе людей и излишнюю деликатность, весьма похвальную въ частной жизни и иногда совсѣмъ неумѣстную въ общественныхъ дѣлахъ. Трудолюбивый работникъ самъ, воспитанный въ суровыхъ правилахъ военной дисциплины, пробывшій молодые свои годы въ военной службѣ, онъ слишкомъ много обращалъ вниманія на форму, слишкомъ незаслуженно цѣнилъ бюрократическіе порядки, обращая вниманіе на мелочи, и опускалъ изъ вида существенное. Всегда за работой, всегда составлявшій какую-нибудь таблицу или углубившійся въ бухгалтерскіе счеты, испытывавшій мученія, если въ бухгалтерскомъ балансѣ нельзя было доискаться копейки, онъ однако представлялъ болѣе данныхъ превосходнаго исполнителя, чѣмъ руководителя дѣла. Иниціативы въ немъ было недостаточно для этого.

«Но то, къ чему, въ самомъ дѣлѣ, онъ относился съ опредѣленной строгостью, — то же самое въ другихъ не вызывало въ немъ такой же строгости и онъ, напротивъ, черезчуръ снисходительно для общественнаго дѣятеля относился къ той шаткости понятій относительно щекотливыхъ вопросовъ въ другихъ, которая другого, болѣе строгаго, человѣка заставила бы быть гораздо болѣе осторожнымъ. Необыкновенно-довѣрчивый къ людямъ, слишкомъ бухгалтеръ въ душѣ, чтобы знать хорошо людей, и слишкомъ добрый человѣкъ, чтобы подозрѣвать лицемѣріе подъ видомъ простодушія, самъ простодушный, Н. Э. Герстфельдъ довѣрялъ людямъ, къ которымъ привыкъ, съ которыми сотрудничалъ съ основанія общества. Щекотливый къ чести учрежденія, съ нѣсколько военно-бюрократическимъ пошибомъ къ дисциплинѣ, г. Герстфельдъ въ то же время не *могъ* и подозрѣвать, чтобы кассиръ былъ въ состояніи столь безсовѣстно нарушить довѣріе. Нѣтъ сомнѣнія, что до г. Герстфельда доходили слухи о роскошной жизни, и нѣтъ сомнѣнія, что и «внезапныя ревизіи» были вызваны, по иниціативѣ г. Герстфельда, этими слухами. Точно также, по всей вѣроятности, г. Герстфельдъ и говорилъ осторожно по поводу этихъ слуховъ съ самимъ кассиромъ, и, разумѣется, кассиру ничего не стоило успокоить довѣрчиваго начальника и объяснить эти слухи какъ-нибудь такъ, что простодушіе г. Герстфельда удовлетворилось. Самъ онъ, конечно, не повѣрялъ

кассы, быть-можетъ, онъ и не зналъ, *какъ* повѣряется касса, но тѣмъ не менѣе эта боязнь принять радикальныя мѣры съ самаго возникновенія слуховъ дѣлаетъ г. Герстфельда нравственно-отвѣтственнымъ.

«На что же пошла свыше-десятилѣтняя дѣятельность въ учрежденіи?.. Развѣ на то, чтобы въ концѣ концовъ воочію увидать несовершенство бюрократическаго начала и убѣдиться, что это начало, какъ бы ни были регулированы хорошо правила дисциплины, не содержитъ въ себѣ жизненнаго начала, а скрываетъ подъ блескомъ канцелярскаго порядка и централизаціи гниль и мертвечину».

Послѣ показаній г. Герстфельда на судѣ, я прибавлю къ этой характеристикѣ только одно, что простодушіе его, какъ администратора, оказалось еще гораздо болѣе. Во всемъ остальномъ я остаюсь при прежнемъ мнѣніи, и это мнѣніе еще болѣе усилилось во мнѣ послѣ того, какъ я видѣлъ г. Герстфельда на судѣ въ качествѣ свидѣтеля. Онъ вытерпѣлъ пытку и, конечно, заслуженную; онъ былъ несчастенъ, иногда жалокъ, но онъ не былъ смѣшонъ, какъ были смѣшны «божіи младенцы»—члены правленія...

Онъ «забылъ о чекѣ», какъ самъ сознался на судѣ. Онъ не зналъ, что государственный банкъ выдаетъ текущій счетъ. Онъ довѣрчиво относился къ Юханцеву даже тогда, когда пронеслись слухи объ его жизни. Обо всемъ этомъ онъ самъ чистосердечно разсказывалъ на судѣ, давая показанія. Ясно было, что, занимая такую должность, онъ былъ не на своемъ мѣстѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ видно было, что искренно думалъ, что ведетъ дѣло хорошо, и работалъ надъ нимъ, хотя и «дѣло» видѣлъ тамъ, гдѣ другой, менѣе простодушный, усмотрѣлъ бы одну формальность и пустяки.

Въ залу суда входитъ изящно одѣтая во все черное, красивая брюнетка. Всѣ жадно смотрятъ на нее... Это знаменитая цыганка Шишкина... Любопытство публики возбуждено. Ждутъ интересныхъ показаній, думаютъ, что это дитя цыганскаго хора не устоитъ подъ перекрестными допросами обвиненія и защиты и станетъ болтать съ легкомысліемъ женщины. Но всѣ ошиблись. Цыганка держала себя съ достоинствомъ, а сказала ровно столько, сколько было нужно, ни на полдюйма больше. На вопросъ защиты, когда она познакомилась съ Юханцевымъ, она отвѣчала: «Два года и три мѣсяца назадъ.—В. Гдѣ?—О. Въ Петербургѣ.—В. А не въ окрестностяхъ?—О. Это правда.—В. Что онъ—пріѣзжалъ въ компаніи?—О. Да, но припомнить тѣхъ, кто былъ съ нимъ, я не могу.—В. Константинъ Фелейзенъ былъ съ нимъ?—О. Навѣрное сказать не могу.—В. У Юханцева бывали обѣды въ назначенные дни?—О. Бывали.—В. Бывали парадные обѣды?—О. Бывали.—В. Вы познакомились съ нимъ въ «Самаркандѣ»?—О. Это было въ «Ташкентѣ».—В. Онъ часто потомъ ѣздилъ въ «Ташкентъ»?—О. Да,

часто.—В. Каждый день? — О. Не каждый день, а очень часто.— В. Онъ пріѣзжалъ съ товарищами, въ большой компаніи?—О. Да.— В. Много денегъ тратилъ тамъ?—О. Я не знаю.—В. Бывали роскошные пикники? — О. Пикниковъ я не видѣла. Ужинали, бывало. — В. Не случилось ли, когда вы жили съ нимъ, ѣздить на пикники въ «Самаркандъ», въ «Ташкентъ»? — О. Случалось. — В. Бывали парадные пикники? — О. Былъ весною. — В. Не случилось ли разъ, что полковая музыка играла тамъ?—О. Разъ или два было, вѣрно не могу сказать. — В. Дорого этотъ вечеръ стоилъ?—О. Этого я не могу знать.—В. Когда играла полковая музыка, въ это время заведеніе запиралось, такъ что другой публики не впускали? — О. Не знаю. — В. Другой публики вы тамъ тогда не встрѣчали?—О. Нѣтъ».

Такъ отъ нея больше и не добились ничего, и она ушла изъ залы, не оправдавъ ожиданій.

Я не стану говорить о разныхъ свидѣтеляхъ, промелькнувшихъ передъ нами, и прямо перейду къ бывшимъ членамъ правленія... Передъ нами графъ Крейцъ, старый генералъ; онъ держитъ себя не безъ величія. Онъ плохо помнитъ недавно прошедшее и часто отзывается запамятованіемъ:—«этого я не припомню», «это было такъ давно» и т. п. Слушая этого почтеннаго графа, казалось, что если бы спросили у него, помнитъ ли онъ, что получалъ жетонное вознагражденіе, то и тогда бы онъ сказалъ, что «это было такъ давно». Но объ этомъ его, разумѣется, не спрашивали. Онъ не помнитъ, на основаніи какихъ данныхъ составлялись бухгалтерскія книги. Онъ не припомнитъ, давало ли правленіе какую-нибудь инструкцію управляющему и бухгалтеру. Онъ не помнитъ, на чемъ основывалось его удостовѣреніе, что касса налицо... Впрочемъ, кое-что и онъ наконецъ же вспомнилъ.

— Какія вы средства приняли, чтобы провѣрить кассу?—спрашиваетъ защитникъ.

— Мы старались болѣе усложнить порядокъ движенія суммъ!— отвѣчаетъ графъ.

— Какой же вы инструкціи держались: такой, какая въ казначействѣ?

— Я не знаю, какая инструкція въ казначействѣ.

— Проектъ вашихъ инструкцій на какомъ основаніи составленъ?

— Это такъ давно было, что трудно сказать.

Затѣмъ далѣе:

— Было ежедневное наблюденіе за кассой?

— Никакихъ ежедневныхъ наблюденій не было.

— Слѣдовательно ни со стороны правленія ни со стороны управляющаго за кассою наблюденія не было?

— Нѣтъ.

И графъ Крейцъ ушелъ съ миромъ, чтобы дать мѣсто статскому генералу г. Познанскому. Г. Познанскій явился съ видомъ оскорбленной невинности. Онъ гордо держалъ свою голову, возвышалъ голосъ и, казалось, призывалъ само небо въ свидѣтели, что лучшихъ членовъ правленія не было, нѣтъ и не будетъ, и если произошла растрата, то въ этомъ виноватъ—кто бы вы думали?.. Въ этомъ виноватъ «фокусъ»...

— Я считаю долгомъ (возвышая голосъ и поднимая высоко голову) заявить передъ судомъ, въ силу принятой мною присяги, что систему провѣрки мы имѣли право считать вполнѣ насъ и общество гарантирующею, и она соблюдалась нами крайне аккуратно и съ полною, совершенною точностью. Если въ ней были недостатки, то такого рода, которые заключались въ томъ, что какъ бы былъ разсчетъ на могущій быть обманъ зрѣнія въ членахъ правленія и основанный на этомъ явленіи фокусъ. Мы противъ этого не принимали мѣръ, потому что служащіе не представляли такихъ данныхъ, по которымъ мы могли бы предполагать что-нибудь подобное...

Г. Познанскій легко оскорбляется. Во всякомъ вопросѣ онъ усматриваетъ сомнѣніе въ томъ, что гг. члены правленія—страдальцы за правду... Онъ то и дѣло возвышаетъ голосъ и посматриваетъ вокругъ съ такою комическою гордостью, точно два милліона, которые выкралъ изъ-подъ носа въ теченіе 7-ми лѣтъ кассиръ, вновь найдены, и напрасно поднято все это дѣло... Явленіе этого свидѣтеля значительно развлекало публику, такъ какъ высоко-комическое зрѣлище публичнаго самохвальства въ виду только-что бывшихъ показаній, ясно засвидѣтельствовавшихъ, что въ правленіи никакого порядка не было, не могло не быть въ высшей степени комичнымъ. Но г. Познанскій все продолжалъ въ томъ же тонѣ, и когда предсѣдатель спросилъ его: «каждый ли разъ разсматривались подробно и внимательно печати на пакетахъ, и что онъ думаетъ на этотъ счетъ», то г. Познанскій снова гордо поднялъ голову и произнесъ такую тираду:

— Я никакого сомнѣнія не имѣлъ и не имѣю въ томъ, что каждый изъ членовъ правленія былъ вполнѣ внимателенъ къ своимъ обязанностямъ. Мы всѣ, члены правленія, до такой степени добросовѣстно относились къ этимъ обязанностямъ (начинаетъ возвышать голосъ), что я не допускаю возможности предположенія, чтобы кто-нибудь изъ насъ относился небрежно. (Громко и съ апломбомъ). Я считаю просто оскорбительнымъ подобнаго рода предположенія.

Когда предсѣдатель спросилъ затѣмъ: какимъ образомъ одинъ изъ пакетовъ оказался запечатаннымъ печатью съ надписью «для пакетовъ», то г. Познанскій отрывисто и съ неудовольствіемъ произнесъ:

— Это дѣло слѣдствія!

Ясно, что онъ считалъ унизительнымъ объяснить суду, какъ было дѣло. Онъ вѣрилъ, что члены правленія были самые добросовѣстные члены—и дѣло съ концомъ. Что дѣлать съ такимъ вѣрующимъ человѣкомъ? Оставалось послѣ такихъ отвѣтовъ оставить въ покоѣ г. Познанскаго и больше не допрашивать его, что стороны и сдѣлали. Впрочемъ, и того, что говорилъ Познанскій, было слишкомъ довольно... Публика только пожалѣла, что первый комикъ сошелъ со сцены...

Не новый типъ явилъ изъ себя этотъ свидѣтель. Такихъ мы видѣли и еще увидимъ въ разныхъ нашихъ учрежденіяхъ. Мнѣ, напримѣръ, разсказывали объ одномъ членѣ правленія, который, пользуясь повышеніемъ бумагъ, дѣлаемымъ искусственно тѣмъ правленіемъ, въ которомъ онъ служилъ, продавалъ въ кассу же правленія свои бумаги и такимъ образомъ обманывалъ общество, гдѣ онъ служилъ. Такія продѣлки онъ не считалъ ни во что. Но попробовали бы вы ему сказать, что онъ не только недобросовѣстенъ, а просто небреженъ, такъ, Боже мой, въ какомъ величіи и негодованіи представлялся этотъ господинъ... Просто страшно становилось за человѣка...

Познанскаго смѣнилъ г. Сальковъ, г. Салькова—графъ Гейденъ, графа Гейдена—г. Пейкеръ... Они всѣ что-нибудь да сказали, но въ концѣ концовъ оказывалось изъ ихъ словъ, что они ничего не знали, но вообще «слѣдили»...

«Великъ богъ земли русской!»—можно было сказать, когда, послѣ трехдневнаго присутствія въ судѣ, мы воочію увидали, какъ ведутся дѣла въ одномъ изъ солиднѣйшихъ учрежденій... Юханцева присудили къ ссылкѣ. Прокуроръ, князь Урусовъ, тотъ самый, который началъ свою адвокатскую карьеру защитой бывшаго предводителя владимірскаго дворянства, обвинявшагося въ растратѣ дворянскихъ денегъ, и остроумно объяснялъ тогда, что предводитель дворянства оказалъ себѣ «самопомощь», а не растратилъ деньги, не безъ таланта разрисовалъ теперь Юханцева, тоже оказавшаго себѣ «самопомощь», извергомъ, которому мѣсто въ Сибири. Защитникъ произнесъ очень умную рѣчь, особенно въ первой половинѣ ея, гдѣ пробовалъ коснуться условій, создающихъ Юханцевыхъ, но отъ этого подсудимому было, конечно, не легче...

Но, кромѣ подсудимаго, въ глазахъ общества вышли изъ суда въ качествѣ подсудимыхъ и администраторы общества взаимнаго поземельнаго кредита, показавшіе на судѣ себя во всей своей прелести.

Поучительнаго было довольно.

„Жиды“.

Я прочитывалъ кутаисскій процессъ *). Когда я читалъ показанія свидѣтелей, мнѣ припомнилось далекое прошлое. Вспомнилъ я, какъ однажды старуха-няня, женщина безконечно добрая и мягкая, испугала меня, разсказывая тѣмъ замирающимъ шопотомъ, который такъ жутко слушать въ дѣтскомъ возрастѣ, самые достовѣрные разсказы о томъ, какъ «жиды» наканунѣ Пасхи ловятъ христіанскихъ дѣтей. Я слушалъ, замирая, вѣрилъ и не вѣрилъ, такъ какъ у меня былъ одинъ пріятель «жидъ», Исай, арестантъ, шившій сапоги на все наше семейство.

Въ томъ городѣ, гдѣ я провелъ дѣтство, были арестантскія роты. Арестанты приходили въ казенный домъ, гдѣ жило наше семейство, каждый день для исполненія почти всѣхъ работъ. Одни убирали громадный садъ, пололи траву, чистили дорожки, поливали цвѣты, убирали дворъ; мастеровые засаживались на цѣлый день за мастерство. Между послѣдними былъ Исай, сапожникъ, добродушный еврей, который снисходительно отвѣчалъ на мои ребячьи вопросы, когда я прибѣгалъ къ нему въ комнату на дворѣ, гдѣ онъ тачалъ сапоги и башмаки; бывало, онъ гладилъ своей рукой мою голову, вспоминая, вѣроятно, глядя на меня, своихъ малолѣтокъ, и давалъ мнѣ кусокъ арбуза съ чернымъ хлѣбомъ, посыпаннымъ крупною солью,—завтракъ, казавшійся мнѣ самымъ вкуснымъ завтракомъ на свѣтѣ.

Я не зналъ, конечно, за что попалъ Исай въ арестантскія роты, да и вообще ничего не зналъ объ арестантахъ, приходившихъ къ намъ въ домъ. Несмотря на то, что они были въ кандалахъ, и что при нихъ всегда были конвойные, спокойно, впрочемъ, спавшіе большею частью гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ, я относился къ нимъ совсѣмъ не такъ, какъ слѣдовало бы съ точки зрѣнія прокурорскаго надзора. Я безбоязненно, особенно если не разсчитывалъ наткнуться на отца, подходилъ къ нимъ, смотрѣлъ, какъ они работали, присаживался, когда они аппетитно закусывали чернымъ хлѣбомъ, и всегда получалъ свою порцію; нерѣдко они гладили меня по головѣ, предварительно поглядѣвъ однако по сторонамъ, смѣялись и разсказывали мнѣ сказки. Правда, я слышалъ у насъ въ домѣ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ арестантъ, работавшій гдѣ-то въ саду, убѣжалъ, переодѣвшись въ женское платье, но этотъ разсказъ не только не пугалъ меня, но не разъ заста-

*) Извѣстный процессъ по обвиненію евреевъ въ похищеніи и убійствѣ христіанской дѣвочки.

влялъ даже спрашивать у арестантовъ, отчего и они не поступятъ такимъ образомъ, какъ поступилъ ихъ товарищъ? Подобные вопросы вызывали обыкновенно веселый смѣхъ и самое дружеское трепаніе по моему плечу, что̀, признаюсь, мнѣ было въ то время крайне пріятно. Такимъ образомъ повадился я бѣгать и къ Исаю. Онъ былъ престарый арестантъ, съ большимъ носомъ и черными умными глазами. Шить сапоги и башмаки онъ былъ большой мастеръ. Онъ всегда ласково встрѣчалъ меня и не гонялъ, несмотря на то, что я мѣшалъ ему подчасъ работать. Онъ вырѣзывалъ мнѣ изъ дерева разныя замысловатыя фигуры и показывалъ мнѣ, какъ надо шить башмаки, и какъ-то ласково совѣтовалъ уходить, если я засиживался у него въ комнатѣ, боясь, вѣроятно, что за это мнѣ будетъ нагоняй. Обыкновенно няня уводила меня и грозила, что будетъ жаловаться, но такъ какъ я зналъ цѣну ея угрозъ, то на другой день я снова убѣгалъ къ Исаю и снова лакомился, раннимъ утро́мъ, арбузомъ съ солью.

И вдругъ, по словамъ няни, этотъ самый Исай рѣжетъ дѣтей и добываетъ изъ нихъ кровь, безъ которой, по разсказамъ няни, они не могутъ справлять своей пасхи.

— Если ты станешь ходить къ нему, онъ и тебя зарѣжетъ!

Такъ закончила добрая старушка свой длинный разсказъ, подкрѣпленный авторитетной ссылкой на разныхъ очевидцевъ, которые видѣли, какъ евреи передъ своей пасхой шляются по городу и ищутъ ребенка, изъ котораго надо добыть крови.

Хотя няня и не обвиняла непосредственно Исая въ этомъ кровожадномъ поступкѣ, но она объяснила, что, по еврейскому закону, всякій еврей долженъ такъ поступать, а слѣдовательно и Исай долженъ былъ рѣзать дѣтей, тѣмъ болѣе (подумалось мнѣ), что у него столько ножей въ распоряженіи. Но, съ другой стороны, не можетъ быть,—онъ такой добрый, ласковый. Онъ не только никогда не грозилъ меня зарѣзать, но даже никогда не сказалъ мнѣ грубаго слова. Тутъ что-нибудь да не такъ. Вѣрно, няня напрасно Исая обвиняетъ.

Тѣмъ не менѣе я нѣсколько дней не забѣгалъ къ Исаю. Забѣжать хочется, но и зарѣзаннымъ быть не хочется.

— Какихъ дѣтей они мучатъ?—спросилъ я у няни, снова подымая этотъ, мучившій меня, вопросъ.

— Всякихъ дѣтей... ну, разумѣется, у которыхъ родители побѣднѣй. Полковницкихъ или генеральскихъ дѣтей они не трогаютъ, отвѣта боятся; ну, и шума больше...

Черезъ полчаса я уже былъ на порогѣ комнаты Исая. Сколько помнится, сердце мое сильно стучало, когда я переступалъ порогъ комнаты. «Развѣ убѣжать?»—подумалъ я, тѣмъ болѣе, что въ это самое время Исай, какъ нарочно, натачивалъ свой сапожный ножъ.

Но было уже поздно. Исай взглянулъ на меня. Замѣтивъ испуганное мое лицо, онъ участливо спросилъ:

— Что съ вами, барчукъ?

Я взглянулъ ему въ глаза. Они такъ ласково на меня смотрѣли, что я забылъ свой страхъ и подошелъ къ нему.

Онъ провелъ своей рукой по моей головѣ и замѣтилъ:

— Давно не были, барчукъ. Больны были?

Я солгалъ и отвѣтилъ, что былъ боленъ.

Страхъ мой около Исая сталъ понемногу проходить. Я принялъ отъ него обычную порцію арбуза съ хлѣбомъ и, когда кончилъ свой завтракъ, спросилъ его:

— Исай, ты мучилъ христіанскихъ дѣтей? Скажи мнѣ!

Онъ взглянулъ на меня удивленнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Какъ мучилъ?

— Рѣзалъ ихъ? Собиралъ кровь?

Онъ (я хорошо помню) улыбнулся грустной улыбкой и тихо замѣтилъ:

— Тебѣ кто сказалъ?

— Няня сказала.

— Не вѣрь ей, барчукъ. У меня у самого дѣти есть. Зачѣмъ я стану дѣтей рѣзать? Это про насъ, евреевъ, говорятъ, вѣру нашу гонятъ. Нѣтъ, барчукъ, я дѣтей не рѣзалъ!—повторилъ онъ тихимъ ласковымъ голосомъ, отворачиваясь отъ меня.

Онъ помолчалъ. Когда онъ повернулъ свое лицо, мнѣ оно показалось такимъ грустнымъ, что я тотчасъ же замѣтилъ:

— Ты, Исай, не сердись. Я больше не буду говорить, что ты дѣтей рѣзалъ!

Въ отвѣтъ онъ взялъ мою руку и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Когда я ушелъ отъ Исая, я вполнѣ былъ увѣренъ, что няня ошиблась, что Исай не могъ рѣзать дѣтей...

Эта сцена вспомнилась мнѣ, когда я штудировалъ знаменитый кутаисскій процессъ.

Я проштудировалъ его сразу, когда печатаніе наконецъ окончилось въ газетахъ. По моему мнѣнію, для того, чтобы впечатлѣніе было цѣльнѣе, подобные процессы не слѣдуетъ читать отрывками. Въ цѣломъ картина является ярче, законченнѣй и поучительнѣй. Процессъ этотъ дѣйствительно заслуживаетъ названія знаменитаго и даже историческаго процесса, какъ характерное отраженіе невѣжества и дикаго суевѣрія, обнаруженнаго во второй половинѣ текущаго столѣтія не одними только наивными «дѣтьми Кавказскихъ горъ», пребывающими въ первобытной простотѣ невѣжества, неразлучнаго, впрочемъ, въ положеніи этихъ дѣтей, какъ «платежныхъ единицъ», занятыхъ исключительно исполненіемъ своихъ обязанностей, сопряженныхъ съ этимъ почетнымъ званіемъ. Самъ

Господь Богъ разрѣшилъ имъ вѣрить во все то, что̀ заповѣдало имъ вѣковое суевѣріе, про что говорятъ имъ высокія горы, нашептываетъ лѣсъ и насвистываетъ вѣтеръ. И у кого поднимется языкъ обвинять «платежную единицу», — будь она русская, армянская, нѣмецкая или зулусская,—за то, что она подчасъ видитъ чорта совсѣмъ не тамъ, гдѣ онъ, по увѣренію знающихъ людей, находится.

Но дѣло въ томъ, что въ процессѣ, о которомъ мы повели рѣчь, люди, претендующіе на званіе людей образованныхъ, «дѣти культуры», обнаружили такое же суевѣріе и такое же невѣжество, какое обнаружили и «дѣти горъ»... Сто̀итъ просмотрѣть нѣкоторыя наши газеты и увидать, какъ наши свободныя «дѣти прессы» отнеслись къ процессу, чтобы убѣдиться, что многіе изъ этихъ сыновъ отечества, благодаря лишь случайности да развеселому времени, въ которомъ мы живемъ, занялись руководительствомъ общественнаго мнѣнія, вмѣсто того, чтобы занять какой-нибудь, болѣе подходящій къ способностямъ ихъ постъ, на которомъ они проявили бы полнѣе свои таланты и развились бы пышнымъ цвѣтомъ, вмѣсто того, чтобы отцвѣтать, не успѣвши расцвѣсть во всей своей красѣ.

На сцену снова является обвиненіе въ употребленіи евреями христіанской крови... обвиненіе, уже давно потерявшее силу въ Европѣ, обвиненіе, по поводу котораго императоръ Александръ I еще въ 1817 году издалъ повелѣніе слѣдующаго содержанія: «По поводу оказывающихся и нынѣ въ нѣкоторыхъ, отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ губерніяхъ извѣтовъ на евреевъ объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей, якобы для полученія христіанской крови, его императорское величество, пріемля во вниманіе, что таковые извѣты и прежде неоднократно опровергаемы были безпристрастными слѣдствіями и королевскими грамотами, высочайше повелѣть соизволилъ: объявить всѣмъ гг. управляющимъ губерніями монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что якобы они имѣютъ нужду въ христіанской крови; но если бы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на евреевъ, безъ предубѣжденія однако-жъ, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови, то было бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи, по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, наравнѣ съ людьми прочихъ вѣроисповѣданій, которые уличались бы въ преступленіи смертоубійства».

Обвиненіе, правда, не было формулировано прямо, но тѣмъ не менѣе оно вытекало само собой изъ намековъ и изъ самаго факта обвиненія евреевъ въ похищеніи дѣвочки и въ послѣдовавшей отъ того ея смерти. Большинство свидѣтельскихъ показаній сводилось къ тому же. Добродушныя «дѣти горъ» говорили въ этомъ смыслѣ, вполнѣ увѣренныя, что если дѣвочка пропала, то навѣрное евреи

взяли ее. Недавно еще была напечатана замѣтка, кажется, въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» о пропажѣ ребенка въ Москвѣ и о томъ, что подозрѣваютъ въ этомъ евреевъ. Если не ошибаюсь, въ замѣткѣ даже сообщалось, будто въ Москвѣ среди обывателей было сильное возбужденіе и масса народа собралась къ тому мѣсту, гдѣ предполагалось похищеніе. Такія нелѣпости, поощряющія невѣжество и разжигающія религіозную нетерпимость, попадаютъ въ печать, пишутся людьми, считающими себя образованными. Послѣ этого нѣтъ ничего мудренаго, что предразсудокъ держится такъ упорно, и что нашъ народъ, вообще крайне терпимый къ чужимъ вѣрованіямъ, приходитъ въ возбужденіе, какъ только дѣло касается обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Суевѣріе легко питается нелѣпыми баснями и легко доводитъ до печальныхъ послѣдствій, какъ то было нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Святой въ Одессѣ. Вообще на югѣ, гдѣ евреевъ больше, каждую Святую проходитъ слухъ, что будутъ избивать «жидовъ». Положимъ, что ненависть къ евреямъ среди простого народа существуетъ помимо всякой религіозной нетерпимости, вслѣдствіе экономической зависимости отъ евреевъ, но такая зависимость существуетъ отъ кулаковъ всякой національности. Къ этому недовольству примѣшивается возбужденіе, вызываемое чудовищными баснями, повторяемыми, какъ мы видѣли, даже и людьми, которые, казалось бы, должны всѣми силами разъяснять дѣло, а не питать суевѣріе.

Какъ извѣстно, судъ оправдалъ всѣхъ подсудимыхъ, и такимъ образомъ обвиненіе, поддерживавшее вѣковое суевѣріе, рухнуло...

Но находятся печатные органы, которые готовы поддерживать нелѣпость подобныхъ выдумокъ — нелѣпость, очень хорошо доказанную научными изслѣдованіями вопроса объ употребленіи евреями христіанской крови. Спрашивается, чего же можно ожидать отъ неграмотныхъ людей, если наши газетные руководители находятся сами въ первобытномъ состояніи невѣжества?..

Недавно въ нѣмецкой газетѣ «Gegenwart» напечатано было, по поводу кутаисскаго процесса, письмо Бертольда Ауэрбаха, въ которомъ нѣмецкій писатель, изумляясь, что «въ 1879 году по Рождествѣ Христовѣ, передъ лицомъ судей, причисляющихъ себя къ послѣдователямъ ученія Христа», судили семерыхъ евреевъ, обвинявшихся въ убійствѣ христіанскаго ребенка для употребленія его крови на приготовленіе пасхальныхъ опрѣснокъ, — пишетъ затѣмъ слѣдующія прочувствованныя строки:

«Быть-можетъ, судьи приняли жалобу только съ цѣлью разоблачить всенародно всю лживость подобнаго дьявольскаго обвиненія. Вѣдь должна же состояться публичная защита.

«Но почему же молчатъ тысячи знающихъ? Развѣ не грѣхъ — допускать обвиненіе, не свидѣтельствуя противъ него?

«Всѣ христіанскіе богословы, начиная отъ кавказскихъ священниковъ и профессоровъ богословія духовныхъ училищъ, включительно до римскаго папы, знаютъ и должны знать, что ни въ какой странѣ ни въ какое время подобныя обвиненія, взводимыя на евреевъ, не имѣли въ основаніи своемъ ни одного атома правды. На чьей крови были изготовлены опрѣсноки, которые Іисусъ, какъ іудей, преломлялъ на тайной вечерѣ и роздалъ ученикамъ Своимъ?

«Всѣмъ духовнымъ лицамъ извѣстно, что іудеямъ запрещается употребленіе крови животныхъ. Имъ извѣстно, что во всемъ мірѣ должна разыграться изступленная жажда мести, если бы гдѣ-нибудь проявился фактъ подобнаго религіознаго каннибальства; они это знаютъ; почему же никто не скажетъ открыто слова предостереженія?

«Почему же мы, евреи, должны возвысить голосъ? Развѣ христіанскіе богословы не признаютъ своей обязанностью защищать отъ несправедливыхъ обвиненій людей другихъ вѣроисповѣданій, развѣ не ихъ обязанность нравственно руководить христіанами-обвинителями?

«Существуетъ обширная ассоціація для обращенія евреевъ, отправляющая своихъ миссіонеровъ во всѣ части свѣта. Между этими миссіонерами многіе — евреи по рожденію, принявшіе христіанское ученіе. Отчего они не возвысятъ голосъ и не скажутъ: мы знаемъ обряды нашихъ прежнихъ единовѣрцевъ и ручаемся, что никогда не существовало и не могло существовать обычая, намекающаго хоть издали на что-либо подобное? Развѣ религія любви не вмѣняетъ въ обязанность защищать своихъ братьевъ по человѣчеству отъ несправедливости?

«Такіе люди, какъ Спиноза, какъ Моисей Мендельсонъ, выносившіе одинъ временно, другой въ продолженіе всей жизни гоненіе своихъ фанатическихъ единовѣрцевъ,—развѣ они могли бы оставаться въ лонѣ религіи, гдѣ было бы мыслимо подобное каннибальство?

«Страшно, горько сознаться, что чудовища въ области мысли, тысячу разъ истребленныя, воскресаютъ вновь. Но какъ бы часто они ни возникали и въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ свѣта они ни показывались, необходимо бороться противъ нихъ снова орудіемъ истины».

У насъ въ послѣднее время вошло въ моду «жида» продергивать. По мнѣнію многихъ газетъ, все «жидъ» гадитъ, и если бы серьезно вѣрить тому, что пишется по поводу евреевъ въ названныхъ органахъ, то надо удивляться, какъ еще до сихъ поръ вся Россія не перешла въ іудейство, такъ какъ всемогущество «жида» безгранично, и самъ «жидъ»—злодѣй первой руки. Конечно, «улица» должна радоваться, читая такія разсужденія о жидахъ; такія разсужденія ей по плечу. Сказать, что всѣ бѣды отъ жида, а еще

лучше назвать жида «свинымъ ухомъ», конечно, не трудно. Но, кажется, дѣло печати—не затемнять «жидами» настоящаго положенія дѣлъ, а ужъ лучше помалчивать, чѣмъ отдавать предпочтеніе г. Губонину передъ г. Варшавскимъ, или г. Новосельскому передъ г. Поляковымъ, или вообще всякому русскому кулаку передъ кулакомъ-евреемъ. И добро бы еще въ самомъ дѣлѣ только евреи-кулаки свирѣпствовали, а добродѣтельные россіяне только глядѣли бы да облизывались. Всякому извѣстно, что наши отечественные дѣльцы и кулаки съ радостью готовы были бы не только совершить обрѣзаніе, но даже того хуже, только бы возможно было безъ опаски отдаленныхъ мѣстъ получить концессію или совершить подлогъ на какой угодно манеръ (по-русски ли, по-нѣмецки ли, или по-еврейски); вѣроятно же, должно быть это извѣстно и руководителямъ названныхъ газетъ,—такъ объясните же, ради самого Создателя, при чемъ же тутъ «жиды», «жиды» и «жиды». Нѣтъ спора, евреи-кулаки гнетутъ населеніе въ Юго-Западномъ и Западномъ краѣ и на югѣ, но вѣдь и русскіе кулаки такъ же гнетутъ. Нѣтъ спора, что Россія дала намъ гг. Полякова, Варшавскаго, Малкіеля, но вѣдь, въ свою очередь, та же Россія дала намъ и гг. Кокорева, Губонина, Дервиза, Овсянникова и т. п. Вы скажете: еврей болѣе юрокъ, онъ болѣе успѣваетъ, онъ ловчѣе умѣетъ влѣзть въ чужую душу съ сапогами. Но въ чьи же души онъ влѣзаетъ?.. Вѣдь онъ, еврей-то, влѣзаетъ съ сапогами въ души «чисто-русскія», «истинно-русскія», «православно-русскія». Вѣдь онъ, «жидъ», демонъ-еврей, имѣетъ дѣло и успѣваетъ среди департаментскихъ Фаустовъ русскаго происхожденія, такъ при чемъ же тутъ «жидъ»? Вѣдь если нашихъ Фаустовъ можетъ смутить демонъ-еврей, то какъ вы думаете—не смутилъ ли бы ихъ даже и зулусъ, если бы пообѣщалъ соотвѣтственный гонораръ за соотвѣтственныя хлопоты?

Просто стыдно дѣлается, когда читаешь всѣ эти пошлости о томъ, что «жидъ» чуть ли не заполонилъ Россію. Стыдно и позорно за то, что какая бы то ни было печать, а все-таки печать, взвалила себѣ на плечи «жида» да и носится съ нимъ, тыча имъ въ глаза при всякомъ случаѣ.

Ошалѣвшій читатель и доносы.

I.

Не довольно ли, гг. публицисты?

Кажется, довольно. Вы окончательно ужъ доняли бѣднаго читателя.

Пугать его больше нечѣмъ, а обвинять другъ друга тоже уже не въ чемъ. Всѣ статьи уложенія о наказаніяхъ процитированы

въ передовыхъ статьяхъ и фельетонахъ. Всѣ обвиненія противъ собратовъ, начиная отъ обвиненія въ простой кражѣ до обвиненія въ государственной измѣнѣ включительно, имѣли мѣсто въ модномъ кварталѣ нашей ежедневной прессы. Самая широкая откровенность на этотъ счетъ не оставляла желать ничего лучшаго, и скромный полевой цвѣточекъ «откровеннаго направленія», найденный когда-то г. Суворинымъ по дорогѣ въ Константинополь, зацвѣлъ пышнымъ, полнымъ цвѣтомъ на газетной нивѣ. Недоразумѣніямъ, подавшимъ въ былое время поводъ смѣяться насчетъ того, что̀ значитъ «откровенное направленіе», теперь нѣтъ мѣста, и вы можете ежедневно любоваться, читая газеты, съ какой откровенностью модные публицисты копаются въ тайникахъ души своего собрата, чтобы выудить изъ глубины ея самую свѣжую «интригу» и поднести свою находку въ передовой или въ «entrefilet», въ прозѣ или стихахъ, или наконецъ и въ прозѣ и въ стихахъ вмѣстѣ и во всѣхъ отдѣлахъ газеты.

Ради большей свободы обсужденія, сброшены послѣдніе, еще остававшіеся покровы стыдливости и отправлены вмѣстѣ съ прочимъ хламомъ въ отдаленныя мѣста, какъ бы для того, чтобы какъ-нибудь не покраснѣть при видѣ платья. Очутившись въ пріятномъ декольте, почуявъ запахъ свѣжинки и полное раздолье, эти весталки священнаго огня печати, словно стая сбѣжавшихся волчицъ, бросились въ поиски за чужимъ поведеніемъ, ревнуя другъ передъ другомъ, кто откровеннѣе обвинитъ и скажетъ пакость насчетъ своего собрата, побоявшагося еще сбросить съ себя всѣ одежды.

Этотъ безпримѣрный въ нашей прессѣ шабашъ происходилъ у всѣхъ на глазахъ. Каждый модный публицистъ словно бы оспаривалъ пальму первенства въ наибольшей откровенности по части розысковъ чужого образа мыслей. Чѣмъ мерзѣе была написанная мерзость, чѣмъ пакостнѣе была напечатанная пакость, тѣмъ съ бо̀льшимъ еще апломбомъ на другой день подписывалъ авторъ новую гнусность, чувствуя себя какъ бы именинникомъ.

Происходило нѣчто невозможное, нѣчто невообразимое на газетныхъ столбцахъ. Черныя печатныя строки блистали позоромъ инсинуаціи, клеветы и обвиненій. Вмѣсто успокоенія читателя, вмѣсто разъясненій дѣла, модные публицисты, словно бѣсноватые, выкрикивали слова угрозъ и запугиванія, пугая все болѣе и болѣе читателя.

И онъ, надо отдать справедливость газетамъ, окончательно ошалѣлъ. Онъ ошалѣлъ до того, что не можетъ уже сообразить, кто въ самомъ дѣлѣ поджегъ Иркутскъ, Оренбургъ и прочіе города, кто... кто? Катковъ, Суворинъ, Мещерскій, или самъ онъ, читатель, смирный титулярный совѣтникъ, не чувствовавшій до сихъ поръ за собой никакой серьезной вины?..

«Положимъ, офиціальныя свѣдѣнія говорятъ, что никто не поджигалъ Иркутска, Оренбурга и прочихъ городовъ. Положимъ, слѣдствіе не нашло преступниковъ, а все же... Кто теперь разберетъ? Можетъ-быть, я и въ самомъ дѣлѣ виноватъ!»

Онъ ошалѣлъ и не знаетъ, кто онъ такой: титулярный совѣтникъ или Мазаніелло, замышляющій интригу противъ отечества? Или это не онъ Мазаніелло, а Мазаніелло его начальникъ отдѣленія (помнится ему, онъ гдѣ-то читалъ объ этомъ въ газетахъ)? Нѣтъ, вѣдь это, какъ хотите, ужасное положеніе. Сперва читаетъ онъ въ газетѣ, что надо Бисмарка смѣстить, дальше насчетъ англичанъ, а затѣмъ ему въ уши трубятъ объ «измѣнѣ», интригѣ, ругаютъ повально все общество, умышленно или неумышленно сваливая на него вину, винятъ печать, доказывая, что печать, понимаете ли, наша печать, виновата въ пожарахъ, въ наводненіяхъ, въ градобитіи... однимъ словомъ, во всѣхъ бѣдахъ. Онъ боится... Онъ наконецъ готовъ видѣть въ кровномъ и близкомъ поджигателя и измѣнника... А вокругъ, среди хаоса и тумана, снова ежедневно раздаются голоса публицистовъ, торжественно поющіе все ту же, одну и ту же пѣсню.

— Подайте, подайте же мнѣ наконецъ настоящаго крамольника-публициста! — въ ужасѣ кричитъ читатель, готовый съ ума сойти послѣ прочтенія всѣхъ статей, фельетоновъ и замѣтокъ, спеціально посвященныхъ этому предмету.—Кто этотъ настоящій?.. Давайте его!..

— Всѣ измѣнники!—отвѣчаетъ изъ Москвы «отецъ отечества».— Всѣ, начиная съ тебя, титулярнаго совѣтника, со всѣми твоими чадами и домочадцами, и кончая твоимъ директоромъ департамента. Ты думаешь, мы не знаемъ, что̀ вы дѣлаете въ департаментахъ?

— Ей-Богу, мы ровно ничего не дѣлаемъ! — простодушно отвѣчаетъ испуганный титулярный совѣтникъ.

— Знаемъ мы васъ, крамольниковъ!.. Вы тамъ въ нигилизмѣ изощряетесь...

— О, Боже, я и не зналъ!.. Такъ неужели мы, съ позволенія сказать, всѣ нигилисты, и его превосходительство нигилистъ?

— Самый матерой!.. Судъ, печать, администрація, церковь — вездѣ нигилизмъ! Всѣхъ васъ, голубчиковъ, на цугундеръ!

— Кто же наконецъ чистые духомъ, ва... ва... ваше высокосикофантство?

— Я, и кромѣ меня сербскій полковникъ Комаровъ, одесскій профессоръ Цитовичъ и преподаватели латинскаго и греческаго языковъ.

— Неужели и Александръ Андреевичъ Краевскій тоже крамольникъ?

— Краевскій!? Да онъ самый бунтарь и есть. Его давно слѣдовало бы послать туда, «wo die Citronen blühen».

— О, Господи!..

— О, это старый крамольникъ! Теперь онъ на Литейной, вмѣстѣ съ Бильбасовымъ и Зотовымъ, готовитъ втайнѣ планъ расчлененія Россіи. Кавказъ и Крымъ хотятъ продать туркамъ, Остзейскій край—Бисмарку, Туркестанъ—Биконсфильду, а Сибирь—Полякову, и на вырученныя деньги открыть новую газету, которая будетъ развращать бѣдныхъ статскихъ совѣтниковъ.

— Ужасно! Кто бы могъ подумать, чтобы почтенный редакторъ, убѣленный сѣдинами старецъ, петербургскій домовладѣлецъ, и вдругъ... замышляетъ расчленить отечество!

Однако это ужъ черезчуръ. Даже и ошалѣлый читатель не вѣритъ. Въ погонѣ за пустымъ мѣстомъ, смѣлая фантазія хватила черезъ край, и читатель начинаетъ совсѣмъ путаться.

Вы полагаете, что я представляю въ слишкомъ карикатурномъ видѣ эти экскурсіи въ область чужихъ помышленій? Вамъ сдается, что въ дѣйствительности не бывало подобныхъ обвиненій?

Такъ вотъ вамъ факты. Замѣтьте при этомъ, что я беру ихъ не изъ московской газеты, слишкомъ извѣстной изслѣдовательницы чужихъ поступковъ. Я беру ихъ изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Не угодно ли читать, какъ обвиняютъ въ наши дни редактора одной газеты:

«Онъ отличился шестнадцать лѣтъ тому назадъ, распинаясь за безгрѣшность «ойчистой справы» на берегахъ Вислы и Виліи».

Понимаете ли, какой, можно сказать, неожиданный оборотъ? Но есть болѣе пикантные. Такъ, редактору другой газеты тѣ же «Спб. Вѣдомости» напоминаютъ:

«Напомнимъ зарапортовавшемуся публицисту про особый сортъ либераловъ, которые, подобно Пестелю и К°, для своихъ идеекъ сговаривались и съ нѣмцами и съ поляками и готовы были расчленить государство!»

Откровенно «напомнили» и затѣмъ перешли къ другому предмету, какъ ни въ чемъ не бывало...

Нынче эти пріемы въ модѣ. Нынче разные «добровольцы»—печальные герои дня. Одни они говорятъ съ откровенной отвагой. Выскочитъ какой-нибудь такой молодчикъ изъ подворотни и въ трехъ-четырехъ куплетахъ (нынче въ модѣ куплетная публицистика, какъ въ кафе-шантанахъ—шансонетка) отбреетъ васъ по какому угодно «пункту», съ ухарствомъ бульварнаго фельетониста и съ апломбомъ полисмена, такъ отлично, что вамъ останется только развести руками и прошептать болѣе или менѣе лестное междометіе. И что особенно привлекательно, это то, что «публицистъ» нашихъ дней въ десяти государственныхъ преступленіяхъ обвинитъ съ тою легкостью слога, съ какой онъ обвинитъ артистку Деми-

дрона въ недостаточно хорошей обработкѣ голоса, а мало ему покажется десяти преступленій, онъ и еще съ полдюжины прибавитъ. Пятью больше, пятью меньше—это ему ничего не стоитъ. Литераторъ онъ бывалый и понимаетъ, что если разъ ему скажутъ: «лжешь», два скажутъ: «лжешь», то въ третій, конечно, не станутъ съ нимъ объясняться и оставятъ его наслаждаться безшабашной удалью.

Этихъ безшабашниковъ расплодилось теперь столько, что и счесть трудно. Появится безшабашникъ въ одной газетѣ и кричитъ, что всѣ измѣнники, кромѣ его, безшабашника, смотришь—и въ другой газетѣ уже снова ползетъ безшабашникъ и тоже кричитъ, что всѣ измѣнники, кромѣ его, настоящаго безшабашника.

И врутъ же они — о, Господи! — такъ, что не успѣваютъ ихъ уличать. Что же касается умѣнья набросить, когда нужно, тѣнь въ неблагонамѣренности, то и на это они—доки.

Мѣсяцъ или два тому назадъ «Спб. Вѣдомости даже на предсѣдателя окружнаго суда смастерили «экивоку» довольно двусмысленную. Описывая процессъ Ландсберга, въ газетѣ нѣсколько разъ подчеркнули, что, при допросѣ свидѣтеля генералъ-адъютанта Кауфмана, предсѣдатель «откидывался на спинку кресла». Понимаете ли? Всѣхъ свидѣтелей допрашивалъ, не откидываясь на спинку кресла, а при допросѣ генерала «откидывался на спинку кресла».

Это ли еще не знаменіе времени?

II.

Подражателей столичной прессѣ явилось болѣе чѣмъ достаточно и въ провинціальной прессѣ и среди обывателей. Примѣръ заразителенъ. Для всѣхъ, не дорвавшихся по какимъ-нибудь обстоятельствамъ до пирога съ начинкой, для всѣхъ, жаждавшихъ мести, изыскивавшихъ случая наверстать потерянное, слишкомъ соблазнительнымъ показался примѣръ, данный литературой. Когда еще придетъ подобная минута? Надо пользоваться.

Лови, лови часы любви!

Съ быстротою желѣзныхъ дорогъ понеслась новая мода изъ столицъ въ провинцію, заглянула въ дальніе глухіе углы, болота и болотцы. Заколыхались болота и болотцы.

Читая, какъ публицисты ежедневно доказываютъ, что такого-то и такого-то слѣдовало бы за ушко да на солнышко, мало-совѣстливый гражданинъ захолустья возликовалъ. Понимая прочитываемое буквально, возмнилъ онъ, что въ самомъ дѣлѣ для него насталъ «золотой вѣкъ Августа», что теперь пришла пора «сосчитаться» по интимнымъ счетамъ, пришла пора напакостить ближнему, приспѣло времячко вырвать изъ-подъ носа оторопѣвшаго сосѣда кусъ; стоитъ только заняться, какъ слѣдуетъ, внутренней политикой и

о результатахъ сообщить исправнику, и не то, чтобы сообщить, какъ бы стыдясь, съ таинственнымъ видомъ, а, напротивъ, сообщить съ такимъ яснымъ взоромъ и въ такой категорической формѣ, чтобы самъ исправникъ стыдливо опустилъ глаза, выслушивая расходившагося обывателя.

Въ дальнихъ глухихъ углахъ появилось нѣчто траги-комическое, нѣчто такое нелѣпое, что приводитъ въ недоумѣніе нелѣпостью само начальство. Захолустье, очевидно, пересолило. Предпишетъ столица носить шлейфы, такъ захолустье отпуститъ шлейфъ въ двѣ версты; предпишетъ короткія платья,—захолустье оголитъ ноги. То же случилось и съ моднымъ направленіемъ, рекомендованнымъ газетной прессой.

«Ужъ если нынче печатно обвиняютъ другъ друга въ измѣнѣ, чего-жъ я буду смотрѣть? Давненько добираюсь я до Ивана Ивановича!»

И пошла писать губернія.

«До моего свѣдѣнія дошло, что отставной поручикъ, мировой судья Сидоровъ, такого-то числа отозвался о «Московскихъ Вѣдомостяхъ» не съ должнымъ уваженіемъ и вообще отличается крайне подозрительнымъ образомъ мыслей, въ церковь не ходитъ и держитъ при взрослыхъ дочеряхъ экономку, съ которой и состоитъ въ непозволительной связи.

«А потому, по долгу честнаго человѣка и патріота своего отечества, доводя о семъ до свѣдѣнія вашего высокородія, имѣю честь настоятельно просить васъ оградить край нашъ отъ такихъ элементовъ и немедленно принять соотвѣтствующія мѣры. О послѣдующемъ не оставьте увѣдомить, дабы, въ случаѣ непринятія съ вашей стороны мѣръ, я не упустилъ бы сообщить въ «Московскія Вѣдомости» для опубликованія, что голосъ честныхъ людей остается втунѣ. Отставной титулярный совѣтникъ Иванъ Ивановъ».

— Которое ужъ это извѣщеніе?—вздыхаетъ исправникъ, прочитывая письмо.—О, Господи, если-бъ не жена да не дѣти! Тоже, я вамъ скажу, и наше положеніе!

Онъ давно знаетъ мирового судью г. Сидорова, отлично знаетъ и его благонамѣренный образъ мыслей, и его прижимистую игру въ преферансъ, и превосходную наливку, которою его угощаютъ у г. Сидорова, а все-таки заворачиваетъ къ г. Сидорову и добродушно говоритъ:

— Ужъ вы осторожнѣй, пожалуйста! Посмотрите, что на васъ Ивановъ настрочилъ.

Г. Сидоровъ прочитываетъ и самъ не знаетъ, почему вдругъ чувствуетъ, какъ мурашки бѣгаютъ по спинѣ.

— Ахъ, мерзавецъ!—выговариваетъ наконецъ онъ.—Знаете ли, за что онъ сочинилъ это письмецо?

— За что?

— Онъ у меня въ участкѣ. Не далѣе, какъ на-дняхъ, судился за неплатежъ денегъ, и я выдалъ истцу на него исполнительный листъ.

— А вы, батюшка, все-таки осторожнѣй!

— Кажется, я, слава Богу... Знаете меня пятнадцать лѣтъ.

— Такъ-то такъ, а все-таки осторожнѣй!

Послѣ партіи въ винтъ (что̀ другое, а партнеры въ захолустьѣ мигомъ отыщутся) побесѣдовали по-пріятельски о внѣшней политикѣ (внутренняя уже стала всѣмъ поперекъ горла), одобрили дѣйствія Гамбетты и сказали нѣсколько колкостей насчетъ Бисмарка, закусили, выпили и разъѣхались.

Прошла недѣля-другая, какъ вдругъ исправникъ получаетъ отъ своего пріятеля изъ Москвы письмо съ вырѣзкой изъ «Московскихъ Вѣдомостей», обчеркнутой краснымъ карандашомъ.

Предчувствуя недоброе и побаиваясь «Московскихъ Вѣдомостей», «жертва своего положенія» крестится, наскоро пробѣгаетъ письмо пріятеля и читаетъ напечатанную корреспонденцію изъ «Таракани» («отъ собственнаго нашего корреспондента») слѣдующаго содержанія:

«Болитъ сердце русскаго человѣка, скорбитъ душа за благовозлюбленную родину, видя, какъ въ нашемъ уѣздѣ, прежде спокойномъ и консервативномъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, растетъ гидра зла и грозитъ общимъ распространеніемъ. Еще грустнѣе то обстоятельство, что правительственные агенты, вмѣсто того, чтобы всѣми силами противодѣйствовать злу, потворствуютъ ему и, судя по ихъ дѣйствіямъ, можно думать, поощряютъ его непонятнымъ бездѣйствіемъ и, пожалуй, тайнымъ сочувствіемъ. Чего же ждать, спрашиваемъ мы, если лица, облеченныя довѣріемъ правительства, становятся въ ряды враговъ отечества и, прикрываясь мундиромъ, роютъ яму тѣми самыми руками, коими получаютъ изъ государственнаго казначейства деньги?

«И вотъ тому доказательство.

«Мировой судья С., человѣкъ, издавна извѣстный въ уѣздѣ своей неблагонамѣренностью, развратнымъ поведеніемъ, потворствующій крестьянамъ, судившійся пять лѣтъ тому назадъ по подозрѣнію въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Гамбеттою, съ цѣлью всесвѣтной революціи, но по суду оправданный, мѣсяцъ тому назадъ въ камерѣ суда во всеуслышаніе хвалился, что находится въ перепискѣ съ господиномъ Луи Бланомъ, и публично собиралъ деньги, какъ будто съ благотворительной цѣлью, а въ дѣйствительности для приращенія двухмилліоннаго заграничнаго русскаго фонда, находящагося на храненіи, какъ недавно сообщали «С.-Петербургскія Вѣдомости», въ англійскомъ государственномъ банкѣ.

«Казалось бы, что такой господинъ, на глазахъ у всѣхъ позорящій званіе мирового судьи, не стѣсняющійся глумиться надъ отечественными учрежденіями и открыто не одобряющій классическое образованіе, повторяя неоднократно, что оное выдумано для того, чтобы отстранить бѣдныхъ отъ всякаго образованія, казалось бы, говорю я, подобное лицо должно было бы обратить на себя вниманіе правительственнаго агента, тѣмъ болѣе, что мировой судья въ маленькомъ городкѣ, каковъ нашъ «Таракань», играетъ значительную роль. Но, къ общему удивленію всѣхъ честныхъ людей, г. исправникъ не только не обратилъ вниманія на сдѣланное ему однимъ изъ уважаемыхъ нашихъ согражданъ по сему случаю предупрежденіе, но, къ общему соблазну, водитъ дружбу съ крамольникомъ, все время проводитъ у него, играя въ карты и слишкомъ неумѣренно занимаясь наливкой. Мало этого. Нѣсколько недѣль тому назадъ онъ, вмѣстѣ съ означеннымъ мировымъ судьей, при стеченіи публики, пѣлъ марсельезу и кричалъ: «да здравствуетъ Гамбетта!» и въ заключеніе позора, несмотря на сѣдины и шестидесятилѣтній возрастъ, въ нетрезвомъ видѣ, обнявшись съ экономкой мирового судьи С., — экономкой на правахъ жены (на этотъ счетъ г. судья держится самыхъ модныхъ взглядовъ),—отплясывалъ англійскую джигу, хвалясь, что англичане ему, исправнику, очень близкіе люди.

«По долгу и чести позволительно спросить: куда мы идемъ, что происходитъ вокругъ насъ, и не пора ли снова напомнить слова, сказанныя недавно въ уважаемой вашей газетѣ: «время не терпитъ; крамола растетъ; надо подумать о бѣдной Россіи!»

Подписано:

«Скорбящій патріотъ».

Исправникъ прочелъ корреспонденцію разъ, прочелъ два и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Однако пришлось повѣрить и немедленно отписать, что никогда онъ джиги не танцовалъ, «да здравствуетъ Гамбетта» не кричалъ, и что мировой судья ни въ одномъ изъ обвиненій, упомянутыхъ въ корреспонденціи, не повиненъ...

Затѣялась переписка.

Титулярный совѣтникъ Ивановъ не унимался и грозилъ-было новой корреспонденціей, если-бъ, въ свою очередь, отставной юнкеръ Васильевъ (спасибо, надоумили добрые люди) не подалъ извѣщенія на самого титулярнаго совѣтника Иванова, въ коемъ обвинялъ Иванова:

1) въ оскорбленіи на словахъ полицейскаго урядника,

2) въ стремленіи срыть до основанія заштатный городъ Таракань,

3) въ богохульствѣ,

4) въ прелюбодѣяніи и

5) въ кровосмѣшеніи.

Только тогда титулярный совѣтникъ попросилъ пардону и сознался, что «скорбящій патріотъ»—онъ самъ, и что онъ былъ вовлеченъ въ написаніе корреспонденціи по молодости лѣтъ (замѣтьте, ему ровно 42 года) и по недостаточности средствъ. Самъ же онъ ни въ чемъ не повиненъ и приписываетъ извѣтъ юнкера Васильева тому обстоятельству, что не заплатилъ Васильеву карточнаго долга въ стуколку въ количествѣ пяти рублей; не заплатилъ же онъ, какъ честный человѣкъ, уличившій юнкера Васильева въ передержкѣ...

Снова пошла переписка, а добродушный старикъ исправникъ снова повторяетъ всѣмъ и каждому:

— Ахъ, господа!..

Подъ конецъ онъ даже и себя самого предупреждалъ:

— Ахъ, исправникъ!

Но, Господи, какъ легко при всей осторожности споткнуться! Поневолѣ наконецъ забудешь, кто самъ извѣщаетъ, на кого извѣщаютъ...

А дѣлъ-то, дѣлъ!..

Приходитъ мѣщанинъ Ѳедотовъ, юркій, плутоватый мѣщанишка, не угодившій еще въ каторгу какимъ-то чудомъ.

— Я къ вашему высокоблагородію... Важное дѣло.

— Что тебѣ?

— Я бы безъ свидѣтелевъ...

— На кого?..—спрашиваетъ старикъ, понявшій сразу въ чемъ дѣло.

— На мѣщанина Ивана Прокофьева.

— Разсказывай...

— Сегодня утромъ, ваше высокоблагородіе, сидимъ мы въ питейномъ домѣ, какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ, только приходитъ Иванъ Прокофьевъ и сталъ говорить неподобныя рѣчи.

— Что же онъ говорилъ?

— А говорилъ онъ, ваше высокоблагородіе,—продолжалъ, понижая таинственно голосъ, мѣщанинъ Ѳедотовъ:—говорилъ онъ насчетъ того, что оченно бытто нынѣ стало на свѣтѣ затѣйливо, и что, говоритъ, скоро пойдетъ вездѣ телефонъ. Безъ телефона, говоритъ, не обойдется...

— А дальше что?

— Больше, ваше высокоблагородіе, ничего, но какъ мы, по разуму, смекаемъ, то и этого очень довольно. Мы, хотя и мѣщане, а понимаемъ, какой-такой телефонъ!.. Бунтовать развѣ можно? Нонче, слава Богу, вы нами довольны, мы вами довольны, а Иванъ Прокофьевъ вдругъ выискался насчетъ телефона.

— Да ты понимаешь ли, что значитъ это слово?

— Какъ не понимать? Слава Богу, тоже газетину въ кой разъ читаемъ: бунтъ!

— Дуракъ ты, Ѳедотовъ.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, теперь, когда въ «Вѣдомостяхъ» пишутъ, чтобы и корни и сѣмена, все рви, значитъ, другъ въ дружкѣ, каждый вѣрный сынъ отечества, какъ передъ Богомъ, долженъ, а что окромя телефона онъ и другія слова говорилъ.

— Какія?

— А говорилъ онъ, ваше высокоблагородіе, вообще насчетъ начальства. Этотъ Иванка отчаянный, ваше высокоблагородіе... Я, по совѣсти, какъ слѣдуетъ, открываю истинную правду. Мѣщанина Ивана Прокофьева очень хорошо мы знаемъ,—разсказываетъ Ѳедотовъ съ дрожью въ голосѣ.—Я, говоритъ, левольверъ куплю и мѣщанскаго старосту нашего, говоритъ, шарахну. Это развѣ можно?..

По скосившемуся взгляду плутоватыхъ глазъ Ѳедотова сразу было видно, что человѣкъ безъ зазрѣнія вретъ и норовитъ свести съ Иваномъ Прокофьевымъ свои счеты.

Ѳедотовъ зорко слѣдитъ за лицомъ исправника и не можетъ скрыть на подлой своей рожѣ чувства злобной радости.

— Вѣдь за такія дѣла, ваше высокоблагородіе, въ Сибирь!..

Новый посѣтитель. Солидный толсторожій купчина. На шеѣ медаль за усердіе. Пришелъ, фамильярно протянулъ руку и сказалъ:

— Владиміру Васильевичу!

— Какъ живете-можете, Никаноръ Ивановичъ?

— Живемъ, поколь Богъ грѣхамъ терпитъ да вы насъ въ обиду не даете.

— Ну, васъ въ обиду... слава Богу!—смѣется старикъ, чувствуя тѣмъ не менѣе безпокойство при видѣ серьезнаго выраженія на лицѣ мѣстнаго представителя капитала.

— Защита только отъ васъ, Владиміръ Васильевичъ, плохая. Развѣ такъ можно?—говоритъ онъ недовольнымъ тономъ, словно бы распекая хозяина.

«Эхъ! Пятнадцать лѣтъ тому назадъ стоялъ бы ты, борода, въ передней, кланялся бы въ поясъ, а смѣлъ бы сгрубить, посчиталъ бы я въ твоей бородѣ волосы, а теперь... ишь, пузатый, разсѣлся!»—промелькнуло въ сѣдой головѣ старика.

Онъ только тоскливо крякнулъ и ласково спросилъ:

— Въ чемъ дѣло, уважаемый Никаноръ Ивановичъ? На что гнѣваетесь?

— Прочти-ко-съ!

И онъ сунулъ ему нумерокъ газеты подъ носъ.

— Развѣ такъ можно? Развѣ честнаго человѣка можно облаять, а?—повторялъ Никаноръ Ивановичъ.

Исправникъ прочелъ. Въ корреспонденціи разсказывалось о Никанорѣ Ивановичѣ, какъ о кулакѣ, разсказывалось, какъ онъ расплачивается съ рабочими и какъ отпускаетъ имъ порченную провизію.

Старикъ отдалъ газету обратно и, думая успокоить Никанора Ивановича, тихо обронилъ:

— Нынче, сами, батюшка, знаете, свобода печати. Вотъ и про меня недавно... Терпимъ...

— Это какая-такая свобода?.. Я знаю этого человѣка, кто пашквиль эту настрочилъ. Такъ, фертъ, безъ роду безъ племени. Онъ это не спроста. Такія пашквили и есть самое зло. Теперича опѣ взводятъ клевету и мутятъ людей. Что за это вы съ нимъ сдѣлаете, съ писакой-то, ась? Въ какія мѣста-то его по положенію?

Старикъ молчалъ.

— Али и вы покрывать сволочь станете? Паршивую овцу изъ стада вонъ.

— Да вы напрасно, Никаноръ Ивановичъ, гнѣваетесь,—робко возразилъ старикъ.

— Напрасно!? Я, Владиміръ Васильевичъ, этого потерпѣть не могу. Вы начальство, развѣ вы потерпите?

Старикъ испытывалъ дьявольское положеніе.

— Времена нонече пошли, когда писака какой-нибудь областъ тебя, да самъ же и смѣется. Шалишь! Кулакомъ, шельма, утрешь глазки! Такъ я не оставлю этого дѣла и покажу, какъ людей честныхъ порочить. Мы, братецъ, писаку-то приголубимъ. Какъ полагаете, ваше высокоблагородіе?

— Эхъ, Никаноръ Ивановичъ!

— Вы ужо смекните, только ужъ, смотрите, потачки мерзавцу не давайте. Нынче съ ними разговоръ, слава Богу, коротокъ. Съ голоду брюхо подводитъ, онъ и пишетъ пашквили на купечество.

Никаноръ Ивановичъ ушелъ недовольный.

Старикъ, оставшись одинъ, призадумался. Никаноръ Ивановичъ сила; у него вездѣ связи; съ нимъ надо держать ухо востро. Мужланъ мужланомъ, а какую загвоздку на корреспондента запустилъ! Плутъ и взаправду мошенничаетъ да людей обираетъ, а туда же— «смута»—говоритъ!

Такъ раздумывалъ старикъ.

Страшно становится, когда въ газетахъ читаете вы, какъ люди сводятъ личные счеты, прикрываясь якобы благонамѣренностью. Благодаря нѣкоторымъ нашимъ газетамъ, пробудились низменные инстинкты въ обществѣ; безстыдство храбро подняло голову, пользуясь случаемъ оклеветать ближняго. Мѣдные лбы отважно вопятъ, со словъ гг. Катковыхъ, Мещерскихъ et consortes, о томъ, что они, мѣдные лбы, единственные сыны своего отечества. Взапуски другъ передъ другомъ разные кулаки стремятся наложить табу на все мало-мальски доходное.

— Рви! Рви!

Вотъ единственный, бѣшеный вопль, который торжественно раздается среди тишины.

И всякій, кто можетъ, «рветъ». Рветъ, гдѣ только можно: рветъ кассы, рветъ съ мужика, рветъ съ ближняго, и, конечно, во имя спасенія отечества.

Вотъ вамъ отрывокъ блѣдно набросанной картинки вліянія воинствующей части прессы. Позорное явленіе представляетъ она, и недаромъ въ лучшей части общества говорятъ о ней съ презрѣніемъ, а все же читаютъ, потому что нечего читать другого.

Обращаясь къ фактамъ текущей жизни, накопившимся за мѣсяцъ, я нахожусь въ нѣкоторомъ затрудненіи относительно выбора. Слишкомъ ужъ много ихъ,—это съ одной стороны, а съ другой—надо выбирать самымъ тщательнымъ образомъ, дабы не впасть въ грѣхопаденіе...

Общее впечатлѣніе, оставляемое всѣми крупными и мелкими фактами, довольно характерно. Вы ясно видите, что наша такъ-называемая общественная жизнь зачастую представляетъ какое-то общее недоразумѣніе, винить въ которомъ единичныя личности, сваливая на нихъ (особенно если эти лица не выше статскихъ совѣтниковъ) съ пѣной у рта отвѣтственность, я, разумѣется, не стану, предоставляя это похвальное занятіе другимъ.

Знаете ли что? У меня, право, не подымается рука бросить камень осужденія во всѣхъ тѣхъ мелкихъ сошекъ, неправильныя дѣйствія которыхъ или какой-нибудь неосторожный приказъ даютъ газетнымъ фельетонистамъ благодарныя темы для либеральнаго паѳоса и для ошельмованія. Я, конечно, не виню фельетонистовъ и понимаю, что, напримѣръ, приказъ константиноградскаго исправника можетъ дать благодарную тему, тѣмъ болѣе, что выборъ темъ, несмотря на обиліе фактовъ, бываетъ подчасъ крайне затруднителенъ, но, скажите на милость, при чемъ тутъ авторъ приказа? Человѣкъ, нѣсколько наивно объявившій въ приказѣ, что всѣхъ, кто отнесется неодобрительно къ его, г. исправника, дѣйствіямъ, немедленно доставлять къ нему, а въ случаѣ невозможности, своевременно доносить полиціи,—конечно, поступилъ неосторожно, издавши такой приказъ, и, по всей вѣроятности, за свою неосторожность потерпитъ должное наказаніе отъ высшаго начальства. Все это безспорно; но приходить въ негодованіе отъ приказа и метать громы и молніи противъ одного изъ малыхъ сихъ—по меньшей мѣрѣ наивно и служитъ только лучшимъ доказательствомъ безсилія нашей прессы. Несомнѣнно, г. константиноградскій исправникъ сталъ жертвою недоразумѣнія, когда составлялъ постановленіе, ставшее, быть-можетъ, его житейскимъ Ватерлоо. Недоразумѣнія возможны и въ ту и въ другую сторону, и ими кишитъ наша жизнь.

Чѣмъ, какъ не тѣмъ же недоразумѣніемъ, можно объяснить и неожиданную остановку въ путешествіи ученаго химика-винодѣла императорскаго Никитскаго сада, г. Александра Саломана, о которой

сообщено въ офиціальной газетѣ «Кавказъ»? Пріѣхалъ г. Саломанъ съ супругою въ Тифлисъ и, какъ человѣкъ спеціальности, интересуясь винодѣліемъ Кавказа, собрался посѣтить нѣкоторыя мѣста производства винъ. Осмотръ свой г. Саломанъ началъ съ колоніи Екатериненфельдъ, но по первому же абцугу и осѣкся.

«Съ нимъ,—по словамъ газеты «Кавказъ»,—случился казусъ, отбившій у него всякую охоту къ дальнѣйшему ознакомленію съ интересовавшимъ его предметомъ. Пріѣхавъ въ Екатериненфельдъ въ фаэтонѣ и остановившись въ мѣстной гостиницѣ, онъ привлекъ на себя вниманіе находившихся тамъ представителей мѣстной полицейской власти своими свободными пріемами европейца, а, можетъ-быть, и какими-нибудь другими особенностями, представившимися въ ихъ глазахъ подозрительными. Подозрѣніямъ этимъ, къ сожалѣнію, пришлось развиться до предположенія, что пріѣзжій незнакомецъ— не кто иной, какъ злоумышленникъ, котораго вовсе не безполезно придержать. Начинается легкое зондированіе, кончившееся требованіемъ вида, почему-то еще болѣе смутившаго властей, *и потомъ арестомъ*. Случайно находившіеся въ этотъ день въ Екатериненфельдѣ химикъ-докторъ Струве, лично знающій г. Саломана, и горный инженеръ фонъ-Кошкуль, которымъ тѣ же власти разсказали свои предположенія относительно арестованнаго, поспѣшили разъяснить ошибку. Г. Саломанъ получилъ свободу за письменнымъ поручительствомъ гг. Струве и Кошкуля и, возвратившись въ Тифлисъ, на другой же день совсѣмъ простился съ нимъ, оставивъ всякую мысль объ ознакомленіи съ мѣстными пріемами винодѣлія».

Въ этомъ разсказѣ офиціальной кавказской газеты интереснѣе всего смущеніе екатериненфельдскихъ властей «свободными пріемами европейца». Приняли человѣка за европейца, и моментально явилось подозрѣніе, точно ли этотъ «европеецъ» — мирный человѣкъ, такъ какъ «свободные пріемы европейца», дѣйствительно, нарушили правильное теченіе мыслей у людей, видѣвшихъ «свободные пріемы», пожалуй, только у начальства, а никакъ не у мирныхъ и незнатныхъ путешественниковъ.

Виноваты ли они?

Виноватъ ли дикарь, изумляющійся при видѣ какого-нибудь невиданнаго явленія и объясняющій это явленіе со свойственной ему оригинальностью?

Конечно, очень жаль, что г. Саломанъ, обладая «свободными пріемами европейца», отказался отъ путешествія, но дѣло еще поправимо. Стоитъ ему только, ради науки, усвоить себѣ несвободные пріемы азіата и продолжать путешествіе безпрепятственно. Никакой задержки не будетъ, такъ какъ г. Саломанъ никому не бросится въ глаза. «Свой человѣкъ!»—скажетъ всякій, узрѣвши почетнаго химика-винодѣла на дорогѣ. Но если слишкомъ усердный гражда-

нинъ земли кавказской все-таки усомнится, то рекомендую слѣдующіе отвѣты на могущіе быть заданными г. Саломану вопросы.

Ѣдетъ онъ, и вдругъ... «стой!»

— Вы европеецъ?

— Никогда не былъ. Я туркменъ.

— Такъ ли? Вы слишкомъ свободно сидите въ коляскѣ!

— Привыкъ, путешествуя по Кавказу.

— Гмъ!.. А чѣмъ занимаетесь?

— Служу при туркменскомъ управленіи.

— Съ Богомъ!

А не то можно выдать себя за «знатнаго» иностранца, т. е. вмѣсто оборонительной войны вести наступательную, и, выучившись ругаться на всѣхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ лучше извозчиковъ, смѣло отправляться въ самыя дикія дебри нашего отечества съ вѣрой въ успѣхъ и благополучіе. «Смѣлые пріемы» знатнаго иностранца тоже произведутъ впечатлѣніе, но совсѣмъ уже въ другомъ родѣ.

II.

Дѣло до-нельзя простое и до-нельзя обыкновенное. Слесарь Прокудинъ справлялъ крестины. Послѣ ужина гости стали пѣть пѣсни. Городовой усмотрѣлъ въ пѣніи нарушеніе общественной тишины и просилъ «прекратить»; но такъ какъ гости не прекращали пѣнія, то городовой, съ помощью дворниковъ, отвелъ слесаря Прокудина и его жену на улицу для дальнѣйшаго слѣдованія въ участокъ, гдѣ, по его мнѣнію, «все разберутъ».

Результатомъ этого нарушенія общественной тишины было разбирательство у мирового судьи, который, прежде чѣмъ постановить оправдательный приговоръ (слесарю и женѣ его), прочелъ, какъ сообщаетъ судебный отчетъ, городовому слѣдующую нотацію насчетъ равенства передъ закономъ:

«Врывается въ частную квартиру городовой и тащитъ хозяина въ участокъ; развѣ это можно? Городовой имѣетъ право войти въ квартиру лишь по распоряженію начальства, для предупрежденія преступленія. Помилуйте, господа, оставьте хоть частную квартиру, гдѣ каждый долженъ быть свободенъ отъ дворниковъ! Вы вошли къ нему потому, что онъ мастеровой. Что тутъ за преступленіе, что, по случаю крестинъ, пѣли пѣсни? А когда какой-нибудь генералъ даетъ балъ и отъ мазурки половицы трясутся, а гулъ музыки не даетъ жильцамъ спать,—пусть попробуетъ городовой войти и взять хозяина въ участокъ! А передъ закономъ-то всѣ равны».

Прочитывая почтенному блюстителю порядка лекцію и убѣждая на будущее время оставить частную квартиру слесаря Прокудина въ покоѣ, почтенный мировой судья, конечно, исполнялъ свой долгъ. Но и слушатель, съ своей стороны, исполнялъ свой долгъ, быть-

можетъ, только неправильно понятый! По крайней мѣрѣ, съ своей стороны, полагаю, что городовой, слушая нотацію г. мирового судьи и вникая въ смыслъ и значеніе коротенькой лекціи, былъ въ положеніи человѣка, котораго неизвѣстно за что поднимаютъ на смѣхъ. Съ одной стороны—«неприкосновенность», а съ другой—«нарушеніе тишины» и голосъ, тайный внутренній голосъ, грозно предупреждающій: «тащи!». Опять же примите въ разсчетъ практическія соображенія того же самаго блюстителя тишины, соображенія—плодъ цѣлой жизни, и вы легко можете себѣ представить воздѣйствіе теоріи объ оставленіи частной квартиры слесаря Прокудина въ покоѣ на смекающаго человѣка практики по преимуществу. Но, во всякомъ случаѣ, одно и то же правосудіе взглянуло на неприкосновенность жилищъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Въ Москвѣ мировой судья нашелъ, что фабрикантъ воленъ во всякое время входить въ частныя квартиры и «гнать», а въ Петербургѣ мировой судья рекомендуетъ свободу квартиръ отъ дворниковъ и не находитъ преступленія въ томъ, что, по случаю крестинъ, пѣли пѣсни.

Опять-таки рекомендую читателю войти въ положеніе того самаго городового, который, получивъ теоретическую лекцію въ камерѣ мирового судьи, возвращается къ своему посту и, размышляя о томъ, что палка о двухъ концахъ, вдругъ слышитъ пѣніе въ квартирѣ какого-нибудь другого слесаря, которому Богъ послалъ сына или дочь.

«Пойте, граждане, пойте-себѣ на здоровье пѣсни!»—думаетъ-себѣ городовой, прислушиваясь къ пѣснѣ.

«Вотъ домъ,—резонируетъ онъ:—и во всемъ-то домѣ сегодня веселье. Наверху въ карты дуются, въ третьемъ этажѣ тоже въ карты дуются, во второмъ, у генерала, мазурку танцуютъ, въ первомъ даровая музыка; а внизу поютъ по случаю крестинъ!»

Резонируя такимъ образомъ, городовой присаживается у воротъ, собираясь подумать съ закрытыми глазами, но сомнѣніе, словно червь, закрадывается въ сердце и начинаетъ сосать его.

«Не безпорядокъ ли?.. Не прекратить ли?»

— Тащи!—шепчетъ голосъ.

— Неприкосновенность жилища!—возражаетъ городовой.

— Тащи,—говорю тебѣ!

— Передъ закономъ всѣ равны...

— Ой, смотри, братъ, тащи!—убѣждаетъ голосъ.

— Тамъ, наверху, мазурка, такъ развѣ пѣсни пѣть нельзя!—борется «внутренній гражданинъ» съ «городовымъ».

Ужъ «гражданинъ» начинаетъ ослабѣвать, и «городовой» готовъ одержать верхъ, но подъ обаяніемъ ли пѣсни, или музыки, вырывающихся изъ отвореннаго окна, а только городовой начинаетъ дремать. И снится ему сонъ. Вотъ будто приближаются шаги, и голосъ товарища отрывисто спрашиваетъ:

— Ты спишь, Ивановъ?

— Нѣтъ... Такъ, братецъ, задумался!

— Что это у тебя, а?

— Все благополучно!

— А орать развѣ можно?

— Пѣсни поютъ по случаю крестинъ. Слесарю Антонову Богъ десятаго ребенка далъ.

— Глупая голова! Такъ развѣ можно нарушать по этому случаю общественную тишину? Нужно прекратить!

Вздремнувшій городовой во снѣ такъ громко гаркнулъ: «нельзя!», что проснулась въ испугѣ дворняжка, прикурнувшая у воротъ, и самъ городовой поспѣшно открылъ глаза.

Взглянулъ вокругъ—на панели ни единой души. Извозчики, съѣхавшіеся на огонекъ, въ ожиданіи окончанія мазурки, сладко спятъ, опрокинувъ затылки на задки дрожекъ, а каретные кучера пользуются случаемъ узнать, хорошо ли спать на каретныхъ подушкахъ. Изъ оконъ попрежнему звучитъ мазурка, а снизу, изъ подвальнаго этажа, вырываются пѣсни.

— Экъ ихъ разодрало! — сердито шепчетъ Ивановъ и заглядываетъ въ оконце.

Крестины въ полномъ разгарѣ. Пѣсня льется звончѣй.

Вспомнилъ городовой сонъ и вдругъ говоритъ:

— Шабашъ орать

— Съѣшь!

— Съѣшь!?—восклицаетъ оскорбленный.

Тутъ ужъ ни минуты раздумья: и нарушеніе, и оскорбленіе, и неповиновеніе.

Онъ созываетъ дворниковъ и храбро спускается въ подземелье, чтобы «тащить».

Отъ большей или меньшей степени возбужденности обѣихъ сторонъ будетъ зависѣть—приметъ ли нападеніе характеръ кровопролитной войны, или же непріятель безпрекословно сдастся въ плѣнъ, и такимъ образомъ на судѣ, по крайней мѣрѣ, не подымется вопроса о незаконномъ сопротивленіи. Такъ большею частью возникаютъ у городовыхъ войны съ обывателями и нерѣдко кончаются прискорбными послѣдствіями. Увы! Лекція по теоріи, недавно только-что выслушанная почтеннымъ солдатикомъ, исчезла, какъ дымъ, при первомъ же сновидѣніи, напомнившемъ нѣсколько дѣйствительность.

Есть рѣчи—значенье
Темно, иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Штундисты.—Одиссея погонцевъ.—Воззваніе графа Соллогуба.—Чрезвычайное собраніе ландлордовъ.

I.

Въ то время, когда среди общественной спячки дремлетъ совѣсть общества и развѣ незначительная его часть такъ или иначе, но пытается искать пути къ правдѣ,—въ то самое время явленія народной жизни показываютъ намъ своеобразныя попытки найти «правду» и жить по правдѣ. Само собою разумѣется, что эти попытки облекаются въ религіозную форму, въ которой совѣсть простого человѣка ищетъ примиренія тѣхъ вопіющихъ противорѣчій евангельскихъ истинъ съ дѣйствительностью, которыя тяжелѣе всего ложатся именно на обездоленныхъ людей.

Передъ нами процессъ штундистовъ. Проштудировать его весьма любопытно. Чѣмъ-то совсѣмъ особеннымъ вѣетъ отъ этихъ простыхъ, суровыхъ словъ сектантовъ. Въ нихъ слышится убѣжденность древнихъ христіанъ и рѣшимость пострадать за вѣру. Послѣ грязи процессовъ Мясникова, Овсянникова, Струсберга, матери Митрофаніи, послѣ софистики нашихъ краснорѣчивыхъ прелюбодѣевъ слова,—рѣчи простодушныхъ сектантовъ словно бы выносятъ васъ на чистый воздухъ, полный благоухающаго аромата южной степи.

По этому процессу читатель познакомится подробно съ сущностью догмы ученія штундистовъ, въ которой характерно выразилось народное стремленіе къ разрѣшенію вопроса о «правдѣ», при чемъ увидитъ, что это ученіе не заключаетъ въ себѣ никакого дикаго изувѣрства, довольно обычнаго у многихъ сектъ.

Дѣло, о которомъ мы будемъ говорить, возникло по требованію духовнаго начальства. Въ 1870 года было возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ распространителей штунды, и только черезъ 7 лѣтъ и 3 мѣсяца дѣло это разсматривалось въ одесскомъ окружномъ судѣ, подъ названіемъ: «дѣло о крестьянахъ: Михаилѣ Ратушномъ, Александрѣ Капустянѣ, Герасимѣ Балабокѣ (онъ же Витенко), безсрочно-отпускномъ рядовомъ Родіоновѣ и женѣ его Марьѣ Архиповыхъ, обвиняемыхъ въ распространеніи секты штундистовъ».

Предварительнымъ слѣдствіемъ, какъ видно изъ отчета объ этомъ процессѣ, напечатаннаго въ «Голосѣ» № 108, обнаружено слѣдующее:

Бывшій сельскій писарь въ деревнѣ Основѣ и крестьянинъ Степанъ Бончевъ, крестьяне: Аѳ. Колодяжный, К. Филимоновъ и Ив. Кутельвосъ показали, что первымъ распространителемъ секты штундистовъ въ деревнѣ Основѣ явился крестьянинъ М. Ратушный. Это было вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ. Ратушный въ это время

былъ сельскимъ старостой въ деревнѣ Основѣ и, пользуясь своимъ положеніемъ, предлагалъ крестьянамъ не ходить въ церковь, а собираться къ нему слушать евангеліе. Многіе перестали посѣщать церковь и собирались у Ратушнаго, который разъяснялъ имъ евангеліе, и не проходило ни одного собранія безъ того, чтобъ кто-нибудь не совратился изъ православія въ секту штундистовъ. Сперва собранія устраивались тайно, читалось только евангеліе, при чемъ присутствующіе во время чтенія крестились; но потомъ, когда число послѣдователей этого ученія увеличилось, то стали явно исповѣдывать новое ученіе. Ратушный говорилъ, что только отъ него можно услышать правильное толкованіе слова Божія; новообращенные стали отрицать крестное знаменіе и всѣ обряды православной церкви исполняли сами. Ратушный самъ хоронилъ мертвыхъ, вмѣсто священника, самъ крестилъ людей и даже самъ причащалъ ихъ. Распространивъ новое ученіе въ деревнѣ Основѣ, Ратушный сталъ разъѣзжать по другимъ селамъ и проповѣдывать новое ученіе. Къ изложенному свидѣтель Филимоновъ добавилъ, что онъ былъ совращенъ Ратушнымъ въ секту штундистовъ, въ которой и состоялъ около пяти лѣтъ. Крестьяне деревни Игнатьевки: П. Шматко, Ив. Троянъ, Юрченко, В. Котликъ, Н. Троянъ и Г. Михно показали, что въ ихъ деревнѣ не была еще развита секта штундистовъ, когда пронеслись слухи, что въ деревнѣ Основѣ распространено это ученіе. Въ Игнатьевку занесено оно было М. Ратушнымъ; отъ него оно было заимствовано Г. Витенкомъ и Капустяномъ, которые и стали проповѣдывать новое ученіе и совратили къ него Архипова. Послѣ этого секта стала быстро распространяться, и въ настоящее время почти половина жителей деревни Игнатьевки принадлежитъ къ этой сектѣ. Витенко, Капустянъ и Архиповъ совратили-было въ секту и нѣкоторыхъ изъ нихъ, свидѣтелей, но вскорѣ, понявъ свое заблужденіе, они снова возвратились въ православіе. Свидѣтели Т. Желѣзнякъ и Д. Долгошей удостовѣрили, что, послѣ совращенія Ратушнымъ въ секту Капустяна и Витенко, лица эти стали также распространять ученіе и совращать въ оное другихъ. Архиповъ также совращалъ многихъ. Долгошей, кромѣ этого, показалъ, что Капустянъ и Витенко говорили, что поклоняться иконамъ и ходить въ церковь не слѣдуетъ.

Крестьяне С. Троянъ, И. Лопата и Т. Милановичъ показали, что они принадлежатъ къ сектѣ штундистовъ; ученіе это они приняли отъ Витенка и Капустяна. Нѣкоторое время спустя послѣ обращенія ихъ въ новую вѣру, они были вновь окрещены, и таинство крещенія совершилъ надъ ними Ратушный. Крещеніе состояло въ томъ, что новообращенные, одѣвшись въ бѣлыя рубахи и штаны, вошли въ воду въ ставкѣ близъ деревни Основы, при чемъ Ратушный читалъ надъ ними молитву. Годъ спустя послѣ крещенія, свидѣтели,

вмѣстѣ съ другими послѣдователями новаго ученія, отправились въ село Рорбахъ. Здѣсь всѣ они собрались въ домѣ Штолера. Іоганнъ Виллеръ причащалъ всѣхъ новообращенныхъ. Сперва Ратушный налилъ въ принесенную чашу вино и поставилъ на столъ; Виллеръ взялъ чашу, благословилъ ее и передалъ Ратушному, который пилъ изъ нея и потомъ передалъ слѣдующему и т. д., пока чаша не обошла всѣхъ присутствующихъ; послѣ всѣхъ пилъ Виллеръ, съ чашей молился Ратушный, а съ хлѣбомъ Виллеръ. Крестьянка И. Рудоясова показала, что, послѣ поступленія ея въ секту, ее окрестилъ А. Капустянъ. Мѣщанинъ И. Рябухинъ и крестьянинъ С. Ищенко удостовѣрили, что Капустянъ и Витенко проповѣдывали народу о новомъ ученіи, и что Капустянъ въ собраніи говорилъ, что не слѣдуетъ поклоняться иконамъ. Свидѣтельница А. Троянова показала, что стали читать ей первое евангеліе Архиповъ и Капустянъ. Ратушный окрестилъ ее. Крестьянинъ В. Ключка засвидѣтельствовалъ, что Ратушный какъ своихъ дѣтей, такъ и чужихъ крестилъ самъ. Мѣщане И. Гулакъ и Г. Синявскій объяснили, что на одномъ изъ собраній штундистовъ, въ 1870 году, Капустянъ, Витенко и Архиповъ проповѣдывали присутствовавшимъ о томъ, что осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ не слѣдуетъ. М. Архипова также проповѣдывала вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, говоря, что въ церковь ходить и креститься не слѣдуетъ, такъ какъ крестъ творитъ та самая рука, которая дѣлаетъ все нечистое и дурное.

Свидѣтель Е. Калиниченко показалъ, что въ февралѣ 1873 года онъ исправлялъ должность пристава 2-го стана Одесскаго уѣзда и, получивъ отъ нѣкоего г. Гемскаго свѣдѣніе о томъ, что въ деревнѣ Основѣ проживаетъ распространитель секты штундистовъ, Ратушный, у котораго должно храниться много документовъ, относящихся къ этому ученію, произвелъ въ домѣ Ратушнаго обыскъ, при чемъ были найдены находящіяся при дѣлѣ книги духовнаго содержанія, нѣсколько писемъ въ родѣ посланія, начинающихся словами: «Богомъ избраннымъ братіямъ», списокъ новорожденныхъ, три формы свидѣтельствъ о рожденіи, крещеніи, бракосочетаніи и др.

Коллежскій регистраторъ И. Гемскій подтвердилъ показаніе Калиниченко.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, крестьянинъ Михаилъ Ратушный объяснилъ, что, познавъ истинную вѣру, сталъ онъ читать и разъяснять желающимъ евангеліе, но при этомъ никого не совращалъ изъ православія. Когда «братство» установилось, былъ онъ избранъ пресвитеромъ въ деревнѣ Основѣ, а въ деревнѣ Игнатьевкѣ пресвитеромъ былъ Капустянъ; на обязанности пресвитера лежитъ чтеніе евангелія, совершеніе таинствъ и обрядовъ крещенія, причащенія, бракосочетанія и проч., и поэтому крестилъ онъ всѣхъ дѣтей и взрослыхъ, которые были того достойны; самъ

же онъ былъ крещенъ И. Рябошапкой, который былъ пресвитеромъ въ селѣ Любомиркѣ, Елисаветградскаго уѣзда. Въ февралѣ 1872 года онъ, Ратушный, Капустянъ и еще нѣсколько человѣкъ изъ братства собрались въ село Рорбахъ, гдѣ Виллеръ давалъ имъ причастіе. Нѣкоторые изъ документовъ, найденныхъ у него при обыскѣ, писаны имъ самимъ, а формы свидѣтельствъ составлялъ для него Виллеръ. А. Капустянъ и Г. Балабокъ (онъ же Витенко) не признавали себя виновными въ совращеніи изъ православія къ секту штундистовъ, при чемъ Балабокъ объяснилъ, что онъ никогда не разъяснялъ священнаго писанія и не проповѣдывалъ. Капустянъ же показалъ, что давно принадлежитъ къ братству, и что крещеніе надъ нимъ и Ратушнымъ совершалъ И. Рябошапка; въ Рорбахѣ Капустянъ также былъ и причащался тамъ вмѣстѣ съ другими отъ Виллера; въ церковь онъ не ходитъ, священства не признаётъ и всѣ обряды православной церкви исполняетъ самъ. Безсрочно-отпускной рядовой Родіонъ Архиповъ и жена его Марія также не признали себя виновными въ распространеніи секты штундистовъ и въ совращеніи въ оную другихъ; при этомъ Марія Архипова пояснила, что крещеніе она приняла отъ Ратушнаго. Изъ дѣла видно, что обвиняемый Г. Балабокъ (онъ же Витенко), по рѣшенію кіевской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, состоявшемуся 21 декабря 1871 года, за порицаніе вѣры и церкви православной присужденъ, на основаніи ст. 180-й улож. о наказ., къ заключенію въ смирительномъ домѣ на одинъ годъ, съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ, по 50-й ст. улож. о наказ., правъ.

Херсонская духовная консисторія нашла, что распространяемая ересь имѣетъ вредный характеръ, вслѣдствіе чего обвиненные были преданы суду.

На судебномъ засѣданіи было допрошено двадцать свидѣтелей, большею частью крестьянъ села Игнатьевки и деревни Основы. За исключеніемъ двухъ свидѣтелей (бывшаго сельскаго писаря и коллежскаго регистратора Гемскаго), всѣ показанія были въ пользу сектантовъ. По словамъ одного изъ свидѣтелей, не принадлежащихъ къ сектѣ, штундисты «собираются у себя въ хатахъ, молятся Богу, а такого худого ничего не знаю за ними. О нихъ, кромѣ хорошаго, ничего нельзя сказать, между ними нѣтъ ни пьяницъ, ни воровъ, а, напротивъ, бывали случаи, что человѣкъ, который прежде былъ воромъ или пьяницею, когда поступитъ въ секту, дѣлается хорошимъ человѣкомъ, перестаетъ пить, воровать, работаетъ».

Этотъ свидѣтель (Котликъ) былъ старостою въ деревнѣ Основѣ и не помнитъ, чтобы бывали безпорядки между православными и штундистами.

По словамъ другихъ свидѣтелей, «штундисты люди хорошіе, но въ церковь не ходятъ, не крестятся, а поютъ пѣсни и читаютъ евангеліе».

Еще болѣе интересны показанія свидѣтелей-штундистовъ, данныя ими на судебномъ разбирательствѣ.

«Я почувствовалъ *новое сердце*,—говорилъ одинъ свидѣтель:—и сдѣлался другимъ человѣкомъ, когда поступилъ въ секту. Прежде я велъ распутную жизнь, ругался всякими непристойными словами. Я почувствовалъ, что это грѣхъ, принялъ крещеніе и перемѣнился». Крещеніе состояло въ томъ, что свидѣтель надѣлъ новую сорочку и штаны и погрузился въ воду, а Ратушный въ это время читалъ: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

По словамъ свидѣтеля, дѣти штундистовъ посѣщаютъ сельскую школу, и ученіе штундистовъ не запрещаетъ обучаться свѣтскимъ наукамъ. Новорожденнымъ родители сами нарицаютъ имя и предоставляютъ ребенку по достиженіи совершеннолѣтія принимать или не принимать крещеніе.

«Я былъ,—говоритъ другой свидѣтель (Лопата):—нехорошимъ человѣкомъ, пьянствовалъ, дѣлалъ безчинства и ругался. Я слышалъ, какъ мой мальчикъ читалъ евангеліе, почувствовалъ, что надо перестать дѣлать неправду, а жить по правдѣ».

«Я увѣровалъ,—говорилъ третій:—что это есть настоящій праведный путь; я почувствовалъ, что нужно жить ихнею богобоязненною жизнью, и поэтому присоединился къ нимъ». Съ того времени, какъ свидѣтель сталъ штундистомъ, онъ ни разу не солгалъ, а всегда говорилъ правду, такъ какъ ученіе ихъ основано на правдѣ.

Подсудимый Ратушный по поводу этихъ словъ замѣтилъ: «Я имѣю сказать относительно тѣхъ, которые принимаются въ общество. Мы иначе не принимаемъ, какъ если человѣкъ раскаивается во всѣхъ его неправильныхъ поведеніяхъ, чтобъ онъ вновь могъ родиться и почувствовалъ бы въ своемъ сердцѣ и душѣ свои прежніе грѣхи, что онъ долженъ жить для одной правильности и святости, а если человѣкъ не можетъ возродиться, то онъ не можетъ войти въ царствіе небесное, потому что Христосъ сказалъ: «Кто не возродится отъ своихъ грѣховъ, тотъ не получитъ царства небеснаго». Поэтому, кто убѣдился изъ евангелія, что надо все въ точности исполнить, чтобъ имѣть новое сердце, какъ прилично святому рабу Божіему, тотъ можетъ къ намъ поступить, а если человѣкъ не можетъ все въ точности выполнять, не можетъ жить богобоязненною жизнью, то онъ не можетъ найти себѣ спасенія».

Другимъ характеромъ отличались показанія бывшаго сельскаго писаря Рубухина и Гемскаго, донесшаго становому Калиниченко на Ратушнаго. По словамъ Рубухина, «по ученію штундистовъ, тотъ, кто крестится, антихристъ». Штундисты говорятъ православнымъ: «вы совершенно заблужденные, ваши священники завели васъ въ адъ, а истинная наша вѣра, чтобы иконамъ не поклоняться и не креститься».

На это замѣчаніе Ратушный замѣтилъ: «Этотъ свидѣтель служилъ сельскимъ писаремъ, а эти люди, какъ извѣстно, большею частью проводятъ свою жизнь въ пьянствѣ. Вѣрно, онъ былъ пьянъ и не могъ разобрать, какой-такой разговоръ былъ, да онъ и въ настоящее время тоже пьянъ».

Другой подсудимый, Витенко, прибавилъ: «Это такой человѣкъ, который пропиваетъ свою голову, и онъ могъ ошибиться».

Тотъ же Витенко выразился про прочитанное показаніе свидѣтеля Гулака: «Я его не считаю ни за свидѣтеля ни за человѣка, потому что онъ никогда не трезвъ, онъ пустой человѣкъ—и больше ничего».

Затѣмъ по поводу прочитаннаго показанія Гемскаго подсудимый Ратушный сказалъ, что «Калиниченко (бывшій становой приставъ) и Гулакъ (мѣщанинъ) пріѣхали къ нему произвести обыскъ не какъ христіане, а какъ нехристіане. Они кричали на мою жену и дѣтей моихъ такъ напугали, что они кричали уже не дѣтскимъ голосомъ. Они велѣли сейчасъ отпереть сундуки, вынимали изъ сундука вещи и пересматривали ихъ, какъ будто воровство какое-нибудь случилось. Въ сундукѣ было 50 р. денегъ, и они при обыскѣ ихъ забрали. Я сейчасъ же объявилъ объ этомъ въ волости и подалъ жалобу исправнику. Вѣрно, нужно было сдѣлать обыскъ только для того, чтобы у Ратушнаго взять 50 рублей».

Товарищъ прокурора г. Степановъ обвинялъ главнымъ образомъ Ратушнаго, считая его душою секты. Другіе, по словамъ его, являются только слѣпыми послѣдователями этого ученія. Тѣмъ не менѣе онъ поддерживалъ обвиненіе и противъ другихъ.

Защитникъ указывалъ, что для признанія какого-нибудь преступнаго дѣянія необходимо опредѣлить участіе злой воли. Главное же основаніе ученія штунды заключается въ томъ, чтобы жить по евангелію. Такимъ образомъ въ поступкахъ обвиняемыхъ злой воли нѣтъ, а если есть воля, то, во всякомъ случаѣ, добрая.

Несравненно лучше и прокурора и защитника говорили сами подсудимые, коимъ было предоставлено послѣднее слово. Вотъ рѣчи Ратушнаго и Витенко:

«Хотя я, дѣйствительно, первый отъ тогдашняго времени,—говорилъ Ратушный:—но развѣ я могъ бы самъ управиться, объѣзжать всѣ деревни и распространять, какъ показывали нѣкоторые свидѣтели? Я вовсе не имѣлъ столько времени, но когда пріѣзжалъ судебный слѣдователь, собрался народъ и священникъ тутъ же былъ, и когда начали разговоръ о духовной жизни, то священникъ ничего не могъ доказать изъ священнаго писанія, и поэтому народъ, хотя не такъ опытенъ въ словѣ Божіемъ, но убѣдился, что священники не такъ знаютъ священное писаніе. Потомъ меня посадили въ тюрьму, и весь народъ зналъ, что меня въ

тюрьму посадили за то, что я евангеліе читалъ. Вотъ еще больше начали удивляться, и кто могъ—доставалъ евангеліе и читалъ, а священное писаніе можетъ умудрить во спасеніе всякаго, кто его читаетъ. Я не имѣлъ никакой нужды, чтобы, значитъ, противъ вѣры идти, а мы читаемъ евангеліе и дѣлаемъ, какъ Господь самъ сказалъ, чтобъ все въ точности исполнять, какъ написано, а кто не будетъ исполнять, то не будетъ имѣть царства небеснаго. Спаситель сказалъ: «Кто прославитъ Меня на землѣ, тотъ будетъ прославленъ на небесахъ, а кто на землѣ не прославитъ, то и на небесахъ не будетъ прославленъ». Всякій христіанинъ долженъ убѣдиться и имѣть всякую надежду, что всѣмъ намъ придется предстать предъ лицомъ Христовымъ, и Іисусъ Христосъ самъ разсмотритъ, кто правъ и кто виноватъ, потому что придетъ страшный судъ для всѣхъ неправедныхъ, а для праведныхъ будетъ торжество... Когда меня вторично посадили въ тюремное заключеніе, то народъ еще больше началъ обращать вниманія и доставать евангеліе. Вотъ какимъ образомъ это больше распространилось, а не такъ, какъ думаютъ нѣкоторые, что я распространилъ... Я вовсе не имѣлъ столько времени, чтобъ разъѣзжать по деревнямъ. Какъ извѣстно, въ Херсонской губерніи есть много деревень, въ которыхъ живутъ люди нашего ученія. Какъ же я могъ ихъ всѣхъ объѣзжать, когда я неустанно занимался хлѣбопашествомъ, зарабатывалъ себѣ на пропитаніе и мнѣ никто ничего не давалъ: ни денегъ, ничего другого. Я, господа засѣдатели, тутъ вовсе не виноватъ. Что же тутъ такое, что я, какъ всякій истинный христіанинъ, могъ себѣ пріобрѣсть святую евангелію, читалъ евангеліе? Дай Богъ, чтобъ читалъ. Я не могу сказать, что христіанинъ тотъ, кто воруетъ, лжетъ, пьянствуетъ, ведетъ безпутную жизнь; по моему такой человѣкъ не есть истинный христіанинъ, а это есть безчестіе для нашего христіанства, потому что и другія вѣроисповѣданія могутъ смотрѣть на наши нехорошія дѣла и смѣяться надъ нами, а всякій знаетъ, что Іисусъ Христосъ проливалъ Свою кровь за души наши и надо почтить кровь нашего Господа Іисуса Христа».

«Вы слышали,—сказалъ Герасимъ Балабокъ:—что г. прокуроръ объяснилъ вамъ наше преступленіе, и въ настоящее время намъ досталось въ этомъ видѣ стоять предъ судомъ. Что же мы сдѣлали? Наше преступленіе въ томъ, что мы читаемъ евангеліе, слово Божіе; г. прокуроръ объяснили, что они не видятъ въ насъ людей умныхъ или сильныхъ. Это правда, мы въ томъ не нуждаемся. Какъ я стою предъ судомъ все равно какъ предъ Богомъ и вовсе не боюсь, что вы можете меня осудить. Я этого вовсе не боюсь, а надѣюсь на Бога, также какъ стояли наши предки за вѣру Христову. Тогда правительство было языческое, а въ настоящее время правительство просвѣщенное, и я вполнѣ надѣюсь, что теперь люди умные...

Неужели я нарушаю законъ или религію тѣмъ, что читаю евангеліе? Скажите мнѣ: можетъ ли кто опровергнуть слова Спасителя, который говоритъ: «неисполняющаго слова Моего Я не сужу? Но слово Мое будетъ судить васъ». Для чего же это написано, неужели только для того, чтобъ языкъ могъ говорить, а не для того, чтобъ направлять свою жизнь по слову Божьему? Я не безпокоюсь въ томъ, что меня могутъ разсудить за мое преступленіе. Нѣтъ, я чувствую себя правымъ, я не богохульствовалъ и никакого нарушенія догматовъ вѣры не сдѣлалъ, противъ государства не шелъ, а апостолъ Павелъ говоритъ: «не сдѣлалъ зла—не бойся начальника». Вы не думайте, что наше ученіе богопротивное. Нѣтъ, мы вѣруемъ въ Божью руку, что рука Божья насадила это, и въ томъ себя защищаемъ, что мы стоимъ предъ христіанскимъ правительствомъ и судомъ... 8 лѣтъ я не былъ спокоенъ, посадили меня въ острогъ, потомъ послали въ Кіевскую губернію, тамъ заковали въ желѣзо и говорятъ, что я въ идоловъ вѣрую. Конечно, я долженъ отвѣчать такимъ людямъ, что я вѣрю въ Іисуса Христа все равно, какъ и вы. У меня одинъ Богъ съ вами. Я только не пьянствую, ничего богопротивнаго не дѣлаю, и вотъ въ чемъ все мое преступленіе, а теперь судите меня, какъ вамъ заблагоразсудится. Наше евангеліе не для того, чтобъ закрыть его, а для того, чтобъ открыть для непонимающихъ и невѣрующихъ, чтобъ всякій могъ найти себѣ спасеніе для своей души. Если я въ этомъ виноватъ, то судите меня какъ угодно».

Другіе подсудимые говорили въ томъ же духѣ.

Послѣ пятиминутнаго совѣщанія присяжные вынесли оправдательный приговоръ.

Является вопросъ: за что-жъ эти люди сидѣли въ тюрьмѣ, когда жизнь ихъ была совершенно безупречна, когда по закону безвредныя секты терпятся господствующей церковью?

Между тѣмъ, на основаніи сообщеній бывшаго сельскаго писаря и неизвѣстнаго по своему офиціальному положенію коллежскаго регистратора Гемскаго,—сообщеній, не провѣренныхъ даже людьми болѣе компетентными въ подобныхъ дѣлахъ,—херсонская консисторія признаётъ секту вредною и заслуживающею преслѣдованія съ благою цѣлью, конечно, пресѣченія дальнѣйшаго распространенія этого ученія. Цѣль, само собою, достигается совершенно противоположная, и подсудимый Ратушный не безъ основанія замѣтилъ въ своей рѣчи, что распространялъ это ученіе не онъ, а распространялось оно мѣрами преслѣдованія.

Такимъ образомъ люди, обязанные словомъ останавливать распространеніе вредныхъ, по ихъ мнѣнію, ученій, наоборотъ, способствовали распространенію ихъ и изъ смирныхъ людей, искавшихъ въ евангеліи разрѣшенія мучившихъ ихъ вопросовъ «жить по правдѣ»,

сдѣлали въ глазахъ народа мучениковъ, подвергающихся гоненіямъ. Читателю, конечно, хорошо извѣстно, что прозелитизмъ не можетъ не усилиться при такомъ образѣ дѣйствія, и слова М. Ратушнаго прямо указываютъ на это. Въ концѣ концовъ оказывается, что вѣротерпимость, хотя бы въ рамкахъ, допущенныхъ нашимъ законодательствомъ, нарушается, и достаточно показаній какого-нибудь сельскаго писаря, бывшаго даже и на судебномъ засѣданіи въ нетрезвомъ состояніи, чтобы не только произошло вмѣшательство въ свободу совѣсти, но и нарушеніе свободы совѣсти.

II.

Многіе наши публицисты, занимающіеся съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, нескончаемою проповѣдью о поддержаніи чести Россіи и разжигающіе подъ именемъ якобы ультра-патріотическаго чувства самые скверные инстинкты, возбуждая въ публикѣ воинственныя стремленія,—имѣютъ о самой этой «чести», которую они такъ ревниво взяли себѣ на откупъ, совершенно превратное понятіе. Спенсеръ въ своей соціологіи не безъ остроумія приводитъ рядъ примѣровъ, изъ которыхъ можно видѣть, до чего доводитъ ложно понятый патріотизмъ, и если-бъ онъ читалъ русскія газеты, то его книга обогатилась бы новыми и крайне характерными въ этомъ родѣ примѣрами.

Одна часть публицистики, какъ извѣстно, была крайне недовольна дѣйствіями англійскаго правительства и въ нѣкоторыхъ нашихъ дипломатическихъ неудачахъ послѣднихъ дней видѣла нарушеніе чести Россіи, о чемъ и трубила болѣе или менѣе краснорѣчиво, обобщая такимъ образомъ честь всей Россіи съ образомъ дѣйствія крайне незначительной группы дипломатовъ. Становясь на эту ложную точку зрѣнія, она распиналась во имя народа и заявляла, что народъ, во имя своей чести, готовъ встать, какъ одинъ человѣкъ, и нести новыя жертвы не только своею кровью, но и послѣднимъ своимъ достояніемъ. Такимъ образомъ во имя этой «чести» они непрочь были бы не только въ конецъ разорить народъ, но и произвести новое опустошеніе среди молодыхъ силъ, въ которыхъ такъ нуждается наша страна.

Между тѣмъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушается дѣйствительно честь общества, тѣ же публицисты или хранятъ благоразумное молчаніе, или отдѣлываются указаніями о несвоевременности подобныхъ вопросовъ.

Послѣдняя война была поучительнымъ экзаменомъ. Съ одной стороны, она подтвердила беззавѣтную храбрость русскаго солдата, но, съ другой, выставила немало несовершенствъ нашего строя и разительные примѣры эксплоатаціи самой возмутительной, дѣйствительно нарушающей «честь».

Печальная одиссея «погонцевъ» — одиссея, разсказанная и въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ—въ странѣ, болѣе чувствительной къ настоящей «чести», вызвала бы, конечно, не то впечатлѣніе, какое она вызвала у насъ. Европейцы были бы возмущены подобнымъ позоромъ, а у насъ исторія эта, какъ самая обыкновенная, прошла едва замѣченной, и несчастные скитальцы такъ и не нашли себѣ ни управы ни разсчета. Въ Европѣ, конечно, рабочій классъ тоже эксплоатируется, но тамъ все-таки нѣтъ тѣхъ примѣровъ наглаго обмана, которые у насъ считаются обычнымъ явленіемъ.

Одиссея погонцевъ весьма не сложна. Они наняты были контрагентами арміи и въ большомъ количествѣ явились на театръ военныхъ дѣйствій. Само собою, что подрядчики платили имъ половину того, что̀ получали сами. Очутившись въ Румыніи и Болгаріи, среди невылазныхъ дорогъ, при страшной дороговизнѣ корма, тысячи погонцевъ (преимущественно крестьяне южныхъ губерній) лишились лошадей и воловъ, многіе изъ погонцевъ погибли отъ тифа, многіе замерзли. Уцѣлѣвшіе желали возвратиться домой, но подрядчики не давали имъ разсчета, а желѣзнодорожное начальство не пускало на поѣзда подъ тѣмъ предлогомъ, что нѣтъ мѣстъ. Эти новые Мальмоты-скитальцы переходили отъ одного подъѣзда къ другому, отъ начальства къ начальству, и только въ послѣднее время получили возможность вернуться въ Россію. Бо̀льшая часть ихъ погибла. Уцѣлѣвшіе возвращались больные, измученные и неразсчитанные подрядчиками. Потерявъ своихъ лошадей и воловъ, они явились на родину нищими.

Бѣдствія ихъ были дѣйствительно ужасны. По словамъ «Новаго Времени», «зачастую партіи погонцевъ просили Христа-ради на улицахъ... Сбирали «галаганы» и кормились этимъ. Изъ одной такой партіи половина (и это еще въ августѣ) вымерла. Лоскомъ легла... Доктора рѣшили, что отъ истощенія... А вѣдь этотъ же мужикъ хлѣбъ везетъ... Ему ничего не стоило прихватить изъ обоза. Возвращавшіеся разсказывали имъ, какъ «еврейская контора» въ Бухарестѣ обсчитываетъ—и все-таки тянулись впередъ, не трогая «хозяйскаго». Сдавъ транспортъ, уже не выдерживали... Выносливые крестьянскіе хребты не осиливали болѣе, и народъ вымиралъ... Изъ ста погонцевъ уже лѣтомъ не болѣе шестидесяти возвращались домой, говорили мнѣ. Сорокъ оставались въ Румыніи. Болѣли, потомъ «падали»... Возвращавшіеся ничего не приносили съ собою. Напротивъ, за убогое и недостаточное вознагражденіе они теряли и лошадей. Счастливыми между ними считались тѣ, которые изъ трехъ лошадей одну привели назадъ. Телѣги бросались на дорогѣ; по всѣмъ путямъ Румыніи и Болгаріи приходилось встрѣчать ихъ, потомъ къ зимѣ валашскіе крестьяне стали забирать ихъ на

дрова. Тутъ не было ни неудавшагося разсчета, ни неумѣнья распорядиться вознагражденіемъ. Его, во всякомъ случаѣ, не хватало. Просто было мошенничество поставщиковъ этого живого товара, обманывавшихъ крестьянъ въ Россіи передъ заключеніемъ контрактовъ, и грабежъ конторы продовольствія, практиковавшійся постоянно, а потомъ заимствованный Варшавскимъ, когда обозная часть перешла къ нему. Никогда наглость и презрѣніе къ человѣческой жизни не достигали такихъ предѣловъ. Никогда подлость и жадность промышленника не были такъ безнаказанно-жестоки».

По словамъ того же корреспондента, подъ Бухарестомъ въ рощѣ «снято румынской полиціей 12 нашихъ крестьянъ-погонцевъ, не нашедшихъ иного исхода. На улицахъ раннимъ утромъ тоже изрѣдка подымали трупы несчастныхъ. А сколько ихъ гибло по дорогамъ, въ оврагахъ и ямахъ... числа нѣтъ».

Всѣ эти бѣды они терпѣли въ Румыніи, но въ Болгаріи положеніе ихъ было еще хуже. Съ наступленіемъ зимы по дорогамъ то и дѣло попадались трупы погонцевъ. Лошади ихъ пали раньше. Живые заболѣвали тифомъ и оставались внѣ всякой помощи, такъ какъ, говоритъ корреспондентъ, «въ контракты гг. Варшавскихъ и тому подобныхъ господъ не входило оказаніе помощи больному погонцу. Никому не было до нихъ дѣла, никто за нихъ не отвѣчалъ, а сами они были безпомощны! И молча, безропотно въ глуши Болгаріи умиралъ этотъ ограбленный и измученный народъ, оставляя въ далекихъ захолустьяхъ Россіи окончательно обнищавшія семьи».

Не менѣе утѣшительные для нашей «чести» сообщаются однородные факты эксплоатаціи корреспондентомъ «Голоса» (№ 89). По словамъ его, когда нанятые изъ Калужской губерніи пекари сдѣлались ненужны конторѣ перепеченія сухарей для арміи, дѣйствующей отъ имени князя Д. Д. Оболенскаго, «то она сдѣлала разсчетъ объ удовлетвореніи, но денегъ не выдала, подъ тѣмъ предлогомъ, что они растратятъ и пропьютъ, а объявила, что плату они получатъ въ Унгенахъ, куда и отправила 129 человѣкъ рабочихъ, при двухъ десятникахъ, съ выдачею десятникамъ ста рублей на прокормленіе этихъ людей. Рабочіе прибыли въ Унгены, но тамъ денегъ не оказалось. Ждали они семь дней; кормиться стало нечѣмъ, хоть подаянія проси!»

Мы не станемъ болѣе приводить фактовъ, хотя могли бы привести ихъ безчисленное множество, и зададимъ только вопросъ: страдаетъ ли честь Россіи отъ такихъ явленій?..

III.

Въ послѣднее время отношенія съ Англіей, какъ извѣстно, были натянуты до такой степени, что угрожали разрывомъ съ этою державой. Воевать съ нею, несмотря на желаніе нашихъ шовини-

стовъ, оказывалось для насъ не совсѣмъ удобнымъ. Мы и въ настоящее время, находясь въ формальномъ мирѣ съ ней, терпимъ страшное экономическое истощеніе, въ случаѣ же войны нечего и говорить, что это истощеніе будетъ еще значительнѣе, при чемъ для насъ представляется весьма мало шансовъ нанести серьезный вредъ этой державѣ. Мы, конечно, не можемъ судить, насколько всѣ эти соображенія были приняты во вниманіе при объявленіи прошлой войны, хотя и имѣемъ доказательства изъ обнародованной дипломатической переписки, что правительство наше имѣло въ виду такъ-называемые «британскіе интересы» и слѣдовательно могло разсчитывать на возможность, въ случаѣ особеннаго пониманія этихъ интересовъ англійскимъ кабинетомъ, разрыва съ этою державой.

Когда событія послѣдняго времени приняли очень острый характеръ, въ нашей печати заговорили о томъ, что нашъ военный флотъ не имѣетъ возможности противодѣйствовать англійскому, а такъ какъ походъ въ Индію,—единственное мѣсто на сухомъ пути, гдѣ мы могли бы дѣйствительно уязвить Англію,—представляется трудно осуществимымъ предпріятіемъ, то поднялся вопросъ о нанесеніи вреда непріятелю на морѣ. Тогда появилась масса статей по поводу каперства и крейсерства; публицисты «Новаго Времени» пропагандировали каперство, а публицисты другихъ, менѣе откровенныхъ органовъ—крейсерство... Чѣмъ натянутѣе становилось положеніе дѣлъ, тѣмъ сильнѣе пропагандировалась мысль о добровольномъ флотѣ. По обыкновенію русской пословицы, мы стали кормить собакъ тогда, когда надо было ѣхать на охоту, и, увидавъ, что мы къ войнѣ съ Англіей вовсе не приготовлены, захотѣли замѣнить мудрую предусмотрительность, требующую долгаго времени, легкомысленнымъ порывомъ и надеждой въ короткое время создать добровольный флотъ... Наши доморощенные «моряки» различныхъ редакцій стали указывать на возможность быстраго пріобрѣтенія крейсеровъ въ Америкѣ и, не пріобрѣтя еще на частныя средства ни одного, уже стали грозить Англіи картонными крейсерами. Легкомысліе русское сказалось и въ этомъ дѣлѣ, какъ всегда. Вопросъ о вредѣ, который могутъ нанести крейсеры, рѣшенный въ патріотическомъ порывѣ, какъ вопросъ безспорный, оказался однако далеко не такимъ по свидѣтельству спеціалистовъ, болѣе трезво смотрящихъ на дѣло. Наши морскія газеты («Кронштадтскій Вѣстникъ» и «Яхта») указали, что едва ли покупка американскихъ желѣзныхъ пароходовъ и приспособленіе ихъ къ крейсерской службѣ оправдаютъ пылкія ожиданія. По мнѣнію морскихъ органовъ, вообще желѣзныя суда не удобны для крейсерской службы, такъ какъ англійскія купеческія суда, въ случаѣ войны, тоже будутъ имѣть орудія; одно ловко пущенное ядро мгновенно потопитъ такой желѣзный крейсеръ. Для этой цѣли, по мнѣнію спеціальныхъ орга-

новъ, пригодны деревянныя суда, а такія купить нельзя, такъ какъ коммерческіе пароходы большею частью построены изъ желѣза, а чтобы построить крейсеры, на это потребуется немало времени. Но еще болѣе важнымъ затрудненіемъ является неимѣніе у русскихъ крейсеровъ базы для операцій. Разгуливать по океану легко въ воображеніи моряковъ изъ разныхъ редакцій, а настоящіе моряки очень хорошо знаютъ, что для плаванія необходимо пополненіе запасовъ угля и провизіи. Заходить за ними въ одинъ изъ портовъ Америки—это значитъ рискнуть не выйти изъ него, такъ какъ англійскія военныя суда могутъ сторожить такого крейсера при выходѣ изъ порта. Остается разсчитывать на снабженіе всѣмъ необходимымъ на самомъ океанѣ, въ извѣстномъ пунктѣ широты и долготы, куда будутъ приходить подряженныя для этой цѣли коммерческія американскія суда. Такой пріемъ, практиковавшійся французскими крейсерами въ франко-прусскую войну, имѣетъ за собой много шансовъ риска оставить крейсеръ безъ угля, не говоря уже о безвыходномъ положеніи такого крейсера въ случаѣ серьезной аваріи. Придется тогда идти въ ближайшій портъ и быть запертымъ англійскими судами.

Такимъ образомъ мы и въ этомъ дѣлѣ, по обыкновенію, оказались застигнутыми врасплохъ, и, несмотря на доблесть моряковъ, являются серьезныя опасенія, чтобы поспѣшно купленные (и, конечно, втридорога) и не отвѣчающіе вполнѣ цѣлямъ крейсерской службы океанскіе крейсеры нанесли тотъ вредъ, о которомъ мы заранѣе разблаговѣстили. Съ одной доблестью, какъ нѣсколько разъ показала намъ Плевна, не всегда успѣшно идетъ дѣло.

Мѣсяцъ тому назадъ учредился комитетъ по сбору пожертвованій для добровольнаго флота; воззваніе было напечатано въ газетахъ, и пожертвованія на это дѣло стали стекаться. Но, надо правду сказать, наши Минины среди богатыхъ классовъ не особенно раскошеливались, и собранныя въ первое время суммы не покрыли даже стоимости одного хорошаго крейсера и не превысили 500.000 рублей. Несмотря на то, что воззваніе приглашало всѣхъ къ добровольному пожертвованію, многіе наши органы стали указывать на обязанность земскихъ учрежденій принять участіе въ этомъ дѣлѣ, то-есть, иными словами, предлагали жертвовать на чужой счетъ, а именно на счетъ собранныхъ съ народа сборовъ на спеціальныя нужды. Но графъ Соллогубъ пошелъ еще далѣе и совершенно безцеремонно, хотя и не безъ торжественнаго паѳоса, напечаталъ и свое воззваніе. Мы приводимъ его нашимъ читателямъ вполнѣ, какъ характерный образчикъ замѣчательнаго безстыдства устроить обязательное залѣзаніе въ карманъ къ Мининымъ изъ народа, такъ какъ среди общества оказалось гораздо болѣе охотниковъ выступать въ качествѣ Пожарскихъ, чѣмъ Мининыхъ. Вотъ образецъ торжественнаго краснорѣчія автора «Тарантаса»:

«Воззваніе къ жертвователямъ на устройство судовъ добровольнаго флота образуетъ крупное событіе въ исторіи русскаго народа. Народъ становится сотрудникомъ правительства въ важномъ государственномъ предначертаніи.

«Какъ же отзовется народъ на такой призывъ? Урывчато, порывисто, путемъ разрозненныхъ подписокъ, или систематически, послѣдовательно, путемъ общаго народнаго постановленія? Милліоны собираются не приношеніемъ тысячныхъ кредитныхъ билетовъ, а мѣдными грошами и копейками.

«Бо́льшая часть нашего народа не сумѣетъ ни прочитать ни подписать подписного листа. Такихъ порядковъ она не пойметъ. Но скажите ей въ церкви или на мірской сходкѣ, что нашлись сопротивники-мореплаватели, которые не въ шутку требуютъ, чтобы полугодовое долготерпѣніе на войнѣ, чтобъ мученическая смерть десятковъ тысячъ земляковъ, чтобъ заступничество за избіенныхъ христіанъ пропали даромъ, въ угоду торговцевъ, всесильныхъ на моряхъ— это русскій человѣкъ пойметъ, вознегодуетъ и уже не остановится.

«Русскаго народа обижать не слѣдуетъ, не то онъ всю Москву зажжетъ, какъ свѣчу передъ Иверской! Русскій народъ, какъ его задѣнутъ за живое, не знаетъ предѣла своей щедрости. Вразумите его, что русскій добровольный флотъ необходимъ для отечества, и онъ поклонится государю русскимъ добровольнымъ флотомъ.

«Но для этого подписные листы недостаточны: нужна поголовная народная подать, *добровольная передъ правительствомъ, обязательная для самого народа.* Тогда только враги-супостаты поймутъ, какая ширь и какая глубь свойственны православному люду. И не пора ли нашему земству заявить наконецъ торжественно о своемъ существованіи? И какого ждать еще болѣе удобнаго случая?»

Эта добровольная и въ то же время обязательная подать, рекомендуемая земствамъ, ясно показываетъ, къ чему клонится дѣло. Мы не сомнѣваемся, что мѣры, предлагаемыя графомъ Соллогубомъ, не повлекутъ за собой обязательнаго ихъ примѣненія, и такимъ образомъ воззваніе комитета, обращенное къ доброй волѣ каждаго, не будетъ извращено въ новую обязательно-добровольную подать, взыскиваемую посредствомъ станового, хотя графъ и награждаетъ за это «сотрудничествомъ въ важномъ государственномъ предначертаніи» или, говоря попросту, сотрудничествомъ по выдачѣ денегъ.

Въ заключеніе мы повторимъ слова самого же графа: «русскаго народа обижать не слѣдуетъ!», такъ какъ онъ хотя и «не знаетъ предѣла своей щедрости», но въ то же время всѣмъ извѣстно, что экономическое положеніе его таково, что всякая обязательно-добровольная новая подать является слишкомъ большой тяготой... Казанское земство не можетъ удовлетворить потребностямъ своего голодающаго населенія и обращается за помощью къ правительству...

По словамъ корреспондентовъ, положеніе населенія этой губерніи дѣйствительно серьезно по своимъ бѣдствіямъ. Неужели же казанское земство «торжественно заявитъ о своемъ существованіи» пожертвованіями въ пользу добровольнаго флота?

Изъ опубликованныхъ списковъ пожертвованій видно, что многія земства уже отчислили свои лепты на добровольный флотъ. Мы не думаемъ, чтобы такія отчисленія можно было назвать законными. Земства, какъ извѣстно, не богаты и не имѣютъ средствъ даже для удовлетворенія дѣйствительно-настоятельныхъ своихъ нуждъ; средства ихъ имѣютъ спеціальныя назначенія, слѣдовательно пожертвованія земцевъ являются пожертвованіями изъ народнаго кармана. Если наши промышленные, желѣзнодорожные и землевладѣльческіе Минины хотятъ прогуляться на счетъ чужихъ кармановъ, оставляя за собою честь Пожарскихъ, то гораздо лучше было бы съ ихъ стороны предложить прямо новый налогъ (и уже просто обязательный) на устройство крейсеровъ. По крайней мѣрѣ не было бы лицемѣрія.

А между тѣмъ почти вся наша печать поддерживаетъ подобнаго рода проекты и вмѣстѣ съ графомъ Соллогубомъ поощряетъ «сотрудничество» народа только тогда, когда нужны деньги, забывая, что, при всей его щедрости, каждая лишняя копейка, если она дана не добровольно въ самомъ дѣлѣ, отзывается на его экономическомъ состояніи весьма чувствительно.

IV.

Я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній по поводу чрезвычайнаго общаго собранія членовъ-заемщиковъ взаимнаго поземельнаго кредита, созваннаго для рѣшенія вопроса о возмѣщеніи убытковъ, понесенныхъ вслѣдствіе растраты, сдѣланной бывшимъ кассиромъ общества.

Докладъ правленія, составленный по этому случаю, не отличался отъ обычныхъ докладовъ подобнаго рода. Пополненіе убытковъ, само собою, предлагалось возложить на заемщиковъ. Вмѣсто правдиваго, прямого сознанія о своей винѣ, докладъ заявлялъ только о «подавляющемъ впечатлѣніи», произведенномъ на правленіе «прискорбнымъ событіемъ 27 марта», и, несмотря на очевидность фактовъ, въ немъ является даже самохвальство и стремленіе оправдать свои дѣйствія и какъ бы объяснить, что вся бѣда произошла только вслѣдствіе пріемовъ, употребленныхъ г. Юханцевымъ.

Такъ какъ «подавляющее впечатлѣніе» выразилось только заявленіемъ о сложеніи съ себя должностей, то становилось несомнѣннымъ, что многіе изъ гг. членовъ-заемщиковъ едва ли удовольствуются однимъ только такимъ платоническимъ выраженіемъ чувствъ.

Относительно г. Юханцева и относительно ревизій кассы докладъ сообщаетъ слѣдующія подробности:

«Г. Юханцевъ былъ назначенъ казначеемъ правленія осенью 1866 года, то-есть съ самаго основанія общества, по рекомендаціи тестя его, гофмаклера и банкира, покойнаго барона Фелейзена. Съ тѣхъ поръ г. Юханцевъ исполнялъ лежавшія на немъ обязанности вполнѣ аккуратно и исправно. Въ теченіе болѣе одиннадцати лѣтъ его службы никогда не было замѣчено малѣйшей какой-нибудь погрѣшности въ дѣлѣ завѣдыванія кассой. Находившіяся на его отвѣтственности наличныя суммы и процентныя бумаги, съ самаго учрежденія общества, повѣрялись ежемѣсячно 1-го числа, и всегда все оказывалось въ полной исправности. При поступленіи на службу обществу г. Юханцевъ жилъ въ домѣ своего тестя при весьма богатой обстановкѣ, которая объяснялась значительными средствами покойнаго гофмаклера.

«Въ 1875 году тесть его умеръ, и осенью того года г. Юханцевъ, разведясь съ женою, переселился на другую квартиру. Вскорѣ послѣ этого начали появляться слухи о томъ, что Юханцевъ живетъ выше своихъ средствъ. Слухи эти озаботили правленіе, и потому оно обратило вниманіе на уясненіе тѣхъ средствъ, какими могъ располагать г. Юханцевъ.

«Изъ собственныхъ объясненій г. Юханцева, провѣренныхъ частными справками, оказалось, что у него былъ капиталъ, вырученный за дачу, построенную еще при жизни тестя, около 20.000 рублей; содержанія онъ получалъ, считая съ наградами, около 8.000 рублей. Для одинокаго человѣка средства эти казались весьма достаточными для жизни на довольно широкую ногу, разумѣется, безъ мотовства. Но въ то время о мотовствѣ г. Юханцева, которое теперь выясняется, и рѣчи не было. Тѣмъ не менѣе правленіе признало умѣстнымъ, по поводу означенныхъ слуховъ, вновь обсудить порядокъ контроля и ревизіи. При этомъ введены были измѣненія въ порядкѣ совершенія многихъ операцій, какъ, напримѣръ, по принятію суммъ по переводамъ изъ другихъ банковъ, по полученію денегъ по чекамъ съ текущихъ счетовъ и особенно по принятію и выдачѣ закладныхъ листовъ по вкладамъ, и, сверхъ того, постановлено было производить ревизію кассы не 1-го числа каждаго мѣсяца, какъ дѣлалось съ начала существованія общества, а ежемѣсячно, но въ неопредѣленный день, такъ, чтобъ ревизія всегда была для казначея неожиданною. Наконецъ, при первой такой ревизіи, касса была провѣрена особенно тщательно, при чемъ преимущественное вниманіе было обращено на вклады, въ которыхъ, казалось, скорѣе всего можно было допустить возможность растраты; вклады эти, числомъ въ то время болѣе 300, на сумму свыше трехъ милліоновъ, были всѣ распечатаны и просчитаны вновь, а по текущимъ счетамъ въ разныхъ банкахъ были потребованы отъ нихъ справки о состояніи этихъ счетовъ. Когда по этой ревизіи все ока-

залось въ порядкѣ, правленіе было въ правѣ заключить, что дошедшіе до правленія слухи не давали никакого повода усомниться въ честности казначея.

«Какъ выше сказано, съ начала существованія общества ревизіи кассы производились одинъ разъ ежемѣсячно, независимо отъ провѣрки оплаченныхъ обществомъ купоновъ; на то и другое употреблялось въ теченіе послѣднихъ лѣтъ около 40 дней въ году. При ревизіи кассы каждый разъ провѣрялась кассовая книга съ документами, сосчитывались наличныя деньги, векселя, золото и серебро. Процентныя же бумаги пересчитывались по листамъ два раза въ году, т.-е. при каждой мѣсячной ревизіи пересчитывались по листамъ тѣ процентныя бумаги, по которымъ въ теченіе прошлаго мѣсяца были отрѣзаны срочные купоны. Послѣ счета онѣ запечатывались личными печатями членовъ правленія и въ такомъ видѣ, въ запечатанныхъ пакетахъ, хранились до слѣдующаго полугодового срока, когда, по отрѣзкѣ купоновъ, вновь пересчитывались и запечатывались. Такимъ образомъ, провѣряя каждый мѣсяцъ процентныя бумаги нѣсколькихъ наименованій по листамъ, каждая бумага должна была быть сосчитана въ свою очередь, послѣ срока купоновъ, два раза въ году. Въ промежуткѣ же между этими сроками самые пакеты осматривались при каждой ревизіи. Такой порядокъ, въ точности соблюдавшійся, былъ, какъ и полагало въ то время правленіе, вполнѣ достаточенъ для обезпеченія цѣлости капиталовъ общества; но, къ несчастью, онъ оказался безсильнымъ противъ тѣхъ пріемовъ, которые были употреблены г. Юханцевымъ и которые окончательно разъяснятся при судебномъ разбирательствѣ».

Остановимся на этомъ мѣстѣ.

Правленіе какъ бы оправдываетъ себя, говоря, что о мотовствѣ г. Юханцева и рѣчи не было въ 1873 году, хотя и были слухи о жизни не по средствамъ. Тѣмъ не менѣе оно обсуждаетъ порядокъ контроля и ревизіи, несмотря на личныя объясненія г. Юханцева, слѣдовательно червь сомнѣнія все-таки проникъ въ правленіе. Но, вмѣсто того, чтобы тогда же сдѣлать настоящую ревизію, какую сдѣлало, когда уже было поздно, оно все-таки не провѣрило надлежащимъ образомъ процентныхъ бумагъ, а провѣрило только цѣлость печатей на пакетахъ.

И послѣ этого докладъ наивно прибавляетъ, что «такой порядокъ былъ, какъ полагало правленіе, вполнѣ достаточенъ для обезпеченія капиталовъ общества»!..

Сообщивъ затѣмъ, что «никакихъ участниковъ, прямыхъ или косвенныхъ, не открыто», докладъ переходитъ къ предложенію о покрытіи убытковъ слѣдующимъ образомъ:

«Правительственный вспомогательный капиталъ въ 5,000.000 р., переданный обществу въ банковыхъ билетахъ, былъ постепенно за-

мѣненъ государственными металлическими процентными бумагами, именно: консолидированными облигаціями II-го и III-го выпусковъ и билетами седьмого и девятаго правительственныхъ займовъ. Ко времени окончанія этого обмѣна, т. е. къ 1-му іюля 1875 года, правительственный вспомогательный капиталъ составлялъ уже не 5 милліоновъ, а 4 милліона рублей, по номинальной стоимости вышеупомянутыхъ металлическихъ государственныхъ бумагъ. Изъ числа этихъ бумагъ похищено на номинальную сумму 1,784.320 рублей, осталось на 2,561.600 рублей; проценты, начисленные, согласно § 133 устава, съ 1-го іюля 1867 года, т. е. со времени передачи обществу капитала, и обращающіеся въ оборотномъ капиталѣ общества, составили къ 1-му января 1878 г. 2,543.600 руб.

«Сумма эта съ избыткомъ достаточна для пріобрѣтенія металлическихъ процентныхъ бумагъ, взамѣнъ похищенныхъ, и такимъ образомъ переданный обществу правительствомъ вспомогательный капиталъ былъ бы возстановленъ въ полномъ своемъ размѣрѣ безъ особаго стѣсненія для общества и безъ тягостей для заемщиковъ. Самые же проценты могли бы быть пополнены постепенно удержаніемъ извѣстной доли изъ прибылей общества въ размѣрѣ, какой правительство признаетъ достаточнымъ, до тѣхъ поръ, пока такими вычетами составится вся сумма, потребная на пріобрѣтеніе металлическихъ государственныхъ фондовъ взамѣнъ похищенныхъ.

«Такъ какъ разрѣшеніе на такой способъ пополненія вспомогательнаго капитала зависитъ отъ усмотрѣнія правительства, то, въ случаѣ одобренія этого способа общимъ собраніемъ, правленіе проситъ уполномочить его на ходатайство передъ министромъ финансовъ въ такомъ смыслѣ, присовокупляя, что правленіе считаетъ себя въ правѣ разсчитывать на утвердительное рѣшеніе правительства.

«При такомъ способѣ пополненія представляется необходимымъ, чтобы съ тѣхъ заемщиковъ, которые въ настоящее время пожелаютъ уплатить свои ссуды сполна или частями, была удержана соотвѣтствующая уплачиваемой ссудѣ доля похищенныхъ суммъ. По разсчету на всю сумму выданныхъ по 1-е апрѣля ссудъ, на сумму 126,392.350 руб., биржевая стоимость похищенныхъ процентныхъ бумагъ 2,123.295 руб., а за исключеніемъ оказавшихся около 100.000 руб., въ 2,022.295 руб., составляетъ 1 руб. 60 коп. на каждую сотню ссуды. Поэтому слѣдовало бы изъ остатковъ отъ прибылей или изъ складочнаго капитала, подлежащихъ возврату заемщикамъ при уплатѣ ими ссудъ, удерживать по 1 руб. 60 коп. на каждую сотню уплачиваемой ссуды, при чемъ правленіе заявляетъ, что оно считало себя обязаннымъ производить такое удержаніе по ссудамъ, уплаченнымъ въ промежутокъ времени между обнаруженіемъ похищенія и днемъ настоящаго засѣданія».

Въ заключеніе доклада правленіе не поцеремонилось, въ виду

еще свѣжей могилы двухъ милліоновъ, написать себѣ самому слѣдующій панегирикъ:

«Прискорбное событіе 27-го марта произвело на членовъ правленія подавляющее дѣйствіе. Несмотря на все вниманіе, на всю добросовѣстность, съ которыми они всегда относились къ своей обязанности охраненія интересовъ общества, эти интересы понесли чувствительный ущербъ, и правленіе оказалось безсильнымъ его предвидѣть и предотвратить. Очевидно, что, подъ гнетомъ такого событія, члены правленія не могли не утратить той спокойной увѣренности въ цѣлесообразности своихъ мѣропріятій, той нравственной энергіи, которыя такъ необходимы для руководителей предпріятія. А потому, проникнутые глубокимъ убѣжденіемъ, что въ настоящую, серьезную для русскаго поземельнаго кредита, эпоху дѣла нашего общества съ большею для него пользою могутъ быть ввѣрены новымъ дѣятелямъ, члены правленія графъ Г. К. Крейцъ, В. Ф. Миллеръ и В. Ю. Познанскій и кандидатъ, замѣнявшій отсутствовавшаго члена, А. П. Сальковъ, просятъ общее собраніе считать ихъ сложившими свое званіе.

«Членъ правленія, графъ П. А. Гейденъ, вступилъ въ составъ правленія въ нынѣшнемъ году и слѣдовательно не принималъ никакого участія въ управленіи дѣлами общества за все предшествующее время; но, въ виду того, что онъ былъ членомъ повѣрочной комиссіи, считаетъ своею обязанностью, при предстоящихъ выборахъ членовъ правленія, не стѣснять общее собраніе срокомъ своего полномочія и вмѣстѣ со всѣми остальными членами правленія слагаетъ съ себя званіе члена правленія».

Тутъ есть и «вниманіе», и «добросовѣстность», и «подавляющее дѣйствіе», и благоразумное желаніе сложить съ себя званіе... Можно только удивляться, какъ хватило духа написать о вниманіи и о добросовѣстности послѣ того, какъ это вниманіе и эта добросовѣстность обошлись ихъ довѣрителямъ въ два милліона слишкомъ. Послѣ этого нисколько не удивительно, что на общемъ собраніи кто-то назвалъ этотъ докладъ «скорбнымъ листомъ добровольно умершаго правленія, къ которому недоставало только карточки г. Юханцева, для отправки его на всемірную выставку въ Парижъ, гдѣ имѣется уже фотографическій альбомъ всѣхъ извѣстныхъ мошенниковъ...»

На это чрезвычайное собраніе собрались заемщики со всѣхъ уголковъ заложенной Россіи. Собраніе, очевидно, обѣщало быть многолюднымъ и бурнымъ, тѣмъ болѣе, что передъ открытіемъ собранія случилась еще таинственная покража бланковыхъ довѣренностей изъ конторки секретаря правленія однимъ изъ служащихъ, при чемъ этотъ «служащій на допросѣ, сдѣланномъ ему управляющимъ дѣлами общества, показалъ, что онъ вынулъ изъ конторки

секретаря 42 или 43 довѣренности и отдалъ ихъ г. Щ., уволенному отъ службы въ управленіи общества, за которыя тотъ ему обѣщалъ 200 или 300 рублей». Къ этому г. Ч. добавилъ, что, какъ ему извѣстно, г. Щ. взялъ эти довѣренности для передачи какимъ-то гг. Д—ву и В., а кому именно — онъ не знаетъ, что самъ онъ, Ч., былъ третьяго мая у г. Д., и что ему, кромѣ денежнаго вознагражденія за доставленіе довѣренностей, обѣщано еще и всякое покровительство въ будущемъ».

Дѣло это передано слѣдователю. Гг. Ч. и Щ. арестованы, и, по всей вѣроятности, на судѣ выяснится эта таинственная исторія, свидѣтельствующая, что въ борьбѣ нашихъ партій изъ-за обладанія хорошими кушами на директорскихъ мѣстахъ не брезгуютъ ничѣмъ.

Кромѣ того, корреспондентъ «Голоса» сообщалъ изъ Козлова, что «нѣсколько дней назадъ прибылъ въ Козловъ нѣкто, именующій себя агентомъ правленія общества взаимнаго поземельнаго кредита, и поочередно побывалъ у всѣхъ членовъ-заемщиковъ этого банка, проживающихъ въ Козловѣ, съ предложеніемъ и убѣдительнѣйшею просьбою подписать пустой листъ (бланкъ правленія общества), увѣряя, а гдѣ этого мало—клянясь и божась, что на бланкѣ будетъ, по достаточномъ накопленіи подписей, написана довѣренность кому-то на избраніе новыхъ членовъ правленія; бланкодателямъ, по словамъ агента, не грозитъ никакой опасности: на бланкѣ, покрытомъ подписями, будетъ написана только довѣренность, а не что-нибудь другое, что̀ могло бы нанести имъ вредъ или убытки; напротивъ, ихъ ожидаютъ «богатыя и великія милости». Многіе легко сдавались на убѣдительныя рѣчи «вѣчнаго жида» въ роли агента и, не подозрѣвая, что они участвуютъ, пожалуй, ни болѣе ни менѣе, какъ въ подлогѣ, можетъ-быть, искусно подготовляющемъ почву для новой катастрофы или хитрый маневръ къ сокрытію концовъ обнаруженной растраты, сдавались и подписывали бѣлую бумагу, ко̀торую имъ подсовывалъ неизвѣстный человѣкъ; болѣе осторожные прямо отвѣчали на предложеніе агента, что подписывать бланка не станутъ и сладкимъ рѣчамъ его не вѣрятъ. У такихъ строптивыхъ резонеровъ, особенно при намекѣ, что въ Козловѣ существуетъ-де—какая ни на есть, хоть и худенькая—полиція, визитъ агента сокращался до крайняго минимума, и онъ спѣшилъ на охоту за подписями неразсуждающихъ или мало понимающихъ, и подписи покрывали дѣвственную бумагу...

Очевидно и не подлежитъ сомнѣнію, что порученіе, возложенное на агента, не носитъ на себѣ признаковъ доброкачественности, потому-то оно и секретно и непонятенъ его тайный смыслъ, оттого-то и нужны подписи на бланкѣ. Допустимъ, что на бланкѣ впослѣдствіи будутъ написаны только эти слова: «мы—овцы, годныя только

для стрижки, въ чемъ и подписуемся», такъ и въ виду такого опасенія не слѣдовало бы давать подписи на бланкѣ.

Въ какой мѣрѣ справедливо было это сообщеніе? Шло ли оно изъ партіи, желающей провести къ директорскимъ кресламъ своихъ вожаковъ, или дѣйствительно кто-нибудь изъ мѣстныхъ управляющихъ хотѣлъ подслужиться правленію и послалъ отъ себя «странствующаго агента»,—все это осталось неразъясненнымъ.

Наконецъ 9 мая собраніе открылось въ залѣ дома Кононова предсѣдателемъ правленія, графомъ Крейцомъ. Собралось до двухсотъ пятидесяти крупныхъ землевладѣльцевъ, обладавшихъ 1.173 голосами, представляющими капиталъ въ сорокъ съ чѣмъ-то милліоновъ. По словамъ одного изъ фельетонистовъ, бывшаго на этомъ собраніи, «кононовская зала давно не видала такого отборнаго, громкаго, титулованнаго общества. Слова: «ваша свѣтлость», «ваше сіятельство», «ваше высокопревосходительство», «ваше превосходительство» такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ и по всѣмъ направленіямъ. Здѣсь собрались князья, графы, бароны, военные и статскіе генералы, чины придворныхъ званій, сенаторы, бывшіе министры, не служащая, слегка фрондирующая и въ мѣру либеральничающая знать и крупные, первостепенные землевладѣльцы...»

Но, несмотря на это наикультурнѣйшее собраніе, первый же день засѣданія показалъ его полную несостоятельность, безтолочь и неумѣнье приступить къ дѣлу. Начали, конечно, съ того, что стали выбирать предсѣдателя общаго собранія. Выбрали г. Спасовича (754 голосами изъ 1.173), при рукоплесканіяхъ и шиканьяхъ. Но тотчасъ же послѣ баллотировки, по словамъ газетныхъ отчетовъ, было заявлено о необходимости повѣрки правъ членовъ, какъ въ виду учиненной кражи предъ общимъ собраніемъ 43 бланковыхъ довѣренностей, такъ въ виду того, что въ баллотировкѣ принимали участіе лица, не имѣющія на то права, и почетные члены. На первое заявленіе членомъ правленія гр. Гейденомъ было объяснено, что похищенныя довѣренности были найдены и находятся въ настоящее время у судебнаго слѣдователя при дѣлѣ; что же касается второго заявленія, то управляющимъ дѣлами общества г. Герстфельдомъ было доложено высочайшее повелѣніе, которымъ почетнымъ членамъ предоставляется право голоса на общихъ собраніяхъ. Несмотря на это собраніе находило избраніе Спасовича неправильнымъ и избрало комиссію изъ трехъ членовъ для повѣрки правъ выборщиковъ. Въ комиссію избраны: графъ Апраксинъ, г. Мезенцевъ и г. Горчаковъ, при чемъ гр. Апраксинъ заявилъ, что можетъ считать собраніе законнымъ лишь при предсѣдательствѣ графа Крейца, несмотря на то, какъ справедливо было замѣчено однимъ изъ членовъ, что если признавать законнымъ избраніе ревизіонной комиссіи, то нѣтъ никакого основанія не при-

знавать законнымъ и избраніе г. Спасовича предсѣдателемъ, баллотировавшагося тѣми же членами. «Но тутъ поднялся такой шумъ, что навести собраніе на такую почву, на которой оно было бы послѣдовательнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумнымъ, сдѣлалось невозможнымъ, и пришлось уступить лишь крику. Со всѣхъ угловъ послышалось: «Крейца, Крейца», и Спасовичъ долженъ былъ уступить свое мѣсто гр. Крейцу. Послѣ этого возникло еще нѣсколько вопросовъ: нужна ли вообще ревизіонная комиссія, когда повѣрка правъ членовъ лежитъ, по уставу, на обязанности предсѣдателя? Считать ли собраніе состоявшимся, за отсутствіемъ предсѣдателя собранія, и, если считать состоявшимся, то съ какого момента: съ момента ли занятія гр. Крейцомъ вторично предсѣдательскаго кресла или съ момента открытія засѣданія? Наконецъ правильны ли были всѣ предшествовавшія дѣйствія? Всѣ эти вопросы разрѣшились вторичною баллотировкою, результатомъ которой было избраніе предсѣдателемъ Н. И. Стояновскаго, которымъ и было предложено, а собраніемъ принято—перейти къ обсужденію очередныхъ вопросовъ въ слѣдующее засѣданіе. Тѣмъ и кончилось первое собраніе членовъ взаимнаго кредита, которое отличалось массою противорѣчій, одобряемыхъ въ одно и то же время, отсутствіемъ всякой послѣдовательности въ своихъ постановленіяхъ и нарушеніемъ правилъ о порядкѣ веденія общихъ собраній».

Таковъ былъ первый день. Какъ читатель видитъ, наши ландлорды не обнаружили большого умѣнья даже толково поговорить о своихъ дѣлахъ и цѣлый день провели въ пререканіяхъ и въ поискахъ за предсѣдателемъ. Шумъ и гамъ при этомъ столбомъ стоялъ между столпами отечества.

Наступилъ второй день. Засѣданіе этого дня началось съ чтенія доклада правленія. Послѣ чтенія этого «скорбнаго листа» одинъ изъ членовъ оппозиціи, князь Вадбольскій (которому на первомъ еще засѣданіи большинство собранія нѣсколько разъ при его попыткахъ говорить кричало: «довольно») заявилъ мнѣніе, «что прежде, чѣмъ рѣшать вопросъ о возмѣщеніи расходовъ, слѣдовало бы избрать особую комиссію съ порученіемъ изслѣдовать причины и размѣръ растраты и постановить о привлеченіи къ отвѣтственности членовъ правленія и бывшей (послѣдней) ревизіонной комиссіи». Пренія, возникшія по поводу этого предложенія, привели къ тому, что собраніе согласилось избрать особую комиссію, которая и должна представить свой докладъ въ слѣдующее очередное собраніе.

Въ это же засѣданіе правленію пришлось проглотить отъ нѣкоторыхъ ораторовъ весьма много пилюль въ видѣ горькихъ истинъ. Такъ, напримѣръ, г. В. Давыдовъ, разбирая докладъ правленія, между прочимъ, замѣтилъ, что «докладъ не успокаиваетъ, несмотря на то, что въ немъ говорится, будто правленіе зорко слѣдило за г.

Юханцевымъ. Въ дѣйствительности правленіе оказалось бездѣятельнымъ, нерадивымъ и неосторожнымъ въ обращеніи съ ввѣренными ему капиталами, а потому и должно нести всю отвѣтственность».

Представитель харьковскихъ землевладѣльцевъ, г. Бекарюковъ, замѣтилъ, чтобы при выборѣ новыхъ членовъ выбирали такихъ лицъ, которыя могли бы исключительно посвятить этому дѣлу свое время и не служили бы въ одно и то же время въ различныхъ учрежденіяхъ. Кромѣ того онъ находилъ необходимымъ предоставить право членамъ, живущимъ въ губерніяхъ, присылать отъ себя лицъ въ особую комиссію, которыя, наравнѣ съ столичными членами, могли бы ознакомиться съ веденіемъ дѣлъ въ центральномъ управленіи.

Въ заключеніе, въ этотъ же день докладъ правленія названъ былъ «скорбнымъ листомъ», и выражено было мнѣніе о посылкѣ его на всемірную выставку...

Правленіе молчало на всѣ эти обвиненія... Да и что могло отвѣтить оно?.. Развѣ только то, что, дескать, и «вы всѣ, господа, не лучше насъ». Но хотя такое возраженіе и не лишено было бы доли правды, но оно едва ли было бы парламентарно по отношенію къ ландлордамъ...

Наступилъ третій день.

Засѣданіе началось объясненіемъ г. Герстфельда по поводу заявленія г. Вадбольскаго, сдѣланнаго на прошломъ засѣданіи, о томъ, что правленіе занимается биржевой игрой. Когда князь Вадбольскій хотѣлъ сдѣлать возраженіе г. Герстфельду, то въ собраніи поднялся страшный шумъ. Предсѣдатель г. Стояновскій остановилъ этотъ шумъ не лишеннымъ остроумія замѣчаніемъ, что при такомъ порядкѣ «всѣ присутствующіе могутъ обратиться въ предсѣдателей, а онъ одинъ будетъ представлять собраніе».

Послѣ этихъ словъ собраніе успокоилось, но г. предсѣдатель все-таки не далъ слова князю Вадбольскому, и г. Вадбольскій такимъ образомъ лишенъ былъ возможности представить свои возраженія.

По поводу сложенія обязанностей членами правленія раздались голоса: «очень благодарны», послѣ чего вновь явился на сцену вопросъ объ имущественной отвѣтственности.

Послѣ долгихъ преній на баллотировку былъ поставленъ вопросъ въ слѣдующей редакціи: «Согласно ли собраніе оставить вопросъ объ имущественной отвѣтственности открытымъ, поручивъ учрежденной нынѣ комиссіи подробно изслѣдовать о томъ, слѣдуетъ ли привлекать къ отвѣтственности членовъ правленія и, если слѣдуетъ, то кого изъ нихъ и въ какой мѣрѣ, и представить свое заключеніе первому очередному общему собранію?»

Большинство отвѣтило утвердительно. Послѣ этого собраніе пожелало узнать результаты выборовъ въ особую комиссію. Вмѣстѣ съ

тѣмъ возникъ вопросъ о допущеніи въ эту комиссію и депутатовъ изъ провинціи, по предложенію г. Бекарюкова. Тогда возникли пререканія, продолжавшіяся 2½ часа и кончившіяся только тогда, когда одинъ изъ членовъ спросилъ: «продолжается ли засѣданіе, или идетъ разговоръ между собраніемъ и предсѣдателемъ?»

Такимъ образомъ вопросъ, и вопросъ весьма важный, о привлеченіи депутатовъ изъ округовъ въ комиссію не былъ допущенъ къ баллотировкѣ, о чемъ одинъ изъ членовъ попросилъ занести въ протоколъ.

«Было уже 2½ часа ночи,—разсказываетъ составитель отчета объ этомъ собраніи:—когда предсѣдателемъ было предложено собранію высказаться, желаетъ ли оно нынѣ же продолжать баллотировку въ члены правленія и кандидатовъ къ нимъ. Члены, представлявшіе оппозицію правленія, просили предсѣдателя отложить баллотировку за позднимъ временемъ и закрыть засѣданіе, и начали уже расходиться, при чемъ половина членовъ встала и направилась къ выходу, но противная сторона настойчиво требовала продолжать засѣданіе и съ поспѣшностью, достойною лучшей участи, начала класть на предсѣдательскій столъ свои избирательные листы, такъ что вопросъ о томъ, желаетъ ли собраніе продолжать засѣданіе, въ виду ухода изъ засѣданія большого числа членовъ, не былъ даже баллотированъ, почему члены, оставившіе засѣданіе, тутъ же заявили протестъ противъ такого образа дѣйствій сторонниковъ правленія.

«Въ баллотировкѣ участвовало 173 лица, представлявшія 844 голоса. Избраны членами правленія: М. И. Теренинъ—813 голосовъ, князь Волконскій—812, баронъ К. Н. Корфъ—741, Стояновскій—715; кандидатами: Пассекъ—726 гол., Маркусъ—720, Герстфельдъ—712, Лисаневичъ—701, гр. Гейденъ—700».

Такимъ образомъ побѣда осталась на сторонѣ сторонниковъ существующихъ въ обществѣ порядковъ, но побѣда, какъ читатель видѣлъ, не обошлась даромъ.

Какіе же выводы можно сдѣлать послѣ этихъ трехъ засѣданій самаго избраннаго и титулованнаго общества?..

Признаёмся, выводы очень печальные.

Въ этихъ засѣданіяхъ безтолочь, неумѣніе вести пренія и нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ выразились довольно наглядно. Наши ландлорды показали несостоятельность толково заняться дѣломъ и полное безсиліе отнестись самостоятельно, а не быть послушными орудіями въ рукахъ нѣкоторыхъ вожаковъ. Многіе ораторы рѣшительно не знали, о чемъ они говорили, и намъ очень хорошо извѣстно, что многіе изъ заемщиковъ, прибывшіе депутатами изъ провинціи, не знали даже устава, а вѣдь эти заемщики были выбраны, какъ лучшіе. Конечно, все ограничится палліатив-

ными мѣрами. Все пойдетъ по-старому до тѣхъ поръ, пока новые «пріемы кассира» не вызовутъ новаго чрезвычайнаго собранія.

Нечего и объяснять, что порядки, практикующіеся во взаимномъ поземельномъ кредитѣ, тѣсно связаны съ общимъ строемъ нашей общественной жизни. Настоящее собраніе показало, чего можно ждать отъ господъ крупныхъ землевладѣльцевъ, когда общій тонъ нападокъ имѣлъ объектами членовъ правленія и г. Юханцева, а не самый принципъ.

Никто не подумалъ о главномъ, о коренномъ измѣненіи устава...

Оппозиція также не представила успокоительнаго впечатлѣнія. Подъ покровомъ всѣхъ этихъ обвиненій такъ и сквозило желаніе вырвать у противника лакомый кусокъ въ видѣ хорошаго жалованья. Однимъ словомъ, весь этотъ шумъ и вся эта грязь, поднятые передъ читателемъ въ борьбѣ партій крупныхъ землевладѣльцевъ, въ концѣ концовъ производятъ впечатлѣніе схватки вожаковъ изъ-за «лакомаго куска» и такого неумѣнья вести не только общественныя дѣла, но и вести *себя* прилично въ собраніи, что поневолѣ явится убѣжденіе, что «культурнымъ людямъ», подобнымъ всѣмъ этимъ ландлордамъ взаимнаго поземельнаго кредита, нельзя довѣрить никакого общественнаго дѣла...

Современные Гарунъ-аль-Рашиды. — Подрядныя дѣла на Кавказѣ.—Тайны подрядчиковъ.—«Шалости» полиціи.

I.

Несмотря на атрибуты власти, могущества и силы, которыми съ избыткомъ надѣлены общественные дѣятели, несмотря даже на благія намѣренія нѣкоторыхъ изъ нихъ направить власть и силу на общественную пользу, всѣ исторіи—въ томъ числѣ и современная—показываютъ, что эти намѣренія по большей части остаются безсильными потугами, оставляющими ничтожный историческій слѣдъ, такъ какъ сила вещей сама въ себѣ несетъ фатумъ безсилія и подтачиванія того самаго принципа, во имя котораго она существуетъ. Въ концѣ концовъ, если такой порядокъ не хочетъ скомпрометировать себя на принципѣ собственной непогрѣшимости, онъ волей-неволей ищетъ поддержки въ томъ самомъ обществѣ, на которое поклонники канцелярской тайны обыкновенно смотрятъ съ какимъ-то олимпійскимъ презрѣніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, есть что-то трагическое во всѣхъ историческихъ проявленіяхъ подобнаго безсилія и непониманія истинныхъ его причинъ. Повидимому, даже такая нехитрая вещь, какъ соблюденіе закона или огражденіе казны, является нерѣдко чѣмъ-то недости-

жимымъ, встрѣчая на своемъ длинномъ пути всевозможныя затрудненія и подвергаясь удивительнымъ метаморфозамъ, а между тѣмъ и законъ написанъ ясно, и предписанія, кажется, не оставляютъ никакихъ сомнѣній и недомолвокъ, какими, напримѣръ, полны статьи русскихъ публицистовъ.

Если бы читатель совершилъ нѣкоторый tour de force и, какъ это ни трудно, а вообразилъ бы себѣ современнаго административнаго Гарунъ-аль-Рашида, имѣющаго въ своемъ распоряженіи сонмъ интендантскихъ чиновниковъ, то въ какомъ наивномъ видѣ явился бы этотъ интендантскій Гарунъ-аль-Рашидъ, пожелавшій «совмѣстить несовмѣстимое» и прекратить взмахами краснорѣчиваго пера то, что является однимъ изъ роковыхъ отраженій дѣйствительности. Сидя въ административномъ кабинетѣ и защищенный отъ нападокъ всеискушающаго порока громаднымъ содержаніемъ, современный добродѣтельный Гарунъ, преисполненный самыхъ благихъ намѣреній и не искушенный ни однимъ изъ тѣхъ плутократическихъ дьяволовъ, которыхъ современная жизнь выдвинула вмѣсто старыхъ, онъ отдавалъ бы самыя благородныя распоряженія, писалъ бы самые чувствительные циркуляры, подмахивалъ бы самыя энергическія предписанія, удивляясь собственной благонамѣренности, и между тѣмъ въ одно прекрасное утро онъ узналъ бы,—и то только въ такомъ случаѣ, если бы, благодаря интригѣ или какому-нибудь особенному обстоятельству, довели бы до его свѣдѣнія,—что, несмотря на краснорѣчіе и энергію его предписаній, законъ не такъ исполняется, какъ бы слѣдовало, обыватель не всегда пользуется дарованными ему закономъ правами, а злоупотребленія не прекращаются.

Административный Гарунъ-аль-Рашидъ натурально подумалъ бы, что надо найти новыхъ людей и написать новыя, болѣе энергичныя предписанія, а старыхъ для примѣра наказать. И съ его устъ слетаетъ столь знакомая фраза: «отдать подъ судъ!». Его слушаютъ, отдаютъ кого-то и за что-то подъ судъ и приносятъ къ подписанію приговоръ объ отставленіи отъ службы, по такому-то пункту, съ десятокъ плутишекъ и о переводѣ въ другія вѣдомства другого десятка такихъ же плутишекъ. Что же касается остальныхъ, то остальные оказались ни въ чемъ невиновными, и слухи о нихъ, «раздутые легкомысленною печатью, оказались вымышленными и ложными съ начала до конца».

И снова добродѣтельный общественный руководитель еще старательнѣе сочиняетъ циркуляры, еще энергичнѣе пишетъ предписанія и утѣшаетъ себя мыслью, что теперь все идетъ какъ по маслу, такъ что остается только награждать безкорыстіе и неуклонное исполненіе долга своихъ сотрудниковъ... какъ вдругъ—слово «вдругъ», какъ извѣстно, въ Россіи имѣетъ великое значеніе—какъ вдругъ,

опять-таки совершенно случайно, узнаётъ, что, несмотря на усугубленную энергію предписаній, законъ снова не такъ примѣняется, какъ бы слѣдовало, а казна снова терпитъ значительныя позаимствованія.

«Найти виновныхъ и отдать подъ судъ!»

Снова ищутъ, ищутъ при помощи комиссій и разслѣдованій, виновныхъ; находятъ, конечно, снова десятокъ плутишекъ, и снова продолжается движеніе той же машины, какъ продолжается сказка о бѣломъ бычкѣ.

Безсиліе, несмотря даже на благія намѣренія, оказывается роковымъ. Ни предписанія, ни перемѣна лицъ (тѣмъ болѣе, что контингентъ лицъ все-таки одинъ и тотъ же!), ни отдача подъ судъ, ни награды не помогаютъ дѣлу, и самъ нашъ фантастическій Гарунъ-аль-Рашидъ въ концѣ концовъ кончилъ бы однимъ изъ двухъ: или отправился бы на богомолье въ Мекку съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться къ своему посту, или бросилъ бы къ чорту всѣ предписанія и вступилъ бы въ болѣе близкія отношенія съ змѣемъ-искусителемъ, порокомъ.

Эта трагичность нашего общественнаго безсилія сказывается на всѣхъ нашихъ общественныхъ дѣлахъ. Только-что окончившаяся война даетъ намъ кое-какіе образчики въ этомъ направленіи, свидѣтельствуя нерѣдко тщету попытокъ въ борьбѣ съ цвѣточками и ягодками, выросшими на почвѣ «канцелярской тайны».

II.

Безпорядки продовольственной системы нашихъ войскъ за Дунаемъ обратили на себя общее вниманіе, вслѣдствіе чего и имена тамошнихъ выдающихся контрагентовъ пріобрѣли большую популярность среди читающей публики; между тѣмъ оказывается, что и на другомъ театрѣ войны, въ Малой Азіи, наши продовольственныя дѣла шли не лучше, и тамошніе контрагенты, хотя и не пользуются въ Россіи такою популярностью, какою пользуются ихъ задунайскіе коллеги, тѣмъ не менѣе (ужъ если нападать на нихъ, а не на условія, ихъ создающія!) вполнѣ заслуживаютъ такой же популярности.

Въ тифлисской подцензурной газетѣ «Обзоръ» недавно напечатана была весьма интересная статья, подробно описывающая подряды въ приріонскомъ краѣ. Назидательность ея главнымъ образомъ заключается въ томъ, что въ ней характерно и рельефно рисуется безсиліе мѣстнаго начальства остановить воочію невыгодное для казны дѣло. Мѣстное интендантское начальство оказалось въ положеніи траги-комическомъ: видитъ, что казенные десятки и сотни тысячъ совершенно напрасно исчезаютъ въ какую-то прорву, и въ то же время ничего не можетъ сдѣлать. Дѣло идетъ о поставкѣ подводъ въ кабулетскій отрядъ дворяниномъ г. Мирзоевымъ. «Неоднократныя

ревизіи транспорта г. Мирзоева гг. оберъ-контролерами,—пишетъ авторъ статьи «Обзора»:—доказываютъ, что контроль сильно заинтересованъ этимъ подрядомъ; всюду слышатся жалобы черводаровъ (мѣстные подводчики и погонщы); военное начальство ищетъ случая какъ-нибудь избавиться отъ этихъ подрядчиковъ и всѣми мѣрами содѣйствуетъ контролю; интендантство, повидимому, не противодѣйствуетъ контролю, а, напротивъ, указываетъ всѣ пути для открытія истины, а между тѣмъ ничего не открывается, все идетъ по-старому. Всѣ увѣрены въ томъ, что у Мирзоева по комплекту недостаетъ около трехсотъ лошадей; ревизіи же нашли противное: оказывается, что Мирзоевъ такъ любезенъ, что даже держитъ лишнихъ лошадей, не требуя за нихъ платы отъ казны. Въ виду этого контроль приходитъ въ негодованіе, а военное начальство въ недоумѣніе; не знаютъ, какъ поправить дѣло, съ чего начать, какъ вырвать изъ лапъ подрядчиковъ этотъ для нихъ лакомый кусокъ. Замѣчательно еще и то, что интендантство сознало офиціально безполезность этого подряда, а между тѣмъ транспортъ подводъ содержится Мирзоевымъ и до сего времени».

Читая эти строки, непроницательный читатель, конечно, приходитъ въ такое же негодованіе, въ какое пришли гг. оберъ-контролеры, и въ такое же недоумѣніе, въ какое поставлено было военное начальство. «Что̀ за чертовщина!»—восклицаетъ онъ. Что-жъ наконецъ за такая таинственная сила сидитъ въ этомъ Мирзоевѣ, противъ котораго безсильны и интендантство, и оберъ-контролеры, и военное начальство? А если читатель при этомъ склоненъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, то, вѣроятно, съ его устъ уже сорвалось обычное восклицаніе: «отдать подъ судъ!»

Подобнаго рода факты, по моему мнѣнію, настолько интересны и поучительны своими «couleurs locales», что заслуживаютъ того, чтобы остановить на нихъ вниманіе читателя подольше и познакомить его съ обстоятельствами, сопровождавшими полученіе дворяниномъ Мирзоевымъ подряда, невыгоднаго для казны и разорительнаго для мѣстнаго населенія.

Когда появилась необходимость въ подводахъ, мѣстные крестьяне-черводары, «наученные,—какъ пишетъ авторъ статьи «Обзора»,—горькимъ опытомъ прежнихъ годовъ, во время похода въ Сванетію и Абхазію, составили круговое поручительство и, выбравъ изъ среды себя повѣренныхъ, хотѣли предложить свои услуги при предстоящихъ перевозкахъ военному вѣдомству прямо отъ себя, помимо подрядчиковъ, ибо въ прежніе годы они раскусили подрядчиковъ, кои, разбогатѣвъ па ихъ трудовыя деньги, лишали ихъ необходимой заработной платы».

Въ виду этого они предложили свои услуги подъ круговымъ ручательствомъ, съ тѣмъ, чтобы за каждую лошадь имъ платили по

22 рубля въ мѣсяцъ на своемъ иждивеніи. Но полковникъ Иляшенко (отрядный интендантъ), по свидѣтельству «Обзора», «не хотѣлъ даже принять никакихъ просьбъ отъ общества крестьянъ». Онъ, въ противность закону, требовалъ залога 25.000 рублей, котораго, разумѣется, крестьяне внести не могли, и заключилъ кондицію съ дворяниномъ Мирзоевымъ по 27 р. 50 к. за лошадь, сверхъ денегъ, выдаваемыхъ ему на паекъ черводарамъ, такъ что Мирзоеву отпускалось круглымъ счетомъ по 30 руб. сер. на лошадь въ мѣсяцъ. Очевидно, тѣ же черводарскія лошади должны были выполнять подрядъ Мирзоева.

По мнѣнію князя В. Туманова, автора цитируемой нами статьи, требованіе залоговъ не оправдывалось ни закономъ ни мѣстными условіями. Указывая, что въ другихъ мѣстахъ Кавказа практиковался способъ подряда безъ залоговъ, князь В. Тумановъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Стоило интендантству прописать въ кондиціяхъ, что оно требуетъ въ обезпеченіе не менѣе двухъ пудовъ полуимперіаловъ, и тогда увидѣли бы, что подрядъ остался бы развѣ за Поляковымъ, въ цѣнѣ по 100 рублей въ мѣсяцъ на каждую лошадь».

Но этого еще мало, что крестьяне не получили подряда: они чуть не попали подъ уголовную отвѣтственность и рады были, что въ концѣ концовъ совсѣмъ очутились въ рукахъ Мирзоева и его компаньона.

Когда черводары узнали, что Мирзоевъ отбилъ у нихъ кусокъ хлѣба, они единодушно согласились ни за что не отдавать ему лошадей дешевле 25 р. въ мѣсяцъ, при чемъ хотѣли гарантировать себя надежными и формальными условіями, но оказалось, что коса нашла на камень.

«Къ этому времени, — пишетъ князь В. Тумановъ: — въ Хони случился и я; показавъ мнѣ кондиціи, черводары просили меня разъяснить имъ смыслъ этой кондиціи и какія послѣдствія могутъ быть для нихъ, если они отдадутъ Мирзоеву своихъ лошадей. Признаться, я прочелъ имъ вслухъ кондицію, перевелъ и обратилъ ихъ вниманіе на точный смыслъ 14 пункта кондиціи, и объяснилъ, что они должны хорошо себя обезпечить, иначе съ того дня, какъ они сдадутъ своихъ лошадей въ транспортъ Мирзоеву, они уже не въ правѣ будутъ уводить своихъ лошадей или отлучаться сами добровольно; въ противномъ случаѣ будутъ судимы по военнымъ законамъ. Затѣмъ я уѣхалъ.

«Оказалось, въ Хони съѣхались гонцы Мирзоева; крестьяне упорствовали, не хотѣли давать лошадей менѣе 30 р. с., и то подъ вѣрную гарантію. Дѣло было плохо. Во что бы то ни стало надо было закабалить хонскихъ черводаровъ, иначе и черводары окрестныхъ селеній, по ихъ примѣру, не двигались съ мѣста. Словомъ,

Мирзоевъ погибалъ; чуть его залоги не ухнули; но спасъ его майоръ Рихтеръ (впослѣдствіи озургетскій уѣздный начальникъ). Пріѣхавши въ Хони въ качествѣ чиновника, назначеннаго отъ правительства, для оказанія будто бы содѣйствія Мирзоеву въ наймѣ черводарскихъ лошадей (впослѣдствіи узнали, что онъ былъ компаньонъ Мирзоева), онъ, какъ блюститель правосудія, приказалъ немедленно старшинѣ собрать всѣхъ черводаровъ и объявилъ, чтобы они образумились и отдали своихъ лошадей непремѣнно Мирзоеву, иначе лошади будутъ отобраны у нихъ по приказанію, безъ всякаго вознагражденія; что онъ, какъ чиновникъ, назначенный отъ военнаго вѣдомства, принужденъ будетъ донести объ этомъ, и, чтобы наказать примѣрно ослушниковъ, онъ приказалъ тамъ же составить актъ. Въ этомъ актѣ была упомянута и моя фамилія: я подстрекалъ, видите ли, крестьянъ, чтобы они не давали лошадей Мирзоеву; словомъ, я былъ выведенъ, какъ главный руководитель бунта. Приказано было старшинѣ подписать этотъ актъ и затѣмъ препроводить къ уѣздному начальнику, что̀ и было исполнено. Напуганные этимъ, многіе крестьяне бросились въ ноги Рихтеру и просили ходатайства его, чтобы Мирзоевъ на нихъ не разгнѣвался, что они готовы дать лошадей по цѣнѣ, по какой прикажутъ, т. е. 18 р. въ мѣсяцъ. Рихтеръ торжествовалъ; надо было доконать болѣе несговорчивыхъ людей. Рихтеръ пріѣхалъ въ Кутаисъ и добивался, чтобы доложили скорѣе актъ кутаисскому гражданскому губернатору, чтобы строго преслѣдовать меня и главныхъ зачинщиковъ дѣла. Одновременно, оказывается, кутаисскому гражданскому губернатору подали формальное прошеніе и повѣренные хонскихъ черводаровъ; описывая свое бѣдственное положеніе и въ особенности домогательства гг. Рихтера и Мирзоева, они просили защитить ихъ интересы предъ военнымъ начальствомъ и объясняли, что они не только не хотятъ затруднять военное вѣдомство наймомъ лошадей, но они изъявляютъ желаніе поставить казнѣ всѣхъ своихъ лошадей за полцѣны, лишь бы онѣ не находились въ рукахъ Рихтера и Мирзоева. Кутаисскій гражданскій губернаторъ, прочтя упомянутое прошеніе вмѣстѣ съ актомъ, представленнымъ къ нему уѣзднымъ начальникомъ, положилъ резолюцію, въ коей было объяснено, что онъ не находитъ никакихъ противозаконныхъ поступковъ ни съ моей стороны ни со стороны крестьянъ. Такимъ образомъ, благодаря лишь просвѣщенному вниманію гражданскаго губернатора, я и многіе крестьяне были избавлены отъ уголовнаго преслѣдованія. Гражданскій губернаторъ даже принялъ на себя трудъ обратиться къ интендантскому чиновнику съ предложеніемъ не обижать крестьянъ. Но, говорятъ, полковникъ Иляшенко любезно извинился, сказалъ, что контрактъ уже заключенъ съ Мирзоевымъ, и что онъ ничего не можетъ сдѣлать. Тогда, оказывается, крестьяне вновь

обратились съ просьбою къ начальнику штаба, полковнику Казбеку, и, представляя ему тысячу руб. деньгами, просили словесно принять эти деньги въ залогъ и приказать принять ихъ лошадей, такъ какъ Мирзоевъ и Рихтеръ со злости у нихъ лошадей не берутъ, и они остаются безъ заработка. Полковникъ Казбекъ разсердился (какъ и нужно было ожидать) на нихъ, отобралъ у нихъ эти деньги и распорядился пожертвовать эту тысячу рублей въ пользу хонской школы, такъ какъ крестьяне осмѣлились принести ему взятку. Только чрезъ нѣсколько времени этимъ несчастнымъ крестьянамъ, послѣ многихъ ходатайствъ, были возвращены деньги. Такимъ образомъ бѣдные крестьяне, потерпѣвъ вездѣ неудачу, пошли и отдались въ руки Мирзоева и Рихтера, какъ бараны. Сумѣли же господа подрядчики воспользоваться ихъ безвыходнымъ положеніемъ! Это видно изъ доходовъ, полученныхъ гг. компаньонами. Итакъ, Мирзоевъ вступилъ въ свои права, а Рихтеръ вскорѣ былъ назначенъ озургетскимъ уѣзднымъ начальникомъ въ тотъ самый уѣздъ, куда должны были отправиться черводары. Но странныя стеченія обстоятельствъ случаются иногда въ жизни: судьбѣ угодно было сдѣлать полковника Казбека очевидцемъ участи бѣдныхъ черводаровъ, попавшихъ въ руки Мирзоева. Господинъ Мирзоевъ, получая аккуратно содержаніе на черводаровъ, кажется, совсѣмъ забылъ объ ихъ участи и поѣхалъ-себѣ жить въ Тифлисъ. Рихтеръ же, въ качествѣ мѣстнаго уѣзднаго начальника, кажется, тоже мало обращалъ вниманія на безвыходное положеніе черводаровъ».

Черводаровъ притѣсняютъ. Имъ не даютъ разсчета. То и дѣло шлются телеграммы полковника Казбека о понужденіи подрядчика къ разсчету. Наконецъ начинается ревизія оберъ-контролерами арміи. Фактическая ревизія оберъ-контролеровъ доказываетъ безполезность подряда. Повѣренные черводаровъ и сельскихъ обществъ снова подаютъ прошеніе какъ окружному интенданту, г. Теръ-Давыдову, такъ и оберъ-контролеру г. Ежевскому, о томъ, что они согласны держать лошадей за полцѣны противъ цѣнъ Мирзоева. Наконецъ и главный интендантъ далъ въ этомъ смыслѣ предписаніе, получивъ отъ генералъ-контролера арміи сообщеніе о невыгодности для казны подряда Мирзоева. Въ этомъ предписаніи главный интендантъ предлагаетъ отрядному войти въ сношеніе съ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ (т. е. Рихтеромъ, компаньономъ г. Мирзоева) о пріисканіи жителей для выставки арбъ и предлагаетъ распустить черводарный транспортъ г. Мирзоева.

Несмотря на все это, Мирзоевъ не только не потерялъ подряда, но даже расширилъ его. Отношеніями отъ 12 и 22 іюля того же года отрядный интендантъ, г. Теръ-Давыдовъ, увѣдомилъ начальника штаба, что онъ не можетъ распустить транспортъ Мирзоева, такъ какъ при роспускѣ раньше 6-ти-мѣсячнаго срока казна

должна будетъ заплатить 5.500 руб. (между тѣмъ срокъ контракта съ Мирзоевымъ истекалъ 1 августа, и отрядный интендантъ, пожелавшій сохранить интересы казны, могъ бы, подождавъ 8 дней, писать свое приказаніе распустить транспортъ).

Но наступилъ и срокъ; прошелъ августъ, прошелъ сентябрь, а Мирзоевъ попрежнему продолжаетъ заниматься поставкой лошадей и притѣсненіями черводаровъ. Наконецъ штабъ снова напоминаетъ о необходимости роспуска транспорта Мирзоева. Крестьяне снова хлопочутъ о томъ, чтобы дѣло это было дано имъ непосредственно, но, несмотря на домогательства штаба и крестьянъ, предлагавшихъ поставить лошадей по 20 р., несмотря на требованіе генералъ-контролера и на бывшее уже разъ предписаніе главнаго интенданта, главное интендантство снова возобновляетъ невыгодный для казны контрактъ съ Мирзоевымъ, на основаніи донесенія г. Теръ-Давыдова, при чемъ въ новомъ контрактѣ транспортъ Мирзоева разрѣшено увеличивать по мѣрѣ надобности.

«На основаніи какихъ доводовъ,—пишетъ кн. Тумановъ:—интендантъ кабулетскаго отряда нашелъ нужнымъ держать транспортъ въ 1.000 лошадей, является загадочнымъ. Я знаю только одно, что и начальникъ штаба, и отрядный начальникъ дѣйствующаго отряда, и, наконецъ, командующій войсками приріонскаго края единогласно признали достаточнымъ 300 лошадей, при непремѣнномъ условіи замѣнить ихъ чрезъ наемъ отъ самихъ черводаровъ. Почему дано было больше значенія донесенію кабулетскаго интенданта, чѣмъ сообщеніямъ начальника штаба и самого командующаго войсками приріонскаго края; наконецъ, почему въ виду явнаго истеченія срока, въ виду признаннаго имъ же безполезнымъ транспорта Мирзоева и при существующемъ формальномъ заявленіи повѣреннаго пяти сельскихъ обществъ 29 сентября 1877 г., какъ разъ предъ заключеніемъ контракта, все-таки дано преимущество Мирзоеву,—является непонятнымъ. Такъ или иначе, но читатель изъ всего этого можетъ вывести заключеніе, что крестьяне, въ ожиданіи лучшаго, потеряли и то, что имѣли. Мирзоевъ, закабаливъ ихъ уже сначала, продолжаетъ дѣйствовать съ ними самопроизвольно; получатъ ли бѣдные крестьяне хоть къ концу войны и тѣ незначительныя деньги, кои обѣщаны имъ за наемъ, это одному Аллаху извѣстно. Таковъ финалъ этого замѣчательнаго подряда».

Само собою разумѣется, мы не станемъ метать стрѣлы лично противъ г. Мирзоева. Мы глубоко убѣждены, что, будь на мѣстѣ г. Мирзоева другой подрядчикъ, онъ *долженъ* былъ бы поступать точно такъ; казна отъ такой перемѣны едва ли бы что выиграла, а крестьяне, во всякомъ случаѣ, не получили бы подряда.

Мы остановились на этой подрядной новеллѣ, напечатанной въ

газетѣ «Обзоръ», нѣсколько долго, какъ на поучительной иллюстраціи къ высказаннымъ нами соображеніямъ о безсиліи современныхъ Гарунъ-аль-Рашидовъ передъ тѣмъ цикломъ непрекращающихся явленій, которыя составляютъ характерную принадлежность бюрократизма и которыми, какъ извѣстно, полна лѣтопись нашей общественной жизни. Въ только-что разсказанной новеллѣ—какъ и вообще во всѣхъ подобныхъ—васъ поражаютъ какія-то неожиданности и несообразности. Въ лицѣ уѣзднаго начальника вдругъ объявляется компаньонъ подрядчика; въ лицѣ г. Теръ-Давыдова—оригинальный блюститель казеннаго интереса, хлопочущій о неустойкѣ за восемь дней до срока контракта; въ лицѣ разныхъ лицъ, желавшихъ прекратить невыгодный для казны контрактъ,—безсиліе добиться исполненія своихъ же предписаній. Что же касается крестьянъ, то если они не попали подъ уголовный судъ, то и это слава Богу; безпомощность ихъ воистину изумительна. Послѣдитека ихъ мечтанія во всемъ этомъ дѣлѣ. Они мечутся какъ угорѣлые, подаютъ прошенія, куда возможно, наконецъ, убѣдившись, что дѣло ихъ съ подрядомъ проиграно, они вступаютъ въ легальную борьбу съ Мирзоевымъ и держатся до тѣхъ поръ, пока Рихтеръ, компаньонъ Мирзоева и въ то же время служащее лицо, не составляетъ какого-то произвольнаго протокола. «Протоколъ» является для нихъ сокрушительнымъ залпомъ, они вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, считаютъ себя за бунтовщиковъ за то только, что хотѣли взять съ г. Мирзоева по 25 рублей за лошадь и обставить себя надежными гарантіями, кидаются въ ноги г. Рихтеру, просятъ, чтобъ онъ ихъ помиловалъ, и соглашаются на всѣ условія, предложенныя Мирзоевымъ и его компаньономъ. Но затѣмъ, узнавши, что высшее начальство на этотъ разъ бунтовщиками ихъ не сочло, они опять начинаютъ хлопопать и въ простотѣ душевной приподносятъ 1.000 руб. залога полковнику Казбеку, которые полковникъ почему-то принимаетъ за взятку и благородно жертвуетъ эти трудовыя деньги на хонскую школу. Недоразумѣніе громоздится на недоразумѣніи, и эта тысяча рублей возвращается обратно крестьянамъ послѣ долгихъ мытарствъ, а самъ полковникъ Казбекъ, при видѣ положенія этихъ черводаровъ, является энергичнымъ, хотя и не достигающимъ цѣли, ихъ защитникомъ. Въ концѣ концовъ плодомъ всѣхъ этихъ неожиданностей и недоразумѣній является притѣсненіе черводаровъ и обогащеніе Мирзоева, получившаго, если вѣрить точности вычисленія князя В. Туманова, въ теченіе 15 мѣсяцевъ подряда на маленькій сравнительно кабулетскій отрядъ 322.220 руб. чистаго дохода.

Разумѣется, читатель усомнится, чтобы весь этотъ чистый доходъ, помимо отчисленія соотвѣтствующаго пая на долю компаньона г. Рихтера, пришелся на долю одного г. Мирзоева. Хотя подряд-

чиковъ и очень сильно бранятъ и даже удивляются, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые публицисты, отчего они, т.-е. подрядчики, не являютъ героическихъ добродѣтелей, тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ войти и въ ихъ положеніе и понять, что не всегда (вѣрнѣе, никогда) тѣ баснословные барыши, вычисленія которыхъ пугаютъ мирнаго читателя, составляютъ чистый доходъ самого подрядчика.

Въ какое положеніе поставлены подрядчики, и почему они бываютъ вынуждены нерѣдко брать непомѣрныя цѣны, чтобы получить иногда даже незначительный барышъ, это въ достаточной степени выяснилось при недавнемъ разборѣ дѣла въ военно-морскомъ окружномъ судѣ по обвиненію поручика корпуса корабельныхъ инженеровъ Пушкарева въ лихоимствѣ. Дѣло это какъ бы служитъ дополненіемъ къ картинѣ нашихъ подрядныхъ порядковъ.

«Преступленіе взяточничества во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ и формахъ, къ несчастію, не составляетъ у насъ рѣдкости, особенно въ дѣлахъ подряда съ казною, и можно смѣло сказать, что это преступленіе составляетъ историческую язву русскаго служилаго люда и до такой степени въѣлось въ кровь и плоть его, что для радикальнаго излѣченія его не только потребуется много времени, но потребуется еще строгое и честное отношеніе суда совѣсти къ подобнымъ дѣйствіямъ».

Такую краснорѣчивую тираду произнесъ, между прочимъ, г. прокуроръ Никифоровъ, когда требовалъ строгаго и честнаго суда совѣсти по отношенію къ поручику Пушкареву.

Это дѣло могло бы кончиться и домашнимъ образомъ, такъ какъ преслѣдованіе зависитъ отъ воли начальства, но по приказанію морского министра, адмирала Лесовскаго, получило гласность.

Поручикъ преданъ былъ суду вслѣдствіе жалобы столярнаго мастера Дейстера, поданной въ прошломъ году г. управляющему морскимъ министерствомъ. Преступленіе же, въ которомъ обвинялся поручикъ Пушкаревъ, было совершено семь лѣтъ тому назадъ и открылось, собственно говоря, только потому, что г. Пушкаревъ поступилъ черезчуръ легкомысленно и, не исполнивъ обѣщанія, даннаго подрядчику, пожелалъ получить съ него деньги, и такимъ образомъ обманулъ подрядчика. Не сдѣлай онъ этого, «бери по чину» и не поступай легкомысленно, едва ли пришлось бы прокурору имѣть въ рукахъ своихъ даже поручика и произносить чувствительныя тирады, такъ какъ подрядчику не было бы никакого резона выносить соръ изъ избы.

Въ прошеніи своемъ г. управляющему морскимъ министерствомъ г. Дейстеръ, какъ видно изъ судебнаго отчета, напечатаннаго въ «Голосѣ», объяснилъ, что «во время производства имъ работъ на яхтѣ «Держава», строителемъ которой былъ генералъ-лейтенантъ

Дмитріевъ, помощникъ его, наблюдавшій за работами на яхтѣ, поручикъ Пушкаревъ, истребовалъ отъ него въ свою пользу 2.400 руб. и расписку въ 2.563 руб., которую Пушкаревъ, несмотря на то, что онъ, Дейстеръ, уплатилъ ему по ней 650 рублей, передалъ купцу Кашнеру и по которой окружный судъ присудилъ съ Дейстера 2.563 рубля; вслѣдствіе этого заявленія Дейстера было произведено предварительное слѣдствіе, на которомъ Дейстеръ показалъ, что 17-го февраля 1871 года онъ заключилъ контрактъ съ конторою петербургскаго порта на производство работъ на яхтѣ «Держава», въ числѣ которыхъ заключалась наружная очистка всей яхты, всего на сумму 14.996 рублей. Мѣсяца за два или за три до заключенія контракта онъ, Дейстеръ, познакомился съ Пушкаревымъ, просилъ у него совѣтовъ относительно работъ, которыя предполагалъ взять на себя, и когда началъ ихъ, то неоднократно проценты съ получаемыхъ имъ отъ работъ барышей давалъ Пушкареву; по его просьбѣ, съ 11-го февраля по 21-е декабря 1871 года, выдававшіяся ему суммы, общій итогъ которыхъ простирается до 3.138 рублей, записаны въ приходо-расходныхъ книгахъ Дейстера подъ рубликою: «Пушкареву рег «Держава»—сколько-то» (отъ 10 до 360 руб.). За полученіемъ этихъ денегъ Пушкаревъ иногда приходилъ самъ на квартиру Дейстера, а иногда присылалъ письма. По словамъ Дейстера, онъ первое время давалъ деньги Пушкареву, не беря съ него расписокъ, помѣчая объ этомъ только у себя въ книгахъ, но впослѣдствіи, когда Пушкаревъ сталъ слишкомъ часто къ нему обращаться съ просьбами о деньгахъ, то онъ сталъ брать съ него расписки въ полученіи ихъ. На выдачу расписокъ сначала Пушкаревъ отказывался, но потомъ, видя, что безъ этого онъ, Дейстеръ, не даетъ ему денегъ, согласился. Деньги эти онъ платилъ Пушкареву потому, что онъ наблюдалъ за его работами, и хотя онъ не дѣлалъ ему никогда никакихъ притѣсненій, но требовалъ, чтобъ Дейстеръ платилъ ему извѣстный процентъ съ получаемыхъ имъ барышей отъ подряда. Что касается расписки въ 2.563 р., то онъ отъ Пушкарева денегъ не бралъ, а выдалъ расписку по требованію Пушкарева, такъ какъ онъ считалъ, что Дейстеръ недостаточно ему уплатилъ за бывшія работы, а главное еще потому, что Пушкаревъ обѣщался доставить ему новыя работы на яхтѣ, что̀, дѣйствительно, отчасти и сбылось, такъ какъ Дейстеръ былъ приглашенъ на торги для другой столярной работы на яхтѣ «Держава», на весьма значительную сумму, и даже подрядъ этотъ остался за нимъ, но впослѣдствіи, по распоряженію высшаго начальства, былъ переданъ столяру Бюхтнеру. Если-бъ Дейстеръ могъ предвидѣть такой исходъ этого дѣла, то онъ никогда не выдалъ бы этой расписки, такъ какъ разсчитывалъ уплатить по ней только изъ будущихъ, ожидаемыхъ имъ, барышей. Въ то время, когда

Дейстеръ работалъ на яхтѣ «Держава», Пушкаревъ ходилъ къ нему весьма часто; по окончаніи же имъ работъ прекратилъ свои посѣщенія. Деньги онъ давалъ Пушкареву обыкновенно наединѣ. Кромѣ выдачи денегъ, онъ сдѣлалъ для Пушкарева въ октябрѣ 1871 г. столъ и диванъ тиковаго дерева, за которые вознагражденія отъ него не получилъ.

Изъ дальнѣйшихъ показаній Дейстера, данныхъ на судѣ, интересно объясненіе того коммерческаго разсчета, который, по словамъ Дейстера, заставлялъ его платить. «Коммерческій разсчетъ» состоялъ въ томъ, что такъ какъ столярныя работы производились на яхтѣ по воскресеньямъ, а устройство вездѣ, гдѣ нужно, для работъ подмостковъ лежало на обязанности порта и за этимъ долженъ былъ слѣдить Пушкаревъ, то въ виду того, что г. Пушкаревъ, по объясненію Дейстера, пользуясь праздничными днями, могъ не ставить гдѣ нужно трапов и не дѣлать нужныхъ приспособленій, отчего срочная работа Дейстера была бы замедлена,—онъ, Дейстеръ, и платилъ Пушкареву, такъ какъ по контракту за каждый просроченный день съ Дейстера взыскивалось бы по 100 р. штрафа.

Изъ свѣдѣній, доставленныхъ конторою надъ портомъ, видно, что Дейстеръ окончилъ работы въ срокъ, и что для освидѣтельствованія ихъ была назначена комиссія, въ числѣ членовъ которой былъ и поручикъ Пушкаревъ.

Свидѣтель Матвѣевъ, занимавшійся писаніемъ у Дейстера разныхъ торговыхъ бумагъ, показалъ, что Дейстеръ говорилъ ему, что Пушкаревъ просилъ его дать ему процентъ съ барышей по яхтѣ, а если нѣтъ денегъ, то выдать расписку, при чемъ обѣщалъ содѣйствіе по полученію другихъ работъ на той же яхтѣ, на сумму 100.000. Но Матвѣевъ совѣтовалъ ему не выдавать расписокъ, на основаніи того, что онъ не считалъ Пушкарева настолько вліятельнымъ въ глазахъ генералъ-лейтенанта Дмитріева (строителя яхты) и командира яхты, г. Головачева, чтобы они стали руководствоваться его совѣтомъ. Затѣмъ, не лишено интереса въ показаніи свидѣтеля приведенное имъ на судѣ замѣчаніе Дейстера, когда, бывало, свидѣтель, получая незначительное вознагражденіе за труды, выражалъ свое неудовольствіе. «Вотъ мои барыши, давиться, что ли!»—говаривалъ обыкновенно, сердясь, Дейстеръ, открывая книгу и показывая въ ней на фамилію Пушкарева.

Мебельный фабрикантъ Бюхтнеръ, также работавшій на яхтѣ «Держава», показалъ, что Пушкаревъ хотя и смотрѣлъ за его работами, но главное лицо, наблюдавшее за ними, былъ архитекторъ Монигетти. При этомъ Пушкаревъ не требовалъ отъ него въ даръ денегъ, и онъ таковыхъ во время исполненія работъ Пушкареву не давалъ, но, по окончаніи работъ на яхтѣ, за написаніе для него Пушкаревымъ двухъ бумагъ, понадобившихся свидѣтелю для полу-

ченія имъ денегъ изъ морского министерства, счелъ своимъ долгомъ вознаградить его за этотъ трудъ, сдѣлалъ для него нѣсколько столовъ и стульевъ орѣховаго дерева и еще что-то, чего онъ не припомнитъ. Подрядчикъ Нильсонъ удостовѣрилъ, что, когда онъ работалъ на яхтѣ «Держава», Пушкаревъ денегъ отъ него не вымогалъ, но онъ самъ считалъ справедливымъ вознаграждать отъ себя Пушкарева, давая ему, когда придется, небольшія суммы денегъ за тѣ услуги, которыя оказывалъ ему Пушкаревъ. Обвиняемый возразилъ, что онъ считалъ даваемыя ему Нильсономъ деньги, какъ вознагражденіе за свои частные труды. Генералъ-лейтенантъ Дмитріевъ отозвался одобрительно о Пушкаревѣ, объяснивъ, между прочимъ, что по работамъ Дейстера чертежей почти вовсе не требовалось; тѣ же чертежи, которые были нужны, Пушкаревъ обязанъ былъ дѣлать въ большомъ масштабѣ, равно какъ и наблюдать за тѣмъ, чтобы вездѣ находились нужные для Дейстера мостки и приспособленія.

Судъ, признавъ поручика Пушкарева виновнымъ въ пріемѣ подарковъ отъ Дейстера на сумму около 3.000 руб. и въ полученіи безденежной расписки въ 2.563 руб., въ обезпеченіе будущихъ подарковъ, приговорилъ: поручика Пушкарева отставить отъ службы, съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ.

Это интересное дѣло выясняетъ, до нѣкоторой степени, положеніе подрядчиковъ, пути, которые они избираютъ для избавленія отъ «разныхъ непріятностей», и тотъ коммерческій разсчетъ, который дозволяетъ платить относительно неважному агенту три тысячи рублей съ принятой работы на сумму около 15.000 р., т. е. 20%. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что г. Дейстеръ не жаловался на то, что онъ уплатилъ эти три тысячи (жалоба возникла изъ-за взысканія по другой, безденежной распискѣ, выданной въ надеждѣ на полученіе другихъ работъ), и слѣдовательно есть возможность предположить, что и самъ Дейстеръ не остался въ накладѣ и получилъ барыша не менѣе 20%. Такимъ образомъ лишніе 20% являются не доходомъ подрядчика, а налогомъ, платимымъ въ пользу историческаго лихоимства уже не подрядчикомъ, а самимъ государственнымъ казначействомъ...

Надо еще радоваться, что въ данномъ случаѣ, какъ выяснилось изъ дѣла, одинъ только поручикъ Пушкаревъ оказался причастнымъ исторической язвѣ и одинъ только Дейстеръ счелъ нужнымъ, во избѣжаніе непріятностей, заплатить (мы не беремъ въ разсчетъ мелкихъ подарковъ, сдѣланныхъ Бюхтнеромъ и Нильсономъ), и слѣдовательно казна приплатила одному только столярному мастеру лишнихъ 20% на сумму, относительно ничтожную. Но какова была бы приплата казны, если бы, какъ говорилъ г. прокуроръ, язва лихоимства была вообще распространена въ служиломъ рус-

скомъ людѣ и всѣ, имѣвшіе работы на судахъ, подрядчики дѣлали бы подарки не одному только лицу, а всѣмъ, имѣющимъ возможность сдѣлать непріятность подрядчику? Тогда разсчетъ былъ бы совершенно иной, и казнѣ пришлось бы приплатить уже не 20%, а гораздо болѣе, и не за однѣ только ничтожныя работы, а за всю стоимость страшно дорого стоящихъ современныхъ судовъ. Въ такомъ случаѣ (принимая въ основаніе разсчетъ г. Дейстера, платившаго одному только г. Пушкареву 20%) подрядчику пришлось бы при опредѣленіи цѣны за работу накинуть, по крайней мѣрѣ, 50%, и только при такой накидкѣ его чистый барышъ былъ бы обезпеченъ, да развѣ, кромѣ того, была бы еще выгода на самой работѣ, такъ какъ, при уплатѣ наблюдателямъ за работой процентовъ, они, наблюдатели, волей-неволей становятся снисходительнѣе. Такимъ образомъ, если вещь можно сдѣлать, положимъ, за тысячу рублей, то подрядчикъ, помня «коммерческій разсчетъ», могъ бы взять за нее не менѣе полторы, и въ концѣ концовъ корабль, стоящій, положимъ, пять милліоновъ, при такой системѣ обошелся бы казнѣ въ десять, такъ какъ «во избѣжаніе непріятностей» казна должна была бы приплатить лишнихъ пять милліоновъ на одинъ корабль, а на весь флотъ совсѣмъ ужъ чудовищную сумму...

Если бы наши подрядчики писали подробные мемуары, въ которыхъ выяснили бы съ откровенностью нѣмца Дейстера основанія «коммерческаго разсчета» при полученіи различныхъ подрядовъ, то, разумѣется, читатели значительно бы сократили ихъ баснословные барыши, и, разумѣется, тогда труды правительственныхъ комиссій, назначенныхъ для обнаруженія разныхъ злоупотребленій, открывшихся во время войны, значительно были бы облегчены. Но подрядчики—неглупый народъ, они не хуже адвокатовъ понимаютъ значеніе коммерческой тайны и берегутъ ее какъ зѣницу ока, предоставляя различнымъ комиссіямъ открывать тайну безъ ихъ помощи и, конечно, не безъ коммерческаго разсчета готовы скорѣе принять на свои шеи тысячи проклятій, чѣмъ лишиться на будущее время возможности получить какое-нибудь хорошее дѣло. Хотя эти господа и враги круговой поруки въ принципѣ, но въ практическомъ приложеніи они ее допускаютъ охотно.

Послѣ всего вышеизложеннаго остается подумать: въ какомъ положеніи очутился бы подрядчикъ, обязанный дѣйствовать въ сферѣ подарковъ, промессъ и обѣщаній, который, при опредѣленіи цѣнъ, не принялъ бы въ разсчетъ ни исторической язвы лихоимства ни разныхъ непріятностей, могущихъ встрѣтиться на пути? Такому наивному пришлось бы разориться, такъ какъ ему пришлось бы уплатить значительный налогъ изъ собственнаго кармана. Разумѣется, такихъ легковѣрныхъ подрядчиковъ очень мало, и они предпочитаютъ тотъ же налогъ платить черезъ посредство казны

и, какъ свидѣтельствуютъ различныя дѣла, иногда попадающія въ судъ, заводить въ своихъ книгахъ даже особые счета на этотъ предметъ.

Такое участіе казны въ приплатѣ на общественную испорченность, культивированную общимъ складомъ нашей общественной жизни, само собою ложится на платежной силѣ, выносящей на своихъ раменахъ всѣ историческіе недостатки нашего общества. Видѣть зло въ злодѣйствѣ того или другого подрядчика было бы совсѣмъ глупо. Роковымъ образомъ всѣ условія складываются такимъ образомъ, что даже усилія честныхъ административныхъ лицъ, какъ мы видѣли изъ мирзоевскаго дѣла, оказываются безсильными въ борьбѣ съ «нравами», и это безсиліе какъ бы свидѣтельствуетъ, что успѣшная борьба на почвѣ настоящихъ условій едва ли можетъ быть побѣдоносна въ интересахъ тѣхъ людей, которые не заражены исторической язвой. Странный, повидимому, фактъ: наша литература послѣ крымской кампаніи одно время спеціально занималась обличеніемъ взяточничества; прошло съ тѣхъ поръ болѣе двадцати лѣтъ—и снова передъ нами та же самая проказа, пожалуй, болѣе приличная на видъ, прикрытая названіями «комиссій», «промессъ» и т. п., но едва ли менѣе старой разъѣдающая общественный организмъ. Само общество, возмущающееся подчасъ различными, быстро наживающимися дѣльцами-подрядчиками, смотритъ нерѣдко на казну, какъ на какую-то «фикцію», обойти которую какъ будто и не зазорно. Стоитъ вспомнить, какое множество людей не считаютъ предосудительнымъ обходить эту казну при совершеніи разныхъ актовъ, утаивая сумму совершенныхъ сдѣлокъ, ради уменьшенія платы пошлинъ, и стоитъ поразмыслить надъ той «средней нравственностью» большинства общества, чтобы понять, что большинство общественныхъ и семейныхъ отношеній держится на принципѣ наживы во что бы то ни стало, нисколько не стѣсняя средней «общественной совѣсти». Если къ этому прибавить, что условія, при которыхъ прилагается этотъ принципъ, представляютъ всѣ шансы для смѣлаго его примѣненія, то нельзя не придти къ печальному выводу относительно того незначительнаго прироста нравственныхъ понятій, который накопился со времени крестьянской реформы въ большинствѣ общества, пользующагося благами цивилизаціи, при полномъ невѣжествѣ и экономическомъ безсиліи массъ, не думая о «завтрашнемъ днѣ» и упуская изъ виду ту тяжелую задачу, которая выпадетъ на долю нашимъ потомкамъ и которая уже теперь смущаетъ нѣкоторыхъ, болѣе совѣстливыхъ, изъ нашихъ дѣтей.

Если на судѣ, благодаря личной инициативѣ морского министра, мы имѣли случай увидѣть приподнятый край завѣсы, скрывающей основанія коммерческаго разсчета по отношенію къ казнѣ и ея

интересамъ, то благодаря свѣтлѣйшему князю А. А. Суворову, случайно присутствовавшему въ съѣздѣ мировыхъ судей Новоладожскаго уѣзда, мы имѣемъ возможность приподнять, на основаніи судебнаго разбирательства, край другой завѣсы, скрывающей взаимныя отношенія гражданъ и участіе мѣстной полицейской власти въ этихъ отношеніяхъ.

По сообщенію корреспондента «Голоса» (№ 195), пріѣзжавшій на освященіе церкви въ Новой-Ладогѣ князь А. А. Суворовъ 27 іюня, какъ почетный мировой судья, присутствовалъ на съѣздѣ мировыхъ судей. Вотъ что выяснилось на мировомъ съѣздѣ, по судебному отчету, напечатанному въ «Голосѣ»:

«Въ числѣ гражданскихъ дѣлъ разбиралась въ это засѣданіе жалоба крестьянъ Глажевской волости, деревни Лохово, на довѣреннаго купца Кононова, купца Малышева, о взысканіи 400 руб. за вывозку дровъ. Дѣло вопіющее по раскрывшимся на разбирательствѣ подробностямъ.

«Крестьяне продали Малышеву дрова съ обязательствомъ вывезти ихъ на берегъ, гдѣ складывали ихъ кладчики Малышева. По условію, дрова должны были быть сложены въ высоту мѣрою съ наружной стороны 9½ четвертей и съ задней 10½ четвертей, а какъ дрова оказались сложенными выше уговора, то крестьяне заявили при разсчетѣ споръ и обратились къ волостному старшинѣ съ просьбою провѣрить кладку. Старшина при понятыхъ произвелъ повѣрку, и оказалось, что дрова сложены съ наружной стороны высотою въ 11 четв., а съ задней—12 четв., о чемъ и составленъ былъ актъ.

«На съѣздѣ Малышевъ представилъ условіе, на которомъ крестьяне въ присутствіи помощника исправника подписали, что разсчетомъ остались вполнѣ довольны и претензіи на Малышева не имѣютъ. По дѣлу этому, какъ касающемуся цѣлаго сельскаго общества, требовалось заключеніе прокурора, а присутствіе въ числѣ судей князя А. А. Суворова развязало крестьянамъ-свидѣтелямъ языкъ, такъ какъ они были увѣрены, что, показывая по правдѣ, они не подвергаютъ себя никакому наказанію со стороны лицъ, власть имѣющихъ. Данныя при подобной обстановкѣ показанія вполнѣ выяснили какъ настоящее дѣло, такъ и грустное положеніе, въ которомъ находится сельское населеніе благодаря своеобразному взгляду помощника исправника, что богатый всегда правъ, и что назначеніе его состоитъ въ томъ, чтобъ помогать ему обсчитывать и обманывать крестьянъ.

«На разбирательствѣ дѣла помощникъ исправника показалъ, что онъ прибылъ на квартиру купца Малышева для повѣрки сплавныхъ билетовъ; на мѣстѣ, гдѣ сложены дрова, не былъ; крестьяне добровольно подписались на условіи; претензіи, при разсчетѣ, на Малышева не имѣли.

Бывшій глажевскій волостной старшина показалъ, что, по просьбѣ крестьянъ, провѣрялъ кладку дровъ и о найденномъ составилъ актъ. Послѣ этого онъ получилъ письменный приказъ отъ помощника исправника явиться къ нему, на квартиру Малышева, и когда явился, то былъ всячески выруганъ; на замѣчаніе же, что онъ заводитъ кляузы, просилъ помощника исправника отправиться на мѣсто и провѣрить составленный имъ актъ, но за это былъ вытолкнутъ въ шею и въ скоромъ времени удаленъ отъ должности.

Довѣренный крестьянъ показалъ, что когда довѣрители его не соглашались произвести разсчетъ, какой хотѣлось Малышеву, то Малышевъ поѣхалъ въ Ладогу и «приказалъ» (весьма характерное выраженіе) помощнику исправника покончить дѣло. Пріѣхавъ на квартиру Малышева, помощникъ исправника вытребовалъ крестьянъ и съ бранью и угрозами заставилъ подписаться на условіи, что они разсчетомъ довольны, послѣ чего уже Малышевъ разсчиталъ ихъ, какъ хотѣлъ. Подписаться они должны были изъ страха: деньги нужны были для уплаты податей, и если-бъ они не подписали, то Малышевъ затянулъ бы выдачу денегъ, а ихъ, за неплатежъ податей, «перепороли бы».

Сторонніе свидѣтели подтвердили, что «просто страсть было слушать», какъ кричалъ помощникъ исправника, принуждая крестьянъ подписываться подъ условіемъ, и ругалъ волостного старшину.

Свидѣтель сельскій староста заявилъ, что крестьянамъ уже «невтерпежъ» переносить покровительство лѣсопромышленникамъ; притомъ какъ они ихъ обсчитываютъ! Крестьяне надѣются однако, что теперь это выйдетъ наружу, а то послѣ того, какъ смѣнили старшину единственно за то, что онъ заступился за крестьянъ, они собирались идти въ Петербургъ, всѣ старосты и по три крестьянина съ общества, жаловаться.

Другой сельскій староста показалъ, что онъ четыре года на службѣ; первый годъ попробовалъ-было заступиться за крестьянъ при томъ, когда ихъ обмѣривали, то за это высидѣлъ недѣлю подъ арестомъ, такъ что теперь и рукой махнулъ—«а то, того и гляди, какъ бунтовщикъ, попадешь въ острогъ!»

Съѣздъ призналъ искъ крестьянъ правильнымъ, а товарищъ прокурора, графъ Нессельроде, далъ заключеніе, что такъ какъ при разборѣ настоящаго дѣла имъ усмотрѣны незаконныя дѣйствія новоладожской полиціи, то онъ проситъ дѣло передать ему для возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ полиціи.

Дѣло, какъ видитъ читатель, по цифрѣ небольшое. Лоховскіе крестьяне искали всего четыреста рублей, но, несмотря на незначительность цифръ, подобныя дѣла едва ли не заслуживаютъ бо̀льшаго вниманія, чѣмъ многія изъ тѣхъ causes célèbres, на которыя публика валитъ какъ на театральное представленіе. Благодаря слу-

чайному присутствію князя А. А. Суворова въ Новой-Ладогѣ, дѣло это получило огласку, и, вѣроятно, помощникъ исправника, помогавшій кулаку обсчитывать крестьянъ, будетъ смѣненъ.

Если бы всѣ такія бѣды такъ легко исправлялись и если бы, благодаря смѣнѣ того или другого низшаго агента, все пошло какъ по маслу, то на такіе факты едва ли стоило бы обращать серьезное вниманіе. Дѣло въ томъ, что, сопоставляя подобные факты, является невольное сомнѣніе въ возможности найти такихъ агентовъ, которые бы, вмѣсто того, чтобы держать сторону кулака, держали сторону униженныхъ и оскорбленныхъ. При всемъ добромъ желаніи найти такихъ людей, это едва ли мыслимо при настоящихъ условіяхъ. Нравы вырабатываются подъ вліяніемъ совокупности условій. Тотъ или другой неблагонамѣренный низшій агентъ—лишь видимый результатъ всего цикла общественныхъ явленій.

Взаимныя отношенія деревенскихъ жителей къ кулакамъ, обнаруженныя въ новоладожскомъ мировомъ съѣздѣ, имѣютъ болѣе или менѣе тотъ же характеръ и въ другихъ сферахъ. Если вы, прочитывая въ газетахъ многочисленные факты о гибели поѣздной прислуги при желѣзнодорожныхъ крушеніяхъ, матросовъ при аваріяхъ, рабочихъ при взрывахъ котловъ на фабрикахъ и т. п., желали бы прослѣдить, сдѣлано ли что-нибудь для этихъ пострадавшихъ, то ваши поиски за удовлетворительнымъ отвѣтомъ остались бы безъ всякаго результата, и вы узнали бы, что желѣзнодорожныя правленія и пароходныя общества смотрятъ на это дѣло опять-таки съ той точки зрѣнія, съ которой смотритъ самый отъявленный кулакъ, и такимъ образомъ мертвымъ оказывается такой же почетъ, какъ и живымъ, развѣ соберутъ рублей сто и дадутъ вдовѣ какого-нибудь матроса, ужъ очень надоѣдающей своимъ воемъ управленію. На желѣзныхъ дорогахъ, сколько извѣстно, существуютъ пенсіонныя кассы для служащихъ (въ пароходныхъ обществахъ, по крайней мѣрѣ на Волгѣ, и этого нѣтъ), но положеніе рабочихъ не обезпечено нисколько.

Недавно въ газетахъ приведено было слѣдующее вычисленіе содержаній, получаемыхъ нѣкоторыми нашими звѣздами желѣзнодорожнаго дѣла. По вычисленію газетъ, г. Меккъ получаетъ, въ качествѣ предсѣдателя нѣсколькихъ правленій, 158.000 франковъ въ годъ, г. Ададуровъ въ томъ же качествѣ — 282.000 франковъ, г. И. фонъ-Дервизъ съ нѣсколькихъ дорогъ, гдѣ онъ директорствуетъ—277.000 фр. Очень понятно, что имъ нечего заботиться объ обезпеченіи своихъ семействъ, но если не заботятся они, то намъ кажется, что на участь семействъ большого количества рабочихъ, погибающихъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходныхъ обществахъ при исполненіи своихъ обязанностей, слѣдовало бы обратить вниманіе и обязать закономъ извѣстное обезпеченіе.

Недавно на Волгѣ погибъ пароходъ «Іоаннъ», принадлежавшій братьямъ Каменскимъ, вслѣдствіе взрыва котла. По этому поводу нижегородскій корреспондентъ «Совр. Изв.» сообщаетъ слѣдующее:

«Года не прошло со времени столкновенія на Волгѣ двухъ пароходовъ: «Бориса» съ «Кормильцемъ», при чемъ одинъ изъ нихъ погибъ со ста семью пассажирами, какъ 23 іюня случилось на Волгѣ новое подобное несчастіе. На пароходѣ Каменскихъ лопнулъ котелъ, и пароходъ «Іоаннъ» погибъ съ товарами и людьми. Когда же наконецъ волжское пароходство поступитъ хотя подъ какой-нибудь контроль? А то на пароходахъ страшная распущенность: мѣста служащимъ продаются открыто; въ числѣ управляющихъ и служащихъ на пароходахъ попадаются такія личности, которымъ мѣсто никакъ не у руля на Волгѣ; кто повѣритъ, что въ числѣ управляющихъ пароходами есть разстриженный сельскій дьяконъ, уволенный изъ духовнаго званія за непрерывное пьянство, или отставной запѣвало цыганскаго хора, цыганъ, попавшій въ управители парохода благодаря своей сестрицѣ, состоящей въ гражданскомъ бракѣ съ сосѣднимъ пароходнымъ воротилою? Тѣмъ не менѣе это фактъ. Есть еще отставной же чиновникъ, уволенный отъ службы изъ мѣстнаго акцизнаго управленія, есть бывшій архіерейскій служка, промѣнявшій служеніе около архіерейскаго посоха на управленіе трезубцемъ Нептуна, есть полицейскій чиновникъ, уволенный изъ полиціи за то, что уснулъ на пожарѣ. Послѣ этого удивительно ли, что пароходами управляютъ у насъ не управляющіе, а рабочіе; капитаны же, если не спятъ въ своихъ каютахъ, то сидятъ въ пароходныхъ буфетахъ за пивомъ или водкой. Да и зачѣмъ имъ вести себя иначе, если наружу выходятъ развѣ ужъ большія несчастія только, въ родѣ прошлогодняго и нынѣшняго, а мелкія остаются даже безъ взысканія со стороны пароходовладѣльцевъ? А какъ содержатся пароходы, особенно 3-й классъ? Это не каюты, а клоаки. На рѣдкомъ пароходѣ найдется крѣпкій полъ, крѣпкая лѣстница, притворяющіяся двери. Буфеты вездѣ въ отвратительномъ видѣ: воду пить нельзя, водоочистительныхъ машинокъ нѣтъ, а если гдѣ и есть, то поломанныя. Даже на такихъ пароходахъ, какъ «Александръ II» и «Кауфманъ», вода отвратительная, съ запахомъ сала и дегтя, потому что черпаютъ ее изъ-подъ пароходныхъ колесъ, и всегда половина графина занята отстоемъ грязи. Словомъ, управленія всѣхъ волжскихъ пароходовъ одинаково невнимательны къ пассажирамъ, и служащіе и прислуга невѣжливы, грубы и неопрятны. Ни кухни ни каюты не только никогда не моются, но даже и метутся лишь одинъ разъ, когда открывается навигація. Возвращаясь къ катастрофамъ прошедшаго года и нынѣшней, не мѣшаетъ сказать, что слѣдствіе по поводу первой ни къ чему не привело: виновныхъ не оказывается, потери никѣмъ

и ничѣмъ не вознаграждены, уцѣлѣвшій пароходъ перемѣнилъ паспортъ и подъ чужимъ именемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ путешествовать по Волгѣ съ тѣмъ же управителемъ, который, кстати сказать, прежде былъ у насъ въ Нижнемъ портнымъ. Обидно будетъ и для негодующей публики и оскорбительно для правосудія, если и настоящее происшествіе окончится такъ же благополучно для его виновниковъ, какъ и прошлогоднее».

Ясно, что сельскій дьяконъ, отставной запѣвало и бывшій портной въ качествѣ капитановъ пароходовъ представляютъ плохую гарантію и для экипажа и для путешественниковъ, такъ какъ, разумѣется, процентъ несчастій находится въ прямой зависимости отъ умѣнья и распорядительности капитановъ. При гибели «Іоанна», между прочими, погибли три кочегара, одинъ рулевой и буфетный лакей, а многіе служащіе, и въ томъ числѣ капитанъ, получили сильные обжоги. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что семьи погибшихъ и сами пострадавшіе не получатъ съ братьевъ Каменскихъ никакого обезпеченія, да и получить его не могутъ, такъ какъ законъ не обязываетъ ихъ къ этому.

Какъ бы для того, чтобы оттѣнить, какъ поступаютъ въ данномъ случаѣ иностранцы, въ одной изъ газетъ приводится слѣдующій фактъ съ той же самой Волги:

«Старшій механикъ на пароходѣ «Avraham Lincoln», мѣщанинъ Вѣнчальниковъ, десять лѣтъ тому назадъ кончившій курсъ въ техническомъ училищѣ и прямо поступившій на только-что отстроенный пароходъ «Avraham Lincoln» (принадлежавшій американцу Джеферсону), 17 іюня, переправляясь на пароходъ съ берега, при ударѣ лодки о бортъ парохода, потерявъ равновѣсіе, упалъ въ воду и утонулъ. Владѣлецъ парохода немедленно выдалъ въ пособіе семьѣ покойнаго 3.000 руб. за его десятилѣтнюю безупречную службу, чѣмъ и оказалъ большую помощь семейству безвременно-погибшаго машиниста-механика».

III.

Недавно во всѣхъ газетахъ было напечатано извѣстіе о происшествіи на тоняхъ, при чемъ сообщались имена участниковъ и слухи объ исключеніи изъ службы по приказу г. градоначальника трехъ приставовъ и двухъ другихъ служащихъ. Вскорѣ послѣ этого въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» была напечатана замѣтка, въ которой опровергались слухи о привлеченіи къ отвѣтственности двухъ изъ названныхъ лицъ; затѣмъ ни о самомъ происшествіи ни о вѣрности слуховъ относительно остальныхъ лицъ въ названной замѣткѣ не сказано было ни слова. Въ городѣ между тѣмъ ходили самые разнообразные слухи; говорили о возбужденномъ, по жалобѣ оскорбленной женщины, слѣдствіи, разсказывали, что виновныя лица

уже уволены изъ службы, но сколько было справедливаго во всѣхъ этихъ слухахъ—трудно было сказать, такъ какъ никакого разъясненія не было. Вскорѣ послѣ этого въ газетахъ появился разборъ этой, надѣлавшей шума, исторіи у мирового судьи 26 участка, по обвиненію крестьянки Аѳанасьевой въ нарушеніи общественной тишины на тоняхъ; при первомъ разбирательствѣ обвиняемая Аѳанасьева въ судъ не явилась, и мировой судья, на основаніи показаній свидѣтелей отъ полиціи, призналъ ее виновной и приговорилъ къ штрафу.

Въ субботу, 15 іюля, дѣло это снова разбиралось у того же мирового судьи вслѣдствіе отзыва, поданнаго обвиняемою.

Къ разбирательству явились: обвиняемая, девять человѣкъ свидѣтелей и уполномоченный отъ полиціи, коллежскій асессоръ Черепнинъ, исполняющій обязанности д. с. с. Рудановскаго во время его отсутствія. Всѣ свидѣтели, и въ томъ числѣ Опитцъ—лютеранскаго вѣроисповѣданія, приняли присягу по обрядамъ православной церкви. Затѣмъ мировой судья пояснилъ, что крестьянка Аѳанасьева обвиняется въ нарушеніи общественной тишины и появленіи на улицѣ въ безобразно-пьяномъ видѣ, и прочиталъ полицейскій протоколъ слѣдующаго содержанія:

«1878 года, іюня 5-го дня, около 3-хъ часовъ утра, дворникъ дома № 1 по набережной Большой Невки, на Аптекарскомъ островѣ, крестьянинъ Витебской губерніи, Велижскаго уѣзда, Митрофанъ Андреевъ, доставилъ въ управленіе 3 участка Петербургской части неизвѣстнаго званія женщину въ безобразно-пьяномъ видѣ, нарушавшую общественную тишину въ ночное время на означенной набережной рѣки Большой Невки, для отправленія неизвѣстной женщины въ Петровскую часть для вытрезвленія и привлеченія къ отвѣтственности по 42 ст. уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями. Неизвѣстная оказалась крестьянскою вдовою, Псковской губерніи, Островскаго уѣзда, Прокшинской волости, деревни Киверева, Татьяной Аѳанасьевой, проживающей по Большой Дворянской улицѣ въ домѣ № 29, о чемъ и заключено составить протоколъ для представленія мировому судьѣ 26 участка».

Далѣе мировой судья пояснилъ, что въ первый разъ дѣло по обвиненію крестьянки Аѳанасьевой было назначено еще 28 іюня. Обвиняемая, вызванная по повѣсткѣ, явилась къ разбирательству, но не признала себя виновною. За невызовомъ свидѣтелей дѣло отложено было до 5-го іюля. Въ это второе засѣданіе были опрошены свидѣтели, выставленные въ протоколѣ, а такъ какъ Аѳанасьева не явилась, то состоялось заочное рѣшеніе, по которому мировой судья, на основаніи 119 и 133 ст. уст. уголовнаго судопроизводства и 38 ст. уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями, постановилъ подвергнуть крестьянку Аѳанасьеву денежному взыска-

нію въ размѣрѣ 10 рублей, а при несостоятельности—аресту при полиціи на два дня. На это заочное рѣшеніе Аѳанасьева въ узаконенный срокъ подала отзывъ, въ которомъ просила выставленныхъ полиціею свидѣтелей переспросить вновь и кромѣ того вызвать еще четырехъ, указанныхъ ею лицъ, почему дѣло было назначено къ новому разсмотрѣнію на 15-е іюля.

Повѣренный отъ полиціи, коллежскій асессоръ Черепнинъ, поддерживалъ обвиненіе въ нарушеніи общественной тишины и просилъ наказать подсудимую по 38 ст. уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями.

Аѳанасьева (женщина за 30 лѣтъ, роста выше средняго, волосы свѣтло-русые) виновною себя не признала, а на вопросъ мирового судьи разсказать объ обстоятельствахъ дѣла сообщила слѣдующее:

«Въ Троицынъ день ко мнѣ пріѣхалъ братъ съ женою въ гости; съ вечера онъ порядочно подгулялъ, а утромъ, 5-го іюня, мы поѣхали съ нимъ на тоню. Передъ отправленіемъ выпили бутылку пива. Когда мы пріѣхали, на тоняхъ никого изъ публики не было. Дверь въ будку была притворена. Мы заказали двѣ тони по 5 руб. Тутъ вышло изъ будки четверо мужчинъ; двое были одѣты въ статскомъ, а другіе двое—въ полицейской формѣ. Одинъ изъ нихъ (послѣ я узнала, что это былъ приставъ Бѣлявскій) подошелъ ко мнѣ и началъ разговоръ въ шутливомъ тонѣ; говорилъ, что холодно и сыро, и приглашалъ меня въ будку. Потомъ въ разговоръ вступили и другіе, тоже звали въ будку и предлагали выпить коньяку. Въ будку я не пошла. Тогда высокій статскій господинъ, хорошо одѣтый, въ цилиндрѣ, вынесъ мнѣ стаканъ коньяку. Я отказалась, а братъ мой выпилъ. Пришла тоня, въ которую попало очень много рыбы. Приставъ мнѣ позавидовалъ и сказалъ, что въ его тоню вытащили только одну воду. Пока шла другая тоня, статскій вынесъ другой стаканъ коньяку, который опять братъ выпилъ. Меня снова стали звать въ будку. Было холодно, я прозябла и согласилась войти. Двое полицейскихъ и одинъ статскій, уже пожилой, пошли впередъ. Я шла позади съ высокимъ господиномъ. Когда мы вошли, онъ заперъ дверь. Въ будкѣ я увидала много бутылокъ изъ-подъ винъ и коньяку. Приставъ началъ пить и меня угощать. Я пить не хотѣла и отъ угощенія отказалась. Вскорѣ вся компанія начала позволять себѣ въ отношеніи ко мнѣ разныя вольности, безцеремонно охватывать... Я, конечно, сопротивлялась и избѣгала непрошенныхъ любезностей. Тогда приставъ крикнулъ: «Что на нее смотрѣть, валите ее на полъ!» Меня повалили... Я пробовала кричать, а приставъ говорилъ: «Ты можешь здѣсь кричать сколько угодно; къ тебѣ никто не придетъ на помощь. Здѣсь мы хозяева». Офицеръ и пожилой господинъ (послѣ

я узнала, что это письмоводитель Косачевскій) вышли; остались приставъ и высокій господинъ. Этотъ господинъ держалъ меня, а приставъ исполнялъ свой замыселъ...»

Мировой судья предложилъ обвиняемой въ своемъ разсказѣ воздерживаться отъ передачи подробностей.

Аѳанасьева продолжала: «Я сдѣлалась безъ чувствъ, а когда пришла въ себя, то въ будкѣ опять были уже всѣ четверо. Они мнѣ что-то вливали въ ротъ. Когда я приподнялась, меня стали выталкивать вонъ. Я сопротивлялась и требовала составить протоколъ. Въ то время я еще не знала, что такъ подло со мной поступилъ приставъ. Онъ велѣлъ рыбакамъ взять меня и тащить въ участокъ. Тѣ буквально исполнили его приказаніе и тащили меня съ полверсты, такъ какъ идти я была не въ состояніи. Потомъ передали меня дворнику и городовому. У министерской дачи насъ догналъ братъ на извозчикѣ. Сначала мнѣ не позволяли сѣсть на извозчика и говорили, что приставъ велѣлъ тащить меня, а потомъ, когда я стала падать отъ изнеможенія, меня посадили вмѣстѣ съ братомъ и привезли въ участокъ».

На этомъ мировой судья пріостановилъ разсказъ Аѳанасьевой, такъ какъ дальнѣйшія подробности не имѣютъ, по его мнѣнію, никакого отношенія къ настоящему дѣлу.

Повѣрен. отъ полиціи.—Г-жа Аѳанасьева отвѣчала не на тотъ вопросъ.

Мировой судья.—Вы, г. уполномоченный отъ полиціи, изложите послѣ ваши соображенія, а теперь я занесу въ протоколъ объясненіе Аѳанасьевой.

На вопросы уполномоченнаго отъ полиціи Аѳанасьева отвѣчала, что видѣла за избушкой какихъ-то постороннихъ людей; когда отправляли ее въ участокъ, видѣла еще возлѣ тонь, что тамъ одинъ былъ въ военной фуражкѣ. Братъ былъ пьянъ раньше пріѣзда на тони; онъ и въ гости къ обвиняемой пріѣхалъ пьяный.

Дворникъ, крестьянинъ Митрофанъ Андреевъ, показалъ, что встрѣтилъ городового, который велъ женщину. Городовой велѣлъ эту женщину вести въ участокъ. Мимо проѣхалъ мужчина, котораго женщина назвала братомъ и просила посадить ее на извозчика. Сначала посадить ее хотѣли, но она отказывалась идти и угрожала лечь на землю. Шумѣть не шумѣла, а только говорила громко о своей слабости и ругала пристава. На извозчикѣ ѣхала смирно. Костюмъ былъ въ безпорядкѣ: волосы растрепаны, платье разорвано. Когда привезли въ участокъ, женщина не хотѣла подниматься на лѣстницу. Околоточный надзиратель приказалъ ее ввести.

Городовой Заплеталовъ показалъ, что, услыхавъ свистокъ часовъ въ шесть утра, онъ прибылъ на набережную Большой Невки и

увидалъ, что нѣсколько рыбаковъ вели женщину подъ руки. Позади шелъ приставъ 3-го участка Петербургской части. Приставъ велѣлъ отвести женщину въ участокъ. Женщина была пьяна, потому что отъ нея пахло виномъ и она наступала на платье; кого-то ругала, но имени не назвала. Когда провели съ полверсты, мимо проѣхалъ извозчикъ съ сѣдокомъ, котораго женщина назвала братомъ. Послѣдній былъ настолько пьянъ, что, слѣзая съ извозчика, повалился на землю.

Противъ показанія слѣдующаго свидѣтеля, с.-петербургскаго мѣщанина Василія Романовича Опитца, служащаго кассиромъ въ «Зàмкѣ цвѣтовъ», Аѳанасьева предъявила отводъ на томъ основаніи, что онъ принадлежалъ къ оскорбившей ее компаніи, хотя скоро ушелъ и никакого участія не принималъ. Отводъ не былъ принятъ во вниманіе.

Свид. Опитцъ.—Я пріѣхалъ на тоню вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Валерштейномъ и засталъ тамъ на плоту двухъ мужчинъ въ статскомъ платьѣ, изъ которыхъ, какъ я узналъ послѣ, одинъ былъ Шенкинъ, а другой Гусевъ. Я заказалъ себѣ тоню. Черезъ нѣсколько времени по дорогѣ къ тонямъ показалась какая-то женщина въ сопровожденіи мужчины. Костюмъ подходившей былъ въ крайнемъ безпорядкѣ: волосы растрепаны, платье загрязнено, косынка спущена; она шла и наступала на подолъ своего платья. Повидимому, какъ она, такъ и ея спутникъ были въ состояніи сильнаго опьяненія. Я пошелъ въ будку и встрѣтилъ тамъ трехъ полицейскихъ офицеровъ (Бѣлявскаго, Серафимовича и Кривалева) и одного статскаго, именно письмоводителя 3-го участка Петербургской части, Косачевскаго. Потомъ, когда я вышелъ, на плоту были, кромѣ меня, Валерштейнъ, Шенкинъ и Гусевъ. Пріѣхавшая женщина начала шутить съ находившимися здѣсь мужчинами, съ которыми и ушла въ будку. Минуты черезъ двѣ она опять появилась на плоту, а затѣмъ ушла снова съ мужчинами въ будку. Дверь въ будку была открыта все время. Вскорѣ я услыхалъ въ будкѣ какой-то шумъ и пошелъ изъ любопытства туда. При самомъ входѣ я услышалъ крупный разговоръ. Женщина просила водки. Сначала ей говорили, что водки нѣтъ, а потомъ кто-то изъ статскихъ мужчинъ налилъ ей рюмку воды. Женщина, отвѣдавъ немного изъ поднесенной ей рюмки, остальное выплеснула и сказала, что ее прежде угощали водкой, а теперь дали воды; затѣмъ она начала сильно ругаться и опять требовать водки. Сперва уговаривали, а потомъ вытѣснили за дверь, которую и захлопнули за ней. Женщина начала ломиться въ дверь съ словами, что полиція съ ней пьянствовала, а теперь не хочетъ дать водки, что она будетъ жаловаться градоначальнику. Братъ этой женщины уговаривалъ ее не шумѣть. Приставъ Бѣлявскій, вѣроятно, сильно

разсерженный, съ силою распахнулъ дверь, отворявшуюся наружу, при чемъ стоявшая за дверью женщина, кажется, получила толчокъ. Она снова начала ругать пристава, который приказалъ двумъ рыбакамъ взять ее. Женщина стала вырываться отъ рыбаковъ и упала на землю. Приставъ далъ свистокъ, на который явился городовой, взялъ женщину подъ руку и повелъ ее. Больше я ничего не видалъ и не знаю.

На отдѣльные вопросы Опитцъ заявилъ, что, кромѣ Гусева и Шепкина, онъ зналъ всѣхъ остальныхъ мужчинъ, бывшихъ на тоняхъ, такъ какъ они часто посѣщали «Замокъ цвѣтовъ», гдѣ служитъ свидѣтель. Двери въ будкѣ были все время открыты; ихъ притворили только тогда, когда вытолкали Ааѳнасьеву.

Крестьянинъ Иванъ Либавкинъ, содержатель тонь, показалъ, что онъ стоялъ на плоту, когда трое статскихъ господъ заказали ему тоню. Послѣ того пришелъ приставъ Бѣлявскій, въ сопровожденіи двухъ мужчинъ въ статскомъ платьѣ, а затѣмъ и еще нѣсколько мужчинъ. Аѳанасьева и мужчина, съ которымъ она пріѣхала, были выпивши, но оба были въ порядкѣ; костюмъ Аѳанасьевой не былъ ни загрязненъ ни разорванъ. Они заказали двѣ тони. Потомъ свидѣтель ушелъ пить чай и не знаетъ, что̀ происходило въ его отсутствіи. Когда онъ возвращался, то увидалъ Аѳанасьеву, лежащую на берегу, которая ругала пристава. Потомъ приставъ велѣлъ взять ее.

Показаніемъ Либавкина закончился допросъ свидѣтелей, выставленныхъ въ протоколѣ полиціи. Послѣ краткаго перерыва засѣданія были спрошены свидѣтели, выставленные Аѳанасьевой. Первымъ давалъ показаніе братъ обвиняемой, Егоръ Аѳанасьевъ. О своемъ пріѣздѣ на тони онъ разсказалъ согласно съ сестрой. Когда тащили заказанныя ими тони, сестра заявила, что она прозябла. Статскіе мужчины вынесли ей стаканъ коньяку. Сестра отказалась, а онъ выпилъ. Когда сестра ушла въ будку, онъ черезъ нѣсколько времени услыхалъ ея крикъ и тоже хотѣлъ войти туда. Будка была заперта. Снаружи у дверей съ одной стороны стоялъ старичокъ въ статскомъ, а съ другой офицеръ. Старикъ началъ толкать свидѣтеля. Потомъ дверь растворили.—«Я видѣлъ, что тамъ происходилъ скандалъ. Сестру вытолкали. Старикъ сгребъ меня и повалилъ, а когда я приподнялся, онъ толкалъ меня пинками до извозчика. Когда сестра упала, полковникъ крикнулъ: «убрать эту мерзавку, пьяницу!» Ее потащили, какъ собаку».

Городовой Кузьменко показалъ, что утромъ пятаго числа онъ стоялъ на своемъ посту возлѣ Сампсоніевскаго моста. Къ нему подошла Аѳанасьева съ братомъ и сказала, что они собрались на тони. Братъ Аѳанасьевой былъ выпивши, а она только слегка дрожала, но была трезвая. На вопросъ, отчего она дрожитъ, Аѳа-

насьева отвѣчала, что съ вечера была порядкомъ подгулявши. Потомъ они наняли извозчика на тони и обратно за 60 копеекъ и уѣхали. Свидѣтель знаетъ давно Аѳанасьеву, потому что она содержитъ портерную по Большой Дворянской улицѣ, невдалекѣ отъ его поста. Слыхалъ, что Аѳанасьева пьетъ водку, но никогда не видалъ ее пьяною. Костюмъ обвиняемой былъ въ порядкѣ; она была одѣта въ ситцевомъ капотѣ, сверху котораго была накинута тальма, голова была покрыта ситцевымъ платкомъ.

Васильевъ, служитель Петровскаго полицейскаго дома, показалъ, что Аѳанасьеву привели въ разорванномъ платьѣ; волосы у ней были растрепаны, платокъ съ головы свалился. Она была въ родѣ какъ съ похмелья: лицо поблѣднѣвши, глаза мутные. Сначала она сопротивлялась и не хотѣла идти въ арестантскую, а когда помощникъ смотрителя приказалъ вести ее, то пошла сама.

Ѳеоктистъ Демидовъ, рыбакъ на тоняхъ, разсказавъ согласно съ предыдущими свидѣтелями относительно обстоятельствъ, предшествовавшихъ уходу Аѳанасьевой въ будку, прибавилъ, что, когда она была въ будкѣ, одинъ полицейскій офицеръ сидѣлъ возлѣ нихъ, а другой ходилъ кругомъ будки. Аѳанасьевой выносили на плотъ водку, и одну рюмку она выпила. Дверь въ будкѣ была заперта только недолгое время. Показанія этого свидѣтеля дышали такой неподдѣльной наивностью и самороднымъ юморомъ, что публика во все время его разсказа хохотала безъ умолку.

Послѣднимъ давалъ показаніе крестьянинъ Андреевъ, тоже рыбакъ, и разсказалъ, что господа шутили съ Аѳанасьевой на плоту, угощали ее водкой, и она пила; что когда ее позвали въ будку, то дверь притворили за ней. Когда ее вытолкали и она опять хотѣла туда ворваться, то ее не пускалъ пожилой статскій, котораго она ударила по лицу. Приставъ два раза повторялъ приказаніе взять Аѳанасьеву, но они не слушались пристава, пока не пришелъ хозяинъ. Тащили до городового вдвоемъ съ Ѳеоктистомъ Демидовымъ, а приставъ шелъ позади. Аѳанасьева обертывалась назадъ и ругала пристава, который не стерпѣлъ и ударилъ ее въ шею.

Уполномоченный отъ полиціи въ своей рѣчи обратилъ вниманіе на то, что показанія свидѣтелей, подписавшихся въ протоколѣ, остались безъ измѣненія. Показанія городовыхъ не имѣютъ значенія, такъ какъ они не присутствовали на тоняхъ во время самаго происшествія, а тоньщики были заняты своимъ дѣломъ и ничего не видали. Показаніе брата Аѳанасьевой тоже не можетъ быть принято во вниманіе. Наиболѣе важнымъ остается показаніе свидѣтеля Опитца, который обстоятельно разсказалъ, какъ происходило дѣло, почему уполномоченный просилъ оставить въ силѣ прежній приговоръ, постановленный по этому дѣлу 5-го іюля.

Аѳанасьева въ своемъ послѣднемъ словѣ сказала, что виновною себя ни въ чемъ не признаётъ, что, наоборотъ, она сама подала жалобу градоначальнику на дѣйствія пристава Бѣлявскаго и бывшихъ съ нимъ, и что по этому дѣлу теперь производится уже судебное слѣдствіе. Если не придавать значенія показанію ея брата, то не слѣдуетъ принимать во вниманіе и показаніе Опитца, который принадлежалъ къ компаніи пристава.

Мировой судья, мотивируя свое рѣшеніе, высказалъ, что онъ не усматриваетъ со стороны Аѳанасьевой и ея брата нарушенія общественной тишины, что бранныя слова Аѳанасьевой, относившіяся къ полицейскимъ чиновникамъ, могли быть вызваны ихъ поступками. Повидимому, въ будкѣ произошло что-то таинственное, что̀, можетъ-быть, выяснится со временемъ, а потому постановилъ: приговоръ по существу дѣла отложить впредь до рѣшенія высшей инстанціи.

IV.

Мнѣ приходится окончить «Картинки» грустнымъ извѣстіемъ о кончинѣ даровитаго русскаго литератора М. П. Чурилова. Вотъ что̀ сообщаютъ о покойномъ въ некрологѣ, помѣщенномъ въ «Голосѣ».

«На-дняхъ умеръ отъ дифтерита, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, молодой ученый и литераторъ, *Михаилъ Павловичъ Чуриловъ*. Получивъ первоначальное воспитаніе въ курской гимназіи, М. П. Чуриловъ, 17 лѣтъ, поступилъ въ харьковскій университетъ на физико-математическій факультетъ, а со второго курса перешелъ въ петербургскій университетъ. Здѣсь сосредоточенный юноша не ограничивался однимъ лишь офиціальнымъ, казеннымъ отношеніемъ къ своимъ научнымъ занятіямъ или поверхностнымъ чтеніемъ популярныхъ сочиненій по естествознанію. Благодаря уму, привыкшему къ широкимъ обобщеніямъ, онъ основательно проштудировалъ Дарвина, Геккеля, Конта, а энергія и усидчивость въ трудѣ развили въ немъ любовь къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ въ томъ же направленіи. Подъ вліяніемъ такой страсти, М. П. Чуриловъ отправился за границу. Прибывъ въ Парижъ, М. П. Чуриловъ всецѣло отдался изученію статистики, которая представлялась ему новымъ, малоизвѣданнымъ путемъ къ выводамъ и изслѣдованіямъ, которые служили бы продолженіемъ и развитіемъ руководившихъ его идей. Въ Парижѣ М. П. Чуриловъ въ короткое время достигъ того, что извѣстнѣйшіе французскіе статистики руководили его занятіями, спеціальные журналы открывали охотно свои страницы для его статей, а однимъ изъ результатовъ его занятій явилась брошюра, вы-

шедшая въ 1877 году на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Sur les causes de la dégénération de la race humaine», которая бросала новое освѣщеніе на разработку соціологіи. Послѣднимъ изъ напечатанныхъ его трудовъ былъ рядъ статей о военномъ подборѣ, помѣщавшихся въ «Словѣ». Извѣщенный объ этихъ статьяхъ, строгій цѣнитель научныхъ гипотезъ, Дарвинъ, прислалъ покойному автору сочувственное письмо, съ просьбою не оставлять разъ избраннаго и съ такою безупречностью въ научномъ отношеніи разрабатываемаго имъ метода. Но дифтеритъ, смѣнившій только-что перенесенный тифъ, сломилъ эту желѣзную натуру на 24-мъ году жизни и не далъ осуществиться надеждамъ, которыя возлагались на него».

Мнѣ остается только прибавить, со словъ людей, близко знавшихъ покойнаго, что покойный принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ у насъ изслѣдователямъ, для которыхъ задачей жизни были не изслѣдованія сами по себѣ, а скорѣйшее примѣненіе научныхъ принциповъ въ жизни. И вся кратковременная жизнь покойнаго ясно говорила, что у него слово не шло въ разрѣзъ съ дѣломъ.

1880 г.

„Новая эра“.

I.

— Ты, милый человѣкъ, долженъ радоваться и благодарить Господа, что еще живъ остался, а не то чтобы роптать.

Такими словами (слова эти врѣзались въ мою память), много лѣтъ тому назадъ, началъ свой discours de condoléance одинъ русскій философъ по жизненному опыту, ветхій-преветхій отставной солдатъ, проживавшій въ деревнѣ «на хлѣбахъ изъ милости» послѣ того, какъ съ честью совершилъ польскій и венгерскій походы, потерялъ ногу, защищая Севастополь, и былъ чествуемъ, въ числѣ прочихъ героевъ, Москвою, при чемъ, какъ разсказывалъ герой,—въ Москвѣ его даже «цѣловали господа и подарили три цѣлковыхъ».

Рѣчь, начало которой я только-что привелъ, была въ утѣшеніе односельца-мужика, получившаго значительныя тѣлесныя поврежденія во время одной изъ военныхъ экспедицій, предпринятой въ предѣлы мирной деревни начальствомъ.

— Онъ тебя, голубчикъ, и вовсе могъ лишить живота!—продолжалъ философъ, добродушно покуривая тютюнъ изъ своей носогрѣйки, съ спокойствіемъ настоящаго россійскаго стоика, окончившаго полный курсъ философіи въ теченіе двадцатипятилѣтней службы.— Одначе живота не лишилъ, милый человѣкъ, только тѣло малость повредилъ... Ты долженъ радоваться... Разсуди-ка самъ.

Философъ продолжалъ въ томъ же духѣ, иллюстрируя свое поученіе различными воспоминаніями о замѣчательныхъ случаяхъ «дерки», которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ или которые самъ испыталъ. «Иной разъ замертво уносили, и одначе отлеживался, потому не кто, какъ Богъ!»

Въ тѣ времена—а это было, разумѣется, давно—вашъ покорный слуга былъ еще очень малъ и слѣдовательно не могъ по достоинству оцѣнить всей глубины философіи, заключавшейся въ словахъ философа, но потомъ эта «философія» довольно-таки часто приходила

ему на память, и бывали времена, когда она—увы!—едва ли не служила единственнымъ утѣшеніемъ, за которое можетъ ухватиться мало-мальски безпристрастный наблюдатель.

Пришла эта философія на память и въ настоящіе дни, когда, по выраженію какого-то патетическаго публициста, «захватываетъ духъ отъ радости при видѣ любезности городовыхъ, благодаря циркуляру за № такимъ-то, и сердце трепещетъ въ ожиданіи новыхъ циркуляровъ». Во всякомъ случаѣ мы живемъ въ такія времена, когда приходится утѣшаться даже тѣмъ, напримѣръ, что наша ежедневная пресса за послѣдніе мѣсяцы какъ будто стала «отходить» послѣ года всевозможныхъ бѣснованій, которымъ она предавалась добровольно, безкорыстно и съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ. Тонъ «затрапезной», лакейски-патетическій тонъ, царившій въ послѣднее время почти во всѣхъ органахъ нашей ежедневной печати, какъ будто измѣнился и сталъ нѣсколько приличнѣе, хотя, конечно, еще очень далекъ отъ приличія. По крайней мѣрѣ теперь, развертывая газету, вы все-таки гораздо меньше рискуете, чѣмъ рисковали бы мѣсяца три-четыре тому назадъ, когда нельзя было взять въ руки почти ни одного печатнаго листка безъ того, чтобы васъ не обдало какимъ-то особеннымъ букетомъ нахальства, холопства и невообразимаго легкомыслія при сужденіи о самыхъ сложныхъ и затруднительныхъ вопросахъ. Въ каждомъ нумерѣ ежедневно печаталось чуть ли не по двѣ передовыхъ статьи, въ которыхъ, при обиліи восклицательныхъ знаковъ, требовались быстрота и натискъ, «мѣры» и «мѣры» (хотя и безъ того мѣры принимались), и заявлялись чувства, чувства и чувства. Наша печать «обнажала мечъ», разыскивала «корни» и «нити», она изнывала—и, нужно замѣтить, продѣлывала все это совершенно добровольно, какъ тѣ лакаши добраго стараго времени, которые, думая угодить барину, готовы были въ усердіи ходить колесомъ, не замѣчая даже того, что онъ все-таки не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Теперь не время и, можетъ-быть, невозможно въ подробности обрисовать ту печальную роль, которую играла наша пресса въ послѣдніе годы, но будущій историкъ нашего общественнаго развитія, разумѣется, отмѣтитъ это время паденія печатнаго слова и, во всякомъ случаѣ, прочитывая то, что̀ писалось, и принимая въ соображеніе ничтожность общественнаго значенія печати, съ изумленіемъ остановится передъ вопросомъ: «Кто тянулъ господъ публицистовъ за языкъ?» Придетъ время, когда наши дѣти прочтутъ правдивое сказаніе о «езоповщинѣ» своихъ отцовъ, но теперь я все-таки не могу не сказать, что даже умѣнье молчать—умѣнье, какъ извѣстно, хорошо знакомое русскому журналисту—и то въ послѣднее время какъ-то утратилось. Мало того. Если кто-либо молчалъ, то на него съ воплемъ накидывались изъ всѣхъ лагерей

и съ истиннымъ цинизмомъ безстыжей дѣвы допрашивали: «Что̀ означаетъ сіе молчаніе?.. Отчего онъ молчитъ, а не кричитъ: ура!?..»

Да, объ этомъ времени даже страшно вспомнить. Въ тѣ дни трудно было найти публициста, который не трактовалъ бы съ апломбомъ наглости о такихъ вопросахъ, о которыхъ онъ столько же думалъ и столько же читалъ, сколько тѣ папуасы, среди которыхъ живетъ Миклуха-Маклай. Но такъ какъ, благодаря готовымъ шаблоннымъ формамъ, можно было писать передовыя статьи при знаніи одного только правописанія, то нѣтъ ничего мудренаго, что таковыя писались и печатались, и папуасъ-публицистъ смѣло и съ легкимъ сердцемъ предлагалъ «мѣры» и рѣшалъ въ ста пятидесяти, много въ двухстахъ строкахъ всѣ вопросы, при чемъ никогда не забывалъ вплести въ эти строки «нѣсколько прочувствованныхъ» словъ о порядкѣ, законности, собственности, религіи и прокричать вначалѣ, въ серединѣ или въ концѣ: «Съ нами Богъ, да расточатся врази Его!» Насколько «прочувствованы» были эти слова, о томъ, я думаю, знала не только пищущая братія, но догадывалась и публика...

И еще черта: при этомъ, какъ и подобаетъ россіянину, публицисты врали съ тѣмъ неизъяснимымъ легкомысліемъ, съ которымъ вралъ и знаменитый прототипъ ихъ, Иванъ Александровичъ Хлестаковъ. Мнѣ приходитъ на память одно «бойкое перо», какъ весьма характеристическій образчикъ современныхъ воинствующихъ литературщиковъ. «Бойкое перо»—былъ молодчина, что̀ называется, на всѣ руки и какъ будто именно приспособленъ къ теперешнимъ временамъ, когда бойкость вмѣстѣ съ усердіемъ и безстыдствомъ требуется болѣе всего на литературномъ рынкѣ. Онъ писалъ легко, хлестко и подчасъ не безъ остроумія; про него какой-то корифей сказалъ даже: «далеко пойдетъ!» Для этого «голубчика», впрочемъ, рѣшительно было все равно, надъ чѣмъ изощрять свое остроуміе: надъ Вавилонской ли башней или надъ городской думой, надъ домомъ ли терпимости или надъ становымъ приставомъ, надъ Кантомъ или надъ Буддой, надъ клубомъ приказчиковъ или надъ Дантомъ. Все ему было впору, все шло подъ бойкое перо. Стоило только сказать ему: «Ну-ка, голубчикъ, отжарь!»—и нашъ «голубчикъ» отжаривалъ не только самого Самуила Соломоновича Полякова, но хотя бы самого Васко де-Гаму, только бы ему редакторъ сказалъ, что надо Васко де-Гаму «продернуть» и какъ можно лучше.

— Будьте покойны... Онъ у меня взвизгнетъ, такъ я его отчешу!—отвѣчалъ обыкновенно «голубчикъ» самымъ простодушнымъ тономъ, не спрашивая даже, кто такой этотъ Васко де-Гама: живъ ли онъ или умеръ, служилъ или не служилъ и какой былъ націи (фамилія все-таки иностранная).

Впрочемъ, редакторъ объяснялъ ему или совѣтовалъ справиться въ энциклопедическомъ словарѣ, и вслѣдъ затѣмъ «голубчикъ» про-

биралъ Васко де-Гаму «на славу» и, что̀ называется, живого мѣста не оставлялъ на немъ.

Надо при этомъ сказать, что нашъ «голубчикъ» былъ нисколько не обидчивый литераторъ, что̀ въ наше время становится все большей и большей рѣдкостью. Случалось, что вмѣсто Васко де-Гамы ставили въ его статьѣ Колумба; однажды, по ошибкѣ метранпажа, поставили даже имя одного журналиста, большого пріятеля «голубчика», но въ подобныхъ случаяхъ «бойкое перо» даже бровью не моргалъ, благо построчная плата, до которой онъ былъ лютъ, не терпѣла ни малѣйшаго ущерба отъ перестановки именъ. При этой лютости къ построчной платѣ и при бойкости ноздревскаго пошиба, натурально, нашъ «голубчикъ» не стѣснялся писать о чемъ угодно, хотя бы даже и о санскритскомъ языкѣ, и потому писалъ въ двухъ столичныхъ и трехъ провинціальныхъ изданіяхъ. Нечего и говорить, что при такой универсальности ему приходилось провираться жесточайшимъ образомъ, и редакторамъ приходилось съ нимъ держать ухо востро, такъ какъ ему ни почемъ было назвать Луи-Блана безумцемъ, писавшимъ свои возмутительныя сочиненія (которыхъ, какъ читатель, разумѣется, догадался, «голубчикъ» не зналъ даже по названіямъ) истролемъ и кровью, Спинозу—знаменитымъ танцовщикомъ XVII столѣтія и Бэкона—великимъ поэтомъ X вѣка. Равнымъ образомъ ему ничего не стоило перепутать историческія событія. Онъ съ одинаково легкимъ сердцемъ относился и къ исторіи, и къ географіи, и вообще ко всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Когда, случалось, органъ, гдѣ сотрудничалъ мой герой, попадалъ въ конфузъ отъ какого-нибудь уже черезчуръ бьющаго въ глаза nonsens'а, выкинутаго «бойкимъ перомъ», и редакторъ замѣчалъ объ этомъ «голубчику», то онъ отвѣтствовалъ съ спокойствіемъ человѣка, не имѣющаго ни малѣйшаго понятія о совѣсти:

— Виноватъ, ошибся... Сами знаете, такъ легко ошибиться!

Хотя за нимъ и смотрѣли во всѣ глаза, но онъ все-таки вралъ, какъ сивый меринъ. Прежде онъ вралъ все-таки не очень гнусно, и такъ какъ вралъ онъ безъ намѣренія и «бойко», то его читали и даже очень одобряли. Онъ продергивалъ-себѣ, и иногда не безъ остроумія, разныхъ дѣльцовъ, биржевиковъ, желѣзнодорожниковъ, острилъ надъ городовыми и даже какъ будто либеральничалъ. Но вотъ наступили такія времена, когда только лѣнивый не считалъ своею обязанностью «высказаться». Вы можете представить себѣ положеніе моего «голубчика» и вообще положеніе всѣхъ, подобныхъ ему, литературныхъ дѣлъ поставщиковъ. Онъ терпѣлъ, терпѣлъ полгода, но наконецъ не вытерпѣлъ, счелъ необходимымъ съ своей стороны «высказаться» и въ одинъ прекрасный день высказался, и не знаю ужъ—самъ ли, по своей охотѣ, или съ чужого голоса Но зато же и высказался!! Когда я прочелъ произведеніе

бойкаго пера, то несмотря на то, что имѣлъ удовольствіе знать «бойкое перо», я просто ошалѣлъ; говорятъ, ошалѣли многіе его же сотоварищи по изданію: до того расходилось наше «бойкое перо». Съ тою же бойкостью, съ тѣмъ же невѣжественнымъ нахальствомъ, съ какимъ онъ продергивалъ прежде Васко де-Гаму или г. Полякова, или общество поземельнаго кредита, сталъ нашъ современный герой трактовать о задачахъ міра сего, о лжеученіяхъ Запада, о нигилизмѣ, о мѣрахъ и проч. и проч. Я скажу вамъ откровенно, что даже и по тогдашнимъ временамъ произведеніе «бойкаго пера» явилось ужъ черезчуръ... угнетающимъ обоняніе. Онъ слишкомъ ужъ постарался «продернуть»; кромѣ того, какъ видно, не имѣлъ времени заглянуть въ лексиконъ и потому пересолилъ, продергивая Прудона, Лассаля, Маркса, Бабефа, Либкнехта, Бебеля и всѣхъ тѣхъ, чьи имена попадались въ послѣднее время на страницахъ газетъ. Тотъ, кто прежде имѣлъ наивность думать, будто «голубчикъ» когда-нибудь читалъ хоть что-нибудь изъ произведеній названныхъ писателей, могъ теперь сразу убѣдиться, что «голубчикъ» не читалъ ни статьи, ни строчки, написанной тѣми писателями, которыхъ онъ отжаривалъ съ наглостью Ноздрева и съ развязностью Хлестакова, зная хорошо, что по времени никто не взыщетъ, а если и взыщетъ, то про себя, такъ какъ время было самое, что̀ называется, ходкое для товара именно въ такомъ родѣ. «Бойкое перо» превзошелъ, можно сказать, самого себя. Мало того, что онъ заставилъ названныхъ лицъ ѣсть человѣческія внутренности, отрицать не только полотенца, но даже и носовые платки,—онъ божился, что доподлинно видѣлъ самъ, какъ Либкнехтъ при немъ съѣлъ малолѣтняго ребенка; онъ утверждалъ, произнося клятвы, что когда былъ въ Лондонѣ (гдѣ никогда не бывалъ), то самъ видѣлъ, какъ Карлъ Марксъ голый, совсѣмъ голый говорилъ передъ собраніемъ одичалыхъ людей и требовалъ по тысячѣ головъ къ завтраку и по двѣ тысячи къ обѣду...

Это было ужъ черезчуръ глупо, черезчуръ невозможно, и я, какъ сказалъ выше, прочитавъ произведеніе «бойкаго пера», развелъ руками.

Черезъ нѣсколько дней встрѣчаю «голубчика» на Невскомъ. Гляжу—веселъ, какъ чижикъ, бодръ, какъ г. Краевскій, и невмѣняемъ, какъ публицистъ Скальковскій. Подходитъ и привѣтливо раскланивается.

— Послушайте! Однако вы черезчуръ!—сказалъ я ему.

Смотрю, ничего не понимаетъ; только моргаетъ глазами.

— Да вы насчетъ чего это?

— Да насчетъ вашего фельетона.

— А что̀?—съ величайшей наивностью спрашиваетъ меня «голубчикъ».

— Какъ что̀?.. Ну, сами посудите, развѣ можно до того увлечься, что и «внутренности», и голый Марксъ, и тысячу головъ...

— А! Вотъ въ чемъ дѣло. Такъ вѣдь надо же было высказаться!

— То-есть какъ это высказаться?

— Да такъ: Бильбасовъ высказался, Суворинъ высказался, Буренинъ высказался, Цитовичъ высказался—всѣ высказались, а я не высказался. Надо было и мнѣ высказаться.

— Но однако... вѣдь вы... согласитесь... однимъ словомъ, откуда вы и внутренности и все прочее?.. Признайтесь, вѣдь въ Лондонѣ не были?..

— Ну, хорошо, не былъ; въ чемъ же дѣло? Не все ли равно?

— И не видали Маркса голымъ?

— Не видалъ.

— Такъ зачѣмъ же вы пишете?

— Говорятъ вамъ по-русски, кажется: надо же было высказаться!

— Да развѣ вамъ велѣно было, что ли, высказаться, какъ вы говорите? Главное управленіе по дѣламъ печати, что ли, посовѣтовало, или наконецъ редакторъ приказалъ пройтись по всѣмъ по тремъ?

— Никто не совѣтовалъ, врать не стану, а только все-таки какъ-то неловко было. Всѣ высказались: Бильбасовъ высказался, Суворинъ высказался, провинціальные органы всѣ высказались, а мы молчимъ, какъ будто мы, въ самомъ дѣлѣ, не знаемъ, какъ высказаться. Однимъ словомъ—надо было показать, что и я могу, когда нужно... Сами должны понять: время такое, что нужно высказаться въ томъ или другомъ направленіи, а то, того и гляди, газету могутъ счесть за нигилистическую, а меня за нигилиста.

— Васъ?—смогъ только я воскликнуть въ нѣмомъ изумленіи.

— Да что̀ вы наконецъ пристали? Коли на то пошло, такъ это мое мнѣніе!—воскликнулъ онъ.—Довольно намъ разрушать все, пора созидать, а всѣ эти ученія... подрывы религіи, собственности...

— Положимъ, но однако внутренности-то при чемъ же? И голый Марксъ... Коли и вы хотите защищать религію, собственность и нравственность, такъ, по крайней мѣрѣ, хоть прочли бы. А то вѣдь вы сами своимъ враньемъ только людей смѣшите, сй-Богу. Ну, откуда вы все это взяли? Сочинили сами?

— Да полно вамъ. Сказано: высказаться надо!

Вы знаете, читатель, что такихъ «легкимъ сердцемъ», каковъ только-что представленный вашему вниманію джентльменъ пера—немало въ нашей прессѣ, и вы поймете, какого рода сумбуръ и хаосъ вносили они въ умы читающей публики. Какъ-никакъ, а вѣдь и въ публикѣ найдутся люди, и такихъ немало, которые, пожалуй, и повѣрятъ на̀-слово разнымъ литературнымъ Ноздревымъ и... но что̀ дальше разсказывать... Точно не памятно всѣмъ то недавнее

время, когда въ газетахъ то и дѣло попадались сообщенія о томъ, какъ купцы обвиняли другъ друга въ «сицилизмѣ», какъ доносы грозили сдѣлаться общимъ явленіемъ, какъ слово «студентъ» внушало подозрѣнія, и какъ господствующее настроеніе эксплоатировалось для сведенія личныхъ счетовъ.

Литература помогала этому. Мало того: «Московскія Вѣдомости» съ доблестью, заслуживающей во всякомъ случаѣ похвалы, и безъ вилянія, съ которымъ другіе органы попеременно ставили свѣчки то Богу, то чорту, прямо возводили доносъ въ нравственную обязанность каждаго честнаго гражданина.

Вотъ почему приходится радоваться даже тому, что въ послѣднее время наши газеты стали «отходить». По крайней мѣрѣ онѣ ежедневно не разыскиваютъ корней съ обнаженіемъ меча, не высказываются съ легкомысленнымъ невѣжествомъ литературныхъ Ноздревыхъ, а по обычаю предаются сладкимъ мечтамъ по поводу... Господи, да развѣ за поводомъ будетъ когда-нибудь остановка?!

Только одинъ Катковъ сумрачно взираетъ на все съ высоты своего Капитолія и, съ нѣкоторымъ величіемъ простирая грозно руку, твердитъ неизмѣнное свое слово:

Повсюду ковы, ковы, ковы,
Измѣны рѣчь.
Скорѣй желѣзныя оковы
И грозный мечъ!

Да ех-профессоръ одесскій и всероссійскій пасквилянтъ г. Цитовичъ, такъ же внезапно появившійся со своимъ «Берегомъ», какъ внезапно сдѣлался «знаменитостью», — отъ которой да избавитъ, впрочемъ, Богъ, — продолжаетъ описывать «мадамшъ», создавать tiers-état, считать гг. Краевскаго и Суворина ошалѣвшими «краснокожими журналистами» и вмѣстѣ съ Незлобинымъ ищетъ корни и плевелы даже тамъ, гдѣ болѣе дальновидныя особы находятъ только желуди.

Другіе провидятъ новую «эру» по случаю назначенія новаго министра.

II.

Много, много вопросовъ, которые вообще задастъ себѣ лѣтописецъ современной сутолоки. Чѣмъ объясните вы тѣ явленія или другія? Почему одинъ аршинъ прикладывается къ однимъ дѣяніямъ и совершенно другой къ другимъ? Въ томъ-то и дѣло, что русская жизнь имѣетъ ту особенность, что никакіе аршины къ ней не приложимы, и вы можете совершенно съ одинаковымъ успѣхомъ разсчитывать на безуспѣшность всякой попытки приложить какія-нибудь серьезныя данныя въ дѣлѣ уясненія себѣ руководящей идеи, которая обусловливаетъ то или другое направленіе. Тотъ же самый

добродѣтельный исправникъ, который *вчера* еще только и имѣлъ въ виду «взыскивать» и «наблюдать» строжайшимъ образомъ, *сегодня*, очень легко можетъ статься, наблюдаетъ съ повадкой, хотя, разумѣется, взыскиваетъ попрежнему, такъ какъ если не взыскивать, то нельзя было бы содержать ни арміи, ни флота, ни артиллеріи. Тотъ же самый исправникъ, человѣкъ очень добродушный, который — давно ли!—чуть-было не заподозрилъ одного молодого человѣка, «гулявшаго по улицамъ съ угрожающимъ видомъ» (оказалось потомъ, изъ разспросовъ, что господинъ дѣйствительно имѣлъ угрожающій видъ, такъ какъ изыскивалъ способъ, гдѣ бы занять денегъ), теперь уже не столь ревностно слѣдитъ за «угрожающимъ видомъ», но, во всякомъ случаѣ, по выраженію щедринскаго станового, «дожидается поступковъ». Брошу ли я камень въ исправника (кстати онъ и знакомый мой) и скажу ли я: «какой оборотъ съ Божьей помощью?»

Но развѣ возможно по этой перемѣнѣ дѣлать какіе-нибудь выводы и обобщенія? Конечно, не я, по крайней мѣрѣ, буду заниматься подобнымъ толченіемъ воды и тѣмъ болѣе подражать моимъ собратамъ, готовымъ по поводу выѣденнаго яйца разсчитывать на золотыя яйца и надѣяться, что изъ нихъ постепенно, съ Божьей помощью, вылупится по цыпленку.

На этомъ основаніи, «оставивъ въ сторонѣ подробности», я лучше займусь скромнымъ дѣломъ лѣтописца и буду продолжать сообщать лишь факты и явленія нашей общественной жизни, не дѣлая изъ нихъ обобщеній. Наша жизнь богата такими характерными фактами и явленіями, что и безъ комментаріевъ они говорятъ сами за себя.

Съ тѣхъ поръ, какъ графъ Толстой вышелъ въ отставку, въ печати появились обсужденія, которыя прежде не появлялись. Кстати, не могу здѣсь не привести замѣчанія одного иностранца, правда, незнатнаго, но, во всякомъ случаѣ, весьма любознательнаго.

Когда этотъ иностранецъ, англичанинъ, тотчасъ же вслѣдъ за отставкой бывшаго министра народнаго просвѣщенія сталъ прочитывать оцѣнку его дѣятельности и ту массу напутственныхъ словъ, которыми проводили графа, онъ, встрѣтившись со мной вскорѣ, замѣтилъ не безъ ехидной улыбки:

— Странный вы, русскіе, народъ.

— Въ чемъ же вы находите насъ странными?

— Да у васъ все навыворотъ, не такъ, какъ у насъ. Вотъ хотя бы по поводу выхода въ отставку вашего министра народнаго просвѣщенія...

— Что же васъ поразило?

— А вотъ что: у насъ бранятъ министра, когда онъ министръ, а не тогда, когда уже онъ не министръ болѣе. Тогда уже поздно бранить...

Я, разумѣется, постарался объяснить иностранцу, что онъ, въ

качествѣ иностранца, не вполнѣ понимаетъ русскую жизнь и потому судитъ нѣсколько односторонне, что мы (тутъ я вспомнилъ, что я русскій) изъ скромности не касаемся дѣятельности министровъ, хотя иногда, при случаѣ, и...

— Извините меня,—прервалъ мой иностранный другъ: — насколько я могъ замѣтить, васъ, кажется, болѣе интересуетъ дѣятельность Бисмарка и вообще иностранныхъ министровъ, чѣмъ вашихъ собственныхъ, покуда, впрочемъ, они не выходятъ въ отставку... Сколько я ни читаю ваши газеты, все-таки ни разу не встрѣчалъ критической оцѣнки...

Однако я его оспаривалъ и даже указалъ на тотъ нумеръ одной газеты, въ которомъ почтенная газета давала совѣты министру внутреннихъ дѣлъ узнать нужды Россіи во время мѣсячной поѣздки г. министра по нѣкоторымъ губерніямъ.

Англичанинъ улыбнулся и съ свойственной британцамъ рѣзкостью отвѣтилъ:

— Такъ вотъ что̀ вы называете критической оцѣнкой!..

Я, разумѣется, поспѣшилъ замять этотъ разговоръ и старался обратить вниманіе моего иностраннаго друга на другія явленія русской жизни...

Возвращаюсь однако къ прерванному разсказу о томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ графъ Толстой вышелъ въ отставку и газеты уже успѣли пропѣть диѳирамбъ новому министру,—въ печати появляются иногда весьма интересныя свѣдѣнія, которыя доселѣ, хотя и были извѣстны, но очень малому числу лицъ, и во всякомъ случаѣ не публикѣ. Недавно въ «Голосѣ», который съ нѣкотораго времени старается уловить «духъ административной системы», напечатаны весьма любопытные документы, а именно извлеченіе изъ «Правилъ для учениковъ гимназій и прогимназій» 4-го мая 1874 года и извлеченія изъ «объяснительной записки» отъ того же числа. Документы эти хотя и напечатаны были въ журналѣ «Министерства народнаго просвѣщенія» въ 1874 году, но были, какъ говоритъ «Голосъ», «по довольно извѣстнымъ причинамъ пропущены печатью безъ обсужденія».

Находя, что вообще «духъ» уловить вообще трудно, почтенная газета не безъ основанія, какъ ниже увидитъ читатель, радуется, что нельзя того же сказать о совокупности правилъ, предназначавшихся для примѣненія къ гимназической системѣ.

По словамъ газеты, здѣсь все налицо. «Духъ бьетъ ключомъ, брызжетъ (?) во всѣ стороны, не оставляя ни малѣйшаго сомнѣнія въ своихъ свойствахъ». Далѣе газета поясняетъ, что правила эти составлены особой комиссіей, подъ предсѣдательствомъ какого-то дѣйствительнаго статскаго совѣтника. «Мы приводимъ,—говоритъ «Голосъ»:—это свидѣтельство для того, чтобы читатели правилъ,

останавливаясь на нѣкоторыхъ несообразностяхъ и на необычайной странности ихъ изложенія, знали, чему приписать эти недостатки».

Вотъ, между прочимъ, вступленіе, объясняющее цѣль гимназическаго ученія:

«Ученики гимназій и прогимназій,—гласятъ правила:—должны постоянно имѣть въ виду цѣль ученія вообще, и гимназическаго въ особенности, выраженную въ словахъ молитвы передъ ученіемъ—«возрасти (умственно и нравственно) Создателю нашему во славу, родителямъ же нашимъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу». Проникаясь все болѣе и болѣе духомъ Христова ученія, они должны всѣми силами своей души стремиться къ совершенствованію своему во всѣхъ отношеніяхъ, по слову Спасителя: «Будите вы совершенни, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» (Матѳ. V, 48). Для достиженія столь высокой цѣли, имъ предписываются къ непремѣнному руководству нижеслѣдующія, между прочимъ, правила».

Выписываемъ нѣкоторыя, болѣе выдающіяся. Такъ, напримѣръ, § 3 гласитъ, что «взысканіе, по самымъ свойствамъ своимъ, должно, по возможности, соотвѣтствовать свойствамъ самого поступка и быть какъ бы естественнымъ его послѣдствіемъ. Такъ, лѣность наказывается принудительною работой, излишняя болтливость или неуживчивость—удаленіемъ отъ товарищей, высокомѣріе—униженіемъ (!!), ложь—недовѣріемъ (?!), необузданность, грубое непокорство или проявленіе злости—заключеніемъ въ карцеръ на хлѣбъ и на воду и даже удаленіемъ изъ учебнаго заведенія въ болѣе или менѣе тяжкомъ его видѣ, и т. д.».

Послѣ такихъ «общихъ положеній» исчисляются «роды взысканій». Во-первыхъ, взысканія раздѣляются на двѣ большія группы: 1) взысканія словомъ; 2) взысканія дѣйствіемъ. Потомъ исчисляются 19 видовъ наказаній общихъ, сверхъ семи «особенныхъ», назначаемыхъ пансіонерамъ, и трехъ, налагаемыхъ на весь классъ,—итого двадцать девять видовъ наказаній «общихъ и особенныхъ»! Но и это не все. Иные «виды» сами распадаются на подвиды, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго:

«Выговоръ отъ преподавателя бываетъ троякій: наединѣ, предъ классомъ и «съ угрозою дальнѣйшихъ взысканій», «при чемъ,—замѣчаетъ п. 3-й:—полезнѣе не означать въ точности этихъ взысканій». Потомъ 6-й пунктъ гласитъ о «сообщеніи о проступкѣ классному наставнику», что̀ опять влечетъ за собою выговоръ наединѣ, потомъ предъ классомъ, со внесеніемъ въ штрафной журналъ. Въ пунктѣ 10-мъ мы имѣемъ дѣло съ выговоромъ отъ инспектора сначала «наединѣ», со внесеніемъ въ штрафной журналъ, потомъ предъ цѣлымъ классомъ, со внесеніемъ въ штрафной журналъ и съ оповѣщеніемъ родителей. Въ 13-мъ параграфѣ говорится о выговорѣ директора сначала «наединѣ», но со внесеніемъ въ штрафной

журналъ, а потомъ предъ цѣлымъ классомъ, съ пониженіемъ отмѣтки изъ поведенія. Въ 16-мъ параграфѣ дѣло доходитъ до выговора отъ имени педагогическаго совѣта, сначала предъ цѣлымъ классомъ (что̀ сопряжено съ другими послѣдствіями), потомъ предъ всею гимназіей, съ подлежащимъ предвареніемъ родителей.

Но лучше всего пунктъ 27-й, въ которомъ, послѣ исчисленія дѣйствій, «строжайше преслѣдуемыхъ», изображено: «ученики сами не должны терпѣть въ своей средѣ столь вредныхъ товарищей и должны сообщать о нихъ своему классному наставнику».

«Голосъ» не безъ основательности замѣчаетъ, что высокія слова Спасителя вовсе не соотвѣтствуютъ многимъ изъ правилъ, выработанныхъ особой комиссіей. Особенно, прибавимъ мы отъ себя, § 27 едва ли согласенъ съ ученіемъ Божественнаго Учителя.

А между тѣмъ правила о «сообщеніи» рекомендуются дѣтямъ...

Я не стану продолжать комментаріевъ, тѣмъ болѣе, что всякій и безъ комментаріевъ оцѣнитъ значеніе нѣкоторыхъ пунктовъ этихъ правилъ...

Но кто объяснитъ мнѣ, по какимъ «правиламъ» дѣйствовалъ и не находится ли, вѣрнѣй, внѣ всякихъ правилъ тотъ педагогъ, который, по словамъ «Церковно-Общественнаго Вѣстника», при вступленіи своемъ въ должность ректора одной, неизвѣстно какой, духовной семинаріи, обратился съ слѣдующимъ привѣтствіемъ къ ученикамъ-семинаристамъ:

«Хотя я васъ еще и не знаю, но увѣренъ, что не ошибусь, если скажу, что вы тупы, неразвиты, глупы, развратны, узки, дураки... я это вижу своими умными глазами. Вы такъ развращены, что оскорбляете, ставите шпильки своему начальству на каждомъ шагу, что одинъ изъ васъ осмѣлился нагрубить преосвященному, этому почтенному старцу, святому святителю, органу божественной благодати (грубость состояла въ томъ, что больной семинаристъ отказался поступить въ архіерейскіе пѣвчіе). Посмотрите на мужиковъ, кантонистовъ, солдатъ—въ нихъ буйство, пьянство, сквернословіе. Вы также заражены различными пороками; вы составляете язву, которую я пріѣхалъ исцѣлить. Я васъ исправлю (грозитъ посохомъ, который онъ постоянно носитъ съ собою), произведу нравственный переворотъ! Сегодняшній день есть конецъ и граница вашего буйства и пьянства.

«Я человѣкъ рѣшительно упрямый,—продолжалъ педагогъ:—со мной ничего не подѣлаете. Можетъ-быть, вы думаете: экій краснобай пріѣхалъ, видали мы этакихъ! Кто это подумаетъ, жестоко ошибется. Я на своемъ постою, со мной ничего не подѣлать. Я проведу всю градацію наказаній; сила въ нашихъ рукахъ велика, наказаніе страшно. Кромѣ того, у насъ есть правила, выработанныя при святѣйшемъ синодѣ, это—выраженіе высочайшей мудрости.

Правила эти указываютъ, какъ поступать съ негодяями. Я укажу на два пункта этихъ правилъ, именно: исключать за пьянство, грубость и дерзость съ единицей поведенія, съ донесеніемъ оберъ-прокурору св. синода, который печатно объявляетъ по всей Россіи, чтобы такихъ людей не принимать никуда. А что я дѣйствительно исполню то, что̀ сказалъ, то въ этомъ клянусь божественною святою иконою (показываетъ батогомъ на икону). Я вамъ говорю, что передѣлаю васъ, выведу изъ васъ зло и подъ топоръ подведу, кто не будетъ слушать меня, го-о-о-ре вамъ!»

«Итакъ, умудритесь и не дурите!» — громко сказалъ онъ въ заключеніе, грозя своимъ посохомъ.

Если бы это знаменательное «го-о-оре вамъ!»—было напечатано не въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ», то возможно было бы признать эту вступительную лекцію почтеннаго педагога за остроумную пародію на педагогическія рѣчи временъ бурсы Помяловскаго. Казалось бы, что столь откровенное привѣтственное «слово», въ которомъ не знаешь, чему болѣе удивляться —энергіи ли выраженія или древней простотѣ стиля, едва ли отвѣчаетъ новѣйшимъ требованіямъ педагогіи; но мало ли что̀ можетъ казаться?.. Тѣмъ не менѣе эта рѣчь—одно изъ характерныхъ знаменій времени. Быть-можетъ, и въ самомъ дѣлѣ почтенный педагогъ пріѣхалъ, чтобы вырвать «зло» съ корнемъ, и, какъ человѣкъ рѣшительный, онъ, не мудрствуя лукаво, не проливая крокодиловыхъ слезъ и не скрывая своихъ картъ,—прямо объявилъ «го-о-оре вамъ!», дабы семинаристы знали, что пощады не будетъ. Каково жить съ такимъ рѣшительнымъ начальникомъ—предоставляю судить читателю. Каковы могутъ быть послѣдствія для семинаристовъ, получившихъ подобнаго педагога въ руководители—едва ли можетъ предвидѣть даже самый дальновидный человѣкъ, тѣмъ болѣе, что названный педагогъ «не краснобай» и не остановится ни передъ чѣмъ для того, чтобы выбить «дурь»... И онъ былъ правъ, воскликнувши: «го-о-оре вамъ!»

Я непремѣнно сообщу читателю, если только появятся какія-нибудь дальнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ педагогѣ, а пока мнѣ остается пожалѣть, что почтенный «Церковно-Общественный Вѣстникъ» не счелъ возможнымъ объявить ни мѣста дѣйствія ни имени этого заплечнаго мастера, попавшаго на педагогическое поприще.

Ну вотъ, читатель, фактъ, кажется, фактъ дѣйствительно вопіющій. Появись подобное извѣстіе гдѣ-нибудь во Франціи или Англіи... какой шумъ былъ бы поднятъ!.. А у насъ?.. Я убѣжденъ, о фактѣ этомъ прочли и... и ничего себѣ. Впрочемъ, такіе ли еще факты не производили впечатлѣнія...

Передъ «рѣшительно-упрямымъ» педагогомъ, обѣщавшимъ выдать своимъ питомцамъ «волчьи» паспорты и даже «подвести подъ то-

поръ», конечно, блѣднѣетъ тотъ саратовскій педагогъ, г. Гессъ, дѣло о которомъ недавно разсматривалось въ судѣ.

«Саратовскій Дневникъ» поднялъ эту исторію. Дѣло въ томъ,— онъ разсказалъ, что въ частной прогимназіи г. Гесса ученики «изучаютъ ариѳметику на барабанѣ, а географію при помощи картъ, которыми ихъ бьютъ по головамъ». Исторія же «внѣдряется, напримѣръ, исторія Спарты, при посредствѣ спартанской похлебки и лаконской койки». Вмѣстѣ съ тѣмъ фельетонистъ разсказалъ случай избіенія одного изъ учениковъ. Натурально, г. Гессъ возопилъ о диффамаціи и подалъ жалобу въ судъ. Но легкомысленный педагогъ, «большой любитель тишины и хорошаго поведенія», обидѣвшись на фельетониста, назвавшаго его фельдфебелемъ, не сообразилъ шансовъ. На судѣ выяснилось, что хотя г. Гессъ и имѣетъ привычку «поднимать мальчиковъ за уши» и «оставлять слѣды своихъ пальцевъ на щекахъ воспитанниковъ», но что дѣлаетъ онъ это съ похвальнымъ намѣреніемъ пріучить ребенка къ выносливости и твердости характера. Онъ не добавилъ въ свое оправданіе, что въ будущемъ мальчику придется испытать, вѣроятно, немало оскорбленій, такъ онъ, г. Гессъ, какъ дальновидный педагогъ, заранѣе желалъ пріучить къ спартанской стойкости. Засимъ онъ, наивный г. Гессъ, никогда не «избивалъ» питомца. Правда, онъ «побилъ» его, но избить и побить—понятія разныя. Тѣмъ не менѣе фельетонистъ былъ оправданъ въ преступленіяхъ, взводимыхъ на него г. Гессомъ.

Заговоривъ уже о педагогахъ, нельзя пройти молчаніемъ корреспонденціи изъ «Царской Славянки», напечатанной на-дняхъ въ «Новомъ Времени». Письмо это весьма интересно главнымъ образомъ потому, что показываетъ любовь нашу къ дутымъ цифрамъ не только въ банковскихъ и акціонерныхъ отчетахъ, но и въ отчетахъ по народному образованію. Вотъ что̀ пишетъ корреспондентъ:

«Въ виду интереса, какой обнаруживается въ настоящее время къ вопросу о народномъ образованіи вообще и по отношенію къ народной школѣ въ частности, мы разскажемъ здѣсь недавнюю исторію, разыгравшуюся въ здѣшней школѣ,—исторію, освѣщающую положеніе школы вообще. Это полезно будетъ тѣмъ болѣе, что исторія эта дошла въ настоящее время до свѣдѣнія высшей учебной власти и, вѣроятно, ею теперь же изслѣдуется. Нужно замѣтить, что Царская Славянка, прежде весьма богатое селеніе, въ настоящее время, съ упадкомъ главнаго промысла—садоводства, далеко не можетъ похвастаться благосостояніемъ своихъ жителей. Большое и хорошо поддерживающееся двухклассное училище также не избѣгло участи всего селенія, т. е. также обнаружило въ послѣдніе годы признаки упадка. Считавшее прежде болѣе сотни учениковъ, училище въ настоящее время имѣетъ какіе-нибудь десятки, такъ какъ подрастающее поколѣніе отправляется по городамъ для заработковъ.

Зимою нынѣшняго года въ школу переведенъ былъ новый учитель который нашелъ въ высшемъ классѣ школы лишь нѣсколько человѣкъ, между тѣмъ какъ по спискамъ числилось болѣе полусотни. По разслѣдованіи оказалось, что въ школьныхъ спискахъ числилось нѣсколько человѣкъ уже женатыхъ и живущихъ своимъ хозяйствомъ. Такой фактъ объяснился желаніемъ инспекціи училищъ представить положеніе учебнаго дѣла въ своемъ округѣ въ болѣе или менѣе блестящемъ состояніи (вѣроятно, это не исключеніе, а подобные фиктивные ученики существуютъ и въ другихъ школахъ). Какъ бы то ни было, но новый учитель школы, упустивъ совершенно изъ виду эти высшія, такъ сказать, соображенія инспекціи, очистилъ списокъ своей школы отъ фиктивныхъ учениковъ, оставивъ однихъ дѣйствительно существующихъ, что не составило и трети прежняго списочнаго состава класса. Случилось такъ, что нынѣшнею зимою посѣтилъ Царскую Славянку и ея школу г. директоръ училищъ Петербургской губерніи—событіе, случающееся въ два-три года одинъ разъ. Разумѣется, директоръ полюбопытствовалъ узнать причину такого быстраго уменьшенія числа учениковъ, на что и получилъ отъ учителя истинное разъясненіе дѣла. Получилъ ли г. инспекторъ замѣчаніе за свое слишкомъ свободное обращеніе съ статистическими цифрами въ своихъ отчетахъ, или не получилъ—неизвѣстно, но дѣло въ томъ, что на бѣднаго учителя царскосельской школы было съ этого времени воздвигнуто гоненіе за «сплетничество», какъ выразился самъ инспекторъ. Мы не будемъ здѣсь приводить цѣлую серію фактовъ, въ которыхъ выразилось это гоненіе: тутъ были и мелкія формальныя придирки, и возбужденіе подозрѣнія въ авторствѣ корреспонденцій, и доносъ при посредствѣ сельскаго писаря отъ лица будто бы родителей (которые потомъ совершенно отрицали это), и допытываніе отъ учениковъ о дѣйствіяхъ учителя и т. п. Все это—исторія далеко не красивая и вмѣстѣ печальная. Кончилось все-таки тѣмъ, что г. инспекторъ самолично привезъ въ одно прекрасное утро новаго учителя въ Царскую Славянку, и прежній долженъ былъ уступить ему мѣсто. Мало того: когда учитель вздумалъ-было протестовать противъ такого оборота дѣла прошеніями по разнымъ высшимъ инстанціямъ, ему сообщено было, что онъ не можетъ болѣе разсчитывать на учительскую дѣятельность. Мы далеки отъ какихъ-либо обобщеній передаваемаго факта, но все-таки не можемъ не сказать, что самая возможность его даетъ поводъ предполагать, что народноучилищная инспекція стоитъ далеко не всегда на правильномъ пути».

Я тоже, разумѣется, избѣгну обобщеній, тѣмъ болѣе, что въ ушахъ моихъ еще звучатъ слова одного милаго свѣдущаго человѣка, который говорилъ мнѣ:

— Главное, не обобщайте, не обобщайте! Вы можете найти, что

такой-то исправникъ—въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и полицеймейстеръ—превысилъ свои обязанности, что такой-то урядникъ не стоитъ на высотѣ своего положенія, что такая-то мѣра можетъ не достигнуть цѣли, но Боже васъ сохрани обобщать. Не обобщайте, не обобщайте!..

Памятуя совѣтъ и не желая обобщать, я все-таки думаю, что едва ли вполнѣ вѣрна относительно Россіи сравнительная таблица о состояніи начальнаго образованія въ различныхъ странахъ, сообщенная на-дняхъ газетами,—если предположить, что хоть не всѣ, а нѣкоторые инспекторы народныхъ школъ любятъ щегольнуть въ своихъ спискахъ такими малолѣтними учениками, которые или давно женаты, или уже и отошли въ вѣчный покой,—тѣмъ болѣе, что любовь къ дутымъ цифрамъ у насъ, вообще говоря, сильна. Недаромъ еще Чичиковъ показалъ геніальный примѣръ съ мертвыми душами. Впрочемъ, даже и безъ этой поправки, таблица краснорѣчива. Вотъ она:

	На 100 жителей приходится учащихся:
Викторія (Австралія)	29,14
Новый Валлисъ (Австралія)	17,5
Сандвичевы острова	12,92
Тасманія	12,38
Ямайка	8,67
Аргентинская республика	5,94
Японія	5,88
Мексика	3,80
Новая Зелландія	3,00
Египетъ (безъ Нубіи и Абессиніи)	1,69
Сербія	1,65
Бразилія	1,56
Европейская Россія	1,09

IV.

Едва только наступило лѣто, какъ появились извѣстія о жучкѣ, о саранчѣ, о неурожаяхъ. Всевозможныя бѣды присоединились къ дифтериту и другимъ эпидеміямъ, одолѣвающимъ деревню. Знакомыя извѣстія, знакомыя картины!.. Стоитъ только взять въ руки газету, чтобы въ одномъ нумерѣ наткнуться на всѣ эти «напасти», изъ года въ годъ посылаемыя на многотерпѣливую «платежную» силу.

«Неурожай» на Кавказѣ засвидѣтельствованъ уже съ весны. Вы помните поразительные факты, сообщаемые газетами о бѣдствіяхъ на Кавказѣ. Факты самоубійства, случаи голодной смерти были нерѣдки. «Толпы голодныхъ, полуоборванныхъ нищихъ-туземцевъ,—пишутъ въ «Обзорѣ» изъ Сарыкамыша:—продрогшихъ отъ холода, благодаря суровому горному климату Сарыкамыша, бродятъ унылые около жилищъ офицеровъ и солдатъ, прося кусокъ хлѣба». Не разъ

были примѣры, что отцы убивали дѣтей, не находя въ себѣ силы выносить крики голодныхъ дѣтей. По словамъ одного корреспондента, сообщающаго объ экономическомъ положеніи низовьевъ Дона и Волги, «по настоящее время констатированъ и цѣлымъ рядомъ заявленій печати, въ послѣдніе два мѣсяца, незыблемо установленъ фактъ крайней недостачи жизненныхъ продуктовъ, равноцѣнной голоду, въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: а) въ трехъ округахъ земли войска Донского; б) въ калмыцкихъ степяхъ, Астраханской губерніи, и киргизскихъ, Оренбургской губерніи; в) въ Камышинскомъ, Саратовскомъ и Царицынскомъ уѣздахъ Саратовской губерніи, и г) въ Новоузенскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ Самарской губерніи. Замѣтимъ при этомъ, что такую же почти недостачу жизненныхъ продуктовъ испытываютъ сосѣднія мѣстности Кавказскаго края и земли Уральскаго войска, такъ что подвозъ продуктовъ изъ ближайшихъ мѣстностей и удешевленіе ихъ въ цѣнѣ невозможно».

«Недостача» и «дороговизна» жизненныхъ продуктовъ—понятія растяжимыя. Поэтому буду говорить фактами. Въ такихъ бойкихъ торговыхъ пунктахъ, какъ Царицынъ, Камышинъ и другіе города, мясо стоитъ въ цѣнѣ 20 коп. за фунтъ, и въ будущемъ предвидится еще большее повышеніе. Въ апрѣлѣ, въ Камышинѣ невозможно было купить сразу десяти пудовъ муки. Въ мѣстностяхъ степныхъ и прилегающихъ къ степямъ мука продается дороже 5 руб. за пудъ; фунтъ хлѣба стоитъ 16—17 к., да и то купить негдѣ. Это такая нужда, такая дороговизна и недостача жизненныхъ продуктовъ, которая почти тожественна съ голодомъ. Говорю «почти», такъ какъ ради «хлѣба насущнаго» всякій отдаетъ все, и голодъ чувствуютъ лишь тѣ, которые уже отдали все и отдавать болѣе нечего.

Населеніе, спасаясь отъ голода, толпами устремляется въ города. Саратовъ, Камышинъ, Царицынъ и другіе города, мало-мальски выдѣляющіеся въ торговопромышленномъ отношеніи, переполнены пришлымъ людомъ, ищущимъ дѣла, работы, трудового насущнаго пропитанія. Но работы нѣтъ; поденный трудъ упалъ до 15—20 коп. въ сутки, да и то нельзя найти заработка; масса желающихъ работать изъ-за куска насущнаго хлѣба не находитъ себѣ дѣла. Одинъ исходъ—нищенство, развившееся къ веснѣ до крайней степени. О размѣрахъ нищенства, которое невозможно опредѣлить и измѣрить цифрою, можно судить по тому, что Саратовъ и Камышинъ переполнены были даже нищими колонистами-нѣмцами, людьми, какъ извѣстно, трудолюбивыми, предпріимчивыми и сравнительно зажиточными. Нужда колонистовъ была такъ велика, что вызвала даже подписку между петербургскими нѣмцами въ пользу ихъ единовѣрцевъ.

Въ городахъ и селахъ процентъ преступленій противъ собствен-

ности и личности увеличился болѣе чѣмъ на 100%. Сюда не входятъ кражи съѣстныхъ припасовъ, которыя обыкновенно не считались преступленіемъ и лишь въ единичныхъ случаяхъ доходили до суда. Въ ряду преступленій грабежи, притомъ грабежи съ убійствами, составляютъ преобладающій процентъ. Говоря о преступленіяхъ, я не ставлю въ счетъ калмыцкихъ грабежей, представляющихъ заурядное явленіе. Калмыки цѣлыми семьями выходятъ на большую дорогу, грабятъ проѣзжающихъ, просто-напросто аркапятъ жертву, какъ степной скотъ, нимало даже не заботясь о сокрытіи слѣдовъ преступленія.

Для вящшаго назиданія нашимъ «охранителямъ» замѣтимъ, что немало наберется случаевъ вымиранія цѣлыхъ семействъ отъ голодной смерти. Такъ, напримѣръ, въ Астраханской губерніи, въ которой, по заявленіямъ нѣкоторыхъ газетъ, дѣла народнаго продовольствія обстояли такъ хорошо, что не требовалось даже ссудъ изъ продовольственнаго капитала, вымирали, по оставшимся неопровергнутыми извѣстіямъ другихъ газетъ, цѣлые улусы калмыковъ (до 40 кибитокъ), вымирали семейства кордонныхъ казаковъ, а невымершіе и доставленные въ города, для поданія помощи, оказывались въ такомъ истощенномъ состояніи, что не въ состояніи были поднять собственной головы. Родственники, даже родители голодающихъ предлагаютъ дѣтей каждому встрѣчному, лишь бы только избавиться отъ «лишнихъ ртовъ».

Бѣда—съ полбѣды, если-бъ голодовка проявилась только въ смыслѣ недостачи хлѣба для людей; но къ ней примѣшалось еще отсутствіе корма для скота. Сѣно продавалось не на пуды, какъ обыкновенно, а на фунты, да и то его негдѣ было достать *ни за какія деньги*. За отсутствіемъ сѣна, кормили гнилою соломою, добываемою съ крышъ. Соломенная крыша продавалась на кормъ скоту за десятки и сотни рублей. Но и такого корма не хватило. Во всемъ низовьѣ Волго-Донского края чуть не поголовно выпалъ скотъ. Крупные скотопромышленники, владѣвшіе тысячами головъ крупнаго скота и десятками тысячъ головъ мелкаго, или лишились буквально всего скота, или, въ лучшемъ случаѣ, остались съ единицами и десятками головъ. Къ началу весны степи и проѣзжія дороги завалены были грудами палаго скота. На падавшемъ отъ истощенія скотѣ даже кожа оказывалась негодною къ употребленію—она была продыравлена. Сельское населеніе до того обѣднѣло скотомъ, что въ настоящее время принимается за обработку полей «на себѣ», т. е. люди впрягаются въ плуги, сохи и бороны. Киргизы и калмыки, для которыхъ скотъ—единственное достояніе, единственное средство къ существованію, лишились, можно сказать, всего скота. Такъ-называемая «сплавная» царицынская скотская ярмарка совершенно не могла состояться. Калмыки и киргизы въ прежніе годы приго-

пяли на ярмарку десятки тысячъ лошадей и столько же рогатаго скота; въ нынѣшнемъ году киргизы пригнали не болѣе 300 головъ скота, а калмыки и совершенно не явились — скота нѣтъ, скотъ выпалъ.

Такова картина Волго-Донского края.

Для того, чтобы лѣтняя картина была полна, необходимо, конечно, упомянуть о пожарахъ, свирѣпствующихъ ежегодно съ страшною силою. По свѣдѣніямъ «Правительственнаго Вѣстника», за одинъ май мѣсяцъ пожарные убытки достигли болѣе 3 милліоновъ рублей.

Страшный пожаръ опустошилъ Торжокъ. По словамъ очевидцевъ торжковскаго пожарища, поразительна безпомощность народонаселенія. «Все, что могло сгорѣть въ томъ направленіи, въ какомъ дулъ вѣтеръ, все сгорѣло. Сколько разъ вѣтеръ ни перемѣнялся, каждый разъ перекидывалъ онъ огонь въ новые концы города и въ подгородныя слободы. Если-бъ не утихъ вѣтеръ и не полилъ дождь послѣ продолжительной засухи, сгорѣлъ бы весь городъ со всѣми своими предмѣстьями, и о древней новгородской колоніи, объ обширной нынѣшней торговой и промышленной дѣятельности новоторовъ не было бы болѣе и помина въ будущемъ.

«Собственно никакой борьбы сколько-нибудь организованныхъ и сколько-нибудь цивилизованныхъ человѣческихъ силъ противъ разрушительной силы природы тутъ не было. Нѣсколько ничтожнѣйшихъ пожарныхъ трубъ, разосланныхъ или, лучше, разобранныхъ по разнымъ мѣстамъ, скорѣе только шутило съ огнемъ, дразнило его и ни малѣйшимъ образомъ *не дѣйствовало* противъ него. По старинному русскому обычаю, новоторжскіе граждане поставили или держали иконы передъ своими домами и ожидали, каждый для своего жилища, милости Божіей или, лучше, суда Божьяго, который и произнесъ свой приговоръ въ стихнувшемъ вѣтрѣ послѣ двѣнадцатичасового бушеванія разъяренной стихіи. Всѣ жители города вынесли и вывезли свои пожитки на улицы и площади, гдѣ они и остаются до сихъ поръ, въ теченіе нѣсколькихъ дней. Мѣстная полицейская команда была недостаточна даже для охраны этой массы имуществъ, выброшенныхъ на улицы. Въ числѣ ихъ находилась богатая утварь, вынесенная изъ церквей. Если все это останется сохраннымъ, то благодаря только добродѣтелямъ массы мѣстнаго народонаселенія. Огонь въ сгорѣвшихъ и полусгорѣвшихъ зданіяхъ продолжался болѣе сутокъ, пока на помощь людямъ не явилась стихія природы—дождь».

Вы помните, читатель, какъ въ прошломъ году, во время свирѣпствовавшихъ пожаровъ, въ газетахъ появилось извѣстіе о «противопожарномъ обществѣ». Авторы проекта этого частнаго общества расписывали трогательныя статьи въ газетахъ, кажется, даже соби-

рались деньги, но что стало съ этимъ обществомъ?.. Отчего мы ничего не слышимъ о немъ, хотя бы для того, чтобы въ тысячный разъ убѣдиться въ общественной безпомощности, въ любви нашей къ громкимъ фразамъ?..

Авторы «противопожарнаго проекта», что-жъ вы притаились?

Въ заключеніе приведу читателямъ отрывокъ изъ любопытнаго разсказа, напечатаннаго въ «Новомъ Времени», одного молодого человѣка, пожелавшаго научиться сельскому хозяйству и съ этой цѣлью поступившаго простымъ рабочимъ къ одному помѣщику. Такихъ молодыхъ людей изъ интеллигенціи было 15 человѣкъ въ этомъ имѣніи. Всѣ они пріѣхали научиться, чтобы потомъ заняться своими личными хозяйствами. Я возьму изъ разсказа самое интересное—отношеніе къ этимъ молодымъ людямъ со стороны мужиковъ, интеллигенціи и мѣстной администраціи.

Вотъ что разсказываетъ нѣкто г. Петровичъ, вспоминая свою жизнь въ качествѣ рабочаго:

«Крестьяне, привыкшіе смотрѣть на все съ практической точки зрѣнія, сперва не могли понять, для чего мы вздумали работать; ихъ удивляло то, что мы были батраками, чѣмъ, по ихъ мнѣнію, можетъ быть только неспособный, какъ это и есть въ самомъ дѣлѣ въ крестьянскомъ быту, гдѣ рѣдкій батракъ не старается сколотить денегъ работою, чтобы начать свое хозяйство, которое ему никакъ не удается; впрочемъ, въ батраки идутъ также иногда и способные, когда рядомъ несчастій впадутъ въ бѣдность, но они, проработавъ года два въ людяхъ, снова заводятся своимъ хозяйствомъ и ведутъ его такъ же хорошо, какъ и до разорившаго ихъ несчастія. Но скоро объясненіе цѣли нашего пріѣзда было найдено, а затѣмъ уже съ него никакіе слухи «изъ достовѣрныхъ источниковъ», что мы бунтовщики противъ царя или что мы фальшивые монетчики,—сбить ихъ не могли.

«Они на насъ смотрѣли, какъ на будущихъ хозяевъ, и объясняли наше батрачество желаніемъ научиться каждой работѣ, чтобы въ своемъ хозяйствѣ умѣть въ мѣру спрашивать съ рабочихъ. Это объясненіе было не случайно, такъ какъ мнѣ не разъ приходилось его слыхать отъ разныхъ лицъ и, между прочимъ, отъ одного проѣзжаго мужика другого уѣзда, заинтересовавшагося видимо нами, и который, услыхавъ, что мы въ батракахъ, вывелъ изъ нашихъ общихъ отвѣтовъ на свои разспросы: «Это, значитъ, чтобы хозяйствовать научиться, значитъ, чтобы умѣть, какъ, гдѣ съ кого спросить».

«Не такъ спокойно отнеслась къ нашему пріѣзду мѣстная интеллигенція.

«Изъ сосѣдняго, находящагося въ семи верстахъ, богатаго имѣнія помѣщица написала донесъ на согласившагося насъ принять помѣ-

щика. «Пріѣхали и работаютъ!» возмущалась сосѣдка. Въ самомъ дѣлѣ, это ужасно—сами работаютъ; видимо, что тутъ не спроста. Доносъ подѣйствовалъ лишь вполовину: насъ не разогнали, какъ ожидали мѣстные охранители, а только приказано было полиціи «ждать поступковъ». Въ виду лучшаго надзора, постъ урядника былъ назначенъ въ двухъ верстахъ отъ насъ.

«Поступковъ все нѣтъ—работаютъ отъ зари до зари—и только.

«Однажды пріѣзжаетъ къ намъ урядникъ, говоритъ, что велѣно описать наши примѣты; мы безропотно отдали себя въ распоряженіе канцелярскаго фотографа, разсыпавшагося въ извиненіяхъ, что отниметъ у насъ время отдыха. Но времени онъ отнялъ немного, и черезъ нѣсколько минутъ наши портреты были готовы. Насъ было 13 человѣкъ, но изображеній вышло два: одно заключало двухъ человѣкъ съ волосами бѣлокурыми и глазами сѣрыми; остальные одиннадцать оказались всѣ на одно лицо, такъ какъ волосы имѣли русые и глаза каріе. Въ остальномъ всѣ тринадцать человѣкъ были между собою похожи, такъ имѣли ростъ умѣренный и особыхъ примѣтъ ни у кого не оказалось. Покончивъ свои обязанности, урядникъ еще разъ извинился и уѣхалъ.

«Черезъ нѣсколько дней послѣ этого посѣщенія, къ намъ въ усадьбу пріѣхалъ становой съ письмоводителемъ. Новый гость насъ болѣе заинтересовалъ, чѣмъ предыдущій; тутъ, видимо, было важное дѣло, коли пріѣхалъ самъ становой.

«Нашъ интересъ былъ скоро удовлетворенъ; оказалось, что на насъ опять появился доносъ, но въ этотъ разъ уже въ немъ были указанія на «поступки», для разслѣдованія которыхъ и былъ присланъ становой.

«Авторъ доноса, начальникъ ближайшаго полустанка, указывалъ на пріѣздъ въ Б. двухъ молодыхъ людей съ небольшимъ багажомъ, который былъ такъ тяжелъ, что пришлось нанимать для него подводу. Начальникъ полустанка отчего-то былъ убѣжденъ, что везли оружіе, но для чего въ Б. понадобилось оружіе—онъ не пояснилъ. Конечно, его догадкамъ никто не повѣрилъ, но велѣно было разслѣдовать это дѣло, такъ какъ, кажется, предполагалось, что не тайная ли это типографія.

«Начались справки, изъ которыхъ выяснилось, что только двое изъ насъ явились вмѣстѣ, остальные въ одиночку; эти двое дѣйствительно сошли съ поѣзда на полустанкѣ, тогда какъ большинство другихъ выходило на станціи, но багажа у нихъ настолько было мало, что они пришли въ Б. пѣшкомъ.

«Убѣдившись въ ложности доноса, становой уѣхалъ, извиняясь передъ хозяиномъ за доставленное безпокойство.

«Все это было до покоса, и хотя ранѣе къ намъ никто прямо не обращался, но это не значило, что объ насъ совсѣмъ позабыли.

«Какъ-то разъ проѣхалъ въ телѣжкѣ мимо усадьбы какой-то господинъ; остановился онъ у одного мужика въ Б.; самымъ подробнѣйшимъ образомъ разспрашивалъ объ насъ; затѣмъ нанялъ лошадей въ деревню, гдѣ живетъ урядникъ, и уѣхалъ. Ѣхать приходилось тою же дорогою, которою онъ ѣхалъ въ Б., но онъ почему-то велѣлъ ѣхать обходомъ.

«Конечно, этотъ пріѣздъ, какъ всякая новость въ деревнѣ, тотчасъ разнесся и дошелъ до хозяина, который черезъ нѣсколько дней какъ-то въ разговорѣ съ урядникомъ упомянулъ о проѣзжемъ.

«Урядникъ увѣрялъ, что ничего подобнаго не было, но на другой день поколотилъ мужика за болтовню. Впрочемъ, урядника винить особенно нельзя; онъ, кажется, былъ настоящій мученикъ, такъ какъ постоянно боялся изъ-за насъ потерять мѣсто; съ одной стороны, онъ былъ глубоко увѣренъ, что работаютъ не спроста, съ другой— отсутствіе «поступковъ» сбивало съ толку несчастнаго старика.

«Послѣднимъ нашимъ лѣтнимъ посѣтителемъ былъ какой-то молодцоватый господинъ, бритый, одѣтый въ статское лѣтнее платье.

«Дѣло было къ вечеру, убирали сѣно на лугу около дороги. Уборкою мы торопились, такъ какъ осталось уже немного времени до заката солнца. Поглощенные работою, мы не замѣтили, какъ поровнялся съ нами прохожій, который остановился и, не сходя съ дороги, намъ почти-что скомандовалъ: «Богъ помощь!». Мы отвѣтили: «спасибо», и продолжали работать.

«Въ этой мѣстности подобные прохожіе встрѣчаются часто, а потому мы только на другой день вспомнили о немъ, когда услыхали, что онъ дошелъ до Б.; тамъ остановился у мужика, разспрашивалъ его объ насъ и поздно вечеромъ нанялъ лошадей и уѣхалъ назадъ».

Таковы были отношенія «интеллигенціи». Какъ видите, читатель, мужикъ все-таки понялъ, что можно учиться, работать, а интеллигенція просто-таки не поняла, какъ это можно работать, какъ мужикъ.

Поступи молодой человѣкъ въ «червонные валеты» — понятно, обокрадь кассу—превосходно, соверши подлогъ — очень хорошо, но работать—ужасно!

Сонъ въ зимній вечеръ.

I.

На святкахъ, вечеромъ, въ роскошныхъ комнатахъ Павла Ивановича Варенцова собралось, по обыкновенію, много гостей. Общество было разнообразное—Павелъ Ивановичъ водилъ знакомство въ разныхъ сферахъ:—были генералы, впрочемъ, болѣе изъ «раннихъ», про-

куроры и адвокаты, профессоры и литераторы, люди, про которыхъ обыкновенно говорятъ: «занимаются дѣлами», предприниматели и актеры.

Павелъ Ивановичъ и его супруга отличались радушіемъ и гостепріимствомъ. У нихъ былъ превосходный поваръ, вино «прямо изъ Франціи», а портеръ и эль «прямо изъ Англіи» (хозяинъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ Европой по дѣламъ); за ужиномъ всегда можно было вдосталь наѣсться, напиться и наговориться по поводу всевозможныхъ иллюзій, и притомъ съ какой хочешь точки зрѣнія (нетерпимость не бывала въ числѣ гостей), а потому читателю легко будетъ повѣрить мнѣ на̀-слово, если я скажу, что къ полуночному часу наплывъ гостей значительно увеличивался.

Хозяинъ, плотный, румяный господинъ лѣтъ за сорокъ, съ широкимъ лицомъ, окаймленнымъ окладистой бородой и парой карихъ «зоркихъ» глазъ, свѣтившихся добродушіемъ, — принадлежалъ, по положенію своему, къ нарождающейся у насъ такъ-называемой интеллигентной буржуазіи. Въ часы труда онъ распространялъ различные фабрикаты, «сбывалъ», «продавалъ», «покупалъ» и состоялъ агентомъ многихъ фирмъ Европы и Америки, а въ часы досуга занимался чтеніемъ, поощрялъ литературу и изрѣдка самъ грѣшилъ передовыми статьями о разныхъ фабрикатахъ. Если я прибавлю къ этому, что Варенцовъ былъ человѣкъ начитанный и образованный, фабрикаты сбывалъ только послѣ тщательнаго ученаго анализа и состояніе «заработалъ», а не «награбилъ», какъ какой-нибудь прощалыга-кулакъ, — то формулярный списокъ почтеннаго хозяина будетъ вполнѣ достаточенъ. Убѣжденія его... Но кто же не догадается, даже изъ самыхъ недогадливыхъ, что Павелъ Ивановичъ былъ libre penseur и охранялъ эту репутацію съ усердіемъ, дѣлающимъ честь твердости его принциповъ. Въ конторѣ у него было десять женщинъ, которымъ предоставлена была возможность «са́мостоятельнаго труда»; въ качествѣ гласнаго онъ выдавался либеральными взглядами и произносилъ рѣчи, которыя самъ потомъ въ экстрактахъ отдавалъ въ газеты. Въ качествѣ члена разныхъ благотворительныхъ и иныхъ обществъ онъ отличался дѣятельностью; любилъ видѣть у себя извѣстныхъ писателей и ученыхъ и подавать министрамъ докладныя записки по поводу упадка русской промышленности и торговли... Говорилъ онъ при этомъ недурно и иногда въ интимномъ кружкѣ послѣ обѣда осторожно соболѣзновалъ, что родился въ Россіи, а не во Франціи. Онъ, правда, не говорилъ вслухъ, что если бы онъ былъ французомъ, то Гамбетта навѣрное предложилъ бы ему портфель министра земледѣлія и торговли,—но авторъ ручается, что Павелъ Ивановичъ не разъ мечталъ объ этомъ, предварительно разстегнувъ три послѣднія пуговицы жилета и распустивъ пряжку на панталонахъ.

Въ молодости онъ къ министерскому портфелю относился, впрочемъ, иначе, именно съ презрѣніемъ, такъ какъ по окончаніи курса въ университетѣ онъ на такую «сдѣлку» ни за что бы не пошелъ. Тогда онъ мечталъ на иныя темы. Онъ говорилъ о «послѣдней рубашкѣ», о равнодушіи къ «собственности», отрицалъ Пушкина и главнымъ образомъ интересовался «женскимъ вопросомъ», находилъ, что бракъ—«отжившій институтъ», и въ этомъ отношеніи слово у него не расходилось съ дѣломъ.

Однако «послѣдней рубашки» Павелъ Ивановичъ никому не отдалъ и, поотрицавши годикъ-другой Пушкина, на третій занялся «дѣломъ» т. е. сталъ сбывать фабрикаты, «продавать» и «покупать», и только по женскому вопросу оставался еще непреклоненъ до тѣхъ поръ, пока не женился на «пятидесяти тысячахъ», съ приданымъ въ видѣ очень милой дѣвушки, и не объявилъ, что на все можно поднимать руку, но на «святость» брака—никогда.

Люди, знавшіе Павла Ивановича, когда онъ обѣщалъ отдать «послѣднюю рубашку», сперва краснѣли, встрѣчаясь съ нимъ, а потомъ, увидавъ, что Павелъ Ивановичъ, глядя прямо въ глаза, иногда возвышается въ рѣчахъ своихъ (хотя и не о рубашкѣ, а о цѣломъ приличномъ костюмѣ) до паѳоса—стали обзывать его «канальей»,—вслѣдствіе чего Павелъ Ивановичъ со многими разошелся.

Что же касается до людей, узнавшихъ Павла Ивановича уже въ то время, когда онъ начиналъ «рекомендовать фабрикаты» — то тѣ составили о немъ мнѣніе очень хорошее, хотя втихомолку и говорили:—«Безъ мыла куда угодно влѣзетъ!»

О порѣ своихъ «нелѣпыхъ заблужденій» Павелъ Ивановичъ вспоминать не любитъ. Не будемъ и мы вспоминать, тѣмъ болѣе, что не совсѣмъ ловко дѣлать человѣку непріятное въ то время, когда собираешься у него ужинать. Обыкновенно это дѣлается послѣ ужина и уже по выходѣ отъ радушнаго хозяина.

II.

Я сидѣлъ на диванѣ въ маленькомъ рабочемъ кабинетѣ хозяина (у него было два кабинета), въ отдаленіи отъ парадныхъ комнатъ. Изъ отворенныхъ дверей доносилось жужжанье разговоровъ, то замиравшее, то усиливавшееся, а изъ сосѣдняго кабинета однообразно выкликались: пики, трефы, бубны, черви. Лампа освѣщала мягкимъ ровнымъ свѣтомъ комнату, пріятно дѣйствуя на глаза, уставшіе отъ свѣта гостиной, и на утомленные нервы. Я уже слышалъ тамъ, въ большой гостиной, — гдѣ вокругъ стола вѣеромъ были разставлены кресла, — въ теченіе двухъ-трехъ часовъ, столько разнообразныхъ мнѣній насчетъ разныхъ событій «дня», что уютный уголокъ въ отдаленной комнатѣ былъ тихой пристанью отдохновенія.

Признаюсь, удалился я въ пустыню не потому, чтобы меня самого не занималъ вопросъ объ урядникахъ, а просто потому, что усталъ и, кромѣ того, зналъ навѣрное, что почтенный хозяинъ такъ же ясно и толково разберетъ всю несообразность этого «института», какъ и передовыя статьи газетъ, касавшихся этого вопроса... Вотъ если бы онъ сталъ защищать «институтъ»—тогда я, пожалуй бы, еще остался, но разсчитывать на чью-нибудь защиту урядника въ обществѣ, сидѣвшемъ въ гостиной, было невозможно...

Я сталъ-было поклевывать носомъ, какъ въ комнату вошли два господина, и «урядникъ» занялъ поневолѣ мое вниманіе. Два господина (я даже не знаю, кто такіе были они) костили урядника, что̀ называется, въ перебой, и, надо сказать правду, если бы обвиняемый урядникъ и объявился внезапно передъ ругателями, то едва ли бы нашелъ сказать слово въ свое оправданіе Оба господина пробирали его со всѣхъ сторонъ и разсказывали о немъ вещи болѣе подробныя и интересныя даже тѣхъ, которыя я читалъ въ газетахъ. Они, какъ понялъ я изъ разговора, жили въ деревнѣ и знали, какъ «онъ» приказывалъ сносить избы для «перестройки по инструкціи», какъ онъ искалъ среди крестьянской скотины подозрительныхъ лицъ для «оныхъ лицъ зарѣзу», и какъ мужики иной разъ и жертвовали, хотя и «перомъ», а не «животомъ»; какъ онъ арестовалъ дьякона за «переодѣваніе съ противозаконной цѣлью» и пр. и пр... Въ этихъ, очевидно, подлинныхъ разсказахъ было что-то такое комичное до невѣроятнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то такое нелѣпо-страшное, что дрема оставила меня, и я слушалъ, слушалъ, какъ терзали «урядника»...

Пробравши «урядника» и понадѣясь, что, по случаю новыхъ вѣяній, стоитъ только подать петицію (они, впрочемъ, сказали: «прошеніе»), и институтъ, очевидно, ненужный, будетъ уничтоженъ, или, если и не уничтоженъ, то отмѣненъ въ видѣ опыта на пять лѣтъ,— оба господина ушли, и вашъ покорнѣйшій слуга снова остался одинъ.

Машинально я повернулъ голову въ сторону, къ маленькому столику, на которомъ лежалъ ворохъ газетъ, и гляжу: на одной изъ нихъ тотъ самый урядникъ, котораго только-что такъ костили, куда-то несется на борзомъ конѣ, одѣтый въ форму, и глядитъ на меня изъ-подъ кивера, залихватски надѣтаго на бекрень, показалось мнѣ, какъ будто съ укоромъ...

Оказалось, что рисунокъ залихватскаго урядника, изображенный, вѣроятно, въ тотъ моментъ, когда художникъ представлялъ его себѣ мчавшимся на усмиреніе,—напечатанъ былъ въ «Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» прошлаго года. Вверху картина, а внизу—прописывались подвиги: разыскалъ корову, благодаря усердію; потушилъ пожаръ, благодаря энергіи; предупредилъ градъ, благодаря бодрствованію; уничтожилъ саранчу и т. п., и т. п.

Я вспомнилъ, что о подвигахъ этихъ я читалъ и въ другихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, вспомнилъ еще, что въ первое время послѣ основанія «института» всѣ губернскія вѣдомости открыли рубрику о подвигахъ, хотя, какъ кажется, только одна пензенская губернская редакція догадалась иллюстрировать рубрику нагляднымъ изображеніемъ... Она сдѣлала это, очевидно, съ воспитательной цѣлью: «Гляди и... остерегайся!»

«Перечисляются ли и теперь твои подвиги, о, мой бѣдный урядникъ?»—невольно задалъ я вопросъ, разглядывая изображеніе одного изъ пяти тысячъ джентльменовъ, несущихся вскачь по проселкамъ Россіи.

Но нарисованный урядникъ, хотя и молчалъ, однако видъ его говорилъ, что онъ попрежнему свершаетъ подвиги. Молодецки выгнувшись всѣмъ корпусомъ впередъ, лихо загнувъ киверъ набекрень, несся онъ на сѣрой бумагѣ «Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». И посадка его, и озабоченно-серьезное лицо (художникъ «схватилъ моментъ»), и нагайка въ рукѣ—все, казалось, говорило, что онъ весь — подвигъ, олицетворяющій собой идею послѣдняго слова разносторонней дѣятельности на поприщѣ «мѣропріятій».

Онъ молчалъ. Но, при слабомъ свѣтѣ лампы, показалось мнѣ, лицо его улыбалось, и улыбка эта словно бы говорила, что онъ не боится нареканій... Онъ такъ же увѣренно держитъ нагайку и мчится впередъ... Отъ пристальнаго разглядыванія картинки я впалъ въ состояніе, близкое къ гипнотизму. Фигура принимала въ моихъ глазахъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры... Передо мной уже былъ не простой урядникъ, а какой-то фантастическій всадникъ съ необыкновенною нагайкой въ рукѣ... Лицо всадника принимало различныя выраженія... Оно то смѣялось, то глядѣло прямо на меня жесткимъ пронизывающимъ взглядомъ... И лошадь приняла такіе же фантастическіе размѣры. Она неслась, забирая чудовищными копытами, подъ которыми вмѣсто пыли мелькали человѣческія фигуры, города и деревни. А конь все несется, не замѣчая, что несется, оставляя за собой что-то хаотическое.

Становилось совсѣмъ жутко отъ этого кошмара... Я пробовалъ отвести глаза, но вдругъ въ ушахъ моихъ отчетливо раздался рѣзкій свистъ... и какой-то хохотъ, отъ котораго замерло сердце... Голова всадника вырастала во что-то чудовищное; громадные глаза налились кровью, и затѣмъ, вдругъ, лицо его преобразилось въ длинное, худощавое, съ лукавой добродушной улыбкой... Глаза посмѣивались мнѣ прямо въ упоръ.

Чья-то рука дотронулась до моего плеча. Галлюцинаціи исчезли Я поднялъ голову. Передо мной стоялъ хозяинъ.

— Чѣмъ это вы такъ увлеклись? — проговорилъ онъ своимъ

мягкимъ груднымъ голосомъ.—Что̀ читаете? А!—И Павелъ Ивановичъ разсмѣялся.—Разсматриваете урядника? Недурно изображенъ? Посадка какая! Мнѣ высылаетъ эту газету губернаторъ Татищевъ... Такъ, для обертки служитъ!—какъ будто извинялся онъ, что въ его кабинетѣ лежатъ «Губернскія Вѣдомости». — И чего вы сюда забились... Пойдемте-ка туда.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, ужъ вы простите... Что-то голова болитъ... я здѣсь посижу.

— Какъ знаете... какъ знаете... А тамъ у насъ сейчасъ интересный споръ былъ... пари даже держимъ.

— О чемъ?

— Да насчетъ уничтоженія «института»... Земства ходатайствуютъ—это признакъ.

— И какъ же по-вашему?

— Я въ большинствѣ—мы увѣрены въ успѣхѣ... Да и нельзя же... Вѣдь согласитесь... А вы за кого бы держали?

— Я, знаете, скептикъ...

— Но теперь, когда... Вы слышали, что безповоротно рѣшено продолжать опыты новыхъ вѣяній... На-дняхъ я былъ по дѣлу у лица, близко стоящаго къ источникамъ (онъ назвалъ фамилію лица), и названное лицо категорически мнѣ сказало: «Не предавайтесь мечтамъ, но надѣйтесь...»

— Какъ же, какъ же, и я слышалъ,—подхватилъ я.—На-дняхъ мнѣ тоже пришлось видѣть лицо, близко стоящее къ источникамъ, и оно тоже сказало мнѣ: «Не предавайтесь мечтамъ, но надѣйтесь». Я, грѣшнымъ дѣломъ, хотѣлъ-было болѣе подробно разспросить и разсчитывалъ какъ-нибудь потоньше коснуться вопроса, на что, собственно говоря, слѣдуетъ надѣяться... Но, къ несчастію, когда я закинулъ удочку, его превосходительство сказалъ, что ему некогда распространяться, такъ какъ онъ спѣшилъ къ докладу... Однако онъ все-таки повторилъ: «надѣйтесь», и съ этими словами распрощался со мной. А вамъ, Павелъ Ивановичъ, вѣрно, въ подробности сообщили?

— Нѣтъ... Особенныхъ подробностей не успѣли сообщить—я тоже не во-время пріѣхалъ—генералъ куда-то торопился—но тонъ и вообще...

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Сомнѣнія быть не можетъ... Пора намъ наконецъ окончательно вступить на путь довѣрія и любви...

Павелъ Ивановичъ присѣлъ около меня и по этому поводу заговорилъ.

Надо отдать справедливость Павлу Ивановичу: онъ говорилъ недурно; плавная его рѣчь по временамъ переходила къ горячій тонъ и блистала юморомъ. Онъ вкратцѣ разсказалъ мнѣ цѣлую программу

будущаго, какимъ бы онъ желалъ его видѣть. Я слушалъ и чувствовалъ, что будетъ въ самомъ дѣлѣ ведурно... для Павла Ивановича.

«Фабрикатъ» будетъ сбываться легче. Будетъ что продавать и покупать, такъ какъ «меньшой братъ» станетъ богаче... Торговля и промышленность разовьются...

— Мы съ вами...

— А мужики?—перебилъ я.

— И *они* впослѣдствіи...

— А теперь?

— Странный вы,— усмѣхнулся снисходительно Павелъ Ивановичъ:—нельзя же сразу... Конечно, гуманныя наши чувства должны иногда страдать, но историческая необходимость... исторія... надо принять ихъ въ соображеніе... Вездѣ такъ... Сперва мы, а со временемъ, Господь Богъ дастъ, и они... Ужъ не думаете ли вы, что мужика нашего такъ-таки и можно посадить за столъ?..

— А если попробовать?..—робко вставилъ я.

— Мужицкую теорію изволите проповѣдывать? — опять усмѣхнулся Павелъ Ивановичъ. — Да вѣдь прежде надо его вымыть, обчистить, научить грамотѣ...

— То-то мнѣ думается, Павелъ Ивановичъ, что ужъ слишкомъ заботятся обчистить его... Скоро, пожалуй, и чистить будетъ нечего... А если бы позволили ему самому себя чистить и мыть... Знаете ли, въ видѣ опыта?.. Какъ вы полагаете?

Павелъ Ивановичъ взглянулъ на меня такимъ добродушно-презрительнымъ взглядомъ, что я смутился, точно и въ самомъ дѣлѣ сказалъ нѣчто очень глупое.

— Ого!..—промолвилъ онъ.—Вы вотъ что?.. По-вашему выходитъ, что лучше такъ... Цивилизацію въ отставку...

— Я не говорилъ этого...

— Ну, такъ и выбирайте между вотъ этимъ всадникомъ,—онъ указалъ рукой на «Пензенскія Вѣдомости»:—и...

— И—кѣмъ?

— И нами—людьми цивилизаціи и жизни, а не иллюзій...

«Развѣ будто нельзя и безъ всадника и безъ васъ!»—подумалъ я, но сказать этого не рѣшился.

— Такъ какъ же?—проговорилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.—Нашли другіе пути?. Ихъ, батюшка, нѣтъ!.. Ищите!—промолвилъ онъ шутливо и прибавилъ:—Однако простите, мы тутъ съ вами заговорились, а мнѣ надо къ гостямъ. Да смотрите, какъ отыщете пути, разскажите намъ вашу программу за ужиномъ. Скоро сядемъ ужинать!

Павелъ Ивановинъ ушелъ... Опять въ кабинетѣ стало тихо. «Урядникъ» лежалъ на столѣ и не смущалъ болѣе моего нервнаго

настроенія. Голосъ представителя цивилизаціи, прочитавшаго мнѣ только-что нотацію, доносился легкимъ журчаніемъ изъ сосѣдняго кабинета... По временамъ слышались восклицанія о пяти пикахъ и пяти бубнахъ... Я глубже опустился въ уголъ дивана и закрылъ глаза... Не то греза, не то дрема одолѣвала меня... Слабѣе доносились голоса изъ сосѣдняго кабинета, а голова искала удобнаго положенія... По временамъ до слуха моего долетали какіе-то мягкіе неопредѣленные звуки и наконецъ совсѣмъ пропали... Другіе образы, другія картины, совсѣмъ другая жизнь проносилась предо мной.

III.

Я очутился на Невскомъ проспектѣ, разсчитывая идти въ цензурное управленіе за одной справкой. Былъ теплый весенній день... Пѣшеходы двигались обычной волной, но физіономіи, попадавшіяся навстрѣчу, казались мнѣ совсѣмъ не такими, какія обыкновенно встрѣчаешь... Что-то не то! Выраженіе лицъ какъ будто стало другое—пришибленности и какого-то неудомѣвающаго испуга не было... «Вѣрно, все именинники!»—рѣшилъ я, продолжая путь, но отрывки разговоровъ, долетавшіе до меня, заставили меня прислушаться... Рѣчи, какія-то странныя, неслыханныя рѣчи, по крайней мѣрѣ на Невскомъ среди бѣлаго дня...

Вдругъ сзади меня раздалось слово, заставившее меня невольно обернуться и ожидать, что рука городового уже ласково протягивается къ шивороту господина, такъ неосторожно бесѣдующаго на улицѣ. Но бесѣдующіе продолжали въ томъ же тонѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и никакого смятенія не произошло. «Вѣрно, городовой ожидаетъ какого-нибудь проѣзда!»—подумалъ я, разсчитывая дать тягу при случаѣ, и искалъ глазами родную мнѣ съ дѣтства фигуру въ классической формѣ съ шашкой и револьверомъ, но, какъ я ни искалъ—знакомой фигуры не было...

«О, безпорядки!»—подумалъ я.

— Проходите... проходите, господа!.. Господинъ, не раздавите малютку!—раздался чей-то ласковый голосъ, и въ то же время ловкая рука отвела отъ ребенка неосторожнаго пѣшехода.

Я обернулся. Передо мной стоялъ, очевидно, полицейскій, но совсѣмъ не похожій на вѣрнаго спутника нашей жизни. Онъ никого не бралъ за шиворотъ и даже извозчиковъ не ласкалъ шашкой плашмя.

«Бутарь, бутарь! Гдѣ ты?»

— Вы—городовой?

— Развѣ вы не видите!—усмѣхнулся онъ.—Что̀ вамъ угодно?.. Если вы спѣшите на сходку радикаловъ, то вамъ направо!—прибавилъ онъ, оглядывая меня, какъ провинціала.—Сегодня интересное засѣданіе.

Я протиралъ глаза... Иду дальше.

У Пассажа толпа газетныхъ разносчиковъ выкрикиваетъ названія газетъ. Изумленіе мое растетъ. Названія рѣжутъ ухо.

— Дайте «Голосъ», «Новое Время» и «Молву»!—спрашиваю я.

На меня смотрятъ, какъ на свалившагося съ луны.

— Этихъ газетъ давно нѣтъ!—поясняетъ мнѣ старый разносчикъ.—Есть у насъ: «Реформа», «Либералъ», «Радикалъ», «Народникъ», есть «Консерваторъ», есть, если пожелаете, «Свобода слова»...—Онъ продолжалъ перечислять названія.—А то, коли хотите позабавиться — купите «Искру»... Посмотрите карикатуру... похоже... Министра внутреннихъ дѣлъ ловко пробираютъ. Министръ, онъ ничего-себѣ, но послѣдняя его мѣра...

Я бросился въ Пассажъ, сталъ щипать носъ и посмотрѣлъ на себя въ зеркало—не сошелъ ли я съ ума.

Однако никто на меня не обращалъ вниманія. Я вернулся на Невскій; ну, думаю, сейчасъ что-нибудь чрезвычайное случится,—но ничего чрезвычайнаго не случилось. Жизнь кипѣла обычнымъ порядкомъ, и даже А. А. Краевскій гулялъ по Невскому съ самымъ спокойнымъ и довольнымъ лицомъ.

«Но какъ же «Голоса» нѣтъ?»—вспомнилъ я и у ближайшаго кіоска спросилъ: что̀ издаетъ А. А. Краевскій.

— Вы откуда пріѣхали?.. Онъ давно издаетъ «Либерала»!

«Что̀ за чудеса! Ужъ не пьянъ ли я?...»

Иду дальше... Навстрѣчу—пріятель Сергѣй Николаевичъ, котораго я не видалъ пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ въ Пинегу изучать климатическія условія.

— Вы какими судьбами?..

— Очень просто... Я давно здѣсь.

— И... безъ опаски?

— Да чего опасаться?—изумился онъ.—Вы думаете, что на мою конференцію соберется мало народа?

— Какую конференцію?

— Ну—бесѣду, если вы не любите иностранныхъ словъ.

— О чемъ?

— Да вы изъ Китая, что ли, пріѣхали?.. Развѣ не видали афишъ?—расхохотался онъ.—Смотрите...

Съ этими словами онъ подвелъ меня къ ближайшему дому, и я увидалъ громадную афишу, на которой крупными буквами была напечатана программа бесѣды.

Я прочелъ и ахнулъ.

— Вы чего?.. Или не согласны?.. Ну, заходите ко мнѣ... теперь мнѣ некогда... Иду на сходку радикаловъ...

— А Николай Ивановичъ гдѣ?.. Тамъ все, въ не столь отдаленныхъ мѣстахъ?..—тихо спросилъ я.

— Какъ же, тамъ—народнымъ учителемъ.

— Народнымъ учителемъ?

— Ну, да...

— А Карминовъ?..

— Управляетъ артельной фабрикой въ Воронежской губерніи.

— Артельной фабрикой!?.

— Да что вы все восклицаете!.. Развѣ не по вкусу, что ли?..

Но я уже распрощался, торопливо шагая въ Театральную улицу.

Я поднялся по знакомой лѣстницѣ. Вхожу. Сторожъ встрѣчаетъ меня.

— Вамъ кого угодно?

— Я въ цензурный комитетъ...

— Эка хватились!.. Давно его нѣтъ... Давненько, сударь.

— Вы... смѣетесь?..

— Что вы, господинъ?.. Я, слава Богу... самъ помню комитетъ... Въ немъ сторожемъ былъ, но только... давно его нѣтъ...

— Такъ гдѣ же онъ?..

— Вовсе нѣтъ. Упраздненъ... А если справку какую—вонъ идите туда, съ улицы, гдѣ прежде было главное управленіе по дѣламъ печати.

«Было»?!. Что за чертовщина!..

Я уже въ пріемной. Ведутъ меня сейчасъ же въ кабинетъ. Въ кабинетѣ за столомъ—высокій худощавый господинъ.

— Мнѣ хотѣлось бы получить разрѣшеніе издавать газету,— говорю я.

— Садитесь... Но только зачѣмъ же вамъ разрѣшеніе?

— А то какъ же?

— Сообщите прямо намъ, и дѣло съ концомъ. Вы развѣ не знаете правилъ?

— Извините, пожалуйста... Но я бы хотѣлъ узнать, въ какой мѣрѣ... Видите ли, разсчитывая затратить капиталъ и принимая въ соображеніе новыя вѣянія... я почелъ бы себя счастливымъ, ваше превосходительство, если-бъ заранѣе зналъ, что подлежитъ обсужденію и что нѣтъ... Напримѣръ, возможно ли касаться вопроса о губернаторахъ...

Онъ посмотрѣлъ на меня особенно пристально и усмѣхнулся.

— Да намъ какое дѣло, чего вы будете касаться?.. Касайтесь чего хотите, а ужъ дѣло общаго суда притянуть васъ, если вы насчетъ частной жизни или диффамаціи... Вижу изъ вашего вопроса, что вы хотите ретроградную газету основать, такъ позволю себѣ дружески дать вамъ совѣтъ—не тратьте капитала. Не пойдетъ...

— Вы полагаете?

— Еще бы! Кто теперь читать будетъ... старыя сказки. Провалитесь!.. Примѣры были... Вотъ если хотите издавать дешевую

газету для народнаго чтенія, этакъ въ рубль, въ два—ну, другое дѣло...

— Для народнаго чтенія?.. Газету?.. Независимую?!.

— А то какую же? Вы, быть-можетъ, думаете, что существующія сдѣлаютъ конкуренцію?.. Такъ вѣдь, батюшка, у насъ сто милліоновъ грамотныхъ жителей... Найдутся читатели, если вы пригласите хорошихъ сотрудниковъ...

— Но развѣ мужикъ можетъ... Неурожаи... недоимки...

— Когда? гдѣ?..—встрепенулся онъ, точно я сообщилъ нѣчто невозможное.—Развѣ была телеграмма?.. Въ утреннихъ газетахъ ничего нѣтъ о неурожаѣ...

— Я вообще...

— Ну, это вамъ вообразилось... Слава Богу, давно что-то не слыхать... Земли у крестьянъ теперь много, а нужно—селись гдѣ хочешь, правительство къ услугамъ... Вы помните, какъ подняли на смѣхъ «Либерала» за то, что онъ былъ противъ уменьшенія налога съ земли и ратовалъ за уменьшеніе налоговъ съ капитала... Это статья Варенцова... Ну, понятно... ему нельзя теперь фабрикаты сбывать... Артельное производство его подкузьмило... Онъ теперь и злобствуетъ. Да вы, какъ кажется...

Онъ остановился, опять взглянулъ на меня и деликатно проговорилъ:

— Быть-можетъ, вы несовсѣмъ хорошо себя чувствуете, и вамъ нуженъ докторъ...

Очевидно, онъ принималъ меня за сумасшедшаго, но мнѣ казалось, что сумасшедшій онъ, а не я.

Я откланялся, а онъ, пожимая мнѣ руку, еще разъ замѣтилъ:

— Докторъ тутъ напротивъ, на дежурномъ постѣ... Онъ всегда къ услугамъ нуждающихся въ помощи!

Я вышелъ и сталъ сомнѣваться, дѣйствительно ли я въ своемъ умѣ. Только-что бывшій разговоръ особенно подѣйствовалъ на меня. У подъѣзда опять встрѣча. Идетъ мой знакомый подъ-руку съ молодой красивой еврейкой, которую я тоже знавалъ. Оба веселые, довольные.

—А! —привѣтствовали они меня.—Зачѣмъ были у начальника печати? За справками?

— Да, за справкой... Ну, а вы какъ поживаете?

— Слава Богу... вотъ недавно женился... Рекомендую—жена моя!..

Я смутился. Пріятель мой, я зналъ хорошо, былъ женатъ раньше.

— Поздравляю...

— Кстати... вы вѣдь знали мою прежнюю жену?.. Знаете, и она вышла замужъ..

— Какъ такъ?

— Очень просто... какъ дѣлается... Развелись...

— И вы повѣнчались?

— Ну, конечно... Сперва составили запись у мирового судьи, а потомъ пошли въ церковь.

— Супруга ваша, значитъ, перешла въ православіе?

— И не думала! Развѣ она хочетъ?

— Но по закону...

— Первый разъ слышу... Что̀ вы, батюшка, новые законы выдумываете?.. Точно у насъ нѣтъ свободы совѣсти... Да развѣ безъ свободы совѣсти можно существовать...

Но я уже его не слушалъ... Я бросился бѣжать, думая въ самомъ дѣлѣ, что я помѣшанный... Я бѣжалъ по улицамъ. Ноги подкашивались. Я чувствовалъ, что сейчасъ упаду... Я хотѣлъ вскрикнуть, но голоса не было... Наконецъ я напрягъ всѣ усилія и... проснулся...

Я протиралъ глаза... Изъ сосѣдней комнаты раздались знакомые голоса, и я наконецъ пришелъ въ себя.

— Пойдемте-ка ужинать!—проговорилъ, входя, Павелъ Ивановичъ:—и разскажите-ка намъ, что̀ вы видѣли во снѣ...

Мы пошли вмѣстѣ съ нимъ, но что̀ я видѣлъ во снѣ, про то я не разсказалъ, боясь быть поднятымъ на смѣхъ.

За ужиномъ продолжались горячія бесѣды. Опять говорили объ ахалъ-текинцахъ, объ урядникахъ, и передавались слова, слышанныя болѣе или менѣе изъ хорошихъ источниковъ.

Къ концу ужина Павелъ Ивановичъ снова завелъ рѣчь о будущемъ, и рѣчь его журчала, словно ручей. Всѣ слушали и—находили, что Павлу Ивановичу можно со временемъ быть министромъ...

Пушкинскій юбилей.

Хороша наша деревня,
Только улица грязна...

I.

Крупнѣйшимъ явленіемъ нашей общественной жизни было открытіе памятника знаменитому русскому поэту. У насъ, какъ извѣстно, немало поставлено памятниковъ военнымъ людямъ, но памятникъ писателю... это, во всякомъ случаѣ, фактъ, выходящій изъ ряда вонъ, особенно если принять въ соображеніе, что памятникъ поставленъ не при помощи государственнаго казначейства, какъ, напримѣръ, памятникъ Крылову, а на частныя средства, собранныя по подпискѣ, открытой, съ высочайшаго соизволенія, по иниціативѣ нѣсколькихъ лицейскихъ товарищей поэта. Въ послѣдней книжкѣ журнала «Дѣло» уже былъ высказанъ взглядъ какъ на значеніе

этого событія, такъ и на значеніе Пушкина въ дѣлѣ нашего самосознанія, и я, разумѣется, не стану повторять сказаннаго. Цѣль моихъ замѣтокъ болѣе скромная: побесѣдовать съ читателями по поводу отношенія нашей печати и общества къ московскому торжеству и высказать нѣсколько замѣчаній о рѣчи г. Достоевскаго, которая произвела на слушателей потрясающее впечатлѣніе и названа И. С. Аксаковымъ «событіемъ».

Хотя передъ пушкинскимъ юбилеемъ и шли, какъ водится, пререканія насчетъ характера празднованія и дума не безъ колебаній рѣшилась дать необходимыя деньги для торжества, хотя любители общества россійской словесности не особенно толково вели дѣло организаціи празднества, но тѣмъ не менѣе все обошлось болѣе или менѣе благополучно, и праздникъ какъ-то самъ собой вышелъ достойнымъ памяти великаго поэта. На праздникъ явились въ достаточномъ количествѣ представители литературы, въ числѣ коихъ были и писатели-корифеи, за исключеніемъ, впрочемъ, такихъ первоклассныхъ писателей, какъ гр. Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыковъ и И. А. Гончаровъ. За графомъ Толстымъ ѣздилъ къ нему въ деревню съ приглашеніемъ Тургеневъ, но, какъ извѣстно, Толстой не поѣхалъ. Если вѣрить г. Незнакомцу, то графъ Толстой выслушалъ Тургенева и сказалъ будто бы, что все это комедія. Съ точки зрѣнія Толстого, какъ публициста и мыслителя, этотъ отказъ вполнѣ послѣдователенъ. Гр. Толстой высказывалъ не разъ, что наша литература служитъ пріятнымъ времяпрепровожденіемъ для обезпеченныхъ людей, а народу рѣшительно все равно, существовалъ ли Пушкинъ или нѣтъ.

Литераторы на торжествѣ составляли, разумѣется, преобладающій элементъ; кромѣ нихъ явились депутаціи отъ разныхъ обществъ и учрежденій, прислано было множество адресовъ и въ числѣ ихъ адресъ отъ крестьянина Тверской губерніи, какъ бы для того, чтобы доказать, что есть одинъ крестьянинъ, который знаетъ о существованіи Пушкина.

Я не стану повторять извѣстныхъ уже читающей публикѣ подробностей о трехдневномъ московскомъ торжествѣ; замѣчу только, что представителей литературы и науки чествовали и принимали восторженно. Впрочемъ, чествовали и членовъ комитета по открытію памятника, и г. министра народнаго просвѣщенія, и преосвященнаго Амвросія—словомъ, всѣхъ говорившихъ на юбилеѣ. Самыя восторженныя оваціи, какъ извѣстно, выпали на долю Тургенева и Достоевскаго, особенно на долю послѣдняго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы на праздникѣ были гр. Толстой, Салтыковъ и Гончаровъ, то на долю ихъ достались бы не меньшія оваціи. По словамъ очевидца, «праздникъ этотъ необыкновенно повысилъ нервы не только участниковъ, не только интеллигентныхъ зрителей, но и

простыхъ смертныхъ». Увлеченіе, по словамъ другихъ, было всеобщее. Телеграммы въ дни торжества, между прочимъ, рисовали такую картину:

«Вскорѣ послѣ полудня процессія вышла изъ церкви. Площадь представляла восхитительное зрѣлище: десятки тысячъ народа; монументъ, окутанный бѣлою пеленою и окруженный голубыми, красными и бѣлыми знаменами, шитыми золотомъ и серебромъ; значки цеховъ; и рядомъ съ монументомъ обширное возвышеніе, покрытое краснымъ сукномъ, для членовъ комитета и почетныхъ гостей; всѣ головы обнажены. Это ли не всенародное празднество?»

Насколько эти «десятки тысячъ народа» сознательно участвовали въ празднествѣ — вопросъ другой, но, разумѣется, вся эта обстановка настраивала газетныхъ корреспондентовъ на высокій тонъ, вѣроятно, «повышала ихъ нервы», и «скачущій штандартъ», въ видѣ «благодарнаго народа», «ликующаго народа», являлся обычнымъ придаткомъ не только подъ неразборчивымъ перомъ телеграфнаго корреспондента, но даже и въ солидныхъ академическихъ рѣчахъ.

Однимъ словомъ, торжество чествованія памяти великаго русскаго поэта вызвало оживленное вниманіе къ печати и ея представителямъ, быть-можетъ, и даже навѣрное, «повысило нервы»,—все это безспорно; но можно ли на основаніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ умиляться, находить, что наступила новая «эра», и въ самомъ дѣлѣ воображать, что «на нашей улицѣ праздникъ»?

Оказывается, что можно. Разумѣется, такое отношеніе — дѣло темперамента и результатъ нашей неизбалованности. Мы очень склонны увлекаться и такъ же склонны скоро забывать то, чѣмъ увлекались. Наше «сербское» возбужденіе, не считая «американскихъ» и разныхъ иныхъ (вспомните, напр., увлеченіе добровольнымъ флотомъ), казалось, должно бы насъ заставить относиться осторожнѣе ко всякимъ порывамъ и говорить о новыхъ «эрахъ» осмотрительно, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за ожиданіемъ новой «эры» обыкновенно являлись разочарованія самаго охлаждающаго свойства. Но, несмотря на эти уроки, мы все-таки не можемъ разстаться съ привычкой приходить въ восторгъ, даже если намъ позволятъ произнести нѣсколько рѣчей и закусить и выпить, а ужъ не то что поставить памятникъ писателю черезъ сорокъ четыре года послѣ его смерти! Повторяю, постановка памятника поэту—явленіе отрадное, и я говорю не объ этомъ; я говорю о томъ, что возбужденіе, вызванное торжествомъ,—возбужденіе безспорно искреннее,—еще не доказываетъ, какъ утверждаютъ газеты, наступленія «новой эры нашего внутренняго развитія» и едва ли даетъ поводъ къ оптимистическимъ изліяніямъ... Если разобрать дѣло хорошенько, то окажется, что иниціатива «праздника литературы», вызвавшаго такое общее сочувствіе къ печати и къ ея представителямъ, принадле-

житъ не обществу (которое теперь возликовало), ни даже литературѣ, а лицейскимъ товарищамъ поэта... Отчетъ академика Грота даетъ отличное доказательство того, что отношеніе нашего общества къ своимъ великимъ писателямъ вовсе не таково, чтобъ возбуждать особенныя ликованія. Не таково отношеніе, напримѣръ, французовъ къ своимъ великимъ писателямъ.

Изъ прочитаннаго академикомъ Гротомъ отчета мы узнаёмъ, что «мысль о памятникѣ великому поэту въ первый разъ была пущена въ ходъ изъ среды бывшихъ воспитанниковъ царскосельскаго лицея, по поводу приготовленій, въ 1860 году, къ празднованію 50-ти-лѣтняго юбилея его, при чемъ мѣсто будущему монументу предназначено было въ Царскомъ Селѣ, въ саду, нѣкогда принадлежавшемъ лицею. Сборъ пожертвованій по подпискѣ, съ высочайшаго разрѣшенія, тогда же открытой по представленію директора лицея Н. И. Миллера, въ немногіе годы доставилъ 13.359 руб. Въ то же время художниками Лаверецкимъ и Бахманомъ составленъ былъ проектъ памятника, осуществленный Лаверецкимъ въ модели довольно обширныхъ размѣровъ, помѣщенной въ залѣ Александровскаго лицея. *Мало-по-малу однако притокъ пожертвованій сталъ оскудѣвать и вскорѣ совершенно прекратился.* Въ такомъ положеніи было дѣло, когда на обычномъ лицейскомъ обѣдѣ, 19-го октября 1870 года, одинъ изъ участниковъ его воспользовался случаемъ возобновить вопросъ о памятникѣ нашему поэту. Предложеніе это встрѣтило большое сочувствіе, и тутъ же, по мысли Я. К. Грота, задумано было учредить, для дальнѣйшаго веденія дѣла, комитетъ изъ воспитанниковъ первыхъ выпусковъ лицея. По ходатайству августѣйшаго попечителя его, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, предложеніе удостоилось одобренія государя императора, и такимъ образомъ въ февралѣ 1871 года составленъ подъ главнымъ вѣдѣніемъ его высочества комитетъ для сооруженія памятника Пушкину изъ семи лицъ, бывшихъ воспитанниковъ лицея: статсъ-секретаря барона М. А. Корфа, адмирала Ф. Ф. Матюшкина, академика Грота, статсъ-секретарей К. К. Грота, Н. А. Шторха, дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. И. Колемина и статсъ-секретаря Корнилова».

Затѣмъ почтенный академикъ объяснилъ, почему именно комитетъ пришелъ къ убѣжденію поставить памятникъ въ Москвѣ (мысль объ этомъ первый подалъ адмиралъ Матюшкинъ). Первоначально было рѣшено поставить памятникъ въ царскосельскомъ лицейскомъ саду, но комитетъ, находя это мѣсто слишкомъ уединеннымъ, считалъ необходимымъ пріискать другой, болѣе отвѣчающій цѣли пунктъ.

По словамъ отчета, прочитаннаго академикомъ Гротомъ, въ «Петербургѣ, уже богатомъ памятниками царственныхъ особъ и зна-

менитыхъ полководцевъ, *мало было надежды найти достойное поэта и достаточно открытое и почетное мѣсто.* Между тѣмъ нельзя было не согласиться съ Матюшкинымъ, что Москва, гдѣ безпрестанно толпятся, смѣняясь, уроженцы всѣхъ странъ Россіи, особенно была бы способна придать памятнику Пушкина значеніе вполнѣ народнаго достоянія. Съ другой стороны, связи Пушкина съ Москвою были нисколько не слабѣе, если еще не сильнѣе тѣхъ, которыя роднили его съ Петербургомъ».

Такимъ образомъ оказывается, что Москвѣ нечего особенно радоваться, и если теперь памятникъ поэта высится въ бѣлокаменной, то потому только, что памятники знаменитыхъ полководцевъ помѣшали найти въ Петербургѣ почетное мѣсто, достойное поэта. Недаромъ Петербургъ—военный городъ!

Въ числѣ доказательствъ близости Пушкина къ Москвѣ академикъ Гротъ привелъ, между прочимъ, и то, что «въ Москвѣ, съ новымъ царствованіемъ, началось общественное возрожденіе поэта, когда императоръ Николай, послѣ коронаціи, вызвалъ его изъ деревни, милостиво положилъ конецъ его изгнанію и милостиво объявилъ себя его цензоромъ».

«Когда комитетъ началъ свою дѣятельность, имѣвшаяся въ распоряженіи его сумма, вмѣстѣ съ накопившимися процентами, составляла 18.000 руб. съ небольшимъ. Для возобновленія сбора пожертвованій напечатано было въ газетахъ приглашеніе и вслѣдъ затѣмъ приступлено къ раздачѣ подписныхъ книжекъ. Но прежде всего мы должны съ благоговѣйною признательностью упомянуть о милостивомъ участіи, какое въ этой подпискѣ соизволили принять августѣйшіе члены императорскаго семейства. Частныя приношенія начали поступать со всѣхъ сторонъ. Кромѣ множества отдѣльныхъ лицъ, успѣшному сбору значительно содѣйствовали редакціи главныхъ повременныхъ изданій и нѣкоторые книгопродавцы. Комитетъ положилъ въ основаніе своихъ дѣйствій два коренныхъ начала: полную гласность и строгую отчетность. Вскорѣ онъ сталъ печатать въ газетахъ свѣдѣнія о постепенномъ приращеніи средствъ. Мало-по-малу собранная сумма возросла до 83.922 руб., а впослѣдствіи итогъ всей суммы, съ накопившимися процентами, составилъ 106.575 руб. Расходы по сооруженію памятника составили 87.510 руб.; затѣмъ въ распоряженіи комитета остается 19.064 руб. Имѣющейся въ остаткѣ суммѣ должно быть изыскано назначеніе, возможно болѣе согласное съ желаніями жертвователей и близкое къ главной цѣли сбора, что̀ и будетъ предметомъ обсужденія комитета, какъ скоро онъ найдетъ возможность собраться въ болѣе полномъ составѣ». Въ заключеніе почтенный академикъ заявилъ, что «Пушкинскій комитетъ почитаетъ себя счастливымъ и гордится тѣмъ, что ему суждено было, подъ всемилостивѣйшимъ покровительствомъ государя и

при августѣйшемъ содѣйствіи принца Ольденбургскаго, послужить орудіемъ этого истинно-народнаго (?) предпріятія, совершенно по частному почину, безъ всякой примѣси бюрократическаго или приказнаго характера, безъ дополнительныхъ пособій отъ казны и притомъ со сбереженіемъ довольно значительной суммы».

Изъ выдержекъ прочитаннаго на торжественномъ юбилеѣ отчета читатель, надѣюсь, согласится, что не тотъ характеръ, не тѣ пріемы бываютъ въ странахъ, гдѣ общество дѣйствительно принимаетъ близко къ сердцу интересы литературы и желаетъ почтить своего великаго писателя памятникомъ. Ему и мѣсто найдутъ почетное и деньги соберутъ скоро, а то, помилуйте, пустячную, относительно, сумму, какъ 100.000 рублей съ небольшимъ, собирали 20 лѣтъ, и это для памятника первому русскому поэту!

Гдѣ же настоящее-то уваженіе? Въ чемъ оно проявилось?

И хорошъ «на нашей улицѣ праздникъ», когда, чествуя поэта и вспоминая по этому поводу, въ какихъ невозможныхъ тискахъ была его литературная дѣятельность, несмотря на его привилегированное положеніе и на покровительство самого императора,—мы черезъ 40 лѣтъ послѣ смерти чествуемаго нынѣ писателя, радуясь «просвѣтлѣнію горизонта», спрашиваемъ себя: надолго ли? Мы все еще говоримъ о «путахъ», стѣсняющихъ слово, и до сихъ поръ должны прибѣгать къ «эзоповскому» языку или молчать о многихъ вопросахъ, находясь нерѣдко въ унизительномъ положеніи школьниковъ, и «Вѣстникъ Европы» не безъ основанія говоритъ въ 1880 году, что «чувствительною перемѣною къ лучшему было бы теперь даже простое возвращеніе къ закону 6 апрѣля 1865 года».

И, какъ бы въ видѣ подарка къ «празднику на нашей улицѣ», почтенный журналъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующій скорбный листокъ печати, изъ котораго видно, что по 1 января 1880 года «дано всего 167 предостереженій, пріостановлено 52 изданія, въ общей сложности, на 13 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ; случаевъ запрещенія розничной продажи съ 1872 года по 1879 г. включительно было 60, въ одномъ 1870 году—14, и пріостановлено семь изданій (одно изъ нихъ два раза), розничная продажа была запрещена шести газетамъ». И все это шло crescendo. Такъ, напримѣръ, въ 1872 году было дано только два предостереженія и два раза запрещена розничная продажа. «Прибавимъ къ этому, — говоритъ «Вѣстникъ Европы»:—что въ первые три мѣсяца текущаго года—до перемѣны въ личномъ составѣ главнаго управленія по дѣламъ печати—предостереженій было четыре, одинъ журналъ пріостановленъ на три мѣсяца, розничная продажа воспрещена одинъ разъ и печатаніе объявленій два раза, и оба раза «Голосу», который съ 1-го января пользовался правомъ печатать объявленія не болѣе полуторамѣсяца».

«Этимъ взысканіямъ не предшествуетъ требованіе объясненій, они

не допускаютъ ни защиты прежде приговора, ни жалобы на приговоръ; они не ограничиваются опредѣленною сферой правонарушеній, и въ тѣхъ случаяхъ, когда печать обсуждаетъ дѣйствія администраціи, послѣдняя является судьею оскорбленій, ей нанесенныхъ. Административная власть надъ печатью неизбѣжно переступаетъ проведенныя ей линіи, стремится къ возможно большей безконтрольности. Таково свойство всякой неопредѣленной власти».

«Даже въ обыкновенное, не смутное время,—продолжаетъ почтенный журналъ: — встрѣчались случаи запрещенія журналовъ внѣ установленнаго закономъ порядка. Въ направленіи же, благопріятномъ для печати, не сдѣлано было, наоборотъ, ни одного шага: пробѣлы закона остались не восполненными, сфера примѣненія его крайне ограниченною; провинціальная печать попрежнему безправна, спеціальныя цензуры—духовная, театральная и иностранная—попрежнему полновластны; дѣйствіе предостереженій попрежнему не погашается никакою давностью; роль суда по дѣламъ печати доведена до минимума».

Но еще тяжелѣе, по мнѣнію названнаго журнала, негласное давленіе, оказываемое на печать.

«Когда журналистика обязывается молчать о предметѣ, обсужденіе котораго угрожаетъ развѣ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ, а отнюдь не государству, тогда положеніе ея значительно ухудшается по невозможности для публики разгадать причину внезапнаго молчанія... Масса читателей не въ состояніи объяснить себѣ, какимъ образомъ значительная часть печати можетъ молчать о вопросѣ, чуть не ежедневно поднимаемомъ и обсуждаемомъ «Московскими» или «Петербургскими Вѣдомостями». Теперь, вслѣдствіе компромиссовъ, книга или номеръ журнала не погибаютъ цѣликомъ, а только теряютъ бо́льшую или меньшую часть своего состава, но здѣсь, «подъ покровомъ негласности, возстановляется de facto гласно уничтоженная предварительная цензура. Уничтоженіе цѣлой книжки можетъ вызвать толки, которыхъ администрація избѣгаетъ; уничтоженіе той или другой статьи сохраняетъ закулисный характеръ, сдѣлавшійся обычнымъ явленіемъ въ литературномъ мірѣ».

Въ концѣ концовъ «Вѣстникъ Европы» находитъ, что существующій порядокъ по дѣламъ печати несравненно болѣе благопріятствуетъ такимъ изданіямъ, какъ «Kreuzzeitung» или «Figaro», чѣмъ такимъ, какъ «Daily News» или «Times». Дальше идеала этихъ газетъ онъ ужъ, очевидно, и не рѣшается идти.

Какъ видите, пока и на «нашей» и на вашей улицѣ попрежнему будни.

Что же касается «народнаго предпріятія», о которомъ упоминалъ академикъ Гротъ, а равно «благодарнаго народа», фигурирующаго, какъ извѣстно, всегда и при всякихъ обстоятельствахъ въ

видѣ хора, то онъ представлялся на Пушкинскомъ праздникѣ адресомъ одного крестьянина Тверской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что и «благодарный народъ» принялъ бы «живое участіе» въ подпискѣ на памятникъ, если бы обратились къ нему черезъ исправниковъ и становыхъ, какъ обращались при собираніи денегъ на добровольцевъ и на добровольный флотъ, и тогда, быть-можетъ, онъ получилъ бы нѣкоторое понятіе о Пушкинѣ, но теперь, разумѣется, онъ не знаетъ, кто такой Пушкинъ, и съ рѣшительнымъ недоумѣніемъ толпился у памятника. Г. Буренинъ, правда, не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ и приводитъ въ доказательство противнаго бесѣду, которую онъ велъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ, съ однимъ парнемъ, удивившимъ рецензента замѣчательнымъ мнѣніемъ о поэтѣ.

Вотъ эта доказательная бесѣда:

«—Ты знаешь, кому памятникъ поставленъ?—спросилъ я парня.

«—Пушкину, баринъ.

«—А кто онъ былъ?..

«—Кто былъ-то?.. Какъ его?.. Сочинитель былъ.

«—А за что ему памятникъ поставленъ?

«—Народъ, говорятъ, вишь, обучалъ. *Мозголовенъ* больно былъ. Да рано померъ. Толкуютъ, будто тридцати пяти годовъ. Другой баринъ его убилъ. Не знаю, правда ли?

«Я сказалъ, что правда, и объяснилъ вкратцѣ обстоятельства дуэли и смерти Пушкина. Парень выслушалъ съ видимымъ любопытствомъ.

«—Вишь ты, Господи, грѣхъ какой... Поди, кабы не померъ рано, такъ много бы еще народу образовалъ».

Едва ли приведенная рецензентомъ бесѣда что-нибудь объясняетъ и кого-нибудь опровергаетъ.

Издатель «Новаго Времени» передаетъ иныя наблюденія. По его словамъ, «въ теченіе нѣсколькихъ дней сотни тысячъ народа стояли около памятника толпой. Народъ, конечно, недоумѣвалъ, за что такая честь статскому человѣку. Многіе крестились на статую. Спустя двѣ недѣли, кажется, установилось мнѣніе, что человѣкъ этотъ (т. е. Пушкинъ) что-то пописывалъ, но памятникъ ему за то поставили, что онъ крестьянъ освободилъ». Эти наблюденія, пожалуй, болѣе основательны.

Праздникъ, какъ извѣстно, отличался обиліемъ рѣчей и, разумѣется, обиліемъ яствъ, питій и тостовъ. Выдающейся рѣчью была рѣчь г. Достоевскаго, а выдающимся скандаломъ—впрочемъ, кажется, и единственнымъ—выходка «Голоса» противъ г. Каткова.

Редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» произнесъ на обѣдѣ рѣчь, въ которой взывалъ къ примиренію. «Люди, знающіе цѣну благодати мира,—говорилъ, между прочимъ, ораторъ: — откликнутся съ сочувствіемъ на случайное совпаденіе: мы празднуемъ сегодня тоже

праздникъ мира, всѣмъ намъ равно дорогой праздникъ русской литературы. Ради этого дня можно *забыть старое*, можно *простить многое*. Можно расходиться во взглядахъ, но не встрѣчаться врагами. Сегодня есть день, въ который всего умѣстнѣе поднять бокалъ за *забвеніе прошлаго*, за единеніе братьевъ по литературѣ въ духѣ любви и мира. Именемъ великаго поэта поднимаю бокалъ за единодушіе и единеніе. На праздникѣ Пушкина нѣтъ соперниковъ—одни союзники».

Рѣчь эта, по правдѣ говоря, производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе въ устахъ г. Каткова. Впрочемъ, извѣстно, что банкетныя рѣчи ни къ чему не обязываютъ, — мало ли чего не скажешь за банкетомъ! Впрочемъ, дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что по окончаніи рѣчи ораторъ обратился съ бокаломъ къ г. Тургеневу, но г. Тургеневъ, по словамъ очевидцевъ, не принялъ, по крайней мѣрѣ, съ своей стороны, вызова къ примиренію и оставилъ г. Каткова въ положеніи нѣсколько неловкомъ. По словамъ «Молвы», «И. С. Тургеневъ не призналъ возможности чокнуться съ нимъ бокаломъ, о чемъ онъ и самъ заявлялъ многимъ». Это, конечно, личное дѣло почтеннаго романиста, и придавать поступку этому общественное значеніе едва ли основательно, тѣмъ болѣе, что ни для кого же не тайна, что г. Тургеневъ находилъ возможнымъ печатать свои произведенія въ органѣ Каткова въ то самое время, когда Катковъ былъ общественнымъ дѣятелемъ того же характера, какимъ остается и по днесь. Придавать, слѣдовательно, повторяю, общественное значеніе личной размолвкѣ знаменитаго романиста съ московскимъ публицистомъ было нелѣпо, тѣмъ болѣе, что рѣчь г. Каткова, какъ заявляютъ отчеты корреспондентовъ, хотя и не вызвала особенныхъ восторговъ, но зато и не вызвала неодобренія со стороны большинства трапезующихъ.

Между тѣмъ «Голосъ» разсказанному эпизоду придалъ характеръ чуть ли не общественнаго событія и устами своего корреспондента произнесъ слѣдующую сентенцію:

«Тяжелое впечатлѣніе производитъ человѣкъ, переживающій свою казнь и думающій затрапезною рѣчью искупить предательства двадцати лѣтъ!»

Эти слова были бы, пожалуй, совершенно справедливы, если бы въ самомъ дѣлѣ случилось нѣчто похожее на «казнь», но въ дѣйствительности никакой «казни» московскій публицистъ не переживалъ; напротивъ, къ нему подходили многіе, поздравляли его и жали ему руки...

Да и помимо этого, не устами «Голоса» читать такія строгія сентенціи, не «Голосу» брать на себя роль суроваго судьи чужихъ «предательствъ» противъ литературы. Мы, слава Богу, прошлаго не забыли! Если дѣятельность г. Каткова, какъ публициста, не

можетъ вызвать одобренія, то, по крайней мѣрѣ, онъ дѣйствовалъ и дѣйствуетъ, не скрывая своихъ картъ. Обвиняя повально въ «измѣнѣ» всѣхъ и вся, призывая на помощь государственный мечъ, рекомендуя терроръ, онъ не вилялъ, не прятался въ кусты, какъ заяцъ. По крайней мѣрѣ его нельзя обвинить въ недостаткѣ мужества передъ судомъ потомства. Читая Каткова, вы знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло, вы знаете, чего можно отъ него ожидать...

А вы, хулители его, развѣ въ послѣдніе годы вы не печатали такихъ статей, отъ которыхъ даже ваши сотрудники краснѣли и отъ которыхъ не отказался бы Катковъ? Не вы ли напечатали статью, въ которой совѣтовали обнажить государственный мечъ и дѣйствовать имъ безпощадно? Вы ли отличаетесь искренностью убѣжденія?

Всѣ отличились въ послѣднее время. Всѣ «высказались», слава Богу, такъ, что будущему историку придется воздать всѣмъ братьямъ по платьямъ и всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.

II.

Рѣчь г. Достоевскаго производитъ странное впечатлѣніе: Несомнѣнно, что эта рѣчь талантлива, горяча и искренна; прибавьте къ этому духъ мистицизма, проникающаго ее съ начала до конца, и вы до нѣкоторой степени поймете то сильное впечатлѣніе, которое она произвела на слушателей. Очевидно, она дѣйствовала болѣе на нервы, чѣмъ на умы слушателей. Вообще г. Достоевскій мастеръ дѣйствовать на нервы. Высказанное имъ въ своей рѣчи по поводу Пушкина profession de foi не новость. Онъ не разъ его высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ устами тѣхъ или другихъ героевъ. Это—какое-то туманно-неопредѣленное исканіе «правды», проповѣдь смиренія и любви съ оттѣнкомъ мистицизма и съ нѣкоторымъ запахомъ постнаго масла. То же самое и въ его рѣчи, когда она касается завѣтныхъ убѣжденій и идеаловъ художника. Глубокая вѣра слышна въ его словахъ. Несомнѣнная любовь къ народу чувствуется въ его рѣчи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, когда вы прочтете рѣчь, у васъ остается нѣкоторое недоумѣніе, и вы остаетесь въ какомъ-то туманѣ. Вы не знаете, что именно хочетъ сказать художникъ, вы не можете, такъ сказать, перевести его идеаловъ на понятный языкъ. Вы глубоко чувствуете что-то несомнѣнно-правдивое, вы слышите по временамъ оригинальныя мысли, вы видите, что передъ вами много передумавшій талантливый писатель, но въ общемъ, повторяю, является нѣчто безплотное, какое-то «откровеніе» въ духѣ Анфантена. И языкъ рѣчи г. Достоевскаго носитъ характеръ именно проповѣдническій. Въ тонѣ звучитъ пророческая нота. Онъ не говоритъ, а проповѣдуетъ, и такъ какъ проповѣдь его глубоко искренна, то понятно, что этотъ

оригинальный характеръ ея еще болѣе дѣйствуетъ на нервы слушателей.

Я не стану касаться тѣхъ мѣстъ его рѣчи, въ которыхъ онъ опредѣляетъ значеніе Пушкина, какъ народнаго поэта. Замѣчу только, что эта часть рѣчи мастерски обработана, хотя съ основными положеніями оратора и нельзя вполнѣ согласиться. Насъ, впрочемъ, занимаетъ не эта часть рѣчи, а тѣ мѣста ея, въ которыхъ авторъ говоритъ о русскихъ страдальцахъ и пророчески рисуетъ великую будущность русскаго человѣка, въ качествѣ «всечеловѣка», призваннаго сказать новое слово Европѣ. Говоря, что Пушкинъ въ лицѣ Алеко и Онѣгина геніально отмѣтилъ «того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически-необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ», г. Достоевскій переходитъ къ современнымъ скитальцамъ и говоритъ слѣдующее:

«Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество и еще долго, кажется, не исчезнутъ. И если они не ходятъ уже въ наше время въ цыганскіе таборы искать у цыганъ въ ихъ дикомъ, своеобразномъ быту своихъ міровыхъ идеаловъ и успокоенія на лонѣ природы отъ сбивчивой и нелѣпой жизни нашего русскаго интеллигентнаго общества, то все равно ударяются въ соціализмъ, котораго еще не было при Алеко, ходятъ съ новою вѣрой на другую ниву и работаютъ на ней ревностно, вѣруя, какъ и Алеко, что достигнутъ въ своемъ фантастическомъ дѣланіи цѣлей своихъ и счастья не только для себя самого, но и всемірнаго. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемірное счастье, чтобъ успокоиться; дешевле онъ не примирится,—конечно, пока дѣло только въ теоріи. Это все тотъ же русскій человѣкъ, только въ разное время явившійся. Человѣкъ этотъ, повторяю, зародился какъ разъ въ началѣ второго столѣтія послѣ великой петровской реформы въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы. О, огромное большинство интеллигентныхъ русскихъ, и тогда, при Пушкинѣ, какъ и теперь, въ наше время, служили и служатъ мирно въ чиновникахъ, въ казнѣ или на желѣзныхъ дорогахъ и въ банкахъ, или просто наживаютъ разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читаютъ лекціи, — и все это регулярно, лѣниво и мирно, съ полученіемъ жалованья, съ игрой въ преферансъ, безъ всякаго поползновенія бѣжать въ цыганскіе таборы или куда-нибудь въ мѣста, болѣе соотвѣтствующія нашему времени. Много-много, что полиберальничаютъ «съ оттѣнкомъ европейскаго соціализма», которому приданъ нѣкоторый благодушный русскій характеръ,—но вѣдь все это вопросъ только времени. Что въ томъ, что одинъ еще и не начиналъ безпокоиться, а другой уже успѣлъ дойти до запертой

двери и объ нее крѣпко стукнулся лбомъ? Всѣхъ въ свое время то же самое ожидаетъ, если не выйдутъ на спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ. Да пусть и не всѣхъ ожидаетъ это: довольно лишь «избранныхъ», довольно лишь десятой доли забезпокоившихся, чтобы и остальному огромному большинству не видать чрезъ нихъ покоя. Алеко, конечно, еще не умѣетъ правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачъ о потерянной гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не можетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо. Въ чемъ эта правда, гдѣ и въ чемъ она могла бы явиться и когда она именно потеряна, конечно, онъ и самъ не скажетъ, но страдаетъ онъ искренно. Фантастическій и нетерпѣливый человѣкъ жаждетъ спасенія, пока лишь преимущественно отъ явленій внѣшнихъ; да такъ и быть должно: «правда, дескать, гдѣ-то внѣ его, можетъ-быть, гдѣ-то въ другихъ земляхъ, европейскихъ напримѣръ, съ ихъ твердымъ историческимъ строемъ, съ ихъ установившеюся общественною и гражданскою жизнью». И никогда-то онъ не пойметъ, что правда прежде всего внутри его самого, да и какъ понять ему это: онъ вѣдь въ своей землѣ самъ не свой, онъ уже цѣлымъ вѣкомъ отученъ отъ труда, не имѣетъ культуры, росъ, какъ институтка въ закрытыхъ стѣнахъ, обязанности исполнялъ странныя и безотчетныя, по мѣрѣ принадлежности къ тому или другому изъ четырнадцати классовъ, на которые раздѣлено образованное русское общество. Онъ пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И онъ это чувствуетъ и этимъ страдаетъ, и часто такъ мучительно!»

Въ этихъ словахъ въ первый разъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ вы слышите, что за русскими «скитальцами» послѣдняго времени хоть признано право страданія. И это знаменательно слышать изъ устъ художника, нерѣдко въ своихъ романахъ представлявшаго *скитальцевъ* «извергами» и «чудовищами», знаменательно особенно послѣ всего того, что говорилось вообще о «скитальцахъ» въ нашей безшабашной печати. Такъ, вѣроятно, поняла это мѣсто и та молодежь, которая сдѣлала овацію г. Достоевскому, и такъ хотѣлось бы понять и намъ.

Но найдутся многіе, которые во что бы то ни стало захотятъ непремѣнно придать иное значеніе этимъ словамъ, и они, до нѣкоторой степени, будутъ правы. Дальнѣйшія мѣста рѣчи какъ будто опровергаютъ мѣсто, нами приведенное, но, повторяю, даже и за обмолвку (если бы это была обмолвка) нельзя не быть благодарными. «Обмолвки» эти такъ нужны въ наше смутное время!

Осуждая затѣмъ этого «гордаго человѣка», этого «скитальца», г. Достоевскій прочитываетъ ему такое нравоученіе:

«Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ, вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному разуму. Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ; найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собой и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя—и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконецъ народъ свой и святую правду его. Не у цыганъ и нигдѣ—міровая гармонія, если ты первый самъ ея недостоинъ, злобенъ и гордъ, и требуешь жизни даромъ, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить».

Какое это «великое дѣло» и какая это «правда», разумѣется, почтенный романистъ не объясняетъ, и эта часть рѣчи остается туманной и какъ бы опровергаетъ другую часть.

Но еще болѣе страннымъ является увѣреніе романиста, что мы въ теченіе двухъ вѣковъ служили болѣе Европѣ, чѣмъ себѣ самимъ, сознательно, такъ какъ г. Достоевскій не думаетъ, «чтобъ отъ неумѣнія лишь нашихъ политиковъ это происходило».

Такимъ образомъ всѣ войны, которыя мы вели за возстановленіе чужихъ престоловъ и царствъ, оказывается, мы вели потому, что, по словамъ романиста, «народы Европы и не знаютъ, какъ они дороги намъ!» Нечего сказать, хорошее проявленіе любви, если въ самомъ дѣлѣ предположить, будто солдаты наши, проливая кровь за сардинскаго короля или австрійскаго императора, въ самомъ дѣлѣ чувствовали, что они служатъ Европѣ, а не творятъ волю начальства...

Въ концѣ концовъ совѣтующій «гордому человѣку» смириться и «овладѣть собой», нашъ романистъ высказываетъ пророчество, что русскій человѣкъ будетъ «всечеловѣкомъ», и что впослѣдствіи «будущіе, грядущіе люди» скажутъ «новое слово» Европѣ и укажутъ исходъ европейской тоскѣ въ русской душѣ...

Опять-таки въ этомъ, хотя и гордомъ пророчествѣ есть, быть-можетъ, зерно истины, но все это такъ запутано, что нужно скорѣй гадывать, чѣмъ слышать. Невольно припоминается не такое слово другого знаменитаго писателя, который съ болью говорилъ, что онъ въ Европѣ ни близкаго ни хорошаго выхода не видитъ, и, между прочимъ, писалъ, что «въ естественной непосредственности нашего сельскаго быта, въ шаткихъ и неустоявшихся экономическихъ и юридическихъ понятіяхъ, въ смутномъ правѣ собственности, въ отсутствіи сильнаго мѣщанства и въ необычайной усвоимости чужого—мы имѣемъ шагъ передъ народами усталыми и сложившимися».

Этотъ языкъ понятнѣе. Сочувствуете вы, или не сочувствуете, но вы понимаете автора, потому что у него есть опредѣленные идеалы.

Но нашего романиста трудно понять, потому что у него мистицизмъ затемняетъ и тѣ проблески истины, которые порой являются, хотя и въ фантастическомъ видѣ. И вотъ почему рѣчь его, производившая потрясающее впечатлѣніе на слушателей, въ чтеніи производитъ далеко не то впечатлѣніе, несмотря на талантливость.

Вотъ почему она даже пришлась по плечу «Московскимъ Вѣдомостямъ», гдѣ она напечатана, и можетъ вызывать, съ одной стороны, вѣнки со стороны молодежи, а съ другой — одобреніе «Новаго Времени»

1881 г.

«Жидъ», «Ландлордъ» и «Золотая ручка».

I.

Всему причина—«жидъ»!.. Если бы не «жидъ», наша послѣдняя война не стоила такихъ громадныхъ денегъ. Если бы не «жидъ», мы не были такъ деморализованы. «Жидъ»—это злой геній бѣдной Россіи. Онъ ничего не признаётъ кромѣ денегъ и наживы во что бы то ни стало... Для него гешефтъ—альфа и омега существованія... «Жидъ» соблазнилъ и насъ... О, онъ умѣетъ соблазнять русскихъ... Онъ развратилъ нашу администрацію, до жида безкорыстную, какъ берлинскій судья, онъ соблазняетъ женъ и любовницъ, если видитъ, что чиновникъ твердъ, какъ тарпейская скала... Онъ, какъ змѣй искуситель, пробирается съ промессами, комиссіями даже въ невинныя души самыхъ, казалось бы, стойкихъ администраторовъ и... и искушаетъ ихъ на пагубу казны. У него въ рукахъ всѣ крупныя дѣла... Онъ грабитъ казну, эксплоатируетъ бѣдность. Кто, какъ не онъ, составляетъ большинство въ послѣднихъ политическихъ процессахъ... Все онъ, вездѣ онъ!.. По моему мнѣнію, давно пора бросить въ сторону фальшивый либерализмъ, застилающій намъ глаза, и объявить «жида» внѣ закона... Наши предки были умнѣе...

— Однако-жъ вы слишкомъ смѣло проповѣдуете возвратъ къ среднимъ вѣкамъ!

— Другого исхода нѣтъ! «Жидъ» идетъ на насъ и грозитъ развратить насъ... Что же намъ дѣлать?.. Я еще нарисовалъ слабую картину жидовскаго нашествія. Посмотрите: гдѣ только нѣтъ жида? Въ пріемной у министра—жидъ! Онъ ждетъ и надѣется, потому что... потому что, прежде чѣмъ пріѣхать къ министру, онъ былъ вездѣ, гдѣ нужно. Онъ уже успѣлъ соблазнить... Въ банкахъ—жидъ... Въ интендантствѣ—жидъ! Всѣ подряды у жидовъ!.. Еврейская интеллигенція проповѣдуетъ разрушеніе, а въ то же время фанатикъ-еврей выкрадываетъ христіанскаго ребенка и рѣжетъ его... А что дѣлается въ Западномъ краѣ? Народъ тамъ положительно въ рукахъ у евреевъ. Они, какъ пауки, опутали населеніе

паутиной и сосутъ кровь жертвъ... О, повторяю, если бы не жиды, то не было бы у насъ той деморализаціи нравовъ, тѣхъ подкуповъ, тѣхъ невозможныхъ ограбленій казны, которыя такъ часты теперь... Если бы не «жиды», чиновникъ нашъ сохранилъ невинность голубя, русскіе подрядчики были безкорыстны, какъ Катоны, и страна не страдала отъ торжества рубля...

— Такъ, по-вашему, во всемъ «жидъ» виноватъ?..

— Во всемъ, во всемъ виноватъ «жидъ»!.. И нѣмцы начинаютъ это понимать...

Не далѣе какъ на-дняхъ я былъ свидѣтелемъ вышеприведеннаго разговора. Свирѣпый юдофобъ, человѣкъ, принадлежащій къ «культурнымъ» людямъ, требовалъ сперва объявленія евреевъ внѣ закона, а потомъ повальнаго изгнанія ихъ изъ предѣловъ Россіи, съ такой порывистой страстностью, при чемъ приводилъ аргументы настолько смѣлые, что собесѣдникъ его, въ началѣ спора пробовавшій-было подѣйствовать на юдофоба резонными доказательствами, въ концѣ концовъ махнулъ рукой и замолчалъ. Убѣждать было, очевидно, дѣломъ безполезнымъ...

Я слышалъ эту бесѣду и не удивлялся. Юдофобъ, слово въ слово, повторялъ то, что̀ говорилось и говорится въ нѣкоторыхъ органахъ русской печати. Онъ былъ только отголоскомъ, быть-можетъ, слишкомъ усерднымъ. Да и можно ли было удивляться, когда и съ берлинской каѳедры повторяются тѣ же слова обвиненія. Повторяются когда? Въ концѣ девятнадцатаго столѣтія, когда принципъ религіозной терпимости вошелъ въ жизнь и послужилъ однимъ изъ краеугольныхъ камней европейской цивилизаціи.

Но безуміе заразительно, особенно въ наше безумное, переходное время, когда повсюду происходитъ что-то неладное. Такъ или иначе, чувствуется, что жизнь сошла съ прежней колеи, что кругомъ что-то неладно... Какая-то болѣзнь точитъ всѣ современныя общества... Но что̀, кто виноватъ?.. Подайте виноватаго!..

И безумцы, какъ дѣти, ищутъ кого-нибудь виноватаго, какъ искали ихъ во всѣ времена. Имъ нуженъ осязательный фактъ, нужна жертва, на которую можно обрушить бѣдствіе эпохи. Когда въ конецъ обезумѣвшій отъ нищеты мужикъ съ вѣрой въ сердцѣ сжигаетъ «вѣдьму» на кострѣ, онъ думаетъ, что нашелъ виноватую въ его бѣдствіяхъ, и на время оживаетъ надеждой... Такъ точно поступаютъ не одни мужики. Имъ надо виноватаго, и если слово найдено,—какъ бы ни было глупо это слово,—во имя этого слова совершаются великія злодѣйства и великія глупости.

Мы, русскіе, знаемъ эти «слова». У насъ особенно ихъ много, и мы мѣняемъ ихъ очень часто... Мы такъ недавно еще пережили весь ужасъ недавнихъ дней и такъ хорошо знаемъ разнообразіе пользованія лексикономъ, что говорить объ этомъ теперь не къ чему...

II.

Въ числѣ «словъ», смущающихъ покой недальновидныхъ, хотя, быть-можетъ, и искреннихъ людей—у насъ есть и слово «жидъ». Приведенный выше разговоръ есть квинтъ-эссенція мнѣній объ евреѣ, и если прибавить къ этому, что нѣкоторые съ понятіемъ объ евреѣ соединяютъ понятіе о человѣкѣ, завтракающемъ филе изъ христіанскаго ребенка и запивающемъ шампанскимъ изъ крови, — то передъ читателемъ будетъ «настоящій жидъ», губящій невинность нашихъ превосходительствъ.

Когда рѣчь идетъ о подрядѣ или концессіи, то «жидъ», разумѣется, на первомъ планѣ, и «жидъ», видите ли, только «жидъ» умѣетъ влѣзть въ душу добродѣтельнаго сановника, а русскій не умѣетъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію недальновидныхъ, его превосходительство Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ несравненно ехиднѣе, чѣмъ, напримѣръ, его превосходительство Петръ Іоновичъ Губонинъ, хотя въ сущности оба эти превосходительства—карты одной и той же колоды. Хотя они и исповѣдуютъ разную вѣру, но поклоняются одному богу и, конечно, имѣютъ дѣло съ одними и тѣми же богами и духами при полученіи концессій,—точно такъ же какъ гг. Грегеръ и Горвицъ не хуже и не лучше гг. Баранова, князя Оболенскаго и Струговщикова... И если какъ тѣмъ, такъ и другимъ нужно накидывать 50% на всякій подрядъ для предварительныхъ расходовъ, то надо думать, что «змѣи искусители», соблазняющіе департаментскихъ Адамовъ и состоящихъ при департаментахъ «Евъ» — попавши въ рай, дѣлаются космополитами, въ виду космополитизма «промессъ» и «комиссій», предлагаемыхъ не только русскимъ, но даже «истинно-русскимъ» и «истинно-нѣмецкимъ» Адамамъ и Евамъ.

Простой русскій человѣкъ совѣстливѣе. Для него безразличенъ кулакъ, кто бы онъ ни былъ: русскій ли, нѣмецъ ли, еврей ли. Онъ чувствуетъ, что національность и религія тутъ не при чемъ, и что для кулака и эксплоататора всевозможныхъ національностей нѣтъ бога, кромѣ Ваала и аггеловъ его. Деруновъ недалекъ отъ Мошки, сдѣлавшимся Моисеемъ Абрамовичемъ... А графъ Бобринскій, люторичскій владѣлецъ?..

Читатели знаютъ изъ газетъ процессъ люторичскихъ крестьянъ Русскій ландлордъ, въ союзѣ съ русскимъ нѣмцемъ, довели крестьянъ (легально, замѣтьте, легально!) до такъ-называемаго открытаго сопротивленія; проценты, которые взимали эти почтенные джентльмены съ мужиковъ, заткнули за поясъ такъ-называемые «жидовскіе». «Бобринскіе» проценты—это нѣчто невѣроятное. На 20 руб. крестьянскаго долга насчитывалось по 500 руб. неустойки. И, повторяю, все легально, на законномъ основаніи, по «документамъ».

Условія венеціанскаго жида ничто передъ *этими* документами. Венеціанскій еврей требовалъ неустойку въ фунтъ человѣческаго мяса, а теперь—при помощи нотаріальнаго условія—въ неустойку требуютъ жизнь, и не одного человѣка, а цѣлаго населенія большого села.

Другія времена, другіе нравы, другая нравственность... Но и то, и другое, и третье въ духѣ существующихъ правилъ, гарантирующихъ свободу разбоя безъ помощи огнестрѣльнаго или холоднаго оружія, а только при помощи исполнительныхъ листовъ. Кулакъ русскій, нѣмецъ и «жидъ»—всѣ они сливаются въ трогательномъ единодушіи, чуть только дѣло коснется вопроса о распредѣленіи. Въ демократическомъ равенствѣ передъ дѣломъ наживы стираются всѣ сословные и религіозные предразсудки, до той поры, пока бывшіе соратники не встрѣтятся на «кускѣ», и если кусокъ достанется болѣе ловкому, и этимъ болѣе ловкимъ окажется, положимъ, еврей, тогда раздастся вопль:

— Жидъ идетъ... Долой жида!..

А масса, масса всѣхъ національностей, всѣхъ культовъ и религій, которая, по мнѣнію маленькихъ Наполеоновъ «крови» и «лавки», должна служить пушечнымъ мясомъ на войнѣ и наковальнями въ мирѣ, — относится сперва безразлично къ крикамъ, до тѣхъ поръ, пока возгласы не становятся громче и не подѣйствуютъ на невѣжество. Тогда безвыходность, которая иногда доводитъ даже до поджариванья вѣдьмы, безвыходность, распаленная травлей, можетъ пробудить надежду найти виноватаго.

Подъ вліяніемъ науськиваній сверху и толпа можетъ обезумѣть, и въ ней можетъ раздаться страшный вопль: «долой жида!», и страшныя сцены средневѣковаго варварства могутъ повториться легко...

И окажется виноватой въ концѣ концовъ все та же масса, эта вѣчная отвѣтчица за чужіе грѣхи... И разбредутся по тюрьмамъ люди, пострадавшіе за «правду», въ недоумѣніи, и долго еще недоумѣніе не оставитъ ихъ, пока какой-нибудь новый «виноватый», будь то «вѣдьма», «студентъ» или «докторъ», не явится на смѣну старому...

Итакъ, благодаря невѣжеству массъ, благодаря неумѣнію людей устроиться, памятуя хотя бы нѣсколько ученіе Спасителя, проходятъ годы и вѣка.

Удивительный шумъ подняли газеты по люторичскому «дѣлу»! Какъ не стыдно?—говорили на всѣ лады.

Но развѣ это первый и послѣдній процессъ? Развѣ такихъ процессовъ мало? И развѣ графъ дѣйствовалъ незаконно? И развѣ другіе, не доводящіе мужика до открытаго сопротивленія, не дѣйствуютъ ли точно такъ же, хотя, быть-можетъ, и болѣе осторожно?..

Такъ при чемъ здѣсь удивленіе? Все идетъ своимъ порядкомъ, все идетъ правильно, съ точки зрѣнія логики современной морали. Слѣдовательно, по справедливости говоря, ей такъ же не къ лицу краснѣть при какомъ-нибудь подобномъ фактѣ, какъ не къ лицу плакать повару, зарѣзавшему десятокъ цыплятъ совершенно спокойно, при видѣ одиннадцатаго, который, по неловкости оператора, трепещетъ минутой болѣе, истекая кровью.

Кривая логика, по правдѣ говоря, у буржуазной морали. Она похожа на капризную барыню и льетъ слезы по «вчерашнему» дню, словно забывъ, что всѣ остальные дни—тѣ же «вчерашніе».

III.

Отъ морали «терпимой» перейдемъ, читатель, къ морали «нетерпимой»—къ морали воровъ и воспользуемся случаемъ познакомиться съ процессомъ, извѣстнымъ подъ именемъ процесса «Соньки Золотой ручки». Цѣлая шайка мошенниковъ-евреевъ фигурируетъ на судѣ. По обыкновенію, отъ процесса ждали разоблаченія тайнъ махинаціи, ждали пикантныхъ подробностей воровской ассоціаціи и признаній героини процесса, но... въ концѣ интересъ получилъ совсѣмъ другой характеръ. Подсудимые теряли свою пикантность, но зато свидѣтели пріобрѣтали ее все больше и больше, и въ концѣ концовъ явились разоблаченія, но только другого характера, и вмѣсто «Соньки Золотой ручки» настоящими героями процесса явились не подсудимые, а нѣкоторые чины московской полиціи и сыщики.

Съ этой стороны процессъ дѣйствительно интересенъ и представляетъ характерную иллюстрацію нравовъ не одной только воровской корпораціи... Въ этомъ процессѣ до того перепутаны пойманные воры съ непойманными, полиція съ ворами, сыщики съ мошенниками, что въ концѣ концовъ, послѣ чтенія процесса, невольно задаешь себѣ вопросъ: «Кто же лучше?»

Я не стану останавливаться на обвинительномъ актѣ, въ которомъ Шнейдля Блювштейнъ (она же и «Золотая ручка») обвинялась въ составленіи воровской шайки и въ многочисленныхъ мошенничествахъ и кражахъ.

Интереснѣе всего допросъ свидѣтелей.

Интересъ этотъ начинается съ показанія частнаго пристава Реброва, который объясняетъ, что «Золотыхъ ручекъ» двѣ: одна еврейка Гершбергъ, не пойманная; другая—Шнейдля Блювштейнъ...

Оказывается, что, несмотря на циркуляры и приказы московскаго оберъ-полицеймейстера, Шнейдлю Блювштейнъ ловили очень осторожно, а если и ловили, то она убѣгала съ такой простотой, которая, вѣроятно, поражала всѣхъ и каждаго, исключая, разумѣется, чиновъ московской полиціи... Подсудимая — молодая и красивая

еще женщина, кокетливо одѣтая въ сѣромъ арестантскомъ капотѣ, накинутомъ сверхъ чернаго платья—бѣгала нѣсколько разъ и обыкновенно черезъ сквозныя ворота. Городовые, сопровождавшіе ее, отличались необычайной довѣрчивостью.

На столѣ вещественныхъ доказательствъ лежитъ масса колецъ, часовъ, цѣпочекъ, брошей, серегъ, жемчуга, коралловъ, брильянтовъ. Но въ числѣ этихъ вещественныхъ доказательствъ нѣтъ діадемы, которую принесли «Золотой ручкѣ» отъ ювелира въ то самое именно время, когда частный приставъ Ребровъ производилъ у подсудимой обыскъ. Ребровъ занесъ въ опись эту діадему подъ такимъ названіемъ: «золотой головной обручъ, при немъ брильянтовая фертьерка съ шестью крупными брильянтами, двадцатью девятью средними и четырьмя мелкими на обручѣ».

— Гдѣ діадема?—спрашиваетъ предсѣдатель суда.

— Я не знаю!—отвѣчаетъ г. Ребровъ.

— Свидѣтель отобралъ у меня вмѣстѣ съ другими вещами! — говоритъ подсудимая.

— Я всѣ вещи передалъ судебному слѣдователю! — возражаетъ Ребровъ.

Такъ діадема и канула въ воду...

На слѣдующихъ засѣданіяхъ личность подсудимой начинаетъ все болѣе и болѣе затемняться... Многіе не признаютъ подсудимую за ту женщину, которую обвиняютъ во множествѣ мошенничествъ и кражъ... Является сомнѣніе, что Шнейдля Блювштейнъ—настоящая «Золотая ручка». Данныя обвинительнаго акта значительно разбиваются судебнымъ слѣдствіемъ, и является сомнѣніе, что часть подвиговъ настоящей «Золотой ручки» (Гершбергъ) перенесена на Блювштейнъ. Сомнѣніе это съ каждымъ днемъ увеличивается, и подъ конецъ становится несомнѣннымъ, что обвинительный актъ поусердствовалъ слишкомъ и затемнилъ дѣло... Но я не останавливаюсь на подсудимой. Меня гораздо болѣе въ этомъ процессѣ занимаютъ свидѣтели... Если подсудимая и интересна, то потому только, что изъ-за нея, какъ оказывается, отставленъ отъ должности московскій судебный слѣдователь и австрійскій полицейскій приставъ Фридманъ... Она умѣла дѣйствовать своими чарами, какъ сирена, успѣшно...

При разборѣ, на четвертый день суда, эпизода о кражѣ, совершенной у Тюменевыхъ, въ 1875 году, въ гостиницѣ «Парижъ», на судѣ вырисовалась слѣдующая бытовая картинка:

Оказывается, что когда г-жи Тюменевы дали знать полиціи, что онѣ обокрадены на 6.000 р., полиція нисколько этому не удивилась и даже прочла нотацію г-жамъ Тюменевымъ, говоря, что онѣ сами виноваты, такъ какъ ихъ номеръ прямо противъ гостиницы «Римъ», откуда все видно, а Тюменевы вдобавокъ не спускали шторъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ полиція же сообщила потерпѣвшимъ, что «Римъ» пользуется дурной славой, и что воровство предполагалось «двумя днями раньше». Я не знаю, утѣшили ли полицейскіе чины такимъ объясненіемъ потерпѣвшихъ, но надо думать, что сами полицейскіе были довольны, какъ читатель увидитъ ниже.

Поиски за украденными у Тюменевыхъ вещами однако начались. Производилъ ихъ квартальный надзиратель Чумаковскій.

Два слова объ этомъ квартальномъ надзирателѣ.

На судѣ оказалось, что онъ удаленъ административнымъ порядкомъ изъ Москвы за то, что въ недавніе дни, когда открылось новое поле доходовъ для настоящихъ «патріотовъ своего отечества», — почтенный квартальный принялся за ремесло agent provocateur'a. Онъ сочинялъ прокламаціи, самъ же разбрасывалъ ихъ и, разумѣется, самъ же находилъ ихъ. Но дѣло, видно, сдѣлано было не совсѣмъ «чисто», и бѣдный «патріотъ» былъ высланъ.

Такъ вотъ этому самому г. Чумаковскому были поручены розыски. Онъ идетъ прямо къ Шнейдлѣ Блювштейнъ съ городовыми и понятыми и первымъ дѣломъ садится за ужинъ, тѣмъ болѣе, что была пора ужину, такъ какъ Шнейдля только-что вернулась изъ театра. Поужинавши, квартальный объясняетъ, что пріѣхалъ обыскать Шнейдлю.

Послѣ заявленія г. Чумаковскаго между представителемъ московской полиціи и представительницей московской артистки de la haute école произошелъ слѣдующій полушутливый разговоръ, сообщенный на судѣ:

— Васъ надо прежде обыскать,—возразила «Золотая ручка».— Вы сами можете и украсть и подложить!

Убѣжденный, вѣроятно, въ справедливости замѣчанія хозяйки, г. Чумаковскій «съ улыбкой» выворачиваетъ карманы, въ которыхъ однако ничего не оказывается.

Когда на судѣ предсѣдатель спросилъ подсудимую, почему ей вздумалось обыскивать квартальнаго, то подсудимая отвѣчала:

— Да потому, что это взяточникъ и пріятель всѣхъ московскихъ воровъ, онъ у меня часто просилъ денегъ и прежде и въ этотъ разъ, чтобы потушить дѣло. Такимъ людямъ довѣрять нельзя: они на все способны!

На что способенъ былъ г. Чумаковскій, читатель уже знаетъ изъ эпизода о прокламаціяхъ. Не мудрено поэтому, что ему не довѣряли его пріятели-воры, хотя—увы!—и довѣряло московское полицейское начальство.

Маленькое отступленіе.

Недавно было напечатано объ изслѣдованіяхъ Бордье и Ломброзо преступниковъ съ точки зрѣнія антропологіи и психіатріи.

По мнѣнію этихъ ученыхъ, характеристической особенностью у

воровъ являются сѣрые глаза; по росту, по вѣсу и мышечной силѣ они стоятъ ниже разбойниковъ и убійцъ...

Является вопросъ: къ какому «среднему» типу слѣдуетъ причислить многихъ изъ свидѣтелей въ процессѣ «Золотой ручки»?..

Вопросъ во всякомъ случаѣ «открытый» еще въ наукѣ.

IV.

Такимъ же «открытымъ» вопросомъ остался и вопросъ о кражѣ у Тюменевыхъ. Украла ли Шнейдля Блювштейнъ—дѣло темное... Въ концѣ концовъ въ этомъ хаосѣ взаимныхъ обвиненій воровъ и свидѣтелей, свидѣтелей и воровъ разобраться трудно. Изъ вопросовъ, дѣлаемыхъ защитниками Тюменевыхъ ихъ старому знакомому полковнику Сторожевскому, выясняется; что молодой Тюменевъ (братъ одной изъ потерпѣвшихъ барынь) велъ сильную игру въ карты. Въ то же время «извѣстный» Чумаковскій въ одномъ изъ своихъ показаній говоритъ, что и Сторожевскій и Тюменевъ картежники, и что будто Тюменевъ передъ кражей заплатилъ какой-то долгъ вещью своей сестры.

Кромѣ того, есть показаніе бѣглаго еврея-солдата, который говоритъ, что вмѣстѣ съ Чумаковскимъ они «*рѣшили*» взвалить на Шнейдлю кражу у Тюменевыхъ, чтобы получить выкупъ съ «Соньки». Является невольно подозрѣніе, что была семейная кража, но фактически ничего не выясняется, кромѣ того, что агенты выпивали и закусывали, обыскивали и сами бывали обыскиваемы.

Судъ переходитъ къ другой кражѣ у Кудинова, вслѣдствіе которой потерпѣвшій, потерявшій все свое состояніе, съ горя заболѣлъ и умеръ.

Вотъ какъ описываетъ слѣдствіе по дѣлу Кудинова очевидецъ. Сцены весьма типическія. По словамъ корреспондента «Новаго Времени», «тѣ воры, что сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, блѣднѣютъ и стушевываются передъ яркими, отвратительно яркими фигурами свидѣтелей, изъ показаній которыхъ присяжнымъ надобно дѣлать свои выводы. Одинъ свидѣтель—воръ, хотя не пойманный, другой—воръ пойманный и понесшій наказаніе, третій—сыщикъ, четвертый—сыщикъ и воръ вмѣстѣ, и всѣ они то клевещутъ другъ на друга, то рѣзко обличаютъ свои скверныя продѣлки. Путаница выходитъ неизобразимая. Достаточно обширное мѣсто приходится отвести во всемъ этомъ московской полиціи. Между сыщиками, надзирателями и мошенниками проявляется несомнѣнная сердечная и матеріальная дружба; Софья или Шнейдля Блювштейнъ зоветъ сыщика Толстинова «Коленькой»; тотъ, въ видѣ комплимента, отвѣчаетъ ей, что она—царица воровъ, Меркурій въ юбкѣ. Юный отставной канцеляристъ Алянчиковъ хвастается, что онъ отлично знаетъ всѣхъ московскихъ воровъ и самъ воровалъ.

Съ сознаніемъ собственнаго достоинства, онъ заявляетъ суду, что Вульфъ Бромбергъ (обвиняемый въ кражѣ у Кудинова) только «затырщикъ», т. е. молодой, начинающій воръ... Зовутъ изящнаго свидѣтеля г. Таше. Одѣтъ прекрасно, держится превосходно, — въ воровскихъ кружкахъ его звали «барономъ»... Алянчиковъ спѣшитъ объяснить: «Не смотрите, господа, что онъ—такой изящный! Мы вмѣстѣ въ острогѣ сиживали!..» И всѣ эти господа, попавшись въ когти правосудія, одни—въ качествѣ свидѣтелей, другіе—въ качествѣ подсудимыхъ, немилосердно топятъ другъ друга...

«— Я знаю Соньку Блювштейнъ 11 лѣтъ!—заявляетъ сыщикъ Толстиновъ.—Вы осмотрите ее,—у ней уши оборваны. Это ей въ Нижнемъ серьги вырывали, когда она попалась въ кражѣ!

«— Вретъ онъ,—отвѣчаетъ подсудимая:—потому вретъ, что просилъ меня помочь въ дѣлѣ Зельцера, а я не помогла! Вы самъ воръ!

«— Я никогда не воровалъ!—энергически протестуетъ Толстиновъ.

«— Нѣтъ, онъ не воровалъ!—иронически замѣчаетъ подсудимый Михель Бреннеръ.—А если и воровалъ, такъ отъ избытка честности! Благодаря этой честности онъ и Неронова ограбилъ, и у полковника одного 40.000 р. стащилъ, и сонныхъ пассажировъ на желѣзныхъ дорогахъ обкрадывалъ, разъѣзжая съ какимъ-то грузинскимъ княземъ!

«— Злятся они на меня!—возражаетъ Толстиновъ.—Даже здѣсь, въ свидѣтельской комнатѣ, Алянчиковъ спрашивалъ у меня, сколько я возьму, чтобъ показать въ пользу Шнейдли!..

«И во все время судебнаго слѣдствія тянутся эти взаимныя обличенія и оклеветанія (мы собираемъ въ одно общее разбросанныя фразы свидѣтелей и подсудимыхъ). Затаенная злоба и на не дѣлившихъ добычу, и на выдавшихъ преступленіе, и на соперниковъ во взяткахъ, въ искусствѣ воровства, сыщичества, проявляется во всемъ блескѣ... Въ кражѣ у Кудинова обвиняется, какъ мы знаемъ, юный Вульфъ Бромбергъ, дѣйствительно выглядывающій волчонкомъ.

«— Куда ему!—восклицаетъ одинъ изъ свидѣтелей.—Его посылали только передовымъ, чтобы тереться въ толпѣ, отвлекать вниманіе, а кражи совершались другими, поискуснѣе его!

«Тутъ является поразительный свидѣтель въ пользу Бромберга, частный повѣренный въ гор. Витебскѣ, кн. Ухтомскій. Онъ заявляетъ, что наканунѣ совершенія кражи Бромбергъ былъ у него въ Витебскѣ!

«Гражданскій истецъ Шмаковъ заявляетъ, что въ сутки можно пріѣхать изъ Витебска въ Москву... Сыщикъ Толстиновъ увѣряетъ, будто подсудимые хвастались ему, что подкупили кн. Ухтомскаго... Путаница усложняется еще болѣе. Правда, Алянчиковъ показывалъ, что видѣлъ Софью Блювштейнъ съ Бромбергомъ на извоз-

чикѣ, въ день совершенія кражи, въ Москвѣ, но вотъ что говоритъ онъ теперь:

«— Это квартальный надзиратель Тепловъ угрозами заставилъ меня такъ показать! Сибирью пугалъ!.. Вы не знаете, господа, что такое наша полиція!.. Не Бромбергъ укралъ, а Гольдбергъ!

«Слушатели въ изумленіи. Имя Гольдберга чуть ли не впервые появляется въ процессѣ.

«— Гольдберга тоже зовутъ Кочубчикомъ,—продолжаетъ Алянчиковъ.—Я ихъ всѣхъ отлично знаю!

«— Алянчиковъ еще очень плохой сыщикъ! — объясняетъ въ другой моментъ слѣдствія г. Замайскій, который, послѣ Нероновскаго процесса, былъ уволенъ отъ службы, а теперь снова сдѣланъ надзирателемъ въ кварталѣ, гдѣ Охотный рядъ.

«Единственное заключеніе, которое можно вывести изъ всей путаницы показаній свидѣтелей и подсудимыхъ, это—что всѣ они—одинъ лучше другого, да и полиція не хуже ихъ».

Я тоже не стану разсматривать, кто лучше и кто хуже. Замѣчу только, что всѣ эти Чумаковскіе, Толстиновы, Алянчиковы, Замайскіе—могутъ имѣть дѣло не съ одними только «ворами», но и съ обыкновенными смертными. И знаете ли что? Хотя они и мелкая сошка, а все-таки столько могутъ надѣлать пакости, что и подумать страшно. Притомъ всѣ шансы на ихъ сторонѣ. «Золотая ручка», напримѣръ, просто «разрушительница», а всѣ вышеупомянутые джентльмены—и «охранители» и «разрушители» въ одно и то же время. Такимъ образомъ у нихъ въ рукахъ всѣ козыри. Съ такими козырями избави Богъ встрѣтиться въ темномъ переулкѣ, да особенно въ «смутное время»!

Гады, пожирающіе самихъ себя.

Въ «Новомъ Времени» напечатанъ весьма любопытный «документъ»—письмо г. Дьякова (Незлобина), проливающее нѣкоторый свѣтъ на таинственное возникновеніе и исчезновеніе газеты «Берегъ».

Настаетъ, видно, начало конца, когда г. Незлобинъ обвиняетъ г. Цитовича. А онъ (т. е. г. Незлобинъ) изливаетъ море брани на бывшаго редактора «Берега» и на своего соратника. Письмо дышитъ злобою и ненавистью обойденнаго другимъ офиціозомъ и словно бы доказываетъ, что «Берегъ» утопила неумѣлая рука, а если бы за это дѣло взялась умѣлая, то 120 тысячъ не пропали бы даромъ.

Вѣроятно, г. Цитовичъ не останется въ долгу и во всякомъ случаѣ отвѣтитъ на обвиненія г. Дьякова... А въ числѣ обвиненій есть одно очень вѣское. Г. Дьяковъ утверждаетъ, что г. Цитовичъ ни болѣе ни менѣе, какъ уложилъ въ карманъ изъ субсидіи пятьдесятъ тысячъ.

Мы оставимъ въ сторонѣ нарисованный г. Дьяковымъ портретъ г. Цитовича—надо помнить, кто самъ художникъ. Вѣренъ или невѣренъ портретъ, все равно. Гораздо большій интересъ представляютъ другія разоблаченія, имѣющія уже общественный характеръ, а потому мы и приведемъ изъ письма г. Дьякова—мѣста только такія.

По словамъ автора, «переговоры съ г. Цитовичемъ начались еще съ ноября 1879 года». Почему остановились на г. Цитовичѣ, г. Дьяковъ не знаетъ, но полагаетъ, что трудно было сдѣлать «болѣе неудачный выборъ».

Затѣмъ начинается любопытная одиссея:

«Я былъ въ Одессѣ,—разсказываетъ г. Дьяковъ:—когда г. Цитовичъ вернулся изъ Петербурга послѣ окончательныхъ переговоровъ о «Берегѣ». Дѣло было слажено, чиновники составили «смѣту», разсчитавъ каждую строку будущей газеты по 5 к. Тогда же я сказалъ, что «смѣту» составляли люди, ровно ничего не понимающіе въ газетномъ дѣлѣ, гдѣ случается сотнями оплачивать одну статью. Спрашиваю г. Цитовича: съ кѣмъ вы познакомились изъ литературныхъ людей? Кто будетъ участвовать въ газетѣ?

«Онъ даже изумился моему вопросу.

«— Объявлю копейкой выше построчную плату, сами набѣгутъ, отбою не будетъ,—отвѣчалъ онъ и, какъ ни старался я разувѣрить его въ этомъ дикомъ заблужденіи, онъ стоялъ на своемъ.

«— Притомъ же сотрудники и не нужны для офиціозной газеты: сами министры будутъ писать, а мое дѣло редактировать.

«Послѣ этого говорить было нечего; судьба газеты уже и тогда была ясна; а когда г. Цитовичъ прибавилъ, что всѣ высокопоставленныя лица рекомендуютъ ему самыхъ умныхъ и образованныхъ чиновниковъ, такихъ сотрудниковъ, «какихъ русская пресса и не видывала», оставалось только ждать, когда обнаружатся эти великія чиновничьи силы, на удивленіе Россіи, скорбящей отсутствіемъ литературныхъ талантовъ.

«Пріѣхали мы въ Петербургъ, сѣли на казенной квартирѣ «Берега» и начали метаться: ни онъ ни я ничего не знаемъ, съ чего и какъ начать. Даже отдѣлку квартиры, устройство типографіи — все должны были сдѣлать чиновники и по казеннымъ «смѣтамъ». А г. Цитовичъ облачился въ туфли, въ свой спальный костюмъ, и шлепалъ съ утра до ночи съ своей половины на мою и обратно, и все ждалъ, когда министры навезутъ ему статей, докладовъ, прожектовъ и соображеній. Явились очень умные и образованные чиновники: пара сѣла на окладъ въ иностранномъ отдѣлѣ, а одинъ, по емкости своей персоны, самый мудрый и близко стоящій къ «сферамъ», сѣлъ на внутренній окладъ. Иностранная пара очень скоро была понята г. Цитовичемъ въ качествѣ отъявленныхъ посредственностей, а чинъ на внутреннемъ окладѣ оказался совсѣмъ

уже не въ примѣръ прочимъ. Тѣмъ не менѣе они очень долго слонялись въ редакцію, отсиживали свои часы, скребли бумагу, а мы ее жгли послѣ; а премьеръ иностранный досидѣлся даже до послѣдняго мѣсяца.

«Оказалось, что «министры статей не навезли, а сотрудники на лишнюю копейку не набѣжали», и никто изъ «сферъ» никакихъ сообщеній не давалъ, такъ что «Берегъ», собственно говоря, и офиціозною газетою не былъ, а просто дали человѣку субсидію и больше ничего».

Ни сотрудниковъ сколько-нибудь приличныхъ (г. Дьяковъ себя не считаетъ) ни статей не было. Какъ редакторъ г. Цитовичъ никуда не годился, такъ что, по мнѣнію г. Дьякова, ясно было видно сначала, что, «пока газета въ его (Цитовича) рукахъ, она никакой будущности имѣть не можетъ» (а въ умѣлыхъ?). По словамъ г. Дьякова, г. Цитовичъ терпѣлъ только тѣхъ сотрудниковъ, которые восполняютъ свои дефекты «лакействомъ, наушничествомъ, сплетнями и принимаютъ на себя видъ безконечной преданности. Такіе господа у г. Цитовича могли держаться долго».

Характеризуя такъ своего патрона, г. Дьяковъ забываетъ, что нѣсколькими столбцами ранѣе онъ разсказываетъ, что г. Цитовичъ не разъ заявлялъ г. Дьякову свое уваженіе, и изъ письма явствуетъ, что Дьяковъ тоже «держался въ «Берегѣ» долго», до самаго крушенія...

Самъ редакторъ ничего не писалъ, — по объясненію г. Дьякова.

«Собственныхъ трудовъ г. Цитовича не наберется и десятка статей за все время существованія «Берега», да и тѣ имѣютъ слишкомъ исключительный, личный характеръ того же завистливаго озлобленія, или мщенія, или трусливаго разсчета. Таковы, напр., статьи о графѣ Д. А. Толстомъ, написанныя въ видѣ формальной «записки» задолго до осуществленія «Берега» и появившіяся въ немъ только тогда, когда графъ Толстой удалился отъ дѣлъ и когда всѣ газеты на него набросились, доказавъ своей безотвѣтной отвагой, что и г. Цитовичу можно дѣйствовать безбоязненно. Таковы же были статьи о визиратѣ именно въ то время, когда въ правительствѣ начинала формироваться единоличная власть и система. Таковы же были статьи о печати, появившіяся въ то время, когда вопросъ о печати обсуждался въ комиссіи. Короче сказать, что̀ ни слово, то или личная злоба, или личная выгода. Для меня по крайней мѣрѣ не оставалось въ этомъ никакого сомнѣнія. О писателѣ-профессорѣ нельзя было говорить рѣзко потому, что г. Цитовичъ самъ профессоръ; о прокурорахъ нельзя было говорить безъ восторга потому, что г. Цитовичъ самъ числится за прокурорскимъ столомъ и при этомъ еще «знаетъ десятый томъ»

и т. д.; о жидахъ нельзя было говорить потому, что г. Цитовичъ считаетъ за честь обѣдать у банкировъ и желѣзнодорожниковъ».

Между тѣмъ попрежнему никто офиціозныхъ статей не посылалъ, а пресса неотступно казнила «Берегъ» за офиціозность...

Г. Цитовичъ злобствовалъ и скорбѣлъ, что какой-то «чинъ» обѣщалъ то и другое, а ничего не сдѣлалъ, только отдалъ его на травлю газетчиковъ; но попрежнему ничего для улучшенія газеты не дѣлалъ, по словамъ г. Дьякова...

Подъ конецъ г. Цитовичъ махнулъ на все рукой и замѣнилъ всѣ отдѣлы перепечатками. Газета должна была «околѣвать».

«Это не была смерть,—увѣряетъ г. Дьяковъ:—отъ невниманія(?) публики, а какое-то медленное, мучительное околѣваніе, устроенное со злости ради самозагрызенія»...

Интересно также, какія рукописи посылались г. Цитовичу. Достойный его врагъ свидѣтельствуетъ, что «масса» поступавшихъ въ редакцію рукописей носила вполнѣ очевидный характеръ поддѣлки подъ консерватизмъ, страшнаго усердія въ средствахъ и способахъ «искорененія крамолы», а одинъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ просилъ даже денегъ для поимки очень важнаго политическаго преступника, котораго онъ можетъ выдать головой, а чрезъ него можно узнать всѣ тайны революціонной организаціи. Г. Цитовичъ не читалъ ни газетъ, ни писемъ, ни рукописей, поступавшихъ въ редакцію, и такимъ образомъ избавлялся отъ множества безтолковыхъ недоразумѣній, невольно возбуждавшихъ такіе же безтолковые упреки».

Въ концѣ концовъ г. Дьяковъ переходитъ къ послѣдней «щекотливости».

«Мнѣ остается перейти,—говоритъ онъ:—къ самому щекотливому предмету—деньгамъ. Ихъ было ассигновано по «смѣтѣ» сто двадцать пять тысячъ собственно на изданіе газеты «Берегъ». Не знаю, выговорилъ ли г. Цитовичъ себѣ еще какой-нибудь гонораръ за то, что оставилъ профессорскую каѳедру и цѣлыхъ девять съ половиной мѣсяцевъ спалъ въ Петербургѣ. Вѣроятно, да. Изъ этой же суммы въ теченіе семи мѣсяцевъ расходовалось ежемѣсячно около десяти тысячъ, а въ послѣдніе мѣсяцы не расходовалось и пяти. Кромѣ этой суммы, надо взять въ разсчетъ подписную сумму—тысячъ девятнадцать. Отъ продажи типографіи получено семь тысячъ. Залогу пять тысячъ. Въ общей сложности у г. Цитовича осталось на память отъ «Берега» тысячъ пятьдесятъ. Повторяю, ни я, ни П. А. Г—тъ, никто другой изъ сотрудниковъ никогда даже не заговаривали объ этихъ «остаткахъ» съ г. Цитовичемъ и никакой отвѣтственности за эти деньги брать на себя не можемъ. Я и П. А. Г—тъ совѣтовали г. Цитовичу предоставить ликвидировать дѣла «Берега» тѣмъ лицамъ, которыя его учреждали,

и г. Цитовичъ въ порывахъ раздраженія соглашался на это, но потомъ перешелъ къ совершенно другому образу дѣйствій, болѣе сообразному съ его наклонностями. Когда въ печати стали появляться весьма недвусмысленные намеки на утайку денегъ, я не однажды обращалъ вниманіе г. Цитовича на необходимость опубликовать всѣ цифры расходовъ по изданію,—онъ и съ этимъ соглашался, а кончилъ тѣмъ, что забралъ денежныя книги и держалъ ихъ у себя чуть ли не подъ подушкой.

«Вотъ все, что покуда я нахожу возможнымъ сказать о «Берегѣ».

Слышите ли—«голосъ тайный» въ этихъ изобличеніяхъ г. Дьякова? Такъ или иначе, а во всякомъ случаѣ вся эта исторія, въ которой «оба хороши», вся эта грызня двухъ единомышленниковъ—представляетъ любопытное и пріятное зрѣлище.

Зимній сонъ до обѣда.

I.

... Обѣдъ былъ превосходный. Правда, по сорока пяти рублей съ человѣка, но зато видѣлъ людей и пообѣдалъ! Говорили, что меню составляли «свѣдущіе люди». Охотно вѣрю. Что ни блюдо, то очарованье! Одна виньетка Богданова—художественное произведеніе! Россія, въ образѣ прекрасной голой женщины съ линіями, протягиваетъ обѣ ручки пьяному мужичку и словно хочетъ сказать: «Ободрись, мужичокъ, не пьянствуй!»

А блюда! Супъ изъ черепахи «тише ѣдешь, дальше будешь», пирожки «свѣдущихъ людей», дикая азіатская козуля, пять дней моченая въ мадерѣ, жареная на вертелѣ à la moujick, гатчинскія форели подъ соусомъ poivrade, артишоки съ кулакъ величиной, бобы изъ Алжира, сорбетъ à l'ananas, фазаны изъ Турціи, дичь à la russe, земляника свѣжая, сыры... словомъ, деликатесы. И главное: ѣшь, ѣшь и не испытываешь обремененія... Только когда перестали обносить блюда, пріятная истома чувствовалась во всемъ тѣлѣ.

Вина вдоволь... Хотѣли-было, ради экономіи, не пить шампанскаго, но при всемъ желаніи удержаться—это оказалось невозможнымъ, такъ какъ были рѣчи и тосты, а безъ благороднаго напитка какія же рѣчи! И говорятъ же въ Петербургѣ, собаки! Златоусты, Гамбетты!..

Общество отборное:—нѣсколько почетныхъ гостей безплатно (въ Петербургѣ безъ почетныхъ гостей ни-ни!), представители земства, администраціи, суда, муниципалитета, биржи; свѣдущіе люди, два профессора, одинъ литераторъ, интересный пріѣзжій исправникъ изъ Чернигова, пророчествующій дьячокъ изъ Бѣлозерска и два-три

человѣка неизвѣстныхъ профессій. Говорили, что это корреспонденты иностранныхъ газетъ, но многіе въ томъ сомнѣвались. Послѣ сказывали, будто эти господа—тайные агенты Бисмарка, явившіеся на обѣдъ, подъ видомъ знатныхъ иностранцевъ, для наблюденія за состояніемъ умовъ! Это предположеніе, пожалуй, вѣрнѣй, только напрасно они пріѣхали!.. Что̀ имъ наблюдать? Состояніе умовъ было твердое, только развѣ къ концу обѣда всѣ немножко размякли...

Наблюдай не наблюдай, а, въ случаѣ чего, не посрамимся передъ нѣмцемъ. Берлинскій трактатъ вспомнимъ!.. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ недаромъ пишетъ, что народъ до глубины души оскорбленъ берлинскимъ трактатомъ, и что послѣ войны весь разбродъ пошелъ! Не заключи мы берлинскаго трактата, не было бы смятенія въ умахъ! Все нѣмецъ завистливый!

Ждали къ обѣду изъ Москвы редактора «Московскихъ Вѣдомостей», но, къ сожалѣнію, не пріѣхалъ, а прислалъ телеграмму: «Занятъ. Стерегу Германію и военное министерство!»

Тостовъ было столько, что всѣхъ и не запомнишь. Пили за благоденствіе Россіи, за гг. министровъ, за возвратъ отечества къ старинным временамъ, пили за нашего сѣраго мужичка, пили за свѣдущихъ людей и за несвѣдущихъ, за земцевъ, за чиновниковъ, за всѣхъ пили. Подъ конецъ уже и не разбирали, за чье здоровье пили. Помню, пили за шаха персидскаго и за Сару Бернаръ, въ память герцога Альбы и графа Аракчеева и за здравіе какого-то дона Педрилло, предложившаго проектъ подъ названіемъ: «Въ 24 часа», пили за процвѣтаніе разныхъ благотворительныхъ обществъ, за общество покровительства животныхъ и за общество «Бережливости». Кто-то предложилъ тостъ за благоденствіе какого-то новаго «общества благонадежности». Выпили и за процвѣтаніе этого общества, хоть я, напримѣръ, о немъ слыхалъ въ первый разъ. Тѣмъ не менѣе я выпилъ и кричалъ «ура» не хуже другихъ... Пили за уничтоженіе хищенія и за торжество бережливости. По этому случаю одинъ изъ присутствующихъ предложилъ учредить новое общество «Свѣчныхъ огарковъ», дабы показать всѣмъ примѣръ общественной самодѣятельности. Пусть каждый собираетъ огарки, не щадя силъ и здоровья. Вырученныя суммы могутъ быть употреблены на разныя полезныя цѣли въ родѣ соглядатайства другъ за другомъ.

Мысль эта вызвала всеобщее сочувствіе. Въ самомъ дѣлѣ, сколько въ настоящее время пропадаетъ даромъ свѣчныхъ огарковъ въ частныхъ домахъ, не говоря уже о казенныхъ зданіяхъ! Тутъ же, за обѣдомъ, мы избрали комиссію для обсужденія устава общества «Свѣчныхъ огарковъ», и тутъ же въ принципѣ рѣшено было ходатайствовать о дозволеніи каждому дѣйствительному члену носить на груди знакъ общества—огарокъ въ щиткѣ изъ лавровыхъ

листьевъ съ надписью вокругъ: «экономія». Всѣ присутствующіе записались въ члены; взносъ годовой небольшой—десять свѣчныхъ огарковъ, а между тѣмъ какіе могутъ быть плодотворные результаты!

Что̀ тамъ ни говори противъ обѣдовъ, а обѣды сближаютъ людей. Объединительное значеніе банкета, на которомъ я имѣлъ честь присутствовать, высказалось во всей своей силѣ къ концу. Вначалѣ представители разныхъ вѣдомствъ косились другъ на друга, точно нѣмецкіе владѣтельные князьки, но, когда встали изъ-за стола, прежняго недовѣрія не было и слѣда. Шампанское разныхъ марокъ объединило всѣхъ. Градоначальникъ лобызался съ членомъ земской управы и объяснялъ необходимость тѣснаго сближенія всѣхъ вѣдомствъ. Представитель мягкосердечія обнимался съ пріѣзжимъ начальникомъ губерніи, который, не стѣсняясь присутствіемъ почетныхъ гостей, требовалъ свободы личности, цитировалъ Спенсера и вообще выказывалъ себя съ самой либеральной стороны. Контрольный аргусъ нѣжно пожималъ руку интенданту, а пророчествующій дьячокъ изъ Бѣлозерска цѣловалъ чорта, котораго онъ обрѣлъ въ бокалѣ и которымъ онъ стращалъ своего сосѣда, артиста Горбунова. Однимъ словомъ, всѣ чувствовали себя въ томъ добромъ настроеніи, когда является потребность обнять ближняго и выпить зельтерской воды. Очень ужъ много было тостовъ!

Но главной темой бесѣдъ нашихъ былъ нашъ добрый, православный народъ. О немъ говорили рѣчи за обѣдомъ и за его благоденствіе пили три раза; при этомъ, послѣ рѣчей, многіе изъ народолюбцевъ вспоминали приличные случаи его доблести, самоотверженія и выносливости. Можно по совѣсти сказать, что нашъ обѣдъ былъ вполнѣ народнымъ обѣдомъ.

Почтенный отставной генералъ Скуластовъ—ветеранъ Альмы и Инкермана—со слезами на глазахъ разсказывалъ, между прочимъ, какъ однажды, по ошибкѣ, онъ выпоролъ одного солдатика.

— И что̀ же вы думаете, милостивые государи, сдѣлалъ солдатикъ?—продолжалъ генералъ, умиленный воспоминаніемъ.—Когда обнаружилась ошибка, я призвалъ солдатика и спрашиваю: «Солдатикъ! какой награды желаешь за ошибку, сказывай!» А онъ, солдатикъ-то нашъ, вмѣсто того отвѣчаетъ: «рады стараться, ваше превосходительство!» и никакой награды не захотѣлъ. Вотъ онъ какой нашъ солдатикъ!

По этому случаю припомнили извѣстный анекдотъ о русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ солдатахъ. Когда генералы трехъ націй заспорили, какой солдатъ лучше, и велѣли, каждый своему солдату, броситься въ воду, то французъ отказался, нѣмецъ задумался и просилъ въ награду дать ему пудъ гороховой колбасы, а нашъ, не говоря ни слова, такъ стремительно бултыхнулъ въ рѣку, что его едва вытащили, и въ награду дали цѣлый червонецъ.

Пріѣзжій губернаторъ одной изъ южныхъ губерній въ свою очередь, въ качествѣ человѣка, близко знающаго народъ, разсказывалъ немало эпизодовъ, свидѣтельствующихъ о выносливости русскаго человѣка.

— И этакій народъ хотятъ развратить!—воскликнулъ вдругъ одинъ старичокъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ.—Истинно-русскіе люди, неужто это будетъ?—не унимался онъ:—неужто исконныя самобытныя черты россіянина подвергнутся испытанію?

Насилу успокоили старика. Ему объяснили, что всѣ желанія русскихъ людей имѣютъ именно цѣлью укрѣпить національную самобытность, а не ослабить ее.

Отдавая однако должное хорошимъ качествамъ мужика, не забыли и недостатковъ. Такъ, многіе соболѣзновали, что онъ въ послѣднее время сталъ портиться. О пьянствѣ его нечего и говорить—недаромъ собрали свѣдущихъ людей,—но, кромѣ того, и другіе пороки внушали серьезныя опасенія. Сталъ онъ нерадивъ, и нѣтъ въ немъ прежняго, исконнаго смиренія, восторгавшаго еще Несторалѣтописца. Послѣднее обвиненіе вызвало, впрочемъ, разногласія. Съ одной стороны, приводили въ примѣръ послѣднюю войну, съ другой—еврейскій погромъ. Замѣчено было тоже и ослабленіе въ народѣ юридическихъ понятій. Одинъ землевладѣлецъ жаловался, что мужички не всегда исполняютъ по чести контракты, норовя какъ-нибудь увильнуть отъ нихъ, и такимъ образомъ причиняютъ убытки земледѣлію и безпокоятъ администрацію. Нерѣдко приходится прибѣгать къ ея помощи для защиты закона.

Такъ продолжалась дружеская бесѣда; всѣ, впрочемъ, въ концѣ концовъ согласились, что мужикъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ безъ мужика не было бы, пожалуй, и русской имперіи. Его слѣдуетъ уберечь и отъ кулака и отъ интеллигенціи, подразумѣвая подъ этимъ словомъ всѣхъ не служащихъ разночинцевъ. Если его не уберечь, то кулакъ окончательно ограбитъ его, и какъ тогда взыскивать платежи? По словамъ одного ученаго статистика, бывшаго на банкетѣ, въ настоящее время на одного исправника приходится 20.000 мужиковъ; если же не охранять мужика, то явится необходимость увеличенія администраціи для безпрепятственнаго взысканія платежей. Новые расходы, и, главное, гдѣ взять людей? Если его не уберечь отъ интеллигенціи, то явятся опасности въ другомъ смыслѣ.

— Добрый, честный, трудолюбивый народъ подъ руководствомъ добрыхъ, честныхъ и трудолюбивыхъ исправниковъ—вотъ настоящее призваніе Россіи!—воскликнулъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Правда... правда!..

Въ одномъ кружкѣ возникъ-было вопросъ, какъ смотрѣть на мужика съ финансовой точки зрѣнія. Слѣдуетъ ли поощрить въ

немъ наклонность къ роскоши, въ видахъ увеличенія торговли и промышленности, или не слѣдуетъ?..

По этому поводу возникъ философскій споръ о мужикѣ вообще и о роскоши. Что̀ такое мужикъ? Что̀ слѣдуетъ для него сдѣлать въ видахъ обще-государственныхъ пользъ, съ одной стороны, и въ смыслѣ обще-человѣческихъ требованій—съ другой? Полезна ли роскошь вообще и какъ она дѣйствуетъ на нравы? Если увеличатся потребности въ народѣ, то не уменьшится ли отъ этого уваженіе къ начальству?.. Я не слушалъ многихъ рѣчей, произнесенныхъ ораторами, такъ какъ, нѣсколько утомленный, прикурнулъ въ скромномъ уголкѣ, на диванчикѣ, рядомъ съ однимъ человѣкомъ, который все приставалъ ко мнѣ съ вопросомъ, кто мы такіе: «интеллигенція, буржуазія или дармоѣды?» Такъ какъ ни онъ ни я не могли рѣшить этого вопроса, то я предпочелъ заснуть. Я начиналъ уже забываться, какъ вдругъ сосѣдъ толкнулъ меня въ бокъ.

Я открылъ глаза и увидѣлъ, что всѣ присутствующіе столпились въ кучу посрединѣ комнаты. Отдѣльные разговоры смолкли, и въ залѣ была тишина.

— Сейчасъ будетъ говорить Гамбетта изъ Курска!—сказалъ сосѣдъ.

Я подошелъ къ толпѣ. Мнѣ удалось протискаться впередъ и увидать Гамбетту изъ Курска.

Высокій, пожилой, плотный господинъ, лысый, съ свѣтло-русой бородой, закрывавшей бѣлый галстукъ, стоялъ во фракѣ посрединѣ толпы, откинувъ свою голову нѣсколько назадъ. Онъ стоялъ такъ нѣсколько секундъ, потомъ зажмурилъ глаза, вдохновенно взмахнулъ головой, словно бы самъ приказалъ себѣ начинать, и заговорилъ.

Сперва онъ говорилъ тихо и рѣчь его текла, точно журчащій ручеекъ по мелкимъ камнямъ, но мало-по-малу голосъ его усиливался, рѣчь становилась звучнѣе и тверже и полилась, полилась... Это была не рѣчь, а скорѣе вдохновенная поэтическая пѣснь о торжествующемъ мужикѣ, и, по совѣсти говоря, едва ли пѣснь торжествующей любви, сыгранная на скрипкѣ Муціемъ передъ Валеріей и ея простодушнымъ супругомъ и изложенная Тургеневымъ, произвела большее впечатлѣніе на этихъ итальянцевъ XVI столѣтія, чѣмъ пѣснь о торжествующемъ мужикѣ на всѣхъ насъ, слушавшихъ ее.

Мы стояли очарованные этими льющимися звуками,—то нѣжными и ласкающими, какъ дуновеніе лѣтняго вѣтерка, то страстными и грозными, какъ раскаты бури,—и боялись проронить слово. Татаринъ, несшій зельтерскую воду, такъ и застылъ на мѣстѣ съ подносомъ въ одной рукѣ и стоялъ въ такомъ положеніи въ теченіе всей рѣчи. А вдохновенный импровизаторъ продолжалъ свою

пѣснь, и какую пѣснь! Подозрѣвая фальшь, я старался разглядѣть: не блеснетъ ли на кончикѣ его языка такой же алмазъ, какой блестѣлъ на смычкѣ чародѣя - музыканта, тургеневскаго Муція. Разумѣется, алмаза я не видалъ. Алмазъ этотъ—хранился въ душѣ его, и вотъ почему онъ такъ говорилъ, что всѣ поникли главами и нѣкоторые плакали.

Вотъ что̀ говорилъ онъ, какъ записалъ я наскоро въ записную свою книжку.

II.

Онъ говорилъ:

«Милостивые государи! За нашей дружеской трапезой много говорено было о нашемъ мужикѣ. Позвольте и мнѣ сказать о немъ свое скромное слово.

«Въ настоящее время мужикъ нашъ становится предметомъ самыхъ разнообразныхъ толкованій. Для однихъ это сфинксъ; для другихъ—платежная единица, вѣчно пьяная; для третьихъ—несчастный, обездоленный человѣкъ. Онъ ни то, ни другое, ни третье. Кто же онъ, этотъ мужикъ, и что̀ надо сдѣлать для него, чтобы спасти его отъ лихихъ людей и уберечь его отъ пьянства и разоренья?

«И земскіе люди, и цѣлыя земства, и провинціальная администрація, и толковитые волостные старшины, и извѣстный литераторъ Евг. Марковъ, всѣ повторяли, точно по сговору, что народъ спился, что нѣтъ никакого сладу съ разбушевавшимся мужицкимъ пьянствомъ, съ недоимками, съ повсемѣстнымъ разореніемъ.

«И всѣ они говорили, конечно, правду горькую, но прямую.

«Здѣсь кто-то замѣтилъ, что мужикъ иногда нерадивъ, забываетъ слово, отбивается отъ обязательствъ.

«И эти слова звучатъ правдой, горькой правдой.

«Но прежде рѣшимъ вопросъ, что̀ такое нашъ мужикъ и какіе его идеалы, а потомъ посмотримъ, какъ помочь ему.

«Нашъ сѣрый сошникъ, создавшій русское государство, нашъ добрый лапотникъ, выдержавшій татарина, поляка и француза, по счастію, сохранилъ еще добродѣтели прежнихъ временъ и, несмотря на пьянство, въ моменты отрезвленія обладаетъ мудрымъ государственнымъ инстинктомъ. Испоконъ вѣка онъ привыкъ къ землѣ, привыкъ къ труду, научился терпѣнію, и для него его зеленѣющее поле, его невзрачная на видъ избенка, его неприхотливая пища близки и дороги ему, какъ для насъ драма Шекспира, романъ Евгенія Маркова, картина Рафаэля, соната Бетховена, поэма Голенищева-Кутузова. Не испорченный еще дурными сторонами цивилизаціи, онъ неприхотливъ. Чуткой душой своей понимая, что жизнь есть вѣчный трудъ, онъ трудолюбивъ и, воздѣлывая, по евангель-

скому завѣту, въ потѣ лица хлѣбъ свой, онъ не чувствуетъ никакого озлобленія, какъ стараются увѣрить насъ люди, знакомые съ народомъ изъ кабинетовъ петербургскихъ редакцій и не имѣющіе приличныхъ панталонъ, вслѣдствіе своего проходимства.

«Говоря безотносительно, мужикъ нашъ не богатъ и не бѣденъ. Говоря относительно, онъ даже богаче насъ, потому что у него нѣтъ тѣхъ страданій высшаго разбора, которыя выпадаютъ на долю намъ... Лишенія, которыя намъ, болѣе тонко развитымъ натурамъ, кажутся ужасными,—невѣдомы мужику... Накажи за что-нибудь безъ праваго и скораго суда кого-нибудь изъ насъ, милостивые государи, розгой—намъ будетъ оскорбительно и больно. Накажи мужика—ему будетъ не оскорбительно и даже не всегда больно. Вотъ, милостивые государи, разница. У него, правда, есть свои лишенія, но они не такъ разнообразны, какъ наши, и въ этомъ своя хорошая сторона, господа!

«Онъ мудрецъ—русскій пахарь, и оставьте его мудрецомъ. Онъ вѣритъ въ идеалъ справедливости, и не оскорбляйте его наивной вѣры. Онъ неприхотливъ — и не развращайте его суетностью. Говорятъ: онъ не свободенъ, но онъ и не желаетъ этой призрачной свободы, понимая, что для его самобытнаго развитія она не только не нужна, но вредна.

«И главное, милостивые государи, онъ вовсе не желаетъ тѣхъ благодѣяній, которыя насильно хотятъ ему навязать самозванные благодѣтели. Я знаю народъ, я живу среди него, такъ какъ имѣю два винокуренныхъ завода, и нерѣдко убѣждался въ инстинктивной государственной мудрости русскаго простого человѣка. Не обнимая разумомъ, онъ чуетъ сердцемъ, что онъ—нашъ сѣрый, темный мужикъ—служитъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ покоится государство и можетъ покоиться лишь съ сохраненіемъ самобытнаго его характера.

«Примиряясь съ скромнымъ жребіемъ своимъ, нашъ мирный и незлобивый пахарь, сидя послѣ дневного труда лицомъ къ лицу съ матерью-природой, счастливъ сознаніемъ, что благодаря ему процвѣтаетъ государство съ арміей, флотомъ, администраціей, судомъ, наукой, торговлей и промышленностью, услугами коихъ онъ незримо пользуется подъ сѣнью своей соломенной хижины.

«Войско оберегаетъ его отъ внѣшнихъ враговъ и держитъ на своемъ побѣдоносномъ шлемѣ славу Россіи.

«Скромный представитель мѣстной администраціи охраняетъ отъ внутреннихъ усобицъ и облегчаетъ ему путь къ государственному казначейству для взноса податей и недоимокъ. Наука изыскиваетъ средства улучшенія быта. Торговецъ скупаетъ избытки его производства. Высшая администрація управляетъ сложнымъ государственнымъ механизмомъ, судъ блюдетъ правосудіе, и такимъ обра-

зомъ нашъ меньшій братъ, оставаясь на лонѣ природы, пользуется всѣми благами государственной жизни...

«Кто, милостивые государи, какъ я, изучалъ Россію, тотъ знаетъ, что нашъ мужикъ—альтруистъ въ лучшемъ и чистомъ значеніи этого слова. Онъ для себя желаетъ лишь одного: нѣкотораго, замѣтьте, нѣкотораго облегченія податей. Это правда, но главныя его заботы и помыслы—слава Россіи, ея величіе и процвѣтаніе. И, думаете вы, завидуетъ онъ намъ, обреченнымъ на исполненіе другихъ общественныхъ функцій? Никогда! Въ каждомъ изъ насъ онъ чувствуетъ частицу себя. Въ блескѣ власти министра, генерала, даже моей, напримѣръ, какъ непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, онъ видитъ отраженіе своего блеска. Не сочтите парадоксомъ, если я скажу, что мужикъ нашъ живетъ идеей больше, чѣмъ мы, люди отчасти испорченные тѣневыми сторонами цивилизаціи. Питаясь пищей, не вполнѣ иногда удобоваримой, онъ однако же удовлетворенъ, и не столько физически, сколько нравственно, при одной мысли, что мы, представители его, питаемся ею въ избыткѣ. И не только удовлетворенъ, даже счастливъ, какъ счастливъ бываетъ каждый изъ насъ, видя счастье любимаго человѣка. Въ моемъ довольствѣ, какъ части цѣлаго, онъ философски видитъ довольство цѣлаго. Такъ солдатъ видитъ въ любимомъ полководцѣ частицу самого себя и сливается съ нимъ духомъ, понимая мудрѣе разныхъ упразднителей общежитія, что нельзя быть всѣмъ полководцами, какъ нельзя всѣмъ обѣдать у Донона съ платой по сорока пяти рублей съ персоны...

«Въ этомъ примиреніи, въ этой трезвости и есть коренное различіе между русскимъ человѣкомъ и человѣкомъ Запада. Тамъ зависть, озлобленіе, ненависть между классами, стремленіе къ политикѣ. У насъ этого, слава Богу, нѣтъ. Тамъ на каждаго чиновника смотрятъ какъ на общественнаго слугу, у насъ какъ на посланника Божія...

«Правда, случается, что и наши «посланники Божіи», отклоняясь отъ своихъ обязанностей, не всегда бываютъ на высотѣ своего положенія. Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ дурныхъ исполнителей удалять, а хорошихъ поощрять. Впрочемъ, народъ нашъ готовъ потерпѣть и несовершеннаго, понимая, что дѣло не въ отклоненіи отъ принципа, а въ самомъ принципѣ...

«Такимъ образомъ, милостивые государи, народъ нашъ и не думаетъ объ антагонизмѣ, выдуманномъ несвѣдущими людьми. Онъ, какъ я выше объяснилъ, понимаетъ, что если на наши рамена выпалъ иной жребій, то мы и должны нести свой жребій. Наше образованіе, развитіе и болѣе сложныя потребности заставляютъ насъ тратить большія деньги, но зато и исполнять болѣе сложныя обязанности. Мужикъ пашетъ, а мы взамѣнъ того судимъ, охраняемъ, обсуждаемъ, направляемъ, пишемъ и учимъ... Предположите

на одну минуту несбыточную мысль, что въ Россіи упразднены чиновники. Что оставалось бы дѣлать тогда тѣмъ свѣдущимъ людямъ, которые теперь оберегаютъ 90 милліоновъ несвѣдущихъ? Это предположеніе равно упраздненію науки, культуры, искусства... И наконецъ что сдѣлалось бы съ государствомъ? Мужикъ, безъ свѣдущихъ людей, спился бы окончательно, и въ одинъ прекрасный день, когда вся Россія поголовно была бы пьяна, а всѣ исправники въ отсутствіи, Мольтке ничего бы не стоило съ одной дивизіей покончить съ Россіей... И вотъ Россіи нѣтъ... Образовалась нѣмецкая провинція, и всѣ мы сдѣлались нѣмцами, ибо Бисмаркъ не шутитъ.

«Не будемъ же упреждать велѣнія Промысла и не станемъ посягать на исконный характеръ русскаго человѣка. Не будемъ поощрять дурныхъ инстинктовъ, а поощримъ хорошіе. Оставимъ неприкосновеннымъ его хижину, его поле, его безпритязательность, его скромную вѣру. Но облегчимъ его настоятельныя нужды настолько, чтобы дать возможность исполнять обязанности его къ государству, и преградимъ дорогу къ кабаку, открывъ народу міръ искусства, приноровленнаго къ его потребностямъ; обережемъ отъ легкомысленнаго бродяжничества, дабы не оставить землю безъ рукъ, но не развратимъ его духа тщеславіемъ и суетностью и не будемъ слушать софистовъ Запада и ихъ русскихъ подражателей. Благо государства во имя народа и при помощи народа—вотъ кличъ истинно-русскихъ людей и торжественная пѣснь нашего сѣраго добраго лапотника».

Оглушительные крики восторга раздались въ комнатѣ, когда кончилась эта блестящая импровизація. Всѣ подходили къ импровизатору, обнимали его, цѣловали и говорили, что ему слѣдовало бы быть директоромъ «департамента мужика», если бы такое мѣсто открылось. Многіе плакали навзрыдъ; почетный гость—бодрый старикъ, изъ тѣхъ «генераловъ», которые обязательно приглашаются на обѣды,—упрашивалъ записать эту рѣчь. Онъ непремѣнно распространитъ ее среди знакомыхъ.

Но восторженнѣе всѣхъ кричалъ одинъ исправникъ изъ Чернигова. Онъ утиралъ слезы и повторялъ:

— Вотъ это настоящая рѣчь! Самая суть вопроса разъяснена,— прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—И какъ хорошо, какъ складно... Если бы я могъ такъ говорить, то давно бы былъ губернаторомъ, а затѣмъ и...

Онъ не досказалъ своей мечты и продолжалъ, нѣсколько запинаясь, вѣроятно, вслѣдствіе тостовъ:

— Именно: мужичка слѣдуетъ поощрить и повадки не давать! Въ этомъ задача!

— Да развѣ онъ это говорилъ?

— А то какъ же! И мужичку не надо повадки и обывателя въ струнѣ-съ. Вотъ какъ я понимаю рѣчь.

— О, вы ошибаетесь... Вы, кажется, нѣсколько односторонне поняли... Ораторъ, напротивъ, говорилъ о наукѣ, объ искусствѣ...

— Я самъ Данта читалъ!—воскликнулъ исправникъ.—Я самъ люблю искусство! Но искусство искусству рознь. Если описывается любовь или другія возвышенныя чувства—я къ вашимъ услугамъ, но если авторъ, подъ видомъ искусства, проводитъ мысль, что можно жить на свѣтѣ безъ меня или съ меньшимъ насъ числомъ, то я тогда подамъ на автора жалобу въ главное управленіе по дѣламъ печати, если не могу самъ воспретить такого искусства... Я, сударь мой, идиллію съ хижиной одобряю для мужичка, а не для себя... Однимъ словомъ, пусть мужичокъ думаетъ, что мы не брандахлысты, не окончившіе даже курса въ гимназіи, а дѣйствительно «посланники Божіи». Пусть укрѣпляется въ этой мысли. Вотъ-съ настоящая суть дѣла, какъ я его понимаю...

Мнѣ казалось, что пріѣзжій изъ Чернигова былъ пьянъ. Языкъ его заплетался и продолжалъ развивать свою мысль съ цинизмомъ, свидѣтельствующимъ, что рѣчь оратора понята имъ односторонне... Чистая идея оратора въ этихъ устахъ обратилась въ грубое вожделѣніе.

— А вы думали, что и взаправду нужно мужичка за столъ посадить?.. Ха, ха, ха... Посади его за столъ, да тогда вѣдь онъ... ха, ха, ха... Онъ, того и гляди, возмнитъ, что мы не посланники небесъ...

Но я поспѣшилъ отойти отъ этого комментатора и не слышалъ дальнѣйшихъ пьяныхъ его изліяній.

III.

Импровизація произвела такое потрясающее впечатлѣніе, что спросили еще шампанскаго и продолжали бесѣду о торжествующей пѣсни мужика. Когда одинъ изъ присутствующихъ выразилъ мысль, что не худо было бы теперь призвать мужика полюбоваться на него и лично освѣдомиться о его желаніяхъ,—то мысль эта встрѣтила общее сочувствіе. «Мужика, мужика! Давайте добраго и вѣрнаго мужика!»—крикнули всѣ. «О немъ такъ много говорили, но многіе изъ насъ, служащихъ въ департаментахъ, никогда его не видали... Мужика!»—кричали чиновники.

Одинъ изъ обѣдавшихъ, молодой и юркій чиновникъ по особымъ порученіямъ, вызвался достать мужика и привести его.

— Только настоящаго!—крикнули ему вслѣдъ.

— Самаго настоящаго достану, господа!—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Развѣ есть фальшивые?—спросилъ я сосѣда.

— Бываютъ... Въ послѣднее время много развелось фальшивыхъ для разныхъ депутацій...

Черезъ четверть часа привели мужика. Это былъ толстый, пузатый мужикъ, причесанный и прилизанный; какое-то необыкновенное выраженіе преданности свѣтилось въ его плутоватой физіономіи, багровый цвѣтъ которой свидѣтельствовалъ объ изрядномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ; одѣтъ онъ былъ въ приличный длиннополый кафтанъ и высокіе сапоги на выпускъ.

— Вотъ, милостивые государи, мужичокъ Тимоѳей Гусалинъ!— объявилъ молодой человѣкъ.

Тимоѳей Гусалинъ развязно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, поклонился до земли почетнымъ гостямъ, потомъ всѣмъ намъ и сталъ въ благоговѣйномъ ожиданіи.

Всѣ бросились къ нему и стали осматривать мужика съ любопытствомъ европейца, первый разъ увидавшаго вблизи жителя островов Таити. Нѣкоторые (преимущественно петербургскіе чиновники) дотрогивались до его бороды, засматривали ему въ лицо, щупали его грудь, а мужичокъ весело и открыто ухмылялся, скаля зубы. Всѣмъ онъ понравился своимъ добросердечнымъ и простоватымъ видомъ.

— Какой чистый народный типъ!

— Какое наивное лицо!

— Такъ и пахнетъ черноземомъ!

— Вотъ онъ нашъ мужичокъ!

— C'est un vrai moujick!

Такія восклицанія раздавались со всѣхъ сторонъ. А мужикъ попрежнему стоялъ, ласково всѣмъ улыбался и, повидимому, нимало не конфузился въ такомъ собраніи.

— Поди-ка сюда поближе, мужичокъ!—сказалъ почетный гость.

Мужичокъ подошелъ.

— Кто ты такой?

— Крестьянинъ Тимоѳей Гусалинъ, ваше превосходительство!

— Ну, какъ живешь, мужичокъ... Всѣмъ ли доволенъ?..

— Всѣмъ много довольны, ваше превосходительство!

— Чего бы желалъ ты, мужичокъ?.. Не бойся, говори, братецъ, откровенно...

— Ваши превосходительства! Отцы наши милостивые, благодѣтели и кормильцы!.. Не обезсудьте меня, мужика сѣраго, за рѣчь мою темную, но душевную... Какъ не быть намъ довольными, когда начальство у насъ ласковое, доброе, нашего брата не обижаетъ. И какъ не быть намъ счастливыми, глядя, что ваши превосходительства, отцы наши и кормильцы, веселы и довольны. Всѣ наши помыслы и денно и нощно о васъ, благодѣтели наши... Дай Богъ вамъ многи лѣта здравствовать... Вы наши, мы ваши и вѣчно будемъ

вашими... Отъ сердца истиннаго уста глаголютъ... И если недруги матушки Россіи мутить начнутъ насчетъ тамъ разныхъ правовъ— только кликъ кликните... Мы, какъ одинъ человѣкъ, возстанемъ за русское царство... Никакихъ правовъ намъ не нужно... Мы и тѣмъ много довольны.

Мужикъ говорилъ довольно гладко, но съ очевидной поддѣлкой подъ народную рѣчь.

— Видите! Вотъ она безыскусственная рѣчь!

— Вотъ онъ инстинктъ народный!—говорили петербуржцы.

Но въ это самое время случился неожиданный скандалъ. Когда мужичокъ, окончивъ привѣтствіе, вновь низко поклонился, отъ быстраго движенія или отъ иной причины, не знаю, но только длинная борода его вдругъ на одномъ концѣ отвязалась и оголила плохо выбритый щетинистый подбородокъ.

Онъ смутился и сталъ-было привязывать фальшивую бороду.

— Это что̀ значитъ?—воскликнулъ почетный гость.

— Господа! Это не настоящій мужикъ!

— Откуда вы его достали?—спрашивали со всѣхъ сторонъ у молодого человѣка, вызвавшагося добыть намъ настоящаго мужика...

— Это обманъ...

— Кто ты такой?—обратились къ мужичку со всѣхъ сторонъ.

Но онъ уже бросился въ ноги и просилъ прощенія. Чиновникъ, доставившій его, былъ сконфуженъ.

Его стали разспрашивать, и оказалось, что Тимоѳей Гусалинъ былъ не настоящій «мужикъ», а, такъ сказать, фальшивый. Это былъ петербургскій мѣщанинъ безъ опредѣленныхъ занятій, проживалъ онъ въ домѣ Вяземскаго и за 50 к. въ день охотно исполнялъ амплуа мужика.

— Тѣмъ-съ и кормимся!—говорилъ онъ, когда его успокоили.— Прежде въ факельщикахъ ходилъ, по 25 к. въ день, но нонече-съ, когда пошла мода на мужика—въ мужикахъ работаю... Господинъ Уховертовъ, подрядчикъ, цѣлое заведеніе такое содержитъ съ костюмами и всѣмъ прочимъ. Чуть мужикъ для выставки какой потребуется, или если господамъ на мужика поглядѣть лестно— сейчасъ насъ обряжаютъ... Чаще всего мнѣ приходится, потому я изъ лица чистъ, опять же адрецъ могу читать—недавно адрецъ господину Аксакову подавали!—и пью запоемъ, а не ежедневно...

— Какъ же это вы не настоящаго мужика привезли?—упрекнули всѣ молодого человѣка.

— Да почемъ я зналъ!.. Я вышелъ изъ подъѣзда, а ужъ подрядчикъ тутъ вертится и спрашиваетъ: не нуженъ ли мужикъ?..

— Это Уховертовъ и есть,—подтвердилъ «мужичокъ».

— Все равно «народъ»!—обиженно говорилъ чиновникъ.

— Глядите, и животъ у него фальшивый... Толща подложена!

— Это точно... мочалу накладываемъ, быдто для сытаго вида!— сознался Гусалинъ.

Гусалинъ былъ очень огорченъ и упрашивалъ его простить.

— Ежели хозяинъ узнаетъ, что борода упала—шабашъ... Прогонитъ изъ мужиковъ.. А мѣсто выгодное... Господа теперича за наши рѣчи хорошо награждаютъ... Когда я адрецъ читалъ одному генералу, быдто отъ крестьянъ, то собралъ 20 рублей... Три четы хозяину, а четь себѣ... Не погубите бѣднаго человѣка!..

Признаюсь, я очень удивился, услыхавъ эти подробности. Да и не я одинъ, а всѣ, кажется, были сконфужены этими наивными признаніями Тимоѳея Гусалина. Его отпустили съ миромъ, и у всѣхъ явилось еще сильнѣйшее желаніе во что бы ни стало видѣть настоящаго мужика.

— Гдѣ его достать только настоящаго?—спрашивали другъ у друга.

Спасибо частному приставу. Онъ вызвался привести самаго настоящаго.

— Только, пожалуйста, ужъ выберите настоящаго. Чтобы безъ обмана.

— Будьте спокойны, господа, передъ вами будетъ мужичокъ au naturel... Свѣженькій!..

И дѣйствительно, не прошло и четверти часа, какъ привели мужика. На этотъ разъ привели, кажется, настоящаго. Онъ былъ въ дырявомъ полушубкѣ и въ лаптяхъ. Землистое лицо, окаймленное большой бородой, было испугано. Когда его втолкнули въ комнату, онъ озирался по сторонамъ съ такимъ видомъ, что, казалось, ждалъ, что его немедленно прикажутъ выпороть.

— Это, милостивые государи, настоящій мужичокъ!

— Настоящій!—воскликнули со всѣхъ сторонъ, и многіе бросились его осматривать. Трогали бороду, осторожно прикасались къ полушубку, дергали за руку.

Во избѣжаніе какого-либо новаго обмана, случившійся здѣсь ученый докторъ подробно изслѣдовалъ мужика, особенно усердно постукивая по животу и осматривая спину. По окончаніи осмотра онъ торжественно объявилъ, что всѣ данныя свидѣтельствуютъ о подлинности мужика: на спинѣ есть мозольные наросты, а желудокъ довольно пустъ.

— По всему видно,—заключилъ онъ:—что передъ нами, милостивые государи, находится истинный представитель народа, трудолюбивый земледѣлецъ, привыкшій къ воздержанію...

Всѣ стали привѣтствовать мужика. Но онъ попрежнему стоялъ испуганный, безмолвный, поводя во всѣ стороны глазами, словно все выискивая, нельзя ли отсюда дать тягу. Видя такое его состояніе, стали его ободрять.

— Не бойся, мужичокъ! Дурного ничего не сдѣлаютъ!

— Мы твои друзья, братецъ!

— Садись, мужичокъ!

— Разскажи, какъ ты живешь... Какія у тебя нужды?

— Ты, мужичокъ, ободрись... Что-жъ ты молчишь?..

Такъ какъ, несмотря на всѣ эти ободряющія слова, мужикъ продолжалъ упорно молчать, не выражая на своемъ лицѣ никакихъ чувствъ, кромѣ недоумѣнія и испуга,—нѣкоторые выразили сомнѣніе, не находится ли мужикъ подъ вліяніемъ алкоголя. Опять ученый врачъ подошелъ къ мужику и, раскрывъ ему ротъ, понюхалъ. Оказалось, что запаха водки ни малѣйшаго.

— Мужичокъ нашъ вообще привѣтливъ, а этотъ хмурый какой-то! — недовольно замѣтилъ почетный гость и, обратившись къ частному приставу, спросилъ:—Откуда вы достали мужика?

— Прямо изъ кутузки привезъ, ваше превосходительство!

— Отчего же онъ такой молчаливый?..

— Отъ полноты сердца, ваше превосходительство!.. Еще не оправился!..

— Но все-таки... Мужичокъ, мужичокъ! — обратился онъ къ мужику. — Ты видишь передъ собой людей, которые искренно любятъ тебя... Скажи же намъ, какія твои желанія? Любишь ли ты начальство? Доволенъ ли ты своей судьбой, или хочешь какихъ-нибудь въ ней улучшеній... Не бойся... Говори прямо...

Но мужикъ упорно молчалъ, поглядывая на частнаго пристава.

Тогда между всѣми поднялся ропотъ.

— Намъ привели совсѣмъ глупаго мужика!

— Это, господа, какой-то остолопъ.

— Животное какое-то!..

— Почему онъ молчитъ?..

Пока продолжались эти разговоры и присутствующіе совѣщались насчетъ того, какъ быть съ мужикомъ, я замѣтилъ, что частный приставъ, доставившій намъ мужика, подошелъ къ нему, что-то шепнулъ ему на ухо, и вслѣдъ за этимъ мужикъ вдругъ бухнулъ на колѣни и такъ громко закричалъ «ура», что всѣ были рѣшительно оглушены этимъ крикомъ...

Это внезапное выраженіе чувства было столь наивно и просто, что привело всѣхъ въ восторгъ...

— Вотъ оно... настоящее-то... чувство... Одно только слово... а сколько въ немъ души!

— О, мужикъ, мужикъ!—повторяли въ умиленіи другіе.—Встань же, встань!..

Но мужикъ не вставалъ, пока не приказалъ частный приставъ.

— Ну, братецъ, порадовалъ же ты... Скажи же, чего ты хочешь? Говори... Какія твои нужды?

Но, вмѣсто отвѣта, мужикъ, замѣтивъ отворенную дверь, вдругъ бросился вонъ. За нимъ побѣжали, но найти его не могли. Онъ скрылся.

Всѣ мы были въ нѣкоторомъ недоумѣніи, пока кто-то не сказалъ:

— Мужикъ убѣжалъ, но что это доказываетъ? А то, что онъ свои желанія ввѣряетъ намъ... Какъ справедливо замѣтилъ г. Гамбетта изъ Курска, онъ довѣряетъ намъ... Къ чему же спрашивать объ его желаніяхъ... Вы видѣли... Онъ молчалъ и не обнаружилъ никакихъ желаній, зная, что все, что ни будетъ сдѣлано для него, все то на благо и на пользу... Итакъ, еще разъ за процвѣтаніе и благоденствіе русскаго народа! Ура!

IV.

Вслѣдъ затѣмъ мы снова выпили, и наша дружеская и непринужденная бесѣда продолжалась до поздней ночи...

Былъ второй часъ, когда я вышелъ изъ ресторана съ тѣмъ самымъ господиномъ, который настойчиво допрашивалъ меня, кто мы такіе—«интеллигенція, буржуазія или дармоѣды»... Въ головѣ у меня шумѣло, но я твердо стоялъ на ногахъ и даже поддерживалъ своего спутника, обнаружившаго нѣкоторую наклонность къ лавированію...

Мы шли далѣе по глухой улицѣ, полные впечатлѣн й, вынесенныхъ на банкетѣ, какъ вдругъ передъ нами появился тотъ самый мужикъ, который такъ поспѣшно удралъ тогда отъ насъ. Онъ остановился передъ нами. Теперь онъ показался какимъ-то фантастическимъ великаномъ съ большой головой и огромными глазами... Худой и изнуренный, казалось, блѣдный при свѣтѣ мигающаго фонаря, онъ посмотрѣлъ на меня такимъ взглядомъ, что сердце у меня замерло... Въ этомъ взглядѣ словно были и укоръ, и презрѣніе, и угроза...

Я протеръ глаза и ущипнулъ себя за носъ, думая, что этотъ фантастическій мужикъ—плодъ моей фантазіи, согрѣтой шампанскимъ, и хотѣлъ-было идти своей дорогой, но эта ужасная фигура въ рубищѣ преградила мнѣ путь.

— Мужичокъ, мужичокъ! — началъ-было я, но слова замерли въ горлѣ.

— Мужичокъ!?? — повторилъ онъ какимъ-то страшнымъ голосомъ.—Ахъ вы...

И онъ произнесъ вслѣдъ затѣмъ очень неудобное словечко.

— Мужичокъ?.. — опять повторилъ онъ, и глаза его какъ-то странно смѣялись.

И вдругъ онъ приблизилъ свое ужасное лицо вплоть къ моему... Я взглянулъ на это изможденное, искаженное страданіями лицо, на эти глаза, смотрѣвшіе изъ глубины большихъ яминъ... Передо мною стояло что-то страшное, не живое, фантастическое... Я зажмурилъ отъ страха глаза, хотѣлъ вскрикнуть, но вмѣсто крика у меня вырвался стонъ и... и я проснулся.

„Парламентъ“ и урядникъ.

I.

Синица моря не зажгла, а чиновничій «парламентъ» подъ названіемъ сельскохозяйственнаго съѣзда (не правда ли, странно: «чиновникъ» и «сельское хозяйство») не только уподобился пернатому, но, можно сказать, даже превзошелъ его въ посрамленіи. По правдѣ говоря, никто и не ожидалъ (кромѣ развѣ самихъ изобрѣтателей) чего-либо серьезнаго отъ собранія «департаментскихъ» сельскихъ хозяевъ по назначенію, съ придачей нѣсколькихъ земцевъ, настолько не ожидалъ, что даже нѣкоторыя газеты, охотно придирающіяся ко всякому удобному случаю изъ выѣденнаго яйца смастерить если не важное событіе, то, по крайности, «шагъ впередъ», а изъ каждаго генерала, не изобрѣтающаго какихъ-нибудь новыхъ видовъ ограниченій, если не Лафайета, то по малости Вашингтона,—и тѣ, говорю, чуть ли не въ одинъ голосъ предрекли синицѣ, вдругъ вылетѣвшей изъ департаментскаго кабинета, что ей никоимъ образомъ не зажечь моря, хотя... хотя, быть-можетъ, съ одной стороны, отчего и не попытаться, а съ другой—отчего и не увидать тщету попытки.

Пророчествуя такимъ образомъ, никто однако не ожидалъ (а если и ожидалъ, то въ печати не высказывалъ), чтобы господа статскіе совѣтники сельскаго хозяйства явились на собраніе во всеоружіи такого незнанія и съ запасомъ такихъ предложеній, что въ концѣ концовъ результатъ получился въ высшей степени комическій. Оказалось, что главнымъ образомъ «статскій совѣтникъ» сталъ поучать мужика, какъ беречь скотину, воспретилъ продавать сѣно и даже, въ видѣ противопожарной мѣры, предлагалъ: «всѣхъ пьяныхъ, находящихся внѣ своего дома или внѣ кабаковъ, подвергать отвѣтственности передъ мировыми судьями». Я, право, не изобрѣтаю игривый матеріалъ для юмористическаго журнала, написавши предыдущія строки. Все это въ самомъ дѣлѣ предлагалось, подвергалось обсужденію и постановлялось. Вы, читатель, вообразите только себѣ слѣдующую сцену. Пріѣзжаетъ, положимъ, какой-нибудь департаментскій землевладѣлецъ въ деревню и учитъ мужика, какъ ходить за скотиной... Мужика-то?.. Чиновникъ!—За скотиной, которую мужикъ такъ цѣнитъ и такъ холитъ! Подобное зрѣлище было бы не лишено значительной доли комизма, но еще болѣе комизма являютъ собой якобы серьезные дебаты и постановленія о внушеніи мужику выгодъ скотоводства, объ обязательномъ насажденіи деревьевъ лиственныхъ породъ въ улицахъ деревни, объ увеличеніи наказанія за порубки садовыхъ деревьевъ и т. д. и т. д. и т. д...

И все въ такомъ родѣ, все въ смыслѣ «поучить» мужика хо-

дить за скотомъ или «обязать» его въ пьяномъ видѣ сидѣть дома или въ кабакѣ, а буде онъ будетъ застигнутъ на пути изъ кабака домой, то... то подвергать его отвѣтственности... Не правда ли, занятно?

Но еще интереснѣе, какъ на этомъ съѣздѣ нѣтъ-нѣтъ да и прорвется наружу крѣпостническая жилка... Бесѣдовали о травосѣяніи... Одинъ изъ представителей вольно-экономическаго общества, между прочимъ, заявилъ, что община—учрежденіе полезное, какъ вдругъ графъ Бобринскій сразу вознегодовалъ и произнесъ:

— Прежде чѣмъ ставить вопросъ о травосѣяніи, надо вотировать вопросъ о пользѣ или вредѣ общины. Теперь же, въ этомъ засѣданіи, нужно дать генеральное сраженіе этому вопросу, чтобы навсегда покончить съ нимъ. Пришла пора!..

Почтенный графъ не утерпѣлъ... Надо «покончить» сейчасъ, сію минуту, сію секунду, въ этомъ же засѣданіи!.. Съ чѣмъ «покончить»? Съ учрежденіемъ, составляющимъ основу русскаго землевладѣнія!.. И кѣмъ покончить? Тридцатью членами сельскохозяйственнаго съѣзда!! Не напоминаетъ ли вамъ, читатель, это предложеніе достопочтеннаго ландлорда тѣхъ прелестныхъ, но капризныхъ малютокъ, которыя требуютъ сейчасъ, сію минуту, чтобы имъ подали «чорта въ стулѣ»... Напрасно нянька говоритъ, что чорта, да еще въ стулѣ, нельзя подать... «Подай... Подай!»

Проф. Совѣтовъ, какъ передаютъ отчеты, исполнилъ на этотъ разъ роль доброй няни. Онъ совѣтовалъ графу не горячиться «попусту», и, слава Богу, съѣздъ генеральнаго сраженія не далъ и общину еще не уничтожилъ. А то бы вдругъ да уничтожилъ, о чемъ и записалъ бы у себя въ протоколѣ!..

Цѣлыхъ пятнадцать засѣданій посвящено было на то, чтобы рѣшать вопросы, болѣе или менѣе похожіе на вопросъ: «долженъ ли быть у коровы хвостъ сзади или спереди?» Порѣшивъ, что сзади, съѣздъ переходилъ къ другимъ подобнымъ вопросамъ. Но нѣкоторымъ членамъ подобные «сельскохозяйственные» вопросы начинали надоѣдать. Такъ, на одномъ изъ засѣданій проф. Совѣтовъ не выдержалъ и деликатно заявилъ о несоотвѣтствіи съѣздовъ съ жизнью... И изъ кого состояли съѣзды? Два-три спеціалиста, а затѣмъ лица, не получившія никакого образованія или только общее... Бѣдная синица!

Всему однако бываетъ конецъ. Пришелъ конецъ и засѣданіямъ съѣзда (подъ конецъ въ засѣданіяхъ присутствовало мало членовъ, большинство благоразумно разбѣжалось), такъ какъ всѣ вопросы были исчерпаны и мужикъ всему наученъ, отчасти даже облагодѣтельствованъ, отчасти и наказанъ за порубку садовъ (это г. Зарудный настаивалъ, и даже очень настаивалъ, чтобы съѣздъ за порубку садовыхъ деревьевъ ходатайствовалъ передъ правитель-

ствомъ объ увеличеніи наказаній). Само собою разумѣется, рѣчь предсѣдателя въ концѣ. Однако рѣчь предсѣдателя была скромна. Онъ заявилъ, что съѣздъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать по своимъ силамъ.

Но г. Зарудный произнесъ похвальное слово съѣзду и, какъ водится, бросилъ камнемъ и въ печать. Вотъ какую приблизительно рѣчь произнесъ г. Зарудный:

«Мы умираемъ; позвольте мнѣ предъ смертью сказать нѣсколько словъ. Я желаю выразить свой взглядъ на наше учрежденіе. Гг., вамъ извѣстны отзывы печати, не признающей съѣзда за учрежденіе, могущее принести пользу: онъ составленъ изъ чиновниковъ, онъ мертворожденное дитя, въ немъ принимаютъ участіе прикомандированные необразованные чиновники министерства государственныхъ имуществъ и т. п. Вотъ отзывы печати. Но все это вздоръ. Учрежденіе окружныхъ съѣздовъ есть дѣло великой мудрости. Мы должны благодарить управляющаго министерствомъ государственныхъ имуществъ за приподнесенный намъ драгоцѣнный подарокъ. Вся организація такъ совершенна и безупречна, что желать лучшаго и не слѣдуетъ. Члены его не чиновники—это люди дѣла. Мы видимъ, что всѣ они—или сельскіе хозяева, или лица, интересующіяся различными сельскохозяйственными вопросами, или спеціалисты. Повторяю: чиновниковъ нѣтъ. Если мы сдѣлали что-нибудь—и я убѣжденъ, что мы сдѣлали многое, чѣмъ могутъ воспользоваться послѣдующіе окружные съѣзды,—то благодаря нашему почтенному предсѣдателю, благодарить котораго наша первая и священная обязанность *(громъ рукоплесканій)*. Мы, господа, не можемъ судить, что сдѣлали. Но скажу афоризмомъ Бекона: «Нельзя въ одно и то же время и сѣять и жать; прежде всего нужно подготовить почву, на которой можетъ возрастать хорошая жатва». Мы вспахали и засѣяли; слѣдующій съѣздъ, можетъ-быть, третій и четвертый, только начнутъ жать, а пятому придется воспользоваться урожаемъ».

Хотя достопочтенный ораторъ и заявилъ, что печать говоритъ вздоръ, хотя онъ и цитировалъ беконовскій афоризмъ, извѣстный каждому мужику и, очень можетъ быть, не всякому изъ членовъ съѣзда, хотя онъ, достоуважаемый членъ сельскохозяйственнаго парламента, и удивлялся великой мудрости и благодарилъ за драгоцѣнный подарокъ, тѣмъ не менѣе я, фельетонистъ, съ своей стороны, полагаю, что говоритъ вздоръ не печать, сдѣлавшая, по моему мнѣнію, справедливую оцѣнку этихъ съѣздовъ, а достопочтенный членъ С. Х. П. (сельскохозяйственный парламентъ). Впрочемъ, вѣроятно, каждый изъ насъ останется при своемъ мнѣніи. Я, съ своей стороны, вижу въ засѣданіяхъ съѣзда много мудренаго и курьезнаго, но, къ глубочайшему сожалѣнію, даже и

тѣни мудрости не уловилъ, а вѣдь очень любопытно мудрыхъ людей послушать.

Впрочемъ, и то—мудрость каждый понимаетъ на свой ладъ, особенно россіянинъ, такъ или иначе прикосновенный къ государственной мудрости... Очень затѣйливое это словечко, и многое множество продѣлывали во имя этого словечка всевозможные государственные мудрецы, начиная съ Наполеона III-го и кончая становымъ приставомъ. Вѣдь и онъ поступаетъ во имя государственной мудрости, когда «такъ и такъ», заарестуетъ у васъ въ захолустьѣ словарь и напрасно ждетъ благосклонной улыбки начальства.

Да, «государственная мудрость»—весьма удобная формула для многаго мудренаго, происходящаго на свѣтѣ. Любопытно было бы прослѣдить, какъ понятіе о государственной мудрости, спускаясь по длинной іерархической лѣстницѣ, доходитъ до... ну, хоть до полицейскаго урядника и отражается на любезномъ простолюдинѣ. Этюдъ, не лишенный интереса...

II.

Но какъ быстро мѣняются у насъ однако понятія о плодахъ государственной мудрости, про то свидѣтельствуетъ вопросъ объ урядникахъ. Давно ли это учрежденіе трактовалось (по крайней мѣрѣ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»), какъ одинъ изъ наиболѣе сочныхъ плодовъ мудрости, а не успѣли еще гг. урядники окончательно показать всѣ плоды своей дѣятельности, какъ г. ковенскій губернаторъ въ циркулярѣ уже выразилъ о нихъ такое мнѣніе, какъ будто бы никакой государственной мудрости въ учрежденіи урядниковъ и не было. Циркуляръ свидѣтельствуетъ, напротивъ, что будто бы «въ интересахъ населенія выгоднѣе не имѣть штатнаго числа полицейскихъ служителей, чѣмъ мѣста ихъ замѣщать пьяницами, мошенниками и разбойниками». Но я позволю себѣ познакомить читателя съ подлиннымъ текстомъ циркуляра г. ковенскаго губернатора, напечатаннаго въ тѣхъ же самыхъ «Ковенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», въ которыхъ — давно ли? — тотъ же урядникъ трактовался съ другой точки зрѣнія. Вотъ самый циркуляръ:

«Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, протекшихъ со времени вступленія моего въ управленіе губерніей, узналъ я о многихъ весьма грустныхъ фактахъ *дѣятельности полицейскихъ урядниковъ*. Возможность частаго повторенія со стороны урядниковъ случаевъ безобразнаго пьянства, буйства и т. п. проступковъ доказываетъ двѣ вещи: 1) что при выборѣ личнаго состава урядниковъ было мало обращаемо вниманія на качества назначаемыхъ, и 2) что за служебною дѣятельностью урядниковъ гг. исправники и помощники ихъ не слѣдятъ съ должнымъ вниманіемъ и къ проступкамъ ихъ не относятся съ должною строгостью.

«Возмутительное происшествіе, бывшее 25-го января въ Поневѣжѣ, вынуждаетъ меня принять энергичныя мѣры къ безотлагательному прекращенію столь частыхъ безчинствъ урядниковъ, а потому покорнѣйше прошу гг. исправниковъ, въ теченіе трехъ дней отъ полученія этого циркуляра, представить мнѣ именные списки тѣхъ изъ урядниковъ, поступки которыхъ исправники не могутъ принять на свою отвѣтственность.

«Худшихъ изъ упоминаемыхъ урядниковъ предлагаю немедленно устранить отъ исправленія ими служебныхъ обязанностей. Прошу гг. исправниковъ, при буквальномъ исполненіи этого распоряженія, нисколько не стѣсняться тѣмъ, что многія изъ должностей урядниковъ могутъ остаться, по неимѣнію надежныхъ кандидатовъ, незанятыми. Какъ для цѣлей правительства, такъ и неминуемо связанныхъ съ ними интересовъ населенія, гораздо выгоднѣе не имѣть штатнаго числа полицейскихъ служителей, чѣмъ мѣста ихъ замѣщать пьяницами, мошенниками и разбойниками».

Указывая на возможность уменьшенія штата полицейскихъ урядниковъ, циркуляръ какъ бы этимъ самымъ свидѣтельствуетъ, что можно не безъ пользы для населенія и совсѣмъ жить безъ нихъ.

Но не пострадаютъ ли отъ этого интересы «государственной мудрости»?—вотъ вопросъ, который невольно задашь себѣ послѣ прочтенія циркуляра... Вѣдь только вчера урядникъ — «восторгъ», а сегодня—«пьяница, разбойникъ и мошенникъ»! Согласитесь, что переходъ отъ одной «мудрости» къ другой нѣсколько быстръ.

На этотъ счетъ просвѣтилъ меня одинъ маленькій мудрецъ въ глухомъ захолустьѣ. Несмотря на маленькое свое званіе (онъ только становой приставъ), мой знакомецъ могъ бы съ успѣхомъ управлять большой территоріей, такъ какъ въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ онъ выказываетъ такія глубины государственной прозорливости, что вчужѣ жаль, что такой административный талантъ глохнетъ въ захолустьѣ, вмѣсто того, чтобы цвѣсти на свободѣ. Онъ, какъ по большей части всѣ наши начальники, тоже добрый и мягкій человѣкъ, хотя зачастую ему приходится по службѣ быть жестокимъ, до того жестокимъ, что мужики чуть-было, благодаря ему, не устроили «вооруженнаго сопротивленія», т. е., попросту, переводя эту формулу на болѣе упрощенный языкъ,—чуть-было не побросали своихъ домовъ и не ушли всей деревней «куда глаза глядятъ». Изъ этого вы можете видѣть, каково приходилось мужику, но если, основываясь на этихъ же данныхъ, вы заключите, что становой Петръ Иванычъ Рейкинъ былъ жестокаго характера человѣкъ, то крайне ошибетесь. Въ томъ-то и дѣло, что у насъ, въ большинствѣ случаевъ, и жестокости нѣтъ въ человѣкѣ, а вопіющая жестокость происходитъ, и не одна жестокость, но и безтолковость такая, что самый мудрый человѣкъ разведетъ

только руками и скажетъ: «великъ Богъ земли русской!..» Я, напр., понимаю, что французскій бонапартистъ-жандармъ можетъ перервать своему соотечественнику горло не только съ искреннимъ убѣжденіемъ, что онъ свершилъ доброе дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ какимъ-то скотоподобнымъ остервенѣніемъ. Точно такъ прусскій охранитель, методически и не спѣша, памятуя своего Мольтке, задушитъ своего ближняго, если ему будетъ на то дана памятная бланка съ разграфленной табличкой; въ тѣ самыя 22 минуты перваго часа, какъ это было приказано; но въ одно и то же время производить жестокости и жалѣть человѣка, котораго терзаешь,— и терзаешь, самъ хорошенько не зная, почему и за что,—на это, кажется, способенъ только русскій человѣкъ. И что̀ любопытно: онъ пожалѣетъ сегодня, а завтра опять такой, какъ ни въ чемъ не бывало, пріѣзжаетъ снова терзать и, конечно, какъ и всегда оправдывается дѣтьми, женой и т. п.

Такъ поступалъ и г. Рейкинъ. Надѣнетъ онъ свою амуницію и поѣдетъ въ волость—звѣрь; вернется домой, сниметъ амуницію— какъ будто и звѣрство снялъ, и даже—вотъ тутъ-то и разбирайте— насчетъ либеральныхъ идей прохаживается и соболѣзнуетъ объ обстоятельствахъ... Заснетъ онъ въ этакомъ настроеніи, а проснется, надѣнетъ форму, прикатитъ въ волость и гаркнетъ вдругъ ни съ того ни съ сего:

— Взыскать!

Отвѣтъ извѣстный. Собравшіеся мужики съ мольбой глядятъ на г. Рейкина.

Но, казалось, этотъ-то молящій взглядъ устремленныхъ на него глазъ еще болѣе раздражаетъ Петра Иваныча, и онъ уже какимъ-то нечеловѣческимъ голосомъ рычитъ:

— Запорю!.. Чтобы было!..

Опять молчаніе, прерываемое какими-то не то вздохами, не то икотой.

— Чтобы было, а не то!..

Но что̀ меня болѣе всего поражало въ г. Рейкинѣ, это способность его даже забывать о сценахъ, которыя онъ устраивалъ иногда даже и безъ предписанія начальства. Онъ какъ будто и не раскаивался, хотя въ то же время и жалѣлъ, но жалость-то эта была какая-то омерзительная...

— Что̀ дѣлать?—говорилъ онъ.—Приходится исполнять предписанія... А вы сами знаете—куда я пойду...

Слѣдовали обыкновенныя изліянія о женѣ и дѣтяхъ.

— Бросилъ бы все, если-бъ было другое мѣсто... Вы не повѣрите... точно я самъ не понимаю, что *имъ* неоткуда достать.

— И вы все-таки порете, зная, что неоткуда?

— Порю!.. Что̀ дѣлать?.. Намедни исправникъ пріѣзжалъ и

строжайше приказалъ, а исправникъ добрый человѣкъ, но и надъ нимъ начальство... Такъ все и идетъ. Вотъ если бы не приказывали...

Скажите, читатель, въ какой странѣ вы найдете образецъ *такихъ* исполнителей!.. Если прикажутъ такому Рейкину спалить деревню, то онъ спалитъ, хотя, быть-можетъ, и зальется слезами...

А вѣдь Рейкиными полна наша земля...

И что всего ужаснѣе,—Рейкины составляютъ подавляющее большинство на всѣхъ поприщахъ. Онъ, этотъ самый Рейкинъ, и въ администраціи, и въ земствѣ, и въ праздношатающихся, и даже въ литературѣ, какъ послѣднее ни казалось бы невѣроятнымъ. Сегодня напишетъ пакость,—утѣшаетъ себя, что такъ нужно въ видахъ высшихъ соображеній, поплачетъ надъ грустнымъ положеніемъ литературы, а завтра опять учинитъ пакость... Какая-то тряпичность и индифферентизмъ, свидѣтельствующіе, что извѣстныя условія, подъ которыми пришлось вырабатываться дѣйствующему поколѣнію, составляютъ—увы!—отличительное качество. Иногда просто страшно становится: всѣ признаки разложенія налицо... Ни вѣры, ни идеала, ни даже какой-нибудь зацѣпки... Такъ живутъ люди, грабятъ, подхалимствуютъ, пакостятъ — и безъ всякаго увлеченія, а точно въ силу какой-то роковой необходимости. И самое слово «идеалъ», проявленія въ жизни этого «идеала» пугаютъ лучшихъ изъ этихъ тряпичныхъ душъ, а въ болѣе безстыжихъ вызываютъ смѣхъ и желаніе во что бы то ни стало опоганить это самое понятіе... Но иногда эта двойственность лучшихъ изъ «тряпичныхъ» людей доводитъ до потрясающей драмы—именно потрясающей...

Торжество реакціонной печати. — Интендантское дѣло.—Юбилей Н. И. Пирогова.

I.

Если вы перечитаете съ должнымъ вниманіемъ десятокъ нумеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» и постараетесь уяснить себѣ идеалы, проповѣдуемые названной газетой, то въ концѣ концовъ придете къ заключенію, что pium desiderium московскаго журналиста—возвратъ къ первобытному состоянію, въ родѣ того, напримѣръ, въ какомъ пребываютъ блаженные дикари Маркизскихъ островов. Я не преувеличиваю нисколько. Надо только вчитаться въ «Московскія Вѣдомости».

Надо полагать, будущій историкъ литературы остановится съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ передъ такими желаніями. Онъ, конечно, не удивится различію мнѣній, не придетъ въ недоумѣніе отъ разнообразныхъ рѣшеній вопросовъ, но встрѣтитъ въ концѣ XIX столѣ-

тія на страницахъ газетъ то, что̀ встрѣтитъ онъ на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» — будетъ для него сюрпризомъ, и онъ, чего добраго, сочтетъ «Московскія Вѣдомости» за юмористическую газету, а г. Каткова—за лучшаго юмориста конца XIX столѣтія.

Не съ особенно веселымъ чувствомъ станетъ онъ штудировать, впрочемъ, и остальную литературу и, на основаніи ея, едва ли выведетъ утѣшительныя заключенія о нашихъ нравахъ и о нашей умственной зрѣлости.

«То, что̀ въ другихъ обществахъ доказывалось нѣсколько столѣтій тому назадъ и что̀ тамъ считалось давнымъ-давно порѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ, у нашихъ отцовъ еще было «вопросами», ставившими ихъ въ недоумѣніе».

Такъ скажетъ будущій изслѣдователь нашей печати и едва ли не будетъ правъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сведите-ка къ одному знаменателю все то, что̀ говорится теперь въ лучшей части печати, и въ концѣ концовъ получатся такія, напримѣръ, максимы:

1) Человѣкъ отличается отъ животнаго.

2) Грамотность не вредна, а даже полезна.

3) Хлѣбъ питательнѣе древесной коры.

4) И еврей—человѣкъ.

5) И г. Катковъ можетъ говорить глупости.

6) И г. Аксаковъ не мудрецъ.

7) Заниматься хищеніемъ нехорошо не только въ низшихъ званіяхъ, но и въ высшихъ.

8) Какъ бы ни былъ уменъ и добродѣтеленъ общественный дѣятель, но и онъ можетъ ошибаться.

9) Демидовъ садъ не есть лучшая школа воспитанія.

10) Безъ пищи человѣкъ прожить не можетъ, если онъ не такой шарлатанъ, какъ американскій докторъ Таннеръ.

11) Человѣку, имѣющему въ распоряженіи 24 часа, затруднительно служить въ 48 мѣстахъ.

12) Жучокъ вредное насѣкомое, а равно и саранча.

13) Добрыя и привѣтливыя отношенія въ жизни лучше основанныхъ на взаимномъ страхѣ.

14) Ребенка не должно истязать. Законъ за это строго наказываетъ.

15) Поговорка: «за битаго двухъ небитыхъ даютъ» требуетъ новаго изслѣдованія.

16) Корреспондентамъ газетъ ломать ребра за непріятныя корреспонденціи не слѣдуетъ. Лучше обратиться къ суду.

17) Если человѣкъ не умѣетъ плавать, а бросится въ воду, то непремѣнно потонетъ, если ближайшій городовой не вытащитъ изъ воды.

18) Чтобы быть докторомъ, нужно знать медицину, а чтобы быть юристомъ, необходимо изучить право.

И т. д. и т. д.

Самъ monsieur de la Palisse не былъ бы въ претензіи за подобныя истины, но у насъ онѣ не только требуютъ настойчивыхъ повтореній обществу, но считаются презрѣнными выдумками «гнилого Запада» многими публицистами, забывшими, конечно, что многія изъ этихъ максимъ приняты даже въ прописяхъ и слѣдовательно рѣшительно ничего неприличнаго въ себѣ не заключаютъ. Забывчивость эта, быть-можетъ, не преднамѣренная. Когда журналистъ, да еще уязвляемый со всѣхъ сторонъ и давно махнувшій рукой и на современниковъ и на потомковъ, начинаетъ «сводить счеты», то состояніе его очень близко къ припадкамъ, признаки которыхъ описаны у всѣхъ психіатровъ. Характернымъ образчикомъ одного изъ такихъ журнальныхъ «припадковъ» могутъ служить передовыя статьи «Моск. Вѣд.», въ которыхъ авторы поголовно обвиняютъ чуть ли не всѣхъ жителей въ дурныхъ помыслахъ и дурныхъ поступкахъ. По словамъ ихъ, всѣ газеты преднамѣренно лгутъ, петербургская дума «стадо», и—о, ужасъ!—всѣ «мы въ революціи»...

Даже одинъ изъ петербургскихъ органовъ, болѣе другихъ благорасположенный къ «Моск. Вѣдомостямъ», и тотъ не выдержалъ и далъ послѣднему произведенію г. Каткова оцѣнку, не лестную для автора.

Несмотря однако на то, что въ послѣдней передовой статьѣ «Моск. Вѣдомости» превзошли самихъ себя, мнѣ сдается, что въ этомъ надо скорѣй видѣть благопріятный признакъ. Когда московская газета обвиняетъ поголовно «всѣхъ» въ разрушительныхъ замыслахъ и объявляетъ, что «мы въ революціи», мнѣ кажется, читатель ея «ускользаетъ», потому что всему есть наконецъ предѣлъ. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ и та очень тонкая каверза противъ «читателя», которую придумалъ г. Катковъ. Каверза эта состоитъ въ слѣдующемъ извѣстіи, сообщенномъ газетами: «издатель «Московскихъ Вѣдомостей» 1-го января взялъ съ подряда отъ правленія общества Московско-Курской желѣзной дороги продажу книгъ и газетъ по станціямъ отъ Москвы до Курска, бывшую до сего въ рукахъ г-жи Олениной, и, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, присылаетъ для продажи, напр., 10 экз. «Голоса», 10 экз. «Нов. Вр.», 5 экз. «С.-Петерб. Вѣдомостей» и даетъ 100—200 экз. «Моск. Вѣд.», такъ что читатель, желающій получить газету петербургскаго изданія, получаетъ предложеніе купить «Моск. Вѣд.» Насколько это удобно для публики и г. Каткова, не требуется, кажется, комментаріевъ».

Такимъ образомъ и «нравственность» читателя будетъ спасена, и для кармана выгодно. Они очень ловкіе люди, эти господа. Сразу двухъ зайцевъ бьютъ!

Съ «противорѣчіями» такіе господа также мало церемонятся, а со «вчерашнимъ днемъ» обходятся болѣе чѣмъ фамильярно. Читатель забывчивъ, и можно «сегодня» порицать то самое, что̀ «вчера» рекомендовалось. На-дняхъ еще московская газета доказывала, что печать слѣдуетъ упразднить, такъ что «Голосъ» припомнилъ слѣдующую «справку» изъ передовой статьи тѣхъ же «Моск. Вѣд.» № 14-й, 1870 г.:

«Во имя самыхъ дорогихъ для насъ интересовъ, ничего мы та́къ не считали бы полезнымъ, какъ полную независимость въ выраженіи всякаго мнѣнія. Мнѣнія дѣйствуютъ вредно не потому, что они свободно высказываются, а потому, что свободно не высказываются. Вредныя мнѣнія часто и создаются тѣмъ самымъ запретомъ, который налагается на ихъ выраженіе. Дайте свободный ходъ тѣмъ мнѣніямъ, которыя кажутся вамъ разрушительными, и они быстро измѣнятъ свой характеръ: либо изъ нихъ выработается что-либо полезное, либо они обратятся въ пошлость и сами убьютъ себя своею нелѣпостью. Тѣ доктрины, которыми смущаются у насъ умы школьныхъ подростковъ, только тѣмъ и держатся, что онѣ подъ запретомъ; только въ этомъ и заключается ихъ обаятельная сила. Сто̀итъ запретить самую безобидную пошлость, и она завтра же сдѣлается злою силой. Она получитъ фальшивую жизненность и власть надъ умами, и этимъ будетъ она обязана единственно нашему вмѣшательству. Чѣмъ болѣе въ общественной средѣ запрещенныхъ идей, тѣмъ болѣе въ ней поживы для всякаго обмана».

II.

Несмотря однако на такія качества газеты, и у нея есть горячіе поклонники. Съ однимъ изъ такихъ мнѣ пришлось на-дняхъ провести вечеръ. «Поклонникъ» былъ пожилой господинъ, искалъ случая «урвать», а пока жилъ насчетъ прежняго блеска. Онъ восторгался «Московскими Вѣдомостями» и писалъ проекты въ современномъ стилѣ. До этого онъ состоялъ при чемъ-то, но по непріятностямъ долженъ былъ выйти въ отставку и, въ качествѣ алчнаго волка, злобствовалъ, что выкупныя съѣдены. Если къ этому прибавить, что при каждомъ удобномъ случаѣ онъ говорилъ со слезами на глазахъ о нравственности, при чемъ натурально давнымъ-давно разогналъ свою семью и расхитилъ немало казенной собственности, съ ловкостью, помѣшавшей г. прокурору принять его въ свои объятья, то весь запасъ политическихъ и общественныхъ взглядовъ моего знакомаго будетъ исчерпанъ. Впрочемъ, надо еще сказать, что Василій Ивановичъ былъ, что̀ называется, малый не промахъ и, хотя получилъ образованіе, дающее права XIV класса, тѣмъ не менѣе, благодаря здравому смыслу и русской сметкѣ, могъ не только путать бухгалтерію въ банкѣ, но если бы позволили,

то и водить корабли, блюсти финансы и воспитывать юношество... Энциклопедистъ, какъ всякій русскій человѣкъ, онъ въ теченіе своей карьеры попробовалъ всего понемногу, и когда достигъ пятидесятилѣтняго возраста, то въ самомъ дѣлѣ считалъ себя непонятымъ и не оцѣненнымъ по достоинству... Главное—кредитъ у Пивато начиналъ изсякать.

Я зналъ, что Василій Ивановичъ послѣ обѣда всегда находится въ откровенномъ направленіи, и потому явился къ нему въ послѣобѣденное время, разсчитывая, что онъ выскажется по свойству русскаго человѣка быть нараспашку послѣ бутылки-другой. И я не ошибся...

Немедленно, послѣ первыхъ же привѣтствій, онъ сталъ жаловаться на времена и объяснять, что все политически-честное и здравомыслящее опустило голову (это онъ вычиталъ, очевидно, изъ «Моск. Вѣдомостей»). При этомъ, разумѣется, онъ прослезился, сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ и налилъ себѣ и мнѣ краснаго вина. Сперва онъ повторялъ одни и тѣ же «прочувствованныя» слова, но мало-по-малу рѣчь его стала откровеннѣе, и между нами завязался болѣе интересный разговоръ. Когда я спросилъ: неужели онъ въ самомъ дѣлѣ полагаетъ, что г. Катковъ, рекомендуя Маркизовы острова, имѣетъ намѣреніе туда переселиться,—онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Вы за кого меня считаете?..

— Помилуйте!..

— Кто же можетъ считать,—продолжалъ онъ:—первобытное состояніе идеаломъ... Я его не считаю, по крайней мѣрѣ, таковымъ, тѣмъ не менѣе очень желалъ бы его въ принципѣ.

— Но почему такое противорѣчіе? Вы сами сознаёте неудобство ходить безъ костюма и лишиться Демидрона, и въ то же время стоите такъ за Маркизовы острова. Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю:

— Не понимаете?.. А вѣдь какъ легко понять!.. Вѣдь меня это ни къ чему не обязываетъ. Я не поѣду на Маркизовы острова. И васъ ни къ чему не обязываетъ, а въ то же время... прелесть первобытной жизни для массы... Чистота нравовъ... въ низшихъ классахъ, не испорченныхъ цивилизаціей... Вѣдь это, во-первыхъ, охраняетъ добродѣтель отъ соблазна и, во-вторыхъ... во-вторыхъ, очень удобно!..

— Для кого?

— Да для насъ... порядочныхъ людей... однимъ словомъ — для тѣхъ, кто принимаетъ непосредственное участіе въ распредѣленіи. Ясно? — прибавилъ онъ, заливаясь тѣмъ смѣхомъ откровеннаго циника, отъ котораго невольно коробитъ человѣка.—Вѣдь всѣ эти тамъ слезы за меньшого брата, которыя льетъ пресса, въ сущности

что значатъ?.. Ни болѣе ни менѣе, какъ вонзить мнѣ въ сердце ножъ. И куда я тогда пойду? Если два щедринскіе персонажа на необитаемомъ островѣ представляютъ комичное зрѣлище, то какое бы зрѣлище представила тысяча персонажей въ такомъ же положеніи?.. Ну, а этого я бы не хотѣлъ... Не желалъ бы, молодой человѣкъ... Невыгодно-съ!.. Теперь какъ ни скверно, а нѣтъ-нѣтъ да и урвешь гдѣ-нибудь мѣсто, а если я буду противъ первобытнаго состоянія, то куда дѣнусь... Скажите? Куда?... Пока еще я дышу... Вотъ обѣщаютъ припустить къ одному дѣльцу... Обѣщаютъ! — проговорилъ онъ коснѣющимъ языкомъ (онъ былъ ужъ достаточно готовъ послѣ обѣда) и прибавилъ: — Дѣльце превосходное... Акціонерное общество устройства первобытнаго состоянія... Жалованье по званію директора правленія и наконецъ легонькое... хищеніе... ха-ха-ха!..

— Но я полагаю, Василій Ивановичъ, что насчетъ хищенія нынче будетъ труднѣй.

Но къ крайнему моему удивленію оказалось, что Василій Ивановичъ «въ революціи». Онъ хотя и не противорѣчилъ мнѣ, но въ его лукавыхъ глазахъ я ясно прочитывалъ улыбку, точно онъ въ качествѣ неслужащаго дворянина не принималъ ничего къ свѣдѣнію.

— Оставьте вы ваше хищеніе... Заладили: хищеніе! Кто споритъ съ вами, что нашъ національный порокъ требуетъ искорененія!..—проговорилъ онъ вдругъ съ сердцемъ, стараясь, очевидно, поправиться и не быть «въ революціи» и позабывъ только-что сказанныя имъ слова.—Но, во всякомъ случаѣ, къ чему намъ отъ насиженныхъ гнѣздъ добровольно отказываться... Крѣпостныхъ насъ лишили, выкупныя мы прожили, что же намъ теперь дѣлать?.. Ну, мы и ищемъ... пропитанія... А безъ первобытнаго состоянія... найти-то его труднѣй... Припустите только меньшого братца къ потребленію мясовъ! И спасибо Михаилу Никифоровичу. Онъ насъ, стариковъ, подбадриваетъ... Первобытное состояніе въ теоріи—очень недурная вещица, если посмотрѣть внимательно... Право! Вотъ, напримѣръ, положимъ, корреспондентъ... статья... Запустилъ носъ и смотритъ, какъ я распоряжаюсь въ кассѣ... Ну, я его, корреспондента, и съѣмъ. Не совсѣмъ либерально, но зато откровенно... Я прямой человѣкъ... Лгать не люблю! Не суйся въ мои дѣла... Живи по простотѣ... Пользуйся жизнью и самъ, если не дуракъ, но и мнѣ не мѣшай... А если...—проговорилъ онъ:—ты мнѣ мѣшаешь? Если... мѣшаешь мнѣ согрѣшить... то...

По счастью, Василій Ивановичъ не окончилъ, замѣтивъ, что я оробѣлъ.

III.

Недѣли двѣ тому назадъ въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ разсматривалось одно изъ дѣлъ о «хищеніи», бывшемъ въ минувшую войну. Обвинялись бывшій смотритель бухаресто-котро-

ченскаго склада, поручикъ Хвощинскій, оставшійся за штатомъ, коллежскій секретарь Цвѣцинскій и именующій себя французскимъ подданнымъ Боренъ, служившій по вольному найму писаремъ у смотрителя склада.

Дѣло это не обратило на себя большого вниманія. Въ залу суда не стремилась, какъ на представленіе, изящная публика, быть-можетъ, впрочемъ, потому, что относительно маленькіе чины подсудимыхъ не возбуждали любопытства пресыщенной публики, успѣвшей давно убѣдиться въ корыстолюбіи незначительныхъ чиновниковъ, попадающихъ на скамью подсудимыхъ; извѣстные адвокаты не защищали подсудимыхъ, и газеты не «рекламировали» этого процесса, словомъ—дѣло это не принадлежало къ числу тѣхъ «causes célèbres», которыя представляютъ событіе дня. Тѣмъ не менѣе оно оказалось крайне любопытнымъ, во-первыхъ, по подробностямъ, во-вторыхъ, какъ яркая характеристика нравовъ и иллюстрація нашихъ постоянныхъ жалобъ на безлюдье, и въ-третьихъ, наконецъ, по грандіозной цифрѣ убытковъ казны и по чрезвычайной наивности, если можно такъ выразиться, съ которой главный виновникъ на глазахъ у всѣхъ сорилъ деньгами, напоминая собой извѣстнаго Юханцева. Въ отношеніи наивности это дѣло представляетъ нѣкоторое сходство съ дѣломъ Юханцева. Тѣ же черты легкомыслія и безшабашности, та же случайность въ обнаруженіи преступленія, словомъ—все тѣ же признаки необыкновенной халатности, отваги и простодушія, характерно оттѣняющіе фонъ общественной картины.

Но обратимся къ дѣлу.

Изъ длиннаго обвинительнаго акта, наполненнаго массою внушительныхъ цифръ обнаруженныхъ въ складѣ недостачъ консервовъ, сухарей, галетъ, раціоновъ и т. д. и изобличеніемъ подсудимыхъ, въ концѣ концовъ явствуетъ, что поручикъ Хвощинскій обвиняется въ слѣдующемъ: «1) въ томъ, что, состоя въ должности смотрителя котроченскаго склада и войдя въ соглашеніе съ нѣкоторыми поставщиками продуктовъ для дѣйствующей арміи, онъ, изъ корыстныхъ видовъ, за денежное вознагражденіе, принималъ отъ нихъ въ складъ недоброкачественные продукты; 2) въ томъ, что тогда же, для скрытія пріема части недоброкачественныхъ продуктовъ и чтобъ объяснить впослѣдствіи ихъ дурное качество порчею отъ естественныхъ и отъ него независящихъ причинъ, онъ умышленно не принималъ никакихъ мѣръ къ сохраненію бывшихъ въ складѣ продуктовъ отъ порчи, отчего большое количество ихъ дѣйствительно испортилось отъ дождя и сырости, послѣдствіемъ каковыхъ двухъ преступленій, при сортировкѣ продуктовъ въ складѣ, въ іюнѣ, августѣ и сентябрѣ 1878 года, оказалось негодныхъ къ употребленію: сухарей 20.288 пудовъ, галетъ 28.153 пуда, кон-

скихъ консервовъ 3,700.850 раціоновъ и пищевыхъ людскихъ консервовъ до 86.153 порцій; 3) въ томъ, что тогда же и изъ тѣхъ же корыстныхъ видовъ, въ выдаваемыхъ имъ поставщикамъ квитанціяхъ, удостовѣрялъ принятіе въ складъ большаго количества противъ дѣйствительно доставленнаго, именно: а) выдалъ поставщику Штраусу квитанцій на 25.219 ящиковъ, тогда какъ принялъ ихъ всего 17.275 ящиковъ, и б) выдалъ другимъ, не обнаруженнымъ предварительнымъ слѣдствіемъ поставщикамъ квитанцій на большее количество: сухарей на 4.165 пудовъ, галетъ на 14.733 пуда, конскихъ консервовъ на 4.054 ящика и 41 раціонъ, полагая въ каждомъ ящикѣ по 50 раціоновъ, и пищевыхъ людскихъ консервовъ на 80.505 порцій».

Я не стану приводить изъ обвинительнаго акта перечисленія обвиненій противъ другихъ подсудимыхъ. Замѣчу только, въ дополненіе къ грандіознымъ цифрамъ, только-что упомянутымъ, что, по словамъ обвиненія, «Хвощинскій, не имѣющій своихъ собственныхъ средствъ и получавшій казеннаго содержанія всего до 150 р. въ мѣсяцъ, платилъ своему писарю Борену слишкомъ 150 р. въ мѣсяцъ и велъ въ Бухарестѣ непомѣрно роскошную жизнь, сорилъ деньгами такъ, что обращалъ на себя вниманіе жителей Бухареста. Это обстоятельство заставило начальство поручить жандармскому майору Биллингу дознаніе, которымъ было обнаружено, что Хвощинскій ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, постоянно бывалъ въ театрахъ и другихъ увеселительныхъ мѣстахъ, платилъ за квартиру 500 франковъ въ мѣсяцъ, а прислугѣ до 28 полуимперіаловъ; ежедневный его расходъ на столъ былъ до 2½ полуимперіаловъ; онъ держалъ экипажъ и трехъ лошадей, давалъ ужины и жилъ съ одесскою актрисой Колосовой, которая выдѣлялась среди всѣхъ роскошью своихъ нарядовъ. Свидѣтели Биллингъ и Зарембовскій показали, что Хвощинскій, бывая въ театрѣ съ Колосовой, бралъ всегда лучшія ложи; что въ увеселительныхъ заведеніяхъ его всѣ знали и для него оставляли лучшія мѣста, и что, по его, Биллинга, мнѣнію, чтобъ вести такую жизнь, какую велъ Хвощинскій, надо имѣть 50.000 рублей годового дохода; а Зарембовскій показалъ, что всѣ удивлялись, какъ это поручикъ Хвощинскій, имѣя небольшой чинъ и получая малое содержаніе, расходуетъ столько денегъ; служившій же у Хвощинскаго поваръ говорилъ ему, что Хвощинскій никогда не отказывалъ себѣ въ блюдахъ и разъ навсегда отдалъ приказаніе, чтобы къ столу подавалась ежедневно дичь, какъ бы дорого она ни стоила. Независимо отъ этого, майоръ Биллингъ показалъ, что полковникъ Мерклинъ сообщилъ ему, будто Хвощинскій получалъ съ какого-то подрядчика по 10 коп. съ ока за пріемъ въ складъ недоброкачественныхъ сухарей. Что подрядчики дѣйствительно платили Хвощинскому, доказательствомъ этому

служитъ показаніе купца Гурори о томъ, что, находясь подрядчикомъ 32-го военно-временнаго госпиталя, онъ слышалъ отъ вполнѣ достовѣрныхъ и заслуживающихъ довѣрія лицъ, будто смотритель котроченскаго склада, фамиліи котораго въ то время онъ не зналъ, получалъ отъ товарищества и другихъ поставщиковъ по 10 и 20 сантимовъ за каждое око принятыхъ имъ въ складъ недоброкачественныхъ сухарей. Сверхъ того, ему извѣстно, что Хвощинскій выдавалъ за деньги квитанціи раньше доставленія въ складъ сухарей и галетъ».

Затѣмъ, относительно Борена, обвинительный актъ свидѣтельствуетъ, что изъ найденныхъ у него бумагъ видно было о полученіи писаремъ Бореномъ—значительныхъ суммъ (отъ 100 до 3.000 р.) отъ поставщиковъ. Въ теченіе своей службы у Хвощинскаго онъ, Боренъ, кромѣ жалованья, имѣлъ большіе доходы отъ подрядчиковъ: Захарьина, Шишилева, Варшавскаго, Муханова, Штрауса, отъ товарищества «Грегеръ, Горвицъ и Коганъ», отъ Фалькенгагена и другихъ мелкихъ поставщиковъ. Всѣ они платили ему среднимъ числомъ до 100 р. за каждую квитанцію, при чемъ плата эта производилась за скорѣйшую ихъ выдачу. Сверхъ того онъ, Боренъ, получалъ отъ Фаерштейна, агента Варшавскаго по перевозкѣ въ склады продуктовъ, 200 р. жалованья. Такимъ образомъ, въ продолженіе одиннадцатимѣсячной службы, по словамъ Борена при первомъ показаніи, онъ «заработалъ» 40.000 рублей.

Впослѣдствіи, когда Боренъ былъ привлеченъ къ слѣдствію уже въ качествѣ обвиняемаго, онъ измѣнилъ показаніе и хотя не отрицалъ, что подрядчики платили писарямъ, но за что именно—объяснить не могъ...

Всѣ трое подсудимыхъ отрицали на судѣ свою виновность... Поручикъ Хвощинскій, еще молодой человѣкъ довольно пріятной наружности, съ манерами, обличающими въ немъ извѣстныя привычки, объяснялъ обнаруженные недостатки «мышеѣдомъ» и «усыпкой». Что же касается до его роскошной жизни, то, по словамъ его, онъ получилъ 14.000 наслѣдства отъ дяди и вообще «привыкъ ѣздить въ каретахъ».

На дальнѣйшемъ судебномъ слѣдствіи подсудимые и нѣкоторые свидѣтели отрицали правильность осмотра склада провѣрочной комиссіи, на основаніи актовъ которой г. прокуроръ и основывалъ главнымъ образомъ свое обвиненіе.

Такъ это или не такъ, не въ томъ дѣло. Быть-можетъ, растрата произошла частью и до Хвощинскаго, быть-можетъ, и нѣтъ. Какъ ни велика цифра «хищенія», но насъ главнымъ образомъ занимаетъ «бытовая» сторона этого дѣла.

Въ то время, какъ происходилъ допросъ свидѣтелей и на судѣ выяснялся цѣлый рядъ плутней, простодушныхъ мошенничествъ,

всевозможныхъ грубыхъ «тонкостей» и сдѣлокъ съ подрядчиками,— я глядѣлъ на скамью подсудимыхъ и скоро пересталъ слушать. Въ моемъ воображеніи проносились обрывки воспоминаній, эпизодовъ, невольно напрашивающихся при всякомъ подобномъ процессѣ, будь то процессъ «червонныхъ валетовъ», процессъ Юханцева или какой-нибудь другой. И изъ этихъ обрывковъ и эпизодовъ невольно складывались типичныя черты одной и той же «родной» картины...

Дворянская семья, быть-можетъ, богатая, взлелѣянная на крѣпостномъ правѣ. Рѣзвый маленькій мальчикъ, балованный, выростающій на привольѣ, среди помѣщичьей обстановки... Гувернеры и гувернантка... внушенія о приличіи, хорошихъ манерахъ и о томъ, что *мы* благородные... Трудъ... Какой трудъ?.. Надо порядочному человѣку служить и сдѣлать карьеру, чтобы порадовать родителей... Среди этихъ разговоровъ—погромъ въ видѣ крестьянской реформы... Быть-можетъ, кое-какіе остатки и пошли на дальнѣйшее самоусовершенствованіе юноши, но умственный и нравственный багажъ при вступленіи въ жизнь такъ малъ, а потребности «жить, какъ другіе «порядочные люди» живутъ», такъ велики!.. Случай есть, слава Богу—онъ вынесетъ, а если нѣтъ?..

За послѣднее время мы видѣли на скамьѣ подсудимыхъ многихъ такихъ помѣщичьихъ «выкормковъ», попавшихъ въ «тиражъ»; жизнь ихъ—одна случайность, и многіе ли изъ нихъ, особенно болѣе легкомысленные, знаютъ, куда приведетъ ихъ звѣзда: къ тихой ли пристани обезпеченнаго положенія или къ профессіи червонныхъ валетовъ низшаго сорта?.. И тѣ и другіе шансы равны для всей этой массы шелопаевъ, не обладающихъ никакой устойчивостью, обнаруживающихъ какой-то поразительный индифферентизмъ въ вопросахъ нравственности и руководствующихся въ жизни своеобразнымъ кодексомъ чести...

А кругомъ жизнь идетъ, возбуждая зависть неудовлетвореннаго тщеславія. «Жизнь», по понятіямъ этихъ «выкормковъ»—Пивато, Борель, лошади, коляска, любовница en vogue, приличныя знакомства... Если вдобавокъ есть честолюбіе, то «жизнь» принимаетъ еще болѣе заманчивую форму, и бѣдному «выкормку» грезится вся прелесть такого соединенія пріятнаго съ полезнымъ...

Вынесетъ судьба или не вынесетъ!?

IV.

Судебное слѣдствіе закончено. Прокуроръ начинаетъ рѣчь—вниманіе! Изъ начала рѣчи видно, что если Хвощинскій попалъ на скамью подсудимыхъ, то этимъ онъ обязанъ самому себѣ... (О, легкомысліе и отвага россійскаго «выкормка»—узнаю васъ!) Въ этихъ словахъ, впрочемъ, не было ни малѣйшаго каламбура. Дѣйствительно, подсудимый слишкомъ открыто пользовался плодами

хищенія, и само обвиненіе указало (я цитирую обвинительную рѣчь по стенографическому судебному отчету), «что однимъ изъ поводовъ къ возбужденію настоящаго дѣла послужило то обстоятельство, что Хвощинскій, живя въ Букарестѣ, велъ роскошную жизнь и жилъ въ то время съ актрисою Колосовою, извѣстною подъ названіемъ «брильянтовой дамы» и удивлявшею всѣхъ жителей роскошью своихъ нарядовъ, которая дошла до того, что она не знала даже, куда надѣвать брильянты, и не нашла ничего лучшаго, какъ помѣстить ихъ на своихъ башмакахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ о Хвощинскомъ появлялись корреспонденціи въ петербургскихъ газетахъ, и въ одной изъ нихъ говорилось, между прочимъ, что онъ далъ какъ-то завтракъ, который обошелся въ 45.000 р. Конечно, въ этихъ разсказахъ много преувеличеннаго. Но нѣтъ дыма безъ огня». Приступая къ дальнѣйшему разслѣдованію, обвинитель замѣтилъ, что, съ переходомъ нашей арміи черезъ Прутъ, въ предѣлы Румыніи, въ Румыніи были учреждены два центральные склада, изъ которыхъ продукты направлялись во всѣ тѣ мѣста, гдѣ въ нихъ встрѣчалась надобность. Однимъ изъ этихъ складовъ, бухарестокотроченскимъ, сначала завѣдывалъ поручикъ Воробьевъ, а потомъ поручикъ Хвощинскій.

«Для меня представляется страннымъ,—сказалъ прокуроръ:—какъ назначеніе Воробьева, такъ и особенно Хвощинскаго на должность смотрителя этого склада. Это былъ главный складъ для довольствія всей дѣйствующей арміи, и въ каждый данный моментъ въ немъ находилось казеннаго имущества на сумму до пяти милліоновъ. Между тѣмъ этотъ складъ ввѣряется человѣку, въ прошломъ котораго нѣтъ ничего такого, что бы заслуживало подобнаго довѣрія. Изъ послужного списка Хвощинскаго видно, что онъ поступилъ на службу, въ 1857 году, фейерверкеромъ, оттуда перешелъ въ гусарскій полкъ корнетомъ и, прослуживъ здѣсь полтора года, въ 1860 году уволился, по болѣзни, въ отставку, въ которой находился до 1877 года. Почти наканунѣ объявленія войны, въ январѣ 1877 года, Хвощинскій поступаетъ вновь на службу, но не въ интендантское вѣдомство, гдѣ бы онъ могъ пріобрѣсти опытность въ томъ дѣлѣ, которое было ему впослѣдствіи поручено, а поступаетъ помощникомъ начальника одного изъ казенныхъ транспортовъ, на обязанности котораго лежало перевозить продукты изъ одного склада въ другой. Пробывъ здѣсь пять-шесть мѣсяцевъ, онъ опять увольняется, по болѣзни, въ двухмѣсячный отпускъ и, явившись изъ него, поступаетъ въ одну изъ канцелярій, гдѣ однако онъ оказался неудобнымъ, потому что, какъ говорилъ на слѣдствіи начальникъ отдѣленія продовольственной части Стратановичъ, «Хвощинскій человѣкъ безграмотный»... И вотъ тогда этому-то Хвощинскому, который не имѣетъ опытности въ этомъ дѣлѣ, кото-

рый не выказалъ способностей и даже оказался безграмотнымъ человѣкомъ, поручается складъ, въ которомъ на пять милліоновъ казеннаго имущества. Чѣмъ это объяснить—г. прокуроръ рѣшительно затрудняется. «Свидѣтель Стратановичъ,—замѣтилъ въ своей рѣчи г. прокуроръ:—говорилъ, что, къ сожалѣнію, у нихъ не было людей, что къ нимъ, вмѣсто интендантскихъ чиновниковъ, присылали бродягъ; пришлютъ семь чиновниковъ и 600 бродягъ». Конечно, это плохая рекомендація, но г. прокуроръ полагаетъ, что въ интендантскомъ вѣдомствѣ нашелся бы человѣкъ, который, вслѣдствіе прежней своей опытности и честности, могъ бы занять мѣсто смотрителя главнаго центральнаго склада.

Остановимся на минуту.

Неполная біографія подсудимаго все-таки даетъ нѣкоторыя указанія и дополняетъ собой подробности о «брильянтовой» дамѣ. Затѣмъ, если прокуроръ не въ состояніи былъ объяснить, какимъ образомъ складъ, въ которомъ постоянно было на пять милліоновъ имущества, былъ довѣренъ «человѣку безъ прошлаго», то, разумѣется, и я долженъ отказаться отъ объясненія, такъ какъ показаніе начальника отдѣленія по продовольственной части, свидѣтеля г. Стратановича о «шестистахъ бродягахъ на семь интендантскихъ чиновниковъ» тоже нельзя считать за объясненіе. Показаніе этого свидѣтеля можетъ только развѣ прибавить лишній вздохъ къ общимъ вздохамъ о такомъ безлюдьѣ въ отечествѣ, что даже «бродяги», въ случаяхъ особенно важныхъ, присылались для наблюденія за имуществомъ и такимъ образомъ мѣшали осѣдлымъ интендантскимъ чиновникамъ; но, во всякомъ случаѣ, къ числу «бродягъ» подсудимаго причислить невозможно, и, вѣроятно, не его имѣлъ въ виду свидѣтель.

Упоминаніе обвинительной власти о печати не въ смыслѣ укора является, конечно, неожиданнымъ сюрпризомъ среди общихъ обвиненій этой самой несчастной печати. Еще недавно, въ Кіевѣ, военный прокуроръ послалъ по адресу печати комплиментъ совсѣмъ другого характера; вообще, надо правду сказать, нашей печати рѣдко приходится слышать не бранное слово. Каждый, такъ или иначе, считаетъ долгомъ своимъ какъ-нибудь да поддѣть печать, и недаромъ еще до сихъ поръ положеніе нашихъ провинціальныхъ корреспондентовъ напоминаетъ положеніе «отверженнаго» человѣка, съ которымъ, при удобномъ случаѣ, не грѣшно расправиться судомъ Линча.

Хотя нечего, разумѣется, гордиться, что блескъ бухарестской жизни подсудимаго и его «брильянтовой» дамы заставилъ корреспондентовъ написать объ этомъ, тѣмъ болѣе, что обличеніе это и не представляло серьезной опасности, такъ какъ объектъ его не представлялъ собой крупнаго козыря,—тѣмъ не менѣе, повторяю,

отношеніе прокурора къ печати въ данномъ случаѣ весьма пріятное исключеніе и показываетъ, что печать можетъ послужить иногда «однимъ изъ поводовъ» къ раскрытію злоупотребленія, если послѣднее заявляетъ о себѣ слишкомъ громко и олицетворяется въ удобной для обличенія формѣ.

V.

Возвращаясь къ обвинительной рѣчи г. прокурора, слѣдуетъ отмѣтить въ ней еще два характерныхъ разоблаченія, свидѣтельствующихъ, что мы въ искусствѣ хищенія не только не отстали отъ временъ крымской кампаніи, когда, по словамъ офиціальныхъ документовъ, «злоупотребленія превысили всякую мѣру», но, пожалуй, значительно ушли впередъ въ умѣніи обставить «хищеніе» въ формы, неуловимыя для преслѣдованія и обставленныя всѣми «послѣдними словами» юридической науки. Прежде, напримѣръ, было на этотъ счетъ, какъ и на всѣ счета, очень просто. Призвалъ подрядчика и взялъ съ него кушъ, принялъ гнилое сѣно и составилъ актъ о «волѣ Божіей» въ видѣ дождей или пожара, давалъ солдатамъ червивый сухарь и засимъ, по окончаніи войны, прямо говорилъ, что «пользовался» малую толику, покупалъ себѣ деревню для наслажденія послѣ трудовъ и, очень хорошо зная, что рѣдкій человѣкъ безъ грѣха, испытывалъ нѣкоторое душевное спокойствіе даже и въ случаѣ приглашенія въ слѣдственную комиссію, гдѣ отзывался запамятованіемъ или гибелью оправдательныхъ документовъ во время отступленія или наступленія. Простота оправданія и, главное, громадное количество такихъ объясненій обезоруживали въ тѣ времена разныя комиссіи. Дѣлопроизводство, конечно, велось по всѣмъ правиламъ. Списывались, доносили, отписывались, изводя горы бумаги, но все-таки пришлось бросать всю переписку, такъ какъ число прикосновенныхъ и число листовъ бумаги грозило обратиться въ нѣчто чудовищное.

Послѣ крымской войны много прибавилось новыхъ помѣщиковъ, еще не предчувствовавшихъ будущаго манифеста, и я какъ теперь помню этихъ добродушныхъ «куроцаповъ», сидящихъ по вечерамъ на балконахъ своихъ помѣщичьихъ усадебъ, записанныхъ на имя женъ, конечно, и повѣствовавшихъ за трубкою Жукова табака о разныхъ эпизодахъ войны... Превращеніе разныхъ комиссаріатскихъ «замухрыгъ», дѣйствовавшихъ потихоньку да помаленьку, безъ помпы нынѣшнихъ «выкормковъ» и безъ юридической неуловимости современныхъ ревнителей «хищенія», — въ чистенькихъ, кругленькихъ, степенныхъ и разсудительныхъ помѣщиковъ совершалось какъ-то совсѣмъ неожиданно. Такихъ помѣщиковъ особенно много развелось, послѣ крымской войны, въ южныхъ губерніяхъ, подъ сѣнью серебристыхъ тополей.

Я и теперь не забылъ испытаннаго мною изумленія, когда чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны, проѣзжая мимо одного изъ такихъ благодатныхъ уголковъ прежняго помѣщичьяго благополучія, узналъ въ одномъ кругленькомъ, бодромъ старичкѣ, созерцающемъ природу, прежнюю «комиссаріатскую крысу» изъ маленькихъ, очень маленькихъ... Призналъ и онъ меня. «Еще ребенкомъ васъ помню... У дяденьки вашего имѣлъ случай по дѣламъ службы бывать»,—проговорилъ радушно старикъ, котораго мой «дяденька»— я очень хорошо это припомнилъ—въ качествѣ «рѣшительнаго» человѣка, не терпѣвшаго комиссаріатскихъ крысъ, такъ «обработывалъ» и съ такими не идущими къ «дѣламъ службы» привѣтствіями, что я въ своемъ отроческомъ сердцѣ почувствовалъ искреннее сожалѣніе къ этому бѣднягѣ, молча сносившему дяденькинъ гнѣвъ.

Онъ зазвалъ къ себѣ, показалъ свой домъ, представилъ женѣ, познакомилъ съ дѣтьми, изъ которыхъ старшій сынъ подавалъ уже надежды (впослѣдствіи исполнившіяся) быть червоннымъ валетомъ, и упомянулъ, между прочимъ, какъ-то вскользь, что Богъ послалъ ему счастье, довелось по случаю купить «имѣньице» (а имѣньице было въ 2.000 десятинъ, на берегу Днѣстра). Но вечеромъ старикъ разговорился по поводу тогдашнихъ статей противъ взяточничества, мало-по-малу увлекся воспоминаніями и, на мои вопросы о злоупотребленіяхъ въ крымскую войну, столь добродушно разсказывалъ о «случаяхъ» и о разныхъ «счастьяхъ» и для большихъ и для малыхъ «крысъ», при этомъ въ его разсказѣ «прикосновенныхъ» было столько (чуть ли не всѣ, имѣвшіе какое-либо отношеніе къ казенному имуществу), что я, тогда еще юноша, слушалъ его разсказъ, точно арабскую сказку. Главное, поражала простота замысла и развязки.

Теперь простота эта встрѣчается рѣже, и вотъ, между прочимъ, въ подтвержденіе моихъ словъ два «эпизода», разсказанные въ судѣ обвинительной властью:—первый заключается въ «исторіи заключенія контракта интендантства» съ нѣкіимъ подрядчикомъ Штраусомъ.

«Сначала, по контракту, мѣстомъ сдачи продуктовъ было назначено Систово, но потомъ интендантомъ Россицкимъ былъ назначенъ сдаточнымъ пунктомъ Бухарестъ, при чемъ, такъ какъ казна должна была доставлять продукты изъ Бухареста въ Систово на свой счетъ, то Штраусъ долженъ былъ доставлять консервы по нѣсколько низшей цѣнѣ, чѣмъ та, какая была установлена первоначально. *Съ формальной стороны это кажется правильно, но въ сущности трудно объяснить* такую перемѣну складочнаго пункта. Дѣло въ томъ, что въ прошлую войну вопросъ сводился къ недостатку перевозочныхъ средствъ. Продукты были, но средствъ перевезти ихъ не имѣлось, вслѣдствіе неисправности румынскихъ дорогъ, малаго подвижного состава и нежеланія погонцевъ перевозить. Подводъ

нельзя было найти ни за какія деньги, и тотъ же интендантъ Росицкій телеграфировалъ объ этомъ. Такимъ образомъ изъ Бухареста, гдѣ находился складъ, нельзя было перевезти эти продукты въ Систово, на правый берегъ Дуная, гдѣ они, конечно, могли бы принести пользу. Въ результатѣ вышло то, что поставленные консервы, въ количествѣ 88,000.000 раціоновъ, которые казнѣ стоили 4,000.000 руб., остались въ Бухарестѣ, не могли быть перевезенными и впослѣдствіи проданы за 33.000 рублей кредитныхъ.

«Съ формальной стороны это кажется правильно, но въ сущности трудно объяснить!»

Такія заключенія невольно приходится давать не по одному подобному дѣлу. Другого заключенія, пожалуй, и невозможно пріискать. Это—одна изъ тѣхъ, выработанныхъ жизнью формулъ, которыя имѣютъ широкое распространеніе при оцѣнкѣ многихъ явленій нашей жизни. Такимъ образомъ приходится отнести потерю 3,967.000 рублей кред. къ числу обстоятельствъ, съ формальной стороны «правильныхъ, но въ сущности мало объяснимыхъ».

Затѣмъ другое разоблаченіе, сдѣланное обвиненіемъ, гораздо болѣе объяснимо, тѣмъ болѣе, что и съ формальной стороны какъ будто неправильно. Дѣло идетъ объ «особенностяхъ» въ пріемкѣ, отличающихъ «вѣкъ нынѣшній» отъ «вѣка минувшаго». Въ крымскую кампанію чаще всего практиковался пріемъ недоброкачественныхъ продуктовъ, а въ кампанію 1877—78 года вообще «*недопріемъ*». По словамъ прокурора, «прошлая кампанія указала на совсѣмъ другое злоупотребленіе, именно на выдачу поставщикамъ квитанцій раньше, чѣмъ продукты доставлялись. На мѣсто театра войны наѣзжаетъ много поставщиковъ, желающихъ получить подрядъ, и обыкновенно его получаютъ тѣ, которые имѣютъ залогъ. Но туда наѣзжаетъ также масса второстепенныхъ и третьестепенныхъ поставщиковъ, у которыхъ нѣтъ залога. Понятно, что главные поставщики, взявъ большіе подряды и будучи не въ состояніи ихъ выполнить, должны были передавать эти подряды болѣе мелкимъ поставщикамъ, наживая только на разницѣ въ цѣнѣ между цѣною, по которой они получили подрядъ, и цѣною, по которой они сдали его мелкимъ поставщикамъ. Эти мелкіе поставщики, сдавъ продукты, получали отъ смотрителей квитанціи и потомъ представляли ихъ главнымъ поставщикамъ, которые и получали по нимъ разсчетъ отъ казны. Но эти мелкіе поставщики явились въ Бухарестъ безъ гроша денегъ, а вернулись оттуда людьми состоятельными. Какимъ же образомъ это случилось? Очень просто. Взявъ у главнаго казеннаго поставщика подрядъ, мелкій поставщикъ большею частью не имѣлъ средствъ для исполненія этого подряда. Занявъ какъ-нибудь денегъ и закупивъ на нихъ небольшое количество продуктовъ, онъ пред-

ставлялъ въ складъ, напримѣръ, 300 четвертей и тутъ входилъ съ смотрителемъ въ сдѣлку, чтобъ получить квитанцію тотчасъ же на 1.000 четвертей, обязуясь, по полученіи по этой квитанціи денегъ изъ казны, представить потомъ недоставленныя 700 четвертей. Интересъ для мелкаго поставщика здѣсь былъ тотъ, что, доставивъ только 300 четвертей, а получивъ квитанцію въ пріемѣ 1.000 четвертей, онъ получалъ изъ казны деньги за 1.000 четвертей и слѣдовательно имѣлъ средства на оборотъ. Все зло здѣсь и заключалось въ томъ, что смотритель выдавалъ поставщикамъ квитанціи ранѣе, чѣмъ продукты поступали въ складъ. Честные поставщики впослѣдствіи дѣйствительно довозили. Но были и безчестные поставщики, которые, получивъ квитанцію на большее количество продуктовъ, чѣмъ ими доставлено, и знать ничего не хотѣли. Вотъ этимъ и можно объяснить недостачу въ складѣ продуктовъ, а въ числѣ ихъ и конскихъ консервовъ.

«Агенты Штрауса, поставлявшіе эти консервы, хотѣли надуть Хвощинскаго. Онъ выдавалъ имъ удостовѣренія въ принятіи продуктовъ раньше, чѣмъ они были доставлены въ складъ, съ тѣмъ, чтобъ они довезли ихъ впослѣдствіи. Но когда наступилъ послѣдній срокъ, 28-е февраля, когда они не были въ состояніи заготовить на фабрикѣ всѣхъ законтрактованныхъ консервовъ, они пожелали надуть Хвощинскаго, воспользовавшись тѣмъ, что еще 23-го февраля онъ выдалъ имъ квитанцію на большее количество консервовъ, чѣмъ ими было доставлено, и потребовали отъ него квитанцію въ пріемѣ тѣхъ консервовъ, которые были доставлены ими послѣ 23-го февраля въ счетъ тѣхъ, которые они были обязаны доставить, такъ какъ получили на нихъ квитанцію еще раньше. Но тутъ они не поладили съ Хвощинскимъ, и вышелъ споръ, который тоже послужилъ основаніемъ къ возбужденію настоящаго дѣла». Такимъ образомъ выясняется, что, кромѣ безумной жизни подсудимаго, основаніемъ къ возбужденію дѣла послужилъ тоже и споръ между сторонами. Какъ видно, въ данномъ случаѣ забыта поговорка, что «худой миръ лучше доброй ссоры».

Въ заключеніе обвинительной рѣчи, прокуроръ обратился къ судьямъ съ слѣдующими словами:

«Вамъ, гг. судьи, не безызвѣстно, какая масса злоупотребленій была въ прошлую кампанію. Но, несмотря на то, что законъ опредѣляетъ за эти преступленія строгое наказаніе, они тѣмъ не менѣе существуютъ. Почему же существуютъ эти преступленія? По очень простой причинѣ. Уже давнымъ-давно признано, что не строгость наказанія останавливаетъ преступника отъ совершенія преступленія, а сознаніе, что онъ будетъ обнаруженъ и что, несмотря на всѣ ухищренія, которыя онъ приметъ для того, чтобъ провести судъ, онъ все-таки будетъ наказанъ. Только такое сознаніе можетъ остановить чело-

вѣка отъ преступленія. Поэтому я обращаюсь къ вамъ, гг. судьи, съ просьбою: не дайте себя обмануть якобы сложностью настоящаго дѣла, тѣмъ, что улики противъ обвиняемыхъ будто бы ничтожны. Встаньте на высоту вашей задачи! Вѣдь настоящее дѣло есть дѣло общественнаго интереса! Докажите, что и въ военномъ вѣдомствѣ расточители казенной собственности наказываются. Докажите обществу, что есть наконецъ судъ, который въ состояніи обуздать всѣхъ этихъ расточителей казны. Откликнитесь на слова, обращенныя къ намъ съ высоты престола: употребить всѣ мѣры для уничтоженія въ государствѣ хищенія, этого упорнаго зла современнаго общества».

Нѣтъ сомнѣнія, что эти надежды обвиненія на то, что судъ обуздаетъ расточителей, и что, несмотря на всѣ ухищренія хищниковъ, они все-таки будутъ наказаны,—заслуживаютъ сочувствія, тѣмъ не менѣе нельзя не принять во вниманіе, что въ данномъ именно случаѣ главный подсудимый не только не обнаруживалъ никакого «ухищренія», а, напротивъ, по заявленію обвиненія, своей неумѣренной роскошью съ «брильянтовой» дамой и прочей обстановкой обнаружилъ замѣчательное легкомысліе, такъ что эта роскошь, вмѣстѣ съ несогласіемъ, дошедшимъ до спора съ подрядчиками, и были, по словамъ прокурора, ближайшими поводами къ возникновенію настоящаго дѣла. Очень можетъ быть, дѣло могло бы возникнуть и безъ спора съ подрядчиками и безъ хвастовства подсудимаго своимъ богатствомъ, но во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что эти обстоятельства играли едва ли не главную роль. Подсудимый именно дѣйствовалъ такъ, что въ его поступкахъ нельзя было найти ничего такого, что̀ бы «съ формальной стороны казалось правильно, а въ сущности трудно-объяснимо». Напротивъ, въ его хищеніи все было неправильно и все очень объяснимо. Эти признаки, конечно, дѣла не мѣняютъ, но заставляютъ усомниться въ легкости обузданія менѣе легкомысленныхъ расточителей, употребляющихъ болѣе дѣйствительныя ухищренія для того, чтобы не быть обнаруженными, и прикрывающихъ хищеніе утонченными формами, выработанными опытомъ жизни и формулой, цитированной самимъ же г. прокуроромъ.

Судъ призналъ виновными: Хвощинскаго—въ пріемѣ, съ корыстною цѣлью, недоброкачественныхъ продуктовъ въ завѣдываемый имъ складъ; въ небрежномъ храненіи ввѣреннаго ему по службѣ казеннаго имущества, отъ чего произошла значительная утрата онаго, и въ выдачѣ поставщикамъ квитанцій на такіе продукты, которые въ складъ не поступали; Цвѣцинскаго — въ бездѣйствіи власти. Обвиненіе же Хвощинскаго въ умышленной порчѣ продуктовъ, чтобъ скрыть пріемъ недоброкачественныхъ продуктовъ, Цвѣцинскаго въ выдачѣ, съ корыстною цѣлью, квитанцій на большее

количество консервовъ, чѣмъ было приготовлено и имъ осмотрѣно, а Борена въ томъ, что, вмѣстѣ съ Хвощинскимъ, завѣдомо участвовалъ въ выдачѣ на поставленные продукты квитанцій — судъ призналъ недоказаннымъ. Поэтому судъ постановилъ: 1) Хвощинскаго, по лишеніи чиновъ, дворянства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе, въ мѣста не столь отдаленныя; 2) Цвѣцинскаго—отставить отъ службы; 3) убытки, понесенные казною отъ уплаты Штраусу денегъ за недоставленные имъ 7.944 ящика консервовъ, взыскать съ обоихъ подсудимыхъ поровну, за круговою ихъ отвѣтственностью; 4) убытки казны отъ недопринятыхъ Хвощинскимъ конскихъ консервовъ (4.054 ящика), галетъ и пищевыхъ консервовъ (80.505 порцій), а равно отъ порчи продуктовъ (сухарей 20.288 пудовъ, галетъ 28.153 пуда, конскихъ консервовъ 3,790.850 раціоновъ и пищевыхъ консервовъ до 86.153 порцій) предоставить начальству, по приведеніи убытковъ въ положительную извѣстность, взыскать съ Хвощинскаго административнымъ порядкомъ; 5) приговоръ въ отношеніи Хвощинскаго, по вступленіи въ законную силу, представить, чрезъ военнаго министра, на Высочайшее усмотрѣніе, и 6) по обвиненіямъ, въ которыхъ подсудимые признаны невиновными, а равно Борена въ лихоимствѣ, считать ихъ по суду оправданными, по недоказанности обвиненія.

VI.

24 мая въ Москвѣ былъ рѣдкій у насъ праздникъ. Въ лицѣ семидесятидвухлѣтняго старика Н. И. Пирогова, чествовали не только знаменитаго ученаго, неутомимаго хирурга, талантливаго публициста, но и необычнаго общественнаго дѣятеля, который, съ рѣдкой у насъ независимостью, стремился проводить убѣжденія въ жизнь, слить слово съ дѣломъ, который, проповѣдуя уваженіе къ человѣческому достоинству, къ свободѣ мысли и человѣчности, училъ «быть, а не казаться» и основой педагогической дѣятельности и воспитанія считалъ только силу науки и нравственнаго вліянія,— человѣка, глубоко уважавшаго молодость, доказывавшаго, что надо воспитать не врача, не чиновника, не спеціалиста, а «человѣка», потому что самъ Пироговъ прежде всего «человѣкъ былъ».

И теперь, стоя, какъ выразился Пироговъ, «у порога вѣчности», маститый юбиляръ, давно оставившій общественную дѣятельность, въ отвѣтъ на привѣтствія отвѣчалъ рѣчами, полными любви къ молодости, вѣры въ торжество правды и такой нравственной свѣжести, что, читая эти слова представителя прошлаго поколѣнія, невольно поднимается духъ и надежда закрадывается въ сердце человѣка, извѣрившагося посреди другихъ рѣчей и другихъ пророчествъ, раздающихся въ послѣднее время въ главенствующей публицистикѣ.

Прежде чѣмъ разсказать читателю о подробностяхъ праздника въ честь Пирогова, считаю не лишнимъ дать читателямъ краткій очеркъ его общественной дѣятельности, прерванной двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ одной изъ рѣчей своихъ юбиляръ, между прочимъ, сказалъ, что онъ имѣлъ въ виду положить начало просвѣтляющей силы разума въ основу своей педагогической дѣятельности. «Но она,—прибавилъ онъ:—къ сожалѣнію, продолжалась недолго». Припомнимъ же и эту дѣятельность и другія стороны многосторонней дѣятельности этого человѣка *), пятидесятилѣтній юбилей котораго, съ Высочайшаго разрѣшенія, праздновали на-дняхъ.

Родился Н. И. Пироговъ 13 ноября 1810 г. въ Москвѣ. Отецъ его былъ чиновникомъ. Сперва Пироговъ получилъ домашнее воспитаніе, потомъ былъ въ частномъ пансіонѣ, но разразившаяся надъ семействомъ его бѣда заставила 14-лѣтняго подростка поступить въ московскій университетъ. Содѣйствіе въ этомъ оказалъ профессоръ Мухинъ, извѣстный въ свое время врачъ.

Оказавшій блестящія способности юноша, черезъ три года, будучи 17 лѣтъ отъ роду, окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря и вступилъ въ профессорскій институтъ. Оттуда молодой кандидатъ въ профессора былъ отправленъ для усовершенствованія въ дерптскій университетъ съ тѣмъ, чтобы послѣ ѣхать за границу. Въ Дерптѣ Пироговъ пробылъ, вмѣсто двухъ положенныхъ лѣтъ, цѣлыхъ пять, потому что, вслѣдствіе бывшей во Франціи революціи, выѣздъ за границу былъ невозможенъ, и Пироговъ только въ 1833 году отправился въ Берлинъ и Геттингенъ, гдѣ посѣщалъ лекціи лучшихъ профессоровъ. Черезъ два года Пироговъ возвращался на родину, разсчитывая занять профессорскую каѳедру въ Москвѣ, но въ Ригѣ онъ заболѣлъ, и тѣмъ временемъ на каѳедру хирургіи въ Москвѣ былъ избранъ тогдашнимъ попечителемъ, графомъ С. Г. Строгоновымъ, Иноземцевъ.

Занятія Пирогова въ Дерптѣ сослужили ему службу. Несмотря на традиціонное недовѣріе нѣмцевъ къ русскимъ научнымъ силамъ, необычайныя дарованія Пирогова обратили на себя вниманіе медицинскаго факультета, и, по предложенію бывшаго его учителя, знаменитаго профессора Мойера, Пироговъ 26 лѣтъ отъ роду былъ приглашенъ занять каѳедру хирургіи въ дерптскомъ университетѣ.

«Фактъ этотъ,—замѣчаетъ авторъ брошюры:—получаетъ еще болѣе глубокое значеніе, если принять во вниманіе, что Дерптскій университетъ, на подобіе всѣхъ германскихъ университетовъ, не можетъ нуждаться въ ученыхъ силахъ для комплектованія ихъ, имѣя право приглашать изъ-за границы ученыхъ профессоровъ, пользующихся наибольшею извѣстностью».

*) Біографическія подробности и данныя о научной дѣятельности Пирогова извлекаю изъ брошюры г. Бертенсона.

Появленіе на каѳедрѣ русскаго молодого ученаго, послѣ знаменитаго Моейра, произвело громадное впечатлѣніе. Пироговъ, отлично владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, въ блестящемъ научномъ изложеніи читалъ лекціи и скоро пріобрѣлъ симпатіи учащихся. Работалъ онъ много и какъ профессоръ и какъ ученый и, занимаясь по 8 часовъ въ сутки въ клиникѣ и анатомическомъ театрѣ, въ то же время, въ теченіе 4 лѣтъ, издалъ три замѣчательныхъ труда, изъ которыхъ первымъ была «Хирургическая анатомія фасцій и артерій», съ приложеннымъ къ нему атласомъ.

Вскорѣ послѣ изданія этого труда Пироговъ былъ отправленъ въ Парижъ, гдѣ въ то время славился знаменитый хирургъ Вельпо. Когда молодой русскій ученый представился французскому ученому, то засталъ его разсматривающимъ его атласъ. Вельпо, узнавъ, что Пироговъ пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы учиться у него, отвѣтилъ: «Вы застали меня за вашей анатоміей; не вамъ учиться у меня, а мнѣ у васъ».

Насколько въ этихъ словахъ было французской любезности, судить трудно, но во всякомъ случаѣ уже въ то время Пироговъ былъ извѣстенъ въ ученомъ медицинскомъ мірѣ и привезъ изъ Парижа самые лестные отзывы Вельпо о своихъ трудахъ. Вѣроятно, отзывы знаменитаго иностраннаго хирурга немало способствовали и тому, что сочиненіе Пирогова, написанное имъ въ 1837 году, было удостоено только въ 1840 году нашей Академіей Наукъ демидовской преміи.

Въ 1840 году Пироговъ перешелъ въ медико-хирургическую академію для занятія каѳедры госпитальной хирургіи при военномъ госпиталѣ и должности старшаго врача хирургическаго отдѣленія госпиталя. Съ появленіемъ Пирогова медико-хирургическая академія ожила. Онъ внесъ въ сонное учрежденіе духъ необыкновенной дѣятельности и энергіи. Онъ организовалъ клинику, и съ тѣхъ поръ постепенно начали организоваться клиники и при другихъ русскихъ университетахъ. Учрежденіе анатомическаго театра при академіи было дѣломъ его рукъ. Предложеніе это встрѣтило оппозицію среди профессоровъ и не безъ тяжелой борьбы наконецъ осуществилось. Пироговъ ѣздилъ за границу, ознакомился тамъ съ устройствомъ анатомическихъ институтовъ и, по совѣту знаменитаго Гиртля, привезъ съ собою молодого прозектора—нынѣ извѣстнаго профессора Грубера. Въ то же время Пироговъ не оставлялъ и научныхъ занятій. Кромѣ занятій въ клиникѣ, онъ принялъ на себя чтеніе патологической анатоміи на трупахъ, издалъ шесть выпусковъ «Прикладной анатоміи» и «Атласъ анатоміи для судебныхъ врачей»

Нечего и говорить, что его «новаторство» встрѣчало массу затрудненій. «Новая освѣжающая струя знанія и неутомимой дѣятельности, внесенная Пироговымъ въ пропитанныя міазмами стѣны

военнаго госпиталя, до такой степени ошеломила поборниковъ военно-госпитальной администраціи 40-хъ годовъ», что тогдашній главный врачъ, на настойчивыя требованія Пирогова объ улучшеніи гигіеническихъ условій и порядковъ госпиталя, серьезно заподозрѣлъ Пирогова въ «*помраченіи*» его умственныхъ способностей, о чемъ «конфиденціально» и довелъ до свѣдѣнія бывшаго военнаго министра.

Въ 1847 году Пироговымъ впервые примѣнена въ Россіи этеризація. Затѣмъ, въ 1848 году онъ командированъ былъ на Кавказъ, и въ 1849 году появилось на французскомъ языкѣ «Rapport médical d'un voyage au Caucase» съ атласомъ. Во время холеры Пироговъ неутомимо работалъ въ клиникѣ, и плодомъ этой работы былъ новый ученый трудъ: «Патологическая анатомія азіатской холеры», за который онъ получилъ большую демидовскую премію; кромѣ того подготовлялъ другой обширный трудъ: «Анналы госпитальной клиники».

Настала война... Севастополь былъ осажденъ. Массы людей гибли не столько отъ непріятеля, сколько отъ неурядицъ и злоупотребленій. Пироговъ предложилъ себя къ услугамъ, на помощь безпризорнымъ солдатамъ...

«Кто могъ бы повѣрить, — говоритъ авторъ брошюры: — что такой извѣстный хирургъ, какъ Пироговъ, только послѣ *значительныхъ хлопотъ* добился разрѣшенія отправиться въ Крымъ?»

Какъ видно, высшая госпитальная администрація того времени неохотно пускала этого человѣка на мѣсто совершавшихся ужасовъ воровства и безурядицы.

И они были правы въ своей боязни. Работая въ теченіе шести мѣсяцевъ, не зная отдыха, Пироговъ ясно видѣлъ, что бо̀льшая часть раненыхъ умираетъ не отъ поврежденій, а отъ госпитальныхъ заразъ и злоупотребленій администраціи.

«Къ чему служатъ всѣ искусныя операціи, всѣ способы лѣченія,— писалъ онъ:—если раненые и больные будутъ поставлены администраціей въ такія условія, которыя вредны для здоровья?..» Шесть мѣсяцевъ неутомимой работы, часто не достигавшей успѣха, вслѣдствіе ужасныхъ условій, шесть мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ вопіющія злоупотребленія не переставали возмущать Пирогова, утомили его. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы тамъ какъ-нибудь помочь врачебному дѣлу на войнѣ, но, разумѣется, не достигаетъ успѣха и снова возвращается въ Крымъ для осмотра госпиталей.

До 70-ти госпиталей въ Перекопѣ, Херсонѣ, Екатеринославѣ, Харьковѣ и прочихъ городахъ были переполнены въ то время дифтеритическими и тифозными больными и ранеными. Множество больныхъ лежало съ отмороженными ногами. «Въ началѣ 1855 г.,—

говоритъ Пироговъ:—дошло до того, что нашихъ раненыхъ и больныхъ нужно было отправлять при 20° мороза за 400—500 и даже 700 верстъ». Изъ достовѣрныхъ фактовъ извѣстно, что однихъ безъ вѣсти пропавшихъ изъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя было 80.000 человѣкъ!

«Страшное это было время, его нельзя забыть до конца жизни!»— говорилъ Пироговъ.

VII.

Окончилась война... Общество встрепенулось. Въ воздухѣ потянуло свѣжей новой струей... Въ числѣ многихъ вопросовъ, поднятыхъ тогда, поднялся вопросъ и о воспитаніи. И вотъ въ 1855 году появилась на страницахъ «Морского Сборника» замѣчательная статья: «Вопросы жизни». Эта статья обратила на себя общее вниманіе. Она привела въ восторгъ Добролюбова, и онъ по поводу ея написалъ превосходную статью: «Авторитетъ въ воспитаніи», въ которой развивалъ мысли Пирогова. Статья Пирогова произвела сильное впечатлѣніе благородствомъ направленія, новизною взгляда, гуманностью и глубокою любовью къ молодежи.

Привожу изъ знаменитыхъ «Вопросовъ жизни» слѣдующее мѣсто:

«Главныя и высшія основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ господствующимъ направленіемъ общества. Изъ этого выходитъ, что, оканчивая курсъ воспитанія и вступая въ общество, мы находимъ себя въ необходимости *или* отречься отъ всего, чему насъ учили, чтобы поддѣлаться къ обществу, *или* слѣдовать своимъ правиламъ и убѣжденіямъ, становясь такимъ образомъ противниками общественнаго направленія. Но жертвовать святыми высшими убѣжденіямъ для житейскихъ разсчетовъ—слишкомъ безнравственно и отвратительно; а идти противъ общества— гдѣ же взять силъ на это? Къ такой борьбѣ съ ложнымъ направленіемъ общества воспитаніе совсѣмъ не готовитъ насъ. Оно даже совсѣмъ не заботится о томъ, чтобы вкоренить въ насъ высшія, человѣческія убѣжденія; оно хлопочетъ только о томъ, чтобы сдѣлать насъ учеными, юристами, врачами, солдатами и т. п. Между тѣмъ, вступая въ жизнь, человѣкъ хочетъ имѣть какое-нибудь убѣжденіе, хочетъ опредѣлить, что̀ онъ такое, какая его цѣль и назначеніе. Всматриваясь въ себя, онъ находитъ уже готовое рѣшеніе этихъ вопросовъ, данное воспитаніемъ, а присматриваясь къ обществу, видитъ въ немъ стремленія, совершенно противоположныя этимъ рѣшеніямъ. Онъ хочетъ бороться со зломъ и ложью,—но здѣсь-то и оказывается вся несостоятельность его прежняго воспитанія: онъ не приготовленъ къ борьбѣ, онъ долженъ сначала перевоспитать себя, чтобы выйти на арену бойца... А между тѣмъ годы летятъ, жизнь не ждетъ, нужно

дѣйствовать... и человѣкъ дѣйствуетъ какъ попало, часто падая подъ бременемъ тяжелыхъ вопросовъ, увлекаясь стремительнымъ теченіемъ толпы то въ ту, то въ другую сторону,—потому что самъ собою онъ не умѣетъ дѣйствовать,—въ немъ не воспитанъ внутренній человѣкъ, въ немъ нѣтъ убѣжденій. А убѣжденія даются не легко: только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто *пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя*, кто пріученъ съ первыхъ лѣтъ жизни *любить искренно правду*, *стоять за нее горою* и *быть непринужденно откровеннымъ* какъ *съ наставниками*, такъ и съ сверстниками».

Пироговъ, такимъ образомъ, предлагалъ воспитать «человѣка» и человѣка убѣжденія, «готоваго любить правду и стоять за нее горой»... Самъ человѣкъ убѣжденія, онъ принялъ предложенный ему постъ попечителя одесскаго учебнаго округа, съ условіемъ, чтобы программа его дѣйствій была принята. «Видно, — говоритъ біографъ:—сильно было обаяніе въ ту эпоху Н. И. Пирогова на умы лицъ, стоящихъ на стражѣ народнаго просвѣщенія, если программа его не только была принята, но на выполненіе ея ему дано было полное согласіе».

Но разладъ школы и жизни, о которомъ говоритъ Пироговъ въ своихъ блестящихъ статьяхъ, тѣ терніи и препятствія, которыми кишитъ русская жизнь, дали себя знать, и педагогическая дѣятельность Пирогова послужила блестящимъ доказательствомъ, что даже и мощный умъ, сильная энергія, даже уступки, на которыя пришлось впослѣдствіи согласиться, не могли сдѣлать всего того, что сдѣлали бы при болѣе высокомъ умственномъ уровнѣ общества. И скоро Пирогову съ горечью пришлось убѣдиться, что «одинъ въ полѣ не воинъ»... Поборникъ свободной университетской науки, считавшій единственно возможнымъ средствомъ вліянія на молодежь—нравственное вліяніе и науку, Пироговъ, въ короткое время своей педагогической дѣятельности, поднялъ «университетскій вопросъ», возставалъ противъ непотизма въ ученомъ сословіи, первый открылъ воскресныя школы въ Кіевѣ, устроилъ судъ чести въ высшихъ классахъ гимназіи и хлопоталъ о единеніи студентовъ съ профессорами. Правда, извѣстныя кіевскія «Правила» возбудили въ свое время горячую полемику и дали случай горячему его поклоннику, Добролюбову, написать одну изъ блестящихъ и замѣчательныхъ его статей: «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами». Въ этой статьѣ слышался крикъ несбывшихся надеждъ, разрушенныхъ упованій въ силу одного человѣка. «И ты, Брутъ?»—говорилъ Добролюбовъ, когда Пироговъ, противникъ розги, долженъ былъ, оставаясь при особомъ мнѣніи, согласиться съ постановленіемъ большинства. Тогда многіе не поняли Добролюбова и обвиняли его въ личныхъ нападкахъ на Пирогова. Но онъ-то и не

нападалъ лично. Смыслъ его статьи не тотъ. Вотъ, говорилъ онъ, свѣтлая, высокая личность, а и та безсильна противъ среды. Онъ признавалъ, что «вліяніе его благородной личности было въ самомъ дѣлѣ сильнѣе, нежели, быть-можетъ, самыя рѣшительныя и строгія запрещенія при другомъ начальникѣ», что «онъ былъ связанъ въ своей практической дѣятельности существующимъ уставомъ» и что «онъ употреблялъ усилія сдѣлать то, чего мы желаемъ— но встрѣтилъ препятствія», но критикъ и публицистъ все-таки былъ глубоко задѣтъ тѣмъ, что другіе обскуранты педагогіи могли прикрываться именемъ Пирогова, и что онъ такимъ образомъ отчасти игралъ въ руку врагамъ мысли. Не безъ горечи пророчествовалъ знаменитый критикъ о томъ, что начала, положенныя Пироговымъ, не вошли въ сознаніе педагогической среды, и пророчества его оправдались. Ушелъ Пироговъ и... свѣтлое утро, принесенное въ Кіевъ Пироговымъ, скоро обратилось въ темную ночь... «Чтобы сдѣлать училище хорошимъ,—писалъ Пироговъ:—надо дѣйствовать не врознь, не порознь, а общими силами. Чтобы дѣйствовать общими силами, нужно имѣть и общія убѣжденія. А гдѣ ихъ взять? Словъ—сколько угодно; а убѣжденій—это иное дѣло»...

Въ этихъ словахъ была часть разгадки трагическаго положенія личности среди окружающихъ условій...

Но, кромѣ того, Пироговъ не сходился во взглядахъ на новыя требованія, отрицавшія полезность его программы. «Онъ отстаивалъ,— пишетъ авторъ брошюры:—съ свойственной ему энергіей коренной принципъ, по которому попечитель обязанъ оказывать на учащихъ и учащихся одно лишь нравственное вліяніе и быть охранителемъ закона въ университетѣ», но, не найдя сочувствія этимъ взглядамъ, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи. Проводы его изъ Кіева были торжественны.

Вотъ съ какою превосходною прощальною рѣчью обратился онъ тогда къ кіевскимъ студентамъ:

«Мы всѣ знаемъ,—говорилъ Пироговъ:—что нужно почитать стариковъ, потому что старики—наши отцы и дѣды, и каждый изъ насъ чѣмъ-нибудь имъ обязанъ. Глядя на старость, мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядѣ на сѣдину. Но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать. Она является намъ тотчасъ же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планѣ. Правда, и ее извиняютъ, приводя незрѣлость, неопытность, увлеченіе. Но у нея нѣтъ прошедшаго, и ея будущее кажется чѣмъ-то страшнымъ, по его неизвѣстности. Между тѣмъ, кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ; не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за доро-

гое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству... Я основывалъ мои отношенія къ вамъ на томъ же нравственномъ довѣріи, котораго имѣлъ право требовать и отъ васъ, потому что дѣйствовалъ прямо и знаю, что на молодежь нельзя дѣйствовать иначе, какъ пріобрѣвъ ея полное довѣріе. Вы увѣрились, полагаю, что я водворялъ между вами уваженіе къ закону, долгу и власти—не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ. Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодежи такъ же, какъ и всѣ другія высокія стремленія духа. Я былъ приготовленъ къ тому, что меня не вдругъ вы поймете и еще менѣе поймутъ ваши отцы, или цѣлое общество. Это лежало въ порядкѣ вещей. Судятъ не по намѣреніямъ, а по результатамъ. А результаты въ такихъ дѣлахъ обнаруживаются не скоро, не безъ препятствій и не безъ толковъ, распространяемыхъ незнаніемъ, близорукостью, подозрѣніемъ и мелочными страстями. Я зналъ, что истина моихъ убѣжденій разъяснится не разомъ для всѣхъ, а между тѣмъ встрѣтится много такого, что будетъ говорить противъ меня и заслужитъ порицаніе тѣхъ, которые думаютъ перейти отъ одного порядка вещей къ другому, противоположному, измѣнивъ только внѣшнюю обстановку, или тѣхъ, которые вовсе ничего не думаютъ. Я зналъ, что немногіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще; зналъ наконецъ и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣніи и гоньбѣ за популярностью; но все это не могло измѣнить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣріи къ благородству ея мыслей и стремленій къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому что не могъ ни сдѣлаться ни казаться не мною. Это значило бы для меня перестать жить».

При вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія статсъ-секретаря А. В. Головнина, Пироговъ снова былъ призванъ къ дѣятельности. Сперва ему было поручено руководство за границей молодыхъ русскихъ профессоровъ, а затѣмъ, по возвращеніи изъ-за границы, онъ получилъ приглашеніе посѣтить всѣ русскіе университеты и особенно медицинскіе факультеты и представить результаты осмотра. Предположеніе это однако не осуществилось. Съ назначеніемъ въ должность министра графа Д. А. Толстого, Пироговъ былъ освобожденъ отъ всякихъ занятій.

Съ тѣхъ поръ, съ 1866 года, прервалась общественная дѣятельность Пирогова, и онъ поселился въ своемъ имѣніи, оставляя свое уединеніе лишь по вызову Общества Краснаго Креста, основателемъ котораго былъ онъ же, для организаціи врачебной помощи въ франко-германскую войну и въ турецкую войну 1877 — 1878 годовъ.

Плодомъ его осмотровъ были подробные отчеты: «Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870 г.» и «Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи 1877—1878 гг.». Послѣднее сочиненіе (два тома, слишкомъ 50 печатныхъ листовъ) явилось черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ возвращенія знаменитаго хирурга съ театра войны. Въ тиши уединенія онъ работалъ попрежнему.

VIII.

Ровно въ часъ дня, 20-го мая, къ московскому университету подъѣхалъ невысокій, скромно одѣтый, маститый старикъ, съ сѣдою бородой и сѣдыми волосами. У подъѣзда онъ былъ встрѣченъ восторженными восклицаніями студентовъ. Въ актовой залѣ его ожидала масса публики. Сопровождаемый московскимъ генералъ-губернаторомъ, ректоромъ и городскимъ головой, юбиляръ былъ встрѣченъ рукоплесканіями. Послѣ рѣчи, произнесенной ректоромъ университета, была получена телеграмма, въ которой государь поздравлялъ юбиляра. Затѣмъ подходили депутаціи отъ разныхъ учрежденій, ученыхъ обществъ, печати, и прочитывались телеграммы, полученныя съ разныхъ концовъ. Читались привѣтствія, латинскіе стихи, произносились рѣчи. Юбиляра привѣтствовали университеты Эдинбурга, Мюнхена, Страсбурга и Падуи, медицинскіе факультеты Праги, Парижа, Грейфсвальда и Общество нѣмецкихъ хирурговъ, съ Лангенбекомъ и Гиршемъ во главѣ. Большинство этихъ учрежденій избрало Пирогова почетнымъ членомъ. Всѣхъ депутацій было числомъ болѣе ста. Въ честь Пирогова основалось Хирургическое общество въ Петербургѣ. Онъ избранъ почетнымъ гражданиномъ Москвы, именемъ его наименована новая палата при 2-й городской больницѣ, и въ ней положено поставить бюстъ знаменитаго хирурга. Всѣ рѣчи и привѣтствія отдавали дань уваженія знаменитому ученому и общественному дѣятелю. Адресъ студентовъ вызвалъ сочувствіе. Я не стану перечислять всѣхъ рѣчей и адресовъ, а передамъ рѣчь юбиляра, сказанную имъ на торжественномъ актѣ.

Послѣ выраженій признательности за чествованіе, юбиляръ сравнилъ прежнюю научную правду и нынѣшнюю.

«Вы не думайте,—сказалъ Н. И.:—что я, по привычкѣ стариковъ, буду восхвалять старое время, — я не привыкъ вносить въ дѣло субъективный элементъ». Припомнивъ, что въ его время университетская наука казалась студентамъ «забавкою», Н. И. отмѣтилъ громадный прогрессъ въ современной медицинѣ. Что же касается жалобъ теперешнихъ студентовъ на недостаточность демонстративныхъ приспособленій, то и въ этомъ отношеніи теперь университеты ушли далеко впередъ. «Въ наше время,—сказалъ Н. И.:—серьезно толко-

вали о томъ, что анатомію можно изучать на картинкахъ, а операціи дѣлались не на трупахъ, а на мылѣ, брюквѣ и рѣдькѣ. Я самъ,—заявилъ знаменитый хирургъ:—кончая курсъ въ университетѣ, не сдѣлалъ ни одной операціи на трупѣ. Точно также, сравнивая прежнее положеніе военно-полевой медицины съ теперешнимъ, находимъ въ послѣдней значительное улучшеніе». А въ какомъ положеніи находится общежитейская, нравственная правда? И въ этомъ отношеніи юбиляръ находилъ нѣкоторый прогрессъ, несмотря на нѣкоторыя потрясающія событія послѣдняго времени. Недостатокъ нравственной правды у насъ чувствовался и прежде и теперь. Объясненія этого явленія слѣдуетъ искать въ отдаленномъ прошломъ, въ условіяхъ нашего воспитанія. «Насъ не учили,—говорилъ Н. И.:—что слѣдуетъ относиться, какъ къ святынѣ, къ обще-человѣческимъ идеаламъ; намъ не внушали уважать нравственное человѣческое достоинство. Мы уважали и почитали, но это уваженіе было чисто-внѣшнее уваженіе: оно основывалось на страхѣ, не на томъ страхѣ, который священное писаніе называетъ началомъ премудрости, а страхѣ предъ силою...» Чтобы иллюстрировать свою мысль, маститый юбиляръ припомнилъ изъ трагедіи Шекспира «Буря» образы Калибана, олицетвореніе грубой силы, и Просперо, олицетвореніе просвѣтляющей силы разума. Всякій разъ, когда Просперо вліяетъ на Калибана, послѣдній держится въ должныхъ предѣлахъ, а иначе онъ проявляетъ свое разрушительное дѣйствіе... «Начала эти,—сказалъ Н. И.:—я имѣлъ въ виду положить въ основу своей педагогической дѣятельности, но, къ сожалѣнію, она продолжалась недолго».

«Но пессимисты,—продолжалъ Н. И.:—будутъ оспаривать справедливость моего мнѣнія объ улучшеніи нравственной правды ссылкою на современныя печальныя событія. На это я отвѣчу: буруны неизбѣжны и въ исторической жизни и вообще во вселенной, но они не могутъ нарушать вѣчныхъ законовъ нормальной жизни. Въ данномъ случаѣ должно примѣняться старое, испытанное медицинское правило: «contraria contrariis curantur», а не правило гомеопатовъ: «similia similibus curantur».

На другой день въ московскомъ благородномъ собраніи былъ данъ обѣдъ въ честь Пирогова. На обѣдѣ было около 300 человѣкъ. Послѣ обычныхъ тостовъ, ректоръ университета, профессоръ Тихонравовъ, произнесъ рѣчь, предметомъ которой служилъ университетскій вопросъ. Обращаясь къ Н. И. Пирогову, г. Тихонравовъ сказалъ:

«Вы, первый спеціалистъ по этому вопросу, подходили къ нему съ полнымъ сознаніемъ его важности, безъ заднихъ мыслей, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что законъ долженъ заниматься не врачеваніемъ временныхъ недостатковъ, а созиданіемъ добра. Вы

указали идеалы университетской жизни; вы говорили, что пока профессорская должность составляетъ стадію іерархической лѣстницы, до тѣхъ поръ университетъ будетъ носить характеръ присутственнаго мѣста. Университетъ, по вашимъ словамъ, долженъ быть учрежденіемъ чисто-научнымъ и вполнѣ свободнымъ — учрежденіемъ, пользующимся полною автономіей. «Поступитесь вашимъ служебнымъ положеніемъ,—говорили вы профессорамъ:—пожертвуйте тѣмъ, что дается зависимостью положенія, и вы получите полную свободу мысли и слова». Такія же возвышенныя мысли высказывали вы по отношенію къ студентамъ. Если вы даже за родителями не признавали права предрѣшать карьеру ребенка, то воззрѣнія ваши на студенчество отличались еще большею широтой и гуманностью. Провозглашаю тостъ: за человѣка, громко провозгласившаго идеалъ университетскаго устройства!»

Н. И. Пироговъ отвѣчалъ слѣдующею рѣчью:

«Пить за здоровье—значитъ желать здоровья; но это пониманіе вульгарное. Тостъ имѣетъ и другое значеніе: пожеланіе предохраненія отъ болѣзни. Такое пожеланіе особенно умѣстно и необходимо въ отношеніи насъ, нашего поколѣнія: нужно пожелать, чтобъ мы были предохранены отъ болѣзни, господствующей во всемъ образованномъ мірѣ. Болѣзнь эта—такъ-называемая «міровая скорбь», Weltschmerz. Всѣ страдаютъ этою болѣзнью—и молодежь и взрослые; объ этой болѣзни въ мое время ничего не знали, но не слѣдуетъ забывать, что въ ней есть и отрадная сторона: это — сочувствіе къ горю ближняго, возвышеніе надъ эгоистическими стремленіями. Эта болѣзнь міровой скорби нешуточная, и лѣченіе ея трудно; но я высказываю убѣжденіе, что тутъ возможно лѣченіе только по правилу: «contraria contrariis curantur». Не могу доказать своего взгляда данными болѣе или менѣе продолжительнаго опыта, но, по личнымъ соображеніямъ, считаю себя вправѣ утверждать это, потому что въ болѣзни есть и сторона благодѣтельная. Нельзя въ больномъ человѣческомъ организмѣ—особенно незрѣломъ—безпощадно отрѣзывать то, что близко сердцу. Пожелаемъ же, чтобъ насъ миновала эта болѣзнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ пожелаемъ, чтобъ врачующіе ее, уничтожая болѣзнь, не разстроили самого организма».

Много еще говорилось рѣчей на обѣдѣ. Онѣ были завершены слѣдующимъ тостомъ юбиляра: «Какъ человѣкъ прошедшаго, минуя мимолетное настоящее, пью за свѣтлое будущее».

Съ этими словами Пироговъ вышелъ изъ залы... На третій день онъ уѣхалъ въ свою деревню.

Въ заключеніе приведу слѣдующую выдержку изъ одной газетной статьи, написанной по поводу юбилея:

«Если бы судьба устроила такъ, что Николаю Ивановичу привелось бы увидать свѣтъ, жить и дѣйствовать — не въ Россіи, а

гдѣ-нибудь на Западѣ, то, по всей вѣроятности, ему пришлось бы доживать свой вѣкъ нѣсколько въ иной обстановкѣ, чѣмъ теперь. Если бы театромъ его дѣятельности была, напримѣръ, Франція, Англія, Италія или Австрія, то, навѣрное, общество не игнорировало бы знаній, ума, опытности, заслугъ, жажды къ труду, свѣтлыхъ идей и благородныхъ стремленій подобнаго человѣка. Тамъ бы позаботились о томъ, чтобы дать ему возможность широкой и плодотворной дѣятельности, воспользовались бы въ полной мѣрѣ тѣми умственными и нравственными силами, которыя могли бы получить полезное общественное приложеніе. Такія личности, какъ Н. И. Пироговъ, совмѣщающія въ себѣ научный геній съ прямотою характера и съ отзывчивостью на текущія нужды общества, и на Западѣ составляютъ исключеніе; у насъ же они являются одинокими путеводными огоньками, изрѣдка только озаряющими своимъ свѣтомъ скудную почву нашей обыденной посредственности».

Въ сумасшедшемъ домѣ.

I.

На-дняхъ я получилъ отъ одного знакомаго врача-психіатра записку съ предложеніемъ посѣтить сумасшедшій домъ.

Докторъ, между прочимъ, писалъ:

«Вы увидите довольно интересныхъ субъектовъ, попавшихъ къ намъ благодаря сильно развитой подражательности и невозможности приложить къ дѣлу своихъ idées fixes, вслѣдствіе разницы соціальнаго положенія этихъ больныхъ съ тѣми «здоровыми», подражаніе которымъ и привело несчастныхъ въ домъ умалишенныхъ. Вы знаете взгляды психіатровъ на заразительность помѣшательства. Въ наше время, когда различныя формы этой болѣзни, начиная отъ остраго вида бѣшенства и кончая тупымъ идіотизмомъ, грозятъ, повидимому, обратиться въ эпидемію, — наблюденіе надъ проявленіями безумія въ его крайней формѣ можетъ служить, по моему крайнему разумѣнію, цѣннымъ и характернымъ матеріаломъ для изученія явленій общественнаго характера, такъ какъ несомнѣнно, что характеръ помѣшательства находится въ непосредственной зависимости отъ даннаго общественнаго настроенія.

«Больные, попадающіе на попеченіе психіатровъ, собственно говоря, суть крайніе показатели того безумія, которое, дѣйствуя свободно и безъ наблюденія психіатровъ, часто считается непонимающими людьми не только нормальнымъ отправленіемъ человѣческой воли, но даже высшимъ проявленіемъ человѣческой мудрости. Особенно это бываетъ въ такія времена, когда эпидемическое помѣшательство охватываетъ цѣлыя группы, и никто изъ охваченныхъ имъ,

конечно, и не подозрѣваетъ, что онъ, по чести говоря, не дѣлается квартирантомъ сумасшедшаго дома потому только, что эпидемія безумія охватываетъ такой большой районъ, въ которомъ меньшинство—здоровые считаются безумными, а безумные, напротивъ, здоровыми, призванными къ оздоровленію общества...

«Если я напомню вамъ Нерона и Поприщина—этихъ двухъ характерныхъ безумцевъ: одного—свободно дѣйствовавшаго, другого—посаженнаго въ сумасшедшій домъ,—то, надѣюсь, достаточно иллюстрирую свою мысль о необходимости наблюдать явленія общественной жизни на душевно-больныхъ и заставлю васъ воспользоваться моимъ приглашеніемъ. Надѣюсь, посѣщеніе сумасшедшаго дома наведетъ васъ на болѣе здоровыя мысли, чѣмъ наблюденіе такъ-называемыхъ «здоровыхъ людей».

Нечего и говорить, что я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе психіатра и рано на другой день ѣхалъ въ больницу душевнобольныхъ вмѣстѣ съ обязательнымъ чичероне-докторомъ. Вѣроятно, отъ слишкомъ частаго общенія съ сумасшедшими, онъ и самъ, казалось мнѣ, былъ нѣсколько «тронутъ» со своей idée fixe о повальномъ людскомъ безуміи. Эту мысль онъ развивалъ передо мной всю дорогу, не безъ остроумія доказывая, что въ настоящее время необходимѣе всего позаботиться (и какъ можно скорѣе) постройкой сумасшедшихъ домовъ въ возможно большемъ количествѣ. По словамъ доктора, эти пріюты были бы самымъ подходящимъ мѣстомъ для очень многихъ...

Въ числѣ этихъ многихъ, которымъ почтенный докторъ отводилъ такое непріятное «мѣсто въ природѣ» — были не только разные господа Поприщины, не освидѣтельствованные еще врачами, но даже и такія особы, какъ М. Н. Катковъ. Это заставило меня посовѣтовать спутнику быть осторожнѣе въ своихъ психіатрическихъ парадоксахъ и напомнить слова его же письма объ эпидемическомъ безуміи...

— Роли могутъ перемѣниться!—прибавилъ я.

— Вы хотите сказать, что меня могутъ посадить въ сумасшедшій домъ?

— Именно.

— Эка, чѣмъ испугали!—со смѣхомъ воскликнулъ докторъ.—Да развѣ теперь мы живемъ не въ сумасшедшемъ домѣ гигантскихъ размѣровъ, съ тою только разницей, что не догадываемся объ этомъ, не пользуемся совѣтами психіатровъ и не защищены отъ проявленій безумія, какъ тамъ, куда мы съ вами ѣдемъ... Тамъ, по крайней мѣрѣ, люди живутъ до извѣстной степени спокойнѣй... Право, тамъ ничѣмъ не хуже... Лучше даже... Тамъ нѣтъ этого лицемѣрія «здоровыхъ» людей... Тамъ безуміе въ болѣе чистомъ видѣ, но зато оно и вредитъ меньше...

И неисправимый докторъ сталъ пѣть панегирикъ сумасшедшимъ, считая ихъ, по сравненію съ «здоровыми безумцами», агнцами кротости и образцами добродѣтели и ума. Онъ съ большимъ одушевленіемъ развивалъ эту мысль, приводя массу примѣровъ, пока наконецъ мы не подъѣхали къ большому зданію на девятой верстѣ.

II.

Если вамъ, читатель, случалось посѣщать сумасшедшій домъ, вы, вѣроятно, испытывали тяжелое, гнетущее, нѣсколько боязливое впечатлѣніе, охватывающее человѣка, внезапно очутившагося среди душевно-больныхъ. Въ большой залѣ, куда мы вошли съ докторомъ, ихъ было много; одни сидѣли за работой, за чтеніемъ; другіе прогуливались по залѣ, третьи играли въ шахматы, въ домино; четвертые шумно разговаривали между собой. Съ перваго бѣглаго взгляда всѣ эти люди кажутся совершенно здоровыми; но чѣмъ пристальнѣе вглядываетесь вы въ выраженіе этихъ лицъ, когда вы почувствуете на себѣ эти странные, то бѣгающіе, то неподвижно устремленные, задумчивые, тупые взгляды, вы сразу увидите нѣчто такое, что̀ заставляетъ подозрѣвать ненормальность...

Когда я сообщилъ это первое свое впечатлѣніе доктору, онъ замѣтилъ:

— Ваше впечатлѣніе преувеличено; вамъ такъ кажется, потому что вы знаете, гдѣ находитесь. Тѣ же самыя лица, при встрѣчѣ съ ними на улицѣ, въ департаментѣ, въ театрѣ, не поразили бы васъ. Разумѣется, я говорю о болѣе спокойныхъ формахъ помѣшательства. Впрочемъ, и острыя формы легко вводятъ въ заблужденіе... И въ какое еще заблужденіе! Исторія представляетъ немало примѣровъ, когда злѣйшія формы остраго помѣшательства считали нормальнымъ явленіемъ... Мало того, поклонялись ему, какъ проявленію высшей силы, и поклонялись тѣмъ болѣе, чѣмъ нелѣпѣе она проявлялась... И потомъ только догадывались, что имѣли дѣло съ безуміемъ, не встрѣчавшимъ противодѣйствія и не знавшимъ попеченія психіатровъ... Да вотъ хоть вчерашняя телеграмма изъ Мандалая, сообщающая, что король приказалъ умертвить свою сестру, вторую королеву, государственнаго казначея и пятьдесятъ человѣкъ ихъ родственниковъ. Мы видимъ въ этомъ фактѣ жестокость, граничащую съ безуміемъ, а въ Мандалаѣ тотъ же фактъ, пожалуй, дикарями считается проявленіемъ государственной мудрости... Вотъ и соображайте насчетъ здоровыхъ и больныхъ... Право, отличить умственно-здороваго отъ больного не такъ легко, какъ кажется... Да вотъ вамъ экзаменъ,—прибавилъ докторъ, здороваясь съ подошедшимъ къ нему господиномъ.—Какъ вы думаете,—шепнулъ онъ:—сумасшедшій это или нѣтъ?

Я взглянулъ на блѣднаго высокаго господина съ необыкновенно проницательными, упорными глазами и безъ запинки тихо отвѣчалъ:

— Разумѣется.

— Ну, поздравляю васъ!—разсмѣялся докторъ и тутъ же познакомилъ меня съ своимъ коллегой, извѣстнымъ психіатромъ. — Видите ли, какъ легко ошибиться, — продолжалъ мой чичероне, направляясь со мной по коридору, по бокамъ котораго были расположены комнаты.—Ну, а вотъ этотъ?—указалъ онъ мнѣ на пожилого господина, приближавшагося къ намъ навстрѣчу, съ портфелемъ въ рукахъ и съ такой канцелярско-казенной геморроидальной физіономіей, что я принялъ этого господина за чиновника, служащаго при больницѣ, и, внимательно оглядѣвъ его, отвѣчалъ:

— Конечно, здоровый.

— Вотъ и ошиблись—это больной!—тихо проговорилъ докторъ и прибавилъ:—и очень интересный больной, недавно къ намъ поступившій... У него честолюбивое помѣшательство... Онъ воображаетъ себя государственнымъ дѣятелемъ, уволеннымъ по разстроенному здоровью отъ дѣлъ... Ну, а развѣ похожъ онъ на сумасшедшаго съ перваго взгляда?.. А между тѣмъ неизлѣчимый! — прибавилъ докторъ.—Поговорите-ка съ нимъ.

Поровнявшись съ нами, господинъ еще выше приподнялъ свою четырехугольную, коротко остриженную голову, оттопырилъ слегка нижнюю губу съ видомъ необыкновенной важности и, взглянувъ на насъ надменно, словно удивился, что мы не кланяемся.

Докторъ низко поклонился. Тогда сумасшедшій пріостановился; его лицо освѣтилось привѣтливой улыбкой. Онъ протянулъ руку доктору.

— Прошу прощенія, сегодня принять васъ не имѣю времени... Ѣду съ докладомъ!.. — проговорилъ онъ. При этихъ словахъ лицо его приняло выраженіе какой-то необычайно торжественной глупости.

Тутъ только я замѣтилъ, что подъ отворотомъ вицмундира у бѣдняги была бумажная звѣзда, а на груди подъ галстукомъ болтался крестъ изъ цвѣтного картона...

Проговоривъ эти слова, больной искоса взглянулъ на меня.

— Позвольте представить вашему превосходительству,—началъ докторъ:—моего хорошаго знакомаго...

— Въ какомъ вѣдомствѣ изволите служить?

— Я нигдѣ не служу, ваше превосходительство.

— Гмъ... Нигдѣ не служите... Быть-можетъ, по выборамъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство!

— Чѣмъ же изволите заниматься?

Я имѣлъ неосторожность упомянуть о родѣ моихъ занятій, и

нужно было видѣть, какая презрительная гримаса искривила лицо безумнаго въ первое мгновеніе... Онъ брезгливо отступилъ шагъ назадъ, словно бы я сказалъ, что занимаюсь поддѣлкой кредитныхъ билетовъ или хищеніемъ въ таможенномъ вѣдомствѣ.

— Очень жаль, очень жаль, молодой человѣкъ,—строго проговорилъ онъ:—что вы занимаетесь такимъ дѣломъ. Ибо что̀ такое наша литература, какъ не сплошной пашквиль, какъ не главный виновникъ всеобщаго поврежденія нравовъ? Апостолъ Павелъ сказалъ: «Только станетъ смеркаться немножко, буду ждать, не вздрогнетъ ли звонокъ»... Что̀ означаютъ сіи слова апостола?.. Какой звонокъ?! Очевидно, электрическій звонъ дьявола... Не стану, сударь, входить въ подробности, но замѣчу, что литература наша есть звонъ срама и позора Россіи... Одна только и есть литература: «Московскія Вѣдомости» да рукописныя поэмы Баркова, которыя счастливо выдѣляются отъ остальной. А прочая?.. Нечего сказать, нашли занятіе! Пре-вос-ход-ное! Бла-го-род-ное! Отчего не служите? Въ подозрѣніи?

И, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

— Необходимо служить, если хотите приносить пользу отечеству, получить Станислава въ петлицу и не быть въ постоянной готовности къ совершенію кругосвѣтнаго плаванія! Буде вы усердны, исполнительны и достаточно проницательны для надлежащаго пониманія распоряженій начальства, то я могъ бы съ своей стороны рекомендовать васъ, сударь. Васъ употребили бы на пользу отечества. Со временемъ вы могли бы...

Вдругъ онъ оборвалъ свою безумную рѣчь, отступилъ шага два назадъ, осѣнилъ себя крестомъ и проговорилъ:

— Дайте срокъ, братіе... Дайте срокъ, братіе... Я все это съ помощью угодниковъ прикончу... Тяжела борьба, но вспомните архистратига Михаила, побѣдившаго змія. Тяжкое бремя подъялъ я на свои рамена, но тѣмъ болѣе будетъ чести титулярному совѣтнику, въ званіи легата св. Меѳодія, Авессалому Просвирнѣ, когда онъ безшумно раздавитъ чудовищную гидру невѣрія, хищенія и общаго нравовъ растлѣнія. Я говорилъ тамъ на засѣданіи, — презрительно указалъ онъ на комнату напротивъ, черезъ полуотворенную дверь которой я увидалъ ванную и нѣсколькихъ служителей сумасшедшаго дома:—я говорилъ имъ, но вотще; свѣтъ истины не прошибъ эти плѣшивые лбы, и вліяніе уфимской прельстительницы Иродіады слишкомъ проникло все сладострастное естество этихъ мужей совѣта, господъ сенаторовъ, на прямой обязанности которыхъ лежитъ пріуготовленіе ваннъ и душей обывателямъ... Они съ нигилистическимъ невѣріемъ лишь поматывали своими главами, занятыми помыслами о лѣсахъ, угодіяхъ и тому подобныхъ плотскихъ похотяхъ, и отвергли мой меморандумъ большинствомъ двухъ голо-

совъ противъ пятнадцати... Но я упоренъ, какъ истинный семинаристъ, прошедшій сквозь чистилище философіи и гомилетики... Я не отступлю, пока не расточатся «врази Его».

Безумный говорилъ съ яростнымъ воодушевленіемъ. Яркая краска покрыла его желтыя мертвенныя щеки; расширенныя ноздри вздрагивали; глаза блестѣли. Мой пріятель-докторъ все время внимательно наблюдалъ за нимъ, не спуская съ него глазъ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Казалось, больной нѣсколько успокоился...

— Чувствуете ли вы въ себѣ присутствіе благодати? — вдругъ неожиданно спросилъ онъ, вынимая изъ портфеля большой листъ бумаги, исписанный крупнымъ, канцелярскимъ почеркомъ.

— Чувствуемъ, ваше превосходительство...

— Такъ взгляните на это откровеніе, благодаря коему гидра исчезнетъ, какъ дьявольское навожденіе...

Онъ развернулъ листъ и подалъ его мнѣ. Въ началѣ листа было крупными буквами изображено:

ПРОЖЕКТОРІУМЪ

или

Мысли о состояніи Россіи

въ связи

СЪ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬЮ ДУХА ПРЕЖНИХЪ ПРАВИТЕЛЕЙ

(Отъ Гостомысла до титулярнаго совѣтника включительно).

Въ видѣ эпиграфовъ были слѣдующія цитаты:

«Искони бѣ титулярный совѣтникъ пребывалъ на Руси».

(Несторъ).

«Того ради, чтобы государство было внутрѣ своемъ тихо и спокойно, необходимо, чтобы подданные паки и паки трепетали, чтили Бога и заповѣдь Его и поставленныхъ Божественнымъ Промысломъ исправниковъ и становыхъ. Инако можетъ приключиться государству великое смятеніе, какъ о томъ свидѣтельствуетъ пророчество апостола Павла: «Только станетъ смеркаться немножко».

(Изъ рѣчи титулярнаго совѣтника и легата Авессалома Просвирни, произнесенной въ честь надворной совѣтницы Маріи Магдалиновой въ 5 улицѣ на Пескахъ).

«Экономическое ношеніе подметокъ и сбереженіе подкладки отъ излишняго и пагубнаго оной тренія—суть основанія богатства народнаго».

(Адамъ Смитъ).

«Дерзни и дастся Ти».

(Философъ XVI столѣтія Козьма Прутковъ).

— Двояко разсудить надлежитъ: предстоитъ ли умовъ потемнѣніе или оныхъ просвѣтлѣніе,—сказалъ штабсъ-ротмистръ Лоринъ.

— Все сіе зависитъ отъ возвеличенія компетенціи градоначальниковъ! — отвѣтствовалъ градоначальникъ, въ основательную задумчивость впадая, но безъ бифуркаціи ума.

(Графъ Валуевъ).

Вслѣдъ за эпиграфами былъ нарисованъ довольно приличныхъ размѣровъ дьяволъ, очевидно, однимъ изъ художниковъ, пребывающихъ, какъ и авторъ «прожекторіума», въ домѣ умалишенныхъ. Я дѣлаю такое предположеніе на томъ основаніи, что дьяволъ на листѣ изображенъ былъ въ образѣ женщины, но въ генеральскомъ мундирѣ, въ орденахъ и съ лентой,—съ рогами, хвостомъ и руками, въ видѣ заостренныхъ вилъ; въ одной рукѣ у дьявола изъ-подъ полы высовывалось большихъ размѣровъ блюдо съ крошечной «севрюжкой» подъ хрѣномъ; на кромкѣ этого блюда прыгали маленькіе чертенята, а одинъ изъ нихъ, колѣнопреклоненный, протягивалъ ручку къ дьяволу съ адресомъ, на которомъ было написано: «Се свѣтъ идетъ съ Востока!». Физіономія этого колѣнопреклоненнаго дьяволенка удивительно напоминала лицо г. Суворина. Что же касается до физіономіи самого дьявола, то оно, очевидно, имѣло типичный характеръ лицъ восточныхъ человѣковъ: курчавые волосы, носъ крючкомъ и низкій лобъ; необыкновенно коварная улыбка играла на устахъ этого произведенія сумасшедшей фантазіи.

Внизу была слѣдующая надпись:

«Прельстительный Антихристъ, явившійся въ святую Русь согласно пророчествамъ».

Подъ этой надписью было изображено:

«Въ 4525 годъ отъ Рождества Христова погибнетъ отъ рукъ титулярнаго совѣтника Просвирни и иныхъ совѣтниковъ».

Далѣе карандашомъ были приписаны слѣдующія строки: «Семнадцать тысячъ содержанія, казенная квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, дача безмездно и содѣйствовательная купля участка въ странѣ папистовъ... Полагаю, и экономно и прилично... Справка: Прежде за услуги брали невпримѣръ дороже. Такъ, аглицкій министръ Кексъ за прожекторіумъ былъ награжденъ званіемъ баронета и пенсіей въ 2.500 фунтовъ пожизненно».

Мы не успѣли еще налюбоваться вдоволь этимъ рисункомъ и подписями, какъ больной взялъ отъ насъ свой «Прожекторіумъ» и тихимъ, шипящимъ голосомъ началъ читать вслухъ слѣдующій непосредственно за изображеніемъ дьявола текстъ.

Я списалъ впослѣдствіи этотъ документъ. Вотъ онъ въ буквальной точности:

Для благоденствія и полнаго счастья всякой имперіи надлежитъ:

1) Обязать всѣхъ жителей имперіи трепетать непрерывно, для чего исправникамъ не щадить живота своего, а жителямъ содѣйствовать исправникамъ.

2) Для поднятія духа, утеряннаго со времени водворенія дьявола, назначить читать на площадяхъ въ извѣстные дни, по соглашенію съ подлежащими министрами, «Московскія Вѣдомости»,

3) Всѣмъ жителямъ остричь волосы подъ гребенку, но бороды запустить. Въ публичныхъ мѣстахъ быть въ полной парадной формѣ, т. е. вовсе безъ костюма, дабы наблюдать невинность другъ друга относительно измѣны.

4) Въ видѣ временной мѣры, на двадцать лѣтъ, изданіе газетъ и журналовъ воспретить, за исключеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей», распространеніе коихъ возложить на подлежащія вѣдомства.

5) Усилить потенцію градоначальниковъ, исправниковъ и становыхъ, при чемъ присвоить наименованія: первымъ — воеводъ, вторымъ — рындъ и третьимъ — опричниковъ, памятованія ради доброй старины.

6) Для непосредственнаго сообщенія съ добрымъ нашимъ народомъ еженедѣльно вывозить изъ каждой губерніи по три пары добронравныхъ мужиковъ. По сведеніи ихъ въ бани и по пригонкѣ имъ приличныхъ кафтановъ представлять ихъ при частныхъ приставахъ начальствующимъ лицамъ, на конецъ узнанія ихъ нуждъ, буде нужды эти заслуживаютъ уваженія. Расходы по сему предмету возложить на земства.

7) Всѣ иностранныя слова женскаго рода изъ употребленія изъять и по воскреснымъ днямъ предавать ихъ анаѳемѣ.

8) Для ускоренія правосудія сократить сроки дѣлопроизводства до 24 часовъ.

9) Выѣздъ за границу воспретить.

10) Всѣмъ носить русское платье и мазать по воскреснымъ днямъ волосы деревяннымъ масломъ. Студентамъ и студенткамъ носить особаго покроя хламиды и позже девяти часовъ изъ квартиръ не отлучаться.

11) Въ видахъ искорененія хищенія и водворенія бережливости, воспретить ношеніе шелковъ, парчи, бархата и дорого стоящихъ суконъ. Преимущественно обратить вниманіе на подкладку платьевъ. Оныя дѣлать изъ сермяжной ткани и въ крайнихъ случаяхъ изъ ластика или стамеда.

12) По субботамъ ходить въ баню и непремѣнно париться. Наблюденіе за симъ поручить свѣдущимъ людямъ по окончаніи ими своихъ занятій.

13) «Севрюжины съ хрѣномъ» не ѣсть никому. Всю изловленную севрюгу отправлять за крѣпкимъ карауломъ на иновѣрческую границу.

14) Всѣхъ иновѣрныхъ жителей имперіи въ 24 часа обратить въ православіе. Несогласныхъ—высылать за предѣлы имперіи.

15) Университеты закрыть. Свободную отъ службы интеллигенцію употребить на колонизацію Мурманскаго берега, Сахалина и Якутской области, съ воспособленіемъ отъ правительства.

16) Для огражденія землевладѣльцевъ—съ одной стороны, и для поднятія матеріальнаго благосостоянія сельскаго населенія—съ другой,

а равно для изысканія способовъ уменьшенія податей безъ ослабленія однако же государственныхъ доходовъ—образовать комиссію подъ предводительствомъ героя романа графа Валуева, штабъ-ротмистра Лорина. Сей достойный офицеръ и герой новаго романа устроитъ все къ наилучшему благополучію.

17) За неисполненіе, осмѣяніе или неодобреніе всего вышеизложеннаго виновныхъ заточать въ сумасшедшіе дома, предварительно наказавъ розгами безъ различія сословій, для пріученія жителей къ мысли о равенствѣ всѣхъ передъ властью.

18) Все сіе вѣрно, ибо продиктовано титулярному совѣтнику Авессалому Просвирнѣ непосредственно съ того свѣта блаженныя памяти Каракаллой, извѣстнымъ спиритомъ и государственнымъ мужемъ. Посему было бы недостойнымъ сомнѣваться, что лица, желающія внять симъ благомудреннымъ представленіямъ,—могутъ быть спокойны за благоденствіе любезнаго отечества. Правда водворится, зло исчезнетъ, хищеніе прекратится, и единеніе съ народомъ свершится безъ недоразумѣній.

Когда безумный кончилъ, то пристально посмотрѣлъ на насъ и произнесъ:

— Нравится?

— Очень, ваше превосходительство...

— Я не сомнѣвался въ томъ, господа...

И съ этими словами бѣдняга величественно кивнулъ намъ головой и пошелъ далѣе, увѣряя, что онъ куда-то торопится. Мы видѣли, какъ онъ вошелъ въ общую залу и, кивая по сторонамъ съ видомъ скромнаго величія, пробрался въ уголъ, гдѣ на диванѣ, задумчивый и одинокій, сидѣлъ одинъ изъ старыхъ обитателей сумасшедшаго дома, считавшій себя, какъ пояснилъ докторъ, королемъ Сандвичевыхъ острововъ.

— Какъ попалъ сюда безумецъ, только-что читавшій свой прожекторіумъ? Кто онъ?—спросилъ я доктора.

— Изъ чиновниковъ, титулярный совѣтникъ Просвирня; служилъ гдѣ-то помощникомъ столоначальника, но, какъ видите, страдалъ честолюбіемъ... Оно-то и привело его въ сумасшедшій домъ. Изъ разспросовъ близкихъ къ нему людей я узналъ, что онъ давно тянулъ лямку, былъ усерднымъ, исполнительнымъ чиновникомъ, способностями не отличался, напротивъ, былъ даже туповатъ... Характеръ у него, по словамъ знавшихъ его людей, былъ всегда подозрительный, скрытный; онъ чуждался людей и постоянно подозрѣвалъ, что противъ него интригуютъ... До послѣдняго времени никто не замѣчалъ въ немъ душевной болѣзни, но, когда его назначили архиваріусомъ, онъ однажды явился на службу и при всемъ собраніи сталъ читать проповѣдь на текстъ извѣстной пѣсенки: «Только станетъ смеркаться немножко», увѣряя, что это слова апостола

Павла... Кромѣ того, онъ во что бы то ни стало хотѣлъ спасти Россію и, вообразивъ себя однимъ изъ спасителей, сталъ сочинять проекты и представлять ихъ разнымъ лицамъ. На бѣду одинъ изъ его проектовъ былъ напечатанъ въ «Моск. Вѣд.»; тогда онъ окончательно свихнулся... На этомъ больномъ тоже сказалось вліяніе подражательности.

— Какая форма сумасшествія?

— Безнадежный идіотизмъ!

— И нѣтъ надежды, что онъ поправится?

— Едва ли. Теперь я васъ поведу къ другому, тоже интересному больному, на которомъ подражательность проявляется въ еще болѣе рѣзкой формѣ... Этотъ больной, человѣкъ еще молодой, веселый сангвиникъ и величайшій эгоистъ, доставленъ къ намъ недавно... Онъ воображаетъ себя Бонапартомъ.

— Вѣроятно, изъ военныхъ?

— Да... Бывшій юнкеръ. Говорятъ, очень способный былъ молодой человѣкъ, но подите—свихнулся совсѣмъ!—прибавилъ докторъ, подводя меня къ дверямъ запертой комнаты.

— Развѣ у него опасная форма сумасшествія, что его запираютъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не опасная; по временамъ, правда, съ нимъ бываютъ припадки бѣшенства, но это случается рѣдко... Держимъ мы его взаперти только по утрамъ, когда онъ занимается своими военными дѣлами... Иначе—если пустить его въ общую залу—всѣ больные, пожалуй, стали бы подражать ему... Нѣкоторыя формы вѣдь заразительны. Впрочемъ, онъ не одинъ... При немъ есть двое больныхъ, страдающихъ также, какъ и «Бонапартъ», маніей славы...

Съ этими словами докторъ повернулъ въ замкѣ неслышно ключъ; мы тихо вошли въ большую, свѣтлую комнату и остановились у дверей...

III.

Я увидалъ трехъ молодыхъ людей въ больничныхъ халатахъ, съ самымъ серьезнымъ видомъ галопирующихъ въ большой комнатѣ. Впереди скакалъ, склонивъ чуть-чуть на-бокъ голову, тотъ самый юнкеръ, который считалъ себя «Бонапартомъ», а нѣсколько поодаль двое другихъ умалишенныхъ. Они такъ были заняты своими военными упражненіями, что не обратили ни малѣйшаго вниманія на наше присутствіе и продолжали скакать, дѣлая разныя построенія и эволюціи по командѣ своего «генерала», высокаго, стройнаго, черняваго мужчины въ бѣлоснѣжномъ фланелевомъ халатѣ, поверхъ котораго болталась маленькая игрушечная сабля. Грудь его блестѣла множествомъ разноцвѣтныхъ звѣздъ и крестовъ, сдѣланныхъ изъ фольги и цвѣтной бумаги; на головѣ былъ надѣтъ, нѣсколько на-

бекрень, бѣлый колпакъ, украшенный разноцвѣтными перьями. Двое другихъ были въ сѣрыхъ халатахъ и въ бѣлыхъ колпакахъ, но безъ перьевъ, одинъ—красивый молодой человѣкъ, другой—приземистый, коренастый брюнетъ.

Я съ чувствомъ сожалѣнія смотрѣлъ на этихъ взрослыхъ людей, занимавшихся съ такой невозмутимой серьезностью дѣтской забавой. Потъ лилъ градомъ съ ихъ лицъ, а они все-таки продолжали скакать, перемѣняя по командѣ «генерала» аллюры.

— Это они дѣлаютъ военную прогулку. «Генералъ» каждое утро донимаетъ ихъ, но мы не препятствуемъ; моціонъ очень полезенъ для больныхъ,—объяснилъ мнѣ докторъ, замѣтивъ изумленіе на моемъ лицѣ.

Наконецъ раздалась команда: «стой». «Генералъ» сдѣлалъ видъ, что слѣзаетъ съ лошади; то же движеніе повторили и остальные.

— Господа!—началъ онъ, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ:—на сегодня довольно. Я усталъ... Теперь присядьте и слушайте, что скажетъ вамъ генералъ Бонапартъ.

Всѣ сѣли на полу.

— Ну да... Они мнѣ не вѣрятъ... Думаютъ, что я юнкеръ (онъ засмѣялся). Они и не подозрѣваютъ, что я бѣжалъ съ острова Св. Елены и инкогнито поступилъ на службу... Но теперь, кажется, прозрѣли и пригласили меня сюда командовать арміей... Безъ меня не обойдутся... Я всѣми своими войнами доказалъ имъ, каковъ я... Если-бъ не каналья Блюхеръ, то союзники и до сихъ поръ ловили бы меня, пока сами бы не перегрызлись... Какъ вы думаете, есть ли еще другой полководецъ?.. Положимъ, говорятъ про Рябчикова, будто онъ Бонапартъ... Что-жъ, я не спорю... Онъ способный...

— Генералъ... Это клевета... Рябчиковъ, такъ сказать, исполнитель... У него нѣтъ военнаго генія... Онъ не знаетъ солдата, какъ вы, генералъ,—проговорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Ты думаешь?—И съ этими словами «генералъ» ущипнулъ за ухо собесѣдника и продолжалъ:—Да, я знаю солдата... Русскіе солдаты превосходные солдаты, не хуже моихъ, которыхъ я водилъ къ побѣдамъ подъ Аустерлицемъ, Маренго, Бородинымъ... Они не жалѣютъ своего мяса, не то что эти торгаши-англичане... И съ ними легко ладить... Право, это не такая трудная вещь, господа, какъ думаютъ, быть великимъ генераломъ... Надо только врать, какъ сивый меринъ, не жалѣть пушечнаго мяса и не бояться огня... Я, видите, говорю откровенно... Мои записки, писанныя на Св. Еленѣ, не совсѣмъ вѣрны!.. Ихъ сочинилъ мой другъ Немировичъ-Данченко... Онъ состоялъ тогда при мнѣ и писалъ корреспонденціи въ «Новое Время»... Ну, разумѣется, не обошлось безъ преувеличеній...

«Генералъ» остановился на минуту, фамильярно потрепалъ по животу коренастаго брюнета и продолжалъ:

— А скучно безъ дѣла?

— Скучно, генералъ.

— Хочешь въ полковники?.. Ха-ха-ха... Не унывай, война будетъ... Я устрою войну... Россіи война необходима. Она очиститъ атмосферу, отвлечетъ отъ внутреннихъ вопросовъ и подниметъ народный духъ... Съ кѣмъ воевать—все равно, хотя бы пришлось воевать со своими же гражданами... Солдату разсуждать не приходится. По секрету скажу вамъ, что сегодня же ночью я объявляю войну... Очень ужъ меня безпокоитъ этотъ бестія-докторъ, который ежедневно надоѣдаетъ мнѣ вопросами о здоровьѣ... Положимъ, онъ мой домашній докторъ, но все-таки походитъ на нѣмца... Вы, господа, смотрите, не проболтайтесь, а я имѣю планъ, превосходный планъ, атаки крѣпости, въ которой мы находимся... Зачѣмъ эта скотина-докторъ не пускаетъ меня въ Европу, гдѣ собирается такъ много публики и гдѣ я произвожу такой эффектъ?..

— Это онъ Европой называетъ общую залу!—шепнулъ мнѣ докторъ.

— Но мы обойдемъ эту каналью... Сегодня же ночью мы сдѣлаемъ нападеніе... Ночныя атаки съ такимъ непріятелемъ—вещь очень хорошая. Суворовъ ихъ практиковалъ и всегда успѣшно... Наконецъ племянникъ мой, Наполеонъ III, и тотъ—ужъ на что военная бездарность—2 декабря съ успѣхомъ воспользовался ночной атакой противъ Франціи. Нашъ отрядъ раздѣлится на три части... Вамъ, майоръ,—обратился онъ къ коренастому брюнету:—я вручаю честь быть начальникомъ авангарда, вамъ, поручикъ, предоставляется поддержать майора, а самъ я буду вездѣ на сѣромъ конѣ... Когда сторожа заснутъ, вы нападете на гарнизонъ и... и никому нѣтъ пощады... Что же касается до этого черномазаго доктора, то его я отдаю вамъ, г. майоръ... Можете съ нимъ дѣлать что угодно: посадить его на колъ или вздернуть на перекладину, ad libitum!

«Генералъ» вдругъ повернулся въ нашу сторону и замѣтилъ насъ. Мы съ докторомъ приблизились къ нему. Казалось, онъ уже забылъ свою ненависть къ доктору или, быть-можетъ, съ лукавствомъ, свойственнымъ сумасшедшимъ, скрылъ ее. По крайней мѣрѣ онъ принялъ обоихъ насъ совсѣмъ запросто, ласково и радушно, протянулъ намъ свою бѣлую, изящную, маленькую руку и пригласилъ садиться.

— А мы тутъ военной прогулкой занимались! — проговорилъ простодушно «генералъ», снимая бѣлый колпакъ и опускаясь въ кресло у письменнаго стола.

Пока «генералъ» бесѣдовалъ съ докторомъ, я внимательно разглядывалъ больного. Это былъ, какъ я сказалъ, видный, стройный мужчина, но вблизи онъ казался совсѣмъ не такимъ интереснымъ, какимъ казался издали. Рыхлое, обрюзглое лицо, окаймленное бо-

родой, хоть и освѣщалось добродушной улыбкой, но въ ней просвѣчивало что-то рѣзкое, наглое. Особенно эта наглость сказывалась въ большихъ свѣтлыхъ, неподвижныхъ глазахъ, казавшихся скорѣе стеклянными, чѣмъ живыми... Онъ говорилъ съ докторомъ довольно здраво о своемъ здоровьѣ, только нервныя подергиванія угловъ губъ и странное вращеніе зрачковъ свидѣтельствовали о его душевномъ разстройствѣ.

Письменный столъ былъ заваленъ всевозможными планами, картами и моделями крѣпостей. Тутъ же рядомъ, на тарелкѣ, лежали маленькія фигурки изъ тѣста, изображавшія нѣмецкихъ солдатъ; одна изъ нихъ изображала Мольтке, какъ его рисуютъ на портретахъ. На маленькомъ столикѣ, около кресла, лежало нѣсколько французскихъ романовъ; одинъ томикъ былъ раскрытъ на разсказѣ: «Maison Tellier»...

Онъ поинтересовался узнать, кто я такой. Докторъ назвалъ меня, прибавивъ, что я пописываю и что я большой его поклонникъ и давно желаю познакомиться съ знаменитымъ полководцемъ.

Тогда больной съ особенною любезностью еще разъ пожалъ мнѣ руку, сказалъ, что онъ очень уважаетъ писателей, и спросилъ:

— Вы корреспондентъ?

— Да, генералъ!

— Въ нашей газетѣ?

— Какую газету вы такъ называете, генералъ?

— Какую? Разумѣется, одну, превосходнѣйшую, мой другъ... Впрочемъ,—спохватился онъ съ свѣтской любезностью:—вы извините пристрастіе солдата... Я всѣ газеты читаю съ удовольствіемъ, но «Чижикъ» съ особеннымъ... Въ немъ есть какая-то свѣжесть, откровенность... Онъ пахнетъ русскимъ духомъ...

Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ присѣсть и сказалъ:

— Вы, быть-можетъ, посѣтили меня съ намѣреніемъ узнать, что̀ я думаю о положеніи дѣлъ въ Европѣ?

— Если вы соблаговолите сообщить мнѣ ваши мысли, я буду очень радъ...

— Съ удовольствіемъ. Я хоть не привыкъ говорить длинныхъ рѣчей, но во всякомъ случаѣ моя солдатская рѣчь будетъ искренна... Вотъ только докторъ мнѣ не вѣритъ и не пускаетъ въ Европу!—пожаловался больной, подмигивая на доктора. — Онъ поклонникъ «Голоса»—боится политическихъ осложненій и думаетъ, что я не могу поддѣть нѣмцевъ, которые мнѣ столько гадили въ 15 году... Особенно этотъ Блюхеръ... Онъ, этотъ милѣйшій докторъ, привыкъ обращаться съ сумасшедшими и самъ, кажется, немножко того... не замѣчаете ли вы?—прибавилъ онъ тихо.

Въ это время коренастый «майоръ» тихо подкрадывался сзади къ доктору; я со страхомъ глядѣлъ, что̀ будетъ, но докторъ сидѣлъ

совершенно спокойно, и когда «майоръ» уже былъ совсѣмъ близко, онъ вдругъ повернулся къ нему и пристально сталъ смотрѣть на майора. Майоръ остановился какъ вкопанный на мѣстѣ...

— Ваше превосходительство!—обратился докторъ къ генералу:— вы бы попросили вашихъ ординарцевъ удалиться... Корреспондентъ хотѣлъ бы говорить съ вами безъ свидѣтелей.

— Гайда!—крикнулъ «генералъ»; и ординарцы ушли.

Тогда «генералъ» всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, бодрой, молодцоватой походкой приблизился ко мнѣ и, взявъ фамильярно меня за пуговицу, проговорилъ:

— Такъ слушайте же... я вамъ скажу, г. корреспондентъ... Борьба неизбѣжна!

— Между кѣмъ?

— Между мной и нѣмцами! Она даже близка!..

— Неужели?..—проговорилъ я.

— Я обязанъ ихъ наказать, припомнить имъ всѣ каверзы,— многозначительно сказалъ больной:—правда, это будетъ кровопролитная, страшная борьба, но, разумѣется, въ концѣ концовъ я уничтожу нѣмца, если докторъ выпуститъ меня отсюда и назначитъ главнокомандующимъ... И мнѣ не нужно милліонной арміи, мнѣ нужно всего пятьсотъ тысячъ!.. Изъ нихъ четыреста пятьдесятъ тысячъ падутъ на полѣ чести, а съ пятьюдесятью мы войдемъ въ Берлинъ... Въ Берлинѣ нѣмки недурны, г. корреспондентъ, право, недурны, хоть о нихъ и составилось дурное мнѣніе...

— Но развѣ вы не опасаетесь Мольтке?..

— Мольтке!?.. Ха-ха-ха!.. И вы боитесь его по старой рутинѣ... Ужъ не нѣмецъ ли вы? Да знаете ли, что̀ я сдѣлаю съ Мольтке... А вотъ вашъ Мольтке!..

Съ этими словами онъ взялъ съ тарелки фигурку изъ тѣста, изображающую стараго Мольтке, и преспокойно съѣлъ ее.

— Гдѣ теперь Мольтке? Что̀ осталось отъ Мольтке?

И съ напускной солдатской безцеремонностью онъ болѣе подробно, но не совсѣмъ удобно для передачи въ печати, объяснилъ, что̀ останется отъ Мольтке.

— Повторяю, это будетъ самая популярная война... Я возьму Берлинъ, затѣмъ Вѣну и освобожу всѣхъ славянъ, какъ обѣщалъ императору Александру I...

— А со славянскими землями что̀ сдѣлаете?

— Дамъ имъ князей и заставлю вездѣ отмѣнить дурацкую форму правленія, какъ отмѣнилъ у себя во Франціи. Вотъ задача храбраго народа въ Европѣ... Когда прикончу съ нѣмцами, тогда можно приняться за итальянцевъ,—воспламенился генералъ, и въ его глазахъ заблисталъ огонекъ.

Докторъ мнѣ подмигнулъ. Я началъ откланиваться.

— Приходите завтра ко мнѣ!—приглашалъ «генералъ».—Приходите, но только безъ доктора... Я еще не то вамъ скажу и возьму васъ на войну моимъ корреспондентомъ... Хотите? Вы будете описывать мои побѣды и врать сколько угодно... Что-жъ вы молчите?.. Что-жъ вы не привѣтствуете Бонапарта? Вотъ такъ!

И бѣдный сумасшедшій вдругъ вскочилъ на столъ и, размахивая игрушечной саблей, закричалъ:

— Да здравствуетъ великій брандахлыстъ Бонапартъ Бонапартовичъ! Уррра!..

— Уйдемте!—шепнулъ мнѣ докторъ.—Съ нимъ можетъ случиться припадокъ бѣшенства, и онъ надѣлаетъ бѣды...

— Что-жъ не кричите? Ужъ не вы ли засадили меня на островъ Елены?

Глаза его налились кровью... Онъ хотѣлъ броситься къ намъ, но мы поспѣшно вышли—и докторъ заперъ двери на ключъ...

— Несчастный!—проговорилъ я.—Есть надежда на выздоровленіе?..

— Сомнительная... Теперь взглянемъ, какъ выражена на душевно-больномъ заразительность страха, а затѣмъ посмотримъ одного бѣшенаго прокурора, требующаго для спасенія Россіи по тысячи головъ ежедневно...

— Не довольно ли на сегодняшній разъ, докторъ?.. Ужасно тяжкое впечатлѣніе производятъ эти душевно-больные...

— Ну, какъ хотите... Пріѣзжайте завтра, и мы будемъ продолжать наши наблюденія...

Въ это время, съ раздирающимъ душу крикомъ, изъ комнаты выбѣжала старуха со сбитыми волосами, въ небрежно накинутомъ халатѣ. Приблизившись къ доктору, она бросилась передъ нимъ на колѣни. Въ ея глазахъ стояла такая дикая скорбь, что я отвернулся...

— Г. докторъ, г. докторъ! Ради всего святого допустите къ прокурору... Я вчера у него была, и онъ обнадежилъ меня...

Докторъ поднялъ ее и сталъ ее успокаивать тихимъ, кроткимъ голосомъ. Она присмирѣла и слушала, казалось, внимательно то, что говорилъ ей докторъ... Но вдругъ изъ ея глазъ полились слезы, тихія слезы; она недовѣрчиво покачала головой и произнесла:

— Напрасно вы утѣшаете... Пустите меня къ прокурору... Вѣдь есть же у него что-нибудь человѣческое?.. Я говорила ему, что она не такъ виновата, какъ онъ увѣряетъ... Ну, положимъ, виновата, если хотите, но нельзя же... Пустите меня... Онъ, быть-можетъ, тронется горемъ матери... Ну пусть меня возьметъ... Я старуха, а она... Вѣдь ей всего шестнадцать лѣтъ...

И бѣдная безумная опять грохнулась на колѣни.

Пришли сидѣлки и увели ее.

— Тоже недавно привезли... Острое помѣшательство... Она воображаетъ, что ея дочь сидитъ въ тюрьмѣ.

— А гдѣ же дочь?..

— Гдѣ-то въ провинціи... Я приносилъ ей письмо отъ дочери, но старуха не вѣритъ и все просится къ сумасшедшему, который называетъ себя прокуроромъ.

Я сталъ прощаться съ докторомъ и, между прочимъ, замѣтилъ ему:

— Какъ вы выносите такую жизнь среди сумасшедшихъ?

Онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Я бы могъ спросить васъ, какъ вы выносите жизнь среди вашихъ здоровыхъ!..

Я уѣхалъ разстроенный...

Поѣздка въ Москву.—Новѣйшій Хлестаковъ.

I.

Какое наслажденіе вырваться, хоть на короткое время, изъ Петербурга, особенно невыносимаго лѣтомъ—да непріятнаго и весной, и уѣхать отъ него куда-нибудь подальше, чѣмъ всѣ эти Шуваловы, Парголовы, Лиговы, Стрѣльны, Павловски, Петергофы, Ораніенбаумы съ ихъ прискучившими театрами, парками, дачными идилліями и дорогой провизіей; не читать ежедневно, по обязанности или по привычкѣ, газетъ съ однообразно-монотоннымъ нытьемъ о жучкѣ, мухѣ, саранчѣ, сибирской язвѣ и болѣзняхъ, съ комично-серьезными разсужденіями о Бисмаркѣ, Гамбеттѣ, Абдулъ-Гамидѣ и какомъ-нибудь проштрафившемся при исполненіи обязанностей помощникѣ пристава; не слышать на улицѣ, въ вагонѣ, въ департаментѣ, въ редакціи, дома, словомъ—всюду, варіантовъ ежедневно мѣняющихся новостей, поражающихъ своей нелѣпостью и въ то же время какъ будто имѣющихъ всѣ признаки достовѣрности, раздражающей и безъ того натянутые нервы; не встрѣчаться съ одними и тѣми же спутниками, отправляющимися въ обычные часы вмѣстѣ съ вами въ городъ и вмѣстѣ съ вами же возвращающимися на дачи, съ усталыми, помятыми, голодными лицами департаментскихъ страдальцевъ, отбывшихъ поденщину обязательнаго бездѣлья въ канцеляріяхъ и департаментахъ, или, напротивъ, съ самодовольно-лоснящимися отъ духоты, жира и собственнаго достоинства физіономіями русскихъ нѣмцевъ изъ конторъ и лавокъ. Вырваться, говорю я, отъ всѣхъ этихъ прелестей, пріятныхъ встрѣчъ и непріятныхъ новостей—такое наслажденіе, силу котораго пойметъ всякій, прикованный къ Петербургу житель, не имѣющій случая казенныхъ командировокъ со всевозможными цѣлями, не обладающій воловьими нервами и лелѣющій надежду—хоть и обманчивую—почувствовать себя какъ будто свободнѣй и счастливѣй, отъѣхавъ съ десятокъ станцій отъ «полночныхъ странъ красы и дива».

Въ исходѣ перваго часа я стоялъ въ хвостѣ у кассы и, признаюсь, радовался, какъ школьникъ, что уѣду хоть въ Москву. Въ это время я даже забылъ, что въ Москвѣ есть Катковъ и Охотный рядъ, что въ Москвѣ грязь и вонь даже хуже петербургской, что въ Москвѣ... да мало ли чего въ Москвѣ нѣтъ. Но зато я ѣхалъ прогуляться... отдохнуть, посѣтить въ окрестностяхъ Москвы кое-кого изъ знакомыхъ и преимущественно такихъ,—каюсь въ этомъ,—которые безплодно сами не интересуются и не безпокоятъ другихъ вопросами насчетъ перемѣнъ въ администраціи, программъ, намѣреній, вѣяній и т. п. Всѣми этими разнообразными слухами я былъ начиненъ самъ въ достаточной мѣрѣ и питалъ надежду—увы! не вполнѣ осуществившуюся,—что въ дорогѣ и въ Москвѣ я, такъ сказать, освобожусь постепенно отъ этого балласта и вернусь въ Петербургъ обновленный и освѣженный...

Хвостъ у кассы былъ длинный. На вокзалѣ шла обычная передъ отходомъ поѣзда суета. Какая-то дама вопила о потерянной собачкѣ.

— Она только-что была тутъ, бѣленькая, мохнатая—Кадошка!.. Сію минуту!

Бѣдная дама была въ отчаяніи и хоть не предлагала за собаку полцарства, какъ обѣщалъ Ричардъ III за коня, но охотно готова была дать нашедшему одинъ рубль. Охотники, конечно, нашлись.

Публики на вокзалѣ было много. Отливъ изъ Петербурга «чистой» публики и приливъ рабочихъ лѣтомъ всегда большой. «Интеллигенція» ѣдетъ отдохнуть на лонѣ природы, посѣтить опустѣлыя усадьбы, излѣчить недуги Кавказомъ, Крымомъ, Старой-Руссой, Липецкомъ; рабочій приливаетъ къ столицѣ, выводитъ новые пятиэтажные дома, чинитъ мостовыя, готовитъ намъ къ осени удобства дорогихъ квартиръ.

— Много ѣдетъ съ поѣздомъ?—полюбопытствовалъ я у артельщика, предложившаго мнѣ отнести ручной чемоданъ и занять мѣсто.

— Много, господинъ. Лѣтняя пора, сами знаете. Всякому въ охотку прокатиться...

— Въ вагонахъ, пожалуй, тѣсно будетъ?.. Набьютъ биткомъ?

— Пожалуй, маленько тѣсновато... Надо пораньше занять мѣсто. Вамъ какъ, у окна?..

— Конечно... пожалуйста, у окна...

Духота и тѣснота вагона чувствуются заранѣе. Нужды нѣтъ, только бы сосѣди попались не назойливые и не съ очень юркими глазами, заставляющими васъ плотнѣй сжимать губы и настойчивѣй любоваться въ окно лѣсами и болотами, въ ожиданіи свободнаго мѣста въ другомъ вагонѣ. Много этихъ юркихъ пронизывающихъ глазъ шляется по желѣзнымъ дорогамъ; быть-можетъ, хозяева этихъ глазъ и очень добропорядочные люди, но все-таки эти любопытно и быстро оглядывающіе васъ взгляды невольно возбуждаютъ мнительность и относительно души и относительно кармановъ. Что дѣлать!.. Русскій человѣкъ, храбро умирающій во славу русскаго оружія, отважно бесѣдую-

щій насчетъ Макъ-Магона въ Вѣнѣ, Парижѣ, Тегеранѣ и Константинополѣ, не задумываясь обнажающій въ публичныхъ мѣстахъ шашку или, за неимѣніемъ таковой, доблестно дѣйствующій кулакомъ въ минуты спиртного возбужденія,—обнаруживаетъ необыкновенную робость въ трезвомъ состояніи въ тѣхъ же самыхъ общественныхъ мѣстахъ.

А день, какъ нарочно, стоялъ жаркій, палящій. Послѣ сырости, вѣтра и холода, отъ котораго дачники зябнутъ и жмутся, но, словно изъ чувства оскорбленнаго за погоду самолюбія, увѣряютъ рискнувшихъ пріѣхать гостей, что воздухъ превосходный и на дачѣ отлично; послѣ этого петербургскаго мелкаго назойливаго дождя, окутывающаго все туманной мглой, когда, возвращаясь изъ города, со страхомъ думаешь, не забыли ли протопить комнаты, и изъ оконъ вагона сочувственно взглядываешь на солдатъ, мѣрно шагающихъ подъ намокшими шинелишками, съ опущенными книзу ружьями, взадъ и впередъ,—внезапно наступило вёдро, и солнце смотритъ съ безоблачнаго петербургскаго неба такъ же ослѣпительно и жгуче, какъ съ астраханскаго или одесскаго.

Бѣлобрысый, пожилой и серьезный, какъ и полагается кассиру, господинъ отщелкиваетъ машинкой, штемпелюя билеты, спокойно, не спѣша провѣряетъ деньги и отдаетъ сдачу... Впереди меня стоитъ какая-то дама... Какъ пріятны дамы въ обществѣ, въ гостиной, за столомъ, въ бесѣдѣ, такъ онѣ непріятны въ дѣловыхъ сношеніяхъ, въ качествѣ просительницъ, у кассъ и т. п., особенно если стоятъ впереди васъ и уже прозвонилъ второй звонокъ. Пользуясь, вѣроятно, своимъ преимуществомъ слабаго пола, онѣ имѣютъ способность говорить много тогда, когда не слѣдуетъ говорить вовсе, и разспрашивать о пустякахъ въ такое время, когда разспрашивать—значитъ терзать другихъ, нетерпѣливо ожидающихъ очереди.

«Будетъ ли эта дама бесѣдовать или не будетъ?»—подумалъ я, когда господинъ, стоявшій передъ нею, спрашивалъ билетъ. Я не видалъ лица дамы; видѣлъ только цвѣтокъ на шляпкѣ, густую подобранную косу пепельныхъ волосъ и бѣлую шею... По этимъ признакамъ трудно было что-нибудь сказать... Она подходитъ къ кассѣ. Подходитъ и начинаетъ торопливо искать свой портмоне въ карманахъ, словно раньше не имѣла времени подумать объ этомъ. Наконецъ портмоне отыскано.

— Позвольте билетъ!

— Куда?..

— Въ Клинъ... Нѣтъ... въ Москву!.. А что̀ сто̀итъ билетъ?

Кассиръ говоритъ.

— А въ спальномъ вагонѣ?..

Опять ей отвѣчаютъ.

— Вы какъ посовѣтуете ѣхать?..

— Сударыня... сзади ждутъ...

— Ахъ... извините... Вотъ деньги... Когда поѣздъ придетъ въ Москву?

Она даетъ сторублевую бумажку. Кассиръ поглядываетъ ее на свѣтъ, потомъ разглаживаетъ, снова пробуетъ мокрымъ пальцемъ и наконецъ отсчитываетъ сдачу. Это дѣлается не спѣшно, методически, и все это: и дама, и лимфатическій кассиръ, и эти разговоры раздражаютъ меня и двухъ господъ, ожидающихъ сзади. Каждый изъ насъ нервно смотритъ на часы... Остается четыре минуты.

— Нельзя ли скорѣй!—раздается сзади меня нетерпѣливый голосъ.

Дама съ пачкой несосчитанныхъ ею бумажекъ въ рукѣ оборачивается, бросаетъ на меня недовольный взглядъ и стремительно бѣжитъ по вокзалу. Я успѣваю замѣтить красныя щеки молодого, свѣжаго лица, беру билетъ и съ трудомъ нахожу артельщика, который обѣщалъ занять мѣсто и машетъ мнѣ, высунувшись изъ окна вагона.

Вагонъ полонъ... Пассажиры устраиваются, стараясь втискать большущіе чемоданы, подушки, саки и картонки. Напротивъ меня цѣлая гора подушекъ и около—живая круглая подушка, скорѣй даже перина—толстая-претолстая барыня, обливающаяся потомъ въ безуспѣшномъ стараніи втиснуть большой чемоданъ на сѣтку. На кончикѣ скамьи сидѣлъ сухощавый господинъ, по виду, обличью и костюму, должно-быть, землевладѣлецъ изъ небогатенькихъ.

— Я вамъ, господинъ, занялъ хорошее мѣсто у окна,—напоминаетъ артельщикъ.

— Спасибо, спасибо!..

Я вынимаю двугривенный и кладу въ руку. Онъ желаетъ мнѣ хорошаго пути.

— Вы изволите ѣхать до Москвы?—внезапно поворачиваясь, спрашиваетъ меня толстая старушка. На ея озабоченномъ отъ напрасныхъ усилій, рыхломъ, красно-багровомъ лицѣ, отъ котораго вѣетъ добродушіемъ Пульхеріи Ивановны, свѣтится улыбка.

— До Москвы.

— А мнѣ такъ далеко... въ Самару. Очень тѣсно!—продолжаетъ барыня, очевидно, имѣя намѣреніе меня разжалобить.

Но только-что я хотѣлъ предложить руку помощи, какъ она—о, лукавая!—поставила изрядный чемоданъ въ промежутокъ между скамьями, прямо на мои ноги, и съ необыкновеннымъ добродушіемъ въ голосѣ и въ лицѣ проговорила:

— Васъ *онъ* не побезпокоитъ?.. Онъ маленькій!

— Напротивъ, очень даже побезпокоитъ!—отвѣчалъ я.

Она, очевидно, не ожидала такого грубаго отвѣта съ моей стороны и даже въ первый моментъ растерялась.

— Но куда же я его поставлю?..

Кое-какъ мы поладили другъ съ другомъ и съ чемоданомъ. Его при-

строили въ другое мѣсто. Старушка наконецъ успокоилась и заговорила съ молодой женщиной, стоявшей на платформѣ у вагона.

— Такъ смотри, Коля, побывай у графа Павла Николаича и скажи графу Павлу Николаичу...—раздается сзади чей-то голосъ, особенно громко отчеканивавшій имя, отчество и фамилію графа.

Всѣ оборачиваются въ сторону голоса, произнесшаго извѣстную фамилію петербургскаго сановника, и смотрятъ на плотнаго, хорошо одѣтаго, пожилого господина, бесѣдующаго съ маленькимъ, вертлявымъ, чистенькимъ лицеистомъ въ треуголкѣ. Господинъ, приглашавшій Колю побывать у графа Павла Николаича, очевидно, замѣчаетъ эффектъ, произведенный имъ... Онъ бросаетъ небрежный взглядъ вокругъ и уже тише разговариваетъ съ Колей...

Сухощавый «землевладѣлецъ» съ почтеніемъ взглядываетъ на господина, а старушка даже привстала съ подушки и съ какимъ-то благоговѣніемъ открыла ротъ и на секунду замерла. Только сосѣдъ, рядомъ со мной сидѣвшій и до сего времени разсматривавшій свою, очевидно, новую лѣтнюю пару, то снимавшій, то надѣвавшій шведскія перчатки, обернулся на секунду и снова повернулся съ видомъ равнодушія, какъ будто желая показать, что никакой фамиліей его не удивишь. Онъ взглянулъ на старушку, окинувъ ея костюмъ неодобрительнымъ взглядомъ, досталъ изъ кармана «Новое Время» и сталъ читать, по временамъ любуясь своей новой лѣтней парой. У этого господина была настоящая «петербургская» физіономія, одна изъ тѣхъ, которыя видишь каждый день на улицахъ. Вѣроятно, какой-нибудь столоначальникъ, ѣдущій отдохнуть отъ государственныхъ трудовъ.

— Развѣ познакомиться съ нимъ и его попросить?—вдругъ говоритъ, вздыхая, толстая старушка, обращаясь къ молодой женщинѣ.

— Что̀ вы, тетенька!.. Вотъ выдумали!..

— Надо, Лиза, всѣ средства... А вдругъ, Господь Богъ поможетъ, онъ напишетъ графу Николаю Павловичу...

— Ахъ, тетенька!—скептически замѣчаетъ молодая женщина.

Раздается тяжелый вздохъ. На глазахъ у старушки блестятъ слезы.

— Три недѣли вѣдь прожила... ѣздила-ѣздила...

— Вы скоро вернетесь?..

— Скоро, дружокъ, какъ же не скоро!.. Вѣдь одна я у него... Ты что̀ услышишь тамъ... когда дѣло... телеграфируй, Лиза... Можетъ-быть, ты увидишь Васю...

— Постараюсь... но едва ли!.. Вы сами знаете...

— Знаю, знаю!—вздохнула старушка.

— Такъ побывай, Коля, у графа Павла Николаевича!—въ четвертый разъ раздается голосъ.

— Непремѣнно буду, папа...

— И скажи maman, что я жду васъ черезъ недѣлю...

Въ двери стремительно вваливается купецъ, въ лоснящемся длиннополомъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ. Онъ озирается въ вагонѣ, разыскивая мѣсто. Изъ-за его плеча выглядываетъ голова носильщика съ чемоданомъ...

— Вы, господинъ, поскорѣй... Сейчасъ третій звонокъ...

— И тутъ мѣстовъ нѣтъ!..

Онъ дѣлаетъ новый обзоръ и видитъ сбоку, на незанятомъ мѣстѣ, маленькій чемоданъ около господина въ форменной фуражкѣ; господинъ, съ приходомъ купца, внезапно поворачивается и сосредоточенно смотритъ въ окно.

— Это мѣсто занято?

«Форменная фуражка» не слышитъ.

— Слободно то мѣсто?—обращается купецъ къ сосѣдямъ.

— Не знаю... Да вы идите въ другой вагонъ... Тамъ свободнѣй!—говорятъ ему.

— Кондукторъ, кондукторъ!—отчаянно кричитъ купецъ.

«Форменная фуражка» бросаетъ взглядъ на купца. Кондуктора нѣтъ. Купецъ осторожно снимаетъ со скамьи чемоданчикъ.

— Вашъ будетъ?—освѣдомляется онъ.

— Мой!

— Такъ нельзя ли его вотъ сюда... Тоже и мы деньги заплатили!.. Недалече ѣду-съ... До Бологова!—говоритъ онъ, какъ бы въ утѣшеніе огорченнаго сосѣда, и, снимая фуражку, торжественно отираетъ потъ съ широкаго, скуластаго лица и поводитъ глазами на публику.

— Паритъ!—произноситъ онъ, ни къ кому особенно не обращаясь.—Для наливу зерна—благодать!

Никто не подаетъ реплики... Бьетъ третій звонокъ... Съ платформы раздаются пожеланія, недосказанныя фразы... Старушка протягиваетъ руку и отираетъ слезу, стараясь привѣтливой улыбкой проститься съ молодой женщиной... Улыбка выходитъ грустная-грустная...

— До свиданія, Лизочка... Если можно... Васю, Васю навѣсти!..

И этотъ «Вася» звучитъ такимъ сердечнымъ, надтреснутымъ голосомъ, полнымъ безнадежной тоски.—«Вѣрно, мать!»—пронеслось у меня въ головѣ, и я вспомнилъ Некрасова: «То слезы бѣдныхъ матерей...»

— Постараюсь, тетенька...

— Спаси его Господи!

— Такъ смотри, Коля, непремѣнно побывай и отъ моего имени засвидѣтельствуй...

— Прощайте... прощайте... О, счастливица!—раздается чей-то звучный голосокъ съ платформы. И молодая дѣвушка, сверкающая молодостью и свѣтлымъ платьемъ, весело махаетъ платкомъ.

— Въ Пятигорскъ до востребованія,—кричитъ голосъ изъ вагона.

— Поправляйтесь...

— Да насчетъ товару, чтобы безпремѣнно...

— Изъ Одессы я прямо въ Вѣну... Телеграфируй!..

Кондукторъ свистнулъ. Раздался въ отвѣтъ протяжный свистъ локомотива, и поѣздъ тихо тронулся. Еще разъ мелькнули провожавшія поѣздъ лица, сверкнули платки, и поѣздъ вышелъ изъ дебаркадера. Нѣкоторые перекрестились. Старушка особенно набожно осѣнила себя крестомъ, и губы ея, казалось мнѣ, шептали все то же имя—«Вася». Сухощавый «землевладѣлецъ» осторожно распространилъ свои владѣнія, полегоньку отодвигая подушки своей сосѣдки. Мой сосѣдъ отложилъ газету, вынулъ изъ кармана шелковую дорожную фуражку, не спѣша надѣлъ ее на коротко-остриженную, съ плѣшинами голову, положилъ фетръ наверхъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства оглядѣлъ насъ, какъ бы приглашая полюбоваться его манерами и невозмутимостью, и снова занялся газетой.

II.

Первое время всѣ притихли, размѣщаясь поудобнѣй, прибирая саки, картонки и пр. по мѣстамъ. Несмотря на открытыя съ обѣихъ сторонъ окна, въ вагонѣ была африканская жара и духота. Отъ крыши вагона пышало жаромъ... Раздавались отрывочныя восклицанія, жаловались на жару, дамы преимущественно охали и ахали, вспоминая о забытой картонкѣ или оставленныхъ впопыхахъ ключахъ. Старушка, закрывшая глаза и, быть-можетъ, уже дремавшая подъ мѣрный стукъ колесъ, неожиданно поднялась и торопливо стала рыться въ карманахъ своего широкаго шелковаго капота... Лицо ея подернулось тревогой... Она поднялась и стала что-то искать подъ подушками...

— Ахъ, Господи... Я, кажется, забыла ключи!..—вырвалось у нея восклицаніе.

Однако ключи нашлись въ какомъ-то ридикюлѣ; старушка просвѣтлѣла и, обращаясь къ сосѣду, замѣтила:

— Нашлись! — и при этомъ прибавила: — А вы далеко изволите ѣхать?

— До Курска...

— До Курска... А я въ Самару!

— Отъ Курска мнѣ еще въ сторону, шестьдесятъ верстъ!—прибавилъ сухощавый землевладѣлецъ.

— Въ имѣніе?..

— Въ имѣніе...

Они разговорились. Старушка, какъ видно, сангвиническаго характера, говорила много и охотно, перебѣгая иногда съ поразительной внезапностью отъ одного предмета къ другому. Быть-можетъ, она хотѣла въ путевой бесѣдѣ забыть на время свои невеселыя петербургскія впечатлѣнія или вообще она не отличалась воздержностью языка—кто знаетъ?.. Она жаловалась на хозяйство, черезъ двѣ минуты нашла съ сосѣдомъ общихъ знакомыхъ, разспрашивала и вспо-

минала о нихъ. Въ разговорѣ всѣ, о комъ она ни упоминала, оказывались уже «милыми и прелестными». Такой-то генералъ—«прелестный»; такая-то дама, съ которой она вмѣстѣ была въ Смольномъ, тоже—«прелестная» и исправникъ NN—«прелестный иговоритъ по-французски». Мнѣ показалось удивительнымъ, что даже послѣ трехъ недѣль, проведенныхъ ею въ Петербургѣ, старушка все-таки сохранила привычку находить всѣхъ «прелестными». Въ ней сильно сказывалась институтка, несмотря на ея преклонный возрастъ. Она то и дѣло пересыпала свои слова французскими словами и въ короткое время почти познакомила насъ со своей біографіей. Она дочь генерала, покойный мужъ ея тоже былъ генералъ и отличился въ венгерскую кампанію... Она, конечно, разсказала «эпизодъ» отличія; затѣмъ, не докончивъ «эпизода», перешла какъ-то къ описанію «прелестнаго» и «благороднаго» товарища покойнаго мужа и его «прелестной» семьи, снова вернулась къ началу эпизода и во второй разъ объяснила, какъ мужъ ея явился къ Гергею и сказалъ ему «прелестную» рѣчь. При этомъ она сильно жестикулировала и оживлялась. Дочь ея была фрейлиной, прелестно образована, знаетъ три языка, играетъ божественно, путешествовала за границей и теперь замужемъ за графомъ Лукоморскимъ... У нея трое внучекъ... прелестныя дѣти... Отлично говорятъ по-французски... Живетъ дочь, какъ царица.

— Имѣніе у нихъ пре-лест-ное!.. Домъ полная чаша... зять прелестный... Дочь счастлива, да и какъ же не быть счастливой! Однимъ словомъ—все прелестно... прелестно!!. У нея есть и сыновья. Одинъ въ гусарахъ... Другой...—Но про другого она ничего не сказала.

Однако, передавая всѣ эти подробности съ провинціальной откровенностью, возбуждавшей по временамъ усмѣшку на лицѣ моего сосѣда, старушка ни разу не проговорилась о цѣли ея пребыванія въ Петербургѣ. Она вспоминала, какъ жила въ Петербургѣ тридцать лѣтъ тому назадъ, какъ ѣздила на балы, какіе великолѣпные дома на Англійской набережной и пр., какъ хорошо въ церкви Казанскаго собора, но что она дѣлала три недѣли въ Петербургѣ и зачѣмъ именно пріѣхала—о томъ молчокъ. Однако изъ перечисленія разныхъ и, конечно, все «прелестныхъ» лицъ, занимающихъ всѣмъ извѣстныя должности въ Петербургѣ, ясно было, что она пріѣзжала въ Петербургъ не для развлеченій, да и разговоръ съ племянницей, провожавшей ее, подтверждалъ это предположеніе...

Сухощавый «землевладѣлецъ» съ видимымъ уваженіемъ къ знакомствамъ сосѣдки слушалъ болтовню этой словоохотливой старушки. Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ отдать сына въ заведеніе. Онъ очень боится за сына въ Петербургѣ... У него одинъ сынъ.

— Нынче, сами изволите знать... какіе выходятъ мерзавцы!—говоритъ ея собесѣдникъ и при этомъ посмѣивается сухимъ язвительнымъ смѣхомъ.

Но, къ крайнему моему удивленію, съ лица старушки вдругъ исчезаетъ оживленіе. Она какъ-то беззащитно смотритъ на собесѣдника и, подавляя вздохъ, говоритъ:

— Да... да... конечно...

— Ихъ бы, сударыня, по моему мнѣнію, всѣхъ безъ разбора туда!..— продолжаетъ онъ, очевидно, не замѣчая волненія на лицѣ старушки, и при этомъ показываетъ рукой на деревья, послѣ чего—на свое, покрытое морщинами, тонкое горло.

По лицу старушки пробѣгаетъ болѣзненная судорога... Она вздрагиваетъ, и отъ ея багровыхъ щекъ отливаетъ кровь... Она отворачивается къ окну, желая скрыть волненіе, и тихо что-то шепчетъ въ отвѣтъ.

— Такъ вотъ, на основаніи всѣхъ этихъ соображеній, сударыня, я и рѣшилъ не отдавать сына въ университетъ... И такъ какъ мой прадѣдъ, дѣдъ и я самъ служили во флотѣ, то и я хочу сдѣлать сына морякомъ... По крайней мѣрѣ, Господь Богъ дастъ, не испортятъ мнѣ моего сына. Онъ у меня одинъ... одинъ!—не безъ чувства прибавилъ сухощавый господинъ.—Ну, и флотская служба благородная; правда, карьеры скоро сдѣлать нельзя, но во всякомъ случаѣ отдалъ я его пока въ приготовительный пансіонъ... Дорого берутъ только... Пятьсотъ рублей, но зато обѣщали приготовить основательно... Пятьсотъ рублей... экія деньги дерутъ! А вы, сударыня, тоже изволили въ Петербургъ по дѣламъ ѣздить, второго сыночка опредѣлять?..

О, злодѣй, онъ не подозрѣвалъ, что каждое слово его отражалось на лицѣ старушки болѣзненно-робкимъ, какимъ-то виноватымъ выраженіемъ ея выцвѣтшихъ глазъ, блестѣвшихъ слезой. Старое лицо ея какъ-то ребячески съежилось, какъ у дѣтей передъ плачемъ.

Куда дѣвалось ея оживленіе, когда она говорила обо всѣхъ «прелестныхъ» знакомыхъ и вспоминала балы и Смольный монастырь?.. Она наконецъ собралась съ духомъ и сказала:

— Да, по дѣламъ... хлопотать объ...

На ея губахъ висѣло, очевидно, имя, но, взглянувъ на собесѣдника, она остановилась на мгновеніе и прибавила:

— Объ имѣніи... У меня процессъ!..

Съ этими словами она торопливо вынула изъ кармана флаконъ съ солями, понюхала, жалуясь на духоту въ вагонѣ и головную боль, и, отвернувшись, приникла къ углу и закрыла глаза. Мнѣ было видно, какъ крупныя слезы одна за другой медленно капали на подушку.

Сухощавый землевладѣлецъ клевалъ носомъ; сосѣдъ мой вышелъ въ Ушакахъ, и диванчикъ остался въ моемъ распоряженіи, такъ что я могъ протянуть занывшія ноги... Сзади меня, за спинкой дивана, гдѣ сидѣло купеческое семейство, время отъ времени возобновлялся діалогъ вполголоса, но временами голоса возвышались.

— Есть чего жалѣть... Нечего сказать!.. Демидовъ садъ, Аркадія,

Ливадія... Очень хорошія мѣста для женатаго человѣка! — говорилъ женскій крикливый голосъ.

— Но не все же Аркадія... Исаакіевскій соборъ, Казанскій, Монетный дворъ. Вообще жизнь. А Сампсонъ... Петергофъ!? Парки!?

— Да развѣ ты въ Казанскомъ-то былъ?.. *(Голосъ понижается).* А еще обѣщалъ тогда... Нѣтъ, ужъ для васъ, кажется... *(Опять шопотъ).* И гдѣ ты вчера... Въ которомъ часу вернулся?..

Веселый мужской смѣхъ. Гнѣвное женское восклицаніе: «Хороши братцы! Вмѣсто того, чтобъ...»

— Твой мужъ съ Филиппо ужиналъ, а послѣ...

— Они все врутъ... ей-Богу, врутъ... Послушай, Надя...

Ни звука.

— Наденька!.. Надечка!..

Голосъ переходитъ всѣ діапазоны нѣжнаго тенора di grazia. Но примадонна не подаетъ никакой реплики.

— На-дя... Вѣдь это наконецъ глупо!..

— Еще бы... *(гнѣвный ропотъ).* А жена одна въ номерѣ... одна... Мало ли что могло случиться... Давно утреня отошла... а онъ...

— Однако... ты готова повѣрить всякой ерундѣ...

— Въ Москвѣ... *(быстрый шопотъ, очевидно, прокурорскаго характера).* Тоже ерунда?..

Опять смѣхъ. Снова: «хороши, хороши братцы... Вмѣсто того, чтобы остановить...»

— Ты закусить, Надя, не хочешь ли?

— Оставьте, пожалуйста... Я не могу ѣсть!.. — продолжаетъ она обидчиво.

— На вокзалахъ, Надя, все дрянь и дорого... За какую-нибудь вонючую котлетку—рубль!

— Какая экономія!—ироніей звучитъ женскій голосъ.—Сколько-то мы въ этомъ Петербургѣ денегъ оставили!

— А у насъ тутъ сыръ—одна слеза, икра, бѣлорыбица провѣсная, колбаса... пирожки, цыплята... Я для тебя велѣлъ цыплятъ-то, Наденька... Икра превосходная... По рублю семи гривенъ бралъ... Салфетъ... А рыбка!..—продолжаетъ голосъ, дрожащій алчностью разъигравшагося аппетита.

— «Взгляните тутъ, взгляните тамъ!..»—напѣваютъ другіе голоса:— и что-нибудь скушаете, Надежда Ивановна... Открывай-ка, Ѳедя, корзинку... Теперь время закусить... Завтракали-то когда...

— Не хочу...

— Ну, для меня... Надежда Ивановна!.. Крылышко!

— Развѣ цыпленка... что ли,—манерничаетъ женскій голосъ.— А ужъ вы будьте спокойны... Я маменькѣ ужо въ Моршанскѣ скажу...

Но въ гнѣвномъ голосѣ пробивается миролюбивая нотка. Ясно, супружескій миръ не за горами. Онъ въ корзинкѣ съ провизіей.

Поѣздъ останавливается на пять минутъ у какой-то станціи. Разговоръ затихаетъ. Слышатся чавканье, подсасываніе, бульбульканіе жидкости и изрѣдка восклицанія: «Надя, рыбки... Надя, икорки... Надя, колбаски... Надя, стаканчикъ красненькаго!»...

Наденька не протестуетъ, изъ чего я заключаю, что она уже въ полномъ мирѣ съ мужемъ.

Мои сосѣди vis-à-vis дремлютъ. И у другого окна купецъ, «заплатившій деньги», слегка посвистываетъ, покачивая головой изъ стороны въ сторону и временами задѣвая плечо «форменной фуражки». Однимъ изъ такихъ стремительныхъ колебаній онъ такъ неловко зацѣпилъ сосѣда, что тотъ проснулся и довольно грубо отодвинулъ купца.

— Мы тоже деньги заплатили!.. — бормочетъ купецъ спросонья.

Я закрываю глаза и пробую заснуть, но уснуть не могу. Одуряющая духота гонитъ дремоту. Невольно поворачиваешься съ боку на бокъ и не находишь мѣста. Чавканье по сосѣдству прекратилось.

— И чуть-было я его, долгогриваго, въ Питерѣ-то тогда не сволокъ въ участокъ!—громко смѣясь, говоритъ одинъ изъ пировавшихъ, тотъ самый, который нѣжно говорилъ: «Надя»...

— Что̀ на нихъ смотрѣть-то! Студенты!

— А-ахъ—что̀ я вамъ скажу. Разрѣши только намъ царь-батюшка!.. Разрѣши только!..

Опять голосъ понизился... А сонъ бѣжалъ отъ глазъ... Кажется, и старушка не особенно хорошо спала. При послѣднихъ громкихъ словахъ она широко раскрыла глаза, испуганная...

Длинный свистокъ... Поѣздъ подходилъ къ станціи, гдѣ можно было пообѣдать, и я вышелъ изъ вагона.

III.

Проглотивъ наскоро котлету и стаканъ чая, я вышелъ на платформу и совершенно неожиданно столкнулся лицомъ къ лицу съ господиномъ, физіономія котораго, въ особенности его глаза, разбѣгающіеся, быстрые глаза, и стройная, гибкая, подвижная фигура напомнили мнѣ что-то знакомое, давно прошедшее. Я пристально взглянулъ на него. Красивое, хотя сильно помятое жизнью лицо кудряваго брюнета съ румяными щеками, чуть-чуть вздернутымъ носомъ, съ тѣмъ вѣчно-безпокойнымъ, хотя и самоувѣреннымъ выраженіемъ, бывающимъ у завзятыхъ лгуновъ и людей, боящихся неожиданныхъ встрѣчъ съ кредиторами, вызвало дальнѣйшее воспоминаніе объ этомъ лицѣ, только въ болѣе мягкихъ и нѣжныхъ чертахъ, и о томъ же, всегда безпокойномъ взглядѣ этихъ быстрыхъ, сѣрыхъ, еще болѣе блестящихъ глазъ. И онъ обвелъ меня бѣглымъ взглядомъ. Вдругъ лицо его расплылось въ безпредѣльно-веселую улыбку, окончательно напоминавшую мнѣ времена юности и школьной скамейки.

Онъ бросился ко мнѣ на шею, назвавъ мою фамилію. Мы облобызались, и онъ проговорилъ:

— Я сразу тебя узналъ, а ты?..

— Я тоже узналъ, но извини... фамилію не припомню...

— Моей фамиліи?.. Еще помнишь, какъ меня дразнили этой фамиліей... Свистунскій!

Этого было довольно. Свистунскій! Да какъ же я не сразу вспомнилъ фамилію? При этомъ имени мнѣ ясно припомнился товарищъ мой по заведенію—этотъ отчаянный болтунъ, невозможный враль, которому никто не вѣрилъ ни слова, но всѣ слушали—такъ онъ вралъ превосходно... Свистунскій!.. Этотъ добрый малый, юркій, предпріимчивый, мастеръ на всѣ руки, умѣвшій передразнивать начальство, дѣлать фокусы, пѣть птицей, способный, вѣчно смѣющійся, плохо учившійся, но блестяще сдававшій экзамены, всегда со всѣми ладившій и любимый начальствомъ...

Я не видалъ его со времени выхода изъ заведенія, но время отъ времени слышалъ о немъ, и всегда необыкновенно странныя вещи... Иногда его имя появлялось въ газетахъ... Я зналъ, что скоро по выходѣ изъ заведенія онъ вышелъ въ отставку, еще скорѣй промоталъ отцовское имѣніе, надѣлалъ долговъ, сидѣлъ въ долговой тюрьмѣ, но былъ выпущенъ благодаря необыкновенной симпатіи, которую возбудилъ, во время посѣщенія, въ какой-то богатой благотворительницѣ, затѣмъ снова поступилъ на службу, ѣздилъ за границу, попалъ въ Бразилію и тамъ, выдавая себя за принца крови, надѣлалъ долговъ, опять исключенъ былъ изъ службы, и о немъ ничего не было слышно, пока одинъ изъ товарищей не привезъ изъ провинціи печальныхъ извѣстій о Свистунскомъ: онъ въ нищетѣ и живетъ у кого-то на хлѣбахъ. Вслѣдъ затѣмъ я гдѣ-то прочелъ въ газетахъ, что Свистунскій антрепренеръ какого-то провинціальнаго театра, а вскорѣ послѣ этого узналъ, что моряки его видѣли въ Сіамѣ, и что онъ пользуется особымъ расположеніемъ сіамскаго короля, показываетъ ему фокусы, развлекаетъ его, сдѣланъ его адъютантомъ и благоденствуетъ подъ именемъ Свистунъ-раджи. Далѣе о немъ прошли уже легендарные слухи... Говорили, будто Свистунскій похитилъ одну изъ одалисокъ гарема и бѣжалъ изъ Банкока; говорили, будто онъ перешелъ въ исламъ, и не кто иной, какъ онъ, подалъ мысль сіамскимъ царедворцамъ удушить сіамскаго повелителя; затѣмъ пронеслись слухи, будто онъ предводительствуетъ возстаніемъ въ Сиріи, наконецъ говорили, что ничего этого не было, а что обо всемъ этомъ разсказывалъ самъ Свистунскій, привыкшій, во время пребыванія при сіамскомъ дворѣ, еще болѣе врать, чѣмъ вралъ въ заведеніи. Какъ бы то ни было, но достовѣрно было одно, что Свистунскій дѣйствительно показывалъ сіамскому королю фокусы и жилъ-себѣ припѣваючи. Но послѣ того я ничего положительно не слыхалъ о моемъ товарищѣ, такъ какъ сообщен-

ное кѣмъ-то извѣстіе, будто видѣли Свиступскаго таперомъ въ публичномъ домѣ, гдѣ-то въ губернскомъ городѣ, очевидно, было вымышленное.

И вотъ этотъ самый легендарный Свиступскій теперь передо мной, какъ въ дни юности улыбающійся, веселый, показывающій рядъ блестящихъ бѣлыхъ зубовъ, безукоризненно одѣтый въ темно-сѣрую англійскую пару, въ маленькомъ кругломъ фетрѣ на головѣ и въ черныхъ шведскихъ перчаткахъ на рукахъ.

Всѣ эти воспоминанія быстро пронеслись въ моей головѣ, пока мы обмѣнивались привѣтствіями и восклицаніями.

— Вотъ неожиданная встрѣча!—проговорилъ я.—Давненько не видались...

— Давно... съ тѣхъ поръ, какъ—помнишь—на выпускномъ актѣ директоръ намъ сказалъ привѣтственную рѣчь.—И онъ отлично передразнилъ директора:—«Молодые люди, не забывайте, что въ васъ сосредоточены надежды Россіи; вы составляете цвѣтъ и красу ея, по соизволенію родителей вашихъ, особъ первыхъ четырехъ классовъ».

Я невольно расхохотался. Смѣялся и онъ, обнаруживая сверкающіе бѣлизной зубы.

— Я, братъ, съ тѣхъ поръ много испыталъ, былъ и въ счастьѣ и въ несчастьѣ, объѣхалъ едва ли не весь свѣтъ... Богатымъ, конечно, не сдѣлался, но пріобрѣлъ зато много опыта... Ну, а ты что̀ дѣлаешь?

— Живу помаленьку... Работаю въ журналахъ...

На лицѣ моего товарища выразилось искреннее сожалѣніе.

— Бѣдный!.. Работаешь въ журналахъ, теперь, когда для порядочныхъ людей открывается болѣе широкое поприще?.. Нѣтъ, ты все это лучше брось... Я, знаешь, что̀ тебѣ скажу... Ты въ Москву?.. Въ какомъ классѣ?

— Во второмъ...

— Пересаживайся-ка ко мнѣ... У меня въ первомъ классѣ отдѣльный вагонъ... купе то-есть,—поправился онъ, съ трудомъ удерживаясь, чтобы не соврать.—Поговоримъ, вспомнимъ старину... Скажи кондуктору, чтобы онъ перетащилъ твои вещи. Идемъ!

— Ну, а ты что̀ дѣлаешь и куда теперь ѣдешь?..—спрашивалъ я его, когда мы съ нимъ вдвоемъ усѣлись въ отдѣльномъ купе и закурили сигары, которыя Свиступскій рекомендовалъ, какъ сигары, купленныя имъ въ Гаваннѣ, когда онъ былъ тамъ проѣздомъ.

— Я, братъ, послѣ всѣхъ треволненій поступилъ на службу... Обстоятельства такъ сложились, и, наконецъ, теперь всякому порядочному человѣку, знаешь, истинно-русскому, слѣдуетъ служить, чтобы наконецъ... очистить нашу бѣдную Россію!—проговорилъ онъ какъ-то необыкновенно торжественно.

Эта торжественность, этотъ серьезный тонъ совсѣмъ не шли ко всей его фигурѣ и особенно къ его лицу; несмотря на явное желаніе

Свистунскаго придать ему серьезность, въ немъ невольно проглядывало плутовски-добродушное и нахальное выраженіе, напоминавшее скорѣе прошедшаго сквозь огонь и мѣдныя трубы chevalier d'industrie съ оттѣнкомъ ноздревщины, барскаго легкомыслія и славянскаго добродушія, а вовсе не солиднаго чиновника, занимающагося канцелярскими дѣлами.

— Вѣдь у насъ Авгіевы конюшни!—продолжалъ онъ все тѣмъ же тономъ. — А людей мало... Надо вычистить... Хищеніе... Паденіе нравственности... однимъ словомъ—положеніе очень и очень серьезное, мой другъ.

И это говоритъ Свистунскій! Признаюсь, я въ первую минуту подумалъ, что онъ мистифицируетъ—онъ на эти шутки всегда былъ мастеръ—и спросилъ:

— Ты не шутишь?.. Ты въ самомъ дѣлѣ пристроился и собираешься чистить Авгіевы конюшни?..

— Какія шутки?—проговорилъ онъ съ неудовольствіемъ. Но затѣмъ, какъ бы вспомнивъ, что передъ нимъ старый товарищъ, передъ которымъ нельзя особенно ломаться, онъ прибавилъ уже болѣе естественно:—Безъ шутокъ... Я служу... Мѣсто пока небольшое: всего тысячъ до пяти, не считая командировокъ, но со временемъ... со временемъ... Дурной тотъ солдатъ, который не разсчитываетъ быть генераломъ...

— И давно ты служишь?.. Я слышалъ недавно еще, что ты жилъ гдѣ-то въ провинціи.

— Обо мнѣ чортъ знаетъ что̀ разсказываютъ!—перебилъ онъ меня, смѣясь и въ то же время какъ-то отводя въ сторону глаза...—Разсказывали, напримѣръ, будто я укокошилъ сіамскаго короля... да то ли еще!.. Будто я въ Одессѣ былъ таперомъ,—вообрази!.. Правда, мнѣ приходилось испробовать самыя разнообразныя занятія, но этого я не пробовалъ!—сказалъ онъ и снова засмѣялся.

— Такъ это правда, что ты былъ въ Сіамѣ?

— Правда... Собственно говоря, я не занималъ никакой офиціальной должности, хотя и носилъ титулъ адъютанта, но вообще сіамскій король очень ко мнѣ благоволилъ и нерѣдко пользовался моими совѣтами... Я даже началъ писать для него проектъ органическаго устава и проекты разныхъ реформъ, но онъ не послушалъ меня, мой сіамецъ... Я хотѣлъ-было сблизить тѣснымъ союзомъ Сіамъ съ Россіей, открыть рынокъ ситцу и мишурнымъ издѣліямъ, но... интриги англійскаго посольства!—проговорилъ онъ, нимало не затрудняясь.

О фокусахъ, которые показывалъ, онъ однако не упомянулъ, и я не счелъ долгомъ заговаривать объ этомъ.

— А послѣ что̀ ты дѣлалъ?..

— Послѣ?—переспросилъ онъ.—Послѣ чего?.. Да, послѣ отъѣзда изъ Сіама... Я отправился въ Тунисъ, къ бею... Мнѣ хотѣлось предло-

жить ему свои услуги по части изящныхъ искусствъ... Въ театральномъ дѣлѣ, могу сказать, я кое-что понимаю, пожалуй, не меньше Боборыкина... Я хотѣлъ организовать тамъ оперу, оперетки, драматическій театръ на совершенно новыхъ основаніяхъ... Но миссія моя не увѣнчалась успѣхомъ. Одинъ итальянецъ далъ крупную взятку его высочеству тунисскому бею—они на этотъ счетъ тамъ шельмы большія!—и я принужденъ былъ оттуда уѣхать...

Свистунскій остановился на минуту и продолжалъ:

— Долгое время послѣ этого я скитался по Европѣ... ну, и, надо признаться, пожилъ-таки! А женщины?.. На этотъ счетъ я всегда былъ какъ-то счастливъ... Императрица Евгенія, принцесса Матильда, королева неаполитанская... Я не говорю ужъ о другихъ bonnes fortunes въ разныхъ частяхъ свѣта и пропускаю мою интересную исторію съ королевой сіамской... Быть-можетъ, ты уже читалъ о ней въ путевыхъ очеркахъ Скальковскаго?.. Когда-нибудь я покажу тебѣ коллекцію... И все съ надписями... собственноручными... Но одна любовь наскучитъ хоть кому. Подъ конецъ меня стала донимать носталгія... Какъ ни дурна наша Россія, а все-таки... свое, близкое... Въ послѣднее время я нѣсколько измѣнилъ свои взгляды... Прежде я былъ завзятый европеецъ—недаромъ я для Сіама проектъ органическаго устава писалъ!—но, когда пораздумалъ хорошенько да поговорилъ по душѣ съ Михаиломъ Никифоровичемъ—мы съ нимъ обѣдали въ Парижѣ, въ Café Anglais, а послѣ въ Mabil'ѣ вмѣстѣ были—такъ меня точно озарилъ свѣтъ... Кстати, еще одна русская барынька—недурненькая!—меня развивала въ этомъ направленіи... Бабенка убѣжденная, славянофилка... И я понялъ, что заблуждался, понялъ, голубчикъ, что мы должны, обязаны быть самобытны, что сила и мощь русскаго народа безграничны, только если наши исконныя начала не будутъ изуродованы; надо только дать направленіе... Надо, понимаешь ли, приняться только поэнергичнѣй!

Онъ воодушевился и продолжалъ на эту тему... Старинный мой товарищъ, вравшій, бывало, на пари кряду полчаса, воскресъ передо мной. Что въ его словахъ было правдой, что ложью—отличить было такъ же трудно, какъ сосчитать въ небѣ звѣзды. Я, разумѣется, не останавливалъ его и слѣдилъ за его быстрыми періодами, составленными, надо признаться, довольно гладко и даже не безъ указаній на историческіе примѣры...

Получилъ онъ мѣсто, по его словамъ, совершенно неожиданно. «Всѣ удивлялись, что все это такъ скоро случилось!» Послѣ того, какъ Европа «ему наскучила» («и тюрьма за долги была отмѣнена»—подумалъ я про себя), онъ вернулся въ Россію, скучалъ въ деревнѣ у тетки послѣднее время и отъ скуки написалъ проектъ объ улучшеніи финансовъ... Не улыбайся!—прибавилъ онъ, замѣтивъ невольную мою улыбку при сопоставленіи словъ: «Свистунскій» и «финансы» —Я серьезно за-

нялся этимъ вопросомъ... Собственная практика дала мнѣ богатый матеріалъ,—весело усмѣхнулся онъ:—а затѣмъ я кое-что и читалъ... Въ деревнѣ скука адская! Да наконецъ отчего же мнѣ и не писать проектовъ о финансахъ, скажи пожалуйста? Объясни?

Онъ задалъ вопросъ съ такимъ прелестнымъ невиннымъ добродушіемъ, что я не нашелся, что̀ отвѣтить.

— Нѣтъ, ты скажи... Отчего мнѣ не писать финансовыхъ проектовъ?.. Вѣдь пишутъ, мой другъ, иногда такія глупости, что передъ ними мои мѣры... Ну, оставимъ это. Написалъ я и послалъ въ Петербургъ къ пріятелю... Бабкина Сережу помнишь? Ну, еще бы, какъ не помнить... Онъ не сегодня-завтра — особа!.. Сережа, спасибо ему, не забылъ товарища и написалъ: «Пріѣзжай въ Петербургъ—намъ нужны люди. Около меня все свиньи». Я и пріѣхалъ мѣсяцевъ пять тому назадъ.

Онъ перевелъ духъ и продолжалъ:

— Работы пропасть... Съ утра до вечера то туда, то сюда... Вотъ и теперь новое порученіе... Ѣду въ командировку... Видишь, отвели купе. Предлагали цѣлый вагонъ, но я отказался...

— Куда-жъ ты ѣдешь?

— Въ разныя мѣста Россіи... На меня возложили серьезную и отвѣтственную, если хочешь, задачу: изучить на мѣстѣ, такъ сказать, Россію... Изслѣдовать духъ—понимаешь—духъ въ городѣ и деревнѣ, изучить жучка, саранчу и филоксеру, провѣрить, насколько справедливы слухи, будто нашъ мужикъ бѣденъ и низшая администрація не всегда внимательна, осмотрѣть рѣки, озера и моря... однимъ словомъ—задача грандіозная... Командировка продолжится два мѣсяца... Три тысячи рублей подъемныхъ, по десяти рублей суточныхъ... прогоны на пять лошадей...

— Ты развѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ?

— А ты какъ думалъ?.. Съ Новаго года статскій... Вѣдь я давно числился по спискамъ... Послѣ командировки придется писать докладъ... Знаешь, одну правду... святую правду... Теперь намъ ничего такъ не нужно, какъ правда, правда и правда!..

Свиступскій не переставалъ болтать. Онъ разсказывалъ, что̀ намѣренъ онъ сдѣлать, когда будетъ директоромъ департамента, какъ онъ хорошъ со всѣми начальниками, какъ его любятъ и пр. И въ доказательство вынулъ изъ кармана письмо, истрепанный видъ котораго ясно свидѣтельствовалъ, что оно часто показывалось, и сказалъ: «Прочти, какъ мы съ директоромъ департамента!»

Я, дѣйствительно, прочелъ слѣдующее:

«Безъ тебя скучно. Пріѣзжай къ намъ. У насъ все свои. Буду счастливъ, если ты исполнишь мою просьбу... Поговоримъ кстати о дѣлахъ. Пріѣзжай, а то мой Угрюмовъ наведетъ тоску и испортитъ вечеръ...»

— Кто этотъ Угрюмовъ?

— Да ты съ неба свалился... что ли? Угрюмова не знаешь!? Это, братъ, у насъ въ департаментѣ силища!.. Только ханжитъ, надо тебѣ сказать, ужасно... Смерти, что ли, боится... ха-ха-ха!.. Старина чувствуетъ вѣрно, что елисейскія поля не за горами, и девотствуетъ!.. Однако ты антикъ... Не знаешь Угрюмова?.. Ха-ха-ха... Преинтересный экземпляръ—этотъ monsieur Ougrioumoff... Когда на-дняхъ, въ «Обществѣ архитекторовъ», дебатировался вопросъ о ватерклозетахъ, то, знаешь ли, что̀ сказалъ Угрюмовъ?..

И, совершенно позабывъ свою роль солиднаго чиновника, командированнаго для изученія Россіи, Свистунскій, вспомнивъ свою способность актера, какъ-то свелъ мускулы подвижной своей физіономіи, и передо мной былъ не Свистунскій, а совсѣмъ незнакомый человѣкъ съ худымъ лицомъ, плоскими щеками, отвислой нижней губой и стеклянными глазами, неподвижно уставленными съ какой-то тупой сосредоточенностью. Гробовымъ, словно изъ подземелья исходящимъ голосомъ Свистунскій произнесъ приблизительно слѣдующую рѣчь, безъ сомнѣнія, значительно имъ шаржированную:

«Милостивые государи!

«Что̀ слышитъ ухо мое? Что̀ видитъ взоръ мой? Дерзнулъ ли слабый умъ мой подумать, что въ Обществѣ, хранившемъ до сихъ поръ преданія дорогой для насъ старины, бывшемъ скудельнымъ сосудомъ нашей самобытности, можетъ явиться столь дерзновенная мысль, какъ мысль о замѣнѣ дорогихъ сердцу нашего народа отхожихъ мѣстъ выдумкой гнилостнаго и развращеннаго Запада — ватерклозетами?.. Исторически сложившаяся у русскаго человѣка любовь къ единственно самобытному памятнику строительнаго зодчества — къ этимъ простымъ, безхитростнымъ, удобнымъ какъ для сидѣнія, такъ и для стоянія, годнымъ какъ для одной нужды, такъ и для другой,—проявленіямъ русской простоты, здраваго смысла и покорности—такъ какъ, милостивые государи, покорность сія выражается въ безпредѣльной готовности обонять, хотя и не всегда благовонные, но тѣмъ не менѣе здоровые запахи,—любовь эта, какъ слышу я, хочетъ подвергнуться испытанію, и вы желаете насильственно заставить русскій простой народъ измѣнить вѣковыя привычки свои и вѣрованія въ тщету бумаги при исполненіи имъ обычныхъ житейскихъ отправленій... Вы желаете извратить его природу (на что намъ не дано никакихъ полномочій), заставивъ русскаго человѣка чтить ватерклозеты. Помимо несправедливости и неуваженія къ русскому народу, которое выразилось въ сдѣланномъ предложеніи о передѣлкѣ отхожихъ мѣстъ, въ сей реформѣ кроются, милостивые государи, и другія серьезныя опасности, предвидѣть кои обязанъ зоркій глазъ спеціалиста. Сіи опасности суть: любомудріе, гордыня и суетность. Теперь наши старинныя приспособленія человѣческаго опростанія не внушаютъ и не могутъ вну-

шить, по самой простотѣ своего устройства, никакихъ любомудрыхъ мечтаній. Всякъ, придя къ онымъ, видитъ, во-первыхъ, дыру, во-вторыхъ, обыкновенную сѣдалищную доску и слышитъ сродный человѣку запахъ. Ничто не смущаетъ его, ничто не даетъ повода къ мудрствованіямъ; но допустите на минуту, что экзекуторы прикажутъ всѣмъ сторожамъ, курьерамъ и ихъ домочадцамъ посѣщать ватерклозеты, и вслѣдъ за симъ всякъ въ оный пришедшій будетъ, во-первыхъ, удивленъ, а затѣмъ и захочетъ познакомиться съ его устройствомъ. Зачѣмъ идетъ вода? Къ чему сія пружина, скрытно дѣйствующая?—вопроситъ онъ себя. И послѣ этихъ вопросовъ онъ навѣрное захочетъ испытать сложный механизмъ и такимъ образомъ, не приготовленный ничѣмъ къ воспринятію надлежащихъ понятій, наукою дающихся,—легко можетъ впасть въ заблужденіе и подумать, что онъ и самъ способенъ устраивать ватерклозеты. Отсюда уже и гордыня, а затѣмъ и суетность... Развратившись нѣкоторымъ удобствомъ (не смѣю не согласиться—болѣе спокойнаго сидѣнья), не захочетъ ли онъ и большаго?.. Не возмечтаетъ ли онъ, что нѣкоторое удобство сидѣнія, въ минуты отданія долга природѣ, влечетъ за собою желаніе и другихъ, какъ, напримѣръ, потребность въ газетной бумагѣ? А за симъ не подскажетъ ли ему суетность любомудрыхъ желаній и въ разсужденіи другихъ потребностей уже развращенной природы?

«Сей путь, милостивые государи, очень опасный путь, и посему да отсохнетъ лучше моя рука, если я осмѣлюсь выразить согласіе на столь ужасную мѣру, предлагаемую господами архитекторами, какъ повсемѣстная замѣна отхожихъ мѣстъ—ватерклозетами».

Надо было видѣть лицо Свистунскаго и слышать этотъ серьезный замогильный голосъ, чтобы понять всю прелесть его шаржа. Нечего, разумѣется, и прибавлять, что рѣчь эту онъ самъ сочинилъ (и, вѣроятно, потѣшалъ ею своего директора департамента), такъ какъ нельзя же серьезно думать, чтобы въ самомъ дѣлѣ нашлись столь горячіе противники ватерклозетовъ среди чиновниковъ, предпочтительно страдающихъ геморроями.

Но Свистунскій, по привычкѣ лгуновъ, клялся, что подобная рѣчь была произнесена и такъ подѣйствовала на всѣхъ присутствующихъ, что въ «Обществѣ архитекторовъ» вопросъ о ватерклозетахъ былъ оставленъ.

— Такъ, милый другъ, у насъ для курьеровъ и сторожей никакихъ удобствъ и нѣтъ!—закончилъ Свистунскій, заливаясь самымъ веселымъ, неудержимымъ хохотомъ...

Признаться, я не сомнѣвался, что онъ вретъ, но вралъ онъ съ такой иллюзіей правдоподобія, что я слушалъ не безъ интереса его вранье. Польщенный такимъ вниманіемъ со стороны стараго товарища, онъ подъ конецъ дошелъ уже до невообразимыхъ nonsens'овъ... Такъ, онъ разсказывалъ, будто ему предлагали мѣсто губернатора, но онъ отка-

зался, что у нихъ (онъ постоянно говорилъ: «мы») въ департаментѣ кто-то сочинилъ проектъ—упразднить временно, въ видѣ опыта, печать, а всѣхъ цензоровъ, которые такимъ образомъ остались бы, какъ онъ своеобразно выразился, «при пиковомъ интересѣ», назначить смотрителями казенныхъ земель въ Оренбургскомъ краѣ и другихъ мѣстахъ для огражденія отстатковъ ихъ отъ расхищенія. «Они не проглядятъ ни одного деревца—нѣтъ!»

— Ну, это, братъ, ужъ ты сочиняешь, кажется, насчетъ печати...

— Ты думаешь? Къ чему мнѣ сочинять... Я самъ говорилъ, что печать нужна, даже въ извѣстныхъ случаяхъ полезна, но поди-жъ ты... Нашлись люди непонимающіе... Конечно, проектъ этотъ не пройдетъ, нечего и говорить... Нашъ «департаментъ проектовъ» долженъ же заниматься проектами! Хочешь не хочешь, а проектируй!

— Но какая руководящая у васъ идея?—нарочно спросилъ я, разсчитывая поймать товарища на враньѣ.

Но это было дѣло не легкое. Свистунскій не только вралъ хорошо, но и былъ мастеръ увертываться... На мой вопросъ онъ внезапно отвѣтилъ:

— Какая идея?.. Развѣ она не ясна для тебя?

— А для тебя?

— Совершенно... Идея—дезинфекціи!—отвѣчалъ онъ внезапно, какъ бы осѣненный свыше.

И затѣмъ онъ снова принялся болтать... Окончательно разнуздавшись, онъ, какъ Хлестаковъ, уже понесъ околесную — говорилъ о какихъ-то его собственныхъ «задачахъ», о томъ, что если ему не повезетъ на службѣ и если его не сдѣлаютъ посланникомъ, то онъ попроситъ концессію на открытіе кафе-шантановъ, съ цѣлью разогнать эту «русскую хандру»... Наконецъ онъ предложилъ и мнѣ мѣсто.

— Послушай, въ самомъ дѣлѣ, хочешь?.. Мѣсто тысячи на три пока... Намъ нужны люди... Порядочные люди...

Теперь, по его словамъ, многія занятія, прежде щекотливыя, поднялись въ общемъ мнѣніи.

— Не мѣсто вѣдь краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто!—какъ сказалъ недавно нашъ товарищъ Миша Проходимцевъ въ «Обществѣ содѣйствія распространенія сочиненій Баркова»... И онъ оправдываетъ свое bon-mot. Хочешь, въ самомъ дѣлѣ?.. Я могу устроить, напримѣръ, мѣсто по статистикѣ... Я могу тебя взять въ помощники... Вѣдь, ей-Богу, можно много добра сдѣлать... Право—валяй. Напиши прежде серьезную статейку, дай мнѣ, и я свезу Сережѣ Бабкину.

И Свистунскій даже расчувствовался и прослезился.

— Ну, что ты теперь?.. Пишешь тамъ гдѣ-то... Захоти я, напримѣръ, и тебя тю-тю!.. Напишу въ статистическомъ докладѣ, что отъ твоихъ статей въ Полтавской губерніи появился жучокъ...

И онъ разразился веселымъ смѣхомъ.

— Ты вѣдь все врешь, Свистунскій!

— Врешь!? Нѣтъ, не вру... Ну, положимъ, немножко и совру,—русскій человѣкъ любитъ соврать,—такъ отъ этого мой совѣтъ не теряетъ цѣны... А если ты сомнѣваешься въ моей командировкѣ—на, смотри!

И онъ раскрылъ бумажникъ, полный новенькихъ сотенныхъ бумажекъ.

— Пріѣдемъ въ Москву—вспомнимъ старину!

Его безшабашное бахвальство начинало надоѣдать, да и онъ, кажется, самъ усталъ, такъ что я былъ радъ, когда онъ перешелъ къ воспоминаніямъ о товарищахъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ перебирали многихъ, и оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ успѣли въ жизни. Особенно восторгался Свистунскій Мишей Проходимцевымъ.

— Помнишь, всегда былъ пройдохой этотъ Миша! Бывало, генералъ Раковъ съ свойственной ему веселостью говорилъ:—«Господа, закройте всѣ отверстія—Проходимцевъ идетъ»... А онъ и ухомъ не велъ... Я въ тѣ времена въ Сіамѣ уставъ писалъ и шишъ получилъ, а онъ—поди ты!—выдумалъ какія-то, говорятъ, пули, бьющія на сто верстъ, и черезъ пятнадцать-то лѣтъ—въ ходу! Но доброта въ немъ осталась... Онъ попрежнему съ товарищами хорошъ... Ну, и вретъ же!..

«Однако не больше тебя!»—невольно пронеслось въ головѣ.

— На-дняхъ еще я былъ у него, обѣдалъ... Онъ мнѣ и говоритъ: «Ваня! Ты мастеръ писать подъ разныя руки, напиши нѣсколько писемъ, что лучше меня нѣтъ на свѣтѣ начальника».—Зачѣмъ тебѣ?—«Нужно».—Скажи, зачѣмъ?—«Нужно, говоритъ, а я за то не забуду твоей услуги».—Да ты бы въ газеты отъ себя послалъ...—«Посылалъ, но не всѣ печатаютъ... Кромѣ «Моск. Вѣд.» ни одна... Да «Моск. Вѣдомостямъ» не всегда вѣрятъ». Думаю, отчего по дружбѣ не сдѣлать человѣку услуги, написалъ и принесъ ему.—«Спасибо, говоритъ, братъ, удружилъ...»

— Зачѣмъ же ему были эти письма?

— Зачѣмъ?.. Ахъ, ты, простофиля!.. Зачѣмъ?.. Ты у Мишки-то спроси—зачѣмъ... Онъ объяснитъ. Онъ, не будь дуракъ, да эти письма нечаянно оброни во время доклада у графа. Графъ мнителенъ.—«Это что̀ такое?» А Миша сконфузился—помнишь, какъ онъ у насъ драматическое искусство любилъ?.. Графъ, начальникъ-то его, видя, что Миша жмется, повторилъ: «Это что̀ такое?» Ну, въ концѣ концовъ сцена при бенгальскомъ освѣщеніи. Съ тѣхъ поръ графъ думаетъ, что безъ Миши пропадетъ департаментъ. Вотъ тебѣ и Миша! Мы вмѣстѣ съ нимъ тонъ даемъ!.. Мы считаемся первыми чиновниками! А вѣдь онъ, если правду сказать, и недалекъ, да и скотъ порядочный!

Я прилегъ и притворился спящимъ. Скоро Свистунскій смолкъ и быстро заснулъ. Тогда я выбрался изъ купе и пересѣлъ въ свой вагонъ...

Москва была близко. Въ вагонѣ начались приготовленія, обычныя передъ концомъ путешествія. Убирались подушки, мѣшки, картонки...

Спрашивали другъ у друга объ разныхъ московскихъ адресахъ. Толстая старушка уже болтала съ какой-то дамой и снова разсказывала о «прелестныхъ» генералахъ и «прелестныхъ» людяхъ. Дама, по счастью, не спрашивала старушку, зачѣмъ она ѣздила въ Петербургъ, какъ сосѣдъ—сухощавый землевладѣлецъ и отставной морякъ, который теперь разсказывалъ «форменной фуражкѣ» о своемъ путешествіи на шлюпѣ «Вѣрномъ» въ 1827 году въ Средиземное море и пояснялъ, почему прежде матросы были молодцы, а теперь—нѣтъ... При этомъ онъ давалъ подробныя разъясненія насчетъ линьковъ и иныхъ поощреній... Я думалъ, что Свистунскій уже забылъ обо мнѣ, какъ вдругъ двери вагона отворились, онъ вошелъ и сталъ упрекать, что я поступилъ не по-товарищески.

— Непремѣнно въ Москвѣ остановимся вмѣстѣ!—приставалъ онъ.— Тамъ я тебя познакомлю съ такой барынькой...

Онъ щелкнулъ только языкомъ.

— Кромѣ того, если хочешь, познакомлю съ Катковымъ... Хочешь?— не унимался онъ.

Мы подъѣзжаемъ къ Москвѣ... По счастью, Свистунскій снова ушелъ къ себѣ въ купе, и, когда поѣздъ остановился, я поспѣшно вышелъ на платформу и усѣлся въ карету Лоскутной гостиницы.

IV.

Передъ пылью и грязью московскихъ улицъ и этихъ безчисленныхъ, узкихъ, кривыхъ переулковъ и проулковъ—настоящихъ засадъ для рыцарей ночи—разыскивать которые даже и знакомому съ Москвой человѣку гораздо труднѣй, чѣмъ разыскать что̀ угодно въ любой европейской столицѣ, куда вы попали въ первый разъ,—передъ этими, дѣйствительно самобытными благоуханіями на площадяхъ, на рынкахъ, въ рядахъ, на дворахъ, словомъ—всюду, гдѣ могутъ копиться кучи мусора и разной гніющей дряни,—даже и Петербургъ съ его Сѣнной площадью, домомъ Вяземскаго, зловоніемъ и сыростью подваловъ— этихъ дворцовъ петербургскаго рабочаго люда—съ его «амбре» черныхъ лѣстницъ и «мильфлерами», исходящими изъ каналовъ,—кажется опрятнымъ, изящнымъ джентльменомъ передъ матушкой-Москвой, раскинувшейся въ живописномъ, но грязномъ безпорядкѣ на своихъ холмахъ и предхолміяхъ.

Впрочемъ, Москва, восхищающая иностранцевъ своимъ Кремлемъ, монастырями, церквами, садами, хлѣбосольствомъ и пестротой, дѣйствительно можетъ поразить оригинальностью физіономіи стараго историческаго города, не только нечистоплотностью, но и другими сторонами, будящими воспоминанія. Это не то, что̀ Петербургъ, молодая исторія котораго лѣзетъ вамъ въ глаза остроконечнымъ шпицемъ Петропавловскаго собора да рядомъ казармъ и домовъ, похожихъ на казармы...

Москва, напротивъ, на каждомъ шагу своими памятниками старины

заставляетъ васъ оглянуться назадъ и припоминать. Когда, черезъ день послѣ пріѣзда въ Москву, я проходилъ лунной ночью мимо Кремля съ его причудливыми башнями и маковками церквей, серебрящихся луннымъ свѣтомъ, невольно воспоминанія просились въ голову, и въ воображеніи проносилось прошлое, нѣмыми свидѣтелями котораго были камни этихъ башенъ, церквей, стѣнъ. Грозный царь Иванъ съ его опричиной и такимъ же мрачнымъ, узкимъ, тяжелымъ, какъ онъ самъ, храмомъ Василія Блаженнаго,—этотъ патологическій субъектъ, безсознательно разыгравшій отчасти роль Ришелье по отношенію къ русскому боярству, и то раболѣпствующее, приниженное боярство, дрожавшее ежеминутно за жизнь и въ то же время покорно подставляющее подъ топоръ свои сѣдыя головы, и этотъ безмолвный народъ, молчаливый, какъ всегда, испуганный, разступающійся съ воплями передъ несущимися по улицамъ опричниками... всѣ эти картины какъ будто оживали въ тишинѣ ночи и безмолвіи Кремля, нагоняя послѣдующія воспоминанія...

Вонъ съ той стѣны, если вѣрить преданіямъ, былъ брошенъ Лжедмитрій. Народъ, по обыкновенію, не принималъ большого участія въ событіяхъ, словно инстинктивно понимая, что все это дѣла боярскія, а не его дѣло... Тишайшіе цари, византійски-чинными процессіями совершавшіе шествіе изъ дворца въ соборъ, появлявшіеся народу съ Краснаго крыльца, проводившіе время въ молитвѣ и сказкахъ, проходятъ въ памяти. Вспоминается глухое броженіе въ глубинѣ Россіи, гдѣ долго еще бродило смутное недовольство, выразившееся въ мятежѣ Стеньки Разина, а послѣ въ томъ «вороненкѣ» Пугачевѣ, который заставилъ Екатерину писать оправдательныя письма Вольтеру и Дидро... Вонъ тамъ, на томъ же Лобномъ мѣстѣ, среди мрачнаго безмолвія массъ, они сложили свои буйныя головы, сложили надежды голытьбы и закрѣпощеннаго народа, но долго еще носился на Волгѣ и въ разныхъ глухихъ мѣстахъ этотъ своеобразный духъ протеста, пока не замеръ въ мистицизмѣ раскольничьихъ толковъ...

И другая—помѣщичья Москва—на каждомъ шагу бросается вамъ въ глаза своими привольно раскинувшимися барскими домами, съ садами, службами, съ внутреннимъ устройствомъ, напоминающимъ эпизоды изъ «Записокъ Багрова» и нѣкоторыя главы изъ «Войны и мира». Теперь эти дома глядятъ какъ-то печально передъ высокими, пятиэтажными, вновь строящимися домами современныхъ коммерсантовъ, со всѣми приспособленіями и комфортомъ современной архитектуры и со всѣми неудобствами этихъ громадныхъ комфортабельныхъ тюремъ безъ воздуха, безъ зелени, безъ тишины и приволья этихъ «особнячковъ» Москвы, скрывающихся въ тѣнистыхъ садикахъ, но зато совсѣмъ не приспособленныхъ для жизни какой-нибудь скромной нынѣшней семьи съ ограниченнымъ бюджетомъ.

И вотъ эти «особняки», гдѣ нѣкогда будировали престарѣлые гене-

ралы, оставшіеся внѣ области благосклоннаго взгляда или благосклонной улыбки, согрѣвавшей больше солнца эти старческія, честолюбивыя сердца,—гдѣ, послѣ знаменитаго манифеста объ улучшеніи быта сельскаго состоянія, раздавались помѣщичьи вопли и обдумывались средства затормозить дѣло, пугая всеобщей революціей въ Россіи,—гдѣ наши прабабушки и бабушки шалили въ молодости потихоньку, всегда соблюдая «апарансы», а подъ старость изобрѣтали московскихъ Корейшъ и Альфонсовъ изъ бывшихъ лакеевъ и кучеровъ,—эти «особняки» теперь заняты складами земледѣльческихъ машинъ, средней руки трактирами, меблированными комнатами, число которыхъ въ Москвѣ—этомъ громадномъ сборномъ и проѣзжемъ пунктѣ Россіи—необыкновенно велико. Старинный помѣщичій складъ еще остался въ Москвѣ, но только на ея наружномъ видѣ, и постепенно вымираетъ. Теперь Москва совсѣмъ не «помѣщичій» городъ, какимъ былъ прежде, и, конечно, никакъ не городъ «солдатъ и чиновниковъ», какъ Петербургъ. И въ самодовольно-торжественномъ выраженіи этихъ разъѣзжающихъ на тысячныхъ рысакахъ московскихъ тузовъ-купцовъ, и въ своеобразномъ краснорѣчіи думскихъ засѣданій, и въ тѣхъ тщеславныхъ пожертвованіяхъ, которыми дивятъ иногда московскіе коммерсанты, и въ этой любви выставить на показъ свои чувства и медали, и въ этихъ аляповатыхъ, безвкусныхъ новѣйшихъ постройкахъ—во всемъ, говорю я, ясно сказывается, что Москва въ рукахъ Разуваева. Онъ царитъ въ ней, даетъ ей тонъ, примирѣетъ въ думѣ и, какъ у себя въ дальнихъ комнатахъ, держитъ городъ въ грязи, заботясь поразить какимъ-нибудь необыкновеннымъ колоколомъ или замѣчательнымъ злостнымъ банкротствомъ. Онъ, этотъ разбогатѣвшій мужикъ, отецъ котораго еще боялся квартальнаго не менѣе чорта или домового, смѣнившій поддевку на сюртучную пару и швыряющій деньгами съ француженками, вотъ кто настоящій хозяинъ нынѣшней Москвы. Интеллигенція тутъ какъ-то въ тѣни; общественная жизнь, сильно развитая здѣсь въ трактирахъ, на гуляньяхъ, въ театрахъ, выдвигаетъ преимущественно на первый планъ всѣхъ этихъ Китъ-Китычей въ цилиндрахъ и иногда съ дипломомъ коммерческаго училища въ карманѣ, которые парадируютъ въ качествѣ «народа» въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ, говорятъ quasi-народнымъ языкомъ, образчики котораго нерѣдко встрѣчаются въ печати, умѣютъ быть съ полиціей на дружеской ногѣ, не рискуя своей бородой или волосами, и выдаются «Московскими Вѣдомостями», какъ «самдѣлишный народъ»—таящій въ себѣ всѣ настоящія качества русскаго духа.

Отъ того, что хозяйство Москвы находится въ рукахъ окулачившагося мужика, московскому населенію, конечно, нисколько не лучше. Для рабочаго люда въ Москвѣ меньше сдѣлано, чѣмъ даже въ Петербургѣ, и если подвалы Петербурга скверны, то стоитъ только взглянуть на жилища московскихъ фабричныхъ, чтобы убѣдиться, что они еще

скверней. И тамъ, конечно, не одинъ Абрикосовъ, извѣстный московскій кондитеръ, имѣющій большое заведеніе, гдѣ производство идетъ при такой обстановкѣ и рабочіе живутъ въ такой мерзости, что при одномъ чтеніи объ этомъ можетъ пропасть всякій аппетитъ къ знаменитымъ въ Москвѣ абрикосовскимъ конфетамъ и вареньямъ. Судебные процессы и статистическія описанія познакомили нѣсколько публику съ тѣмъ, что сдѣлалъ московскій «хозяинъ» для подневольнаго человѣка. Въ концѣ концовъ онъ ничего не сдѣлалъ—смертность въ Москвѣ, несмотря на лучшія, чѣмъ въ Петербургѣ, климатическія условія, стоитъ на одномъ уровнѣ. И если «хозяинъ» попадетъ въ судъ, послѣ какой-нибудь катастрофы въ родѣ пожара на фабрикѣ Гивартовскаго, то выходитъ оттуда, конечно, далеко не убѣжденнымъ, что система хищничества, пользованіе удобнымъ моментомъ, вовсе не есть идеалъ торговли и промышленности.

Поговорите съ какимъ-нибудь знающимъ москвичомъ обо всѣхъ этихъ тузахъ, ворочающихъ милліонами, и если вы охотникъ до біографій во вкусѣ Смайльса, то, конечно, сильно разочаруетесь, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ вамъ придется выслушать однообразную лѣтопись всевозможныхъ фактовъ, болѣе уголовнаго, чѣмъ педагогическаго характера, представляющихъ богатую канву для сенсаціоннаго романа, въ родѣ похожденій россійскаго Рокамболя. Послѣ такихъ эпопей вы еще болѣе поймете, почему у насъ не нарождается еще—да и едва ли можетъ народиться—та сильная буржуазія, которая держитъ въ настоящее время вездѣ въ своихъ рукахъ не только ключи отъ кассы народнаго производства, но и ключи отъ политики, направляемой, конечно, въ томъ же духѣ. У московскихъ «хозяевъ» на этотъ счетъ очень просто: въ торговой политикѣ господствуетъ идеалъ нахрапа или каверзы Подхалюзина, въ государственной—«мотивы» Охотнаго ряда. Изъ этого сочетанія дѣйствительно выходитъ нѣчто особенное, какъ будто оправдывающее «Московскія Вѣдомости».

Но заключившій такимъ образомъ, т. е. вообразившій, что названная газета дѣйствительно служитъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія Москвы—попалъ бы впросакъ съ своимъ быстрымъ рѣшеніемъ. Во-первыхъ, Москва—не одни Китъ-Китычи и не одни Подхалюзины; въ той же Москвѣ есть и другая часть общества, менѣе замѣтная, но болѣе развитая и составляющая очень внушительное меньшинство. Вотъ эта-то часть, напротивъ, пришла бы въ смущеніе, если бы ее сочли солидарною съ мнѣніями «Московскихъ Вѣдомостей» и «Руси». Она вовсе не такъ думаетъ, какъ думаютъ названные органы, и вовсе не представляетъ той болѣе абстрактной, чѣмъ дѣйствительной «Москвы», которую обыкновенно названные публицисты противополагаютъ «Петербургу» въ смыслѣ принциповъ. И фактъ, заслуживающій интереса, тотъ, что въ Москвѣ самое большое распространеніе имѣютъ, напримѣръ, такіе органы, какъ «Русскія Вѣдомости», «Московскій Теле-

графъ», «Русскій Курьеръ», какъ извѣстно, не имѣющіе ничего общаго съ «Московскими Вѣдомостями». Мнѣ даже сообщали, что въ послѣднее время, вслѣдствіе невозможнаго тона названной газеты, ея распространеніе еще болѣе уменьшилось и издателю даже не помогаетъ и монополія на станціи Московско-Курской желѣзной дороги. «Московскихъ Вѣдомостей» просто не берутъ. То же самое говорили мнѣ и московскіе газетные разносчики. На двадцать пять нумеровъ «Русскихъ Вѣдомостей»—идетъ одинъ нумеръ г. Каткова. Фактъ, повторяю, весьма любопытный, свидѣтельствующій, что «Россія» названнаго публициста далеко не такъ велика, какъ можно было бы судить по тому апломбу, съ которымъ онъ говоритъ отъ ея имени и подчасъ тѣмъ свободнымъ публицистическимъ языкомъ своихъ передовыхъ статей, который заставляетъ иногда прочитывать ихъ даже людей, вовсе не раздѣляющихъ мнѣнія газеты.

— Единственная газета, тонъ которой напоминаетъ, по крайней мѣрѣ хоть одной стороной, тонъ европейскаго органа!—говорилъ мнѣ одинъ изъ такихъ любителей-москвичей, одинъ присяжный повѣренный.

— Въ смыслѣ тона бѣсноватыхъ газетъ?

— Хотя бы и такъ. Знаю, что этотъ тонъ, его рѣзкость, его апломбъ могутъ проявляться въ извѣстномъ направленіи...

— Отъ этого онъ еще гнуснѣе.

— Ну нѣтъ, отчего же... Этотъ языкъ можетъ возбуждать злость, негодованіе, презрѣніе, но, по крайней мѣрѣ, не ту скуку, которой вѣетъ во всѣхъ передовыхъ статьяхъ нашихъ другихъ газетъ...

— Но иногда эта скука невольная...

— Все это такъ, но тѣмъ не менѣе непроходимая скука! А тутъ хоть гадости пишутъ, но раздражающимъ тономъ. Вотъ почему вы видите эту газету у меня на столѣ! — прибавилъ этотъ своеобразный любитель «изящнаго».

V.

На другой день пріѣзда я съ утра принялся разыскивать одного знакомаго, адреса котораго не зналъ, да вдобавокъ и не зналъ навѣрное, въ Москвѣ ли мой знакомый, или уѣхалъ въ деревню. Въ Петербургѣ мнѣ дали адресъ одного студента, который давалъ уроки въ семьѣ моего знакомаго и могъ помочь мнѣ въ моихъ поискахъ. Адресъ, данный мнѣ, былъ коротокъ: такая-то больница.

Такъ какъ больница была недалеко отъ Лоскутной гостиницы, я отправился туда.

— Не знаете ли вы студента такого-то?—обратился я къ сторожу, вышедшему изъ справочной больничной конторы.

Онъ повторилъ фамилію, куда-то сходилъ и вернулся, рѣшительно объявивъ, что такого студента здѣсь не бываетъ.

— Но мнѣ дали адресъ. У кого здѣсь можно справиться?

— Будьте покойны. Я всѣхъ студентовъ знаю. Это вѣрно. Нѣтъ такого. Вы бы съѣздили въ другую больницу. Ее часто смѣшиваютъ съ нашей!—обязательно объяснялъ онъ, благодаря за двугривенный.

Я имѣлъ глупость повѣрить и поѣхалъ въ другой конецъ города. Во всю длинную дорогу старикъ-извозчикъ тянулъ одну и ту же пѣсню: «кормы дороги, работа скверная, конки одолѣли».

— И господа не тѣ!

— Какъ не тѣ?

— Не тѣ. Бога забыли, вотъ Богъ имъ и не даетъ!

— Какъ забыли Бога?

— Стало, забыли. За то и имъ Богъ не даетъ ходу. Отощалъ баринъ.

— Кому-жъ Богъ ходъ даетъ въ Москвѣ?

— Извѣстно кому—толстопузому, купцу.

— Что-жъ, кто лучше по-твоему: баринъ или купецъ?

— Толстопузый хуже. Онъ, гляди, изъ нашего брата вышелъ, записался въ купцы и о-о-охъ какъ мужика обидитъ. Въ лоскъ! Барину такъ и невдомекъ... А зачѣмъ Бога забылъ? Небось, положеніемъ недоволенъ, что крестьянъ отняли, и бунтуетъ. Богъ и наказываетъ.

Извозчикъ оказался завзятымъ пессимистомъ, мрачно глядѣвшимъ на все окружающее. Теперь, по его словамъ, все стало хуже, все будто бы направлено къ тому, чтобы подневольному человѣку не вздохнуть. И Бога забыли, и правды въ мірѣ нѣтъ, и народъ сталъ хуже, и земля плохо родитъ, и господинъ жуликомъ сталъ. «Вотъ намедни тоже, какъ бы человѣка посадилъ, въ родѣ какъ будто барина; ѣздили мы съ нимъ часа четыре, полъ-Москвы исколесили, остановились у Солодовникова пассажа, и слѣдъ его простылъ. И народъ!»—прибавилъ сердито извозчикъ.

Вотъ и больница. Опять справка. Того студента, котораго я разъискивалъ, нѣтъ. Раздосадованный, я снова поѣхалъ въ первую больницу. На этотъ разъ у дверей стоялъ другой швейцаръ.

— Не знаете ли студента такого-то?..

— Какъ же, знаю. Они у насъ въ больницѣ бываютъ. И письма на ихъ имя сюда приходятъ. Какъ не знать?.. Да вы напрасно, господинъ, тогда, какъ утромъ были, у меня не спросили!

— А вы развѣ знали, что я былъ здѣсь?

— Какъ же... Я слышалъ, какъ вы съ тѣмъ швейцаромъ говорили.

— Такъ что же вы тогда не сказали?

— Да, вишь, онъ знаетъ... Думаю, пусть онъ и говоритъ. А онъ этого и не можетъ ничего знать, потому онъ при конторѣ, а я при швейцарской..,

Оказалось однако, что студентъ въ этотъ день не былъ да и не каждый день бываетъ въ больницѣ. Пришлось ѣхать въ адресный столъ.

Тамъ толпа изрядная. Однако ждать пришлось недолго. Мнѣ дали справку. Читаю: по Воробьевой горѣ...

— Извозчикъ, далеко это?

— За Москву-рѣку, а то кругомъ.

— А за рѣкой близко?

— Рукой подать, вотъ какъ до этой стѣны.

Поѣхали. Жара дьявольская, дорога убійственная. Проѣхали Арбатъ, Пречистенку, проѣхали Дѣвичье поле, впереди блистали купола Новодѣвичьяго монастыря. У монастыря я остановился и вошелъ въ ограду.

Я вошелъ въ церковь, минуя кладбище, гдѣ на памятникахъ все пестрѣли извѣстныя фамиліи. Въ темной церкви повѣяло прохладой и свѣжестью. Въ церкви читали часы и собирались понемногу монахини. Что за блѣдныя, истомленныя, желтыя лица! Вотъ входитъ одна, высокая, худая, строгая—оказалось, сестра-казначея — свершаетъ при входѣ поклоны па всѣ стороны и затѣмъ идетъ впередъ мѣрнымъ, размѣреннымъ шагомъ къ своему почетному въ церкви мѣсту. Всѣ низко-пренизко ей кланяются, почти припадая къ полу, и она отвѣчаетъ низкимъ поклономъ. Сколько торжественной строгости въ этомъ ритуалѣ этихъ взаимныхъ поклоновъ сестеръ во Христѣ!

Что было подъ оболочкой этихъ строго-постныхъ, этихъ желто-блѣдныхъ, безстрастныхъ лицъ? Вѣдь и подъ монашеской рясой бьется женское сердце? И подъ несовсѣмъ красивой шапкой, надвинутой на лобъ, бродили, если не бродятъ, какія-нибудь мысли, напоминающія о мірѣ, о его прелестяхъ и соблазнахъ? На это не даютъ отвѣта ни неподвижные взгляды ни безстрастныя лица этихъ темныхъ фигуръ, кажущихся еще темнѣй въ полутемномъ свѣтѣ церкви, безмолвно припадающихъ головами къ полу и осѣняющихъ себя крестами.

Внѣ храма такъ ярко свѣтитъ солнце и такъ свѣтло и жизнерадостно. Я осматриваю памятники и, замѣтивъ приближающуюся монахиню, подхожу къ ней и спрашиваю:

— Скажите, пожалуйста, можно осмотрѣть монастырь?..

— Какъ же. Храмъ всегда открытъ для усердствующихъ.

— Нѣтъ, я храмъ видѣлъ. Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть кельи... Возможно это?

— Нѣтъ, не допускаютъ. Попросите мать-игуменью. Только теперь ихъ дома нѣтъ, онѣ въ Москвѣ,—прибавила монахиня.

— Нельзя ли хоть посмотрѣть кельи царевны Софіи?

— Какая-такая? У насъ никакой царевны нѣтъ!

Очевидно, монахиня этого не слыхала.

— Сколько здѣсь монахинь?

— Около трехсотъ.

— Какого званія?

— Больше крестьянскаго, купчихи есть, двѣ дворянки.

— А мать-игуменья?

Она назвала извѣстную фамилію.

— Такъ нельзя ничего осмотрѣть?—еще разъ спросилъ я.

— Спросите у сестры-казначеи.

Но и сестра-казначея оказалась такою же подозрительно-несговорчивою. Ее больше интересовало, кто я такой, зачѣмъ мнѣ осматривать и т. п. Такъ я и ушелъ изъ Новодѣвичьяго монастыря, ничего не видавши. Онѣ, эти сестры, словно боятся всякаго вопроса, каждый пустякъ окружаютъ какой-то тайной. Напримѣръ, я спросилъ: работаютъ ли всѣ монахини или нѣкоторыя, и въ отвѣтъ получилъ неопредѣленный отвѣтъ, что всякая по мѣрѣ силъ. Затѣмъ, когда я хотѣлъ войти въ подробности, мнѣ не отвѣчали.

— Коли вы, господинъ, любопытны посмотрѣть, — сказалъ мнѣ монастырскій дворникъ:—то достаньте письмецо къ матери-игуменьѣ, такъ лучше всего. Тогда вамъ все покажутъ.

Спустились къ Москвѣ-рѣкѣ; по другой ея сторонѣ высились знаменитыя Воробьевы горы, куда удалялся Іоаннъ Грозный, откуда осматривалъ Москву Наполеонъ и гдѣ теперь, въ деревнѣ, расположенной на вершинѣ, живутъ московскіе дачники, которыхъ не пугаетъ отсутствіе удобнаго сообщенія съ городомъ. У самой рѣки, на томъ берегу, были какія-то строенія и около столы.

— Это что?

— Трактиръ. По праздникамъ сюда пріѣзжаютъ гулять.

У берега стояла лодка и тутъ же городовой, московскій городовой, очень мало по наружности похожій на петербургскаго. У московскихъ нѣтъ той особенной складки, нѣтъ того полицейскаго «шика», что у нашихъ, и на видъ они куда невзрачнѣе петербургскихъ, да и одѣты не такъ щеголевато.

— Вы здѣсь зачѣмъ стоите? — спросилъ я, удивленный, что блюститель порядка сторожитъ Москву-рѣку.

— Для порядку!—отвѣчалъ онъ.

— Для какого?

— Мало ли, господинъ, для какого—для всякаго!

— Напримѣръ?

— Чтобы шуму не было...

— На рѣкѣ-то?..

— Вобче, чтобы какъ слѣдуетъ. Чтобы подозрительныя лица не проѣзжали... Мало ли нонче!

О, святая простота! Кто устоитъ противъ твоей наивности въ образѣ этого маленькаго ярыжки, слѣдящаго за подозрительными людьми? Дай только Богъ, чтобы фантазія не увлекла его какъ-нибудь впросакъ, и чтобы его наблюдательность не превысила данныхъ ему квартальнымъ инструкцій, вѣроятно, составленныхъ тоже «вообще» и, надо думать, приноровленныхъ къ его понятіямъ о степени подозрительности.

— Какъ же вы отличаете подозрительныхъ лицъ?..

— Сейчасъ видно, коли у человѣка на умѣ недоброе... Онъ и видъ такой имѣетъ! — простодушно отвѣчалъ московскій стражъ. — Ну, опять одежа...

На той сторонѣ рѣки, у сквернаго трактира, какой-то мальчикъ взялся меня проводить наверхъ... По изрытому рытвинами подъему мы взобрались на гору. Я оглянулся и не раскаялся, что совершилъ длинное и утомительное путешествіе по жарѣ. Видъ на Москву дѣйствительно былъ превосходный. Вся она была какъ на ладони, блистая своими церквами, утопая въ зелени, окаймленная, какъ въ рамкѣ, зеленѣющими полями. Я долго не могъ оторвать глазъ отъ этой красивой панорамы громаднаго города, сверкающаго на солнцѣ безчисленными куполами, между которыми особенно выдѣлялся ярко-раззолоченный особеннымъ способомъ гальванопластики куполъ храма Спасителя.

Посмотрѣвъ съ того самаго мѣста, гдѣ, по разсказу подошедшаго къ намъ десятника съ бляхой, стоялъ Наполеонъ, я скоро, безъ особенныхъ затрудненій, нашелъ того господина, котораго искалъ, въ одной изъ избъ деревни. Отъ него я узналъ, что мой пріятель, нѣсколько дней тому назадъ, уѣхалъ со всей семьей на дачу, верстъ за сто отъ Москвы.

Мой случайный знакомый, съ истиннымъ радушіемъ настоящаго москвича, угостилъ меня завтракомъ и потомъ повелъ показывать виды съ различныхъ пунктовъ Воробьевыхъ горъ. Виды, въ самомъ дѣлѣ, были одинъ другого лучше, и недаромъ москвичи ѣздятъ сюда по праздникамъ насладиться прекраснымъ воздухомъ послѣ духоты и вони города.

— Очень здѣсь хорошо! — восхищался я, кажется, съ самаго того же мѣста, откуда Наполеонъ, окруженный блестящимъ штабомъ своихъ генераловъ, обозрѣвалъ эту самую Москву, которая такъ дорого обошлась ему впослѣдствіи.—Да и жить здѣсь, я думаю, недурно, не то что на петербургскихъ дачахъ? Привольно, спокойно, какъ въ настоящей деревнѣ... Лѣсъ, волнующіяся поля, рѣка...

— Однако вы, кажется, совсѣмъ представляете себѣ идиллію? — замѣтилъ мой собесѣдникъ.

— А что? Развѣ не идиллія... Посмотрите...

— Оно, конечно, недурно, но прежде, года два тому назадъ, лучше было... Болѣе на деревенскую идиллію походило... Первобытность кое-какая еще оставалась.

— А теперь?

— Мало... Да и сельскія власти стали очень внимательны.

— Неужели цивилизація и на Воробьевы горы поднялась, что ли?

— То-то... Очень стали интересоваться. Иной разъ и въ избу заглянутъ, когда васъ нѣтъ дома,—взглянуть: все ли въ порядкѣ!—усмѣхнулся мой собесѣдникъ.—Оно, видите ли, отчасти идиллія и нарушена!

Я вспомнилъ встрѣчу съ «піонеромъ цивилизаціи» у перевоза и понялъ, что мои слова восторга могли показаться нѣсколько странными человѣку, имѣющему отъ роду двадцать пять лѣтъ и носящему званіе студента.

Но гдѣ-жъ искать теперь настоящей деревенской идилліи? Гдѣ «лежать на травѣ», чтобы любоваться высокимъ небеснымъ сводомъ, слушать шопотъ стараго лѣса и хоть на нѣкоторое время забыться, отдохнуть отъ этой ужасной «злобы дня»? Оказывается, нѣтъ отъ нея нигдѣ спасенія. Она и на Воробьевыхъ горахъ, также какъ и въ вагонѣ столичнаго поѣзда, она и въ глуши самаго дальняго захолустья, пожалуй, еще въ болѣе уродливой формѣ (если вѣрить наблюдателямъ и кое-какимъ газетнымъ корреспонденціямъ), она, эта «злоба дня», всюду, какъ тѣнь, слѣдуетъ за человѣкомъ по городамъ, городкамъ и весямъ обширной русской имперіи и, съ раздражающей назойливостью, лѣзетъ вамъ въ глаза подозрительнымъ взглядомъ, умышленной недомолвкой, оскорбительной фамильярностью, а подчасъ и грубой, откровенно-наглой экскурсіей въ вашу душу какого-нибудь деревенскаго «политика» или урядника, на котораго даже и сердиться нельзя за его невѣжественное усердіе, не предписанное, надо думать, никакими инструкціями, но продиктованное его «собственнымъ умомъ».

«Камо бѣгу отъ духа твоего и отъ лица твоего камо бѣгу?»—можетъ воскликнуть теперь каждый русскій человѣкъ, желающій убѣжать хоть на время отъ этой раздражающей больной хандры города. Но какъ «вѣчному жиду», не знающему отдыха и покоя, такъ и современному русскому человѣку — нигдѣ не найти уголка, гдѣ бы онъ могъ «забыться и уснуть», не напившись до положенія ризъ.

VII.

Я вернулся въ Москву усталый послѣ этой неожиданной прогулки на Воробьевы горы. А мнѣ еще предстояло, согласно программѣ, составленной однимъ знакомымъ москвичомъ, обѣдать у Тѣстова и послѣ ѣхать въ Петровскій паркъ. Быть въ Москвѣ и не разстроить себѣ желудка—то же самое, что быть въ Римѣ и не видать папы.

Въ Москвѣ трактиры куда демократичнѣе нашихъ; впрочемъ, и не одни трактиры; то же можно сказать и про театры и про общественныя гулянья. У Тѣстова, напримѣръ, въ этихъ роскошно-аляповатыхъ залахъ съ оркестріономъ и массой половыхъ въ своихъ классическихъ бѣлыхъ рубахахъ, вы увидите самую разнокалиберную публику: тутъ и помѣщикъ, и чиновникъ, и купецъ въ поддевкѣ, и рядчикъ, и актеръ, не то что, напримѣръ, въ Петербургѣ, гдѣ и въ ресторанахъ публика какъ-то спеціализируется; у Дюссо, Бореля или у Медвѣдя вы, конечно, не встрѣтите тѣхъ лицъ, какихъ встрѣтите въ лучшихъ московскихъ трактирахъ, а если и встрѣтите, то сейчасъ же замѣтите какую-то приниженную робость человѣка, попавшаго въ общество натянутыхъ,

строгихъ чиновниковъ-дѣльцовъ и офицеровъ, которые измѣрятъ презрительнымъ взглядомъ человѣка, видимо, не ихъ круга. Совсѣмъ не то въ Москвѣ. Здѣсь вездѣ разсчитываютъ на публику, на потребленіе en masse, а не на избранныхъ. Кто не хочетъ «мѣшаться» съ толпой— иди въ клубъ. Здѣсь нѣтъ именно этой приниженности, и со всѣхъ сторонъ вы слышите громкія, оживленныя бесѣды, часто заставляющія васъ вспомнить языкъ комедій Островскаго. Тутъ распиваетъ шампанское какой-нибудь помѣщикъ или инженеръ, а рядомъ скромно попиваетъ чай цѣлая купеческая семья средней руки, съ чадами и домочадцами. Никого такое сосѣдство не удивляетъ.

Это смѣшеніе, эта «толпа» производитъ пріятное впечатлѣніе во всѣхъ мѣстахъ общественныхъ сборищъ, и въ этомъ отношеніи Москва рѣшительно демократичнѣе Петербурга: Въ ней нѣтъ натянутаго, мертваго вида нашихъ общественныхъ собраній, тамъ не бьютъ въ глаза тѣ кастовыя раздѣленія, которыя вы даже увидите въ петербургскихъ церквахъ, не давитъ эта брезгливая чопорность нашихъ soi disant аристократическихъ поползновеній и боязни смѣшаться «со всѣми», и вотъ почему всѣ общественныя сборища и увеселенія въ Москвѣ оживленнѣе и проще и даже дали поводъ кому-то сравнить въ этомъ отношеніи Москву съ Парижемъ. Если прибавить къ этому, что въ Москвѣ военный элементъ не играетъ преобладающей роли, какъ въ Петербургѣ, нѣтъ того чиновничьяго престижа и погони за подражаніемъ, хоть по внѣшности, высшимъ классамъ, то московская простота становится еще понятнѣе. Кромѣ того, нельзя забывать, что Москва громадный торговый рынокъ, а торговля, какъ извѣстно, не очень обращаетъ вниманіе и на фасонъ платья и на манеры. Ей нужны больше всего деньги, гдѣ-бъ онѣ ни лежали.

Запахъ душистаго скошеннаго сѣна и чудный воздухъ Петровскаго парка пріятно щекотали обоняніе послѣ вони московскихъ улицъ. Вечеръ былъ славный, и въ Петровскомъ паркѣ было много гуляющихъ и катающихся. Этотъ большой паркъ съ его дворцомъ, Петровско-Разумовской академіей, нѣкогда владѣніе Разумовскихъ, купленное потомъ казной—одно изъ болѣе любимыхъ загородныхъ мѣстъ съ дачами и множествомъ разныхъ увеселительныхъ мѣстъ, число которыхъ прибавилось по случаю предполагавшагося открытія московской выставки, огромное зданіе которой выстроено на полѣ, противъ парка, въ двадцати пяти минутахъ ѣзды отъ Страстного монастыря по конножелѣзной дорогѣ. Въ числѣ увеселительныхъ мѣстъ и ресторановъ, тутъ же и знаменитый Яръ, особенно посѣщаемый зимой на тройкахъ... Если-бъ стѣны его могли разсказать обо всѣхъ безобразіяхъ, которыхъ онѣ бывали свидѣтелями во время разгула московскихъ старыхъ и молодыхъ купцовъ, то эпопея была бы, полагаю, очень любопытная, хотя и однообразнаго характера.

Недалеко отъ Петровскаго дворца, почти противъ зданія выставки,

стоитъ Петровскій театръ, ветхое, неказистое деревянное зданіе прежде казеннаго театра, приведенное въ нѣкоторый порядокъ и съ нынѣшняго года арендуемое содержательницей зимняго частнаго театра, такъ-называемаго Пушкинскаго, труппа котораго считается по справедливости лучшей частной труппой Москвы. Однако лѣтомъ этотъ театръ посѣщается лѣниво; онъ былъ арендованъ въ разсчетѣ на выставку, и вслѣдствіе ея отмѣны содержатели, конечно, должны нести убытки, несмотря на хорошую труппу, среди которой выдаются такіе талантливые артисты, какъ г-жа Красовская, замѣчательно даровитая комическая старуха, и гг. Бурлакъ-Андреевъ, Писаревъ и Кирѣевъ. Быть-можетъ, впрочемъ, плохіе сборы театра до нѣкоторой степени объясняются и строго-серьезнымъ репертуаромъ театра, который не допускаетъ къ себѣ оперетки, столь любимой Москвой и нынѣшнимъ лѣтомъ окончательно побѣдившей и Петербургъ.

Какъ бы то ни было, но когда мы вошли въ партеръ Петровскаго театра, то убѣдились, что охотниковъ смотрѣть «Горе отъ ума», при самой тщательной постановкѣ, съ костюмами дѣйствительно того времени, оказалось весьма мало. Театръ былъ болѣе чѣмъ на половину пустъ. Впрочемъ, говорятъ, что лѣтомъ во всѣхъ частныхъ театрахъ — а ихъ въ Москвѣ болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ — дѣла идутъ плохо, кромѣ театра «Эрмитажа» — этого бойкаго увеселительнаго мѣста въ самомъ центрѣ города, Демидрона Москвы, любимаго и посѣщаемаго публикой. Тамъ и садъ съ разными увеселеніями, и театръ съ драматической и опереточной труппами г. Лентовскаго, приводящаго нынче петербургскую публику въ восторгъ своими опереточными представленіями въ Аркадіи...

Г. Лентовскій выбралъ удобное время для пріѣзда въ Петербургъ. Оперетки теперь какъ разъ вò-время, и недаромъ публика — вѣрнѣе, извѣстная часть ея — рвется во всѣ театры, гдѣ поютъ раздражающіе, игривые мотивы и отплясываютъ канканъ въ томъ откровенномъ направленіи, который господствуетъ теперь и въ общественной жизни. Созданная во Франціи при Наполеонѣ III, особенно покровительствуемая имъ, эта остроумная француженка легкаго поведенія, теперь уже потерявшая тамъ прежнее значеніе, какъ видно, хочетъ культивироваться у насъ и занять подобающее ей значеніе... Судя по нынѣшнему лѣту, успѣхъ ея несомнѣненъ. Вкусъ къ порнографическимъ увеселеніямъ растетъ по мѣрѣ притупленія другихъ вкусовъ, и недаромъ надняхъ я встрѣтилъ одного солиднаго и непреклоннаго въ своемъ департаментѣ статскаго совѣтника, выходящаго изъ Аркадіи и напѣвавшаго самымъ подзадоривающимъ голосомъ:

Я невинная дѣвица...
Я невинная...

Онъ вдругъ оборвалъ на слѣдующей нотѣ, встрѣтившись со мной лицомъ къ лицу. Дѣло въ томъ, что того же дня утромъ я былъ у него

по дѣлу, весьма непріятному дѣлу, и имѣлъ честь слышать отъ него такія солидныя воздыханія, такія строгія осужденія «вообще» и легкомыслію печати въ особенности, что видѣть его теперь въ этомъ игривомъ настроеніи, напѣвающимъ: «Я невинная дѣвица», было для меня однимъ изъ лучшихъ доказательствъ смягчающаго, воспитательнаго значенія оперетки.

Онъ поневолѣ узналъ меня—улизнуть было некуда—и первый заговорилъ:

— А вѣдь недурно, а?

— Недурно, ваше превосходительство!

Я такъ называлъ статскаго совѣтника, зная, что этотъ, хотя и не принадлежащій ему титулъ нисколько его не сердитъ, хотя онъ и дѣлалъ изъ приличія видъ, будто сердится.

— По крайней мѣрѣ, знаете ли... безобидная сатира... Веселые мотивы и...

— И самый успокаивающій канканчикъ, ваше превосходительство!

— Ну, разумѣется, не то что вѣчныя, мрачныя картины обобщенія... Тутъ по крайней мѣрѣ нѣтъ преднамѣренности... Ничего этого нѣтъ, что только раздражаетъ общество... Надо его успокаивать, а не раздражать...

Эта рѣчь была отголоскомъ утренней, но все-таки съ нѣкоторой разницей въ тонѣ. Утромъ этотъ статскій совѣтникъ казался непреклонной весталкой, хранительницей священнаго огня, а вечеромъ, послѣ «Синей бороды» и пѣсенокъ Булотты, походилъ и самъ на «невинную дѣвицу», пѣсенку которой онъ только-что такъ игриво напѣвалъ... Очевидно, это было дѣйствіемъ оперетки...

Ахъ, если бы такіе статскіе совѣтники приняли за правило скрѣплять бумаги непосредственно послѣ представленія оперетокъ! Смѣю думать, что потомство отъ этого бы нисколько не проиграло!..

Воспользовавшись моментомъ, я началъ-было о «дѣлѣ», но статскій совѣтникъ, какъ будто почувствовавъ себя теперь въ положеніи Булотты, не умѣющей никому отказывать, довольно ловко уклонился отъ «дѣла» и обѣщалъ поговорить «завтра утромъ».

Но на «завтра», когда я снова пришелъ,—увы!—передо мной опять сидѣла весталка священнаго огня и на всѣ мои доводы отвѣчала неизмѣнно одно и то же:

— Мы этого не потерпимъ! Мы этого не потерпимъ!

Что если бы г. Лентовскій давалъ представленія по утрамъ и вечерамъ! Не было ли бы это еще благодѣтельнѣе для смягченія нравовъ?.. О выгодности такого предпріятія нечего и говорить, особливо если утреннія представленія будутъ начинаться въ 10 часовъ утра и кончаться въ часъ, какъ разъ ко времени начала дѣятельности въ канцеляріяхъ и департаментахъ!

VIII.

Когда, поздно вечеромъ, возвращаясь изъ Петровскаго парка, мы проѣзжали по пустынной Тверской улицѣ, любезный спутникъ мой обратилъ мое вниманіе на большой, старинный, двухэтажный, раскидистый, слабо освѣщенный домъ во дворѣ, обнесенный по фасаду рѣшеткой, со львами у подъѣзда, на мрачныхъ фигурахъ которыхъ игралъ лунный свѣтъ. «Это англійскій клубъ!»—сказалъ онъ.

Съ именемъ московскаго «англійскаго клуба», съ его знаменитыми когда-то обѣдами и знаменитыми тузами, невольно пронеслась въ памяти цѣлая помѣщичья эпопея, всѣ эти порывы патріотизма насчетъ крѣпостныхъ, всѣ эти московскія ретроградныя бутады и прославленіе въ 1863 году Каткова съ поднесеніемъ ему знаменитой чернильницы. Но отчего этотъ старинный домъ такъ сумрачно смотритъ? Увы! кажется, приходитъ конецъ этому частному «государственному совѣту» помѣщичьей знати, когда-то дававшему тонъ всей Москвѣ, дававшему своимъ своеобразнымъ свободомысліемъ и роскошнѣйшими обѣдами. Оказывается, что его существованіе виситъ на волоскѣ. Прежніе члены, могикане крѣпостничества, мало-по-малу вымираютъ, а новыхъ охотниковъ мало, такъ что, по словамъ моего чичероне, болѣе чѣмъ вѣроятно, что московскій клубъ, пріютъ всѣхъ Фамусовыхъ и Тугоуховскихъ, — закроется совсѣмъ, къ ужасу тѣхъ одряхлѣвшихъ допотопныхъ генераловъ и помѣщиковъ, которые еще доживаютъ свой вѣкъ въ Москвѣ...

Еще одна свѣжая могила крѣпостной Россіи! Насиженное гнѣздо «московскаго» помѣщичьяго духа, который обезсмертилъ Грибоѣдовъ, само собой разоряется, и нынѣшніе потомки прежнихъ звѣздъ крѣпостничества уже не поддерживаютъ его. Да и нѣтъ резона, въ виду вырожденія прежняго «барина». «Дѣти», пожалуй, и смѣются надъ московскимъ «клобомъ» съ его претензіями и нескрываемымъ, открытымъ крѣпостничествомъ. Одни изъ нихъ разорились и пошли въ отхожіе промыслы, разнообразіе которыхъ заключаетъ въ себѣ всѣ ступени карьеръ, начиная отъ карьеры блюстителя государственныхъ интересовъ и кончая званіемъ червоннаго валета,—другіе, болѣе дальновидные и искусные, соединили въ себѣ теоретиковъ-крѣпостниковъ съ практиками-Разуваевами и, понявши такимъ образомъ духъ времени, обсуждаютъ свои знаменитые контракты добровольнаго соглашенія уже не въ шумной бесѣдѣ, послѣ обѣда въ англійскомъ клубѣ, а въ тиши своихъ кабинетовъ, при помощи услужливаго адвоката и красиво переплетенныхъ судебныхъ уставовъ. Зачѣмъ имъ для этого клубъ? Въ клубѣ, въ этомъ самомъ клубѣ, быть-можетъ, еще найдутся тѣ, стоящіе одной ногой въ могилѣ, старики-помѣщики, которые, находя сообразнымъ съ достоинствомъ дворянина держать гаремы крѣпостныхъ дѣвокъ и мѣнять крѣпостныхъ на собакъ,—сочтутъ «не дворянскимъ

дѣломъ» эти разуваевскіе пріемы, эти легальные документы, напоминающіе расписку, полученную шекспировскимъ венеціанскимъ евреемъ. И, кто знаетъ, презрительно-брезгливый взглядъ этихъ «стариковъ», пожалуй, только смутитъ новѣйшаго барина-кулака, этого джентльмена-дѣльца, изящнаго, выхоленнаго, не имѣющаго отталкивающаго вида чумазаго, неумытаго, грязно одѣтаго хищника-Разуваева, но въ то же время умѣющаго не хуже послѣдняго вести свою «линію» въ томъ же направленіи.

У насъ въ послѣднее время литература съ особеннымъ тщаніемъ и заботливостью занимается «кулакомъ», но по преимуществу кулакомъ, такъ-сказать, чернымъ, кулакомъ-мужикомъ, а не кулакомъ-бариномъ. Правда, первый типъ распространеннѣе, но и послѣдній не лишенъ интереса, тѣмъ болѣе, что онъ, хотя и менѣе распространенъ, но, по своему положенію и связямъ, заслуживаетъ не менѣе вниманія...

Онъ, этотъ зачастую бывшій «баринъ», а нынче землевладѣлецъ, земецъ, содержатель кабаковъ, учредитель «Товарищества Клепки», марка такая-то, агентства во всѣхъ городахъ,—самой лучшей клепки, которая изгонитъ всѣ другія, такъ что «только изъ клепки, марка такая-то (смотри подробности въ объявленіяхъ), со временемъ будутъ выдѣлываться всѣ бочки въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ»,—довольно характеренъ. Этотъ изящный, образованный скорпіонъ, выдѣлывающій клепку при помощи науки, представителямъ которой недаромъ платитъ большое жалованье, знающій, что за два съ полтиной можно по телеграфу послать въ газету опроверженіе, знающій, какъ составить докладную записку объ отводѣ казеннаго лѣса подъ клепку, записку, которая бы заставила забиться сердце патріота,—умѣющій политику замѣшать въ распространеніе кабаковъ, орудовать юриспруденціей въ совершенствѣ, ухаживать за «литературой» въ образѣ ея маститыхъ корифеевъ, «проводить» что-нибудь въ «Сельскохозяйственномъ обществѣ» или въ «Обществѣ содѣйствія промышленности и торговлѣ» и время отъ времени произносить подчасъ даже либеральныя рѣчи—этотъ кулакъ-баринъ какъ будто забытъ нашей литературой, сосредоточившей исключительное вниманіе на піявкахъ деревни, непосредственно сосущихъ мужика...

Между тѣмъ разные контракты, по временамъ появляющіеся въ газетахъ, свидѣтельствуютъ, что не одни Разуваевы умѣютъ дѣлать дѣло «чисто» и по «совѣсти»...

IX.

Въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Москвѣ, первопрестольная была занята дѣломъ извѣстнаго московскаго милліонера Солодовникова, состояніе котораго такъ велико, что отъ одного отрѣзанія купоновъ его бумагъ, по словамъ свидѣтеля на судѣ, кассиры натирали себѣ мозоли. Объ этомъ дѣлѣ говорили вездѣ, и многіе держали пари за ис-

ходъ дѣла. О самомъ «героѣ» процесса разсказывали весьма характерныя подробности. Впрочемъ, лучше того, что выяснилось на процессѣ, трудно было и разсказать, а потому я повторять разсказовъ не буду. Замѣчу только, что объясненіе его поступка съ женой и дѣтьми не объяснили только скупостью. Въ Москвѣ есть типы скупцовъ-милліонеровъ, но г. Солодовниковъ къ нимъ не подходитъ. А судя по разсказу, сообщенному корреспондентомъ «Голоса», среди московскаго купечества есть въ этомъ родѣ замѣчательные экземпляры, не уступающіе Плюшкину.

«Вы помните,—пишетъ корреспондентъ:—конечно, нашихъ «скупыхъ рыцарей», тоже милліонеровъ, Фирсанова и Карташова, съ проклятіями разстававшихся съ жизнью не потому, что имъ жить хотѣлось (оба пожили довольно), а потому, что, вмѣстѣ съ жизнью, имъ приходилось разставаться и съ грудами золота, всевозможныхъ акцій, облигацій, талоновъ и купоновъ, которые они, «скупые рыцари» новѣйшей формаціи, стяжали цѣною многихъ лишеній, страданій и, можетъ-быть, слезъ. Это были своего рода отшельники, гордые сознаніемъ своего могущества и, въ то же время, его безкорыстнѣйшіе служители и рабы. Вспомните засвидѣтельствованную полицейскимъ протоколомъ картину осмотра «дворца» Г. Н. Карташова, въ которомъ онъ скончался.

Передняя настолько тѣсна, что въ ней двое съ трудомъ могутъ повернуться. Потомъ «пріемная» комнатка, немного побольше первой. На простомъ, покрытомъ простынею столѣ — трупъ усопшаго. Направо узенькій коридорчикъ и *конусообразная* «опочивальня»: вотъ небольшая лежанка съ изголовьемъ, на которой спалъ покойный; рядомъ маленькая грязная скамья и на ней заскорузлый котелокъ съ водою, прикрытый грязною, запыленною дощечкой; котелокъ до такой степени ветхъ, что стоитъ на боку, иначе вода прольется черезъ обвалившіеся края; за остатки порванныхъ обоевъ зацѣпленъ желѣзный, помятый ковшъ; возлѣ скамьи полуразвалившееся «вольтеровское» кресло о трехъ ножкахъ, покрытое густымъ слоемъ пыли, и тоже трехногій столъ (недостающую ножку замѣняетъ осиновое полѣно); на срединѣ стола покрытый плѣсенью и перепачканный мухами двухведерный самоваръ; два небольшія окна, выходящія въ переулокъ, защищены массивными, старинной конструкціи, рѣшетками.

И въ этой-то конурѣ покоился «рыцарь», обладавшій нѣсколькими милліонами, «рыцарь», которому дѣйствительно стоило только «свистнуть»—и стѣны его опочивальни одѣлись бы бархатомъ, узенькая лежанка замѣнилась бы золоченою кроватью, разбитый котелокъ—севрскимъ фарфоромъ!

Разсказы о смерти другого «рыцаря», Фирсанова, проскользнувшіе въ печать, еще характернѣе. Разсказываютъ, напримѣръ, что, въ предсмертномъ бреду, Фирсановъ пытался засунуть себѣ въ носъ, въ ротъ

и въ уши ключъ отъ несгораемаго сундука съ «сокровищами», лишь бы унести его съ собой въ могилу, лишь бы съ такимъ трудомъ накопленное богатство не досталось никому.

Не таковъ г. Солодовниковъ—этотъ типъ совсѣмъ другого рода «рыцарей».

Онъ, извѣстный всей Москвѣ «жуиръ», одѣвается безукоризненно и, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, еще молодится. Онъ на судѣ упоминалъ имена Джонсона и Бокля для доказательства пользы бѣдности, однимъ словомъ, онъ нѣкоторымъ образомъ вкусилъ образованія, и тѣмъ позорнѣе для него, конечно, является этотъ знаменитый процессъ, раскрывающій—не въ первый, впрочемъ, разъ—безсердечіе, жестокость, отсутствіе самыхъ примитивныхъ чертъ порядочности у одного изъ представителей тѣхъ «столповъ» капитализма, которые подчасъ съ такой трогательной наивностью говорятъ о безнравственности, объ оскудѣніи добродѣтелей, когда дѣло касается рабочаго люда. Черты все знакомыя, исторія обыкновенная... Но, во всякомъ случаѣ, мерзость, обнаружившаяся на процессѣ, даже и для такихъ кавалеровъ является мерзостью необыкновенною—дѣло касается ужъ очень простыхъ отношеній,—отношеній отца къ дѣтямъ...

Семнадцать лѣтъ тому назадъ онъ сошелся съ одной бѣдной образованной дѣвушкой, жилъ съ ней какъ съ «законной» женой семнадцать лѣтъ и прижилъ нѣсколько человѣкъ дѣтей; но когда, подъ старость, онъ увлекся новой страстью, то въ одинъ прекрасный день оставилъ и жену и дѣтей рѣшительно безъ всякихъ средствъ, попросту выбросилъ на улицу. Замѣтьте, что на судѣ фигура этой брошенной женщины вырисовывается съ очень симпатичной стороны. Она ни словомъ не проговорилась о своей семнадцатилѣтней жизни, не разсказала ни одной тайны разбитаго сердца. Изъ показаній свидѣтелей видно, что она, несмотря на милліоны г. Солодовникова, жила всегда очень скромно и вся отдалась воспитанію дѣтей. И вотъ мать съ пятью человѣками дѣтей, воспитанныхъ, замѣтьте, въ извѣстной обстановкѣ довольства и роскоши, должна была перебраться въ одну комнатку и терпѣть не только недостатки матеріальные, но и пытки нравственныя. «Отецъ, ты забылъ, что нужно платить за квартиру—насъ выгоняютъ!»—писалъ маленькій сынъ своему отцу, но отецъ не отвѣчалъ, и, когда мать явилась къ той «женщинѣ», которая завладѣла старымъ «жуиромъ», съ просьбой не дѣлать несчастной ее и дѣтей, г. Солодовниковъ прогоняетъ и жену и дѣтей и говоритъ, что они ничего не получатъ. На вопросъ, обращенный къ старцу со стороны «фаворитки», узнавшей о прежней долгой связи г. Солодовникова, онъ отвѣчаетъ со смѣхомъ: «Такихъ женъ въ Москвѣ у каждаго по десяти!». А насчетъ дѣтей: «Такихъ дѣтей у него сотни!»

Послѣ всего этого немудрено, что мать наконецъ рѣшилась обратиться къ суду, ради дѣтей.

На судѣ г. Солодовниковъ вмѣстѣ съ достойнымъ своимъ адвокатомъ г. Лохвицкимъ считали своимъ долгомъ всячески опозорить эту женщину, но въ то же время всякій разъ, когда князь Урусовъ, адвокатъ потерпѣвшей, допрашивалъ свидѣтелей съ цѣлью разоблаченія на судѣ гнусныхъ подробностей, оттѣняющихъ всю прелесть нравственнаго существа этого отца «сотенъ дѣтей», желавшаго «отдѣлаться» и ничѣмъ не обезпечить дѣтей, изъ-за которыхъ мать рискнула вынести въ залу суда эту семейную драму,—г. Солодовниковъ, говорю, постоянно прерывалъ адвоката, замѣчая, что это «вводные эпизоды», которые заставляютъ разсказывать, чтобы «причинить ему непріятность». Онъ, видите ли, этотъ московскій набобъ, привыкшій за деньги не знать непріятностей, еще обижается, что защита желаетъ, въ предѣлахъ существа дѣла, уяснить передъ судомъ всѣ обстоятельства! И надо было видѣть, съ какимъ апломбомъ «мѣднаго лба», съ какой поднятой головой держалъ себя г. Солодовниковъ! Онъ, этотъ старый грѣховодникъ, отрекающійся отъ дѣтей, явился къ своему позорному столбу, въ судъ, во фракѣ, въ лакированныхъ ботинкахъ, завитой, и посматривалъ вокругъ съ такимъ видомъ, точно дѣло шло о какомъ-нибудь пустякѣ.. Надо воистину обладать такимъ же «мѣднымъ лбомъ», какъ и г. Лохвицкій,—о, этотъ привыкъ ко всему!—чтобы держать себя съ такимъ «достоинствомъ», съ какимъ держалъ себя г. Солодовниковъ.

Разумѣется, желая подѣйствовать на судъ, онъ, за нѣсколько дней до разбора дѣла, внесъ въ сиротскій судъ 50.000 р. на воспитаніе своихъ пятерыхъ дѣтей и, какъ бы въ насмѣшку, обязался платить матери ихъ по триста рублей въ годъ.

«Для нихъ этого совершенно достаточно,—говорилъ онъ на судѣ.—Я исполнилъ всѣ обязанности, далъ сумму бо́льшую, чѣмъ та, которую бы получили законныя дѣти. Дѣти г-жи Куколевской могутъ быть при этомъ воспитаны наравнѣ съ дѣтьми богачей и кончить курсъ въ гимназіи. Я видѣлъ въ городѣ Хемницѣ принцевъ, дѣти которыхъ воспитывались въ гимназіи за плату 800 талер. въ годъ. Бо́льшая сумма порождала бы зависть въ дѣтяхъ законныхъ и была бы безсильна сдѣлать полезныхъ людей. Лучшіе люди иногда въ молодости зарабатываютъ себѣ кусокъ хлѣба трудомъ; напримѣръ, Джонсонъ, Бокль, извѣстный авторъ «Европейской цивилизаціи», Биконсфильдъ и другіе, не будучи сначала богатыми, трудовой жизнью достигли общаго почета, и, наоборотъ, часто дѣти первыхъ богачей выходятъ послѣдними людьми!»

Слышите? Г. Солодовниковъ, получившій милліоны отъ своего отца и о «собственномъ трудѣ» имѣющій такое же понятіе, какъ и объ элементарныхъ правилахъ совѣсти, туда же осмѣливается прочитывать тираду о вредѣ богатства и говорить о зависти между законными и незаконными дѣтьми!..

Г. Лохвицкій, этотъ присяжный защитникъ всякой невозможной пакости, подъ условіемъ, конечно, что пакость совершена субъектомъ, который въ состояніи заплатить не менѣе того, что̀ платятъ сумасшедшіе старцы за обстановку модной кокотки,—разумѣется, былъ на высотѣ своего положенія...

Когда въ Москвѣ стало извѣстно, что подана жалоба на г. Солодовникова, ни у кого не было сомнѣнія, что защитникомъ у него будетъ г. Лохвицкій—бывшій профессоръ и пользующійся *отчаянной* извѣстностью адвокатъ. Съ цинизмомъ, превосходящимъ даже самое смѣлое воображеніе развращеннаго прелюбодѣя слова, онъ готовъ, какъ показала его долголѣтняя дѣятельность въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго, «распинаться» за что угодно. Идетъ ли дѣло о завѣдомомъ подлогѣ, объ ограбленіи, объ истязаніи, объ изнасилованіи, вы навѣрное можете напередъ сказать, безъ боязни ошибиться, что въ такомъ дѣлѣ защитникомъ будетъ не кто иной, какъ г. Лохвицкій, если только—объ этомъ нечего и говорить!—попавшій въ объятія прокурора принадлежитъ къ числу лицъ, въ числѣ добродѣтелей которыхъ есть и «добродѣтель богатства».

Логически-послѣдовательный въ своемъ адвокатскомъ цинизмѣ, ловкій, опытный, образованный юристъ, защищающій нерѣдко завѣдомую гнусность съ увлекательностью, умомъ и остроуміемъ, онъ, конечно, производитъ тѣмъ отвратительнѣе впечатлѣніе. О сохраненіи своего адвокатскаго имени въ чистотѣ для современниковъ и потомства г. Лохвицкій, очевидно, не заботится, и репутація его настолько прочно установилась, что никакая новая съ его стороны адвокатская «выходка» ничего не прибавитъ и не убавитъ къ его репутаціи. По обыкновенію, онъ былъ тѣмъ же г. Лохвицкимъ на процессѣ г. Солодовникова, какимъ привыкли его видѣть и на другихъ процессахъ. Съ обычной наглостью наемнаго лицемѣра онъ взывалъ на судѣ къ нравственности и позорилъ мать дѣтей своего кліента за «порочную» жизнь. Г. Лохвицкій, позорящій завѣдомо порядочную женщину за то только, что она жила внѣ брака—это было нѣчто возмутительно-безнравственное, нѣчто отчаянно-развратное, но нисколько не удивительное, какъ только вы вспоминали, что все это говоритъ г. Лохвицкій. «Если судъ присудитъ этой женщинѣ сумму, которую она требуетъ, то это будетъ имѣть значеніе награды за ея порочную жизнь — говорилъ, между прочимъ, Лохвицкій. «Надо,—воскликнулъ онъ въ заключеніе, и, право, казалось мнѣ, будто у г. Лохвицкаго блеснула слеза на глазахъ:—надо, чтобы она вышла отсюда съ опущенной головой, а не съ гордо поднятымъ челомъ и въ раззолоченной каретѣ, получивши такой богатый подарокъ за порокъ!» О, онъ скорбѣлъ за порокъ, ссылаясь на французскіе законы (и забывая прусскіе) о незаконнорожденныхъ, этотъ г. Лохвицкій!

«Дѣтямъ тоже не слѣдовало присуждать хорошаго обезпеченія,—

объяснялъ г. Лохвицкій:—они незаконныя и записаны въ мѣщане, а мѣщанамъ вредно быть богатыми, и, кромѣ того, не окажетъ ли богатство и сквернаго вліянія на нравственность дочери истицы?» — заботился г. Лохвицкій...

Но довольно... Г. Лохвицкій, распинающійся о нравственности... да можетъ ли быть еще что-нибудь болѣе отвратительное въ устахъ завѣдомо «извѣстнаго» своей общественной дѣятельностью адвоката?..

Удивительно еще, какъ онъ не сослался въ своихъ доводахъ на древнее римское законодательство по отношенію къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, когда въ обычаѣ было просто выкидывать ихъ на овощной рынокъ или къ Авентинской горѣ, или просто забрасывать, какъ щенковъ?

Когда судъ вынесъ резолюцію о двухстахъ девятнадцати тысячахъ, г. Солодовниковъ, до того съ необыкновенной развязностью внимавшій своему позору, вдругъ какъ-то весь съежился. Апломбъ его пропалъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ его милліоновъ придется отсчитать 219.000. И кому же?.. Дѣтямъ. *Цифра* на него подѣйствовала. На такихъ людей только цифры и дѣйствуютъ.

И онъ, какъ бы съ упрекомъ во взорѣ, взглянулъ на г. Лохвицкаго. Но г. Лохвицкій отвѣтилъ взглядомъ успокоенія. Вѣдь впереди еще—апелляція, еще не все потеряно, еще, быть-можетъ, добродѣтель этихъ двухъ «столповъ нравственности» и восторжествуетъ! Но такъ или иначе, а оба они вышли изъ суда достаточно опозоренными въ общественномъ мнѣніи... Процессъ этотъ повсемѣстно разнесетъ вѣсть объ этомъ позорѣ.

X.

Это скандальное дѣло, показавшее обществу «au naturel» одного изъ нашихъ капиталистовъ, снова затрогиваетъ, между прочимъ, важный вопросъ—вопросъ о такъ-называемыхъ «незаконнорожденныхъ» дѣтяхъ, не разъ возбуждавшійся въ нашей литературѣ и до сихъ поръ остающійся нетронутымъ нашимъ законодательствомъ. Положеніе нашихъ «незаконнорожденныхъ», по сравненію съ положеніемъ ихъ во всѣхъ странахъ Европы, едва ли не самое незавидное, напоминающее отчасти тѣ времена, когда къ «незаконному» ребенку относились какъ къ существу отверженному, несущему на себѣ наказаніе, за рожденіе на свѣтъ внѣ узаконеннаго брачнаго союза, во всю свою жизнь.

Тогда какъ во всѣхъ странахъ законодательство болѣе или менѣе прогрессируетъ въ отношеніи улучшенія положенія незаконнорожденныхъ, у насъ оно остается нетронутымъ, и законъ не даетъ никакихъ средствъ для узаконенія такихъ дѣтей хотя бы позднѣйшимъ бракомъ.

Пользуясь весьма интересной брошюрой г. А. И.—«Вопросъ о незаконнорожденныхъ» *), знакомящей съ исторіей этого вопроса, съ со-

*) Эта брошюра издана въ 1875 году.

временнымъ законодательствомъ о незаконнорожденныхъ во всѣхъ странахъ Западной Европы и у насъ, написанной съ добрымъ намѣреніемъ обратить вниманіе на этихъ несчастныхъ, лишенныхъ всякихъ правъ, дѣтей,—я приведу изъ нея нѣкоторыя извлеченія, отсылая читателя, желающаго познакомиться съ вопросомъ болѣе подробно, къ самой брошюрѣ.

Съ самыхъ старыхъ временъ почти во всѣхъ странахъ участь незаконнорожденныхъ и подкидышей была самая жалкая. Ихъ выбрасывали, какъ соръ, и даже Аристотель, Сократъ и Платонъ защищали этотъ обычай. То же самое было и въ Римѣ, гдѣ, какъ и въ Греціи, не допускались такъ-называемые неравные браки. Ребенокъ, поднятый съ площади, дѣлался рабомъ, вещью благодѣтеля, спасшаго его отъ смерти, и, при обозначеніи собственныхъ именъ такихъ дѣтей, имъ приписывались буквы S. P. (sine patre)—безъ отца. Отецъ въ тѣ времена, какъ г. Солодовниковъ въ нынѣшнія, считалъ себя свободнымъ отъ всякой за нихъ отвѣтственности, и только послѣ Августа участь «незаконнорожденныхъ» нѣсколько улучшилась тѣмъ, что дѣтей, выкинутыхъ на площадь и рожденныхъ отъ лицъ свободнаго состоянія, дозволено было считать свободными и наслѣдовать матери. Первый христіанскій императоръ Константинъ запретилъ даже конкубинатъ, лишивъ какъ матерей, такъ и дѣтей, происшедшихъ отъ такой связи, не только права наслѣдованія, но и всякаго пособія со стороны отца, и сравнивалъ дѣтей отъ конкубината со всѣми незаконнорожденными. Нельзя сказать, чтобы христіанство значительно облегчило участь незаконнорожденныхъ; правда, духовныя лица устраивали пріюты и воспитывали дѣтей, но потомъ дѣлали ихъ, такъ-сказать, своими крѣпостными. Впослѣдствіи церковь немало ставила тормозовъ вопросу объ улучшеніи участи дѣтей, такъ что либеральные, относительно, законы Юстиніана Великаго, перваго снявшаго рабство съ подкидышей, допустившаго дѣтей наложницъ до наслѣдованія и облегчившаго усыновленіе,—впослѣдствіи были отмѣнены въ IX вѣкѣ папой Львомъ Философомъ, который торжественно назвалъ всѣхъ дѣтей, внѣ брака рожденныхъ, *отверженными*. Незаконнорожденные не могли вступать въ духовный санъ, и даже въ половинѣ XVI вѣка незаконнорожденному не дозволяли держать экзаменъ на доктора богословскаго факультета въ Парижѣ.

Въ позднѣйшее время Франція первая обратила вниманіе на этотъ вопросъ, и конвентъ поставилъ всѣхъ подкидышей подъ защиту государства; но гуманныя постановленія конвента были уничтожены Наполеономъ, который въ своемъ кодексѣ воспретилъ незаконнорожденному отыскивать своего отца. Однако кодексъ допускаетъ его признаніе по желанію родителей и допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ право наслѣдованія, а въ политическихъ правахъ сравниваетъ законныхъ и незаконныхъ дѣтей.

Лучшія изъ современныхъ законодательствъ относительно незаконнорожденныхъ дѣтей—законодательства Пруссіи, Баваріи и Швеціи. Вотъ что говоритъ авторъ брошюры о прусскомъ законодательствѣ:

«Оно старается какъ о томъ, чтобы облегчить незаконнорожденному отысканіе отца, такъ и о томъ, чтобы установить между отцомъ и незаконными дѣтьми его отношенія болѣе нормальныя. Связь нѣсколькихъ сожителей съ матерью одновременно за отговорку не принимается; опека имѣетъ власть принудить каждаго изъ нихъ къ выполненію долга относительно ребенка. До 4 лѣтъ воспитываетъ ребенка мать на деньги, доставляемыя отцомъ. На пятомъ году отецъ можетъ взять его къ себѣ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія опекуна. Обязанность воспитанія незаконнорожденнаго съ отца переходитъ на дѣда съ отцовской стороны, потомъ на мать, потомъ на дѣда со стороны матери. Хотя незаконнорожденный не принадлежитъ къ семьѣ отца, не носитъ его фамиліи, не состоитъ подъ его властью, но тѣмъ не менѣе онъ получаетъ часть изъ отцовскаго наслѣдства по закону, кромѣ того, что можетъ получать по завѣщанію безъ всякаго препятствія и ограниченія; онъ носитъ фамилію матери и причисляется къ тому званію, къ которому она принадлежала въ минуту его рожденія, но дворянскаго сословія отъ нея не наслѣдуетъ. Если у незаконнорожденнаго не отыскивается ни отца ни матери, то дитя поступаетъ на попеченіе мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій.

«Количество содержанія, слѣдующаго незаконнорожденному отъ отца, не должно превышать нормы стоимости содержанія дитяти законнорожденнаго изъ крестьянскаго или мѣщанскаго званія, съ платою въ школу и за обученіе ремеслу. Это содержаніе родители обязаны доставлять ребенку до 14 лѣтъ, послѣ чего онъ самъ обязанъ себя содержать.

«Въ видахъ большаго преуспѣянія незаконнорожденнаго въ гражданской жизни и съ цѣлью *снять съ него незаслуженный имъ упрекъ* въ незаконности рожденія, прусское законодательство допускаетъ его узаконять (Allgemeines Landrecht für die Preussische Staaten, прилож. къ § 94).

«Узаконить прижитаго внѣ законнаго брака ребенка можно:

«1) По рѣшенію суда, имѣющаго власть признать за матерью дитяти полныя права законной жены. Тогда права этого дитяти уравниваются съ правами дѣтей законныхъ; только ему не предоставляется фамиліи отца, но оно остается съ фамиліей матери. Судъ можетъ признать ребенка законнымъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ между родителями былъ отложенъ, замедленъ со стороны отца и вовсе не состоялся по его же винѣ.

«2) Чрезъ послѣдующій бракъ между отцомъ и матерью прижитаго внѣ брака ребенка всѣ права незаконнорожденнаго, за немногими исключеніями, уравниваются съ правами дѣтей законныхъ; даже если незаконнорожденный умеръ до брака родителей, оставивъ по себѣ закон-

ныхъ дѣтей, то послѣднія по отношенію къ дѣду и бабкѣ имѣютъ права прямыхъ наслѣдниковъ.

«3) Ребенокъ, родившійся отъ невѣсты, признаётся законнымъ даже и тогда, когда бракъ ея съ женихомъ не состоялся, если только женихъ признаетъ его своимъ.

«4) Съ разрѣшенія верховной власти, дѣти признаются законными, когда вовсе не было брака между родителями. Но при этомъ, по принятіи прошенія на высочайшее имя объ узаконеніи, разсматривается, клонится ли желаемое узаконеніе къ выгодамъ незаконнорожденнаго, и оно разрѣшается съ условіемъ назначенія къ ребенку опеки, если онъ еще несовершеннолѣтній.

«Вслѣдствіе такого узаконенія дитя причисляется къ сословію отца, получаетъ всѣ права законнорожденнаго, но фамиліи отца не носитъ, вступаетъ въ его семью лишь по фамильному договору, и между нимъ и законными дѣтьми того, кто ходатайствовалъ объ узаконеніи, устанавливаются такія отношенія, какъ между дѣтьми сводными, т. е. отъ разныхъ матерей и отъ одного отца. Точно также и относительно родственниковъ матери, безъ особеннаго на то съ ихъ стороны согласія, узаконенный не имѣетъ иныхъ притязаній и правъ, кромѣ правъ, присвоенныхъ незаконнорожденному.

«Если во время узаконенія дитяти отецъ его имѣлъ уже наслѣдниковъ отъ брака и желалъ надѣлить ихъ указанною въ законахъ частью, то незаконнорожденному такой части не полагается.

«Дѣти отъ брака морганатическаго признаются прямыми наслѣдниками отца лишь съ разрѣшенія верховной власти; принятіе ихъ въ семью по фамильному соглашенію».

Кромѣ всего этого, прусскій кодексъ допускаетъ узаконеніе по просьбѣ того или другого изъ родителей, самого незаконнорожденнаго и даже по ходатайству за него опекуна. Утвержденіе по этой просьбѣ подлежитъ мѣстному обергерихту; но прочихъ отношеній незаконнорожденнаго къ родителямъ и родственникамъ ихъ оно не измѣняетъ.

Совсѣмъ не то мы видимъ, обратившись къ нашему законодательству. Въ то время, какъ почти во всѣхъ странахъ законодательство облегчаетъ усыновленіе, принимаетъ подъ свою защиту брошенныхъ дѣтей, въ пользованіи политическими правами не дѣлаетъ никакого различія между законными и незаконными дѣтьми, и самое названіе «незаконнорожденный» не существуетъ въ офиціальномъ языкѣ,— по нашему закону узаконить или усыновить незаконнорожденныхъ можно только двумя способами: или по особымъ высочайшимъ указамъ *), или черезъ приписку къ своимъ семьямъ. Первый способъ от-

*) Въ примѣчаніи къ статьѣ 144, т. X, часть I, сказано, что высочайшимъ указомъ 29 іюля 1828 г. всѣ приносимыя Его Императорскому Величеству прошенія объ узаконеніи незаконнорожденныхъ дѣтей или воспи-

носится до лицъ привилегированнаго сословія, второй къ остальнымъ сословіямъ, при чемъ, во второмъ случаѣ, можно «узаконять» только воспитанниковъ или пріемышей, а о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ ни слова не говорится. Они лишены всякой возможности быть признанными дѣтьми своихъ родителей. Никакой опеки государства надъ незаконнорожденными дѣтьми у насъ не существуетъ, и ребенка, отданнаго въ воспитательный домъ, можетъ взять каждая женщина, представившая пріемный билетъ; нечего и говорить, какое множество дѣтей служитъ предметомъ эксплоатаціи, какое множество нищихъ по профессіи воспитывается такимъ образомъ.

Дѣленій на разряды, какъ то существуетъ въ Европѣ, у насъ нѣтъ. Всѣ дѣти, прижитыя внѣ брака, происшедшія отъ прелюбодѣянія, родившіяся послѣ смерти мужа и матери или по расторженіи брака разводомъ по истеченіи болѣе 306 дней, и дѣти, прижитыя въ бракѣ, признанномъ недѣйствительнымъ,—считаются незаконными и приписываются къ сословію матери, исключая того случая, когда мать дворянка или почетная гражданка. Тогда незаконнорожденный приписывается къ податному сословію. Ребенокъ, родившійся послѣ изнасилованія, даже отъ несовершеннолѣтней, равнымъ образомъ считается незаконнымъ.

Узаконенія черезъ послѣдующій бракъ по нашему закону не допускается; наше законодательство не старается отыскать отца, но дозволяетъ матери указать его и въ такомъ случаѣ обязываетъ содержать ребенка, вмѣстѣ съ матерью, извѣстное время, но только въ томъ случаѣ, если отецъ и мать ребенка свободны отъ брачныхъ узъ. Въ противномъ случаѣ, за прелюбодѣяніе налагается только наказаніе на того и другого, и то не иначе, какъ по жалобѣ оскорбленнаго въ своей чести супруга. Незаконныхъ дѣтей, по нашимъ законамъ, воспрещено опредѣлять въ гражданскую службу съ присвоеніемъ права на полученіе классныхъ чиновъ, хотя бы они получили воспитаніе даже въ гимназіяхъ и равныхъ имъ заведеніяхъ. По достиженіи 21 года они должны приписаться къ городскимъ или сельскимъ обществамъ, по ихъ избраніи (т. XIII, ст. 557).

Подкидыши или непомнящіе родства, хотя бы они были воспитаны дворянами, тогда только могутъ быть принимаемы въ гражданскую службу, когда были записаны сперва въ податное состояніе и изъ этого законнымъ образомъ уволены, и окончатъ курсъ ученія въ какомъ-либо изъ учебныхъ заведеній, дающихъ, на основаніи устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства, права на вступленіе въ службу (т. III, ст. 6).

Для воспитанныхъ дворянами такимъ образомъ сдѣлана льгота.

танниковъ, а также о сопричтеніи къ законнымъ дѣтямъ, рожденнымъ до брака съ настоящею женою, повелѣно—не внося въ комиссію прошеній, оставлять безъ движенія.

Незаконныя дѣти, хотя бы и были воспитаны тѣми, которые именуются ихъ родителями, не имѣютъ права на законное послѣ отца или матери имущество (т. X, ст. 136).

Лицо, рожденное отъ недѣйствительнаго брака, хотя бы по монаршей милости и былъ ему предоставленъ какой-либо удѣлъ въ родительскомъ имѣніи, не пріобрѣтаетъ черезъ то права на наслѣдство послѣ другихъ родственниковъ (ст. 137).

Таковы наши положенія о «незаконнорожденныхъ» дѣтяхъ, для пріюта которыхъ у насъ только и есть два воспитательныхъ дома, гдѣ въ живыхъ остаются не болѣе половины приносимыхъ дѣтей. Еще Петръ Великій приказывалъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, при церквахъ, гдѣ пристойно, подлѣ ограды, построить для нихъ «гошпиталіи», въ Москвѣ каменную, а въ другихъ городахъ деревянныя, но послѣ смерти Петра эти «гошпиталіи» были закрыты, и, конечно, количество дѣтоубійствъ увеличилось.

Не мѣшаетъ, между прочимъ, въ назиданіе мудрецовъ, полагающихъ, что отъ облегченія усыновленія дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, семейная жизнь будто бы расшатается — привести изъ упомянутой брошюры слѣдующую табличку, доказывающую, что гдѣ легче усыновленіе и узаконеніе, тамъ и меньше число рождающихся внѣ брака. Такъ, въ Пруссіи на 100 родившихся приходится 7, въ Саксоніи 15, а въ Баваріи 20 незаконныхъ.

Мусульманское законодательство гораздо гуманнѣе относится къ несчастнымъ дѣтямъ, чѣмъ относимся мы. Вотъ что говоритъ объ этихъ дѣтяхъ Магометъ:

«Покинутое дитя, несчастный плодъ преступленія или нищеты, имѣетъ полное право на состраданіе со стороны своего собрата—человѣка. Потому каждый, нашедшій младенца у дверей мечети, дома, купальни, на улицѣ, или гдѣ бы то ни было, обязанъ оказать ему всевозможную помощь. Найденное дитя должно быть свободнымъ отъ рабства, если-бъ имѣло родителями даже рабовъ. Принявшій на воспитаніе найденнаго младенца считается его пріемнымъ отцомъ. Онъ обязанъ ему все дать, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, а также возвратить его по востребованію родителей, представившихъ надлежащія доказательства ихъ правъ на ребенка. Пріемный отецъ обязанъ научить найденное дитя такому ремеслу, которое доставляло бы ему средства существованія. Если никто не принимаетъ найденыша на воспитаніе, то онъ долженъ быть воспитанъ на счетъ государства».

Но гуманнѣе всего относительно дѣтей законы у евреевъ. По объясненію талмуда, «всѣ незаконнорожденныя дѣти, хотя бы отъ публичной женщины, имѣютъ право наслѣдовать отцу и считаются законными».

Говорятъ, что «вопросъ» о «незаконнорожденныхъ» разсматривается въ нашихъ государственныхъ учрежденіяхъ. По крайней мѣрѣ объ

этомъ давно ходили слухи въ печати, но пока еще даже слово «незаконнорожденный» употребляется въ нашемъ офиціальномъ языкѣ.

XI.

Судьба, видно, судила мнѣ, въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Москвѣ, еще разъ встрѣтиться съ моимъ спутникомъ на желѣзной дорогѣ—Свистунскимъ. Онъ, какъ оказалось, застрялъ въ Москвѣ долѣе предположеннаго по маршруту времени, изучая, какъ видно, не столько московскихъ жителей, сколько кулинарное искусство московскихъ поваровъ и достоинства завтраковъ и обѣдовъ, которые давали ему наивные люди, обманутые, конечно, его враньемъ о данной будто бы ему миссіи и о его близости со всѣми людьми, отъ которыхъ, будто бы зависитъ торговля, промышленность, пошлины, словомъ—чуть ли не благоустройство имперіи.

Москва, несмотря на свой почтенный возрастъ и, если вѣрить г. Каткову, даже «умственную зрѣлость», признаться, довольно-таки еще легковѣрная старушка, охотно готовая не только торжественно принять, накормить до-отвала, но и повѣрить всякому пріѣзжему «генералу», хотя бы этимъ «въ нѣкоторомъ родѣ генераломъ» и былъ исподражаемый Свистунскій. Если принять при этомъ въ соображеніе его необыкновенную способность врать, не останавливаясь, коли нужно, въ теченіе 24-хъ часовъ къ ряду, прелесть московскихъ завтраковъ и обѣдовъ и обиліе вина, что̀ всегда возбуждаетъ краснорѣчіе, и наконецъ вниманіе, съ какимъ чествовавшіе купцы-москвичи слушали невозможное «блягерство» этого «почетнаго гостя», то не трудно понять, почему мой бывшій товарищъ застрялъ въ Москвѣ и восхищалъ своими рѣчами наивныхъ москвичей.

Признаться, я, было, и забылъ совсѣмъ о Свистунскомъ (его рѣчи въ газетахъ не печатались), когда сидѣлъ однажды въ «Эрмитажѣ» за чашкой кофе послѣ обѣда, какъ вдругъ изъ сосѣдней комнаты до меня долетѣло громозвучное «ура», и вслѣдъ затѣмъ я услышалъ знакомый, крикливый голосъ моего товарища...

«Это онъ!»—пронеслось въ моей головѣ, я поспѣшилъ расплатиться и собирался уже уходить, какъ въ коридорѣ совершенно неожиданно столкнулся съ нимъ лицомъ къ лицу. Онъ былъ торжественъ, возбужденъ и нѣсколько пьянъ, во фракѣ со звѣздой Льва и Солнца и какими-то сіамскими орденами, полученными имъ во время пребыванія въ этой далекой странѣ...

— А, вотъ неожиданная встрѣча!—воскликнулъ онъ, бросаясь ко мнѣ.—Нѣтъ, такъ нельзя... Пойдемъ, пойдемъ къ намъ!.. Ты увидишь!

И съ этими словами онъ чуть ли не насильно втащилъ меня въ отдѣльную залу «Эрмитажа», гдѣ за большимъ столомъ сидѣли незнакомыя, сіяющія лица господъ во фракахъ съ большими медалями на шеяхъ. Не успѣлъ я еще осмотрѣться, какъ Свистунскій уже говорилъ:

— Господа! позвольте вамъ представить моего друга... литератора...

И затѣмъ, обращаясь ко мнѣ:

— Я удостоился чести... Достоуважаемые мои друзья, представители Москвы, именитые граждане, въ моемъ скромномъ лицѣ желали, такъ сказать, почтить представителя администраціи, не жалѣющей трудовъ... Я очень радъ...

Я не слышалъ дальнѣйшихъ его словъ, изумленный обстановкой этого торжественнаго собранія, и безропотно сѣлъ около Свистунскаго, посадившаго меня на стулъ. Устремленные на него со всѣхъ концовъ стола эти почтительные, масленые, пьяные взгляды, его собственный торжественный видъ, это количество медалей, обстановка—все ясно свидѣтельствовало, что «героемъ» банкета былъ онъ, этотъ невозможный враль, Свистунскій. Его каждое слово ловилось на-лету. Онъ съ такимъ покровительственнымъ видомъ обращался то къ одному, то къ другому изъ гостей, точно въ самомъ дѣлѣ воображалъ себя настоящимъ «почетнымъ гостемъ», какимъ-нибудь важнымъ лицомъ, котораго чествуютъ благодарные сограждане.

Обѣдъ приходилъ уже къ концу, шампанское лилось рѣкою. Мой Свистунскій былъ пьянъ достаточно и потому не умолкалъ ни на минуту. Онъ говорилъ о задачахъ, о будущности, о Москвѣ, о тарифѣ, о раскольникахъ, о Москвѣ-рѣкѣ. Онъ обѣщалъ во все вникнуть и все разсмотрѣть, когда вернется въ Петербургъ. И всѣ слушали, всѣ выражали одобреніе. Я тоже слушалъ, изумляясь его необыкновенной способности мистифицировать добрыхъ людей. Какой-то толсторожій господинъ въ торжественномъ спичѣ благодарилъ Свистунскаго отъ лица купечества за честь, прослезился и объявилъ, что москвичи всегда были русскими и останутся русскими, и послѣ этого такъ крикнулъ: «ура!», подхваченное пьяными голосами, что я вздрогнулъ отъ неожиданности.

Тогда Свистунскій всталъ, обвелъ глазами собраніе и произнесъ приблизительно слѣдующую рѣчь:

— Господа! Я не смѣю отнести къ своимъ слабымъ заслугамъ тѣ слова одобренія, которыми вы, именитые представители Москвы, сдѣлали честь только-что почтить меня... Скромная моя служба въ качествѣ столоначальника департамента проектовъ и наконецъ еще краткое пребываніе мое на этомъ посту—не даютъ мнѣ права, скажу даже, не позволяютъ мнѣ лично принять отъ васъ, милостивые государи, столь лестные знаки вниманія; я понимаю, что вы чествуете въ лицѣ моемъ не меня, скромнаго исполнителя предначертаній моего уважаемаго начальника, а всю нашу администрацію, всѣ наши усилія, наши труды, наши желанія послужить на пользу родины... И я могу обѣщать вамъ, господа, и обѣщаю вамъ,—тутъ голосъ Свистунскаго пріобрѣлъ торжественную твердость:—что мы не сложимъ рукъ, что мы, при помощи вашего одобрительнаго сочувствія и—въ нѣкоторыхъ

случаяхъ—вашихъ просвѣщенныхъ совѣтовъ, достигнемъ успѣховъ на благо нашего отечества. Да, вы правы, господа... Наша политика русская, истинно-русская, наши задачи русскія, и наши средства будутъ тоже русскія. Программа моя—наша, хочу я сказать—русская. Мы не смущаемся трудностями, мы ничѣмъ не смущаемся и не смутимся никогда... Пора намъ избавиться отъ иностраннаго вліянія, какъ пора нашей промышленности избавиться отъ иностранныхъ ситцевъ... Пора намъ перестать стыдиться Европы и открыто заявить, что Россія самобытна, а потому и мѣры должны быть вполнѣ самобытны. Я, господа, командированъ по Россіи для ея статистическаго изученія... Москва произвела на меня прекрасное впечатлѣніе, и я счастливъ, милостивые государи, что могу вмѣстѣ съ вами повторить: да, мы русскіе и останемся русскими, и потому провозглашаю тостъ за ваше здоровье, русскіе люди, достойные представители великаго русскаго народа... Ура!

Что̀ было потомъ—трудно передать... Восторгъ былъ всеобщій. Шумъ этотъ стоялъ у меня въ головѣ еще долго послѣ банкета, и только черезъ день, по возвращеніи въ Петербургъ, я могъ придти въ себя...

1882 г.

Настроеніе.

I.

Если судить о настроеніи Петербурга по внѣшнимъ признакамъ, можно заключить, что настроеніе петербургскаго обывателя—превосходнѣйшее, исключающее всякія подозрительныя мысли объ уныніи.

По крайней мѣрѣ изъ моихъ наблюденій, подтвержденныхъ многими старожилами, оказывается, что давно ужъ въ Петербургѣ такъ много не танцовали, какъ танцуютъ въ послѣднее время. Танцуютъ нынче вездѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ, даже при извѣстіяхъ невеселаго свойства и тогда съ бо̀льшимъ еще остервенѣніемъ. Пляшутъ и старые и малые, и тайные совѣтники и молодежь. Куда ни зайдете вы: въ клубъ ли, на вечеринку ли, васъ поразитъ, во-первыхъ, обиліе танцующихъ паръ и количество толпящихся у буфета, гдѣ стоитъ водка. Рюмка водки и полька! Опять рюмка и вальсъ! А еще говорятъ, будто петербуржецъ унываетъ.

Разсказываютъ, что въ эту зиму брильянтовъ продавали больше обыкновеннаго и спросъ на порнографическую литературу усилился. При этомъ я замѣтилъ еще любопытную черту: всѣ какъ будто получили такое отвращеніе къ политикѣ, что всячески избѣгаютъ о ней говорить,—такъ-таки и избѣгаютъ, словно бы до нея нѣтъ никакого дѣла. Потолкайтесь-ка въ клубахъ—послушайте.

— Какъ вы думаете насчетъ будущаго?..—спрашиваетъ пріѣзжій, очевидно, провинціалъ:—какіе нынче вѣянія, взгляды?

— А вы еще думаете?..

— Говорятъ: комиссія...

— А не сыграть ли въ винтъ!

И сейчасъ же: «человѣкъ, карты!»

— Говорятъ, въ скоромъ времени..

— Свѣтопреставленіе?.. — съ улыбкой перебиваетъ вопрошающій:—какъ же... какъ же... обѣщаютъ! Вы коньякъ или очищенную?

— Коньякъ...

— Значитъ, западникъ?.. Стыдно, стыдно, батюшка... Я такъ «Русскаго Добра» придерживаюсь...

— Слышали?..—раздается сбоку чей-то голосъ, и къ буфету подходитъ фракъ.

— Слышалъ, слышалъ! О Сарѣ Бернаръ.

— Нѣтъ... Какая Сара Бернаръ?.. Уѣхала давно... Я о земскихъ докладахъ... Читали?

— Читалъ...

— Каково?

— А протестъ губернатора изволили читать?

— Но все-таки...

— Все-таки, милый мой, пойдемъ-ка лучше танцовать!.. Только прежде хлопнемъ по рюмкѣ!

Собственно говоря, въ настоящее время усердно занимаются политикой лица, на обязанности коихъ—хочешь не хочешь!—лежитъ исключительное ея вѣдѣніе, затѣмъ журналисты для очистки совѣсти и пополненія передовыхъ статей, которыя читаетъ развѣ человѣкъ, не знающій куда дѣться отъ одури, и наконецъ дворники—да и тѣ больше въ видахъ развлеченія.

Въ часы томительнаго ночного бодрствованія у воротъ, дворникъ нѣтъ-нѣтъ да отъ скуки перекинется съ городовымъ, вотще устремляющимъ взоръ въ полумракъ глухой улицы въ надеждѣ прозрѣть «безпорядокъ» (все тихо и мирно въ Прядильномъ переулкѣ!)—бесѣдой съ политическимъ оттѣнкомъ.

— Что̀ слышно новаго?—спрашиваетъ дворникъ, предобродушный человѣкъ, замѣчу я въ скобкахъ, который во время знаменитой переписи, выдуманной градоначальникомъ генераломъ Барановымъ, для выборовъ «двадцати пяти», пресерьезно объяснялъ всѣмъ жильцамъ, что переписка будетъ для удостовѣренія, кто измѣнникъ и кто нѣтъ, и совѣтовалъ, на всякій случай, уничтожать всякія книги («Мало ли изъ-за книгъ можетъ быть непріятностей. Такъ ужъ лучше, господинъ, заодно всѣ уничтожьте!»).

— Новаго? Да что̀ новаго?—лѣниво повторяетъ городовой изъ отставныхъ солдатъ.—Благополучно все, слава Богу... У васъ какъ?

— У насъ благополучно, слава тебѣ Господи. Жилецъ все хорошій—смирный, самъ знаешь... Чистый жилецъ...

— Нонче и чистый... И чистый тоже... Ты и чистаго для спокоя наблюдай...

— У насъ чиновникъ, что̀ его наблюдать!.. Онъ свое дѣло знаетъ—утро въ должность, къ обѣду домой, а, выспавшись, въ клубъ въ карты... Развѣ только наблюдай, какъ бы поймать его при деньгахъ, чтобы за квартиру получить... По нашей улицѣ все народъ невидный живетъ... А насчетъ порядковъ какихъ новыхъ не слышно?

— Кажется, не слышно... Вотъ, сказываютъ, помощникъ пристава будетъ новый.

— Новый?

— Новый!

— А стараго куда?

— По шапкѣ.

— Проштрафился?

— А Богъ знаетъ... Сказываютъ, у него съ приставомъ все нелады были—свою волю хотѣлъ показать, а приставъ-то свою. Ты, говоритъ, мнѣ покорись, а онъ въ отвѣтъ: я, говоритъ, тебѣ не покорюсь, я самъ по себѣ, я, говоритъ, самъ полковникъ и многоусерденъ по службѣ, давай, говоритъ, раздѣлимъ участокъ по совѣсти, и тогда я покорюсь, а то я, говоритъ, порядокъ вездѣ слѣжу, а слава одному тебѣ...

— Ишь ты!.. А приставъ-то, небось, не согласенъ?

— Онъ на него жалобу: такъ и такъ—я въ такомъ смыслѣ ни за что отвѣчать никакъ не могу и не согласенъ, молъ, служить съ такимъ озорникомъ, который на всѣхъ перекресткахъ меня, своего начальника, охаиваетъ... Ну, помощника-то и по шапкѣ...

— Поди-жъ...

— Доподлинно опять же увѣрить не могу, потому зря вѣдь болтаютъ... Кто ихъ знаетъ. Разно сказываютъ. Околоточный говоритъ опять другое...

— А что?

— Быдто помощникъ хотѣлъ выпороть одного охальника въ кутузкѣ...

— Ну?..

— А приставъ узнай и говоритъ: «Нынче, молъ, на это, полковникъ, моды нѣтъ, чтобы человѣка зря пороть, безъ свидѣтелевъ и суда. Изъ-за этого самаго на насъ, говоритъ, можетъ задарма мараль одна пойти. Надо со всякимъ человѣкомъ по чести... Наказать его—накажи, но опять-таки по правилу, а безъ правила, милый мой, не годится».

— Это что̀ и говорить!—подтвердилъ дворникъ:—надо по правилу.—И, помолчавъ, прибавилъ:—Новый-то помощникъ каковъ?

— А ничего неизвѣстно—еще новаго не опредѣлили.

— Такъ. Всячески дурного не опредѣлятъ! А насчетъ чего иного не слышно?

— Нѣтъ, такого, кажется, ничего. Развѣ вотъ мышь, говорятъ, въ новомъ адмиралтействѣ появилась, страшенная... Большая такая мышь—не крыса, а мышь... Съ роду такой не видали... Не къ добру!

— Ужъ какое добро отъ мыши! Дознались, откеда она?

— То-то дознаться не могутъ. Все мелкая мышь была, а теперь крупная пошла... Двухъ околоточныхъ посылали дознаться... мышь сторожить... Шалишь... Съ чѣмъ пришли, съ тѣмъ и ушли!

— Да... времена, нечего сказать... Тоже нашему брату...

— И нашему не сладко. Теперь самъ знаешь, какъ насчетъ провизіи, а жалованье!.. Вы-то къ Новому году по квартирамъ обойдете и дань соберете, а намъ развѣ изъ мелочныхъ лавочекъ да съ кабаковъ... Одна разстройка вездѣ!

Что же касается остальныхъ смертныхъ, то они, кажется, махнули рукой на всякую политику и ищутъ случая доставить себѣ именно такое развлеченіе, которое бы ни въ какомъ отношеніи не напоминало ни внѣшней ни внутренней политики. И, такъ какъ лучшее отвлеченіе—танцы, то Петербургъ и бросился танцовать. Я уже не говорю о полнѣйшемъ равнодушіи къ «свѣдущимъ людямъ», обнаружившемся въ обществѣ, несмотря на увѣренія оптимистовъ, что какъ-никакъ, а «свѣдущіе люди» въ нѣкоторомъ родѣ все-таки шагъ къ... къ «севрюжинѣ съ хрѣномъ». Однако—подите-жъ—и эта «севрюжина» не возбудила петербуржца, а многихъ земцевъ даже обидѣла, такъ что, если вѣрить газетамъ,—одному «свѣдущему» человѣку и земцу г. Костливцеву, говорившему на тему о безпробудномъ пьянствѣ русскаго мужика, пришлось по возвращеніи домой услышать отъ сотоварищей-земцевъ довольно ехидный вопросъ: «отъ своего ли имени говорилъ г. Костливцевъ, или въ качествѣ представителя земства?» Оказалось, по заявленію г. Костливцева, что онъ вопросомъ о пьянствѣ не занимался, но счелъ своимъ долгомъ говорить; говорилъ, впрочемъ, какъ частный человѣкъ, такъ какъ никакихъ уполномочій отъ земства не имѣлъ...

Такимъ образомъ «свѣдущіе люди» какъ-то прошли тихо, хоть «Новое Время» даже и біографическіе очерки свѣдущихъ людей печатало, изъ коихъ можно было узнать, что такой-то кончилъ курсъ тамъ-то и затѣмъ служилъ тамъ-то, такой-то занимался сельскимъ хозяйствомъ, а такой-то имѣетъ винокуренные заводы.

Оказывается, что петербургскій житель словно и взаправду предпочитаетъ рюмку водки «свѣдущимъ людямъ» и упражненіе въ танцахъ всякимъ бесѣдамъ по поводу иностранныхъ и отечественныхъ словъ: отплясываетъ нынче онъ такъ, что смотрѣть даже любо.

Я смотрѣлъ, какъ отплясывали и большіе и малые. Смотрѣлъ на это веселье, возбуждавшееся crescendo по мѣрѣ экскурсій къ буфету. Къ тремъ часамъ утра состояніе, казалось, было благонадежно до невозможности—отплясывали всласть, и когда кто-нибудь начиналъ подходы касательно политики, то такого оглядывали съ подозрительностью, и, я увѣренъ, въ случаѣ дальнѣйшей назойливости, политику грозила опасность довольно серьезная...

Когда я подошелъ къ одному молодому человѣку и хотѣлъ-было подѣлиться съ нимъ послѣдней новостью, слышанной мною отъ одного «вѣрнаго человѣка», то молодой человѣкъ съ какой-то тревогой посмотрѣлъ на меня, махнулъ рукой и, подхвативъ даму, столь стреми-

тельно бросился въ «вихрь вальса», что находившійся рядомъ со мной пожилой господинъ, самаго скромнаго вида, но съ очень бѣгающими по сторонамъ глазами—пріятно улыбнулся и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Давно бы такъ!.. Люблю я, когда молодежь отъ души веселится! По крайней мѣрѣ унынія нѣтъ, а нѣтъ унынія—нѣтъ и сомнѣній... Помните пѣсню изъ «Лукреціи Борджія»: «пейте, пейте, любите»...

Вотъ этой-то «души», признаюсь, я и не видѣлъ, хоть не могъ не согласиться, что танцуютъ дѣйствительно много и ретиво... Но мнѣ казалось, наоборотъ, что въ этомъ весельѣ чудится совсѣмъ не веселье, а какая-то напускная отчаянность, какой-то розмахъ адской скуки, неудовлетворенности, готовой хоть на головѣ ходить, чтобы только не думать ни о сегодняшнемъ ни о завтрашнемъ днѣ...

Глядя на всѣ эти танцующія пары, посящіяся подъ звуки каскаднаго вальса, мнѣ почему-то припомнились слѣдующія строки Пушкина изъ «Пира во время чумы»:

Какъ отъ проказницы зимы,
Запремся такъ же отъ чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
Утопимъ весело умы—
И, заваривъ игры да балы,
Возславимъ царствіе чумы...

Только тутъ, казалось, славили не «царствіе чумы», а царствіе скуки...

— А вы отчего не танцуете?—обратился ко мнѣ одинъ изъ веселившихся.

— Не могу... одышка...

— Но отчего же не пьете?..

— И того не могу...

— Такъ къ чему же вы сюда пріѣхали... Зачѣмъ?.. Къ чорту политику... Къ чорту всякіе вопросы... Здѣсь надо веселиться... Вы видите, какъ мы отплясываемъ!—проговорилъ онъ и засмѣялся тѣмъ нервнымъ смѣхомъ, который теперь слышится на каждомъ шагу.

— Необходимо выпить... необходимо... Пойдемте въ буфетъ!..—увлекалъ меня мой молодой пріятель...

Пріѣзжіе изъ провинціи разсказываютъ, что и тамъ избѣгаютъ всякихъ бесѣдъ о политикѣ, и какъ только соберется нѣсколько человѣкъ, то немедленно:—«Человѣкъ! Столъ и карты!»

II.

Нѣсколько времени тому назадъ нервы еще не притупились. Отъ разговоровъ на тему: «что съ нами будетъ» и «куда намъ идти: впередъ ли безъ страха и боязни или назадъ безъ оглядки»—некуда было дѣваться. Всюду—встревоженныя лица, растерянные взгляды, натянутые до невозможности нервы. Куда, бывало, ни придешь, вездѣ

встрѣчали вопросомъ: «слышали?», произносимымъ встревоженнымъ голосомъ и съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, которое заранѣе готовило васъ къ самымъ невозможнымъ вещамъ. И вслѣдъ затѣмъ сыпались новости одна другой пикантнѣй, одна другой нелѣпѣе.

— Не можетъ быть!..

— То-то и я говорю... Однако...

— Это вздоръ...

— Но вы прочтите газеты-то, газеты что̀ пишутъ... «Московскія Вѣдомости», «Русь», «Новое Время»...

— Мало ли что̀ пишутъ...

Вы уходили еще болѣе напуганный и не знали, вѣрить или не вѣрить. Одинъ другого нелѣпѣе ходили слухи въ публикѣ, и такъ какъ нельзя было точно провѣрить ихъ, всѣ говорили на основаніи «достовѣрныхъ источниковъ» (говорилъ Иванъ Ивановичъ, а Ивану Ивановичу говорилъ Петръ Петровичъ, которому сообщилъ, въ свою очередь, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, слышавшій отъ близкаго человѣка близкому человѣку одного знакомаго чиновника)—то понятно, что возбужденіе тревоги достигало высшей степени. Оно росло, росло до тѣхъ поръ, пока наконецъ не наступила невольная реакція, и возбужденіе и тревога не замѣнились тѣмъ естественнымъ состояніемъ, когда желаніе «забыться и уснуть» является доминирующей чертой общественнаго настроенія. Исходя изъ этой точки зрѣнія, можно, пожалуй, смотрѣть и на бѣснованіе по поводу пріѣзда Сары Бернаръ и на всякія другія отвлеченія. Надо же наконецъ дать отдыхъ и нервамъ... Надо же хоть на время заткнуть уши отъ всѣхъ этихъ «мы слышали», которыми одно время донимали съ остервененіемъ газетныя кликуши... «Камо бѣгу отъ духа твоего и отъ лица твоего камо бѣгу?»—могъ воскликнуть полоумный читатель.—Рюмку водки! Другую! Третью!—Какъ вашъ сынъ? Здравствуетъ?..—Слава Богу.—Еще рюмку! А затѣмъ, сударыня, не угодно ли туръ вальса!..

Ужъ на что, кажется, политики по неволѣ разные департаментскіе начальники отдѣленій—о, тяжела ты, шапка Мономаха!—а и тѣ, кажется, ослабѣли, изнемогли въ борьбѣ съ пустымъ мѣстомъ и очень бываютъ рады, когда вмѣсто занятій можно дернуть на выставку «Наны» или поговорить о чемъ-нибудь совсѣмъ постороннемъ, по преимуществу изъ области порнографіи—потому что кому же неизвѣстно, что въ большинствѣ случаевъ заправскіе «политики» только и сильны въ этихъ двухъ областяхъ. Или политика, или порнографическіе анекдоты...

О таковомъ пресыщеніи по горло политикой я сужу, по крайней мѣрѣ, по многимъ даннымъ и по личнымъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ мною изъ бесѣдъ съ молодыми кандидатами на званіе государственныхъ людей—кандидатами, правда, еще не у дѣлъ, или у «дѣлъ» сравнительно невидныхъ, но все-таки не теряющими надежды когда-

нибудь—когда потребуются свѣжія силы—управлять департаментомъ и дѣлать въ нѣкоторомъ родѣ политику.

Прежде—и давно ли?—когда я заходилъ къ старому моему знакомому, Твердолобову, онъ всегда, бывало, весь какъ-то выпрямится, выпятитъ свою грудь колесомъ, глубокомысленно задумается и, потрясая своимъ бѣлымъ, сочнымъ, здоровеннымъ кулакомъ, проговоритъ съ какимъ-то блаженнымъ замираніемъ въ голосѣ:

— Теперь не время шутки шутить... Теперь...

И снова кулакъ, въ видѣ угрозы, помавалъ въ воздухѣ, а круглое, румяное лицо Твердолобова, болѣе похожее на кусокъ ростбифа, чѣмъ на изображеніе того человѣка, котораго искалъ Діогенъ—вдругъ закипало гнѣвомъ, и мускулы на его рукахъ вздувались такими желваками, что, казалось, сейчасъ лопнетъ сюртукъ.

Я молчалъ, но зато онъ говорилъ, и говорилъ тѣмъ грознѣе, чѣмъ упорнѣе я молчалъ. Хотя генералъ никакихъ «дѣлъ» не вершилъ и изображалъ собою только кандидата къ отправленію обязанностей умиротворителя, тѣмъ не менѣе онъ считалъ своимъ долгомъ говорить не просто какъ Твердолобовъ, а какъ носитель «принципа», и неоднократно грозилъ мнѣ, что если бы ему позволили, то онъ уничтожилъ бы всѣ пакости въ двадцать четыре часа.

Очень естественно, и едва ли нужно докладывать объ этомъ читателю, что Твердолобовъ, культивировавшій постоянно свои мускулы и еще въ учебномъ заведеніи давшій клятву (а онъ клятвы держалъ), въ пику инспектору, никогда до гроба ничему не учиться,—не удовлетворялъ самому снисходительному умственному цензу, потому, вѣроятно, и не мечталъ о службѣ въ народномъ просвѣщеніи, а мечталъ спеціально посвятить свои силы (и какія, Господи, силы!) внутренней политикѣ. Обыкновенно пріятель мой продолжалъ свои угрозы и, надо правду сказать, руководствуясь самыми добрыми намѣреніями спасти любимую Россію. У него было состояніе болѣе чѣмъ приличное, и сомнѣваться въ его искренности было невозможно.

Такой «*тонъ*» выдерживалъ онъ мѣсяцъ, другой. Но затѣмъ, къ крайнему моему изумленію, при нашихъ бесѣдахъ Твердолобовъ не только не обѣщалъ въ 24 часа покончить со всѣмъ, но заговорилъ даже въ такомъ минорномъ тонѣ, который у Твердолобова былъ совершенною новостью. И лицо его какъ-то измѣнилось и стало меньше походить на кусокъ ростбифа и больше на подобіе Божіе.

— Положеніе, братецъ, не такъ просто, какъ я полагалъ... Необходимо серьезно обдумать, серьезно обдумать... Съ одной стороны надобно очистить все кругомъ... съ другой сообразить о финансахъ... Финансы важная вещь... И съ третьей стороны—довѣріе...

— А въ 24 часа?..

— То-то нельзя!—добросовѣстно согласился онъ.—Я прежде думалъ, но теперь вижу, что въ этотъ промежутокъ времени можно, правда,

сдѣлать очень многое, но все-таки для окончательнаго устроенія... срокъ малъ.

И онъ снова пускался въ комбинаціи, жаловался, что людей нѣтъ, что хищеніе большое, и что вообще онъ подчасъ теряетъ голову отъ разныхъ сомнѣній...

— Иногда просто, братъ, такъ тяжело, такъ тяжело, что хоть бѣги...

— Да вѣдь ты, кажется, не привязанъ къ мѣсту... Ты не служишь... Кто-жъ тебѣ мѣшаетъ бѣжать?..

— Пока, конечно, я свободенъ, но кто знаетъ, кто знаетъ?..

Еще болѣе удивилъ меня Твердолобовъ, когда однажды я увидѣлъ на письменномъ его столѣ краткій учебникъ Иловайскаго и руководство къ изученію финансовъ... Неужели онъ нарушилъ клятву? Оказалось, что нарушилъ, и, краснѣя, проговорилъ:

— Ты понимаешь... въ настоящее время, когда народъ съ одной стороны, финансы съ другой и хищеніе съ третьей... Необходимо повторить то, чему мы учились...

— Но развѣ ты надѣешься?..

— Кто знаетъ, кто знаетъ!—задумчиво повторялъ онъ:—нынче такъ мало людей, а люди такъ нужны, честные, трезвенные люди...

— Не упражняешься въ гимнастикѣ?..

— Не то на умѣ... Нервы пошаливаютъ.

— И у тебя?

— А то что-жъ? Развѣ у меня нервовъ нѣтъ, что ли?..—обидѣлся Твердолобовъ.—Вы вотъ, господа литераторы, въ самомъ дѣлѣ думаете, что у васъ только нервы... что ли?.. И мы съ нервами.

— Нѣтъ, я не къ тому... Ты всегда отличался крѣпкимъ здоровьемъ...

— Отличался?.. Мало ли чѣмъ я отличался...

Бѣдняга въ самомъ дѣлѣ похудѣлъ и, сколько мнѣ извѣстно, не только просиживалъ часы за учебникомъ Иловайскаго, но даже принялъ студента, который давалъ ему уроки ариѳметики. Одолѣлъ онъ и учебникъ Иловайскаго и руководство къ изученію финансовъ, прочелъ нѣсколько секретныхъ «записокъ» о разныхъ системахъ наилучшаго успокоенія умовъ, составленныхъ въ разныя времена, начиная съ екатерининскихъ,—проштудировалъ сочиненіе бывшаго агента 3-го Отдѣленія Фока, напечатанное въ «Русской Старинѣ», выписалъ «Московскія Вѣдомости» и «Русь» (прежде того онъ признавалъ только г. Лейкина и «Journal de St.-Pétersbourg»)—и при каждомъ нашемъ свиданіи жаловался, что у него нервы разстроены, и что политика у него «вотъ гдѣ»—указывалъ онъ на шею. Сталъ онъ хандрить и совсѣмъ запустилъ свои гимнастическія упражненія.

Наконецъ, недѣли три тому назадъ, пріѣзжаю я къ нему и застаю его углубленнаго въ занятія. Смотрю—онъ штудируетъ японскія картинки очень нескромнаго содержанія, привезенныя, вѣроятно, нашими моряками изъ кругосвѣтнаго плаванія. И самъ онъ какъ будто пове-

селѣлъ и расцвѣлъ. Я порадовался за него, рѣшивъ, что онъ наконецъ пришелъ къ рѣшенію вопроса объ успокоеніи умовъ и потому на досугѣ штудировалъ японскія картинки—и хотѣлъ-было попытать его съ этой стороны, но онъ замахалъ даже руками.

— Нѣтъ ужъ... спасибо... Довольно съ меня политики... Довольно... A bas la politique! Съ ней можно сойти съ ума — даже и мнѣ! — простодушно разсмѣялся онъ.—Пусть ею занимаются другіе. Вотъ, напримѣръ, свѣдущіе люди. Можно имъ дать тему, направленіе, и они будутъ разрабатывать вопросы. А съ меня, любезный другъ, довольно. До-во-льно!—прибавилъ онъ съ радостью въ голосѣ.

— Конечно,—продолжалъ онъ:—нашъ родъ издавна давалъ государственныхъ людей. Мы вѣдь ведемъ родъ со времени Симеона Гордаго, когда предокъ нашъ Лобатини, а по другимъ сказаніямъ Ломбатъ, переселился въ Россію... Съ тѣхъ поръ имена представителей нашего рода неизмѣнно упоминаются въ русской исторіи. Вспомни Ивана Лобастаго, отличившагося при Калкѣ, затѣмъ Ѳедора Твердый Лобъ — отъ него и пошли Твердолобовы — боярина сторожевого полка при взятіи Казани, и цѣлый рядъ Твердолобовыхъ, отличавшихся болѣе или менѣе на разныхъ государственныхъ поприщахъ. Все это, разумѣется, обязываетъ, и я надѣюсь принести пользу... Буду служить, но только по такому вѣдомству, гдѣ не требуется политика. Предкамъ нашимъ было легко... времена были другія, а теперь... И наконецъ я тоже жить хочу!

И Твердолобовъ съ такимъ аппетитомъ разсказалъ мнѣ три скабрезныхъ анекдота, что я снова узналъ прежняго добродушнаго, широкоплечаго, не мудрствующаго пріятеля, которому вовсе было не къ лицу готовиться къ роли политика.

Оказалось, что и его коснулась реакція. Даже и твердолобовскіе нервы не выдержали, и онъ растерялся, никогда доселѣ прежде не терявшійся ни при какихъ обстоятельствахъ и разрѣшавшій всѣ затрудненія съ тою же простотой, съ какой рѣшилъ князь Ширвашидзе, изрубившій пьяныхъ купцовъ! На моихъ глазахъ онъ совершилъ заколдованный кругъ: началъ съ торжествующаго помаванія кулака, продолжалъ повтореніемъ учебника Иловайскаго и кончилъ тѣмъ, что изнемогъ въ непосильной борьбѣ. Это что-нибудь да значитъ...

А онъ ли не потрясалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ кулакомъ, и какимъ здоровеннымъ!

Да и онъ ли одинъ изнемогаетъ, испытывая отвращеніе къ политикѣ?

Поговорите съ любымъ департаментскимъ страдальцемъ: вы услышите далеко не веселые звуки голоса и увидите на лицѣ кислую гримасу, если заговорите о злобѣ дня.

III.

Не далѣе какъ на-дняхъ мнѣ довелось встрѣтиться съ однимъ старымъ знакомымъ, представителемъ мѣстной администраціи, пріѣха-

вшимъ на праздники изъ провинціи, навѣстить свою дочь. Это—человѣкъ въ политикѣ опытный (двѣнадцать лѣтъ онъ служилъ исправникомъ), доброжелательный, разсудительный, старающійся, какъ онъ выражается, «не забывать и совѣсти»...

Встрѣтились мы, и первымъ дѣломъ онъ сталъ жаловаться.

— Вы не повѣрите, какъ трудно... О-охъ, голубчикъ вы мой, какъ трудно...

— Но въ чемъ же трудности?..

— Во всемъ... во всемъ чрезвычайно трудно. Теперь насъ со всѣхъ сторонъ жарятъ... И изолгались-то мы, и воры-то мы, и мошенники, и превышаемъ-то мы власть. И все это, если хотите, справедливо, во многомъ справедливо, но развѣ мы-то опять по своей вольной волѣ живемъ!? Если-бъ вы знали, какое и наше положеніе тамъ на мѣстѣ-то... Надо, чтобъ и начальство осталось довольно, надо опять, чтобы и купецъ не фордыбачилъ,—купецъ нынче вѣдь не то, что̀ прежде, когда я взялъ бы его, аршинника, да по сусаламъ, по сусаламъ!—продолжалъ старикъ, внезапно оживляясь, словно старый парадеръ, услыхавшій музыку:—надо и съ земскими людьми ладить... Особенно съ этими земцами, которые нынче въ моду пошли и до нашего брата добираются... Есть между земцами такіе... Только лучше ли будетъ?.. Это, господа, надо обмозговать... Очень даже обмозговать... Вотъ хоть бы у насъ въ Обжорскѣ изъ какихъ-такихъ земцевъ управа состоитъ?.. Предсѣдатель—бывшій становой, одинъ членъ—бывшій письмоводитель полицейскаго управленія, а другой—такъ безпутный какой-то, ему даютъ жалованье семейства ради... Такъ, вы думаете, лучше будетъ, если такая управа бѣдокурить начнетъ?..

— Зачѣмъ непремѣнно такая?..

— Да вѣдь другой и не будетъ, если остальное все по-старому останется... Я тоже смотрю и вижу, какъ дѣла дѣлаются... Земецъ земцу розь, только настоящій-то земецъ, изъ такихъ, который не думаетъ, только какъ бы урвать да свою линію вести, настоящій-то притаился и у насъ на подозрѣніи состоитъ, въ качествѣ какъ бы несвѣдущаго въ образѣ мыслей!—засмѣялся старикъ.—А вы вотъ и въ самомъ дѣлѣ здѣсь въ Нйтерѣ думаете, будто къ вамъ излюбленные пріѣхали!? Излюбленные!.. Знаемъ мы этихъ вашихъ излюбленныхъ-то, живучи на мѣстѣ... И чего у васъ только ни пишутъ... Господи! Вотъ хоть бы по дѣлу бывшаго губернатора Токарева...

— А что̀?

— Да то, что очень ужъ въ азартъ пришли...

— Какъ же въ азартъ не придти... Дѣло-то такое исключительное...

— Исключительное!? Ха-ха-ха... И не такія дѣла мы видѣли, батюшка. Читалъ я, ѣхавши сюда, «Русь» и диву давался, какъ это она насчетъ администраціи... Изолгались, говоритъ... Всѣ изолгались... А кто же тогда служить будетъ, коли всѣ изолгались!? Оно точно, грабежъ,

положимъ, безспорно, но разбери ты, почему и какъ этотъ грабежъ бываетъ... Ты разбери, а не то чтобы изругать,—и тогда мы тебя послушаемъ... Вотъ возьмите вы этого самаго исправника Капгера, который, собственно говоря, былъ главный исполнитель логишинской экзекуціи...

— Однако, судя по дѣлу, должно-быть... этотъ исправникъ...

— Не должно-быть, а есть... Я его и не защищаю... Я видывалъ такихъ... видывалъ... Это, батюшка, что̀ называется, показной исправникъ, исправникъ-гроза... Они, эти исправники, и обликъ всѣ ужъ одинакій имѣютъ:—коренастые, грудастые, лицо-то мордастое, малиновобагроваго цвѣта, и непремѣнно усѣянное прыщами и бородавками. Усы торчкомъ, глаза на-выкатъ, ну, словомъ, звѣрь-звѣремъ... Скажи такому начальство: исправникъ, сокруши! — онъ готовъ все сокрушить и самъ отъ крови приходитъ въ такое остервенѣніе, что ему все кажется мало... Вотъ какіе между нами бываютъ исправники... Все это такъ, но только многіе ли пойдутъ на такую должность по доброй волѣ—это разъ, а во-вторыхъ—развѣ тотъ же исправникъ не творитъ волю начальства?.. Легко сказать: изолгались, но ужъ коли ты говоришь, такъ ты по чести: почему изолгались, и какъ это все лганье по іерархіи идетъ и внизъ и вверхъ... Тяжко, батюшка, тяжко, я вамъ доложу, а вѣдь терпишь, потому и у насъ «фатерный вопросъ»... Я, временемъ, почитываю журналы, и понравилось мнѣ это выраженіе. Именно «фатерный» вопросъ. Изъ-за него человѣкъ подъ конецъ и въ звѣря обратится... Вотъ теперь этотъ г. Капгеръ превысилъ... А не превысь онъ? Вѣдь его можно и турнуть, исправника-то... Такъ-то и всѣ мы подъ Богомъ ходимъ... А вы, господа, рады, что вамъ можно исправника-то на сковородѣ жарить,—вы и жарите, словно бы въ немъ и начало и конецъ всему... А чуть ежели по восходящей лѣстницѣ, тогда упретесь лбомъ, и будто все исполнители виноваты... Исправникъ хищеніемъ займется на тысячу въ годъ—карраулъ!.. Экономія...

Старикъ даже пришелъ въ раздраженіе.

— И народъ сколько мутите вы здѣсь — подлинно мутите! — продолжалъ онъ:—нынче всѣ народниками объявились, и у насъ теперь становые, кто помоложе, побойчѣй, да хочетъ у начальства показаться,—тоже въ мужичка играютъ! И мы вѣдь газеты читаемъ, слышимъ, какъ это вы здѣсь съ мужичкомъ возитесь! Пріѣдетъ это становой въ деревню... «Мужичокъ да мужичокъ!»—а какъ надо съ мужичка взыскивать недоимки, а у мужичка-то хоть шаромъ покати, а начальство опять же требуетъ «строжайше и немедленно», вотъ, скажу я вамъ, тотъ же становой да этого мужичка розгами... Вотъ тебѣ и мужичокъ!.. А чуть грѣхъ какой случись, въ родѣ жидовскаго безпорядка, разнесетъ мужикъ кабаки и имущество—опять исправнику выговоръ: зачѣмъ-де мѣръ не принялъ, и опять этого самаго мужичка розгами... Пройдетъ бѣда, и опять: «мужичокъ да мужичокъ»... А мужичокъ-то, вы думаете, слѣпой, что ли... не понимаетъ?.. А какъ баню-то

ему зададутъ, такъ вѣдь вы закричите: «Звѣри исправники... Народъ порютъ!» Мы и въ отвѣтѣ! Нѣтъ, не люблю я этихъ вашихъ выкрутасовъ. По-моему, ужъ лучше дѣло на чистоту. Надо мнѣ съ него шкуру драть, такъ духу у меня, у старика, не хватаетъ заигрывать-то съ нимъ. Вотъ какъ я понимаю... А то «мужичокъ», а потомъ: «ну-ка, ложись!..» Нынче у насъ становые эту моду взяли, только глупы они: не понимаютъ, что этимъ пуще народъ раздражаютъ. Доиграетесь вы, господа, съ вашимъ мужичкомъ!..—прибавилъ серьезно старикъ.

— А что̀?

— А то, что только облещиваете его въ газетахъ да смущаете, а настоящаго-то облегченія ему нѣтъ. А мужичокъ-то вѣритъ—довѣрчивый вѣдь онъ—и ждетъ. Ждетъ, а мы, исправники, въ тревогѣ. Чуть что̀—опять мы виноваты. И очень ужъ онъ этими ожиданіями смущенъ. Тамъ теперь въ деревнѣ, что̀ ни выдумай, всему повѣрятъ. «Нынче, говорятъ, мужика-то вспомнили. Мужику нынче честь честью». Недавно еще ко мнѣ приходили изъ одной деревни.—«Такъ и такъ, Иванъ Никанорычъ, пришла, спрашиваютъ, бумага?»—«Какая, говорю бумага?»—Посмѣиваются. Вижу—у нихъ что-то въ головѣ засѣло. «Говорите толкомъ, какой ждете бумаги?» — «А насчетъ земли?»—«Какой земли?»—«Добавочный надѣлъ, будто не понимаешь? Нешто насъ такъ и оставятъ при трехъ десятинахъ, да еще какихъ, самъ знаешь?.. Сказываютъ, велѣно нарѣзывать!..»—Вотъ вы тутъ и бейтесь съ ними—объясняйте, что никакой земли не будетъ. Еще, слава Богу, крестьяне меня знаютъ и, безъ хвастовства скажу, довѣряютъ мнѣ, такъ что я такъ и сякъ, а разубѣдилъ ихъ. Такъ вѣдь я знаю—не всегда-то нашему брату довѣряютъ. Тогда что̀?.. Опять: «а ну-ка, мужичокъ, ложись!..» Просто тошно у насъ теперь въ уѣздѣ-то жить, я вамъ скажу. И вездѣ поспѣй. А на тебя всѣ зубы точатъ. И свои же товарищи. Чуть-было и меня не съѣли...

— За что?

— А ни за что... Жилъ у насъ въ одной деревнѣ учитель, молодой человѣкъ. Ну, я, какъ слѣдуетъ, его предварилъ, чтобы онъ ни Боже ни... А онъ и такъ кромѣ своего дѣла—никакими другими дѣлами не грѣшенъ. Но, вижу я, его хотятъ съѣсть... Ужъ становой около него вертится. Ну, я и призвалъ учителя, и говорю ему по душѣ: «уѣзжай, молодой человѣкъ, ты лучше отсюдова съ миромъ. Какъ-никакъ, а доберутся до тебя». И жаль мнѣ стало его. Прежде-то я, быть-можетъ, и не пожалѣлъ бы его, а теперь,—прибавилъ старикъ вдругъ и заморгалъ глазами;—какъ свой-то сынъ въ Якутской области... Положимъ, онъ, быть-можетъ, и виноватъ, но и я—отецъ, жалѣть-то могу?.. Вотъ и чужого пожалѣлъ и совѣтъ ему благой далъ. Только прошло этакъ двѣ недѣли. Онъ уѣхалъ, а меня къ отвѣту.—«Зачѣмъ вы его призывали?..» Я по совѣсти, какъ было дѣло, разсказалъ. А ужъ на этого

учителя два доноса были. Одинъ дьяконъ настрочилъ, а другой становой. Ну, послѣ оказалось, что все изъ-за пустяковъ. Какъ дѣло-то разъяснилось—и съ меня подозрѣніе сняли... А то чуть-было меня не турнули съ мѣста! Да-съ... У насъ тамъ въ глуши теперь такая кутерьма въ умахъ идетъ съ вашимъ мужичкомъ... А здѣсь, видно, вы этого не понимаете, господа? Все «мужичокъ да мужичокъ»! Но только, по правдѣ, по истинной, я вамъ скажу, всѣ эти разговоры здѣсь меня донимаютъ... Кажется, отъ этой самой теперешней политики бѣжалъ бы безъ оглядки... да тоже семья... Кормиться надо! Такъ-то-съ!—заключилъ старикъ свои жалобы.

Любопытная исповѣдь.

(«Лоринъ». Романъ графа П. А. Валуева).

I.

Выражаясь своеобразнымъ слогомъ почтеннаго автора романа «Лоринъ», я «принялъ на себя сказать» нѣсколько словъ по поводу названнаго произведенія, увѣренный, что читатель весьма «любопытенъ узнать» не столько объ его художественныхъ прелестяхъ, сколько о взглядахъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ самого автора, извѣстнаго по своей долговременной, разнообразной и вліятельной административной дѣятельности.

Это тѣмъ болѣе любопытно и въ нѣкоторомъ родѣ даже поучительно, что намъ, русскимъ, представляются очень рѣдко случаи ближайшаго ознакомленія съ міросозерцаніемъ и умственнымъ багажомъ нашихъ современныхъ общественныхъ дѣятелей. Имѣя въ своемъ распоряженіи мало данныхъ—вѣрнѣе, почти никакихъ—и обладая въ то же время естественнымъ любопытствомъ проникнуть тайну, мы поневолѣ, при сужденіи о нашихъ руководителяхъ и о мотивахъ, направляющихъ ихъ дѣятельность,—бродимъ въ потемкахъ. О «направленіи» того или другого лица мы, большей частью, узнаёмъ по слухамъ или же—что̀ едва ли не опаснѣе—по такимъ шаблоннымъ, «комплиментарнымъ» передовымъ статьямъ, какими газеты привѣтствуютъ обыкновенно каждое новое восходящее административное свѣтило, памятуя извѣстное мудрое правило: о восходящемъ свѣтилѣ говорить восторженно и больше междометіями, а о нисходящемъ — осторожно и при случаѣ даже съ легкой укоризной, глядя по «вѣяніямъ». Для примѣра такого отношенія можно указать на отзывы «Новаго Времени» о графѣ Лорисъ-Меликовѣ при вступленіи его въ должность министра и при его отставкѣ. Примѣръ этотъ довольно характеристиченъ и, надѣюсь, достаточенъ.

Согласитесь, что какъ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ вторыхъ рукъ, такъ точно и хвалебныя свѣдѣнія изъ газетъ едва ли достаточны для

безпристрастной оцѣнки и весьма легко могутъ подавать поводъ къ одностороннимъ и ошибочнымъ сужденіямъ о дѣятеляхъ, единственно лишь благодаря недостаточному знакомству съ ихъ взглядами и намѣреніями. Смѣю полагать, что подобное незнакомство не совсѣмъ выгодно и для самихъ дѣятелей, по крайней мѣрѣ для тѣхъ изъ нихъ, которые обнаруживаютъ нѣкоторую щекотливость къ общественному мнѣнію и ищутъ въ немъ содѣйствія своимъ планамъ. Очевидно, обыватель, даже при желаніи содѣйствовать хотя бы платонически, не въ состояніи выполнить своей миссіи сколько-нибудь удовлетворительно, при незнаніи, чего именно отъ него хотятъ; такое взаимное непониманіе ведетъ къ весьма грустнымъ недоразумѣніемъ: обыватель можетъ подумать, что отъ него требуютъ выраженія одной только радости, между тѣмъ какъ отъ него требуютъ совсѣмъ другого, и наоборотъ. Я не говорю уже о такихъ рѣдкихъ общественныхъ дѣятеляхъ, которые въ общественномъ одобреніи находятъ лучшую награду своимъ трудамъ. Положеніе ихъ воистину трагическое.

Правда, на глазахъ у всѣхъ факты; ихъ можно не только видѣть, но нерѣдко и чувствовать; но дѣло въ томъ, что не всегда легко—иногда и невозможно—уяснить себѣ мотивы, ихъ вызывающіе, вслѣдствіе чего обыватель—болѣе чѣмъ прежде любознательный—нерѣдко становится втупикъ, любопытно задавая себѣ вопросъ: «Какъ, почему и зачѣмъ?» Очень вѣроятно, что недоумѣніе легко бы разъяснилось при объясненіи, но такъ какъ объясненія пріискиваются за свой счетъ и страхъ, то, понятно, сколь велика можетъ быть область предположеній.

Коротко говоря, мы совсѣмъ не знаемъ или очень мало знаемъ объ общественныхъ и политическихъ идеалахъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, вотъ почему всякій поводъ къ ближайшему съ ними знакомству—будь то романъ, брошюра или застольная рѣчь — является весьма цѣннымъ матеріаломъ для избѣжанія всякихъ превратныхъ толкованій.

Можно только искренно жалѣть, что подобные романы появляются очень рѣдко; едва ли примѣръ почтеннаго автора не единственный въ своемъ родѣ. И публика должна быть весьма благодарна автору, давшему своимъ произведеніемъ случай познакомиться довольно коротко съ его задушевными стремленіями и взглядами. Въ этомъ отношеніи авторъ оказалъ существенную услугу опубликованіемъ своего сочиненія.

II.

Даже при полной снисходительности къ начинающему автору надо сознаться, что романъ въ художественномъ отношеніи плохъ. Тщетна надежда встрѣтить въ немъ хоть одно лицо, сколько-нибудь похожее на живое, хоть одинъ діалогъ, похожій на обыденную разговорную

рѣчь, какой говорятъ простые смертные. Въ романѣ выведено множество лицъ, но все это манекены, къ которымъ авторъ пришпилилъ ярлыки съ надписью: «се левъ, а не собака», и всѣ они, всѣ безъ исключенія, безъ различія званій и пола, говорятъ однимъ и тѣмъ же вылощеннымъ, сухимъ, часто не русскимъ языкомъ канцелярскихъ докладовъ, не только въ обыкновенныхъ свѣтскихъ бесѣдахъ, но даже и во время рѣшительныхъ любовныхъ объясненій, когда, казалось бы, языкъ канцеляріи совсѣмъ неумѣстенъ.

Явись «Лоринъ» безъ имени почтеннаго автора, онъ не только бы не произвелъ—какъ выражается одинъ изъ персонажей романа—никакого «éclat», но безслѣдно канулъ бы въ Лету среди общаго равнодушія, какъ канула, напримѣръ, повѣсть «У Покрова въ Левшинѣ», печатавшаяся въ прошломъ году въ «Отголоскахъ» и нисколько не уступающая «Лорину».

Я нарочно упомянулъ объ этой повѣсти, едва ли извѣстной публикѣ; она удивительно напоминаетъ «Лорина» и по языку, и по манерѣ, и по наивности концепціи, и наконецъ по авторскому апломбу. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ произведеніи дѣйствующія лица недовольны судебными учрежденіями, университетами, печатью, только недовольство это въ повѣсти неизвѣстнаго автора выражено болѣе рѣзко и откровенно, чѣмъ въ романѣ графа Валуева. И въ повѣсти, какъ и въ романѣ, всѣ добродѣтельные персонажи состоятъ на службѣ въ различныхъ вѣдомствахъ, кромѣ судебнаго, а недобродѣтельные службы избѣгаютъ или поступаютъ въ судебное вѣдомство. Въ повѣсти даже выведенъ судебный чинъ въ образѣ злоумышленника, волнующаго студентовъ; въ романѣ фигурируетъ прокуроръ, хотя и не въ столь ужасномъ видѣ, но во всякомъ случаѣ прокуроръ неблагонамѣренный, не обнаруживающій тѣхъ благородныхъ чувствъ, которыя мы, обыкновенные смертные, привыкли обыкновенно видѣть въ прокурорахъ. Какъ въ повѣсти, такъ и въ романѣ въ качествѣ героинь дѣйствуютъ во всѣхъ статьяхъ примѣрныя дѣвицы (въ повѣсти дочь совѣтника губернскаго правленія, въ романѣ дочь директора канцеляріи) и столь хорошо воспитанныя, что съ лицами генеральскаго званія говорятъ не иначе, какъ титулуя ихъ: «ваше превосходительство», и притомъ такимъ языкомъ, что хоть сейчасъ въ докладную записку.

— *Ваше превосходительство*,—говоритъ дѣвица посѣтившему ее камергеру:—меня не обезпокоили; я только опасаюсь, что не сумѣю объяснить моему отцу того, что̀ вы *изволили* сказать по интересующему дѣлу.

— *Ваше превосходительство* весьма любезны,—еще разъ покраснѣвъ, рѣшилась сказать Вѣра.

Какъ въ повѣсти, такъ и въ романѣ дѣйствующія лица высказываютъ по всѣмъ вопросамъ одинаковыя мнѣнія и почти одними и тѣми

же словами. Такъ, напр., одно изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, говоря о нашей прессѣ и выдѣляя изъ нея «Московскія Вѣдомости», даетъ петербургскимъ газетамъ такую аттестацію:

«Въ Петербургѣ же всѣ газеты на одинъ ладъ... Есть оттѣнки по формѣ; по существу ихъ нѣтъ. Постоянно *прихорашивается нехорошее,* извиняется неизвинимое, проповѣдуется ложное, поощряется несомнѣнно вредное. Постоянно твердятъ молодежи, что она имѣетъ какія-то права на домогательства или притязанія, никакимъ уставомъ не оправдываемыя; постоянно наталкиваютъ ее на попытки выходить изъ своей роли и дѣйствовать, вмѣсто того, чтобы учиться».

Въ дальнѣйшихъ ламентаціяхъ противъ печати персонажъ даже безъ всякой церемоніи свидѣтельствуетъ, будто пресса «*потворствуетъ броженію въ университетѣ, если даже не возбуждаетъ этого броженія*».

То же самое по существу, хотя и мягче по формѣ, говорятъ о прессѣ и персонажи романа. Уязвленію прессы посвящена даже цѣлая глава подъ названіемъ: «Губернаторъ», съ коварнымъ эпиграфомъ: «Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!». Въ этой главѣ производится корреспонденція, наполненная клеветой на добродѣтельнаго губернатора и его супругу и напечатанная въ петербургской газетѣ «Звукъ». Корреспондентъ само собой выставленъ авторомъ въ очень непривлекательномъ видѣ.

— Вотъ плата за нашу любезность и гостепріимство! — восклицаетъ, прочитавъ корреспонденцію, губернаторша.

— Быть-можетъ, и не за то, а просто за то, что я князь Пронскій и губернаторъ, а онъ Кучилинъ и чиновникъ какой-нибудь палаты. *Благодаря газетамъ, всякая желчь теперь можетъ сдѣлаться чернилами!*—отвѣтствовалъ супругъ.

Самъ герой Лоринъ, защищая какой-то великосвѣтскій романъ, осмѣянный «Звукомъ» и «Невскими Записками», говоритъ, между прочимъ, что романъ уже тѣмъ хорошъ, что въ немъ «по крайней мѣрѣ нѣтъ ни тѣхъ циническихъ подробностей, ни того систематическаго прихорашиванія нехорошаго *(припомните отзывъ въ повѣсти: «постоянно прихорашивается нехорошее»),* ни того старательнаго изображенія разной грязи, которое встрѣчается даже подъ перомъ нашихъ лучшихъ писателей. Все это, конечно, только отрицательныя достоинства; но мнѣ кажется, что въ наше время и отрицательныя достоинства имѣютъ цѣну». Тотъ же Лоринъ, въ другомъ мѣстѣ, жалуется на литературу въ такихъ выраженіяхъ:

«Передовыя элукубраціи слишкомъ стереотипны. Всякая тема переворачивается по нѣскольку разъ съ лица на изнанку и съ изнанки на лицо. Когда болѣе или менѣе знаешь, что у насъ творится внѣ дневного обихода и какое различіе существуетъ на дѣлѣ между «есть» и «кажется»,—то печатная жвачка становится приторною. Въ концѣ

концовъ сосредоточиваешься на журналахъ. Они такъ толсты, что обѣщаютъ матеріала для препровожденія времени. Однако и здѣсь есть цѣлые отдѣлы, которыхъ я не дотрогиваюсь. Вся современная матеріалистическая пропаганда, всѣ тенденціозно-научныя статьи, анализы дарвинизма, теоріи мозговыхъ рефлексовъ—не для меня. Я штабъ-ротмистръ. Читаю обозрѣнія, критическія статьи, историческіе или біографическіе очерки и романы. По части романовъ не могу надивиться господствующему стилистическому пошибу. Почему и къ чему какое-то исканіе локальной краски въ грубоватыхъ и даже грубыхъ оттѣнкахъ? Въ нашемъ богатомъ, сильномъ, чудесномъ языкѣ до сихъ поръ наименѣе разработана та именно часть, которая необходима для романа, часть обыденно-разговорная и повѣствовательная. Романисты могли бы принести въ этомъ отношеніи величайшую пользу. Но романы, которые мнѣ попадаютъ подъ руку, этой пользы не обѣщаютъ. Формы и обороты рѣчи иногда безъ всякой надобности спускаются на непригодный уровень. Даже въ журналѣ издателя, знающаго свое дѣло, романы отличаются тѣми же атрибутами. NN *калякаетъ* съ N'N'. X долженъ непремѣнно *крякнуть* прежде, чѣмъ заговорить съ Y или отвѣтить Z, и т. п. Въ одномъ романѣ я насчиталъ одиннадцать разъ слово *крякнуть* въ трехъ главахъ. Если такіе атрибуты неразлучны *отъ* различныхъ типовъ, то къ чему обиліе такихъ типовъ?»

Кромѣ приведеннаго, такъ сказать, штабъ-ротмистрскаго отзыва, въ романѣ есть еще и другой, совсѣмъ ужъ похожій на аттестацію, данную въ повѣсти, очевидно, гражданскимъ чиномъ. Разсказывая, что наши суды подрываютъ авторитетъ власти, одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа говоритъ: «*въ этомъ отношеніи суды и газеты на одной доскѣ*».

Повторяю, сходство между повѣстью и романомъ настолько значительно, что едва ли не слѣдуетъ считать одно произведеніе дополненіемъ другого. Такъ, въ повѣсти, кромѣ добродѣтельныхъ чиновниковъ V и VI классовъ и недобродѣтельныхъ судебныхъ чиновъ, выведены еще злоумышленники-нигилисты, подъ прозвищами «Барсука», «Кота», «Волка» и «Бѣгуна», и добрый капитанъ, накрывающій нигилистовъ, а въ романѣ преимущественно дѣйствуютъ особы первыхъ трехъ классовъ и въ качествѣ «героя» конногвардеецъ; о нигилистахъ, а слѣдовательно и о добромъ капитанѣ, не упоминается; такимъ образомъ картина нравовъ современнаго общества въ романѣ была бы не полной, если-бъ подспорьемъ не являлась повѣсть «У Покрова на Левшинѣ».

Впрочемъ, пораженный сходствомъ, я забѣжалъ впередъ и началъ съ конца, цитируя мнѣнія тѣхъ лицъ романа, устами которыхъ поучаетъ самъ почтенный авторъ... Въ надлежащемъ мѣстѣ я приведу сводъ всѣхъ этихъ поученій и ламентацій, а пока надо познакомить читателя съ содержаніемъ, съ дѣйствующими первыхъ трехъ классовъ особами

и героемъ штабъ-ротмистромъ, имѣющимъ, сколько можно судить, спеціальное назначеніе служить образцомъ по меньшей мѣрѣ для кавалерійскихъ юнкеровъ, какъ по благородству чувствъ, такъ и по верховой ѣздѣ.

III.

Великолѣпный во всѣхъ статьяхъ, благородный, какъ только можетъ быть благороденъ герой великосвѣтскаго романа добраго стараго времени, штабъ-ротмистръ Лоринъ обладалъ рѣшительно всѣми добродѣтелями. Нечего и говорить, что велъ онъ себя во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненно. По примѣру князя Ширвашидзе, мирныхъ гражданъ въ ресторанѣ не рубилъ, въ Ливадіи никакихъ скандаловъ не учинялъ, на мѣлокъ въ карты не игралъ, а рачительно занимался службой и верховой ѣздой, посвящая свободное отъ занятій время, натурально, амуру. Иначе какой бы онъ былъ штабъ-ротмистръ и герой.

Авторъ знакомитъ насъ съ нимъ въ то время, когда онъ состоитъ въ амурахъ съ не менѣе великолѣпной графиней Искрицкой, которая «была однимъ изъ блистательныхъ явленій петербургскаго великосвѣтскаго міра». Нечего и говорить, что герой окружалъ глубочайшей тайной свои отношенія къ замужней женщинѣ; тѣмъ не менѣе объ этихъ отношеніяхъ догадывались въ обществѣ, но громко о нихъ не говорили, такъ какъ конвенансы были соблюдены. Такимъ образомъ репутація молодой женщины не была посрамлена, и оба великосвѣтскіе персонажи наслаждались возможнымъ на землѣ счастіемъ.

На основаніи кодекса благородства, принятаго къ руководству въ высшемъ обществѣ и обязательно рекомендуемаго романистомъ, въ подражаніе прочимъ штабъ-ротмистрамъ,—обоихъ благородныхъ любовниковъ, повидимому, мало шокировалъ ихъ обманъ отсутствующаго мужа, вдобавокъ человѣка «безъ характера и безъ всякихъ правилъ»; по всей вѣроятности, любовная связь продолжалась бы въ тайнѣ, безъ какихъ-либо «трагедій», если-бъ почтенный авторъ не задумалъ написать нравоучительнаго романа и не сдѣлалъ завязкой его открытіе тайны съ большимъ «éclat».

Случилось это такъ: въ одинъ зимній вечеръ, именно въ «театральный» часъ, удобный, по удостовѣренію автора, «для всѣхъ выѣздовъ, которые желательно охранять отъ посторонняго любопытства», штабъ-ротмистръ, исправный въ любовныхъ свиданіяхъ точно такъ же, какъ и по службѣ, въ 8 часовъ вечера подъѣхалъ къ дому на Мойкѣ и только-что хотѣлъ отворить карманнымъ ключомъ двери «пріюта любви», устроеннаго въ квартирѣ родственницы своей, г-жи Долинской, какъ съ верхняго этажа штабъ-ротмистра окликнула образцовая дѣвица Ольга Соболина, дочь директора канцеляріи (тоже бывшаго штабъ-ротмистра), пріѣхавшая въ этотъ же домъ навѣстить одну больную въ квартирѣ чиновника, подчиненнаго ея отца. Дѣло въ томъ,

что карета за дѣвицей не пріѣзжала, и она была очень смущена, боясь опоздать домой и тѣмъ огорчить своего папу. Выйти же изъ дома безъ провожатаго и сѣсть на извозчика образцовая и въ страхѣ воспитанная дѣвица не рѣшалась. Разумѣется, увидавъ Лорина, она обрадовалась и объявила, что имѣетъ «*до него* просьбу» — проводить ее до извозчика.

Положеніе штабъ-ротмистра было изъ тѣхъ, которыя часто эксплоатировалъ Поль де-Кокъ въ своихъ веселыхъ романахъ. Минуты свиданія приближались, — графиня тоже была аккуратная дама и на rendez-vous не опаздывала,—а тутъ вдругъ такой неожиданный случай—надо проводить дѣвицу. Если прибавить къ этому, что графиня была ревнива, и что штабъ-ротмистръ считалъ неудобнымъ отпустить дѣвицу на извозчикѣ, а долженъ былъ провести ее до своихъ саней, стоявшихъ за угломъ (изъ предосторожности), то легко вообразить себѣ положеніе бѣднаго штабъ-ротмистра. Ситуація эта усложнилась еще внезапнымъ появленіемъ на лѣстницѣ нѣкоего князя Чекалова, «злодѣя» романа (впрочемъ, почти единственнаго; въ романѣ добродѣтель доминируетъ) со «слѣдами страстей въ чертахъ лица» и съ измѣнчивымъ выраженіемъ глазъ. Онъ былъ дипломатомъ, но, какъ «злодѣй», нигдѣ при миссіяхъ не уживался, жилъ теперь въ Петербургѣ, числился гдѣ-то и занимался «салонной критикой правительственныхъ распоряженій», что̀, натурально, только усиливало его злодѣйство.

Князь Чекаловъ таинственно скрылся въ дверяхъ квартиры какого-то присяжнаго повѣреннаго, но внизу лѣстницы благороднаго штабъ-ротмистра и трепетавшую (отъ страха при видѣ Чекалова) дѣвицу ожидала еще болѣе непріятная встрѣча. Дама подъ вуалемъ, явившаяся на подъѣздъ, рѣшительно загородила дорогу и спросила по-французски у штабъ-ротмистра:

— Кто эта дама?

— Что̀ дѣлаете вы? — вполголоса сказалъ ей на томъ же языкѣ офицеръ.—Я сейчасъ вернусь.

— Я хочу знать, кто съ вами,—сказала она.

— Вы себя губите...—тихо проговорилъ молодой человѣкъ.

— Мнѣ все равно, — съ горячностью отвѣтила дама, откидывая вуаль, который закрывалъ ея лицо.—Я не скрываюсь. Вы видите, что я графиня Искрицкая, — продолжала она, обращаясь прямо къ Ольгѣ Николаевнѣ.—Кто вы?

Молодая дѣвушка дрожала какъ листъ. Пораженная внезапностью и свойствомъ встрѣчи, она инстинктивно сознавала трудность своего положенія. Ей было неловко за себя и какъ-то жаль и досадно за офицера. Но на вопросъ графини она отвѣтила твердымъ голосомъ, тоже по-французски:

— Мнѣ нѣтъ причины себя скрывать. Я Ольга Соболина.

Штабъ-ротмистръ увелъ дѣвицу, посадилъ ее въ сани, но, возвратившись, уже не засталъ графини, а получилъ изъ рукъ швейцара визитную карточку (экая неосмотрительность), на которой было написано по-французски: «ждать не въ моихъ привычкахъ».

Вышеизложенная «се-конъ-апель-истуаръ», быть-можетъ, и даже навѣрное, не подверглась бы дальнѣйшему оглашенію, въ виду скромности Ольги Соболиной и тѣмъ паче отца ея, директора канцеляріи, воздержанность котораго отъ разглашенія тайнъ гарантировалась самимъ его служебнымъ положеніемъ (о швейцарѣ я и не говорю: какую роль можетъ играть швейцаръ въ великосвѣтскомъ романѣ?). Но на бѣду свидѣтелемъ встрѣчи героя съ дѣвицей былъ «злодѣй» князь Чекаловъ. Черезъ нѣсколько дней, на балу у графовъ Турскихъ, этотъ великосвѣтскій «Яго», занимающійся вдобавокъ «салонной критикой правительственныхъ распоряженій», возбуждаетъ еще сильнѣе ревность графини, и когда Лоринъ на балу подходитъ къ ней, то между ними происходитъ горячее объясненіе, такъ сказать, при «открытыхъ дверяхъ»... Графиня тотчасъ же уѣхала съ бала. «Eclat» былъ полный... «Позоръ» графини былъ, такъ сказать, оглашенъ на всю бальную залу.

Послѣ такого «оглашенія» оставаться въ Петербургѣ, разумѣется, было нельзя, и графиня рѣшается уѣхать совсѣмъ за границу. Передъ отъѣздомъ она пишетъ Лорину длинное письмо, похожее болѣе на докладную записку о «воспособленіи изъ свободныхъ участковъ казенныхъ земель», чѣмъ на вопль любящей женщины; въ этомъ письмѣ графиня объясняетъ, что «жребій брошенъ», такъ какъ «покрывало сброшено», и обращается за доказательствомъ любви. «Вы мнѣ теперь это докажете. Но знайте, что если вы и не докажете такъ, какъ я это разумѣю, то я на васъ сѣтовать не буду...» «Я не зову васъ. Я не прошу васъ. Я освѣдомляюсь...» Письмо оканчивается: «Засимъ до свиданія, или прощайте навсегда».

Подобное «освѣдомленіе» подѣйствовало на благороднаго штабъ-ротмистра угнетающимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, приходилось выбирать между любимой женщиной, съ одной стороны,—службой и «Углемъ», любимымъ жеребцомъ, съ другой. Вопросъ жгучій. Конечно, для обыкновеннаго смертнаго вопросъ этотъ не представлялся бы такимъ жгучимъ, по крайней мѣрѣ, въ первое время, но для героевъ великосвѣтскаго романа вѣдь существуетъ особый кодексъ нравственныхъ понятій. Хотя Лоринъ былъ и молодъ, но, по похвальному аттестату автора, «зрѣлость ума и характера въ немъ опередили лѣта»... Онъ правда, «не поколебался дать графинѣ Искрицкой *ожиданный* отвѣтъ, но *ущемленіе* сердца, съ которымъ онъ далъ отвѣтъ, его встревожило. Онъ принесъ жертву, но кому?—графинѣ, а не своей любви къ ней» (томъ I, стр. 53). «Въ мысляхъ Лорина быстро сопоставлялось все то, отъ чего онъ отказывался и съ чѣмъ разставался. Полкъ, товарищи,

служебная будущность, домашнія отношенія къ дядѣ, общественныя и дружескія связи».

«Лихорадочный холодъ смѣнялся въ Лоринѣ съ лихорадочнымъ жаромъ», взглядъ его скользилъ по оружію, которымъ была убрана одна изъ стѣнъ кабинета, по портретамъ товарищей, которые украшали другую стѣну.—Прощайте, товарищи!—проговорилъ Лоринъ. Взглядъ перешелъ къ портрету его любимаго коня, которымъ гордился полкъ и на которомъ Лоринъ столько разъ былъ блистательнымъ ординарцемъ; «прощай, мой добрый Уголь»,—подумалъ онъ» (томъ I, стр. 54—55).

Благороднѣйшій изъ благороднѣйшихъ старыхъ холостяковъ-дядюшекъ, генералъ Рощинъ, ходившій скорымъ «шагомъ, хотя всегда съ наклономъ на одну сторону», и котораго «рѣшимость и самообладаніе доходили до того, что̀ называется позой»,—совѣтовалъ своему племяннику «опрометчиво не играть своей судьбой и однимъ шагомъ предрѣшать свою будущность». Онъ не согласенъ на выходъ Микки въ отставку. Онъ проситъ, умоляетъ, грозитъ разрывомъ.

— Любезный дядя, — проговорилъ Лоринъ глухимъ голосомъ:— зачѣмъ искушаете вы меня? Зачѣмъ колеблете вы рѣшимость, которую вы не можете внутренно не одобрить? Привязанность къ вамъ, и благодарность, и повиновеніе мнѣ не новы; я вамъ всегда повиновался легко и охотно; но теперь я не властенъ повиноваться. Если бы вы вчера утромъ отъ меня потребовали, чтобы я разстался съ графиней, я бы еще могъ это сдѣлать. Теперь поздно. Жребій брошенъ.

Поставленный такимъ образомъ между долгомъ и повиновеніемъ, штабъ-ротмистръ, охотно готовый повиноваться и бросить на произволъ судьбы графиню, если-бъ дядя говорилъ съ нимъ вчера, а не сегодня,—вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу къ графинѣ. Тамъ они странствовали по разнымъ мѣстамъ, и все это время штабъ-ротмистръ, такъ сказать, перегоралъ въ горнилѣ очищенія, писалъ письма о текущей литературѣ, философствовалъ насчетъ римлянъ и, между прочимъ, восклицалъ: «Какая линія форпостовъ отъ Каледоніи до Ѳракіи!» Между тѣмъ заря другой любви, любви къ Ольгѣ Соболиной, занявшаяся въ его сердцѣ еще въ Петербургѣ, загорѣлась сильнѣе при встрѣчѣ съ Ольгой въ Римѣ. За границей дѣло не обошлось безъ дуэли. Графъ Ракитинъ сказалъ Лорину, что «лейбъ-гвардіи конный полкъ теперь не то, чѣмъ онъ былъ прежде».

Лоринъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Что̀ хотѣли вы сказать, графъ, про лейбъ-гвардіи конный полкъ?—спросилъ онъ сдержаннымъ голосомъ.

— Что прежде его офицеры не отказывались стрѣляться, а теперь отказываются.

Лоринъ посмотрѣлъ Ракитину прямо въ глаза и отвѣтилъ:

— Вы сами не вѣрите тому, что̀ говорите, графъ. Но вы вашей

цѣли достигли. Вы тронули струну, на которой отвѣтъ вамъ былъ обезпеченъ.

Дуэль окончилась бы роковымъ образомъ, если-бъ не медальонъ, данный Ольгой (ахъ, если-бъ солдатамъ давали медальоны, то вѣрно убитыхъ на войнѣ было меньше!). Между тѣмъ графиня давно, конечно, видитъ, выражаясь языкомъ автора, «бифуркацію» чувствъ штабъ-ротмистра и великодушно сама оставляетъ его. Лоринъ уѣзжаетъ въ Россію, надѣваетъ «мундирный фракъ», т. е. поступаетъ въ гражданское вѣдомство, но затѣмъ, помирившись съ дядей, лишившимъ-было племянника своего благоволенія и денежной помощи,—просвѣтленный и болѣе умудренный опытомъ, тѣмъ же чиномъ поступаетъ въ прежній полкъ. Нужно ли прибавлять, что графиня Искрицкая умираетъ въ чахоткѣ, а Лоринъ женится на давно любящей его высокодобродѣтельной Ольгѣ...

III.

Такова фабула романа и главные герои его. Кромѣ главныхъ героевъ, въ романѣ есть еще множество другихъ лицъ, которыя произносятъ различныя поученія въ длинныхъ резонерскихъ тирадахъ и высказываются по разнымъ общественнымъ вопросамъ. Въ распредѣленіи добродѣтелей на долю каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ романа любопытно слѣдующее обстоятельство. Всѣ лица, имѣющія отъ автора аттестатъ государственной зрѣлости или благородства, занимаютъ административные посты или, если не служатъ, то служили, и преимущественно въ кавалеріи; если же не служатъ и не служили нигдѣ, то — крупные землевладѣльцы. Такъ, добрый и благонамѣренный князь Пронскій—губернаторъ; трудолюбивый, благородный и умный дѣйствительный статскій совѣтникъ Соболинъ—директоръ канцеляріи; горячій и честный Рощинъ, дядя героя,—генералъ-лейтенантъ; баронъ Рингшталь, рыцарь изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ,—бывшій кавалеристъ; добродѣтельный врачъ—инспекторъ врачебной управы; князь Забѣлинъ, поклонникъ энциклопедистовъ и превосходный семьянинъ,—крупный землевладѣлецъ, и т. д., всѣхъ не перечесть. Исключеніе составляютъ только вице-губернаторъ (и то скорѣе не по своей винѣ, а по винѣ жены, интригующей въ пользу мужа), чины судебнаго вѣдомства, да чиновникъ Кучилинъ, онъ же и корреспондентъ «Звука». Я не упоминаю, конечно, о «злодѣѣ» романа—князѣ Чекаловѣ. На то онъ и злодѣй, чтобы кромѣ зла ничего не желать людямъ. Но почему князь—и крупный землевладѣлецъ, и камергеръ, и дипломатъ—изъ ангеловъ свѣта сдѣлался ангеломъ тьмы—этого романъ не объясняетъ, впрочемъ, точно такъ, какъ и не объясняетъ, на какомъ основаніи остальные персонажи превозмогаютъ другъ друга въ благородствѣ и являются такими «отцами-начальниками», безкорыстными, правдивыми, готовыми помочь правдѣ и преслѣдовать неправду, что, читая всѣ ихъ

дѣянія, кажется, будто сенатское обвиненіе губернаторовъ Токарева, Лошкарева и К°, вся эта исторія объ оренбургскихъ и уфимскихъ земляхъ, всѣ эти нареканія на хищеніе и произволъ—не болѣе какъ клевета, умышленная клевета.

Въ самомъ дѣлѣ, читая нѣкоторыя главы романа (напр., главу о губернаторѣ), при нѣкоторомъ воображеніи можно представить себѣ даже, что гуляешь въ благоустроенномъ административномъ раю, наполненномъ ангелами-чиновниками, и слышишь со всѣхъ сторонъ—даже изъ дамскихъ устъ—очаровательный языкъ канцелярскихъ бумагъ. И если бы не безпомощность администраціи, не беззащитность крупныхъ землевладѣльцевъ, не тенденціозность суда, не злонамѣренность печати...

Но я опять забѣгаю впередъ... Прежде чѣмъ связать, такъ сказать, въ одинъ букетъ всѣ поученія, разсѣянныя въ романѣ, необходимо сказать два слова объ его языкѣ и привести образцы, чтобы читатели не обвинили меня въ голословномъ порицаніи.

Конечно, слѣдуетъ быть снисходительнымъ къ начинающему автору, и притомъ автору-дилетанту, и не предъявлять къ нему серьезныхъ требованій; я охотно пропустилъ бы безъ особаго вниманія своеобразный языкъ романа, вполнѣ понимая авторскія «circonstances atténuantes», — но дѣло въ томъ, что въ романѣ чувствуется не только большая претензія на художественность, но чуть ли не самъ авторъ, устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ, выражая неудовольствіе противъ разговорнаго языка романовъ, появляющихся въ литературѣ, указываетъ на свое произведеніе, какъ на образецъ изящнаго стиля. Быть-можетъ, въ средѣ, которая описывается въ романѣ, слогъ романа и считается образцовымъ, но намъ съ вами, читатель, знакомымъ, слава Богу, съ произведеніями Гоголя, Льва Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Салтыкова и другихъ, подобная претензія можетъ показаться нѣсколько смѣлой...

Вотъ образчики этого «художественнаго» языка. Раскрываю книгу наудачу и выписываю слѣдующій діалогъ:

«— Я васъ еще разъ искренно благодарю, любезный баронъ,—сказалъ Андрей Михайловичъ прощавшемуся съ нимъ послѣ утренняго посѣщенія барону Рингшталю:—за то, что̀ вы сообщили, хотя все это до крайности непріятно.

«— *И на двѣ стороны непріятно*,—замѣтилъ баронъ.

«— Нужно подумать о томъ, что̀ и ка̀къ сдѣлать. Впрочемъ, вы знаете французскую поговорку: прямо наступить на непріятность — лучшій способъ отъ нея отдѣлаться.

«— Да, но въ данномъ случаѣ это правило пригодно только въ одну сторону».

Раскрываю второй томъ романа и останавливаюсь на такомъ разговорѣ между княгиней Пронской и Лоринымъ:

«— На мой взглядъ, я танцовалъ сегодня слишкомъ много, а не слишкомъ мало, княгиня, и, признаюсь, не вообразилъ, что вы за мной изволили наблюдать.

«— Не я; мнѣ некогда, а другіе... Спросите, если вы любопытны, г-жу Мощину.

«— Г-жу Мощину!—сказалъ поблѣднѣвшій отъ осерчанія Лоринъ.— Позвольте оставить въ вашемъ распоряженіи этотъ источникъ наблюденій. Вы изволите знать, что я только въ угоду вамъ, только для васъ, записался здѣсь въ танцоры; но я не считаю себя обязаннымъ танцовать съ дочерьми г-жи Мощиной или танцовать именно столько, сколько г-жѣ Мощиной угодно...»

Такъ и хочется прибавить: «о чемъ считаю долгомъ поставить въ извѣстность ваше превосходительство».

Это, видите ли, называется «образцовымъ» разговорнымъ языкомъ, который, по словамъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ, въ другихъ романахъ очень мало разработанъ!

Такимъ языкомъ говорятъ всѣ дѣйствующія лица. Даже въ сценахъ страсти, гдѣ, казалось бы, каждый способенъ заговорить по-человѣчески, персонажи изъясняются вычурнымъ книжнымъ слогомъ. Вотъ вамъ отрывки изъ длиннѣйшаго и рѣшительнаго объясненія графини Искрицкой съ Лоринымъ:

«— Я берегу остатки сокровища, переполнявшаго мою душу. Что̀ было бы со мною, если бы, разставшись, я не могла бы тебя съ любовью помнить, мысленно слышать рѣчь твою, хранить въ душѣ твой образъ, въ мысляхъ обнимать его и къ нему обращать тѣ слова любви, *глубокой*, *искренней*, *неизмѣнной*, *непрерывной* любви, которыя я къ тебѣ обращала? Не лишай меня этого послѣдняго сокровища. Повторяю, лучше во̀-время, лучше рано, *лишь* (1) бы не поздно; *лишь* (2) бы не залегла въ моей памяти *мгла упрека*; *лишь* (3) бы смертельная рана сердцу была нанесена еще любящею, еще теплою, а не холодною рукою; *лишь* (4) бы я вынесла только печаль, горе,—но не оскорбленіе!»

И далѣе, продолжая все то же объясненіе, графиня говоритъ:

«— *Если* (1) ты еще не любишь Ольгу, *если* (2) въ тебѣ возникло только одно изъ тѣхъ колебаній, которыя, какъ говорятъ, свойственны сердцу мужчины,—одумайся правдиво и чистосердечно рѣши. *Если* (3) ты хочешь, чтобы я осталась твоею, *если* (4) я тебѣ нужна, *если* (5) для твоей жизни нужно, чтобы я сама болѣе жила тобою, скажи это».

Но не довольно ли? Я чувствую, что подъ вліяніемъ этихъ «лишь» и «если» способенъ заговорить подобнымъ художественнымъ языкомъ и сочинить романъ, въ которомъ мои лица будутъ выражаться, пожалуй, совсѣмъ по образцовому стилю. Такъ, напримѣръ, героиня моя, влюбленная въ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лакрицу, изъяснится съ нимъ примѣрно въ такомъ родѣ:

— Ваше превосходительство! Принимая въ соображеніе, что мгла страсти обуреваетъ мою душу,—что возбужденіе оной не противорѣчитъ видамъ родителей, а, напротивъ, ими поощряется,—что бифуркаціи, то-есть перемѣщенія чувства моего, до гробовой доски не предвидится,—и на основаніи опредѣлительно вашимъ превосходительствомъ выраженныхъ комплиментарныхъ движеній,—имѣю честь почтительно доложить вашему превосходительству, что я согласна быть вашей любящей глубоко, неизмѣнно, непрерывно, искренно, нелицепріятно и неукоснительно любящей супругой, лишь бы чувство мое споспѣшествовало видамъ вашего превосходительства; лишь бы я могла увѣренною быть, что въ состояніи доставить вамъ счастіе на обѣ стороны и сама быть двояко счастливой; лишь бы ваше превосходительство касательно чувствъ своихъ не столько внимали внушеніямъ холоднаго разума, сколько голосу сердца... Но... ваше превосходительство! Милый, желанный, дорогой мой, ваше превосходительство! Если вы не изволите ощущать во всѣхъ изгибахъ существа своего чувства, крутымъ опытомъ провѣреннаго; если комплиментарныя ваши движенія были внушены лишь мимолетной прихотью; если любовь ваша не есть плодъ долговременныхъ впечатлѣній, неизмѣнно и съ одинаковыми оттѣнками повторяющихся; если съ теченіемъ времени ваше превосходительство не будете любопытны наслаждаться силой моихъ чувствъ,— о, въ такомъ случаѣ—не жалѣйте меня и предувѣдомьте меня вслѣдъ за симъ, дабы я могла своевременно, и не дожидаясь офансивныхъ съ вашей стороны взглядовъ, удалиться въ монастырь и тамъ, вдали отъ свѣта, молиться за ваше превосходительство, равно какъ и за успѣхъ вашего служебнаго поприща. Да хранитъ васъ Богъ!

— Княжна Макрида!—отвѣтствовалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Лакрица, поспѣшая поблѣднѣть, чтобы вслѣдъ затѣмъ медлительно покраснѣть.—Я трояко радостенъ и знаю, что вы мнѣ принесете счастіе не на двѣ, а на четыре стороны. Богъ да хранитъ васъ!

Чѣмъ мое «объясненіе» хуже, скажите, положа руку на сердце, читатель?..

Трудно перечислить всѣ галлицизмы и совсѣмъ не «вѣроподобные» обороты рѣчи, встрѣчающіеся въ романѣ. «*Я принялъ на себя сказать*»; «*въ двѣ стороны непріятно*»; «*онъ своей рукой срубилъ двухъ турокъ*»; «*я была любопытна узнать*»; «*я буду радоваться этому для княгини*»; «*комплиментарное движеніе*»; «*мнѣ нужно съ кѣмъ-нибудь сообщиться*»; «*я поручилъ блюсти вѣнокъ и охранять его отъ выброшенія*»; «*постановленный столъ*»; «*просьба до васъ*» — такими выраженіями испещрены страницы романа.

Подобный «арго» выдаютъ намъ за образецъ изящнаго и выразительнаго литературнаго стиля! Употреби одну изъ приведенныхъ фразъ гимназистъ въ ученическомъ сочиненіи, гимназисту навѣрное поставили

бы неудовлетворительную отмѣтку и, чего добраго, не дали бы аттестата зрѣлости, пока онъ не выучится по-русски.

IV.

Обратимся теперь къ «идейной» сторонѣ романа, къ многочисленнымъ поученіямъ, совѣтамъ и ламентаціямъ общественнаго характера разныхъ дѣйствующихъ лицъ, пользующихся очевиднымъ расположеніемъ автора.

Въ началѣ своей статьи я уже привелъ выписки изъ повѣсти неизвѣстнаго автора и изъ романа «Лоринъ», свидѣтельствующія, какъ смотрятъ «Добромыслы» названныхъ произведеній на печать. По ихъ мнѣнію оказывается, что печать наша свершаетъ множество преступленій: «едва ли не возбуждаетъ броженіе въ университетахъ», «прихорашиваетъ нехорошее», усиливаетъ краски дурного, клевещетъ на администрацію, подрываетъ авторитетъ власти,—не говоря уже о томъ, что даже лучшіе наши писатели, по мнѣнію штабъ-ротмистра, совсѣмъ не умѣютъ писать образцовыхъ романовъ.

Помимо взглядовъ на печать, высказываемыхъ въ романѣ военными и гражданскими чинами, въ «Лоринѣ» самимъ романистомъ выставленъ къ позорному столбу одинъ изъ представителей прессы, нѣкто Кучилинъ, хотя и чиновникъ одной изъ палатъ, но совсѣмъ безстыжій человѣкъ, ухаживавшій, и безуспѣшно, за приданымъ одной добродѣтельной дѣвицы и писавшій корреспонденціи. «Онъ былъ настоящимъ редакторомъ и хозяиномъ мѣстной газеты, издававшейся подъ наименованіемъ «Краснозерскій Телескопъ». Офиціальнымъ издателемъ и редакторомъ состояло другое лицо, изъ служащихъ по земству; но всѣ знали, что это лицо подставное, что на дѣлѣ такимъ издателемъ и редакторомъ былъ Эрастъ Ѳомичъ...» «Въ Краснозерскѣ вообще боялись его колкаго и часто беззастѣнчиваго пера, а нападать на хозяина пера боялись потому, что онъ былъ пріуроченъ къ извѣстной палатѣ». Вотъ этотъ-то «безстрашный» Эрастъ Ѳомичъ, котораго, надо думать, мѣстная администрація лишь по своей безпомощности не могла «отурочить» отъ палаты и «пріурочить» куда-нибудь въ болѣе безопасное мѣсто, написалъ въ столичную газету «Звукъ» корреспонденцію, полную несправедливыхъ намековъ на губернатора князя Пронскаго и вообще весьма неблагонамѣренную. Въ романѣ приводится корреспонденція цѣликомъ; въ ней, между прочимъ, корреспондентъ пишетъ такія ужасныя вещи:

«Благодѣтельныя реформы нашего времени не даютъ покоя консерваторамъ. Ихъ сѣтованіямъ нѣсть конца; ихъ опасеніямъ нѣсть числа. Напрасно факты опровергаютъ опасенія и обнаруживаютъ лживость сѣтованій. Консерваторы продолжаютъ бояться и жаловаться. Предметы смѣняются, настроеніе неизмѣнно. Крѣпостники жаловались на освобожденіе крестьянъ, будто бы разорившее помѣщиковъ; но помѣщики

не потерпѣли разоренія, кромѣ тѣхъ, которые упорно сами себя разоряли, напримѣръ, переѣзжали изъ столицы въ деревню на жительство и привозили съ собою полдюжины англійскихъ грумовъ. Сторонники полицейскихъ суда и расправы жаловались на нашу молодую юстицію, утверждая, что она оправдываетъ разбойниковъ и осуждаетъ или оскорбляетъ невинныхъ; но недавній приговоръ надъ милліонеромъ, который поджегъ свою фабрику, опровергъ и эту клевету... Теперь наши консерваторы твердятъ на всѣ лады, что умалилось значеніе и вліяніе власти, что администрація утратила свой престижъ, и что ей не оказываютъ должнаго почета. У насъ всѣ такія нареканія недавно опровергнуты,—мы не скажемъ блистательно, но скажемъ—блестя и даже сверкая».

Далѣе корреспондентъ описываетъ празднество, бывшее у губернатора по случаю именинъ его супруги, самымъ отчаяннымъ образомъ извращаетъ факты, утверждая, будто въ «издержкахъ по огневой части участвовали всѣ подчиненные», и даже дѣлаетъ неблаговидные намеки относительно причины дурного состоянія духа губернаторши. Князь Пронскій былъ, разумѣется, возмущенъ. «C'est infect», сказалъ онъ, бросивъ газету на столъ, и, подъ вліяніемъ благороднаго негодованія, рѣшилъ-было не пускать къ себѣ въ домъ этого господина, но болѣе дипломатичная княгиня отвѣтствовала: «Слѣдуетъ, напротивъ того, доказать, что мы оцѣнили низость поступка, но платимъ презрѣніемъ».

Вотъ она какова печать! Вотъ каковы корреспонденты петербургскихъ газетъ!

Безпомощность администраціи заботитъ многихъ персонажей романа не менѣе, чѣмъ распущенность печати. Въ самомъ дѣлѣ, добрый, благожелательный губернаторъ, князь Пронскій, готовый творить добро и обратить подвѣдомственную ему губернію въ рай земной, встрѣчаетъ противодѣйствіе и со стороны земства и со стороны представителей нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Князь Пронскій на одномъ совѣщаніи прямо «указывалъ на нѣсколько случаевъ явно-преднамѣреннаго возбужденія затрудненій со стороны земства. То, что теперь готовится для губернскаго собранія,—сказалъ онъ:—имѣетъ то же свойство. C'est un coup monté».

На замѣчаніе вице-губернатора, что вліяніе князя среди гласныхъ сильно, князь замѣчаетъ, что добрая половина вліянія этого «*совершенно частнаго свойства*», и «въ рѣшительную минуту, подъ впечатлѣніемъ какихъ-нибудь громкихъ фразъ и криковъ двухъ или трехъ умѣлыхъ вожаковъ, мое *отсутствующее* вліяніе не удержитъ извѣстную часть собранія отъ неудобныхъ увлеченій». «Я не могу разсчитывать на поддержку нѣкоторыхъ вѣдомствъ, которыя здѣсь имѣютъ своихъ представителей».

— Они какъ будто пользуются каждымъ случаемъ показать, что

они не подчинены вашему сіятельству,—добавилъ Скородумовъ (правитель канцеляріи).

Въ другомъ мѣстѣ авторъ уже отъ себя говоритъ, что предмѣстникъ князя Пронскаго, «человѣкъ весьма разсудительный и распорядительный, оставилъ свое мѣсто потому, что ему наскучили постоянныя столкновенія съ одною изъ мѣстныхъ палатъ и съ предсѣдателемъ губернской управы». Даже неслужащіе персонажи и тѣ жалуются, что «бѣдная наша полиція, всѣми бранимая», оробѣла, что администрація, несмотря на желанія, не имѣетъ силы дѣлать добро, встрѣчая повсюду препоны. Нѣкоторые добропорядочные земцы, выведенные въ романѣ, по счастію, не оказываютъ противодѣйствія губернаторамъ и разсуждаютъ такъ же «здравомысленно», какъ и благонадежные чиновники. Въ лицѣ предсѣдателя управы Карина и уѣзднаго предводителя Муромскаго, людей, всегда готовыхъ содѣйствовать администраціи, авторъ какъ бы провидитъ будущихъ «свѣдущихъ людей». Но, къ сожалѣнію, такихъ вліятельныхъ и благонамѣренныхъ земцевъ, постоянно живущихъ въ деревняхъ, немного.

«Ряды наши рѣдѣютъ, а не усиливаются!»—говоритъ такой земецъ.—«Почему же такъ?»—«Охраны и защиты мало,—сказалъ Каринъ:—и незамѣтно, чтобы въ наше время считалось нужнымъ, чтобы ихъ было болѣе».

Такія же жалобы насчетъ недостатка охраны и защиты, но въ болѣе выразительной формѣ, высказываются и крупными землевладѣльцами. Они претерпѣваютъ со всѣхъ сторонъ. Князь Забѣлинъ, у котораго умышленно подожгли сѣнные сараи, а присяжные оправдали поджигателя, вслѣдствіе того, что прокуроръ недостаточно настаивалъ на обвиненіи,—на вопросъ Лорина, будетъ ли князь строить новые сараи,—безнадежно отвѣчаетъ: «Я не намѣренъ поощрять здѣшнихъ воровъ къ безнаказаннымъ поджогамъ и товарищамъ прокуроровъ давать случай меня упрекать въ томъ, что я *позволяю себѣ* быть княземъ Забѣлинымъ и владѣть тѣмъ, что̀ принадлежало моему отцу». «Мы со всѣхъ сторонъ нуждаемся въ защитѣ», жалуется въ свою очередь и княгиня Забѣлина. Несмотря на самыя заботливыя попеченія князя Забѣлина о крестьянахъ, несмотря на помощь, оказываемую имъ то лѣсомъ, то деньгами, «есть какой-то затаенный разладъ», говоритъ князь. «Словно ихъ *подбиваютъ* противъ меня. Раза два одна изъ деревень даже пыталась приносить жалобы на меня, за какія-то мнимыя притѣсненія по угодьямъ и за неотводъ въ надѣлъ пустоши, въ которой никогда не бывала нога крестьянъ той деревни. Меня въ особенности дразнитъ, что крестьяне подмѣтили мое отвращеніе отъ всякихъ судебныхъ разбирательствъ. Потравы и порубки случаются все чаще и чаще».

«— Если вы не преслѣдуете ихъ, князь,—сказалъ Муромскій:—то это довольно естественно.

«— Но и преслѣдовать мнѣ ихъ неудобно. Я родился въ Бѣломъ-Селѣ, почти безвыѣздно въ немъ выросъ; я знаю лично всякаго мужика во всѣхъ деревняхъ; они всѣ мнѣ кланяются; я всѣмъ имъ говорю ты и всѣхъ зову по имени. Какъ же мнѣ идти съ ними судиться передъ какимъ-нибудь *наѣзжимъ господиномъ, который, во время разбирательства, можетъ глубокомысленно на меня посматривать и поигрывать своей мишурной цѣпью?* Положимъ, что я не поѣду самъ, а пошлю повѣреннаго. Но развѣ мой повѣренный не я, если вопросъ въ соблюденіи моего достоинства? Одно изъ двухъ: я выиграю или проиграю дѣло. Въ томъ и другомъ случаѣ тотъ Архипъ или Пахомъ, съ кѣмъ я судился и *слѣдовательно сталъ на одну доску*, можетъ послѣ суда не снять шляпы передо мною. Не сними одинъ,—перестанутъ снимать и другіе, и тогда трудно будетъ оставаться на жительствѣ въ Бѣломъ-Селѣ».

Далѣе изъ жалобъ князя оказывается, что онъ даже не можетъ теперь «свое имѣніе назвать имѣніемъ», потому что владѣетъ «пятью земельными обрубами, между которыми нѣтъ сообщенія иначе, какъ черезъ угодья крестьянъ». Положеніе бѣднаго князя въ самомъ дѣлѣ до того безпомощно, что онъ не смѣетъ «проложить отводную канаву, потому что на это несогласно то сельское общество, которому не удалось оттянуть у князя пустошь». Короче говоря, несчастный князь рѣшительно уподобляется злополучному путнику, очутившемуся среди разбойниковъ, и нѣтъ никакой защиты! Ни малѣйшей! Дошло до того, что бѣдному князю просто житья нѣтъ. Судите сами:

«Рядомъ со мною,—говоритъ онъ:—между клочками моего владѣнія, вездѣ власть, не только равная мнѣ, но даже выше меня, потому что она признана закономъ. Волостной старшина, сельскій староста, даже волостной писарь, люди офиціальные, офиціально власть предержащіе, — *а я простой обыватель, домохозяинъ, Николай Петровъ, княжъ сынъ Забѣлинъ*. Я даже вовсе не желаю власти себѣ; но желалъ бы, чтобы *по близости была власть*, которой я бы могъ подчиниться. Очевидно, что я не могу быть подначаленъ волостному старшинѣ и его писарю».

Здравомыслящій предводитель дворянства Муромскій пожалѣлъ при этомъ, что «при составленіи положеній 1861 г. не создали какихъ-нибудь территоріальныхъ единицъ, въ составъ которыхъ могли бы войти и крестьянскія и помѣщичьи земли». Правда,—прибавляетъ онъ:—есть становой — низшая территоріальная единица въ административномъ смыслѣ,—но этому бѣдному становому не до объединенія чего бы то ни было. Онъ самъ у разныхъ властей по посылкамъ и половину своего времени проводитъ въ разъѣздахъ».

«Желали удалить, оттолкнуть отъ насъ крестьянъ, быть-можетъ, возбудить ихъ противъ насъ. Что-жъ? Отчасти успѣли въ этомъ»,—говоритъ князь Забѣлинъ уже совсѣмъ языкомъ бѣлаго террориста.

Другой ландлордъ, Басаргинъ, менѣе князя раздраженный и болѣе практичный и, разумѣется, благороднѣйшій человѣкъ, «богобоязненный и отчасти склонный къ мечтательности», объясняетъ Лорину, что съ мужикомъ можно ладить; «его можно купить и закабалить добрымъ словомъ», не слѣдуетъ только устанавливать хозяйственныхъ отношеній къ крестьянамъ на почвѣ строгой законности.

«И что̀ значитъ законность, когда законъ охраняетъ на бумагѣ двѣ стороны, а на практикѣ только одну? Въ сельскомъ обиходѣ крестьянинъ можетъ жаловаться на помѣщика, но помѣщику судиться нельзя съ крестьяниномъ потому, что оно почти всегда безполезно».

Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на незащищенность нашихъ несчастныхъ ландлордовъ. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ рѣшительно утверждаетъ, что нынче нельзя даже и говорить объ этомъ, такъ какъ «порядочные люди беззащитны противъ всякой брани и клеветы».

Но не только безпомощность администраціи, полная незащищенность крупныхъ землевладѣльцевъ и вообще бѣдственное положеніе всѣхъ порядочныхъ людей (по масштабу романиста) вызываютъ въ дѣйствующихъ лицахъ романа меланхолическія сѣтованія, ехидные упреки и наконецъ энергическія пророчества.

Немало обвиненій сыплется въ романѣ и на судебныя учрежденія. Я уже упоминалъ вначалѣ, что въ повѣсти «У Покрова на Левшинѣ», какъ и въ романѣ, чины судебнаго вѣдомства выставлены далеко не въ благопріятномъ свѣтѣ (въ повѣсти даже чинъ судебнаго вѣдомства оказался просто злоумышленникомъ); зато чины другихъ вѣдомствъ, и преимущественно министерства внутреннихъ дѣлъ, фигурируютъ, какъ читатель замѣтилъ, окруженные ореоломъ всевозможныхъ добродѣтелей, и если не всегда успѣшно дѣйствуютъ, то единственно вслѣдствіе своей административной безпомощности и преднамѣренныхъ затрудненій со стороны земства, «нѣкоторыхъ» вѣдомствъ и, пожалуй, оторопѣлости «бѣдной, всѣми бранимой полиціи».

Такъ, напримѣръ, прокуроръ Жутинъ, выведенный въ романѣ, оказывается совсѣмъ не похожимъ на тѣхъ прокуроровъ, съ какими мы знакомы по обвинительнымъ рѣчамъ. Господинъ Жутинъ ненадежный человѣкъ; онъ «мутитъ городской людъ», «гдѣ только можетъ, подбиваетъ противъ насъ» (землевладѣльцевъ), дразнитъ мѣстную администрацію и вдобавокъ ухаживаетъ за женой городского головы, главнѣйшимъ образомъ потому, что «любитъ хорошо пообѣдать». «Любитъ, особливо безъ расхода. У насъ это замѣтно, и насъ нужно благодарить,—говоритъ добродѣтельный земецъ.—Такъ ему еще пока благодарны». Вотъ какой, оказывается, неблагонамѣренный прокуроръ!

Вообще «юстиція» порицается почти всѣми дѣйствующими лицами. Ужъ на что Басаргинъ добрый, хорошій помѣщикъ, съ любовью занимающійся разводкой цвѣтовъ въ своемъ имѣніи, а и тотъ говоритъ:

«эти господа (т. е. судейскіе) какъ-то странно бываютъ подобраны».

«— Намедни по важному уголовному дѣлу въ имѣніи Терпигоревыхъ, тамъ былъ судебный слѣдователь изъ тѣхъ, которыхъ называютъ, кажется, кандидатами на судебныя должности. Вы себѣ не можете вообразить, что̀ за личность, судя по наружности и манерамъ. Не желалось бы съ нимъ гдѣ-нибудь повстрѣчаться въ сумерки, съ глазу на глазъ».

То-есть просто-напросто въ судебномъ вѣдомствѣ «въ родѣ какъ бы разбойники».

Еще многозначительнѣе слѣдующая діатриба того же почтеннаго садовода-помѣщика:

«Въ моемъ уединеніи,—говоритъ онъ штабъ-ротмистру Лорину:— я теперь чаще задаю себѣ вопросъ: чѣмъ собственно обезпечивается у насъ общественное спокойствіе? Не вооруженной силой, которой нѣтъ; не полиціей,—потому что становой за десять верстъ, а исправникъ за тридцать; не самимъ такъ-называемымъ обществомъ, потому что въ немъ нѣтъ никакой силы. Что̀ же заставляетъ массу повиноваться немногимъ, а отдѣльныхъ злоумышленниковъ остерегаться? Смутное почитаніе правительственной власти и обаяніе этой власти. Но обаяніе можно сравнить съ видомъ предмета, видимаго въ увеличительное стекло. Что̀ же дѣлаютъ наши суды? *Они какъ будто стараются перевернуть стекло и при всякомъ удобномъ случаѣ умалить значеніе власти и поколебать ея авторитетъ.* Конечно, у насъ еще нельзя глумиться надъ правительствомъ въ его цѣломъ составѣ; но глумленіе по частямъ, въ особенности надъ нашей бѣдной полиціей, безсильной, приниженной и съ толку сбитой, обратилось въ привычку. Въ этомъ отношеніи суды и газеты на одной доскѣ. А политическіе процессы? Читая стенографическіе отчеты, иногда кажется, что предсѣдатель и судьи пересѣли на скамью подсудимыхъ, защитники разъясняютъ соціальныя теоріи, а важные сановники ѣздятъ на эти судебныя сатурналіи, какъ въ театръ! Удивляюсь хладнокровію, съ которымъ у насъ смотрятъ на все это. Если подъ конецъ удастся при переворачиваніи разбить увеличительное стекло, то уже не склеить его осколковъ».

Подобнымъ угрожающимъ пессимизмомъ преисполнены и другіе персонажи, высказывающіеся съ такимъ же невѣроподобнымъ амплом-бомъ, какъ и садоводъ-помѣщикъ, и воображающіе, что «разбить увеличительное стекло» могутъ лишь суды, печать и глумленіе надъ «бѣдной полиціей». На вопросъ Лорина, много ли въ губерніи такихъ умницъ, какъ ораторъ, произнесшій вышеприведенную рѣчь,—г. Басаргинъ отвѣтствовалъ, что «помѣщики и служащіе моего поколѣнія почти всѣ такъ думаютъ». Во всякомъ случаѣ надо принять замѣчаніе г. Басаргина съ нѣкоторой осторожностью, хотя, судя по многимъ даннымъ, и рѣшительно опровергать его нельзя.

Мрачный пессимизмъ доходитъ наконецъ до того, что даже лифляндецъ Карлъ Карловичъ Бруммъ, управляющій генерала Рощина, не совѣтуетъ покупать теперь имѣній. «Если у кого есть лишнія деньги, то мой совѣтъ кратокъ: *переводите ихъ за границу!*»

«Я вчитываюсь въ газеты, вслушиваюсь въ толки, присматриваюсь къ дѣйствію властей и вижу, что вамъ (генералу Рощину)—не вамъ лично, а всѣмъ, кто на васъ походитъ и кто въ вашемъ положеніи,—нигдѣ нѣтъ опоры. Никто не заявляетъ о васъ заботы. Кромѣ всѣми бранимой и передъ бранью оробѣвшей полиціи,—вы ни на кого надѣяться не можете».

Итакъ: «переводите капиталы за границу!» — вотъ до чего мы дожили благодаря «язвамъ», указаннымъ добропорядочными персонажами романа.

Признаюсь, было бы очень долгимъ и скучнымъ занятіемъ продолжать дальнѣйшими выписками указывать на мрачный пессимизмъ, которымъ проникнуты почти всѣ благонамѣренныя лица романа.

Резюмируя всѣ ихъ совѣты, предостереженія и пророчества, получимъ слѣдующее:

1) Администрація недостаточна сильна.

2) Суды и печать подрываютъ авторитетъ власти.

3) Крупные землевладѣльцы беззащитны.

4) Крестьянъ возбуждаютъ противъ помѣщиковъ.

5) Печать распущена и сознательно клевещетъ на все доброе.

6) Духовенство принижено.

7) «Порядочные» люди беззащитны противъ всякой брани и клеветы.

8) Земства и «нѣкоторыя» вѣдомства противодѣйствуютъ администраціи.

9) Предержащія власти бездѣйствуютъ.

10) Переводите свои капиталы за границу!

Короче, если вѣрить фаворитамъ автора, мы находимся въ состояніи полной анархіи. Вотъ къ какому выводу можно придти, прошпудировавъ внимательно романъ.

Но да успокоится читатель; въ самихъ указаніяхъ на бѣдственное положеніе нашего отечества указаны и средства къ его уврачеванію. Стоитъ только поспѣшить исполненіемъ совѣтовъ, преподанныхъ романомъ, и тогда, конечно, не придется исполнять и совѣта предусмотрительнаго Карла Карловича Брумма.

Разбирать пригодность этихъ средствъ по существу и рѣшать, насколько онѣ опровергнутъ мрачный пессимизмъ Карла Карловича,—не входитъ въ мою задачу. Мнѣ остается заключить ее тѣмъ, чѣмъ началъ, а именно, что почтенный авторъ оказалъ существенную услугу своимъ романомъ, давши случай читающей публикѣ довольно близко ознакомиться съ политическими и общественными взглядами масти-

таго автора, занимавшаго видный административный постъ и приводившаго въ исполненіе многія изъ широко-задуманныхъ реформъ прошлаго царствованія.

Дѣло Буша.

I.

На этотъ разъ передъ нами не уфимскіе жрецы хищенія и экономіи (многими эти слова считаются синонимами), не новѣйшіе покорители Казани, какъ г. Скарятинъ, не несчастные ландлорды, обиженные крестьянами, не кулаки, перешедшіе границы легальнаго грабежа, не блестящіе червонные валеты, благодаря легкомыслію и неосторожности попадающіе съ бала въ мѣста не столь отдаленныя, не становые или исправники, столь неумѣренно пользующіеся правомъ устрашенія, что и они по временамъ мелькаютъ на скамьѣ подсудимыхъ,—нѣтъ... На этотъ разъ передъ публикой явились врачи—и молодые, и пожилые, и старые люди,—вкусившіе отъ науки и съ юныхъ лѣтъ памятующіе, что «mens sana in corpore sano».

Я сказалъ: врачи, хотя въ числѣ подсудимыхъ былъ только одинъ врачъ, бывшій флота генералъ-штабъ-докторъ, тайный совѣтникъ Бушъ; остальные двое подсудимыхъ—чиновники изъ тѣхъ типичныхъ, вліятельныхъ «писарьковъ», безъ которыхъ, какъ говорятъ, немыслима ни одна канцелярія и которые нерѣдко исполняютъ функціи маленькихъ рыбокъ «лоцмановъ», всегда плывущихъ за акулой.

На скамьѣ подсудимыхъ, повторяю, сидѣлъ одинъ врачъ—г. Бушъ, старикъ, съ небольшой сѣдой бородкой и характернымъ хищнымъ лицомъ, но въ качествѣ свидѣтелей передъ судомъ дефилировалъ цѣлый батальонъ врачей, и, надо правду сказать, въ большинствѣ случаевъ свидѣтели далеко не являлись лучами свѣта на этомъ общемъ фонѣ грязи, искательствъ, рабскаго подчиненія волѣ начальства, погони за мѣстами, чинами и орденами и обычнаго нытья о женѣ и дѣтяхъ.

Очень некрасивъ самъ «герой» процесса, устроившій изъ своего вѣдомства аукціонную камеру продажи мѣстъ, не брезговавшій ни деньгами, ни натурой, ни «борзыми щенками»,—но недурны также и многіе, свидѣтели, покупавшіе мѣста, дававшіе «взаймы», привозившіе начальнику женщинъ (было и это!) и сносившіе всяческія униженія отъ генералъ-штабъ-доктора...

На невысокомъ уровнѣ оказались у большинства господъ морскихъ врачей цивическія добродѣтели даже и въ примитивной степени. Въ этихъ запоздалыхъ проявленіяхъ гражданскаго мужества многихъ гг. свидѣтелей, въ этихъ изліяніяхъ о собственныхъ заслугахъ (основанныхъ на продолжительности службы, а не на знаніи дѣла) и о притѣсненіяхъ со стороны «Богдана Ивановича» часто, очень часто звучала нота «обиженныхъ», «обойденныхъ», не воспользовавшихся случаемъ урвать мѣсто, орденъ или чинъ.

Не всегда красивы были и эти личныя, злостныя обличенія, расточаемыя теперь, заднимъ числомъ, противъ того самаго «тирана», Богдана Ивановича, который—по словамъ врачей—еще недавно заставлялъ дрожать ихъ поджилки и лепетать, какъ городничій передъ Хлестаковымъ: «Не погубите, ва-ше... ва-ва... ва-ше превосходительство»,—а теперь сидѣлъ «поверженный во прахъ», нервно покусывая бороду и злобно поглядывая изъ-подъ очковъ на прежнихъ своихъ «вѣрноподданныхъ». Въ этихъ признаніяхъ о страхѣ, который наводилъ бывшій царекъ медицинскаго вѣдомства, чувствовался тотъ рабій духъ передъ начальствомъ, который и для насъ, русскихъ, казался ужъ совсѣмъ недостойнымъ... А эти покупки мѣстъ, эти займы, эти взятки даже хвалебными статьями въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ», изъ-за боязни начальства!

Слушая длинный рядъ свидѣтельскихъ показаній, невольно приходило на умъ:

«Вотъ что̀ дѣлаетъ наша жизнь даже съ образованными людьми!.. Молодой, полный надеждъ врачъ поступаетъ на службу; во что онъ обращается—примѣръ на многихъ свидѣтеляхъ, фигурировавшихъ на судѣ...»

Остановимся же на этихъ характерныхъ показаніяхъ... Они—поучительное свидѣтельство деморализаціи, охватившей насъ со всѣхъ сторонъ...

II.

Я не буду приводить въ подробности обвинительнаго акта, извѣстнаго читателямъ изъ газетъ. Бывшій генералъ-штабъ-докторъ обвинялся въ вымогательствѣ и лихоимствѣ. Свидѣтельскія показанія подтвердили и иллюстрировали данныя обвинительнаго акта. Въ морскомъ врачебномъ вѣдомствѣ существовала явная продажа мѣстъ; главную роль при назначеніяхъ играли деньги; о знаніи и способностяхъ не было и рѣчи. Незнающіе ничего въ окулистикѣ назначались «окулистами»; старецъ, дѣлавшій послѣднюю операцію лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ, назначается «консультантомъ» по хирургіи, и т. д. Существовало даже нѣчто въ родѣ опредѣленной таксы на разныя мѣста. Такъ, за опредѣленіе во флотъ врачомъ взималось отъ 200 до 300 руб.; за переводы, за повышенія, за назначеніе на хорошія мѣста взимались, конечно, бо̀льшіе куши. Не возбранялось, впрочемъ, и торговаться; взятки брались не только деньгами, но и натурой; не только крупными суммами, но и небольшими; тѣ же, кто не могъ платить, подвергались гоненіямъ; съ такими врачами генералъ-штабъ-докторъ былъ грубъ и невѣжливъ. Короче говоря, въ морскомъ врачебномъ вѣдомствѣ существовало свинство въ полномъ смыслѣ этого слова. Объ этомъ, по свидѣтельству гг. врачей, говорилось громко и въ Кронштадтѣ и въ Петербургѣ, но—какъ многіе заявляли на судѣ—гг. врачи «не

вѣрили», «не хотѣли вѣрить» и т. п. А, казалось, чего ужъ тутъ не «хотѣть вѣрить», когда факты были налицо, когда всѣ знали, зачѣмъ г. Андреевъ наѣзжалъ въ Кронштадтъ, когда даже среди студентовъ Медико-Хирургической академіи составилось убѣжденіе, что врачомъ во флотъ поступить нельзя иначе, какъ за деньги. Нечего и прибавлять, что вся эта торговля велась не непосредственно г. Бушемъ, а его alter ego, довѣреннымъ г. Андреевымъ, изъ «писарьковъ», сдѣлавшимся дѣлопроизводителемъ и преданнымъ всей душой своему начальнику. Онъ-то и служилъ честнымъ маклеромъ между дающимъ и принимающимъ... Въ обвинительномъ актѣ, правда, приведено немного фактовъ, прямо уличающихъ самого г. Буша (хотя есть факты и очень вѣскіе), но зато есть такая масса подавляющихъ косвенныхъ уликъ, подъ тяжестью которыхъ невозможно подпяться. Всѣ эти косвенныя улики, такъ сказать, одѣлись въ плоть и кровь на судѣ въ безчисленномъ множествѣ показаній свидѣтелей, рисуя во весь ростъ нравственный портретъ самого г. Буша и въ то же время не льстя и нѣкоторымъ «благороднымъ свидѣтелямъ»...

Но да не удивляется читатель, воображая, что только въ морскомъ медицинскомъ вѣдомствѣ процвѣтала торговля. Если вѣрить показаніямъ нѣсколькихъ свидѣтелей, то и въ другихъ медицинскихъ вѣдомствахъ дѣла шли не хуже. Такъ, докторъ Черевковъ, поступившій за 200 р. во флотъ, на вопросъ члена суда, чѣмъ руководствовался свидѣтель, желая поступить въ морское вѣдомство,—отвѣчалъ:

— Я хотѣлъ поступить въ военное вѣдомство, но тамъ, какъ я слышалъ, нужно было заплатить гораздо больше.

Другой свидѣтель—титулярный совѣтникъ Кривуша показалъ, что «между студентами Медико-Хирургической академіи, оканчивающими курсъ, обыкновенно идетъ рѣчь о мѣстахъ службы. Открываются мѣста въ военномъ и морскомъ вѣдомствѣ только послѣ извѣстныхъ переговоровъ и сношеній. Разница между этими двумя вѣдомствами была та, что въ одномъ объяснялись на словахъ, а въ другомъ—посредствомъ переписки. Свидѣтель желалъ поступить въ кронштадтскій госпиталь, который, въ научномъ отношеніи, какъ онъ слышалъ, обставленъ хорошо, и узналъ, что нужно заплатить бо́льшую или меньшую сумму, смотря по числу кандидатовъ, и что для этого нужно обратиться къ Андрееву. Онъ обратился къ нему и узналъ, что, въ данное время, курсъ за мѣсто стоитъ въ 300 руб. Такую сумму свидѣтелю трудно было достать. Но когда онъ обратился и въ гражданское вѣдомство, желая поступить въ Обуховскую больницу, и когда тамъ тоже нельзя было получить мѣсто, онъ сталъ съ Андреевымъ торговаться и предложилъ 200 руб.; но Андреевъ сказалъ, что уступить нельзя, такъ какъ о цифрѣ 300 руб. «уже доложено». Свидѣтель внесъ эту сумму и получилъ мѣсто. Когда онъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ, оказалось, что тамъ вся эта процедура полученія мѣста была хорошо извѣстна, такъ

что не спрашивали: какъ получилъ мѣсто, а спрашивали только, сколько взяли. «Мало того,—сказалъ свидѣтель:—мичмана мнѣ говорили: вамъ хорошо, потому что съ васъ берутъ да дѣлаютъ, а съ насъ берутъ и ничего не дѣлаютъ. Мнѣ извѣстенъ случай,—продолжалъ свидѣтель:—что за одного студента хлопотало высокопоставленное лицо, и когда студентъ обратился къ начальнику академіи, Козлову, то онъ сказалъ ему: какъ вамъ не стыдно прибѣгать къ протекціямъ?» На это студентъ отвѣтилъ, что считаетъ лучше обратиться къ протекціи, чѣмъ къ деньгамъ».

Прокуроръ.—Это—относительно военнаго вѣдомства?

Кривуша.—Да, а относительно морского я уже указалъ, что курсъ въ то время стоялъ 300 руб. Я пытался и въ другихъ вѣдомствахъ, думалъ, что дешевле, но получилъ отказъ.

Такъ это, или не такъ, оставимъ рѣшать свѣдущимъ людямъ. Если и въ самомъ дѣлѣ въ другихъ вѣдомствахъ мѣста врачей продаются, то надо думать, что продажа тамъ обставлена съ бо̀льшими предосторожностями, чѣмъ въ морскомъ.

Несмотря однако на полнѣйшую безцеремонность, существовавшую въ морскомъ медицинскомъ вѣдомствѣ, г. Бушъ царилъ,—а вмѣстѣ съ нимъ царило и свинство—очень долгое время и, думаю я, царило бы и по-днесь, если бы г. Бушъ былъ человѣкъ болѣе осторожный и лучшій психологъ. Не сидѣлъ бы онъ на скамьѣ подсудимыхъ, а грозно правилъ бы своимъ вѣдомствомъ, и многіе господа морскіе врачи попрежнему не смѣли бы «вѣрить», что такое высокопоставленное лицо—по выраженію одного врача-свидѣтеля—«могло бы брать не крупными, а мелкими суммами»,—если-бъ не докладная записка дѣлопроизводителя медицинскаго управленія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Вакуловскаго, поданная управляющему морскимъ министерствомъ послѣ того, какъ г. Вакуловскій, сдерживавшій свою гражданскую доблесть около десяти лѣтъ, наконецъ не вытерпѣлъ и, вслѣдъ за отставкой (хотя и получилъ при этомъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника), не явился обличителемъ самонадѣяннаго царька, забывшаго басню о львѣ и мухѣ...

Какіе мотивы руководили г. Вакуловскимъ: гражданская ли доблесть, притѣсненія по службѣ, или просто наконецъ боязнь лишиться хорошаго содержанія, я теперь не стану разбирать (съ этимъ свидѣтелемъ мы еще познакомимся съ свое время), но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе этой записки, было начато дѣло...

Но и тутъ помогъ «случай»... Быть-можетъ, и, по аналогіи, весьма вѣроятно, что дѣло это не раскрылось бы во всей своей наготѣ (всѣмъ хорошо извѣстно, какъ не любимъ мы выносить соръ изъ избы), и записка г. Вакуловскаго осталась бы документомъ для потомковъ, если-бъ, во-первыхъ, не перемѣны въ высшемъ морскомъ вѣдомствѣ (записка г. Вакуловскаго подана въ маѣ 1881 года) и, во-вторыхъ,

если-бъ дѣло не попало въ руки энергичнаго, добросовѣстнаго, настойчиваго слѣдователя, не побоявшагося взять на свой рискъ (всѣ мы подъ Богомъ ходимъ!) за руководство одинъ законъ и не разыгравшаго съ обвиняемымъ тѣхъ церемоній, которыя такъ часто связываютъ руки у слѣдователей, болѣе чувствительныхъ къ разнымъ пикантнымъ намекамъ и слухамъ, распускаемымъ на ихъ счетъ, когда дѣло касается такъ-называемаго высокопоставленнаго подсудимаго...

Какъ мнѣ извѣстно, въ самомъ началѣ слѣдствія генералъ-штабъ-докторъ Бушъ не былъ отставленъ отъ должности, и слѣдователю было довольно затруднительно допрашивать свидѣтелей-подчиненныхъ передъ лицомъ начальника, да еще такого, какъ Богданъ Ивановичъ, передъ которымъ поджилки тряслись. Ничего не было бы мудренаго, если-бъ господа съ такими нѣжными поджилками, при подобномъ положеніи дѣла, ограничивались бы стереотипными отвѣтами: «вѣдать не вѣдаю и знать не знаю», и въ концѣ концовъ слѣдствіе бы окончилось весьма комически... Вѣроятно, эти соображенія были представлены куда слѣдуетъ, и генералъ-штабъ-докторъ былъ уволенъ отъ должности. Тогда и у господъ морскихъ врачей развязались языки и обнаружились цивическія добродѣтели. Слѣдствіе пошло быстрѣй; вызвана и допрошена была масса свидѣтелей — всѣ морскіе врачи, исключая находившихся за границей; наконецъ у подсудимыхъ, гг. Буша и Андреева, былъ произведенъ обыскъ. Эта мѣра возбудила въ свое время немало неудовольствія въ извѣстныхъ кружкахъ; слѣдователя обвиняли чуть ли не въ жестокости; самые нелѣпые слухи имѣли мѣсто. «Вѣдь это посягательство на неприкосновенность домашняго очага!»—возмущались, разумѣется, такіе чиновные «гуси», которыхъ это «посягательство» на «святость домашняго очага» возмущаетъ всегда, когда дѣло касается высокопоставленныхъ лицъ и нимало, конечно, не удивляетъ и не будитъ гражданскихъ чувствъ, когда «неприкосновенность домашняго очага» нарушается относительно прочихъ смертныхъ...

III.

На разбирательство этого дѣла собралось довольно публики. Процессъ этотъ сильно заинтересовалъ общество. И не мудрено. Взяточничество, безправіе, беззаконіе—эти язвы, о которыхъ мы слышимъ каждый день—казалось, не должны бы имѣть мѣста въ медицинскомъ учрежденіи среди врачей—людей образованныхъ... «Хоть тамъ, у людей науки, да сохранились же наконецъ сколько-нибудь приличные порядки»,—разсуждали люди, наивно забывавшіе, что извѣстная привычка, какъ Молохъ, не дѣлаетъ различій между жертвами; что среди общей деморализаціи невозможно ожидать какого-нибудь оазиса гражданской доблести и безкорыстія, сохранившаго свою невинность. Вѣдь и это учрежденіе, какъ и всякое другое, основано на принципѣ непо-

грѣшимости своего начальника, контроль надъ которымъ существуетъ лишь на бумагѣ.

Возьмите хоть бы дѣло Буша и отвѣтьте по совѣсти: возможно ли, чтобы такіе порядки, какіе существовали въ медицинскомъ вѣдомствѣ, оставались въ теченіе 10 лѣтъ неизвѣстными обществу въ какой-нибудь другой странѣ? Возможно ли, чтобы среди сослуживцевъ не нашелся человѣкъ, который выступилъ бы съ обличеніемъ не по манерѣ г. Вакуловскаго? Я не хочу этимъ сказать, чтобы не было злоупотребленій и въ Англіи, и въ Америкѣ, и во Франціи. И тамъ они существуютъ, но дѣйствіе ихъ несравненно болѣе кратковременно, такъ какъ о нихъ узнаютъ тотчасъ же, благодаря общественному контролю, весьма чуткому. Да и цивическія добродѣтели не являются тамъ заднимъ числомъ, а во-время, ибо все общество заступится за человѣка, жалоба котораго справедлива, хотя бы эта жалоба была подана даже на... на генералъ-штабъ-доктора.

Въ показаніи престарѣлаго статскаго совѣтника Галузинскаго довольно мѣтко очерчены какъ самъ подсудимый, такъ и порядки, бывшіе въ медицинской сатрапіи. По словамъ его, «Бушъ нескоро довѣрялъ себя людямъ и прежде подвергалъ ихъ всевозможнымъ испытаніямъ. Подобнаго рода искусы продолжались годами, въ теченіе которыхъ онъ подвергалъ испытуемаго всевозможнымъ униженіямъ, ругалъ какъ попало и вообще обращался чрезвычайно грубо. Получивъ власть главнаго начальника, Бушъ считалъ необходимымъ сначала запугать подчиненныхъ, нагнать на нихъ страхъ, обезличить, чтобъ затѣмъ съ развязанными руками дѣлать то, что онъ хочетъ. И онъ блистательно достигъ своей цѣли. Онъ изгонялъ со службы людей достойныхъ и окружалъ себя такими, какіе ему были нужны. Это былъ человѣкъ... странный: то онъ либеральничалъ до тошноты, то былъ грубъ до дерзости». Произведя полную деморализацію въ средѣ морскихъ врачей, Бушъ, параллельно съ этимъ, «началъ протежировать совершенно недостойнымъ людямъ». Такъ, напримѣръ, врача Коноплицкаго, не имѣющаго за собой никакихъ данныхъ, кромѣ дружбы съ Андреевымъ, Бушъ перевелъ въ Петербургскій портъ старшимъ ординаторомъ въ Калинкинскій госпиталь и поручилъ ему важнѣйшую отрасль медицины — хирургическую. «Врачъ этотъ былъ такой же хирургъ,—сказалъ свидѣтель:—какъ я—китайскій императоръ». Всѣ ожидали, что подобное назначеніе кончится какимъ-нибудь скандаломъ, такъ какъ Коноплицкій, кромѣ совершеннаго невѣжества, былъ еще одержимъ падучею болѣзнью. Но находчивость Буша сказалась и въ данномъ случаѣ. Онъ приставилъ хирурга Мартынова консультантомъ. Это — спеціалистъ знающій и, конечно, работаетъ самостоятельно. За эту консультацію казна платитъ ему 1.200 р. въ годъ. Расходъ этотъ казна несетъ, очевидно, только потому, что Бушъ желалъ удержать на посту человѣка, который совершенно негоденъ по

этой спеціальности. Относительно отчетности свидѣтель показалъ, что Бушъ изобрѣлъ и требовалъ такую отчетность, что самые опытные люди не могли составить отчетъ безъ того, чтобъ къ нему нельзя было придраться, такъ что приходилось отчеты оплачивать; ихъ исправлялъ Андреевъ. Далѣе, врача Умецкаго, также друга Андреева, Бушъ перевелъ старшимъ врачомъ, когда тотъ не имѣлъ на это мѣсто никакого права ни по своимъ знаніямъ ни по своей службѣ. Свидѣтель привелъ еще нѣсколько примѣровъ подбора лицъ, угодныхъ Бушу, и заявилъ, что изъ всего этого въ средѣ врачей составилось мнѣніе, что тутъ дѣло нечистое, что происходитъ купля-продажа. Впослѣдствіи это мнѣніе превратилось въ убѣжденіе и получило подтвержденіе въ фактахъ. Вмѣстѣ съ большимъ чиномъ, Бушъ возмнилъ, что онъ сталъ и многоученымъ. Въ засѣданіяхъ врачей онъ поролъ такую дичь, что присутствующіе только переглядывались и пожимали плечами. Въ прежнее время въ морскомъ медицинскомъ мірѣ служба была традиціонно облагороженная, но, со вступленіемъ Буша, это исчезло. «Послѣ вполнѣ достойнаго, умнаго, добраго и высоко-образованнаго флота генералъ-штабъ-доктора Розенберга,—сказалъ свидѣтель:—мы попали въ эту позорную кабалу». На мѣсто Розенберга ожидали иного назначенія. Такъ, напримѣръ, полагали, что будетъ профессоръ Якубовичъ, или профессоръ Эйхвальдъ, или профессоръ Юнге, но назначенъ былъ Бушъ, и это всѣхъ озадачило. Кромѣ взятокъ, Бушъ былъ очень чувствителенъ еще и къ протекціямъ. Такъ, напримѣръ, докторъ Бенезе при покойномъ министрѣ Краббе былъ всесильнымъ человѣкомъ и потому былъ большимъ другомъ Буша, который даже заискивалъ въ немъ. Но, какъ только Краббе закрылъ глаза, Бушъ тотчасъ же началъ гнать Бенезе, такъ что тотъ, насколько извѣстно свидѣтелю, потерялъ здоровье: «не было столь грязныхъ словъ, которыми Бушъ не награждалъ бы Бенезе». Съ другой стороны, свидѣтель никогда не видѣлъ примѣра, чтобъ столь высокопоставленный начальникъ, какъ Бушъ, былъ въ такихъ интимныхъ отношеніяхъ съ недавно бывшими писарями, какъ Андреевъ и Парѳеновъ, которые вмѣстѣ съ нимъ составляли вполнѣ согласный тріумвиратъ. Свидѣтелю самому приходилось нѣсколько разъ завтракать у Буша съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ чиновниковъ. Относительно доктора Мерцалова свидѣтель удостовѣрилъ, что онъ ничего не зналъ о взяткахъ, и назначенія, награды и переводы дѣлались помимо его и отъ него скрывались. Что касается подсудимаго Андреева, то свидѣтель объяснилъ, что «въ рукахъ другого человѣка это былъ бы весьма полезный и усердный чиновникъ, но онъ вынесъ искусъ Буша и остался въ его тискахъ». На вопросъ защиты о томъ, какимъ образомъ Бушъ, человѣкъ весьма недалекій и плохой медикъ, былъ назначенъ на столь высокій постъ, свидѣтель отвѣчалъ, что это былъ просто капризъ покойнаго адмирала Краббе. Бушъ всегда былъ однимъ изъ послѣднихъ, и всѣ были крайне удивлены его назначеніемъ.

Почему именно «капризъ» адмирала Краббе палъ на доктора Буша, — объ этомъ изъ свидѣтельскихъ показаній, къ сожалѣнію, не видно, такъ что «капризъ» адмирала остается ничѣмъ не мотивированнымъ и, мало того, возбуждаетъ опасеніе, что если назначеніе высшихъ медицинскихъ начальниковъ зависитъ отъ каприза того или другого адмирала или генерала, а не отъ медицинской академіи, какъ, казалось бы, слѣдовало, по моему скромному мнѣнію,—то едва ли врачебное дѣло можетъ быть поставлено на надлежащую высоту въ морскомъ и военномъ вѣдомствахъ. Если капризъ адмирала Краббе могъ выбрать г. Буша, «весьма плохого медика», на высокій постъ, то такой же капризъ другого адмирала можетъ сдѣлать генералъ-штабъ-докторомъ и другого, какого-нибудь не окончившаго курса лѣкаря, дослужившагося до чиновъ и все-таки ничего не свѣдущаго въ медицинѣ, хотя, быть-можетъ, и слишкомъ опытнаго въ житейской практикѣ... Требовать отъ адмираловъ и генераловъ тщательнаго выбора, основаннаго на заслугахъ врачей,—то же самое, что̀ заставить меня экзаменовать кого-нибудь изъ китайской грамматики... Разумѣется, мнѣ останется на выборъ одинъ «капризъ», если я не обращусь къ свѣдущимъ людямъ за указаніемъ... Результатомъ подобныхъ «капризовъ» снова можетъ явиться медицинская сатрапія, хотя, быть-можетъ, и не съ такимъ исключительнымъ направленіемъ, какъ въ долголѣтнее царствованіе г. Буша.

Да, процессъ г. Буша — одна изъ любопытнѣйшихъ иллюстрацій нашей деморализаціи, и сто̀итъ остановиться на немъ подольше, чтобы прослушать этотъ длинный рядъ свидѣтельскихъ показаній. Галлерея свидѣтелей, повторяю, не менѣе характерна, чѣмъ самъ герой процесса. Показанія многихъ изъ нихъ—живое свидѣтельство такого поврежденія нравовъ, такой своеобычной нравственности, что даже публика, бывшая въ судѣ и, очевидно, настроенная противъ Буша, нерѣдко пожимала плечами, и изъ среды ея раздавались восклицанія, нелестныя для многихъ свидѣтелей.

IV.

Первымъ по порядку въ качествѣ свидѣтеля выступаетъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, докторъ медицины Вакуловскій, который былъ, такъ сказать, первымъ вѣстникомъ о злоупотребленіяхъ въ медицинскомъ управленіи. Этотъ свидѣтель, небольшого роста пожилой господинъ, очевидно, чувствуетъ себя въ нѣкоторомъ родѣ цивическимъ героемъ. Онъ первый обличилъ (правда, хоть и нѣсколько поздно, но вѣдь лучше поздно, чѣмъ никогда) передъ высшимъ начальствомъ злоупотребленія г. Буша послѣ того, какъ «потерпѣлъ» по службѣ, и, натурально, гордится свершеннымъ имъ подвигомъ гражданскаго мужества.

Но—увы!—этотъ подвигъ гражданскаго мужества получаетъ со-

всѣмъ особенный характеръ въ глазахъ безпристрастнаго слушателя послѣ того, какъ онъ цѣлыхъ пять часовъ слушаетъ показанія свидѣтеля, который мало-по-малу дѣлается все развязнѣе и развязнѣе и подъ конецъ уже окончательно входитъ въ роль торжествующаго гражданина, потерпѣвшаго за правду, но нашедшаго удовлетвореніе въ ея торжествѣ...

Сначала онъ занимаетъ судъ и публику своей автобіографіей, разсказываетъ, какъ онъ превосходно служилъ, какъ его отличало начальство, какъ онъ отлично исполнялъ свое дѣло, однимъ словомъ, занимается благодарнымъ дѣломъ самовосхваленія. Если вѣрить словамъ г. Вакуловскаго, то онъ образецъ всѣхъ добродѣтелей, когда-либо существовавшихъ въ подлунной... На этотъ счетъ онъ распространился добрую долю времени, и—странное дѣло—чѣмъ болѣе этотъ почтенный свидѣтель говорилъ о своихъ доблестяхъ и о порокахъ другихъ, тѣмъ болѣе и болѣе становились подозрительными мотивы, подвинувшіе его на проявленіе гражданскаго мужества. Эта подозрительность увеличивалась по мѣрѣ дальнѣйшихъ его показаній и при перекрестномъ допросѣ сторонъ, такъ что въ концѣ концовъ стало казаться, что г. Вакуловскій никакого мужества не оказалъ, а просто-напросто, въ качествѣ «обойденнаго», хотѣлъ отмстить флота генералъ-штабъ-доктору Бушу.

Служилъ онъ въ управленіи болѣе десяти лѣтъ дѣлопроизводителемъ; съ 1874 года, по его словамъ, онъ приходилъ въ управленіе только къ 20 числу, т. е. ко дню полученія жалованья, и не проявлялъ долгое время никакихъ серьезныхъ признаковъ возмущенія.

Правда, по словамъ обвинительнаго акта, г. Вакуловскій еще въ 1868 г. обращалъ вниманіе Буша на слухи о взяткахъ въ управленіи, но только въ 1878 г., т. е. черезъ 10 лѣтъ, подалъ объ этомъ записку генералъ-штабъ-доктору, когда отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ уже были обострены и г. Вакуловскій жаловался, что его держатъ въ черномъ тѣлѣ. Г. Бушъ уговорилъ свидѣтеля взять записку эту обратно, и г. Вакуловскій согласился. Но съ этого момента между начальникомъ и подчиненнымъ возникаютъ довольно странныя отношенія; между ними начинаются своеобразные дипломатическіе переговоры; г. Бушъ намекаетъ объ отставкѣ г. Вакуловскаго. Онъ непрочь, но требуетъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Генералъ-штабъ-докторъ обѣщаетъ, но, въ свою очередь, требуетъ съ г. Вакуловскаго расписку въ томъ, что онъ, Вакуловскій, по полученіи генеральскаго званія, выйдетъ въ отставку. Г. Вакуловскій расписку даетъ, но, сдѣлавшись генераломъ, въ отставку выходить не хочетъ, и начинаются новые переговоры, на этотъ разъ о Владимірѣ 3-й степени. Даютъ и Владиміра 3-й степени. «Ну, теперь, кажется, вполнѣ награжденъ этотъ сослуживецъ»,—думаетъ г. Бушъ и опять говоритъ объ отставкѣ. Но г. Вакуловскій не согласенъ и грозитъ въ письмѣ

г. Бушу обличеніемъ «секретныхъ дѣйствій», извѣстныхъ только ему и г. Бушу. Что подразумѣвалось подъ этими «секретными дѣйствіями», такъ и осталось невыясненнымъ на судѣ; если вопросъ шелъ о взяткахъ, то эти дѣйствія вовсе не были «секретныя», по крайней мѣрѣ для врачей. Свидѣтель настаивалъ, что подъ «секретными дѣйствіями» онъ разумѣлъ именно взятки, но защита отрицала это увѣреніе. Какъ бы то ни было, а этотъ видъ нѣкотораго, такъ сказать, торга, конца которому не предвидѣлось, взорвалъ г. Буша, и онъ перевелъ г. Вакуловскаго старшимъ врачомъ въ 8 флотскій экипажъ, что, по словамъ г. Вакуловскаго, означало пониженіе по службѣ, такъ какъ тамъ онъ получалъ бы содержаніе менѣе того, чѣмъ пенсія, если-бъ онъ вышелъ въ отставку. Тогда г. Вакуловскій окончательно рѣшился свершить гражданскій подвигъ, назрѣвавшій съ 1868 года, и имѣлъ объясненіе съ бывшимъ управляющимъ морскимъ министерствомъ. Онъ вынужденъ былъ подать въ отставку и получилъ ее съ пенсіономъ по генеральскому званію, пріобрѣтенному имъ, можно сказать, съ боя, и затѣмъ, лишь 23 мая 1881 года, подалъ морскому министру извѣстное прошеніе, въ которомъ заявлялъ о притѣсненіяхъ, имъ претерпѣнныхъ за несочувствіе «секретнымъ дѣйствіямъ» Буша, и обличалъ существующія злоупотребленія...

Такимъ образомъ, хотя г. Вакуловскій обнаружилъ свое гражданское мужество и поздненько, но онъ, такъ сказать, убилъ двухъ зайцевъ. За подавленіе своихъ гражданскихъ чувствъ въ теченіе 14 лѣтъ онъ получилъ генеральскій чинъ и Владиміра, не говоря уже объ экскурсіяхъ въ управленіе разъ въ мѣсяцъ, оплачиваемыхъ аккуратно, а затѣмъ вывелъ лихоимство на свѣжую воду. И капиталъ пріобрѣтенъ и невинность соблюдена, по крайней мѣрѣ въ собственныхъ глазахъ!

Когда свидѣтель разсказывалъ о притѣсненіяхъ, коимъ онъ подвергался, о томъ, какъ онъ пострадалъ по этому дѣлу, принужденный выйти въ отставку, когда онъ распространялся о своихъ добродѣтеляхъ, когда онъ съ чувствомъ нескрываемаго ожесточенія обвинялъ бывшаго генералъ-штабъ-доктора, когда онъ намекалъ, что нынче неправда непремѣнно выйдетъ на свѣтъ и виноватые непремѣнно получатъ должное возмездіе, — невольно являлся вопросъ: «отчего столь мужественный гражданинъ такъ долго медлилъ?.. Отчего онъ раньше не проявлялъ гражданской доблести?» За этимъ вопросомъ невольно вытекали другіе. «Если бы г. Бушъ не столь увлекался своимъ положеніемъ въ медицинской сатрапіи и сумѣлъ бы поладить съ г. Вакуловскимъ, хотя бы послѣдній совсѣмъ не являлся въ управленіе, и если бы въ награду за его усердную службу послѣдовательно представилъ г. Вакуловскаго въ тайные совѣтники, давалъ награды денежныя и иныя, — на какое время задержалось бы проявленіе гражданскихъ чувствъ возмущеннаго свидѣтеля, и сидѣлъ ли бы тайный совѣтникъ Бушъ на скамьѣ подсудимыхъ?..»

Въ лицѣ этого свидѣтеля мы имѣемъ дѣло съ высшимъ проявленіемъ цивическихъ чувствъ среди морскихъ врачей, возмущенныхъ порядками, существовавшими при г. Бушѣ... Это, такъ сказать, первостепенный мученикъ, пострадавшій за правду... Другіе, по счастію, не проявляли такого мужества и не столь открыто хвалились своими доблестями.

Вотъ еще свидѣтель, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бенезе—тоже одинъ изъ «гонимыхъ» съ тѣхъ поръ, какъ умеръ бывшій министръ Краббе, съ которымъ свидѣтель состоялъ въ родственныхъ отношеніяхъ. Свидѣтель испыталъ рядъ притѣсненій со стороны генералъ-штабъ-доктора въ теченіе пяти лѣтъ. Онъ на судѣ много говорилъ о разныхъ характерныхъ продѣлкахъ въ управленіи, о взяткахъ, но скромно, разумѣется, умолчалъ—отчего-жъ онъ, занимающій видный постъ главнаго доктора морского Калинкинскаго госпиталя, не обнаружилъ хотя бы въ умѣренныхъ предѣлахъ своего гражданскаго мужества? Г. Бенезе подробно разсказывалъ, какъ его поражало назначеніе того или другого недостойнаго врача, а самъ онъ, давно уже и, разумѣется, достойно занимающій постъ старшаго врача Калинкинскаго морского госпиталя, все-таки молчалъ... Очень жаль!.. Говорю. очень жаль, не предъявляя свидѣтелю особыхъ требованій мужества. Онъ не мелкая сошка, которую можно было бы стереть въ порошокъ, особенно во время управленія адмирала Краббе. Кромѣ того, любопытно относительно этого свидѣтеля еще слѣдующее обстоятельство. При жизни г. Краббе, почтенный г. Бенезе былъ другомъ г. Буша и, по замѣчанію свидѣтеля Галузинскаго, «всесильнымъ человѣкомъ», въ которомъ даже заискивалъ г. Бушъ. Отчего бы тогда этому «всесильному человѣку» не посовѣтовать своему другу, по меньшей мѣрѣ, воздержаться отъ безобразій. По крайней мѣрѣ, г. Бенезе не пришлось бы расписывать теперь бывшаго друга въ такихъ мрачныхъ краскахъ и не представлять тысячу перваго примѣра о непрочности дружбы. Право, очень жаль, что г. Бенезе такъ запоздалъ со своими обличеніями. Повторяю, очень жаль.

Передъ нами новый свидѣтель, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мерцаловъ, занимавшій видный постъ въ медицинской іерархіи. Онъ начальникъ медицинской части с.-петербургскаго порта, и дѣлопроизводителемъ его управленія былъ тотъ самый г. Андреевъ—правая рука г. Буша, который сидитъ теперь на скамьѣ подсудимыхъ. Показанія г. Мерцалова имѣютъ характеръ полной искренности и не производятъ дурного впечатлѣнія, хотя, впрочемъ, не особенно свидѣтельствуютъ въ пользу надлежащаго пониманія свидѣтелемъ служебнаго долга. Онъ принялъ мѣсто по предложенію Буша, но вскорѣ увидѣлъ, что «служить съ Бушемъ невозможно». Послѣ этихъ словъ вы ждете, что г. Мерцаловъ тотчасъ же и заявитъ, что онъ пересталъ служить съ «невозможнымъ человѣкомъ», но изъ дальнѣйшихъ словъ видно,

что г. Мерцаловъ протестовалъ только «платонически» и даже не потрудился провѣрить слуховъ, давно ходившихъ объ его дѣлопроизводителѣ, о которомъ было всѣмъ извѣстно, что онъ «агентъ Буша». Свидѣтель перечислилъ передъ судомъ немало несправедливыхъ назначеній и, между прочимъ, объяснилъ: «Если-бъ генералъ-штабъ-докторъ не держалъ отъ меня въ секретѣ всѣ эти назначенія, то я указалъ бы ему на людей болѣе достойныхъ и имѣющихъ болѣе права, какъ по своимъ научнымъ, такъ и служебнымъ заслугамъ». Изъ показаній свидѣтеля, къ сожалѣнію, неизвѣстно, указывалъ ли г. Мерцаловъ своему начальнику на недостойныя назначенія послѣ того, какъ они переставали быть секретомъ, или же держалъ въ секретѣ свои указанія на людей достойныхъ. Мнѣ кажется, что, по своему служебному положенію, г. Мерцаловъ могъ бы это сдѣлать и безъ всякаго для себя риска (я, какъ видитъ читатель, и не предъявляю требованія риска—куда ужъ тутъ рисковать!); тоже очень жаль, что г. Мерцаловъ не пояснилъ на судебномъ слѣдствіи, что̀ отвѣчалъ онъ своему начальнику, когда г. Бушъ, по словамъ свидѣтеля, неоднократно говорилъ ему: «Что̀ мнѣ ваши образованные! Онъ начнетъ разсказывать свои высшія соображенія, такъ только слушай да кланяйся, а я больше люблю писарей. Этому что̀ скажешь да прибавишь непечатное слово, онъ скушаетъ и отлично сдѣлаетъ свое дѣло».

Несмотря на болѣе благопріятное впечатлѣніе, производимое показаніями этого свидѣтеля, они все-таки возбуждаютъ нѣкоторое недоумѣніе. Обо многихъ мерзостяхъ свидѣтель знаетъ, но никакого противодѣйствія не оказываетъ и ограничивается только увѣщеваніями г. Андреева. Когда онъ говорилъ Андрееву, что тотъ дурно поступаетъ, то краска стыда появлялась на лицѣ Андреева, и онъ, какъ удостовѣряетъ свидѣтель, отвѣчалъ ему: «Что̀ же мнѣ дѣлать? Я маленькій человѣкъ, меня сотрутъ, а вѣдь мнѣ только крохи перепадаютъ». Въ этомъ отвѣтѣ едва ли не заключалась горькая иронія и по отношенію къ свидѣтелю... Въ самомъ дѣлѣ, онъ увѣщеваетъ «писарька» Андреева и совѣтуетъ ему «дурно не поступать», а самъ, въ свою очередь,—человѣкъ совсѣмъ не маленькій,—протестуетъ только въ глубинѣ души! Ужъ нечего тутъ поучать другихъ.

И насчетъ «надеждъ» г. Мерцаловъ, какъ кажется, нѣсколько поспѣшенъ. О «надеждахъ» я заключилъ изъ комплимента, сказаннаго на судѣ по адресу только-что назначеннаго новаго генералъ-штабъ-доктора. Я не былъ въ судѣ, когда показывалъ г. Мерцаловъ, но въ судебномъ отчетѣ, напечатанномъ въ «Голосѣ», прочелъ слѣдующія слова его:

«Теперь, — сказалъ свидѣтель, *свободно вздохнувъ*: — слава Богу, въ морскомъ медицинскомъ мірѣ дѣло возвращается къ прежнему порядку, какой существовалъ до назначенія тайнаго совѣтника Буша».

Я не имѣю причинъ сомнѣваться, что г. Мерцаловъ, свободно

вздохнувъ (какъ замѣчаетъ стенографъ, а ему, вѣрно, было видно, какъ вздохнулъ г. Мерцаловъ), искренно выразилъ свое мнѣніе, но нѣсколько изумляюсь, какъ такой опытный администраторъ, какъ г. Мерцаловъ, не понимаетъ, что для очистки порядковъ, заведенныхъ Бушемъ, требуется не два мѣсяца новаго управленія, а побольше, и какъ г. Мерцаловъ такъ скоро увидалъ поворотъ къ лучшимъ порядкамъ, когда многія недостойныя, по мнѣнію г. Мерцалова, лица до сихъ поръ остаются на мѣстахъ, данныхъ имъ Бушемъ. Я не знаю, чѣмъ извѣстенъ новый генералъ-штабъ-докторъ Кудринъ; въ медицинскомъ мірѣ объ его имени никто никогда не слыхалъ; какъ администраторъ, г. Кудринъ тоже едва ли извѣстенъ г. Мерцалову, такъ какъ, по словамъ самого же новаго генералъ-штабъ-доктора, онъ бо́льшую часть своей службы проводилъ въ плаваніи и слѣдовательно въ медицинской администраціи homo novus. Что-жъ заставило свидѣтеля свободно вздохнуть? Я, напримѣръ, слышалъ только, что г. Кудринъ не окончилъ даже полнаго курса на медицинскомъ факультетѣ и выпущенъ изъ московскаго университета во время крымской войны изъ 4-го курса.

Нѣкоторая поспѣшность въ выраженіи своихъ надеждъ со стороны г. Мерцалова является тѣмъ болѣе неосновательною, что черезъ день или два послѣ того, какъ свидѣтель сдѣлалъ «комплиментарныя» заявленія новому генералъ-штабъ-доктору, этотъ же самый генералъ-штабъ-докторъ Кудринъ въ своемъ свидѣтельскомъ показаніи высказалъ, между прочимъ, мнѣніе, едва ли дающее право на возбужденіе большихъ надеждъ. О своемъ предшественникѣ новый генералъ-штабъ-докторъ тоже отозвался очень хорошо.

По словамъ г. Кудрина, «личныя отношенія его съ Бушемъ начались съ 1868 года. Потомъ, съ 1870 года, свидѣтель находился постоянно въ плаваніи и очень рѣдко и ненадолго бывалъ въ Петербургѣ. Знаетъ Буша за человѣка честнаго и былъ крайне пораженъ тѣмъ, что было написано въ газетахъ. Свидѣтель и Бушъ находились между собою въ хорошихъ отношеніяхъ. Къ медицинскому персоналу, насколько свидѣтелю извѣстно, Бушъ относился всегда въ высшей степени вѣжливо, и хотя отъ нѣкоторыхъ врачей свидѣтель слышалъ, что Бушъ былъ рѣзокъ, но этихъ рѣзкостей въ присутствіи его никогда не было, и онъ объясняетъ ихъ тѣмъ, что обыкновенно начальникъ обремененъ массою различныхъ просьбъ, большею частью неосновательныхъ, а потому *иногда нельзя не быть рѣзкимъ*. Насколько свидѣтелю извѣстенъ Бушъ, онъ находитъ, что обвиненіе его въ вымогательствѣ положительно невозможно. Свидѣтелю также извѣстны заботы Буша о пользѣ службы, и онъ считаетъ его человѣкомъ, приносившимъ большую пользу медицинскому вѣдомству. На вопросы прокурора свидѣтель отвѣчалъ, что послѣ 1870 года онъ никакихъ отношеній къ врачамъ и госпиталямъ, находясь постоянно въ плаваніи, не имѣлъ. Что

касается консультантовъ, то должность эта была установлена въ тѣхъ видахъ, чтобы консультанты по извѣстной своей спеціальности руководили молодыми врачами; а для этого на подобныя мѣста могли быть назначаемы только спеціалисты. Былъ ли докторъ Миллеръ спеціалистомъ по окулистикѣ, свидѣтель не знаетъ; но ему извѣстно, что Миллеръ—большой энциклопедистъ, такъ что въ Максимиліановской лѣчебницѣ онъ принимаетъ больныхъ по груднымъ и ушнымъ болѣзнямъ».

На спросы о подсудимыхъ, гг. Андреевѣ и Парѳеновѣ — генералъ-штабъ-докторъ объяснилъ, «что Андреева знаетъ всего только два мѣсяца; что же касаетси Парѳенова. то его свидѣтель находитъ очень способнымъ человѣкомъ»...

Это свидѣтельское показаніе, разумѣется, нисколько не ослабило всей массы косвенныхъ уликъ, падающихъ на г. Буша, и, конечно, не остановило бы моего вниманія, если-бъ не оптимизмъ г. Мерцалова относительно новой эры въ медицинскомъ вѣдомствѣ... Въ доказательство поспѣшности надеждъ, я позволю себѣ только отмѣтить характерное замѣчаніе въ устахъ г. Кудрина: *«начальнику иногда нельзя не быть рѣзкимъ»*, въ виду того, что начальникъ «бываетъ большей частью обремененъ неосновательными просьбами». Отчего непремѣнно неосновательными просьбами и большей частью? Казалось бы, врачъ, по профессіи своей, пріучается къ мягкости, но свидѣтель, тоже врачъ, высказывается въ пользу рѣзкости. Это, во всякомъ случаѣ, заявленіе, не особенно пріятное для поджилокъ гг. врачей!

Положительно, г. Мерцаловъ обнаружилъ надежды раненько.

Г. Кудринъ, по крайней мѣрѣ, высказался съ большой опредѣленностью, и пусть не пеняютъ на него врачи, если онъ иногда будетъ съ ними рѣзокъ. Иначе нельзя-съ, господа врачи. Про то свидѣтельствуетъ публично вашъ новый генералъ-штабъ-докторъ, со времени поступленія котораго, т. е. въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, уже успѣли замѣтить поворотъ къ до-бушевскимъ временамъ. Тѣмъ не менѣе и положеніе г. Кудрина нѣсколько странное. Онъ, такъ сказать, одобрилъ отношеніе г. Буша къ врачамъ и даже нашелъ г. Парѳенова очень способнымъ человѣкомъ, а судъ ни дѣйствій г. Буша ни дѣйствій г. Парѳенова не одобрилъ. Какъ быть теперь г. Кудрину? Впрочемъ, этотъ вопросъ праздный, по крайней мѣрѣ, для нашихъ медицинскихъ чиновниковъ, и я убѣжденъ, что г. Кудринъ послѣ приговора суда безповоротно убѣдится, что г. Бушъ виноватъ, и что г. Парѳеновъ неспособный человѣкъ.

Вотъ еще свидѣтель, это ужъ не «старецъ», а изъ болѣе молодыхъ—коллежскій асессоръ Архангельскій. Послушаемъ его:

«По окончаніи курса въ Медико-Хирургической академіи, я былъ опредѣленъ во флотъ младшимъ врачомъ. Затѣмъ я выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины и просилъ флота генералъ-штабъ-

доктора прикомандировать меня къ петербургскому порту, такъ какъ я желалъ продолжать научныя занятія. Потомъ меня встрѣтилъ Андреевъ и спросилъ: «вы хотите перейти въ петербургскій портъ?» Я отвѣчалъ, что очень желаю. Онъ сказалъ, что есть мѣсто, которое стоитъ 500 руб. Я согласился, но такъ какъ у меня не было столько денегъ, то я сказалъ, что 300 рублей могу дать, а 200 рублей впослѣдствіи, когда буду имѣть возможность. Чрезъ нѣсколько времени я получилъ приглашеніе быть у г. Буша. Онъ спросилъ меня, желаю ли я перейти въ Петербургъ, и хотѣлъ знать, что за причина, при чемъ говорилъ, что въ матеріальномъ отношеніи мнѣ лучше оставаться въ Кронштадтѣ. Но я сказалъ, что желаю заняться научными работами и потому прошу перевести меня въ Петербургъ. Затѣмъ состоялся мой переводъ, и я отдалъ Андрееву 300 руб., а 200 руб. долженъ и по настоящее время. Обратился къ Андрееву потому, что слышалъ отъ товарищей, что чрезъ него можно все сдѣлать».

Прокуроръ. — Вы раньше отдали Андрееву 300 рублей, чѣмъ состоялся переводъ?

Архангельскій.—Нѣтъ, потомъ.

Вопросъ. Слѣдовательно у васъ былъ такой уговоръ?

О. Нѣтъ, на честное слово.

Далѣе свидѣтель показалъ, что поступилъ на службу въ 1875 году, по рекомендаціи генералъ-майора Жемчужникова, который, вмѣстѣ съ нимъ, свидѣтелемъ, былъ у Буша для этой цѣли. Во все время служенія Бушъ былъ съ свидѣтелемъ вѣжливъ и вообще въ хорошихъ отношеніяхъ. На вопросъ прокурора, почему свидѣтель въ первомъ своемъ показаніи на предварительномъ слѣдствіи показывалъ иначе, чѣмъ во второмъ, свидѣтель объяснилъ, что въ первомъ показаніи онъ сказалъ, что деньги Андрееву далъ въ долгъ, но сознаніе ложности этого показанія и укоръ совѣсти заставили его явиться къ судебному слѣдователю и дать второе показаніе, которое онъ и подтвердилъ здѣсь на судѣ. Свидѣтель слышалъ, что за дачу взятки придется отвѣчать, и нѣсколько опасался показывать правду.

Не лишено пикантности и показаніе капитана Яковлева, въ которомъ капитанъ передавалъ о разсказѣ врача Еремѣева, заплатившаго за переводъ въ Петербургъ 300 р., какъ онъ, Еремѣевъ, былъ приглашенъ къ Бушу пить чай. Вмѣстѣ съ нимъ у генералъ-штабъ-доктора пила чай и танцовщица Селезнева. «Въ это время г. Бушу принесли конвертъ изъ Кронштадта, по прочтеніи котораго онъ сказалъ: «Что за дуракъ этотъ Шванкъ—не умѣетъ назначить врача», и просилъ Селезневу самой назначить. Она назначила Тихова и, дѣйствительно, какъ я потомъ узналъ, именно Тиховъ пошелъ въ плаваніе».

Зналъ ли молодой врачъ Тиховъ, кому онъ обязанъ своимъ назначеніемъ?

А вотъ и наивный авторъ хвалебной статьи въ «Кронштадтскомъ

Вѣстникѣ», врачъ г. Коржавинъ. На судѣ онъ показывалъ, что г. Бушъ не сдѣлалъ ему существеннаго вреда, но онъ опасался этого вреда, тѣмъ болѣе, что ему извѣстно было нерасположеніе къ нему г. Буша, такъ что онъ избѣгалъ встрѣчи съ нимъ «*для того, чтобы личность моя не производила на г. Буша непріятнаго впечатлѣнія*». Вѣроятно, для уничтоженія такого впечатлѣнія свидѣтель, по просьбѣ нѣкоторыхъ своихъ коллегъ, написалъ статью въ защиту г. Буша. Эта статья была напечатана въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ». Послѣ этого свидѣтель былъ произведенъ въ старшіе врачи.

— За эту хвалебную статью вы и получили мѣсто старшаго врача?—спросилъ прокуроръ.

— Это не хвалебная, нѣтъ, — отвѣтилъ свидѣтель.—Дѣйствительно, одинъ докторъ замѣтилъ мнѣ, что тутъ была похвала, ну, и я потомъ не сталъ писать болѣе, потому что дальнѣйшая статья могла быть куреніемъ ѳиміама начальству.

— Въ которомъ году эта статья была напечатана въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ»?—спросилъ защитникъ.

И, вѣроятно, къ неудовольствію защитника, наивный свидѣтель отвѣтствовалъ:

— Въ 1875 или 1876 году, *при производствѣ меня въ старшіе врачи.*

Новый свидѣтель, докторъ Баумбахъ, о которомъ г. Бушъ сперва былъ самаго дурного мнѣнія и которому потомъ далъ мѣсто главнаго врача въ Владивостокѣ, показалъ на судѣ то же, что и на слѣдствіи. А на слѣдствіи онъ далъ слѣдующія любопытныя показанія о покупкѣ имъ мѣста. «Будучи городовымъ врачомъ, онъ подвергался преслѣдованіямъ со стороны Буша. Благодаря другимъ врачамъ, служившимъ въ Кронштадтскомъ госпиталѣ, которые постоянно доносили, что онъ, Баумбахъ, лѣчитъ проститутокъ въ домахъ терпимости, чего онъ никогда не дѣлалъ, главный докторъ Шванкъ прямо сказалъ ему, что лучше оставить должность городового врача, такъ какъ Бушъ непремѣнно хочетъ удалить его. Баумбахъ слышалъ, что врачъ Кротковъ заплатилъ 500 рублей, чтобъ занять должность, по удаленіи Баумбаха, городового врача Кронштадта. Затѣмъ, въ февралѣ или мартѣ, къ Баумбаху пріѣхалъ помощникъ аптекаря Бетъ и сказалъ, что Андреевъ желаетъ поговорить съ нимъ, Баумбахомъ, объ одной вещи, которая будетъ ему пріятна. Въ тотъ же день Андреевъ сказалъ ему, что Бушъ нуждается въ деньгахъ, и не можетъ ли Баумбахъ дать въ долгъ 4.000 рублей, въ чемъ Бушъ дастъ вексель или заемное письмо. Баумбахъ сказалъ, что подумаетъ. Онъ не хотѣлъ давать деньги, но его жена сказала, что нужно или дать, или выйти въ отставку, а потому Баумбахъ поѣхалъ къ Бушу и далъ ему 3.100 рублей % бумагами, по номинальной ихъ цѣнѣ. Бушъ выдалъ собственноручно расписку, приложенную къ дѣлу. 27-го февраля Баумбахъ получилъ

телеграмму отъ Пфейфера, главнаго доктора во Владивостокѣ, въ которой сказано: «Я подалъ въ отставку. Кланяюсь товарищу». Вслѣдствіе этого Баумбахъ поѣхалъ къ Бушу и заявилъ желаніе занять мѣсто во Владивостокѣ, на что Бушъ отвѣтилъ, что если не будетъ кандидатовъ, которые имѣютъ больше права, то онъ доложитъ объ этомъ управляющему морскимъ министерствомъ. Еще до назначенія, когда онъ былъ однажды у Богдана Ивановича (Буша), то тотъ спросилъ: «ну, какъ наши дѣла?» Баумбахъ отвѣтилъ, что если онъ будетъ назначенъ и ему будетъ возможно, то онъ сосчитаетъ долгъ Буша уплаченнымъ. Послѣ этого, 6 іюня 1881 года, состоялся высочайшій приказъ о назначеніи Баумбаха главнымъ врачомъ во Владивостокъ. Обращеніе Буша съ Баумбахомъ, до уплаты ему долга, было грубое; послѣ же «уплаты» Бушъ сталъ обращаться вѣжливѣе». Тутъ кстати замѣчу, что изъ множества другихъ свидѣтельскихъ показаній оказывается, что назначеніе г. Баумбаха на мѣсто старшаго врача очень всѣхъ поразило, и вообще мнѣніе свидѣтелей о г. Баумбахѣ невысокое.

Возвращаясь къ исторіи Баумбаховскаго займа, надо сказать, что сдѣлка не состоялась. Во Владивостокъ свидѣтель не поѣхалъ потому, что ему не дали прогоновъ, и деньги онъ получилъ съ г. Буша обратно.

На вопросъ, нѣсколько наивный, г. прокурора: охотно ли г. Баумбахъ давалъ г. Бушу взаймы деньги,—свидѣтель отвѣчалъ, что онъ посовѣтовался съ супругой, и она сказала: «или дать, или выйти въ отставку». «Я и порѣшилъ, что нужно дать». Супруга свидѣтеля такимъ образомъ явилась «демономъ-искусителемъ» г. Баумбаха. Бѣдныя жены! Чего только ни валятъ на васъ мужья!

Довольно характерно и показаніе одного младшаго врача 85-го Выборгскаго полка.

Еще будучи студентомъ, онъ слышалъ, что во флотъ можно поступить или имѣя сильную протекцію, или заплативъ г. Бушу. Тогда свидѣтель обѣщался заплатить 400 рублей, если получитъ мѣсто, изъ прогонныхъ денегъ. Состоялся высочайшій приказъ о назначеніи свидѣтеля во Владивостокъ; являясь передъ отъѣздомъ къ г. Бушу, свидѣтель извинился, что не можетъ теперь же уплатить 400 рублей. Г. Бушъ раскричался и сказалъ: «Если-бъ я зналъ, что вы—такой подлецъ, то я бы никогда не принялъ васъ на службу!» Въ отвѣтъ на такое напутствіе своего начальника, свидѣтель обѣщалъ выслать деньги изъ Владивостока, но г. Бушъ выгналъ его вонъ. Во Владивостокѣ и потомъ въ Кронштадтѣ свидѣтель терпѣлъ притѣсненія и перешелъ потомъ въ военное вѣдомство.

На судебномъ слѣдствіи этотъ же свидѣтель заявилъ, что въ Кронштадтѣ, въ госпиталѣ, есть нѣкій дѣлопроизводитель Терентьевъ, играющій при главномъ докторѣ Шванкѣ такую же роль, какъ Андреевъ при Бушѣ, «такъ что управленіе Шванка безъ Терентьева немыслимо».

Передъ судомъ является еще «благородный свидѣтель»—морской и театральный врачъ, г. Каменскій, человѣкъ еще молодой, но, какъ видно, изъ очень «раннихъ». Показаніе его благопріятно подсудимому, но отвѣты его, хотя и уклончивые, на вопросы прокурора совсѣмъ ужъ неблагопріятны и для подсудимаго и для самого свидѣтеля, въ особенности для свидѣтеля. Эти отвѣты проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на такую особенность отношеній между начальникомъ и подчиненнымъ, на такія недвусмысленныя обязанности свидѣтеля, весьма похожія на обязанности сводника,—что большей грязи и мерзости, кажется, нельзя и вообразить себѣ.

На вопросъ прокурора о томъ, какимъ образомъ письма интимнѣйшаго характера, адресованныя къ свидѣтелю, очутились у г. Буша и находятся при дѣлѣ,—свидѣтель не пожелалъ отвѣчать; но на дальнѣйшіе вопросы объ его отношеніяхъ къ Бушу показалъ, что «близость отношеній существовала вслѣдствіе того, что г. Бушъ обратился къ нему съ просьбой руководить его сына».

Прокуроръ.—Бушъ платилъ вамъ за это деньги?

Каменскій.—Нѣтъ.—*В.* Есть въ дѣлѣ счеты портного и друг., по которымъ Бушъ платилъ за платье, сдѣланное для васъ?—*О.* Я разсчитался съ Бушемъ.—*В.* Затѣмъ есть цѣлая пачка писемъ отъ артистокъ театра—г-жъ А..., В... и отъ многихъ другихъ. Изъ этихъ писемъ видно, что вы привозили артистокъ къ Бушу и потомъ отвозили ихъ обратно. Сверхъ того, вы исполняли различныя порученія относительно обѣдовъ, угощеній и т. п. Не можете ли вы сказать, что̀ это такое?—*О.* Это знакомыя г. Буша и мои.—*В.* Какое же участіе вы принимали въ этомъ?—*О.* Никакого.—*В.* Почему же вы увѣдомляли Буша такъ аккуратно и такъ часто,—очевидно, это велось систематически,—что такая-то изъ артистокъ будетъ обѣдать у него, такая-то поѣдетъ въ циркъ, а такая-то не поѣдетъ—словомъ, вы входите въ этихъ письмахъ въ различныя детальныя описанія? *(Свидѣтель молчитъ).*

Предсѣдатель.—Вы можете сказать только относительно вашихъ отношеній къ Бушу. Что касается писемъ, то содержаніе ихъ не идетъ къ дѣлу, и вы объ этомъ можете не говорить.

Каменскій.—Первое, что̀ связывало меня съ Бушемъ, это—воспитаніе его сына. Поэтому я часто бывалъ у Буша.

Предсѣдатель.—И вы исполняли его разныя порученія?

Каменскій.—Особыхъ порученій я не имѣлъ.

Прокуроръ.—Такъ что васъ связывало съ Бушемъ только воспитаніе его сына?

Каменскій.—Да.—*В.* А отношенія, основанныя на этихъ письмахъ, вы объяснить не желаете?—*О.* Нѣтъ.—*В.* Не можете ли объяснить одно ваше письмо, отъ 12 мая 1880 года, въ которомъ вы пишете, что какая-то вдовушка пріѣзжала къ вамъ за адресомъ Андреева и вы

дали ей его адресъ, и сообщаете въ этомъ письмѣ Бушу, что не успѣли предупредить объ этомъ Андреева. Что это значитъ?—*О.* Не припомню.

Не довольно ли свидѣтельскихъ показаній? Не довольно ли всей этой грязи, которая обнаружилась на этомъ процессѣ? Повторяю, не одинъ только подсудимый вышелъ изъ этого процесса некрасивымъ,—это еще была бы не большая бѣда,—а бѣда въ томъ, что «нравы» въ вѣдомствѣ морскихъ врачей оказались ужъ очень «поврежденными». Это-то и составляетъ характерную черту процесса, какъ очень серьезный признакъ деморализаціи, охватившей насъ со всѣхъ сторонъ.

Разумѣется, и въ этомъ батальонѣ свидѣтелей оказались вполнѣ порядочные люди, но я говорю о впечатлѣніи, которое производитъ большинство. Какимъ образомъ и почему молодой, полный жизни и добрыхъ намѣреній, врачъ, желавшій посвятить себя дальнѣйшему усовершенствованію въ наукѣ, желавшій принести пользу своими знаніями, мало-по-малу бросаетъ науку и дѣлается медицинскимъ чиновникомъ, у котораго трясутся при встрѣчѣ съ начальствомъ поджилки, и, въ погонѣ за чинами, орденами и окладами, пускается по проторенной дорожкѣ взятокъ, исканій и самыхъ позорныхъ компромиссовъ? Ахъ, это нерѣдкія метаморфозы въ нашемъ отечествѣ, гдѣ независимость характера, сила убѣжденій и стойкость совсѣмъ не имѣютъ сбыта на общественной службѣ. А тамъ, гдѣ этого нѣтъ, деморализація идетъ быстрыми шагами, поражая не однихъ только свободныхъ отъ образованія людей, и доводитъ наконецъ до такихъ «ласковыхъ телятъ», какъ этотъ, готовый даже на сводничество молодой человѣкъ, г. Каменскій.

IV.

Прокуроръ сказалъ, вѣрнѣе—прочелъ свою рѣчь сдержанно и безцвѣтно. Защитникъ г. Буша, присяжный повѣренный Бобрищевъ-Пушкинъ, началъ съ заявленія своего глубокаго убѣжденія въ безусловной невинности Буша. Оставимъ на совѣсти г. присяжнаго повѣреннаго это «глубокое убѣжденіе», вынесенное, вѣроятно, послѣ нѣсколькихъ дней процесса, и не удивимся, конечно, что его длинная рѣчь производила непріятное впечатлѣніе... Слишкомъ ужъ онъ превозносилъ своего кліента, замѣняя доказательства красивыми фразами и эффектными восклицаніями. Слишкомъ ужъ театральною казалась его рѣчь, и самъ онъ походилъ на тенора di grazia, поющаго любовную арію; паѳосъ его, длившійся безпрерывно въ теченіе 2-хъ часовъ, совсѣмъ не дѣйствовалъ на слушателей...

Пріемы его защиты тоже были не изъ очень красивыхъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ рѣчи, гдѣ онъ, указывая на обличенія начальника подчиненными, скорбѣлъ объ упадкѣ дисциплины, и гдѣ онъ сваливалъ вину съ плечъ своего кліента на плечи другого подсудимаго, Андреева. Это ужъ совсѣмъ некрасиво...

Защитникъ Андреева, присяжный повѣренный Нечаевъ, хоть и не обладаетъ сценическимъ талантомъ г. Бобрищева-Пушкина, но произвелъ своей искренней, простой рѣчью лучшее впечатлѣніе. Подсудимые отказались отъ заключительныхъ словъ. Судъ удалился на совѣщаніе въ 6 ч. 40 м. Въ 12 ч. 40 м. ночи предсѣдатель объявилъ резолюцію, по которой судъ призналъ виновными: *Буша*—въ томъ, что за опредѣленія, перемѣщенія, назначенія, повышенія и награды подвѣдомственныхъ ему чиновъ, состоя флота генераломъ-штабъ-докторомъ, бралъ въ свою пользу деньги, а когда требовалъ и не получалъ отъ подчиненныхъ ему чиновъ денегъ, то по этому поводу дѣлалъ притѣсненія; *Андреева*—въ томъ, что за опредѣленія, перемѣщенія и проч. съ подвѣдомственныхъ Бушу чиновъ, состоя его довѣреннымъ лицомъ, требовалъ и получалъ деньги, при чемъ судъ призналъ уменьшающія вину его обстоятельства, и *Парѳенова*—въ томъ, что по дѣламъ и дѣйствіямъ, касающимся службы, принималъ деньги или подарки; а потому судъ постановилъ:

1) Буша, 61 года, на основаніи 372-й, 376-й, 377-й и 378-й ст. улож. о наказ. и ст. 86-й воен.-морск. уст. о наказ., лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ и службою пріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, а также дворянства, чиновъ, орденовъ и знаковъ отличія, и сослать въ Томскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста назначеннаго ему жительства въ теченіе одного года и выѣзда въ другіе города и области Сибири въ теченіе 4 лѣтъ, съ прочими послѣдствіями, въ улож. о наказ. означенными;

2) Андреева, 54 лѣтъ, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ и службою пріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, исключить изъ службы, лишивъ дворянства, чиновъ и орденовъ, и сослать въ Архангельскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки въ теченіе трехъ лѣтъ, съ послѣдствіями, въ улож. о наказ. означенными;

3) Парѳенова, 39-ти лѣтъ, отставить отъ службы, съ послѣдствіями, въ воен.-морск. уставѣ означенными.

Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ 19-го мая, въ часъ дня.

Когда послѣ окончанія рѣчей защитниковъ я выходилъ изъ суда, кто-то изъ публики замѣтилъ:

— Ну, теперь до слѣдующаго представленія...

— Какъ до слѣдующаго?

— А такъ... Пока какой-нибудь обиженный гражданинъ случайно не заявитъ претензіи, и случайно не возбудится новое дѣло... Вѣдь и Бушъ случайно попалъ... Очень ужъ неосторожный сатрапъ былъ!

— И вы думаете, что взятки не прекратятся?..

— Еще бы!—перебилъ первый.

— Но устрашающее вліяніе суда?..

— Мало смущаетъ осторожнаго человѣка...

— Гдѣ-жъ средство?

— Ужъ, конечно, не въ этихъ процессахъ, гдѣ крупный лихоимецъ является случайно!—замѣтилъ скептикъ, прерывая разговоръ.

Злобы дня и Рыковскій крахъ.

I.

Отыскать скоропостижныя и рѣшительныя средства для водворенія у насъ такого идеальнаго «порядка», о которомъ всю жизнь мечталъ неисправимый «идеалистъ» военныхъ поселеній, Аракчеевъ, — вотъ безспорно самый жгучій вопросъ, злоба дня «Московскихъ Вѣдомостей» и ихъ поклонниковъ въ печати и обществѣ. Не велики они числомъ, правда, но... но «малъ золотникъ, да дорогъ!»

«Дайте намъ настоящій порядокъ, чтобы трепетъ охватилъ всю Россію, чтобы каждый становой былъ въ полномъ смыслѣ «грозная и сильная власть», а не «лже-либералъ», какъ теперь,—и тогда, только тогда, наступитъ «золотой вѣкъ» благоденствія».

Такъ или почти такъ, съ большей или меньшей энергіей, то въ мантіи пророка, то въ балахонѣ полишинеля, — каждый день вопитъ московская газета, давая тонъ своимъ подголоскамъ. Въ ушахъ читателя только и стоитъ, что этотъ неустанный окрикъ. Ничего другого не слышно, точно находишься на живодернѣ. И все еще недовольная, все еще ненасытная газета Страстного бульвара дѣлаетъ суровыя внушенія направо и налѣво: суду и администраціи, университетамъ и печати, женскимъ курсамъ и народнымъ училищамъ, отыскивая, по своему обыкновенію, вездѣ если не гнѣзда заматорѣлой крамолы, то, по меньшей мѣрѣ, признаки самой свѣжей интриги. «Измѣнниковъ» оказывается столько, сколько чиновниковъ въ Россіи; даже чинъ тайнаго совѣтника плохая гарантія. О лицахъ другихъ профессій нечего и говорить. Если вѣрить «Московскимъ Вѣдомостямъ» — имъ давно мѣсто въ другой части свѣта. Страшно!.. Для возстановленія порядка одно средство, по мнѣнію нашего публициста,—«накаливать».

Станете вы читать другія газеты, которыя — благодареніе Богу — хоть не ходатайствуютъ о накаливаніи,—картина мгновенно мѣняется. Вы словно попадаете изъ бушующаго океана въ тихія стоячія воды. Въ обращеніи нѣтъ никакихъ вопросовъ, какъ будто, съ отъѣздомъ по домамъ свѣдущихъ людей, наступила такая тишь и гладь, когда никакой вопросъ, никакое сомнѣніе, никакая злоба не нарушаютъ тихаго и безмятежнаго житія. Если прочитывать однѣ передовыя статьи, не заглядывая въ разныя: «намъ пишутъ» и «намъ сообщаютъ», гдѣ

перѣдко пишутъ и сообщаютъ о фактахъ, не всегда утѣшительныхъ,— то, право, посторонній человѣкъ, слетѣвшій съ луны, могъ бы подумать, что очутился въ Аркадіи счастливой, гдѣ всѣ столь пресыщены счастьемъ, что никакими вопросами не болѣютъ... Однимъ словомъ: идиллія!

Вопросовъ, повторяю, въ газетахъ нѣтъ. И если бы Господь Богъ не посылалъ на насъ, въ гнѣвѣ Своемъ, довольно-таки часто то дифтерита, то краховъ, то хищеній, выходящихъ изъ предѣла «экономіи», словомъ, какого-нибудь событія, которое возможно обсудить съ надлежащей деликатностью,—я рѣшительно не знаю, какъ бы выходили изъ затрудненія составители передовыхъ статей. Положимъ, конская перепись, филоксера, Гладстонъ и Араби-паша остаются въ запасѣ, но — согласитесь—всѣ эти предметы, въ значительныхъ дозахъ, рѣшительно набьютъ оскомину даже и у русскаго читателя. За двадцать пять лѣтъ онъ получилъ вкусъ къ свѣдѣніямъ не объ одной только борьбѣ съ филоксерой и не объ однихъ только турецкихъ пашахъ. Онъ можетъ возроптать и, чего добраго, пожелать, чтобы ужъ лучше вовсе никакихъ газетъ не было; по крайней мѣрѣ знаешь, что нѣтъ и что читать нечего. А то и газета есть, а въ ней одинъ только Араби-паша... Куда же дѣвались «вопросы»? Отчего газеты ихъ игнорируютъ и разводятъ скуку до тошноты?

Напрасно читатель боится за вопросы. Они цѣлы и находятся въ крѣпкихъ рукахъ. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, они, въ полномъ своемъ составѣ, юркнули со страницъ газетъ въ глубь разныхъ комиссій и подкомиссій и стыдливо скрылись отъ глазъ въ многотомныхъ предварительныхъ и дополнительныхъ трудахъ и изслѣдованіяхъ. Печать поневолѣ махнула на нихъ рукой, зная очень хорошо, что достать ихъ оттуда все равно, что разбудить спящую царевну...

Такимъ-то образомъ стали мы читать газеты безъ «вопросовъ». Даже недавній модный вопросъ объ интеллигенціи и мужикѣ, «нашемъ терпѣливомъ, самобытномъ, трезвенномъ мужичкѣ» пропалъ безъ вѣсти, и теперь рѣшительно неизвѣстно, на какомъ положеніи состоитъ «народъ» у нашихъ «самобытниковъ»: фигурируетъ ли онъ попрежнему въ качествѣ «единственнаго во всемъ мірѣ», съ которымъ можно было сентиментальничать, какъ угодно, и именемъ котораго можно было врать, что угодно, или до времени оставленъ безъ всякаго вниманія, въ виду одной изъ исконныхъ его добродѣтелей — потреблять мало и платить довольно.

По крайней мѣрѣ, петербургскій поставщикъ «самдѣлишныхъ» мужичковъ, купецъ 2-й гильдіи Уховертовъ, который годъ тому назадъ велъ дѣло довольно бойко, поставляя изъ дома Вяземскаго «самыхъ настоящиковъ» мужичковъ на банкеты, дававшіеся свѣдущими и несвѣдущими «истинно-русскими» людьми,—теперь жалуется на плохія времена.

— Совсѣмъ перестали господа послѣ обѣда мужика требовать. Опять пошла французинка!

Даже изъ «Новаго Времени» мужичокъ куда-то исчезъ. А эта почтенная газета умѣетъ улавливать вкусы, зная, когда нуженъ «жидъ», когда «нѣмецъ», когда «полякъ», когда «анархисты» и когда одна «французинка»...

II.

Двѣнадцать милліоновъ! Эта цифра огорошила даже и насъ, привыкшихъ за послѣднее время къ крупнымъ цифрамъ хищенія. Были хищенія, правда, грандіознѣе,—напримѣръ, хищеніе башкирскихъ земель и лѣсовъ, но они производились подъ легальной формой и, такъ сказать, по уменьшенной оцѣнкѣ. А тутъ расхищено двѣнадцать милліоновъ чистоганомъ. Судебное слѣдствіе, вѣроятно, откроетъ, по крайней мѣрѣ надо думать, что откроетъ, подробное распредѣленіе этихъ богатствъ по разнымъ карманамъ, такъ какъ не одинъ же Рыковъ скушалъ всѣ эти 12 милліоновъ. Газеты уже сообщили и краткій списокъ должниковъ банка, между которыми значится г. Болдыревъ, бывшій рязанскій губернаторъ, уволенный, сколько помнится, отъ должности вскорѣ послѣ сообщенной въ газетахъ темной исторіи объ убитомъ настухѣ во время охоты веселой компаніи изъ Рязани,— но, по всей вѣроятности, этотъ списокъ значительно дополнится на судебномъ слѣдствіи и тѣми «кредиторами» г. Рыкова (или скопинскаго банка), которые благоразумно не оставляли расписокъ «на память» и уцѣлѣли только въ памяти самого г. Рыкова. Тогда откроется — какимъ образомъ такъ долго могло оставаться не открытымъ это систематическое опустошеніе, не составлявшее тайны для очень и очень многихъ не только въ Рязани, но и въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что среди молчаливыхъ членовъ городского управленія и банковской администраціи нашлись и протестанты. По словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», «нѣкоторые горожане, начиная съ 1875 года, вели съ Рыковымъ постоянную борьбу, но всѣ ихъ жалобы были тщетны». Почему же жалобы ихъ были тщетны, и хищеніе обнаружилось только тогда, когда исчезли 12,000.000 р.? Ахъ, это все та же старая исторія о бѣломъ бычкѣ, которую приходится повторять каждый разъ, когда рѣчь заходитъ не только о хищеніи, но даже и объ «экономіи». Это все та же изнанка идеала «Московскихъ Вѣдомостей», о которой, впрочемъ, газета благоразумно умалчиваетъ, представляя читателю только казовую сторону «сильной и грозной власти» исправниковъ и становыхъ.

Я не стану повторять болѣе или менѣе извѣстныя читателямъ подробности о томъ, *какъ* велись дѣла банка, какъ подъ магазинъ резиновыхъ издѣлій давали по 600.000 р., а подъ торговлю гармоніями и балалайками 25.000 р., какъ составлялись, утверждались и печата-

лись въ газетахъ отчеты съ дутыми цифрами, какъ монастыри, разныя учрежденія, богадѣльни, церкви и частныя лица, соблазненные большимъ процентомъ, несли къ Рыкову свои капиталы, несмотря на циркуляръ бывшаго оберъ-прокурора, графа Толстого, приглашавшій монастыри и церкви довѣрять свои вклады лишь государственному банку, и т. п. Мы столько читали о дутыхъ отчетахъ и столько наслышались о всякаго рода подлогахъ и мошенничествахъ, что повторять о нихъ еще разъ не стòитъ. Что же касается до соблазна духовныхъ лицъ, то и это не новость; недаромъ въ народѣ говорится, что «поповы глаза завидущи», а какъ тутъ не соблазниться, когда не только высокій процентъ даютъ, но сами архіереи, губернаторы и другія вліятельныя лица, по словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», обязательно передавали вклады г. Рыкову.

Меня, признаться, интересуетъ самъ г. Рыковъ и его біографія. Какимъ образомъ этотъ полуграмотный купецъ пріобрѣлъ репутацію финансиста, сдѣлался настоящимъ скопинскимъ сатрапомъ, передъ которымъ была безсильна уѣздная администрація, велъ жизнь владѣтельнаго принца и дивилъ губернскую знать лукулловскими обѣдами, грабя въ то же время кассу банка?

Краткая исторія этого безшабашнаго хищничества и произвола, возвышенія и паденія скопинской знаменитости—есть въ то же время не безынтересная исторія нашихъ «нравовъ» и условій, при которыхъ возможенъ широкій полетъ такихъ «орловъ», какъ Рыковъ. Это одинъ изъ «типовъ», народившихся въ послѣднія 25 лѣтъ. Онъ не то, чтò Юханцевъ — легкомысленный, безшабашный червонный валетъ, проблестѣвшій метеоромъ въ обществѣ золотой молодежи и цыганокъ и тѣшившій свое тщеславіе барчонка въ кутежахъ съ самыми густыми сливками знати, который считалъ долгомъ чести возвратить карточный долгъ въ срокъ и въ то же время расхищалъ подъ носомъ у «старцевъ» поземельнаго кредита кассу, показывая имъ вмѣсто денегъ пустые пакеты. Не похожъ онъ и на этого московскаго кассира, на-дняхъ приговореннаго судомъ, старика-Іудушку, іезуита-скопидома Мельницкаго, прикидывавшагося набожнымъ, благочестивымъ старикомъ и въ то же время обладавшаго «мертвой хваткой», ограбившаго своихъ близкихъ и вздумавшаго-было, для увѣнчанія своей тихой жизни, «обронить» на московскомъ бульварѣ 300.000, великодушно предложивъ за свою оплошность все свое достояніе (тысячъ на сорокъ), и съ остаткомъ въ 250.000 удалиться на «лоно природы» съ незапятнанной репутаціей столпа отечества.

Типъ, представителемъ котораго является Рыковъ, составляетъ разновидность того же типа, къ которому принадлежатъ всѣ наши знаменитые дѣльцы послѣдняго времени, всѣ эти желѣзнодорожники и иныхъ дѣлъ мастера, благодѣтели отечества и жертвователи, всѣ эти Губонины, Поляковы, Дервизы, Горвицы и т. д., съ тою только разни-

цей, что Рыковъ избралъ болѣе рискованную форму... Пріемы же какъ тѣхъ, такъ и другихъ одни и тѣ же...

По словамъ довольно обстоятельной статьи: «Скопинскій банкъ и его герои», напечатанной въ «Од. Вѣстникѣ», Рыковъ—сынъ небогатаго скопинскаго купца Оводова. Отецъ его былъ огородникъ, а самъ онъ, обучившись кое-какъ читать псалтирь у дьячка приходской церкви, перешелъ жить къ своему дѣду (по матери), тоже скопинскому купцу Рыкову. Дѣдушка усыновилъ «Ванюшу» въ свою фамилію и по смерти оставилъ ему большое наслѣдство. Во все время до совершеннолѣтія «Ванюша» представлялъ собою жалкаго мальчика: «онъ ходилъ постоянно съ раскрытымъ ртомъ, съ грязью подъ носомъ, и умственными способностями не отличался»,—говоритъ его біографъ. Однако, спустя нѣкоторое время, этотъ самый «Ванюша», ходившій съ «открытымъ ртомъ» и потерявшій свое состояніе въ тяжебномъ дѣлѣ,—вдругъ является большимъ человѣкомъ, какъ бы подтверждая этимъ, что для того, чтобы сдѣлаться большимъ плутомъ, не надо обладать большими умственными способностями. Первымъ дѣломъ онъ задается мыслью устроить банкъ въ родномъ своемъ Скопинѣ — городишкѣ, который въ то время представлялъ собой рядъ лачугъ и торговые обороты котораго не простирались болѣе чѣмъ на два съ полтиной въ годъ.

Мысль о банкѣ крѣпко засѣла въ голову Рыкову, и осуществить ее было не трудно. Въ то время была банкоманія, и съ легкой руки г. Ламанскаго банки основывались какъ грибы, въ видахъ якобы развитія промышленности и кредита. Каждый городъ, торговавшій одними сухими кренделями, основывалъ свой банкъ, и всѣ эти мѣстные Китъ-Китычи, жившіе прежде на 300 р. въ годъ, вдругъ стали жить на 3.000 р., благо можно кредитоваться. Хотя попрежнему городъ производилъ сухіе крендели и ничего болѣе, но зато при банкѣ можно было взять подъ крендели такія деньги, какія раньше и во снѣ не снились... Это и называлось оживленіемъ торговли...

Разумѣется, разрѣшеніе открыть банкъ было получено, и въ Скопинѣ появился банкъ. Сперва скопинцы недоумѣвали, зачѣмъ имъ банкъ, и остерегались брать деньги, такъ что, въ первое время, г. Рыкову пришлось навязывать деньги чуть не первому встрѣчному; онъ началъ ѣздить по городамъ и столицамъ, вездѣ предлагая легкую выдачу. Нечего и говорить, что г. Рыковъ отказа не встрѣтилъ.

По словамъ автора статьи въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», «различные чиновники всевозможныхъ министерствъ, эти Мейеры, Болдыревы, Кобеляцкіе и эти Граббе, зная нужду въ деньгахъ или, вѣрнѣе сказать, зная, куда дѣвать деньги, вмигъ попалетѣли въ скопинскій банкъ, опустивъ свою руку каждый по возможности глубже; взялъ самъ директоръ, взялъ мѣстный городской голова, а тутъ уже поняли въ чемъ суть и сами граждане».

Закипѣла работа... Лачуги сносились, и на мѣстѣ ихъ воздвигались каменные дома, улицы мостились, жители расширили торговлю: покупали лѣса на свозъ, снимали земли въ арендное содержаніе; вездѣ посыпались деньги, во многомъ проглядывала роскошь... Виновникомъ всего этого былъ не кто иной, какъ Рыковъ. «Въ собраніяхъ ему не разъ говорили благодарности; всѣ видѣли въ немъ настоящій источникъ жизни. Ему даже, въ видѣ поощренія, предоставленъ былъ личный произволъ. Вся администрація города плясала подъ тактъ его музыки, а если разъ не послушался его какой-нибудь исправникъ—долой его; докторъ Шляхтъ не сумѣлъ облегчить болѣзни его жены, когда она разрѣшилась сыномъ,—вонъ его; не понравился ему предводитель дворянства—хлопочетъ, чтобы его смѣнили; непріятно спросилъ его о чемъ-нибудь гласный въ думѣ—отданъ приказъ при будущихъ выборахъ забаллотировать его». Въ эту пору Рыковъ былъ въ апогеѣ своей славы и вліянія. Онъ «велъ свои дѣла на широкую ногу: всѣхъ нужныхъ людей ласкалъ, ублажалъ, и, бывало, каждый пріѣздъ его въ губернскій городъ Рязань ознаменовывался такими обѣдами и лукулловскими пиршествами, на которыхъ объѣдалась вся губернская знать. Подобное практическое поведеніе русскаго американца давало ему такое крѣпкое положеніе, что его не въ состояніи были поколебать никакія жалобы, и уѣздная административная власть была безсильна противъ скопинскаго сатрапа въ ту пору, когда о городскомъ самоуправленіи и привилегированномъ положеніи его служителей не могло быть и рѣчи. Г. Рыковъ знать не хотѣлъ никакой уѣздной власти. Однако бывшій въ ту пору губернаторомъ въ Рязани г. Муравьевъ, при самомъ своемъ вступленіи, значительно осадилъ широко въ воздухѣ парившаго орла-голову и тѣмъ положилъ начало другой политикѣ со стороны этого ловкаго человѣка: г. Рыковъ началъ льстить уѣздной администраціи и до такой степени унижаться, что, напримѣръ, едва не подавалъ шинель и калоши исправнику. Къ тому же г. Рыковъ попалъ подъ судъ за превышеніе власти: онъ самолично распорядился срубить вѣковую городскую рощу, въ которой скопинцы находили себѣ пріютъ и развлеченіе, какъ въ единственномъ мѣстѣ общественнаго гулянья».

Въ то же время онъ ужъ широкою рукой черпалъ изъ кассы банка и былъ долженъ туда до двухъ милліоновъ, затративъ ихъ на неудачные поиски угля. Тогда онъ тщательно сталъ заботиться о подборѣ должностныхъ лицъ, «чтобы обезопасить себя отъ всевозможныхъ враговъ,—въ одномъ онъ заискиваетъ, другому платитъ субсидію, для третьяго онъ хлопочетъ о награжденіи его «монаршей милостью», четвертому дѣлаетъ черезъ край свободный кредитъ въ банкѣ... Въ это время не бралъ въ банкѣ лишь тотъ, кто не зналъ Рыкова. Купечество, не знавшее прежде прелести займовъ, выдавало уже банку векселя на цѣлые полумилліоны. Въ городѣ, какъ изъ земли, сразу появились

богачи, различные Пересыпкины, Сафоновы, Князевы и т. п. Въ то время, когда изъ сундука этого общественнаго банка то и дѣло вынимались руки съ кредитными, директоръ для пополненія его придумалъ слѣдующую хитрость: онъ увеличилъ размѣръ процента на вклады и чуть не каждый мѣсяцъ сталъ печатать въ первоклассныхъ газетахъ объявленія, что скопинскій банкъ имѣетъ столько-то основного капитала, платитъ такіе-то прецепты и обезпечиваетъ вклады тѣмъ-то».

Отцы-игумены, матери-игуменьи, патроны и патронессы разныхъ благотворительныхъ учрежденій, благочинные и старосты, соблазненные высокимъ процентомъ, съ большимъ рвеніемъ устремились въ Скопинъ, чтобы принести къ ногамъ всемогущаго сатрапа монастырскіе и церковные капиталы, а по попутности и свои сбереженія... Стекалась дань со всѣхъ сторонъ: и отъ земскихъ, и отъ казенныхъ учрежденій, и отъ частныхъ лицъ.

Русскій набобъ принималъ всѣ эти дани и скоро уничтожалъ ихъ. Расходы были громадные. Надо было платить высокіе проценты по вкладамъ, надо было «кредитовать» вліятельныхъ лицъ, платить громадное жалованье служащимъ въ банкѣ за «молчаніе» — наконецъ поддерживать пышный антуражъ набоба. А полученій ни откуда. Эти кредиторы банка, долгъ которыхъ показывался въ отчетахъ милліонной наличностью, были такъ же воздушны, какъ испанскіе зàмки. Чиновники-«кредиторы», занявшія немалыя суммы, по предложенію Рыкова, были безнадежны, если-бъ даже и не держались своеобразныхъ понятій о кредитѣ. Займы давно были прожиты, и съ этихъ кредиторовъ возможно было бы развѣ взять нѣсколько паръ пиджаковъ и панталонъ. Скопинцы-купцы, черпавшіе, по примѣру Рыкова, на «процвѣтаніе торговли», тоже не имѣли намѣренія платить, когда можно было не дѣлать этой «глупости»; они переписывали векселя, изъ любезности иногда платили проценты и, на всякій случай, переводили недвижимость на имя своихъ супругъ... Банкъ шатался, и не въ одномъ только Скопинѣ знали объ этомъ... Вѣроятно, объ этомъ знали и скопинскія власти, знали, но...

Но развѣ русскій читатель не знаетъ, что мы, въ качествѣ «перваго народа въ мірѣ», отличаемся замѣчательной способностью проявлять всесокрушающую дѣятельность, когда ея бы и не нужно, опекать до того, что опекаемый молитъ о пощадѣ, усматривать то, что̀ можно было бы не наблюдать, и бездѣйствуемъ, не оказываемъ защиты и не видимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда все это требуется... Эта черта, конечно, не чужда и нѣкоторымъ агентамъ, разумѣется, въ незначительныхъ чинахъ (не выше статскаго совѣтника). Происходитъ ли это отъ чрезмѣрной дѣятельности и усердія—рѣшить достовѣрно не могу, но знаю, что усердіе ихъ нерѣдко конфузитъ само начальство. Недаромъ же многіе опытные администраторы жалуются, что у насъ усердныхъ людей много, а сообразительныхъ мало, и недоумѣваютъ,

отчего это происходитъ: отъ того ли, что мало у нихъ правъ, или отъ того, что много?

Въ самомъ дѣлѣ: появится въ захолустьѣ комета, и тотчасъ же сообщается о томъ на благоусмотрѣніе начальства; пріѣдетъ въ захолустье какой-нибудь французъ Henri Farino—недоумѣніе, и о «Ганри-Анре Альбертовѣ, сынѣ Хвариновѣ» составляется протоколъ, какъ это было въ Клинцахъ нынѣшнимъ лѣтомъ; произойдетъ «скоропостижная смерть» курицы — переписка... Однимъ словомъ, такое усердіе, что путешественнику по Россіи надо всегда разсчитывать на «недоразумѣнія», происходящія, по большей части, безъ всякаго предвзятаго намѣренія...

III.

Мы оставили Рыкова наканунѣ краха.

Ужъ слухи объ этомъ проникли въ печать, ужъ многіе вкладчики, не получившіе никакого отвѣта на просьбы о возвратѣ вкладовъ, начинали волноваться, а Рыковъ между тѣмъ печаталъ отъ имени правленія категорическія опроверженія и не безъ достоинства порицалъ газетные слухи. Наконецъ, когда фактъ расхищенія огласился и сдѣлался «злобой дня», когда телеграфъ разнесъ извѣстіе о немъ по всѣмъ угламъ Россіи,—дрогнули и всѣ эти отцы-настоятели и матери-игуменьи и изо всѣхъ концовъ имперіи стали съѣзжаться въ Скопинъ. Съѣздъ этотъ, по словамъ корреспондента «Орловскаго Вѣстника», напоминалъ «древніе вселенскіе соборы: духовенства собралось до 800 человѣкъ». Въ это время въ городѣ господствовала необыкновенная сумятица. Аборигены, боясь описи, вывозили имущество и мебель въ уѣздъ. Всѣ амбары съ запасами зерна были очищены дочиста. Проклятія носились въ воздухѣ противъ того самаго Ивана Гавриловича, который еще вчера былъ «царькомъ» Скопина. Масса прибывшихъ кредиторовъ, среди которыхъ выдѣлялись рясы, толпилась на улицахъ; многіе не находили мѣста въ гостиницахъ и частныхъ домахъ, гдѣ за помѣщеніе брали громадныя деньги, и ждали открытія дверей гостепріимнаго прежде банка. На улицѣ ругательства, вопли, стоны, плачъ стояли въ воздухѣ. Почтенные духовные отцы, съ трепетомъ входившіе, бывало, въ святилище рыковскаго кабинета для взноса даней, теперь, забывъ заповѣди о терпѣніи и прощеніи, которыя они столь часто проповѣдывали прихожанамъ,—разражались проклятіями и звали на помощь прокурора и полицію. Въ толпѣ ходила стоустая молва по случаю того, что *самъ* Рыковъ еще не арестованъ. А бывшій сатрапъ заперся въ своемъ скопинскомъ «дворцѣ» и не принималъ никого. Благочестивый по наружности, какъ и всѣ большіе русскіе плуты, онъ даже въ совѣтахъ духовныхъ лицъ не могъ бы найти утѣшенія, такъ какъ обобралъ все духовенство.

Повторилась старая, какъ міръ, исторія. Мѣстный набобъ рухнулъ

сразу—и всѣ отъ него отвернулись, даже и тѣ, которымъ придется, быть-можетъ, провести съ нимъ непріятныя четверть часа въ судѣ въ качествѣ свидѣтелей по званію негласныхъ «кредиторовъ»... «Иванъ Гаврилычъ», нашъ «знаменитый финансистъ», «истинно-русскій человѣкъ, показавшій всю силу русскаго здраваго смысла» (такъ привѣтствовали его на банкетахъ въ оны времена губернскіе Цицероны послѣ того, какъ кредитовались засаленными пачками «монастырскихъ бумажекъ») вдругъ обратился въ устахъ тѣхъ же господъ въ мошенника и плута, въ злодѣя, которому нѣтъ мѣста на божьемъ свѣтѣ... Они, конечно, легкомысленныя жертвы, не подозрѣвавшія, что Рыковъ могъ свершать такія пакости, и думавшія, что онъ открывалъ имъ «кредитъ» просто ради ихъ «прекрасныхъ глазъ».

Одинъ изъ посѣтившихъ Скопинъ за нѣсколько недѣль до самаго разгрома сообщаетъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующія подробности:

«Пріѣхали мы вечеромъ,—пишетъ онъ: —въ Скопинъ вмѣстѣ съ однимъ знакомымъ, который имѣлъ несчастіе положить въ скопинскій банкъ 40.000 р. и желалъ получить свои деньги. Всѣ гостиницы были переполнены, и намъ пришлось за грязную, маленькую комнату, полную насѣкомыхъ, платить по шести рублей въ сутки. На другой день утромъ отправились въ банкъ и просимъ выдачи вклада... Насъ приняли очень любезно—въ банкѣ народъ все обходительный—и просили обождать.—«Безъ директора нельзя ничего сдѣлать».—«Можно его видѣть?»—«Нельзя-съ. Они нездоровы и никого не принимаютъ». Однако, послѣ переговоровъ, обѣщали доложить директору, и черезъ четверть часа насъ просили пожаловать къ нему на квартиру. Мы пришли въ настоящее палаццо, у дверей котораго стоялъ швейцаръ въ красной ливреѣ.—«Не принимаютъ!» встрѣтилъ онъ насъ... Опять пришлось посылать наши карточки, и наконецъ насъ впустили. Широкая лѣстница, тропическіе цвѣты; въ комнатахъ роскошь обстановки, дорогія вазы, картины, бронза—словомъ, настоящее жилище сатрапа... Опять камердинеръ понесъ наши карточки, и черезъ нѣсколько минутъ въ гостиной появился плюгавый на видъ старичокъ и любезнѣйшимъ тономъ спросилъ, что намъ угодно. Мы объяснили, въ чемъ дѣло, и тогда Рыковъ преважно сказалъ: «Благодаря газетчикамъ, *мой* банкъ немного пошатнулся... Но въ Петербургѣ мнѣ обѣщали поддержку, и я нахожу, что всѣ эти глупыя выдумки газетъ не имѣютъ ни малѣйшаго основанія... Не угодно ли, господа, закусить... кстати и время... Мы тамъ удобнѣе переговоримъ».

«Въ большой, роскошной столовой стоялъ столъ, установленный всѣми возможными закусками, блюдами и бутылками. Мы сѣли за столъ, и Рыковъ снова сталъ говорить о газетахъ, удивлялся, какъ правительство позволяетъ печатать слухи, подрывающіе такое солидное учрежденіе, извѣстное всей Россіи, и расхваливалъ дѣла банка...

«Мы удивлялись этому нахальству — особенно тону, которымъ

этотъ полуграмотный купецъ говорилъ о газетахъ, но не противорѣчили. Очень ужъ хотѣлось товарищу моему получить деньги. Когда заговорили о дѣлѣ, Рыковъ прямо сказалъ, что всего вклада выдать онъ въ настоящую минуту не можетъ, но часть, этакъ тысячи три, онъ готовъ. Мой товарищъ не соглашался. «Напрасно»,—промолвилъ Рыковъ, и перемѣнилъ разговоръ. Однако въ концѣ концовъ рѣшили мы взять хоть четыре тысячи. Рыковъ далъ намъ записку, и мы пошли въ банкъ... Тамъ, въ пріемной комнатѣ, была такая сцена: старая дама, какъ потомъ оказалось, помѣщица изъ Воронежской губерніи, сидѣла въ залѣ и голосила на все помѣщеніе. Напрасно чиновники банка старались ее успокоить, напрасно просили ее придти завтра. Она упорно, какъ видно, рѣшилась донять банкъ своимъ отчаяннымъ крикомъ. Выла она при насъ четверть часа, да безъ насъ, говорили, по крайней мѣрѣ полчаса. Тогда съ ней вступили-было въ компромиссъ; предлагали вмѣсто 7 тысячъ, которыя она вложила въ банкъ, получить 3... Она мотала головой и пуще голосила. Предлагали 4, 5, наконецъ 6 тысячъ... Но она затыкала уши и снова подымала такой вой, что хоть святыхъ уноси... «Однако терпѣливая женщина!» — подумалъ я, ожидая, чѣмъ кончится эта исторія. Весь банкъ былъ въ смущеніи. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите положеніе: сидитъ старуха и воетъ, заливаясь слезами и приговаривая разныя нелестныя замѣчанія о Рыковѣ. Послали за инструкціей къ Рыкову, и скоро вышелъ приказъ: выдать все сполна. Когда ей объявили, что ей выдадутъ деньги, она все-таки продолжала голосить и, только получивши всѣ свои 7 тысячъ, вдругъ преобразилась. Лицо ея сіяло добродушной улыбкой, и она, какъ ни въ чемъ не бывало, стала разспрашивать насъ, въ которомъ часу идетъ поѣздъ изъ Скопина.—«Вѣдь я,—добавила она:—здѣсь пять дней живу, и только сегодня получила деньги». Потомъ служащіе разсказали, что она каждый день приходила въ правленіе и голосила»...

Черезъ нѣсколько недѣль ужъ никакіе вопли не могли бы заставить банкъ заплатить. Онъ былъ закрытъ, и Рыковъ посаженъ въ тюрьму. Впереди предстоитъ вопросъ, по скольку могутъ получить вкладчики отъ продажи имущества, принадлежащаго городу...

«Моск. Вѣд.» предлагали уже очень недурную комбинацію вознаградить «вдовъ и сиротъ» и жалобно пропѣли на этотъ мотивъ цѣлую передовую статью, включая, вѣроятно, по забывчивости, въ число «вдовъ и сиротъ» богатые монастыри и церкви. Комбинація ихъ проста до святости. Уплатить должно, видите ли, за всѣ пакости Рыкова и попустителей государственное казначейство или, говоря проще,— народъ, который при всякихъ случаяхъ является «туркой», надъ которымъ только лѣнивый не пробуетъ силы... Очень ужъ это даже наивно и со стороны «Московскихъ Вѣдомостей». Разные проходимцы будутъ расхищать чужое добро, а народъ плати! И какая, подумаешь,

трогательная забота о монастыряхъ, то-бишь о «вдовицахъ и сиротахъ». Когда нужно дѣйствительно пособить тому же народу—газета ни гу-гу, а тутъ откуда взялся и минорный тонъ, и нравственныя задачи, и все такое... И все это ради пополненія кассъ монастырей, начальство которыхъ, собственно говоря, должно еще подлежать отвѣтственности, что не исполняло циркуляра оберъ-прокурора...

Большіе шутники господа «Московскія Вѣдомости». Но есть шутки которыя не далеки отъ большой... нечистоплотности.

Впереди предстоитъ процессъ. Какую прелестную рѣчь могъ бы сказать адвокатъ по поводу этого дѣла... Какая бы ужасающая картина могла развернуться передъ присяжными, если-бъ онъ могъ во всей наготѣ обнажить почву, на которой растутъ такіе пышные цвѣты хищенія.

Но онъ такой рѣчи не скажетъ, во-первыхъ, потому, что возьметъ съ Рыкова кушъ, а во-вторыхъ, если бы и нашелся безсребренный адвокатъ, то не скажетъ всего того, что̀ слѣдовало бы сказать, — потому, что его могутъ остановить за уклоненіе отъ существа дѣла. А дѣло, пожалуй, что больше въ причинахъ, чѣмъ въ существѣ!

1883—1895 гг.

Хищенія.

I.

Эти, поистинѣ, чудовищныя хищенія и растраты, эти, наивные по своей простотѣ, подлоги и недочеты, эта невозможная халатность веденія дѣлъ рядомъ со слѣпотой контроля и безшабашностью произвола разныхъ воротилъ, являющіеся, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, предметомъ разбирательства окружныхъ судовъ, — въ настоящее время не только не волнуютъ никого, но даже не обращаютъ на себя большого вниманія. Къ этому явленію, которое заставило бы ужаснуться иностранца, привыкли, какъ привыкаютъ къ хронической болѣзни. Оно стало какъ бы неизбѣжнымъ условіемъ нашего общежитія, какъ бы одною изъ его несложныхъ формъ.

Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ мы присутствуемъ при этой вакханаліи грабежа во всѣхъ его видахъ. Грандіозная цифра расхищеннаго только за пять лѣтъ, сообщенная не такъ давно одной газетой, даетъ лишь слабое понятіе о дѣйствительномъ хищеніи, потому что не всѣ же дѣла попадаютъ въ окружные суды и становятся достояніемъ гласности. Мало ли грандіозныхъ «дѣлъ» — не говорю уже о дѣлишкахъ—осталось въ безвѣстности, мало ли лицъ, избѣжавшихъ, по тѣмъ или другимъ «уважительнымъ» причинамъ, судебной залы?

Пятнадцать лѣтъ безостановочно продолжается этотъ процессъ, не представляющійся, пожалуй, намъ, современникамъ, тѣмъ зловѣщимъ признакомъ болѣзни общественнаго организма, какимъ онъ явится у будущаго историка и займетъ свое мѣсто—и мѣсто очень почетное—среди другихъ, не менѣе характерныхъ признаковъ деморализаціи.

Пятнадцать лѣтъ подъ рядъ, какъ прокуроры распинаются, когда счастливый случай приведетъ въ ихъ объятія какого-нибудь болѣе легкомысленнаго и неосторожнаго, крупнаго расхитителя или — что случается чаще — какихъ-нибудь второстепенныхъ музыкантовъ,

игравшихъ свои партіи по мановенію палочки капельмейстера, — и пресерьезно увѣряютъ, горячатся и доказываютъ, что хищеніе прекратится, когда невольные гости окружнаго суда со скамьи подсудимыхъ отправятся на жительство въ мѣста, отстоящія на 2.000 верстъ отъ столицы, которыя безъ всякой ироніи называются не столь отдаленными... Горячія и эффектныя рѣчи прокуроровъ и адвокатовъ за это время заняли бы нѣсколько десятковъ томовъ мелкой печати; не менѣе томовъ заняли бы и газетныя статьи, написанныя по этому поводу... Тысячи посѣтителей перебывали на этихъ судебныхъ представленіяхъ и наглядно видѣли, какъ наказывается иногда порокъ; этотъ самый «порокъ», въ лицѣ осужденныхъ, отправлялся на «новыя мѣста», не теряя надежды, впрочемъ, что Богъ не безъ милости; и что можно вернуться если не въ Петербургъ, то въ Царское Село, а хищеніе — продолжаетъ свое дѣло, какъ ни въ чемъ не бывало, словно подсмѣиваясь надъ всѣми этими палліативными мѣрами, надъ всѣми этими перлами краснорѣчія, и конца процессамъ о растратахъ не видать...

Только-что окончилось дѣло взаимнаго кредита, какъ ужъ скоро предстоитъ любоваться дѣломъ о растратахъ въ кронштадтскомъ банкѣ и началось дѣло о злоупотребленіяхъ и подлогахъ въ корочанскомъ общественномъ банкѣ.

О хищеніяхъ теперь даже и не говорятъ, какъ говорили прежде, когда эти дѣла благодаря новымъ судамъ выплыли на свѣтъ, а если и говорятъ, то въ такомъ только случаѣ, если цифра перевалитъ за милліонъ, или если на скамью подсудимыхъ попадетъ какой-нибудь еще «вчера» вполнѣ «уважаемый и безкорыстный дѣятель», къ которому считалъ бы за честь попасть на обѣдъ или на вечеръ тотъ самый прокуроръ, который «сегодня» мечетъ въ него громы и молніи (впрочемъ, лѣнивѣе прежняго; громы и молніи отъ долгаго употребленія притупляются), хотя ни для кого не было секретомъ, что какъ «вчера», такъ и «сегодня» этотъ «уважаемый и почтенный дѣятель» былъ все тотъ же заматорѣлый и ловкій мошенникъ. Но «вчера» онъ не попался и слѣдовательно былъ еще «порядочнымъ» человѣкомъ, у котораго можно было занять денегъ, получить мѣсто и протекцію, а «сегодня»... Сегодня... «Господа присяжные! Вы видите здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ, человѣка, который расхитилъ ввѣренные ему капиталы... Онъ занималъ высокое положеніе въ обществѣ, онъ былъ на верху почестей и извѣстности, и тѣмъ не менѣе не постыдился совершить дѣянія, предусмотрѣнныя 1785, 2154 и 3125 ст. уложенія о наказаніяхъ. Старецъ, убѣленный сѣдинами, казалось бы умудренный опытомъ,— онъ забылъ Бога, совѣсть и законъ и расточалъ ввѣренные ему капиталы несчастныхъ вдовъ и сиротъ, задавалъ лукулловскіе пиры, ведя жизнь, полную роскоши и соблазна; удовлетворяя сластолюбивымъ своимъ наклонностямъ, онъ держалъ трехъ любовницъ разомъ—француженку, англичанку и русскую, а это, гг. присяжные, стоитъ немало.

Тѣмъ съ большей строгостью должны мы отнестись къ этому расхитителю, чѣмъ выше онъ былъ поставленъ... Воззрите отсюда на этихъ бѣдныхъ, сирыхъ, ограбленныхъ вдовъ... И потому, на основаніи 1785, 2852 и 3152 статей, я прошу, я требую, во имя общественной справедливости, осужденія этого преступнаго человѣка. Осудивъ его, вы очистите атмосферу, и безъ того уже зараженную хищеніемъ... Изгнавъ изъ среды своей порочнаго члена, вы покажете примѣръ, какъ наказуются у насъ даже такія высокопоставленныя лица, какъ подсудимый, и примѣромъ этимъ вы наведете страхъ на другихъ хищниковъ. Они вострепещутъ, и хищеніе не будетъ болѣе позорить нашу общественную жизнь».

Такъ или почти такъ, а если не такъ, то въ подобномъ духѣ говорятъ обыкновенно обвинители, залѣзая, по принятому обыкновенію, для психическаго анализа, съ сапогами въ самую душу обвиняемаго и копаясь тамъ съ какимъ-то особеннымъ сладострастіемъ и тѣмъ безцеремоннѣе, чѣмъ смирнѣе и стыдливѣе субъектъ, надъ которымъ они пробуютъ свое краснорѣчіе. Особливо краснорѣчіе это усугубляется въ такихъ дѣлахъ, гдѣ подсудимый не всегда имѣетъ возможность что-нибудь сказать безъ риска тотчасъ же быть остановленнымъ... При обвиненіяхъ вчерашняго «уважаемаго дѣятеля» этотъ «психическій анализъ» бываетъ, конечно, болѣе тонокъ, но, Боже ты мой, какъ изощряются они, прокуроры, иногда—особенно изъ молодыхъ, по раннихъ—когда передъ ними стоитъ самый обыкновенный уличный воръ, и если вдобавокъ въ трибунѣ для посѣтителей сидитъ «очаровательная брюнетка» - слушательница, впившаяся глазами въ современнаго «душку прокурора», столь не похожаго на прежній типъ дореформеннаго прокурора, о которомъ говорилъ Собакевичъ.

Этотъ старецъ, «убѣленный сѣдинами», совершившій дѣянія, предусмотрѣнныя не только статьями, перечисленными г. прокуроромъ, но, быть-можетъ, — если покопаться поглубже, — виноватый по всѣмъ статьямъ уложенія, — этотъ старецъ, говорю я, въ отвѣтъ на филиппики, могъ бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не безъ нѣкотораго основанія, бросить въ глаза обвинителю:

— Ахъ, прокуроръ, прокуроръ! Какая муха укусила тебя, что ты такъ порочишь теперь меня. Вѣдь ты самъ, милый мой, пошелъ бы ко мнѣ за 15.000 въ члены правленія и молчалъ бы, пока я грабилъ бы кассу... А теперь ты же распинаешься!.. Не ты ли и всѣ вы вчера считали за честь, если я протягивалъ вамъ руку, а теперь...

Но, разумѣется, такой реплики никто не подаетъ,—мѣсто суда священно,—хотя такая реплика чуется въ глубинѣ души многихъ, присутствующихъ на судебныхъ процессахъ, и въ результатѣ выходитъ нѣчто странное и лицемѣрное... Паѳосъ многихъ рѣчей очень часто кажется подозрительнымъ, имѣющимъ въ основаніи либо «дальнѣйшій ходъ», либо крупный кушъ, или же, въ лучшемъ случаѣ, усердіемъ

не по разуму, стрѣляніемъ по пустому мѣсту, безплоднымъ исканіемъ «вчерашняго дня» и сожалѣніемъ о «прошлогоднемъ снѣгѣ»...

Не такія рѣчи могли бы говорить гг. прокуроры и гг. адвокаты; но если-бъ они могли говорить *иныя* рѣчи, то развѣ первые были бы хорошими прокурорами, и нашли ли бы себѣ не только хорошій кусъ, а просто даже кусокъ хлѣба вторые? А главное, едва были бы такъ часты поводы—говорить такія рѣчи.

II.

Дѣло взаимнаго кредита прошло не только безъ помпы, но даже тихо, совсѣмъ тихо... Публика не рвалась, словно бы чувствуя, что ничего особенно любопытнаго и поучительнаго она не увидитъ въ судѣ, кромѣ тринадцати второстепенныхъ дѣльцовъ взаимнаго кредита, принесенныхъ на алтарь правосудія, и скучнѣйшаго, давно всѣмъ извѣстнаго, нескончаемаго разбирательства о переборахъ, о вопіющей халатности веденія дѣлъ и т. п. Что за охота слушать оперу, исполняемую одними комримаріями, а всѣ эти тринадцать подсудимыхъ, всѣ эти «жертвы» порядковъ взаимнаго кредита, въ самомъ дѣлѣ казались комримаріями, бичевать которыхъ значило повторять всѣмъ извѣстный стихъ Некрасова... Что они виноваты, одни болѣе, другіе менѣе, что директора правленія, получая громадное жалованье, ничего не повѣряли, ни за чѣмъ не смотрѣли—въ этомъ развѣ можно сомнѣваться?.. Развѣ есть у насъ—вѣрнѣе: развѣ возможны такіе — «безпокойные» директора, которые бы совали носъ свой туда, куда суетъ только тотъ какой-нибудь Петръ Иванычъ—«геній» всякаго учрежденія, безъ котораго не обходится ни одно правленіе и который играетъ роль царька въ своей сатрапіи, давая всему тонъ—и за это получали бы по 15.000? Именно за то и получаютъ обыкновенно, чтобы ничего не знать, ничего не понимать и дѣлать то, что прикажетъ «многоуважаемый» и «многолюбимый» сатрапикъ. Такіе «члены» именно и подбираются... Вы помните въ дѣлѣ Юханцева этотъ букетъ старцевъ, членовъ правленія, изъ которыхъ младшему было отъ роду 50 лѣтъ, а старшему 68, но которые на судѣ явились такими слабоумными младенцами, наивными и довѣрчивыми, что пресерьезно объяснили, какъ при повѣркѣ кассы принимали пакеты съ обрѣзками отъ старой бумаги за цѣнныя бумаги и какъ добросовѣстно расписывались ежемѣсячно въ томъ, что все въ ихъ учрежденіи идетъ, какъ слѣдуетъ, «честно и благородно...» Эти пять старцевъ тогда много смѣшили публику, слушавшую ихъ дѣтскій лепетъ о «довѣріи» къ Юханцеву, объ «увѣренности» и прочемъ въ томъ же родѣ, мало утѣшительномъ для заемщиковъ, поручившихъ этимъ господамъ наблюденіе за дѣлами,—но за смѣхомъ открывалась и другая сторона: эти старцы, почтенные, заслуженные люди, занимавшіе мѣста не въ одномъ только правленіи земельнаго банка,—какихъ бы замѣшательствъ ни сдѣлали они, если-бъ судьба поставила ихъ во

главѣ не одного только частнаго банка? Въ какомъ положеніи находились бы зависимые отъ нихъ люди, когда каждое слово ихъ на судѣ нельзя было слушать безъ улыбки?.. Слабоуміе вѣдь не составляетъ добродѣтели.

Вмѣсто «старцевъ» — представителей спеціально землевладѣльческаго банка, основаннаго, какъ извѣстно, для поддержки крупнаго землевладѣнія, но въ дѣйствительности помогающаго, кажется, землевладѣльцамъ свершать увеселительныя поѣздки за границу,—на судѣ возсѣдали представители нашей аристократіи гостинаго двора и такъ-называемый мелкой буржуазіи. Вмѣсто дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и кавалеровъ, окончившихъ курсъ наукъ въ привилегированныхъ заведеніяхъ, сидѣли коммерціи совѣтники, почетные граждане, купцы разныхъ гильдій, мѣщане, окончившіе курсъ въ коммерческомъ училищѣ или просто за прилавкомъ гостинодворской лавки.

Увы! И «новая сила», по части веденія дѣлъ, не особенно опередила носителей принципа «бѣлой кости». Правда, «гостиный дворъ» оказался юрче и умомъ острѣе по части переборовъ («бѣлая кость» не «перебирала» ничего въ поземельномъ кредитѣ) и такой вопіющей невмѣняемости не выказалъ на судѣ, но въ халатности веденія дѣлъ и «старая» и «новая» силы сошлись, объединившись лишь полученіемъ крупныхъ кушей жалованья

Какъ тѣ, такъ и другіе—«вѣрили» и не «сомнѣвались»—одни въ Юханцевѣ, другіе—въ покойномъ Бритневѣ, какъ тѣ, такъ и другіе—сидѣли за спиной своихъ «геніевъ», какъ у Христа за пазухой, и раболѣпно слушали, что̀ имъ совѣтовали... Какъ тѣ, такъ и другіе — исправно получали большія жалованья, увѣренные, что имъ платятъ именно за то, чтобы ничего не провѣрять и ничего въ сущности не дѣлать толкомъ. Какъ въ землевладѣльческомъ банкѣ, такъ и въ банкѣ, учрежденномъ г. Ламанскимъ для развитія промышленности и торговли, въ дѣлахъ былъ полнѣйшій хаосъ, но въ первомъ бюрократическая закваска положила на все лоскъ канцелярской опрятности и видимаго благоприличія, скрывавшій отъ слѣпыхъ старцевъ юханцевскія операціи съ милліонами,—во второмъ—царила полнѣйшая «купецкая» удаль и распущенность, такъ что Бритневъ, бывшій кассиромъ, въ карманахъ носилъ куши, распоряжался въ кладовой, какъ у себя дома, и гдѣ-то завалилъ, какъ оказалось послѣ его смерти, нѣсколько десятковъ червонцевъ, отысканныхъ случайно въ столѣ между бумагами, неизвѣстно кому принадлежавшими... Въ дворянскомъ банкѣ съ бюрократической закваской было столько инструкцій, что служащіе могли потерять голову; во «взаимномъ кредитѣ» — никакихъ, если не считать клочка бумаги съ набросками «инструкцій», сдѣланныхъ г. Ламанскимъ... И тамъ и здѣсь отчеты велись «по книгамъ» вѣрно, въ то время, какъ въ кассѣ давно не было «вѣрно»... И тамъ и здѣсь

годовыя собранія устраивались по мановенію волшебнаго жезла вдохновителей, и тамъ и здѣсь въ правящіе выбирались «спокойные» и насчетъ дѣла беззаботные персонажи... И тамъ и здѣсь въ результатѣ оказалось хищеніе, при чемъ въ первомъ оно обнаружилось случайно, а во второмъ—почти всѣ знали, что дѣло неладно, что многіе векселя безнадежны, что кредитуются лица завѣдомо неблагонадежныя, но «старѣйшины» молчали, пока наконецъ молчать уже нельзя было. Словомъ, если приводить аналогію дальше, то въ результатѣ окажутся признаки одного и того же грабежа; въ одномъ случаѣ—при бюрократическомъ благоприличіи, въ другомъ—при отсутствіи слишкомъ стѣснительныхъ формъ дѣлопроизводства.

Они сидѣли, эти подсудимые, и слушали цѣлый длинный рядъ дней всѣ эти подробности о переборахъ, о фальшивыхъ записяхъ, о подлогахъ, о той легкости, съ которой можно было каждому сдѣлать—по счастливому выраженію князя Урусова—«позаимствованіе» изъ кассы, и, смѣю думать, многимъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ, тутъ на судѣ въ первый разъ пришлось познакомиться съ настоящими порядками веденія дѣлъ...

Немного «оживленія» внесли и свидѣтельскія показанія, хотя нѣкоторые свидѣтели, надо думать, чувствовали себя и не совсѣмъ хорошо въ своей роли свидѣтелей. Во всякомъ случаѣ, для нѣкоторыхъ пришлось провести не одинъ мучительный «quart d'heure de Rablais» и отвѣчать на допросы объ обязанностяхъ, внутренно краснѣя за свои отвѣты.

Разсчитывали, что показанія г. Ламанскаго—этого весьма важнаго свидѣтеля и знатока дѣлъ основаннаго имъ учрежденія—будутъ интересны и прольютъ нѣкоторый свѣтъ на причину такихъ вопіющихъ безпорядковъ, но тѣ, которые разсчитывали на это, очень ошиблись. Адвокаты хвалились, что сумѣютъ заставить говорить этого, несомнѣнно важнаго свидѣтеля, но... синица моря не зажгла, а сама со срамомъ удалилась... Когда свидѣтель началъ свои показанія, многимъ показалось (быть-можетъ, только показалось), что голосъ его дрогнулъ, но когда онъ увидѣлъ, съ какими противниками имѣетъ дѣло, онъ, человѣкъ несомнѣнно умный и знающій банковское дѣло досконально,—когда услыхалъ наивные вопросы адвокатовъ, онъ поправилъ только пенсне на своемъ характерномъ носу, видавшемъ на своемъ вѣку всякіе виды, и могъ повторить, спеціально обращаясь къ адвокатамъ, то, что говорилъ, обращаясь ко всѣмъ, 25 лѣтъ тому назадъ, что мы еще не созрѣли. Да, противники его передъ нимъ были несозрѣвшіе ребята, а онъ каждымъ словомъ, каждымъ жестомъ своимъ представлялъ вполнѣ созрѣвшаго человѣка для того, чтобы объяснить на судѣ, какое благодѣтельное учрежденіе было общество взаимнаго кредита, какъ оно оживило и подняло торговлю, а что если были безпорядки, то въ нихъ виноваты правленіе и бухгалтеръ. Что касается самого свидѣтеля, то

онъ не разъ указывалъ на необходимость правильнаго веденія дѣлъ, хотя онъ инструкціи и не давалъ, но счетоводство въ взаимномъ кредитѣ велось по примѣру государственнаго банка, и счетоводство, по мнѣнію свидѣтеля, не имѣло недостатка; если растраты, производившіяся въ теченіе многихъ лѣтъ, оставались незамѣченными, то не вслѣдствіе недостатка отчетности, а вслѣдствіе недостатка контроля... Съ чьей стороны недоставало контроля—свидѣтель сказать не можетъ, но смѣло можетъ заявить, что виновато правленіе, а не совѣтъ...

Однимъ словомъ, показанія этого свидѣтеля никакого «свѣта» не пролили, и ничего новаго на судѣ не выяснилось...

Да и можно ли все выяснить—это еще вопросъ. Иногда «выяснить» вполнѣ дѣло, даже при желаніи прокурора, такъ же затруднительно, какъ затруднительно, я думаю, многимъ такъ-называемымъ «уважаемымъ» дѣятелямъ выяснить съ откровенностью: отъ какихъ трудовъ праведныхъ они нажили въ короткое время милліоны?

Да не подумаетъ наивный читатель, что затруднительность такого объясненія имѣетъ что-либо общее съ какой-нибудь формой грубаго хищенія, въ родѣ выемки кассы, подлога или чего-нибудь подобнаго... Сохрани Богъ! На такія грубыя продѣлки идутъ люди, которые еще не созрѣли и у которыхъ нѣтъ подъ руками другихъ средствъ. Опытные и осторожные дѣльцы не пойдутъ на такой рискъ, да имъ и не нужно рисковать. Есть положенія, когда безъ всякаго риска и безъ всякой опаски познакомиться съ прокуроромъ можно не забыть себя; есть много дѣяній, хотя и не предусмотрѣнныхъ никакими статьями, тѣмъ не менѣе на обыкновенномъ языкѣ и по обыкновеннымъ понятіямъ онѣ считаются—выражаясь деликатно—совсѣмъ предосудительными.

Напримѣръ, представьте себѣ такой случай. Я управляю, положимъ, частнымъ банкомъ и въ качествѣ такого лица, зная хорошо настроеніе биржи, играю деньгами банка въ свою пользу... На языкѣ дѣльцовъ это, быть-можетъ, и называется «воспользоваться положеніемъ», но на простомъ языкѣ такая игра называется иначе... Людей, играющихъ въ карты навѣрняка, иногда бьютъ, а джентльменовъ, играющихъ чужими деньгами, называютъ «уважаемыми» и почтенными дѣятелями... Въ этомъ только и разница.

III.

Длинное, томительное и, какъ кажется, надоѣвшее рѣшительно всѣмъ, судебное слѣдствіе наконецъ закончено. Господинъ прокуроръ, натурально, въ пространной рѣчи доказывалъ виновность подсудимыхъ и требовалъ, во имя правды и справедливости, строгаго наказанія, для примѣра прочимъ, разсчитывая, быть-можетъ, что зрѣлище наказанныхъ произведетъ на избѣжавшихъ скамьи подсудимыхъ такое же хорошее педагогическое воздѣйствіе, какъ порка въ старину двороваго мальчишки за проступокъ барченка. Господа адвокаты, въ свою оче-

редь, разумѣется, доказывали полную невинность подсудимыхъ (кромѣ тѣхъ, конечно, которые сознались, что виноваты) и, во имя той же бѣдной правды и обтрепанной справедливости, требовали отпустить подсудимыхъ на всѣ четыре стороны. Такимъ образомъ подсудимые, по прокурорской рѣчи, являлись такими черными воронами, какихъ земля не носила, а по рѣчамъ адвокатовъ—такими невинными голубицами, какихъ еще міръ не видалъ...

Присяжные вынесли обвинительный приговоръ. Правосудіе удовлетворено. Обвиненные приговорены къ болѣе или менѣе тяжкимъ наказаніямъ и разъѣдутся по болѣе или менѣе отдаленнымъ мѣстамъ. Тѣмъ дѣло и кончится, но хищеніе отъ этого, конечно, не кончится, какъ не кончится и халатное веденіе дѣлъ. Мало того, я увѣренъ, что посади одного изъ тѣхъ же самыхъ обвиненныхъ директоровъ правленія снова въ директоры и дай ему 25.000 р. жалованья—онъ снова будетъ «довѣрять» и подписывать отчеты не читая, ревизировать не провѣряя, пока какой-нибудь новый «теплый парень», въ родѣ покойнаго Бритнева или Касаткина, не разграбитъ кассы и не заставитъ этихъ директоровъ разинуть въ изумленіи рты...

А что же смотрѣлъ бухгалтеръ? спроситъ, быть-можетъ, читатель. Ахъ, оставимъ въ покоѣ бухгалтера. Онъ, въ качествѣ свидѣтеля, и безъ того провелъ немало тяжкихъ часовъ на судѣ. Лично безусловно честный, стоящій выше всякихъ подозрѣній, не имѣющій ничего общаго съ той сворой дѣльцовъ, въ среду которыхъ забросила его судьба, онъ однако съ спокойствіемъ философа Сенеки закрывалъ глаза на все, что дѣлалось вокругъ. Онъ тоже «вѣрилъ» и вѣрилъ гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало бы опытному бухгалтеру. Изъ его показаній оказалось, что онъ довѣрялъ записямъ своихъ помощниковъ (одинъ изъ нихъ сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ и обвинялся въ подлогахъ) и, на основаніи этихъ записей, велъ книги. Зналъ ли онъ или не зналъ, или просто хотѣлъ не знать, что творилось вокругъ,—это осталось тайной самого бухгалтера, но что ни для кого не тайна—и, вѣроятно, для самого свидѣтеля—это то, что онъ исполнялъ свои обязанности не такъ, какъ слѣдовало. Овому талантъ, овому два.

IV.

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ о хищеніяхъ и растратахъ, занимающихъ суды въ теченіе долгихъ лѣтъ, замѣчается одна, общая имъ всѣмъ, типическая черта весьма характернаго свойства—это непремѣнное присутствіе въ учрежденіи «царька», какого-нибудь всѣми уважаемаго и почитаемаго дѣятеля, который обыкновенно и ворочаетъ всѣми дѣлами безконтрольно, завоевывая себѣ права неограниченнаго владыки—это нѣчто въ родѣ Созона Исоича въ разсказѣ г. Эртеля. Чаще всего этими «царьками» бываютъ ловкіе джентльмены, пройдохи новѣйшаго типа, узурпирующіе власть ради большаго удобства достиженія свое-

корыстныхъ цѣлей. Случается—хотя рѣже, что въ такіе «сатрапы» попадаютъ и люди, относительно честные, но не отличающіеся административными способностями, словомъ, по большей части или плутъ, или дуракъ стоятъ на стражѣ интересовъ того бараньяго стада, которое иначе называется общими собраніями.

Не надо забывать при этомъ среды, дающей намъ контингентъ дѣльцовъ—это тотъ конгломератъ всевозможныхъ профессій и состояній, который образовался на нашихъ глазахъ немного спустя послѣ освобожденія крестьянъ, когда погоня за концессіями, за всякаго рода учредительствомъ, когда нажива во что бы то ни стало обратилась въ какую-то бѣшеную сатурналію, смѣшавъ въ своемъ вихрѣ потомка промотавшагося Аскольдовича съ проходимцемъ-евреемъ, знавшимъ, гдѣ зимуютъ раки и какъ ихъ доставать оттуда; генерала не у дѣлъ съ матерымъ русскимъ плутомъ изъ крестьянъ, еще не мечтавшимъ о чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но запустившаго уже свои алчные глаза на эту самую даму французскаго происхожденія—Концессію. Вы помните, конечно, что̀ происходило тогда, подъ веселый говоръ объ оживленіи торговли и промышленности? Вы помните, разумѣется, какое «оживленіе» внесла въ общество эта бѣшеная сатурналія легальнаго и нелегальнаго грабежа и хищенія. Старая старуха, наша исконная Взятка, свивши себѣ гнѣздо на Руси еще со временъ Гостомысла, должна была удалиться со срамомъ подъ побѣдоноснымъ напоромъ новыхъ «силъ», которыя подъ именемъ промессъ, комиссій, паевъ и т. п. сулили несравненно бо̀льшія блага, чѣмъ могла дать наша старинная спутница всѣхъ дѣлъ... И старушка убѣжала изъ столицъ въ захолустья, гдѣ и понынѣ, вѣроятно, влачитъ свое печальное существованіе, какъ вышедшая изъ моды куртизанка, съ жадностью взирая издалека на пришельцевъ. Сатурналія достигла своего апогея. Грабилось все, что̀ было возможно; не останавливаясь ни передъ чѣмъ, ни передъ движимостью ни передъ недвижимостью—все шло въ прокъ; грабились уфимскія земли, пріобрѣтались заповѣдныя имѣнія, грабились банки, растрачивали суммы въ земскихъ управахъ, въ городскихъ обществахъ, въ казенныхъ учрежденіяхъ. Идеаломъ въ доминирующей части общества была нажива во что бы то ни стало. Когда объявлена была война — вы помните, какая масса желающихъ нашлась грабить солдата и казну? Какая смѣсь племенъ, партій, состояній стремилась туда, за Дунай, wo die Zitronen blühen? Докторъ философіи ставилъ подводы, профессора служили у Горвица и К°, генералы (отставные, конечно) считали за честь пристроиться въ свитѣ г. Полякова. Масса голодныхъ желудковъ бросилась въ интендантство...

Эти процессы, послѣдовавшіе за войной, раскрывшіе передъ нами только часть, небольшую часть всей картины, хоть и забыты нами, но не забудутся будущимъ историкомъ нашей эпохи и нашихъ нравовъ.

Если вы читали хоть одинъ изъ этихъ безконечныхъ процессовъ

интендантовъ и подрядчиковъ, продолжающихся еще и теперь, то вы, конечно, замѣтили взаимную связь между первыми и послѣдними и знаете очень хорошо, какимъ образомъ и почему вещь, стоящая два гроша, обходится казнѣ въ рубль... Вопросъ о распредѣленіи этой разницы едва ли составляетъ секретъ даже для гимназиста приготовительнаго класса.

То, что во время войны выразилось въ обостренной формѣ, отвратительной по своему цинизму и наглости,—то въ мирное время выражается въ болѣе мягкой... Мы видимъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, какова эта практика хищенія... Правительство не останавливалось даже передъ строгими мѣрами: мы видѣли, какъ возвращались уфимскія земли, мы видѣли на скамьѣ подсудимыхъ генералъ-штабъ-доктора Буша, бывшаго губернатора Токарева, завоевавшаго себѣ имѣніе у мирныхъ гражданъ; мы скоро увидимъ знаменитаго скопинскаго Рыкова, мы чуть ли не ежедневно продолжаемъ читать судебные отчеты о растратахъ, подлогахъ и злоупотребленіяхъ,—и все-таки попрежнему думаемъ лѣчить эту болѣзнь тѣми же средствами...

Мы видѣли на процессахъ, какъ обыкновенно ведутся дѣла въ частныхъ учрежденіяхъ, какъ подтасовываются общія собранія, какъ подбираются «удобные» члены правленія и какъ надъ всѣмъ этимъ царитъ одинъ воротила... Припомните среду, изъ которой обыкновенно подбираются разные воротилы, припомните средства, пускаемыя въ ходъ для «обстановочки» дѣла, и вамъ ясно представятся тѣ безобразные порядки, всегда неминуемые, когда вся и все зависитъ отъ одного сатрапа... Если «самъ» и не грабитъ непосредственно (иногда это и не нужно), тѣмъ не менѣе хищеніе отъ этого не исчезаетъ. Являются Юханцевы, и въ одинъ прекрасный день все это учрежденіе, съ виду крѣпкое и солидное, является построеннымъ на пескѣ, и тѣ самые вкладчики и заемщики, которые вчера еще считали своего сатрапа «геніемъ», сегодня плюютъ на него...

Исторія слишкомъ обыкновенная, и выводы изъ нея далеко не головоломные.

Но неужели же нѣтъ честныхъ, независимыхъ людей?—можетъ воскликнуть въ ужасѣ иной читатель, слѣдившій за скорбной лѣтописью хищеній послѣдняго времени... Неужели наши нравы до того повреждены, что нельзя найти честныхъ людей, настолько примитивно по крайней мѣрѣ честныхъ, что ихъ можно безъ боязни подпустить къ кассѣ, что имъ можно довѣрить дѣло контроля?

При этомъ восклицаніи мнѣ припоминается недавній разговоръ съ однимъ пріѣзжимъ провинціаломъ. Мы разговорились объ одномъ общемъ пріятелѣ, находящемся безъ мѣста, и изыскивали средства, куда бы его пристроить.

— Я пытался-было его рекомендовать въ капитаны парохода въ одной частной компаніи, да раздумалъ!—отвѣчалъ мой знакомый.

— А что? Развѣ онъ неспособенъ? Онъ, какъ бывшій морякъ, былъ бы на мѣстѣ...

— Да нѣтъ, не то... Слишкомъ ужъ честный это малый и, главное, независимый.

— Честный?..

— Ну да... честный... Его и сотрутъ въ порошокъ другіе-то, какъ пить дадутъ... Еще такую кляузу подведутъ, что чудо. А онъ, вдобавокъ, человѣкъ не сильный... Не сумѣетъ бороться съ мошенниками, ну и пропадетъ ни за грошъ...

Понимаете ли вы, читатель, весь драматизмъ положенія? Человѣка нельзя рекомендовать только потому, что онъ «безусловно честный». И вѣдь это не выдуманный анекдотъ, это не фарсъ; это—голая правда, результатъ тѣхъ условій, которыя явились не со вчерашняго дня...

Да, именно у насъ нельзя рекомендовать людей только потому, что они «безусловно честны» и не идутъ на компромиссы!

V.

Было бы безуміемъ, конечно, утверждать на основаніи всѣхъ этихъ примѣровъ хищенія, что мы оскудѣли честными людьми, что ихъ нѣтъ совсѣмъ, что мы не можемъ даже плевое дѣло какого-нибудь общественнаго банка или земской управы вести умѣло, не грабя общественной кассы... Есть, конечно, немало и честныхъ людей, есть—хотя и меньше—независимыхъ людей; дѣло въ томъ, что честность и независимость не въ большомъ спросѣ на общественномъ рынкѣ и больше требуется въ романахъ, чѣмъ въ жизни... И спросите-ка у всѣхъ этихъ честныхъ и независимыхъ людей ихъ интимную исторію (многіе изъ такихъ исторій попадали въ газеты)—и вы узнаете такія одиссеи, которыя могутъ показаться баснословными... Честность, пожалуй, еще терпится въ разныхъ нашихъ учрежденіяхъ, но независимость... да съ какой стати ее терпѣть?.. Она вѣдь тоже, что совѣсть—колетъ глаза, и чѣмъ дальше ее съ глазъ, тѣмъ лучше... Въ той средѣ, гдѣ нѣтъ идеаловъ, гдѣ нѣтъ убѣжденій, гдѣ приспособляться значитъ умѣть жить, гдѣ «честность» не понимается даже какъ выгодная профессія,—въ той средѣ, говорю я, независимость—роскошь совершенно ненужная...

Не забудьте опять-таки, что я говорю объ извѣстной сферѣ, и вы согласитесь со мной, зная если не по опыту, то по примѣру близкихъ знакомыхъ, что я говорю не парадоксъ, а констатирую только извѣстное явленіе. Да, честность и независимость—у насъ ненужная роскошь, и надо только удивляться, что идеалъ правды и добра такъ еще живучъ, что, несмотря ни на что, несмотря на плевки и заушенія, которыми награждаетъ жизнь порядочныхъ людей, они—эти добровольные абсентеисты въ своемъ отечествѣ—ютятся, угрюмые, по своимъ угламъ или корпятъ гдѣ-нибудь за черной работой, не умѣющіе продать своего

права глядѣть всѣмъ въ глаза за разныя блага, предлагаемыя жизнью...

Но вѣдь нельзя принимать въ разсчетъ, что всѣ люди сильны духомъ. Надо брать средняго человѣка... Что же дѣлаетъ жизнь изъ средняго человѣка, обыкновеннаго человѣка, вступающаго въ жизнь съ самыми скромными требованіями, съ самими невысокими даже идеалами правды и справедливости?.. Литература, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, давно отвѣтила на этотъ вопросъ, и я могу только сказать, что достаточно побывать одинъ день въ какомъ-нибудь учрежденіи, гдѣ во главѣ стоитъ какой-нибудь царекъ, чтобы увидать, во что можетъ обратиться вѣнецъ творенія.

Вы сами видите на каждомъ шагу эти метаморфозы... Вы знаете этого «средняго» человѣка, послушнаго раба своего ближайшаго начальства, забывшаго даже, что значитъ имѣть свое мнѣніе... Подождите бранить его... Прежде спросите, какъ онъ дошелъ до этого состоянія машины для письма... Вы знаете и этого—юркаго, ловкаго, умѣющаго приспособляться ко всякимъ обстоятельствамъ, сегодня либерала, завтра—яраго гонителя, послѣзавтра—снова либерала. Этихъ перекати-поле—непочатый уголъ, созданный все тою же жизнью. Они пристраиваются всегда къ тому, что имѣетъ успѣхъ, и плывутъ за нимъ, какъ лоцманы за акулой, перехватывая то, что остается отъ хищной рыбы... Они сами рѣдко дѣлаются хищниками, но зато никто болѣе не распинается за нихъ, какъ эти вѣтромъ гонимыя души... Вы знаете и этихъ крупныхъ хищниковъ, этихъ людей, которые живутъ, чтобъ гадить, и гадятъ, чтобъ жить... Вы знаете всѣхъ этихъ Бушей, Макшеевыхъ—по процессамъ, но знаете, конечно, и многихъ такихъ, которые на нихъ не фигурировали и пользуются почетомъ, уваженіемъ, если не вашимъ, то большинства...

Недоставленныя письма.

Письмо 1-е.

Сельцо Починки. Марта 2 дня 1883 г.
Высота барометра 29,25. По Реомюру—4°.

Милостивый Государь
Сергій Иліодоровичъ!

Почтенное письмо Ваше, равно какъ и книгу сочиненія господина Любимова, подъ заглавіемъ: «Противъ теченія», получилъ своевременно. Приношу чувствительнѣйшую благодарность за доброжелательныя строки и за любезное обѣщаніе напомнить, при удобномъ случаѣ, его высокопревосходительству. Льщу себя надеждой, что князь неизволилъ забыть бывшаго своего подчиненнаго; нѣкоторое время я имѣлъ честь служить въ канцеляріи подъ непосредственнымъ начальствомъ

его сіятельства и пользовался лаской его благораспоряженія. Если князю угодно будетъ вспомнить стараго сослуживца, то при его настоящемъ положеніи не трудно будетъ что-нибудь для меня сдѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, войдите, Сергій Иліодоровичъ, въ мое положеніе. Прослуживъ на разныхъ служебныхъ поприщахъ, и притомъ занимая отвѣтственныя мѣста, свыше тридцати пяти лѣтъ и чувствуя въ то же время себя настолько бодрымъ и сильнымъ, чтобы быть употребленнымъ на пользу Отечества и Престола,—невольно скорбишь душою при мысли, что желаніе послужить родинѣ остается неудовлетвореннымъ, несмотря на неоднократныя мои о томъ просьбы. И тѣмъ тяжелѣе, Сергій Иліодоровичъ, находиться въ вынужденномъ бездѣйствіи именно въ настоящее время, когда бѣдное отечество наше, доведенное до настоящаго положенія рядомъ прежнихъ, такъ-называемыхъ, либеральныхъ мѣръ, не соотвѣтствующихъ ни духу нашего народа, ни степени приготовленности общества, болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ людяхъ рѣшительныхъ, честныхъ и просвѣтленныхъ истинно-русскимъ духомъ.

Въ послѣднемъ письмѣ я представилъ Вашему любезному благоусмотрѣнію выборъ мѣста, такъ какъ вполнѣ понимаю, что не всегда возможно получить занятіе, способностямъ и склонностямъ человѣка соотвѣтствующее; тѣмъ не менѣе считаю не лишнимъ напомнить Вамъ, что опытность моя по хозяйственной части, пріобрѣтенная на службѣ по интендантству, могла бы служить въ нѣкоторомъ родѣ точкою опоры. Впрочемъ, не смѣю предрѣшать; съ неменьшей охотой я бы принялъ и административную должность, такъ какъ и въ семъ родѣ службы имѣю достаточно опытности, прокомандовавъ 5 лѣтъ Оренбургскимъ линейнымъ батальономъ. Наконецъ, если бы понадобились мои свѣдѣнія по слѣдственной части, пріобрѣтенныя въ бытность мою въ 1853 г. асессоромъ при полевомъ судѣ, и знаніе людей, добытое опытомъ жизни, то я готовъ съ удовольствіемъ посвятить свои силы и такимъ занятіямъ. Короче говоря, всякое приличное мѣсто будетъ принято мною съ благодарностью и съ ручательствомъ за добросовѣстное исполненіе оной. Не боги горшки лѣпили, Сергій Иліодоровичъ, и для русскаго человѣка, не лишеннаго здраваго смысла, нѣтъ должности, на которую бы онъ, подъ высшимъ административнымъ руководительствомъ, не былъ пригоденъ. Такъ думаю я, пройдя въ теченіе тридцати пяти лѣтъ разные роды службы. Начавъ оную въ военной службѣ, я въ чинѣ подполковника перешелъ въ вѣдомство народнаго просвѣщенія при князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ, засимъ былъ цензоромъ московскаго цензурнаго комитета, откуда перешелъ полицеймейстеромъ въ городъ Сызрань. Послѣ отставки, вынужденной болѣзнью, я имѣлъ честь служить въ коннозаводствѣ и наконецъ по интендантству. Какъ видите, опытность пріобрѣтена достаточная.

Не нахожу словъ, чтобы благодарить Васъ за присылъ почтеннаго

труда господина Любимова. (Слышалъ, будто авторъ состоитъ въ чинѣ тайнаго совѣтника. Правда ли это?) Среди безчинствъ и пашквилей современной литературы чтеніе присланной Вами книги является какъ бы оазисомъ, на которомъ отдыхаешь душой. Здравость понятій и необыкновенная прозорливость автора касательно многихъ сюжетовъ, а равно и поученіе, выносимое при внимательномъ чтеніи хода описываемыхъ событій — превыше всякихъ похвалъ. Притомъ, мнѣ еще и потому было пріятно книгу сію читать, что и я, въ разсужденіи многихъ событій, всегда былъ одинаковаго мнѣнія съ авторомъ, хотя, по недостатку повѣствовательнаго таланта, и не рѣшался мысли свои предавать тисненію. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Лудовикъ былъ жертвой собственной слабости и подлаго поведенія своихъ коварныхъ совѣтниковъ. Прими онъ своевременно рѣшительныя мѣры, и—смѣю думать—ходъ исторіи былъ бы иной; никакихъ революцій не было бы, все пошло бы надлежащимъ порядкомъ. Случай, бывшій у меня въ Оренбургскомъ линейномъ батальонѣ, въ 1838 г., какъ нельзя лучше убѣждаетъ меня въ этихъ мысляхъ. Трое солдатъ, люди порочные, забывшіе святость присяги, вздумали однажды роптать на порядки, заведенные мною въ батальонѣ, и паче всего на пищу. Немедленная, нещадная порка трехъ зачинщиковъ (изъ нихъ двое умерли черезъ три дня послѣ бани) и порка, такъ сказать, предупредительная, пятаго солдата изъ батальона въ самомъ корнѣ остановила проявленіе своевольства и доставила мнѣ благодарность ближайшаго начальства. А что̀, спрашиваю я Васъ, если бы, по-нонѣшнему, вмѣсто скорой расправы, начальникъ былъ бы обязанъ обращаться къ суду, тогда какъ са̀мое главное—не пропустить момента? Нѣтъ, Сергій Иліодоровичъ, пора, давно пора вернуться къ доброй старинѣ.

Въ письмѣ Вашемъ Вы изволите, между прочимъ, спрашивать, въ какомъ положеніи жизнь въ провинціи. Долженъ откровенно Вамъ сказать, что въ Петербургѣ Вы не вполнѣ знаете то, что̀ происходитъ здѣсь. Съ прискорбіемъ взираю я вокругъ и задаю себѣ вопросъ: что̀ же будетъ дальше? Гдѣ религія, гдѣ семья, гдѣ почитаніе родителей, гдѣ уваженіе къ начальствующимъ? Увы! Растлѣвающій, поскудный духъ, не встрѣчающій надлежащихъ препонъ, дѣлаетъ быстрые успѣхи. Всякъ нынѣ лѣзетъ съ критикой; всякъ непремѣнно ссылается на законъ, всякъ осуждаетъ начальство, хотя бы оно дѣлало все отъ него зависящее для обывателей. Дворянство нашей губерніи, обѣднѣвшее, почти обнищавшее, можно сказать, съ каждымъ днемъ теряетъ прежнее значеніе. Слово «дворянинъ» сдѣлалось пустымъ звукомъ. Патріотическія чувства тлѣютъ подъ пепломъ, и въ заботахъ о хлѣбѣ насущномъ дворянство теряетъ прежній славный духъ свой, влача печальное существованіе. Горько смотрѣть на стариковъ, но каковы дѣти! Вотъ самое больное мѣсто, Сергій Иліодоровичъ, всякаго благонамѣреннаго родителя... Говорю это съ тѣмъ болѣе тяжелымъ чувствомъ, что знаю

по опыту, каковы дѣти!! У меня три сына и дочь, но я одинокъ, совсѣмъ одинокъ, и если-бъ не добрая Арина Степановна, ключница, вамъ извѣстная, то кто призрѣлъ бы старика, кто успокоилъ бы закатъ его дней лаской и уходомъ? Хотя дочь живетъ въ деревнѣ со мной, но отъ нея я не вижу никакого утѣшенія, а впереди прозрѣваю одни огорченія. Нынче вѣдь они считаютъ себя умнѣе родителей! Вмѣсто благодарности за заботы, за образованіе—чего оно стоило!—видишь одну непочтительность, слышишь разсужденія съ чужого голоса... Какъ тяжело, Сергій Иліодоровичъ, признаваться, но оно такъ... Вотъ хоть бы дочь Елизавета! Представьте себѣ, воображаетъ, что, по случаю совершеннолѣтія, она можетъ поступать, какъ ей вздумается, и забрала къ себѣ въ голову выйти замужъ противъ моего желанія, себѣ на гибель... Господинъ учитель гимназіи, вскружившій ей голову, молодой человѣкъ неблагонамѣреннаго образа мыслей, безъ всякихъ средствъ, кромѣ жалованья,—достойный, видите ли, мужъ, и она объявила мнѣ, что выйдетъ за него, несмотря ни на что, такъ-таки и объявила, нисколько не пожалѣвъ старика... Само собой разумѣется, что негодяй этотъ не смѣетъ переступить порога моего дома, но кто поручится мнѣ, что они не видятся тайкомъ, кто нынче вступится противъ нападенія такихъ разбойниковъ!.. Я сообщилъ уже конфиденціально, куда слѣдуетъ, насчетъ этого господина, но это ни къ чему не привело. Хитрая каналья, онъ, разумѣется, хорошо хоронитъ концы и ничего предосудительнаго не обнаруживаетъ, хотя въ то же время несомнѣнно сочувствуетъ всему недостойному и не такъ давно еще рекомендовалъ дочери прочесть одну статью «Голоса»..

Да, Сергій Иліодоровичъ, дожили мы подъ старость до хорошаго времени, нечего сказать... Хорошее направленіе давали въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ! Сынки мои, вмѣсто того, чтобы служить, какъ слѣдовало бы, вышли въ отставку. Видите ли, они въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ не получили настоящаго образованія—такъ надо докончить его... Къ чему все это приведетъ!?. И какъ не обратятъ вниманія на гимназіи и университеты; они въ ихъ настоящемъ видѣ—зараза, одна зараза... Этотъ учитель—университетскій.

Простите, Сергій Иліодоровичъ, этотъ крикъ наболѣвшаго родительскаго сердца... Я рѣшился нести крестъ свой съ христіанской твердостью и въ то же время не быть дѣтямъ своимъ потатчикомъ. Будь что будетъ! На то Его святая воля, но я объявилъ дочери и сыновьямъ, что они не получатъ отъ меня ничего—правда, и состоянія у меня нѣтъ, такъ кое-какія крохи, бережливостью скопленныя — если захотятъ жить по-своему.

При семъ препровождаю нумеръ «Современныхъ Извѣстій» и позволю обратить ваше вниманіе на отчеркнутую статью, внушенную университетскими безпорядками, не перестающими смущать общество. Мысль, высказанная доброжелательнымъ авторомъ, кажется мнѣ весьма

трезвенна и практична. Въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ ли отдавать студентовъ, вздумавшихъ своевольствовать, въ солдаты, съ записаніемъ ихъ въ разрядъ штрафованныхъ?.. Мѣра сія, сама по себѣ не слишкомъ суровая, въ то же время могла бы оказать пользу. Въ рукахъ браваго и опытнаго ротнаго командира молодые люди могли бы исправиться и черезъ нѣсколько времени сдѣлаться полезными слугами отечества!.. Но не сочтется ли эта мѣра «нелиберальной»! Ахъ, ваше превосходительство, Сергій Иліодоровичъ! Боюсь я, что многія здравыя мѣры кажутся неумѣстными, а между тѣмъ время не терпитъ... Люди нужны рѣшительные!

Раньше я изложилъ вамъ въ общихъ чертахъ настроеніе нашей губерніи... Гдѣ, въ какихъ классахъ искать того здороваго духа, коимъ искони бѣ отличалось наше отечество? Земство—это сбродъ говоруновъ, желающихъ отстаивать какія-то права и только мѣшающихъ полезной дѣятельности администраціи. Интриги изъ-за мѣстъ, покровительство своимъ, желаніе при каждомъ удобномъ случаѣ выказать духъ недовольства—вотъ вамъ духъ земскихъ дѣятелей. Недавно меня забаллотировали въ гласные на томъ основаніи, что я гнушаюсь сближеніемъ съ ихними коноводами. И полюбуйтесь! Они забаллотировали меня, человѣка извѣстнаго своимъ честнымъ образомъ мыслей, и выбрали людей завѣдомо неблагонамѣренныхъ. Однимъ изъ постановленій собранія было, между прочимъ, выраженіе удовольствія по случаю сохраненія женскихъ курсовъ. Изволите чувствовать это? И честный элементъ безсиленъ среди этого духа; людей порядочныхъ еще оскорбляютъ, смѣются надъ ними, разные мерзавцы пишутъ лживыя корреспонденціи. Такъ, недавно, про меня какой-то негодяй (я подозрѣваю, впрочемъ, его), подъ покровомъ измѣненной фамиліи, написалъ, будто бы я пріобрѣлъ состояніе во время послѣдней войны. И гдѣ найти защиту противъ клеветы? Что дѣлать порядочному человѣку?.. Вмѣсто защиты, вездѣ встрѣтишь фальшивое участіе или, и того хуже, злорадную насмѣшку... Повсюду, повторяю, проникла эта язва осужденія... Купечество, то самое, которое на нашихъ глазахъ не смѣло пикнуть, теперь тоже толкуетъ вкривь и вкось. «Торговля плохо идетъ, то, другое...» Прежде, бывало, этого подлеца всякій порядочный начальникъ за бороду, а нынче—какъ можно... Они—сила! Они распорядители городского хозяйства, отъ нихъ многое зависитъ. Къ сожалѣнію, и простой народъ сталъ портиться. Нѣтъ въ немъ прежней исконной добродѣтели. И тамъ духъ критики, перейдя отъ высшихъ классовъ, свилъ себѣ гнѣздо. И они, видите ли, многимъ недовольны и подчасъ высказываютъ надежды, которыя, къ сожалѣнію, вызваны разными толками. Такъ, напримѣръ, мнѣ не разъ приходилось слышать отъ мужиковъ надежды на увеличеніе имъ надѣловъ. Откуда сіи надежды, возбуждающія только мечтанія невѣжественнаго ума?..

Я не смѣю, Сергій Иліодоровичъ, осуждать, но не могу не выразить

своего мнѣнія, что устройство крестьянскихъ банковъ едва ли не возбудитъ мыслей далеко не желательныхъ. Во-первыхъ, всѣ эти толки о бѣдности крестьянъ не болѣе какъ выдумки журналовъ и газетъ—понятно, какія цѣли имѣлись тутъ въ виду, а во-вторыхъ, говоря по совѣсти, не нуждаются ли сперва дворяне въ правительственной помощи? Устроить же спеціально мужицкій банкъ—не значитъ ли покровительствовать мечтаніямъ? Теперь онъ на покупку земли получитъ ссуду, но кто поручится, что завтра мужикъ не вообразитъ, что и безъ ссуды онъ можетъ пріобрѣсти землю, что она его собственность... А между тѣмъ, съ другой стороны, наши здѣшніе молодцы и такимъ крестьянскимъ банкомъ не довольны! Онъ, видите ли, не достигаетъ цѣли. Ссуды, выдаваемыя лично, пойдутъ на пользу кулакамъ и разнымъ аферистамъ, которые будутъ прятаться за крестьянъ. Будутъ совершаться разныя фиктивныя сдѣлки. Такія рацеи, какъ слышалъ я, изволилъ разводить въ клубѣ господинъ учитель гимназіи, разсчитывающій быть моимъ зятемъ, и его не только никто не остановилъ, но, напротивъ, многіе слушали его слова съ одобреніемъ...

Но не довольно ли... Всего не перескажешь, и не передашь всей скорби истиннаго патріота, принужденнаго въ бездѣйствіи созерцать картины окружающаго. Не мнѣ, разумѣется, выступать съ совѣтами, кои однимъ государственнымъ умамъ предоставлены, тѣмъ не менѣе воздержаться отъ дружескаго сообщенія мыслей не могу, а потому, въ заключеніе сего длиннаго письма, рѣшаюсь начертать краткій перечень мѣръ, настоятельно необходимыхъ, по моему разумѣнію и по опыту долговременной моей жизни, для быстраго и радикальнаго излѣченія нашего отечества и возврата его къ тому состоянію величія, могущества и благодатнаго въ умахъ спокойствія, коихъ мы были счастливыми свидѣтелями во времена нашей молодости. Для удобства изложу свои предположенія въ пунктахъ, именно: 1) Усилить мѣры строгости вообще и вести ускоренное судопроизводство по всѣмъ экстреннымъ дѣламъ. 2) Судъ присяжныхъ упразднить. 3) И мировой судъ тоже упразднить. 4) Земскія учрежденія раскассировать, замѣнивъ ихъ административнымъ управленіемъ. 5) Городское самоуправленіе тоже раскассировать, обративъ города въ первобытное состояніе. 6) Университеты и академіи закрыть. 7) Газеты и журналы, за исключеніемъ двухъ (по одной въ столицахъ), либо вовсе воспретить, либо существенно усилить за ними присмотръ. Цѣли сей удобно можно достигнуть, привлекая гг. цензоровъ къ дѣйствительной отвѣтственности по всей строгости. Отдача виновныхъ въ солдаты, не записывая однако въ разрядъ штрафованныхъ, или ссылка на покаяніе въ монастыри—послужатъ, надо полагать, хорошей острасткой. 8) Корреспондентовъ нещадно наказывать и высылать въ не столь отдаленныя мѣста, какъ, напримѣръ, на Сахалинъ или полуостровъ Камчатку. 9) Усилить власть родительскую. 10) Воспретить выѣздъ за границу.

Вотъ, Сергій Иліодоровичъ, что̀ на первый разъ пришло въ голову. Ограничиваюсь пока сими мѣрами, обѣщая подѣлиться новыми, кои обстоятельства укажутъ. Знаю очень хорошо, что вы, быть-можетъ, будете не вполнѣ согласны съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ разсужденіи мягкихъ чувствъ, вамъ присущихъ, но, многомилостивый государь мой, бываютъ моменты, когда чувства, сколь сіе не обидно, приходится побороть силою духа. Чѣмъ рѣшительнѣе дѣйствіе, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе. И, присматриваясь внимательно ко всему, смѣю полагать, что въ концѣ концовъ рѣшительность сія даже понравится и никакихъ волненій въ умахъ не возбудитъ. Не слѣдуетъ только колебаться. Когда я, въ 1838 году, командуя Оренбургскимъ линейнымъ батальономъ, перепоролъ пятаго человѣка, то всѣ солдатики послѣ того стали шелковые, и многіе впослѣдствіи благодарили за оное внушеніе, какъ за спасительное противумечтательное средство.

Простите, Сергій Иліодоровичъ, что занялъ драгоцѣнное время Ваше своими соображеніями, внушенными единственно любовью къ отечеству. Нечего присовокуплять, что они несовершенны, и что въ нихъ, быть-можетъ, сказывается поспѣшность, вредительная съ точки зрѣнія высшей политики. Въ таковомъ случаѣ великодушно снизойдите къ старому болтуну, ожидающему случая вновь послужить родинѣ, если на то будетъ снисхожденіе высшаго начальства. Осмѣлюсь повторить, что всякое назначеніе будетъ принято мною съ чувствомъ несказанной благодарности. Пользуясь случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать глубокую мою преданность и почтеніе, остаюсь

Вашъ покорный слуга,
Ардаліонъ Вонифатьевъ,
отставной генералъ-майоръ.

P. S. Прошу принять, по случаю приближенія праздника Святыя Пасхи, нѣсколько живности, попеченіями доброй Арины Ивановны изготовленной. У васъ въ Петербургѣ такихъ индюшекъ не купите.

P. S. Сію минуту прочелъ передовую статью «Московскихъ Вѣдомостей» по случаю преданія суду бывшаго губернатора Скарятина. Великій Боже, что̀ за перо, что̀ за сила и прозорливость у этого замѣчательнаго человѣка!.. Возмущенное сердце стихаетъ при чтеніи подобныхъ эпистолъ... Еще не перевелись люди на святой Руси. Вы, конечно, изволили читать эту статью... Неужели она останется втунѣ? Строки, подобныя нижеприведеннымъ, должны бы быть напечатаны золотыми буквами и разосланы по всей Россіи.

«Администраторъ, занимавшій важный постъ, начальникъ губерніи, за дѣйствія, учиненныя имъ по должности, отдается подъ судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Судъ присяжныхъ,—чего же лучше? Особенно въ томъ видѣ, какъ онъ установленъ у насъ... Судъ присяжныхъ есть, говорятъ, драгоцѣннѣйшая гарантія для подсудимаго; но обвиняемый, бывшій казанскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Ска-

рятинъ, просилъ избавить его отъ этой драгоцѣнной гарантіи. Прошеніе его по этому предмету разсматривалось въ соединенномъ засѣданіи кассаціонныхъ департаментовъ сената, которые опредѣлили оставить это прошеніе безъ послѣдствій. Желаетъ обвиняемый или не желаетъ, ему даруется эта гарантія. Бывшаго губернатора будутъ судить неизвѣстные люди въ качествѣ представителей общественнаго мнѣнія или, какъ въ этомъ случаѣ выражаются, общественной совѣсти. Но вопросъ теперь не объ институтѣ присяжныхъ. Поразительный въ Россіи случай суда надъ дѣйствіями правительственнаго лица людьми, случайно набранными съ улицы, вотъ въ чемъ вопросъ.

«Итакъ, бывшаго губернатора, за преступленіе по должности, будетъ судить улица. Впрочемъ, бабушка на-двое сказала, гласитъ пословица. Что̀ если улица признаетъ его невиновнымъ и помилуетъ его? Въ какомъ положеніи очутится власть, которая предрѣшила его виновность, предавъ тяжкому суду за преступленіе по должности?»

Что̀ можно къ симъ возвышеннымъ словамъ присовокупить?

Ар. Вонифатьевъ, отставной генералъ-майоръ.

Письмо 2-е.

Сельцо Починки. Марта 3 дня 1883 г.
Высота барометра 29,26. По Реомюру—5.
Снѣгъ идетъ.

Сынъ Никандръ!

Освѣдомился я, будто ты укрѣпляешь дочь мою Елизавету въ пагубномъ ея намѣреніи выйти замужъ за учителя Панкратьева. Такъ знай же, что я не стану болѣе тебѣ высылать денегъ ни копейки. Подумай хорошенько и разсуди: прилично ли позорить фамилію Вонифатьевыхъ союзомъ съ Панкратьевымъ. Если у тебя нѣтъ фамильной гордости, то, по крайней мѣрѣ, пожалѣй престарѣлаго отца и отговори сестру. Этимъ поступкомъ ты привлечешь снова мое сердце и получишь, какъ почтительный сынъ, прибавку въ 10 рублей къ посылаемому тебѣ отъ меня содержанію. Разсуди. Вѣдь мнѣ скоро придется отдать долгъ природѣ, такъ не заставляй же меня лишить васъ наслѣдства.

Отецъ твой Ардаліонъ Вонифатьевъ,
отставной генералъ-майоръ.

Письмо 3-е.

Дорогой братъ!

Умоляю тебя — пріѣзжай. Жить такъ невозможно. Отецъ пилитъ меня ежедневно, съ утра до вечера... Ты знаешь его манеру... Онъ прямо ничего не говоритъ, а только язвитъ... Я ему на-дняхъ рѣшительно сказала, что выхожу за Панкратьева замужъ. Онъ только улыбнулся и снова продолжаетъ свое странное обращеніе: придетъ въ мою комнату, начнетъ ходить взадъ и впередъ и ядовито такъ прохажи-

ваться насчетъ Алексѣя. Я прошу его не говорить при мнѣ,—безполезно: онъ начинаетъ тогда браниться. Уѣхала бы въ городъ, къ теткамъ, но папа не пускаетъ и приказалъ не давать лошадей. Я, конечно, нашла бы средство избавиться отъ этой пытки теперь же, но, изъ сожалѣнія къ отцу, рѣшаюсь потерпѣть еще три недѣли. Послѣ Пасхи наша свадьба. Меня не пугаютъ его угрозы лишить меня приданаго... А все-таки, по правдѣ сказать, мнѣ жаль его. По-своему онъ меня любитъ, только понятія о счастьѣ у насъ различныя. Онъ вѣдь помѣшанъ на аристократизмѣ и пресерьезно увѣряетъ всѣхъ, что родъ Вонифатьевыхъ — старинный родъ. Я знаю, ему очень бы хотѣлось видѣть меня замужемъ за нашимъ сосѣдомъ—этимъ противнымъ предводителемъ... Пріѣзжай же, голубчикъ, если можешь: быть-можетъ, тебѣ удастся убѣдить папу не дѣлать скандала. Вѣдь я все-таки люблю старика, но ничто не заставитъ меня отказаться отъ Алексѣя.

Твоя Лиза Вонифатьева.

Письмо 4-е.

Одесса, III, 25, 83.

Дорогая моя maman!

Ради всѣхъ святыхъ, которыхъ вы, кстати, такъ чтите, съѣздите къ Ивану Васильевичу или — что̀ будетъ, пожалуй, еще лучше—къ m-me Petrovsky (ce que femme veut ce vieux gredin veut) и попросите ее, чтобы изъ Петербурга немедленно написали сюда, разумѣется, въ видѣ просьбы, о порученіи мнѣ наблюденія за интереснымъ дѣломъ, только-что начавшимся. Вы хорошо поймете, дорогая maman, что дѣла эти не особенно пріятны—какому порядочному человѣку пріятно призывать громы небесные, хоть и заслуженные—по суть въ томъ, что мнѣ надо выдвинуться, зарекомендовать себя, а эти дѣла даютъ къ тому удобный случай. Il faut tirer son parti, чтобъ не остаться за флагомъ; теперь, maman, на какомъ-нибудь Юханцевѣ или разбойникѣ далеко не уѣдешь—были времена, да прошли!... Теперь необходимо что-нибудь этакое, съ извѣстнымъ оттѣнкомъ... Иначе придется сидѣть въ товарищахъ до второго пришествія... Вы помните, дорогая maman, этого интереснаго блондина Рѣпчинскаго, который еще такъ понравился вамъ и своей наружностью, и мягкостью рѣчей, и умѣньемъ говорить?... Такъ вотъ этотъ самый Рѣпчинскій теперь почти особа, а ему нѣтъ и сорока... Ему удалось показать себя со всѣхъ сторонъ... Смотрите же, немедленно по полученіи письма, поѣзжайте и извѣстите телеграммой о результатѣ коротко: «да» или «нѣтъ».

Сердитесь не сердитесь, моя голубушка, а снова придется безпокоить васъ еще просьбой, вы догадываетесь какой?... Денегъ и денегъ пришлите, сколько возможно. Жалованье, сами знаете, гомеопатическое, а жизнь здѣсь дорога̀... Надо бывать въ обществѣ, одѣваться прилично, ухаживать и т. д., и т. д. Все это сто̀итъ презрѣннаго металла... Не

бойтесь, maman, я за дѣвицами не ухаживаю, а есть здѣсь одна гречанка, жена здѣшняго негоціанта — препикантная брюнетка подъ тридцать лѣтъ, статная, стройная, со всѣми атурами, а глаза у этой гречанки, chère maman, самъ океанъ страстей; при этомъ она не такъ глупа, какъ обыкновенно бываютъ жены здѣшнихъ негоціантовъ. Если воображеніе ваше можетъ представить себѣ рядомъ съ этой женщиной старую обезьяну въ видѣ мужа—обезьяну, впрочемъ, не ревнивую—то вы хорошо поймете, что я провожу время не совсѣмъ скучно въ свободное время... Но вѣдь не вѣкъ же мнѣ возиться съ гречанкой и призывать кару закона на разныхъ воровъ и воришекъ... Это можетъ надоѣсть à la longue. Попался-было на мое счастье одинъ крупный воръ, смастерившій хищеніе въ 300.000 рублей; я надѣялся, что онъ по крайней мѣрѣ дастъ мнѣ возможность перейти въ Москву или Петербургъ, былъ въ ударѣ, говорилъ недурно, законопатилъ его на поселеніе, несмотря на защиту въ лицѣ Утина, но въ концѣ концовъ стрѣлялъ по воробьямъ. Не только не перевели, но даже Станислава не дали. Молодъ еще—послужи... Молодъ!? Мнѣ ужъ 28 лѣтъ, какъ вы знаете, maman, и многіе мои товарищи уже смотрятъ въ дѣйствительные статскіе...

Смотрите же, голубушка, не мѣшкая къ m-me Petrovsky и передайте ей отъ меня тысячу привѣтствій... Если она устроитъ мнѣ то, о чемъ я прошу, я даже готовъ—coûte que coûte—облобызать ея наведенныя губки... Безъ шутокъ, постарайтесь...

А теперь, мамашенька, серьезное дѣло: что̀ это братецъ дѣлаетъ, скажите, пожалуйста? Я имѣлъ честь прочесть имя его въ судебномъ отчетѣ... Хотя братецъ и оказался невиненъ, но эти знакомства... Передайте ему, что если онъ себя не жалѣетъ, то хоть пожалѣлъ бы насъ съ вами и пожалѣлъ бы память отца... Ну, хочется ему лѣзть на рожо̀нъ—пусть лѣзетъ, но только пусть не будетъ въ претензіи, если я откажусь отъ такого братца... Изъ-за его дурацкихъ фантазій я не намѣренъ рисковать карьерой... Ужъ меня спрашивали: «братъ вашъ?» Признаюсь, я выдалъ его за однофамильца... Внушите вы ему, если имѣете честь встрѣчаться съ нимъ...

Цѣлую ваши ручки несчетно разъ... Не забывайте же, милая, моей просьбы о Петровской и о деньгахъ. Привѣтъ тетенькамъ и кузинамъ... А не приготовили ли вы мнѣ, maman, невѣсты съ милліономъ приданаго, но только не съ такой «мордочкой», какъ у миссъ Эдварсъ... Кстати, что она попрежнему ждетъ своего жениха изъ Индіи?...

Преданный и любящій сынъ
Николай Дольскій.

P. S. Третьяго-дня по обязанности присутствовалъ при исполненіи приговора надъ арестантомъ, который ранилъ смотрителя. Отвратительное зрѣлище... Вдобавокъ, я не выспался наканунѣ — засидѣлся въ клубѣ—и цѣлый день у меня были разстроены нервы... Что̀ дѣлать,

maman, не все розы въ нашей службѣ, есть и шипы.—Что у васъ новаго въ Петербургѣ?... Попрежнему ни тпру ни ну?.. Однако все это своевременно, нечего сказать! Пишите, пожалуйста, обо всемъ—чѣмъ пахнетъ въ воздухѣ и откуда дуетъ вѣтеръ... Вы должны быть au courant всего, если не лѣнитесь бывать у m-me Petrovsky... Она все знаетъ—эта сорокалѣтняя красавица.

Addio. N. D.

Письмо 5-е.

Сызрань.

Многоуважаемый братецъ Петръ Ивановичъ!

Что-жъ это значитъ? Отъ Васъ нѣтъ никакого отвѣта!.. Хоть бы строчку, одну строчку!.. Или Вы не хотите огорчить меня?.. О, Господи! Да развѣ можно еще прибавить что-нибудь къ моему горю... Войдите въ мое положеніе, простите мою назойливость и, умоляю Васъ, справьтесь, что сталось съ Ваней, моимъ бѣднымъ голубчикомъ... Гдѣ онъ? Что съ нимъ?.. Я могу пріѣхать только черезъ мѣсяцъ, но—посудите!—каково матери ждать и быть цѣлый мѣсяцъ въ неизвѣстности! Я просто и голову потеряла, не знаю, какъ и быть, куда обратиться... Ахъ, Ваня, Ваня!.. Вѣдь это такой сынъ, такое золотое сердце... И вдругъ!! Братецъ, голубчикъ... Ради всего дорогого Вамъ, похлопочите за него. Вы вѣдь можете, у Васъ есть связи и знакомства. Бѣдный Ваня совсѣмъ боленъ... Послѣдній разъ, какъ онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, онъ все покашливалъ; блѣдный такой, нехорошій... Я, бывало, спрашиваю, заглядывая ему въ глаза, а онъ, своимъ кроткимъ голосомъ, тихо такъ отвѣчаетъ: «не безпокойтесь, маменька, все пройдетъ!..» И какъ онъ былъ всегда со мной ласковъ, какъ баловалъ меня! У Васъ, братецъ, тоже дѣти... Вы поймете... Мнѣ хоть бы узнать, здоровъ ли онъ... живъ ли, и увидать моего голубчика... Если бы Вы его короче знали, братецъ, Вы не были бы такимъ строгимъ къ нему... Положимъ, онъ самъ виноватъ, но не мнѣ его судить... И развѣ я могу!.. Помогите же ради Господа нашего Іисуса Христа... Зайдите къ Ванѣ, если разыщете его... Скажите, что я скоро буду и прижму его къ своей груди, какъ прижимала, бывало, когда онъ былъ ребенкомъ... Но только, ради Бога, не говорите о моемъ горѣ... Къ чему?.. Онъ и самъ знаетъ... Телеграфируйте... Вы поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ буду ждать отъ Васъ вѣсточки... Ахъ, проклятая болѣзнь, приковавшая меня къ постели!.. Докторъ говоритъ, что раньше какъ черезъ мѣсяцъ я встать не могу.. Не говорите ему, что я больна... нѣтъ, скажите... лучше, а то онъ подумаетъ, что я не хочу видѣть его... нѣтъ, не говорите, а то Ваня встревожится еще болѣе... Боже мой, я все путаю и не разберу, какъ лучше. Да подскажетъ Вамъ сердце, какъ лучше.

Ваша сестра Марія Подрѣзова.

P. S. Привѣтъ вашей милой супругѣ. Дѣтокъ обнимаю отъ всего сердца.

Письмо 6-е.

Опять очутился я, дружище Иванъ Михайловичъ, безъ опредѣленныхъ занятій, что, при трехъ препрожорливыхъ птенцахъ, даже и съ философской точки зрѣнія не особенно удобно, тѣмъ болѣе, что и современный Діогенъ (объявись такой) не нашелъ бы себѣ мѣста и въ бочкѣ, особливо съ дѣтьми, и попалъ бы, чего добраго, за нарушеніе общественной нравственности, въ участокъ. Случилась со мной исторія (пожалуй, даже и двѣ, какъ увидишь ниже), исторія самая обыкновенная, которая у насъ въ глуши не составляетъ ни малѣйшаго раритета. Дѣло въ томъ, что начальство мое, въ образѣ долговязаго, подхалимистаго нашего бухгалтера, давно точило на меня зубъ—оттого ли, что рожа моя ему не нравилась, или оттого, что я держалъ себя съ нимъ на весьма благородной дистанціи: хотя онъ и дѣлалъ авансы—но я не обращалъ на это вниманія, такъ какъ я въ контору являлся аккуратно, цифирь свою велъ по чести и такимъ образомъ каждое двадцатое число приносилъ свои сто рублей въ домъ и сдавалъ на руки женѣ, оставляя себѣ «на пиво» сумму не свыше рубля. Вдобавокъ, и главное наше начальство, управляющій участкомъ, зналъ меня; по его рекомендаціи я и мѣсто получилъ, такъ что съѣсть меня подхалимистому джентльмену не удавалось. Такъ жили мы, дружище, въ тиши пакостнаго городка, въ отдаленной улицѣ, гдѣ грязь уподоблялась изрытому волнами океану, жили-поживали, и если съ женой не спились съ тоски, то благодаря птенцамъ,—какъ въ одинъ прекрасный вечеръ, вѣрнѣе даже прекрасную ночь: Стукъ... стукъ... стукъ... Отворите!.. Знаешь ли, въ родѣ какъ пѣла Лавровская въ «Жизни за царя». Я проснулся и хотѣлъ-было тайкомъ отъ жены принять гостей, а она ужъ тутъ, блѣдна-блѣднешенька, какъ рубашка.—Слышишь?.. говоритъ...—Еще бы не слышать...—отвѣчаю. Дѣйствительно, чей-то знакомый голосъ съ задняго крыльца вопитъ:—«Отворите!» Не зная за собой никакихъ провинностей, кромѣ того, что родителю моему угодно было носить фамилію Иванова (не въ первый разъ эта фамилія причиняетъ мнѣ хлопоты), я на ходу успокоилъ жену, одѣлся и отворилъ...

Заспанный, нѣсколько сконфуженный Лука Лукичъ, нашъ бравый исправникъ изъ отставныхъ моряковъ,—еще вчера только, при встрѣчѣ со мной, жаловавшійся на времена и доказывавшій, что въ 1845 году куда лучше было,—входитъ со свитой и первымъ долгомъ, конечно, разсыпается въ извиненіяхъ. «Извините, обязанности службы». — «Помилуйте, сдѣлайте одолженіе!» Первый моментъ мы были, я думаю, похожи на двухъ вѣжливыхъ китайцевъ. Одинъ превозмогалъ въ вѣжливости другого. Однако жена нѣтъ-нѣтъ да все и подвигается ко мнѣ, словно боясь, что я вдругъ исчезну, аки дымъ... Насилу мы съ Лукой Лукичомъ успокоили ее—особенно постарался Лука Лукичъ—и объяснили, что, вѣроятно, какое-нибудь недоразумѣніе, происшедшее

по милости моей фамиліи (счастливъ ты, что не Ивановъ и не живешь въ глуши, гдѣ нѣтъ телефоновъ), и что завтра же дѣло объяснится...

«Обязанности службы», съ одной стороны, и «сознаніе долга» — съ другой, заставили насъ съ Лукой Лукичомъ сѣсть на дрожки и, въ сопровожденіи свиты, отправиться въ то зданіе, которое составляетъ лучшее украшеніе всякаго уѣзднаго города. Опять извиненія, ссылки на телеграфное предписаніе изъ губернскаго города, и мы разстались съ Лукой Лукичомъ... Однако, оставшись наединѣ съ самимъ собой, я, признаюсь, струсилъ. Положимъ, я чистъ, какъ голубь, и никогда ни въ какихъ предосудительныхъ дѣлахъ замѣшанъ не былъ, а все-таки... И знаешь ли, я нарочно припоминалъ, не было ли чего такого въ дни юности... Просто измучился, припоминая, и все-таки ничего не могъ припомнить... На второй день ужъ я что-то припомнилъ и почувствовалъ даже себя виноватымъ — въ дни юности читалъ кое-что воспрещенное—и весь второй день мнѣ было совсѣмъ не по себѣ... На третье утро я уже думалъ, что, по меньшей мѣрѣ, придется ѣхать въ Архангельскъ, и соображалъ, гдѣ добыть денегъ на переселеніе, какъ: «тукъ, тукъ», и входитъ Лука Лукичъ, весь сіяющій, и говоритъ: «Вотъ видите... Ошибка... Я такъ и думалъ. Перепутали въ губерніи...»

Мы опять сѣли въ сани Луки Лукича и поѣхали домой, но уже безъ свиты... Лука Лукичъ ссадилъ меня, и тутъ произошло, братъ, нѣчто трогательное и комичное, описывать которое я даже не умѣю. Жена и птенцы облѣпили меня, и Катя заплакала сперва, знаешь ли, помаленьку, капля по каплѣ, а потомъ все больше... больше... Птенцы, по чувству подражанія, тоже взвыли и такой, братецъ ты мой, задали концертъ (вдобавокъ, и старая нянька пристала), точно я съ того свѣта пріѣхалъ... Когда я пришелъ въ свою контору, смотрю, бухгалтеръ такъ и вьется вокругъ меня... что-то хочетъ сказать.—«Ахъ, какъ жаль, какая несправедливость!»—говоритъ и объясняетъ, что изъ управленія получена бумага о моемъ увольненіи въ виду того и прочаго...—«Не ваша ли эта работа, увольненіе мое?»—спрашиваю я. Клянется, что онъ не при чемъ... за кого я его принимаю?.. и т. д. Чортъ его знаетъ; быть-можетъ, и не его... Чья бы то ни была, а сѣли мы, братъ, на постную пищу. Нѣтъ ли у васъ въ Питерѣ какого-либо мѣста? Здѣсь, послѣ ошибки, мѣста не получишь. Вѣдь какъ-никакъ, а надо доставать себѣ пропитаніе... Тутъ ужъ никакой ошибки допустить нельзя...

Вотъ моя «исторія». Подобныхъ исторій у насъ такъ много, что, пожалуй, по нынѣшнимъ временамъ, онѣ даже и «исторіями» не должны называться,—такія ли бываютъ «исторіи»!? Поневолѣ сдѣлаешься философомъ.

Твой Ивановъ.

Письмо 7-е.

Милой, любезной моей супругѣ Авдотьѣ Петровнѣ отъ супруга ея Василья Ивановича. Спѣшу я вамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе,

съ любовью низкій поклонъ и цѣлую васъ несчетно разъ въ ваши сахарныя уста и желаю вамъ отъ Бога добраго здоровья и въ дѣлахъ вашихъ скораго и счастливаго успѣха. Еще всепокорнѣйше васъ прошу, не скучайте и ни объ чемъ не думайте... По мамочному положенію скучать не слѣдуетъ.

Доѣхалъ домой всеблагополучно, и всѣ вамъ кланяются и желаютъ добраго здоровья... Новаго ничего такого нѣтъ. На второй недѣлѣ наказывали Григорья Артемьевича, дали пятьдесятъ розогъ за подать. Тоже досталось и Ѳедору Абрамовичу и Степану Кривому. Хотѣлибыло драть и Парамоновыхъ, но отстояли. У насъ продали корову, и остались мы пока вовсе безъ скотины... Не кто какъ Господь. Ежели вышлете денегъ, справимся; вы бы попросили господъ, а то теперь почитай что и хлѣбушкомъ изныли. Окромя того, у насъ на дѣтей пошелъ моръ; лѣкаря пріѣзжали, да не помогаютъ. Дюже много померло въ деревнѣ. У Арины трое мальчиковъ сразу отошли въ царствіе небесное отъ горла... На все Господня воля... А впрочемъ, все благополучно, и вы не скучайте, безцѣнная супруга. За симъ письмомъ остаюсь живъ и здоровъ.

Вашъ супругъ,
Василій Ивановичъ.

Еще посылаю уважаемымъ вашимъ господамъ пренизкій поклонъ, и всѣмъ барышнямъ, и съ любовью малюткѣ вашему у груди, Петенькѣ—тоже поклонъ. Ребята сказывали, быдто вышло положеніе давать деньги на покупъ земли... Нижайше попросите барина, не врутъ ли, и какъ теперь будутъ подати? А засимъ еще разъ цѣлую безцѣнную нашу супругу и прошу васъ—ни о чемъ не думайте..

Вашъ супругъ,
Василій Ивановичъ.

Смерть Тургенева.

I.

Смерть крупнаго русскаго писателя заставила встрепенуться полусонное, апатичное общество. Почти исключительно поглощенное будничной сутолокой, съ ея однообразіемъ скуки и пошлости, оно словно вспомнило, что есть на божьемъ свѣтѣ иные, болѣе высшіе интересы, составляющіе цвѣтъ и красу жизни, что безъ нихъ теряется ея настоящій общественный смыслъ и люди, живущіе безъ идеаловъ, постепенно дичаютъ.

Тургеневъ былъ именно однимъ изъ тѣхъ счастливыхъ писателей, которые умѣютъ будить мысль, заставляя людей оглядываться на себя и на окружающія условія жизни, коверкающія людей, дѣлающія ихъ хуже, чѣмъ они могли бы быть. Безъ этихъ «рыцарей духа»,

безъ этихъ свѣтильниковъ мысли, безъ всей этой литературы, многимъ ненавистной, намъ еще сквернѣе жилось бы на свѣтѣ, еще въ бо́льшую бездну пошлости окунулись бы мы, и ничто не взволновало бы насъ! Эту-то силу и живучесть мысли всѣ словно почувствовали и оцѣнили, готовясь почтить память своего писателя торжественнымъ образомъ.

Признаться, даже нѣсколько удивляешься, когда читаешь объ этихъ грандіозныхъ приготовленіяхъ къ похоронамъ. Нѣсколько сотъ депутацій, масса вѣнковъ, процессія, которая растянется отъ вокзала Варшавской дороги на нѣсколько верстъ. Кого это хоронятъ? Полководца, государственнаго человѣка?—Нѣтъ, хоронятъ русскаго писателя, который не былъ ни дѣйствительнымъ ни тайнымъ совѣтникомъ, но въ своихъ произведеніяхъ преподавалъ столько цѣнныхъ совѣтовъ, какихъ не преподать тысячѣ самыхъ патентованныхъ совѣтниковъ... Мы вѣдь не привыкли чествовать память писателей; всякихъ генераловъ, статскихъ и военныхъ, мы хоронить умѣли пышно, но хоронить «генераловъ мысли» не отваживались. Пушкина хоронили съ оглядкой; за то, что Москва хоронила Гоголя съ помпой и на похоронахъ былъ московскій генералъ-губернаторъ въ парадной формѣ, Петербургъ сдѣлалъ Москвѣ выговоръ, а Тургеневъ, назвавшій въ краткой замѣткѣ Гоголя великимъ человѣкомъ, понесъ кару. Тогда нельзя было называть великимъ человѣкомъ человѣка, не имѣющаго генеральскаго чина, да и то если дозволяло начальство, такъ какъ оно одно оцѣнивало людей. О Гоголѣ, послѣ его смерти, запрещено было говорить, и въ петербургскихъ газетахъ о немъ не сказано было ни слова. Бѣлинскаго хоронили совсѣмъ тихо, точно крадучись, и имя его стало упоминаться въ литературѣ только при новомъ царствованіи. Добролюбова провожала небольшая кучка друзей; Писарева тоже не удостоили торжественнаго чествованія. Только похороны Некрасова и потомъ Достоевскаго явились достойными ихъ памяти; въ нихъ приняло участіе общество, понявшее, что въ лицѣ своихъ крупныхъ писателей оно теряетъ лучшихъ руководителей.

Образованные люди стремятся теперь почтить одного изъ нихъ, въ благодарность за услуги, оказанныя имъ родной странѣ. Тѣмъ сердечнѣе, тѣмъ трогательнѣе подобное чествованіе, что въ немъ не можетъ быть ничего заказного: никто не заставляетъ васъ нести вѣнокъ на гробъ писателя, которому вы не сочувствуете; вы несете его тому, кто «чувства добрыя въ васъ лирой пробуждалъ» и, главное, никогда не стоялъ въ рядахъ защитниковъ мрака. Да и кого, скажите на милость, чествовать намъ, какъ не людей науки и искусства? При условіяхъ нашей общественной жизни, мы можемъ близко знать только этихъ людей. Они одни могутъ говорить съ нами въ своихъ произведеніяхъ, они одни болѣютъ нашими скорбями, радуются нашими радостями.

Есть, несомнѣнно, и другіе люди, люди практики, которые могли бы

съ одинаковымъ правомъ пользоваться нашимъ сочувствіемъ, но, къ сожалѣнію, мы не всегда знаемъ ихъ, да и не можемъ знать, такъ какъ мотивы ихъ дѣятельности для насъ, обыкновенныхъ людей, являются непроницаемой тайной. Какъ они думаютъ, каковы ихъ идеалы, про то мы узнаёмъ случайно, чаще всего послѣ ихъ смерти. При жизни мы только довольствуемся фактами, которые не могутъ быть изъяты изъ обращенія, слухами да развѣ случайными разъясненіями въ беллетристической формѣ, въ родѣ романа «Графъ Лоринъ», но вѣдь не всѣ же общественные дѣятели должны писать романы въ часы досуга?

Похороны Тургенева, въ первые дни послѣ полученія извѣстія о смерти писателя, чуть-было не сдѣлались нерѣшеннымъ вопросомъ. По крайней мѣрѣ появились тревожные слухи, будто бы есть препятствія къ ввозу праха Тургенева въ предѣлы Россіи. Эти слухи, несмотря на ихъ неправдоподобіе, упорно держались и какъ будто подтверждались распоряженіемъ снять траурную драпировку съ портрета писателя, выставленнаго въ витринѣ. Затѣмъ разсказывали, что похороны будутъ разрѣшены, но подъ условіемъ отсутствія всякой торжественности. Въ концѣ концовъ всѣ эти слухи, какъ извѣстно, оказались невѣрными, и на-дняхъ мы будемъ хоронить Тургенева съ такой церемоніей, какой не удостоивался еще ни одинъ русскій писатель. Похоронами и всѣми приготовленіями распоряжается солидный комитетъ литературнаго фонда; онъ съ дипломатическимъ тактомъ уже поспѣшилъ предупредить, почему надъ могилой Тургенева произнесутъ рѣчи только два или три изъ старѣйшихъ друзей покойнаго, и почему число лицъ при вѣнкахъ ограничено. Опасаются огромнаго стеченія публики, давки. Сколько помнится, на похоронахъ Достоевскаго этого не опасались, и процессія не была нарушена никакимъ безпорядкомъ. Ужасный дипломатъ этотъ комитетъ!

О Тургеневѣ теперь говорятъ вездѣ, даже и тамъ, гдѣ книга не въ модѣ и гдѣ пожимаютъ плечами, недоумѣвая, почему такъ чествуютъ неимѣвшаго чина писателя. Именемъ его полны страницы газетъ; всѣ другіе интересы дня отошли на задній планъ; со всѣхъ концовъ Россіи получаются телеграммы о панихидахъ, о стипендіяхъ въ память писателя; нѣкоторые города ходатайствуютъ о наименованіи улицъ именемъ покойнаго; Тургенева перечитываютъ; во всѣхъ воспоминаніяхъ, въ отзывахъ иностранцевъ, друзей и случайныхъ знакомыхъ Тургенева личность писателя является въ какомъ-то ореолѣ необыкновенной привлекательности.

Не обходится, разумѣется, и безъ проявленій мелкаго тщеславія; маленькія имена пристегиваются къ большому и, подъ видомъ воспоминаній о Тургеневѣ, напоминаютъ о себѣ. Теперь всякій спѣшитъ доложить читателю о своей бесѣдѣ съ «Иваномъ Сергѣевичемъ», какъ бы пуста ни была бесѣда, или заявить, что онъ тогда-то видѣлъ «Ивана Сергѣевича», и «Иванъ Сергѣевичъ» сказалъ: «гмъ»... Каждый,

повторяю, торопится вынести въ публику частицу своего Добчинскаго, но, по правдѣ говоря, за исключеніемъ отзывовъ иностранцевъ да двухъ-трехъ воспоминаній русскихъ (между которыми особенно характеренъ разсказъ г-жи С—ой о встрѣчѣ Тургенева съ Лассалемъ), всѣ эти біографическія данныя не имѣютъ существеннаго интереса *).

---

*) Считаю не лишнимъ привести отрывокъ изъ воспоминаній г-жи С. о Тургеневѣ, напечатанныхъ въ «Новостяхъ», въ которомъ описывается встрѣча нашего писателя съ Лассалемъ.

Дѣло было въ 1864 году, въ Женевѣ, въ одномъ изъ пансіоновъ, гдѣ остановился Лассаль.

«Сойдя въ галлерею, мы застали тамъ за табль-д'отомъ уже порядочное общество, собравшееся къ утреннему чаю и кофе. Наши глаза невольно искали въ толпѣ знаменитаго экономиста. Впрочемъ, его нетрудно было найти, такъ какъ на немъ было сосредоточено любопытство почти всѣхъ присутствовавшихъ. Сверхъ своей знаменитости, какъ политическаго дѣятеля, онъ въ то время былъ еще героемъ той траги-комедіи, которая называлась его любовью къ m-elle Деннигесъ (впослѣдствіи madame Раковицъ), и потому неудивительно, что имъ всѣ интересовались, и что на немъ сосредоточивалось общее вниманіе вездѣ, гдѣ только онъ ни появлялся.

Я никогда не забуду того момента, когда я въ первый разъ увидѣла Лассаля, о которомъ столько читала и слышала, живя съ братомъ въ Карлсбадѣ и Женевѣ. При входѣ нашемъ въ галлерею, онъ стоялъ у раствореннаго окна и велъ разговоръ съ двумя мужчинами, изъ которыхъ одинъ былъ нашъ эмигрантъ Н. Руки его были покойно сложены, взоръ его блуждалъ медленно въ толпѣ, на которую онъ смотрѣлъ нѣсколько надменно и съ привычной самоувѣренностью, и только первое легкое вздрагиваніе бровей обнаруживало, что его озабочиваетъ какая-то серьезная мысль и что онъ ведетъ разговоръ съ собесѣдниками не безъ внутренняго возбужденія. Позѣ его, въ которой онъ стоялъ, позавидовалъ бы каждый король, такъ она была проста, безыскусственна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даже величественна. Я никогда до того времени не видѣла его, и потому, при первой встрѣчѣ, онъ показался мнѣ далеко не красивымъ мужчиною, даже ниже своихъ фотографическихъ изображеній, но это отсутствіе физической красоты искупалось съ избыткомъ громаднымъ умомъ, запечатлѣннымъ въ каждомъ мускулѣ его открытаго, благороднаго лица, и могучею душою и несокрушимою волею, отражавшеюся въ его оригинальныхъ круглыхъ глазахъ—признакъ генія. Вообще Лассаль произвелъ на меня подавляющее впечатлѣніе титана, предъ которымъ я почувствовала себя полнымъ ничтожествомъ, безполезнѣйшимъ созданіемъ на землѣ.

Я взглянула на Ивана Сергѣевича. Полузакрытыми глазами онъ жадно разсматривалъ Лассаля и своимъ глубокимъ, пытливымъ взоромъ, кажется, желалъ проникнуть въ самую душу стоявшаго предъ нимъ народнаго трибуна. Мнѣ думается, что въ это время Лассаль для Тургенева казался кумиромъ,—такъ велико было то волненіе, которое охватило автора «Записокъ охотника» при первой встрѣчѣ его съ Лассалемъ. По-моему, впрочемъ, ничего не было удивительнаго въ томъ, что Тургеневъ въ тотъ періодъ своей жизни съ такимъ энтузіазмомъ отнесся къ Лассалю: такъ какъ арена, на которой дѣйствовалъ Лассаль, была шире литературной арены Тургенева, да и вся геніальная личность Лассаля была колоссальнѣе тургеневской личности, то, повторяю, неудивительно, что нашъ знаменитый писатель пришелъ въ энтузіазмъ при встрѣчѣ съ человѣкомъ, превосход-

Біографія писателя еще впереди, а пока мы имѣемъ дѣло съ одними восторженными некрологами... Иногда, впрочемъ, эта восторженность доходитъ до того, что нѣкоторые, въ порывѣ усердія, приписываютъ Тургеневу такое значеніе, какое едва ли можетъ имѣть даже самый геніальный писатель. Будто и безъ того не велико литературное и общественное значеніе покойнаго, что нужно прибѣгать къ неумѣренной утрировкѣ! Такъ, одна еженедѣльная газета приписала Турге-

---

ство котораго надъ собою онъ, какъ слишкомъ умный и понимающій человѣкъ, не могъ не сознавать.

Лассаль стоялъ въ полъ-оборота къ Тургеневу и не могъ видѣть устремленныхъ на него пытливыхъ взоровъ Ивана Сергѣевича; но Н. увидѣлъ его и медленно раскланялся съ нимъ. Тогда и Лассаль обвелъ медленнымъ взглядомъ Тургенева и затѣмъ, точно внезапно что-то вспомнилъ, наклонился къ Н. и, указавъ глазами на Тургенева, спросилъ его о чемъ-то. Н. съ улыбкой ему отвѣтилъ; тогда Лассаль вновь окинулъ Тургенева свѣтлымъ взглядомъ и вновь о чемъ-то попросилъ Н. Лицо Тургенева страшно заволновалось, такъ какъ для него, какъ и для всѣхъ, очевиднымъ было, что Лассаль спрашиваетъ у Н. именно о немъ. Чтобы скрыть свое волненіе, Тургеневъ началъ-было разговоръ съ братомъ, но въ это время къ нему подошелъ Н. и, пожавъ руку, передалъ ему о желаніи Лассаля познакомиться съ нимъ. Тургеневъ, совершенно не ожидавшій этого, въ первое мгновеніе былъ точно озадаченъ, но затѣмъ, извинившись предъ нами, что оставляетъ насъ на нѣсколько минутъ, направился къ Лассалю своею мѣрною, спокойною походкою. Лассаль только сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу нашему писателю, при чемъ глаза его смотрѣли на Ивана Сергѣевича ласково, и черты его сложились въ ту тонкую, нравящуюся женщинамъ улыбку, которая у него появлялась, когда онъ испытывалъ внутреннее удовольствіе. Онъ первый протянулъ руку Ивану Сергѣевичу и первый заговорилъ съ нимъ. О чемъ происходила бесѣда между двумя знаменитыми людьми, мы не могли тогда слышать и узнали отчасти лишь потомъ отъ самого Тургенева, но было видимо, что Лассаль произвелъ на него самое пріятное впечатлѣніе.

Разговоръ, происходившій между Лассалемъ и Тургеневымъ, былъ переданъ мнѣ послѣднимъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя, при иной встрѣчѣ нашей уже въ Парижѣ, такъ какъ въ тотъ день, когда состоялась встрѣча Лассаля и Тургенева, мы не считали себя въ правѣ предлагать Ивану Сергѣевичу какіе бы то ни было вопросы относительно обстоятельствъ встрѣчи, хотя, признаюсь, сгорали большимъ любопытствомъ. Разговоръ между нимъ и Лассалемъ происходилъ на французскомъ языкѣ, и говорилось, приблизительно, вотъ что. Какъ я уже сказала, первымъ заговорилъ Лассаль.

— Я очень радъ,—сказалъ онъ Ивану Сергѣевичу, пожимая ему руку:— что судьба на этотъ разъ соблаговолила ко мнѣ и позволила мнѣ увидѣть одного изъ интеллигентнѣйшихъ людей страны, о которой мнѣ довелось читать и слышать столь много чудеснаго.

— Вы приписываете мнѣ, г. Лассаль, ужъ слишкомъ высокую роль,— отвѣчалъ Тургеневъ съ свойственною ему скромностью:—тогда какъ я лишь скромный литературный дѣятель, и все мое значеніе въ отечествѣ ограничивается лишь сравнительно незначительнымъ вліяніемъ на немногочисленный кружокъ моихъ читателей.

— Полноте, г. Тургеневъ,—прервалъ его съ улыбкою Лассаль.—Какъ ваши личныя качества, такъ и ваше значеніе въ Россіи мнѣ хорошо извѣстны изъ разсказовъ вашихъ же соотечественниковъ, и, повторяю, я

неву—легко сказать?—чуть не руководительство нашей общественной жизнью, точно такая роль подъ силу не только одному Тургеневу, но даже нѣсколькимъ такимъ же крупнымъ талантамъ. Но русскій человѣкъ, какъ извѣстно, неумѣренъ. Ужъ если: «пожалуйте ручку»,

---

весьма радъ, что встрѣтился съ вами и имѣю возможность, благодаря Н., познакомиться съ вами.

Затѣмъ Лассаль предложилъ Тургеневу сѣсть за небольшой столъ, стоявшій у окна, за которымъ уже сидѣли Н. и другой господинъ, съ которымъ Лассаль бесѣдовалъ при входѣ нашемъ въ галлерею. Онъ представилъ Тургенева этому господину, оказавшемуся докторомъ Генле изъ Мюнхена, и приказалъ подать для всѣхъ кофе. Во время кофе бесѣда Лассаля съ Тургеневымъ продолжалась съ видимымъ оживленіемъ, при чемъ Тургеневъ старался держать себя спокойно, тогда какъ Лассаль, видимо, чѣмъ-то былъ озабоченъ и изрѣдка поглядывалъ на входную дверь въ галлерею.

Бесѣда ихъ продолжалась не болѣе 7—10 минутъ, какъ вошелъ поспѣшно кельнеръ и, разыскавъ д-ра Генле, подалъ ему запечатанный пакетъ. Тотъ быстро вскрылъ его и шепнулъ что-то Лассалю. При этихъ словахъ Лассаль точно получилъ какой-нибудь сильный толчокъ: на секунду молнія негодованія озарила его лицо; затѣмъ онъ видимо поблѣднѣлъ и, вставши изъ-за стола, началъ извиняться передъ Тургеневымъ, что его ждетъ неотложное дѣло и ему нужно удалиться въ свою комнату.

Тургеневъ, съ грустью, горячо пожалъ протянутую ему руку Лассаля и, когда тотъ, поклонившись, съ привѣтливою улыбкою скрылся изъ галлереи, онъ нѣсколько секундъ смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся трибуну, и на глазахъ его блистали слезы.

Онъ молча распростился съ Н. и докторомъ Генле, которые тоже сейчасъ удалились вслѣдъ за Лассалемъ, и затѣмъ возвратился къ намъ. Когда онъ подошелъ къ намъ, то былъ такъ взволнованъ, что не могъ даже говорить, и на замѣчаніе брата, что Лассаль по внѣшности, дѣйствительно, кажется живымъ человѣкомъ,—онъ лаконически отвѣтилъ:

— Да, Лассаль геніальный человѣкъ!

Вслѣдъ затѣмъ мы всѣ ушли изъ галлереи въ наши комнаты, и чрезъ нѣсколько минутъ Иванъ Сергѣевичъ распрощался съ нами. Видя его волненіе, произведенное, конечно, неожиданною встрѣчею съ Лассалемъ и бесѣдою съ нимъ, мы не старались его удерживать и пожелали ему на прощаніе всѣхъ благъ.

Иванъ Сергѣевичъ уѣхалъ изъ Женевы въ тотъ же день, и мы свидѣлись съ нимъ въ другой разъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя, въ Парижѣ.

. . . . . .

Прошло нѣсколько дней послѣ встрѣчи Тургенева съ Лассалемъ, какъ вдругъ сначала въ пансіонѣ Леове, а затѣмъ по всей Женевѣ распространился слухъ, что Лассаль смертельно раненъ на дуэли съ женихомъ m-lle Деннигесъ, Янкомъ Раковицею. Сначала никто изъ насъ не хотѣлъ вѣрить ужасной судьбѣ Лассаля, котораго мы почти каждый день встрѣчали, но потомъ, дня черезъ два-три, намъ пришлось быть очевидцами грандіозной похоронной процессіи, устроенной республиканцами знаменитому вождю германскихъ рабочихъ.

Въ самый день процессіи Н. получилъ отъ Ивана Сергѣевича по переводу 100 франковъ съ лаконическою просьбою возложить на гробъ Лассаля вѣнокъ отъ «неизвѣстнаго почитателя».

За послѣднія двадцать лѣтъ мнѣ приходилось нѣсколько разъ встрѣчаться съ Тургеневымъ, и онъ никогда безъ сильнаго волненія не могъ вспомнить имени Лассаля и единственной встрѣчи съ нимъ въ Женевѣ.

то онъ такъ превознесетъ, что даже мертвый можетъ почувствовать неловкость, особенно если этотъ мертвый такой скромный и деликатный, какимъ былъ покойный писатель...

Разумѣется, послѣ смерти Тургенева почти всѣ газеты стали считать его, такъ сказать, своимъ, даже и такія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ тургеневскими идеалами. «Новое Время» поспѣшило выдать Тургеневу аттестатъ истинно-русскаго человѣка. До этого, видите ли, никто не зналъ, что Тургеневъ русскій человѣкъ, но что это не мѣшало однако ему быть западникомъ и желать Россіи тѣхъ благъ европейской цивилизаціи, которыхъ чураются наши своеобразные самобытники. Но газета сочла долгомъ вступиться за Тургенева и, какъ всегда, оказалась на высотѣ задачи. Г. Боборыкинъ въ «Новостяхъ» распространился насчетъ неблагодарности современниковъ къ умершему писателю, кстати обвинилъ въ непочтительности «Дѣло» и «Отечественныя Записки» и объявилъ Тургенева космополитомъ. Сдается мнѣ, грѣшный человѣкъ, что, говоря о непочтительности, г. Боборыкинъ не столько имѣлъ въ виду Тургенева, сколько г. Боборыкина, такъ какъ оба названные журнала, напротивъ, всегда говорили съ уваженіемъ о литературной дѣятельности Тургенева, но уваженіе вѣдь не исключаетъ критической оцѣнки, и не самъ ли г. Боборыкинъ, сколько помнится, въ «Московскомъ Обозрѣніи» отнесся къ «Нови» не съ той необыкновенной почтительностью, которую теперь требуетъ отъ другихъ? Или для г. Боборыкина новость, что чѣмъ болѣе талантливъ, чѣмъ болѣе крупенъ писатель, тѣмъ болѣе требовательна критика? Что̀ можно извинить г. Боборыкину, того нельзя— Тургеневу. Можно быть непочтительнымъ къ г. Боборыкину, а на Тургенева можно сердиться. Кому это не понятно?.. Ахъ, если-бъ покойный могъ прочитать все, что̀ теперь про него пишется, какъ смутился бы онъ отъ многихъ восхваленій! И, право, тѣ, кого называетъ г. Боборыкинъ его противниками, гораздо болѣе уважаютъ и цѣнятъ писателя именно потому, что страстнѣе относились къ его литературной дѣятельности.

. . . . . .

II.

Вся образованная Россія единодушно отозвалась глубокой скорбью къ тяжелой утратѣ. Только одна московская газета упорно молчала до поры до времени, не обмолвившись ни однимъ словомъ о смерти Тургенева. Весьма отзывчивая къ сообщеніямъ, имѣющимъ, такъ сказать, предупредительный характеръ, газета на этотъ разъ умышленно пропустила важное событіе. Какъ видно, она не могла забыть эпизода пушкинскаго праздника, когда Тургеневъ, при всемъ своемъ добродушіи, отстранился отъ протянутой ему г. Катковымъ руки, незадолго передъ тѣмъ метнувшей въ него одною изъ излюбленныхъ своихъ

стрѣлъ—обвиненіемъ въ неблагонадежности. Это молчаніе длилось нѣсколько времени и наконецъ было нарушено эффектнымъ эпизодомъ—перепечаткой письма эмигранта г. Лаврова, помѣщеннаго во французской газетѣ, въ которомъ говорилось о томъ, что Тургеневъ давалъ по 500 франковъ Лаврову на изданіе послѣднимъ журнала. «Вотъ, молъ, кого вы позволяете чествовать!»

Понятенъ былъ «эффектъ», приготовленный московской газетой какъ разъ въ то время, когда всѣ недоразумѣнія относительно похоронъ Тургенева были устранены. Понятно, говорю я, эта злоба, не остывающая и надъ могилой писателя, литературная дѣятельность котораго не омрачалась никакимъ, даже малѣйшимъ пятномъ. Тургеневъ былъ и оставался всегда вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, и его натурѣ противно было отступничество, въ какой бы формѣ оно ни выражалось. Такіе люди, особенно такіе крупные и нравственно безупречные люди, какъ Тургеневъ, не могутъ не колоть чужихъ глазъ, являясь какъ бы невольнымъ укоромъ каждой нечистой литературной совѣсти. И съ тѣмъ бо́льшимъ остервенѣніемъ нападаютъ на такихъ людей, чѣмъ безплоднѣе оказывается стараніе умалить нравственно-чистый ихъ образъ. Тургеневъ имѣлъ честь подвергаться такой злобѣ при жизни и сохранилъ за собой эту честь и по смерти. Все это понятно, хоть и нѣсколько удивительно, какъ это такая безспорно умная и опытная по части разсчитанныхъ эффектовъ газета не сообразила, что весь ея, столь ревниво прибереженный, «coup de théâtre» окажется хлопаньемъ по воробьямъ и никакого впечатлѣнія не произведетъ, и что, несмотря на перепечатку письма крупнымъ шрифтомъ, торжественныя похороны все-таки состоятся и въ нихъ приметъ участіе не одна «литературная чернь», какъ выражался корреспондентъ московской газеты, но и депутаціи отъ разныхъ ученыхъ обществъ, и въ томъ числѣ отъ Академіи Наукъ...

Злоба слѣпа и часто попадается впросакъ. То же, къ сожалѣнію, приходится сказать и о дружбѣ. На этотъ разъ она едва ли не перещеголяла «злобу» своимъ безтактнымъ раздуваніемъ поднятаго скандала. Дружба, такъ сказать, его возвела въ перлъ созданія... Ахъ, ужъ эти друзья!..

Понятны были мотивы, заставившіе московскую газету перепечатать заграничное письмо, но чего ради, по поводу этого письма, газеты вскипѣли негодованіемъ и разразились болѣе или менѣе патетическими статьями въ «защиту» Тургенева? Точно и въ самомъ дѣлѣ нуждался въ ихъ защитѣ писатель, чьи убѣжденія такъ хорошо были извѣстны всѣмъ и, разумѣется, правительству? Раздувать эту исторію не значило ли ставить точки на «і» и только радовать московскую газету? «Новое Время» опять-таки первое поспѣшило взять подъ свою защиту Тургенева и не безъ комичнаго паѳоса стало обѣлять его отъ обвиненія въ неблагонадежности, при чемъ, разумѣется, не преминуло

воспользоваться удобнымъ случаемъ блеснуть рыцарской полемикой. «Новости»—тѣ даже остолбенѣли отъ удивленія и сперва глубокомысленно не хотѣли вѣрить сообщенному факту. «Не можетъ быть! Не можетъ быть!»—твердили онѣ. Казалось бы, и довольно, тѣмъ болѣе, что «эффектъ» московской газеты не имѣлъ никакого значенія? Но тутъ, какъ бы въ доказательство вѣчной истины, что никто не умѣетъ насолить лучше друзей, выступили со своими письмами въ защиту покойника гг. Стасюлевичъ и Я. Полонскій.

Признаюсь, я съ тяжелымъ чувствомъ прочитывалъ письмо г. Стасюлевича, которое онъ счелъ нужнымъ напечатать въ защиту Тургенева и въ этомъ письмѣ повторить всѣ тѣ доводы, которые уже высказало «Новое Время»; я привыкъ видѣть въ этомъ журналистѣ образецъ приличной полемики даже и съ врагомъ, но въ этомъ письмѣ не узналъ обыкновенно сдержаннаго и изысканно-вѣжливаго г. Стасюлевича. Эти ненужныя попытки глумленія, эти разоблаченія отзывовъ покойнаго о людяхъ, которыхъ онъ принималъ у себя,—каковы бы ни были эти люди по своимъ взглядамъ,—едва ли достойны памяти Тургенева. И главное: къ чему весь этотъ шумъ, къ чему всѣ эти изліянія благороднаго негодованія? Никто и не думалъ серьезно заподозрѣть маститаго писателя въ чемъ-нибудь предосудительномъ. Откуда же эта трусость, готовая съ перепугу возвести ничтожный фактъ въ событіе первѣйшей важности?

Г. Полонскій въ своемъ письмѣ тоже защищаетъ Тургенева, не безъ оригинальности оправдывая знакомство покойнаго съ эмигрантами такимъ образомъ: «Какъ доктору было бы невозможно отворачиваться съ презрѣніемъ отъ больныхъ и зараженныхъ, такъ и писателю. Требуйте строгости отношеній отъ начальствующихъ, отъ каждаго изъ органовъ государственной власти, но не забывайте, что если поэтъ будетъ походить на нихъ, онъ перестанетъ быть самимъ собою, онъ утратитъ всякое обаяніе. У него, какъ у гражданина, своя задача, онъ призванъ соединить или мирить разнородные элементы своего отечества во имя единаго родного ему языка и высшей правды, во имя сознанія своихъ недостатковъ и стремленія къ вѣчному вочеловѣченью».

Послѣ этого заявленія, оправдывающаго знакомство хоть во имя докторскихъ наблюденій и «вѣчнаго вочеловѣченія», пожалуй, придется какому-нибудь усердному другу г. Полонскаго обѣлять ужъ самого Я. Полонскаго... Вѣдь какъ узнать, съ цѣлями наблюденія или просто такъ знакомъ писатель съ тѣмъ или другимъ подозрительнымъ лицомъ?—можетъ задать ему ехидный вопросъ та же неутомимая газета...

Вотъ до чего дописались усердные друзья. Ахъ, ужъ эти друзья! Не похвалилъ бы ихъ и Тургеневъ, если бы могъ прочитать ихъ защитительныя рѣчи.

III.

Счастливая судьба выпала на долю Тургенева. Онъ могъ писать, не заботясь о насущномъ кускѣ хлѣба, и имѣлъ время отдѣлывать свои вещи съ тѣмъ художественнымъ мастерствомъ, которое придавало всѣмъ его произведеніямъ такой цѣльный и законченный видъ. Съ начала литературной карьеры Тургеневъ сдѣлался любимцемъ публики и долго былъ имъ. Кто не читалъ его «Записокъ Охотника», кто не былъ очарованъ этимъ тонкимъ описаніемъ красотъ природы и тѣмъ гуманнымъ чувствомъ, которымъ проникнуты его разсказы?.. Разумѣется, между мужиками Тургенева и, напримѣръ, «Подлиповцами» Рѣшетникова цѣлая пропасть, но не надо забывать времени, когда писалъ Тургеневъ, и задачи, которыя онъ имѣлъ. Тургеневскіе мужики нѣсколько идеализованы; въ отношеніяхъ къ нимъ автора чувствуется все-таки баринъ, хоть и очень гуманный баринъ, а не другъ, какъ, напр., у Рѣшетникова; но, повторяю, художественная цѣль Тургенева была—возбудить сочувствіе къ угнетеннымъ, показать безнравственность рабства, что̀ онъ и выполнилъ блистательно. У продолжателей начатаго имъ дѣла, естественно, явились другія задачи. Мы, люди поколѣнія, читавшаго «Записки Охотника» подъ шумъ ликованія шестидесятыхъ годовъ, можемъ только представить себѣ силу впечатлѣнія, которое должны были произвести эти разсказы на лучшихъ людей своего времени. Припомните, что они начали появляться въ сороковыхъ годахъ, когда царило крѣпостное право и жизнь была заключена въ тѣсныя колодки того времени. Разсказы эти были перчаткой, брошенной врагу, и дѣйствительно явились знаменательнымъ событіемъ...

Съ той поры Тургеневъ не переставалъ быть любимцемъ публики... Популярность его была громадна... Книжки «Современника», гдѣ обыкновенно печатались вещи Тургенева, рвались нарасхватъ. Кто изъ насъ не зачитывался «Дворянскимъ гнѣздомъ», «Наканунѣ», «Рудинымъ»—этимъ «лишнимъ человѣкомъ» мрачной эпохи, сложившимъ безпокойную свою голову на парижскихъ баррикадахъ? Впослѣдствіи Писаревъ, увлеченный вмѣстѣ съ другими проповѣдью индивидуализма, напалъ, сколько помнится, на Рудина за его «бездѣлье» и не предвидѣлъ, конечно, что и въ слѣдующемъ поколѣніи окажутся «лишніе люди»—плоть отъ плоти и кость отъ костей благороднаго идеалиста Рудина. Правда, они ужъ не ѣхали умирать въ Парижъ: они все еще пытались найти работу дома; ихъ идеалы опредѣленнѣе, задачи яснѣе,—но и они, какъ Рудинъ, такъ или иначе погибали въ борьбѣ съ окружающимъ, какъ погибъ бы и реалистъ Базаровъ, не умори его Тургеневъ при самомъ началѣ его общественной дѣятельности... Великій художникъ создалъ типъ Рудина, но

«лишніе люди» слѣдующихъ поколѣній еще ждутъ своего пѣвца, такого же крупнаго, какъ и Тургеневъ...

«Отцы и дѣти» отошли теперь въ область исторіи; критика отведетъ имъ надлежащее мѣсто среди многочисленныхъ твореній писателя; страсти, возбужденныя этимъ романомъ, улеглись, и теперь возможно припомнить безъ чувства острой боли впечатлѣніе, произведенное этимъ романомъ при его появленіи. Впечатлѣніе, дѣйствительно, было потрясающее. Одни были смущены, другіе злорадно хихикали: «Вотъ каковы дѣти!»—говорили, указывая на Базарова, Кукшину, Ситникова тогдашніе «отцы», успѣвшіе уже поднять головы послѣ смущенія отъ первыхъ обновительныхъ реформъ. Не надо забывать еще, что романъ появился именно въ то время, когда начался «переломъ» въ нашей общественной жизни, когда люди, недовольные реформами, настойчиво проповѣдывали поворотъ назадъ, грозя серьезными осложненіями, и что напечатанъ онъ былъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», только-что сдѣлавшимся органомъ недовольныхъ реформами. Принявъ все это въ соображеніе, легко понять, что «Отцы и дѣти» были, такъ сказать, «бомбой», брошенной въ самый центръ борьбы, и возбудили взрывъ негодованія у однихъ и злорадное торжество у другихъ.

«Я испыталъ тогда,—говоритъ Тургеневъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»:—впечатлѣнія, хотя разнородныя, но одинаково тягостныя. Я замѣчалъ холодность, доходившую до негодованія, во многихъ мнѣ близкихъ и симпатическихъ людяхъ; я получалъ поздравленія, чуть не лобызанія отъ людей противнаго мнѣ лагеря, отъ враговъ. Меня это конфузило... огорчало; но совѣсть не упрекала меня: я хорошо зналъ, что я честно, и не только безъ предубѣжденья, но даже съ сочувствіемъ отнесся къ выведенному мною типу».

Но тогда, въ разгаръ литературной борьбы, некогда было разбирать намѣренія автора, и вотъ почему, подъ первымъ впечатлѣніемъ, появились крайне рѣзкія статьи по поводу «Отцовъ и дѣтей». Особенно рѣзка была статья М. А. Антоновича, напечатанная въ «Современникѣ». Объ этой статьѣ еще недавно счелъ нужнымъ вспомнить г. Боборыкинъ и, конечно, покорить г. Антоновича. Дѣйствительно, статья была рѣзка, но она была необходима по тогдашнему времени, какъ горячій протестъ, и страстность ея тѣмъ болѣе понятна, что авторъ романа былъ крупнымъ талантомъ: романъ его не могъ не произвести громаднаго впечатлѣнія на читающую публику и, помимо воли автора, могъ играть въ руку противнаго лагеря, готоваго воспользоваться каждымъ случаемъ, чтобы бросить грязью въ «дѣтей»... Спору нѣтъ, что Кукшины и Ситниковы тогда существовали, но рядомъ съ ними были и другія «дѣти», представители которыхъ недаромъ завоевали себѣ почетное мѣсто въ исторіи литературы... Какъ бы кто ни смотрѣлъ на Базарова, но не въ его идеяхъ воплощались завѣтныя стремленія лучшихъ «дѣтей» того времени, а въ тѣхъ, которыя выска-

зывались представителями лучшей части литературы... И «Современникъ» былъ правъ тогда въ своихъ рѣзкихъ нападкахъ, во имя принципа, какъ бы предвидя, что соблазнительный типъ Базарова найдетъ себѣ множество подражателей среди неустановившейся молодежи, и что примѣръ крупнаго художника породитъ цѣлую литературу, обличающую «дѣтей» уже совсѣмъ съ другими цѣлями, чѣмъ Тургеневъ.

Это «недоразумѣніе» между лучшимъ изъ литературныхъ «отцовъ» и «дѣтьми» того времени продолжалось нѣсколько времени. Обѣ стороны считали себя несправедливо обиженными. И уже въ лицѣ третьяго поколѣнія, не бывшаго въ самомъ разгарѣ борьбы, маститый художникъ снова вернулъ себѣ восторженное поклоненіе... Горячая и трогательная была встрѣча Тургенева въ Москвѣ, на пушкинскомъ праздникѣ, и потомъ въ Петербургѣ. Страсти давно улеглись, «недоразумѣніе» разъяснилось, и три поколѣнія—«отцовъ», «дѣтей» и «внуковъ» чествовали тогда писателя... Эти выраженія восторга трогали до глубины души Тургенева.

Воспоминанія, разсказы близкихъ людей и знакомыхъ покойнаго писателя единогласно свидѣтельствуютъ объ обаятельной личности Тургенева. Привѣтливый, добродушный, деликатный, онъ положительно очаровывалъ людей. Разсказчикъ онъ былъ неподражаемый и, когда хотѣлъ, сейчасъ же овладѣвалъ вниманіемъ общества, въ которомъ находился. Къ начинающимъ писателямъ, искавшимъ его одобренія, онъ относился необыкновенно тепло и съ той деликатностью, которая иногда даже порождала недоразумѣнія. Ему часто надоѣдали назойливые авторы и просили отвѣта... Онъ часто не рѣшался сказать правды въ лицо человѣку, и отсюда—комическія затрудненія Тургенева... Его любезность въ рекомендаціяхъ даже вредила начинающимъ авторамъ... «Тургеневъ рекомендуетъ»—говорили въ редакціяхъ, возлагая надежды на рекомендуемыя вещи, и нерѣдко... разочаровывались...

Необыкновенно чуткій къ вѣяніямъ русской жизни, онъ, представитель иного поколѣнія, носитель иныхъ задачъ, съ особеннымъ интересомъ относился къ новымъ людямъ. Но «новые» люди, какъ кладъ, никому не давались, и самъ Тургеневъ говорилъ однажды: «Когда я смотрю на «новаго» человѣка прямо—я понимаю его, когда смотрю сбоку—перестаю понимать!» Въ «Нови» маститый художникъ попробовалъ рисовать новыхъ людей... Въ его отношеніяхъ къ нимъ нѣтъ предубѣжденія, нѣкоторыя лица очерчены мастерски, но въ общемъ все-таки «новые» люди не вышли.

Но что̀ за бѣда! Развѣ мало и безъ того лавровъ въ блестящемъ вѣнкѣ Тургенева?.. Развѣ можно требовать отъ маститаго художника воспроизведенія той сложной жизни послѣдняго времени, которая проходитъ передъ нами, смущая многихъ своими непонятными противорѣчіями. Эта жизнь еще ждетъ своего выразителя, такого же талантливаго и крупнаго, какимъ былъ Тургеневъ для своего времени...

Тургеневъ и безъ того слишкомъ много далъ русской литературѣ и обществу. Онъ не зарылъ своего таланта и до конца своихъ дней работалъ для любимой имъ литературы. Счастлива доля писателя, память котораго не омрачена никакой тѣнью и нравственный обликъ котораго такъ же свѣтелъ, какъ и его произведенія.

Изъ дневника неунывающаго россіянина.

28-го сентября.

Бѣдный дяденька Петръ Ивановичъ остался въ дуракахъ, а ужъ онъ ли не умудренъ опытомъ и не убѣленъ клочками сѣдинъ на лысой благообразной головѣ, отъ которой пахнетъ духами! Должно-быть, повѣтріе такое! Недаромъ и дипломатическій «Journal de St.-Pétersbourg» покорилъ «угрюмые и предубѣжденные умы», которые ожидали отъ похоронъ Тургенева Богъ знаетъ чего.

Никакой «революціи» на похоронахъ, разумѣется, не произошло, хоть дяденька еще наканунѣ, за чаемъ, неоднократно повторялъ, весело потирая руки и внушительно скашивая свои бритыя губы:— «Увидишь! увидишь!»

Онъ «въ принципѣ не одобрялъ» этихъ похоронъ («Знаемъ, отлично знаемъ, что̀ сіе обозначаетъ!») и цѣлую недѣлю былъ не въ духѣ, потерялъ аппетитъ и даже не писалъ для «Русской Старины» воспоминаній. Я понимаю: старику досадно, что его — все-жъ тайнаго совѣтника—никто не слушаетъ, кромѣ чадъ и домочадцевъ, да и тѣ слушаютъ больше изъ приличія. Но главнымъ образомъ, сдается мнѣ, дяденькѣ Петру Ивановичу хотѣлось «революціи» въ пику другому Петру Ивановичу, тоже тайному совѣтнику и тоже умудренному опытомъ и сѣдинами, только подкрашенными. Другой Петръ Ивановичъ, напротивъ, «въ принципѣ допускалъ» похороны Тургенева и «революцій» по сему случаю не предвидѣлъ.

— Но вѣдь это общественная манифестація!—горячился мой Петръ Ивановичъ.

— Гмм... Нельзя же... Все-таки...

— Что̀ все-таки?

— Ну, однимъ словомъ, Тургеневъ... Жилъ въ Европѣ... Всѣ его знали...

— Положимъ, жилъ въ Европѣ... Но отчего именно жилъ въ Европѣ?

— Не одобряю... Но какъ бы то ни было, а его величество король прусскій, нынѣ императоръ германскій, изволилъ осчастливить покойнаго своимъ посѣщеніемъ въ Баденъ-Баденѣ... Наконецъ Тургеневъ былъ хорошей фамиліи...

— Однако, Петръ Ивановичъ... Вы, какъ посмотрю, нынче готовы потакать страстямъ...

И пошло. Оба Петра Ивановича сцѣпились и разошлись пѣтухами.

Это было недѣли за двѣ до похоронъ. Съ этой поры дяденька, можно сказать, усугубилъ въ себѣ желаніе «революцій»... Онъ прозорливѣе своего пріятеля. Онъ понимаетъ положеніе. Онъ не дастъ ввести себя въ заблужденіе...

— Хоть бы они мѣры предосторожности приняли! — не унимался наканунѣ дяденька.—Ну, назначь дивизію при артиллеріи и кавалеріи, а то думаютъ ограничиться городовыми да казаками... Посмотримъ, посмотримъ!

Тетенька, она-жъ и предсѣдательница «Общества благовоспитанныхъ кукушекъ» (есть такое общество въ С.-Петербургѣ), меланхолически вздыхаетъ, сидя за самоваромъ, и потрясаетъ сѣдыми буклями. «Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни глупъ Петръ Ивановичъ, а, можетъ-быть, на этотъ разъ онъ уменъ!—думаетъ тетушка.—Кто разберетъ прозорливаго отъ олуха?» А дяденька, какъ нарочно, нагоняетъ страху, рисуя картины, дѣлающія честь его фантазіи. Картины являются одна другой грандіознѣе и глупѣе, и чѣмъ глупѣе, тѣмъ грандіознѣе. Дядя, видимо, увлекается. *Они* (несомнѣнно, дядя подразумѣваетъ литераторовъ), потрясая вѣнками съ угрожающимъ видомъ (для того и такіе громадные вѣнки приготовлены. Видѣлъ вѣнокъ Шапиро?), распѣваютъ возмутительныя пѣсни... Страсти разнуздываются. Вотще просьбы и увѣщанія полицейскихъ чиновъ.

Мнѣ, признаюсь, дѣлается весело, и я подбадриваю дяденьку. «Революція», принимая все бо̀льшіе размѣры, является, приблизительно, въ такомъ фазисѣ. Манифестанты, не предводительствуемые никѣмъ, уже готовы сдаться на увѣщанія одного объявившагося Демосѳена (образецъ блестящей рѣчи, которая въ изложеніи Петра Ивановича начинается словами: «Образумьтесь, братія! Вспомните, что̀ ждетъ васъ!»). Они уже поколебались и непрочь идти по участкамъ, даже безъ провожатыхъ, но въ это самое мгновеніе опасный «демагогъ», г. Стасюлевичъ, вмѣстѣ съ «заматорѣлымъ франъ-масономъ» г. Краевскимъ, принимаетъ общее начальство. Г. Гайдебуровъ незамѣтно присоединяется къ нимъ, и тріумвиратъ даетъ иной тонъ манифестаціи. Тщетно г. Григоровичъ взываетъ къ чувствамъ, тщетно съ рыданіями въ голосѣ говоритъ, что онъ здѣсь начальникъ и никто болѣе, что онъ далъ клятву скорѣй погибнуть, чѣмъ допустить «революцію»,—гг. Стасюлевичъ, Краевскій и Гайдебуровъ не такіе люди, чтобы внять призыву благоразумія. Они садятся на коней и объѣзжаютъ ряды, возбуждая мятежный духъ... Полиціи оказывается мало...

Двѣ хорошенькія кузины, похожія на фарфоровыя куколки, пугливо взглядываютъ на юнаго двоюроднаго братца Никса, блестящаго, какъ лакированный сапогъ, и розоваго, какъ парная телятина.—«И отчего ты раньше не предупредилъ насъ! Мы бы уѣхали куда-нибудь на это время»,—говоритъ наконецъ тетенька. На это замѣчаніе Никсъ пре-

зрительно усмѣхается, оскаливая рядъ бѣлоснѣжныхъ зубовъ... Побаиваясь дяденьку (онъ даетъ ему карманныя деньги), Никсъ тихо говоритъ, наклоняясь къ тетенькѣ и щелкая каблуками:

— Успокойтесь, ma tante... Одинъ эскадронъ... довольно одного эскадрона, ma tante, и...

Онъ дополняетъ мысль граціознымъ жестомъ руки.

Но дяденька услыхалъ и, отодвигая стаканъ съ чаемъ, замѣтилъ:

— Одного эскадрона!?! Ужасные хвастуны стали вы нынче, молодые саврасы!

Никсъ не то конфузится, не то посмѣивается, а дяденька, обращаясь ко мнѣ, снова повторяетъ:—«Увидишь! увидишь!»

На утро, въ 8 часовъ, я уже былъ на квартирѣ у Петра Ивановича, согласно обѣщанію. Старикъ былъ возбужденъ и спрашивалъ: не замѣтно ли чего по улицамъ? Мы условились, что я буду давать ему знать о ходѣ дѣлъ. Онъ совѣтовалъ быть осторожнымъ и на прощанье опять повторилъ: — «Увидишь, братецъ, увидишь! Заварили кашу!»

Разумѣется, я ничего не увидалъ, кромѣ примѣрнаго порядка, такъ что городовымъ и казакамъ рѣшительно нечего было дѣлать, тѣмъ болѣе, что сами литераторы, выбранные для наблюденія, исполняли свое дѣло не безъ усердія. Особенно хорошъ былъ г. Аверкіевъ. Онъ такъ внушительно и громко покрикивалъ, обнаруживая видимыя поползновенія пустить въ ходъ руки для осаживанія, что, глядя на него, сознающаго все величіе своей миссіи, я невольно подумалъ: «Какой бы отличный это былъ Держиморда! Что̀ за голосъ! Что̀ за плечи! Положительно, vocation manquée!»

Когда я сообщилъ Петру Ивановичу, что все идетъ «честно и благородно», что никакихъ безпорядковъ нѣтъ и не предвидится, и что полиціи рѣшительно нечего дѣлать, онъ сперва недовѣрчиво усмѣхнулся.

— Подожди, голубчикъ, подожди... Дай только *имъ* дойти до Разстанной улицы. Тогда увидишь.

— Довольно ли, по крайней мѣрѣ, полиціи?—поинтересовалась тетенька.

— Вполнѣ. Можно даже сказать... черезчуръ...

— И ты, кажется, сомнѣваешься?—перебилъ меня дяденька, и въ его глазахъ стоялъ упрекъ. Очевидно, отсутствіе безпорядковъ онъ считалъ чуть ли не личнымъ оскорбленіемъ.

Когда наконецъ я пріѣхалъ съ кладбища и никакихъ извѣстій о «революціи» не привезъ, онъ положительно былъ смущенъ и недоволенъ.

Я посмотрѣлъ на это гладко выбритое лицо съ желтоватымъ отливомъ, съ выдавшимися скулами и низкимъ, отлогимъ лбомъ, на эти нависшія сѣдыя брови, изъ-подъ которыхъ злобно глядѣли маленькіе

ястребиные глаза,—и мнѣ стало жутко. Онъ пересталъ быть смѣшонъ, мой дяденька. Я понялъ, что онъ, этотъ самый Петръ Ивановичъ, непрочь былъ бы даже устроить «безпорядокъ», если-бъ это могло помочь ему получить давно потерянное мѣсто. И мнѣ невольно приходило въ голову: что̀ могъ бы натворить такой экземпляръ, если-бъ онъ не пребывалъ на лаврахъ, а въ самомъ дѣлѣ способствовалъ ходу исторіи?

Откуда въ немъ этотъ нелѣпый страхъ и это злорадство? Какія комбинаціи происходятъ въ его мозгу, если онѣ могли довести его до такихъ нелѣпыхъ представленій? И развѣ онъ одинъ?.. Развѣ мало этихъ «угрюмыхъ и предубѣжденныхъ умовъ»? Видно, не мало, если «Journal de St.-Pétersbourg» счелъ долгомъ заявить объ этомъ.

Положимъ, мозгъ дяденьки никогда не комбинировалъ съ достаточной правильностью. Во-первыхъ, съ дѣтства его ушибла нянька, во-вторыхъ, вся жизнь его, заключавшаяся въ умѣніи сдѣлать «отъ сихъ и до сихъ» и распредѣлить казенное имущество, не особенно давала простора для сложныхъ комбинацій. Но все-таки есть же предѣлъ и нелѣпости, за которымъ уже начинается вѣдѣніе психіатріи. А дяденькина фантазія тѣмъ характерна, что является, такъ сказать, возведеніемъ въ перлъ созданія той нелѣпости, которая гуляла въ публикѣ, какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что будутъ торжественно хоронить Тургенева. Подите, спросите, на основаніи какихъ соображеній эта «нелѣпость» трактовалась и комментировалась!.. Но самый фактъ является тѣмъ не менѣе крайне характернымъ знаменіемъ времени. Нѣтъ дыма безъ огня.

Онъ ходилъ какъ въ воду опущенный, мой Петръ Ивановичъ; но зато другой Петръ Ивановичъ явился на слѣдующій вечеръ къ дяденькѣ такимъ гоголемъ, точно ему и никому болѣе обязаны, что похороны Тургенева не омрачались безпорядками.

— Я говорилъ... Я предвидѣлъ... Надо, Петръ Ивановичъ, понимать положеніе вещей. Вѣдь мы наконецъ не Азія какая-нибудь... Отчего-жъ намъ и не чествовать знаменитаго писателя. Это, во всякомъ случаѣ подъемъ...

Тетенька—баба неглупая—слушала съ неудовольствіемъ хвастовство Петра Ивановича и, поглядывая на обоихъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ «въ принципѣ допускалъ», а другой «въ принципѣ не допускалъ», кажется, колебалась въ рѣшеніи затруднительнаго вопроса: который изъ нихъ умнѣе. «Оба—хороши!»—казалось, говорилъ ея взглядъ. Мнѣніе ея въ этомъ случаѣ могло имѣть основаніе: Петра Ивановича перваго она изучила хорошо, какъ супруга, а Петра Ивановича второго, какъ близкаго ея друга, въ тѣ времена, конечно, когда тетенька еще была не дама, а дамочка, и не предсѣдательствовала въ «Обществѣ благовоспитанныхъ кукушекъ».

Оба пріятеля удалились въ кабинетъ, чтобы снова совершенно серьезно

и платонически «допускать» кое-что или «ничего не допускать въ принципѣ», пока не придутъ еще двое новыхъ Петровъ Ивановичей и можно будетъ составить партію. Тѣмъ временемъ Никсъ бесѣдуетъ съ фарфоровыми барышнями о новой рѣзвой кобылѣ Свѣтланѣ, о похоронахъ Тургенева, о представленіи въ циркѣ. Онъ говоритъ съ такимъ чувствомъ о Свѣтланѣ, смѣется такимъ звонкимъ, невмѣняемымъ хохотомъ, разсказывая, какъ въ толпѣ помяли бабу, такъ мило сознаётся, что ничего не читалъ изъ Тургенева, что, глядя на это голубоглазое свѣжее лицо, на это мощное юное тѣло, дышащее здоровьемъ, глупостью и отвагой, казалось, самъ собой разрѣшается вопросъ о счастливыхъ людяхъ на Руси, самой судьбой какъ будто назначенныхъ для воспроизведенія красивыхъ отпрысковъ человѣческой породы. «Фарфоровыя» слушаютъ и хихикаютъ, смѣшиваютъ произведенія Тургенева съ романами Авсѣенко и непрочь, повидимому, связать свою судьбу съ судьбою Антиноя-Никса, — такъ онъ широкъ въ плечахъ, могучъ и прекрасенъ. Эта «молодая Россія» весело хохочетъ въ то время, какъ старая угрюмо и недовѣрчиво трактуетъ о внѣшней и внутренней политикѣ въ ожиданіи винта.

Я подсѣлъ къ тетенькѣ и выслушалъ повѣсть о томъ, какъ, благодаря назидательнымъ бесѣдамъ, кукушки неблаговоспитанныя дѣлаются благовоспитанными. Подходящіе примѣры. Хитрая дама эта тетенька! Она ведетъ со мной бесѣду, а сама то и дѣло бросаетъ взоры на молодыхъ людей и особенно, казалось, обращаетъ вниманіе на руки прелестнаго Антиноя, зная по опыту, сколь скользокъ путь добродѣтели, особенно тамъ, гдѣ о ней много говорятъ. А у нихъ въ домѣ добрая часть времени именно посвящается подобнымъ темамъ, при чемъ всѣ лгутъ не краснѣя.

Мысль: что если Никсъ, доживъ до тридцати пяти лѣтъ, разлюбитъ рѣзвыхъ кобылъ и откроетъ въ себѣ признаки иныхъ способностей? Каково будетъ его разочарованіе, если ему не повѣрятъ и оставятъ его при рѣзвой кобылѣ? Съ этой невозможной мыслью я раскланиваюсь и ухожу.

29-го сентября.

Положительно, мы живемъ въ анекдотическое время. Записываю это безъ всякой претензіи на каламбуръ. Куда ни придешь—первымъ дѣломъ услышишь анекдотъ, болѣе или менѣе невѣроятный (отъ этого, вѣроятно, и не попадающій въ газеты), такъ что не знаешь: вѣрить или не вѣрить. Зачастую въ немъ ни хронологіи, ни перспективы, ни капли логики, ни тѣни правдоподобія, а онъ себѣ гуляетъ, всѣ его повторяютъ и всѣ какъ будто вѣрятъ. Легковѣріе невѣроятное и крайне характерное! Иностранецъ, не знающій основательно нашей жизни, могъ бы подумать, слушая иной разъ наши интимныя бесѣды, что попалъ въ Бедламъ. Недавно, напримѣръ, одинъ шутникъ пустилъ слухъ,

будто на Невскомъ видѣли господина, который гуляетъ безъ головы, съ портфелемъ подъ мышкой,—такъ я знаю многихъ, ходившихъ на Невскій посмотрѣть этого господина и даже сердившихся, что такого господина не видали. «Мало ли что можетъ быть, особенно если допустить спиритизмъ!» Въ каждомъ вѣдомствѣ, въ каждой профессіи есть свои спеціальные анекдоты, но всѣ они имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ чего-то невообразимо сумбурнаго и неправдоподобнаго, а между тѣмъ вѣроятнаго. Анекдотъ, такъ сказать, виситъ въ воздухѣ, точно безъ него ужъ совсѣмъ было бы скучно жить и нечѣмъ питать присущее человѣку любопытство. Когда идешь по Невскому и всматриваешься въ лица, то навѣрно знаешь, отъ кого какой анекдотъ услышишь... Если записывать всѣ эти слухи за день, то, пожалуй, выйдетъ прелюбопытная иллюстрація нашей общественной жизни, именно потому, что очень ужъ характерно легковѣріе. Возьмешь газету — и тамъ царитъ анекдотъ, не всегда досказанный, особенно въ корреспонденціяхъ, и только одна московская газета обходится безъ него; когда читаешь ее, то знаешь, по крайней мѣрѣ, чему вѣрить, чему нѣтъ.

Всѣ эти дни были посвящены анекдотамъ по поводу похоронъ Тургенева. Куда ни придешь: «слышали?» И затѣмъ — не то сказка изъ «Тысячи и одной ночи», не то баснословная эпопея. Даже на заграничную биржу, какъ сообщаетъ «Journal de St.-Pétersbourg», дошли эти толки. Ну, теперь все разъяснилось, и слава Богу.

Слышалъ жалобы на похоронную комиссію и въ особенности на главнаго распорядителя, г. Григоровича. Тоже отзываются анекдотомъ. Маститаго беллетриста обвиняли въ незнаніи элементарныхъ правилъ вѣжливости. Я еще мягко выражаюсь, принимая во вниманіе, сколь быстро русскій человѣкъ усвоиваетъ себѣ пріемы Держиморды, какъ только попадаетъ въ распорядители. Сейчасъ же — генеральскій тонъ съ одними и — «чего изволите» съ другими. Оборвать, привести въ смущеніе, показать себя и т. п. Это вѣдь въ нравахъ вообще, тѣмъ болѣе, что и русскій человѣкъ, куда бы ни вошелъ, первымъ дѣломъ безпокойно озирается, отыскивая глазами начальство, и только тогда приходитъ въ себя, когда видитъ наконецъ возможность дѣйствительно оробѣть.

При большой дозѣ нахальства можно чудеса творить. Я вѣрю одному знакомому, который брался объѣхать безнаказанно всю Россію въ качествѣ самозваннаго ревизора, имѣя въ запасѣ лишь разнообразный выборъ ругательныхъ привѣтствій.

На распорядителя похоронной комиссіи жаловались, и не безъ основанія. Приходятъ, напримѣръ, къ нему двѣ москвички, пріѣхавшія съ депутаціями на похороны, и съ достодолжной почтительностью просятъ у г. Григоровича какихъ-то разъясненій. «Какихъ еще имъ разъясненій!? Разъясненій! Ахъ, Боже мой... Онъ такъ усталъ. Ему не даютъ покоя. Онъ просто потерялъ голову...»

Все это говорится тѣмъ недовольнымъ, брюзгливымъ тономъ, который столь знакомъ въ канцеляріяхъ. Москвички, гостепріимныя москвички, ожидавшія, конечно, сочувствія и привѣта («Вы пріѣхали почтить память Тургенева... Ахъ, какъ пріятно... Садитесь, пожалуйста: чего угодно, чаю или кофе? Чаю, разумѣется?»), — натурально, оробѣли и представляли изъ себя провинившихся школьницъ... «Такъ вамъ разъясненій? Совѣтую вамъ, сударыни, хорошенько выучить на память объявленіе въ «Новомъ Времени». Вы читаете газеты?» Москвички остолбенѣли, выслушали привѣтствіе, ушли и только на дорогѣ сообразили, что имъ не мѣшало бы дать понять г. Григоровичу неприличіе его обращенія. Если онъ такъ устаетъ, то къ чему брать на себя такую обузу?.. Сообразили это онѣ уже въ Караванной (а получили удовольствіе въ Большой Морской). Гдѣ ужъ тутъ ворочаться!

Со студентками медицинскихъ курсовъ г. Григоровичъ обошелся, какъ говорятъ, совсѣмъ ужъ «анекдотически». Просто прикрикнулъ, какъ капитанъ-исправникъ, и былъ таковъ. Ушли и онѣ несолоно хлѣбавши, повторяя про себя въ изумленіи: «А еще литераторъ!»

Съ раздачей билетовъ въ церковь тоже было немало «эпизодовъ». Г. Григоровичъ очень былъ разборчивъ, до того разборчивъ, что отказалъ-было въ выдачѣ билета одному весьма извѣстному литератору 60 годовъ, на томъ основаніи, что онъ не состоялъ ни при какой депутаціи. Вообще, можно сказать, г. Григоровичъ оказался неважный церемоніймейстеръ... Впрочемъ, и то: онъ такъ усталъ... Ему не давали покоя... Ну какъ, подъ бременемъ такихъ заботъ, не сдѣлаться капитанъ-исправникомъ, особенно если это сходитъ благополучно съ рукъ.

30-го сентября.

...Что маленькіе люди могутъ подавать хорошіе совѣты—это старо, какъ Божій міръ, но что ихъ совѣта никто не спрашиваетъ—это тоже не новость. Эта мысль пришла мнѣ въ голову по поводу разговора съ однимъ очень незначительнымъ чиновникомъ морского министерства. Это—маленькій чиновникъ, кажется, изъ писарьковъ, а поди-жъ какія богатыя комбинаціи въ головѣ! Разговорились мы о томъ, о семъ и, натурально, пришли къ экономіи. Собесѣдникъ мой жаловался, что все дорого, что трудно жить, и что нынче съ экономіей становится еще труднѣй... Это ужъ вѣчная тема, какъ только встрѣтитесь съ мелкимъ чиновникомъ. И «анекдотъ» тамъ больше вращается около какихъ-то «достовѣрныхъ» источниковъ насчетъ комиссіи, занимающейся вопросомъ о прибавкѣ жалованья маленькимъ чиновникамъ, не обременяя въ то же время бюджета. Мой собесѣдникъ, несомнѣнно легковѣрный какъ младенецъ, когда дѣло касается подобнаго вопроса, любопытствуетъ: не слыхалъ ли я чего-нибудь о занятіяхъ этой комиссіи, и наконецъ гдѣ она именно засѣдаетъ? Такъ какъ я не могъ удовлетво-

рить его любопытства и не желалъ опечалить предположеніемъ, что такая комиссія, по всей вѣроятности, имѣетъ засѣданія въ какомъ-нибудь фантастическомъ замкѣ въ Испаніи, если не на южномъ полюсѣ,—то ограничился лишь неопредѣленнымъ пожатіемъ плечъ (весьма удобный и неубыточный видъ сочувствія), вслѣдствіе чего мой собесѣдникъ продолжалъ ту вѣчную сказку про бѣлаго бычка, безъ которой, какъ кажется, немыслима ни одна бесѣда съ какимъ бы то ни было собесѣдникомъ. Только «бычокъ» у каждаго свой, но непремѣнно «бычокъ».

Онъ не то что недоволенъ (по чину и занятіямъ ему, напротивъ, обязательно быть всегда довольнымъ), а какъ-то «вообще скорбитъ душой».

— Пошла,—разсказывалъ онъ:—экономія, и ни тебѣ на погребеніе, ни тебѣ на свадьбу, ни на погорѣніе... Въ старину, бывало, обнищаешь очень, возьмешь да и погоришь... этакъ примѣрно... Такъ и такъ, лишился носильнаго платья, сабли и кортика... Смотришь, иной разъ начальство обругаетъ — у насъ во флотѣ ужъ такая привычка была почитать чужихъ родителей, — а все-таки прикажетъ выдать, изъ остатковъ, рубликовъ не то полсотни, а то и сотню. А теперь... гори не гори, женись не женись, одинъ отвѣтъ: не подлежитъ къ выдачѣ по закону... Оно и трудно маленькому-то человѣку при экономіи да при законѣ...

— Всѣмъ трудно...

— Другимъ легче... Особенно кто умѣетъ обращаться какъ слѣдуетъ, деликатно. Тоже надо имѣть фантазію... Не всякій ее имѣетъ.

Господинъ Петровъ (такъ ззали моего собесѣдника) глотнулъ двѣ рюмки «настоящей» мадеры, оживился и весело проговорилъ:

— А я бы того... сумѣлъ, потому что у меня очень много фантазіи... Я прежде по комиссаріатской части въ Кронштадтѣ служилъ... Тамъ и фантазію пріобрѣлъ.

— Что-жъ бы вы сдѣлали?

— Что̀ бы я сдѣлалъ? А вотъ что̀ бы я сдѣлалъ. Я бы эту самую экономію свято соблюдалъ, и погори какой-нибудь чиноша, я бы напустилъ на него какого-нибудь этакаго цербера, который только бы и говорилъ: «не подлежитъ по закону». Служба нетрудная... Всего говори четыре слова съ 11 до 4 часовъ, и ничего другого, а самъ бы, будь на видномъ посту, велъ свою комбинацію. И экономія бы сохранилась, и я бы не «зѣвалъ на брасахъ», какъ говорятъ моряки.

Такъ какъ я не совсѣмъ понималъ эту комбинацію», то г. Петровъ, хлебнувшій еще мадеры, вошелъ въ детали, т. е. попросту сталъ загибать пальцы.

— Это вотъ жалованье — разъ! Это — прогоны за поѣздки по службѣ—два! По болѣзни—три! Затѣмъ на обзаведеніе—четыре! На излѣченіе болѣзни — пять! Порціоны — шесть! Въ случаѣ свадьбы—

семь! За введеніе экономіи — восемь! Вотъ ужъ изъ восьми пальцевъ шестьдесятъ двѣ тысячи. А при фантазіи можно еще придумать.

Долго еще посвящалъ онъ меня въ различныя «комбинаціи», при которыхъ онъ, на самомъ законномъ основаніи, тормошилъ бы государственное казначейство. Онъ былъ неистощимъ. Положительно, Майнъ-Ридъ въ своемъ родѣ этотъ морякъ-чиновникъ!

...Вечеромъ былъ на журфиксѣ: чай, бутерброды, сладкіе пирожки и фрукты. Ужина и вина не даютъ, отъ этого и мужчинъ бываетъ немного, больше дамы и дѣвицы — особенно дѣвицы... Онѣ — какъ мотыльки на огонь, а все-таки женихъ не клюетъ по нынѣшнимъ временамъ. Нынче даже и гимназистикъ справляется о приданомъ... Я являюсь нѣсколько рано и застаю хозяевъ возбужденными. Навѣрное—легонькая семейная сценка. «Ахъ, какъ они рады меня видѣть!» Сомнѣваюсь и, въ свою очередь, тоже радуюсь. Разговоръ не клеится, но погода выручаетъ, а затѣмъ все идетъ какъ по маслу. Хозяйка разсказываетъ «интересную новость» (хозяинъ тѣмъ временемъ исчезаетъ посмотрѣть — довольно ли языка и ветчины). Новость эту я слышалъ сегодня четыре раза. Затѣмъ на смѣну приходитъ хозяинъ (хозяйка исчезаетъ, тоже, вѣроятно, по хозяйству) и тоже сообщаетъ «новость», которую я слышалъ сегодня пять разъ. Въ свою очередь, и я разсказываю имъ такой же «интересный» слухъ, что не мѣшаетъ намъ по очереди воскликнуть: «Неужели?» Собираются наконецъ гости: нѣсколько мужчинъ и изрядный косякъ дѣвицъ... Откуда только онѣ слетаются? Всѣ идутъ въ столовую пить чай. Ждутъ одного извѣстнаго литератора и молодого, подающаго надежды, пѣвца, а пока всѣхъ выручаютъ похороны Тургенева. Кто-то жалуется, что изъ рѣчи Бекетова только и слышалъ «эѳиръ» да «эѳиръ» и ничего болѣе, а изъ рѣчи Григоровича одно только рыданіе. Похвалили примѣрный порядокъ и пожалѣли, что адвокаты не несли свой вѣнокъ, а возложили на колесницу. Направленіе журфикса вообще умѣренно-либеральное. Изъ двѣнадцати человѣкъ всѣ сочувствуютъ «Голосу». Пять анекдотовъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ (всѣ слышалъ). Вниманіе нѣсколькихъ дѣвицъ поглощено молодымъ и дьявольски-красивымъ господиномъ. Кто онъ? У сосѣда узнаю, что присяжный повѣренный, холостой и имѣетъ дѣла. Разговоръ на томъ концѣ, гдѣ барышни, и въ томъ числѣ «литературная», которой я боюсь какъ чортъ ладона, на тему философіи любви. Когда можно и когда нельзя разойтись? Зарядили надолго, такъ какъ тема благодарная, и забыли о бутербродахъ, которые мой сосѣдъ, очевидно, плохо пообѣдавшій, поглощаетъ до неприличія. Ужъ хозяйка раза два взглядывала на тарелку, но онъ ничего не замѣчаетъ... Наконецъ повалили въ гостиную. Литераторъ не пріѣхалъ. Если бы не подающій надежды пѣвецъ, котораго хозяйка въ затруднительныя минуты подводитъ къ фортепіано, какъ лошадь на водопой, то никто бы не зналъ, какъ убить

время. Даже присяжный повѣренный — и тотъ осовѣлъ, несмотря на то, что у него языкъ безъ костей и онъ золото для журфиксовъ. Извиняется и объясняетъ, что онъ сегодня говорилъ въ судѣ пять часовъ кряду. Поневолѣ осовѣешь...

«Уймитесь, волненія страсти!..»

Пожиратель бутербродовъ, разсматривавшій альбомы, даже вздрогнулъ.—«Какой чудный баритонъ, не правда ли?»—присаживается усталая хозяйка, замѣтивъ, что я сижу въ одиночествѣ.—«Очень хорошій...» — «Онъ могъ бы пѣть на сценѣ, если бы не интриги...» — шепчетъ она мнѣ на ухо... Это она разсказываетъ каждый разъ, какъ только баритонъ поетъ у нея... Аплодисменты.

«Пожалуйста, спойте еще что-нибудь!» — раздаются голоса. Дьявольски-красивый присяжный повѣренный снова въ цвѣтникѣ барышень производитъ неотразимое впечатлѣніе. Новая тема: тургеневскія женщины. «Весна», «сирень», «Ася»—долетаютъ оттуда слова. Одна изъ немолодыхъ дѣвицъ говоритъ, что, какъ наступаетъ весна, она сейчасъ начинаетъ читать Тургенева. Присяжный повѣренный старается выяснить мотивы этого явленія. Пѣвецъ упирается, но хозяйка снова ведетъ его къ роялю, и тамъ онъ, точно лошадь въ стойлѣ, дѣлается послушнымъ.

«О поле, поле... Кто тебя усѣялъ...»

Дѣвицы напускаютъ на себя меланхолическій видъ, слушаютъ внимательно, взглядывая по временамъ на присяжнаго... Каждая изъ нихъ—я увѣренъ—думаетъ одну и ту же думу. Хозяинъ—милѣйшій либералъ, занимающійся статистикой — бродитъ какъ муха и, надо полагать, скучаетъ, какъ и большинство гостей. «И на кой дьяволъ эти журфиксы?» — думаетъ онъ. Я норовлю улизнуть. Но хозяинъ перехватываетъ меня. — «Куда вы? Посидите... Въ кои вѣки... Сейчасъ будетъ пѣть вотъ эта барышня съ розовымъ бантомъ. Чудный контральто... Если бы не интриги... Или вамъ скучно?»—продолжаетъ хозяинъ, зѣвая во весь ротъ.—«Помилуйте... такъ пріятно сойтись...»

Приходится остаться. Я усаживаюсь поближе къ дверямъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ улизнуть, какъ вдругъ съ ужасомъ замѣчаю, что на меня направляется «литературная» дѣвица, которую я до сихъ поръ весьма ловко избѣгалъ. Я достаточно знаю эту дѣвицу и очень уважаю ее въ отдаленіи. Когда она подсядетъ къ кому-нибудь и начнетъ говорить о своихъ произведеніяхъ, человѣкъ пропалъ. Такихъ литературныхъ дамъ и дѣвицъ въ Петербургѣ немало; кто, какъ не онѣ, снабжаютъ редакціи повѣстями и разсказами въ тяжелый моментъ беллетристическаго затишья? И журналы печатаютъ всѣ эти откровенно-наивные этюды на тему физіологіи любви или — что̀ еще несноснѣе—повѣсти о томъ, какъ архи-благородная дѣвица, окончившая курсъ на «Бестужевскихъ», не можетъ пристроить своего горячаго сердца.

Улизнуть невозможно. Она уже сѣла рядомъ, подарила сочувственнымъ взглядомъ и заговорила. «Кончено... пропалъ!»—мелькнуло у меня въ головѣ. А она перечисляла знакомыхъ литераторовъ, жаловалась на грубость редакцій, на одиночество, на недостатокъ сочувствія и настоящей дружбы, на то, что жить хочется, а жизни нигдѣ нѣтъ... Я взглядываю на нее и вижу, что я, по крайней мѣрѣ, ни въ чемъ не могу ей помочь. Очевидно, природа обошла ее, надѣливъ такимъ лицомъ, на которое, при очень большой снисходительности, никакъ нельзя смотрѣть дольше пяти минутъ. При этомъ, какъ нарочно, претензій непочатый уголъ, и вдобавокъ возрастъ этакъ между 30 и 50 годами. Я думаю: какой предлогъ придумать, чтобы уйти. Напримѣръ, встать и сказать: «Извините... Мнѣ надо сообщить одно важное дѣло хозяину!» Неловко! А не то—вдругъ перебить ее и выстрѣлить: «Кстати, вы слышали необыкновенную новость?» и воскликнуть это такъ громко, чтобы привлечь вниманіе другихъ... Но, какъ на бѣду, никакой новости я придумать не могу. Она словно понимаетъ мои каверзы и садится ближе... «Шалишь!.. Не отпущу»,—точно говоритъ ея взглядъ, и она продолжаетъ:

— Возьмите положеніе женщины... Что она?.. Отчего она такъ страдаетъ?.. (Я догадываюсь, но не смѣю сказать). Отчего браки такъ несчастны?.. То и дѣло слышишь о разводахъ, и не одни молодые разводятся, а даже старые люди. Вы, вѣрно, слышали: Мухоморова надняхъ оставила мужа... Невозможный человѣкъ; она—высшая натура, а онъ ее не понимаетъ... И къ тому же цѣлыя ночи за картами—можете себѣ представить? (Могу). А она одна! Эта любопытная пара послужила мнѣ матеріаломъ для новой повѣсти... Въ ней я шагъ за шагомъ разбираю отношенія супруговъ. Понимаете? Шагъ за шагомъ, изо дня въ день. Къ сожалѣнію, беллетристы почему-то игнорируютъ эти вопросы любви... А выяснить необходимо... Какъ вы думаете?.

«Какъ я думаю?» Я колеблюсь и говорю наконецъ: «Думаю, что необходимо».

— Если хотите, я прочту вамъ свою повѣсть... Вы вѣдь откровенно скажете свое мнѣніе?.. Я такъ цѣню въ васъ тонкаго и безпристрастнаго судью... (Довольно ловко). Когда вамъ удобнѣе? Хотите, я пріѣду къ вамъ, или пріѣзжайте вы ко мнѣ. Назначьте день.

Такого быстраго нападенія я не ожидалъ. Вѣроятно, лицо мое принимаетъ страдальческій видъ, потому что она вдругъ спрашиваетъ необыкновенно участливо:

— Что съ вами? У васъ такое нехорошее лицо...

Я выдумываю несуществующую болѣзнь. Грудная жаба. Здѣсь очень жарко... Пора и ѣхать. «Поѣдемте, въ такомъ случаѣ, вмѣстѣ; вѣдь намъ по дорогѣ». Влопавшись такъ глупо, я спѣшу поправиться, объясняя, что мнѣ необходимо заѣхать къ одному больному пріятелю...

«Такъ подождите,—еще 11 часовъ...» Она непремѣнно прочтетъ мнѣ повѣсть, а пока познакомитъ съ темой въ двухъ словахъ.

«Хоть бы запѣли!»—тоскливо озираюсь я, но, какъ нарочно, ни пѣвецъ ни пѣвицы больше не могутъ... Сегодня они не въ голосѣ... (Что если бы были въ голосѣ!..)

Тема: дѣвушка изъ интеллигенціи, необыкновенно симпатичная, хоть и не блещетъ красотой («Да и въ красотѣ ли дѣло—не правда ли?»). Она живетъ на Петербургской сторонѣ со своей матерью, честной, доброй старушкой, которая получаетъ небольшую пенсію. Пенсіи не хватаетъ, и Лина не желаетъ быть въ тягость матери. Она работаетъ: переводитъ, даетъ уроки музыки и французскаго языка, въ то же время сама учится на Бестужевскихъ курсахъ и находитъ время еще учить двухъ сыновей дворника безплатно. Словомъ, дѣвушка во всѣхъ отношеніяхъ благородная... Но жизнь ея не полна. Ей хочется болѣе широкой дѣятельности, рука объ руку съ любимымъ человѣкомъ. Ей хочется любить и быть любимой, но не такъ любить, какъ нынче любятъ, а такъ, какъ можетъ любить глубокая, страстная натура. «Или все, или ничего—вотъ ея девизъ!»—поясняетъ разсказчица... Много она перевидала адвокатовъ, чиновниковъ, но, разумѣется, никто не останавливаетъ на себѣ ея особеннаго вниманія, хоть по временамъ она и кокетничаетъ отъ скуки съ гимназистомъ 7 класса. Но на одномъ вечерѣ она встрѣчается съ однимъ брюнетомъ: красивъ, уменъ, образованъ и пишетъ диссертацію на доктора медицины. Она заинтересовывается имъ, онъ, повидимому, тоже... Они часто видятся, но онъ какъ-то необыкновенно сдержанъ и въ то же время загадоченъ. Это еще болѣе увлекаетъ ее, и она однажды, возвращаясь съ нимъ на извозчикѣ изъ театра, признаётся ему въ любви. Онъ отвѣчаетъ неопредѣленно, глаза его попрежнему таинственны, но въ то же время онъ крѣпко сжимаетъ ея талію... Теперь она увѣрена, что онъ ее любитъ, и, пріѣзжая домой, не спитъ всю ночь, мечтая о немъ и осязая пальцы его на таліи. Однако прошла недѣля—его нѣтъ... Она думаетъ, что онъ боленъ, летитъ къ нему на квартиру и снова объясняется въ любви... Но онъ оказывается бездушнымъ эгоистомъ. «Я васъ не люблю и никогда не любилъ».—«А на извозчикѣ?.. Зачѣмъ вы такъ сжимали меня?»—восклицаетъ она въ негодованіи... Онъ...—о, негодный!—объясняетъ это плохими мостовыми... Она плачетъ, умоляетъ, упрекаетъ. Тогда онъ объявляетъ, что онъ несвободенъ: онъ женатъ; жена, и очень ревнивая жена, живетъ въ Самарѣ и скоро пріѣдетъ... Это поражаетъ ее какъ ударъ грома. Она возвращается домой и въ тотъ же день заболѣваетъ нервной горячкой.

«Есть ли возможность ее остановить?!»—думаю я въ безсильномъ гнѣвѣ. Наконецъ пускаюсь на хитрость.

— Къ чему вы портите впечатлѣніе, разсказывая заранѣе сюжетъ?.. Гораздо интереснѣе прочесть.

— Такъ вы обѣщаете?.. Конецъ въ двухъ словахъ... Она наконецъ выходитъ замужъ за человѣка, который ее не понимаетъ... Шагъ за шагомъ—ихъ жизнь... Она не удовлетворена и ищетъ исхода въ новой страсти... Новая оказывается еще хуже. Любовникъ совсѣмъ подлый человѣкъ, и въ концѣ концовъ она отравляется...

О, Господи, какъ я обрадовался, что она наконецъ отравилась и я могъ улизнуть домой.

Теперь дамы все больше въ такомъ родѣ пишутъ, и иногда выходитъ очень любопытно, потому что въ разныхъ откровенныхъ признаніяхъ дама выкладываетъ все, что происходитъ между мужскимъ и женскимъ поломъ не только въ гостиной и столовой, но главнѣйшимъ образомъ въ спальной. Спальня становится «центромъ» позиціи, такъ сказать, «ключомъ», объясняющимъ, и съ ихъ точки зрѣнія, ихъ несчастія и горести. Сколько помнится, въ дамскихъ повѣстяхъ послѣдняго времени всѣ недоразумѣнія между мужемъ и женой главнѣйшимъ образомъ бываютъ отъ того, что ни тотъ ни другая никакъ не могутъ выбрать времени для «звуковъ сладкихъ и молитвъ». Вслѣдствіе этого происходитъ нѣчто нелѣпое, но, пожалуй, и вѣрное дѣйствительности. Жена, грѣясь у камина въ капотикѣ, мечтаетъ о любви, о ласкѣ, объ единеніи сердецъ, а мужъ въ это время, какъ нарочно, сидитъ за письменнымъ столомъ и строчитъ къ завтрашнему дню докладъ, разсчитывая завтра запустить словечко насчетъ прибавки. Мысли его далеки отъ «звуковъ сладкихъ и молитвъ», тѣмъ болѣе, что изъ-за бумагъ на него выглядываетъ скверная толстая рожа его непосредственнаго начальника, а сбоку на столѣ лежитъ квартирная книжка, по которой не уплачено...

«Тукъ, тукъ, тукъ!.. Можно войти?» Онъ вздрагиваетъ. — «Что тебѣ?» — «Мнѣ грустно, Коля... Сама не знаю, но такъ грустно!» А онъ, оболтусъ:—«Оставь меня въ покоѣ... Видишь, я занятъ!»—«Онъ занятъ!? Ты вѣчно занятъ, а не подумаешь, что я могу страдать... Ты не любишь меня! Ты не понимаешь меня!» Ну, разумѣется, драма. И наоборотъ: она сидитъ, размышляетъ о назначеніи женщинъ, такъ какъ только-что прочла статью о женскомъ образованіи. Нельзя же все грѣть спину у камина. Надо хоть ходить въ Соляной городокъ и учиться рисованію, а то пропадешь съ тоски... Эти мужчины хотятъ насъ вѣчно держать въ рабствѣ... Я докажу, что и я могу самостоятельно жить. Въ это время звонокъ, и *онъ* возвращается домой веселый, даже игривый (выигралъ въ винтъ десять съ полтиной и поужиналъ), и нѣжно говоритъ женѣ, цѣлуя ее въ шею: «Маня, Маня! Не сиди такъ поздно... Пора спать!» А она въ отвѣтъ: «Ахъ, оставьте меня, пожалуйста... Мы не понимаемъ другъ друга... У васъ взгляды на женщину какіе-то мерзкіе... Вамъ бы только самку, а не другаженщину!» Разумѣется, опять драма. На этотъ разъ онъ, въ положеніи жертвы, возвышаетъ голосъ и требуетъ объясненія—почему она

не любитъ, когда онъ и проч. Такія драмы могутъ продолжаться безъ конца, до тѣхъ поръ, пока наконецъ не является третье лицо, которое, понимая назначеніе женщины, въ то же время понимаетъ, въ качествѣ холостого савраса, что слѣдуетъ предпринять, если дама, грѣя спинку у камелька, томно говоритъ: «Мнѣ грустно!» Но такъ какъ и у него есть и дѣла, и заботы, и огорченія, то и *онъ*, въ концѣ концовъ, не всегда отвѣчаетъ впопадъ, а такъ какъ *она* и въ Соляномъ городкѣ умнѣе не стала, то снова происходитъ драма, и тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ больше дамѣ лѣтъ.

Вотъ такія драмы и разрабатываютъ нынѣ дамы-писательницы.

1-го октября.

...Читалъ напечатанный въ газетахъ судебный отчетъ по дѣлу о растратѣ бывшимъ директоромъ почтоваго департамента, тайнымъ совѣтникомъ Перфильевымъ, 45.000 рублей. Сколько было толковъ, фантастическихъ слуховъ, а между тѣмъ какое простое дѣло. Читаешь и не изумляешься, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ Юханцева, ни градіозностью цифры, ни подлогами, ни обманомъ ревизоровъ. Ничего этого не было, а была до святости простая исторія. Еще лѣтъ десять, а то и двѣнадцать тому назадъ, будучи секретаремъ правителя канцеляріи, г. Перфильевъ началъ тратить казенныя деньги, пользуясь довѣріемъ ближайшаго начальства и отсутствіемъ контроля... Случайно, благодаря запросу тамбовскаго земства, открылось, что пожертвованныя въ 1880 г. тамбовскимъ земствомъ 30.000 не внесены въ капиталъ раненыхъ, и скрывать дѣло было уже нельзя. Г. Перфильевъ во всемъ чистосердечно признался, внесъ деньги и отданъ былъ подъ судъ. Его судилъ сенатъ.

На судѣ даже не было судебнаго слѣдствія. Подсудимый не разъ подтверждалъ правильность обвинительнаго акта и ничего новаго не показалъ.

Какія побудительныя причины заставили подсудимаго тратить казенныя деньги? Этотъ вопросъ первоприсутствующій сенаторъ задавалъ не разъ, и г. Перфильевъ отвѣчалъ:

— Сказать, какія побудительныя причины къ этому были, я весьма затрудняюсь, потому что ни несчастій ни особой нужды не было.

Первопр.—Значитъ, вы тратили просто на свои надобности?

Подс.—Да, на свои надобности.

Первопр.—Дальше?

Подс.—Затѣмъ, когда было упразднено министерство почтъ и телеграфовъ, отчетность была заведена дѣйствительная. Въ февралѣ 1883 года, когда полученъ былъ запросъ отъ тамбовскаго губернатора, въ которомъ спрашивалось о назначеніи и употребленіи денегъ, пожертвованныхъ земствомъ, я тогда же пошелъ къ министру и сознался

какъ въ этой растратѣ, такъ и въ той, которая не была еще обнаружена. Я больше ничего не могу сказать.

Первопр.—Что же, вы не находились въ опасеніи, подъ страхомъ, что деньги могли быть потребованы сейчасъ же?

Подс.—Постоянно находился.

Первопр.—По этой статьѣ у васъ никакихъ установленныхъ книгъ но было?

Подс.—Никакихъ.

Первопр.—Почему вы находили возможнымъ въ такомъ же положеніи оставлять дѣло?

Подс.—Если бы я завелъ, то могъ бы измѣнить, но я нашелъ всѣ дѣла въ такомъ порядкѣ.

Первопр.—Въ безпорядкѣ?

Подс.—Да, въ безпорядкѣ.

Первопр.—И этимъ воспользовались?

Подс.—Да.

Первопр.—Почему вы раньше не раскрыли ваши злоупотребленія, а сдѣлали это лишь впослѣдствіи? Вѣдь вы находились подъ гнетомъ, что можетъ открыться?

Подс.—Находился постоянно подъ гнетомъ... надежда, что не откроется—надежда весьма несбыточная.

Первопр.—Когда къ вамъ обращались за справками, что̀ вы тогда дѣлали?

Подс.—Я всегда удовлетворялъ, потому что хорошо помнилъ всѣ дѣла и зналъ, что ихъ трудно было отыскать. Относительно же запросовъ я долженъ сказать, что единственный запросъ былъ сдѣланъ по тамбовскому дѣлу въ 1883 году. Это было равносильно обнаруженію, и я отвѣтить на это уже ничего не могъ.

Первопр.—Вы на предварительномъ слѣдствіи выясняли всѣ оттѣнки, постарайтесь и здѣсь сдѣлать то же.

Подсудимый молчитъ.

Первопр.—Больше ничего не находите нужнымъ сказать?

Подс.—Нѣтъ, ничего.

Да и что̀ же еще сказать? Мнѣ кажется, что и того, что̀ сказано въ обвинительномъ актѣ, совершенно достаточно. Такимъ образомъ—ничего новаго, ничего пикантнаго. Любители громкихъ процессовъ на этотъ разъ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Подсудимый, быстро сдѣлавшій себѣ карьеру, занимавшій вліятельный постъ, разумѣется, не далъ пищи для скандала... Онъ держалъ себя съ возможнымъ достоинствомъ въ его положеніи. Если люди подчасъ шлепаются съ высоты, то не резонъ же имъ дискредитировать то самое положеніе, въ которомъ они находились. И безъ нихъ найдутся разсказчики. И вотъ что̀ разсказали эти чиновники-свидѣтели:

«Денегъ, пожертвованныхъ по разнымъ случаямъ, поступало въ

канцелярію сравнительно очень мало; завѣдывалъ ими самъ Перфильевъ, такъ что чиновникамъ отдѣленія не было вовсе извѣстно, какъ хранилъ и распоряжался ими правитель канцеляріи. Никакихъ денежныхъ книгъ не велось, а равно не записывались и всеподданнѣйшіе адресы. Высочайшія повелѣнія объявлялись на печатанныхъ бланкахъ съ отпечатанною же подписью бывшаго министра Макова и за собственноручною скрѣпою правителя канцеляріи Перфильева. Оттисковъ съ объявленныхъ высочайшихъ повелѣній не оставлялось. Въ виду значительнаго поступленія всеподданнѣйшихъ адресовъ, исполненіе по нимъ нерѣдко задерживалось на продолжительное время. По назначеніи Перфильева 25 августа 1880 года директоромъ почтоваго департамента, онъ не сдалъ переписки по всеподданнѣйшимъ адресамъ, часть которой осталась даже у него на квартирѣ. Когда поступали запросы отъ губернаторовъ о положеніи дѣлъ, то приходилось за справками обращаться лично къ Перфильеву. Оставшаяся у Перфильева переписка возвращена имъ въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ только въ исходѣ 1882 г. безъ всякой описи. Посему не представляется возможнымъ опредѣлить, вся ли переписка налицо. 19 февраля 1883 г. свидѣтель Бардаковъ ходилъ къ т. с. Перфильеву, по порученію бывшаго правителя канцеляріи Воейкова, съ цѣлью получить квитанцію его на взносъ 30.000 р., пожертвованныхъ тамбовскимъ земствомъ. Перфильевъ прямого отвѣта не далъ, а просилъ обождать, пока онъ не наведетъ справокъ по своимъ бумагамъ. Затѣмъ была обнаружена растрата».

Другой свидѣтель, г. Бржискій, завѣдывавшій перепиской по пожертвованіямъ и всеподданнѣйшимъ адресамъ, объяснилъ слѣдующее:

«Хотя онъ и не былъ обязанъ правителемъ канцеляріи Перфильевымъ вести какія-либо книги по дѣлопроизводству, но онъ тѣмъ не менѣе, для личнаго удобства, велъ книги, въ которыя записывалъ бумаги, передаваемыя ему Перфильевымъ. Такихъ книгъ, служившихъ только для справокъ, свидѣтель велъ двѣ: одну о пожертвованіяхъ и адресахъ и по поводу 25-ти-лѣтія царствованія покойнаго императора, а другую о поступленіяхъ по поводу послѣдней турецкой войны. Остальные пожертвованія и адреса, поступившіе въ канцелярію по поводу благополучнаго исхода покушеній на жизнь монарха, никуда не записывались. Пожертвованныхъ денегъ поступало въ канцелярію сравнительно немного, но бывали и такіе случаи, при чемъ на передаваемой Перфильевымъ бумагѣ онъ дѣлалъ собственноручную надпись: «деньги у меня». Бржискому денегъ Перфильевъ никогда не передавалъ. Въ августѣ 1880 г. свидѣтель перешелъ на службу въ департаментъ иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ и спрашивалъ Перфильева о томъ, что тотъ прикажетъ сдѣлать съ перепискою по всеподданнѣйшимъ адресамъ и о пожертвованіяхъ, на что получилъ указаніе, чтобъ онъ задержалъ эти дѣла у себя. Въ силу этого вся переписка оставалась въ канцеляріи министра внутреннихъ

дѣлъ. Мѣсяца черезъ два Бржискій обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ Перфильеву и, получивъ приказаніе представить къ нему всю переписку, доставилъ таковую въ квартиру къ Перфильеву. По осмотрѣ книги, веденной Бржискимъ о поступившихъ адресахъ и пожертвованіяхъ по случаю 25-ти-лѣтія царствованія императора Александра II, оказалось, что таковая не прошнурована, безъ печати и скрѣпы.

Я читалъ газетныя передовыя статьи по этому дѣлу. Боже мой! Какія трескучія фразы, какая торжествующая нота и въ то же время какая святая наивность.

Когда я перечитывалъ всѣ эти подробности обвинительнаго акта, мнѣ невольно припомнился безподобный, въ своемъ родѣ, романъ графа Валуева «Лоринъ», и я снова перечелъ нѣкоторыя изъ его характерныхъ страницъ... Этотъ романъ нѣкоторымъ образомъ комментировалъ процессъ, хоть персонажи романа и не попадали подъ судъ... Въ романѣ всѣ лица, исключая чиновъ судебнаго вѣдомства и контроля, не люди, а ангелы: честны, добры, безкорыстны, прямодушны и строго блюдутъ законъ, а правитель канцеляріи, Соболинъ, играющій въ романѣ роль «благороднаго резонера», при ангельскихъ добродѣтеляхъ являлъ еще собой рѣдкое соединеніе голубиной кротости съ мудростью змія и вліялъ иногда на своего начальника. Однимъ словомъ, читая «Лорина», можно было бы себя вообразить въ настоящемъ раю... И если, несмотря на обиліе такихъ «ангеловъ», романъ полонъ пессимистическихъ предсказаній, то потому только, что этимъ людямъ мѣшали судъ, контроль и, главное, печать... Уничтожьте ихъ,—таково поученье романа,—и все измѣнится къ лучшему. Оказывается, какъ далекъ романическій вымыселъ отъ дѣйствительности!

Къ г. Перфильеву примѣнили высшую мѣру наказанія по закону. Его исключили изъ службы и приговорили къ уплатѣ 15.000 штрафа. Такимъ образомъ преступленіе наказано и правосудіе удовлетворено. Остается неразрѣшеннымъ, повидимому, только вопросъ о побудительныхъ причинахъ. Я убѣжденъ, что г. Перфильевъ былъ глубоко искренъ, когда «затруднялся ихъ отыскать». Въ самомъ дѣлѣ, онъ не нуждался, съ нимъ не было несчастій, которыя толкаютъ человѣка на порочный путь... Быть-можетъ, и до сихъ поръ г. Перфильевъ не догадывается о причинахъ, а между тѣмъ о нихъ столько пишутъ книгъ и ученые и беллетристы, о нихъ столько говорятъ и моралисты, и философы, и государственные люди, публицисты и фельетонисты...

Нѣкоторые господа, разумѣется, недовольны, что судили г. Перфильева, и что кое-какіе «секреты» канцеляріи были, такъ сказать, вынесены на «улицу». Развѣ нельзя было покарать виновнаго и безъ суда, и покарать гораздо строже, чѣмъ предписываетъ законъ?

Такъ жаловались многіе и, по-своему, пожалуй, были если не правы, то послѣдовательны.

Къ нѣмцамъ.

Тебя, о, нѣмецъ, воспою!

I.

Хоть мнѣ на этотъ разъ приходились оставлять отечество всего лишь на одинъ мѣсяцъ, путешествовать не для «освѣженія», ѣхать не въ «проклятый» Парижъ, не въ «легкомысленную» Вѣну, не въ гостепріимную Швейцарію, не въ модные курорты, биткомъ набитые интернаціональными «сливками» общества и кокотокъ, а въ скромную, мало извѣстную у насъ, лѣчебную «дыру», вдобавокъ архи-нѣмецкую, пріютившуюся въ горахъ Вальдека,—тѣмъ не менѣе, по совѣсти говоря, я былъ радъ и такой экскурсіи.

Конечно, «дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ», но согласитесь, что въ большомъ количествѣ даже и пріятный дымъ можетъ надоѣсть. Вотъ почему я непрочь былъ на время лишиться пріятнаго дыма, родныхъ пейзажей и вѣчно раздражающихъ слуховъ и сплетенъ—нужды нѣтъ, что они иногда нелѣпы!—дополняющихъ обыкновенно у насъ газетныя извѣстія, и подышать другимъ воздухомъ, пожить хоть среди нѣмцевъ и съ ихъ неизмѣннымъ—какъ думалось мнѣ—идолопоклонствомъ передъ Бисмаркомъ, колбасой, музыкой Вагнера, пивомъ, аккуратными и добросовѣстными чиновниками—этими подлинными «мальчиками въ штанахъ», сентиментальными женами и невозможными военными съ выпяченной грудью, обтянутыми икрами и тѣмъ самодовольно-наглымъ взглядомъ круглыхъ голубыхъ глазъ, которымъ щеголяетъ большинство будущихъ Мольтке. Повторяю, мнѣ улыбалась жизнь среди этихъ самыхъ нѣмцевъ, которыхъ наши патріоты Петербурга и Москвы, особенно Москвы, поносятъ при каждомъ случаѣ съ безпардонной отвагой, лишь только дѣло коснется о несомнѣнномъ превосходствѣ нашихъ нравовъ передъ нѣмецкими и подтвержденіи поговорки: «что̀ русскому здорово, то нѣмцу смерть».

Когда я взялъ билетъ и, послѣ пререканій съ кондукторами и пассажирами, желавшими занять по нѣскольку мѣстъ, отыскалъ себѣ мѣсто въ вагонѣ и вышелъ на платформу, я испытывалъ радостное чувство школьника. То же чувство я замѣтилъ на нѣкоторыхъ лицахъ. Въ этотъ теплый іюньскій день уѣзжавшихъ было много, и пестрая толпа провожающихъ стояла на платформѣ. Обыкновенно скучныя и безжизненныя лица русской публики, когда вы ее видите въ театрахъ и на гуляньяхъ, сегодня были нѣсколько веселѣй и праздничнѣй. Даже вотъ на этомъ геморроидально-желтомъ, выбритомъ лицѣ пожилого господина, фигура и обличье котораго вамъ ясно говорили о сидячей жизни, явилось подобіе человѣческой улыбки, давно затерянной между канцелярскими бумагами. Онъ, этотъ несчастный сидень, вся біографія

котораго могла быть исчерпана: «исполнялъ волю пославшаго»— какъ-то расцвѣлъ и въ своемъ темно-сѣромъ сьютѣ и сѣрой шляпѣ выглядѣлъ не такимъ серьезнымъ, солиднымъ и скучнымъ, какъ въ вицмундирѣ. Эта толпа, ясный день и суета тронули и его...

— Куда вы?..—обратился къ нему изъ толпы молодой человѣкъ.

— За границу. Надо отдохнуть... Надоѣло... Двѣнадцать лѣтъ не бралъ отпуска...

— Надолго?..

— Мѣсяца на два...

— Въ Парижѣ будете?..—проговорилъ господинъ и подмигнулъ глазомъ.

— Не знаю еще!—лѣниво отвѣтилъ тотъ.—Быть-можетъ...

— Ужъ навѣрное будете... Подъемныя-то тамъ оставите... Нигдѣ какъ тамъ!..

Молодой человѣкъ говорилъ громко; собесѣдникъ его, очевидно, былъ шокированъ и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

Въ одной изъ группъ необычное оживленіе: смѣхъ, говоръ, шутки, восклицанія. Это—французы. Они провожаютъ соотечественника, покончившаго дѣла въ Петербургѣ и возвращающагося рантьеромъ во Францію. Русскіе смотрятъ на нихъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ: развѣ такъ весело смѣются въ Петербургѣ?

Невдалекѣ отъ меня молодой красивый господинъ, въ модномъ дорожномъ костюмѣ, блещущій здоровьемъ и избыткомъ силъ. Напрасно старается онъ сохранить на своемъ лицѣ серьезное выраженіе, разговаривая съ высокой сухопарой дамой, которая смотритъ на него съ какой-то затаенною тревогой въ глазахъ. Вся эта фигура, полная, круглая, съ небольшимъ брюшкомъ, это мясистое, откормленное лицо прожигателя жизни, эти круглые чувственные глаза, казалось, даютъ поводъ въ тревогѣ. Изъ обрывковъ долетающаго разговора слышно, что это мужъ и жена. Онъ лебезитъ передъ ней, этотъ выхоленный, розовый экземпляръ ското-человѣка, а она недовѣрчиво смотритъ ревниво-жаднымъ взглядомъ на это красивое созданіе и что-то шепчетъ ему.

— Не болѣе двухъ мѣсяцевъ!..—внушительно говоритъ она.

— Конечно, конечно... Если бы не катарръ... Сама знаешь, докторъ совѣтовалъ—непремѣнно въ Карлсбадъ...

— Въ Парижъ поѣдешь?

Еще бы не поѣхать!.. Еще какъ поѣдетъ! Но супругъ дѣлаетъ равнодушную гримасу и отвѣчаетъ:

— Едва ли... Развѣ дня на три... И то, если средства позволятъ...

Она снова что-то говоритъ. Мнѣ кажется, что между ними идетъ разговоръ о деньгахъ. Онъ краснѣетъ и какъ-то особенно нѣжно цѣлуетъ эту длинную сухую руку въ кольцахъ, которая, очевидно, располагаетъ средствами и содержитъ въ качествѣ мужа это откормленное животное. И веселая, счастливая улыбка невольно разливается широкой

волной по лицу мужа въ то время, какъ лицо у жены становится серьезнѣй и печальнѣй...

Въ толпѣ пронесся шопотъ. Всѣ глаза повернулись къ дверямъ, откуда выходилъ высокій, плотный старикъ, сопровождаемый нѣсколькими лицами. Назвали извѣстное имя бывшаго свѣтила, уѣзжавшаго въ продолжительный заграничный отпускъ. Когда-то передъ этимъ старикомъ сгибались головы и спины гораздо ниже, чѣмъ теперь... Но и теперь всѣ сочли долгомъ взглянуть на него съ раболѣпнымъ выраженіемъ. «Кумиръ поверженный—все богъ!» А бывшій кумиръ, чувствуя, что на него обращено вниманіе, особенно привѣтливо раскланиваясь съ знакомыми, не спѣша направлялся къ вагону. Господинъ въ сѣромъ сьютѣ такъ и замеръ въ низкомъ, почтительномъ поклонѣ, и лицо его совсѣмъ просвѣтлѣло, когда старикъ милостиво наклонилъ голову, чуть-чуть приподнимая фетръ, точно въ этомъ поклонѣ скрывались живительные лучи, вызывающіе жизнь въ поблекшей канцелярской маргариткѣ. Опъ съ видомъ именинника посмотрѣлъ вокругъ, осклабился, точно котъ, которому почесали за ухомъ, и навѣрно запишетъ въ своей приходорасходной книжкѣ столь памятный случай, скрасившій ему день.

Опять въ толпѣ движеніе. На этотъ разъ вниманіе обращено на носилки, передъ которыми всѣ разступаются. Исхудалое, блѣдное лицо молодой женщины, съ заостренными чертами, слегка покачивается на подушкахъ, и слабая улыбка, казалось, разсчитываетъ на полуденное солнце, на горы, которыя возвратятъ ей надежду жить, давно потерянную въ Петербургѣ. Сзади идутъ скромные старики, по всей вѣроятности, отецъ и мать. На ихъ смущенныхъ лицахъ и надежды нѣтъ.

— Едва ли довезутъ!—громко прозвучалъ чей-то голосъ среди внезапно наступившаго затишья.

Мнѣ показалось, что больная слышала эти жестокія слова, потому что улыбка вдругъ исчезла съ ея мертвеннаго лица и смѣнилась тѣмъ раздраженно-злымъ выраженіемъ, которое бываетъ у чахоточныхъ.

Носилки внесли въ вагонъ, но праздничное настроеніе этой публики было испорчено видомъ чахоточной.

— Возили бы больныхъ отдѣльно! — проговорилъ злобно какой-то старикъ:—а то они только отравляютъ путешествіе!

— Куда-жъ ей дѣваться?—возразилъ другой господинъ.

— Ну, устроили бы спеціальные поѣзда, что ли, для умирающихъ!..

— Видно, самъ чувствуетъ, что и ему паекъ на томъ свѣтѣ идетъ!—замѣтилъ вполголоса кондукторъ, обращаясь къ смазчику, и, очевидно, возмущенный этимъ предложеніемъ.

Пробилъ второй звонокъ. Начались обычные поцѣлуи, прощанія, пожеланія.

— Смѣю надѣяться, ваше высокопревосходительство, что вы скоро

поправитесь и вернетесь!.. — проговорилъ, низко кланяясь, одинъ изъ провожавшихъ высокаго старика.

Его высокопревосходительство сморщился. Пожеланіе усерднаго почитателя было слишкомъ безтактно. Онъ долженъ былъ знать, что старику нельзя скоро поправиться.

— Дай Богъ, дай Богъ! — кисло проговорилъ онъ, махая рукой и скрываясь въ вагонъ.

— Смотри же!—какъ-то безнадежно шепнула высокая дама, прижимая къ себѣ красавца-мужчину, который не скупился на обильные поцѣлуи, въ виду близости третьяго звонка.

— О, будь покойна, будь покойна!—отвѣчалъ онъ и стремительно бросился въ вагонъ, точно боясь, что поѣздъ уйдетъ безъ него.

Изъ окна вагона, радостный и веселый, онъ продолжалъ посылать воздушные поцѣлуи безъ всякой экономіи, разсчитывая, повидимому, хоть ими успокоить основательное подозрѣніе жены насчетъ его будущихъ пакостей.

— Экая счастливая парочка! — проговорила какая-то старушка, любуясь этими изліяніями со стороны.

II.

Въ нашемъ вагонѣ пассажировъ было порядочно, такъ что разсчитывать выспаться ночью было рисковано. Объ этомъ, кажется, думалъ каждый изъ путешественниковъ, оглядывая своего сосѣда съ тайнымъ озлобленіемъ и спрашивая:— «далеко ли онъ ѣдетъ?» Не меньшую опасность для спокойствія ночи представляло еще и маленькое существо, вдругъ заявившее о своемъ существованіи въ темномъ углу вагона легкимъ пискомъ. Хотя молодая мать, принявшаяся укачивать ребенка, успѣла уже увѣрить своихъ несчастныхъ сосѣдокъ, что ея ребенокъ совсѣмъ тихій и никогда не плачетъ, тѣмъ не менѣе одинъ видъ этого тихаго ребенка и присутствіе разныхъ предметовъ, необходимыхъ при путешествіяхъ съ тихими и не тихими дѣтьми, заставило было многихъ пассажировъ искать мѣста въ сосѣднемъ вагонѣ, но они скоро вернулись съ извѣстіемъ, что вездѣ полно.

Поѣздъ тронулся. Всѣ стали оглядывать другъ друга. Въ нашемъ вагонѣ 2 класса публика ѣхала попроще: не было между нами ни отставныхъ министровъ, ни генераловъ, ни банкировъ, ни кокотокъ. Двѣ скромныя дамы, молодая женщина съ тихимъ ребенкомъ, объявившая къ общему неудовольствію, что ѣдетъ до Ковна, французъ-парикмахеръ съ супругой да партія нѣмцевъ въ черныхъ сюртукахъ. Оказалось, что это партія служителей принца Гессенскаго, возвращавшагося въ этомъ же поѣздѣ въ Германію... Кажется, эти нѣмцы нѣсколько шокировали еще одного спутника, моего визави, котораго судьба мнѣ послала въ ближайшіе сосѣди, высокаго господина, худого, какъ спичка,

лѣтъ за пятьдесятъ, съ сѣдыми, жидкими волосами, длиннымъ, вытянутымъ лицомъ, цвѣта корельской березы, мрачнаго, ворчливаго, видимо взирающаго на меня съ неудовольствіемъ. Трудно было распознать, что̀ это за птица: не то онъ походилъ на аптекаря, не то на профессора, отслуживающаго послѣднее пятилѣтіе, не то на какого-нибудь захолустнаго чиновника. Сперва я принялъ его за аптекаря, но когда онъ снялъ съ своей длинной шеи шелковый платокъ и обнаружилъ Станислава 2-й степени, то предположеніе мое поколебалось. Вѣрно, какой-нибудь губернскій чиновникъ! подумалъ я, въ полной увѣренности, что въ Лугѣ или Псковѣ мой сосѣдъ выйдетъ и лишитъ меня удовольствія слушать его воркотню и наблюдать его недовольные взгляды, которые онъ бросалъ на нѣмцевъ, восторженно бесѣдовавшихъ о диковинахъ и великолѣпіи, видѣнныхъ ими въ Москвѣ. Слѣдуетъ признаться, что отзывы нѣмцевъ были весьма лестны и могли удовлетворить самое требовательное чувство патріотизма, и сиди въ вагонѣ какой-нибудь репортеръ, онъ навѣрное съ ближайшей же станціи, посредствомъ телеграфа, познакомилъ бы читающую публику съ этими отзывами иностранцевъ гораздо раньше, чѣмъ я. Они находили, что Россія богатѣйшая страна въ мірѣ, хоть и прикидывается бѣдной, что Москва прекрасна (чуть-чуть хуже Берлина), и что ѣдятъ тамъ, какъ нигдѣ въ мірѣ. По крайней мѣрѣ, разсказчики никогда столько и такъ превосходно не ѣли, какъ въ Москвѣ. Правда, пиво тамъ не такъ хорошо, какъ въ Германіи—и это большой недостатокъ,—но зато водки такой, какъ въ Россіи, навѣрное нѣтъ нигдѣ. И, вспоминая эти подробности, они сладко причмокивали губами, вздыхали, что въ Гессенѣ такъ не ѣдятъ, и разсчитывали, что если ихъ, скромныхъ динстмановъ, такъ кормили, то какъ хорошо должны кушать люди болѣе высокихъ профессій, и какъ обильна должна быть страна, производящая такое количество говядины, рыбы, пироговъ и разныхъ другихъ яствъ. Русскіе имъ тоже очень понравились — народъ ласковый, обходительный, послушный, имѣетъ твердые политическіе принципы, не то что французы (тутъ нѣмцы не могли удержаться, чтобъ не кольнуть французовъ и не пригрозить имъ Бисмаркомъ), уважаетъ и любитъ начальство всей душой. Съ такимъ народомъ можно чудеса дѣлать. Вообще, какъ видно было, нѣмцы находились подъ обаятельнымъ впечатлѣніемъ всего ими видѣннаго, скушаннаго и выпитаго, и всѣмъ восхищались, хотя и съ нѣсколько исключительной точки зрѣнія, весьма понятной, впрочемъ, при ихъ профессіи. Конечно, и они не могли не замѣтить кое-какихъ темныхъ сторонъ нашей жизни— безъ этого нельзя; но что̀ было пріятно слышать и свидѣтельствовало объ ихъ благодарномъ отношеніи къ нашему гостепріимству—это то, что и въ отзывахъ о темныхъ сторонахъ они не старались обобщать фактовъ, не накидывали густыхъ тѣней на сѣрыя точки, не дѣлали легкомысленныхъ приговоровъ. Такъ, напримѣръ, они находили, что нѣкоторые русскіе живутъ

грязновато, имѣютъ не совсѣмъ хорошую привычку поносить память чужихъ родителей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже посягать на неприкосновенность чужой физіономіи. Одинъ изъ собесѣдниковъ при этомъ припомнилъ, какъ, было, его самого чуть не побилъ на улицѣ одинъ Polizeidienstmann, но, узнавъ, что онъ не здѣшній, а пріѣзжій нѣмецъ, много извинялся и предложилъ выпить вмѣстѣ шнапсъ.

«И мы выпили шнапсъ,—пояснилъ разсказчикъ:—и благодаря переводчику, русскому нѣмцу, дѣло разъяснилось къ полному моему удовлетворенію; я чуть не сдѣлался жертвой ошибки; меня приняли за другого, какого-то недобраго человѣка, залѣзающаго въ чужіе карманы... Вездѣ такія ошибки легко могутъ быть!»—добавилъ разсказчикъ...

Мой визави все хмурился, прислушиваясь къ громкому разговору сосѣдей, и что-то ворчалъ подъ носъ... Сперва онъ ворчалъ на кондуктора, зачѣмъ вагоны набиваютъ пассажирами, какъ сельдями, потомъ на ребенка, который со второй же станціи сталъ довольно внушительно показывать силу своихъ легкихъ, къ отчаянію бѣдной матери, не перестававшей однако успокаивать всѣхъ насъ увѣреніями, что это онъ «такъ только» вначалѣ кричитъ, но что вообще онъ ребенокъ спокойный, такой спокойный, такой спокойный, что другого такого спокойнаго и не сыскать. Особенно молодая мать старалась задобрить моего угрюмаго сосѣда, объясняя ему, что ребенокъ, вѣроятно, нездоровъ, потому такъ и кричитъ, но мой сосѣдъ оставался равнодушенъ къ этимъ объясненіямъ и даже на заискивающій вопросъ молодой матери: «любитъ ли онъ дѣтей?» отвѣчалъ такимъ неопредѣленнымъ ворчаніемъ, что сконфуженная женщина поспѣшила отойти въ свой уголъ и принялась съ большимъ усердіемъ укачивать младенца.

— И охота ѣздить съ дѣтьми,—воркнулъ сосѣдъ себѣ подъ носъ, когда дама отошла:—этотъ дьволенокъ покоя не даетъ! Чортъ бы его побралъ!

Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, онъ сурово спросилъ:

— Далеко ѣдете?

— Далеко.

— Не секретъ, какъ далеко?

— За границу!

— Хмъ! И вы туда же!—проворчалъ онъ, точно недовольный, что я ѣду за границу:—для развлеченья, конечно... У насъ дома, видно, скучно?.. Тамъ лучше?

— А вамъ все это интересно знать?

Старикъ посмотрѣлъ на меня внимательнымъ взглядомъ своихъ сѣрыхъ, выцвѣтающихъ, но все еще живыхъ, острыхъ глазъ и уже болѣе мягкимъ тономъ прибавилъ:

— Да вѣдь русскіе больше отъ баловства туда ѣздятъ... Некуда имъ денегъ дѣвать!.. Ну и тамъ, видите ли, воздухъ лучше! Дышать, молъ, свободнѣе, точно вездѣ, во всемъ мірѣ, не одна и та же людская па-

кость!—добавилъ онъ съ какимъ-то озлобленіемъ завзятаго мизантропа, сердито потряхивая своей головой.

Онъ начиналъ меня занимать, этотъ мизантропъ со Станиславомъ на шеѣ, съ этимъ желто-блѣднымъ, угрюмымъ лицомъ, изборожденнымъ морщинами, съ этими впалыми маленькими глазами надъ большимъ носомъ, придававшими его лицу нѣсколько птичій видъ. Что-то мрачное, безнадежное было въ тонѣ его голоса, во взглядѣ, и какая-то печать одиночества и безотрадной жизни лежала на всей этой худой, точно высохшей фигурѣ.

— Не всѣ, какъ вы говорите, для баловства ѣздятъ,—началъ я.

— Еще хуже тогда... Ѣдутъ учиться и, смотришь, вернутся недовольными... И безъ того...

Онъ не докончилъ и свирѣпо махнулъ рукой.

— Такъ что, по-вашему, лучше за границу не ѣздить?

— Не ѣздить... Я бы совсѣмъ запретилъ выѣздъ за границу!.. По крайней мѣрѣ не было бы соблазну...

— Очень ужъ рѣшительно...

— Зато логично... А то теперь вотъ поѣдетъ человѣкъ за границу и только себя раздразнитъ. Пакость одна и выйдетъ...

— А вы, вѣрно, недалеко ѣдете?

— То-то и я ѣду за границу!—улыбнулся онъ.

— И не боитесь заразы?

— Поздно... Я, слава Богу, ничего теперь не боюсь!—сказалъ онъ съ какимъ-то раздраженіемъ въ голосѣ:—развѣ только боюсь, чтобы по ошибкѣ въ морду не дали гдѣ-нибудь, и потому надѣлъ своего Станислава; все безопаснѣе...

Я невольно разсмѣялся.

— И ни за что бы не поѣхалъ, если-бъ не доктора... Посылаютъ непремѣнно туда, въ хваленыя страны; тамъ, видите ли, воды хорошія и воздухъ лучше, отдыхъ и все такое... Ну, и ѣду... Какъ-никакъ, а человѣкъ—животолюбивая скотина!

Онъ помолчалъ и, мотнувъ головой въ сторону нѣмцевъ, сказалъ:

— Вѣдь вотъ эти нѣмцы расхваливаютъ Россію съ своей лакейской точки зрѣнія, а переѣдутъ, бестіи, границу, такъ посмотрите, что запоютъ! Такъ распишутъ насъ своимъ Шарлоткамъ, что чудо! И то нехорошо, и то скверно. И всѣ эти пироги съ начинкой забудутъ, которыми объѣдались послѣ своей гороховой колбасы...

— Вы, кажется, недолюбливаете нѣмцевъ?

— За что мнѣ любить ихъ или не любить... Чортъ съ ними!.. Всѣ хороши! А вѣдь воображаютъ...

— Что воображаютъ?

— Что они, видите ли, настоящіе люди, точно я не могу за двѣ марки отдубасить по лапитамъ голоднаго нѣмчика и еще за это данкенъ получить... У насъ, по крайней мѣрѣ, можно gratis мужика царапнуть...

— Ну, вы можете и на сдачу натолкнуться съ нѣмчикомъ, несмотря на свой Станиславъ!

— Когда человѣка подведетъ съ голоду, какая тутъ сдача... Тутъ національности уравниваются. Вездѣ свинство, что̀ тамъ, что̀ здѣсь, только подъ разными названіями...

— Но и въ свинствѣ есть степени!—пробовалъ я возразить.

Но онъ не обратилъ вниманія на мое возраженіе; его вдругъ точно прорвало, и онъ заговорилъ торопливо, словно обрадовавшись, что нашелъ терпѣливаго слушателя.

Онъ злобно подсмѣивался надъ Европой, надъ ея порядками, и, между прочимъ, говорилъ:

— Человѣкъ до сихъ поръ остался подлымъ и трусливымъ животнымъ, хоть и мнитъ себя свободнымъ... Гдѣ они, эти свободные люди?.. Вездѣ масса людей—рабочій скотъ, вѣчно живущій въ страхѣ передъ той или другой палкой... Это, пожалуй, и лучше, если взглянуть безъ предразсудковъ; по крайней мѣрѣ, въ этой скотской жизни, безъ надежды, безъ идеаловъ, безъ думъ, въ этой вѣчной заботѣ о кускѣ есть хоть относительное счастье не знать лучшаго.

— Такъ что страхъ спасительное лѣкарство?—вставилъ я.

— Именно... И самое лучшее... Сперва, конечно, непріятно, а потомъ къ нему такъ привыкаетъ человѣкъ, что лучшаго ему и не надо... И всякій своимъ національнымъ свинствомъ хвалится еще, вдобавокъ!.. Очень, молъ, хорошо... Мы первые люди!.. Оно, если хотите, и понятно... Свое-то свинство милѣе, потому что мы къ нему привыкли, и какъ-никакъ, а нами оно и держится... Посмотрите, какой счастливый народъ китайцы!.. Плодятся себѣ, шельмы, какъ клопы, хоть ихъ тамъ и порядкомъ-таки пропадаетъ... Чѣмъ не жизнь!? Отличная... А у негровъ Африки еще того лучше... Просто и ближе къ природѣ. Гораздо лучше, чѣмъ въ Европѣ... Вѣдь все равно, она до сихъ поръ лучшей жизни не выдумала и правды этой самой хваленой не нашла!?.. Такъ лучше бросить ее и жить по-скотски... Лучше! — добавилъ онъ съ энергическимъ жестомъ.

Я слушалъ эту рѣчь, полную какого-то озлобленія и мрачнаго отчаянія, съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Что̀ это за странный поклонникъ скотства и теоріи страха... Кто онъ и какъ дошелъ до такихъ безотрадныхъ выводовъ?..

Ораторъ замѣтилъ, вѣроятно, мое изумленіе и продолжалъ:

— Вы вотъ, я вижу, на меня какъ на маніака смотрите? Что̀, молъ, за чепуху городитъ этотъ старикъ... И, вѣрно, меня въ сотрудники (онъ назвалъ извѣстную московскую газету) сопричислили... Я, милостивый государь мой, собственнымъ опытомъ, шкурой своей дошелъ до этихъ принциповъ... Тоже и я прежде легковѣренъ и молодъ былъ и юношамъ въ классѣ, во время учительства своего, рисовалъ-съ перспективы правды, любви, прогресса, ну, а потомъ, какъ я самъ со

своей-то правдой провалился и убѣдился, что эта правда вилами на водѣ писана, и что человѣкъ готовъ пожрать человѣка какъ звѣрь,— я больше дурака не валяю... Довольно... Пусть другіе расписываютъ!..

Онъ умолкъ и черезъ нѣсколько времени спросилъ:

— Вы, конечно, служите?

— Отчего конечно?

— Да что-жъ болѣе дѣлать!.. Благородный человѣкъ служитъ, а мужичокъ работаетъ... Оно и выходитъ гармонія. Одни наблюдаютъ, распредѣляютъ и потребляютъ, другіе производятъ! Я тоже политической экономіи пробовалъ!—лукаво улыбнулся онъ.—Вы чиновникъ?

— Нѣтъ.

— Слѣдовательно на частной службѣ состоите?

— И на частной службѣ не состою.

— Такъ, значитъ, изволите жить на счетъ ренты?

Я сказалъ о своей профессіи.

Въ свою очередь мой сосѣдъ взглянулъ на меня съ изумленіемъ, но показалось мнѣ, будто теперь взглядъ его значительно смягчился.

— Семейства, разумѣется, не имѣете?

— Имѣю.

— А гдѣ изволите работать?—продолжалъ онъ допросъ.

Я отвѣтилъ.

Онъ снова посмотрѣлъ на меня долгимъ, внимательнымъ взглядомъ и совершенно серьезно проговорилъ:

— Видно, нескоро переведутся сумасшедшіе люди въ Россіи.

— Видно, нескоро!—засмѣялся я.

— То-то и удивительно!—какъ-то загадочно проворчалъ онъ:—кажется, давно бы пора!..

— А вы чѣмъ занимаетесь?—спросилъ я.

— А вы какъ думаете? Ваша профессія изощряетъ наблюдательность.

Я разсказалъ ему, какъ я колебался между аптекаремъ, профессоромъ и чиновникомъ. Онъ усмѣхнулся и проговорилъ:

— Могли бы всѣ профессіи перебрать и не ошиблись бы... Всѣмъ былъ-съ, всякихъ занятій перепробовалъ, почти во всѣхъ вѣдомствахъ служилъ послѣ того, какъ съ большимъ успѣхомъ два факультета въ университетѣ прошелъ... Даже одно время на сценѣ лицедѣйствовалъ вашъ покорный слуга, отставной коллежскій асессоръ, а теперь вотъ по вольному найму въ частномъ банкѣ служу... Да и оттуда скоро выйду... Свинство!

Затѣмъ онъ вдругъ неожиданно прибавилъ:

— Если хотите, я, пожалуй, вамъ потомъ кое-что занимательное разскажу изъ моей біографіи... Вамъ матеріалъ будетъ, а мнѣ развлеченіе. Все равно спать нельзя, да вдобавокъ этотъ дьяволенокъ, навѣрное, станетъ орать... А пока пойдемте-ка обѣдать. Къ Лугѣ подъѣзжаемъ!

IV.

И онъ мнѣ разсказалъ, этотъ чудакъ, кое-какіе эпизоды изъ своей жизни, обильной всякими превращеніями. Въ другое, болѣе удобное время я воспользуюсь этими разсказами и познакомлю читателя съ этой, дѣйствительно интересной и поучительной эпопеей, превратившей когда-то горячаго, вѣрящаго въ добро и правду человѣка въ какого-то безнадежнаго маніака, дошедшаго до отчаянной философіи всеобщаго свинства, а теперь замѣчу только, что послѣ его разсказовъ, полныхъ мрачной ироніи, въ которыхъ даже не было ничего чрезвычайнаго (разсказчикъ, по собственному признанію, не героическаго склада человѣкъ) и героемъ которыхъ являлась самая простая, нетребовательная независимость, обыкновенно терпѣвшая фіаско при житейскихъ столкновеніяхъ, — я понялъ отчасти эту гартмановскую философію, видоизмѣненную и приспособленную русскимъ человѣкомъ, побывавшимъ въ разныхъ передѣлкахъ и слишкомъ побитымъ жизнью, чтобы трезво отнестись къ разнымъ явленіямъ и умѣть выяснить ихъ причины... Своя собственная уродливая философія явилась у него результатомъ собственной уродливой жизни, развила въ немъ какую-то ненависть ко всему тому, во что человѣкъ привыкъ вѣрить, на что надѣяться и безъ чего жизнь дѣйствительно стала бы пустою и глупою шуткой. Дошелъ онъ до такой философіи, конечно, не сразу, а постепенно, и дошелъ до самой точки, упорно закрывая глаза на все то, что̀ противорѣчило его мрачному взгляду на человѣчество, и съ какимъ-то ироническимъ злорадствомъ стараясь набросить тѣнь на свѣтлыя проявленія человѣческой жизни.

Такіе экземпляры своеобразныхъ, безкорыстныхъ и мрачныхъ проповѣдниковъ свинства встрѣчаются, сколько кажется, только у насъ и не между одними стариками. Впрочемъ, мой странный сосѣдъ и не былъ по лѣтамъ старикомъ. Ему было всего подъ пятьдесятъ, но на видъ это былъ совсѣмъ старикъ, больной, хилый, несчастный, и, казалось, ему доставляло какое-то особенное удовольствіе дѣлиться воспоминаніями своей неказистой жизни передъ незнакомымъ человѣкомъ. Съ незнакомымъ, съ которымъ вы встрѣтились и разъѣдетесь съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не встрѣчаться, удобнѣе и искреннѣе говорится... И онъ говорилъ, говорилъ цѣлый вечеръ и часть ночи, съ особеннымъ злорадствомъ напирая на торжество лжи, лицемѣрія или какого-нибудь свинства, точно это доставляло ему удовольствіе, подтверждая его положенія... Въ вагонѣ кругомъ всѣ давно дремали, поклевывая носомъ изъ стороны въ сторону, а старикъ былъ неистощимъ въ своихъ разсказахъ, какъ будто изъ тысячи и одной ночи...

Наконецъ и я сталъ дремать... Но угрюмый мой сосѣдъ не спалъ; нѣсколько разъ открывая глаза, я видѣлъ это угрюмое лицо, освѣщенное блѣднымъ свѣтомъ луны, съ открытыми глазами, неподвижно

устремленными въ открытое окно вагона. Подъ утро меня разбудилъ крикъ ребенка... Я открылъ глаза—смотрю и глазамъ не вѣрю. Сосѣдъ мой самымъ усерднымъ образомъ помогаетъ матери утѣшить ребенка и — слышу я — обѣщаетъ на ближайшей станціи сбѣгать за горячей водой, чтобы развести кашицу... Я снова закрылъ глаза, и во снѣ мнѣ чудится этотъ старикъ совсѣмъ не такимъ... Его ненужныя страданія кажутся какой-то нелѣпостью, жизнь его складывается совсѣмъ не такъ, а проще, разумнѣй, человѣчнѣй, и онъ снится мнѣ тихій, спокойный, безъ этой мертвенной блѣдности на изможденномъ лицѣ, съ любовью слушающій про хорошія людскія дѣла, съ надеждой глядящій впередъ и вѣрящій, что правда не звукъ пустой... И все кругомъ получило совсѣмъ другой видъ: все словно покрылось розовой дымкой чего-то хорошаго... Подъ убаюкивающій стукъ колесъ быстро несущагося поѣзда мнѣ казалось, будто я ѣду среди цвѣтущихъ полей и деревень, купающихся въ зелени, съ чистыми свѣтлыми избами, съ большими роскошными школами, кишащими дѣтьми... И люди все снились веселые, бодрые, довольные...

Когда я проснулся, мы стояли въ Ковнѣ... Сосѣдъ мой, попрежнему угрюмый, иронически освѣдомился: «хорошіе ли я сны видѣлъ, и не снилась ли мнѣ бѣлая Арапія». Самъ онъ совсѣмъ не спалъ — не давалъ этотъ крикунъ, который, слава Богу, убирается... «А нѣмцы,— прибавилъ онъ:—превосходно, подлецы, спали. Легли другъ на дружку и заснули...»

— Вамъ, видно, завидно?—засмѣялся я...

Наконецъ и Вержболово. Всѣ какъ-то оживились въ виду близости границы и стали собираться. Опытные русскіе пассажиры тщательно прятали въ карманы коробки съ папиросами, а нѣмцы, напротивъ, сложили ихъ отдѣльно и разсчитывали, сколько пфениговъ придется заплатить за провозъ. Мой «мизантропъ», хоть и старался казаться равнодушнымъ, но видимо волновался. Онъ первый разъ ѣхалъ за границу. Онъ спряталъ своего Станислава и спрашивалъ меня:

— Я думаю, эти нѣмцы станутъ копаться въ багажѣ? Тоже Европа, а, поди, грубы эти нѣмцы?

— А вотъ увидите!..—отвѣчалъ я и прибавилъ: — небось, Европу ругаете, а Станислава теперь спрятали?..

— Что-жъ изъ этого... Зато тамъ розетку надѣну...

Онъ хотѣлъ размѣнять въ Вержболовѣ деньги, но я ему совѣтовалъ подождать до Эйдкунена.

— Да не все ли равно?..

— Тамъ дадутъ больше, а здѣсь васъ надуютъ...

— Это почему же? Потому что *здѣсь*, а не *тамъ?* Ну, ужъ какъ вы хотите, а я здѣсь размѣняю часть денегъ.

И онъ пошелъ мѣнять. Оказалось, что я былъ правъ. Въ мѣняльной конторѣ, въ Вержболовѣ, дали за 100 рублей 199 марокъ по курсу, а

въ Эйдкуненѣ, рядомъ, по тому же курсу, дали 201 марку и нѣсколько пфениговъ.

— Что, не повѣрили?

— Жиды проклятые!—сердился мой спутникъ.

Поѣздъ остановился у Эйдкунена. Публика направилась въ таможенную залу для осмотра багажа.

Съ переѣздомъ границы обыкновенно съ россіянами происходитъ метаморфоза... Этотъ важный видъ пропадаетъ; они какъ-то совѣютъ и дѣлаются дьявольски-любезны, словно боясь, что иначе ихъ примутъ за русскихъ... А именно по этой особенной любезности съ кельнерами вы тотчасъ узнаете русскаго. Тамъ, на чужбинѣ, они словно мѣняютъ шкуру, и всѣ эти отечественныя привѣтствія, обычныя до границы, куда-то исчезаютъ вплоть до возвращенія на родину.

Молодой, стройный нѣмчикъ-чиновникъ, въ форменномъ сюртукѣ съ иголочки, ходилъ между чемоданами и сундуками, выступая обтянутыми, длинными ногами, точно на пружинахъ, въ своей своеобразной прусской фуражкѣ и не спѣша, безъ суетни, безъ шума, осматривалъ багажъ...

Мой сосѣдъ держался меня. Эта необыкновенная чистота и порядокъ на станціи, эти благообразные и добродушные трегеры въ чистыхъ блузахъ, эта скорая работа безъ крика и суетни видимо произвели на него впечатлѣніе.

— Имѣете ли вы что заявить? Нѣтъ ли у васъ табаку, чая?..—раздался голосъ этого молодого нѣмчика около насъ.

— Фунтъ чаю... Двѣ сотни папиросъ!..—проговорилъ мой сосѣдъ, доставая ключи.

Нѣмчикъ, взглянувъ на моего сосѣда, махнулъ головой и отошелъ ко мнѣ.

Трегеры наклеили марки.

— И кончено?—удивился мой спутникъ.

— Кончено... Пойдемте брать билеты и пиво пить.

— Однако скоро...

— Онъ не дуракъ, этотъ пружинный нѣмчикъ... Онъ сразу видитъ, что вы контрабандой не станете заниматься. Такъ къ чему перерывать ваше бѣлье, платье и безпокоить понапрасну себя и васъ. Хоть нѣмецъ и пріобрѣлъ репутацію формалиста, но онъ все-таки не станетъ воды въ ступѣ толочь, т. е. рыться у васъ въ чемоданахъ, чтобы только досадить вамъ...

Старикъ воркнулъ что-то въ отвѣтъ на мой диѳирамбъ прусскимъ таможеннымъ чиновникамъ, и мы, взявши билеты до Берлина, пошли въ залу...

И здѣсь, какъ и тамъ, въ таможенной залѣ, все говорило о другихъ нравахъ, о другихъ обычаяхъ, и это различіе какъ-то рѣзко кидалось въ глаза, особенно человѣку, первый разъ переѣзжавшему границу.

Оно и понятно: всякая страна имѣетъ свои особенности... Смотрю я, мой мизантропъ съ любопытствомъ озирается вокругъ: и изумительная поворотливость кельнеровъ, и педантическій порядокъ у буфета, гдѣ двѣ чисто одѣтыя нѣмки мастерски администрируютъ по части бутербродовъ, пива и кофе, и добросовѣстность прислуги при сдачѣ, и этотъ машинистъ въ блузѣ, спокойно потягивающій пиво рядомъ съ хорошо одѣтымъ господиномъ, и говоръ и оживленіе, несвойственные нашимъ публичнымъ мѣстамъ,—все это вмѣстѣ взятое, кажется, смущаетъ нѣсколько моего угрюмаго проповѣдника свинства, хоть онъ, видимо, и старается казаться равнодушнымъ.

Русскаго языка совсѣмъ не слышно здѣсь, хоть вы отлично знаете, что половина всей публики — русскіе. Но мои соотечественники по большей части стараются говорить по-французски или по-нѣмецки, хоть и скверно, чтобъ не объявляться русскими. Только дамы, когда путаются въ счетахъ марокъ (а это вы увидите неизбѣжно на каждыхъ первыхъ заграничныхъ станціяхъ) вдругъ оставляютъ иностранные языки и начинаютъ путаться по-русски, обличая самыя слабыя ариѳметическія способности. Нѣкоторый оттѣнокъ какой-то растерянности составляетъ тоже отличительный признакъ русскихъ за границей, особенно попавшихъ туда въ первый разъ. Англичанинъ всюду чувствуетъ себя какъ дома и даже не даетъ себѣ труда ломать чужой языкъ, а воображаетъ, что его за его деньги должны понять всюду; французъ рѣзко отличается своимъ видомъ и изяществомъ, хотя и чувствуетъ себя сиротливо въ чужой толпѣ; а русскіе какъ-то стираются въ толпѣ и робѣютъ даже передъ кельнерами или, наоборотъ, обращаютъ на себя общее вниманіе, фыркая и разыгрывая изъ себя грандъ-сеньеровъ. Недаромъ еще давно одинъ русскій писатель замѣтилъ о соотечественникахъ за границей, что «они громко говорятъ тогда, когда надо молчать, и молчатъ тогда, когда надо говорить»...

Желтолицый, геморроидальный «сѣрый сьютъ», двѣнадцать лѣтъ не бравшій отпуска, на три четверти потерялъ изъ своего важнаго замороженнаго вида. Онъ ходитъ, точно сконфуженный, въ этой пестрой толпѣ и съ такою любезностью проситъ кельнера подать ему пива, десятая доля которой тамъ, дома, была бы совершенно достаточна для десятка его сослуживцевъ. Онъ выпилъ свой бокъ, подошелъ къ букинисту, разсматриваетъ книжки и поспѣшно уходитъ, озираясь по сторонамъ... Нѣкоторыя названія смущаютъ его стыдливое чувство и здѣсь...

А молодое, красивое животное, успокаивавшее въ Петербургѣ свою жену, уже пристроилось къ красивой француженкѣ, отъѣзжавшей на лѣто изъ Петербурга къ себѣ на родину; эта пара весело смѣется за бутылкой нѣмецкаго шампанскаго. Они, повидимому, познакомились въ дорогѣ и оба довольны другъ другомъ... Навѣрное можно предсказать, что женѣ придется дорого заплатить за право вернуть супруга въ свои объятія...

Присѣвши у столика, бесѣдуютъ два русскихъ банковскихъ артельщика за бокалами пива. Одинъ изъ нихъ, помоложе, замѣчаетъ:

— Чище нашего будетъ. Много чище!

— Тутъ еще что̀, а вотъ дальше увидишь, — говоритъ другой, постарше:—какая у нихъ, у этихъ нѣмцевъ, братъ, чистота... Постройка въ деревняхъ не наша и народъ чище... Прямо сказать: наши передъ ними свиньями живутъ... Вотъ самъ поглядишь...

И говорившій, какъ видно, бывалый артельщикъ, сталъ передавать товарищу свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ первой поѣздки въ Берлинъ, куда онъ отвозилъ закладные билеты общества взаимнаго поземельнаго кредита.

Вошелъ станціонный швейцаръ со звонкомъ; прозвонивши, онъ сталъ перечислять города, куда отправляется поѣздъ. Публика хлынула изъ залы.

Отъ Эйдкунена до Берлина мы ѣхали вмѣстѣ съ «мизантропомъ» въ третьемъ классѣ. Вагоны третьяго класса у нѣмцевъ чисты и просторны; масса публики путешествуетъ обыкновенно въ третьемъ классѣ. Вначалѣ у насъ было довольно просторно, но станціи черезъ три-четыре стали прибывать пассажиры, такъ что, подъѣзжая къ Кенигсбергу, вагонъ былъ полонъ. Но мой спутникъ не обращалъ вниманія ни на тѣсноту, ни на табачный дымъ, волнами носившійся въ вагонѣ. Онъ то смотрѣлъ въ окно на мелькавшія мимо насъ деревни, то разглядывалъ станціи, чистота и порядокъ которыхъ дѣйствительно били въ глаза, то разсматривалъ публику, наполнявшую вагонъ (у насъ сидѣло много крестьянъ и солдатъ), и прислушивался къ этому непривычному, оживленному громкому говору и хохоту. Чѣмъ дальше подвигались мы отъ Эйдкунена, тѣмъ люднѣй и оживленнѣй было на станціяхъ. Пассажиры уходили и прибывали. Когда мы наконецъ пріѣхали въ Кенигсбергъ и на станціи внушительныхъ размѣровъ шумѣла огромная разношерстная толпа, газетчики выкрикивали нумера газетъ, кельнера съ лотками предлагали бутерброды и пиво, а дѣвочки—цвѣты, и среди всей этой шумной толпы желѣзнодорожное начальство хладнокровно дѣлало свое дѣло, мой собесѣдникъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— И съ чего это такая толпа, такой шумъ... Сбѣсились нѣмцы, что ли?

Изъ Кенигсберга нашими ближайшими сосѣдями были двое молодыхъ рабочихъ, обкуривавшіе насъ своими сигарами и нѣсколько смущавшіе моего спутника своими бесѣдами. Они возвращались въ Берлинъ, погостивши на родинѣ, по близости отъ Кенигсберга, и между прочимъ толково разсказывали о заработкахъ въ Кенигсбергѣ, о положеніи рабочихъ на тамошнихъ заводахъ, и находили, что въ Кенигсбергѣ жить лучше; потомъ перешли къ экономической политикѣ Бисмарка. Одинъ оказался ярымъ защитникомъ, другой, напротивъ, порицалъ эту политику. Хотя они и горячились, но споръ ихъ не выходилъ изъ пре-

дѣловъ приличія и не грозилъ окончиться ни дракой ни крѣпкой руганью...

Мой «мизантропъ» вслушивался (онъ отлично зналъ нѣмецкій языкъ), хмурился и внимательно оглядывалъ этихъ чисто одѣтыхъ, краснощекихъ нѣмцевъ, не обращавшихъ на насъ никакого вниманія... Становилось поздно... Нѣмцы перестали спорить и собирались, видимо, прикурнуть; одинъ изъ нихъ попросилъ у меня огня и, между прочимъ, спросилъ, издалека ли мы ѣдемъ... Когда мы сказали, что изъ Петербурга, то онъ тотчасъ же сказалъ: «Ну, вы дѣлаете далекое путешествіе; вамъ не грѣхъ и соснуть; особенно этому господину»,—прибавилъ онъ, указывая на моего сосѣда. И съ этими словами оба они встали и пересѣли на другія мѣста, очистивъ намъ скамейки. Такимъ образомъ мы, благодаря этой любезности, могли проспать до самаго Берлина.

Когда поѣздъ примчался къ центральной станціи на Фридрихштрассе, гдѣ поѣзда отходятъ и приходятъ черезъ каждыя пять минутъ, принимая и выбрасывая цѣлыя толпы пассажировъ, мой спутникъ былъ пораженъ этимъ оживленіемъ, шумомъ и многолюдіемъ... Мы спустились внизъ пить кофе. Видъ этой огромной станціи со всѣмъ ея превосходнымъ устройствомъ, съ ея кипящей жизнью, снова заставилъ моего спутника сердито воскликнуть:

— И куда это всѣ ѣдутъ!..

Черезъ часъ мы прощались съ моимъ случайнымъ спутникомъ. Я ѣхалъ въ Кассель, а онъ въ Маріенбадъ. Крѣпко пожимая мнѣ руку, этотъ старикъ на прощанье все-таки сказалъ:

— Все это отводъ глазъ, а въ сущности я остаюсь при своемъ мнѣніи...

— Насчетъ необходимости свинства?

— Именно... Хоть то, что̀ я видѣлъ, какъ будто и недурно, а въ сущности, если подумать, опять-таки свинство, только замазанное... Если заглянуть туда, за кулисы, какъ люди живутъ...

— А вы загляните... Ну, прощайте, желаю вамъ поправиться.

— Едва ли!—какъ-то угрюмо проворчалъ старикъ.

Раздался рѣзкій свистокъ. Поѣздъ тронулся, и я еще разъ взглянулъ на этого россійскаго мизантропа, уныло стоящаго среди волнующейся толпы.

«Пожалуй, зараза коснется и его, когда онъ заѣдетъ дальше, хоть онъ и хвастаетъ, что не боится больше ничего!»—думалось мнѣ. И я, признаться, пожалѣлъ его отъ души. Да не посѣтуетъ онъ на меня, мой случайный спутникъ, если эти строки случайно попадутся ему на глаза!

IV.

Врачи, посылавшіе меня въ Вильдунгенъ, могли только сказать, что во̀ды его очень полезны, что̀ онъ въ Германіи, но гдѣ именно и какъ туда попасть—объяснить не могли. «Въ Берлинѣ спросите»,—утѣшали

меня. Я сталъ искать въ русскихъ справочныхъ книгахъ указаній о Вильдунгенѣ, но указанія на этотъ счетъ были такъ глухи, что мнѣ грозила опасность очутиться въ положеніи Митрофанушки. Спасибо нѣмецкому курсъ-буху, издаваемому прусскимъ почтовымъ вѣдомствомъ, онъ выручилъ меня; благодаря ему я узналъ, гдѣ Вильдунгенъ, какъ туда попасть и что стоитъ туда доѣхать, и еще разъ убѣдился, что нѣмецкіе справочныя книги и календари не врутъ, какъ русскіе. Съ ними вы можете смѣло пускаться въ путь, разсчитывая по нимъ время остановокъ на станціяхъ, часы прибытія и отхода поѣздовъ. Они васъ не выдадутъ.

Оказалось, что мнѣ придется ѣхать въ крошечное княжество Вальдекъ, по сосѣдству съ тѣмъ самымъ уголкомъ нѣмецкаго фатерланда, гдѣ патріархальная жизнь добраго стараго времени сохранялась долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстныхъ фатерландахъ, исключая развѣ Ганновера и Мекленбурга. Это тотъ самый Гессенъ, гдѣ въ недавнее еще относительно время гессенскіе курфюрсты занимались спеціально продажей крупныхъ и рослыхъ своихъ вѣрноподданныхъ, партіями и поштучно, въ солдаты, въ чужія арміи (покупали преимущественно англичане, такъ какъ платили хорошія деньги), посылая рослыхъ гессенцевъ пробовать въ чужомъ пиру похмелья, а мелкихъ оставляя дома на разводъ и на уплату податей.

Если судьба приведетъ васъ, какъ меня, въ Кассель, прежнюю столицу Гессена, то вамъ покажутъ всѣ эти дворцы, римскія бани, картинныя галлереи, сады и монументы, устроенные на счетъ нѣкогда процвѣтавшей торговли рослыми нѣмцами. Менѣе рослый гессенецъ-проводникъ (съ тѣхъ поръ народъ измельчалъ), изъ чувства патріотизма, добросовѣстно умолчитъ объ источникахъ всѣхъ этихъ великолѣпій крошечнаго Гессена, и если вы неделикатно напомните ему о нихъ, то онъ не безъ задора отвѣтитъ: «Мало ли что встарину было!» При этомъ, если онъ вдобавокъ узнаетъ, что вы не англичанинъ, не французъ, не голландецъ, то, чего добраго, еще подпуститъ какую-нибудь обидную шпильку. Поэтому, если не желаете огорчаться, оставляйте свои свѣдѣнія по нѣмецкой исторіи при себѣ. Это не лишнее. Побывавши въ Касселѣ, вы кстати съѣздите и въ Вильгельмсгеэ, отстоящій въ 10 минутахъ ѣзды отъ Касселя, и посмотрите этотъ роскошный дворецъ — плоды той же торговли! — съ обширными садами, парками, фонтанами, затмевающими, по словамъ нѣмцевъ, версальскіе, — который въ послѣднее время сталъ извѣстенъ и за предѣлами Гессена, благодаря плѣненію Наполеона III, послѣ Седана. Могу засвидѣтельствовать, что мѣсто плѣненія было очень комфортабельное, которому могли бы позавидовать не только плѣнники, но и масса людей, живущихъ на свободѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ добрыхъ гессенцевъ перестали продавать на убой, не спрашивая ихъ согласія, много утекло воды, и если вѣрить,

нѣкоторымъ дальновиднымъ политикамъ, именно съ этого самаго времени въ Германіи, какъ и вездѣ, впрочемъ, все пошло къ худшему. Горы осѣли, лѣса порѣдѣли, рѣки обмелѣли, звѣри, рыбы и птицы стали плодиться меньше, въ умахъ пошла смута, люди стали несчастнѣй и начальство безпомощнѣй. Такая страна, какъ Гессенъ, давала хорошій случай провѣрить эти жалобы, такъ какъ именно Гессенъ отличался въ старое время особеннымъ счастьемъ, о которомъ мечтаютъ политики. Могу достовѣрно сказать, что если добрые гессенцы, послѣ того, какъ Бисмаркъ скушалъ ихъ курфюрста и сдѣлалъ Гессенъ нѣмецкой провинціей, быть-можетъ, и не совсѣмъ счастливы, то во всякомъ случаѣ не только не жалѣютъ о тѣхъ временахъ, когда и лѣса были гуще и горы выше (и продажа гессенцевъ шла шибко), но даже съ гордостью ссылаются на свои законы, хвалятся своими школами и относительнымъ достаткомъ. Кассельскіе извозчики, быть-можетъ, внуки этихъ самыхъ великорослыхъ «Михелей», съ которыми встарину дѣлали столь выгодныя аферы, толкуютъ о политикѣ съ такой же свободой, какъ и кассельскіе журналисты. Хорошо это или дурно, счастье или несчастье, пусть сообразятъ политики.

Если бы вы послушали господина Френке, извозчика, доставившаго меня съ желѣзнодорожной станціи въ Вильдунгенъ, какъ онъ всю дорогу просвѣщалъ меня и спутника моего, голландца, насчетъ дѣлъ своей родины, при чемъ ворчалъ на налоги и съ гордостью говорилъ, что онъ и самого Бисмарка не боится, если онъ, Френке, не нарушаетъ закона,—то вы, читатель, пришли бы въ нѣкоторое смущеніе и задумались бы насчетъ этихъ самыхъ нѣмцевъ, которыхъ мы такъ бранимъ у себя дома. По крайней мѣрѣ такое чувство смущенія испыталъ я, слушая болтовню извозчика въ то время, какъ экипажъ двигался по превосходному шоссированному проселку, окаймленному высокими тополями, мимо деревень съ приличными домами, въ виду синевы далекихъ горъ, озаренныхъ заходящимъ солнцемъ, словомъ, среди пейзажа, совсѣмъ не напоминавшаго мнѣ далекой родины.

Особенно бахвалился Френке послѣ остановокъ у разныхъ кабачковъ, подъ предлогомъ дать вздохнуть бѣдной лошади. Я полагаю, что остановки эти были нужны болѣе для самого Френке, который въ каждомъ кабачкѣ нацѣживался пивомъ. Послѣ такихъ передышекъ Френке, молодой, здоровый, красный вильдунгенецъ, громче и рѣшительнѣй высказывалъ свои мнѣнія, пощелкивая бичомъ въ воздухѣ.

— Что мнѣ Бисмаркъ, если я честный нѣмецъ и законы исполняю! Наплевать мнѣ на Бисмарка въ такомъ случаѣ! Онъ занимайся своимъ дѣломъ, а я своимъ!..

Слушая эти восклицанія подвыпившаго Френке, я все ждалъ, что вотъ-вотъ откуда-нибудь да объявится вдругъ прусская каска и поволочетъ нашего возницу въ кутузку за оскорбленіе начальства. Но никакой прусской каски не появлялось. Френке продолжалъ хвастать,

и экипажъ тихо катился среди тополей, по берегу вьющейся рѣки, и справа и слѣва бѣлѣли нѣмецкіе городки и деревни...

Черезъ часъ мы поднимались въ гору, на которой, среди зелени, виднѣлся замокъ, а налѣво—старинная церковь.

«Вотъ и Вильдунгенъ!»—проговорилъ Френке, и скоро мы въѣхали въ узкую улицу стариннаго городка, повернули и направились по широкой аллеѣ, обсаженной густыми липами, по бокамъ которой были гостиницы и дома къ услугамъ больныхъ. Эта аллея идетъ вплоть до самаго источника.

Времена «Іудушекъ».

I.

Нѣтъ, видно, мало еще съ насъ безподобныхъ «перловъ» инсинуаціи, которыми столь ярко блещутъ многіе публицистическіе этюды и беллетристическія упражненія! Видно, мало еще развелось въ взбаламученномъ морѣ русской жизни разныхъ «Іудушекъ»,—большихъ и малыхъ,—которые клевещутъ не всегда даже за тридцать сребренниковъ, а часто даромъ, изъ «чести», и не только не испытываютъ ни малѣйшаго желанія пріобщиться къ осинѣ, а, напротивъ, еще хвалятся съ апломбомъ шуллера, съ яснымъ взоромъ мѣднаго лба, когда слѣпой случай приведетъ неопытнаго Іудушку къ отвѣту передъ судомъ! Видно, повторяю, въ многочисленныхъ «увражахъ» не вполнѣ разносторонне разработанъ вопросъ о благородствѣ сикофантства и недостаточно ясно доказана безнравственность и слѣпота людей, клеймящихъ презрѣніемъ это «благородство»,—если на помощь къ этой славной стаѣ комментаторовъ сочла долгомъ явиться еще дама-писательница!

Да, такая дама явилась и торжественно представила читателямъ даму же, свершившую «столь славный подвигъ», въ видѣ жертвы, стараясь при помощи дамской «психологіи» привлечь къ «героинѣ» то сочувствіе, которымъ преисполненъ къ ней самъ авторъ.

Реабилитированный извѣтъ! Извѣтчица въ видѣ несчастной жертвы! Въ нѣкоторомъ родѣ «дама изъ Амстердама» на правахъ героини! Даже и по нынѣшнимъ временамъ, когда практики-«психологи» наводнили «улицу», такая «психологія» нѣсколько рискованна. Ужъ на что опытны такіе беллетристы-психологи, какъ гг. Маркевичъ и Авсѣенко, а и тѣ не дерзнули возвести въ перлъ созданія подобное «психологическое» положеніе.

Но на что не посягнулъ дерзкій мужчина, на то, къ крайнему изумленію, посягнула представительница слабаго пола, г-жа Ольга Шапиръ, напечатавшая въ апрѣльской книжкѣ «Журнала романовъ и повѣстей», издаваемыхъ редакціей «Недѣли», разсказъ свой «Жертва»,

въ которомъ пытается утвердить на «психологическихъ» началахъ булюбашевскую теорію во имя высокаго чувства любви.

Я сказалъ: къ крайнему изумленію, потому что до сихъ поръ вещи названной дамы-писательницы не подавали повода прозрѣвать въ г-жѣ Ольгѣ Шапиръ такого серьезнаго конкурента гг. Маркевичамъ и Авсѣенкамъ. Правда, нѣсколько повѣстей и разсказовъ, написанныхъ г-жой Ольгой Шапиръ, никогда не обнаруживали не только глубокаго, но даже и большого пониманія описываемыхъ ею явленій и не особенно рекомендовали глубину авторскихъ соображеній, но согласитесь, что отъ недостаточнаго пониманія до той «психологіи», какую даетъ намъ теперь г-жа Шапиръ—«дистанція огромнаго размѣра», которую перешагнуть даже и не особенно сообразительной дамѣ, казалось бы, не такъ-то легко!

Чтобы читатель не обвинилъ меня въ голословности дѣйствительно тяжкихъ обвиненій, взводимыхъ мною на г-жу Ольгу Шапиръ, я познакомлю его вкратцѣ съ сущностью разсказа, съ его специфическимъ запахомъ и своеобразной «психологіей». Итакъ, къ дѣлу.

Въ нѣкоторомъ провинціальномъ городѣ жили-поживали двѣ барышни: одна, которая передаетъ исторію своей подруги, барышня благоразумная и солидная, другая—будущая «жертва», по словамъ автора, «миловидная, цвѣтущая дѣвушка, живая, горячая и порывистая». Какъ и слѣдуетъ настоящимъ барышнямъ, онѣ «вмѣстѣ танцовали на вечерахъ, вмѣстѣ переживали сладкіе бальные тріумфы, кружили головы молодежи и влюблялись сами». Къ концу третьей зимы Маша ужъ была почти невѣста мѣстнаго интереснаго прокурора, какъ вдругъ, вмѣсто того, чтобы выйти замужъ за интереснаго прокурора, влюбилась въ пріѣзжаго изъ Петербурга студента 4-го курса и, несмотря на проклятіе родителей, вышла за него замужъ... Полюбила эта барышня, если вѣрить словамъ разсказчицы, не просто, а, такъ сказать, необычайно. «Во всю свою жизнь я больше не видала такой любви; это не была обыкновенная привязанность человѣка къ человѣку—это было рабское обожаніе, недостойное самоуниженіе, возмутительное плѣненіе человѣческой личности».

Я нѣсколько подробно цитирую объясненія автора, *какъ* полюбила милая дѣвушка, не безъ нѣкотораго умысла относительно дальнѣйшей «психологіи» г-жи Ольги Шапиръ. Но это еще впереди; а пока Маша Волкова безумствовала и восторгалась своимъ героемъ... Нужно ли прибавлять читателю, что солидная подруга Маши не особенно долюбливала этого господина. И въ самомъ дѣлѣ, любить его было не за что: онъ обращался съ невѣстой «сдержанно, иронически, подчасъ прямо грубо». Что заставило тѣмъ не менѣе студента жениться на барышнѣ Волковой—о томъ не только не можетъ догадаться читатель, но, по чистосердечному признанію автора, этого не берется рѣшить и онъ самъ. Однако сыграли свадьбу и уѣхали въ Петербургъ. Вотъ

тутъ-то многолюбящая Маша и узнала, что значитъ выйти замужъ и не слушаться совѣтовъ благоразумной подруги... Изъ Петербурга она шлетъ рядъ писемъ, въ которыхъ жалуется на свою судьбу, и эти письма таковы жалостливы, что солидная подруга, успѣвшая къ тому времени выйти замужъ за солиднаго человѣка, много плакала надъ ними, сравнивая обоюдныя доли: «себя, въ нашемъ уютномъ, комфортабельномъ гнѣздышкѣ, окруженную ежеминутнымъ вниманіемъ преданнаго мужа,—и мою бѣдную Машу, на каждомъ шагу отталкиваемую, униженную, виноватую, не смѣющую быть самой собой, выносящую скуку, одиночество, лишенія... Она дорого расплачивалась за превосходство своего Сережи».

Читатель прозрѣваетъ, каковъ гусь былъ этотъ Сережа! Рядъ писемъ обрисовываетъ его въ надлежащемъ свѣтѣ. Правда, краски, которыми описываетъ г-жа Ольга Шапиръ злополучнаго Сережу, не новы и взяты изъ склада окрасочныхъ матеріаловъ «Русскаго Вѣстника»; несомнѣнно и то, что г-жа Ольга Шапиръ совсѣмъ не обнаруживаетъ знанія среды, которую живописуетъ, и если что слышала о ней, то, такъ сказать, однимъ ухомъ, но все это тѣмъ не менѣе нисколько не помѣшаетъ извѣстнаго сорта читателямъ признать въ Сережѣ самаго заправскаго гуся.

Въ самомъ дѣлѣ, вы только полюбуйтесь, какъ поступаетъ этотъ «гусь» съ влюбленной въ него Машей. Онъ почти съ ней не говоритъ, такъ какъ занятъ «дѣлами», и если говоритъ, то рѣзко и грубо, постоянно глумясь надъ нею. Друзья его, которые немножко презираютъ Машу, постоянно толкутся въ комнатѣ, пропитанной табачнымъ запахомъ, говорятъ и безконечно спорятъ, всецѣло увлеченные своимъ дѣломъ, а Маша съ своею любовью въ сторонѣ, постоянно одна, униженная и оскорбленная. Свое недоумѣніе она, между прочимъ, высказываетъ въ такихъ словахъ: «Какъ могутъ эти юноши, эти дѣвушки любить или ненавидѣть все это сердцемъ, а не воображеніемъ!» И далѣе: «Куда дѣвать свое несчастное сердце, если оно, глупое, не соглашается стушеваться передъ «великими вопросами»?»

Рѣзкій, грубый, унижающій жену, не позволяющій ей (о, варваръ!) даже надѣть простого бантика, этотъ Сережа не обнаруживаетъ даже никакой радости, когда жена сообщаетъ ему о своей беременности, и такъ-таки и выпаливаетъ ей, что ребенокъ — «лишняя обуза», и что онъ, Сережа, въ сущности «не имѣлъ права жениться» и т. п.

Когда ребенокъ наконецъ явился на свѣтъ божій, то Сережа не только не проявляетъ ни малѣйшаго чувства, — эти люди вѣдь не имѣютъ никакихъ человѣческихъ чувствъ! — но даже объявляетъ бѣдной Машѣ непремѣнное желаніе помѣстить куда-нибудь на время несчастнаго крошку. Я не стану перечислять дальнѣйшихъ злодѣйствъ Сережи, которыми кишмя кишатъ письма столь многолюбящей жены. Короче сказать, въ повѣсти г-жи Ольги Шапиръ Сережа является тѣмъ

шаблоннымъ чудищемъ, какимъ обыкновенно рисуетъ суздальская живопись извѣстной школы. И если г-жа Ольга Шапиръ не заставила Сережу поджарить и скушать собственнаго своего ребенка, то, надо полагать, единственно потому, что имѣла намѣреніе пріуготовить изъ ребенка полезнаго гражданина отечества, отнявъ его у столь невозможнаго отца, для передачи на воспитаніе солидной подругѣ злополучной Маши.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя сколько-нибудь серьезно говорить объ этомъ манекенѣ, выдаваемомъ г-жой Ольгой Шапиръ за человѣческое подобіе! Нельзя трактовать бездарно и грубо намалеванное чучело какъ произведеніе художественной кисти! Можно еще возражать, напримѣръ, по поводу фальши тургеневскаго Нежданова, но доказывать, что Сережа—плодъ дамской фантазіи, испуганной возможностью жить и поживать не въ уютномъ и комфортабельномъ гнѣздышкѣ и имѣть мужа, который осмѣлился бы не нести все въ домъ, а изъ дому,—доказывать, говорю, все это было бы полнѣйшимъ неуваженіемъ къ читателю, знакомому достаточно со всѣми «чудищами» по гг. Незлобину и Цитовичу. Поэтому я оставляю на сообразительности автора даже такой естественный вопросъ: почему этотъ Сережа, не любившій жены, которая, вдобавокъ, ему мѣшала, не разстался съ ней по добру по здорову, а продолжалъ ее мучить?—и затѣмъ перейду къ дальнѣйшей «психологіи», приведшей, по волѣ г-жи Ольги Шапиръ, эту многолюбящую и преданную жену къ булюбашевскому подвигу. Пока были цвѣточки, ягодки еще впереди.

Есть дамы, для которыхъ безъ любви и свѣтъ не милъ, и что бы ни творилъ надъ ними любимый человѣкъ, онѣ все-таки будутъ обожать его. Такъ и наша Маша, настрадавшись вволю и отъ грубаго обращенія, и отъ табачнаго дыма, и отъ умышленнаго скрыванія отъ нея мужемъ своихъ дѣлъ, не только не приходитъ къ убѣжденію, что самое лучшее было бы ей уйти отъ мужа, которому мѣшаетъ,—такой исходъ дѣйствительно показалъ бы настоящую любовь,—но показываетъ образецъ воистину идіотскаго терпѣнія. Это, впрочемъ, не столько можно поставить на счетъ Маши, сколько на счетъ Ольги Шапиръ. Она, т. е. злополучная Маша, продолжаетъ терзаться, страдать, еще сугубѣе любитъ Сережу и въ концѣ концовъ придумываетъ наконецъ средство спасти любимаго человѣка отъ нравственной гибели, при чемъ наивно разсчитываетъ, что послѣ спасенія этотъ любимый человѣкъ посвятитъ одной любви всѣ дни живота своего. Средство это—необычайное средство и, если не ошибаюсь, едва ли приходившее доселѣ на умъ какимъ-нибудь «героинямъ» какой-нибудь изъ европейскихъ литературъ,—но явившееся внезапно въ головку злополучной Маши, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ долгаго чтенія «Московскихъ Вѣдомостей» тайкомъ отъ Сережи. Средство это ни болѣе ни менѣе какъ «сообщеніе» куда слѣдуетъ о любимомъ человѣкѣ... Сюрпризъ,

какъ видите, неожиданный даже и по нынѣшнимъ временамъ, даже и для женъ, ненавидящихъ мужей... Мы слышали съ вами и читали, что изъ-за любви люди вѣшаются, топятся, убиваютъ любимыхъ людей — все это понятно, но чтобы чувство любви — само по себѣ чувство почтенное и нравственное—проявилось въ такой грандіозной, можно сказать, подлости, объ этомъ едва ли кто когда-либо слышалъ. Ужъ если и законъ отводитъ близкихъ людей отъ свидѣтельства, основываясь именно на естественномъ чувствѣ любви и привязанности, то что̀ же сказать о проявленіи его въ такой гнусной формѣ, уничтожающей самое понятіе любви... Мы читали о предательствѣ ради тѣхъ или другихъ корыстныхъ цѣлей, но предателей «изъ любви» не знаемъ...

Было бы, конечно, несправедливо винить въ такой сугубой пакости злополучную Машу. Она дѣйствительно жертва, но жертва г-жи Ольги Шапиръ. При всей своей недальности и слащавости, Машѣ и въ голову не пришло бы разрѣшить свои сомнѣнія по рецепту Булюбаша... Нѣтъ, если она любила, она бы этого не сдѣлала—иначе она не любила... Все это за нее сдѣлала г-жа Ольга Шапиръ и потому отвѣтственна за ту сугубую мерзость, какую всклепала, во-первыхъ, на любящую женщину, и, во-вторыхъ, за то сочувствіе, которое она тщится возбудить къ своей героинѣ, свершившей, по ея волѣ, подобную гадость...

Послѣ этого недалеко до того, что всякій литературный «Іудушка» будетъ объяснять свои «подвиги» любовью къ человѣчеству, и мы, если слушать г-жу Шапиръ, должны будемъ вѣрить ему на-слово, особенно если найдутся болѣе сообразительные, чѣмъ г-жа Шапиръ, комментаторы этой «любви» къ человѣчеству.

Г-жа Ольга Шапиръ виновна въ томъ, что написала свою «Жертву», но, по совѣсти говоря, несравненно болѣе виновна редакція «Недѣли», пріютившая у себя такую недвусмысленную «психологію». Если г-жа Шапиръ, судя по ея повѣсти, и не отличается особенной сообразительностью, то она еще молодая писательница, репутація ея только-что устанавливается, и, быть-можетъ, на нее подѣйствовалъ бы добрый совѣтъ изорвать рукопись. При нѣкоторомъ усиліи она — хотѣлось бы думать—поняла бы, что ея произведеніе—одна клевета, одинъ комъ грязи, что выставлять «жертвой» женщину, свершившую глубочайшую мерзость—значитъ содѣйствовать распространенію безнравственности и играть въ руку всякимъ литературнымъ предателямъ, которыхъ и безъ того много. Повторяю, очень вѣроятно, что, послѣ дружескаго совѣта, г-жа Ольга Шапиръ одумалась бы и такимъ образомъ избавила бы свое литературное имя отъ посрамленія.

Но редакція «Недѣли» не спасла литературной репутаціи молодого собрата, а напечатала-себѣ дѣтище г-жи Шапиръ съ легкимъ сердцемъ. Какъ ни странно «народничество» журнала «Недѣля», какъ

ни удивителенъ ея «панглоссовскій» оптимизмъ за послѣднее время, какъ ни часты въ наши дни разныя журнальныя «превращенія» страха іудейска ради, но, признаюсь, я не ожидалъ, чтобы реабилитація извѣта могла найти себѣ мѣсто въ «Недѣлѣ», которая когда-то... Въ дѣлѣ помѣщенія подобной повѣсти вопросъ ужъ идетъ не о направленіи, а о простой чистоплотности.

Или г. Гайдебуровъ не вникъ въ смыслъ шапировской «психологіи»? Ужъ не увидалъ ли онъ въ разсказѣ безпристрастной и художественно разсказанной исторійки и, чего добраго, не прозрѣлъ ли въ ней выраженія особеннаго, одной «Недѣлѣ» свойственнаго либерализма?..

Предположить это трудно, безъ особенно обидныхъ представленій насчетъ редакціоннаго глубокомыслія, но такое предположеніе, какъ оно ни обидно, во всякомъ случаѣ было бы самымъ лучшимъ для литературной репутаціи «Недѣли».

Я хотѣлъ-было совсѣмъ покончить съ этимъ разсказомъ, въ которомъ злополучная Маша является жертвой г-жи О. Шапиръ, а г-жа О. Шапиръ—жертвой г. Гайдебурова, но еще два слова...

Въ этомъ разсказѣ, несмотря на общую его нелѣпость, затронута однако тема, которая у болѣе сообразительнаго беллетриста могла быть разработана не безъ интереса. Я говорю о сопоставленіи двухъ разныхъ натуръ, двухъ разныхъ умственныхъ организацій, соединенныхъ между собою узами любви,—въ жизни это часто бываетъ. Тема не новая, но не лишенная поучительности. Вообразите себѣ любящее, доброе, честное, преданное созданіе, но не понимающее, что̀ занимаетъ, что̀ волнуетъ, чѣмъ бьется сердце любимаго человѣка. Естественно, что обѣ стороны страдаютъ и обѣ по-своему правы.

Это преданное и любящее существо, которое подчасъ коробитъ любимаго человѣка своимъ непониманіемъ, ежедневно, ежечасно, ежеминутно самымъ трогательнымъ образомъ выражаетъ свою любовь и самымъ искреннимъ образомъ оскорбляется, что любимый человѣкъ не всецѣло принадлежитъ ей и не *такъ* любитъ, какъ любитъ она и какъ, по ея понятіямъ, должно любить. Сначала это обыкновенно выражается въ менѣе рѣзкой формѣ, оскорбительность которой скрадывается первыми годами любви и не слишкомъ близкимъ знаніемъ другъ друга, но потомъ все это идетъ crescendo. *Она* страдаетъ, подозрѣвая нелюбовь мужа, страдаетъ, глядя по темпераменту, молча или разражаясь упреками. *Онъ* страдаетъ не менѣе ея, глядя на страданіе любимаго человѣка. Положеніе обоихъ въ высшей степени тяжелое. И та и другая стороны считаютъ себя жертвами. Если вдобавокъ «жертва» женскаго пола вполнѣ порядочный человѣкъ, то положеніе усложняется до того, что у другой жертвы, мужского пола, явится наконецъ неодолимое желаніе бѣжать отъ такой безпредѣльной привязанности, которая въ концѣ концовъ обращается въ пытку, и тѣмъ неодолимѣе будетъ стремленіе, чѣмъ покорнѣе и преданнѣе будетъ «жертва» женщина. Эта

тема мимоходомъ затронута у графа Толстого, но разработка ея, повторяю, была бы весьма интересна въ виду всѣхъ нелѣпыхъ разъясненій супружескаго вопроса, которыми въ послѣднее время занимаются «калужскіе» мужья и «калужскія» жены въ печати.

Г-жа Шапиръ разрѣшила вопросъ по-своему—такъ, какъ разрѣшаютъ нынче всевозможные вопросы «патріоты своего отечества».

II.

А «патріотовъ своего отечества» объявляется нынче во всѣхъ уголкахъ Россіи столько, что ими хоть прудъ пруди, а не то что жаловаться и грозить, грозить и жаловаться, какъ дѣлаютъ «Московскія Вѣдомости», что настоящихъ людей, понимаете ли, настоящихъ, совсѣмъ нѣтъ или очень мало. По обыкновенію, почтеннѣйшая газета преувеличиваетъ, съ дипломатической цѣлью, свое безсиліе. Напротивъ, такихъ «настоящихъ» людей, какіе именно ей нужны—а для кого же секретъ, какіе ей нужны,—не только не мало, а ихъ избытокъ, такъ что предложеніе несомнѣнно превысило бы спросъ, если бы почтеннѣйшая газета могла кликнуть кличъ, чтобы пристроить, глядя по способностямъ, всю эту «соль» земли русской.

И—Боже мой!—какое разнообразіе типовъ, какая градація профессій при общемъ, такъ сказать, уравнивающемъ ихъ всѣхъ, «доподлинномъ патріотизмѣ», обнаруживающемся по временамъ во всемъ своемъ блескѣ въ судебныхъ учрежденіяхъ. Въ этомъ «патріотическомъ» сборищѣ вы найдете и стараго отставного Держиморду, и молодого Китъ-Китыча, добирающагося до сосѣда, и юркаго проходимца, готоваго рѣшительно на все за два пятіалтынныхъ, и содержателя увеселительнаго заведенія на ряду съ редакторомъ-издателемъ, и кляузнаго подьячаго, строчащаго доносы по пятачку на кого угодно, хотя бы на самого Господа Бога, и отщепенца-студента, и «даму сомнительнаго поведенія», и кулака-мѣщанина, мастерящаго кляузу на «социловистовъ»... Если собрать всѣ эти устныя, письменныя и печатныя произведенія «кляузы»—и все во имя «патріотизма»—за послѣднее время, то какая громадная библіотека россійскаго развращенія и безграмотства составилась бы изъ этихъ сочиненій!.. Портретная галлерея авторовъ тоже была бы любопытная по своему разнообразію, если начать ее съ представителей печатной кляузы и кончить хоть знаменитымъ г. Талькви́стомъ, тѣмъ самымъ казанскимъ нѣмцемъ и содержателемъ увеселительнаго заведенія, который, если возможно, «катковистѣе» самого «божка» своего...

Г. Талькви́стъ въ своемъ родѣ характерная современная «знаменитость», заставляющая о себѣ говорить мѣстныя газеты. Для посѣщающихъ Казань посмотрѣть на этого ультра-проходимца почти всякому обязательно. Это остервенѣлый, повидимому, поклонникъ «Московскихъ Вѣдомостей», хотя по происхожденію нѣмецъ и прусскій поддан-

ный. Изъ своего увеселительнаго заведенія онъ устроилъ нѣкую своеобразную академію пропаганды. На самомъ почетномъ мѣстѣ заведенія г. Талькви́стъ, какъ удостовѣряютъ мѣстныя газеты, повѣсилъ въ золоченыхъ рамахъ портреты гг. Каткова и Скарятина, бывшаго казанскаго губернатора, а по стѣнамъ избранныя передовыя статьи въ рамкахъ, такъ сказать, для напоминанія посѣтителямъ, какъ должно дѣйствовать доброму россіянину. Въ читальнѣ находятся только «Моск. Вѣд.» и газеты близкія имъ по духу, остальныя не допускаются. Кромѣ такой пропаганды прусскимъ нѣмцемъ «истинно-русскаго» духа, г. Талькви́стъ пропагандируетъ его самолично, за что не разъ и судился у мировыхъ судей: онъ ужъ черезчуръ усердно проявлялъ свой «патріотизмъ», ругая посѣтителей, которые, по его мнѣнію, недостаточно проявляли свои чувства, съ тѣмъ нахальствомъ, на которое способенъ всякій проходимецъ, торгующій «патріотизмомъ» распивочно и на выносъ.

Замѣчательно, что всѣ эти «высокія» чувства прусско-русскій «патріотъ» сталъ проявлять только въ послѣднее время; до того онъ былъ обыкновенный нѣмецъ какъ нѣмецъ. Недавно онъ вновь отличился, по словамъ казанскихъ газетъ. Когда появилась передовая статья «Моск. Вѣд.», метавшая громы и молніи за то, что г. Скарятина отдали подъ судъ, г. Талькви́стъ громогласно читалъ названную статью среди своихъ посѣтителей и выказывалъ чувства восторга передъ Катковымъ. Затѣмъ названная статья была заключена въ рамку, и горе посѣтителю, если бы онъ выказалъ передъ г. Талькви́стомъ неодобреніе.

Какъ реклама, реклама, придуманная г. Талькви́стомъ, пожалуй, и не лишена остроумія: о немъ заговорили газеты, ему этого и надо. До сихъ поръ онъ, конечно, въ своемъ правѣ. Но что̀ вы скажете, если такой джентльменъ въ самомъ дѣлѣ можетъ, здорово живешь, надѣлать вамъ непріятностей? Не улыбайтесь, нынче подобныя дѣла не рѣдкость, и мало ли выкинули судебныя разбирательства на свѣтъ божій такихъ проходимцевъ, которые, ради сведенія личныхъ счетовъ, а то и просто ради «отлички», возводятъ на ближняго обвиненія? Подите, судитесь съ такимъ «патріотомъ»! Ему терять нечего—напротивъ, быть-можетъ, онъ даже мечтаетъ выиграть!—а вамъ предстоитъ рядъ непріятныхъ объясненій, пока не прекратится это такъ-называемое «недоразумѣніе», вызванное иногда пьянымъ бесстыдникомъ

Недавно еще въ Петербургѣ случилось слѣдующее происшествіе. Одинъ молодой человѣкъ проходилъ по улицѣ, когда засталъ его дождь. Онъ укрылся подъ навѣсомъ одного изъ трактировъ, какъ вдругъ изъ трактира спускается пьяный субъектъ и кричитъ городовому, указывая на господина: «бери его, веди въ участокъ!» Городовой было-поколебался, но магическое: «по политическому дѣлу» прекратило всякія колебанія, и ни въ чемъ неповиннаго человѣка повели въ участокъ. «Субъектъ» слѣдомъ за ними. Въ участкѣ частнаго пристава

не оказалось, и когда помощникъ просилъ объяснить, въ чемъ дѣло, то «субъектъ» пьянымъ голосомъ потребовалъ самого пристава, опять прибавивъ магическое: «по политическому дѣлу!» Наконецъ явился приставъ, и пьяный субъектъ объяснилъ слѣдующее: пригласилъ онъ своихъ товарищей обѣдать въ трактиръ «Золотой Якорь» и въ концѣ обѣда приказалъ играть народный гимнъ. Всѣ встали, но двое господъ не встали, и когда онъ, «субъектъ», шелъ къ нимъ, чтобы потребовать объясненій, то они скрылись. Онъ бросился за ними, и вотъ одинъ изъ нихъ оказался стоящимъ подъ навѣсомъ крыльца.

Осторожный частный приставъ счелъ долгомъ провѣрить показаніе молодого человѣка, объяснившаго, что онъ не былъ въ трактирѣ и случайно остановился подъ навѣсомъ, возвращаясь къ себѣ домой отъ брата. Послали къ брату, разбудили его и допросили; оказалось, часъ выхода молодого человѣка отъ брата совпадалъ со временемъ, когда онъ могъ быть у подъѣзда гостиницы; затѣмъ призвали половыхъ; они показали, что молодого человѣка въ числѣ посѣтителей трактира не было, а что «субъектъ» напился и сильно буянилъ. Тогда приставъ перемѣнилъ тонъ и сообщилъ по телефону о происшествіи плацъ-адъютанту, который пріѣхалъ и посадилъ на гауптвахту пьянаго «патріота».

Фактъ мелкій, но, согласитесь, характерный. Какъ бы тамъ ни было, а приходится на каждомъ шагу чувствовать свою незащищенность отъ тѣхъ «настоящихъ» людей, къ которымъ взываютъ «Московскія Вѣдомости».

III.

Вотъ и еще «настоящій человѣкъ», на этотъ разъ литературный— бездарный публицистъ г. Комаровъ. Убѣдите его, что сикофантствовать по меньшей мѣрѣ гнусно, и притомъ, для него лично, пожалуй, и безполезно? Есть люди, усердіе которыхъ даже и не замѣчается.

А между тѣмъ, по поводу выбора редактора «Вѣстника Европы», г. Стасюлевича, въ товарищи городского головы «Спб. Вѣдомости» испустили такого рода подлѣйшую кляузу:

«Какъ гласный нашей думы,—говорятъ «Спб. Вѣд.»:—г. Стасюлевичъ появился въ двухъ-трехъ довольно эффектныхъ роляхъ. Такъ, онъ предложилъ обложить всѣхъ квартирантовъ налогомъ, но зато дать имъ избирательныя права—одно изъ пожеланій петербургскихъ жителей. Когда недавно минуло десятилѣтіе со времени появленія здѣсь новаго городового положенія, г. Стасюлевичъ щегольски составилъ и прочиталъ въ думѣ отчетъ о дѣятельности городской администраціи; отчетъ, разумѣется, вышелъ хвалебнымъ гимномъ въ честь нашихъ муниципаловъ. Это самыя выдающіяся дѣйствія г. Стасюлевича, какъ гласнаго петербургской думы. Профессура г. Стасюлевича сдѣлала ему выгодное положеніе; на подписку на «Вѣстникъ Европы» жаловаться не

приходится; теперь г. Стасюлевичъ неожиданно сталъ de facto нашимъ лордъ-мэромъ. Все это сдѣлалось шагъ за шагомъ, незамѣтно, ловко. Въ этомъ отношеніи дѣятельность г. Стасюлевича однородна съ дѣятельностью г. Спасовича, о которой мы говорили на-дняхъ. Въ общественномъ отношеніи они положительно сіамскіе близнецы, тѣмъ болѣе, что оба, въ одно и то же время, заняли два видные въ столицѣ поста: одинъ глава столицы, другой—столичной адвокатуры, *у обоихъ за спиною стоитъ цѣлый кружокъ, если не цѣлая партія,—люди не безъ средствъ и не безъ рѣшимости сейчасъ же дѣйствовать.* Является вопросъ: кто они, къ чему стремятся, что̀ будетъ дѣлать на новомъ посту г. Стасюлевичъ?»

Спросите, къ чему нужно было г. Комарову въ нѣсколькихъ строкахъ обнаружить столько... столько «благородства»? И, главное, онъ вѣдь самъ отлично знаетъ, что лжетъ, на каждомъ словѣ лжетъ: что г. Стасюлевичъ никакой партіи за спиной не имѣетъ и никакой рѣшимости «сейчасъ же дѣйствовать» не проявлялъ. Къ чему, спрашивается, эта сикофантская ложь?

Если для того, чтобы помѣшать назначенію г. Стасюлевича товарищемъ городского головы,—сообщеніе г. Комарова опять-таки безполезно, такъ какъ правительство, разумѣется, несравненно лучше его знаетъ политическій «dossier» г. Стасюлевича и, конечно, не нуждается въ добровольныхъ услугахъ г. Комарова. Наконецъ и самъ г. Комаровъ ужъ не настолько же несообразителенъ, чтобы не понять, что даже и съ его точки зрѣнія было бы желательно видѣть въ должности товарища городского головы человѣка образованнаго и добросовѣстнаго, хорошаго работника и т. п. Вѣдь на этомъ мѣстѣ не придется заниматься политикой, а просто блюсти городское хозяйство.

Иль ужъ таково̀ свойство каждаго «патріота своего отечества»—инсинуировать на порядочныхъ людей, инсинуировать съ тѣмъ бо̀льшимъ безстыдствомъ, чѣмъ порядочнѣе и граждански-нравственнѣе человѣкъ? Вѣдь и у отпѣтаго проходимца шевелится же когда-нибудь нѣ́что въ родѣ стыда, и его безстыжіе глаза должна же рѣзать чужая безупречная общественная дѣятельность!.. И вотъ, чтобы заглушить эти проблески стыдливаго чувства, чтобы успокоить сознаніе своей дрянности и своего нравственнаго ничтожества, нерѣдко подобные люди клевещутъ съ какимъ-то озлобленіемъ, съ какой-то слѣпотой разсвирѣпѣвшаго звѣря. Съ самаго начала своей издательской дѣятельности г. Комаровъ былъ тѣмъ, что̀ есть—бездарнѣйшимъ журналистомъ и на всѣ руки мастеромъ. Слышала о немъ публика еще какъ и о сербскомъ генералѣ, но эти слухи тоже были не особенно лестны для репутаціи г. Комарова. Съ тѣхъ поръ г. Комаровъ лѣзъ изъ кожи вонъ, чтобы отличиться въ газетѣ, въ родѣ того, какъ казанскій Тальквистъ въ своемъ увеселительномъ заведеніи: онъ и «истинно-народную» политику одобрялъ, онъ и пасквили противъ графа Милютина печаталъ,

онъ славословилъ «Моск. Вѣд.» и юродствовалъ, прославлялъ и гг. Ламанскаго и Полякова, кадилъ желѣзнодорожникамъ, подмазывался и къ полякамъ, завелъ и «Свѣтъ», и журналъ романовъ,—но всѣ эти старанія остались втунѣ. Газета его влачитъ печальное существованіе, а самъ онъ пріобрѣлъ репутацію такого журнальнаго ничтожества, которое не стоитъ даже и поощренія.

И вотъ подобный «дѣятель» журналистики кричитъ:—«караулъ!» и, какъ человѣкъ мало сообразительный, но черезчуръ усердный, даже не соображаетъ, что обвинять г. Стасюлевича чуть ли не въ «революціонныхъ» вожделѣніяхъ такъ же неправдоподобно, какъ неправдоподобно было бы «обвинить» г. Комарова въ литературной порядочности!

А именно литературной порядочностью и можетъ, по совѣсти, гордиться М. М. Стасюлевичъ. Въ теченіе долгой своей журнальной дѣятельности онъ не свершилъ ни одного литературнаго поступка, который бросилъ бы тѣнь на его репутацію, а этимъ могутъ похвалиться немногіе изъ его собратьевъ. Онъ честно и искренно служилъ тому направленію, которому сочувствовалъ, не топталъ своего знамени въ годины журнальныхъ бѣдствій и постоянно боролся съ противниками прогресса и знанія. Съ направленіемъ, которое защищалъ г. Стасюлевичъ, можно было не вполнѣ соглашаться, но это разногласіе нисколько не отнимало у г. Стасюлевича правъ на уваженіе. Быть-можетъ, «его стаканъ былъ малъ, но онъ пилъ изъ своего стакана». Онъ никогда не отклонялся отъ прямого пути, никогда не отрекался, страха ради іудейска, отъ своихъ мнѣній и высказывалъ ихъ съ обычной неуклонностью и съ обычнымъ доктринерскимъ спокойствіемъ, какъ въ «Вѣстникѣ Европы», такъ и въ «Порядкѣ», въ теченіе всѣхъ вѣяній, пережитыхъ журналистикой за послѣднее время. Онъ умѣлъ честно молчать, и на страницахъ его органовъ никогда не появлялось тѣхъ льстиво-фальшивыхъ статей, которыми по временамъ разражалась почти вся газетная печать. «Порядокъ», какъ извѣстно, просуществовалъ недолго. Когда г. Стасюлевичъ увидѣлъ, что онъ не можетъ вести газету такъ, какъ считалъ нужнымъ, онъ прекратилъ ее, хотя число подписчиковъ и не вынуждало его къ такому шагу.

Теперь г. Стасюлевичъ, какъ говорятъ, оставляетъ журнальное поприще для новой дѣятельности. Что заставляетъ его промѣнять тяжелую, но заманчивую дѣятельность на другую—это его дѣло. Быть-можетъ, онъ изнемогъ въ этихъ мелочахъ журнальной борьбы?

Какъ бы то ни было, но нельзя не пожалѣть, что на нашей, и безъ того небогатой, журнальной нивѣ однимъ стойкимъ и честнымъ журналистомъ можетъ стать меньше.

IV.

Замѣтили ли вы, какъ въ тиши нашего прозябанія, нарушаемаго лишь скандальными выходками разныхъ Талькристовъ и Комаровыхъ

да непрерывающимися рѣчами прокуроровъ, вообще взывающихъ о стыдѣ хищенія,—замѣтили ли, говорю, какъ въ разныхъ углахъ и уголкахъ нашего отечества возникаютъ надежды, казалось бы, давно похороненныя, вожделѣнія чисто-опереточнаго свойства, которыя были бы только потѣшны, если-бъ мы имѣли съ ними дѣло въ «Аркадіи», а не въ дѣйствительной жизни. Еще недавно робкія, неувѣренныя, боявшіяся дружнаго смѣха печати и общаго презрѣнія, онѣ выползали па свѣтъ божій крадучись, нерѣдко обволакивая свои завѣтныя мысли болѣе или менѣе приличными покровами, но теперь... долой даже фиговые листки! Вѣдь можно явиться во всей наготѣ невѣжества безъ боязни. Къ чему—скажите на милость—стыдливость, когда стыдливые зрители стыдливо молчатъ, а безстыжіе одобряютъ, лелѣя мечтанія о славѣ?

Прислушайтесь ко всѣмъ этимъ свободно раздающимся «голосамъ изъ провинціи», къ разнымъ дебатамъ дворянскихъ, земскихъ и городскихъ собраній, прочитывайте проекты разныхъ захолустныхъ Бисмарковъ изъ Сызрани, вникайте въ подвиги разныхъ мѣстныхъ Держимордъ, и вы уловите торжествующую нотку такого нахальнаго невѣжества, такихъ безстыжихъ вожделѣній, что можно было бы подумать, будто мы разсчитываемъ вернуться совсѣмъ «домой», если-бъ не ободряющая увѣренность, что эти пѣсни—не общія пѣсни, что эти люди—не вся Россія.

То въ «оживившихся» мѣстныхъ собраніяхъ ландлордовъ вы слышите, какъ пресерьезно говорятъ о необходимости вернуть ландлордамъ прежній блескъ, разумѣется, на счетъ государственнаго казначейства, то вдругъ до васъ донесется, словно изъ подземелья, хриплый старческій голосъ какого-то захолустнаго педагога о необходимости «обновить» гимназіи введеніемъ розогъ, то раздастся окрикъ: «А bas гласный судъ» и вамъ предложатъ «возрожденіе» капитанъ-исправника (онъ же и судья) на основаніи проекта «Моск. Вѣд.»; то вдругъ, изъ среды крѣпостниковъ и разныхъ оголтѣлыхъ и цивилизованныхъ Деруновыхъ, ходящихъ въ чуйкахъ и во фракахъ, пронесется горчайшая жалоба о бѣдномъ народѣ, развращаемомъ интеллигенціей; словомъ, то тамъ, то здѣсь, то въ Торжкѣ, то въ Уржумѣ... гдѣ-нибудь да раздаются отраженные голоса: «сократить, искоренить, обвинить!»

Надъ всѣмъ этимъ гуломъ высится, конечно, знамя народное. Всѣ эти слова произносятся, разумѣется, во имя «народа», надъ именемъ котораго только лѣнивый проходимецъ не пробуетъ теперь своей силы. И всѣ эти вновь объявляющіеся изъ захолустій реформаторы, еще недавно точившіе въ своихъ углахъ безсильную злобу на солнце за то, что оно свѣтитъ,—теперь спѣшатъ вынести на стогны накопившуюся желчь, серьезно думая, будто можно заслонить солнце, остановить рѣки и сравнять горы...

Подчасъ, просто они смѣшны,—смѣшны, когда претензіи не пре-

ступаютъ области мечтаній. Мечтайте-себѣ, милостивые государи, сколько вамъ угодно,—мечтать не возбраняется!

Такимъ особенно мечтательнымъ настроеніемъ отличалось послѣднее дворянское собраніе въ Смоленской губерніи. Ландлорды размечтались такъ, что впору самому Манилову. Но не ручейки и цвѣты занимали смоленскихъ ландлордовъ,—послѣ «эмансипаціи» ручейки и долинки остались лишь пріятнымъ воспоминаніемъ. По словамъ «Недѣли», они «особенно скорбѣли объ оскудѣніи дворянской кассы, о переходѣ дворянскихъ имѣній въ руки разночинцевъ и исчезновеніи дворянскаго престижа: если у дворянъ нѣтъ имѣній, если ихъ родовые «майонтки» разошлись по чужимъ постылымъ рукамъ, то какіе же они послѣ этого дворяне!» И вотъ встаетъ дворянинъ Бартоломей и держитъ такую рѣчь:—Дворянство,—говоритъ онъ,—имѣетъ полное юридическое право при переходѣ дворянскаго имѣнія въ руки разночинца получать соотвѣтственное вознагражденіе за потерю источника обложенія. Такимъ образомъ съ каждаго имѣнія, сдѣлавшагося, путемъ продажи, не дворянскимъ, слѣдуетъ взыскивать такую сумму, проценты съ которой доставляли бы въ оскудѣвшую дворянскую кассу капиталъ, равный дворянскому сбору за извѣстный смѣтный періодъ (то-есть г-ну Бартоломею желательно заставить разночинцевъ платить за честь, которою они не будутъ пользоваться!).

На замѣчаніе губернскаго предводителя, что такое ходатайство было уже однажды возбуждено и отклонено, находчивый г. Бартоломей отвѣтилъ такъ:

— Да, прежнее ходатайство было отклонено, вѣроятно, потому, что облагаемый ни прямо ни косвенно не принималъ бы участія въ опредѣленіи размѣровъ обложенія... Теперь совсѣмъ не то. Я предлагаю облагать вовсе не лицо, не того или другого разночинца, купившаго дворянское помѣстье, вовсе нѣтъ! Я предлагаю облагать самое помѣстье, т. е. хочу удержать источникъ обложенія, укрѣпить дворянскій сборъ, вотъ и все. Оскудѣніе дворянской кассы заставляетъ насъ позаботиться, чтобы дворянскій сборъ не былъ постоянно измѣняющейся и притомъ уменьшающейся величиной. Напримѣръ, въ Бѣльскомъ уѣздѣ въ руки разночинцевъ перешла масса дворянскихъ имѣній...

— Но оскудѣніе дворянской кассы не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы лица другихъ сословій были обложены въ пользу дворянства,—возражаетъ оратору предводитель Рославльскаго уѣзда, г. Азанчевскій.

— Объ интересахъ лицъ другихъ сословій неумѣстно даже говорить въ залѣ дворянскаго собранія!—воскликнулъ г. Бартоломей.

Всѣ эти требованія и іереміады, какъ видите, имѣютъ главной цѣлью «презрѣнный металлъ». Имъ нуженъ собственный дворянскій банкъ, нужны деньги на дворянскій институтъ, они просятъ сложить съ дворянскихъ имѣній недоимки. «Возрожденіе», о которомъ мечтаютъ

ландлорды, нисколько, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ торговать «распивочно и на выносъ» водкой не хуже любого кабатчика. Такъ, по словамъ «Смоленскаго Вѣстника», одинъ изъ ландлордовъ, особенно заботившійся о дворянскихъ хартіяхъ, торговалъ водкой въ кабакѣ подъ поэтической вывѣской «Кудрявой березы»; въ то же время онъ былъ и мировымъ судьей, по сосѣдство камеры съ «Кудрявой березой» нисколько не кололо глазъ благороднаго ландлорда.

«Кудрявая береза» на ряду съ рыцарскимъ шлемомъ! Вотъ завѣтная мечта современнаго потомка какого-нибудь счастливца!.. Кто, впрочемъ, нынче не мечтаетъ! Кто только не пишетъ проектовъ, тревожа прахъ покойнаго Аракчеева!.. Мечтаетъ и ландлордъ, мечтаетъ и тотъ самый провинціальный «административный человѣкъ», который одно время было-смутился, прочитавъ въ «Новомъ Времени», что насчетъ правды и хищенія будетъ нынче строго.

V.

Не такъ давно я встрѣтился съ такимъ человѣкомъ, пріѣхавшимъ изъ далекой провинціи, и подивился происшедшей въ немъ перемѣнѣ. Во время прежнихъ его наѣздовъ, спеціально для того, чтобы понюхать, чѣмъ пахнетъ въ департаментѣ, онъ былъ чинуша какъ чинуша; помню, какъ въ первый пріѣздъ онъ отчаянно либеральничалъ и такъ трогательно говорилъ объ умиротвореніи, что хоть сейчасъ плачь, если обладаешь такими слабыми нервами, какъ г. Суворинъ, который чуть попадетъ въ Москву—сейчасъ плачетъ. И у всѣхъ знакомыхъ просилъ содѣйствія. Придетъ, бывало, и проситъ: «окажите содѣйствіе». Затѣмъ, въ слѣдующій пріѣздъ, онъ либеральничалъ гораздо меньше, но зато объявился такимъ народникомъ, что страхъ! Тѣмъ не менѣе онъ попрежнему жаловался на свою исправничью долю, на трудности положенія, испытанныя имъ во время различныхъ вѣяній. Съ одной стороны—«взыскать во что бы то ни стало», съ другой—чтобы народъ чувствовалъ правду и въ меланхолію не впадалъ. А какъ тутъ ухитриться, чтобы поротый плательщикъ не чувствовалъ меланхоліи? Однако, дѣлать нечего, приходилось ухищряться: посѣчь маленько и объяснять, что это, молъ, больше для виду.—«И шарлатанишь,—прибавлялъ разсказчикъ:—потому что тоже дѣти, а жить дорого». По тогдашнему времени онъ и съ мужичкомъ заигрывалъ: «мужичокъ, такой-сякой, неписаный»; даже адресъ себѣ отъ нихъ написалъ—и представилъ по начальству. Адресъ былъ слѣдующій:

«Ваше Высокоблагородіе,

«Многолюбимый Кузьма Кузьмичъ!

«Всѣ мы, поселяне волостей (слѣдуетъ перечисленіе волостей), много довольны Вами и надѣемся впредь быть довольными, такъ какъ Вы начальство справедливое и милостивое и свято чтите заповѣди Господни

и высшія распоряженія начальства. Вы насъ надоумили насчетъ правды и Вы насъ отвратили отъ хищенія. Вы, Ваше Высокоблагородіе, памятуя законъ, всегда къ нему были нелицепріятны и по взыску недоимокъ снисходительны безъ послабленія, за что и считаемъ долгомъ, какъ истинные сыны Отечества и Престола, нелицемѣрно все сіе выставить доподлинно передъ лицомъ всего свѣта за Вашу добродѣтель. Властительствуй же надъ нами, мудрый исправникъ, а мы завсегда готовы повиноваться и въ случаѣ чего какъ одинъ человѣкъ встанемъ въ славу и честь Россіи» Слѣдуютъ подписи.

Не знаю, произвелъ ли этотъ адресъ какое-нибудь существенное впечатлѣніе въ видѣ единовременнаго пособія... Кажется, что нѣтъ, но помню, что Кузьма Кузьмичъ очень носился съ этимъ адресомъ и наконецъ пристроилъ его въ одну газету, редакція которой предпослала слѣдующую краткую замѣтку:

«Изъ этого, отъ души вылившагося, безхитростнаго мужицкаго заявленія да поймутъ наши либералы, сколько мудрости и политическаго прозрѣнія кроется въ народѣ! Въ чествованіи почтеннаго исправника чествуется власть исправника, власть сильная и справедливая, въ самой себѣ черпающая мудрость и въ себѣ самой находящая правду, не нуждающаяся ни въ какихъ постороннихъ указаніяхъ, кромѣ указаній высшаго начальства. Гдѣ, въ какой странѣ можетъ быть такое единеніе начальства съ поселянами? А намъ говорятъ объ антагонизмѣ... Ахъ, вы, либералы!»

Но вскорѣ за напечатаніемъ этого заявленія случился маленькій скандалъ. Въ одной изъ газетъ, кажется, что въ «Голосѣ», мѣстный корреспондентъ сообщалъ, что никакого адреса крестьяне не писали, а что нѣсколько писарей и волостныхъ старшинъ дѣйствительно подписали заявленіе, сочиненное самимъ же исправникомъ. Къ этому прибавлялось нѣсколько фактовъ, рисующихъ любовь поселянъ къ Кузьмѣ Кузьмичу нѣсколько въ иномъ свѣтѣ.

Какъ теперь помню негодованіе Кузьмы Кузьмича на «Голосъ». О, онъ знаетъ, кто смастерилъ эту фальшивую корреспонденцію, кто хотѣлъ набросить тѣнь на его доброе имя и повредить ему въ глазахъ начальства! Это—не кто иной, какъ одинъ изъ становыхъ приставовъ, давно кующій на него ковы и желающій спихнуть его съ мѣста. Онъ такъ этого не оставитъ... Однако онъ такъ и оставилъ дѣло, хотя ѣздилъ объясняться съ г. Бильбасовымъ. Съ этихъ поръ онъ такъ разсердился на «Голосъ», что, вернувшись домой, сталъ убѣждать знакомыхъ не возобновлять подписки на «Голосъ» (дѣло было какъ разъ передъ подпиской), а подписываться на «Новое Время», при чемъ на ухо сообщалъ, что г. Бильбасовъ опасный человѣкъ и дни его сочтены...

Встрѣчаю на-дняхъ Кузьму Кузьмича и сразу даже не призналъ его—такъ онъ преобразился. Идетъ по улицѣ гоголемъ, сіяющій, словно

только-что получилъ Станислава на шею; поступь твердая, увѣренная, точно за душой у него нѣтъ никакихъ хищеній; обыкновенно толстое, мордастое лицо его стало еще толще и мордастѣй, его свиные глазки, прежде не совсѣмъ увѣренно блиставшіе въ щелкахъ, смотрятъ весело и беззаботно; словомъ, вся его коренастая, приземистая фигура точно просвѣтлѣла и сіяла.

Онъ пожалъ мнѣ руку и проговорилъ съ какой-то особенной развязностью:

— Дышите еще?

— Отчего же не дышать, Кузьма Кузьмичъ!

Слово за слово—и пошелъ Кузьма Кузьмичъ. Откуда у него явился даже и слогъ—прежде его не было—слогъ нѣсколько возвышенный и патетическій. И сколько апломба! Его словно прорвало, и онъ сталъ выкладывать передо мной историческія свѣдѣнія, обнаруживъ нѣкоторое знакомство съ учебникомъ Иловайскаго. При этомъ онъ колотилъ свою грудь съ такимъ азартомъ, что можно было подумать, будто онъ только-что свершилъ какую-нибудь пакость. Онъ объявилъ, что въ провинціи всѣ ждутъ не дождутся, когда наконецъ исправники станутъ на высоту положенія, чтобъ успѣшно руководить... Прошли времена, когда можно было шутить... Шабашъ!

И вдругъ, точно его поддало, онъ съ какой-то злостью прибавилъ:

— Какой-нибудь мерзавецъ и вдругъ смѣетъ писать о человѣкѣ, который тридцать лѣтъ...

Я подумалъ, что Кузьма Кузьмичъ сдѣлалъ какую-нибудь «неловкость» и попалъ въ газеты,—и не ошибся. Послѣдовалъ разсказъ, убѣдившій меня въ справедливости предположенія. Оказалось, что Кузьма Кузьмичъ «разнесъ» штундистовъ, получилъ выговоръ и по этому случаю пріѣхалъ въ Петербургъ.

Я полагалъ, что онъ вытащитъ изъ кармана благодарственный адресъ отъ штундистовъ, но, когда я деликатно намекнулъ, нѣтъ ли у него таковаго, онъ даже обидѣлся и сказалъ:

— Здѣсь у васъ въ Петербургѣ все шутки... Пора перестать шутить—нашутились. Давно надо вотъ какъ!

И, взмахнувъ здоровеннымъ кулачищемъ, онъ показалъ, какъ надо и что̀ бы онъ могъ сотворить, если бы этотъ кулакъ былъ возстановленъ во всей своей мощи... А кулакъ, я вамъ скажу, былъ величины необыкновенной.

— Есть люди, они понимаютъ,—заговорилъ онъ:—необходимость обновленія; надо, чтобы всѣ, понимаете ли, всѣ окончательно поняли, что мы не просто исправники, а, такъ сказать, носители власти... Особенно надо, чтобы понялъ это мужикъ.

— А развѣ онъ не понимаетъ?

— Развратили его. Подлецы въ самомъ дѣлѣ на что-то надѣются... Сидитъ онъ въ деревнѣ и все больше насчетъ земли мечтаетъ... Даже

ной разъ прямо спрашиваетъ:—«Скоро ли прирѣзка будетъ?..» Ну, ему и задашь прирѣзку!.. Что̀ подѣлаешь. А тутъ эти ваши газеты... То̀ нехорошо, то̀ неладно...

Вдругъ замолчалъ и, сердито взглянувъ на меня, распрощался.

Вотъ такого «настоящаго» человѣка непремѣнно бы похвалили «Московскія Вѣдомости», но какъ бы онѣ попались впросакъ! Сегодня онъ «настоящій», а завтра?.. Что̀ будетъ съ Кузьмой Кузьмичемъ завтра, если придется распространять не одну меланхолію?

Не возьметъ ли подъ свою защиту почтенная газета и каменецъ подольскаго полицеймейстера, г. Горячко, о которомъ на-дняхъ сообщали въ подцензурную газету «Одесскій Лист.» слѣдующее: «Недавно жена одного ссыльнаго, котораго, по приговору общества, надлежало выслать изъ города, явилась къ полицеймейстеру просить за своего мужа. Г. Горячко (фамилія полицеймейстера) погорячился и ударилъ просительницу ногою въ животъ. Та была въ интересномъ положеніи и тутъ же родила мертваго ребенка».

Дѣло передано судебному слѣдователю. Что-жъ дремлетъ газета и не мечетъ громовъ и молній за то, что полицеймейстеръ отданъ подъ судъ? Быть-можетъ, онъ и увлекся, но увлекся во имя соблюденія власти, а такъ какъ власть—и въ увлеченіи власть, то слѣдовательно г. Горячко правъ...

Или почтенная газета поддерживаетъ только увлекающихся представителей власти высшихъ ранговъ, а маленькихъ готова принести въ жертву прокуроровъ?.. А всѣ эти младшіе представители играютъ важную роль въ нашей жизни. Съ ними приходится сталкиваться на каждомъ шагу непосредственно; безъ этихъ невольныхъ спутниковъ всей нашей жизни вы не можете, выражаясь метафорически, чихнуть. *Онъ* всегда можетъ освѣдомиться: на какомъ основаніи вы чихнули. Онъ въ состояніи не только испортить вашу жизнь, но отъ него нерѣдко зависитъ благополучіе массы людей, какъ, напр., въ деревняхъ. Какой-нибудь не въ мѣру усердный становой можетъ (примѣры бывали) вызвать серьезныя бѣды; какой-нибудь тюремный смотритель властенъ сдѣлать то, чего не въ силахъ высшее начальство—смягчить или обратить въ муку жизнь человѣка, имѣвшаго несчастье попасть въ тюрьму. Всякій изъ маленькихъ чиновниковъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ публикѣ, можетъ раздражить самаго скромнаго человѣка, и роль ихъ гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ,—недаромъ и начальство часто напоминаетъ имъ о вѣжливомъ обращеніи. Министра или директора департамента я, быть-можетъ, во всю жизнь не увижу и не буду имѣть случая узнать его любезнаго обращенія, но почтамтскаго чиновника, урядника, станового, городового, квартальнаго и т. п. маленькихъ чиновниковъ я принужденъ видѣть и имѣть съ ними дѣло въ теченіе всей своей жизни, такъ какъ безъ ихъ просвѣщеннаго содѣйствія нельзя родиться, жениться, уме-

реть. *Онъ*, какъ ангелъ-хранитель, постоянно у васъ за спиной, готовый во всякую минуту оказать вамъ содѣйствіе во всѣхъ мелочахъ жизни; отъ благоразумія какого-нибудь отставного унтеръ-офицера иногда зависитъ, чтобы эта роль архангела не обратилась въ роль маленькаго тирана; отъ расположенія духа какого-нибудь маленькаго чиновника въ банкѣ, въ почтамтѣ, въ департаментѣ зависитъ ваше собственное расположеніе... Каждый изъ нихъ можетъ отравить вамъ цѣлый день, заставить потерять время и т. п. Все это мелочи, но изъ этихъ мелочей складывается цѣлая жизнь, по крайней мѣрѣ для маленькаго человѣка. Я не говорю о тѣхъ «большихъ» людяхъ, которые любятъ иногда обходиться безъ всякаго закона и для которыхъ «ангелы-хранители» не нужны... Они, такъ сказать, внѣ конкурса, но для насъ съ вами, для массы, которая только и имѣетъ дѣло съ «маленькими» чиновниками, это вопросъ первостепенной важности, иногда нѣчто въ родѣ гамлетовскаго «быть или не быть». Конечно, затруднительно отыскать такую массу «ангеловъ-хранителей» (предполагая, что безъ нихъ невозможно), которые бы стояли на высотѣ положенія и не смѣшивали понятія о чести съ поврежденіемъ какой-либо части тѣла; лично они не всегда даже и виноваты — все это азбука, но тѣмъ не менѣе азбука, повторять которую приходится каждый день.

1896 г.

Идиллія.

I.

Благодаря пониженнымъ тарифамъ и свойственному русскимъ людямъ легкомыслію, я возымѣлъ довольно смѣлую мысль—насладиться лѣтомъ провинціальною идилліей.

Въ самомъ дѣлѣ, казалось весьма соблазнительнымъ, вмѣсто того, чтобы совершить обычное переселеніе въ петербургскія окрестности съ ихъ коварно прикрытыми зеленью болотами, холодомъ и сыростью и видѣть на вокзалѣ, на музыкѣ, въ паркѣ—словомъ, на каждомъ шагу—все ту же петербургскую публику—чинно-скучающихъ дачницъ и ошалѣлыхъ дачныхъ мужей,—махнуть куда-нибудь подальше отъ Петербурга, въ тепло, на благодатный югъ.

Но, разумѣется, не въ излюбленныя и достаточно уже загаженныя соотечественниками мѣста, не въ Крымъ и не на Кавказъ, эти Мекку и Медину богатыхъ дебелыхъ купчихъ, зрѣлыхъ генеральшъ съ пошаливающими нервами и туго набитымъ кошелькомъ, и всевозможныхъ «Мимочекъ».

Какая тамъ можетъ быть идиллія?

Во-первыхъ, тамъ васъ оберутъ, какъ липку, аборигены-разбойники уже за то, что вы пріѣхали и не нашли даже примитивныхъ удобствъ, какія найдете въ любой швейцарской деревнѣ, если вы не въ состояніи платить баснословныхъ цѣнъ.

А во-вторыхъ, уже одно непрерывное созерцаніе и этихъ кутящихъ представителей и представительницъ нашей чумазой, мало воспитанной буржуазіи, бросающихъ на показъ бѣшеныя деньги («мы-де при своемъ капиталѣ!») и потому нагло-самодовольныхъ и торжествующихъ, и этихъ «друзей человѣчества», курортныхъ юркихъ докторовъ, «обхаживающихъ» богатыхъ паціентовъ съ уловками татей, и этихъ молодцоватыхъ, рослыхъ, здоровенныхъ татаръ-проводниковъ въ расшитыхъ золотомъ курткахъ, съ мясистыми, красивыми и тупыми лицами и

нагло-вызывающими взглядами на улыбающихся дамъ,—одно ужъ это способно отравить всякія прелести Крыма и Кавказа и возмутить невозмутимѣйшаго человѣка.

Разсчитывая на идиллію, я имѣлъ въ виду глухія мѣста, какую-нибудь захолустную, патріархальную «дыру», въ родѣ той, гдѣ жили Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна,—«дыру», еще не тронутую своеобразною отечественною цивилизаціей,—гдѣ благораствореніе воздуховъ, обиліе плодовъ земныхъ, тишина и дешевизна, гдѣ не знаютъ ни «брянскихъ», ни «Нобеля», ни абессинскаго ордена «Печати Соломона» и гдѣ, если только вѣрить публицистамъ «Гражданина» и «Московскихъ Вѣдомостей», бьется истинный пульсъ русской жизни и водится не совсѣмъ еще испорченный земствомъ и судами обыватель—трезвенный, трудолюбивый, скромный и не вороватый, не зараженный ядомъ суемудрія, не знающій ни мыла, ни книгъ, ни газетъ и денно и нощно благословляющій свое мирное и благоденственное житіе и своихъ попечительныхъ начальниковъ, хотя бы они время отъ времени и прописывали, въ видѣ предупредительныхъ мѣръ, отеческое наказаніе.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что названные публицисты тенденціозно преувеличиваютъ добродѣтели обитателей глухихъ мѣстъ и ихъ благоденствіе и, по всей вѣроятности, приписываютъ начальникамъ собственныя свои вожделѣнія къ отеческимъ наказаніямъ, но, во всякомъ случаѣ, любопытно было заглянуть въ одинъ изъ такихъ аркадскихъ уголковъ.

Но, главное, вонъ изъ Петербурга, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

Не подумайте, что я заклятый врагъ Петербурга въ родѣ москвичей. Напротивъ, я очень люблю Петербургъ. Что̀ тамъ ни говори, а онъ все-таки самый культурный городъ въ Россіи.

Не желая обременять читателя перечисленіемъ культурныхъ преимуществъ Петербурга, замѣчу только, что въ немъ и квартиры со всѣми удобствами, и чистыя улицы аккуратно поливаются, и дворники сообразительные, и мостовыя хоть и оставляютъ желать многаго, но все-таки не грозятъ поврежденіемъ вашихъ внутренностей, и въ думѣ можно говорить противъ городского головы, не рискуя навлечь на себя подозрѣніе въ антиправительственномъ образѣ мыслей даже со стороны князя Мещерскаго, и въ нѣсколькихъ десяткахъ журналовъ и газетъ можно, безъ всякой опаски, раскатывать на всѣ корки иностранныхъ министровъ и воздавать должное почтеннымъ отечественнымъ дѣятелямъ и даже печатать ихъ портреты, и городовые не только образцово-вѣжливые, но и настолько проницательные, что̀ зря за шиворотъ не хватаютъ и въ участки не ввергаютъ, а если бы, паче чаянія, и случилась такая прискорбная ошибка (въ семьѣ не безъ урода), то можете быть увѣрены, что никакого недоразумѣнія не произойдетъ, ибо тамъ знаютъ законы, объясняющіе, что не всѣ граждане пользуются правомъ быть высѣченными; въ различныхъ учрежденіяхъ, куда

вы попадете по дѣлу или за справкой и гдѣ увидите нынче людей, изнемогающихъ въ усердіи и разрывающихся отъ обилія дѣлъ (прошли, какъ видно, старинные счастливые дни Аранжуэца!), васъ примутъ вѣжливо, выслушаютъ внимательно, пообѣщаютъ сдѣлать все возможное по закону и, при случаѣ, предложатъ даже папироску, чтобы вы не подумали, что теперь человѣкъ 20-го числа въ Петербургѣ недоступенъ, какъ въ былыя времена.

Все это такъ, и тѣмъ не менѣе, несмотря на свою несомнѣнную культурность, Петербургъ дѣйствуетъ на нервы. Не самъ по себѣ, конечно, а главнымъ образомъ новѣйшимъ складомъ жизни, духомъ и нравами его обитателей, кичившихся—и давно ли?—что они единственные вѣрные стражи окна въ Европу, прорубленнаго Петромъ.

Другія времена, другіе люди, другія пѣсни!

Теперь общественно-бытовая жизнь Петербурга отличается отъ другихъ городовъ развѣ тѣмъ, что рѣшительнѣе бьетъ въ глаза низменностью и даже отсутствіемъ какихъ бы то ни было интересовъ, кромѣ личныхъ, самодовольною пошлостью и своихъ вкусовъ и своихъ развлеченій, и тою безпринципностью на почвѣ безшабашнаго дешеваго скептицизма, которая въ послѣднее время съ наглымъ апломбомъ не стѣсняется заявлять о себѣ, какъ объ единственномъ здравомъ руководящемъ принципѣ для всякаго мало-мальски смѣтливаго человѣка при всякихъ обстоятельствахъ. При этомъ она еще обосновывается якобы научными данными, доказывающими, что человѣкъ прежде всего животное, и примѣрами изъ древней, средней и новой исторіи. Изъ этихъ примѣровъ вамъ объяснятъ не безъ игривой развязности, что, собственно говоря, понятія о долгѣ, объ альтруизмѣ, о стыдѣ и совѣсти являются болѣе или менѣе нелѣпыми «фикціями», отжившими свой вѣкъ и выдуманными разными моралистами для устрашенія фефелъ и ротозѣевъ, какъ чортъ выдуманъ для острастки пошаливающихъ купчихъ проблематическихъ лѣтъ. Гдѣ она, эта хваленая на всѣ лады совѣсть, и почему она до сихъ поръ не только не торжествуетъ, а ходитъ отрепанная, оплеванная, побираючись, и отъ которой всѣ сторонятся, точно отъ прокаженной? Вѣдь значительная, если не бо̀льшая часть біографій разныхъ знаменитыхъ историческихъ героевъ, лучшимъ образчикомъ которыхъ является «геніальный» Наполеонъ, тѣмъ и отличается, что въ этихъ біографіяхъ нѣтъ и помина о стыдѣ и совѣсти, а, напротивъ, изобиліе данныхъ безстыдства, эгоизма, наглости и жестокостей, и тѣмъ не менѣе такимъ смѣльчакамъ и ставятся памятники благодарнымъ потомствомъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ «герой» приносилъ въ жертву своего честолюбія, расходуя человѣческими жизнями съ небрежною расточительностью, съ легкимъ сердцемъ какого-нибудь дикаго короля ашантіевъ. А стыдливые—и много ли ихъ бываетъ?—въ то время охали да ахали и гнили въ тюрьмахъ... благодарю покорно!

Приведутъ вамъ не менѣе вразумительные примѣры и изъ современной жизни и укажутъ на нѣкоторыя біографіи современниковъ, на нашихъ глазахъ достигшихъ богатства, значенія и извѣстности,—не на тѣ, разумѣется, біографіи, которыя печатаются иногда въ «иллюстраціяхъ» при портретахъ, а на подлинныя и всѣмъ хорошо извѣстныя, и не безъ торжества замѣтятъ, что и эти біографіи далеко не блещутъ добродѣтелями, перечисленіемъ которыхъ, по старой привычкѣ, еще уснащены прописи, а напоминаютъ скорѣе похожденія Рокамболя, Ваньки-Каина и, въ лучшемъ случаѣ, героя мопасановскаго романа «Bel ami».

И однако всѣ считаютъ за честь пожать руку—красную, ожирѣвшую, волосатую руку—этого самаго «нашего извѣстнаго, уважаемаго и просвѣщеннаго общественнаго дѣятеля, предсѣдателя разныхъ акціонерныхъ обществъ, щедраго благотворителя и мецената», который, только благодаря смѣлой воровской ловкости и нѣкоторой спутанности въ юридическихъ понятіяхъ о грабежѣ законномъ, т. е. не предусмотрѣнномъ уложеніемъ о наказаніяхъ, и грабежѣ беззаконномъ, занимаетъ видное и почетное положеніе въ обществѣ, имѣетъ бухарскую звѣзду и только-что получилъ «Печать Соломона», интервьюируется репортерами и задаетъ лукулловскіе обѣды и фестивали, собирающіе избранное общество, вмѣсто того, чтобы, по принципамъ стыда и совѣсти, быть въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири съ бубновымъ тузомъ на спинѣ.

Кто откажется прогуляться подъ ручку съ Ноздревымъ-внукомъ, этимъ великолѣпнымъ молодымъ человѣкомъ, подающимъ надежды сцапать милліонъ отъ своей «старушки» и затѣмъ жениться на какой-нибудь изъ обнищалыхъ дѣвицъ, происходящей отъ Рюриковичей? Напротивъ, вездѣ его принимаютъ; онъ блестящій женихъ и, разумѣется, не виноватъ, что, не имѣя большого наслѣдства,—дѣдушка вѣдь былъ порядочный кутила,—пристроился къ старушкѣ. И эта профессія, если откинуть предразсудки, не хуже другихъ.

А этотъ, тотъ, другой, третій, четвертый, пятый, десятый... развѣ перечислишь всѣхъ, біографіи которыхъ такъ же темны, какъ осенняя ночь, и которые однако преподаютъ всѣмъ правила житейской мудрости и считаютъ себя въ нѣкоторомъ родѣ столпами отечества?

Чѣмъ же я-то хуже другихъ? На какомъ основаніи я, кончившій съ золотою медалью курсъ наукъ и жившій впроголодь все время ученія, обязанъ прозябать въ качествѣ какого-нибудь мелкаго чиновника или учителя, имѣя въ боковомъ карманѣ стыдъ и совѣсть, когда другіе, именно потому, что въ карманѣ ничего не имѣютъ, кромѣ бумажника, или имѣютъ этой совѣсти и стыда въ микроскопическомъ количествѣ, достигаютъ всѣхъ благъ земныхъ, не особенно думая ни о благахъ небесныхъ ни о мнѣніи потомства, если-бъ на таковое даже и разсчитывали.

Пусть-себѣ отдаленное потомство читаетъ въ «Русской Старинѣ»

всякія поношенія—наплевать! А некрологъ все-таки будетъ болѣе или менѣе восторженный. Не станетъ же наша пресса къ тому времени похожей на американскую. Это дудки! И слѣдовательно супруга и дѣти, читая мои некрологи въ газетахъ, будутъ только умиляться, что я сумѣлъ быть «честнѣйшимъ дѣятелемъ» и въ то же время, не имѣя за душой ни алтына, наградилъ ихъ милліоннымъ наслѣдствомъ.

Въ такомъ родѣ, съ болѣе или менѣе откровеннымъ цинизмомъ, теперь высказывается, нисколько не стѣсняясь, болѣе смѣлый и безстыжій человѣкъ самаго послѣдняго фасона. Менѣе смѣлый не кидаетъ вамъ въ глаза своей откровенной этики, но лишь дѣйствуетъ по ней. А тотъ нерѣшительный, слабый и безхарактерный россіянинъ, который составляетъ большинство, тотъ, лицемѣрно вздыхая и указывая меланхолическимъ взглядомъ на нѣсколькихъ прелестныхъ малютокъ,—именемъ которыхъ, кстати замѣтить, какихъ только пакостей ни дѣлаютъ!—покорно идетъ за господствующимъ въ данную минуту настроеніемъ и съ тою же легкостью сжигаетъ сегодня то, чему съ такою же легкостью вчера поклонялся.

II.

И некуда дѣваться отъ этой безшабашной легкости и безпринципности жизни. Такъ-таки некуда, хотя бы вы и не принимали въ ней непосредственнаго участія и хоронились въ своей мурьѣ.

Она все-таки преслѣдуетъ васъ и нагло лѣзетъ въ глаза, издѣваясь надъ тѣми, кто еще въ это безстыжее время не потерялъ стыдливости и имѣетъ кое-какіе предразсудки. Она играетъ доминирующую роль и торжествуетъ. Она на улицѣ въ этой нервной, суетливой сутолокѣ, на гуляньяхъ, на всѣхъ публичныхъ сборищахъ, въ современныхъ пьесахъ, въ массѣ пошлой беллетристики, въ декадентскихъ стихахъ, въ адвокатскихъ рѣчахъ, въ газетахъ, порой даже на каѳедрѣ. Вы ее видите въ этихъ, словно бы выкроенныхъ по одному шаблону, самодовольно-внушительныхъ, серьезно-почтительныхъ или уныло-меланхолическихъ (глядя по положенію и окладу), блѣдно-желтыхъ лицахъ людей двадцатаго числа, слышите въ разговорахъ старцевъ, пожилыхъ и молодыхъ людей и даже юношей и дѣвъ, въ этихъ, ежедневно мѣняющихся, болѣе или менѣе невѣрныхъ слухахъ и сплетняхъ о «новыхъ вѣяніяхъ», о назначеніяхъ, о томъ, кто кому «подложилъ или подложитъ свинью». Она въ искательныхъ подлыхъ улыбкахъ мужчинъ и въ кокетливо-вызывающихъ взглядахъ женъ, радѣющихъ за мужей, въ этомъ похвальномъ, характерномъ, какъ знаменіе времени, стремленіи интеллигентныхъ барышень въ пѣвицы или въ актрисы, такомъ же интенсивномъ, какимъ было въ шестидесятыхъ годахъ стремленіе къ высшему образованію, къ идейному дѣлу.

Посмотрите, сколько развелось за послѣднее время музыкальныхъ школъ, драматическихъ курсовъ и профессоровъ пѣнія, ставящихъ,

поправляющихъ голоса и даже выучивающихъ пѣть безголосыхъ. И всѣ эти школы переполнены, всѣ эти профессора заняты съ утра до вечера такъ, что можно думать, будто Россія главнымъ образомъ нуждается въ пѣвицахъ и актрисахъ. Нѣтъ ни одной квартиры въ Петербургѣ, гдѣ не обрѣталась бы будущая Патти или Лукка, Дузе или Сарра Бернаръ, поощряемая маменьками, папеньками и разными профессорами пѣнія и драматическаго искусства, которымъ, конечно, на руку эта эпидемическая зараза, приносящая имъ обильную жатву. И всѣ эти будущія Патти и Сарры Бернаръ, болѣзненно-самолюбивыя, тщеславныя и воображающія себя талантами, благодаря тому, что на журфиксахъ, когда онѣ терзаютъ уши подневольныхъ слушателей, имъ аплодируютъ, говорятъ комплименты и предрекаютъ великіе успѣхи,—всѣ онѣ, окончивъ ученье, горько разочаровываются и обвиняютъ театральное начальство въ интригахъ за то, что всей этой несмѣтной толпѣ безголосыхъ пѣвицъ и бездарныхъ актрисъ рѣшительно нѣтъ мѣста на сценахъ, и безъ того переполненныхъ далеко не выдающимися артистками, какъ ни многочисленны въ наши дни разсадники будущихъ Патти.

Рядомъ съ проявленіемъ этой безпринципности васъ положительно угнетаетъ и та наглая увѣренность, съ какою говорятъ о томъ, что Россія первая страна въ мірѣ, и нѣтъ ей другой подобной страны; и это мѣднолобое пренебреженіе къ иностраннымъ державамъ, съ подмигиваньемъ на тамошнія злоупотребленія, которыя, благодаря шуму, поднятому и въ палатахъ и въ газетахъ, становятся извѣстными и возбуждаютъ взрывъ народнаго негодованія. «Вотъ хваленые порядки! Вотъ вамъ Европа!» — торжествующе заявляетъ вамъ ликующій россіянинъ, забывая, что всѣ эти европейскія «Панамы» по крайней мѣрѣ раскрыты, преданы полной и широкой гласности и суду, тогда какъ такія же «Панамы» могутъ водиться и у насъ, хотя и не всегда попадаютъ на судъ и дѣлаются извѣстными большой публикѣ. А что «Панамы» водились, то довольно лишь вспомнить знаменитое, офиціально подтвержденное расхищеніе башкирскихъ земель, бывшее лѣтъ двадцать тому назадъ, или хотя бы безчисленные такъ-называемые интендантскіе процессы послѣ послѣдней турецкой войны, обнаружившіе на судѣ такое повальное и грандіозное хищеніе, которое, пожалуй, заткнетъ за поясъ и «Панаму». Въ «Панамѣ» грабили публику, а у насъ—солдатъ во время войны.

Но ликующій россіянинъ какъ будто забылъ все это. Онъ продолжаетъ костить Европу и приходитъ въ восторженное настроеніе и по случаю пріѣзда и отъѣзда абессинцевъ, и по случаю дипломатическаго пораженія японцевъ, и по поводу газетныхъ проектовъ о скорѣйшемъ изгнаніи «жида» и усмиреніи «чухны», и по поводу появленія новой опереточной пѣвицы. Эти ликованія рѣшительно дѣлаются нестерпимыми, какъ нестерпимы разговоры послѣднихъ дней насчетъ акцій

«брянскихъ», «рыбинско-бологовскихъ», «нефтяныхъ» — разговоры, которые вы слышите теперь на улицѣ, въ театрѣ, въ ресторанахъ, въ гостиныхъ и которые свидѣтельствуютъ о биржевой заразѣ, нашедшей, благодаря жизни, лишенной всякаго общественнаго смысла, благодарную почву и охватившей рѣшительно всѣ классы петербургскаго общества.

Играютъ на биржѣ всѣ, у кого есть какія-нибудь деньги: и представители знати, и свѣтскія дамы, и крупные чиновники или, для предусмотрительности, ихъ жены, и мелкая чиновничья сошка, и адвокаты, и актеры, и журналисты, и студенты, и веселыя дѣвицы, и проблематическія вдовы. Всѣмъ хочется поскорѣе нажить, благо это кажется такимъ легкимъ дѣломъ—купилъ бумагу и жди ея повышенія. Всѣ точно обезумѣли въ этой погонѣ за быстрымъ обогащеніемъ неизвѣстно на чей счетъ и не видя, конечно, ничего безнравственнаго въ этомъ... Стоитъ теперь зайти въ какой-нибудь банкъ, чтобъ увидѣть уголокъ Бедлама въ этой толпѣ играющей публики, пришедшей посовѣтоваться, какія бумаги покупать, какія продавать,—однимъ словомъ, какъ безъ всякаго труда и въ самое кратчайшее время обогатиться. И публика, жадная и глупая, думающая, что играть на биржѣ такъ же просто, какъ играть въ дурачки, и что это какая-то безпроигрышная лотерея, въ которой всѣ выигрываютъ,—съ благоговѣйнымъ вниманіемъ выслушиваетъ и хозяевъ и конторщиковъ банкирскихъ конторъ, которые съ дѣловитымъ видомъ знатоковъ дѣла даютъ совѣты своимъ кліентамъ.

Вы только посмотрите на выраженіе лицъ этихъ игроковъ изъ публики. Сколько въ нихъ алчности, едва скрываемой подъ личиной улыбки, сколько льстивости, заискиванія къ этимъ совѣтчикамъ. Биржевики, «зайцы», дѣльцы теперь рѣшительно въ модѣ въ качествѣ экспертовъ, юрисконсультовъ, свѣдущихъ людей. Съ ними ищутъ знакомства, дамы съ ними кокетничаютъ, надѣясь получить цѣнное указаніе на то, что купить. Но еще пріятнѣе знакомство съ людьми, близко стоящими къ финансамъ и находящимися въ курсѣ дѣла всей этой биржевой махинаціи. Тамъ знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. Какой-нибудь чиновникъ, сообщившій во-время, что такое-то предпріятіе разрѣшено, можетъ, по настоящимъ временамъ, быть вѣстникомъ цѣлаго состоянія.

И кого только ни увидите вы въ банкирскихъ конторахъ! Онѣ теперь модныя мѣста, «rendez-vous» знакомыхъ игроковъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые не рѣшаются сами безъ совѣта другихъ писать или телефонировать: «купите такія-то или такія-то бумаги». Тутъ и старички-генералы, военные и статскіе, тутъ и старушки, и молодыя дамы, и офицеры, и ученые...

— И вы, ваше превосходительство, поигрываете? — спрашивалъ я одного знакомаго, почтеннаго генерала, встрѣтивъ его въ конторѣ

Юнкера, куда я зашелъ за полученіемъ перевода — гонорара изъ Москвы.

— Какъ же, какъ же!.. Играю помаленьку. Нельзя же, всѣ играютъ. А семья у меня большая, а жалованье не Богъ знаетъ какое... Ну, и надо поправлять дѣлишки.

— И поправляете?

— Пока не смѣю жаловаться, тысчонку нажилъ!—весело говоритъ старикъ.

У всѣхъ радостныя лица; всѣ какъ будто нажили или предвкушаютъ удовольствіе нажить. У всѣхъ разгораются страсти и текутъ слюнки по мѣрѣ того, какъ становится извѣстнымъ, что такой-то въ недѣлю нажилъ 20.000, такой-то 50.000.

Тутъ же въ конторѣ называютъ имя одного господина, прежняго профессіональнаго юриста, а нынче директора одного частнаго банка, который въ послѣднее время выигралъ биржевою игрой двѣсти тысячъ и, замѣтьте, почти не имѣя денегъ, а пользуясь кредитомъ и разными свѣдѣніями того же банка.

Всѣ завидуютъ этому счастливцу, и никто, разумѣется, не находитъ ничего предосудительнаго въ томъ, что человѣкъ, близко стоящій къ банку и имѣющій точныя свѣдѣнія о паденіи или подъемѣ бумагъ, играетъ, собственно говоря, въ безпроигрышную игру.

Вынь изъ бумажника у соннаго человѣка—воръ и скамья подсудимыхъ, а въ данномъ, едва ли не аналогичномъ случаѣ — умница, заслуживающій зависти и восхищенія.

Быть такимъ умницей, найти, благодаря связямъ и знакомствамъ, средство играть навѣрняка, то-есть попросту вытаскивать деньги изъ чужихъ кармановъ, составляетъ желаніе каждаго. Что же тутъ дурного?

Въ этой бѣшеной погонѣ за наживой безъ всякаго труда, охватившей не одно только, такъ сказать, охвостье интеллигенціи, но и самую интеллигенцію, рѣшительно потеряно всякое чувство примитивной этики и стыда; общество точно одичало и, охваченное нравственною гангреной, указывающею на разложеніе, словно бы не сознаётъ этого.

Съ этой точки зрѣнія эта биржевая горячка крайне характерна, какъ знаменіе времени... Думала ли играть на биржѣ интеллигенція шестидесятыхъ годовъ?

Можно себѣ только представить, какой вопль и скрежетъ зубовный поднимутъ всѣ эти многочисленныя, якобы невинныя жертвы, которыя, не имѣя возможности играть навѣрняка, играли на авось, руководствуясь лишь алчностью и невѣжествомъ, когда они въ одно прекрасное утро узнаютъ, что, вмѣсто удвоеннаго и утроеннаго капитала, они лишены всѣхъ своихъ капиталовъ и сбереженій, которые, само собою разумѣется, очутятся въ карманахъ профессіональныхъ бирже-

виковъ, какъ только имъ будетъ угодно разыграть послѣдній актъ этой биржевой траги-комедіи.

Это будетъ достойнымъ наказаніемъ современной безпринципности. И чѣмъ сильнѣе она будетъ наказана, тѣмъ лучше.

Нѣтъ сомнѣнія, что, въ случаѣ краха, раздадутся жалобы и сожалѣнія на то, что городовые не защитили безпомощную публику. Если бы своевременно у банкирскихъ конторъ стояли городовые съ инструкціями не допускать публику до биржевой игры и, въ случаѣ сопротивленія, тащить въ участокъ, ничего бы этого не случилось. Денежки были бы цѣлы, и благополучный россіянинъ, удержанный отъ увлеченія способомъ исключительно естественнымъ и во вкусѣ истинно-русскихъ людей, наслаждался бы, попрежнему ликующій и торжествующій, своею безшабашною, безпринципною жизнью, вмѣсто того, чтобы впасть въ уныніе и благимъ матомъ закричать: «караулъ!»

Но пока еще разыгрывается второй актъ. Пока еще лукавые режиссеры биржевой феерiи находятъ удобнымъ гнать въ гору не только цѣнныя и малоцѣнныя бумаги, но даже и макулатуру, отпечатанную заново и обозначающую разныя разоренныя и даже никому невѣдомыя, едва ли существующія предпріятія.

И зараза распространяется все сильнѣе и сильнѣе, захватывая все большее и большее число охотниковъ на рубль нажить тысячу. Примѣръ интеллигенціи заразилъ и низшіе классы населенія, и не далѣе какъ весной швейцаръ, нашего дома, Викентій, отставной унтеръ-офицеръ изъ литвиновъ, человѣкъ весьма прижимистый и, какъ онъ самъ выражается, «аккуратный вокругъ себя», однажды пришелъ ко мнѣ нѣсколько взволнованный и напряженный и говоритъ:

— Я къ вамъ посовѣтоваться.

— Въ чемъ дѣло, Викентій?

Викентій, какъ «аккуратный вокругъ себя» человѣкъ, оглянулся и, понижая свой голосъ до конфиденціальнаго шопота, объяснилъ, что за пять лѣтъ, что̀ живетъ въ швейцарахъ, онъ скопилъ пятьсотъ рублей, и лежатъ эти пятьсотъ рублей въ сберегательной кассѣ и приносятъ очень мало процента.

— А люди говорятъ, что теперь довольно даже глупо деньгамъ такъ зря лежать!—заключилъ Викентій.

— Что-жъ, вы хотите кому-нибудь дать деньги на проценты? — спросилъ я, не догадываясь, къ чему онъ клонитъ рѣчь.

Но швейцаръ энергично протестовалъ. Онъ, слава Богу, не дуракъ, чтобы польститься на проценты и потерять капиталъ. Онъ никому денегъ не дастъ. Слыхалъ онъ, какъ пропадаютъ деньги.

— А я вотъ пришелъ спросить насчетъ акціевъ. Какія, значитъ, лучше купить, чтобъ потомъ продать и нажить деньги.

Оказывалось, Викентій собирался тоже играть на биржѣ

— Но откуда вамъ это пришло въ голову?

— Слава Богу, я тоже газету читаю,—обидчиво замѣтилъ Викентій. — Да и люди говорили. Вотъ у насъ въ домѣ живетъ генералъ Ерихонскій, такъ онъ на этомъ самомъ двадцать тысячъ въ одну недѣлю нажилъ. И камердинеръ его тоже тысячу рублей... и всего только, говоритъ, сто рублей истратилъ... На биржѣ, значитъ, игралъ вмѣстѣ съ бариномъ.

— А если проиграете и потеряете всѣ свои деньги?

Викентій, очевидно, не имѣвшій никакого понятія ни о биржѣ ни о биржевой игрѣ, выразилъ на своемъ лицѣ недовѣріе.

— Зачѣмъ потерять? Это дѣло вѣрное, только знать, что̀ купить. Вотъ и околоточный нашъ тоже нажилъ... Всѣ вокругъ наживаютъ. Зачѣмъ же я одинъ буду дуракомъ? Ужъ вы, сдѣлайте одолженіе, посовѣтуйте насчетъ акціевъ.

Напрасно я совѣтовалъ ему оставаться въ дуракахъ и держать деньги въ сберегательной кассѣ. Онъ не внялъ моимъ совѣтамъ и черезъ недѣлю радостно сообщилъ, что, по совѣту камердинера генерала, купилъ на пятьсотъ рублей «брянскихъ», и торжествующе прибавилъ, что онѣ подымаются.

Съ тѣхъ поръ я часто заставалъ Викентія въ швейцарской, жадно читавшаго биржевую хронику, и каждый разъ онъ съ радостью говорилъ:

— Поднимаются. А вы вотъ не совѣтовали. Теперь, если продать бумаги, двѣсти рублей лишковъ будетъ.

— Такъ что-жъ вы не продаете?

— Еще поднимутся... И въ газетахъ пишутъ, и люди говорятъ... Такъ зачѣмъ же я буду такой дуракъ, что продамъ? — отвѣчалъ Викентій, и прежнее добродушное лицо приняло алчное выраженіе и въ глазахъ блестѣлъ огонекъ.

Нѣтъ, положительно надо было бѣжать изъ Петербурга и отдохнуть отъ зрѣлища этого Бедлама въ какой-нибудь далекой глуши!

III.

Оставалось выбрать глухое мѣсто, такое однако же, чтобъ оно было не очень далеко отъ желѣзной дороги, чтобы письма доходили до него не слишкомъ медленно и чтобъ былъ врачъ на случай болѣзни кого-либо изъ семьи.

Развернули карту Россійской имперіи. Глухихъ мѣстъ оказалось видимо-невидимо въ разныхъ южныхъ губерніяхъ, но какое выбрать—вотъ вопросъ, осложненный еще другимъ: какъ бы не попасть въ дифтеритную полосу, а такихъ полосъ много на благодатномъ югѣ.

По счастью, явился одинъ пріятель и разрѣшилъ недоумѣніе. Оказалось, что въ одной «настоящей дырѣ» живутъ его знакомые. Немедленно же были посланы письма за справками. Справки оказались самыя благопріятныя,—увы!—я не сообразилъ тогда, что онѣ дава-

лись двумя милѣйшими и добрѣйшими въ подлунной барынями, умѣвшими находить въ каждомъ человѣкѣ симпатичныя черты, — дыра весьма недурная, сады, двѣ рѣки. Сообщеніе удобное: до Кіева по желѣзной дорогѣ, а отъ Кіева на пароходѣ. Домъ въ 6 комнатъ съ мебелью и посудой—25 руб. въ мѣсяцъ. При домѣ садъ. Жизнь тихая, мирная. Хозяйка дома—единственная генеральша въ маленькомъ городкѣ—ангелъ. Дешевизна поразительная: цыпленокъ 8 коп., утка 15, зелень почти даромъ, и все въ такомъ родѣ.

Думать было нечего. Предвкушая идиллію, настоящую идиллію глухихъ мѣстъ, я телеграфировалъ, что беру домикъ ангела-генеральши, и черезъ недѣлю отправилъ семью.

Первыя письма оттуда хотя и были восторженны отъ тепла, отъ чудныхъ южныхъ ночей, акацій и соловьевъ, но объ ангельскомъ чинѣ хозяйки умалчивали и какъ будто бы не давали представленія о полной идилліи. Вдобавокъ оказалось, что доѣхать до дыры было можно въ двое съ половиною сутокъ, а письма и газеты путешествовали по четыре. Денежныя же письма и по десяти сутокъ.

Наконецъ я и самъ поѣхалъ вкусить идилліи.

IV.

Когда пробилъ третій звонокъ и послѣдняго пассажира затиснули въ переполненный вагонъ прямого сообщенія и сказали ему: «Сиди здѣсь и терзайся безъ пересадки двое съ половиною сутокъ!», господа путешественники начали обнаруживать совсѣмъ не свойственный русскому обывателю мятежный духъ, увеличивающійся по мѣрѣ того, какъ затекали ноги, становилось душнѣе и нельзя было принять удобнаго положенія для того, чтобы вздремнуть.

Въ маленькомъ отдѣленіи насъ полный комплектъ—шесть человѣкъ и, къ общему неудовольствію, все болѣе или менѣе плотныхъ. Только одинъ строгаго вида старикъ былъ худъ, какъ спичка, и прямъ, какъ сосна.

Уже послѣ третьяго звонка и на ходу поѣзда кондукторъ вводитъ къ намъ седьмого пассажира, сверхкомплектнаго, и, проговоривъ въ видѣ утѣшенія: «они только до Пскова»,—благоразумно исчезаетъ.

Сверхкомплектный, чувствуя на себѣ недоброжелательные взгляды всѣхъ шести человѣкъ, садится съ края и занимаетъ самое крошечное мѣстечко, только бы на него не сердились. «Онъ, ей-Богу, не виноватъ!»—говоритъ его нѣсколько сконфуженное лицо.

И, обращаясь къ сосѣду, глаза котораго кажутся злыми менѣе другихъ, онъ говоритъ:

— Я только до Пскова.

— Но вѣдь это, кажется, вагонъ прямого сообщенія? — не безъ внушительности замѣчаетъ сосѣдъ.

— Нѣтъ мѣстъ.

Сперва всѣ оглядываютъ другъ друга съ тѣмъ инстинктомъ недоброжелательства, съ какимъ встрѣчаются двѣ незнакомыя собаки.

Всѣ молчатъ и видимо сердятся, стараясь усѣсться поудобнѣе.

Мой vis-à-vis—плотный, солиднаго вида господинъ лѣтъ подъ сорокъ. Онъ въ новой темно-сѣрой парѣ и въ шелковой дорожной шапочкѣ. Судя по бритымъ губамъ, рыжеватымъ англійскимъ бачкамъ и устало-озабоченному, не лишенному нѣкоторой внушительности, выраженію помятаго, истомленнаго лица, это чиновникъ, въ родѣ начальника отдѣленія, служащій, вѣроятно, въ одномъ изъ тѣхъ вѣдомствъ, гдѣ всѣ чиновники, если вѣрить газетамъ, работаютъ по восемнадцати часовъ въ сутки и переутомляются вмѣстѣ съ начальствомъ.

Изъ разговоровъ его на платформѣ съ провожавшею его женой, полною блондинкой, красной, какъ піонъ, отъ туго затянутаго корсета, я, между прочимъ, узнаю, что онъ ѣдетъ отдохнуть и полѣчиться на три мѣсяца: сперва заѣдетъ въ Кіевъ, оттуда въ Одессу и потомъ на Кавказъ попить эссентуки.

Онъ первый поднимаетъ знамя мятежа и восклицаетъ:

— Ну, и порядки у насъ на желѣзныхъ дорогахъ, нечего сказать! Пор-ря-дки!

Охваченный мятежнымъ духомъ, онъ забываетъ, что еще часъ тому назадъ увѣрялъ жену, мечтавшую прокатиться въ Швейцарію, пока онъ будетъ на Кавказѣ, что за границей путешествовать и скверно и дорого, а жить среди этихъ обиралъ и вовсе отвратительно, не то что у насъ, дома, гдѣ, по крайней мѣрѣ, люди еще Бога не забыли!.. А тамъ, въ Европѣ...

— Да ты, Соня, развѣ не читала сегодня статьи собственнаго парижскаго корреспондента? Онъ, Соня, всегда основательно пишетъ. Недаромъ недавно Почетнаго Легіона получилъ!

И онъ посовѣтовалъ супругѣ прочесть эту статью, въ которой «собственный корреспондентъ» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ тѣхъ оплакивающихъ прошлыя заблужденія свои и откровенно называющихъ себя «мерзавцами своей жизни» литераторовъ, которые завелись въ послѣднее время въ журналистикѣ, съ пѣной у рта оповѣщалъ читателей о томъ, какъ его обсчитали въ Женевѣ, и на этомъ основаніи обозвалъ весь швейцарскій народъ поголовно ворами, грабителями и разбойниками, прибавляя ко всему этому, что у такихъ подлецовъ не было да и не могло быть Вильгельма Телля,—они его выдумали,—а вотъ у французовъ была настоящая Орлеанская дѣва, какъ у насъ былъ настоящій Иванъ Сусанинъ, и потому французы великодушны и мы добродѣтельны.

Этотъ пассажиръ съ рыжими бачками забываетъ все, что̀ говорилъ и онъ самъ и любимый имъ «собственный корреспондентъ».

Испытывая теперь своими боками неудобства путешествія, онъ на-

чинаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ бранить желѣзнодорожные порядки въ отечествѣ, противопоставляя имъ европейскіе, и—о, дерзкій статскій совѣтникъ! (онъ уже отрекомендовался намъ) — осмѣливается даже желать предержащимъ желѣзнодорожнымъ властямъ такихъ же египетскихъ казней, какія испытываетъ самъ, да еще за свои же кровныя денежки. Онъ даже не получилъ воспособленія по случаю болѣзни. О, у нихъ въ вѣдомствѣ на этотъ счетъ строго! Экономія и бережливость, бережливость и экономія! Вотъ если бы командировка...

И, возбуждая общее сочувствіе товарищей по несчастію, онъ горячится, волнуется и продолжаетъ развивать мятежныя мысли такого рода:

— Пусть бы главный желѣзнодорожный инспекторъ г. Ивановъ-Мясоѣдовъ, или его помощники, что ли, провели трое сутокъ въ подобныхъ клѣткахъ, а? Пусть бы они, по примѣру добродѣтельнаго Гарунъ-аль-Рашида или умнаго губернатора въ «Периколѣ», снявъ свои форменныя одежды и облачившись въ статскія, проѣхались инкогнито, чтобы посмотрѣть, каково порядочнымъ людямъ находиться въ положеніи астраханскихъ селедокъ. Виноватъ-съ. Я васъ толкнулъ?—обращается ораторъ ко мнѣ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Всѣ мы, конечно, соглашаемся, что придуманная статскимъ совѣтникомъ мѣра не лишена остроумія. Кто-то вставляетъ замѣчаніе, что тогда высшее начальство знало бы, по крайней мѣрѣ, что̀ творится.

— Но газеты переполнены воплями пассажировъ!.. Каждый день почти появляются письма въ редакцію!—замѣчаетъ осторожно сверхкомплектный пассажиръ безъ мѣста.

Хранившій доселѣ молчаніе длинный и худой, какъ спичка, старикъ въ очкахъ, сквозь которыя глядятъ небольшіе, острые и холодные глаза, вытягиваетъ губу, что̀ придаетъ его блѣдно-желтому, нѣсколько птичьему лицу, опушенному сѣдою подстриженною бородкой, выраженіе глубочайшаго презрѣнія, и выговариваетъ, цѣдя слова:

— Серьезный государственный человѣкъ не долженъ обращать вниманія на то, что̀ пишутъ въ газетахъ. Мало ли что̀ пишутъ и могутъ написать. Правда тамъ перепутывается съ неправдой... и вообще, что̀ это за источникъ свѣдѣній эти газеты? Есть средство болѣе дѣйствительное: послать довѣреннаго чиновника. Онъ разслѣдуетъ, донесетъ, и тогда только главное начальство приметъ мѣры.

И этотъ внушительный тонъ, и это презрѣніе къ газетамъ, и этотъ строгій видъ вселили во мнѣ мысль, что пассажиръ-старикъ, по крайней мѣрѣ, тайный совѣтникъ въ отставкѣ, когда-нибудь да управлявшій чѣмъ-нибудь и, вѣроятно, обиженный газетами еще въ тѣ далекія времена, когда онѣ могли обижать тайныхъ совѣтниковъ.

Ему, видимо, было непривычно и неудобно сидѣть не въ отдѣльномъ купе, а въ общемъ, да еще полномъ отдѣленіи, тѣмъ болѣе, что онъ

помѣстился у дверей, и его длинныя ноги то и дѣло должны был поджиматься, когда пассажиры выходили на площадку покурить. Старикъ не выносилъ дыма и протестовалъ противъ куренія,—отдѣленіе было для некурящихъ.

Но старикъ переносилъ свой «жребій» съ молчаливымъ достоинствомъ человѣка, понимающаго превратность судебъ. Проговоривъ свою тираду, онъ развернулъ «Московскія Вѣдомости» и углубился въ газету.

Но ни главнаго инспектора ни кого-либо изъ его помощниковъ, которымъ можно было бы предложить проектъ мятежнаго статскаго совѣтника, налицо не оказывалось. По всей вѣроятности они, несмотря на поздній часъ, сидѣли въ своихъ канцеляріяхъ, занятые высшими соображеніями насчетъ тѣхъ же неблагодарныхъ пассажировъ, и вычисляли, какое потребно пространство на каждаго, чтобы доставлять его живымъ до мѣста назначенія, впредь до увеличенія подвижного состава. А можетъ-быть, кто-нибудь изъ нихъ, инспектируя линію, спалъ-себѣ въ этомъ же поѣздѣ въ отдѣльномъ купе или въ директорскомъ вагонѣ, предпочитая наслаждаться, а не страдать, такъ какъ страданіе вовсе не входитъ въ его служебныя обязанности и исключительно предоставлено пассажиру.

Какъ бы то ни было, а возмутившемуся путешественнику остается только изливать свое негодованіе на кондукторахъ да на начальникахъ станцій, или писать обличительныя замѣтки въ жалобныхъ книгахъ.

И онъ обрушивается на этихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, считая и ихъ виновными и за тѣсноту, и за неудобство, и, главное, за то, что съ нимъ обращаются съ патріархальною безцеремонностью, которую, положимъ, онъ самъ очень цѣнитъ, какъ національную особенность, но только не на желѣзной дорогѣ, и не за свои деньги, и не на собственныхъ бокахъ.

Гдѣ ужъ тутъ, въ раздраженіи, углубляться въ корень вещей? Гдѣ ужъ тутъ соображать о томъ, что безцеремонность на желѣзныхъ дорогахъ съ публикой не есть что-либо исключительное? Напротивъ, управленія желѣзныхъ дорогъ еще отвѣчаютъ на печатныя письма, разъясняютъ и успокаиваютъ публику хотя бы тѣмъ, что оповѣщаютъ ее о сдѣланныхъ младшимъ агентамъ выговорахъ. И само вѣдомство не усматриваетъ въ печатныхъ пассажирскихъ «вопляхъ» чего-нибудь злонамѣреннаго, подрывающаго престижъ власти, и «вопли» эти свободно доходятъ до публики, тогда какъ другіе, несравненно болѣе отчаянные вопли прорываются только черезъ двери суда.

Если же, несмотря на все это, отношеніе къ пассажиру, и особенно къ пассажиру третьяго класса, оставляетъ желать весьма многаго, то и въ подобномъ отношеніи опять-таки сказывается одна изъ чертъ нашей самобытной этики, являющейся основой всего строя обществен-

ной жизни. И ни мелкая сошка, ни управляющіе и инспектора, ни высшее начальство не столь виноваты, сколько это кажется ошалѣлому пассажиру. По крайней мѣрѣ нисколько не болѣе этой вдругъ обидѣвшейся на безцеремонность публики, которая на разные лады кричитъ о несомнѣнномъ превосходствѣ передъ всѣми другими современныхъ русскихъ идеаловъ, въ числѣ которыхъ безцеремонность къ ближнимъ несомнѣнно играетъ первенствующее значеніе.

Но пассажиру не до философскихъ обобщеній, къ тому же и не особенно любимыхъ въ наши времена, когда надо приспособляться къ господствующему общественному настроенію, а не философствовать, рискуя получить отъ перваго встрѣчнаго «дурака».

И онъ, завидѣвъ оберъ-кондуктора, вопіетъ:

— Кондукторъ! Что̀ это у васъ за безобразіе?

Такъ какъ мѣсто дѣйствія—отдѣленіе перваго класса и въ числѣ дѣйствующихъ лицъ—кто ихъ знаетъ?—могутъ быть и генералы, то оберъ-кондукторъ, галантно приложивъ руку къ шапкѣ, съ вѣжливымъ недоумѣніемъ спрашиваетъ:

— Какія безобразія?

— Какъ какія? Отчего не прицѣпили еще вагона?

— Полагается всего одинъ вагонъ прямого сообщенія.

— Но почему полагается? А если пассажировъ больше, чѣмъ мѣстъ въ вагонѣ?

— Это ужъ не наше дѣло, господинъ. Такое распоряженіе.

— Весьма глупое распоряженіе. Тутъ задохнешься отъ жары, а вы толкуете: «распоряженіе»!

— Въ отдѣленіи шесть мѣстъ и шесть пассажировъ.

— Зачѣмъ вы лжете? Тутъ насъ семь!

— Они только до Пскова. Но если они васъ стѣсняютъ...

Сверхкомплектный пассажиръ, предвидящій новыя скитанія по вагонамъ, все-таки рѣшительно заявляетъ намѣреніе не стѣснять и уйти. Никто не удерживаетъ его отъ такого намѣренія, хотя, должно-быть, всѣ удивляются его самоотверженію быть бродягой за свои деньги. Но оберъ-кондукторъ проситъ повременить пятнадцать минутъ, до слѣдующей станціи.

— Тамъ я васъ пересажу, господинъ. Я найду вамъ мѣсто.

Съ этими словами оберъ-кондукторъ хочетъ улизнуть.

— Еще бы не хотѣть! Довольно онъ наслышался за одинъ-другой часъ ядовитыхъ замѣчаній и сердитыхъ окриковъ. Ахъ, эти курьерскіе поѣзда! Сколько хлопотъ теперь съ пассажирами перваго и второго классовъ, при удешевленномъ тарифѣ, когда всѣхъ точно прорвало и всѣ поѣхали! То ли дѣло пассажиры третьяго класса. Ихъ хоть подъ скамейки запихай,—ничего, довольны и не пикнутъ! Понимаютъ, что не я виноватъ, что мѣстъ нѣтъ.

Такъ потомъ жаловался мнѣ оберъ-кондукторъ, изливая свою душу.

— Постойте, кондукторъ! Куда вы?

— Что̀ вамъ еще угодно?—нетерпѣливо спрашиваетъ оберъ-кондукторъ.

— Вѣдь тутъ нестерпимо сидѣть, понимаете вы это. Дамское отдѣленіе свободно. Посадите двоихъ изъ насъ въ дамское купе.

— Какъ же можно-съ? Оно для дамъ.

— Но вѣдь дамъ нѣтъ?

— Могутъ гдѣ-нибудь на станціи сѣсть.

— Тогда мы уйдемъ.

— Извините, господинъ, я не имѣю права. Вотъ пріѣдемъ въ Лугу,— не угодно ли будетъ обратиться къ начальнику станціи.

— Это чортъ знаетъ что̀ такое! А другое купе, рядомъ?

— Оно занято-съ.

— Кѣмъ занято?

— Тамъ генералъ Быстрый сидятъ! — значительно произноситъ оберъ-кондукторъ, понижая голосъ, вѣроятно, въ знакъ почтенія къ генералу Быстрому.

Эта фамилія производитъ чарующее впечатлѣніе на мятежнаго статскаго совѣтника — настолько чарующее, что онъ на мгновеніе затихъ и замлѣлъ, не смѣя и мысленно даже протестовать противъ того, что генералъ Быстрый одинъ занимаетъ шесть мѣстъ. По выраженію лица статскаго совѣтника видно, что онъ вполнѣ убѣжденъ, что тайный совѣтникъ Быстрый могъ бы занимать цѣлый вагонъ, а не то, что шесть мѣстъ,—вѣдь онъ слишкомъ видное лицо, этотъ тайный совѣтникъ Быстрый. Еще недавно былъ помѣщенъ его портретъ и краткая біографія въ субботнемъ приложеніи къ одной газетѣ. Совсѣмъ еще молодой на видъ человѣкъ, а того и гляди, не-сегодня-завтра, займетъ высокій постъ. Какъ же ему не занимать отдѣльнаго купе?

При имени Быстраго, худощаваго старика передергиваетъ точно отъ электрическаго тока. Но онъ тотчасъ же овладѣваетъ собой и, подавляя завистливый вздохъ, спрашиваетъ у оберъ-кондуктора:

— Куда ѣдетъ тайный совѣтникъ Быстрый?

— До станціи Борковичи.

— А-а-а!—многознаменательно мычитъ старикъ.

На остальныхъ пассажировъ имя генерала Быстраго не производитъ особенно-подавляющаго впечатлѣнія, хотя и вызываетъ нѣкоторое оживленіе на лицахъ, а красивый молодой брюнетъ, сидѣвшій у окна, рыхлый толстякъ съ большою выхоленною, надушенною бородой, въ куцомъ вестонѣ, слегка накрахмаленной батистовой сорочкѣ и въ перчаткахъ,—не то помѣщикъ, не то заводчикъ, не то адвокатъ, не разберешь,—тотъ даже иронически усмѣхается и, насмѣшливо щуря черезъ пенсне въ золотой оправѣ свои черные, небольшіе плутоватые глаза, кидаетъ кондуктору крикливымъ веселымъ теноркомъ:

— Генералъ Быстрый за все купе заплатилъ, что ли?

— У нихъ одинъ билетъ, но только въ Петербургѣ было распоряженіе отвести имъ цѣлое отдѣленіе.

— Превосходно! Значитъ, вашъ генералъ Быстрый можетъ, какъ персонажъ Островскаго, одинъ ѣхать въ двухъ каретахъ, а мы поэтому обязаны вариться въ собственномъ соку? Такъ, что ли, господинъ оберъ-кондукторъ?

— Это не наше дѣло, господинъ.

— Вполнѣ вѣрю, что не ваше, а вашего милаго начальства! — смѣется толстякъ.—Кто у васъ управляющій дорогой?

Оберъ-кондукторъ называетъ фамилію.

— Очень хорошо. Благодарю васъ.

И вслѣдъ за этими словами, внезапно раздражаясь, вдругъ выпаливаетъ:

— Экое свинство! Экая Азія!

Ни игривое замѣчаніе толстяка о двухъ каретахъ, ни это желчное восклицаніе объ Азіи,—тогда какъ мы ѣхали по Европѣ,—не только не возбуждаютъ въ большинствѣ присутствующихъ ни малѣйшаго сочувствія, а, напротивъ, вызываютъ видимое неодобреніе.

Худой старикъ бросаетъ на дерзкаго пассажира быстрый, строгій взглядъ изъ-подъ очковъ. Замлѣвшій статскій совѣтникъ и одинъ бѣлобрысый молодой человѣкъ въ форменной судебной фуражкѣ, храня ледяное молчаніе, устремляютъ глаза долу, точно имъ стыдно смотрѣть на человѣка, который вслухъ говоритъ неприличныя вещи.

Только довольно страннаго вида пассажиръ, неопредѣлимой профессіи, очень плохо одѣтый пожилой господинъ съ засѣдѣвшими длинными кудреватыми волосами, выбивавшимися изъ-подъ потертой мягкой шляпенки, дремавшій съ отхода поѣзда, внезапно открываетъ заспанные глаза и произноситъ: «Совершенно справедливо изволили замѣтить. Вопіющее свинство! Но зато генералу Быстрому удобнѣе спать въ Азіи, чѣмъ въ Европѣ»,—прибавляетъ онъ со смѣхомъ и, снова откидываясь назадъ, закрываетъ глаза.

Толстякъ улыбается. Бродитъ сочувственная улыбка и на лицѣ пассажира до Пскова. Зато старикъ брезгливо пожимаетъ плечами: «Дескать, чортъ знаетъ съ кѣмъ приходится ѣхать!»

Кондукторъ между тѣмъ исчезъ, и статскій совѣтникъ выходитъ въ коридоръ, очевидно, озаренный какою-то мыслью.

Выхожу и я подышать воздухомъ у окна.

Раздается свистокъ, возвѣщающій приближеніе къ станціи, и въ дверяхъ вагона появляется оберъ-кондукторъ. При видѣ безпокойнаго пассажира онъ хочетъ поворотить назадъ, но сторожившій его статскій совѣтникъ уже машетъ ему рукой, и на лицѣ его, вмѣсто прежняго негодующаго выраженія, появляется заискивающая улыбка.

— Послушайте, кондукторъ,—говоритъ онъ ласковымъ конфиденціальнымъ тономъ, совсѣмъ не похожимъ на прежній вызывающій

топъ мятежника:—если бы вы какъ-нибудь устроили меня и стараго господина въ дамскомъ отдѣленіи, а? Мы поблагодаримъ васъ за это... понимаете?—прибавилъ онъ, значительно подмигивая глазомъ для вящшаго пониманія.

Но оберъ-кондукторъ оказывается неподкупенъ.

Цифра «три», которой нѣсколько разъ ласкаетъ слухъ кондуктора нѣжный шопотъ статскаго совѣтника, такъ же мало дѣйствуетъ на соблазняемаго, какъ, вѣроятно, мало подѣйствовала бы цифра «три», конечно, на демона-соблазнителя, служащаго въ вѣдомствѣ, гдѣ, кромѣ экономіи и бережливости и неусыпнаго бдѣнія, циркулярно предписано и безкорыстіе въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ: «Не потерплю!»

Несмотря на свое горячее сочувствіе къ добродѣтели, особенно отечественной, мятежный статскій совѣтникъ непріятно изумленъ. Онъ недовѣрчиво взглядываетъ на посѣдѣвшаго оберъ-кондуктора и не безъ горькаго чувства накидываетъ еще рублишко.

— Никакъ невозможно, господинъ! Вотъ развѣ послѣ того, какъ контроль пройдетъ!—какъ бы невзначай бросаетъ оберъ-кондукторъ, проходя дальше.

Ахъ, этотъ контроль!

Оказывается, что онъ не только бичуетъ «маленькихъ воришекъ для поученія большихъ», но даже отодвигаетъ на нѣкоторое время возможность выспаться порядочному человѣку въ дамскомъ купе. Недаромъ же онъ такъ ненавистенъ и князю Мещерскому.

Читатель помнитъ, вѣроятно, эту весеннюю исторію, окончившуюся офиціознымъ разоблаченіемъ причинъ внезапнаго негодованія князя на контроль и обвиненія контрольнаго вѣдомства чуть ли не въ неблагонамѣренности? Вѣдь все дѣло-то загорѣлось изъ-за того, что князь Мещерскій, урвавшій, во время управленія министерствомъ путей сообщенія г. Кривошеина, подрядъ на печатаніе желѣзнодорожныхъ бланковъ по такимъ «истинно-русскимъ» цѣнамъ, что даже опытные контролеры, видавшіе виды, ахнули, захотѣлъ продолжать въ томъ же родѣ и далѣе. Но бдительное око контроля помѣшало, когда на то пришла пора, и показало, какъ истинно-русскій человѣкъ обдѣлывалъ свои дѣлишки.

Не знаю, продолжаетъ ли печатать князь Мещерскій бланки по тѣмъ же патріотическимъ цѣнамъ, но знаю, что между Лугой и Псковомъ мятежный статскій совѣтникъ ушелъ изъ нашего отдѣленія и, растянувшись въ дамскомъ купе (контроль уже прошелъ!), прекратилъ мятежъ и снова сталъ вполнѣ благонамѣреннымъ человѣкомъ.

Но пока контроль не проходилъ, онъ все еще бунтовалъ, хотя и полегче.

Долго крѣпился худой старикъ и молчалъ, но чѣмъ ближе надвигалась ночь и чѣмъ болѣе клонило его ко сну, тѣмъ мрачнѣе и мрачнѣе

становилось его лицо. Онъ пробовалъ заснуть, прислушивался съ завистью къ храпѣвшему во всю ивановскую «неприличному» пассажиру, но сонъ бѣжалъ его глазъ.

Наконецъ и онъ забунтовалъ, открывшись предварительно статскому совѣтнику въ томъ, что онъ тайный совѣтникъ въ отставкѣ Охвостьевъ, словно бы для того, чтобы показать, что онъ бунтуетъ благонамѣренно.

Признаюсь, я съ особеннымъ любопытствомъ взглянулъ на новаго мятежника, потому что слышалъ о немъ кое-что и зналъ, что о немъ въ свое время производилось нѣсколько дѣлъ въ первомъ департаментѣ сената по жалобамъ евреевъ на такъ-называемыя «недоразумѣнія» относительно примѣненія тѣлесныхъ наказаній въ тѣ времена, когда эти «недоразумѣнія» повторялись весьма часто и заставляли господъ сенаторовъ разводить руками и настойчиво требовать соблюденія закона. Припомнилъ я, что Охвостьевъ наконецъ былъ отставленъ отъ службы, такъ какъ одно «недоразумѣніе» кончилось не совсѣмъ обыкновенно, и въ это-то время въ газетахъ появились кое-какія корреспонденціи, вѣроятно, и озлобившія его на всю прессу.

Его превосходительство между тѣмъ говорилъ, обращаясь къ статскому совѣтнику, о томъ, что пора наконецъ прекратить эти безобразія и дать какія-нибудь гарантіи (такъ-таки и сказалъ: «гарантіи») пассажирамъ перваго и второго классовъ въ томъ, что ихъ не будутъ такъ стѣснять...

— Въ самомъ дѣлѣ, я покупаю билетъ и разсчитываю, что могу хоть ночью протянуть ноги, а между тѣмъ ваше законное право нарушается самымъ возмутительнымъ образомъ.

— Именно: возмутительнымъ образомъ, ваше превосходительство.

— Кажется, не трудно было бы прибавить вагоновъ для удобства публики... Надо же принять во вниманіе, что среди этой публики могутъ быть лица, заслуживающія, по крайней мѣрѣ, болѣе заботливаго отношенія по своимъ лѣтамъ и по своему положенію... Я вотъ никакъ не могу заснуть.

— И я никакъ не могу, ваше превосходительство!

— А *они* будто этого не понимаютъ! Сажаютъ насъ въ вагоны, точно пассажировъ третьяго класса... Тѣмъ ничего, они привыкли и не могутъ быть требовательны. Какой-нибудь пархатый жидъ, тотъ можетъ спать и подъ скамейкой, каналья, — продолжаетъ мятежный генералъ, видимо, не забывшій еще своей ненависти къ «жидамъ», изъ-за которыхъ онъ пострадалъ: — а вѣдь у насъ есть извѣстныя культурныя привычки...

— Быть-можетъ, ваше превосходительство, — утѣшаетъ старика статскій совѣтникъ: — намъ возможно будетъ пересѣсть въ дамское купе и заснуть. Оберъ-кондукторъ обѣщалъ.

— Эти бестіи только обѣщаютъ.

— Нѣтъ, онъ, кажется, сдержитъ обѣщаніе. Вотъ только контроль пройдетъ.

— Очень буду радъ... очень буду радъ, а то весьма здѣсь скверно... И, вдобавокъ, этотъ неприличный господинъ, который такъ ужасно храпитъ!—прибавляетъ, понижая голосъ, его превосходительство.

Но «неприличный» господинъ ужъ нѣсколько времени не храпѣлъ и, какъ оказалось, слышалъ кое-что изъ разговора его превосходительства.

И онъ намѣренно громко говоритъ, обращаясь къ молодому толстяку:

— Изволили слышать о новомъ проектѣ желѣзнодорожнаго управленія?

— О какомъ такомъ?

— Весьма интересномъ. Съ будущаго года въ вагоны будутъ садить пассажировъ по чинамъ: будутъ генеральскіе вагоны, затѣмъ штабъ-офицерскіе, оберъ-офицерскіе и для разночинцевъ... Предъявили паспортъ и садитесь. Не правда ли, весьма остроумно?

Толстякъ смѣется. Тайный совѣтникъ злобно сверкаетъ глазами и, сожалѣя въ душѣ, что не можетъ приказать отодрать «неприличнаго» пассажира, какъ «жида», умолкаетъ и закрываетъ глаза.

— Станція Луга! Поѣздъ стоитъ 10 минутъ!—кричатъ кондуктора.

Всѣ выходятъ въ буфетъ и, возвратившись, стараются заснуть, но напрасно. Одинъ только «неприличный» пассажиръ дремлетъ.

— А генералъ Быстрый спитъ-себѣ на шести мѣстахъ!—говоритъ толстякъ и смѣется.

— На то онъ и Быстрый!—откликнулся «неприличный» пассажиръ.

— Экое свинство!

— А вы еще ему удивляетесь, молодой человѣкъ?

Наконецъ контроль появился, осмотрѣлъ билеты и ушелъ, а черезъ нѣсколько минутъ изъ нашего отдѣленія ушли два главные мятежника.

Насъ осталось четверо, и мы, довольные, собираемся серьезно заснуть, протянувъ ноги.

Мятежъ пока окончился.

V.

На слѣдующее утро всѣ мои спутники, выспавшись болѣе или менѣе хорошо, уже не имѣли вида людей, недовольныхъ существующими порядками на желѣзныхъ дорогахъ. Напротивъ, всѣ, казалось, были вполнѣ ими довольны.

Статскій совѣтникъ, объявившій, что онъ отлично выспался въ дамскомъ купе, былъ веселъ, даже игривъ и болтливъ, но уже въ самомъ благонамѣренномъ духѣ. Онъ, между прочимъ, говорилъ, обращаясь то къ тайному совѣтнику, то къ пассажиру въ судебной тужуркѣ, то ко

мнѣ, какъ у нихъ въ министерствѣ вырабатываютъ реформу за реформой, словно пекутъ блины, и какъ нынѣ много работы чинамъ ихъ вѣдомства. Онъ конфиденціально сообщилъ, что очень скоро произойдутъ перемѣны въ административныхъ сферахъ, и что навѣрное всѣмъ, не имѣющимъ пока формы, дадутъ форму, не исключая и фельдшерицъ и сельскихъ учительницъ. Это подниметъ ихъ духъ. А то, согласитесь, человѣкъ безъ формы... какъ-то неудобно, особенно въ провинціи.

Молодой брюнетъ-толстякъ болѣе не вспоминалъ ни объ Азіи ни о свинствѣ и съ видимымъ наслажденіемъ читалъ *Les demies-vierges.* «Неприличный» пассажиръ, оказавшійся при свѣтѣ утра старымъ господиномъ съ умнымъ и саркастическимъ лицомъ, не бросалъ ядовитыхъ замѣчаній по адресу тайнаго совѣтника, хотя и иронически на него взглядывалъ по временамъ; даже пассажиръ въ судебной тужуркѣ, все время старавшійся быть серьезнымъ и степеннымъ, открылся, что онъ назначенъ товарищемъ прокурора, и весь вспыхнулъ, вѣроятно, отъ удовольствія, что онъ столь молодой и уже можетъ законопачивать болѣе или менѣе неосторожныхъ людей въ отдаленныя мѣста и въ арестантскія роты.

Одного только стараго тайнаго совѣтника не смягчило ни это славное іюньское утро, ни временное пребываніе въ отдѣльномъ купе. Онъ былъ молчаливо и озлобленно угрюмъ, словно бы дѣла о немъ въ первомъ департаментѣ сената не были давнымъ-давно прикончены и весьма для него благополучно.

Быть-можетъ, и даже навѣрное, его огорчилъ необыкновенно веселый и нѣсколько вызывающій видъ представительнаго, моложаваго и свѣжаго, какъ огурчикъ, человѣка данной минуты, тайнаго совѣтника Быстраго, котораго онъ только-что встрѣтилъ въ коридорѣ и который напомнилъ ему о тѣхъ временахъ, когда и онъ былъ «аркадскимъ принцемъ» и такъ высоко приподнялъ знамя «сильной власти», понимаемой имъ какъ отрицаніе всякихъ законовъ, что, вмѣсто признательности, получилъ отставку.

Какъ бы то ни было, но старикъ былъ мраченъ, какъ туча.

Я съ особеннымъ любопытствомъ взглядывалъ на него, тѣмъ болѣе, что наканунѣ, когда онъ ушелъ въ отдѣльное купе, ядовитый старикъ-пассажиръ—земецъ въ тѣхъ палестинахъ, гдѣ много лѣтъ тому назадъ свирѣпствовалъ тайный совѣтникъ, разсказалъ намъ на сонъ грядущій немало о немъ исторій.

Этотъ разсказъ былъ длинною эпопеей о безчисленныхъ «недоразумѣніяхъ» съ евреями. Впрочемъ, и лица другихъ вѣроисповѣданій не оставлялись при случаѣ безъ отеческаго вниманія. Однимъ словомъ, тайный совѣтникъ наводилъ такую панику, что граждане при видѣ его прятались по домамъ, трепеща за цѣлость своихъ спинъ. Представителей земства, городского самоуправленія и чиновъ судебнаго вѣдом-

ства онъ считалъ первыми крамольниками, писалъ въ «Гражданинѣ» проекты, чтобы всѣхъ ихъ упразднить, и сообщалъ куда слѣдуетъ объ ихъ неблагонадежности.

— То-есть, я вамъ скажу, это такой башибузукъ былъ, что и описать невозможно. «Отпороть»—было любимымъ его словомъ... Можно ли, нельзя ли—«выпороть!»—и дѣлу шабашъ.

Короче, подробности, передаваемыя земцемъ, можно было бы принять за сказку, если-бъ ее слушалъ какой-нибудь иностранецъ.

— Но какъ же его не привлекли однако къ отвѣтственности за превышеніе власти?—спросилъ возмутившійся пассажиръ въ судебной тужуркѣ.

Земецъ взглянулъ на юнаго товарища прокурора тѣмъ удивленнымъ взглядомъ, какимъ могутъ смотрѣть люди на человѣка, сказавшаго невозможную глупость.

— Слѣдовало бы отдать его подъ судъ!—строго произнесъ прокурорскій надзоръ.

— Неужели?—иронически воскликнулъ старый земецъ.

— А то какъ же? Я полагаю, что это ясно, какъ божій день.

— Не смѣю съ вами спорить, но въ тѣ времена, о которыхъ я говорю, точка зрѣнія на подсудность, вѣроятно, нѣсколько разнилась отъ вашей. У васъ въ школѣ не разъясняли, конечно, этого вопроса теоретически, разсчитывая, конечно, что практика жизни дополнитъ и разъяснитъ все, что нужно. А одинъ почтенный администраторъ и, вдобавокъ, юристъ разъяснилъ мнѣ однажды этотъ вопросъ и даже весьма остроумно.

— Какимъ образомъ? Это интересно,—спросилъ я.

— А вотъ какимъ. Онъ говорилъ, правда, послѣ обѣда въ честь какого-то юбиляра, что нельзя приравнивать нарушителя закона обыкновеннаго смертнаго къ таковому же нарушителю необыкновенному смертному. Если за кражу, да еще со взломомъ, какого-нибудь мѣднаго чайника Васькой Непомнящимъ, его, голубчика, отправятъ въ арестантскія роты, то отъ этого, кромѣ торжества правосудія, ничего не произойдетъ; но если привлечь къ суду человѣка, облеченнаго полномочіями, за то, что онъ, предположимъ, даже нарушилъ законъ, отодравши, какъ сидорову козу, того, кого драть не приличествуетъ, или, допустимъ, имѣлъ недоразумѣнія съ казенными деньгами, то отъ этого произойдутъ явленія прискорбныя съ государственной точки зрѣнія. Легкомысленная публика, привыкшая чтить и видѣть однихъ добродѣтельныхъ начальниковъ, изъ-за одного недобродѣтельнаго можетъ разочароваться въ добродѣтели вообще. Къ чему же лишать публику довѣрія къ властямъ? Не лучше ли лицъ, превысившихъ свои полномочія, глядя по чину и званію, отстранять безъ шума? Кого уволить, кого причислить, кого назначить въ совѣтъ, какъ пострадавшее за нарушеніе законовъ лицо, которое можетъ, въ огражденіе ихъ, при

случаѣ замолвить вѣское слово, кого наконецъ, ужъ очень безстыжаго, снарядить за границу, чтобъ не смѣлъ показывать глазъ. Такимъ маперомъ и дѣло исправлено—неблагонамѣренный удаленъ, и довѣріе не поколеблено, и престижъ власти не нарушенъ. А для удовлетворенія цивическихъ чувствъ общества всегда найдутся становые и исправники, которые время отъ времени попадаютъ подъ судъ и даютъ пищу для ума и сердца. Прокуроры говорятъ горячія рѣчи, а господа газетчики пишутъ, какіе бываютъ дурные исправники и какъ ихъ наказываетъ за то правосудіе.

— Теперь ничего подобнаго не можетъ быть! — горячо произнесъ молодой прокуроръ.

Никто не возражалъ. Всѣмъ хотѣлось спать.

VI.

Поѣздъ приближался къ Вилейкѣ. Всѣ мои спутники стали собираться и вышли въ Вилейкѣ, чтобы продолжать дальнѣйшій путь по Либаво-Роменской желѣзной дорогѣ, а не по Полѣсской.

Отъ Вильны, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, мы ѣхали только вдвоемъ съ однимъ пассажиромъ, сѣвшимъ на этой станціи.

Это былъ худощавый невысокій господинъ, очень скромнаго, даже пришибленнаго вида, видимо, не особенно заботившійся о костюмѣ, старенькомъ и потертомъ, съ очень симпатичнымъ интеллигентнымъ лицомъ, блѣднымъ и изнуреннымъ.

Онъ усѣлся въ уголъ и молчалъ. Вдругъ черезъ открытыя двери отдѣленія долетѣлъ къ намъ громкій, рѣзкій женскій голосъ:

— Я не позволю!.. Какъ вы смѣете?.. Я вамъ покажу!..

Оказалось, что это бушевала дама, сѣвшая въ отдѣленіе перваго класса съ билетомъ второго.

— Но, сударыня...

— Вонъ! Я буду жаловаться министру. Тамъ нѣтъ мѣстъ.

— Есть мѣста, сударыня... Я васъ посажу... Не угодно ли идти?

— Вы еще смѣете грубить? Я жена полковника... грубьянъ этакій!

Такъ съ барыней ничего и не подѣлали. Она завоевала себѣ мѣсто въ первомъ классѣ.

— Однако бойкая барыня, — проговорилъ я, обращаясь къ спутнику.

— Удивительно бойкая! — отвѣчалъ онъ, словно бы изумленный чужою бойкостью, и испуганно прибавилъ:—Какъ ей не досталось!

Слово за слово, мы разговорились.

Оказалось, что онъ учитель гимназіи въ одномъ изъ самыхъ захолустныхъ губернскихъ городовъ и учительствуетъ въ той гимназіи двадцать три года, пріѣхавши на мѣсто молодымъ человѣкомъ. Воспользовавшись вакаціями, онъ отправился путешествовать и теперь направлялся на югъ, посмотрѣть Крымъ и Кавказъ.

— Хотѣлось провѣтриться, а то въ провинціи, да еще учителю, очень, знаете ли, подчасъ тяжело... Я одинокій! — прибавилъ онъ какъ бы въ поясненіе и улыбнулся тою доброю, нѣсколько застѣнчивою улыбкой, озарившею его некрасивое лицо, которое говорило, что, вѣрно, гимназисты не очень боятся педагога, не потерявшаго способности такъ улыбаться.

Вѣроятно, мимолетность встрѣчи расположила этого на видъ боязливаго человѣка къ откровенности, или, быть-можетъ, ему просто захотѣлось облегчить свою душу передъ человѣкомъ, да еще литераторомъ, въ которомъ онъ надѣялся встрѣтить сочувствіе,—кто знаетъ? Но только онъ въ скоромъ времени нервно и порывисто сталъ разсказывать о томъ, каково быть учителемъ въ захолустьѣ.

О, это была одна изъ тѣхъ не эффектныхъ, но потрясающихъ драмъ исключительно русскаго характера, въ которыхъ вся жизнь человѣка отзывчиваго, живого и честнаго сводится къ непрерывному трепету за свое существованіе. Быть-можетъ, и даже навѣрное, этотъ трепетъ и былъ нѣсколько преувеличенъ излишнею боязливостью потерять мѣсто и остаться безъ куска хлѣба, но тѣмъ не менѣе этотъ трепетъ имѣлъ свое основаніе въ той воистину ужасающей средѣ педагоговъ-чиновниковъ, въ которой пришлось работать моему спутнику.

Онъ ни на кого не жаловался, никого не обвинялъ, а только разсказывалъ, и потому разсказывалъ, что тамъ, на мѣстѣ, въ своемъ захолустьѣ, онъ ни съ кѣмъ изъ своихъ товарищей не откровенничалъ, хотя со всѣми былъ въ недурныхъ отношеніяхъ, и прямо сторонился изъ боязни, какъ бы чего не вышло. А выйти могло,—онъ это видѣлъ по примѣрамъ. Директоръ, поощрявшій наушничество и среди учителей и среди гимназистовъ, требованіе показной религіозности, лицемѣріе и обезличеніе,—какъ тутъ не замкнуться въ себя и не трепетать обыкновенному среднему человѣку, настолько порядочному, чтобы самому не купаться въ грязи, и настолько боязливому, чтобы не осмѣлиться подчеркнуть свое несочувствіе хотя бы скромнымъ протестомъ?

— Да, знаете ли, тяжеленько!—промолвилъ мой спутникъ, окончивъ свой разсказъ.—Многіе спиваются!.. А я и пить не могу, не выношу вина!—прибавилъ онъ.

Въ Борковичахъ къ намъ подсѣлъ пассажиръ, и боязливый учитель уже болѣе не разсказывалъ. Зато въ томъ же родѣ повелъ разсказъ другой пассажиръ—земскій врачъ, объяснившій, почему его не утверждаютъ въ должности. Это тоже была характерная исторійка, заставившая врача поѣхать въ Кіевъ объясняться съ высшимъ начальствомъ о томъ, что онъ чистъ, какъ голубь, въ смыслѣ благонамѣренности и имѣетъ даже удостовѣреніе о томъ отъ учрежденія, которому спеціально это извѣстно. Что же касается того обстоятельства, что онъ, бывши гимназистомъ 5 класса, попалъ въ такъ-называемую «исто-

рію», то и эта прикосновенность къ «исторіи» объяснена тѣмъ же учрежденіемъ, какъ прискорбная ошибка, нисколько не компрометирующая молодого врача.

— И тѣмъ не менѣе мнѣ все-таки дѣлаютъ затрудненія!—прибавилъ молодой человѣкъ.

— Почему?

— Почему? Да, кажется, просто потому, что исправнику очень хочется устроить брата своей жены. Онъ и затѣялъ всю эту исторію о моей неблагонадежности. Поди теперь, хлопочи... объясняй свою невинность и пакость исправника. Его даже и за клевету привлечь къ суду нельзя. Все сдѣлано конфиденціально.

— А вашему конкуренту извѣстно, какими путями добиваются его назначенія?

— Еще бы не извѣстно!

— И ничего... не стыдится?

— Онъ не изъ стыдливыхъ. Онъ недавно въ доказательство полной своей пригодности представилъ во врачебную губернскую управу... какъ вы думаете, чью рекомендацію? И не догадаетесь!

— А чью?

— Игуменьи одного женскаго монастыря. Положимъ, она женщина очень почтенная, но какое же отношеніе она имѣетъ къ медицинѣ?

— Ловокъ!—замѣтилъ кто-то.

— Да кромѣ того напечаталъ въ мѣстной газетѣ обстоятельный отчетъ о томъ, какъ излѣчился отъ катарра желудка прикосновеніемъ въ теченіе десяти дней къ веригамъ нѣкоего великаго старца. Мой коллега изъ молодыхъ да ранній!—прибавилъ, смѣясь, тридцатипятилѣтній врачъ, возстановляющій свою невинность, по ошибкѣ заподозрѣнную еще въ юношескіе годы.

У насъ, впрочемъ, издавна любятъ «чудесное». Вотъ и теперь объявилась въ Москвѣ вѣдьма. По крайней мѣрѣ добрые москвичи, пришедшіе помолиться у часовни, приняли одну сердобольную женщину, которая дала какому-то мальчику яблоко, за вѣдьму. Доказательства всѣ были налицо. Какъ только-что мальчикъ съѣлъ яблоко, съ нимъ сдѣлался припадокъ падучей болѣзни, которою онъ страдалъ.

И какъ только какая-то женщина сообщила свои подозрѣнія о томъ, что тутъ вѣдьма, какъ черезъ нѣсколько минутъ уже толпа была возбуждена. Кто-то крикнулъ: «бей!»—и первый ударилъ, и вслѣдъ за нимъ вся толпа бросилась бить вѣдьму. И, конечно, бѣдной женщинѣ бы не жить, еслибъ не выручилъ ее какой-то господинъ, оказавшійся, на счастье, полицейскимъ сыщикомъ. Онъ показалъ свой билетъ и, заручившись содѣйствіемъ полиціи, отвезъ полумертвую женщину въ больницу.

Разумѣется, всѣ возмутились. Въ концѣ девятнадцатаго столѣтія и вдругъ... вѣдьма! Какая бы то ни была Москва, а все же бѣлокамен-

ная—и москвичамъ стало совѣстно. Только «Московскія Вѣдомости» да «Гражданинъ» нашли, что избіеніе женщины свидѣтельствуетъ о стойкости религіознаго чувства. Какое отношеніе имѣетъ религіозное чувство съ желаніемъ прикончить «вѣдьму», подите спросите у г. Петровскаго и князя Мещерскаго.

Зато другія газеты справедливо пришли въ ужасъ отъ этого изувѣрства толпы въ столичномъ городѣ, на людномъ мѣстѣ. Но кто же виноватъ, какъ не мы сами, что до сихъ поръ безпробудный мракъ невѣжества охватываетъ громадную часть населенія? Идите, судите эту толпу. Но хватитъ ли у кого мужества, несмотря на все ея звѣрство, осудить ее?

Разговоры, подобные тѣмъ, которые я слышалъ отъ трепещущаго учителя и врача, отыскивающаго свою невинность, были нерѣдки. Не бойтесь, почтенный мой спутникъ, я такъ исказилъ и вашу наружность и вашу рѣчь, и въ такихъ общихъ чертахъ, не приводя фактовъ, описалъ ту ужасающую атмосферу, въ которой вы сумѣли еще не задохнуться и быть любимымъ учителемъ своихъ учениковъ, я такъ тщательно скрылъ мѣсто вашего служенія, что ни директоръ ни ваши соглядатайствующіе коллеги не догадаются, о комъ идетъ рѣчь. Да и зачѣмъ имъ догадываться? Не они же одни, въ самомъ дѣлѣ, виноваты, что условія жизни вырабатываютъ и такихъ педагоговъ, и такихъ врачей, и такихъ журналистовъ.

VII.

Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ разсказахъ, которыхъ я достаточно-таки наслушался отъ обитателей глухихъ мѣстъ и дорогой и въ той самой «дырѣ», гдѣ я мнилъ найти идиллію, господствовала одна тема. Тема эта — полное одиночество и безпомощность въ провинціи человѣка, который не живетъ, какъ всѣ, не открываетъ кабаковъ или не занимается торговлей и промышленностью (хотя и эти жалуются), и болѣе чѣмъ унизительная зависимость отъ перваго встрѣчнаго, которому почему-либо не понравится ваша, хотя бы самая скромная, маленькая дѣятельность, не похожая на обычную дѣятельность большинства.

Не одно только мѣстное начальство—исправникъ и земскій начальникъ, не одинъ только становой, урядникъ или волостной старшина и писарь, но даже посторонній первый «прохвостъ» можетъ причинить вамъ столько непріятностей, что не оберетесь. Господствующее общественное настроеніе въ такихъ глухихъ мѣстахъ еще ощутительнѣе, и борьба съ разными препятствіями за право жить не такъ, какъ всѣ, мелочнѣе, и унизительнѣе, и труднѣе. Или думай какъ всѣ, или уходи отсюда! Фактовъ такого отношенія немало сообщается въ газетныхъ корреспонденціяхъ. Достаточно будетъ вспомнить лишь одинъ, и весьма характерный: это—удаленіе одного врача изъ инсарскаго земства за

то, что онъ, въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу исправника Иванова, присужденнаго прошлою весной саратовскою судебною палатой къ тюремному заключенію на 10 мѣсяцевъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, за варварскія истязанія крестьянъ при взысканіи недоимокъ,—показалъ не въ пользу обвиняемаго. Какъ видите, сочувствіе земской управы оказалось на сторонѣ истязателя.

Надо пожить хоть немного въ провинціи, чтобы рѣшительно ничему не удивляться. Тѣ подчасъ изумительныя исторіи, которыя порой черезъ судебную залу вырываются на свѣтъ божій и попадаютъ на страницы газетъ въ видѣ судебныхъ отчетовъ, приподнимаютъ лишь незначительные уголки общей картины нашихъ нравовъ, хотя и ужасающіе по мрачному своему колориту. Оно и понятно. Въ суды большею частью попадаютъ трагическія дѣла, а разныя не столь кричащія дѣла остаются неизвѣстными. Не станетъ же всякій незаконно высѣченный или избитый мужикъ жаловаться на земскаго начальника или на другого какого-нибудь чина. Надо что-нибудь ужъ очень серьезное, въ смыслѣ членовредительства, чтобы явилась жалоба со стороны того самаго «мужика», выносливость и терпѣніе котораго ставится «патріотами своего отечества», какъ одна изъ главнѣйшихъ доблестей національнаго характера.

Въ послѣднее время что-то очень часто въ судахъ разбираются дѣла, свидѣтельствующія о жестокости нашихъ нравовъ.

Читатели «Русской Мысли» помнятъ, конечно, и о «бойнѣ», по выраженію г. прокурора, происходившей въ одномъ изъ тюремныхъ замковъ, — «бойнѣ», окончившейся нѣсколькими человѣческими жертвами, и объ истязаніяхъ при взысканіи недоимокъ, и объ убитыхъ и искалѣченныхъ въ сумасшедшихъ домахъ, и о многихъ подобныхъ же фактахъ, имѣвшихъ мѣсто въ провинціальныхъ палестинахъ и вызывавшихъ горячія, полныя паѳоса, рѣчи гг. прокуроровъ. Конечно, правосудіе сдѣлало свое дѣло: виновные понесли кару, быть-можетъ, большую, чѣмъ слѣдовало, если взглянуть на непосредственныхъ виновныхъ, какъ на людей невѣжественныхъ и не привыкшихъ къ пониманію законовъ, и умѣющихъ только усердствовать, иногда даже слишкомъ, искренно желая угодить начальству. Предписано: «взыскать недоимки» — и иной исправникъ готовъ перервать горло всякому недоимщику, чтобы только исполнить приказаніе точно, быстро и рачительно.

Но отъ того, что нѣсколько непосредственныхъ виновниковъ отправятся въ тюрьмы, нравы еще не смягчатся, и положеніе людей, зависимыхъ отъ слишкомъ дѣятельныхъ и исполнительныхъ агентовъ, едва ли измѣнится.

На-дняхъ въ газетахъ появился судебный отчетъ по дѣлу «о примѣненіи чинами сельской полиціи Рѣжицкаго уѣзда, Витебской губ., *пытокъ* при допросахъ по уголовнымъ дѣламъ».

Пытки въ концѣ девятнадцатаго вѣка, и притомъ, какъ оказывается, практиковавшіяся подсудимымъ урядникомъ, въ компаніи другихъ сельскихъ чиновъ, не годъ, не два, а цѣлыхъ 15 лѣтъ, такъ что населеніе было въ такой паникѣ, что не смѣло и жаловаться.

Ужасъ охватываетъ человѣка при чтеніи коротенькаго судебнаго отчета — коротенькаго, ибо вѣдь это дѣло считается газетами не «громкимъ» дѣломъ, въ родѣ дѣла Палемъ, когда газеты, кромѣ отчета, помѣщали еще отдѣльныя замѣтки «изъ залы суда»,—ужасъ и стыдъ. Я не стану передавать содержаніе дѣла,—это сдѣлаетъ, конечно, мой собратъ, авторъ «Очерковъ провинціальной жизни»,—но я позволю себѣ обратить вниманіе читателя только на характерныя подробности о докторѣ, объ исправникѣ и становомъ.

Докторъ, свидѣтельствовавшій при предварительномъ дознаніи трупъ умершаго отъ пытокъ мальчика, подвѣшенный потомъ на дерево, чтобы возможно было предположить самоубійство, призналъ многочисленныя полосы и синеву на тѣлѣ «трупными пятнами», а рану на головѣ— происшедшею отъ удара о дерево при самоповѣшеніи. Только потомъ, когда дѣло разбиралось на судѣ, г. Елизаровъ —этотъ врачъ, хотѣвшій прикрыть злодѣйство —объявилъ, что онъ *ошибся*, дѣлая первое заключеніе.

Хороша ошибка!

Не менѣе любопытно еще и слѣдующее обстоятельство. Исправникъ (фамиліи его нѣтъ въ отчетѣ), которому было поручено прокурорскимъ надзоромъ произвести новое дознаніе въ виду того, что первое, произведенное становымъ приставомъ Пьянковымъ при участіи уѣзднаго врача Елизарова и утверждавшее фактъ самоповѣшенія, показалось прокурорскому надзору недостаточнымъ, тоже не могъ ничего открыть. Преступленіе обнаружилось только благодаря настойчивости прокурорскаго надзора, поручившаго произвести новое дознаніе (третье) жандармскому офицеру, г. Жданъ-Пушкину.

«Да, жестокіе у насъ, сударь, нравы!»—могъ бы сказать и теперь, какъ говорилъ много лѣтъ назадъ Кулибинъ въ «Грозѣ» Островскаго, и едва ли правъ товарищъ прокурора судебной палаты, обвинявшій подсудимыхъ, сказавъ, что дѣло это «безпримѣрное».

У насъ не только къ такимъ процессамъ равнодушны, но, пожалуй, немногіе ихъ читаютъ, тѣмъ болѣе, что наши газетчики не обращаютъ вниманія на нихъ читателей хотя бы двумя-тремя строчками.

VIII.

Въ послѣдніе годы особенно часто рекомендуютъ интеллигенціи ѣхать въ деревню и тамъ заниматься хорошими дѣлами: открывать школы, помогать добрыми совѣтами народу и все въ такомъ родѣ... Въ современныхъ повѣстяхъ и романахъ—по крайней мѣрѣ такихъ, въ которыхъ не описывается на всѣ лады одинъ адюльтеръ—разоча-

рованный герой обязательно ѣдетъ воспрять духомъ въ деревню, а героиня, благородство которой хочетъ показать авторъ, послѣ разочарованія въ мужѣ, укравшемъ на другой же день послѣ свадьбы все серебро, полученное въ приданое, непремѣнно посылается авторомъ опять-таки въ деревню или открывать школу, или поступать въ сидѣлки къ больнымъ. Современные драматурги тоже изрѣдка прибѣгаютъ къ такимъ совѣтамъ, благо на то ихъ княжая воля. Хочешь—сошли въ деревню, хочешь—выдай героиню замужъ за одного изъ тѣхъ французскихъ маркизовъ, которые публикуются въ газетахъ,—отъ этого, все равно, глупость и бездарность современныхъ пьесъ не измѣнятся.

Многіе изъ молодыхъ людей, ищущихъ выхода изъ того мрака жизни, который они чувствуютъ вокругъ себя, и не умѣющихъ по примѣру своихъ сверстниковъ приспособляться къ дѣйствительности, и ѣдутъ въ деревню, самоотверженно гибнутъ тамъ въ холерные годы и самоотверженно работаютъ во время голода. Но не ежегодно, не всегда же бываетъ холера и такой голодъ, какъ въ недавнее время. Тогда они, эти люди, ищущіе какого-нибудь дѣла, стараются по возможности найти его по своему вкусу, но всѣ эти дѣла—и, замѣтьте, самыя обыкновенныя, въ родѣ обученія грамотѣ или объясненія крестьянамъ ихъ правъ и обязанностей—такъ же нетверды, какъ домъ, построенный на пескѣ. Какой-нибудь первый кулакъ-проходимецъ, какой-нибудь урядникъ, имѣющій претензіи на государственныя соображенія, и... уѣзжайте скорѣй изъ деревни, бросивши дѣло.

Припомните недавнюю исторію г-жи Штевенъ. Она дѣлала доброе дѣло, заводила школы, собирала на нихъ пожертвованія отъ добрыхъ людей и вся отдалась этому дѣлу, какъ вдругъ... одному земскому начальнику дѣятельность г-жи Штевенъ показалась вредной. Поднимается дѣло. Хотя вице-губернаторъ, командированный на мѣсто для разслѣдованія этого дѣла, и нашелъ дѣятельность г-жи Штевенъ весьма полезною, хотя земскій начальникъ и получилъ отъ губернатора выговоръ, тѣмъ не менѣе г-жѣ Штевенъ распоряженіемъ мѣстнаго епархіальнаго начальства воспрещено открывать школы.

Вмѣстѣ съ рекомендаціями ѣхать «дѣлать дѣла» въ деревнѣ, у насъ въ послѣдніе годы вообще усиленно проповѣдуются «маленькія дѣла», какъ панацея для медленнаго, но вѣрнаго достиженія всеобщаго благополучія.

Я, разумѣется, не стану отрицать относительную полезность всѣхъ этихъ маленькихъ дѣлъ, на которыя набросилась съ такимъ рвеніемъ извѣстная часть, конечно, лучшаго общества, но когда меня станутъ увѣрять, да еще съ самодовольнымъ апломбомъ, что нѣсколько заведенныхъ школъ, или пріютъ на семь малютокъ, или домъ призрѣнія двадцати нищихъ есть тотъ идеалъ полезной дѣятельности, благодаря которой все исправится, то я сочту такихъ самодовольныхъ филантро-

повъ, готовыхъ выѣденное яйцо возвести въ перлъ созданія, за большихъ, хотя и добродѣтельныхъ болвановъ, забывающихъ, что нѣсколько школъ тамъ, гдѣ требуются ихъ многія тысячи, забота о нѣсколькихъ малюткахъ, когда сотни тысячъ ихъ гибнутъ въ курныхъ избахъ, и подвигъ призрѣнія двадцати нищихъ, когда тысячи ихъ погибаютъ въ пьянствѣ и развратѣ,—что все это такъ же мало можетъ измѣнить условія жизни, какъ мало вычерпнетъ ковшикъ воды изъ океана, и что не маленькими, хотя и полезными дѣлами дѣлается исторія, а тѣми широкими идеями и тѣми носителями ихъ, которые современниками считаются нерѣдко безумцами.

И литература наша, въ особенности беллетристика, тоже особенно полюбила въ послѣднее время разныхъ добродѣтельныхъ героевъ, дѣлающихъ маленькія дѣла, и старается возбудить къ нимъ (и не безъ успѣха) сочувствіе читателя.

Въ прежнее время—дурно или хорошо, бездарно или талантливо—а беллетристика выводила героевъ, которые мечтали о благополучіи *всѣхъ*, непремѣнно всѣхъ, на меньшее герой никакъ не соглашался,—а теперь напротивъ: герои вполнѣ довольны (и съ ними, конечно, ихъ авторы), если они заведутъ сыроварню, или устроятъ больницу, или построятъ узкоколейную дорогу, или наконецъ поселятся въ деревнѣ и станутъ учить мужика не пьянствовать, или устроятъ продажу народныхъ книгъ.

И что всего при этомъ интереснѣе, что всѣ эти герои удивительно легко достигаютъ цѣлей: и сыроварни устраиваютъ, и больницы, и книги продаютъ полезныя, и мужиковъ просвѣщаютъ, и ни одинъ урядникъ не ставитъ имъ препонъ... Напротивъ, и самъ онъ въ концѣ концовъ проникается добродѣтелью героя и кончаетъ тѣмъ, что перестаетъ пить и носить съ собою нагайку, а по вечерамъ читаетъ съ восторгомъ изданія «Посредника».

IX.

Поѣздъ подходилъ къ Кіеву. Распростившись съ трепещущимъ учителемъ и съ врачомъ, возстановляющимъ свою невинность, и пожелавъ имъ отъ души всякихъ успѣховъ, я прямо съ желѣзной дороги поѣхалъ на пароходъ, который долженъ былъ привезти меня къ желанной «идилліи».

По дорогѣ я заѣхалъ на телеграфъ, и тамъ ужъ началась «идиллія».

Въ комнатѣ дожидался какой-то мужикъ съ телеграммой. Сталъ и я. Господа телеграфисты въ это время мирно бесѣдовали, обращая на насъ двоихъ такъ же мало вниманія, какъ много мы обращали на нихъ.

Прошло такъ нѣсколько минутъ. Я нарочно молчалъ, выжидая, когда окончится бесѣда телеграфистовъ. Но терпѣніе мое истощилось, и я просилъ принять телеграмму. Тогда только телеграфистъ взглянулъ

на меня, и такъ враждебно, точно я нанесъ ему кровную обиду' желая обогатить телеграфное вѣдомство на 65 к., и протянулъ руку за депешей.

— Тутъ раньше дожидаются. Примите по очереди депешу, — проговорилъ я.

Къ выраженію враждебности въ лицѣ телеграфнаго чиновника прибавилось еще выраженіе такого дикаго изумленія, точно онъ видѣлъ передъ собою человѣка, только-что вырвавшагося изъ сумасшедшаго дома.

— Онъ подождетъ!—сказалъ недоумѣвающій телеграфистъ.

— Я подожду,—покорно произнесъ мужикъ.

Пароходъ Днѣпровскаго общества оказался довольно грязнымъ, какъ и слѣдовало ожидать, но я охотно ввѣрилъ свою жизнь капитану, увѣренный, что здѣсь, при всемъ его желаніи, потонуть невозможно. Берега близки, и мѣстами рѣка такъ мелка, что мы то и дѣло притыкались къ мели.

Къ полуночи, послѣ семичасового плаванія, я уже былъ въ обѣтованной землѣ и дышалъ чуднымъ воздухомъ прелестной іюльской ночи.

X.

Представьте себѣ большую, утонувшую въ пескахъ деревню въ нѣсколько улицъ,—конечно, немощеныхъ и безъ тротуаровъ, но зато кое-гдѣ обсаженныхъ деревьями,—съ рядомъ маленькихъ убогихъ бѣлыхъ хатокъ, среди которыхъ попадаются болѣе или менѣе приличные домики съ садиками, гдѣ листва красиваго пирамиднаго тополя, акаціи, липы и разныхъ фруктовыхъ деревьевъ пріятно ласкаетъ глазъ,—представьте, говорю, деревню съ полицейской каланчой, надъ которой вьются ласточки и стрижи, съ нѣсколькими церквами, лавками, скучившимися на одномъ изъ грязныхъ пустырей, нѣсколько дерзко именуемыхъ площадями, и единственнымъ большимъ зданіемъ казарменнаго вида на выѣздѣ, являющимся украшеніемъ всякаго захолустнаго городка, въ которомъ есть острогъ,—и вы, при нѣкоторомъ воображеніи, будете имѣть представленіе о той «дырѣ», гдѣ до шести тысячъ человѣкъ наслаждаются «идилліей» глухихъ мѣстъ.

Добрая половина ихъ—евреи, такъ какъ городокъ находится въ чертѣ ихъ осѣдлости, и они могутъ тамъ ломать свои изобрѣтательныя головы надъ вопросомъ: какъ не умереть съ голоду и чѣмъ заниматься въ этомъ городкѣ, гдѣ нѣтъ ни промышленности, ни торговли, ни состоятельныхъ людей, а только обыватели и нѣсколько начальствующихъ лицъ, оберегающихъ спокойствіе и правильное поступленіе платежей.

Для меня до сихъ поръ является загадкой, какъ существуютъ эти люди и какъ они еще не умираютъ съ голода въ своихъ такъ-называемыхъ «чертахъ осѣдлости». По совѣсти говоря, надо еще уди-

вляться, что при томъ положеніи затравленныхъ зайцевъ, въ которое поставило ихъ человѣконенавистничество, они ухитряются еще жить и даже не нищенствовать, — нищій еврей рѣдкость,— хотя и пребываютъ въ нищетѣ. Они обнаруживаютъ воистину геройскую энергію и остроумную находчивость въ стремленіи заработать себѣ хоть скудный кусокъ хлѣба и, право, еще мало эксплоатируютъ невѣжество и ротозѣйство туземца, невольно побуждаемые къ такой эксплоатаціи безвыходностью своего положенія. Куда меньше нашего отечественнаго «кулака», который норовитъ сразу содрать чужую шкуру, не довольствуясь малымъ, а еврей, напротивъ, довольствуется несравненно меньшимъ, и если сдираетъ шкуру, то съ большимъ умомъ и тактомъ и, главное, не сразу, а постепенно, имѣя въ виду дать ей нарасти. Недаромъ мужики-хохлы уживаются съ «жидомъ».

Если-бъ всѣ газетные юдофобы, изводящіе «жида», пожили въ какомъ-нибудь городкѣ въ чертѣ осѣдлости, они, быть-можетъ, поняли бы, какъ жестока и безсмысленна эта травля евреевъ, какъ народности, и увидали бы, въ какой ужасающей нищетѣ живетъ большинство ихъ, благодаря именно ихъ подневольной скученности. Они поняли бы, что всѣ эти Ротшильды, Блейхредеры, Поляковы, Гинсбурги и тому подобные мастера гешефтовъ и милліонеры составляютъ ничтожнѣйшую кучку богачей среди многомилліонной голытьбы, которая, несмотря на прославленное будто бы кровопійство, все-таки остается голытьбой.

Передъ окномъ домика, въ которомъ я жилъ, съ ранняго утра, т.-е. съ пяти часовъ въ базарные дни, часто проходила одна старая еврейка, на которую я невольно обратилъ вниманіе. Она, кажется, рыскала по городу во всякое время дня, несмотря на палящій зной, и возвращалась уже подъ вечеръ домой усталая, изнеможенная.

Это была факторша.

Какъ и чѣмъ ухитрялась она «факторствовать» въ захолустной дырѣ, я недоумѣвалъ, пока однажды, и очень скоро послѣ моего пріѣзда, она не остановилась около палисадника и, увидавъ меня, не проговорила нѣсколько конфиденціальнымъ тономъ и съ самымъ таинственнымъ выраженіемъ на своемъ поблекшемъ, но когда-то, должно-быть, красивомъ лицѣ:

— А знаете ли, что̀ я вамъ осмѣлюсь сказать, превосходительный панъ, или, извините, може, графъ или князь?—прибавила она въ видѣ вопроса, который, по ея мнѣнію, могъ только расположить меня въ ея пользу.

— А что̀ вы скажете?

— Вы любите, конечно, дикую птицу... Напримѣръ, если бекасъ или дикая утка.

— Очень люблю.

Факторша закивала быстро головой.

— То-то я и подумала: нехай я буду дура, если панъ не любитъ ди-

кой птицы. Всѣ благородные паны любятъ дикую птицу, и вы въ Петербургѣ привыкли кушать все самое лучшее... А здѣсь какіе же паны?.. Пхе!

И факторша сдѣлала изъ своей подвижной физіономіи такую гримасу презрѣнія къ здѣшнимъ панамъ, точно она сама всю жизнь свою только и имѣла сношенія съ однѣми титулованными особами.

И послѣ этого, подмигнувъ глазомъ, прибавила:

— Такъ я могу доставить вамъ дикую птицу.

— Развѣ она есть на базарѣ? Кухарка ходила и говорила, что никакой дичи тамъ нѣтъ.

— Ваша Акцына не набрехала пану... На базарѣ нѣтъ, а я достану... Я приведу вамъ человѣка съ дикой птицей.

— А что вы возьмете за комиссію?—спросилъ я.

— Что дадите.

— Однако.

— По пятаку отъ птицы не будетъ много?

И въ испуганномъ выраженіи ея большихъ усталыхъ глазъ и въ тонѣ ея голоса чувствовался страхъ, что она запросила много, и она тотчасъ же, еще не услыхавъ моего отвѣта, поспѣшила сказать:

— Если панъ думаетъ, что это дорого, такъ я и за три копейки услужу пану. Далеко до человѣка бѣжать!—прибавила она въ видѣ извиненія.

Черезъ нѣсколько времени она привела человѣка, и я купилъ у него дичь.

Съ тѣхъ поръ факторша не переставала оказывать разныя услуги: доставала откуда-то первую ягоду и первые фрукты, пока они еще не появлялись на базарѣ, и брала за комиссію самую ничтожную плату.

Она бѣгала такимъ образомъ съ ранняго утра до вечера; покупала на базарѣ, по порученію лѣнивыхъ хозяекъ, разную провизію, доставляла прислугу, находила прачекъ и т. п.

Я познакомился ближе съ ея положеніемъ, и оказалось, что это въ нѣкоторомъ родѣ героическая женщина. Она послѣ смерти мужа осталась одна съ большой семьей на рукахъ и содержала всю семью. Факторствомъ своимъ, бѣгая каждый день до изнеможенія, она зарабатывала много-много двадцать копеекъ въ день и на эти деньги должна была одѣть, обуть и накормить пять человѣкъ дѣтей. Я былъ у нея на квартирѣ и видѣлъ, въ какой нищетѣ живетъ ея семья. Факторша не врала. Она была единственной кормилицей, и чего это ей стоило!

Но она рѣдко жаловалась и проявляла изумительную энергію.

Разумѣется, всѣ ремесленники въ городкѣ были евреи; они же и возили кладь съ парохода въ городъ и рѣдкихъ пассажировъ на своихъ телѣгахъ, единственномъ экипажѣ въ захолустномъ городкѣ. Но это были, такъ сказать, избранники. Чѣмъ существовали остальные,—повторяю, для меня загадка, какъ, полагаю, и для тѣхъ, кто кричитъ:

— Ату жида! Ату его!

XI.

Съ высоты голубого безоблачнаго неба высоко поднявшееся, уже палящее солнце безстрастно смотритъ на маленькій городокъ. Послѣ восьми часовъ, когда окончился базаръ и скотъ давно уже выгнанъ на пастьбу, городъ словно вымеръ. Съ десяти часовъ, когда чиновники уже сидятъ въ мѣстахъ своего заключенія, на улицахъ ни души. Только на опустѣлой базарной площади дремлютъ двѣ-три торговки-еврейки съ булками и съ сѣмечками, вотще ожидая запоздавшаго покупателя. Проѣдетъ по глубокому песку телѣга, около которой ходко шагаетъ меланхолическій хохолъ,—и опять мертвая тишина, прерываемая по временамъ говоромъ или смѣхомъ, вырывающимся изъ открытыхъ оконъ разныхъ учрежденій и словно бы напоминающимъ, что предержащія власти не дремлютъ, а бдятъ, исписывая вороха бумаги, едва ли къ чему-либо нужной, по крайней мѣрѣ въ такомъ громадномъ количествѣ, для такого ничтожнаго городка и для такого мирнаго уѣзда. Впрочемъ, онъ богатъ легендами о тѣхъ временахъ, — отдаленныхъ, конечно,—когда губернское начальство объявляло уѣздъ мятежнымъ, вело долгую войну съ земствомъ и для усмиренія смирнѣйшихъ хохловъ перепороло цѣлыхъ двѣ деревни. Память объ этой поркѣ хранится до сихъ поръ населеніемъ, и одинъ старый хохолъ-мужикъ, привозившій намъ дрова и въ свое время потерпѣвшій, на мой вопросъ о томъ, правда ли, что всю ихъ деревню перепороли, лаконически замѣтилъ, что «дюже пороли».

— А за что?—полюбопытствовалъ я.

— А Богъ его знае!—съ самымъ искреннимъ добродушіемъ отвѣтилъ хохолъ.

О нѣкоторыхъ легендахъ, этихъ неизмѣнныхъ дополненіяхъ къ сухимъ офиціальнымъ рапортамъ, хранящимся въ архивахъ, или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и къ устнымъ преданіямъ, — легендахъ, которыя разсказываются во всѣхъ захолустьяхъ со всѣми подробностями будто бы истинныхъ происшествій,—я разскажу въ свое время, а пока еще нѣсколько словъ о городкѣ, гдѣ все дышитъ идилліей въ самомъ отечественномъ вкусѣ.

Если вы не встрѣтите на улицѣ людей, зато свиней—сколько угодно. Это больше всего встрѣчающіяся на улицахъ живыя существа. Онѣ гуляютъ, бесѣдуютъ между собой, пользуются безмятежнымъ сномъ посреди улицъ и вообще, кажется, однѣ изъ всего числа обитателей живутъ кое-какою общественною жизнью.

Довольно благодушныя на видъ, онѣ тѣмъ не менѣе обнаруживаютъ иногда довольно подлыя черты своего характера и, пользуясь людскою небрежностью, производятъ въ стогнахъ захолустій тѣ же опустошенія, что и тигры въ индѣйскихъ.

По крайней мѣрѣ одна женщина-врачъ разсказывала мнѣ, что въ

одномъ изъ такихъ же благословенныхъ городковъ, какъ нашъ, свинья заѣла ребенка, лежавшаго въ люлькѣ, и что было нѣсколько подобныхъ случаевъ,

Свиньи, поѣдающія дѣтей! Это ли еще не идиллія?

Тѣмъ не менѣе въ первое время мнѣ было все-таки послѣ Петербурга пріятно захолустье. И воздухъ чудный, и виды прелестные, и эта тишина вокругъ, и никакихъ волнующихъ разговоровъ. Да и не съ кѣмъ ихъ вести, потому что никто особенно не интересуется ни ими ни толками о петербургскихъ вѣяніяхъ, интересуясь гораздо болѣе вѣяніями губернскаго города и даже лицевареніемъ исправника и земскаго начальника и питая свою умственную любознательность главнымъ образомъ чтеніемъ иллюстрированныхъ журналовъ.

Милъ былъ мнѣ и этотъ, кажется, единственный на весь городъ почтальонъ, опаздывающій разносить почту, которая и безъ того безбожно опаздывала вслѣдствіе какихъ-то непонятныхъ для простого смертнаго распоряженій губернскаго почтоваго начальства, благодаря коимъ почта прибывала сперва въ губернскій городъ и уже на лошадяхъ развозилась по городамъ. Такимъ образомъ человѣку возможно было доѣхать изъ Петербурга до нашего городка въ двое сутокъ съ половиной, а письмо путешествовало трое или четверо, а денежное даже и девять сутокъ. Почему человѣкъ путешествуетъ скорѣе письма, подите, спросите у почтоваго начальства. Вѣрнѣе всего, что оно и само не знаетъ почему, и такъ какъ никто изъ захолустныхъ обитателей не жалуется на медленность доставки корреспонденціи, то и начальство не безпокоитъ себя рѣшеніемъ вышеприведенной загадки.

Надо было видѣть добродушное изумленіе почтальона, когда я выказывалъ нетерпѣніе и жаловался на позднее полученіе газетъ. Но онъ былъ добродушенъ и милъ, какъ рѣдко бываютъ люди, носящіе форму, и, конечно, и не догадывался, сколь важенъ онъ былъ въ моихъ глазахъ. Онъ тотчасъ же согласился, даже безъ обѣщанія мзды, приносить газеты и корреспонденцію пораньше, выражая увѣренность, основанную, разумѣется, на опытѣ, въ томъ, что для другихъ безразлично, когда принесутъ газету.

Пріятенъ былъ взору моему и представитель низшей полицейской власти въ «мѣстахъ идилліи», этотъ чумазый, невзрачный городовой, изрѣдка откуда-то вдругъ появлявшійся на улицѣ и нисколько не похожій на представительныхъ, щеголеватыхъ и внушительныхъ петербургскихъ городовыхъ. Я видѣлъ городового въ единственномъ экземплярѣ и неизвѣстно зачѣмъ появлявшагося на пустынныхъ улицахъ. Казалось, онъ и самъ недоумѣвалъ, сплевывая шелуху, что ему дѣлать среди полнаго благочинія, мертвящей тишины и полнаго отсутствія человѣческаго лица, которое можно было, хотя бы въ видахъ развлеченія, искровянить и затѣмъ отвести въ участокъ для составленія протокола объ оскорбленіи полицейскаго чина при исполненіи имъ обязанностей.

Но городовой захолустья и не ищетъ даже глазами, кого бы «тащить», и, видя, что все вокругъ благополучно, такъ же быстро куда-то исчезаетъ, какъ и появляется.

Но зато высшія полицейскія власти уже не тѣ, что̀ были въ старину... Нѣтъ прежней патріархальности во вкусѣ гоголевскаго городничаго, но нѣтъ, впрочемъ, и того архаровскаго вида, которымъ любятъ щеголять исправники въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ начальники особенно любятъ мнѣнія газеты «Гражданинъ».

Исправникъ въ моей «дырѣ», какъ говоритъ обыватель, «ничего себѣ», человѣкъ, съ которымъ жить можно и который даже и изъ еврея не сдѣлалъ оброчной статьи, а ужъ что̀, казалось бы, легче и какъ это удобно, про то знаютъ не одни только исправники въ чертѣ еврейской осѣдлости, но и болѣе видные чины, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ евреямъ жить нельзя. Онъ имѣетъ довольно добродушный видъ, однако не лишенный нѣкотораго намека на то, что если начальство предпишетъ, то онъ, несмотря на свой добродушный видъ, очень даже быстро можетъ показать, гдѣ квартируетъ «кузькина мать», и даже сѣсть на коня для усмиренія неимущихъ недоимщиковъ.

Но пока начальство молчитъ, и отъ него до нѣкоторой степени дышитъ идилліей.

Зато хозяйка наша далеко не идиллическая дама и словно бы является диссонансомъ среди общей гармоніи, хотя съ ея тонкихъ, нѣжно улыбающихся губъ только и слетаютъ самыя ласкательныя существительныя и прилагательныя. Тѣмъ не менѣе разныя «сердыньки», «миленькія», «голубушки», «ненаглядныя» и «восхитительныя», которыя хозяйка произноситъ такимъ сладкимъ и убѣдительнымъ голосомъ, какимъ только говорятъ шельмоватые слѣдователи, обѣщая за полное признаніе попавшагося въ его руки рай въ небесахъ и умалчивая объ арестантскихъ ротахъ на землѣ,—всѣ эти, говорю, ласкательныя и уменьшительныя нисколько не оставятъ васъ въ заблужденіи, уже послѣ первыхъ двухъ дней обмѣна любезностей, съ кѣмъ вы имѣете дѣло.

Нечего и говорить, что, вмѣсто шести комнатъ обѣщанныхъ, мы получили четыре и за пятую приплатили, вмѣсто обѣщанной посуды пришлось покупать свою и т. п.

Зато и Карпо̀, и Акцына, и Марья, и старикъ Кирила, жившій въ сараѣ изъ милости, до нѣкоторой степени олицетворяли собою идиллію глухихъ мѣстъ.

Особенно были хороши и маленькій, пригожій двадцатилѣтній Карпо̀, умный, лукавый и плутоватый подъ видомъ простодушія, и замѣчательно хорошенькая Акцына, восемнадцатилѣтняя дѣвушка съ изящной, точно выточенной фигуркой, стройная, граціозная, съ маленькими красивыми и грязными руками и такими же прелестными и столь же грязными босыми ногами.

И притомъ какое выраженіе глазъ, нѣжное и ангельское, и что̀ за голосъ! Пѣвучій такой, вкрадчивый, ласковый.

Но зато и сколько лукавства и лживости оказалось у этихъ милыхъ молодыхъ хохловъ при болѣе близкомъ знакомствѣ, и какое воистину идиллическое невѣжество.

Разумѣется, слишкомъ легкомысленно по нѣсколькимъ образчикамъ судить обо всѣхъ, но встрѣчавшіеся мнѣ хохлы при ближайшемъ знакомствѣ съ ними въ захолустномъ городкѣ поражали своею косностью. Они, правда, культурнѣе великороссовъ: нравы у нихъ мягче, отношеніе къ женщинѣ лучше, но зато по развитію, такъ сказать, по умственности, куда ниже великороссовъ.

Грамотныхъ я очень мало встрѣчалъ, а весь кругозоръ ихъ недалекъ отъ кругозора дикихъ.

По крайней мѣрѣ ни одинъ изъ знакомыхъ мнѣ хохловъ не зналъ, что есть кромѣ Россіи какія-нибудь другія страны и народы. Французы, англичане, нѣмцы были для нихъ невѣдомыми словами.

Несмотря на дешевизну поросятъ, утокъ и цыплятъ и на обиліе всякой зелени, ѣли мы, конечно, отвратительно, такъ какъ наша красавица Акцына не умѣла готовить, рѣшительно не внимала совѣтамъ и вдобавокъ была лѣнива и грязна.

Но приходилось терпѣть. Ея поклонникъ Карпо̀ былъ опытный дипломатъ и никого не пускалъ къ намъ въ кухарки.

XII.

Чудный вечеръ юга, съ бархатистымъ куполомъ неба, съ котораго ласково мигаютъ звѣзды и томно смотритъ луна, заливая серебристымъ своимъ свѣтомъ и бѣлыя хатки, и тополи, и густую листву садовъ. Что-то дѣйствительно чарующее, волшебное, напоминающее «Ночь на Днѣпрѣ» Куинджи.

Въ эти часы улицы нашего городка оживляются. Разодѣтыя барышни и барыни съ молодыми кавалерами гуляютъ, направляясь къ пароходной пристани. А болѣе солидная интеллигенція ожесточенно дуется въ карты въ общественномъ собраніи.

Въ этотъ чудный вечеръ у насъ въ саду сидитъ гость, туземецъ, и тихимъ, мягкимъ голосомъ, словно бы боясь потревожить тишину этого волшебнаго вечера, какъ Баянъ, разсказываетъ разныя исторіи, которыя казались бы невѣроятными сказками, если-бъ ихъ слушалъ иностранецъ; онѣ показались бы нѣсколько сказочными даже и соотечественнику, если-бъ ихъ разсказывалъ не почтенный старикъ, пользующійся общимъ уваженіемъ, и если-бъ въ этихъ исторіяхъ не звучали тѣ знакомые мотивы сказочнаго характера, которыми вообще отличаются наши воспоминанія.

Старый чиновникъ, всю свою жизнь трусившій всего, чего только можетъ трусить человѣкъ, имѣющій жену и нѣсколько человѣкъ дѣтей

и благополучно дотрепетавшій до чина надворнаго совѣтника и до отставки съ мундиромъ и пенсіономъ, разсказывалъ о тѣхъ временахъ, когда, по удачному выраженію одного изъ нашихъ журналистовъ, «русское самосознаніе окончательно созрѣло, и русскіе поняли, что они первый народъ въ мірѣ».

Онъ разсказывалъ и объ усобицахъ въ этомъ уѣздѣ при начальникѣ, который издалъ руководство, «какъ усмирять быстро бунты, не прибѣгая къ огнестрѣльному оружію», и о томъ, какъ, бывало, взыскивались недоимки, и о томъ, какъ издано было постановленіе мѣстнаго начальства о «непошеніи пейсовъ», и о томъ, какъ сіе постановленіе было прибыточно для болѣе или менѣе находчивыхъ людей, но интереснѣе всего былъ разсказъ его о томъ, какъ однажды его напугалъ одинъ исправникъ въ пьяномъ видѣ, да такъ напугалъ, что бѣда.

— Это было не въ этихъ палестинахъ, а въ другихъ, недалеко отсюда. И былъ тогда у насъ, изволите знать, очень буйственный, если можно такъ выразиться, человѣкъ—исправникъ и самого что ни на есть опрометчиваго характера,—говорилъ низенькимъ своимъ теноркомъ отставной чиновникъ.—Слетѣлъ онъ въ нашъ городокъ внезапно, словно коршунъ. Кто онъ, откуда онъ—никто не зналъ; знали только, что изъ Петербурга, и слухи ходили, будто онъ былъ изъ юнкеровъ, безъ всякаго образованія, что битъ былъ за шуллерство, и подъ бильярдами лазилъ, и въ пьяномъ видѣ за рубль всякую гадость пилъ, словомъ, испыталъ всякія превратности судьбы, но зато былъ человѣкъ самаго рѣшительнаго характера. А въ тѣ далекія времена, изволите знать, рѣшительность была въ большой модѣ, и рѣшительный человѣкъ могъ даже сдѣлать хорошую карьеру. Только не бойся Сената. Сенатъ—Сенатомъ, а тамъ послѣ разберутъ-съ!—засмѣялся разсказчикъ и даже, какъ мнѣ показалось, не безъ нѣкотораго ехидства по адресу Правительствующаго Сената.—Хорошо-съ. Свалился онъ къ намъ и закурилъ, что называется... Сейчасъ же это всѣхъ становыхъ созвалъ и объявилъ, что всякая власть отъ Бога и должна быть сильная, и такъ какъ онъ тоже власть, то слѣдовательно и онъ въ нѣкоторомъ родѣ повелитель, а потому, говоритъ, прошу помнить и принять къ руководству. И мужлановъ, говоритъ, оповѣстите, что я человѣкъ рѣшительный. И дѣйствительно, въ нетрезвомъ видѣ онъ отдавалъ самыя рѣшительныя приказанія. А выпить онъ любилъ и послѣ завтрака находился всегда въ приподнятомъ настроеніи. Панику онъ навелъ на городъ, изволите знать, значительную, особенно на евреевъ, да и другіе его побаивались. Признаюсь, и я боялся.

— А вы-то за что?

— Вообще... Мало ли что могъ выдумать такой человѣкъ по тѣмъ временамъ?.. Однако знакомство водилъ... такъ, визитами мѣнялись. Хорошо-съ. Однажды были его именины. Нельзя было не пойти. Пошелъ, поздравилъ, а у него пиръ горой... весь городъ собрался, и самъ

онъ уже этакъ на второмъ взводѣ. Ну, разумѣется, пришлось остаться на цѣлый день,—не отпускалъ. Всѣ, признаться, перепились, а хозяинъ ужъ совсѣмъ пьяный. Со всѣми цѣлуется и всѣмъ говоритъ, что онъ человѣкъ рѣшительный и крамолы не потерпитъ. И вотъ въ этотъ-то моментъ обращается ко мнѣ и, смѣясь, говоритъ: «А ты, говоритъ, акцизный, либералъ, и меня, кажется, не очень-то одобряешь». Я туда-сюда, отшучиваюсь, а онъ все больше на меня напираетъ. «Либералъ да либералъ!» И вдругъ какъ выпалитъ: «А знаешь, говоритъ, что̀ я съ тобою, Петръ Иванычъ, могу сдѣлать?»—«Не за что», — отвѣчаю.—«Найдемъ!»—говоритъ. И вдругъ какъ крикнетъ громовымъ голосомъ: «Эй, Ивановъ!» Пришелъ городовой. Онъ къ нему: «Слышалъ ты, говоритъ, какъ акцизный надзиратель позволялъ себѣ неодобрительно отзываться о предержащихъ властяхъ?»—«Точно такъ, вашескобродіе!»—гаркнулъ въ отвѣтъ солдатъ. Всѣ хохочутъ, смѣется и исправникъ и велитъ позвать другого городового. Пришелъ. Онъ опять спрашиваетъ: «Ѳедоровъ! Показывай по чистой совѣсти, слышалъ ты, какъ акцизный надзиратель говорилъ о потрясеніи основъ?»—«Точно такъ... Слышалъ, вашескобродіе!»—гаркнулъ въ отвѣтъ и другой городовой. Опять всѣ хохочутъ, а у меня, признаться, и весь хмель прошелъ... А онъ, исправникъ-то, кричитъ: «Ну что̀, говоритъ, небось испугался... Понялъ теперь, что̀ я могу съ тобой сдѣлать?.. Тамъ послѣ доказывай свою невинность, а мѣста-то̀ лишишься...» И опять заливается хохотомъ... Гогочетъ... И всѣ гогочутъ... А я себѣ думаю: какъ бы мнѣ скорѣе уйти... Струсилъ, очень даже струсилъ... Изволите знать: шутка, положимъ, а кто его знаетъ?.. Слишкомъ ужъ человѣкъ-то онъ рѣшительный былъ... И успокоился я только тогда, когда онъ цѣловаться полѣзъ и сказалъ, что очень меня любитъ, хотя я и либералъ. Послѣ этого мы съ нимъ на «ты» выпили... Однако я очень его боялся.

— Да вѣдь онъ шутилъ. Не могъ же онъ въ самомъ дѣлѣ вамъ серьезно напакостить?

— Вы думаете? И какъ еще могъ... Вскорѣ послѣ того онъ одну учительницу просто-таки погубилъ!..—проговорилъ старикъ.— Такъ-таки и погубилъ!.. Понравилась она ему, изволите знать, онъ и начни за ней ухаживать... Но такъ какъ ничего изъ этого не вышло и она его обругала, то онъ въ злости и продѣлалъ съ ней штуку въ родѣ какъ со мной... Только съ ней уже не въ шутку... Да-съ... Вотъ какіе иногда бываютъ рѣшительные люди въ глухихъ мѣстахъ.

— И долго былъ у васъ этотъ негодяй?—спросилъ я.

— Года три, можно сказать, свирѣпствовалъ... Наконецъ его убрали. Ужъ очень онъ много смѣлости показывалъ... Да-съ. Какъ поживешь въ глухихъ мѣстахъ, такъ чего-чего ни насмотришься... Вамъ вотъ, пріѣзжему, все здѣсь кажется идилліей въ нѣкоторомъ родѣ, а пожили бы вы здѣсь, такъ увидали бы, какова эта идиллія!—заключилъ старикъ.

А ночь была прелестная и, казалось, вовсе не соотвѣтствовала такимъ воспоминаніямъ.

Въ концѣ августа мы уѣхали изъ нашей «дыры», далеко не удовлетворенные тою «идилліей», которую такъ настойчиво искали въ глухихъ мѣстахъ.

Да и гдѣ найдешь ее по нынѣшнимъ временамъ.

XIII.

Давнымъ-давно извѣстно, что русскій человѣкъ, не достигшій еще генеральскаго чина, существо весьма робкое, особенно въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ есть всегда городовые, и въ разныхъ учрежденіяхъ, гдѣ сидятъ люди въ формѣ.

Подобную робость вы можете видѣть и на почтѣ, и въ государственномъ банкѣ, и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, и въ разныхъ канцеляріяхъ. Каждый хорошо знаетъ, что какой-нибудь банковскій, почтовый или иной чиновникъ, при желаніи, можетъ измотать ваши нервы въ конецъ, продержавъ васъ долгія томительныя минуты въ ожиданіи справки или придравшись къ неясно написанной будто бы телеграммѣ или просто къ кляксѣ на заказномъ письмѣ. Я не преувеличиваю. Такой случаѣ былъ и недавно въ одномъ почтовомъ петербургскомъ отдѣленіи,—я не назову, конечно, какомъ, чтобы не вызвать непріятностей на голову не по разуму усердной и довольно безтолковой дамы-чиновницы. Вѣроятно, ее образумятъ и безъ меня. Она дѣйствительно не приняла у одной скромной дамы заказного письма въ виду того, что на немъ была клякса, и дама покорно исполнила желаніе почтовой чиновницы, выйдя переписывать адресъ. А клякса-то была маленькая и не мѣшала разобрать адреса, но чиновница была большая... прихотница, выражаясь деликатно, и привыкла въ публикѣ видѣть въ нѣкоторомъ родѣ своихъ подначальныхъ.

И сама публика считаетъ себя въ родѣ крѣпостныхъ того самаго агента, съ которымъ въ данную минуту имѣетъ дѣло и который можетъ ее огорчить или обрадовать, глядя по состоянію его пищеваренія или тѣсноты сапога при мозоляхъ,—и глядитъ на агента умоляющими глазами: дескать, отпусти, Христа ради, скорѣй,—и невыразимо счастлива, если ее не обругаютъ, а вѣжливо спросятъ: «что̀ угодно?»—если не заставятъ томиться въ ожиданіи справки или если скоро исполнятъ то дѣло, ради котораго къ чиновнику пришли.

Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ, давно установившихся отношеній, всякій протестъ или даже просто голосъ, не имѣющій въ себѣ ничего просительнаго, огорошиваетъ чиновника и заставляетъ его думать, что вы по меньшей мѣрѣ генералъ. И чѣмъ внушительнѣе вы говорите, да если притомъ не особенно стѣсняясь въ выраженіяхъ, тѣмъ болѣе мелкій правительственный агентъ приметъ васъ за генерала да еще важнаго, и можетъ самъ изъ «генерала» преобразиться въ мелюзгу.

Подобный пріемъ употребилъ одинъ случайный нашъ спутникъ изъ Кіева, когда въ Курскѣ, гдѣ была пересадка, не оказалось въ вагонѣ второго класса мѣстъ. Тамъ шла драка, буквально драка, между носильщиками изъ-за мѣстъ, и попытка проникнуть туда и занять мѣста могла грозить большими непріятностями. Когда же драка окончилась, всѣ мѣста были заняты, и наша семья, состоящая изъ пяти душъ, вмѣстѣ съ спутникомъ и грудой багажа, представляла собою ошалѣлыхъ пассажировъ, внезапно очутившихся на необитаемомъ островѣ.

Никакія просьбы, обращенныя къ оберъ-кондуктору, не помогали. Онъ пожималъ плечами, обѣщалъ устроить и исчезалъ.

А между тѣмъ ужъ пробилъ второй звонокъ.

— Подождите... Я устрою. У насъ будутъ отличныя мѣста!—вдругъ воскликнулъ спутникъ, внезапно озаренный какою-то мыслью.

И вслѣдъ за этими словами крикнулъ во всю силу своихъ здоровыхъ легкихъ:

— Гдѣ начальникъ станціи? Послать сюда начальника станціи!

Этотъ внушительный окрикъ произвелъ свое дѣйствіе. Не прошло и минуты, какъ подошелъ начальникъ станціи, и нашъ спутникъ—кстати сказать, плотный господинъ среднихъ лѣтъ и съ такимъ брюшкомъ, что по наружности его можно было принять даже за важнаго генерала—съ мѣста въ карьеръ обрушился на него и притомъ въ самомъ дѣлѣ сталъ кричать какъ настоящій генералъ:

— Это чортъ знаетъ что у васъ дѣлается... безобразіе-съ!.. Мѣстъ нѣтъ, и никто не желаетъ насъ посадить. Полюбуйтесь... Насъ шесть человѣкъ... Не угодно ли насъ немедленно посадить,. а не то я немедленно буду телеграфировать князю Хилкову... Это наконецъ невозможно!

Начальникъ станціи засуетился и самъ сталъ обходить вагоны. Оказалось, что и въ I классѣ все было полно.

— Что же, будутъ мѣста?—не унимался нашъ спутникъ.

— Вы видите сами, что ихъ нѣтъ.

— Прикажите прицѣпить вагонъ! Кто у васъ управляющій дорогой?.. Я о немъ сообщу князю Хилкову при свиданіи.

— Сейчасъ прицѣпятъ вагонъ, не извольте безпокоиться!—почти докладывалъ начальникъ станціи, приложивъ руку къ козырьку.

— Ну, то-то. Благодарю васъ. Вы избавили меня отъ непріятности жаловаться министру... Лишній вагонъ необходимъ!.. Давно слѣдовало бы его прицѣпить!

— Я полагалъ, что будутъ мѣста.

— Вы полагали, а между тѣмъ... Имѣю честь кланяться!.. Пойдемте, господа!

И нашъ спутникъ, позвавъ насъ, милостиво протянулъ руку начальнику станціи, который почтительно пожалъ ее, вѣроятно, и до сихъ поръ думая, что жалъ руку какого-нибудь вліятельнаго петер-

бургскаго чиновника, а не скромнаго помощника булгалтера въ какомъ-то частномъ управленіи, какимъ въ дѣйствительности былъ находчивый нашъ спутникъ.

Когда мы сидѣли въ пустомъ почти вагонѣ, я спросилъ:

— Вы дѣйствительно знакомы съ министромъ?

— Такъ же, какъ и съ абессинскимъ негусомъ! — разсмѣялся спутникъ.

— Однако вы хорошо разыграли генерала.

— Я всегда прибѣгаю къ такимъ пріемамъ. Иначе вѣдь у насъ ничего не добьешься... Только и слушаютъ тѣхъ, кто прикрикнетъ. Такая ужъ россійская привычка!.. Недавно вотъ тоже ѣхалъ я на Кавказъ и тоже добился мѣста для одного семейства... Тоже накричалъ, да еще какъ! А когда спросили мою фамилію, я назвался графомъ Монте-Кристо!—смѣялся самозванецъ.

— И что̀ же?

— Понятно что̀... внушилъ къ своей особѣ большое почтеніе. Кондукторы сіятельствомъ называли.

Спасибо «графу Монте-Кристо»,—мы ночью выспались и доѣхали до Москвы превосходно, пользуясь особеннымъ покровительствомъ оберъ-кондуктора, который нѣсколько разъ освѣдомлялся: хорошо ли намъ.

О, если-бъ онъ зналъ, кто такой этотъ «графъ Монте-Кристо»!

Мултановское дѣло.—Опросы женщинъ.

I.

Благодаря В. Г. Короленкѣ и двумъ провинціальнымъ журналистамъ (гг. Баранову и Суходѣеву), публика могла познакомиться съ судебнымъ разбирательствомъ по обвиненію нѣсколькихъ вотяковъ с. Мултанова (Вятской губ.) въ убійствѣ человѣка съ цѣлью жертвоприношенія. Засѣданіе отдѣленія Вятскаго окружнаго суда происходило въ г. Елабугѣ, и, вѣроятно, то, что̀ происходило на судѣ, оставалось бы неизвѣстнымъ, если бы гг. Короленко, Барановъ и Суходѣевъ не отправились нарочно въ городъ Елабугу для присутствованія въ судѣ и втроемъ не составили судебнаго отчета, который затѣмъ напечатанъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Дѣло это слушалось во второй разъ, такъ какъ первый приговоръ былъ кассированъ Сенатомъ и представляетъ собой дѣйствительно нѣчто ужасающее, и не потому только, что въ концѣ девятнадцатаго вѣка въ Россіи могло явиться обвиненіе въ такомъ изувѣрствѣ, но главнымъ образомъ потому, что въ концѣ девятнадцатаго вѣка могутъ практиковаться пріемы инквизиціи при производствахъ дознанія, и

гласный милостивый судъ можетъ въ лицѣ нѣкоторыхъ его представителей обратиться воистину въ Шемякинъ судъ, какъ читатель убѣдится ниже.

Прочитавъ весь отчетъ, я вынесъ изъ него убѣжденіе, что люди, которыхъ обвинили, невинны во взведенномъ на нихъ преступленіи, но тѣмъ не менѣе я никакъ не могу раздѣлить мнѣніе г. Короленка, что на рубежѣ XX вѣка такіе ужасающіе факты изувѣрства невозможны, что рядомъ съ христіанскимъ храмомъ (убійство было совершено рядомъ съ храмомъ) не совершаются уже человѣческія жертвоприношенія

Къ сожалѣнію, въ Россіи это возможно, благодаря намъ же самимъ, то-есть благодаря тому, что до сихъ поръ большинство русскаго народа находится въ глубочайшей тьмѣ невѣжества и въ полунищенскомъ состояніи, хотя порой объ его экономическомъ благосостояніи и провозглашаютъ люди, забывшіе недавній еще голодъ, казалось бы, ничего не имѣющій общаго съ экономическимъ благосостояніемъ. Къ сожалѣнію, говорю, факты русской жизни не позволяютъ стать на нѣсколько сентиментальную точку зрѣнія невозможности въ нашемъ отечествѣ чего-либо самаго, казалось бы, невѣроятнаго и не въ одной только сферѣ невѣжества и изувѣрства. Еще совсѣмъ недавно, въ Москвѣ, у самой часовни, гдѣ находится чудотворный образъ св. Пантелеймона, чуть-было не совершилось человѣческаго жертвоприношенія, чуть-было не убили женщину, принятую за вѣдьму. Еще недавно тоже разбиралось въ одномъ изъ окружныхъ судовъ дѣло объ убійствѣ матери сыномъ и его женой въ виду того, что мать была принята за вѣдьму, околдовавшую молодую истеричную женщину, и эта женщина заявила, что она испорчена именно свекровью. И все это было продѣлано по всѣмъ правиламъ добросовѣстно-невѣжественныхъ людей. «Вѣдьму» сперва просили снять порчу, но когда она этого не сдѣлала, ее убили. Судъ строго покаралъ виновниковъ, но уменьшится ли отъ подобныхъ приговоровъ убійство «вѣдьмъ»—въ этомъ позволительно сомнѣваться.

Возвращаясь къ судебному разбирательству по мултановскому дѣлу, приходится, говорю, несравненно болѣе изумляться дѣйствіямъ полицейской и судебной власти: судебнаго слѣдователя, товарища прокурора и предсѣдателя суда, чѣмъ всякому изувѣрству. Изувѣрство—дѣло невѣжества, а вѣдь судебные чины—интеллигентные люди. Я не стану говорить, какъ грубо, беззаконно, какъ халатно велось все это дѣло, вѣроятно, потому только, что подсудимые были темные, плохо говорящіе по-русски вотяки, и съ ними можно было не церемониться, а предоставлю лучше слово г. оберъ-прокурору кассаціоннаго департамента Сената А. Ѳ. Кони, который съ обычнымъ своимъ талантомъ произнесъ, по словамъ «Юридической Газеты», блестящую рѣчь по этому дѣлу, вслѣдствіе кассаціонной жалобы, принесенной защитникомъ.

«Главный грѣхъ производства по этому дѣлу,—говорилъ, между прочимъ, оберъ-прокуроръ:—состоитъ въ забвеніи судомъ его основной черты—его широкаго бытового значенія—и въ разнообразныхъ помѣхахъ, которыя ставились поэтому его всестороннему изслѣдованію и освѣщенію. Судъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ дискреціонной власти, не можетъ избрать девизомъ своей дѣятельности: sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas, и отношенія его къ сторонамъ и ихъ ходатайствамъ не могутъ опредѣляться произволомъ или капризомъ».

Много весьма нелестныхъ указаній на многочисленные «грѣхи» суда сдѣлано въ рѣчи А. Ѳ. Кони. Оказывается, что судъ и не умѣлъ толковать «основного закона», и забылъ основной законъ, запрещающій судамъ «обманчивое непостоянство и самопроизвольныя толкованія», и дѣйствовалъ противозаконно, отказывая защитѣ и въ отсрочкѣ засѣданія и въ вызовѣ новыхъ свидѣтелей. Я не стану цитировать всѣхъ этихъ указаній, но обращу вниманіе только на слѣдующее указаніе оберъ-прокурора, которое весьма характерно для гг. судей, ведшихъ мултановское дѣло:

«Судъ,—говорилъ оберъ-прокуроръ:—удерживаетъ защитника отъ допроса свидѣтеля, станового пристава Шмелева, объ его *оригинальныхъ* дѣйствіяхъ по производству вторичнаго полицейскаго дознанія, находя, что свидѣтель не обязанъ отвѣчать на вопросы, могущіе привести къ уличенію его въ преступленіяхъ по должности. Но дѣятельность пристава Шмелева по производству дознанія есть дѣятельность должностная, публичная, и квалификація ея въ качествѣ преступной или непреступной принадлежитъ не самому должностному лицу, а его начальству. Поэтому судъ не въ правѣ былъ устранять вопросы о грубыхъ, жестокихъ или самоуправныхъ дѣйствіяхъ, доставившихъ канву для всего послѣдующаго производства, на томъ только основаніи, что разоблаченіе этой грубости, жестокости или самоуправства можетъ открыть составъ какого-нибудь уголовнаго дѣла».

Въ заключеніе своей рѣчи, г. оберъ-прокуроръ, по словамъ «Юридической Газеты», не оставилъ безъ указаній и того, «что кассаціонная жалоба прибыла въ Сенатъ въ сопровожденіи цѣлаго ряда «объясненій», присланныхъ какъ судомъ въ полномъ составѣ, такъ и отдѣльными членами. Между прочимъ, одинъ изъ товарищей предсѣдателя вятскаго окружнаго суда въ отдѣльномъ объясненіи излагаетъ свой взглядъ на дѣло, выпесенный имъ изъ разбирательства по существу,—взглядъ, безусловно неблагопріятный для подсудимыхъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлится съ Сенатомъ драгоцѣнными свѣдѣніями о томъ, что кассаціонное обжалованіе есть затѣя не обвиненныхъ, людей темныхъ, готовыхъ, дескать, покориться своей участи, а ихъ защитника и нѣсколькихъ «газетныхъ корреспондентовъ», и не менѣе драгоцѣнною догадкой, что если названный защитникъ и корреспонденты

добьются кассаціонной отмѣны приговора, то они впослѣдствіи добьются и оправданія подсудимыхъ, вырвутъ оправдательный приговоръ и у присяжныхъ засѣдателей. Оберъ-прокуроръ счелъ своею обязанностью отмѣтить и осудить это стремленіе насильно вовлечь Сенатъ въ «существо дѣла», то-есть въ тину провинціальной сплетни, какъ не соотвѣтствующее «ни достоинству писавшаго, ни высотѣ того мѣста, куда онъ обращался».

Нечего и прибавлять, что приговоръ суда былъ отмѣненъ Сенатомъ и суду объявленъ выговоръ.

Если таковыми оказались на порогѣ XX вѣка нѣкоторые представители судебной власти, если товарищъ предсѣдателя суда, гласность котораго составляетъ одно изъ необходимѣйшихъ его условій, дѣлится такими дѣйствительно «драгоцѣнными» свѣдѣніями и жалуется на газетныхъ корреспондентовъ, то мудрено ли, что полицейскія власти, производившія дознаніе, по выраженію г. оберъ-прокурора, производили «оригинальныя» дѣйствія.

Эта «оригинальность», по показаніямъ на судѣ и подсудимыхъ и свидѣтелей, даже со стороны обвиненія, заключалась въ томъ, что для вынужденія необходимыхъ показаній полицейская власть прибѣгала къ пыткамъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Мудрено ли, что на мѣстѣ ни для кого не было секретомъ, что главные свидѣтели обвиненія давали свои показанія противъ подсудимыхъ за обѣщаніе оставить безъ наказанія уголовныя дѣянія этихъ свидѣтелей. Вотяки-подсудимые говорили о подвѣшиваніи ихъ на жерди для полученія сознанія. Такой случай уже раньше былъ, и виновные въ этомъ слободскіе полицейскіе осуждены.

По словамъ «Нижегородскаго Листка», «свидѣтель Константинъ Моисеевъ давалъ свои показанія подъ кнутомъ; у свидѣтеля Михаила Титова показанія были вынуждены побоями, подвѣшиваніемъ, стрѣляніемъ изъ ружья... Становой приставъ Шмелевъ нѣкоторыхъ вотяковъ морилъ безъ питья, чтобы вынудить у нихъ нужныя ему показанія. Тотъ же г. Шмелевъ прибѣгалъ на дознаніи къ «медвѣжьей присягѣ», пользуясь суевѣріями темныхъ людей. Медвѣжье чучело для этого языческаго обряда любезно было доставлено къ услугамъ пристава мѣстнымъ земскимъ начальникомъ»

Судебному слѣдователю жаловались на пристава, но онъ приказалъ жалобщику молчать. Весь уѣздъ зналъ, по словамъ корреспондента, про эти пытки, одинъ только г. товарищъ прокурора Раевскій не зналъ и на судѣ объявилъ, во что бы то ни стало желая, вѣроятно, поддержать прежнее свое обвиненіе по тому же дѣлу, ужъ раньше кассированному Сенатомъ.

Каковы полицейскіе чины и вообще составъ чиновниковъ въ Вятской губерніи, видно, по словамъ мѣстныхъ корреспонденцій, изъ того, какъ трудно губернатору г. Трепову бороться съ нравами гг. по-

лицейскихъ чиновъ. И не мудрено, что трудно бороться, и, надо думать, не съ одними только полицейскими нравами, такъ какъ интеллектуальный уровень служащихъ въ Вятской губерніи очень низокъ. По словамъ вятскаго корреспондента «Новаго Времени», вотъ какимъ персоналомъ административныхъ служащихъ обладаетъ Вятская губернія:

«Въ канцеляріи губернатора нѣтъ ни одного лица съ высшимъ образованіемъ, въ губернскомъ правленіи—одно, всѣ остальные или не доучились въ мѣстной семинаріи, или просто «домашняго воспитанія». Изъ числа одиннадцати предсѣдателей уѣздныхъ съѣздовъ (должности V класса)—двое университетскихъ, двое бывшихъ лѣсничихъ, пять человѣкъ съ образованіемъ семинарскимъ или гимназическимъ (не всѣ даже кончили курсъ) и двое съ низшимъ образованіемъ—оба бывшіе полицейскіе чиновники. 70% земскихъ начальниковъ не получили высшаго образованія, а 25% не имѣютъ и средняго; есть земскіе начальники и безъ всякаго учебнаго диплома. Непремѣнный членъ губернскаго присутствія окончилъ курсъ уѣзднаго училища; бывшій вице-губернаторъ Д.—тоже. О полицейскихъ чиновникахъ и говорить нечего: среди нихъ на всю губернію насчитывается трое съ среднимъ образованіемъ (гимназія или семинарія), остальные не получили никакого образованія, а есть много лицъ, просто выслужившихся изъ нижнихъ чиновъ—урядниковъ, почтальоновъ и т. п.».

«Вотъ и извольте управлять губерніей съ такимъ административнымъ составомъ!»—восклицаетъ корреспондентъ, забывая прибавить, каково, въ свою очередь, и населенію имѣть дѣло съ подобными чиновниками, одинъ изъ представителей которыхъ, г. Шмелевъ, кнутомъ добывающій показанія, конечно, не «уродъ въ семьѣ».

Въ концѣ концовъ нельзя снова не повторить, что все это мултановское дѣло, подробнымъ знакомствомъ съ которымъ публика обязана главнымъ образомъ В. Г. Короленкѣ, заставляетъ ужасаться не одному тому, что въ Россіи могутъ обвинять (справедливо или нѣтъ) въ страшномъ изувѣрствѣ, а, пожалуй, еще больше тому, что у насъ, на рубежѣ XX вѣка, возможны еще пытки, забытыя въ Европѣ со временъ среднихъ вѣковъ, что возможны еще гг. Шмелевы, отъ которыхъ однако зависятъ сотни тысячъ людей, и такіе гг. судьи, слѣдователи и прокуроры, какіе немыслимы были въ первую половину судебной реформы и какіе въ такой неприглядной шемякинской наготѣ явились передъ глазами публики въ послѣднее время.

Вотъ это дѣйствительно страшное оскорбленіе русскому обществу.

II.

Съ легкой руки иностранныхъ журналистовъ, интервьюирующихъ не только гг. министровъ, отъ которыхъ узнаютъ тѣ или другія мнѣ-

нія насчетъ различныхъ политическихъ вопросовъ, но и разныхъ другихъ выдающихся лицъ, и наши репортеры въ погонѣ за «новыми путями» занялись въ послѣднее время отобраніемъ мнѣній по разнымъ вопросамъ у разныхъ лицъ.

Ну, разумѣется, къ нашимъ государственнымъ людямъ гг. репортеры не обращаются, вѣроятно, за обремененіемъ ихъ занятіями и вслѣдствіе боязни привести въ изумленіе сановниковъ такою безумною мечтой и быть любезно выпровоженными, оставшись безъ отвѣта даже и на вопросъ о современной любви.

Въ виду этого остается обращаться, такъ сказать, къ партикулярнымъ лицамъ и по вопросамъ болѣе или менѣе общезанимательнаго характера. Недавно еще обращались къ писателямъ за письменными мнѣніями о современной любви, результатомъ чего была книга, довольно, впрочемъ, плохая, а на-дняхъ репортеры придумали допросить женщинъ различныхъ профессій, начиная отъ писательницъ, издательницъ, артистокъ, врачей и кончая цыганкой Д. А. Масальской.

Вопросы, предложенные репортерами, были такіе: 1) кто виноватъ въ семейныхъ раздорахъ, мужчина или женщина? 2) существуетъ ли чистая любовь, какъ у Ромео и Юліи? и 3) какъ вы смотрите на измѣну, дружбу и ревность?

Репортеры объѣхали двадцать двухъ женщинъ и напечатали ихъ мнѣнія въ «Петербургскомъ Листкѣ».

Надо сознаться, что почти всѣ отвѣты шаблонны и однообразны и едва ли правдивы, особенно по вопросу о ревности, такъ какъ бо̀льшая часть допрошенныхъ женщинъ отвѣчала, что не понимаетъ ревности и не ревнуетъ. Одна только цыганка Д. А. Масальская добросовѣстно отвѣтила: «Я бы страдала, если-бъ мужъ не ревновалъ меня». Зато г-жа Гиппіусъ прямо отреклась отъ своего женскаго званія и отвѣтила репортеру, что «она не женщина и считаетъ себя выше этого сословія», вѣроятно, потому считаетъ, что занимается декадентскимъ сочинительствомъ.

Дабы меня не заподозрѣли въ женоненавистничествѣ, я благоразумно умолчу о женскихъ отвѣтахъ на предложенные вопросы,—до того они, выражаясь деликатно, незначительны и пошловаты. Позволю остановиться только на отвѣтѣ женщины-врача, г-жи Волковой, и не потому, что отвѣтъ ея сколько-нибудь выдается среди другихъ отвѣтовъ оригинальностью или умомъ, а единственно потому, что онъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ плохо знакома г-жа Волкова съ элементарною этикой, обязательной для врача.

Вотъ это-то и слѣдуетъ быть отмѣчено, тѣмъ болѣе, что наше общество привыкло считать—и совершенно основательно—женщинъ-врачей понимающими свои обязанности и безупречными со стороны тонкаго пониманія врачебной этики, а «разудалость» г-жи Волковой можетъ подать поводъ къ непріятнымъ обобщеніямъ и, пожалуй, заста-

вить предположить, что эта дама—не единственная въ своемъ родѣ докторесса.

Объявивъ, что она ежедневно видитъ массу женщинъ (подумаешь, какая грандіозная практика у г-жи Волковой, если только эта «масса» не есть плодъ пылкаго воображенія или реклама),—г-жа Волкова объявляетъ репортеру:

«Вы удивитесь, если я вамъ скажу, что пятьдесятъ процентовъ изъ моихъ посѣтительницъ ненормальны въ психическомъ, а главное—въ нравственномъ отношеніи. Всѣ онѣ говорятъ самыя ужасныя вещи, выражаютъ такіе взгляды, что прямо удивляешься, а имъ, этимъ женщинамъ, кажется, что все, что онѣ говорятъ, нормально и естественно. Подобныя женщины, становясь женами и матерями, вносятъ въ семью свою эту безшабашность, которая такъ поражаетъ здороваго человѣка».

Затѣмъ г-жа Волкова объявила, что, по ея мнѣнію, чистая любовь—рѣдкое исключеніе, и что чувство дружбы возможно. Если-бъ дружбы не было, то, по словамъ г-жи Волковой, ничего другого не оставалось бы, какъ погибнуть.

Благодарите, госпожи паціентки, г-жу Волкову за ея любезное сообщеніе о васъ г. репортеру и попросите ее сообщить вамъ, въ числѣ ли вы пятидесяти процентовъ или нѣтъ?

Ахъ, г-жа Волкова! Мало имѣть докторскій значокъ,—надо еще имѣть немного сообразительности и этическаго такта, а то, того и гляди, масса паціентокъ отъ васъ улизнетъ.

Что тогда вы скажете репортеру о «дружбѣ»?

Оглавленіе

VII тома.

Картинки общественной жизни.

стр.

1877 г.

Макаръ Ивановичъ 4
Вчерашніе дни 35
Паденіе Плевны и дѣло Гартунга 63

1878 г.

Берлинскій трактатъ. — Добровольный флотъ. — Экскурсія въ провинцію 76

1879 г.

Миръ. 101
Дѣло Юханцева 120
«Жиды» 131
Ошалѣвшій читатель и доносы. 137
Штундисты. — Одиссея погонцевъ. — Воззваніе графа Сологуба.— Чрезвычайное собраніе ландлордовъ 153
Современные Гарунъ-аль-Рашиды. — Подрядныя дѣла на Кавказѣ.—Тайны подрядчиковъ.—«Шалости» полиціи 177

1880 г.

«Новая эра» 207
Сонъ въ зимній вечеръ 225
Пушкинскій юбилей 236

1881 г.

«Жидъ», «Ландлордъ» и «Золотая ручка». 250
Гады, пожирающіе самихъ себя. 259
Зимній сонъ до обѣда. 263
«Парламентъ» и урядникъ 278
Торжество реакціонной печати. — Интендантское дѣло. — Юбилей Н. И. Пирогова 284
Въ сумасшедшемъ домѣ 312
Поѣздка въ Москву.—Новѣйшій Хлестаковъ. 327

стр.

1882 г.

Настроеніе. 375
Любопытная исповѣдь. 387
Дѣло Буша. 407
Злобы дня и Рыковскій крахъ. 427

1883—1895 гг.

Хищенія. 438
Недоставленныя письма 449
Смерть Тургенева 462
Изъ дневника неунывающаго россіянина 474
Къ нѣмцамъ 491
Времена «Іудушекъ 508

1896 г.

Идиллія. 526
Мултановское дѣло.—Опросы женщинъ 567

PG
3470
S75
1906
t.7

Staniukovich, Konstantin
Mikhaĭlovich
Polnoe sobranie sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY